

Гокон О.А.
ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ПЕРСИДСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ БРИГАДЫ
(1878–1895 гг.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ.....	5
Введение в проблему.....	5
Российское и Иранское государства: общее и особенное.....	15
Историография, источники и методика исследования.....	31
Терминология исследования.....	53
ГЛАВА 1. РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ И ИРАН В 1830-Х – 1870-Х ГГ.....	67
1.1. Русско-иранские отношения в военной сфере в 1830–1840-е гг.....	67
1.2. Миссия А.С. Санковского.....	78
1.3. Русско-иранские отношения в 1850-х – середине 1870-х гг.....	88
1.4. Миссия В.А. Франкини в Иран.....	99
ГЛАВА 2 СОЗДАНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ПКБ (1878–1882 ГГ.).....	145
2.1. Причины создания ПКБ.....	145
2.2. Первая поездка А.И. Домонтовича. Подписание контракта на обучение части персидской кавалерии.....	155
2.3. Начало деятельности русских инструкторов в Иране.....	174
2.4. Создание второго полка и формирование бригады.....	191
2.5. Проблемы и итоги деятельности русской военной миссии в Иране.....	218
ГЛАВА 3. РАЗВИТИЕ ПКБ ПРИ П.В. ЧАРКОВСКОМ (1882–1885 ГГ.).....	237
3.1. Изменения в высшем руководстве России в начале 1880-х гг. и их влияние на внешнюю политику империи относительно Ирана.....	237
3.2. Назначение нового Заведующего.....	251
3.3. Преобразования второго главы инструкторской миссии.....	258
3.4. Проблемы в функционировании русской военной миссии.....	276
3.5. Результаты деятельности П.В. Чарковского.....	289
ГЛАВА 4. РУССКАЯ ВОЕННАЯ МИССИЯ В ПЕРСИИ ПОД РУКОВОДСТВОМ Н.Д. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА (1886–1889 ГГ.).....	297

4.1. Третий Заведующий: путь к должности.....	297
4.2. Российская и британская политика в Иране в 1880-х гг.....	324
4.3. Деятельность Н.Д. Кузьмина-Караваева на посту Заведующего.....	366
4.4. Дело об отзыве Н.Д. Кузьмина-Караваева.....	296
ГЛАВА 5. ПЕРСИДСКАЯ КАЗАЧЬЯ БРИГАДА В 1890–1893 ГГ.....	416
5.1. Персидская политика Российской империи в начале 1890-х гг. и позиция иранских властей.....	416
5.2. Нарастание кризисных явлений в ПКБ.....	448
5.3. Кризис второй половины 1892 г. и отзыв Н.Я. Шнеура.....	478
ГЛАВА 6. ПКБ НА ПЕРЕЛОМЕ. «ДЕЛО БЕЛЬГАРДА».....	506
6.1. «Экономический поворот» во внешней политике Российской империи относительно Востока и Ирана.....	506
6.2. ПКБ под руководством В.К. Бельгарда.....	547
6.3. Назначение в Иран В.А. Косоговского.....	566
6.4. Начало бригадного кризиса 1894–1895 гг.....	591
ГЛАВА 7. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.А. КОСОГОВСКОГО И ИЗМЕНЕНИЕ СТАТУСА ПКБ.....	648
7.1. Иран во внешней политике России в начале царствования Николая II.....	648
7.2. Новый виток кризиса и изменение статуса русской военной миссии.....	673
7.3. Вместо вывода: результаты деятельности В.А. Косоговского.....	698
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	718
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.....	730
Источники.....	730
Литература.....	756
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	818

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ.....	853
ИЛЛЮСТРАЦИИ.....	858

ВСТУПЛЕНИЕ

Введение в проблему

На протяжении длительного времени зона Центральной и Западной Азии оставалась местом столкновения интересов и прямого контакта трёх крупных государств – Османской империи, России и Персии¹ (так в XIX – первой трети XX вв. в Европе называли Иран²). Постоянные войны между ними за первенство в регионе требовали, кроме всего прочего, наличия многочисленных и боеспособных армий. Вплоть до XX в. фактор военной силы оставался решающим в этом противостоянии. И если Россия со временем превратилась в мощное государство, то влияние Османской империи и Персии постепенно снижалось, и в конце концов они стали полуколониями европейских стран. Особенно ярко этот упадок происходил в Персии. Будучи одной из великих держав Азии на заре Нового времени, она к началу XIX ст. катастрофически быстро теряет свой статус. Не вдаваясь глубоко в причины указанного упадка, следует отметить, что они крылись в мировоззренческой и социально-экономической плоскостях. Ярким проявлением социально-экономических и политических процессов, которые происходили в стране, а также менталитета её населения стало положение армии. Оставаясь традиционной по своей сути, то есть основанной на родоплеменных и патронажных связях, без чёткой структуры, законодательной базы, унифицированного вооружения и т. п., она значительно уступала европейским войскам и даже османской армии, модернизируемой по европейскому образцу. Об этом свидетельствовали войны первой половины XIX ст.

¹ Цинская империя оставлена нами за пределами внимания, так как прямых противоречий между ней и Турцией с Ираном не было, а с Россией были только в северо-восточной части Центральной Азии. Также не учитываются нами европейские державы, пытавшиеся опосредованно влиять на отношения в указанном «треугольнике». Только в XIX в. в эту комбинацию вклинивается Великобритания, после чего противостояние фактически трансформируется в противоборство Великобритании и России.

² Под Ираном мы будем понимать государство конца XVIII – начала XX вв. Существует более расширенное толкование Ирана, как страны ариев, иранского мира – «Арьянам-вайджа, т.е. “Арийского простора”, говоря словами «Авесты», или Эраншахра, если употребить более поздний термин Сасанидской эпохи. Восточная часть этого “простора” включала почти всю территорию нынешней Средней Азии и Афганистана вплоть до Индии. Разделительной линией между востоком и западом иранского мира служила пустынная полоса Дашт-и-Кавир и Дашт-и-Лут, простирающаяся от Каспийских ворот вблизи Семнана на севере до Белуджистана на юге» [Асатрян Г.С. Этническая композиция Ирана: От «Арийского простора» до Азербайджанского мифа. Ереван: Кавказский центр иранистики. 2012. С. 13; Бартольд В.В. Историко-географический обзор Ирана // Работы по исторической географии и истории Ирана. М.: Восточная литература, 2003. С. 31–228].

Проблема переноса военных традиций, европеизации или модернизации армий Востока в последнее время часто привлекает внимание исследователей³. Не вызывает сомнения тезис о том, что восточные правители, видя успехи европейских армий, или же модернизированных по европейскому образцу армий своих соседей, также стремились обновить собственные вооружённые силы, нередко приглашая для этого европейских военных инструкторов или советников. Создание регулярных вооружённых сил⁴, которые зависели от центрального правительства, имело место в

³ Cronin S. Importing Modernity: European Military Missions to Qajar Iran // *Comparative Studies in Society and History*. 2008. Vol. 50. Is. 1. P. 197–226; Roy K. *Military Transition in Early Modern Asia, 1400–1750: Cavalry, Guns, Government and Ships*. Las Vegas: Published by Bloomsbury Academic, 2015. 288 p.

⁴ Регулярная армия (в России во второй половине XIX в. называлась также «постоянной», «правильной» – от лат. «regularis» «имеющий силу правила», «regula» – «норма, критерий, правило»), т. е. армия организованная на основе правил – формируется в Европе и отдельных государствах Азии в начале Нового времени. Её отличительными чертами были наличие чёткой организации; уставов, на которых она базировалась, по которым обучалась и которые должны были чётко соблюдаться; единообразие вооружения и обмундирования; наличие подготовленного офицерского и унтер-офицерского корпусов; жесткая вертикаль командной иерархии и управления; постоянное нахождение на службе и систематическое обучение; всеобщий (т.е. вне зависимости от племенных, родовых, феодальных и пр. начал) принцип комплектования. Этот тип армии вырос из постоянных армий различных правителей традиционного общества, в основе которых лежал, как правило, принцип отказа от феодально-племенного комплектования. «Регулярные войска, – писалось в российской военной энциклопедии 1880-х гг., имеют правильную военную организацию и получают основательное военное обучение»; здесь отмечалось также, что войска эти находились на службе круглый год, обеспечивались довольствием от казны. «В настоящее время, – писал автор статьи, полковник ГШ Александр Фёдорович Редигер, – регулярными называются у нас все постоянные войска, пополняемые на основании Устава о воинской повинности» [Энциклопедия военных и морских наук. СПб.: Тип. В. Безобразова и К, 1893. Т. 6. С. 286]. Как правило, регулярные армии создавались центральной властью с целью противопоставить их феодальным ополчениям или войскам других претендентов на власть сначала внутри страны, а затем и за её пределами. Создание регулярных вооружённых сил, которые зависели от центрального правительства, имело место в Персии Нового времени при Аббасе I (Иранский правитель – шаханшах из династии Сефевидов, который правил в 1587–1629 гг., провёл серию реформ. При его правлении государство достигло наивысшего могущества. Про военные реформы Аббаса I и Надир-шаха Афшара (Правитель Ирана в 1736–1747 г.) см.: [Арунова М.Р., Ашрафян К.З. *Государство Надир-шаха Афшара*. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. С. 129–139; Бабаев К. *Военная реформа шаха Аббаса I (1587–1629)* // *Вестник Московского университета. Серия История*. 1973. № 1. С. 21–30; Axworthy M. *The Army of Nader Shah* // *Iranian Studies*. 2007. Vol. 40. № 5. P. 635–646]. Однако впоследствии (как правило, после смерти реформатора) регулярные части медленно приходили в упадок, поскольку следующие правители не обнаруживали заинтересованность в их качественном развитии (усовершенствовании оружия, организации и т. п.). Своего рода «осколками» указанных реформ были сохранившиеся до XIX в. ополченцы-мушкетёры – шамхалчи, джезаерчи и туфенкджи. В начале XIX в. наследником престола Аббас-мирзой при помощи французских, а затем английских военных инструкторов удалось создать новую регулярную армию [Алиханов-Аварский М. *В гостях у шаха. Очерки Персии*. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 188, 209; Кибовский А., Егоров В. *Персидская регулярная армия первой половины XIX в.* // *Цейхгауз*. 1997. № 5. С. 20–25; № 6. С. 28–31;

Персии Нового времени при Аббасе I⁵ и Надир-шахе Афшаре⁶. Однако они были основаны на родо-племенном принципе комплектования и впоследствии (как правило, после смерти реформатора) медленно приходили в упадок, поскольку следующие правители не обнаруживали заинтересованность в их качественном развитии (усовершенствовании оружия, организации и т. п.). В начале XIX в. иранская армия была преимущественно иррегулярной, то есть не имела постоянной организации, а комплектовалась племенными ополчениями при необходимости. Потому её лояльность центральному правительству зависела от лояльности вождей кочевых племен. Экономико-политический уклад обусловил то, что уже в начале XIX в. Персия значительно отставала от ведущих европейских стран почти по всем

Кругов А., Нечитайлов М. Персидская армия в войнах с Россией. 1796–1828 гг. М.: Фонд Русские Витязи, 2016. 248 с.]. Она состояла из пехоты, артиллерии и кавалерии. Член французской военно-инструкторской миссии – капитан Пепен обучил и вооружил несколько эскадронов по образцу французской регулярной кавалерии, составивших иранскую регулярную конницу (незам-атли или савар-незам) [Кибовский А., Егоров В. Персидская регулярная армия первой половины XIX в. // Цейхгауз. 1997. № 6. С. 28–31; Тер-Оганов Н. Военные и внешнеполитические факторы создания регулярной армии в Иране в первой половине XIX века // Canadian-American Slavic Studies. 2012. Vol. 46. № 1. Р. 1–39]. Позднее усилиями бывшего французского офицера Г. Друвиля возросла до 20 эскадронов. Она была организована, вооружена и обучена по французскому образцу. По замыслу Г. Друвиля, которого поддерживал лично Аббас-мирза, каждый эскадрон в будущем должен был стать основой для формирования отдельного кавалерийского полка. Однако после того, как французов сменили англичане в 1809 г., кавалерия пришла в упадок. Англичане не были заинтересованы в её развитии, т.к. опасались создания мобильного войска для нападения на Индию. Вторая попытка создания кавалерийских частей регулярного типа была предпринята в ходе военных реформ мирзы Таги-хана Ферахани эмир-низам эмир-е кебира, первого министра Ирана в 1848–1851 гг. Они видоизменили регулярную персидскую армию. Но попытка сформировать полк регулярной кавалерии в 750 человек из племени шахсевен, оказалась безрезультатной [Cronin S. Armies of Qajar Iran [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kavehfarrokh.com/iranica/militaria/iranian-military-history-and-armies-post-islamic-era-to-1899/professor-stephanie-cronin-armies-of-qajar-iran>]. Регулярные кавалерийские части сильно уступали иррегулярным и в конце-концов не прижились. В результате, к началу 1880-х гг. иранская регулярная армия состояла из пехоты – 76 батальонов-фоуджей (20 в 1 000 человек, 1 – 900, 53 – 800, 1 – 400, 1 – 250), штатная численность которых составляла 63 950 человек; и артиллерии – 20 фоуджей по 250 человек (10 – в Азербайджане и 10 – в Ираке, всего по штату 5 600 артиллеристов) [Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 2, 16].

⁵ Иранский правитель – шаханшах из династии Сефевидов, который правил в 1587–1629 гг., провёл серию реформ. При его правлении государство достигло наивысшего могущества. Про военную реформу Аббаса I см.: Бабаев К. Военная реформа шаха Аббаса I (1587–1629) // Вестник Московского университета. Серия История. 1973. № 1. С. 21–29.

⁶ Правитель Ирана в 1736–1747 г. Про его армию см.: Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство Надир-шаха Афшара. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. С. 129–139; Axworth M. The Army of Nader Shah // Iranian Studies. 2007. Vol. 40. № 5. Р. 635–646.

показателям, в том числе и в военном деле. Феодалные войны XVIII в., деспотическое правление при одновременной слабости центральной власти в отдельных районах, вертикальные патронажно-клиентские связи в обществе, традиционное мышление в связи с консервирующей ролью религии – всё это не содействовало развитию. Изменения в военном искусстве, которые происходили в Европе в течение XVII–XVIII вв. и получили не достаточно удачное, на наш взгляд, название «военной революции» («military revolution») ⁷, к XIX в. мало затронули иранские земли. К началу века нововведения проникали в Иран опосредствовано через Османскую империю, но значительного развития они не стимулировали: иранская армия оставалась во многом на уровне армии Сефевидов ⁸. Это касалось и подготовки бойцов, и вооружения, и структуры вооружённых сил, которые были разделены на регулярные и иррегулярные, при чём последние составляли большинство. Вообще, история иранской армии Нового времени представляла собой смены циклов преобразований, связанных, прежде всего, с приходом к власти амбициозных правителей, которые имели целью укрепление собственной власти и распространение последней на возможно большую территорию. Цикл этот состоял из следующих составляющих: создание (или воссоздание) регулярной армии (из пехоты, конницы гвардейцев-гулямов и артиллерии) в противовес племенным ополчением крупных феодалов и перевооружение её наиболее современным на тот

⁷ Детальнее про «военную революцию» см.: Военная революция в Западной Европе в XV–XVII вв. и развитие вооружённых сил Российского государства, Речи Посполитой и Османской империи: сравнительный анализ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tochka.gerodot.ru/military>; Мак-Нил У. В погоне за мощью Технологии, вооружённая сила и общество в XI–XX веках. М.: ИД Территория будущего, 2008. 457 с.; Нефедов С. А. Теория военной революции: полвека спустя // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 134–141; Пенской В. Великая огнестрельная революция. М.: Эксмо, Яуза, 2010. 448 с.; Пенской В.В. Военная революция в Европе XVI–XVII веков и её последствия // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 194–206; Пенской В.В. Военная революция XVI–XVII веков и её изучение в зарубежной и российской историографии второй половины XX – начала XXI веков // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. 2008. №5. Вып. 7. С. 67–73; Цыганков В.В. «Военная революция» и становление современной мир-экономики // Вестник НГУ. Серия: Педагогика. 2009. Т. 10. Вып. 1. С. 51–61; Parker G. The military revolution. Military innovation and the rise of the West, 1500–1800. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 282 p. Интересно, что в Иране до начала XX в., не смотря на заимствования из Европы военных образцов, сопровождавшимся попытками заведения собственного обучения офицеров, производства пороха, ружей, пушек, они так и не привели к изменениям ни в экономическом, ни в политическом устройстве общества.

⁸ Династия, которая правила в Иране с 1502 до 1722 гг.

момент оружием – успехи новой армии во времена реформатора – упадок после его смерти. Такой цикл можно проследить во времена Аббаса I, Надир-шаха Афшара, а в XIX в. – при Аббас-мирзе⁹ и Насреддин-шахе¹⁰ (трижды).

Учащение циклов во времена правления Каджаров (4 за один век) связано, на наш взгляд, с тем, что с начала XIX в. Персия начала постоянно сталкиваться с европейскими войсками, а также стала активно вовлекаться в европейскую политику как разменная монета в ходе борьбы между Россией, Англией и Францией. Невозможность на равных противостоять европейцам (прежде всего русским, с которыми в первой половине XIX в. шли постоянные войны за Закавказье), военные поражения от них способствовали зарождению среди части сановничества Персии понимания необходимости кардинальных изменений. В XIX в. цикл изменений в вооружённых силах государства Каджаров выходит на новый уровень. Новым стало то, что европейские образцы стали восприниматься непосредственно от оригинала, а не опосредованно, через Османскую империю, Россию, или авантюристов европейского происхождения (англичане под руководством Энтони и Роберта Ширли (Шерли) во времена Аббаса I), как это было раньше. Привлечение европейских инструкторов стало носить регулярный характер, а изменения коснулись принципа построения вооружённых сил (введение уставов, чёткой структуры и т. п.). К тому же, в этих изменениях были до некоторой степени заинтересованы и сами европейцы, прежде всего англичане и французы, а впоследствии – русские, которые сменили последних в борьбе за влияние в Центральной и Западной Азии.

Приглашение европейских инструкторов, закупка оружия в Европе, попытки реорганизовать вооружённые силы на европейский манер имели половинчатый успех. Европейцев (преимущественно англичан и французов) кадjarские правители рассматривали как союзников в борьбе против Российской империи, а те, в свою очередь, видели в Иране вспомогательную страну в борьбе между собой. При этих

⁹ Второй сын Фатхали-шаха (правил в 1797–1834 гг.), официальный наследник престола, наместник в Иранском Азербайджане. Фактически руководил внешней политикой, особенно – против России, пытался реорганизовать вооружённые силы своего наместничества по европейскому образцу, для чего неоднократно приглашал английских и французских инструкторов. Умер в 1833 г.

¹⁰ Шаханшах из династии Каджаров, правил в 1848–1896 гг. В написании персидских имён мы берём за основу: Гафуров А. Имя и история: об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. М.: Наука, 1987. 221 с.

обстоятельствах вооружённые силы Каджарской монархии должны были отвлекать силы противника, обслуживая стратегические цели Франции или Великобритании, что, конечно, не предусматривало создания ими действительно боеспособной персидской армии (тем более, что она в дальнейшем могла бы стать помехой захватническим планам европейских держав на Ближнем и Среднем Востоке). К тому же сюда можно было продавать устаревшее и обветшалое оружие по завышенным ценам, что европейцы делали достаточно успешно в течение XIX в.

Не содействовали развитию военного дела и внутренние условия, как экономико-политические, так и ментальные. Отсутствие сильных социальных структур, которые были бы заинтересованы в кардинальных изменениях (наподобие европейской буржуазии), отношение чиновничества к власти, как к средству обогащения, отсутствие в большинстве из них и в населении вообще чувства государственного интереса, консервирующее влияние религии – эти факторы значительно мешали всем попыткам проведения реформ, которые были начаты ещё Аббасом-мирзой. Традиционные феодальные структуры в виде местной знати, привилегированных слоёв (каджары, мухаджиры), духовенства, опасаясь за стабильность своего положения, оказывали сопротивление любым изменениям. Даже сильная шахская власть не могла ничего сделать, поскольку её сила во многом зависела от их позиции. Дело в том, что Иран был страной, где большинство населения исповедовало шиизм. Советский историк М.А. Игамбердыев отмечал, что «в Иране представители этого рода (каджары – О.Г.) презирались народом как враги по вере»¹¹. В качестве причин этого он считал то, что представители правящей династии Каджаров были сунниты, да ещё и вели свою родословную от убийц Хусайна – сына четвертого «праведного халифа» Али и дочери пророка Мухаммада Фатимы, который почитался шиитами как святой мученик¹². Часть выходцев из племени Каджаров действительно исповедовали ислам суннитского толка, но основная часть была шиитами. Скорее, причины отношения населения к шахам из

¹¹ Игамбердыев М.А. Иран в международных отношениях первой трети XIX века. Самарканд: Самаркандский гос. ун-т им. А. Навои, 1961. С. 30.

¹² Детальнее см.: Васильев Л.С. История религий Востока. М.: Книжный дом Университет, 1999. С. 111–184; Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV веках. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1966. 400 с.; Родионов М.А. Ислам классический. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 256 с.

Каджарской династии нужно искать в другой плоскости – в особенности религиозно-политической доктрины шиизма. Согласно её легитимное право на власть над правоверными (имамат) имеют лишь потомки зятя пророка Мухаммада Али (Алиды). Поскольку 12-й имам, согласно традиции, в IX в. исчез, чтобы впоследствии появиться в виде мессии, его функции временно выполняют улемы и моджтехиды – религиозные исследователи, богословы¹³. Если Сефевиды вели своё происхождение от 7-го имама, то сменявшие их династии такой «привилегии» не имели и рассматривались как узурпаторы¹⁴. Фактически, каджарская династия также считалась таковой. Поэтому авторитет её и происходивших из неё правителей в глазах шиитского населения и духовенства во многом зависел от того, насколько ревностно они отстаивают шиитские догматы. Отсюда вытекала большая власть над верующими шиитского духовенства и отсутствие стойкой опоры для шахского режима в стране. Непопулярность правящей династии в Персии обусловило то, что её правители, чтобы укрепить собственную власть, постоянно обращались за помощью к европейцам, делая им значительные уступки, а также с подозрением относились к умным и слишком энергичным людям вокруг себя. Всё это не давало возможность строить и реализовывать долгосрочные проекты реформирования.

Наиболее ярко изложенные тезисы подтверждает пример преобразований в военном деле, которые пытались провести в Иране в середине XIX в. Военная реформа мирзы Таги-хана¹⁵ заложила организацию регулярных вооружённых сил Персидского государства рассмотренного времени, однако до логического завершения доведена не была. В 1851 г. по его инициативе был принят и введён в действие первый в Персии военный устав, который был разработан по образцу

¹³ См.: Васильев Л.С. История религий Востока. М.: Книжный дом Университет, 1999. С. 160–163; Кошева С.В. Мусульманское право о природе власти. Дисс. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2001. С. 82–107; Мехди Санаи. Политическая мысль в исламском обществе // Иран: ислам и власть. М.: Крафт+, 2002. С. 6–13.

¹⁴ Богданов Л.Ф. Персия в географическом, религиозном, бытовом, торгово-промышленном и административном отношении. СПб.: Первая центр. Вост. электропеч. И. Бораганского, 1909. С. 118–119; Инаят Х., Лофт М. Восстание обездоленных: бунт или революция? // Родина. 2001. № 5. С. 136. Об отношениях духовенства и шахов см.: Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX века). М.: Наука, 1978. С. 43–48.

¹⁵ Мирза Таги-хан Ферахани эмир-низам эмир-е кебир (буквально «тот, кто идёт впереди армии», «великий предводитель») – первый министр Персии в 1848–1851 гг., инициатор серии реформ светского характера. О его реформах см.: Lorentz J.H. Iran's Great Reformer of the Nineteenth Century: An Analysis of Amīr Kabīr's Reforms // *Iranian Studies*. 1971. Vol. 4. Is. 2/3. P. 85–103.

уставов английской и французской армий. Им было предусмотрено внедрение чёткой организационной структуры, определён порядок назначения и освобождения командного состава, намечено проведение обязательных военных учений и создание обученного резерва. Для пополнения армии личным составом была введена система рекрутского набора – «бониче» (от персидского «боне» («хозяйство», «двор», «семья»); так в тогдашней Персии называли хозяйственные объединения крестьянских семей, которые были единицами налогообложения¹⁶). Согласно уставу главнокомандующим армией в целом был шах, а высший командный состав назначался им и следующей за ним по степени важности лицом – эмир-низамом. Вооружённые силы империи должны были насчитывать 50 пехотных полков¹⁷, 12 кавалерийских батальонов, 27 000 артиллеристов. Регулярные части были распределены на две армии: иранскую и азербайджанскую¹⁸. Во главе каждой из них стояли отдельные главнокомандующие. В основу военной структуры был положен фодж – полк¹⁹, который возглавлял сарханг. Фодж, в свою очередь, подразделялся на 10 десте (рот) во главе с султанами (капитанами), и его численность была определена в 1 000 человек. 2 фоджа составляли бригаду – тип. Бригады объединялись в тумани (дивизии, или корпуса): 5 бригад возглавлял эмир-пендж, а 6–10 – эмир-тумани. Регулярная кавалерия должна была состоять из личной гвардии шаха и наследника престола – гулямов (400 человек). Ополчение, или иррегулярное войско, предполагалось составлять из пехоты и кавалерии. В отличие от регулярных сил, в нём пехота играла второстепенное значение. Она состояла из отрядов в 50–100 человек, которые должны были нести службу в

¹⁶ Кузнецова Н.А. Иран в первой половине XIX века. М.: Наука, 1983. С. 101.

¹⁷ Используя в данном случае европейскую терминологию параллельно с собственно иранской, следует отметить, что по сути они несколько отличались. Европейцы обозначали собственными терминами военные структуры Персии, пытаясь их приблизить в понимании к европейскому читателю. Даже используя местные названия, они объясняли их исходя из тогдашних европейских образцов. Однако реальность не всегда отвечала указанному толкованию. Из-за этого в трудах многих военных возникала путаница (что впоследствии влияло и на исследователей, которые «привязывались» к терминологии источников). Поскольку в европейских армиях не было соответствующей структурной единицы, название бралось по аналогии. Например, тумани именовали то дивизиями, то корпусами, фоджи – то батальонами, то полками, эмир-пенджа определяли как генерал-майора, хотя это была должность начальника тумани (собственно – корпуса в составе пяти типов) и тому подобное.

¹⁸ Позже была создана ещё и исфаханская армия.

¹⁹ Фоджем в иранской армии называлось воинское подразделение, которое европейцы именовали то полком, то батальоном.

пределах своей области. Кавалерию, как и до реформы, предусматривалось формировать из кочевых племён. Вожди племён по требованию правительства были обязаны появляться на государственную службу с полностью оснащённым отрядом. 50–100 кавалеристов составляли отряд-десте, а 1 000 – фодж. Все расходы из содержания ополчения ложились на племена, за что те, в свою очередь, были освобождены от выплаты малиата (налогов)²⁰.

Как видим, идеи, заложенные в реформу военной системы мирзой Таги-ханом были достаточно продуктивными. Однако, после его устранения от власти в 1851 г. из-за обеспокоенности шаха ростом популярности своего первого министра и сопротивления реформам среди местной знати, они так и не были полностью реализованы²¹, хотя структура вооружённых сил, предложенная им, была сохранена.

В ходе мировой борьбы за сферы влияния и колонии между европейскими государствами и вследствие внутренних проблем Персия в XIX в. стала ареной борьбы между Россией и Великобританией. Именно на последнюю треть XIX в. приходится окончательное превращение страны в полузависимое государство. Этому, кроме экономических и политических факторов, способствовало положение в армии, которая уже ко второй половине века фактически перестала существовать, как боеспособная сила. На последнюю треть XIX в. регулярные военные силы в Персии имели лишь формальный характер из-за сложной системы феодальных отношений, слабой центральной власти и тотальной коррупции, которая пронизывала все поры общественно-политической жизни страны. Тем не менее, они стали объектом борьбы между представителями великих европейских государств.

²⁰ Детальнее о военной реформе см.: Анаркулова Д.М. Социально-политическая борьба в Иране в середине XIX века. М.: Наука, 1983. С. 56–57. Следует отметить, что, невзирая на достаточно детальный анализ военных преобразований, у Дильшот Мирзобабаевны Анаркуловой встречаются неточности, что вызвано, смещением до- и послереформенных категорий, а также уже указанным следованием терминологии источников. Например, сартипа она почему-то называет полковником, хотя это был чин генерала, а сарханга приравняла к капитану, в то время, как этот чин отвечал чину полковника. Полки автор делила на фоджи-батальоны, а те, в свою очередь, на роты, хотя в действительности фодж – это однобатальонный полк, который состоял из 10 рот.

²¹ Они имели продолжение в реформах, начатых в в 1870-х гг. военным министром Хусайн-ханом Мушир од-Доуле (речь о нём будет ниже). Шах также поддержал их, но завершить реформирование не удалось [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 42–46].

Последние имели целью поставить вооружённые силы Каджарской монархии²² под собственный контроль, чтобы с их помощью управлять положением в стране для собственной выгоды. Практика использования военных инструкторов и советников для одновременной модернизации²³ армий восточных стран и контроля над ситуацией в странах и над их правительствами была одним из средств европейской экспансии и борьбы за сферы влияния и использовалась в XVIII–XX вв. достаточно активно. Этому способствовали и местные правители, которые или действительно желали реорганизовать собственные вооруженные силы, чтобы противостоять европейцам и иметь преимущество над соседями, или руководствовались соображениями собственного престижа. Французские и английские инструкторы и советники в государствах Индийского субконтинента до его окончательного подчинения Великобританией, в Иране первой половины XIX в., в Османский империи, немецкие – в османской армии в начале XX в., российские в Болгарии после войны 1877–1878 гг., в Корее в конце XIX в. – это далеко не полный перечень примеров такой политики. Каджарская армия на рубеже XVIII–XIX вв. была ареной борьбы между Францией и Англией, а после поражения Наполеона I место Франции заняла Россия. Ей в конце XIX – начале XX вв. способствовал успех в этой борьбе: в 1879–1881 гг. была создана так называемая Персидская казачья²⁴

²² Название происходит от династии Каджаров, которая правила в Персии в 1796–1925 гг.

²³ В данном случае – обновление по европейским образцам (синонимичные термины: европеизация, вестернизация; последние понятия имеют и значение социо-культурного заимствования в противоположность модернизации, как технического преобразования в экономической, политической и социальной сферах). Детальнее про значение термина «модернизация» см.: Гавров С. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М.: Едиториал УРСС, 2004. 352 с.; Ермаханова С.А. Теория модернизации: история и современность // Актуальные проблемы социально-экономического развития: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2005. Разд. 2. С. 233–247; Ермаханова С.А. Теория модернизации: история и современность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: eonom.nsc.ru/ieie/SMU/conference/articles/Ермаханова.doc; Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 240 с.; Туманова А.С. Модернизация Российской империи в XVIII – начале XX вв.: традиционные и новые подходы // Модернизация государства. Пенза: ИИЦ ПГУ, 2005. С. 19–39.

²⁴ За исключением официального названия, термины «казаки», «казачья» и пр., относящиеся к ПКБ, мы будем брать в кавычки, поскольку к реальным казакам её чины (за исключением русских инструкторов) относились только внешне – одеждой и обучением.

бригада (официальное название – Казачья его величества шаха бригада, далее – ПКБ) под руководством российских офицеров-инструкторов²⁵.

Российское и Иранское государства: общее и особенное

Изучая историю русской военной миссии в Персии нельзя не остановиться на краткой характеристике Иранской и Российской империй. Следует оговориться, что империя для нас – высшая форма политико-экономической организации пространства в исторической ретроспективе (безотносительно того, какой политический режим в ней установлен или как именуют её «свои» и «чужие»), имеющая имперский центр (откуда начинается расширение) и периферию. В основе империи лежат различные факторы – экономические, политические, культурные. Обязательным для любой империи является доминирующая духовно-нравственная концепция с претензией на вселенскость, то, что Светлана Лурье назвала «центральным принципом империи»²⁶. Кроме того, империя – это всегда стремление к мировому господству или доминированию. Под государством же мы понимаем группу людей, осуществляющих власть на определённой территории на законных (принятых большинством населения или навязанных через право обычая, традиции и право силы) основаниях, а также институты, через которые они осуществляют свою власть, и систему налогов, обеспечивающая как властимущих, так и функционирование государственных институтов. Мы не разделяем набирающего в последнее время мнения, что государство появляется только с формированием наций-государств и смежную с ним теорию политий²⁷. Подходить к

²⁵ Согласно военному лексикону бригаду правильнее именовать соединением, а не частью. Однако, поскольку она представляла собою единое целое по отношению к остальным частям персидской армии, мы будем именовать её и соединением и частью.

²⁶ Лурье С. Imperium. Империя – ценностный и этнопсихологический подход. М.: АИРО-XXI, 2012. С. 19.

²⁷ См., напр.: Кревельд М., ван. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. 544 с.; Фурсов К.А. Держава-купец: отношения английской Ост-индской компании с английским государством и индийскими патримониями. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. 364 с.; Фурсов К.А. Трансформация английской Ост-Индской Компании: от купца к державе-купцу // Восток. 2007. № 1. С. 56–71. Полития – обозначения политической единицы любого уровня (политической организации того или иного общества), то есть оно используется в качестве родового для таких понятий как «независимая община», «вождество», «племя», «государство». Полития может означать либо данное государство, всю совокупность граждан конкретной страны, либо совокупность институциональных форм и

изучению здесь необходимо не с формально-правовой, а с исторической точки зрения, т. е. вне зависимости от того, как формально именовались государства – империями, царствами, республиками и пр. С научной точки зрения необходимо изучить все варианты, классифицировать их на общих основаниях и создавать обобщающее определение. В истории очень много явлений, которые, меняясь в зависимости от времени и места, сохраняли общее основание. Это основание и даёт возможность создать общее определение. Мы можем говорить о государствах, национализмах, нациях, фашизмах и пр. во множественном числе. Но у этих множеств всегда есть то, что их объединяет. Соответственно крупное понятие должно выводиться на основе детального анализа его частных проявлений в разное время и в разных местах²⁸. Проще говоря, историк должен идти от частного к общему, а не наоборот. Иной подход ведёт к размыванию понятийного аппарата и искажению исторической действительности²⁹. Ведь никто не отрицает видового понятия «яблоко» при наличии множества яблочных сортов, и никто не предлагает называть каждый сорт яблок отдельно, отбрасывая объединяющее понятие. К тому же существует интуитивное понимание общности тех или иных явлений во времени и пространстве³⁰.

процессов, посредством которых осуществляется управление данной страной. В широком смысле полития – другое наименование политической системы. Его обычно используют, когда хотят дать обозначение политической организации того или иного общества, свободное от аналитических коннотаций термина «система» или от метафизических, правовых или территориальных коннотаций термина «государство». Он часто фигурирует в дискуссиях о формах или типологиях политических систем, в особенности когда преследуется цель классифицировать политические системы в их целостности, а не конкретные институты, группы или политические подсистемы внутри того или иного общества.

²⁸ Помня о видовом единстве, изучая его отдельные проявления, следует помнить о времени, месте и др. сопутствующих факторах, которые могут существенно изменять отдельные типы, отдаляя или приближая их к видовому определению-образцу. Образцы эти должны быть результатом обобщения учёных изучения различных типов.

²⁹ Впрочем, отрицать полезность «обратного» варианта исследования мы не собираемся. Он даёт возможность посмотреть на изучаемые объекты совсем под иным углом зрения. Но нельзя его абсолютизировать. Проблема учёных, работающих в данном ключе, заключается в том, что «за деревьями» они перестают «видеть лес», считая частности важнее целого, либо вообще отрицая возможность его существования. Созданный ими ещё до исследования «трафарет» часто разбивается об изучаемые на его основе частности. Это приводит к разочарованию в «трафарете», к утверждениям о том, что единого определения (истории и т.п.) создать невозможно, об их множественности, либо напротив, к насильственной подгонке под трафарет исторического материала.

³⁰ Если мы говорим, например, «мама», то на интуитивном уровне мы понимаем, что именно можно объединить под этим названием у разных людей, народов и в разное время для того, чтобы дать чёткое определение слову.

Один из современных исследователей истории Российской империи, сравнивая её с западными империями, справедливо отмечал, что «в отличие от последних, в основном руководствовавшихся коммерческими интересами, Российская империя большей частью преследовала геополитические и стратегические цели»³¹. Если отбросить риторику «холодной войны», персонификацию России и клише историков, изучающих империи только в новое и новейшее время на примере европейских, Османской и Российской а иногда и Цинской³², то автор в целом неплохо описал причины движения России из глубины во вне. Однако в стремлении доказать тождество между Российской империей и западными буржуазными империями автор, как и многие его единомышленники, заходит, на наш взгляд, слишком далеко. Мы противник того чтобы именовать российскую внешнюю политику сугубо экспансионистской. Цели и задачи её менялись в зависимости от конкретной исторической ситуации и от того, кто её определял и осуществлял. В частности, движение в Среднюю Азию было своего рода вынужденной экспансией, не обусловленной какой-то абстрактной извечной экспансионистскостью. Сравнение с европейскими колониальными империями допустимо лишь отчасти. Российская империя строилась первоначально как традиционная континентальная империя, где идеологические, духовные факторы, человеческие и общественные представления, открытость границ играли

³¹ Лучше – цели практической политики. Ходарковский М. В чём Россия «опережала» Европу или Россия как колониальная держава // Политическая концептология: Журнал меадисциплинарных исследований. 2013. № 2. С. 85–91.

³² Например, «возникновение гипертрофированного государства в России, его экспансионистский характер» [Там же. С. 85]. Внешняя политика России была обусловлена логикой развития международных отношений и международных экономических отношений, а не якобы присущими ей агрессивностью и стремлением к захватам. Для историков, хорошо знающих всемирную историю не в европоцентричном её изложении очевидно, что государство в России отнюдь не было гипертрофированным, также как и экспансионистским; о последнем правильнее говорить применительно, например, к Голландской, Английской, Французской империям, целью которых были захваты в первую очередь ради наживы, в отдельных случаях с поголовным истреблением автохтонного населения (Северная Америка, Австралия), которые не диктовались ни стремлением обезопасить собственные границы, ни какой-либо великой духовной идеей (идеи прогресса, цивилизации имели скорее пропагандистский характер относительно покоряемых народов, поскольку для них прогресс означал возможность на более высоком уровне обслуживать интересы завоевателей; что до идеи распространения христианства, то осуществлялась она отнюдь не христианскими методами и всё же имела подчинённое значение) Западные империи создавались в первую очередь в результате экономических причин, и стали представлять собой образец, моду, на который стала ориентироваться российская элита.

большую роль, нежели интересы экономики³³. Изначально она была близка традиционным империям типа Ахеменидской, Китайских и пр., в основе которых лежали идейные и престижные факторы, фактор защиты своих границ, а экономический фактор был лишь одним из них. В истории новых – буржуазных империй (даже Испанской и Португальской, хотя капитализм в них так и зашёл в тупик), главным мотивом, определявшим экспансию, был экономический, который оправдывал любые действия. Только с Петра I можно говорить, что в российской внешней политике появляется «буржуазный» фактор – захвата ради экономики в широком смысле слова (например, его «освоение» Средней Азии, Ирана, стремление найти свой путь в Индию). Но и здесь он во-первых был заимствован с Запада, а во-вторых, долгое время оставался «декоративным», имевшим целью доказать, что Россия тоже является европейской державой. На самом деле, большая часть присоединённых к империи Романовых с 1700 по 1914 гг. территорий были присоединены в силу геополитических мотивов (классические примеры – Кавказ, Средняя Азия; при чём экономическое значение их перед и во время присоединения рассматривалось в военно-политических кругах империи лишь в качестве второстепенной, а то и третьестепенной необходимости), и только с конца XIX в.,

³³ По истории Российской империи см.: Боханов А.Н. Российская империя образ и смысл. М.: ФИВ, 2012. 592 с. (данная книга ценна в первую очередь тем, что она отличается от «секулярных» работ, доминирующих в историографии истории России; а ведь мировоззрение и миропонимание людей в XIX в., не говоря уж о более ранних веках, в России носило в основном не прагматично-секулярный, а религиозный характер; работа А.Н. Боханова, при всех её неточностях и несуразностях, откровенных фантазиях автора, позволяет увидеть российскую историю сквозь «призму православия» глазами православного, чего, к сожалению, так не хватает многим историкам, пишущим общие работы по истории России с позиций людей XX–XXI вв.); Капеллер А. Россия – многонациональная империя. М.: Традиция–Прогресс–Традиция, 2000. 344 с.; Каспэ С. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика (Политология России). М.: РОССПЭН, 2001. 255 с.; Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007. 688 с.; Лурье С. IMPERIUM. Империя – ценностный и этнопсихологический подходы. М.: АИРО-XXI, 2012. 272 с.; Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 848 с.; Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Сб. ст. М.: Новое издательство, 2005. 696 с.; Российская империя в сравнительной перспективе, Сб. ст. М.: Новое изд-во, 2004. 384 с.; Российская империя от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М.: Русская панорама, 2011. 880 с.; Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть: 1150 лет российской государственности. М.: РОССПЭН, 2012. 462 с.; Сайнаков Н.А. Методологические проблемы изучения империй в современной историографии // Методологические и историографические проблемы вопросы исторической науки. 2007. Вып. 28. Томск: Изд-во Томского ун-та. С. 288–296.

следуя за модой на империализм, территориальные приобретения постулируются необходимостью экономического развития. В результате, к началу XX в. Россия представляла собой синтез буржуазных и традиционных моделей империи, с внешне господствующим первым вариантом, но внутренне оставаясь ближе ко второму.

То же касается тезиса об отсталости России и других (западных) народов. От этого тезиса давно пора отказаться, поскольку не существует единого пути исторического процесса. Каждая страна, народ, регион, проходят определённые этапы развития (и то не всегда до конца): зарождение, расцвет, упадок и гибель. Но, как показывает мировая история, единого пути развития для них не существует: каждый из них развивается по-своему (для сравнения можем взять людей: те же этапы, но у каждого они своеобразны). Другое дело, что более сильные на данном этапе исторического процесса могут навязывать свой путь развития тем, кто слабее их, либо, одни, в силу личностных качеств отдельных правителей или навязываемой через средства культуры и другими способами идеи отсталости, принимаются копировать «жизненный путь» других. Результаты могут быть различны. Очевидно, например, что в период, когда европейские монархии вышли на пик расцвета, Османская империя находилась не в отсталом состоянии и на этапе упадка. Что до России, то говоря об её отсталости, следует помнить, что эта империя формировалась и развивалась с большим потенциалом заимствования опыта других, что позволило её просуществовать достаточно долго и сформировать довольно удачный вариант во многом альтернативного западным империям государственного образования. Это была не отсталость, а другая форма организации.

Мы не являемся сторонником подхода, который любую империю объявляет колониальной, а включённые в её состав страны и народы – колониями. Такое понимание характерно для сторонников национального подхода к историописанию, некомпетентных историков, а также для популистов и пропагандистов, либо людей, поставивших своей целью опорочить другое государство в рамках идеологической борьбы (отнесение историка к той или иной категории индивидуально). По нашему мнению, этот подход размывает такие важные для Нового времени понятия как «колониализм» и «колония», превращая их из объекта исследования в инструмент

исследователя либо пропагандиста³⁴. Исходя из критериев, предлагаемых сторонниками вышеуказанного подхода (к которым относится и М. Ходарковский), любое государство от крупного до мелкого, при желании можно именовать колониальным. Характеризуя Россию как колониальную империю, следует помнить,

³⁴ Под колонией мы понимаем зависимую территорию, находящуюся под властью иностранного государства (метрополии), без самостоятельной политической и экономической власти, управляемую на основе особого режима. Соответственно колониализм для нас – система эксплуатации незападных обществ европейскими государствами периода генезиса и господства капитализма, направленная на извлечение экономической выгоды с помощью внеэкономических форм контроля (военной угрозы либо установления административной системы на колонизируемой территории). Предполагает наличие стран-колонизаторов, извлекающих выгоду из обладания колониями, и колоний, являющихся источником сырья, рынком сбыта и сферой приложения капиталов [Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М.: Аквилон, 2014. С. 218–220]. Что же до колонизации – то это процесс заселения и освоения каким-либо народом новых территорий, который может совпадать, а может и не совпадать с колониализмом. В этом случае колония – это поселение пришлого населения на новой территории, заселённой, как правило, иноэтничным элементом. Наиболее доступно особенности этих понятий изложены в работах Л.С. Васильева [Васильев Л.С. Всеобщая история: В. 6 т. М.: Высшая школа, 2010. Т. 4. Новое время (XIX в.). С. 367–458; Васильев Л.С. История Востока. М.: Юрайт, 2011. Т. 2. С. 13–36.]. Не смотря на то, что в последних работах этого автора отчётливо проступает обида на советскую власть, неприятие марксистской методологии и отрицание того, что духовный и экономический факторы в истории человечества всегда шли рука об руку, в целом его обобщения несут в себе большую познавательную ценность. При этом, Л.В. Васильев, утверждая примат идеи (сознания) над экономикой (бытием), сам того не замечая, всем своим материалом и рассуждениями противоречит себе, неосознанно доказывая, что даже в основе идей лежат бытово-экономические мотивы. Колония во втором значении имеет много общего с другими типами государств, но и существенно отличается от них. В первую очередь отличие заключается в том, что «колония» – понятие, связанное в первую очередь с экономикой, в то время как остальные смежные термины опосредованы главным образом политикой [См.: Всемирная история: В 6 т. Т. 5: Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. М.: Наука, 2014. С. 15–16]. Для чёткого понимания их укажем, какими другими смежными определениями мы оперируем в своём исследовании. Так, под протекторатом мы имеем в виду форму межгосударственных отношений, при которой одно государство находится под защитой (в первую очередь военной) другого государства. Протекторатом также называется защищаемое государство. Государство, осуществляющее протекторат, называется протектором. При этом суверенитет защищаемого государства частично делегируется протектору: защищаемое государство не полностью суверенно во внешнеполитических делах при почти полном сохранении суверенитета во внутренних делах (в частности сохраняется форма правления и, например, собственная династия правителей). Впрочем, это не исключает и то, что внутренняя власть в протекторате непрямо или тайно контролируется протектором. Вассальное государство – это, находящееся в подчинении другому государству, но сохраняющее своего правителя. Такое государство обычно лишено прав поддерживать дипломатические отношения и заключать договоры, ограничено в других видах внешних отношениях, но сохраняет самостоятельное внутреннее управление с некоторыми ограничениями. Правитель вассального государства сохраняет статус и титул, бывшие у него до заключения вассального договора. Вассальное государство – термин который в переносном смысле можно использовать как синоним протектората в широком смысле слова. Марионеточное государство – это государство, номинально независимое, но фактически проводящее политику, диктуемую создавшей его державой. Как правило, такие государства создаются заинтересованными державами для реализации собственных целей опосредованно. Термин этот к протекторату не применим.

что в действительно колониальную она стала трансформироваться только с конца XIX в. под решающим влиянием западноевропейских образцов³⁵. Духовное взаимодействие представителей различных этносов и религий на базе единого имперского организма в результате копирования западного варианта империостроительства превращается в разделение на имперский и подчинённые народы, стремление использовать нерусские окраины как колонии прежде всего в экономическом и социально-правовом отношениях на основе неравноправия «Центр – периферия» и др. Империя теряет гибкость. Ярким проявлением этого процесса стало формирование русского национализма имперского типа. Он предусматривал «единую и неделимую Россию» при главенстве русского народа (под ним понимали мало-, велико- и белоруссов) и для обслуживания его же интересов. Такое видение стало активно развиваться в умах интеллигенции, военных, чиновников правящей верхушки и захватывать их одновременно с капиталистической трансформацией империи Романовых с последней трети XIX в.

Множество схожих черт в развитии Российской империи с другими империями Нового времени не отменяет её уникальность. Во-первых, это была единственная действительно евразийская держава, успешно до определённого времени сочетавшая в себе географический и духовный факторы Европы и Азии. Во-вторых, это наиболее удачный вариант приспособления традиционных общественных структур к меняющимся условиям в таком грандиозном масштабе. Российскую империю можно смело называть не только «страной догоняющего

³⁵ Именно с этого времени можно с большими оговорками говорить о колониальном характере российской политики в Средней Азии, на Кавказе [Детально вопрос о «колониальной» сущности России изложен Николаем Ивановичем Никитиным: Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть: 1150 лет российской государственности. М.: РОССПЭН, 2012. С. 428–455]. До середины XIX в. только Русская Америка может рассматриваться как действительно колония в современном, западном понимании этого слова [Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки: До конца XIX века. М.: Наука, 1982. 288 с.; Алексеев А.И. Судьба Русской Америки. Магадан: Кн. изд-во, 1975. 328 с.; Виньковецкий И. Русская Америка: заокеанская колония континентальной империи, 1804–1867. М.: Новое лит. обозрение, 2015. 320 с.; Головин П.Н. Обзор русских колоний в Северной Америке. СПб.: Типография Морского министерства, 1862. 196 с.; История Русской Америки (1732–1867). М.: Международные отношения, 1997. Т. 1. 480 с., Т. 2. 472 с., Т. 3. 555 с.; Фёдорова С. Русская Америка: от первых поселений до продажи Аляски. Конец XVIII века – 1867 год. М.: Ломоносов, 2011. 268 с.; Фёдорова С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии: (конец XVII века – 1867 г.). М.: Наука, 1971. 296 с.], а также отчасти Сибирь [Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.]. О российских «колониализме», «колониальности», «колониальных институтах» нужно говорить осторожно, прежде всего определившись с понятиями. Рассуждения, например, о колониальных проектах на Кавказе в первой половине XIX в., о «колониальном захвате» Средней Азии и т.п. мы рассматриваем в большей степени как дань моде, некритическое заимствование западных концепций, но никак не отражение реальной практики формирования и развития Российской империи. Для более глубокого анализа и обобщений необходимо беспристрастное научное изучение, в том числе и сравнительный анализ, но на общих основаниях, всемирноисторической имперской практики. И понимание того, что долгое время империя представляла собой высшую стадию государства, политико-экономической, культурной организации пространства.

развития», но и «страной успешного копирования». Западноевропейский путь развития до определённого времени представлял собой отклонение от нормального развития человеческих сообществ³⁶. Однако со временем именно он стал представляться нормой. Именно это обусловило то стремление его копировать, которое наблюдалось со второй половины Нового времени как в Восточной Европе, так и в Азии. Представляется, что ничего необычного в этом нет. В истории мира традиция, когда сообщество, достигшая высокого развития, «оплодотворяла» своим примером другие, «молодые» сообщества, повторялась неоднократно³⁷. Куда реже бывало, что прорыв этот носил качественно новый характер (к примеру, изобретение лука). Ситуация с Западной Европой выглядит именно такой. И Россия стала страной, представители которой, копируя и развивая западный опыт, сумели довольно успешно вдохнуть новую жизнь в «стареющее» образование, давая ему новый импульс развития (то, чего так и не смогли до конца достигнуть иранские или османские правители). В-третьих, как хранитель и продолжатель православной традиции³⁸. Особенностью Российского государства, начиная с Московской Руси, было то, что в нём не сформировалось ни чувства этнического, цивилизационного превосходства, сопряжённого с расизмом и угнетением других, менее «развитых/цивилизованных народов»³⁹, как это было характерно для западных

³⁶ Дихотомия «спиральное вверх – линейное» развитие. Долгое время именно «спиральное» развитие являлось нормой.

³⁷ Мак Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. К.: Ника-центр; М.: Старклайт, 2004. 1064 с.

³⁸ Хотя здесь следует оговориться, что к концу империи православие здесь уже не было единым и разделялось минимум на 3 крупных «блока»: официальное, старообрядческое и сектантское, не считая православных церквей иного толка и обряда (армянская). Что же до единства высших и образованных слоев империи в православной вере, то к началу XX в. хотя многие из их представителей и позиционировали себя православными, реально настоящих верующих среди них было немного. Среди же интеллигенции большинство составляли атеисты [Верт П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.].

³⁹ Относительно белорусского и украинского народов следует заметить, что идея «разорванности» русского народа после распада Киевской Руси и образования минимум двух центров «собираания русских земель» – Московского государства и Великого княжества Литовского (а то и раньше – Галицко-Волынского и Владимиро-Суздальского княжеств) – оставалась господствующей в умах великорусских государей и знати долгое время. Земли восточных славян, отошедшие к Великому княжеству Литовскому, а затем к Речи Посполитой, в Москве (а затем и в Петербурге) не без основания рассматривали как временно утраченные русские, заселённые русскими. Правда русскость понималась не в современных категориях, а в категориях бывшей государственной, религиозной, языковой общности. Ведь северо-западная Русь образовалась в основном из переселенцев из Руси центральной и восточной – территории

империй, ни чувства исключительности «народа-строителя империи/завоевателя», как это было в Цинской империи⁴⁰. Это позволяло относительно безболезненно интегрировать в тело России другие народы и государственные образования, а также их элиты. Ситуация меняется постепенно с XVIII в., а особенно с конца XIX в., когда среди образованной части российского общества широкое распространение получили идеи национализма, занесённые из Западной и Центральной Европы, особенно в этнической его форме. Большую роль в идеологии и миропонимании Российской державы играло христианство в его православном варианте⁴¹. Но и оно не мешало сосуществовать в государстве различным религиями культурам. Православие в империи не доминировало, а первенствовало⁴². Конечно,

современной Украины. И там, и здесь простое население именовало себя «русскими», исповедовало православие и говорило наочень близких друг другу наречиях (долгое время диалектическое разделение русских земель проходило по линии «север – юг», где севером была Новгородская земля, а югом – восточная, центральная и западная Русь). Отсюда вполне законный с точки зрения российских властей термин «воссоединение» по отношению к событиям 1654 г., когда гетманская держава Богдана Хмельницкого приняла протекторат московского царя [Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в 3-х томах. М.: Из-во АН СССР, 1953. Т. 3. Завершение борьбы украинского народа за воссоединение с Россией. Переяславская рада. (1651–1654 годы). 646 с.; Греков И., Королюк В., Миллер И. Воссоединение Украины с Россией в 1654. М.: Госполитиздат, 1954. 112 с.; Переяславська Рада 1654 року: (історіографія та дослідження): збірник. К. : Смолоскип, 2003. XX+890 с.; Решение Земского собора о воссоединении Украины с Россией // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. М.: Юридическая литература, 1985. Т. 3. Акты Земских соборов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Библиотека электронных ресурсов Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1653.htm>; Украинское национальное движение и проблема Переяславской Рады: взгляды и оценки (XIX – XX вв.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/135528/>; нами осознанно взяты наиболее одиозные работы с обеих сторон, дополнены документами и исследованием причин неоднозначности современных трактовок Переяславской рады]. Отсюда же и господствовавшее в среде имперских элит и образованных людей вплоть до конца существования империи представление о единстве великорусского, малорусского и белорусского народов как составных частей большого русского народа. Основания для него имелись в раннем времени общей истории, языке, культуре. Но за время раздробленности на восточнославянских территориях Речи Посполитой постепенно оформились 2 новых этноса – белорусский и малорусский (с XX в. – украинский), чего в Великороссии понять долгое время не могли.

⁴⁰ Цинская империя – Китай эпохи правления маньчжурской династии Цин (1644–1912 гг.) [Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин. XVII – начало XX века. М.: Восточная лит., 2005. 712 с.].

⁴¹ Так называемая «отсталость» российского государства во многом была обусловлена пониманием того, что в этом мире всё временно, суетно, а главное – жизнь в мире загробном. Отсюда – большая религиозность и небольшая забота о «земном».

⁴² Исключение до некоторой степени составляли униатская и католическая церковь. Но первую российские православные иерархи и правители обоснованно рассматривали как искусственное явление, созданное во многом насильственным путём католиками для продвижения, в первую очередь, папской власти и своего трактования

христианизация народов Российской империи проводилась, но она никогда не имела такого агрессивного, жестокого и бескомпромиссного характера, как это было характерно для распространения христианства католиками и протестантами. Для имперской верхушки главным была лояльность тех или иных народов, политических элит и пр. центральной власти⁴³, а остальное носило вторичный, а то и третичный характер. Существенные различия в духовной сфере и в ресурсах (достаток и недостаток) обусловили рывок Запада и изменения в экономике, политике, культуре, картине мира, которые за этим последовали. С Петра I⁴⁴ российская верхушка стала активно приспосабливаться к этим изменениям заимствуя и отчасти развивая их. В результате, со временем, она сама превращается в объект заимствования.

В контексте нашего исследования необходимо сделать несколько предварительных замечаний относительно сравнения двух государств, рассматриваемых нами в работе – России и Ирана. Первое, что бросается в глаза – разница в развитии. Русское государство, даже если вести его историю с новой династии Романовых, имело уже более чем 200-летний опыт развития и не менее чем 100-летний опыт модернизации, его можно смело называть «устоявшимся». Его структуры отличала «установленность», относительная стабильность. Каджарская же династия утвердилась на престоле после нескольких десятилетий нестабильности

христианства [Дмитриев М.В., Флоря Б.Н., Яковенко С.Г. Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в кон. XVI – нач. XVII в. М.: Индрик, 1996. Ч. 1. Брестская уния 1596 г. Исторические причины. 1999. Ч. 2. 199 с.; Брестская уния 1596 г. Исторические последствия события. 199 с.]. Вторая же рассматривалась как еретическое отклонение от «нормального» христианства, под которым подразумевалось православие. [Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 783–808; Романчук А. Греко-католическая церковь в пределах Российской империи в первой трети XIX в.: проблемы и перспективы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zapadrus.su/zaprus/istbl/553-xix-94.html>, <http://zapadrus.su/zaprus/istbl/556--xix-.html> <http://zapadrus.su/zaprus/istbl/558--xix-.html>].

⁴³ Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. М.: НЛО, 2006. С. 80.

⁴⁴ Российский царь с 1682 г., император с 1721 по 1725 гг. О модернизации Российского государства см.: «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 255 с.; Гавров С. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М.: Едиториал УРСС, 2004. 352 с.; Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке традиции и модернизация. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 326 с.

только к началу XIX в., и государство здесь было «молодым», не имело той прочности, что в России. Несмотря на модернизационные потуги, Иран очень сильно отставал от Российской империи в сфере обновления и перевода своих структур на европейские рельсы⁴⁵. Таким образом, если Российскую империю можно называть традиционно-буржуазной, то Персия к началу XX в. оставалась классической традиционной монархией с небольшим «налётом» европейскости.

Объединяло империи многое. Оба они долгое время были известны Европе под экзонимами, никогда внутри этих держав не употреблявшимися – Персия и Московия. Но если первое название было данью античной традиции, на которой основывалась западноевропейская культура с эпохи возрождения, то второе – результат пропагандистской кампании со стороны Речи Посполитой, представители которой сознательно называли Московскую Русь, а затем и Российское государство Московией, отрицая таким образом правомерность борьбы Ивана III⁴⁶ и его преемников за воссоединение земель Киевской Руси⁴⁷. Ещё один объединяющий две монархии фактор – это передаваемый веками принцип империи. В Иране он имел более давние корни – от державы Ахеменидов (VI–IV вв. до н.э.) и воплощался на титуле «шаханшах» («царь царей») и понятии «Иран» как чём-то надэтническом

⁴⁵ Бросается в глаза, например, что армия его к последней четверти века имела много общих черт с российской армией первой половины XVIII в. и с европейскими армиями раннего Нового времени. Однако потенциала для дальнейшего развития у неё не наблюдалось.

⁴⁶ Великий князь Московский с 1462 по 1505 гг., государь всея Руси: «Иоанн, Божьей милостью государь и великий князь всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Тверской, Пермский, Югорский и Болгарский и иных» [Борисов Н. Иван III. М.: Молодая гвардия, 2006. 691 с.; Скрынников Р.Г. Иван III. М.: АСТ, 2006. 290 с.].

⁴⁷ Как в России, так и на землях восточных славян, находившихся в составе Речи Посполитой, население именovalo себя русскими (рускими, руськими). Поэтому естественно в Польском государстве (формально Речь Посполита была многонациональным государством, империей-республикой, но доминирующее положение поляков, польского языка и католицизма позволяет говорить о ней и как о Польском государстве в широком смысле слова) не могли называть соседнее государство его настоящим названием, так как это лишало бы легитимности власть поляков над своим русским населением. А поскольку Западная Европа знакомилась с Россией через Польшу, то латинизированное название «Московия» прижилось и там [Карнаухов Д.В. Исторический образ Московии в польской хронографии эпохи Возрождения // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология». 2008. № 10. С. 101–114; Кудрявцев О.Ф. Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М.: Русский мир, 1997. 408 с.; Хорошкевич А.Л. Россия и Московия. Из истории политико-географической терминологии // Acta Baltico-slavica. 1976. Т. X. С. 47–57].

и надрелигиозном, символизирующем, высшую власть, империю⁴⁸. В России имперские мотивы появились примерно в XV в.⁴⁹. В символизме царской власти российских государей сочетались византийские, золотоордынские (или степные), римские и древнерусские имперские мотивы⁵⁰. Здесь особое внимание было уделено религиозной и властной преемственности от Византии, с акцентом на царе, как центре имперской системы⁵¹. И в России, и в Иране правили иноэтнические династии⁵². Правда, в России династия онемечилась по крови, но по духу оставалась русской. К тому же она была легитимна в глазах простого населения и освящена религиозной доктриной православия. В Иране же тюрки-каджары хотя и восприняли персидскую культуру (в том числе и государственного управления), оставались до некоторого рода инородным элементом. Связано это было и с особенностями шиитской доктрины государства, где роль монарха была лишь временной (детальнее на ней мы остановимся ниже), и с тем, что среди кочевых племён сохранялись долгое время претензии на центральную власть, которую ещё сравнительно недавно (в XVIII в.) держали в своих руках Афшары, Зенды и др. К тому же, как отмечал армянский филолог Гарник Серобович Асатрян, «для иранских политиков – независимо от их происхождения ... приоритеты иранского государства никогда не оттеснялись на задний план никакими местечковыми интересами»⁵³. Для религиозного мировоззрения значительной части населения и идеологии обоих

⁴⁸ Фрай Р. Наследие Ирана. М.: Восточная литература, 2002. 464 с.

⁴⁹ Лурье С.В. От древнего Рима к России XX века: преемственность имперской традиции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/020/073/1218/013Luoe.pdf>. Отчасти титул великого князя также можно считать символом высшей власти, поскольку в нём воплощалось старшинство в роде Рюриковичей и, соответственно, среди других князей на русских землях.

⁵⁰ Сургуладзе В.Ш. Грани российского самосознания. Империя, национальное сознание, мессианизм и византизм России. М.: W. Vafing, 2010. 480 с.; Трепавлов В.В. Белый царь. Образ монарха и представление о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Восточная литература РАН, 2007. 255 с.

⁵¹ Если Иван III принял за основу византийскую модель империи (или даже шире – римскую, поскольку «царь» – производное от «кесарь», «цезарь», как именовали правителей в Западной и Восточной римских империях [Горский А.А. О титуле «царь» в средневековой Руси (до середины XVI в.) // Одиссей. Человек в истории. 1996. С. 205–211; Филошкин А.И. Термины «царь» и «царство» на Руси // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 144–148]), отразившуюся в том числе и в титуле «царь», то Пётр I – западноевропейскую, также ведущую свою традицию к Древнему Риму, но несколько иную модель, что выразилось в принятии им титула «император».

⁵² Впрочем, учитывая особую роль «брачной дипломатии» в истории, начиная с Древнего мира, такое явление было нормой. Необычным было бы, если бы династия была «чистой» в этническом отношении. Каджары назначали наследниками принцев крови, т.е. рождённых от правителя и каджарки. Но учитывая этническое многообразие гарема, родственники (даже братья, как в случае с сыновьями Насреддин-шаха) будущего шаха были этнически смешанной крови. Впрочем, это не было главным. Главным было соблюдать принцип наследования для избежания кровавой борьбы за власть.

⁵³ Асатрян Г.С. Этническая композиция Ирана: От «Арийского простора» до Азербайджанского мифа. Ереван: Кавказский центр иранистики. 2012. С. 61.

государств был характерен мессианизм. В России – это стремление объединить под властью православного монарха и православной церкви всех православных христиан (позже – и славян), вернуть Константинополь и сделать Русское государство действительно «Третьим Римом» – духовно-религиозным центром истинно правильно верующих. Иран же со времён Сефевидов⁵⁴ являлся единственной страной исламского мира, где шиизм занимал господствующие позиции. Это положения как центра шиизма, обуславливало и внешнеполитические притязания иранских правителей, в частности, борьбу за турецкий Ирак с его шиитскими святынями. В то же время мечтой каджарских монархов, до Насреддин-шаха включительно, было воссоздание государства Надир-шаха Афшара и преемственность прежних династий, правивших в Иране⁵⁵. Общим для России и Ирана была многоукладность экономики. Правда, в деле перехода на капиталистические рельсы империя Романовых далеко обогнала своего конкурента. Обе империи отличались многоэтничным и многоконфессиональным (многорелигиозным) составом населения при наличии первенствующей конфессии: православия в России, шиизма в Иране. При этом титульные народы находились примерно в одинаковом положении: формально – первые, фактические – живущие не лучше других. В Персии, правда, имелась специфика. Если в России русский

⁵⁴ Тюркская династия, правившая в Иране 1501—1722 и 1729—1736 гг.

⁵⁵ В частности, это проявилось в заимствовании более ранней терминологии государственного аппарата, официальном языке (фарси) и культуре, а также претензии на древность имперской власти, отразившуюся в названии государства «Иран» и титула правителя «шаханшах» («шаханшах-и Иран воджуд-и ала хазрат-и агдас-и хомайун»). И.П. Петрушевский отмечал, что официальная терминология «Иран» и «шаханшах» не несла в себе какую-либо национальную идею, и со времен Сасанидов в Передней и Средней Азии с этими терминами связывалось теоретическое представление о «всемирной» монархии [Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX вв. Л.: Издательство ЛГУ, 1949. С. 38]. «Феномен иранского монархического национализма уходит своими корнями в эпоху древних персидских империй Ахеменидов и Сасанидов, – отмечал современный историк, – когда в представлении иранцев мир состоял из двух частей: собственно Ирана и всего остального (Иран ва ан-Иран). Унаследованный династией Сасанидов от эллинизированной парфянской династии Аршакидов институт шаханшаха являлся выражением абсолютного верховенства царствующего дома. Для подчёркивания величия пришедшая к власти династия Сефевидов также стала величать правителей Ирана шаханшахами. В умах иранцев Иран воспринимался как центр вселенной. С давних пор иранский этноцентризм стал составной частью мировоззрения населения этой страны. Неслучайно, например, что почти тысячу лет спустя после крушения династии Сасанидов, столицу Сефевидской империи ставили вровень с остальным миром: Эсфахан – несфеджахан!» [Гер-Оганов Н.К. От военной модернизации к национализму и национальному государству в каджарском Иране // *History and Historians in the Context of the Time*, 2015, Vol. (14), Is. 1. P. 40].

народ в составе великоруссов, белоруссов и малоруссов составлял «имперский этнос»⁵⁶, то в Иране собственно иранцы – титульный этнос – занимали второстепенное положение в сравнении с этносом, из которого происходила правящая династия. Иранцы (персы) составляли значительную часть городского населения, занимались главным образом торговлей, ростовщичеством и земледелием. Хотя из них и формировали несколько батальонов регулярной пехоты, но в основном они были освобождены от несения воинской повинности. Фактически «имперским» народом были турки Иранского Азербайджана, занимавшиеся по преимуществу сельским хозяйством⁵⁷. Они составляли костяк регулярной армии, что свидетельствовало не только об их личностных качествах как «хорошего военного материала», но и о том, что правящая династия предпочитала первоначально опираться на своих соплеменников⁵⁸. И в России русские, и в Иране турки Азербайджана в основном находились в той или иной степени зависимости от своих помещиков⁵⁹. В обеих государствах они не осуществляли функции господствующего (доминирующего) этноса, как это было в западных империях. Но к началу XX в. в обеих странах всё большую роль стал играть национализм. Помимо «малых» национализмов, здесь вырастают «имперские» его разновидности: русский с центральной идеей православия и иранский, с главенствующей идеей шиизма⁶⁰. Оба они имели этно-религиозную основу. Следует отметить, что долгое время понятия «русский» и «православный» (ср.: «русская вера»), а также «иранец» («перс») и «шиит» обозначали соответственно одно и то же. То есть этническая

⁵⁶ По крайней мере, формально: из него комплектовались вооружённые силы, им колонизовали окраины империи, его отчасти противопоставляли инородцам.

⁵⁷ Жигалина О.И. Этносоциальная эволюция иранского общества. М.: Восточная литература, 1996. С. 40–73.

⁵⁸ Впрочем, этно-национальная картина Ирана намного сложнее, чем она дана в представленном нами упрощённом варианте [Асатрян Г.С. Этническая композиция Ирана: От «Арийского простора» до Азербайджанского мифа. Ереван: Кавказский центр иранистики. 2012. 130 с.; Жигалина О.И. Этносоциальная эволюция иранского общества. Ин-т востоковедения РАН. М., Восточная литература, 1996. 264 с.].

⁵⁹ В Иране не было крепостного права в его российском варианте. Лично свободные крестьяне арендовали землю у тех, кто ею владел от имени государства. В России такая ситуация складывается только после отмены крепостного права в 1861 г.

⁶⁰ В Иране преобладающее значение имеет направление в шиизме, сторонники которого именуется шииты-двунадесятники, или иснаашариты. Они представляют умеренное направление в шиизме, в отличие от исмаилитов. Его сторонники признают своими духовными руководителями 12 имамов из рода Али ибн Абу Талиба, двоюродного брата и одного из ближайших соратников пророка Мухаммада. Они верят, что двенадцатый имам исчез в малолетнем возрасте в 873–874 гг. Это так называемый «скрытый имам», возвращения которого в качестве мессии (Махди) шииты-двунадесятники ожидают и поныне. Делятся на основное большинство и «алавитское» меньшинство.

компонента подменялась религиозной и вторая играла первенствующую роль. Но теперь на первое место выходит этническая составляющая. При этом сторонники «имперских» национализмов высказывали претензии на господство в собственном государстве⁶¹. Общим была и главенствующая роль общины в жизни обеих обществ. Однако в Иране общинные отношения охватывали и город и деревню, в то время как в России только деревню. Правда, к концу XIX в. под влиянием капиталистических отношений община постепенно расслаивается и «размывается».

Но были между государствами и существенные различия. Во-первых, в России династия была устоявшейся, легитимной в глазах большинства населения, в то время как в Иране власть Каджаров во многом держалась на позиции Великобритании и России. Во-вторых, система управления государством. В России она была устоявшаяся и динамичная, в то время как в Иране система существовала, но прямо зависела от правителя: со сменой шаха менялся практически весь верхушечный аппарат управления. К тому же частая смена управленцев в Иране была связана с торговлей должностями. Шах и нижестоящие управленцы, стремясь извлечь материальную выгоду, часто продавали должности тому, кто сделает больший взнос в их карман. При чём сроки, на которые продавались управленческие места, никакими законами или соглашениями не регулировались. Поэтому наиболее постоянной правящей элитой были выходцы из шахской семьи и низовое звено управления – ханы, ильханы и пр. руководители племён, селений и пр. В этом ключе следует отметить и третье различие: неравноценность элит⁶². В России оформились две культуры: элитная (т.е. дворян, интеллигенции) и народная. Они существенно отличались друг от друга. Переход снизу вверх был возможен, но не слишком прост. К тому же здесь сформировалась устойчивая, хотя и не слишком многочисленная бюрократия, а также общеимперская аристократия (т.е. собственно аристократия и дворянство), довольно монолитная. При этом в российской политической элите оставалось много от традиционного общества, что породило очень своеобразный

⁶¹ Жигалина О.И. Этносоциальная эволюция иранского общества. Ин-т востоковедения РАН. М., Восточная литература, 1996. С. 67–68. Детальнее о национализмах в России и Иране см.: Боев Э.Б., Воронкова Г.В. Национальная политика шахского правительства Ирана в 1925–1979 годах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2015_12-1_05.pdf; Галкина Е.С. Становление нации и пути национализма в Иране [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [vestnik.rsu.edu.ru/pdf/7_\(32\).pdf](http://vestnik.rsu.edu.ru/pdf/7_(32).pdf); Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М.: НЛЮ, 2006. 248 с.

⁶² Под элитой мы понимаем представителей управленческого аппарата, правящую верхушку.

сплав. Однако она была достаточно эффективной. В Иране же преобладали компоненты традиционных структур и мышления. Родо-племенная и областная знать сосуществовала со знатью «административной», назначавшейся шахом и его сыновьями. В результате здесь сосуществовали должностная иерархия и иерархия личностных отношений в форме вассалитета. Зачастую оба типа знати пересекались. Общеимперской аристократии здесь не сформировалось. Элиту составляли правящая династия, бюрократия, назначавшаяся шахом, общинно-клановая верхушка и духовенство. Постоянные перемещения снизу вверх и обратно были явлением довольно обычным. Знатность здесь не играла такой роли, как в России, поскольку по желанию шаха (или близких ему людей) любой знатный человек (главы племён, сельские «помещики» и т.п.) мог быть смешан с грязью, а никому не известный выходец из водоносов стать главой исфаханской армии или первым министром. Эта мобильность политической элиты Персии во многом определяла нестабильность её развития. К тому же в России активно формировалась буржуазия, тогда как в Иране при наличии своеобразной организации власти быть богатым было опасно⁶³. Это тормозило формирование нового социально-экономического класса, игравшего определяющую роль в европейском развитии. В-четвёртых, уровень лояльности правящих элит и различных сообществ (этнических, племенных, религиозных и пр.) центральному правительству в России был высоким, в то время, как тегеранское правительство было нелюбимо даже наиболее верными подданными. Пятой чертой различия было формирование самого тела государства. Если границы России устанавливались, как правило, представителями самой империи, то иранские границы оформились в XIX в. внешними силами. Тегеранское правительство лишь вынуждено было подписывать соответствующие документы, признавая то, что было определено без его или при его формальном участии⁶⁴.

Конечно, все вышеизложенные рассуждения нуждаются в более детальной проработке. Возможно, даже другие историки выделяют что-то новое. Тем не менее, для нас важны именно те сходства и отличия, на которые было указано. Следует отметить, что Иран не был отсталым государством, как его представляли в своих

⁶³ Это не значит, что в Иране не формировалась «денежная элита». Но её роль на политические процессы не была значительной.

⁶⁴ Firoozeh Kashani-Sabet. *Frontier Fictions: Shaping the Iranian Nation, 1804–1946*. I.B.Tauris, 2000. 328 p.

работах многие европейские наблюдатели. Тезис о «передовых и отсталых» государствах нуждается в серьёзной корректировке, поскольку и с точки зрения логики, и с точки зрения исторических реалий сравнивать можно только то, что имеет общее основание. В сравнение с европейскими державами Иран был государством другого типа – империей традиционного общества, с другой системой координат, государством относительно молодым, неустоявшимся (в сравнение, например, с Российской, Габсбургской, Цинской империями) которая в условиях господства европейской системы и активного навязывания европейского пути развития нуждалась в корректировке⁶⁵. Но вплоть до начала XX в. попытки корректировок, предпринимавшиеся Аббасом-мирзой, Таги-ханом, Насреддин-шахом, не имели глубокого и законченного характера, как, например, в России при и после Петра I.

Историография, источники и методика исследования

После Болгарии Персия стала местом наиболее удачного применения русских военных инструкторов во второй половине XIX – начале XX вв.⁶⁶. Созданная ими

⁶⁵ Ведь нельзя же говорить о ребёнке, что он отсталый только потому, что он не обладает опытом 40-летнего человека, или о столяре из-за того, что он не пишет исторические книги, как профессиональный историк.

⁶⁶ В дальнейшем опыт ПКБ был использован для создания монгольской военно-инструкторской миссии, в целом также удачного проекта русских военных. О военных миссиях России за рубежом см.: Гросул В.Я. Россия и формирование национальных регулярных армий Молдавии и Валахии // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 141–146; Жалсапова Ж.Б. Взаимоотношения России/СССР с Монголией/МНР в военной сфере: 1911–1939 гг. Автореферат дис. ... кандидата ист. наук. Хабаровск, 2009. С. 16–18; Жалсапова Ж. Деятельность русских военных инструкторов в Монголии (1912–1916 гг.) // Власть. 2008. № 12. С. 120–123; Казанова Ю.В. Русская военно-инструкторская миссия в Македонии: формирование и начало работы (Из истории реализации Мюрцштегской программы) // Русский сборник. М. 2009. Т. 6. С. 91–111; Ким Ен-Су. Русские военные инструкторы в Корее и корейская армия // Русский сборник. М.: Модест Колеров, 2006. № 2. С. 218–244; Овсяный Н.Р. Болгарское ополчение и Земское войско. К истории гражданского управления и оккупации в Болгарии 1877-78-79 гг. СПб.: Изд. Воен.-Ист. Комиссии Главного Штаба, 1904. 175 с.; Попов И. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М.: ООО Изд-во Астрель, ООО, изд-во АСТ, ЗАО НПП Ермак, 2004. С. 177–194; Сквозников А.Н. Македония в конце XIX – начале XX века – яблоко раздора на Балканах. Самара: Самар. гуманит. акад., 2010. С. 85–91; Фалько С.В. Военно-инструкторская миссия под руководством полковника К.В. Церпицкого в Бухарский эмират (1884 г.) // Гілея. 2016. Вип. 109. С. 106–115; Хохлов А.Н. Д.В. Путьята и его план модернизации корейской армии (1896–1898) // Вестник Центра корейского языка и культуры. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2013. Вып. 15. С. 172–202.

ПКБ просуществовала более 40 лет (1879 г. до 1920 г. (в 1916 г. была переформирована в дивизию)) и, не смотря на множество проблем, к началу XX в. превратилась в серьёзную вооружённую силу, ставшую со временем основой новой иранской армии. Однако в историографии развитие русской военно-инструкторской миссии⁶⁷ в Иране не получило всестороннего освещения. Историографическую основу изучения бригадного прошлого заложил один из её командиров – Владимир Андреевич Косоговский⁶⁸. Его «История ПКБ» до сих пор активно, но не критично, используется исследователями развития русской военной миссии как чуть ли не основной источник (в широком смысле слова) для рассматриваемого нами периода. Не отрицая компетентность автора (он около 9 лет руководил ПКБ, знал многих её командиров и офицеров, был хорошо осведомлён о перепетиях её истории как по устным рассказам, так и по документам штаба Кавказского военного округа), следует заметить, что стремление к самовосхвалению, затушёвывание одних и выпячивание других моментов из истории бригады позволяют усомниться в его объективности.

В дальнейшем, вплоть до начала XXI в. история ПКБ не являлась объектом пристального внимания историков. За это время появилось лишь 4 работы⁶⁹, в которых частично или в общем, но поверхностно рассматривалось развитие русской военной миссии. Первой из них была крайне тенденциозная и лишённая

⁶⁷ В литературе и источниках для обозначения группы военных, направленных и действующих в армиях других стран, именуют военными миссиями. Однако, строго говоря, для XIX в. правильно выделять военные и военно-инструкторские миссии. Первые включают в себя в основном военных советников для руководства вооружёнными силами иной державы, а вторые – инструкторов для обучения армии. Тем не менее, это не исключает возможности того, что вместе с военными советниками могут находиться офицеры и младшие командиры для инструктирования, а глава военно-инструкторской миссии может превратиться в военного советника. Исходя из этого, в своей работе российских инструкторов мы будем именовать преимущественно так, как их называли в источниках – военной миссией. Соответственно название военной миссии мы будем писать с маленькой буквы – «миссия», – а дипломатического представительства – с большой («Миссия»).

⁶⁸ Косоговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 390–402; Персия в конце XIX века. (Дневник ген. Косоговского) // Новый Восток. 1923. Кн. 3. С. 446–469.

⁶⁹ Мы не рассматриваем предисловия к публикациям документов из истории ПКБ 1920-х гг., появившихся в журнале «Новый Восток», поскольку они имели крайне тенденциозный характер и, строго говоря, исследованиями не были. Отчасти исследованием можно назвать предисловие к дневнику В.А. Косоговского, написанное Г.М. Поповым. Но в нём автор дал только краткий анализ личности В.А. Косоговского и архивных материалов его фонда в Российском государственном военно-историческом архиву (далее – РГВИА) [Из тегеранского дневника полковника В.А. Косоговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 3–10].

исторической критики⁷⁰ работа Михаила Павловича Павловича (Вельтмана), посвящённа в первую очередь участию ПКБ в подавлении персидской революции в 1908 г.⁷¹. Следующая работа принадлежала перу британского историка Фируза Казем-заде⁷². Это был достаточно качественный для того времени очерк по истории ПКБ, написанный на основе опубликованных источников. Тем не менее, отсутствие архивных материалов (как русских, так и британских) делает сейчас эту статью ценной лишь с историографической точки зрения.

Остальные 2 работы были написаны с опорой на материалы тогда ещё советских архивов. В первой – до некоторой степени фрагментарной работе Н.Р. Рихсиевой, в политическом ключе эпизодически рассматривался путь развития русской военной миссии с 1909 по 1912 гг. Затронула она и события 1893 г. Но выдержку из документа, где говорилось о начале кризиса, Н.Р. Рихсиева привела без связи с остальным текстом. Отдельно стоит отметить кандидатскую диссертацию Нугзара Константиновича Тер-Оганова⁷³. Рассматривая роль иностранных военных инструкторов в каджарской армии, он уделил отдельный параграф и российской военной миссии. Не смотря на использование им материалов РГВИА, Н.К. Тер-Оганов также пошёл по пути, предложенном В.А. Косоновским. В своей работе он дал очерк развития ПКБ, отталкиваясь от его схемы, без должного критического анализа.

⁷⁰ Её даже можно скорее назвать публицистическо-пропагандистской.

⁷¹ Здесь он активно использовал материалы британского профессора Эдуарда Гренвилла Брауна, изданные им в 1910 г. Книга эта содержала в себе большой фактический материал, в том числе и по истории ПКБ (в частности, здесь был впервые опубликован текст контракта о найме русских инструкторов в 1882 г.). Но её автор, не будучи профессиональным историком (а, возможно, действуя по заказу), подавал этот материал крайне тенденциозно, без должного анализа, присущего историческим исследованием (достаточно сказать, что именно он ввёл в оборот известные подделки – «рапорты Ляхова», речь о которых будет идти в последней главе). Фактически эта работа являлась публицистической, созданной на основе открытых источников и личных наблюдений, представляя собой своеобразный «поверхностный срез» по истории революции, но никак не научное исследование.

⁷² Kazemzadeh F. The Origin and Early Development of the Persian Cossack Brigade // The American Slavic and East European Review. 1956. Vol. 15. P. 351–364.

⁷³ Тер-Оганов Н.К. Создание и развитие иранской регулярной армии и деятельность иностранных военных миссий в Иране в XIX в. Автореф дисс. ... кандидата исторических наук. Тбилиси, 1984. 28 с.

Настоящий бум публикаций, посвящённых ПКБ начался с конца 1990-х гг.⁷⁴. Среди них следует отметить наши работы, публикации Н.К. Тер-Оганова и Ольги Александровны Красняк. Были введены в оборот материалы российских архивов – РГВИА и Архива внешней политики Российской империи, появились новые оценки событий, связанных с бригадным прошлым. На Западе также появились интересные публикации, касающиеся ПКБ⁷⁵. Но они имеют вторичный характер (за исключением статьи Н.К. Тер-Оганова и У. Раби), поскольку в основе

⁷⁴ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Восточная литература, 2012. 352 с.; Гоков О.А. Антитабачные протесты в Иране и Персидская казачья бригада // Инновации в технологиях и образовании: сб. ст. участников Международной научно-практической конференции «Инновации в технологиях и образовании», 18–19 марта 2016 г. Белово: Изд-во филиала КузГТУ в г. Белово; Изд-во ун-та «Св. Кирилла и Св. Мефодия», Велико Тырново, Болгария, 2016. Ч. 3. С. 239–242; Гоков О.А. Качество подготовки личного состава истатус Персидской казачьей бригады в 1882–1885 гг. // Клио. 2014. № 9. С. 95–97; Гоков О.А. К вопросу о личности третьего командира Персидской казачьей бригады // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. 2013. № 1 (260). Ч. 2. С. 83–92; Гоков О.А. Кризис в Персидской казачьей бригаде. 1889–1895 гг. // Клио. 2008. № 2. С. 91–98; Гоков О. Неизвестный эпизод из истории «Восточного вопроса»: российская военная миссия 1877 г. в Персию // Известия на института за исторически изследования. Сборник в чест на проф. д.и.н. Стефан Дойнов. София: Академично издателство Професор Марин Дринов 2014. Т. 31. С. 115–134; Гоков О.А. Персидская казачья бригада в 1882–1885 гг. // Восток. 2014. № 4. С. 48–60; Гоков О.А. Персидская казачья бригада в воспоминаниях А.М. Алиханова-Аварского // Инновации в технологиях и образовании: сб. ст. участников VII Международной научно-практической конференции «Инновации в технологиях и образовании», 28–29 марта 2014 г. Филиал КузГТУ в г. Белово. Белово: Изд-во филиала КузГТУ в г. Белово, Россия; Изд-во ун-та «Св. Кирилла и Св. Мефодия», Велико Тырново, Болгария, 2014. Ч. 4. С. 93–96; Гоков О.А. Причины создания Персидской казачьей бригады в историографии и источниках // Инновации в технологиях и образовании. Материалы V международной научной конференции: Сб. ст.: В 4 ч. Белово: Изд-во филиала КузГТУ в г. Белово, 2012. Ч. 3. С. 12–15; Гоков О.А. Российская военная миссия в Иран в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Клио. 2014. № 2. С. 90–96; Гоков О.А. Российские офицеры и персидская казачья бригада (1877–1894 гг.) // Canadian American Slavic Studies. 2003. Vol. 37. № 4. P. 395–414; Гоков О.А. Русская военная инструкторская миссия в Персии под руководством полковника Генерального штаба Н.Я. Шнеура // Русский Сборник. М., 2017. Т. 21. С. 154–208; Гоков О.А. Создание и начальный этап существования Персидской казачьей бригады (1879–1882 гг.). Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2014. 128 с.; Красняк О.А. Русская военная миссия в Иране (1879–1917 гг.) как инструмент внешнеполитического влияния России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Krasniak.pdf; Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М., 2007. 160 с.; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Восточная литература, 2012. 352 с.; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада: период трансформации (1894–1903 гг.) // Восток. 2010. № 3. С. 69–79.

⁷⁵ Cronin S. Deserters, Converts, Cossacks and Revolutionaries: Russians in Iranian Military Service 1800–1920 // Iranian-Russian Encounters: Empires and Revolutions since 1800. Abingdon, UK and New York: Routledge, 2012. P. 143–187; Cronin S. Importing Modernity: European Military Missions to Qajar Iran // Comparative Studies in Society and History. 2008. Vol. 50. Is. 1. P. 197–226; Rabi U., Ter-Oganov N. The Russian Military Mission and the Birth of the Persian Cossack Brigade: 1879–1894 // Iranian Studies. 2009. Vol. 42. № 3. P. 445–463.

их лежат не исторические источники, находящиеся в архивах России и Британии, а в лучшем случае – опубликованные источники. В основном же авторы этих работ опираются на работы друг друга или иных учёных. Исследователи либо повторяли сведения В.А. Косоговского и А.И. Домонтовича, ограничиваясь для остального рассуждениями общего характера, либо вообще их опускали. Вообще, для подавляющего большинства работ характерен акцент на «популярных» моментах в истории ПКБ, о которых существуют опубликованные источники, или которые активно освещались в современной прессе и литературе. Исключение составляет крайне интересное исследование Павла Бабича о взглядах В.А. Косоговского на Персию и персидскую политику России, основанное на материалах личного фонда офицера, хранящихся в РГВИА ⁷⁶. Интересно, что использование работ В.А. Косоговского позволило автору даже без серьёзного изучения раннего этапа развития ПКБ сделать несколько точных выводов относительно её места в российской внешней политике.

Тем не менее, для подавляющего большинства научных и научно-популярных работ, даже выдержанных в добротном научном стиле, характерно множество ошибок, неточностей, использования непроверенной информации и даже неосознанных искажений в изложении истории ПКБ ⁷⁷. По возможности, большинство из них мы рассмотрим в главах нашей работы. Здесь же отметим недостатки, характерные для историографии ПКБ вне зависимости от происхождения. Во-первых, это концентрация внимания на «популярных», «раскрученных» моментах истории ПКБ, которые либо освещены в опубликованных источниках, либо стали предметом политико-публицистических дебатов. Это: создание ПКБ в 1878–1879 гг. (по воспоминаниям А.И. Домонтовича), кризис 1895

⁷⁶ Babich P. A Russian officer in Persian Cossack Brigade: Vladimir Andreevich Kosagovskii. Budapest: CEU, 2014. 84 p.

⁷⁷ Это характерная особенность историографии всей истории ПКБ. Для примера сошлёмся лишь на небольшой эпизод с биографическими данными «иранского» периода жизни одного из командиров бригады периода Первой мировой войны 1914–1918 гг. – полковника ГШ Георгия Иосифовича Клерже, разобранный А.Л. Посадсковым [Посадсков А.Л. Либеральный полковник из Осведверха: лабиринты судьбы Г.И. Клерже – офицера, журналиста и мемуариста // Клерже Г.И. Революция и гражданская война: личные воспоминания. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2012. С. 10–26]. В нашем исследовании мы не будем рассматривать блок компилятивных, публицистических и откровенно пропагандистских статей, в которых говорится о ПКБ. Они основаны на опубликованных воспоминаниях и научных публикациях и не представляют научной ценности. Однако следует заметить, что, например, в пространстве Интернета именно они формируют у обывателя представление о ПКБ. Поэтому следует заметить что указанные для анализируемых нами работ недостатки здесь предстают в гипертрофированной форме. Но поскольку недостатки научных работ мы будем разбирать в нашем исследовании, то от отдельной характеристики ошибок и искажений, допущенных в указанном блоке литературы, мы воздержимся.

г. (по воспоминаниям В.А. Косоговского), расстрел меджлиса и переворот 1908 г. (крайне политизированный как в русскоязычной, так и в англоязычной и иранской историографии), и, наконец, бригада накануне и в период Первой мировой войны и её ликвидация (по опубликованным документам из царского архива Министерства иностранных дел, воспоминаниям иностранцев; вопрос отчасти политизированный). Классическим примером может служить статья о ПКБ в довольно авторитетной «Encyclopædia Iranica»⁷⁸ и работа по истории иранской армии в 1880–1917 гг. американского историка Реза Раисс Туси⁷⁹ и историка иранской армии Стефани Кронин⁸⁰. Во-вторых, – перенос реалий начала XX в. на более раннюю историю ПКБ, «опрокидывание настоящего в прошлое»⁸¹, что приводит к фактическим и теоретическим ошибкам, в том числе и в истории ПКБ. Наконец, в-третьих, – незначительное внимание к роли личности. А ведь, как следует из источников, в вопросе создания и функционирования российской военной миссии в Персии указанный фактор играл значительную, а иногда даже решающую роль. Личное мнение шаха (который не отличался постоянством), позиция людей из его окружения, интриги в нём, взаимоотношения российских командиров бригады с дипломатическими представителями России в Тегеране и персидскими сановниками, личные качества самих офицеров ПКБ – все эти факторы имели, по нашему мнению, первоочередное значение в деятельности российской военной миссии.

Для примера отмеченных особенностей, приведём несколько цитат из научных работ с небольшим разбором содержащихся в них ошибок, сделанным в сносках. «Важную роль в упрочении и распространении русского влияния, в Иране сыграла казачья бригада, – отмечалось в коллективной монографии 1978 г. – Во

⁷⁸ Atkin M. Cossack Brigade // Encyclopædia Iranica. Vol. VI. Fasc. 3. P. 329–333 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iranicaonline.org/articles/cossack-brigade>.

⁷⁹ Reza Ra'iss Tousi. The Persian Army, 1880–1907 // Middle Eastern Studies. 1988. Vol. 24. Is. 2. P. 219–226.

⁸⁰ Cronin S. The Army and Creation of the Pahlavi State in Iran, 1921–1926. I.B.Tauris, 1997. P. 54–107. Впрочем, глава, посвящённая ПКБ, охватывает период с 1906 по 1921 гг., но содержит небольшое введение. И здесь присутствуют все указанные составляющие, с оговоркой, что исследовательский акцент сделан на первую четверть XX в.

⁸¹ В этом ключе хочется также заметить, что многие историки пишут из сегодня, уже зная, как развивались те или иные события. Но при этом они забывают, что в тот или иной момент истории то, как именно будет идти тот или иной процесс, известно не было, и могли существовать разные варианты протекания событий.

время второго путешествия Насреддин-шаха в Европу в 1878 г., царскому правительству удалось склонить его к созданию персидской казачьей бригады для личной охраны шаха и его семьи по образцу русских казачьих полков⁸². В 1879 г. российское правительство получило от персидского шаха фирман⁸³, по которому была создана персидская казачья бригада⁸⁴; офицеры в эту бригаду присылались из Петербурга⁸⁵. В этом же году в Тегеран была направлена российская военная миссия во главе с подполковником генштаба А.И. Домонтовичем. Для создания бригады было выделено 400 кавалеристов, впоследствии их число было увеличено. К 1880 г. бригада была полностью сформирована и состояла из двух полков. В виде подарка бригада получила от российского правительства четырёхорудийную батарею нового образца. Бюджет бригады определялся в 40 тыс. туманов в год и обеспечивался в основном доходами от таможен Северного Ирана⁸⁶. А так как все таможни Северного Ирана находились фактически в руках России, то и жалованье для офицеров и солдат бригады выплачивалось российским правительством. Согласно уставу бригады её возглавлял шах⁸⁷, что значительно поднимало её престиж и ставило в привилегированное положение в иранской армии^{88»}⁸⁹.

Игорь Владимирович Базиленко в одной из своих работ писал следующее: «Окончательно бригада была сформирована к 1881 г.⁹⁰, однако до середины 90-х гг. XIX в. российское правительство уделяло ей мало внимания, вспоминая только тогда, когда в этом была политическая необходимость. В скором времени

⁸² Не для личной охраны шаха – эту функцию выполнял отряд из племени Каджаров.

⁸³ Фирман (шахский указ) получило не персидское правительство, т. к. фирман относился к внутренним делам Каджарской монархии. К тому же речь шла не о фирмане, а о контракте на наём русских инструкторов, который был дополнен русско-персидской конвенцией о создании первой кавалерийской части.

⁸⁴ Создана была не бригада. Согласно контракту инструкторы должны были обучить часть персидской кавалерии. В итоге они получили первоначально для обучения только полк (фоудж) и то не полного, по иранским меркам, состава.

⁸⁵ Офицеры, за редким исключением, присылались из Кавказского военного округа.

⁸⁶ Таможенными доходами он стал обеспечиваться с начала XX в. первоначально основой его служило жалование мухаджиров (детальне см. 2 главу).

⁸⁷ Никакого устава ПКБ до начала XX в. не существовало. Главой её считался Заведующий обучением персидской кавалерии, который по службе подчинялся не шаху, а иранскому военному министру.

⁸⁸ Привилегированность заключалась не в этом, а в том, что ПКБ пользовалась покровительством российской дипломатической Миссии и здесь регулярно, в сравнении с остальной частью иранской армии, платили жалование.

⁸⁹ Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 138.

⁹⁰ В 1880 г.

Персидская казачья бригада стала самой боеспособной частью иранской армии, настоящей школой подготовки офицерских кадров, давшей Ирану первых представителей военной интеллигенции, включая основателя будущей правящей династии Пахлави (1925–1979). Первоначально бригада состояла из двух полков и батареи конной артиллерии⁹¹. Официально она именовалась «Его Величества Шаха бригада». Возглавлял её «заведующий обучением персидской кавалерии». Это место занимал обычно российский полковник Генерального штаба (далее – ГШ), которого назначало, с одобрения военного министра и императора, военное начальство Кавказского военного округа. Он непосредственно подчинялся шаху и военному министру, но зависел и от российского посланника в Тегеране, с которым должен был согласовывать все свои действия, и от которого он получал постоянные инструкции. Рапорты отправлялись в штаб Кавказского военного округа. Кроме командира в бригаде находилось от трёх до пяти военных инструкторов из обер-офицеров частей Терского и Кубанского казачьих войск⁹². Жалование инструкторы получали по штату от российского правительства и от иранского правительства – в зависимости от благорасположения шаха»⁹³.

«В 1879 г. главной боеспособной воинской частью персидской армии стала Особая казачья бригада⁹⁴, – писал другой современный российский историк, – сформированная указом императора Александра II по просьбе шаха⁹⁵. Костяк бригады составляли русские офицеры⁹⁶»⁹⁷.

В 7-м томе «Кембриджской истории Ирана», изданной в 2008 г., отмечалось, что «после его (Насреддин-шаха – О.Г.) поездки по России в 1878 году шах был

⁹¹ А также военного оркестра и гвардейского полуэскадрона, переформированного в эскадрон.

⁹² Штаб-офицеров было 3, а обер-офицеров было 5.

⁹³ Базиленко И.В. Православная Россия и шиитский Иран: По страницам истории отношений (XVI – нач. XX вв.). С. 175–176 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: christian-reading.info/data/2011/02/2011-02-05.pdf. Информация эта почерпнута из наших статей без ссылки на них [См., например, Гоков О.А. Историография истории Персидской казачьей бригады // Russian History. 2006. Vol. 33. № 1. P. 63]. В воспоминаниях А.И. Домонтовича, на которые ссылался учёный, приведенный им сведений нет. А от шаха они получали жалование согласно контракта.

⁹⁴ Бригада была сформирована только в 1880 г., и называлась Персидская его величества шаха казачья бригада.

⁹⁵ Никакого указа российского императора о формировании персидской воинской части в Иране не было и не могло быть.

⁹⁶ Костяк ПКБ составляли мухаджиры – группа тюркоязычных племён, покинувших Южный Кавказ после завоевания его русскими в 1829 г.

⁹⁷ Мультиатули П.В. Внешняя политика императора Николая II (1894–1917). М.: ФИВ, 2013. С. 377.

впечатлён российскими казачьими войсками, и просил русских офицеров для командования и обучения по-новому Персидской казачьей дивизии⁹⁸, которая была основана в 1879 году. Она вскоре стала единственной хорошо обученной и надёжной частью персидской армии (более, чем 2 000 человек в 1890-е годы⁹⁹), полезной в основном для защиты шаха и его правительства. Кроме того, была ещё одним инструментом российского влияния в Иране»¹⁰⁰.

Людмила Михайловна Кулагина в своей работе 2010 г. значительное место отвела очерку о ПКБ. В нём наиболее адекватно, в сравнении с другими «обобщениями» изложены основные моменты истории ПКБ. Хотя очерк основан на архивном материале, но также не свободен от неточностей. «Важную роль в упрочении и распространении влияния России в Иране сыграла Казачья бригада, – писала она. – После второго европейского турне в 1878 г., во время путешествия Насреддин-шаха по Закаспийскому краю¹⁰¹ его повсюду сопровождало подразделение русских казаков¹⁰². Их искусство верховой езды, организованность, яркая униформа произвели на шаха положительное впечатление, и он выразил желание организовать подразделение конницы в своей армии по образцу русских казачьих полков для личной охраны.

Казачья бригада была организована на основании Конвенции 1879 г.¹⁰³, заключённой между русским правительством и Насреддин-шахом. Цель учреждения этого военного подразделения с русскими офицерами во главе определялась в Конвенции: «Командир бригады должен направлять свои силы, усердие и знания на сформирование из подчинённых ему людей надёжной и верной воинской части, готовой всегда служить Его Величеству Шаху». В этом же году Россия направила в Тегеран военную миссию во главе с полковником ГШ А.И. Домонтовичем,

⁹⁸ Дивизия была создана лишь в начале Первой мировой войны.

⁹⁹ До начала XX в. ПКБ никогда не превышала 1 500 человек, и даже до этой цифры была доведена только в 1899 г.

¹⁰⁰ The Cambridge History of Iran. From Nadir shah to the islamic republic. Cambridge University Press, 1991. Vol. 7. P. 191–192.

¹⁰¹ Закавказскому краю.

¹⁰² Исследовательница фактически воспроизвела воспоминания первого главы русской военной миссии в тегеране А.И. Домонтовича.

¹⁰³ В 1879 г. были подписаны контракт 7 февраля и конвенция 1 июля о создании первой конной части. Здесь речь идёт о конвенции.

состоящую из 3 офицеров и 5 урядников. Для создания бригады Иран выделил 400 всадников иррегулярной кавалерии, впоследствии их число было увеличено. К 1880 г. бригада была полностью сформирована. В виде подарка бригада получила от русского правительства батарею из четырёх орудий образца 1877 года. При поддержке российского посланника И.А. Зиновьева Домонтович организовал отряд, обучил его и в конце 1879 г. представил шаху. Бригада сразу же завоевала одобрение Насреддина. В 1894 г. командиром бригады стал российский офицер В.А. Косооговский, который много сделал для подъёма авторитета бригады. Создавая казачью бригаду под управлением русских офицеров, российское правительство прежде всего рассчитывало усилить влияние на шаха и правящие круги Ирана и укрепить свои позиции в стране¹⁰⁴. По официальному статусу Казачья бригада до 1909 г. находилась в ведении садразама¹⁰⁵. В связи с принятием конституции и учреждением меджлиса конвенция о бригаде была подтверждена уже новым иранским правительством с изменением лишь её подчинения. Теперь Казачья бригада подчинялась военному министру Ирана¹⁰⁶. Бригада являлась личной гвардией шаха и его окружения, выполняла все его указания, охраняла порядок, сопровождала шаха в поездках¹⁰⁷. Летом части бригады охраняли иностранные миссии в Шимране. Оторванность бригады от основной массы иранского населения делала её крайне непопулярной в Иране¹⁰⁸. Хотя формально казачья бригада и находилась в ведении иранских властей, зачастую в своей деятельности она была вполне независима. Казачья бригада контролировалась военным министром России, в военное время подчинялась штабу Кавказского округа¹⁰⁹. Действиями бригады в

¹⁰⁴ Идея приглашения русских военных инструкторов принадлежала посланнику в Тегеране И.А. Зиновьеву, стремившемуся парализовать английское влияние при шахском дворе в условиях начавшейся борьбы за туркменские земли. Далекоидущих планов относительно миссии не выдвигалось, однако из её истории очевидно, что один раз «застолбив» место, отказываться от неё уже не собирались.

¹⁰⁵ До 1895 г. она находилась в ведении военного министра, а с 1895 г. – первого министра.

¹⁰⁶ В сущности, это было возвращение к старому порядку подчинения. И в случае 1895 г., и в данном случае решения о переподчинении носили политический характер.

¹⁰⁷ Все эти функции она приобретает только в начале XX в.

¹⁰⁸ Здесь автор идёт на поводу у иранских конституционалистов периода Иранской революции 1905–1911 гг. На самом деле авторитет ПКБ среди простого населения был очень высок: помимо впечатляющего внешнего вида «казаков», бригада давала защиту против любого произвола и стабильное жалование. Непопулярной она была в среде тех, кто стремился захватить власть в стране, социалистов и националистов.

¹⁰⁹ Эти подчинение и контроль были введены только во время Первой мировой войны.

Иране непосредственно руководило российское посольство в Тегеране, и от него зависело назначение руководства бригады¹¹⁰. Подчинённость Казачьей бригады российским властям вызывала недовольство иранского правительства, которое видело в ней прежде всего иностранную воинскую часть, навязанную Ирану и непригодную для несения службы внутри страны¹¹¹, – поддержание порядка в провинциях, охраны торговых путей, содействия правительственным органам при сборе налогов и т.п.¹¹². Русские офицеры, служившие в бригаде находились одновременно на действительной службе в России, а не в запасе. Чтобы устранить разногласия с иранскими властями, было решено, что русские офицеры будут проходить службу согласно контракту, который заключался в Иране со всеми иностранными инструкторами. При наборе офицеров в бригаду русское командование ставило определённые условия¹¹³: опыт службы на Кавказе или в среднеазиатском регионе, минимальное знание персидского языка, знание французского или другого европейского языка, знакомство с Востоком и восточными обычаями. Одним из острых был вопрос о русских низших чинах бригады, в частности урядниках. Они приезжали в Иран на неопределённый срок¹¹⁴ и находились в привилегированном положении по сравнению с иранским составом бригады. Они пользовались своим положением и порой злоупотребляли им, что вызывало неприязненное отношение к ним среди иранцев. Состав урядников

¹¹⁰ Миссия руководила деятельностью русских инструкторов, поскольку формально они были русскими наёмниками на иранской службе. Роль же в назначении командиров ПКБ не была всеобъемлющей. Выбор из был возложен на кавказское начальство, после чего следовало согласование кандидатуры с Военным министерством и Министерством иностранных дел. Последнее, одновременно, запрашивало мнение посланника в Тегеране (согласование с посланником могло начинаться и на уровне руководства Кавказского военного округа).

¹¹¹ Относительно охраны порядка внутри страны – ПКБ была единственная до 1911 г., когда была создана жандармерия под руководством шведских офицеров, воинская часть, являвшаяся опорой внутреннего порядка. Опять же здесь автор повторяет обвинения иранских конституционалистов, высказывавшиеся в адрес ПКБ и её командира особенно активно с 1909 г., негласно поддерживавшиеся английской Миссией. Среди правительственных кругов Персии последней четверти XIX в. отношение к ПКБ было далеко не таким однозначным. Она мешала прежде всего тем, кто стремился свергнуть действующую власть.

¹¹² Все эти функции ПКБ приобрела только во второй половине 1890-х гг.

¹¹³ Вплоть до конца века никаких чётко сформулированных условий относительно кандидатов на инструкторские должности не существовало. Обращалось особое внимание лишь на то, чтобы офицеры были кавалеристами или конными артиллеристами, и все инструкторы должны были носить в Иране казачью форму, даже если они не служили в России в казачьих войсках.

¹¹⁴ Урядники до конца XIX в. приезжали в Иран по контракту на 3 года.

менялся редко, они приезжали обычно с семьями и обосновывались на долгие годы. Их обвиняли в плохой организации военного обучения иранцев¹¹⁵ Казачья бригада не отчитывалась в своих финансовых расходах перед иранским правительством, она действовала бесконтрольно, что вызывало неоднократные протесты с его стороны¹¹⁶. Впервые отчёты бригады были представлены военному министру и главному казначейству в 1913 г.¹¹⁷, в которых давались отчёты начиная с 1909 г.»¹¹⁸.

В работе Геннадия Владимировича Потапова писалось следующее: «в 1879 году ... на основании конвенции между российским правительством и Насреддин-шахом была создана ПКБ, являвшаяся наиболее боеспособной воинской частью в иранской армии. Хотя, согласно уставу бригады, её возглавлял шаханшах¹¹⁹, она фактически подчинялась военному министру России, а в военное время – штабу Кавказского округа. Командовал бригадой русский офицер, обычно полковник ГШ. Старшие офицеры присылались из Петербурга, причем они продолжали оставаться на действительной службе в России. Бригада состояла из двух полков, насчитывала около 3 500 казаков, 40–50 русских офицеров, более 200 иранских офицеров, из которых половина только числилась. Иранский офицерский, унтер-офицерский и частично даже рядовой состав бригады комплектовался в основном из родственников шаханшаха и сыновей ханов. Вооружение бригады всё поставлялось из России. Бюджет ПКБ составлял примерно 500 000 туманов в год и обеспечивался преимущественно доходами от таможен Северного Ирана. А поскольку все таможи в Северном Иране находились в руках России, то и жалованье личному составу

¹¹⁵ Всё, что касается урядников, характерно, главным образом, для конца XIX – начала XX в., когда с 1895 г. были сняты ограничения в сроке пребывания русских инструкторов на своих должностях. Что до обвинений, то это опять-таки следование во многом эмоциональным и необоснованным обвинениям со стороны иранских конституционалистов периода Иранской революции.

¹¹⁶ Здесь автор также приводит обвинения со стороны конституционалистов, которые практически не отвечали действительности последней четверти XIX в. В финансовом отношении ПКБ до конца века полностью зависела от военного министра Персии.

¹¹⁷ Впервые в XX в. В рассматриваемый нами период по окончании контракта каждый командир ПКБ отчитывался в своих расходах перед иранским военным министром и, отчасти, русской Миссией.

¹¹⁸ Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 136–140.

¹¹⁹ Шаханшах – «царь царей»; титул персидских монархов, ведущий своё происхождение от династии Ахеменидов (558–330 гг. до н.э.), чьи правители впервые стали себя так именовать. С небольшими перерывами использовался различными династиями на иранском престоле около 2 500 лет.

бригады платилось российским правительством»¹²⁰. В этом сообщении действительности 1879–1882 гг. соответствовало лишь то, что в 1879 г. было заключено соглашение между правительствами Ирана и России об обучении русскими инструкторами части персидской кавалерии; что командовал ПКБ офицер ГШ; что русские офицеры, служа в Персии, числились на службе и в России; и что бригада состояла из 2-х полков, а вооружение поставлялось из империи Романовых. Всё же остальное – либо откровенные неточности, либо факты, относящиеся к началу XX в.

В одной из последних обобщающих работ по всемирной истории о ПКБ писалось следующее: «Важную роль в упрочении и распространении русского влияния в Иране сыграла казачья бригада. Во время второго путешествия Насреддин-шаха в Европу в 1878 г. царскому правительству удалось склонить шаха к созданию персидской казачьей бригады по образцу русских казачьих полков для личной охраны шаха и его семьи¹²¹. Согласно уставу бригады¹²², её возглавлял шах¹²³, что значительно поднимало её престиж и ставило в привилегированное положение в иранской армии¹²⁴»¹²⁵.

В своей работе современный исследователь постоянно сталкивается с теоретическими разработками-«штампами», которые мешают действительно объективному исследованию. Эти «штампы» формируются историками и формируют целые поколения историков, создавая направления и школы в исторической науке. Чаще всего они складываются следующим путём: кем-то из историков на небольшом или же на слишком обширном и слабо обработанном материале выдвигается гипотеза, находящая в силу «модности» своих сторонников.

¹²⁰ Потапов Г.В. Персидская империя. Иран с древнейших времён до наших дней. М.: Алгоритм, 2013. С. 262.

¹²¹ Склонить шаха удалось не правительству, а посланнику в Тегеране; к созданию не бригады, а к принятию русских инструкторов для обучения части персидской кавалерии; не для охраны шаха и его семьи, а для реформирования части иранской кавалерии, а точнее – для ограждения иранской армии от проникновения британских военных инструкторов.

¹²² Устава ПКБ не существовало.

¹²³ Возглавлял ПКБ Заведующий обучением персидской кавалерии, русский полковник ГШ, подчинённый иранскому военному министру. Учитывая всеохватывающую власть шаха, можно, конечно, говорить и о том, что ПКБ подчинялась шаху.

¹²⁴ Престиж ПКБ поднимало покровительство русской Миссии и регулярная выплата жалования.

¹²⁵ Всемирная история: В 6 т. М.: Наука, 2014. Т. 5: Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. С. 571.

Сторонники рекламируют её, новизной (или «европейскостью», «западностью») создавая условия для привлечения новых исследователей. Однако беда заключается в том, что исследователи эти, особенно малопытные молодые учёные, увлечшись, подгоняют под гипотезу фактический материал, даже если он ей противоречит. Наиболее ярким примером может служить советский марксизм-ленинизм, вынуждавший историков приспособливать свои исследовательские выводы под уже готовые ответы. Относительно нашей тематики хорошим примером является теория т. н. «военной революции». Её сторонники много сделали для изучения военной истории мира. Однако теоретическая конструкция, созданная в своё время на очень узком материале, до сих пор довлеет над ними, неосознанно заставляя подгонять выводы своих разработок под идею «военной революции»¹²⁶. В случае с ПКБ, к сожалению, высказанные отдельными историками штампы¹²⁷, до сих пор довлеют над теми, кто пишет о бригаде. В результате, за время существования «бригадной историографии» в ней накоплено множество неточностей и даже грубых ошибок, которые тиражируются от исследователя к исследователю. Не свободными от них оказались и солидные работы, посвящённые непосредственно истории ПКБ. Тем не менее, мы далеки от мысли, что большинство историков сознательно вводили и вводят своих читателей в заблуждение. Скорее, виной множества неточностей является небрежное отношение к источникам и информации.

Модернизация истории, эмоциональность исследования, эссеизм, увлечённость конкретным методом или методикой (особенно национальным подходом к историописанию)¹²⁸ – вот методологические недостатки многих

¹²⁶ Лучшим доказательством этому служит неопределённость в датировке «военной революции», которую произвольно то расширяют, то сужают в хронологических рамках, поскольку реальный материал противоречит главенствующей концепции, однако отказаться от неё историки не могут.

¹²⁷ Особенно в «национальном», проиранском или антиколониальном ключе.

¹²⁸ Примером такой увлечённости методикой ориентализма может служить интересная работа Владимира Олеговича Бобровникова, посвящённая сравнительному анализу положения Алжира и русского Кавказа [Бобровников В. Русский Кавказ и французский Алжир: случайное сходство или обмен опытом колониального строительства? // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700-1917)*: Сб.ст. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 182–209]. Здесь автор, говоря много о воображаемом, забывает, что Алжир был к началу XIX в. пиратской столицей Средиземноморья, а горцы Кавказа славились в первую очередь разбойническими набегами, в том числе и для угона людей в рабство (к слову, аналогичная ситуация была в XIX в. и с туркменами). И это не были игры воображения российских или французских авторов. Образы горцев (и туркмен, о которых речь будет отдельно) складывались под влиянием ориентальных стереотипов лишь отчасти. В первую очередь формирующим фактором

современных работ по истории. При этом иногда игнорируется принцип историзма¹²⁹. В своих исторических построениях мы ориентируемся не на

было реальное взаимодействие народов, при чём большое значение имели первые контакты, которые часто оказывают влияние на складывание образа «другого». А контакты эти, как и последующие, для русских были негативны и связаны были с разбоем и вооружёнными набегами на российские территории. Много рассуждая о причинах проникновения русских на Кавказ, а французов в Алжир В.О. Бобровников почему-то вообще упускает из внимания экономические мотивы, а ведь во французском случае они играли немаловажную роль, в то время как в российском – второстепенную. Говоря о колониальных отношениях, колониальном характере, колонизации и подводя читателей к мысли о схожести двух колониальных империй, исследователь абсолютно не поясняет, что имеет в виду под этими терминами. Указание на то, что «главным признаком колонии в обоих случаях был туземный статус населения ... автономного, ущемлённого в правах по сравнению с гражданами метрополии или Центральной России» [Там же. С. 198], представляется крайне недостаточным, поскольку статус населения не является главным признаком колонии, а лишь второстепенным. В указанной статье мы видим классический пример того, когда исследователь в поисках воображаемого своё воображение, основанное на абсолютизированной методике, возможно и сам того не желая, подставляет вместо и исследуемого, и реальных фактов, Когда поиск воображаемого захватывает исследовательское воображение, и он сам начинает мыслить за объекта изучения, иногда то, чего на самом деле тот и представить не мог. Таким образом происходит подмена воображения исследуемого воображением исследователя, которое выдаётся последним за первое. Ещё одним примером увлечённости методикой представляет собой империология. В России и Украине она ярко представлена на страницах интересного журнала «Ab imperio». Но, к сожалению, помимо чрезмерной увлечённости многими авторами «имперскими мотивами», они страдают и ещё одним существенным недостатком – плохим русским языком. Многие статьи в нём, написанные на русском языке, невозможно читать без переводчика, поскольку они пестрят во многом неоправданными иноязычными заимствованиями. К тому же литература на русском и вообще кириллических языках, почему-то транслитерируется, а не пишется на языке оригинала. Здесь мы имеем классический пример «детской» или «рабской» психологии: дети и рабы всегда хотят походить на старших/хозяев, поэтому часто копируют их. Это выглядело бы довольно смешно, если было бы не так опасно для развития науки. Многие авторы сочинений на имперскую тематику настолько увлекаются новизной или модой подхода, что в любом событии или явлении видят имперские мотивы, а термины «империя», «имперский», «имперскость» и т.п. используют и по делу, и без дела [Например, Мартин В. Барымта: Обычай в глазах кочевников, преступление в глазах империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М.: Новое издательство, 2005. С. 360–391].

¹²⁹ Принцип рассмотрения мира, природных и социально-культурных явлений в динамике их изменения, становления во времени, в закономерном историческом развитии, предполагающий анализ объектов исследования в связи с конкретно-историческими условиями их существования. Существуют и другие близкие определения: 1) один из принципов исторического познания, требующий любое историческое событие изучать в развитии и с учетом конкретной ситуации; 2) основание исторического сознания, предполагающее различие между прошлым и настоящим, соблюдение исторического контекста и восприятие истории как процесса, указывающее на конкретные пути извлечения полезных знаний в ходе научного исторического исследования [Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М.Аквилон, 2014. С. 149–151; Барг М. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987. 354 с.; Горюнков С.В. Историзм: кризис понятия и пути его преодоления // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2010. № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Goriunkov/>; Кузнецова Т.Ф. Историзм и тезаурусный анализ культуры // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2008. № 9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/9/Kuznetsova/>].

национальный подход к историописанию, а на научный¹³⁰. Соответственно в методологическом отношении мы являемся сторонником принципа «от частей к общему»¹³¹, т. е. считаем, что для создания той или иной концепции необходимо сначала изучить все возможные источники и детали, а уже затем выходить на уровень обобщений. Мы не разделяем убеждения, характерного для значительной части историографий, что идти нужно от общего к частному¹³². При таком подходе, чаще всего, умозрительные концепции доказываются или опровергаются источниками или фактическим материалом, а «преобразуют» их под себя. Классическими примерами могут служить марксистско-ленинская концепция исторического процесса, господствовавшая в СССР, цивилизационный подход в его упрощённом виде, национальные (националистические) подходы к историописанию. В личностном плане – историографические концепции двух

¹³⁰ С точки зрения национальной истории, например, русско-японская война 1904–1905 гг. – трагическая неудача России. С точки зрения же научной истории – эпизод борьбы крупных держав мира за его передел, окончившийся успехом для одной и неудачей для другой. Точно также с научной точки зрения лишено смысла название «азербайджанское государство Сефевидов» [Джафарли Н. Азербайджанское государство Сефевидов. Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. 254 с.; Эфендиев О. Азербайджанское государство Сефевидов в XVI в. Баку: Элм, 1981. 335 с.], поскольку в то время не существовало азербайджанцев как народа; кроме того ассоциация шла не на этническом, а на религиозном уровне. К тому же центральной идеей государства Эраншахр была идея «Ирана-империи» и «иранцев», как жителей этой империи и шиитов. Мы постараемся, придерживаясь научного подхода, рассмотреть историю ПКБ сквозь призму российских интересов. Мы сознательно не употребляем термин «национальные интересы», так как он имеет не научный, а пропагандистский характер. Мы также против персонификации государств. Историю делали не абстрактные бездушные конструкции, типа «правительство», «Россия», «Иран» и т.п., а живые люди с их характерами, убеждениями, личной инициативой, достоинствами и недостатками. Государство – это в первую очередь группа лиц, находящаяся у власти в силу принципов силы или традиции и диктующая свою волю, своё видение развития общества остальной его части или конструирующая их в головах подвластных. Поэтому правильнее говорить не о национальных интересах или интересах России, а об интересах её правящей верхушки, определённых лиц или слоёв населения. Если где-нибудь в тексте мы будем употреблять персонифицированные понятия типа «Россия решила», «Англия считала» и т.п., то подразумевать мы будем именно вышеизложенное толкование.

¹³¹ По нашему мнению, любая историографическая и источниковедческая методика несёт в себе определённый познавательный заряд. Но она не должна абсолютизироваться, иначе ценность её резко снижается. Лучшим примером этого может служить национальный/националистический подход к историописанию, в котором мифы подчас подменяют реальность и заставляют историков подгонять источники под воображённую «кальку».

¹³² В современной историографии в силу господства этого принципа доминируют исследования, основанные не на источниках, а на убеждениях авторов.

выдающихся учёных – Михаила Сергеевича Грушевского¹³³ и Василия Осиповича Ключевского¹³⁴. Оба они занимались изучением русской истории в широком смысле этого слова, а также изучением истории своих народов. В.О. Ключевский исходил не из идеологических конструкций и теоретических построений, а из конкретно-фактического материала и источников, на их основе переходя к обобщениям. М.С. Грушевский же изначально был «зашорен» национальной идеей, в результате чего фактический материал и сведения источников «подгонял» под умозрительные, изначально заданные выводы, создавая историко-мифологическую концепцию Украины-Руси. Не менее показательной является концепция периодизации всемирной истории на основе истории Европы на древнюю, средневековую, новую и новейшую. Как показывает изучение исторического процесса за пределами Европы хронология эта работает лишь отчасти – относительно Нового (но только не с XV в., а с XIX в.) и Новейшего времени. То же касается и историографий «строительства наций» на современном постсоветском пространстве. Здесь национальный подход и связанные с ним идеологические штампы заставляют историков вольно или невольно приспособливать, «подгонять» под них исторический материал¹³⁵.

При изучении истории ПКБ мы исходили из того, что она была русским проектом и должна была служить российским интересам. Поэтому основной акцент нами сделан на изучение русских источников¹³⁶. Они лучше всего позволяют рассмотреть и понять не только логику создания и развития бригады, как её представляли российские офицеры и дипломаты, но и рассмотреть внутреннюю, «бытовую» историю российской военной миссии. Иностранные источники имеют

¹³³ Грушевский М. Історія України-Русі. Київ: Наукова думка, 1991. Т. 1. 736 с.; 1992. Т. 2. 640 с.; 1993. Т. 3. 592 с.; Т. 4. 544 с.; 1994. Т. 5. 704 с.; 1995. Т. 6. 680 с.; Т. 7. 628 с.; Т. 8. 856 с.; 1996. Т. 9. Кн. 1. 880 с.; 1997. Т. 9. Кн. 2. 776 с.; 1998. Т. 10. 408 с.; 2000. Т. 11: Показчик імен. 520 с.

¹³⁴ Ключевский В.О. Курс русской истории // Сочинения в 9 т. М.: Мысль, 1987. Т. 1. 430 с.; Т. 2. 447 с.; 1988. Т. 3. 414 с.; 1989. Т. 4. 398 с.; Т. 5. 476 с.

¹³⁵ Бордюгов Г.А., Бухараев В.М. Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. М.: АИРО-XXI, 2011. 248 с.; Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках истории стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации // Проблемы национальной стратегии. 2010. № 3 (4). С. 162–185; Прибалтика и Средняя Азия в составе Российской империи и СССР: мифы современных учебников постсоветских стран и реальность социально-экономических подсчётов. М.: Центр общественных технологий, 2009. 199 с.; Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Высшая школа, 1992. 351 с.

¹³⁶ Впрочем, отсутствие иранских и английских архивных источников обусловлен не только их второстепенностью для нас, но и объективными, не зависящими от нас причинами.

для нас лишь вспомогательный характер (за исключением работы Д.Н. Кёрзона), поскольку ни планов русского правительства и военных, ни внутренней жизни ПКБ оставившие их авторы в основном не знали. Помимо собственно исторического очерка, предполагающего создание исторической реконструкции истории ПКБ на основе источников, дополненных сведениями из различного рода литературы, в наши задачи входит показать русский взгляд (или, правильнее – взгляды) на «бригадный проект», определив его место в представлениях о русской внешней политике относительно Ирана и реальной реализации этих представлений.

Нельзя полностью согласиться с мнением Александра Николаевича Боханова о том, что объективное историческое исследование невозможно в принципе¹³⁷. Без сомнения, любое исследование субъективно, поскольку пишется тем или иным человеком со своими представлениями и взглядами. Но объективность исторического исследования состоит в том, чтобы восстановить объективную историческую реальность, событийную линию на попределённом промежутке времени, указывая причины, её вызвавшие и сформировавшие и ею двигавшие (в том числе взгляды и восприятия мира людей, задействованных в событиях и их формирующих), и, соответственно, то, как они влияли на ход событий, исходя из собственных представлений. Объективность исторического исследования включает в себя также изучение представления современников и потомков о том или ином историческом факте или событийной линии, то, как менялось их видение и

¹³⁷ Боханов А.Н. Российская империя образ и смысл. М.: ФИВ, 2012. С. 13. Работы, типа его, основаны главным образом на философских рассуждениях различного рода мыслителей типа Н.А. Бердяева, В.С. Соловьёва, К.Н. Леонтьева и др., которые отражали не реалии жизни, а их собственные представления об этих реалиях. Основывались эти представления, чаще всего, не на личном знании и опыте, на научных исследованиях, а на собственных умозрительных конструкциях. Поэтому использование работ таких мыслителей в качестве характеристики русского менталитета, «русского мира», особенностей русского народа и пр. с научной точки зрения должно носить не всеобъемлющий (как у авторов типа А.Н. Боханова), а точечный характер. Труды философов отражают главным образом мировосприятие их самих, небольшой части народа – интеллигенции, которая свои собственные фантазии без подкрепления их должным исследовательским материалом, переносит на весь русский народ и выступает от его имени. Характерно, что в императорской России существовало минимум 2 культуры – верхов и низов, – которые существенно отличались друг от друга настолько, что их представители не понимали друг друга. Лучшим подтверждением тому является революция и гражданская война в России начала XX в., когда часть интеллигенции, как например, И.А. Бунин, искипала злобой к простому народу, а часть погрязла в отвлечённых умозрительных рассуждениях. В то же время большевики лучше всего поняли народные нужды и использовали это понимание в своих целях).

восприятие событий, как эти изменения влияли на ход, освещение и подачу исторического материала (представления людей, события-причины, общеисторический контекст → исторический факт (событийная линия) ↔ восприятие и трактовка современниками и потомками). Такое исследование предполагает использование по возможности большего комплекса методов и методик исторической и других наук, а также – максимальное количество источников при наличии умения их истолкования (внешняя, внутренняя критика и пр.). Учёному необходимо учитывать фактор Бога. Конечно, божественную волю ни истолковать, ни предвидеть не дано, однако она без сомнения присутствует во всех событиях этого мира, а духовная компонента во всех её проявлениях является важным фактором исторического процесса. Значительным показателем объективности исследования также является то, что его автор не становится ни на одну из позиций участников и толкователей событий или не заявляет свою методику единственно верной. Учёный также по возможности должен избегать личностных оценок¹³⁸. Наконец, ему следует помнить, что постижение объективной исторической реальности – это постоянный процесс. Конечно, такое исследование под силу лишь единицам историков. Однако именно к нему нужно стремиться. Мы в своей работе, в силу ограниченности источников, не претендуем на всестороннее освещение истории ПКБ. Нашей целью является на основе главным образом российских материалов дать углублённый исторический очерк развития ПКБ в последней трети XIX в. вписав её внутреннюю жизнь во внутривосточный, внешнеполитический и международный контексты. Поскольку бригада была всё же русским «изобретением» и была связана с Россией, то нам представляется вполне естественным дать в первую очередь именно взгляды российских чиновников, дипломатов, военных, публицистов на место её во внешней политике империи и в жизни Персии.

При изучении истории ПКБ в первую очередь мы опирались на материалы РГВИА. Здесь содержится значительное количество внутренней, деловой и пр.

¹³⁸ В качестве примера двух подходов – субъективного и приближённого к объективному – можно привести 2 работы по истории внешней политики России при императоре Николае II [Мультипули П.В. Внешняя политика императора Николая II (1894–1917). М.: ФИВ, 2013. 840 с. и Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. 582 с. соответственно].

документации относительно русской военной миссии в Тегеране. Это: ведомственные и межведомственные документы и переписки, тексты контрактов военных инструкторов, рапорты глав миссии и инструкторов, военно-статистические и топографические работы офицеров ПКБ и штаба Кавказского военного округа и Закаспийской области, дневники, исторические работы, касающиеся истории ПКБ, справочные материалы. Некоторые архивные материалы были опубликованы в работе О.А. Красняк¹³⁹. Однако невысокий уровень издания источников делает некоторые из них непригодными для детального анализа¹⁴⁰.

Из опубликованных источников следует отметить секретные работы офицеров ГШ и ПКБ, консульские донесения, сведения из иностранных источников относительно Ирана, публиковавшиеся в «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии» и отдельными изданиями. В них неоднократно встречаются упоминания о бригаде, и они также дают представление о том, как она виделась со стороны непосвящённым русским и иностранным наблюдателям. С этой же точки информативности сюда примыкают дневники и воспоминания офицеров и дипломатов. Особняком среди них стоят воспоминания есаула Меняева, бывшего инструктором персидской кавалерии в 1880-х гг. и отчёт начальника Закаспийской военной области А.Н. Куропаткина, посетившего Иран в 1895 г.¹⁴¹. Первая работа – ценнейший источник по внутренней, бытовой стороне жизни бригады¹⁴². Вторая представляет собой важный

¹³⁹ Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 116–158.

¹⁴⁰ В частности, исследовательница в некоторых местах позволила себе под видом источника дать пересказ, иногда целых дел, своими словами. При этом терялась не только точность изложения, но даже изменялся смысл, содержащийся в источниках [Переписка Военного министерства с командующим войсками Кавказского военного округа об отозвании из Тегерана инструктора персидской кавалерии полковника Генштаба Кузьмина-Караваева и о назначении на его место полковника Генштаба Шнеура, 1889 // Там же. С. 137–138]. Отсутствует также справочный аппарат (за исключением ссылки на дела) относительно того, откуда брались некоторые выдержки, в каком контексте они находились в оригинальном тексте.

¹⁴¹ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. 65 с.

¹⁴² Правда, воспоминания эти пристрастны и не во всём точны. Меняев очень критично оценивал деятельность командиров ПКБ, с пренебрежением характеризовал персов и их порядки. Тем не менее, он приводил большое количество фактического материала, который позволяет составить представление об организации, внутренних проблемах и успехах миссии, о тех нюансах её деятельности, о которых умалчивают официальные документы.

«вгляд со стороны», дополняющий характеристику событий зимы–весны 1895 г., ставших переломными в истории ПКБ.

Важным источником для нашей темы являются дневники, переписка и специальные работы В.А. Косооговского, частично изданные, частично остающиеся в фондах российских архивов. Хотя их автор появился в ПКБ только в 1894 г., он глубоко ознакомился с историей бригады и писал свои заметки (за исключение дневниковых записей начального этапа своего пребывания в Иране) с учётом и собственного опыта командования бригадой. Его работы, не смотря на их пристрастность, на желание автора выделить свою деятельность, позволяют лучше понять действия отдельных глав миссии до В.А. Косооговского, в частности, А.И. Домонтовича, с которым В.А. Косооговского многое «роднило». Особенно важны для нас неопубликованные дневниковые записи за 1894–1895 гг., которые позволяют по-иному взглянуть на события этого периода, приведшие к кризису ПКБ весны 1895 г.¹⁴³. Они корректируют сложившуюся на основе изданной истории ПКБ, принадлежавшей перу того же В.А. Косооговского, схему и внутреннюю подоплёку событий указанного периода.

Интересный материал представляют собой официальные справочники русского Военного министерства по иностранным армиям¹⁴⁴. Они показывают уровень осведомлённости Петербурга относительно состояния дел в ПКБ. Как свидетельствует анализ указанных источников за 1880-е – первую половины 1890-х гг., информация о русской военной миссии в Персии обновлялась крайне редко, и до

¹⁴³ Из тегеранского дневника полковника В.А. Косооговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. 179 с.; Косооговский В.А. К характеристике общественно-экономических отношений в Иране в конце 90-х годов XIX века // Исторический журнал. 1941. № 12. С. 82–91; Персия в конце XIX века. (Дневник ген. Косооговского) // Новый Восток. 1923. Кн. 3. С. 446–469; Дневник ген. В.А. Косооговского. 1899–1909 гг. // РГВИА. Д. 217. 315 л.; Воспоминания // Там же. Ф. 76. Д. 591. 128 л.

¹⁴⁴ Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1884. 554 с.; Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1885. 504 с.; Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1887. 574 с.; Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1888. 564+60 с.; Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1890; Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1894. 821 с.; Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1895.

1894 г. носила формальный характер, поэтому пользоваться ею нужно с крайней осторожностью.

Из иностранных источников нами были использованы воспоминания английских и французских авторов, в той или иной степени наблюдавших ПКБ со стороны. Они дают сведения о внешней, «рекламной» деятельности русских инструкторов. Особняком среди указанных работ стоят публикации Д.Н. Кёрзона¹⁴⁵. Они имеют научно-публицистический характер. Но автор, помимо личных наблюдений и бесед с представителями британской Миссии и иранскими сановниками, использовал официальные персидские источники, в том числе бюджетную роспись бригады. Несмотря на множество неточностей, незнание внутренних особенностей функционирования ПКБ, явную пристрастность автора, его сведения дают возможность увидеть ПКБ так, как она представлялась стороннему наблюдателю. Кроме того, они дополняют материалы РГВИА, относящиеся к первому серьёзному кризису в ПКБ – конца 1889 г. Опосредованно – через работы Е.Ю. Сергеева, Н.К. Тер-Оганова, С. Кронин, Реза Раисс Туси – нами использованы были сведения первого английского военного атташе в Иране Генри Пико, относящиеся к середине и второй половине 1890-х гг. Из иностранных источников его материалы наиболее близки к истине в характеристиках деятельности российской военной миссии¹⁴⁶.

Следует заметить одну особенность мемуарной и отчасти специальной литературы XIX – начала XX в. об Иране. Это – европоцентризм в оценках. Рассматривая Иран, его население, политические, общественные и религиозные институты в категориях «свой – чужой», большинство из авторов отказывало ему в праве быть «другим». Европейская модель общежития в её различных вариантах виделась ими как единственно верная, образцовая, а все остальные оценивались как «отсталые», «застойные», «варварские» и т.п. Упрощённо говоря, авторы работ

¹⁴⁵ Curzon G.N. Persia and the Persian Question. London: Published by Frank Cass & Co. Ltd, 1966. 639 p.; Кюрзон Г. Персия и персидский вопрос // СМА. 1893. Вып. 52. С. 47–228. Что интересно, его наблюдения о ПКБ стали одним из тех «кирпичиков», из которых складывались антирусские взгляды Д.Н. Кёрзона.

¹⁴⁶ Перспективы изучения источникового материала ещё довольно широки: для полной исторической реконструкции истории ПКБ необходимо исследовать архивы Грузии, Англии, Архив внешней политики Российской империи (частично это осуществила О.А. Красняк), более детально проработать воспоминания, наблюдения и дневники иностранных авторов. Эту задачу мы ставим как для себя, так и для исследователей на будущее.

рассматривали мир в линейно-прогрессивной проекции «дикость – варварство – цивилизация», относительно Ирана и его населения применяя только первые 2 категории. Даже если европейцы (в том числе и русские авторы) пытались глубоко проникнуть в отдельные аспекты жизни Персии, их выводы и оценки были проникнуты указанными нормами. При этом критерием для сравнения, эталоном, выступала Европа, Классическим примером являются письма Евгения Михайловича Белозерского, где глубокое понимание персидской действительности сочеталось с подчас даже наивными оценочными суждениями¹⁴⁷.

Терминология исследования

В заключении необходимо остановится на терминологии и географических понятиях, которые мы будем использовать в данной работе. В тексте названия «Персия», «Иран» будут употребляться как синонимы¹⁴⁸. Ираном («Высочайшее государство Иран») называли свою страну сами её жители, а Персией её именовали европейцы по аналогии с древними греками¹⁴⁹. Слова «Россия», «Русское

¹⁴⁷ Белозерский Н.Н. Письма из Персии: От Баку до Испагани. 1885–86 г. СПб.: Военная типография, 1886. 2+108 с. В 1883 г. он поступил в спецклассы Лазаревского института восточных языков, откуда обычно выпускники попадали в Министерство иностранных дел. На 2-м курсе он написал заявление предоставить ему отпуск по причине поездки в Персию. Поездка эта была предпринята летом 1885 г. по заданию Министерства иностранных дел с целью ознакомления с ситуацией в Исфахане, где большую силу набирал Зелл ос-Солтане. Одновременно Е.М. Белозерский выступал и в качестве корреспондента «Русских ведомостей», а то, что его работа «Письма из Персии» была опубликована уже в 1886 г. в «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии» [Белозерский Е.М. Письма из Персии от Баку до Испагани 1885-86 г. // СМА. 1887. Вып. 25. С. 1–108], свидетельствует о заинтересованности в его поездке и Военного министерства России. Учитывая, что встречали Е.М. Белозерского в Персии на самом высоком уровне, и обхаживали его как высокую персону, можно смело утверждать, что тот располагал очень хорошими рекомендациями, а его поездка была хорошо подготовлена. Поездку он совершил, по его словам, с персом Мирзой Джафаром, а по документам – с преподавателем Лазаревского института Е.М. Тер-Захаровым [Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 5; Курукшин А. Судьба князя Белозерского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.proza.ru/2016/02/12/192>]. К его характеристикам нужно относиться осторожно, поскольку они страдают односторонностью. В некоторых местах выводы Е.М. Белозерского были глубоки, но в большинстве своём поверхностны, наивны и отдают расизмом. Его письма представляют классический образчик взгляда мнящего себя культурным европейцем на всё неевропейское. Его он не понимает, а просто видит и сопоставляет с шаблонами, воспитанными в нём европейской культурной традицией, а видя несхожесть – оценивает негативно. Тем не менее, всех персидских сановников он оценивал положительно. Однако общую картину деятельности шахского сына (что и было его главной задачей), Е.М. Белозерский нарисовал вполне адекватно.

¹⁴⁸ Кроме того, будут использоваться термины «страна Льва и Солнца» (по гербу), «Каджарская монархия (империя)» (по названию правящей династии).

¹⁴⁹ «Персы сами себя называют иранцами, а свою страну Ираном. Присвоенное нами название этой стране «Персия» происходит от слова «фарс», означавшего на древнеперсидском языке «всадник» (на самом деле название происходит от древнеиранского племенного названия *parsu-* (мн.ч. *parsava*), *pārsa-*, примерно соответствующему значению «богатыри», развившемуся позднее также в этноним «персы». После арабского завоевания Персии в VII в. область

государство», «Российская империя», «империя Романовых» и производные от них (русский, российский и т. п.) мы будем употреблять в тексте (если это не оговорено) в политическом («русских–россиян» – как подданных российских монархов), а не в этническом значении. То же касается слов «Персия» и «Иран», а также производных от них (понимая «персов» – как подданных правителей Ирана). Как синонимы мы будем употреблять названия «Англия», «Британия», «Британская империя», «Великобритания»¹⁵⁰. Так же будут использоваться нами в государственническом смысле (если это, опять-таки, не оговорено в тексте) термины «англичане», «британцы», «английские», «британские» и т. п.

Остановившись на географической составляющей нашей работы, следует отметить, что господствующими сегодня являются 2 вида районирования мира: политическое и географическое (кроме того, важную роль играют экономическое, этническое районирование). Чаще всего они не совпадают между собой. Однако следует помнить, что исторически в разное время менялись понимания одних и тех же регионов, по-разному их видели в разных странах, у разных народов и т.д. При написании работы нами будут использованы 2 наиболее распространённых во второй половине XIX в. принципа районирования земного шара – политический и географический. Учитывая, что любое районирование является плодом людского воображения, а названия одних и тех же регионов могут иметь разное наполнение как у отдельных народов, так и в разное историческое время, мы отдельно остановимся на том понимании регионов Востока и Азии, которые мы будем использовать в своей работе.

В первую очередь необходимо определиться с понятием «Восток». Учитывая на множество значений термина «Восток», мы в данной работе понимаем под ним страны Азии и Северной Африки¹⁵¹. В региональном отношении Восток

Парс была переименована в «Фарс». Это связано с тем, что в арабском отсутствует звук «п» – О.Г.). Так называлась целая провинция, с главным городом Персеполисом, на юго-востоке Персии, в нынешней провинции Фарсистане, с главным городом Ширазом» [Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 93].

¹⁵⁰ Под Англией в тексте также будем понимать, в зависимости от контекста, центр Британской империи со столицей в Лондоне.

¹⁵¹ Белокреницкий В.Я. Восток в мирополитических процессах. Азия и Африка в истории международных отношений и современной мировой политике. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2010. С. 4–11; Белокреницкий В.Я. Восток на рубеже веков – некоторые итоги и перспективы // Восток. 2001. № 5. С. 66–69; Васильев Л.С. Восток и Запад в

подразделяется на Ближний (владения Османской империи, в том числе и Кавказ), Средний и Дальний (Северная, Северо-Восточная, Восточная, Юго-Восточная и Южная Азия). В английской традиции термин «Near East» («Ближний Восток»; применялся первоначально по отношению к владениям османского султана) и синонимичный ему «Middle East» («Средний Восток»; используется с 1850-х гг.) включали и включают в себя не только территории Оттоманской Порты, но и Иран, Афганистан и часть индийских владений британской короны – современный Пакистан (второй вариант – Иран страны Центральной Азии и Кавказа)¹⁵². Для русскоязычной историографии характерна относительная неопределённость в ограничении понятий «Ближний» и «Средний Восток», поскольку оба они были заимствованы из английского языка. Отсюда появление таких квазирегионов как «Большой Ближний Восток», «регион Ближнего и Среднего Востока». В то же время, выработано и разделение (основанное опять-таки на английской традиции),

истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 96–114; Ерасов Б.С. Общие критерии дихотомного сопоставления социокультурных оснований Запада и Востока // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов вузов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Eras/39.php; Зарин В.А. Запад и Восток в мировой истории. XIV–XIX вв. Западные концепции общественного развития и становление мирового рынка. М.: Наука, 1991. 264 с. Современный российский автор В.Я. Белокреницкий привёл в одной из своих статей современное субрегиональное разделение Востока. 1. Северная Африка (Магриб), включает 5 государств – Марокко, Алжир, Тунис, Ливию и Египет. 2. Юго-Западная Азия включает 12 государств расположенных на Аравийском полуострове (юго-западном полуострове Евразии), а также к северу и востоку от него. 3. Западная Азия – Турция, Иран и Афганистан. 4. 8 постсоветских государств Закавказья и Центральной Азии. 5. Страны Южной Азии образуют пятый субрегион, наиболее крупные страны – Пакистан; Индию, Бангладеш, кроме того, Шри-Ланка и Мальдивы, Непал и Бутан. 6. Восточная Азия с доминирующим центром – Китаем, включает Тайвань, Монголию, два корейских государства и Японию. 7. Юго-Восточная Азия включает 10 государств, расположенных на юго-восточном для материка полуострове Индокитай (с включением в него Мьянмы) и «продолжающих» его в южном тихоокеанском направлении островах и архипелагах [Белокреницкий В.Я. Восток на рубеже веков – некоторые итоги и перспективы // Восток. 2001. № 5. С. 66–69].

¹⁵² См. статьи «Ближний Восток», «Средний Восток» на сайте <http://ru.wikipedia.org>, «Middle East», «Near East» на сайте <http://en.wikipedia.org>. Американский военно-морской теоретик Альфред Тайер Мэхэн Средним Востоком называл области между Аравийским полуостровом и Индией. Британский журналист Игнатий Валентин Чирол включал в это понятие районы Азии, простирающиеся до границ Индии и господствующих над подходами к Индии. До Второй мировой войны на Западе Средним Востоком назывался регион от Месопотамии до Бирмы. Разногласия в понимании Среднего Востока отражены в Большой советской энциклопедии, где этот регион определялся следующим образом: «условное наименование района Западной Азии, расположенного между Европой и Пакистаном; иногда, особенно в английской и американской литературе, заменяет собой термин Ближний Восток, Большой Ближний Восток» [Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1976. Т. 24. Кн. 1. С. 376].

согласно которому Ближний Восток – это владения Османской империи, а Средний Восток – Иран и страны Центральной Азии (прежде всего Афганистан и североиндийские земли; в разных трактовках сюда включают или не включают т.н. «среднеазиатские» государства и общества, попавшие в зависимость от Российской империи).

Учитывая принцип историзма, мы будем использовать понятие «Средний Восток», предложенное в начале XX в. Андреем Евгениевичем Снесаревым. Он включал в него: русский Туркестан, Хиву, Бухару, Тибет, Кашгарию, Памир, Афганистан, восточную Персию, Белуджистан, Индию¹⁵³.

Следующее важное понятие – «Азия». В Азии современники выделяют следующие физико-географические районы:

- Восточная Азия (Корейский полуостров, Японские острова, восточная часть Китая);
- Западная Азия (Южный Кавказ и Переднеазиатские нагорья);
- Северная Азия (Сибирь и северо-восток Евразии);
- Средняя Азия (Памир, Тянь-Шань, Туранская низменность);
- Юго-Восточная Азия (полуостров Индокитай и Малайский архипелаг);
- Юго-Западная Азия (Аравийский полуостров и Левант);
- Южная Азия (полуостров Индостан и остров Шри-Ланка (архипелаг Мальдивы)).

Согласно классификации, принятой в ООН, выделяются следующие субрегионы:

- Восточная Азия (Китай в составе КНР и Республики Китай, Южная и Северная Корея, Монголия, Япония);
- Западная Азия (Азербайджан, Армения, Бахрейн, Грузия, Израиль, Иордания, Ирак, Йемен, Катар, Кипр, Кувейт, Ливан, ОАЭ, Оман, Палестинские территории, Саудовская Аравия, Сирия, Турция);

¹⁵³ Снесарев А.Е. Афганистан. М.: «Русская панорама», 2002. 272 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cawater-info.net/afghanistan/pdf/cnesarev.pdf>.

- Юго-Восточная Азия (Бруней, Восточный Тимор, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины);
- Южная Азия (Афганистан, Бангладеш, Бутан, Индия, Иран, Мальдивы, Непал, Пакистан, Шри-Ланка);
- Центральная Азия (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан).

В то же время существуют и альтернативные классификации, например ¹⁵⁴:

- Восточная Азия (КНДР, КНР, Республика Корея, Тайвань, Япония,);
- Центральная и Северная Азия (Казахстан, Киргизия, Монголия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, азиатская часть России, а также три автономных региона КНР – Внутренняя Монголия, Синьцзян-Уйгурский автономный район и Тибет);
- Юго-Западная Азия (Азербайджан, Армения, Афганистан, Бахрейн, Грузия (частично), Израиль, Иордания, Ирак, Иран, Йемен, Катар, Кипр, Кувейт, Ливан, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия, Сирия, азиатская часть Турции, Синайский полуостров, принадлежащий Египту);
- Южная Азия (Бангладеш, Бутан, Индия, Мальдивы, Непал, Шри-Ланка);
- Юго-Восточная Азия (Бруней, Восточный Тимор, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины).

В последней трети XIX в. Азию делили по географическому принципу на: Восточную, Южную, Юго-Восточную, Северную, Западную и Центральную ¹⁵⁵. В

¹⁵⁴ Duka C. World Geography. Rex Bookstore, Inc., 2007. P. 73–75.

¹⁵⁵ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz/>. Помимо этого существует ещё и понятие «Передняя Азия» – «буквальный перевод с немецкого «Vorderasien». В её состав входила вся Азиатская Турция, кроме Аравии, т. е. Малая Азия, Сирия с Палестиной, Месопотамия, Курдистан и Турецкая Армения [Там же.]. Долгое время оно было синонимично Западной Азии (Ср.: «Западная Азия, Передняя Азия – группа природных стран, включающая Малоазиатское, Армянское и Иранское нагорья, Месопотамию, Аравийский полуостров и Левант. В пределах Западной Азии расположены Кавказ и Копетдаг (СССР), азиатская часть Турции, Ирак, Иран, Афганистан, Кипр, Ливан, Сирия, Иордания, Израиль, Кувейт, азиатская часть АРЕ, Саудовская Аравия, Йеменская Арабская Республика, Народная Демократическая Республика Йемен, Катар, Оман, Объединённые арабские эмираты, Бахрейн» [Большая советская энциклопедия. М.: БСЭ, 1972. Т. 9: Евклид—Ибсен. 1972. С. 332]. «Передняя Азия (Западная Азия, Юго-Западная Азия) – географический регион в

неё включали следующие «страны и государства»¹⁵⁶: «Русские владения (вместе с вассальными государствами Бухарой и Хивой и площадью под внутренними морями Каспийским и Аральским), Китай с подвластными ему странами, Британские владения, Аравия (независимые государства), Турецкие владения (вместе с Самосом), Персия, Нидерландские владения, Французские владения (вместе с состоящим под французским протекторатом Аннамом), Сиам, Афганистан, Япония, Владения Соед. Штатов Сев. Америки, Корея, Оман, Независимые Гималайские государства, Египетские владения (п-ов Синай), Португальские владения, Германские владения (Киоджау)»¹⁵⁷.

В «азиатском блоке» в первую очередь необходимо остановиться на понятиях «Средняя» и «Центральная Азия». Термин «Средняя Азия» первоначально использовался в русском языке как точный перевод немецкого «Zentralasien» (французское «Asie Centrale», английское «Central Asia»)¹⁵⁸, термина, предложенного в 1843 г. немецким учёным Фридрихом Вильгельмом Генрихом Алексаандром фон Гумбольдтом¹⁵⁹ и уточнённого германским исследователем Фердинандом Паулем Вильгельмом фон Рихтгофеном¹⁶⁰, и соответствовал редко

юго-западной Азии, включающий в себя, с географической точки зрения, полуострова Малая Азия (Малоазиатское нагорье) и Аравийский, и прилегающие к ним территории восточные побережья Средиземного моря (Левант), Кавказа (Закавказье), Армянского и Иранского нагорий, и Месопотамской низменности; а с политической точки зрения три региона — Ближний Восток (без Африканской части), Средний Восток и Закавказье (частично)» [https://ru.wikipedia.org/wiki/Передняя_Азия].

¹⁵⁶ Понятие «государство» подразумевало, в первую очередь, суверенное политическое образование, в то время как «страной» обозначали историко-географический регион, ту или иную территорию, не обязательно суверенная и политически организованная (например, Туркестан, Мавераннахр, Хорасан и пр.).

¹⁵⁷ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz>.

¹⁵⁸ В русском языке слова «центральный» и «средний» являются синонимами и зачастую обозначают одно и то же [Большая энциклопедия. Т. 17. Сальвадор – Статистика. СПб.: Книгоиздательское товарищество Просвещение, 1904. С. 761]. Поэтому рассуждения о правильности использования в русскоязычной традиции понятия «Центральная Азия» вместо «Средняя» представляются результатом политических соображений (политически ангажированными), а не стремлением отстаивать собственную языковую самобытность в терминологии.

¹⁵⁹ Энгельгардт М.А. Александр Гумбольдт, его жизнь, путешествия и научная деятельность. Биограф. очерк. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1891 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/e/engelxgardt_m_a/text_0020.shtml.

¹⁶⁰ «Принимая за среднюю параллель Азии широту 44½°, Гумбольдт называет С. Азией пространство в 5° широты к северу и югу от этой параллели (39½ – 49½° северной широты). Рихтгофен, в своём труде о Китае, предложил новое, значительно более точное определение. Положив в основание научно-геологические принципы и указывая на

употреблявшемуся «Центральная Азия». «Центральной» или «Средней Азией» в России называли пространство Азии «между Каспийским морем и Алтаем, Сибирью и Гиндукушем и Куэнь-Лунем; в этих пределах С.А. заключает в себе русский Туркестан, киргизские степи, Хиву, Бухару, и афганский Туркестан, китайский Туркестан, и Джунгарию ... иногда этим обозначают русский Туркестан с Хивою и Бухарою»¹⁶¹. Со временем, с продвижением Российской империи в глубь Центральной Азии, термин «Средняя Азия» получает и второе значение. Средней Азией стали именовать т.н. «русский» Туркестан¹⁶², т. е. российские владения и

характерную особенность этой части Азии – господство замкнутых бассейнов, высохших или высыхающих и не имеющих стока к океану, он, под именем Центральной Азии, понимает пространство от Тибета на юге до Алтая на севере, от Памира на западе до Хингана на востоке. Арало-каспийская низменность, по Рихтгофену, принадлежит к переходному поясу. В настоящее время все внутренние замкнутые бассейны Азиатского материка называют чаще всего Внутренней Азией, причём восточной части этой огромной области, лежащей к востоку от Памира, придают по-прежнему название Центральной Азии, а западной, занимающей Туркестан, часть Аралокаспийской низменности и Ирак – С. Азии. В более узком смысле под С. Азией разумеют Туркестанский бассейн, т. е. страну между Каспийским морем на западе, Памиром на востоке, Арало-Иртышским водоразделом на севере, до Копетдага и Гиндукуша на юге [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz>].

¹⁶¹ Большая энциклопедия. СПб.: Книгоизд-во т-ва Просвещение, 1904. Т. 19. С. 708; Настольный энциклопедический словарь. М.: Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, 1897. Т. 8. С. 4640. Впрочем, как справедливо отмечал современный российский исследователь, «само понятие «Средняя Азия», и каково её значение для реализации планов Российской империи на Востоке в целом, не говоря уже о вопросах проникновения в Афганистан и Гератское ханство, было слабо осознаваемо большинством российского общества. Граф Владимир Бобринский довольно точно охарактеризовал состояние информированности российского общества: «До сих пор не вполне выяснено понятие, которое должно понимать под словом Средняя Азия. Иногда под этим именем понимается Коканское ханство, иногда страны между Сыром и Аму, иногда Хива, и реже всего – вся огромная площадь, простирающаяся, с одной стороны, между Каспийским морем и хребтом Тянь-Шань, с другой – между южными границами Сибири и хребтом Гиндукуш» [Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 49].

¹⁶² Туркестан – историко-географическая область, «страна тюрков». С понятием Туркестан обычно связывают земли таких современных государств как Узбекистан, Киргизия, Туркмения, Казахстан, Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая, тюркоязычные регионы юга Сибири, а также север Афганистана и Ирана. В XIX в. Туркестан делился на Западный, «русский» (Под именем «Туркестана» в Российской империи чаще всего подразумевали три области: Самаркандскую, Ферганскую и Сырдарьинскую. Но весь Туркестан включал пять областей, расположенных одна за другой к востоку от Каспийского моря по границе Российской империи с Персией, Афганистаном и Китаем, а именно: Закаспийскую, Самаркандскую, Ферганскую, Сырдарьинскую и Семиреченскую, а также Бухарское и Хивинское ханства), Южный, «афганский» (Территория от реки Мургаб до Гиндукуша, которая во второй половине XIX веке составила провинцию Афганского государства, стала называться Афганским Туркестаном) и Восточный, «китайский» (Кашгария, Йеттышаар, Семиградье, под которым обычно понимается область, включающая обширную Таримскую равнину и обращённые к ней склоны окружающих её горных хребтов Тянь-

зависимые от империи Романовых государства Центральной Азии. Появляется термин «Внутренняя Азия», охватывающий все внутренние замкнутые бассейны Азиатского материка. Восточную часть этого региона, лежащую к востоку от Памира, называют Центральной Азией, а западную, включающую в себя Туркестан, часть Аралокаспийской низменности и Ирак – Средней Азией¹⁶³. В связи с этим появляется также обозначение «русская Средняя Азия»¹⁶⁴, обозначающее русские владения в Центральной Азии¹⁶⁵. Параллельно с этим названием по отношению к подвластным России территориям используются названия «Туркестан», «русский Туркестан», «Туркестанский край»¹⁶⁶. Тем не менее, до конца существования империи главенствующим оставалось значение Средней Азии как синонима Азии Центральной, в её географическом понимании¹⁶⁷. В советское время значение

Шаня, Памира, Куэнь-Луня и Бэй-Шаня) [Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. Т. 1. 761 с.; Бартольд В.В. История Туркестана // Сочинения. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 109–168; Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Сочинения. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 169–433; Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана // Сочинения. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1964. Т. 2. Ч. 2. С. 97–236; Туркестан // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz.>].

¹⁶³ Сейчас под «Внутренней Азией» понимают восточную часть Центральной Азии, в состав которой входит Монголия и сопредельные с ней территории: Алтай, Бурятия, Тува и Восточный Туркестан. Внутренняя Азия может восприниматься как восточная часть Центральной Азии (в противовес западной части – Средней Азии), но может и отождествляться с понятием Центральной Азии, включая также в себя Казахстан, Тянь-Шань, Тибет, Гималаи и Памир [Государственность народов Внутренней Азии (XX век). Прага: Vedecko vydavatelске centrum «Sociosfera-CZ», 2015. 220 с.].

¹⁶⁴ Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб.–М.: Издание т-ва М.О. Вольф, 1885. Т. 10. Русская Средняя Азия. 448+5 с.

¹⁶⁵ Здесь термины «Средняя» и «Центральная Азия» используются как синонимы [Lansdell H. Russian Central Asia : including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. London: Sampson Low, Marston, Searle and Rivington, 1885. Vol. 1. 738 p.; Vol. 2. 722 p.; Lansdell H. Through Central Asia; with a map and appendix on the diplomacy and delimitation of the Russo-Afghan frontier. London: S. Low, Marston, Searle, and Rivington, 1887. 704 p.].

¹⁶⁶ Составлял особую административную единицу империи, с 1886 г. так официально именовалось Туркестанское гуенерал-губернаторство.

¹⁶⁷ «Центральная, или Средняя Азия, географический термин, объём которого у разных авторов понимается различно. Первоначально употреблён Риттером и Гумбольдтом для обозначения главного континентального массива азиатского материка в противоположность отчленяющимся от этого массива низменным равнинам и полуостровам. В этом объёме термина он обнимал всю площадь, ограниченную Кавказом и Каспием на западе, Сибирью на севере, северным Китаем на востоке Индией и Ираном на юге; Рихтгофен, а за ним вообще в Германии дали этому термину несравненно более узкое значение, как означающему земли высокого среднеазиатского нагорья, захватывающего Памиро-Алайскую горную страну на западе Алтай-Саянскую на севере, Хинган и Китайские горы на востоке и Тибет

словосочетания трансформировалась. В бытовом понимании Средней Азией называли 5 республик Союза – Туркменскую, Узбекскую, Киргизскую, Казахскую и Таджикскую, а в официальном – 4 без Казахстана (Средняя Азия и Казахстан) ¹⁶⁸. После распада СССР 5 бывших среднеазиатских республик объявили о своём желании именоваться «Центральной Азией» ¹⁶⁹. Теперь термин «Средняя Азия» используется только в исторических работах или в бытовом понимании (в советском варианте). Что до Центральной Азии, то она имеет три определения. Первое, политическое, было приведено нами выше. Второе – по определению ЮНЕСКО, регион включает Монголию, северо-западный Китай (Синьцзян, Тибет, Внутренняя Монголия, Цинхай, западный Сычуань и северный Ганьсу), районы азиатской России южнее таёжной зоны и пять бывших советских республик Средней Азии. Наконец, третье – по этническому принципу. исходя из этнического состава населения (за основу берутся районы, населённые восточно-тюркскими народами, монголами и тибетцами). Сюда входят Синьцзян, тюркоязычные регионы юга Сибири, 5 бывших советских центральноазиатских республик (хотя Таджикистан преимущественно населён ираноязычными народами). В нашей работе под Центральной Азией мы будем понимать географический регион, между Каспийским морем и Алтаем, Сибирью и Гиндукушем и Куэнь-Лунем, а под Средней Азией – «среднеазиатские владения Российской империи», т. е. противопоставлявшееся сибирским владениям и охватывавшие «области: Уральскую, Тургайскую, Акмолинскую,

на юге. По Мушкетову, Средняя, или Внутренняя Азия включает все площади замкнутых азиатских бассейнов как высоких, так и низменных, не имеющих стока к морю, следовательно приблизительно в смысле Гумбольдта. В последнее время в русских сочинениях принято более различать Среднюю Азию, обнимающую Туркестан и Арало-Каспийскую низменность от Центральной Азии, обнимающей Тибет, Китайский Туркестан, Джунгарию и Монголию» [Большая энциклопедия. СПб.: Изд-кое Товарищество Просвещение, 1904. Т. 19. С. 708.]

¹⁶⁸ «1) Часть азиатской территории СССР от Каспийского моря на З. до границы с Китаем на В. и от Арало-Иртышского водораздела на С. до границы с Ираном и Афганистаном на Ю. До национально-государственного размежевания 1924–1925 гг. территория Средняя Азия носила название Туркестана, которое затем стало заменяться названием Средняя Азия (в отличие от Центральной Азии); в зарубежной географической литературе иногда понятия «Средняя Азия» и «Центральная Азия» не имеют чёткого разграничения ... 2) Средняя Азия – территория, включающая в себя Узбекскую ССР, Киргизскую ССР, Таджикскую ССР и Туркменскую ССР, которые образуют Среднеазиатский экономический район» [Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1976. Т. 24. Кн. 1. С. 377].

¹⁶⁹ Международные отношения в Центральной Азии. События и документы. М.: Агент-пресс, 2011. С. 13.

Семипалатинскую, Семиреченскую, Ферганскую, Сырдарьинскую, Самаркандскую, Закаспийскую и вассальные области Бухару и Хиву, самостоятельность которых только номинальная. Нередко первые две или четыре области выделяют особо, и С.-А. в. отождествляются с Русским Туркестаном или Тураном»¹⁷⁰.

Связан с предыдущими терминами и термин «Малая Азия». Под ним понимали в XIX в. разные территории, на что обращал внимание один из русских исследователей. «Разноречивость в исчислении пространства и населения Малой Азии, – писал он, – проистекают не только от недостатка положительных данных по этому предмету, но и от различий во взглядах на то, что надо понимать под термином “Малая Азия”. Географически, в отличие от Армении и Курдистана, этим именем называется лишь страна, лежащая между Архипелагом¹⁷¹ и лишён, идущей на север от Александретского залива ... Иногда же относят восточной предел Малой Азии далее до меридиана Эрзерума». В России же под Малой Азией понимали территорию, лежавшую «к западу и юго-западу от нашей кавказской граница, до Александретского залива и Архипелага, так как в политическом отношении вся эта страна составляет одно целое»¹⁷².

Ещё одно важное понятие, связанное историей взаимоотношений в треугольнике Россия – Иран – Османская империя, – «Кавказ». За основу его «расшифровки» мы также будем брать географическое определение и понимание его в XIX в. Для нас это географический регион на границе Европы и Азии, разделяющийся горной системой Большого Кавказа на два субрегиона: Северный (Предкавказье) и Южный (Закавказье). Политико-экономические границы региона

¹⁷⁰ Большая энциклопедия. СПб.: Изд-кое Товарищество Просвещение, 1904. Т. 17. С. 757.

¹⁷¹ Имеется в виду Греческий архипелаг, который «заполняет северо-восточную часть Средиземного моря, между берегами Румелии (Фракии) на С., Малой Азии на В., Македонии и Греции на З.; он оканчивается на южной стороне вытянутым в длинную линию между Лаконией и Родосом островом Критом, в юго-восточной части Средиземного моря, свободной от островов и расширяющейся по направлению от З. к В. Все острова А., на которые приходится смотреть как на островное продолжение горных цепей Малой Азии, часто далеко вдающихся в море, распадаются на несколько больших групп или рядов» [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz>].

¹⁷² Чарыков Н.В. Вопрос о малоазиатских железных дорогах // СМА. 1891. Вып. 49. С. 19.

на протяжении веков менялись, но в целом сосредоточены между Чёрным, Азовским и Каспийским морями¹⁷³.

Иран во второй половине XIX в. одновременно находился в регионах Среднего Востока, Западной, а географически частично и Центральной Азии. Россия же, помимо Кавказа, контролировала Среднюю Азию, и имела свои интересы практически во всех регионах Востока, за исключением Северной Африки.

Наконец, следует остановиться на значении, которое мы будем придавать некоторым историческим понятиям, используемым в данной работе:

¹⁷³ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: В 6 т. СПб.: Типография департамента уделов, 1871. Т. 1. Кн. 1. С. 1. «Название это (Καυκάσος) встречается впервые в трагедии Эсхила: “Скованный Прометей” (479 г. до Р. Х.); от греков оно перешло к римлянам и затем ко всем новейшим европейским народам; точное значение слова К. неизвестно. В настоящее время слово К. употребляется в смысле: 1) страны, расположенной на Кавказском перешейке, между Каспийским и Чёрным морями. Кавказский край представляет обширную страну, расположенную (под 46½–38½° сев. шир. и 37°20′–50°20′ вост. долг. от Гринвича) между Чёрным (с Азовским) и Каспийским морями (К., или Понто-Каспийский, перешеек) на З и В, и Европейской Россией, Турцией и Персией на С и Ю; страна эта состоит из 6 губерний, 4 областей и 2 округов, составляющих, в административном отношении, отдельную часть Российской империи, управляемую на основании “Учреждения управления К. края”, высочайше утверждённого 26 апреля 1883 г. Во главе управления К. краем стоит главноначальствующий гражданской частью на Кавказе, который, вместе с тем, является командующим войсками К. военного округа и войсковым наказным атаманом К. казачьих войск), и 2) горной системы, наполняющей большую часть указанной страны, причем название К. принадлежит, в сущности, только наиболее значительному по длине и высоте хребту её, прорезывающему весь перешеек с СЗ на ЮВ (см. Кавказский хребет). Хребет этот, поэтому, называют иногда Большим Кавказом (или Главным Кавказским хребтом), в отличие от Малого Кавказа – обширного нагорья, расположенного к Ю от долин Риона и Куры и связанного непосредственно с возвышенностями западной Азии. Туземцы (тюрко-татарские народы) называют К. – Кафдаг» [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz>]. Современное понимание Кавказа в принципе изменилось не столь сильно, как в случае Средней Азии. «Кавказ – географический регион, преимущественно горная страна в Евразии, расположенная к югу от Восточно-Европейской равнины, на границе Европы и Азии, которая охватывает территории: России, Грузии, Южной Осетии, Абхазии, Азербайджана и Армении. Ограничен Чёрным морем с запада, Каспийским морем с востока. Северная граница Кавказа проходит по Кумо-Манычской впадине, Азовскому морю и Керченскому проливу. Южная граница Кавказа проходит по бывшей государственной границе СССР (ныне южные границы Грузии, Армении и Азербайджана с Турцией и Ираном). В историко-географическом и экономическом отношении, в пределах Кавказа традиционно выделяют Северный Кавказ и Южный Кавказ. Северный Кавказ включает Предкавказье, северный склон Большого Кавказа преимущественно по водораздельному гребню (на востоке – до реки Самур), а также юго-западный склон Главного Кавказского хребта на его крайнем северо-западном участке и, традиционно, Черноморское побережье Кавказа (Черноморское побережье России до реки Псоу), хотя фактически (относительно Главного Кавказского Хребта) этот субрегион относится к Закавказью, так же, как и Абхазия» [<https://ru.wikipedia.org/wiki/Кавказ>].

Феодализм – форма экономико-правовой организации обществ, для которой характерно наличие связи «феодал» – «вассал», в которой феодалом может быть как человек, так и государство, организации, а вассалами – люди (организации), получающие от феодала за службу земельные наделы, право сбора налогов с определённой территории и пр. Вассалы также могут выступать феодалами по отношению к вассалам низшего типа. Для феодализма характерно также деление на сословия – социальные группы, выделяемые по правовому принципу. Основой феодализма является сельское хозяйство с натуральным уклоном, т. е. направленное на удовлетворение собственных потребностей (не на продажу)¹⁷⁴, а также господство общинных отношений и социальной иерархии, основание которой составляют крестьяне. Феодалная организация в её различных вариациях характерна для высокой стадии развития добуржуазных обществ Евразии, многие учёные используют понятие «феодализм» как синонимичное «традиционному обществу». Соответственно под феодалом мы будем понимать землевладельца, владеющего или пользующегося землёй, либо правом собирать с неё налоги в свою пользу, пожалованных ему за службу, либо же сюзерена, т. е. феодала, дающего землю другим феодалам за службу. На Востоке часто главным феодалом выступало государство в лице правителя, а получавшие землю получали не владение ею, а право сбора налогов в свою пользу¹⁷⁵.

Нация – политическое сообщество граждан одной страны (сейчас по паспорту). Народ (этнос) – кровно-родственное и одновременно воображаемое

¹⁷⁴ Натуральное хозяйство составляет основу традиционной, или патриархальной экономики, но не отрицает полностью торговлю. Просто здесь она имеет иные форму и содержание, нежели в экономике капиталистической (буржуазной).

¹⁷⁵ Блок М. Феодалное общество. М.: Издательство имени Сабашниковых, 2003. 504 с.; Васильев Л.С. Феномен феодализма (Новый взгляд на старую проблему) // *Общественные науки и современность*. 2007. № 6. С. 148–161; *Всемирная история*. В 6 томах. М.: Наука, 2012. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока. С. 16–32; Горский А.А. О «феодализме»: «русском» и не только // *Средние века*. 2008. Вып. 69 (4). С. 9–26; Илющечкин В.П. Теория стадийного развития общества. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. 406 с.; *История Востока*. В 6 т. М.: Восточная литература, 2002. Т. 2. Восток в средние века. 716 с.; Непомнин О.Е., Иванов Н.А. Типология азиатских обществ. М.: Восточная литература. 2010. 440 с.

сообщество людей, объединённое общими культурой и осознанием родственного единства¹⁷⁶.

Тюрко-татары, или турецко-татарские народы – термин, синонимичный слову «тюрки».

Относительно географии Ирана (в том числе и исторической) в основу нашей работы положены сведения, содержащиеся в работах Василия Владимировича Бартольда¹⁷⁷. При написании иранских имён мы ориентировались на работу Алима Гафурова¹⁷⁸. С целью унификации персидских титулов и названий, встречающихся в текстах, мы будем использовать следующие варианты написания (в скобках указаны другие виды передачи их в русских источниках).

Ахалтекинский, Ахалтеке (Ахал-Текинский, Ахал-Теке)

Боджнурд (Буджнурд, Бурджнурд, Буджнурт)

валиат (валият, валиад, валиахд, велиэхд)

Зелл ос-Солтане¹⁷⁹ (Зили-Султан, Зелл-ос-султан, Зиль-Ус-Султан, Зиллес-султан)

Исфахан (Исфаган, Испагань,)

Йезд (Иезд, Езд)

Йомуды (иомуды, иомуты)

Кучан (Кочан)

Мешхед (Мешед)

Мозаффарэддин (Музафар эдин, Музаффар эд-дин, Мозаффар-эд-дин)

¹⁷⁶ Мы разделяем точку зрения Г.С. Асатряна, что этнос – «сообщество связанных общей исторической судьбой людей, чётко осознающих свое отличие от других и имеющих единое самосознание и общую культуру в широком смысле этого слова. При этом, ни соматические качества (т.е. антропологические характеристики), ни язык и ни религия не являются решающими факторами для определения этноса» [Асатрян Г.С. Этническая композиция Ирана: От «Арийского простора» до Азербайджанского мифа. Ереван: Кавказский центр иранистики. 2012. С. 76].

¹⁷⁷ Бартольд В.В. Иран. Исторический обзор // Работы по исторической географии и истории Ирана. М.: Восточная литература, 2003. С. 229–336; Бартольд В.В. Историко-географический обзор Ирана // Работы по исторической географии и истории Ирана. М.: Восточная литература, 2003. С. 31–228.

¹⁷⁸ Гафуров А. Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. М.: Наука, 1987. 221 с.

¹⁷⁹ В Каджарскую эпоху в Иране титулы первоначально имели градацию. Начинались они с добавлением «мольк» («мульк»), затем следовали титулы с добавлением «доуле» («довле», «даула»), «солтане» («салтане»), «солтан» («салтан»). Однако с правления Насреддин-шаха, особенно с 1880-х гг., титулы и должности стали продавать и давать «направо и налево» и данная градация была утеряна. [Меликов О.С. Персидская мемуарная литература XIX века как источник по истории Ирана // Иран и Турция: вопросы истории. Баку: Элм, 1986. С. 24]. Здесь также следует отметить, что «титул мирза, поставленный после собственного имени, означает знатность происхождения и является синонимом титула принц ... Употребление ... титула мирза после собственного имени означает исключительно принадлежность к королевской семье; поставленный перед собственным именем, он указывает на принадлежность к среде законодателей, учёных, писателей. В широком смысле даётся детям из знатных семей, получившим хорошее образование» [Симонич И.О. Воспоминания полномочного министра: 1832–1838 гг. М. Наука. 1967. С. 28].

сараф (серраф)

Тебриз (Тавриз)

Хорасан (Хоросан, Хорассан)

Хусайн (Гуссейн, Хосейн, Гусейн)

В заключении хотим отметить, что наша работа не претендует на закрытие темы. Скорее мы намечаем ею пути дальнейшего исследования проблемы. Поэтому будем рады любым замечаниям.

Автор выражает особую благодарность за информацию и направляющие советы Михаилу Казбековичу Басханову, Нугзару Константиновичу Тер-Оганову, Олегу Рудольфовичу Айрапетову и Сергею Валерьевичу Фалько, а также создателям и наполнителям разноязычных сайтов Википедии.

ГЛАВА 1

РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ И ИРАН В 1830-Х – 1870-Х ГГ.

1.1. Русско-иранские отношения в военной сфере в 1830–1840-е гг.

Прежде чем изучать российско-персидские военные отношения, следует определиться с понятиями, в первую очередь с термином «регулярная армия», как ключевым для нашей темы. Используя европейскую терминологию, следует помнить, что явления за пределами Европы её жители в XIX в. именовали и оценивали в категориях собственной культуры, причём делали это как сознательно (вследствие цивилизаторского высокомерия), так и бессознательно (из-за ментальных и мировоззренческих установок, которые были привиты большинству из них собственной культурной традицией). Оценивание по собственным образцам происходило преимущественно по аналогии и в европейских терминах. Впоследствии, через распространение европейских (или западных, западноевропейских) влияний на весь мир, западные терминологические образцы (прежде всего – через часть восточных интеллектуалов и политических деятелей, которые учились или воспитывались на Западе) в значительной мере стали распространяться и за пределы собственно Европы и Северной Америки. Но, как свидетельствует практика, эти образцы не всегда отображали сущность явлений восточного мира, поскольку чаще всего фиксировали лишь формальные признаки. К тому же они приводили к неправильным толкованиям, когда в качестве эталонных образцов использовали одиночные случаи (как это происходило, например, с термином «феодализм», когда собственно европейское его понимание стало навязываться и восприниматься как обобщающее и образцовое¹⁸⁰).

Для традиционных обществ (к которым без сомнения относится Ираня XIX в.) регулярное войско – это постоянные военные части, организованные не по племенному признаку¹⁸¹. Создание регулярных вооружённых сил, которые зависели

¹⁸⁰ Васильев Л.С. Всеобщая история. В 6 т. Москва, 2007. Т. 2. С. 28–47; Васильев Л.С. Феномен феодализма (Новый взгляд на старую проблему) // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 148–161.

¹⁸¹ Бабаев К. Военная реформа шаха Аббаса I (1587–1629) // Вестник Московского университета. Серия История. 1973. № 1. С. 23; Кадырбаев А.Ш. Институт гвардии и элитных войск на Востоке и Западе: история и современность

от центрального правительства, имело место в Персии Нового времени при Аббасе I ¹⁸² и Надир-шахе Афшаре ¹⁸³. Однако они были основаны на родо-племенном принципе комплектования и впоследствии (как правило, после смерти реформатора) медленно приходили в упадок, поскольку следующие правители не обнаруживали заинтересованность в их качественном развитии (усовершенствовании оружия, организации и т. п.). В начале XIX в. иранская армия была преимущественно иррегулярной, то есть не имела постоянной организации, а комплектовалась племенными ополчениями при необходимости, потому её лояльность центральному правительству зависела от лояльности вождей кочевых племён – основной военной силы. Экономико-политический уклад обусловил то, что уже в начале XIX в. Персия значительно отличалась от ведущих европейских стран почти по всем показателям, в том числе и в военном деле. Феодалные войны XVIII в., деспотическое правление при одновременной слабости центральной власти в отдельных районах, вертикальные патронажно-клиентские связи в обществе, традиционное мышление в связи с консервирующей ролью религии – всё это тормозило восстановление сильного государства и формирование его по европейскому образцу. Изменения в военном искусстве, которые происходили в Европе в течение XVII–XVIII вв. и получили название «военной революции» («military revolution»), к XIX в. мало затронули иранские земли. К началу века нововведения проникали в Иран опосредствовано через Османскую империю, но значительного развития они не стимулировали: иранская армия оставалась во

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www.safarabdulloh.kz/img/books/iran-name/Iran-Name%20\(26\)2013.pdf](http://www.safarabdulloh.kz/img/books/iran-name/Iran-Name%20(26)2013.pdf). Удачное, на наш взгляд, определение «традиционного общества» предложил А.Д. Богатуров (Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект-Пресс, 2009. С. 48–49). Согласно ему, это общество, поведение членов которого основано не на рациональном целеполагании, а на опыте, традиции, ритуале, воспроизводстве устойчивых форм мышления. «Основной мотив действия – следование уже известному образцу (“свой путь”), а не разуму (“умствование”). Модель поведения здесь задаётся культурным опытом, который выражается в изустной традиции, неписаных регламентах быта, религиозных катехизисах, сборниках изречений». В таком обществе «новации выступают в известном смысле “интуитивными прозрениями”, а не “интеллектуальными прорывами”. А сфера активности ограничивается контролем за соблюдением ранее определённых правил и норм». В противоположность ему, рациональное (модерное, буржуазное) общество основано на отказе от религиозности, а на человеческом разуме. К нему полностью, правда в несколько ином понимании, применима фраза греческого философа-софиста Протагора – «человек – мера всех вещей».

¹⁸² Иранский правитель – шаханшах из династии Сефевидов, который правил в 1587–1629 гг., провёл серию реформ. При его правлении государство достигло наивысшего могущества. Про военную реформу Аббаса I см.: Бабаев К. Военная реформа шаха Аббаса I (1587–1629) // Вестник Московского университета. Серия История. 1973. № 1. С. 21–29.

¹⁸³ Правитель Ирана в 1736–1747 г. Про его армию см.: Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство Надир-шаха Афшара. М.: Восточная литература, 1958. С. 129–139; Axworth M. The Army of Nader Shah // Iranian Studies. 2007. Vol. 40. № 5. P. 635–646.

многим на уровне армии Сефевидов¹⁸⁴. Это касалось и подготовки бойцов, и вооружения, и структуры вооружённых сил, которые были разделены на регулярные и иррегулярные, при чём последние составляли большинство. Вообще, история иранской армии Нового времени представляла собой смены циклов преобразований, связанных, прежде всего, с приходом к власти амбициозных правителей, которые имели целью укрепление собственной власти и распространение последней на возможно большую территорию. Цикл этот состоял из следующих составляющих: создание (или воссоздание) регулярной армии (из пехоты, конницы гвардейцев-гулямов и артиллерии) в противовес племенным ополчением крупных феодалов и перевооружение её наиболее современным на тот момент оружием – успехи новой армии во времена реформатора – упадок после его смерти. Такой цикл можно проследить во времена Аббаса I, Надир-шаха Афшара, а в XIX в. – при Аббас-мирзе¹⁸⁵ и Наср-эд-Дин-шахе¹⁸⁶. В то время, как в Западной Европе развивались капиталистические отношения, менялся менталитет населения и пр., в Иране с конца XVIII в. началась новая спираль в развитии традиционного общественного уклада, в том числе и в экономической сфере, связанная с воцарением новой династии Каджаров и восстановлении централизованного государства.

Учащение циклов во времена правления Каджаров (три за один век) связано, на наш взгляд, с тем, что с начала XIX в. Персия начала постоянно сталкиваться с европейскими войсками, а также стала активно вовлекаться в европейскую политику как разменная монета в ходе борьбы между Россией, Англией и Францией. Невозможность на равных противостоять европейцам (прежде всего русским, с которыми в первой половине XIX в. шли постоянные войны за Закавказье), военные поражения от них способствовали зарождению среди части сановничества Персии понимания необходимости кардинальных преобразований. В XIX в. цикл изменений в вооружённых силах государства Каджаров выходит на новый уровень. Новым стало то, что европейские образцы стали восприниматься непосредственно от оригинала (в первую очередь – через Россию, с которой каджарские правители

¹⁸⁴ Династия, которая правила в Иране с 1502 до 1722 гг.

¹⁸⁵ Второй сын Фетх Али-шаха (правил в 1797–1834 гг.), официальный наследник престола, наместник в Иранском Азербайджане. Фактически руководил внешней политикой, особенно – против России, пытался реорганизовать вооружённые силы своего наместничества по европейскому образцу, для чего неоднократно приглашал английских и французских инструкторов. Умер в 1833 г.

¹⁸⁶ Шаханшах из династии Каджаров, правил в 1848–1896 гг.

провели 3 войны – 1796, 1804–1813, 1826–1828 гг.), а не опосредованно, через Османскую империю или авантюристов европейского происхождения (англичане во главе з А. Шерли во времена Аббаса I), как это было раньше. Привлечение европейских инструкторов стало носить регулярный характер, а изменения коснулись принципа построения вооруженных сил (введение уставов, чёткой структуры и т. п.). К тому же, в этих изменениях были до некоторой степени заинтересованы и собственно европейцы, прежде всего англичане и французы, а впоследствии – русские, которые сменили последних в борьбе за влияние в Центральной и Западной Азии.

Приглашение европейских инструкторов, закупка оружия в Европе, попытки реорганизовать вооружённые силы на европейский манер имели ограниченный успех. Европейцев (преимущественно англичан и французов) кадjarские правители рассматривали как союзников в борьбе против Российской империи, а те, в свою очередь, видели в Иране вспомогательную страну в борьбе между собой. При этих обстоятельствах вооружённые силы Кадjarской монархии должны были отвлекать силы противника, обслуживая стратегические цели Франции или Великобритании, что, конечно, не предусматривало создания ими действительно боеспособной персидской армии (тем более, что она в дальнейшем могла бы стать помехой захватническим планам европейских держав на Ближнем и Среднем Востоке). К тому же сюда можно было продавать устаревшее оружие по завышенным ценам, что европейцы делали достаточно успешно в течение XIX в.

В XIX в. иранская армия пережила 3 волны модернизации по европейским образцам¹⁸⁷. За это время здесь побывали 3 французские, 2 английские, 2 австрийские, 1 итальянская и 1 русская военным миссии, не считая инструкторов-одиночек¹⁸⁸. Однако наибольшего успеха добились именно представители России.

¹⁸⁷ Тер-Оганов Н.К. Военные и внешнеполитические факторы создания регулярной армии в Иране в первой трети XIX века // *Canadian-American Slavic studies. Revue canadienne-américaine d'études slaves*. 2012. Vol. 46. Is. 1. P. 1–39; Тер-Оганов Н.К. К истории формирования регулярной армии в Кадjarском Иране // *Проблемы востоковедения*. 2014. № 4. С. 87–93; Тер-Оганов Н.К. От военной модернизации к национализму и национальному государству в кадjarском Иране // *History and Historians in the Context of the Time*. 2015. Vol. 14. Is. 1. P. 39–50.

¹⁸⁸ Calmard J. *Les Reformes Militaires sous les Qajars (1795–1925)* // *Entre l'Iran et l'Occident*. Paris: ed. Y. Richard, 1989. P. 17–42; Cronin S. *Armies of Qajar Iran* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kavehfarrokh.com/iranica/militaria/iranian-military-history-and-armies-post-islamic-era-to-1899/professor-stephanie-cronin-armies-of-qajar-iran>; Cronin S. *Building a new army: military reform in Qajar Iran* // *War and Peace in Qajar Persia. Implications Past and Present*. London et New York, Routledge, 2008. P. 47–87; Cronin S. *Importing Modernity: European Military Missions to Qajar Iran* // *Comparative Studies in Society and History*. 2008. Vol. 50. Is. 1. P. 197–226; Kaveh Farrokh. *Iran at War. 1500–1988*. Oxford: Osprey, 2011 P. 163–243; Тер-Оганов Н.К. Создание и развитие

По справедливому замечанию С. Кронин, вооружённые силы Персии пережили 2 волны русского присутствия – в первой и во второй половинах века¹⁸⁹. Однако следует заметить, что имели они разный характер. В первой половине века одновременно развивались официальная и неофициальная (относительно русского правительства) линии. Неофициально, без связи с российским правительством, а даже вопреки ему, действовали русские дезертиры, а официально – дипломаты-военные и военные советники. Во второй же половине деятельность русских военных инструкторов имела вполне законный вид и была ориентирована на обучение части иранских войск по контракту.

Несмотря на враждебность в отношениях первой трети XIX в., участие русских представителей в вооружённых силах Ирана имело к её концу значительную традицию. По общему мнению большинства исследователей, первыми европейцами, ознакомившими кадjarскую армию с европейскими методами войны и организации вооружённых сил, были русские дезертиры, попавшие в Иран в ходе русско-иранских войн 1804–1813 и 1826–1828 гг. на их основе в иранской армии даже был сформирован фодж¹⁹⁰ «Багадеран», ставший элитной частью¹⁹¹. Однако

иранской регулярной армии и деятельность иностранных военных миссий в Иране в XIX в.: Автореф дисс. ... кандидата исторических наук. Тбилиси, 1984. 28 с.

¹⁸⁹ Cronin S. Deserters, Converts, Cossacks and Revolutionaries: Russians in Iranian Military Service 1800–1920 // *Middle Eastern Studies*. 2012. Vol. 48. Is. 2. P. 147–182.

¹⁹⁰ Используя в данном случае европейскую терминологию параллельно с собственно иранской, следует отметить, что по сути они несколько отличались. Европейцы обозначали собственными терминами военные структуры Персии, пытаясь их приблизить в понимании к европейскому читателю. Даже используя местные названия, они объясняли их исходя из тогдашних европейских образцов. Однако реальность не всегда отвечала указанному толкованию. Из-за этого в трудах многих военных возникала путаница (что впоследствии влияло и на исследователей, которые «привязывались» к терминологии источников). Поскольку в европейских армиях не было соответствующей структурной единицы, название бралось по аналогии. Например, тумани именовали то дивизиями, то корпусами, фоджи – то батальонами, то полками, эмир-пенджа определяли как генерал-майора, хотя это была должность начальника тумани (собственно – корпуса в составе пяти типов) и т.п. «Правильных и регламентированных соединений фоджей в полки или бригады не существует, – писал российский разведчик второй половины XIX в. – однако из разных, совершенно посторонних соображений иногда составляются такие высшие командные единицы». 29 фоджей азербайджанской пехоты, например, объединены были в 3 тумани, каждый из которых возглавлял эмир-тумани [Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. 51–52]. Собственно фодж в персидской армии – это однобатальонный полк, который состоял из 8–10 рот. Условно его состав определялся в 1 000 человек [Там же. С. 20]. Однако реальная численность его постоянно и довольно значительно колебалась в силу специфики воинского набора. Поэтому европейские наблюдатели часто именовали фоджи батальонами [См., например, Мисль-Рустем: «полки “фодж”, собственно батальон» [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.:

со стороны России военное проникновение не носило системного (упорядоченного и постоянного) характера. До 1830-х гг. русско-иранские отношения находились в стадии перманентной конфликтности. Поэтому россияне, служившие в кадjarской армии, были либо дезертирами, либо пленными, либо переселенцами. А военные из России, посещавшие Иран, были в основном или участниками войн, либо же находились в составе посольств.

Ситуация меняется в 1830-х гг. С этого времени русские военные всё чаще стали появляться в Иране не как враги, а как союзники. Уже в 1831 г., при подготовке похода на Хорасан Аббас-мирза обратился к русскому правительству с просьбой прислать оружие и офицеров. Однако был прислан только один офицер – поручик Гвардейского ГШ барон И.К. Аш, который находился в составе отряда в качестве военного наблюдателя¹⁹². Как верно отмечал российский публицист К. Скальковский, «Персия с 1834 г. сделалась нашей союзницей и находилась под сильным влиянием России»¹⁹³. В сентябре 1834 г. персидский трон занял Мохаммад-шах¹⁹⁴. Событие это произошло после непродолжительной борьбы

Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 115; Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 216; Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. 51].

¹⁹¹ Берже А. П. Самсон-хан Макинцев и русские беглецы в Персии 1806–1853 гг. // Русская старина. 1876. Т. 15. № 4 (апрель). С. 770–804; Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. 357 с.; Базиленко И.В. О беглом россиянце С. Я. Макинцеве (Самсон-хане) и его иранской службе (первая половина XIX в.) // Базиленко И.В. Историография, религиоведение и культурология Востока: учеб. пособие для студентов направлений «Зарубежное регионоведение», «Религиоведение», «Культурология». СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2011. С. 283–294; Базиленко И.В. Российский дезертир С.Я. Макинцев (1780–1853) и его полувековая служба Ирану // Базиленко И. Россия–Иран. История отношений и эволюция религиозных идей (конец XVI в. – нач. XX в.). Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2012. С. 255–270; Базиленко И.В. Российский беглец С.Я. Макинцев (1780–1853) и его полувековая служба Ирану [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://christian-reading.info/data/2012/02/2012-02-06.pdf>; Евстратов А. Русские богатыри на службе у шаха Персии // Современный Иран. 2011. № 3. С. 61–65; Кибовский А. «Багадеран» – Русские дезертиры в персидской армии. 1802–1839 // Цейхгауз. № 5. 1996. С. 26–29; Кибовский А. Багадеран // Родина. 2001. № 5. С. 81–87; Кругов А., Нечитайлов М. Персидская армия в войнах с Россией. 1796–1828 гг. М. Фонд Русские Витязи 2016. С. 84–105; Кругов А.И., Нечитайлов М.В. Русские дезертиры в иранской армии (1805–1829 гг.) // Tarix və onun problemləri. 2013. № 1. С. 45–58; Кругов А.И., Нечитайлов М.В. Русские дезертиры в иранской армии (1805–1829 гг.) // История и её проблемы. 2013. № 1. С. 48–53; Кругов А.И., Нечитайлов М.В. Русские дезертиры в иранской армии (1805–1829 гг.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Kryglov_Nechitailov.pdf; Тер-Оганов Н. Военные и внешнеполитические факторы создания регулярной армии в Иране в первой половине XIX века // Canadian-American Slavic Studies. 2012. Vol. 46. № 1. P. 1–39; Ханьков Н. Очерк служебной деятельности генерала Альбранда. Тифлис: тип. канцелярии Наместника Кавказского, 1850. 38 с.

¹⁹² Айрапетов О.Р. От Афганистана до Египта. Из опыта противостояния Великих Держав XIX века // Родина. 2012. № 7. С. 101; Ларин А.Б. Российско-иранское военное сотрудничество в 30–40-е годы XIX века // Вестник Самарского государственного университета. 2009. Вып. 73. С. 37.

¹⁹³ Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. С. 410.

¹⁹⁴ Шахом он был провозглашён только 18 января 1835 г. после окончания борьбы с другими претендентами на престол [Салихова Д.Б. Российско-иранские отношения во второй четверти XIX века. Дисс. канд ист. наук. Махачкала, 2007. С. 124].

между претендентами на престол. Россия и Англия в лице своих дипломатических представителей поддержали кандидатуру будущего шаха, обеспечив ему победу¹⁹⁵. Как отмечалось в инструкции посланнику в 1904 г., «в 1834 г. вопрос шёл о выборе наследника шахского престола между несколькими соперничавшими кандидатами и об очищении от русских войск занятых в обеспечение уплаты контрибуции персидских областей, причём как Англия, так и Россия заявили о своем намерении уважать целость и неприкосновенность персидской территории. Соглашением с Россией 1834 г., подтверждавшим неприкосновенность персидской государственной территории, Англия стремилась гарантировать себя от опасности русской экспансии к побережью Персидского залива, в районе которого в последующие годы она проводит энергичную политику «мирного проникновения»¹⁹⁶. Не смотря на то, что обе стороны приписывали себе главную роль в утверждении Мохаммед-шаха, можно согласиться с российским исследователем А.Б. Лариным, что российский посланник И.О. Симонич действовал активнее. Поэтому «именно в 30-е годы влияние России на внутреннюю и внешнюю политику Персии значительно возрастает и становится преобладающим»¹⁹⁷. «В это время нашей задачей было укрепить и расширить пределы Персии, которая была под нашим влиянием, и с этой целью мы помогли ей в гератском вопросе, окончившемся ничем из-за интриг англичан», – писал в начале XX в. русский военный аналитик А.Е. Снесарев¹⁹⁸. Находившийся в качестве полномочного министра при шахском дворе в 1832–1838 гг. генерал-майор И.О. Симонич¹⁹⁹ имел заметное влияние на Мохаммед-шаха²⁰⁰. При его непосредственном участии был инициирован так называемый Гератский поход 1837–1838 гг.²⁰¹. В ходе него и осады Герата при шахских войсках находился

¹⁹⁵ Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 139–142.

¹⁹⁶ Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны // Красный архив. 1932. № 4 (53). С. 15.

¹⁹⁷ Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 142.

¹⁹⁸ Снесарев А.Е. Афганистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.cawater-info.net/afghanistan/pdf/cnesarev.pdf.

¹⁹⁹ Генерал-майор, с 5 января 1832 г. по 30 апреля 1838 г. – чрезвычайный и полномочный министр при персидском шахе [Симонич И.О. Воспоминания полномочного министра: 1832–1838 гг. М.: Наука. 1967. С. 3–25]. Сменён генерал-майором ГШ Александром Осиповичем Дюгамелем – последним посланником-военным на этом посту (до 11 июня 1845 г.).

²⁰⁰ Правил с 23 октября 1834 г. по 5 сентября 1848 г.

²⁰¹ Детальнее см.: Бларамберг И.Ф. Осада города Герата, предпринятая персидскою армиею под предводительством Магомед-шаха, в 1837 и 1838 годах // СМА. 1885. Вып. 16. С. 1–40; Бугаева А.Г. Борьба за Герат 1837–1841 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ftp://lib.herzen.spb.ru/text/bugayeva_15_39_58_61.pdf; Даль В.И. Рассказы вышедших из Хивы русских пленников об осаде, в 1837 и 1838 годах, персиянами крепости Герата // Полное собрание

капитан (с марта 1839 г. – подполковник) ГШ И.Ф. Бларамберг²⁰². Он прибыл в Персию в начале лета 1837 г. на должность адъютанта И.О. Симонича. Фактически на протяжении пребывания в стране до весны 1840 г. он занимался изучением персидской армии и путей сообщения, о чём вскользь упоминает в своих записках, и, одновременно являлся негласным военным советником²⁰³. В 1838 г. капитан Лемм был командирован в Персию для сопровождения подарков, назначенных шаху и вали (наместнику, губернатору) Хорасанской провинции. На него было возложено также поручение определить географическое положение «всех замечательных мест, чрез которые он будет следовать, в особенности в Персии»²⁰⁴. 4 октября²⁰⁵ он прибыл из Астрахани по Каспийскому морю в Решт, через Казвин посетил Тегеран, где находился до 15 февраля 1839 г. Затем он посетил Мешхед, проехав через территорию «совершенно неизвестную европейцам»²⁰⁶, затем другим путём вернулся в Тегеран, а оттуда по прошествии 2-х недель отправился в Россию сухопутным путём через Тебриз и Эривань и Тифлис. В 1839 г. в Тегеран по приглашению шаха прибыли поручик гвардейской артиллерии князь Н.Ф. Масальский и 4 унтер-офицера для обучения персидской артиллерии. Их пребывание закончилось вместе с отъездом И.Ф. Бларамберга, в 1840 г.²⁰⁷. «Его постигла та же участь, что и всех его предшественников и последователей, – писал о миссии Н.Ф. Масальского, косвенно, видимо, оценивая и итоги своего пребывания, И.Ф. Бларамберг. – Все инструкторы (военные преподаватели), поступавшие на персидскую службу, очень быстро уезжали из Персии, несмотря на то что их приглашало правительство или же официально вербовали полномочные персидские представители в Европе. Их принимали с большой предупредительностью, обращались с ними учтиво и поначалу ежемесячно выплачивали жалованье. Однако у них не было постоянных занятий, и они на горьком опыте убеждались в том, что

сочинений Владимира Даля (Казака Луганского). Т. 7. СПб. – М., 1898 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus-turk.livejournal.com/199570.html>; Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 150–189.

²⁰² Колюбакин А.М. Введение к очерку вооружённых сил Персии в 1883 г. и населения, как источника комплектования персидской армии // История Ирана. К.–М.: Альтернатива–Евролинц, 2003. С. 286.

²⁰³ Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. 357 с.

²⁰⁴ Астрономические определения в Персии, произведённые капитаном Леммом в 1838 и 1839 годах // Записки военно-топограф депо. 1861. Ч. 22. Отд. 1. С. 24.

²⁰⁵ Все даты в тексте приведены по юлианскому календарю, принятому в рассматриваемое время в России.

²⁰⁶ Там же. С. 25.

²⁰⁷ Масальский Н.Ф. Письма русского из Персии. Ч.1-2. СПб.: Тип. штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1844. Ч. 1. [4]+IV+317 с.; Ч. 2. [2]+IV+335 с.

персы считали себя намного образованнее и опытнее, чем эти ференги (иностранцы)»²⁰⁸. Это был первый опыт поддержанного русским правительством внедрения инструкторов из России в каджарские вооружённые силы.

Можно в целом согласиться с мнением А.Б. Ларина, что «итоги Гератского кризиса 1837–1838 гг. были весьма существенны для дальнейшего развития российско-иранских отношений. Этот кризис стал ярким проявлением изменения их характера. Если в первой трети XIX века Иран выступал против России при поддержке Англии, то теперь Россия поддерживает иранскую политику, в то время как Англия стремится воспрепятствовать осуществлению намерений Ирана»²⁰⁹. Российский военный аналитик и историк А.М. Колубакин, говоря о Гератском походе 1837–1838 гг., небезосновательно отмечал, что «экспедиция эта ... погубила лучшие войска Персии, с того времени уже не поднимавшиеся до той высоты, до которой они были доведены Аббас-мирзой»²¹⁰. Дальнейшая история персидского

²⁰⁸ Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. С. 163-164. В то же время нельзя не согласиться с утверждением Олега Александровича Никонова, что Россия проводила по отношению к Ирану политику, сдерживавшую модернизационные порывы части его правящей верхушки [Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIXв. Москва: Прометей, 2015. С. 15]. Это касалось и развития военного дела у южного соседа. «Императорская власть, – писал он, – опасалась (на фоне роста английского влияния на шахский двор) оказывать помощь в строительстве материальной базы, способной в будущем обеспечить создание современного военного производства. «В депеше из Петербурга за 1839 г. графу И.О. Симоничу отмечалось, что желая оказать “дружественное расположение” император повелел направить в Иран своих специалистов (речь, видимо, идёт о миссии Н.Ф. Масальского – О.Г.). Из казённых арсеналов отправили мастеровых лафетного, колёсного, сверлильного и кузнечного дела, под надзором артиллерийского офицера. Однако такая помощь в организации национального производства была ограничена рядом соображений государственного характера. Так, получила отказ просьба шаха направить в Иран специалистов горного дела. Николай I сослался на сложности технологического характера по добыче железной руды и руд других металлов, и их последующей переработки. Император убеждал шаха, что одних мастеровых для организации производства недостаточно, а необходимо иметь горных инженеров и соответствующую технологию для создания замкнутого производственного цикла. В качестве альтернативы канцлер Нессельроде сделал следующее предложение: “Буде же Персидское правительство изъявит желание получать из России чугуны, железо и сталь, то оно может быть от нас снабжаемо сими металлами, а, равно, и весьма потребными из оных изделиями”. Императорская власть опасалась (на фоне роста английского влияния на шахский двор) оказывать помощь в строительстве материальной базы, способной в будущем обеспечить создание современного военного производства. В итоге в Иран не были откомандированы не только специалисты военного дела (здесь автор заблуждается – военно-инструкторская миссия всё же была отправлена в Иран, но поработать там так и не смогла – О.Г.), но и мастеровые гражданской специальности». [Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIXв. Москва: Прометей, 2015. С. 15].

²⁰⁹ Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 17.

²¹⁰ Аббас-мирза Наиб ос-Солтане – второй сын Фатх Али-шаха Каджара. Был назначен наследником престола. С детства был наместником в Иранском Азербайджане. Пытался реорганизовать иранскую армию по европейскому образцу с помощью английских и французских инструкторов. Руководил управлением внутренней и внешней политики Ирана. Российское и британское посольства располагались при его дворе в Тебризе. Командовал иранскими войсками во время русско-персидской войны 1804–1813 гг., ирано-турецкой войны 1821–1823 гг., и русско-персидской войны 1826–1828 гг. После этого командовал походами против курдов. Умер 25 октября 1833 г. во время похода на Герат за несколько месяцев до смерти отца.

оружия ещё более бесславна»²¹¹. Нельзя не отметить, что поражение шахской армии, фактически координируемой русским офицером, не могло не сказаться на авторитете российских военных представителей. Обороной Герата руководил английский офицер Генри Поттинджер²¹². И хотя неудача Мохаммед-шаха во многом не зависела от позиции русского консультанта, однако, как свидетельствуют дальнейшие события, поражение от англичан, вкупе с неудачной миссией Я.В. Виткевича в Кабул 1837–1838 гг.²¹³ и провалом хивинского похода 1839–1840 гг.²¹⁴, не могли не оказать косвенного или прямого воздействия на восприятие мощи России персидскими сановниками, в том числе и шахом. К сожалению, история российско-персидских отношений XIX в., при всём многообразии имеющейся литературы, исследована фрагментарно. Поэтому сложно чётко сказать, как и в чём это воздействие проявилось. Однако очевидно то, что вплоть до 1870-х гг. российские военные были отстранены от воздействия на вооружённые силы Ирана. Думается, что причины этого лежали как в плоскости внешней политики Российской империи, которая в 1850-х–1860-х гг., смещается в сторону Европы и черноморских проливов, так и в сфере внутривосточных проблем Персии (17 сентября в 1848 г. в Тебризе, а затем 23 октября 1848 г. – в Тегеране на престол взошёл новый шах – Насреддин-шах, начало правления которого было ознаменовано попыткой реформ, бабидским восстанием и внутренней нестабильностью²¹⁵). Важным фактором было также личностное отношение. Проводивший военную реформу персидской армии Таги-хан²¹⁶ ориентировался не на российские образцы, а на преобразования в османской армии первой трети XIX

²¹¹ Колюбакин. Очерк вооружённых сил Персии в 1883 г. и населения как источник комплектования Персидской армий // СМА. 1884. Вып. 11. С. 42.

²¹² Салихова Д.Б. Российско-иранские отношения во второй четверти XIX века. Дисс. канд ист. наук. Махачкала, 2007. С. 139.

²¹³ Володарский М. Дуэль двух дипломатий в Кабуле // Отечественная история. 2002. № 5. С. 49–61; Сапунов Д.А. Судьбою связанный с Востоком: И. Виткевич и русская разведка в Средней Азии // Вестник Челябинского государственного университета. 2004. Т. 10. Вып. 1. С. 114–121; Халфин Н.А. Драма в номерах «Париж» // Вопросы истории. 1966. № 10. С. 216–220; Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М.: Наука, 1974. С. 236–256; Шкерин В. А. Ян Виткевич и оренбургский военный губернатор Василий Перовский // Уральский исторический вестник. 2012. №2. С. 131–137.

²¹⁴ Иванин М.И. Описание Зимнего похода в Хиву в 1839–1840 году. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1874. 268 с.; Косырев Е.М. Поход в Хиву в 1839 г. (Из записок участника) // Исторический вестник. 1898. № 8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1820-1840/Kosyrev/text.htm>; Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М.: Наука, 1974. С. 272–293.

²¹⁵ Анаркулова Д.М. Социально-политическая борьба в Иране в середине XIX века. М.: Наука, 1983. 159 с.; Иванов М.С. Бабидские восстания в Иране (1848–1952). М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 176 с.

²¹⁶ Мирза Таги-хан Ферахани эмир-низам эмир-е кебир (буквально «тот, кто идёт впереди армии», «великий предводитель») – первый министр Персии в 1848–1851 гг., инициатор серии реформ светского характера.

в. и опосредованно – на австрийскую военную организацию²¹⁷. Вне сомнения, это было обусловлено личными взглядами реформатора. Сказать точно, каково было его отношение к российской военной организации, и почему он отверг её в качестве ориентира, сложно. Отчасти причиной тому было стремление Таги-хана выйти из-под «опеки» Российской и Британской империй²¹⁸. За образец он взял австрийскую армию, пригласив австрийскую военную миссию. Как бы то ни было, этот факт свидетельствовал, пусть и косвенно, о падении авторитета военной силы России среди высших кругов Каджарской державы.

Тем не менее, определённую опасность для России в случае войны с Турцией Каджарская монархия представляла. «Сколь не мало опасен для нас отряд необученного войска, – писал наместнику на Кавказе М.С. Воронцову русский консул в Тебризе Николай Адрианович Аничков, – но всё же по неизвестности намерений персидского правительства и опасению вероломства с его стороны оно может заставить нас отвлечь на здешнюю границу часть наших сил, действующих против Турции»²¹⁹. Отношение России к Ирану обуславливалось также его стратегическим положением. Как отмечал советский историк А. Попов, «всё богатое историческое прошлое Персии ... определялось в конечном счёте, её географическим положением в центре соединения трёх континентов, той ролью проходной дороги, которую она играла по отношению к передвижению народов различных рас, направлявшихся с востока на запад»²²⁰. С постепенным расширением империи Романовых в Азии указанный фактор превращался в один из важнейших. Через Иран можно было быстрее всего достичь Персидского залива и Британской Индии²²¹. С другой стороны, Иран как союзник Великобритании мог существенно осложнить положение на южных границах империи Романовых. Возможно, именно поэтому среди российских правящих кругов и военных постепенно всё большую силу приобретает мнение о необходимости контролировать некогда могучего соседа. Методы контроля и задачи в течение века менялись, развиваясь и соотносясь

²¹⁷ Анаркулова Д.М. Социально-политическая борьба в Иране в середине XIX века. М.: Наука, 1983. С. 55–57.

²¹⁸ Анаркулова Д.М. К вопросу о деятельности Амир-Кабера в современной иранской историографии // Иран. Экономика. История. Историография. Литература (Сборник статей). М.: Наука, 1976. С. 215; 221.

²¹⁹ Ибрагимбеили Х.М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. Москва: Наука, 1971. С. 223.

²²⁰ Попов А. Англо-русское соперничество на путях Ирана // Новый Восток. 1926. Кн. 12. С. 127.

²²¹ К слову, эти же причины стали своего рода побудительными мотивами политики Британской империи относительно Ирана.

с международными целями царского правительства. Однако именно с 1830-х гг. между Россией и Ираном начинает развиваться такое новое явление, как военное сотрудничество²²².

1.2. Миссия А.С. Санковского

В ходе Крымской войны (Восточной войны) 1853–1856 гг.²²³ среди российских чиновников Министерства иностранных дел и Кавказского наместничества впервые в XIX в. возникла идея привлечь Иран на свою сторону, чтобы отвлечь часть османских сил²²⁴. Шахское правительство само в июне 1853 г. выдвинуло предложение о союзе против Стамбула. Однако изначально наметилась разница в понимании сотрудничества, сыгравшая решающую роль в том, что военного союза не получилось. Персы (прежде всего в лице садр-азама (садр-и-азама, садр-е азама) мирзы Ага-хана Нури Эттемад од-Доуле²²⁵, сумевшего убедить в своём мнении Насреддин-шаха) настаивали на подписании союзного договора на определённых условиях. Российская же сторона не была заинтересована в чёткой фиксации своих обязательств. Объяснялось это как неудовлетворительным состоянием иранской армии, так и надеждами Николая I решить разгоравшийся конфликт с Османской империей без крупномасштабной войны. Поэтому

²²² Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. 357 с.; Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. 283 с.; Симонич И.О. Воспоминания полномочного министра: 1832–1838 гг. М. Наука. 1967. 174 с. Детальнее о русско-иранских отношениях 1-й половины века см.: Бугаева А.Г. Российско-иранские торговые и дипломатические отношения первой половины XIX века. Дисс. ... канд. ист. наук. Владимир, 2009. 229 с.; Салихова Д.Б. Российско-иранские отношения во второй четверти XIX века. Дисс. канд ист. наук. Махачкала, 2007. 184 с.

²²³ Так же «Восточная война». Кривопапов А. Крестовый поход Неистового Орландо Figes O. Crimea. The last Crusade. L., 2011 // **Русский Сборник**: Исследования по истории России. М.: Модест Колеров, 2015. Т. 18. С. 234–296; Толстой С.Г. Отечественная историография Крымской войны, вторая половина XIX – первая половина XX в. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 2002. 272 с.

²²⁴ С ходом русско-иранских переговоров и изменениями в позициях сторон можно ознакомиться в: Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис: Типография канцелярии Главногоначальствующего гражданскою частью на Кавказе. 1885. Т. 10. С. 745–752; Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 221–244.

²²⁵ В различных публикациях встречается неверное написание Ага Нури-хан. Вторую часть его имени составлял титул, пожалованный шахом. «Все сановники Персии получают, помимо других наград, личные титулы по усмотрению шаха в роде «стрелы, меча, отваги, надежды государства» и т. п., и в общежитии эти прозвища почти устраняют употребление собственных имен», – отмечал М. Алиханов-Аварский [Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 26].

Министерство иностранных дел России настаивало не на полноценном союзе, а на диверсии со стороны иранской армии на турецкие территории, обещая простить остаток долга по Туркманчайскому договору 1828 г.²²⁶ и учесть интересы Тегерана при заключении мира.

Насреддин-шах являлся сторонником военного содействия России и, в принципе, на первых порах соглашался с российскими условиями. Было достигнуто соглашение, что персидские войска в числе 60 000 человек (позже их численность была сокращена до 40 000), двинутся к Хою. При этом посланник России Дмитрий Иванович Долгоруков озвучил условие, что «никакое наступательное действие не будет предпринято без предварительного соглашения с главнокомандующим императорскими войсками (на Кавказе – О.Г.)»²²⁷. В октябре 1853 г., по желанию персидской стороны, Петербургом на Михаила Семёновича Воронцова была возложена задача подобрать нескольких опытных офицеров «для лучшего руководства стратегических движений» иранского корпуса и отправить их в Иран²²⁸.

К началу ноября 1853 г. военная миссия была сформирована. Возглавил её генерал-майор Корпуса инженеров путей сообщения А.С. Санковский. Это был опытный офицер, служивший на Кавказе с 1826 г., участвовавший в русско-персидской 1826–1828 гг. и русско-турецкой 1828–1829 гг. войнах²²⁹. В помощь ему

²²⁶ Туркманчайский трактат, подписанный 10 февраля 1828 г., подвёл итоги русско-персидской войны 1826–1828 гг. [Туркманчайский мирный договор между Россией и Ираном. 10 февраля 1828 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/turkman.htm>]. Помимо всего прочего, на Персию, согласно его текста, налагалась контрибуция в 10 куруров туманов (20 000 000 рублей серебром), которую Тегеран до начала 1850-х гг. ещё не выплатил.

²²⁷ Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе). 1885. Т. 10. С. 746.

²²⁸ Там же.

²²⁹ Андрей Степанович Санковский (?–1859) – сын Феодосийского градоначальника С. А. Санковского. Происходил из дворян Полтавской губернии, службу начал в 1814 г. в полиции коллежским регистратором, в 1815 г. получил чин губернского секретаря, а в 1818 г. – коллежского секретаря. В 1820 г. подал прошение об увольнении его с гражданской службы и зачислении на военную. Это прошение было удовлетворено и в том же году А. С. Санковский был принят юнкером в лейб-гвардии 2-ю артиллерийскую бригаду. В 1821 г. произведён в прапорщики и в 1824 г. – в подпоручики. В 1826 г. А. С. Санковский получил чин поручика и был переведён в 1-ю батареиную роту Кавказской гренадерской артиллерийской бригады, в рядах которой принял участие в войне против Персии. Сражался при Шамхоре, Гяндже, Аббас-Абаде, Сардар-Абаде и Эривани. В 1827 г. за отличие был произведён в штабс-капитаны. 25 января 1828 г. ему была пожалована золотая шпага с надписью «За храбрость». Вслед за тем А. С. Санковский принял участие в кампании против турок, был в делах под Карсом, Ахалкалаками, Ахалцыхе, Катанлы, Милли-дюзе, Эрзеруме и Харте. За отличия во время войны в 1829 г. получил чины капитана и подполковника. По окончании военных действий в Закавказье А.С. Санковский продолжал службу в Кавказской гренадерской артиллерийской бригаде и неоднократно принимал участие в походах против горцев. В 1834 г. он был назначен состоять по

были назначены гвардии полковник Иван Алексеевич Бартоломей и подполковник ГШ Петр Карлович Услар. В качестве переводчика и «для облегчения ... сношения с местными властями» в составе миссии был включён статский советник Николай Владимирович Ханыков²³⁰. Целью русских военных было обеспечение руководства персидским отрядом и координации его действий с корпусом российских войск, специально выделенным для действий на турецкой границе, которым командовал генерал-майор князь Василий Осипович Бебутов. Помимо этого, в задачи главы военной миссии входило решение «курдского вопроса». Дело в том, что курдские племена, жившие как в Османской империи, так и в Персии, рассматривались российским командованием как реальная военная угроза. Власть правительств указанных держав над ними была номинальной. Однако сложные взаимоотношения с правительствами Ирана и Турции при определённом подходе могли превратить их и в друзей, и во врагов России²³¹. Английский и турецкий консулы в Тебризе развернули активную пропагандистскую деятельность среди персидских курдов, направленную против России. Возглавил её шейх Салех, поселившийся на персидской территории. Петербург выдвинул Персии требование ареста шейха и «усмирения войсками подвластных ей курдов»²³². Имперских представителей волновала, прежде всего, безопасность русско-турецкой и русско-персидской границ, для чего необходимо было военное содействие Ирана в виде демонстрации войсками и контроля над курдами. Выполнение этой задачи также должен был контролировать А.С. Санковский.

9 ноября военная миссия двинулась из русских пределов в Тебриз. Однако в 20-х числах ноября последовало распоряжение М.С. Воронцова генерал-майору «остановиться впредь до других наставлений в дороге под каким-либо

артиллерии без должности, с 1837 г. переведён в Корпус инженеров путей сообщения и отчислен в распоряжение командира Отдельного Кавказского корпуса для особых поручений, в 1838 г. произведён в полковники. 26 ноября 1850 г. А. С. Санковский за беспорочную выслугу 25 лет в офицерских чинах был награждён орденом св. Георгия 4-й степени. Скончался 4 сентября 1859 г. в чине генерал-майора [Санковский Андрей Степанович [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Санковский,_Андрей_Степанович].

²³⁰ Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф. Н.В. Ханыков – востоковед и дипломат. М.: Наука, 1977. С. 96–97.

²³¹ Детальнее о борьбе за курдов и об их роли в Крымской войне см.: Аверьянов П.И. Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Современное политическое положение турецких, персидских и русских курдов. Исторический очерк. Тифлис: Типография штаба Кавказского военного округа, 1900. С. 80–143; Халфин Н.А., Борьба за Курдистан: Курдский вопрос в международных отношениях XIX века. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. С. 68–81.

²³² Асланов Р.Б. Ирано-турецкие отношения в 20–60-х годах XIX в. Дисс. ... канд. ист. наук. Баку: Б. м., 1983. С. 96.

предлогом»²³³. Связано это было с изменением позиции персидского правительства. В литературе прочно утвердилось мнение, что каджарский двор в ходе войны колебался то в одну, то в другую сторону, «невольнo запутывая всех, кому приходилось в то время иметь» с ним дело²³⁴. На наш взгляд, оно абсолютно неверно отражает ситуацию. Детальное доказательство нашей позиции требует отдельной статьи. Здесь же остановимся на наиболее важных аргументах. Указанное представление об иранской политике основывалось исключительно на донесениях российских агентов. Они исходили из интересов России и, естественно игнорировали наличие таковых у шахского правительства. В ходе русско-иранских переговоров и консультаций июля–ноября 1853 г. чётко выявились три позиции. Российская, заключалась в использовании Ирана для безопасности собственной границы с османской стороны и диверсии для отвлечения части турецких войск, но без заключения обязующих документов. Иранское правительство изначально предлагало военный союз, оформленный в виде международного договора. Когда оказалось, что Петербург не собирается его подписывать, в Тегеране взгляды разделились. Молодой Насреддин-шах, которого русские фактически закрепили на престоле в 1848 г. и который имел приятные отношения к Николаю I, был, видимо, искренне (по неопытности, или исходя из личных чувств, которые он испытывал к российскому императору) настроен на помощь России даже без её документального оформления. Его вполне устраивало письменное обещание императора учесть интересы Персии при подписании мирного трактата с Османской империей. Однако шахский первый министр Ага-хан Нури был намного опытнее и дальновиднее своего повелителя. Держа в своих руках внешнюю политику Ирана, он «раскусил» игру русских. Не понятно, по каким причинам в историографии закрепилась точка зрения, что империя Романовых была заинтересована в военном союзе с шахским двором, а тот не хотел связывать себя такими обязательствами²³⁵.

²³³ Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис: Типография канцелярии Главногоначальствующего гражданского частью на Кавказе. 1885. Т. 10. С. 747.

²³⁴ Дегоев В.В. Кавказ и великие державы. 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: Издательский дом Рубежи-XXI, 2009. С. 228. В разной степени эту позицию разделяли и советские и российские авторы [Ибрагимбейли Х.М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. М.: Наука, 1971. С. 232–251; Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 235].

²³⁵ Дегоев В.В. Кавказ и великие державы. 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: Издательский дом Рубежи-XXI, 2009. С. 227; Ибрагимбейли Х.М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения.

На самом деле, всё было в точности до наоборот. Именно это стало неудачей военной миссии А.С. Санковского и политики Петербурга относительно каджарской державы в 1853 г. в целом. Посланник в Тегеране Д.И. Долгорукий, обвиняя персов в лживости и двуличии, жаловался, что от него «требуют полного и письменного согласия на все условия программы», предложенной персидским двором 25 июля²³⁶. Однако документы свидетельствуют, что изначально политика России сводилась к тому, чтобы, лавируя и обнадёживая, подтолкнуть персов к военному содействию без военного союза – движениям против Турции, но без конкретных обязательств с российской стороны. В инструкции посланнику от 6 октября 1853 г. руководитель российского Министерства иностранных дел (а фактически – император, поскольку именно он определял политику России, а министр просто был передаточным звеном) Карл Васильевич Нессельроде рекомендовал «благодарить шаха от имени государя за дружеские предложения, избегая, впрочем, всякого положительного отзыва насчёт высказанных условий так, чтобы ответ его не был принят ни за обещание, связывающее нас, ни за оскорбительный отказ». Д.И. Долгорукову поручалось возобновить переговоры и, «не касаясь мысли о заключении оборонительного и наступательного трактата, предложить, что мы, взамен военной диверсии, которая будет сделана для нас со стороны Персии, отказываемся от должного нам остатка курура туманов²³⁷»²³⁸.

М.: Наука, 1971. С. 232–251; Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 235.

²³⁶ Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис: Типография канцелярии Главногоначальствующего гражданского частью на Кавказе. 1885. Т. 10. С. 747.

²³⁷ 1 курур=500 тыс. туманов; 1 туман=10 французских франков. Туман, томан, (перс. – تومان, англ. – toman) – официальная денежная единица Персии с XVII в. до 1932 г. 1 туман равнялся 10 тысячам динаров. Первоначально татарское слово «туман» обозначало 10 000, позже перешло также на денежные единицы. В XIII–XIV вв. в Персии соответствовал как счётно-денежная единица 10 000 серебряным динарам, но до конца XVIII в. оставался только счётно-денежной единицей. Только при Ага Мухаммад-шахе Каджаре (1794–1797) был в 1794 г. введён золотой туман в 8,2 г. Его преемник Фатхали-шах (1797–1834) уже чеканил монеты в 5, 2, 1, $\frac{1}{2}$, $\frac{2}{3}$ и $\frac{1}{3}$ тумана. В 1810–1828 гг. вес тумана составлял 4,6 г., затем снизился до 3,5 г. В 1806–1852 чеканились монеты 989-й пробы в $\frac{1}{2}$, 1, 3, 5, 20, 30, 50 и 100 туманов: с одной стороны была изображена монограмма шаха, а с другой – место и дата чеканки. Шах Насреддин (1848–1896) с 1877 г. чеканил туман по европейскому образцу, сначала 900-й пробы и в 3,225 г., в 1878 г. – 2,85 г. В 1883 г. был выпущен также серебряный туман весом 46,65 г. Последние туманы чеканились в 1925 г. шахом Ахмадом (1909–1925) [Словарь нумизмата. М.: Радио и связь, 1993. С. 343].

²³⁸ Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (Тифлис: Типография канцелярии Главногоначальствующего гражданского частью на Кавказе). 1885. Т. 10. С. 746.

В результате жёсткой позиции садр-азама²³⁹, который сумел убедить Насреддин-шаха, персы стали требовать письменного договора и изменения направления действий иранской армии с русско-турецкой границы на более выгодный для Ирана район Багдада. Здесь находились шиитские святыни и за которые долгое время велась борьба между Тегераном и Стамбулом. В России и лично императором такое поведение было воспринято как нарушение шахом своего слова²⁴⁰. Распоряжением М.С. Воронцова русская военная миссия была остановлена в Эривани. Здесь она оставалась в течение дальнейших переговоров между сторонами. В российском правительстве (или непосредственно у императора) с декабря 1853 г. возобладала мысль о том, чтобы добиваться нейтралитета Персии²⁴¹. Как ни парадоксально, она полностью совпадала с желаниями части правящих кругов Англии²⁴². И в Петербурге, и в Лондоне опасались, что Иран окажется на противоположной им стороне, но, осознавая его военную слабость, не считали возможным привлекать Тегеран к полноценному союзу.

В результате, 6 января 1854 г. Иран провозгласил нейтралитет относительно разгоравшейся Крымской войны²⁴³. Это был шаг, призванный успокоить англо-

²³⁹ В литературе существует мнение, что Ага-хан Нури был подкуплен англичанами и вообще являлся англофилом (оно негласно проходит через всю «Записку...» [Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе). 1885. Т. 10. С. 745–752] и, видимо, повлияло на отношение учёных: например, [Иванов М.С. Очерк истории Ирана. М.: Госполитиздат, 1952. С. 175–176]. Однако мнение это высказано без приведения доказательств, а подтверждений этого утверждения в источниках и литературе не содержится. Скорее всего, первый министр шаха действовал из государственных интересов, поскольку война с Турцией без фиксированного союза с Россией могла повлечь вмешательство Англии. С ней у Ирана были чрезвычайно натянутые отношения из-за Герата [Ахмеджанов Г. А. Английская экспансия на Среднем Востоке и Гератский вопрос в 40–50 гг. XIX в. // Труды Среднеазиатского государственного университета им. В.И. Ленина. 1960. Вып. 152. Кн. 33: Некоторые вопросы международных отношений на Востоке. С. 39–62; Ахмеджанов Г.А. Гератский вопрос в XIX в. Ташкент: Фан, 1971. 131 с.; Бушев П.П. Герат и англо-иранская война 1856–1857 гг. М.: Издательство восточной литературы, 1959. 249 с.]. К тому же с октября 1852 г. между государствами были разорваны дипломатические отношения [Бушев П.П. Герат и англо-иранская война 1856–1857 гг. М.: Издательство восточной литературы, 1959. С. 43].

²⁴⁰ Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. 1885. Т. 10. С. 747. Исходя из особенностей личности Николая I [См.: Выскочков Л. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2006. 694 с.] можно не сомневаться, что он действительно рассматривал изменение позиции Насреддин-шаха, как личное оскорбление и несоблюдение данных обязательств. Подтверждением этого может служить то, что император потребовал возвращения своего письма, в котором он обещал шаху «не забыть» Персию в случае подписания мирного договора.

²⁴¹ Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 236.

²⁴² Дегоев В.В. Кавказ и великие державы. 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: Издательский дом Рубежи-XXI, 2009. С. 498.

²⁴³ Бушев П.П. Герат и англо-иранская война 1856–1857 гг. М.: Издательство восточной литературы, 1959. С. 51. А.Б. Ларин указывал дату 14 января [Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 237]. Но в тексте, на который он ссылался, этим числом датирована депеша Д.И. Долгорукова, где тот сообщал об объявлении нейтралитета, как состоявшемся событии. «Персидское правительство, – писал посланник, – ... решилось, однако же, объявить и опубликовать в официальной газете свой

индийские власти²⁴⁴. В конце 1853 – начале 1854 гг. англо-иранские отношения обострились из-за ситуации вокруг Герата. Лондонское правительство даже хотело оккупировать остров Харак в Персидском заливе²⁴⁵. Провозглашение нейтралитета ослабило накал страстей. На тот момент такой исход устроил все стороны. Военная миссия, находившаяся на тот момент в Нахичевани, была отозвана, а Н.В. Ханьков назначен временно исправляющим должность русского консула в Тебризе. Здесь он сменил Н.А. Аничкова, который, в свою очередь, был определён поверенным в делах в Тегеран вместо Д.И. Долгорукова²⁴⁶.

Одновременно с провозглашением нейтралитета, иранское правительство тайно предложило России возобновить переговоры о союзе²⁴⁷. Тегеран был заинтересован в поддержке империи Романовых в возможном конфликте с Великобританией, тем более, что шахское правительство лелеяло планы экспансии, как против Османской империи, так и против Герата. Царское правительство приняло приглашение в начале марта 1854 г. Связано это было со вступлением в войну Англии и Франции и опасности, угрожавшей российским владениям на Кавказе со стороны Чёрного моря²⁴⁸. Теперь заинтересованность в Иране проявила Россия и речь шла уже о подписании трактата или конвенции о союзе. Несмотря на переговоры о возможном союзе, основной целью императорского правительства

строгий нейтралитет» [Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис: Типография канцелярии Главногоначальствующего гражданского частью на Кавказе. 1885. Т. 10. С. 748]. К сожалению, на фоне громадного количества неточностей в специальной литературе относительно вопроса о русско-иранских отношениях в 1853–1854 гг., любая дата и событие, изложенные историками, нуждаются в проверке. На их фоне исследование П.П. Бушева выполненное на высоком научном уровне, заслуживает большего доверия.

²⁴⁴ В историографии существует мнение, что «шах был скорее склонен к сотрудничеству с англичанами, французами и турками против русских, чтобы пересмотреть унижительные условия Туркманчайского мира ... пытался создать альянс с британцами с целью вернуть Ирану потерянные кавказские земли из-под власти России» [Kaveh Farrokhi. Iran at War 1500–1988. Oxford: Osprey, 2011. P. 209–210]. Однако источниками оно не подтверждается. Возможно, в окружении Насреддина и имелись сторонники таких взглядов. В частности, русские обвиняли в этом садр-азама. Но в действительности главными векторами внешней политики персидского правительства на тот момент являлись османский и гератский. С Россией же он бороться не собирался.

²⁴⁵ Детальнее см.: Бушев П.П. Герат и англо-иранская война 1856–1857 гг. М.: Издательство восточной литературы, 1959. С. 50–51. Как верно отмечал современный исследователь, «основными целями Великобритании считались: недопущение иранского шаха в Гератское ханство, и превращение Хорасана в плацдарм для экспансии в Среднюю Азию [Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 46]. Как показали события последующих десятилетий, первую задачу ей решить удалось, а вторую нет.

²⁴⁶ Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (Тифлис: Типография канцелярии Главногоначальствующего гражданского частью на Кавказе). 1885. Т. 10. С. 748; Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф. Н.В. Ханьков – востоковед и дипломат. М.: Наука, 1977. С. 98–99.

²⁴⁷ Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис: Типография канцелярии Главногоначальствующего гражданского частью на Кавказе. 1885. Т. 10. С. 748.

²⁴⁸ Дегоев В.В. Кавказ и великие державы. 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: Издательский дом Рубежи-XXI, 2009. С. 187–220.

было достижение от Тегерана диверсий против османской армии, или, на худой конец, благожелательного нейтралитета²⁴⁹. Подтверждением важности позиции Персии для Петербурга стала смена в конце апреля посланника Д.И. Долгорукова, поссорившегося с садр-азамом, на поверенного в делах Н.А. Аничкова. Тот долгое время служил консулом в Тебризе и имел хорошие отношения как с шахом, так и с его первым министром²⁵⁰. В рамках указанных переговоров весной 1854 г. исполнявшему с марта должность командующего Отдельным кавказским корпусом генералу Николаю Андреевичу Реаду российским Министерством иностранных дел были даны полномочия на подписание конвенции с персами. В случае соглашения и выдвижения иранских войск против Османской империи, было рекомендовано послать упоминавшихся русских офицеров в персидский лагерь для руководства ими и координации действий с российскими частями²⁵¹. Тем не менее, союз так и не состоялся. Причинами этого были несоответствия условий, выдвигавшихся шахским и царским дворами друг к другу, успехи российских войск на Кавказе в июне–июле 1854 гг. и позиция кавказского начальства, считавшего Персию слабым союзником. В июне 1854 г. по поручению императора Николая I канцлер Российской империи и министр иностранных дел К.В. Нессельроде сообщил Н.А. Реаду и Н.А. Аничкову новую инструкцию относительно переговоров с Ираном. Ею предписывалось добиваться от Тегерана благожелательного нейтралитета, «имея в виду отвлечь» его «от соединения с нашими соперниками»²⁵². Завершились переговоры заключением

²⁴⁹ Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис: Типография канцелярии Главногоначальствующего гражданского частую на Кавказе. 1885. Т. 10. С. 750.

²⁵⁰ Н.А. Аничков с 1838 г. находился в Тебризе при наследнике шахского престола в качестве русского консула и имел постоянный контакт с Насреддин-мирзой и его окружением. Он также сыграл ведущую роль в воцарении Насреддина, который хотя и был утверждён Туркманчайским договором наследником престола, но в действительности мог его и не получить. После смерти в 1848 г. Мухаммед-шаха «дали тотчас знать в Тавриз русскому консулу Аничкову, – писал Мисль-Рустем, – чтобы он немедленно доставил Насреддина в Тегеран для возведения на освободившийся престол из опасения, чтобы дядя Насреддина не воцарился раньше. Русский консул ... немедленно разбудил Насреддина ночью, поздравил его шахом и предложил немедленно с ним ехать в Тегеран для воцарения» [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 65]. Поскольку у наследника не было денег для поездки, Н.А. Аничков добился у греческих и персидских купцов ссуды для оплаты проезда нового шаха в Тегеран и его коронации [Алиев А. Иран vs Ирак. История и современность. М.: Изд-во Московского ун-та, 2002. С. 480]. Насреддин получил, таким образом, заём, вовремя приехал в столицу и был провозглашён шахом. По свидетельству Мисль-Рустема, расписка о получении денег в 1880-х гг. оставалась неоплаченной и сохранялась в русской дипломатической Миссии [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 65–66]. Естественно, такая поддержка со стороны консула и русской стороны вообще не осталась без последствий.

²⁵¹ Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис: Типография канцелярии Главногоначальствующего гражданского частую на Кавказе. 1885. Т. 10. С. 750.

²⁵² Там же. С. 751.

29 сентября 1854 г. между Россией и Персией тайной конвенции о дружественном нейтралитете Ирана²⁵³. Вопреки распространённому в историографии мнению о том, что уже в декабре Насреддин-шах «высказал Петербургу сожаление о том, что поспешил подписать этот документ»²⁵⁴, и даже чуть ли не разорвал её²⁵⁵, данная конвенция соблюдалась Ираном до конца Крымской войны²⁵⁶.

Таким образом, утверждение, что «в этот период Иран пользовался военной помощью России. Прежде всего, эта помощь выразилась в присылке в Тегеран русских офицеров для организации и подготовки войск к войне с Турцией»²⁵⁷ не соответствует действительности. Военная миссия из империи Романовых так и не достигла персидской армии, а уж тем более не занималась её обучением и руководством. И всё же в одном А.С. Санковский преуспел. В ноябре 1853 г. шейх Салех был выслан из Персии, а «для надзора за персидскими курдами на границе с Турцией были выставлены персидские войска»²⁵⁸.

Поражение в Крымской войне 1853–1856 гг. сильно ослабило позиции империи не только в Европе. В то же время, английский престиж в результате победной англо-иранской войны 1856–1857 гг. возрос²⁵⁹. Как свидетельствует исследование Н.Е. Абловой, во время англо-иранской войны 1856–1857 гг. Россия фактически оказалась под угрозой потери влияния в Иране²⁶⁰. Сохранить его удалось только большим напряжением сил русских дипломатов – Николая

²⁵³ Там же. С. 752; В томе 11 [Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис: Типография канцелярии Главногоначальствующего гражданского частью на Кавказе, 1888. Т. 11. С. 499] указывается дата 27 сентября, а в других источниках – 29.

²⁵⁴ Дегоев В.В. Кавказ и великие державы. 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: Издательский дом Рубежи-XXI, 2009. С. 228.

²⁵⁵ Ибрагимбейли Х.М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. М.: Наука, 1971. С. 242–243.

²⁵⁶ Версия о разрыве конвенции основана на неправильном прочтении документов, опубликованных Кавказской археографической комиссией. «Записка...», на которую ссылаются её сторонники, была подготовлена генерал-лейтенантом В.О. Бебутовым для нового кавказского наместника и главнокомандующего Николай Николаевича Муравьёва в октябре 1855 г. [Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис: Типография канцелярии Главногоначальствующего гражданского частью на Кавказе, 1888. Т. 11. С. 543]. В конце её имеется приписка: «конвенция эта была ратификована обеими державами и доселе на точное наблюдение оной жалоб не возникало» [Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис: Типография канцелярии Главногоначальствующего гражданского частью на Кавказе. 1885. Т. 10. С. 752].

²⁵⁷ Ибрагимбейли Х.М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. М.: Наука, 1971. С. 248.

²⁵⁸ Аверьянов П.И. Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Современное политическое положение турецких, персидских и русских курдов. Исторический очерк. Тифлис: Типография штаба Кавказского военного округа, 1900. С. 83.

²⁵⁹ Из Великобритании даже планировалась посылка военных инструкторов в иранскую армию [РГВИА. Ф. 446. Д. 36. 4 л.], однако в силу активного противодействия российской Миссии, которую в тот момент временно возглавлял А.Е. Лаговский, она не состоялась.

²⁶⁰ Аблова Н.Е. Русско-иранские отношения в годы англо-иранской войны (1856–1857) // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1982. № 2. С. 43–52.

Андриановича Аничкова, Александра Ефимовича Лаговского²⁶¹. В отчёте Министерства иностранных дел за 1856 г. указывалось, что «Персия сохраняет свою самостоятельность, уничтожение которой усилило бы Англию и было бы крайне опасно для наших азиатских владений»²⁶². Здесь были сжато выражена основная цель империи Романовых относительно южного соседа в рассматриваемое время. «Это слабая держава, – констатировалось в том же документе, – не может быть нам ни надёжною союзницею, ни опасным врагом. Но её независимость охраняет нас от сближения с владениями Англии и от столкновения с этою державой; благоустройство Персии служит залогом успехов нашей торговли с нею, а с её внутренним спокойствием связано и спокойствие нашей границы»²⁶³. Таким образом, российское правительство желало сохранить Иран как буфер между двумя великими державами, не допуская здесь усиления британского влияния. Это было актуальным в силу того, что в среде британских политиков периода Крымской войны и первых лет после неё преобладали взгляды, подобные выраженным Чарльзом Вудом. Он ясно высказался в декабре 1853 г. по поводу будущих целей английской политики относительно Каджарской монархии: «избавить Персию от русской хватки и пресечь в зародыше все её (России – О.Г.) замыслы в Азии»²⁶⁴. Именно поэтому Петербург активно поддержал Тегеран в его переговорах, завершивших войну с Англией. Не смотря на в целом неудачный их исход для России и Персии, последней удалось сохранить независимость в результате подписания Парижского мира 1857 г.²⁶⁵.

²⁶¹ Аблова Н.Е. Политика России и Англии в Иране после Крымской войны. 1856–1881 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1982. С. 29–88; Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 42. Вопреки утверждению западных учёных [Ру Ж.-П. История Ирана и иранцев. От истоков до наших дней. СПб.: Евразия, 2012. С. 327; The Cambridge History of Iran. From Nadir shah to the islamic republic. Cambridge University Press, 1991. Vol. 7. P. 394], Россия не подталкивала шаха к походу на Герат, а напротив, противилась этому [Аблова Н.Е. Политика России и Англии в Иране после Крымской войны. 1856–1881 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1982. С. 63–64].

²⁶² Аблова Н.Е. Русско-иранские отношения в годы англо-иранской войны (1856–1857) // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1982. № 2. С. 52.

²⁶³ Там же. С. 44.

²⁶⁴ Дегоев В.В. Кавказ и великие державы. 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: Издательский дом Рубежи-XXI, 2009. С. 189.

²⁶⁵ Бушев П.П. Герат и англо-иранская война 1856–1857 гг. М.: Издательство восточной литературы, 1959. 249 с.; Туманович Н.Н. Европейские державы в Персидском заливе. В 16–19 вв. М.: Наука, 1982. 190 с.

1.3. Русско-иранские отношения в 1850-х – середине 1870-х гг.

Результатом Крымской войны стал постепенный отказ рассматривать внешнюю политику на Востоке через призму европейских дел и осознание, что единственный шанс обуздать Великобританию – это движение в Азию в сторону Индии²⁶⁶. Правда цельной позиции по этому вопросу на тот момент не имелось. По словам министра иностранных дел А.М. Горчакова, в этот период русское правительство «не имело прочной программы действий в отношении Средней Азии и продолжало руководствоваться более обстоятельствами и случайностями, чем постоянной и твёрдой системой, на которой оно еще не решалось остановиться»²⁶⁷. Переориентация с конца 1850-х – первой половины 1860-х гг. имперской политики на Восток обусловила изменение роли Ирана. После войны значение Ирана в регионе сильно упало и он стал превращаться в объект колониальной экспансии европейских держав, в том числе и России. Прежде всего, было решено восстановить экономические позиции в северо-иранских провинциях и по возможности расширить российское присутствие за пределы «сферы русского влияния». Это стало возможным в связи с очередными попытками шахского правительства модернизировать экономику страны. В отличие от «николаевского» периода, когда императорские власти намеренно отказывались от участия в развитии туземного производства (тяжёлая индустрия), теперь участие специалистов из России в организации фабричного производства стало поощряться. При этом использовался британский опыт²⁶⁸. В силу стратегических соображений борьбы с Великобританией и, отчасти, экономических потребностей Россия начинает проводить активную завоевательную политику в Центральной Азии, где Персия (несмотря на её кажущуюся слабость) представляла потенциальную опасность. Мыслившиеся угрозы носили не военный характер и исходили не столько от самого Ирана, сколько от возможности включения его с орбиту влияния Британской империи и использования против России. Войны первой половины XIX в. продемонстрировали прогрессирующий упадок военной мощи Каджарского

²⁶⁶ Отсюда целый ряд проектов «индийских походов», появившихся во второй половине 1850-х гг.

²⁶⁷ Киняпина Н.С. Средняя Азия во внешнеполитических планах царизма (50–80-е годы XIX в.) // Вопросы истории. 1974. № 2. С. 36–37.

²⁶⁸ Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 18–20.

государства. Это отмечали многие наблюдатели. Так, военный аналитик и историк Алексей Михайлович Колюбакин, говоря о Гератском походе 1837–1838 гг., считал, что «экспедиция эта ... погубила лучшие войска Персии, с того времени уже не поднимавшиеся до той высоты, до которой они были доведены Аббас-мирзой. Дальнейшая история персидского оружия ещё более бесславна»²⁶⁹. Тем не менее, военные специалисты считали, что персы и иранские турки представляли собой «хороший военный материал»²⁷⁰, но нуждавшийся в усовершенствовании под руководством опытных инструкторов. Естественно, что среди российских армейских чинов и внешнеполитических деятелей (как, впрочем, и среди британских) существовало опасение, что этот «материал» попадёт в чужие руки, тем более, что опыт использования европейских военных инструкторов к середине века Иран имел богатый.

К тому же в рамках геополитических планов борьбы с Великобританией Ирану вплоть до окончательного покорения т. н. среднеазиатских территорий отводилось важное место. Не случайно на 1857 г. приходится разработка наместником на Кавказе князем Александром Ивановичем Барятинским первого из когорты проектов российского похода на Индию второй половины XIX в.. Хотя реально ни один из проектов не был воплощён в жизнь, тем не менее, события 1878 г., речь о которых пойдёт ниже, свидетельствовали, что они играли важную роль во внешнеполитическом планировании и рассматривались частью российских высших и военных кругов как реализуемые. Русская угроза Индии воспринималась в политико-военных сферах империи как лучший способ нейтрализации Великобритании в Европе и Азии, особенно в условиях слабости позиций России на европейском континенте после 1856 г. Иран в планах Военного министерства рассматривался одновременно и как дорога на Индию в случае столкновения с Британской империей, и как плацдарм, с которого англичане могли нанести удар по русским границам в Азии. «Для нашей политики – отмечал директор Азиатского департамента российского Министерства иностранных дел Пётр

²⁶⁹ Колюбакин. Очерк вооружённых сил Персии в 1883 г. и население как источник комплектования персидской армии (Составлен по русским и иностранным источникам) // СМА. 1883. Вып. 4. С. 42.

²⁷⁰ Белозерский. Н.Н. Письма из Персии от Баку до Испагани // СМА. 1887. Вып. 25. С. 41–42; Блюмер. Состояние Тавризского гарнизона в мае 1891 г. // СМА 1891. Вып. 49. С. 40; Колюбакин. Очерк вооружённых сил Персии в 1883 г. и население как источник комплектования персидской армии (Составлен по русским и иностранным источникам) // СМА. 1883. Вып. 4. С. 53, 71; Уильс. Современная Персия. Картинки современной персидской жизни и характера. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1887. С. 178–180.

Николаевич Стремоухов в 1864 г., – необходимо существование Персии, как государства независимого и по возможности благоустроенного и сильного ... во-первых, как щита», защищающего русские владения от англичан, и «во-вторых, для уравновешения английского преобладающего влияния в Азиатской Турции». «Персия, – писал он, – может всегда служить полезною для нас опорю при каких-либо недоброжелательных, под влиянием западных государств, действиях Турции». Именно поэтому П.И. Стремоухов опасался, чтобы «Персия от страха и недоверия к нам не предалась вполне влияниям английских агентов»²⁷¹. Политическое и экономическое значение Персии для России было детально проанализировано генерал-майором Генерального штаба И.Ф. Бларамбергом в его «Записке о значении для России Каспийского моря, как торгового пути в Центральную Азию» (февраль 1857 г.)²⁷². Автор «Записки» долгое время служил на Кавказе и на среднеазиатском пограничье империи, был в Иране, возглавлял экспедиции по исследованию побережья Каспийского моря. Основываясь на своём опыте, он пришёл к выводу, что «Россия должна обратить свой взор на Азию, как рынок важный и обширный», а центром для российской торговли следует сделать Персию²⁷³.

Однако в 1850-е – 1860-е гг. политика России в отношении Персии не предполагала подчинения последней российскому влиянию. Скорее она была направлена на то, чтобы действиями в Азии не спровоцировать шаха на принятие покровительства англичан, которые рассматривались как основной противник в развернувшейся «Большой игре» – понимаемой в узком, специально-научном смысле как сначала борьбу Великобритании против Российской империи, переросшую в англо-русское противостояние на территориях Азии и Европы, а отчасти даже Африки. Длилась она с последней трети XVIII в. до 1917 г., т.е. до распада Российской империи и протекала в идеологической, политической, военной и экономической сферах²⁷⁴. Управляющий делами российской Миссии в Тегеране²⁷⁵

²⁷¹ Абдуллаев Ю.Н. Астрабад и русско-иранские отношения (вторая половина XIX – начало XX в.). Ташкент: Фан, 1975. С. 41.

²⁷² РГВИА. Ф. 446. Д. 37.

²⁷³ РГВИА. Ф. 446. Д. 37. Л. 1.

²⁷⁴ Причинами «Большой игры» были: 1) взаимные представления русских и англичан друг о друге 2) стремление Британии к мировому господству диктовало необходимость не допустить появления сильного конкурента. Англо-американский взгляд на «Большую игру» (её идея и разработка принадлежат главным образом перу английских, а затем и американских политиков, журналистов и историков) хорошо изложен в работах Е.Ю. Сергеева [Сергеев Е.Ю. «Большая игра» в российско-британских отношениях второй половины XIX - начала XX века: новый взгляд // Российская история. 2011. № 5. С. 3–15; Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-

коллежский секретарь Александр Ефимович Лаговский в 1857 г., после пребывания в Персии английских офицеров, он писал директору Азиатского департамента Егору Петровичу Ковалевскому: «Присылка сюда (в Персию – О.Г.) офицеров может быть чрезвычайно полезна, внушая персиянам к нам доверие, ибо

британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012 454 с.; Сергеев Е.Ю. «Большая игра» России и Великобритании в Центральной и Восточной Азии (вторая половина XIX – начало XX века) // Новая и новейшая история. 2011. № 3. С. 82–91]. В русскоязычную историографию термин был заимствован отсюда, и в последние десятилетия появляются интересные исторические и публицистические работы, в которых исследователи пытаются показать российский взгляд на проблему [Леонтьев М. Большая игра. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб. 319 с.; Ниязатов М. Россия на Востоке: противостояние великих держав (XIX век). СПб.: Петербургское востоковедение 2015. 640 с.; Постников А.В. «Большая игра» в Азии против России: история и современность. Чита: ЗабГУ, 2015. 77 с.; Постников А.В. «Исторические права» соседних государств и география Памира как аргументы в «Большой игре» Британии и России (1869–1896) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/39358/1/ASI17_002.pdf; Постников А.В. Схватка на «Крыше Мира»: Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке. М.: Памятники исторической мысли 2001. 415 с.]. Если в Англии опасались расширения владений России как угрожающим в первую очередь господству Соединённого королевства на морских торговых путях, то в России Великобританию рассматривали как эгоистичную и антирусски настроенную страну, политика которой нацелена на расшатывание устоев русской монархии и на ограничение российских интересов в свою пользу. Для России важными факторами идеологического и экономического характера были установление контроля на черноморскими проливами Босфором и Дарданеллами, а также освобождение славян из-под османского владычества и восстановление православного царства, утраченного с завоеванием турками Византийской империи. В Британии видели в России опасного противника идеям продвижения «Рах Britannica» в мировом масштабе, хотя реально, конечно, экономика России вплоть до конца существования империи была не в состоянии тягаться на равных в первой экономике мира. Фактически ни после 1907 г., ни после распада империи Романовых противостояние не прекратилось [Демурин Д.М. Русско-английское соглашение 1907 года и противостояние России и Великобритании в Персии накануне Первой мировой войны // Русский сборник. М.: Модест Колеров, 2008. Т. 5. С. 93–124; Шевель А.А. Англо-русское сотрудничество и соперничество в Персии в 1905–1914 гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 190–195; Ширяев М.В. Англо-російське протистояння у Середній Азії та Афганістані в 1907–1922 рр. Дис. ... канд. іст. наук. Луганськ, 2006. 202 с.]. Только теперь основным противником стала советская Россия, а затем СССР, а после ослабления Соединённого королевства его место на арене противостояния заняла другая держава, стремившаяся к мировому господству – США. В последнее десятилетие в условиях новой «холодной войны», развязанной против России со стороны США, многие публицисты возродили термин в новом виде – «Новая Большая игра», которую рассматривают как борьбу за ресурсы новой Центральной Азии (Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркмению и Узбекистан) в треугольнике Россия– Китай – США (впрочем, географические рамки у некоторых публицистов и политологов могут отличаться, но Россия и США как 2 противника присутствуют во всех прогнозах и раскладах, поскольку подавляющее большинство из них составляется в центрах, так или иначе связанных с североамериканской федерацией) [Михалёв А.В. «Новая Большая Игра» в Центральной Азии: фактор Монголии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 2. С. 35–41; Ahrari M.E., Bealthe J. New Great Game in Muslim Central Asia. Washington, D.C.: Institute for National Security Studies, National Defense University, 1996. 94 p.; Ahrari M.E. The New Great Game in Muslim Central Asia. Honolulu: T.H. University Press of the Pacific University Press of the Pacific, 2002. 91 p.; Cooley A. Great Game, Local Rules and the New Great Power Context in Central Asia. Oxford University Press, 2012. 272 p.; Durrani A. South Asia in the New Great Game [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wikileaks.org/>; Fata D.P. Arctic Security: The New Great Game? // Rajan Menon New Great game in Central Asia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00396338.2003.9688581> Central Asia: A New Great Game? - Strategic Studies Institute - Army www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdf/files/pub117.pdf; Kleveman L. The New Great Game: Blood and Oil in Central Asia. New York: Grove Press, 2004 295 p.; Makni Dr. The New Great Game: Oil and Gas Politics in Central Eurasia. New York: Raider Publishing International, 2008. 312 p.; Matthew E. The New Great Game and the new great gamers: disciples of Kipling and Mackinder // Central Asian Survey. 2003. Vol. 22(1). P. 83–103; Mullerson R. Central Asia: A Chessboard and Player in the New Great Game. New York: Columbia University Press, 2007 400. p.; Puddephatt A., Torreblanca J.I., Prislán N. The New Great Game [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ecfr.eu/page/-/The_New_Great_Game_ECFR.pdf; Qamar F., Sumera Z. New Great Game: Players, Interests, Strategies and Central Asia // South Asian Studies A Research Journal of South Asian Studies. 2014. Vol. 29. № 2. P. 623–652; Rosenberg E., Gordon D., Maruyama E., Sullivan A. The New Great Game. Changing Global Energy Markets, The Re-Emergent Strategic Triangle, And U.S. Policy. Center for a New American Security. 2016. 67 p.; Stutte C.T. An Examination Of Central Asian Geopolitics. Through The Expected Utility Model: The New. Great Game. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Public Affairs in the College of Health and Public Affairs at the University of Central Florida Orlando. Florida Fall Term, 2009. 111 p.; Weitz R. Averting a New Great Game in Central Asia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.issuelab.org/resources/281/281.pdf>.

²⁷⁵ Поверенный в делах действительный статский советник Николай Адрианович Аничков отсутствовал в Тегеране [Кавказский календарь на 1858 год. Тифлис, типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1857. Отд. 2. С. 502].

видя наше желание усилить их страну ... они перестанут мечтать и верить наущениям наших противников о наших намерениях подчинить себе эту страну»²⁷⁶.

Особое внимание, по мнению А.Е. Лаговского, необходимо было уделить морально-профессиональным качествам направляемых в страну офицеров, а также знанию ими персидского языка²⁷⁷. Несмотря на то, что на его письме имеется приписка «Интересно, надо обдумать», предложения эти не были реализованы вплоть до второй половины 1870-х гг. Причинами этого, как нам представляется, были экономическая слабость России и результаты Крымской войны 1853–1856 гг., временно ограничившие внешнеполитические возможности государства. Проект, предложенный А.Е. Лаговским, мог повлечь новое столкновение с Англией. К нему империя Романовых при отсутствии союзников в Европе и внутриэкономических проблемах была не готова.

А с 1860-х началось создание плацдарма в Центральной Азии для угрозы британскому могуществу²⁷⁸. Прологом к этому стали 3 миссии 1858–1859 гг. – Н.В. Ханыкова в Иран, Герат и Афганистан, Николая Павловича Игнатъева в Хиву и Бухару, а также Чокана Чингосовича Валиханова в Кашгар²⁷⁹, после чего началось соединение Сырдарьинской и Сибирской пограничных линий с целью ликвидации почти 800 километрового разрыва между ними²⁸⁰. Окончание Кавказской войны 1817–1864 гг. и польский кризис 1863–1864 гг., активизировали российскую

²⁷⁶ РГВИА. Ф. 446. Д. 35. Л. 2.

²⁷⁷ Там же.

²⁷⁸ Вопрос причинах движения России в Центральную и уже – в Среднюю Азию, имеет давнюю традицию [Данков А. Г. Отечественная и британская историография о соперничестве России и Великобритании в Центральной Азии: XIX – начало XXI вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2009. 248 с.]. Одни историки называли главными факторами экономические, другие – политические. Исконная агрессивность русских, рок, Божья воля, цивилизаторская миссия и др. – все эти причины в той или иной степени упоминались историками, и даже назывались в качестве ведущих. На наш взгляд, можно вполне согласиться с российским учёным Олегом Рудольфовичем Айрапетовым, выделившим 4 мотива движения России в Среднюю Азию. Первым и главным он определил «усиливавшееся англо-русское противостояние, дававшее Петербургу возможность имитировать угрозу британским позициям в Индии». Действительно, англичане своими действиями сами провоцировали русское движение на юг. Кроме того, исследователь выделил в качестве причин окончание Кавказской войны, освободившее часть войск с Кавказа, освоение подступов к Средней Азии и расширение знаний о ней, и, наконец, кризис хлопковых поставок в Россию [Айрапетов О. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М.: Европа, 2006. С. 289]. По отношению к политике России в Средней Азии вполне применим термин Наили Ермухановны Бекмахановой «оборонительный экспансионизм», предполагавший экспансию для защиты собственных границ [Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. Историко-географическое исследование. М.–СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 240 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vipbook.info/nauka-i-ucheba/istory/256661-prisoedinenie-centralnoy-azii-k-rossiyskoy-imperii-v-xviii-xix-yy.html>].

²⁷⁹ Халфин Н. А. Три русские миссии. Из истории внешней политики России на Среднем Востоке во второй половине 50-х годов XIX века // Труды среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина. Новая серия. Вып. 78. Исторические науки. 1956. Кн. 13. 86 с.

²⁸⁰ Айрапетов О. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М.: Европа, 2006. С. 288.

политику в Средней Азии. В 1864–1868 гг. Россией были покорены 2 из 3-х крупных государств региона – Кокандское ханство и Бухарский эмират, в 1867 г. было учреждено новое Туркестанское генерал-губернаторство, а в 1871 г. русские войска заняли Илийский край²⁸¹. Параллельно с этим решался вопрос и о месте Персии в политике России. В декабре 1864 г. Министерство иностранных дел была подготовлена записка, в которой предлагалось заключить секретную конвенцию с Ираном, в которой признавалось бы право собственности шаха на о. Ашур-Аде и на туркменские земли вплоть до реки Атрек. Кроме того, империя брала на себя обязательство не возводить южнее Балханского (Красноводского) залива своих крепостей и предлагала совместное использование Каспийского моря военными флотами обеих держав²⁸². Однако военные такой проект не одобрили, поскольку помимо русско-иранских отношений необходимо было решать ещё и «хивинский вопрос». В 1869 г. в Балханской бухте высадился отряд войск с Кавказа под командованием полковника ГШ Николая Григорьевича Столетова. Им было вновь создано укрепление Красноводск, которое вместе с укреплением Александровским на о. Мангишлак, основанном в 1846 г., стало базой для движения российских войск на Хиву и в туркменские земли²⁸³.

Продвижение России на южных рубежах при неопределённости границ между ней и Ираном вызвали трения по поводу вопросов о разграничении в Туркмении²⁸⁴.

²⁸¹ Там же. С. 289–295.

²⁸² Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIXв. Москва: Прометей, 2015. С. 50.

²⁸³ Айрапетов О. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М.: Европа, 2006. С. 295; Давлетов Д., Ильясов А. Присоединение Туркмении к России. Ашхабад: Ылым, 1972. С. 40.

²⁸⁴ Абдуллаев Ю.Н. Астрабад и русско-иранские отношения (вторая половина XIX – начало XXв.). Ташкент: Фан, 1975. 132 с.; Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 46–47. Персы считали туркмен своими подданными, в то время, как сами туркмены в большинстве своём рассматривали себя не зависимыми ни от кого. Попытки покорить их персидскими властями оканчивались постоянными неудачами. Наиболее знаменитым в этом отношении был поход 1860 г. (или 1861 г. – в источниках даты разнятся [Аннанпесов М. Каджарская война 1860 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.turkmeniya.narod.ru/gajar-war.html>; Бартольд В.. Историко-географический обзор Ирана // Работы по исторической географии и истории Ирана. М.: Изд-во Восточной литературы 2003. С. 69; Гродеков Н. И. Война в Туркмении. СПб, 1883. Т. 1. С. 40; История Туркменской ССР. Ашхабад: Изд-во НП ТуркмССР, 1957. Т. 1. Кн. 2. С начала XIX в. до Великой октябрьской социалистической революции. С. 91; Куропаткин А.Н. Завоевание Туркмении: (Поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.): С очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. СПб.: Изд-во В. Березовского, 1899. 235 с.; Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 26; Мухаммед Али-ал-Хусейни. Мервская битва С. 3 // «Дженг-е-Мерв» как персидский источник по изучению истории Южного Туркменистана середины XIX в. Ашхабад: Ылым. 1990 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/m.asien.htm>] на Мерв. Армия шаха насчитывавшая более 20 000 человек с 34 (или 33-мя) орудиями «и с многочисленной иррегулярной конницей» (цифры эти также нужно принимать с оговоркой: в разных источниках численность указана различная – 12 или 13 000 пехоты, 10 000 кавалерии, но не менее 20 000 войска [Мухаммед Али-ал-Хусейни. Мервская битва // «Дженг-е-Мерв» как персидский источник по изучению истории Южного Туркменистана середины XIX в. Ашхабад: Ылым, 1990. С. 28] были разгромлены текинскими туркменами. «Поражение ... было ужасное, – характеризовал итоги войны

Несмотря на соглашение в декабре 1869 г. о том, что граница влияния двух государств будет проходить по реке Атрек²⁸⁵, напряжённость в отношениях из-за «туркменского вопроса» сохранялась до середины 1870-х гг. Это также отчасти затрудняло возможности для внедрения русских инструкторов в персидские вооружённые силы.

В 1870-е гг. ситуация изменилась. Разворачивается новый этап «Большой игры». В 1871–1876 гг. Россия укрепляет свои позиции в Центральной Азии, окончательно подчинив своему влиянию Хиву, Бухару и Коканд, заняв Кульджу²⁸⁶, а Англия стремится ограничить это продвижение, при этом, расширяя сферу своего влияния от границ Индии. Как отмечал в несколько ином контексте современный российский исследователь Евгений Юрьевич Сергеев, «русские бросили вызов англичанам в странах Востока, вынудив их решать одновременно три взаимообусловленные задачи – сохранения баланса сил в Европе, обеспечения безопасности Индии как главного источника благосостояния метрополии и защиты стратегических торговых путей, связывавших бассейн Средиземного моря с Индийским и Тихим океанами»²⁸⁷. Персия стала важным элементом в этой борьбе. Обе стороны испытывали определённые опасения относительно планов друг друга. Это обусловило их активную политику относительно Каджарской империи. Не смотря на утверждения части исследователей²⁸⁸, вряд ли экономические интересы

русский офицер. – Едва около трёхсот всадников спаслись в бегстве с главнокомандующим; всё остальное бежало, побросав оружие и артиллерию, и было или перебито, или взято в плен. Преследуя жалкие остатки персидских воинов, но главное в погоне за принцем (Султан-Мурад-мирзой – начальником персидских войск – О.Г.), текинская конница с небольшим в сутки проскакала с лишним 120 вёрст и достигла Серахса, где были сделаны громадные заготовления для армии, и, что называется, стёрла этот пункт с лица земли в то самое время, когда пешие собратья этих туркмен чинили самый беспощадный разнос с войсками и запасами, остававшимися в Порсу. Таков был конец этого злополучного нашествия персов. В Мерве сосредоточилась после этого такая масса пленных и оружия, что цена на невольника-перса спала с 500 рублей на 5, а за ружьё едва платили два–три крана» [Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 230–231]. Неудачи в войнах привели к тому, что персидские власти стали активно использовать принцип «разделяй и властвуй» в отношении туркмен. Они искусственно поддерживали старую вражду между отдельными туркменскими племенами, а также разжигали новые очаги противостояния, используя всё это в своих целях. Особенно активно такая политика стала проводиться после покорения Россией Ахал-Теке и Мерва [Артамонов Л.К. Современное положение туркмен в Астрабадской и Бужнурдской провинциях Персии // Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хоросан: Военно-статистическое исследование. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1894. Ч. 1–2. С. 63–135].

²⁸⁵ Абдуллаев Ю.Н. Астрабад и русско-иранские отношения (вторая половина XIX – начало XXв.). – Ташкент: Фан, 1975. С. 45.

²⁸⁶ Айрапетов О. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М.: Европа, 2006. С. 294–295; Горшенина С. Теория «естественных границ» и завоевание Кульджи (1870–1871 гг.): Автопортрет российских военно-дипломатических элит Санкт-Петербурга и Туркестана // *Ab Imperio*. 2014. № 2. С. 102–165.

²⁸⁷ Сергеев Е.Ю. «Большая игра» в российско-британских отношениях второй половины XIX – начала XX века: новый взгляд // *Российская история*. 2011. № 5. С. 3.

²⁸⁸ Андреев А. И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та; Нартанг, 2006. С. 57; История Ирана. М.: Изд-во Московского ун-та, 1977. С. 256–262.

играли в это время ведущую роль. Они носили, скорее, подчинённый характер. Английское проникновение в Иран в 1850-х – 1870-х гг. имело стратегический характер, и объяснялось политическими мотивами. Исследование Л.М. Кулагиной убедительно свидетельствует, что в концентрированной форме программа относительно Ирана была изложена в меморандуме 1868 г.²⁸⁹, подготовленном для членов парламента Генри Кресвиком Роулинсоном – военным разведчиком, известным к тому времени специалистом по Среднему Востоку и идеологом «наступательной политики» Британии в регионе. Суть её сводилась к достижению максимума политического влияния в Персии и установление контроля над тегеранским двором²⁹⁰.

Правда подходы к достижению указанной цели среди британской правящей элиты и в обществе несколько различались²⁹¹. Представители Консервативной партии («тори») преимущественно были сторонниками «наступательной политики» Великобритании на Среднем Востоке, предполагавшей активное противодействие

²⁸⁹ Rawlinson H.C. Memorandum on the Central Asian Question, dated juli, 1868 // Rawlinson H.C. England and Russia in the East: A Series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia. London: John Murray, 1875. P. 263–292.

²⁹⁰ Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке (XIX – начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. М.: Наука, 1990. С. 89–101; Кубанов К.Г. Походы в Индию в проектах российских военных и политических деятелей XVIII – начала XX вв. Автореф. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2007. С. 5; Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 14. Следует отметить одну важную особенность внешней политики Великобритании на Среднем Востоке и в Иране, в частности. Хотя основные вопросы внешнеполитической стратегии решались в Лондоне, однако большое влияние на их выработку и реализацию оказывали представители английской короны в Индии. До начала XIX в. сношения с Персией велись главным образом через Ост-Индскую компанию [Фурсов К.А. Держава-купец: отношения английской Ост-индской компании с английским государством и индийскими патримониями. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. 364 с.]. После подписания 13 ноября 1814 г. тайного Тегеранского союзного договора Великобритании с Каджарской монархией дипломатические отношения были официально переданы из Индии в Англию, и была учреждена постоянная дипломатическая Миссия во главе с поверенным в делах [Салихова Д.Б. Российско-иранские отношения во второй четверти XIX века. Дисс. канд ист. наук. Махачкала, 2007. С. 31–32]. В резиденции наследника шахского престола в Тебризе была учреждена постоянная британская дипломатическая миссия, которая представляла не Ост-Индскую компанию, а британскую корону [Семёнов Л.С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX в. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. С. 24–27]. Тем не менее, тесная связь между Лондоном и Калькуттой продолжала сохраняться. В начале 1823 г. отношения с Ираном были вновь возвращены английским правительством в ведение Компании [Там же. С. 83–84], а в 1824 г. Миссия была преобразована в Посольство во главе с министром-резидентом [Салихова Д.Б. Российско-иранские отношения во второй четверти XIX века. Дисс. канд ист. наук. Махачкала, 2007. С. 45]. Окончательно Лондон вернул себе право дипломатических сношений с Тегераном в середине века. С августа 1858 г. управление Индией по «Акту о лучшем управлении Индией» было взято Центром в свои руки (из компетенции Министерства по делам Индии передано в Форин офис), а в 1876 г. королева Виктория была коронована императрицей Индии [Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. С. 95]. Англия фактически силами сначала Ост-Индской компании, а затем индийского правительства проводила собственную внешнюю политику на Среднем Востоке. Во второй половине XIX в. существовало своеобразное разделение сфер ответственности: Форин офис отслеживал ситуацию в северных провинциях Ирана и в столице, а правительство Индии – на юге страны и в Персидском заливе [Там же. С. 209]. Поэтому, когда речь идёт об английской (британской) политике, подразумеваются позиции различных политических кругов империи в целом.

²⁹¹ Детальнее о различных подходах к политике на Среднем Востоке в английском обществе на протяжении второй половины XIX в. см.: Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке (XIX – начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. М.: Наука, 1990. С. 70–148.

России²⁹². Многие из военных также разделяли эту позицию. В её основе лежал тезис о «русской угрозе Индии»²⁹³, которой необходимо было противопоставить жёсткие меры. Указанный подход активно пропагандировался и муссировался особенно в период внешнеполитических акций царского правительства в Центральной и Западной Азии. Приверженцы Либеральной партии («виги»), наиболее ярким представителем которых был Уильям Гладстон, придерживались более сдержанной политики в разрешении вопросов отношений с Россией как на Востоке, так и вокруг Ирана. Проповедуя политику «закрытой границы»²⁹⁴, они призывали к более осторожным действиям в отношении России, не отклоняя возможность достижения желанных целей путём переговоров с русским правительством²⁹⁵. Одним из важных компонентов «закрытой границы» являлось создание пояса «буферных» держав (или

²⁹² «По большей части эти комментаторы и критики были русофобами с ярко выраженными «ястребиными» взглядами, – характеризовал основных распространителей указанной точки зрения П. Хопкирк. – Они утверждали, что единственный способ остановить продвижение русских заключается в проведении наступательной политики. Это означало, что следует действовать первыми – либо вторжением, либо созданием покладистых буферных государств – сателлитов на вероятных путях вторжения. К сторонникам наступательной политики относились и честолюбивые молодые офицеры индийской армии и политического департамента, включившиеся в новый бодрящий спорт в пустынях и на перевалах Высокой Азии. Участие означало приключения и продвижение по службе, а возможно, даже место в истории империи. Альтернативой была скука полковой жизни на душных и знойных равнинах Индии» [Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. С. 31–32].

²⁹³ Дронова Н.В. Тезис о «русской угрозе» как фактор российско-британского имперского соперничества в 70-е годы XIX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://indonet.ru/Statya/Gde-nahoditsya-%E2%80%9Cklyuch-k-Indii>. П. Хопкирк утверждал: «Что бы ни говорили историки сегодня, в то время русская угроза Индии представлялась весьма реальной. В конце концов она казалась очевидной для любого, бросающего взгляд на карту. Четыре столетия подряд Российская империя неуклонно расширялась со скоростью примерно 55 квадратных миль в день или около 20 000 квадратных миль в год. В начале девятнадцатого века Российскую и Британскую империи разделяло в Азии более 2 000 миль. К концу столетия это расстояние сократилось до нескольких сотен миль, а в отдельных районах Памира оно не превышало двух десятков. Поэтому ничего удивительного, что многие боялись, что казаки всего лишь сдерживают своих лошадей, пока в Индии делается то же самое» [Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. С. 32]. Однако с ним можно согласиться лишь отчасти. Реальной угроза Индии казаться действительно могла с Индийского похода 1801 г. [о нём см.: Безотосный В. Наполеоновские планы Николая Петровича // Родина. 2008. № 7. С.45–51; Захаров В.А. Индийский поход Павла I // Старый Кирибей [П.Н. Шабельский-Борк]. Павловский гобелен: Сб. ст. М., 2011. С. 66–79, 95–104 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Zaxarov_00.pdf; Кубанов К.Г. Походы в Индию в проектах российских военных и политических деятелей XVIII – начала XX вв. Автореф. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2007. С. 17–18], но реальной стала только с последней трети XIX в., когда Россия развернула активную экспансию в сторону на юг от своих границ. С этого времени российские политики и военные стали рассматривать возможность вторжения в Индию не только гипотетически но и в практическом плане [Снесарев А.Е. Афганистан. С. 16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.cawater-info.net/afghanistan/pdf/cnesarev.pdf]. Хотя проекты их различались, но цели их (если отбросить имперское самолюбие) можно обозначить точно: давление на Англию в решении вопросов Ближнего Востока и Европы. В то же время завоевание «жемчужины» Британской империи и включение её в состав России оценивались как невозможные или невыгодные.

²⁹⁴ «Сама доктрина «закрытой границы» не отвергала намерения англичан укрепиться на приграничных с Индией территориях (в частности в Афганистане), – отмечала Н.Н. Лисицина. – Её действенная сторона заключалась не в осуществлении «прямых и наступательных» акций, а в проведении политики «жёсткой руки в бархатной перчатке» и в подготовительных мерах к возможным наступательным операциям» [Лисицина Н.Н. Закаспийский край в англо-русских отношениях: 1880-е – 1907 гг. Дисс. канд. ист. наук, М., 2006. С. 58]. Указанную доктрину также принято называть доктриной «искусной бездеятельности» [Кубанов К.Г. Походы в Индию в проектах российских военных и политических деятелей XVIII – начала XX вв. Автореф. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2007. С. 5].

²⁹⁵ Детальнее про различие в подходах британских общественных и военных деятелей к политике на Среднем Востоке см.: Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке (XIX – начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. М.: Наука, 1990. 166 с.; Лисицина Н.Н. Закаспийский край в англо-русских отношениях :1880-е – 1907 гг. Дисс. канд. ист. наук, М., 2006. С. 56.

«нейтральной зоны») между Россией и Британской Индией с целью препятствия продвижению империи Романовых на юг.

Однако, несмотря на наличие указанных концепций, суть политики относительно Ирана, изложенная Г.К. Роулинсоном, оставалась неизменной. Она лишь коррелировалась в зависимости, от того, представители какой партии находились у власти в Англии и сторонники какой концепции заправляли делами в Индии. Удачнее всего истинные причины борьбы России и Англии в Иране обобщил российский военный исследователь Михаил Иванович Венюков. Он же отразил косвенно те побудительные мотивы, которые обусловили российскую политику относительно Персии в 1870-х – 1880-х гг. Отмечая, что Россия и Англия являются соперниками в Азии и в Каджарской державе, М.И. Венюков писал, что «корень недоброжелательности» англичан к русским «скрывается вне этой страны и состоит в опасении Англии потерять Индостан, куда дорога с северо-запада лежит через Персию ... Попади они (Хорасан, Герат и Боланский проход – О.Г.) из рук слабой Персии в руки сильной России, британскому владычеству в Индии, по сознанию англичан, настанет конец». «Вот почему, – констатировал автор, – употребляются ими все усилия, чтобы посеять между Россией и Персией раздор, или же при невозможности этого, навести на персиян страх перед английским могуществом, забрать экономические средства Персии в свои руки и затем распоряжаться политикой Тегеранского двора так, чтобы она, по крайней мере, как можно менее зависела от России»²⁹⁶. Во многом в своих выводах относительно английской политики российский аналитик был прав²⁹⁷. Но анализа с обратной стороны он не делал, то ли не видя её наличия, то ли в силу существовавшей цензуры, ограничивавшей возможности объективного рассмотрения международных отношений вокруг Ирана. Тем не менее, в последней цитате М.И. Венюков обобщил представления российских кругов, связанных с Азией, касательно угроз здесь русским интересам²⁹⁸.

²⁹⁶ Венюков М.И. Россия и Англия в Персии // Русский вестник. 1877. Т. 131. № 10. С. 447.

²⁹⁷ О политике англичан в Средней Азии и Персии см.: Сухоруков С.А. Англо-персидские отношения в середине XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 227 с.

²⁹⁸ С начала 1860-х гг. в рамках «Большой игры» началось своеобразное контрнаступление России в Азии. Помимо экономических причин, обусловлено оно было политическими факторами. Действия империи Романовых особенно в Средней Азии, а также на Среднем и Дальнем Востоке в целом стали ответом на длительную агрессивно-подрывную политику Великобритании на азиатских рубежах России. Апогеем её стала спровоцированная дипломатическим представителем Лондона в Стамбуле Чарльзом Стрэтфордом Каннингом русско-турецкая война, переросшая в

Именно в рамках указанных обобщений нужно рассматривать внешнеполитический курс России относительно Персии с 1870-х до первой половины 1890-х гг., ярким выразителем и сторонником которого был Иван Алексеевич Зиновьев (посланник России в Иране в 1876–1883 гг., а затем – директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел в 1883–1891 гг.). «Главная цель, которая преследовалась нами, в зависимости от исторических условий, – указывалось в инструкции от 30 сентября 1904 г. новому посланнику российского царя при персидском шахе Алексею Николаевичу Шпейеру, – различными путями и средствами в течение многолетних сношений с Персией, может быть определена нижеследующим образом: сохранить целостность и неприкосновенность владений шаха, не ища для себя территориальных приращений, не допуская преобладания третьей державы, постепенно подчинить Персию своему господствующему влиянию, без нарушения, однако, как внешних признаков её самостоятельности, так и внутреннего её строя»²⁹⁹. В рамках этих задач в 1871–1875 гг. Россия включилась в активную борьбу с Великобританией за концессии в Персии³⁰⁰, одновременно укрепляя свои позиции на южном берегу Каспийского моря³⁰¹. В свою очередь, англичане, действуя через агентов, пытались поднять племена и правителей Центральной Азии на борьбу против России и спровоцировать кризис в русско-иранских отношениях³⁰². 1875–1879 гг. – время некоторого ослабления противоречий. Но перемещение центра англо-русской борьбы на Балканы не оставило Персию в стороне от указанных событий.

Крымскую войну России против европейской коалиции в 1853–1856 гг. Именно осознание уязвимости границ империи в Азии подвинуло российское руководство после войны к продвижению в Центральной Азии, а затем и к стремлению поставить Персию под свой контроль. Если задачей британской политики было создание вокруг России пояса враждебных ей, но дружественных Англии стран и территорий, то российская политика исходила из обратного: сформировать вокруг азиатских границ «буфер» от Британии из дружественных или подконтрольных государств и территорий.

²⁹⁹ К истории англо-русского соглашения 1907 г. // Красный архив. 1935. Т. 2/3 (69/70). С. 13. В работе Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). – М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 125 эта цитата неверно приписана перу И.А. Зиновьева, хотя в целом она полностью соответствовала взглядам указанного дипломата.

³⁰⁰ Детальнее см.: Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. 544 с.

³⁰¹ Абдуллаев Ю.Н. Астрабад и русско-иранские отношения (вторая половина XIX – начало XXв.). Ташкент: Фан, 1975. 132 с.

³⁰² Там же. С. 52–90; Смирнова Л. М. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в 70–90-е годы XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 116–118.

1.4. Миссия В.А. Франкини в Иран.

В 1875–1878 гг. произошло новое обострение «Восточного вопроса»³⁰³. Персия оказалась втянута в него не сразу. В отличие от прежних кризисов вопрос о позиции Тегерана встал на повестку дня лишь в начале русско-турецкой войны 1877–1878 гг. К сожалению, политика России и Великобритании относительно Ирана в годы «Восточного кризиса» 1870-х гг. изучена очень слабо³⁰⁴. Это затрудняет формулировку чётких выводов относительно их методов и задач здесь. Однако очевидно, что в России рассматривали возможность привлечения Персии как союзника в ходе войны с Османской империей, начавшейся в апреле 1877 г. 1877 г. можно рассматривать как начало нового этапа в русско-иранских отношениях. Он характеризовался постепенной всеобъемлющей экспансией России в Иран, стремлением иранского правительства, в силу своей слабости не имевшего возможности к открытому сопротивлению, использовать Россию в качестве противовеса экспансии Великобритании с целью сохранения хотя бы частичной независимости путём игры на противоречиях держав.

В начале 1870-х гг. персидский шах Насреддин в очередной раз решил провести реформу армии по европейскому образцу³⁰⁵. Однако, как и большинство предыдущих попыток, реформирование это дало мало. К 70-м гг. XIX в. персидские вооружённые силы отражали все пороки общества. Невысокая боевая подготовка низшего и командного состава дополнялись коррупцией, что делало армию малопригодной для исполнения возлагаемых на неё функций³⁰⁶. Тем не менее, амбиции иранского правителя относительно соседних государств и территорий (прежде всего – Османской империи, туркменских и афганских земель) требовали

³⁰³ Историография «Восточного кризиса» 1875–1878 гг. обширна. Своеобразный свод её содержит работа В.А. Золотарёва [Золотарёв В. А. Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. – апофеоз Восточного кризиса. М.: Animi fortitudo, 2005. 568 с.]. Из последних работ следует отметить: Косев К., Дойнов С. Освобождение (1877–1878). София: Академично издателство Марин Дринов, 2003. 231 с.

³⁰⁴ Впрочем, и сам кризис, и война, его завершившая, не смотря на огромное количество исследований, нуждаются в синтетических работах, в которых рассматривались бы все аспекты и отсутствовал европоцентризм.

³⁰⁵ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 42–44. Детальнее о реформе до 1878 г. и деятельности иностранных военных инструкторов см.: Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 210–213; Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 167–171; Тер-Оганов Н.К. Создание и развитие иранской регулярной армии и деятельность иностранных военных миссий в Иране в XIX в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1984. 28 с.; Cronin S. Building a new army: military reform in Qajar Iran // *War and Peace in Qajar Persia. Implications Past and Present*. Londres et New York, Routledge, 2008. P. 47–87.

³⁰⁶ [Вревский А.Б.] Персия // Военно-статистический сборник. СПб.: Военная типография, 1868. Вып. 3. С. 1–32.

соответствующего военного подкрепления³⁰⁷. С началом русско-турецкой войны 1877–1878 гг. появилась возможность реализовать их хотя бы отчасти.

Для России желания шаха оказались как нельзя кстати. Во второй половине марта 1877 г. прибыл в Петербург с поручением от великого князя Михаила Николаевича начальник кавказского горского управления генерал-майор от артиллерии Виктор Андреевич Франкини, «чтобы лично настоять на разрешении провести задуманную кавказским начальством экспедицию от Красноводска к текинцам, на что не последовало высочайшее соизволение в прошлом феврале месяце»³⁰⁸. В экспедиции вновь было отказано, чтобы не тревожить англичан. 27 марта состоялась аудиенция генерал-майора у императора Александра II, где ему было сообщено об этом решении, а командующему Кавказской армией было послано письмо с указанием на недопустимость какого-либо движения на юг³⁰⁹. В.А. Франкини же было решено отправить в Иран³¹⁰. В конце марта 1877 г.³¹¹ из Министерства иностранных дел в Военное министерство было направлено уведомление о том, что император решил «командировать в Тегеран офицера Генерального штаба, который состоял бы при нашем посольстве в качестве военного агента»³¹². Офицер должен быть избран главнокомандующим Кавказской

³⁰⁷ Ибрагимбеги Х.М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. М.: Наука, 1971. С. 244.

³⁰⁸ Дневник Д.А. Милютин. 1873–1875. М.: Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В.И. Ленина, 1949. Т. 2. С. 31. Эта экспедиция с одобрения главнокомандующего Кавказской армией была разработана В.А. Франкини в январе 1876 г. Обосновывая её необходимостью «сомкнуть нашу границу и оградить нашу промышленность и торговлю», начальник Горского управления считал необходимым «водворить ныне же в Ахалтекинском оазисе русское правление и оказать той части народа, которая расположена к нам, материальную помощь» [Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М.: Наука, 1965. С. 335].

³⁰⁹ Дневник Д.А. Милютин. 1873–1875. М.: Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В.И. Ленина, 1949. Т. 2. С. 38, 263. От имени царя военный министр заявил, что это предприятие может привести к вооружённым столкновениям не только с населением этого оазиса, но и с мервскими туркменами, сопряжено с крупными расходами. Кроме того, подчеркивал Д.А. Милютин, движение к Ашхабаду сопряжено с «немаловажными политическими неудобствами», так как Ашхабад расположен всего в 360 верстах от Мерва, «этого больного места новейшей среднеазиатской политики Великобритании» [Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М.: Наука, 1965. С. 335].

³¹⁰ Гоков О.А. Российская военная миссия 1877 г. в Персию // Наука и образование: Материалы VI международной научной конференции. Белово, 2006. Ч. 3. С. 279–282; Гоков О. А. Российские офицеры и персидская казачья бригада (1877–1894 гг.) // Canadian American Slavic Studies. 2003. Vol. 37. № 4. P. 395–414; Гоков О.А. Создание Персидской казачьей бригады // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць. Харьков, 2003. С. 65–71; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 51.

³¹¹ Точная дата не установлена, но известно, что вопросы о посылке военного агента в Тегеран и о снабжении инструкциями посланника в Персии в контексте готовящейся войны с Османской империей обсуждался на совещании при императоре 30 марта 1877 г. и были возложены на военного министра Д.А. Милютин [Дневник Д.А. Милютин. 1873–1875. М.: Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В.И. Ленина, 1949. Т. 2. С. 153].

³¹² В силу неоднозначности толкования термина «военный агент», следует остановиться на нём детальнее. Понятие это вошло в российский лексикон во второй половине XIX в., когда в Европе появляется военно-дипломатическая должность военного атташе при дипломатической миссии, то есть, офицера, официально прикреплённого к дипломатическому представительству в той или иной стране в качестве военного наблюдателя и

советника [Алексеев А. Лексика русской разведки. М.: Международные отношения, 1996. С. 44–47]. В России с 1860-х гг. под военным агентом понимали в первую очередь военного атташе. Место это занимали главным образом, офицеры ГШ. Военные атташе пользовались всеми правами дипломатического корпуса, в политических вопросах зависели от главы дипломатического представительства, а в своей служебной деятельности – от военного министра, а точнее – от главы Военно-учёного комитета Главного штаба, курировавшего деятельность военных агентов в Военном министерстве. Военными агентами именовали также военных представителей, посылавшихся в другую страну для наблюдения за военными действиями, манёврами и т.п. официально. Кроме того существовали т.н. негласные, тайные или секретные военные агенты (термин «секретные» использовался с 1870-х гг., а «негласные» и «тайные» – с 1890-х гг.). Это были офицеры, которые действовали на территории других стран главным образом под видом работников дипломатических представительств России, т.е. неофициально [Болтунов М. Душа разведчика под фраком дипломата. М.: Вече, 2012. С. 19–48; Гоков О.А. Корреспонденты в российско-турецкой войне 1877-1878 гг на Балканском полуострове // Canadian American Slavic Studies. 2007. Vol. 41. № 2. P. 127–186; Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб.: Тип. В.С. Балашёва, 1884. Т. 4. С. 134–135; Ильина Т.Н. Военные агенты Российской империи // Война и оружие: новые исследования и материалы. СПб.: ФГУКиИ «ВИМАИВиВС» МО РФ, 2010. Ч. 1. С. 311–336; Колпакиди А., Север А. Спецслужбы Российской империи. Уникальная энциклопедия. М.: Яуза; Эксмо, 2010. С. 701–737; D'Angelo G.A. The Contemporary Role of the Military Attaché: And Problems Relating to the Attainment of a Quality Corps. Texas Tech University, 1972. 240 p.; Persson G. The Russian Army and foreign wars 1859–1871. PhD thesis. London: School of Economics and Political Science, 1999. 208 p.; Persson G. Russian Military Attaches and the Wars of the 1860s // Reforming the Tsar's Army: Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution. Cambridge University Press, 2004. P. 151–167; Vagts A. Military Attache. Princeton: University Press, 1967. P. 3–36]. Именовали военных атташе, преимущественно военными агентами или агентами (корреспондентами) Военного министерства. В международных же документах, написанных на французском языке, в силу французской традиции официальных военных агентов именовали «l'attaché militaire», отсюда и второе их название, прочно закрепившееся в русском языке уже в 1920-е гг. – военный атташе. В советской и постсоветской исторической литературе часть исследователей применяет термин «военный агент» исключительно как синоним военного атташе. Это понимание отражает практику XX в., но никак не XIX-го и создаёт определённую путаницу и искажение реальной работы российских спецслужб. Так, например, в документах Военного министерства военные представители России в Персии, начиная с 1877 г., именуются военными агентами, хотя полномочиями атташе они не обладали. То же касается негласных военных агентов, которые были на консульских должностях в Османской империи. С другой стороны, понятийной неопределённости способствует и множественность терминов, использовавшихся для определения военных разведчиков в XIX–XX вв., а также перенос учёными понятий XX в. на более раннее время. В итоге, в историографии значение словосочетания «военный агент» стало зависеть исключительно от компетентности и личных предпочтений исследователей. Во избежание неточности в понимании, мы предлагаем следующее определение и градацию, которые основаны на функционально-статусном принципе. Под «военным агентом» мы понимаем военное лицо, посланное официально или неофициально в другую страну с задачами военного характера. Последние не исключают и иных задач (дипломатических, научных), однако являются основным компонентом при отнесении того или иного офицера к военным агентам. Исходя из положения и функций, последние разделяются нами на официальных (гласных, действовавших на основе международного законодательства или межгосударственных соглашений) и неофициальных (тайных, негласных, действовавших под прикрытием другой должности, неофициально). В свою очередь, в каждой из категорий можно выделить по две подкатегории, связанные, главным образом, с длительностью пребывания в стране – постоянные и временные. В данном случае разделение до некоторой степени носит условный характер, однако основано на реальном положении вещей во второй половине XIX в. Среди гласных военных агентов на постоянной основе действовали военные атташе – официальные военные представители России при дипломатических миссиях. С 1863 г. они были выведены из-под контроля Министерства иностранных дел и подчинены военному ведомству [Алексеев А. Лексика русской разведки. М.: Международные отношения, 1996. С. 46]. В 1864 г. офицеры, прикомандированные к внешнеполитическим представительством получили официальный статус, соответствовавший дипломатическому рангу советника или первого секретаря миссии, и стали числиться в составе дипломатического корпуса [Рябиков П.Ф. Разведывательная служба в мирное и военное время // Антология истории спецслужб. Россия. 1905–1924. М.: Кучково поле, 2007. С. 138; Сергеев Е., Улуян А. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914. М.: Реалии-Пресс, 2003. С. 38; об особенности их деятельности см., напр.: Каширин В.Б. Дозорные на Балканах. Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М. Вилком-М, 2014. 632с.; Рябиков П.Ф. Разведывательная служба в мирное и военное время // Антология истории спецслужб. Россия. 1905–1924. М.: Кучково поле, 2007. 478 с.; Фомин М.М. Русское военно-дипломатическое представительство. Франция в 1870–1914 годах. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 315 с.; Фалько С.А. Российская военно-дипломатическая служба в Китае в эпоху правления Александра III (1881–1894 гг.) // Клио. 2015. № 2 (98). С. 136–145]. Непостоянные гласные военные агенты – это главы или участники военных, дипломатических и прочих миссий и экспедиций, отправлявшихся в различные страны на официальном уровне. К ним также относятся офицеры, командированные на театр боевых действий вне России для наблюдения за их ходом. Постоянные тайные военные агенты, как правило, находились на официальных постах, не связанных внешне с Военным министерством (например, консулы). В рассматриваемое время под ними понимали также иностранцев,

армией». Предлагалось указать рекомендованные кандидатуры и предоставить справку о них³¹³.

Практически сразу из Военного министерства за подписью Д.А. Милютина была отправлена зашифрованная телеграмма главнокомандующему Кавказской армией великому князю Михаилу Николаевичу, в которой военный министр писал следующее: «высочайше повелеваю командировать в Тегеран в качестве военного агента опытного офицера ГШ, уже знакомого с соседними азиатскими странами и восточными делами. Кого угодно будет Вашему Высочеству избрать из числа состоящих при Кавказской армии будет дана посланнику нашему в Тегеране инструкция относительно ... назначения означенного офицера»³¹⁴. 3 апреля последовал ответ: «главнокомандующий назначил бы командировать в Тегеран вместе с генералом Франкини ГШ капитана Гибера, который мог бы там оставаться, когда сей последний должен был ожидать приказаний и инструкций»³¹⁵. В Главном штабе такое предложение нашло поддержку. Как сообщал в начале апреля 1877 г. его начальник начальник Главного штаба генерал от инфантерии Фёдор Логгинович Гейден товарищу министра иностранных дел и управляющему Азиатским департаментом Николаю Карловичу Гирсу, В.А. Франкини было решено направить в Иран «только на короткое время». После его отъезда предполагалось оставить при дипломатической миссии сопровождавшего его офицера Генштаба³¹⁶. Александр II одобрил назначение, о чём Д.А. Милютин сообщил в Тифлис: «предложение Его Высочества относительно командирования военного агента в Тегеран высочайше одобрено. От Министерства иностранных дел дана посланнику инструкция»³¹⁷.

согласившихся тайно работать на русскую разведку. Во второй половине XIX в. такие агенты из военных успешно действовали в Османской империи и Персии. Попытка внедрить их в Европе и Китае в 1890-х гг. окончилась неудачей [Алексеев М.Н. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М., Евразия плюс, 1998. Т. 1. С. 90–95; Добычина Е.В. Внешняя разведка России на Дальнем Востоке, 1895–1904 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003. 213 с.; Добычина Е.В. Русская агентурная разведка на Дальнем Востоке в 1895–1897 годах // Отечественная история. 2000. № 4. С. 161–170; РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1901. Д. 530. О командировании в Маньчжурию негласного военного агента ГШ полковника Скерского. 29 февраля 1899 г. – 5 октября 1902 г. 95 л.]. Непостоянные тайные военные агенты – это офицеры, временно пребывавшие в той или иной стране с военным заданием, но под чужим видом или под своим именем, но не афишируя цель поездки.

³¹³ РГВИА. Ф. 446. Д. 41. Л. 1.

³¹⁴ РГВИА. Ф. 446. Д. 41. Л. 4–5.

³¹⁵ Там же. Л. 6.

³¹⁶ Там же. Л. 14.

³¹⁷ Там же. Л. 7. Таким образом, впервые был поднят вопрос о создании при русской дипломатической Миссии должности постоянного военного агента [Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 110].

Военную миссию составили начальник кавказского горского управления генерал-майор от артиллерии Виктор Андреевич Франкини и капитан ГШ Владимир Иванович Гибер фон Грейфенфельс. В помощь им были прикомандированы поручик Велибегов и подпоручик Корпуса военных топографов Д. Лупандин³¹⁸.

Остановимся несколько подробнее на личности главы миссии – генерал-майоре В.А. Франкини. Предки В.А. Франкини (1820–1892) имели итальянские корни. Сам он родился в России, был воспитанником артиллерийского училища, по его окончании служил в гвардейской артиллерии (с 1844 г.), участвовал в военных действиях в Крыму (оборона Севастополя) во время Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. «За отличие в сражении» в апреле 1856 г. произведён штабс-капитаны. После окончания войны, в июне 1856 г. был назначен состоять при Императорской миссии в Константинополе корреспондентом Военного министерства, то есть военным агентом³¹⁹. В.А. Франкини участвовал в летней экспедиции 1859 г. на Кавказе, штурме аула Гуниб, присутствовал при пленении Шамиля. Свою должность он занимал до 1870 г., дослужившись до генерал-майора (с 1868 г.), фактически курируя российскую военную разведку в Османской империи. В частности, по заданию Военного министерства он занимался сбором сведений о Малой Азии через назначенных в города Анатолии консулов и корреспондентов³²⁰. Успешной работе В.А. Франкини способствовало знание им восточных языков³²¹. С 1871 г. он был переведен в распоряжение главнокомандующего Кавказской армии, а с 1872 г. назначен заведующим военно-горским управлением на Кавказе. Не исключено, что его переводу протезировал наместник Кавказский и командующий Кавказской армией великий князь Михаил Николаевич³²², который также свой путь в армии прошёл как артиллерист, долгое

³¹⁸ РГВИА. Ф. 446. Д. 41. Л. 6.

³¹⁹ Официально его должность именовалась «корреспондент Военного министерства при Императорской Российской миссии в Константинополе», то есть, согласно предложенной нами градации, В.А. Франкини был постоянным негласным военным агентом.

³²⁰ Мегрелидзе Ш.В. Закавказье в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Тбилиси: Мецниереба, 1972. 303 с. С. 30. Здесь он ошибочно именуется Франклином.

³²¹ Исторический вестник. 1893. Т. 50. № 10. С. 280. Правда, какими именно языками он владел, нам выяснить не удалось.

³²² Кавказское наместничество как орган управления Кавказским краем, было впервые создано указом императрицы Екатерины II 5 мая 1785 г. Первое наместничество существовало до декабря 1896 г., когда было заменено генерал-губернаторством. Второе наместничество было учреждено 27 декабря 1844 г. и просуществовало до 22 ноября 1881 г. Возглавлялось оно наместником, которого назначал император. Наместник осуществлял всю полноту гражданской власти (кроме законодательной) и подчинялся непосредственно царю. С 6 декабря 1862 г. до 22 ноября 1881 г. во главе наместничества стоял представитель царской фамилии, брат царя – великий князь Михаил Николаевич. В ходе

время был генерал-фельдцейхмейстером и начальником артиллерии Гвардейского корпуса, имел звание генерала от артиллерии ³²³.

Как видим, вся биография В.А. Франкини свидетельствует, что, выбирая его в качестве главы военной миссии, кавказское начальство во главу угла ставило профессионализм и интересы дела. То же можно сказать и относительно второго по значимости офицера, намеченного в качестве военного агента – В.И. Гибер фон Грейфенфельса ³²⁴. Он, как и В.А. Франкини, был артиллеристом – учился в Михайловском артиллерийском училище, служил во Второй резервной конно-артиллерийской бригаде. В 1874 г. окончил Николаевскую академию ГШ, после чего в 1875 г. был зачислен состоять по ГШ. В период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В.И. Гибер фон Грейфенфельс занимал должность штаб-офицера над вожатыми при штабе Действующего корпуса на кавказско-турецкой границе, то есть был начальником военной разведки ³²⁵.

реформы военно-окружной системы в 1860-х гг. военный министр Д.А. Милютин именно поэтому аккуратно отнёсся к Кавказскому краю, поскольку наместник «пытался противиться распространению окружной системы на Кавказ, ссылаясь на особые условия региона и сложившиеся традиции военного управления в крае» [Безугольный А. Ю., Ковалевский Н.Ф., Ковалёв В.Е. История военно-окружной системы в России, 1862–1918. М.: Литрес, 2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mreadz.com/read-249082>]. В результате, через 3 года после создания первых военных округов, высочайшим указом от 6 августа 1865 г. были образованы Кавказский, Оренбургский, Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский военные округа и принято соответствующее дополнение к Положению о военно-окружных управлениях (указ был объявлен приказом военного министра от 10 августа 1865 г.) [Именной указ об образовании Кавказского, Оренбургского и Сибирских военных округов от 6 августа 1865 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 40. Отд-е 1-е. Кн. 2-я. СПб.: Типография П. отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1867. С. 851–874]. Кавказский военный округ получил целый ряд своеобразных привилегий, а брата царя остался не только кавказским наместником, но стал также командующим войсками округа и наказным атаманом всех казачьих войск Кавказа, напрямую подчинённым императору. После ликвидации наместничества в 1881 г. здесь существовала Кавказская администрация во главе с главноначальствующим гражданской частью на Кавказе. А 26 февраля 1905 г. вместо неё было создано 3-е наместничество, просуществовавшее до 9 марта 1917 г. [Густерин П. Российская империя и Кавказ. Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 64 с.; Кондрашова А.С. Кавказское Наместничество и его деятельность на Северном Кавказе, вторая половина 40-х гг. XIX в. – начало XX в. Дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2003. 319 с.; Малахов Д. А. Наместничество как фактор внутренней и внешней политики России на Северном Кавказе в XVIII – начале XX века. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2011. 30 с.; Малахов Д. А. Наместничество как фактор внутренней и внешней политики России на Северном Кавказе в XVIII – начале XX века. Дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2011. 220 с.; Сихаджог З.Р. Правовой статус кавказского наместника в законодательстве Российской империи. Дисс. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2011. 199 с.]

³²³ Исторический вестник. 1893. Т. 50. № 10. С. 279–280; Скрицкий Н.В. Балканский гамбит. Неизвестная война 1877–1878 гг. М.: Вече, 2006. 432 с. С. 73. После войны 1877–1878 гг. В.А. Франкини был назначен губернатором новоприобретённой Карсской области, и эту должность занимал до 1881 г., когда покинул её, уехав в Италию. Здесь он проживал до самой смерти в 1892 г. [Письма Н. П. Ломакина консулу Ф. А. Бакулину (о среднеазиатских делах). 1874–1878. С примечаниями В. А. Алексева. СПб.: Тип. П. Усова, 1914. Примечание 9].

³²⁴ Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб.: Тип. штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1882. Особое приложение. С. 168. Поскольку имя-отчество его нигде не было указано, а фамилия в документе была написано неразборчиво, то первоначально мы атрибутировали его неверно, как Алексея Григорьевича Гибер фон Грейфенфельда [Гоков О.А. Россия, Иран и «Восточный вопрос» в 1850-х–1870-х гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ricolor.org/history/voen/form/18_03_2103/2/].

³²⁵ Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб.: Тип. штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1882. Особое приложение. С. 168.

В апреле 1877 г. офицеры отправились в Персию. Общие их задачи были определены в «Проекте инструкции военному агенту в Тегеране», составленной в Военном министерстве. «Военному агенту в Персии, – было зафиксировано в ней, – доставлять наивозможно точные и положительные сведения о ... : 1) числе, состоянии, устройстве и расположении сухопутных сил Персии; 2) о силе и количестве, качестве иррегулярной кавалерии различных племён, подчинённых Персии, и особенно племён (курдов) турецко-персидской границы; 3) о способах производства к пополнению и усилению вооружённых сил ... и снабжения войска оружием и другим военным (неразборчиво – О.Г.); 4) о различных передвижениях войск ... и истинные их цели; 5) о качествах и недостатках устройства тактического обучения всех трёх родов оружия ... 6) о духе войск и о влияниях, которым подчиняются главные воинские начальники, а равно и о лицах в персидской армии, которые пользуются наибольшим доверием войска и по своим контактам могли бы быть употреблены с наибольшей пользою для командования войсками или для военного управления; 7) о состоянии различных частей военного управления, как то: артиллерийской, инженерной, интендантской и медицинской, их качествах и недостатках; 8) о всех ... полезных для составления стратегического обзора и исправления карты Персии, составленной в топографическом отделе Кавказского военного округа. Эти сведения должны иметь в виду одну страну и пути пограничной с Россией и Турцией полосы, а именно: а) театр против России (весь Азиатский), в) северный театр против Турции ... с) южный театр против Турции ... Сюда должны относиться и данные для составления сборника маршрутов по Персии, преимущественно от наших сухопутных пределов и каспийских к Тегерану; 9) о продовольственных и перевозочных средствах пограничного театра Персии с Россией и Турцией; 10) о персидско-турецком Курдистане, его племенах, их численности и относительной важности их шейхов и аг; 11) о деятельности иностранцев в Персии, в особенности же англичан. Затем, на случай возможного разрыва Персии с Турцией, на военного агента возлагается собирание и доставление ... сведений 1) о числе войск, которые Персия может выставить для действий наступательных, о распределении сил войск на отряды и о их начальниках; 2) о численности и передвижении турецких войск в пограничной с Персией полосе, а

именно в районах Баязидском, Ванском и Багдадском, в особенности в тех видах, чтобы можно было судить, насколько разрыв с Персиею отвлечёт турецкие силы от наших пределов»³²⁶. Донесения офицер должен был писать на русском языке. «Из них должны быть доставляемы: а) в Главный штаб и штаб Кавказского военного округа в определённые сроки к 1 января, к 1 марта и к 1 сентября – общие ведомости о составе, численности и расположении армии и, по мере собирания сведений, донесения о всех изменениях в армии, затрагивающих внимание; в) на имя военного министра и главнокомандующего Кавказской армией с подписью секретно по предметам политическим или административным, заслуживающим особого внимания»³²⁷. «Все означенные сведения должно собирать с самою строгою осмотрительностью и тщательно избегать всего, что могло бы навлечь малейшее подозрение местного правительства во всём, что не касается прямой его пользы», – предписывалось «Инструкцией»³²⁸. В.А. Франкини следовало ознакомиться с состоянием кадjarской армии, «ожидать приказаний и инструкций» а после – возвратиться в Россию для предоставления отчёта о проделанной работе. С его отъездом место военного агента должен был занять В.И. Гибер фон Грейфенфельс³²⁹.

В.А. Франкини успешно справился с поставленной перед ним задачей. По приезде в Иран он был представлен Насреддин-шаху российским посланником А.И. Зиновьевым. По словам офицера, шах попросил его изучить недостатки своей армии и представить ему проект её переустройства. Генерал-майор детально ознакомился с персидскими вооружёнными силами. «Дальнейшее своё знакомство по настоятельной просьбе шаха с организацией персидской армии, – писал он в своём рапорте на имя помощника командующего Кавказской армией генерал-адъютанта князя Дмитрия Ивановича Святополк-Мирского от 29 августа 1877 г.³³⁰, – частые поездки в расположенный под Тегераном лагерь ... осмотр арсенала ... убедили меня, что персидская армия ... существует только на бумаге, и что вся деятельность военных властей направлена на то, чтобы держать шаха в заблуждении, между тем, как отпускаемые на содержание армии суммы бессовестно

³²⁶ РГВИА. Ф. 446. Д. 41. Л. 11–12.

³²⁷ Там же. Л. 12–13.

³²⁸ Там же.

³²⁹ Там же. Л. 14.

³³⁰ Все даты в тексте даны по старому стилю.

расхищаются»³³¹. В своём рапорте В.А. Франкини высказал предположение, что шах скорее всего попросит его участвовать дальнейшей реализации проекта военной реформы. Генерал спрашивал, как ему поступить, если таковое предложение последует³³². Давая рекомендации на случай положительного ответа, В.А. Франкини отмечал, что «участие наше в устройстве вооружённых сил Персии и должно само по себе упрочить наше влияние ... реформа, предпринятая особо руководством русских офицеров не может потерпеть неудачи; она должна быть ведена с настойчивостью и последовательностью»³³³.

Его предположение подтвердилось – шах действительно предложил генерал-майору составить проект о переустройстве вооружённых сил Персии, что и было сделано. Однако прямого ответа на вопрос русского военного представителя в документах, изученных нами, не содержится. Известно, что «Записка о состоянии вооружённых сил Персии и о необходимости реорганизации персидской армии» была составлена и подана на рассмотрение шаху Насреддину 20 октября 1877 г.³³⁴. Однако В.А. Франкини после выполнения своего задания в Персию не вернулся. Что касается качества проделанной генерал-майором работы, то вот как характеризовал его деятельность в своём донесении военному министру от 24 января 1878 г. великий князь Михаил Николаевич (опиравшийся, помимо прочего, на мнение российского посланника И.А. Зиновьева): «Выгодное впечатление, произведённое с первого раза на шаха, крайне облегчило ему доступ к исследованию военной организации Персии ... (В.А. Франкини – О.Г.) принёс существенную пользу в отношении объяснений, которые он давал шаху и его министрам, о ходе военных событий (речь идёт о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. – О.Г.). Объяснения эти ... постоянно поддерживали шаха убеждённым в несомненном торжестве русского оружия, парализуя все попытки недоброжелателей наших убедить шаха в неудачах ... Деятельность генерал-майора Франкини подготовила почву для будущих военных агентов наших в Персии, т. к. выгодное впечатление, произведённое его

³³¹ Там же. Л. 17.

³³² Там же. Л. 17–18.

³³³ Там же. Л. 18.

³³⁴ РГВИА. Ф. 446. Д. 42.

пребыванием в Тегеране, служит залогом того, что военные агенты наши будут встречаться с полным доверием»³³⁵.

По прибытии в Россию осенью 1877 г.³³⁶ генерал-майор предоставил сначала главнокомандующему Кавказской армией, а затем в Военное министерство аналитическую записку о состоянии персидских войск, составленную им 20 сентября 1877 г. на основе августовских наблюдений в Зергенде – летней резиденции русской дипломатической миссии «считающейся русской территорией и лежащем в 11 верстах от Тегерана»³³⁷. В ней были детально разобраны все составляющие иранской военной системы в связке с социально-экономическими и политическими проблемами страны. В заключении В.А. Франкини подвёл итог своей работе. Он отметил, что содержание армии стоит казне до 3,5 куруров или 1 750 000 туманов в год (из общей суммы государственных доходов в около 8 куруров (до 40 млн франков) в год³³⁸). «Приняв наличную численность армии ... в 40 000 человек и оценив без преувеличения в ½ курура деньги и натуральные повинности, лежащие на сельских обществах по сдаче и содержанию рекрутов, – констатировал генерал-майор, – мы убедимся, что персидская армия стоит государству до 4 куруров, то есть 2 миллиона туманов или 20 миллионов франков. Если же, с другой стороны, вспомним, что 100-тысячная бельгийская армия поглощает лишь 1/5 всех доходов, и что в Персии силы населения, промышленность, торговля и все источники народного богатства истощаются, то

³³⁵ РГВИА. Ф. 446. Д. 41. Л. 21–23. Работа, проделанная В.А. Франкини, была по достоинству оценена и на Кавказе, и в Петербурге. Ходатайство великого князя от 24 января 1878 г. о присвоении ему звания генерал-лейтенанта [РГВИА. Ф. 446. Д. 41. Л. 23] было в том же году (4 апреля 1878 г.) удовлетворено [Список генералам по старшинству. Исправлен по 1-е июля 1878 г. СПб.: Военная типография, 1878. С. 433; Список генералам по старшинству. Исправлен по 1-е сентября 1880 г. СПб.: Военная типография, 1880. С. 433]. В следующий чин – подполковника ГШ – был произведён и В.И. Гибер фон Грейфенфельс [Кавказский календарь на 1879 год. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского, 1878. Отделение третье. С. 98].

³³⁶ Точно сказать, когда именно это произошло, нам сложно. Но точно в промежутке между октябрём – началом декабря. На это указывает ссылка в публикации записки В.А. Франкини о состоянии иранской армии, где отмечено, что командировка его состоялась в 1877 г. [Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 1]. Что касается В.И. Гибер фон Грейфенфельса, то он, по всей видимости, оставался в Иране до окончания войны. На это косвенно указывает официальное издание 1878 г., где произведённый в подполковники ГШ офицер, состоя при штабе округа, числился в командировке [Кавказский календарь на 1879 год. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского, 1878. Отделение третье. С. 98]. В публикации же следующего, 1879 г., В.И. Гибер фон Грейфенфельс был обозначен исполняющим должность начальника штаба 3-й Кавказской кавалерийской дивизии [Кавказский календарь на 1880 год. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского, 1879. Отделение третье. С. 136] т. е. на Кавказ он уже вернулся.

³³⁷ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 153; РГВИА. Ф. 446. Д. 41. О нынешнем состоянии персидской армии. Докладная записка генерал-майора Франкини его императорскому высочеству главнокомандующему Кавказской армией Л. 25–83; Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 1–34.

³³⁸ Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 1.

нельзя не прийти к заключению, что Персия разоряется на военные издержки и при том не имеет ни одной организованной боевой части ... Что касается до нравственности персидской армии, то ... продажность господствует всюду до высших ступеней военной иерархии»³³⁹.

Таким образом, миссия В.А. Франкини подготовила почву для усиления военного влияния России в Персии. Вопрос о нём, судя по косвенным сведениям, почерпнутым из документов, связанных с деятельностью миссии, кавказским руководством рассматривался. Следует высказать также несколько соображений по поводу целей российских офицеров в Иране. Как нам представляется, значение миссии в контексте русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и «Большой игры» недооценено исследователями. Внешняя политика России в период «Восточного кризиса» 1875–1878 гг. изучена довольно однобоко: если балканское направление имеет богатую литературу, то европейское, а уж тем более восточное, разработаны недостаточно. Об этом свидетельствует хотя бы сравнительно недавнее «открытие» миссии генерал-майора ГШ Николая Григорьевича Столетова в Афганистан в 1878 г. и связанных с ним военных манёвров войск Туркестанского военного округа³⁴⁰, а также проект посылки военно-дипломатической экспедиции в Тибет в 1878 г. с целью давления на Англию в вопросах урегулирования балканских проблем³⁴¹. Заведующий Азиатской частью Главного штаба полковник ГШ Алексей Николаевич Куропаткин в записке по афганскому вопросу от 25 ноября 1878 г. выразился по этому поводу достаточно ёмко. Цель российского движения в глубь Средней Азии он видел в занятии здесь Россией сильной позиции. Это «одно из

³³⁹ Там же. С. 29–30.

³⁴⁰ «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. 358 с.; Загородникова Т. «Индийский поход» Александра II и его последствия // Азия и Африка сегодня. 2005. № 11. С. 51–53; Загородникова Т. «Индийский поход» русской армии и миссия генерала Н.Г. Столетова в Кабул. Восток. 2006. № 4. С. 21–36; Смирнова Л.М. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в 70–90-е годы XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 90–101. Впервые в советской историографии в контексте «Восточного вопроса» миссия была детально рассмотрена Ф. Юлдашбаевой [Юлдашбаева Ф. Из истории английской колониальной политики в Афганистане и Средней Азии 70–80-е годы XIX в. Ташкент: Госиздат УзССР, 1963. С. 96–111], но впоследствии вплоть до 2000-х гг. русскоязычными исследователями акцент делался на её значение для англо- и русско-афганских отношений.

³⁴¹ Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб., 2006. С. 62. Хотя проект Д.А. Милютин не нашёл поддержки Министерства иностранных дел, тем не менее, военные в Тибет были отправлены. В 1879–1880 гг. своё третье путешествие по Центральной Азии совершил полковник ГШ Николай Михайлович Пржевальский. Правда, Лхасу ему посетить так и не удалось: местные власти отказались пустить его туда [Андреев А. И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та; Нартанг, 2006. С. 60–62; Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 48–49; Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. Третье путешествие в Центральной Азии 1879–1880. М.: Географиз, 1948. 408 с.].

средств облегчить выполнение общей исторической задачи России – разрешение согласно славянских интересов Восточного вопроса»³⁴².

Миссия В.А. Франкини, по нашему мнению, была одной из акций внешнеполитического и, отчасти, военного обеспечения грядущей войны, подобной тем, что предпринимались с 1876 г. на Балканах³⁴³. Разработчик плана войны с Османской империей на Кавказском театре генерал-майор ГШ Сергей Михайлович Духовской писал: «Мы строим наши военные соображения на предположении, что ныне опасность Закавказью ожидается с запада и юго-запада, со стороны Турции, в союзе с которой могут находиться и западные европейские державы, что со стороны Персии опасности не предвидится»³⁴⁴. Иран действительно в военном отношении не представлял для русской армии серьёзной угрозы при столкновении один на один³⁴⁵. Не был также так актуален для российского командования, как перед Крымской войной 1853–1856 гг., и вопрос о пограничных с империей Романовых курдских племенах³⁴⁶. Однако позиция тегеранского двора играла определённую роль в выработке стратегии войны на Кавказском театре. В случае враждебного отношения персидский монарх мог вновь, как это бывало в первой половине столетия, подпасть под влияние англичан. Результатом могла быть реальная угроза для российских границ не столько со стороны регулярной иранской армии, сколько со стороны подстрекаемых шахским двором и его ставленниками в провинциях пограничных кочевых племён. Это, в свою очередь, отвлекло бы с театра войны с Портой часть сил Кавказского корпуса, что неблагоприятно сказалось бы на ходе военных действий. Посылка военной

³⁴² «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. С. 235.

³⁴³ Гоков О.А. Офицеры российского Генерального штаба в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове // Дриновський збірник/Дриновски сборник. 2007. Т. 1. С. 113–115, 122–123; Золотарёв В.А. Противоборство империй. Война 1877—1878 гг. — апофеоз восточного кризиса. М.: Animi Fortitudo, 2005. С. 15–16.

³⁴⁴ Мегрелидзе Ш.В. Грузия в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Батуми: Госиздат Адж. АССР, 1955. 125 с. С. 32; Мегрелидзе Ш.В. Закавказье в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Тбилиси: Мецниереба, 1972. С. 75.

³⁴⁵ Хотя в этом смысле тезис Шамше Варфоломеевича Мегрелидзе, что причиной военной слабости была небольшая численность иранской армии (60 000), представляется неполным. Важно было не количество, а качество войск и управления ими. Слабость иранской армии была достаточно известна в России. Именно поэтому тут долгое время не было должности постоянного военного агента, да и негласных агентов Россия здесь не держала с 1850-х гг. Но сведений подробных и новых об иранской армии не было. «Разведка» же В.А. Франкини подтвердила, что каджарские вооружённые силы оставляли желать лучшего.

³⁴⁶ Аверьянов П.И. Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Современное политическое положение турецких, персидских и русских курдов. Исторический очерк. Тифлис: Типография штаба Кавказского военного округа, 1900. С. 158–177; Халфин Н.А., Борьба за Курдистан: Курдский вопрос в международных отношениях XIX века. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. С. 102–105.

миссии перед войной и задачи, поставленные перед В.А. Франкини, свидетельствуют о том, что российское кавказское командование рассчитывало если не привлечь Иран в качестве союзника, то, по крайней мере, нейтрализовать его. В письме наместника на Кавказе Д.А. Милютину была чётко сформулирована политическая цель военной миссии. Она состояла «в оценке совместно с посланником в Персии, той доли содействия, которую мы, при известном императорскому кабинету благоприятном настроении персидского правительства, могли бы получить от Персии в настоящей войне»³⁴⁷. Это было особенно актуально, исходя из опыта войн с Османской империей первой половины XIX в., когда западные державы пытались вовлечь в них Персию на стороне турок. В 1877–1878 гг. Англия также стремилась создать на Востоке антироссийскую коалицию из Османской империи, Афганистана, Кашгара и среднеазиатских ханств, а английский посланник в Тегеране пытался столкнуть Россию и Иран по вопросу о туркменских землях³⁴⁸. Несмотря на религиозную вражду между указанными суннитскими государствами и шиитской Каджарской монархией, усиление здесь присутствия англичан сформировало бы враждебный для России пояс стран на её южных границах и угрожало бы стабильности среднеазиатских владений империи.

В научной литературе существует мнение, что Насреддин-шах «пожелал вступить в войну на стороне России, однако Александр II выразил желание, чтобы Иран оставался нейтральным, что было в той ситуации для России выгодным, так как ей не пришлось бы тогда держать на границе с Ираном значительную часть войск»³⁴⁹. К сожалению, оно не подкреплено ссылками на источники. Советский историк Н.А. Халфин утверждал (также без указания источника), что «на протяжении всей войны 1877–1878 гг. шахские власти добивались заключения военного союза с Россией, однако встречали мягкий, завуалированный, но всё же

³⁴⁷ РГВИА. Ф. 446. Д. 41. Л. 20.

³⁴⁸ Ахмеджанов Г.А. Гератский вопрос в XIX в. Ташкент: Фан, 1971. С. 60–62; Гончаренко А.В. Загострення британо-російських протиріч у Східному питанні в період російсько-турецької війни 1877–1878 рр. // Сумська старовина. 2009. № 28/29. С. 95–105; Присоединение Туркмении к России (Сборник архивных документов). Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960. С. 153–351; Халфин Н.А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX века) // Труды Среднеазиатского государственного университета им. В.И. Ленина, новая серия. 1957. Вып. 110: Исторические науки. Кн. 24. С. 5–125; Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 197–216; Васильев А.Д. Знамя и меч от падишаха. Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI – начало XX вв.). М.: Ин-т востоковедения АРАН, ПРОБЕЛ-2000, 2014. С. 167.

³⁴⁹ Сухоруков С.А. Иран: между Британией и Россией. От политики до экономики. СПб.: Алетей, 2009. С. 131.

решительный отказ»³⁵⁰. Тем не менее, эти утверждения нуждаются в детализации. В частности, не совсем ясно, от кого именно исходила идея участия Ирана в войне с Турцией на стороне России. Выдержки из донесений российского посланника в Тегеране И.А. Зиновьева, которые приводил в своей работе Ш.В. Мегрелидзе, свидетельствуют о том, что в начале войны Насреддин-шах фактически занял позицию, подобную предложенной его первым министром в период Крымской войны. Майское сообщение И.А. Зиновьева доказывает, что персидский правитель отнюдь не был настроен очертя голову втягиваться в развернувшиеся события. «Шах по-прежнему полагает, – писал посланник, – что ещё не настало время для вмешательства Персии в войну, держась мнения, что одно лишь заключение с Россией наступательного и оборонительного союза, обеспечивающего Персию от территориального ущерба, в состоянии вывести Е.В. из выжидательного положения»³⁵¹. Идею привлечения Тегерана к войне на стороне России, судя по всему, И.А. Зиновьев первоначально поддерживал и даже склонял к этому правителя Персии³⁵². Видимо, и на Кавказе, и в Петербурге нашлись её сторонники. Н.К. Тер-Оганов также указывает, что посылка военной миссии была инициирована кавказской администрацией с целью уговорит иранского правителя присоединиться к России в войне с Турцией или сохранить благожелательный нейтралитет³⁵³. Однако Насреддин-шах настаивал на заключении письменного договора, в то время, как русские представители обещали, что «его “рвение” и дружественная позиция “найдут вознаграждение” во время переговоров о мире»³⁵⁴.

Сложно с уверенностью утверждать, каким именно способом стороны пришли к соглашению. Непосредственный ход дипломатических переговоров и манипуляций требует отдельного детального рассмотрения с привлечением документов российских и иранских архивов (если таковые имеются), что мы, к сожалению, сделать не в состоянии. Однако можно смело утверждать, что Ирану было выгоднее сотрудничество с Россией, чем противостояние. Не вызывает

³⁵⁰ Халфин Н.А. Борьба за Курдистан: Курдский вопрос в международных отношениях XIX века. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. С. 104.

³⁵¹ Мегрелидзе Ш.В. Закавказье в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Тбилиси: Мецниереба, 1972. С. 76.

³⁵² Там же. С. 75.

³⁵³ Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 110.

³⁵⁴ Халфин Н.А. Борьба за Курдистан: Курдский вопрос в международных отношениях XIX века. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. С. 104.

сомнения, что сам Насреддин-шах «предлагал свои услуги царю, надеясь на справедливый раздел турецких владений после разгрома Турции, в котором он не сомневался»³⁵⁵. Для тегеранского правительства актуальным оставался вопрос о границе с Османской империей и о принадлежности курдских племён на ней. Пользуясь успехами русских войск, шах желал решить эту проблему в свою пользу. Например, в июне 1877 г. Тегераном был выражен протест Лондону и Стамбулу с угрозой в случае активных действий курдов на османо-персидской границе объявить Турции войну³⁵⁶. Насколько заинтересованы были в Тегеране «урвать кусок» от турецких владений, свидетельствует временное затухание интереса шахского двора к проблеме принадлежности туркменских земель. В частности, министр иностранных дел Ирана отказался выразить протест против наступления русских войск по долине р. Атрек в середине 1877 г., на котором настаивал британский представитель в иранской столице Рональд Ф. Томсон. Шах также не захотел вступать в полемику с русскими из-за спорных районов³⁵⁷.

В свою очередь, российские власти также нуждались в благожелательном отношении Ирана. В связи с активной антироссийской политикой Великобритании в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг., особенно в первой половине 1878 г. было скорректировано и мнение российского правительства относительно действий на Среднем Востоке. Внешняя политика британских кабинетов отличалась прагматизмом и основывалась на беспринципности. Широко известна речь лорда Пальмерстона в Палате общин, сказанная им в 1848 г. «У нас нет ни вечных союзников, ни постоянных врагов, но постоянны и вечны наши интересы, и защищать их – наш долг», заявил он³⁵⁸. В этой фразе было выражено кредо британского внешнеполитического мышления и действия в течение всего XIX в. Этот прагматизм был характерен для буржуазного мышления, отрицающего любые идеалы ради выгоды. Заявляя о своей стране, как о христианской и носителе цивилизации, английские политики, военные, да и простые подданные действовали

³⁵⁵ Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 200.

³⁵⁶ Халфин Н.А. Борьба за Курдистан: Курдский вопрос в международных отношениях XIX века. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. С. 104.

³⁵⁷ Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 200.

³⁵⁸ Виноградов В.Н. Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 182–209.

вне Европы (хотя отчасти и в Европе) отнюдь не по-христиански, а их цивилизационные методы включали в себя уничтожение целых народов, захват громадных территорий, уничтожение самобытных культур и лицемерие. Примером тому могло служить заявление королевы Виктории по поводу болгарской резни, устроенной турками в 1875 г.³⁵⁹. «Никто в Англии не согласится, чтобы наши честь и интересы были пожертвованы ради болгарских жестокостей», – заявила она³⁶⁰. К тому же во второй половине века, особенно в 1870-х гг., «британская дипломатия попыталась на почве взаимной антироссийской неприязни и боязни «оживить» естественное соперничество сопредельных с Россией государств: Османской империи, Ирана и азиатских ханств. С 50-х гг. XIX в. британские власти стали «прилагать усилия для сближения позиций восточных государств и укрепления политических связей правительства Османской империи с иранскими и азиатскими структурами»³⁶¹.

На особом совещании в присутствии императора 8 апреля 1878 г. было отмечено, что «оставаться нам совершенно пассивными на среднеазиатских границах решительно неудобно, а, напротив, для предупреждения возможных замыслов английского правительства относительно нас в Средней Азии (Центральной Азии – О.Г.) и для угрозы собственным его интересам в Ост-Индии следует нам принять ныне же надлежащие меры как со стороны Туркестана, так и со стороны Каспийского моря»³⁶². Вопрос относительно Ирана рассматривался здесь активно. Именно здесь было выдвинуто тайным советником бароном Николаем Егоровичем Торнау предложение, которое на тот момент было признано неудобноисполнимым, но уже с 1880-х гг. в целом становится доминирующим во взгляде на Иран. Он предложил обменять Астрабадский округ у Ирана на округа Кербела и Неджеф, «которые полагалось бы приобрести от Турции за подлежащую

³⁵⁹ Численность погибших болгар определяется историками и современниками от 25 до 40 000 [Чорній В.П. Болгарія напередодні російсько-турецької війни 1877–1878 рр. // Харків; Софія : Акад. вид-во ім. М. Дринова, 2007. Т. 3. 2009. С. 14].

³⁶⁰ Канева К. Рыцарь Балкан. Граф Н.П. Игнатьев. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. С. 3.

³⁶¹ Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 37. Детальнее см.: Там же. С. 37–75. Особое внимание, в отличие от российских коллег, британские представители уделяли налаживанию контактов с иранским духовенством, которое представляло в стране «теневую» власть. «Foreign office» намеренно шел на расширение таких связей в надежде использовать духовных лидеров в борьбе с русским влиянием в стране.

³⁶² 8 апреля 1878 г. – Докладная записка военного министра России генерал-адъютанта Д.А. Милютину императору Александру II относительно действий России в Средней Азии // Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов и материалов. М.: Восточная литература, 1997. С. 205.

часть контрибуции», а также получить от Персии разрешение на право прохода российских войск через Хорасан по направлению к Герату³⁶³. Предложение было отвергнуто, поскольку требовало больших политических и экономических затрат. В случае военного движения русских войск со стороны Каспийского моря было решено избрать путь помимо иранских пределов³⁶⁴. Тем не менее, уже с конца 1870-х гг. начинается продвижение России в сторону туркменских земель, из которых можно было бы создать более удобный плацдарм для наступления на Афганистан и дальше – в Индию³⁶⁵. В Тегеране эти территории считали сферой своего влияния и претендовали на их полное подчинение. На этой почве возникали трения между российской и иранской сторонами, которые англичане подогревали и стремились обратить в свою пользу³⁶⁶. На протяжении 1876–1878 гг. российским представителям приходилось также бороться с британскими происками на пограничных землях Среднего Востока. Посланник в Тегеране, с одной стороны, и офицеры из Британской Индии – с другой, стремились поднять туркменские племена против империи Романовых и столкнуть её с Каджарской державой. И.А. Зиновьев прилагал усилия, чтобы противостоять этому, добиться ограничения британского влияния на шаха и укрепления российских позиций. Не зря бытовало утверждение, что «время представительства г. Зиновьева ... считается эпохой решительного преобладания России»³⁶⁷. Достаточно сказать, что русский посланник, например, «в курсе переговоров между Персией и туркменами, о них ему регулярно докладывал министр иностранных дел Персии мирза Хосайн-хан»³⁶⁸.

³⁶³ Там же.

³⁶⁴ Там же. С. 206.

³⁶⁵ Решение о продвижении в Туркмению «в видах ближайшего ознакомления с этой неисследованной ещё местностью у упрочения там нашего влияния» [8 апреля 1878 г. – Докладная записка военного министра России генерал-адъютанта Д.А. Милютину императору Александру II относительно действий России в Средней Азии // Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов и материалов. М.: Восточная литература, 1997. С. 207]. В рассматриваемое время Афганистан ещё рассматривался как возможный союзник. Отношения между Россией и Афганистаном были испорчены после 1878 г.

³⁶⁶ Присоединение Туркмении к России (Сборник архивных документов). Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960. С. 153–351; Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 197–216.

³⁶⁷ Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. С. 411.

³⁶⁸ Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 211. «Мирза – по-персидски вообще значит грамотный, ученый, если это слово стоит перед именем; если же после имени, то означает высокое, благородное происхождение» [Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Вольнского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование // СМА. 1896. Вып. 63. С. 7)].

В свете изложенного, представляется очевидным, что военная миссия была результатом политики по обеспечению пророссийской позиции шаха в разразившемся «Восточном кризисе». Она должна была на профессиональном военном уровне дать русским дипломатам ответ, стоит ли привлекать Тегеран в качестве союзника в войне. Русское правительство не могло послать военных агентов с полномочиями, которые имел В.А. Франкини, по своему усмотрению, без согласования с персидской стороной. Учитывая особые задачи, поставленные перед генерал-майором, можно предположить, что его миссия была ответом царского правительства на предложение шаха. Однако был ли это шаг к союзу или дипломатический ход, чтобы его избежать, не оттолкнув Насреддин-шаха, с уверенностью сказать пока сложно.

Изучение на месте персидской армии, очевидно, окончательно сняло с повестки дня идею привлечения Персии в качестве полноценного союзника³⁶⁹ (если таковая была). Ещё в первой половине 1870-х гг. наместник на Кавказе великий князь Михаил Николаевич утверждал, что как военный союзник Иран слаб³⁷⁰. Но сведения о персидских вооружённых силах были неполными, основанными главным образом на сообщениях иностранных авторов, российских наблюдателей первой половины века и донесениях дипломатов из Тегерана. К тому же с конца 1860-х они не обновлялись. Об этом свидетельствует и сама инструкция В.А. Франкини и (косвенно) публикации в начавшем издаваться с 1883 г. «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии». В первых его номерах значительное место было уделено характеристике и анализу состояния каджарской армии³⁷¹. Исходя из данных В.А. Франкини, шахское государство могло стать опасной обузой в случае вступления его в войну с Османской империей. Поэтому лучшим выходом могла быть нейтрализация Тегерана, как в период Крымской

³⁶⁹ Косвенно существование идеи использования иранской армии для борьбы с Турцией подтверждают документы о назначении военного агента, в частности «Инструкция». К тому же, если капитан ГШ В.И. Гибер фон Грейфенфельс должен был постоянно оставаться в Тегеране, то В.А. Франкини «должен был ожидать приказаний и инструкций» [РГВИА. Ф. 446. Д. 41. Л. 6]. Видимо, предполагалось, что он будет координировать действия иранских войск, если те вступят в дело. Кроме того, в рапорте главнокомандующему Кавказской армией от 29 августа 1877 г. В.А. Франкини, уже досконально изучив состояние персидских вооружённых сил, высказывал желание «довольствоваться нам нейтралитетом Персии» [РГВИА. Ф. 446. Д. 41. Л. 17].

³⁷⁰ Абдуллаев Ю.Н. Астрабад и русско-иранские отношения (вторая половина XIX – начало XX в.). Ташкент: Фан, 1975. С. 49.

³⁷¹ СМА. 1883. Вып. 4–5; 1884. Вып. 11.

войны 1853–1856 гг.³⁷² Сам генерал в августовском донесении указывал, что России выгоднее довольствоваться нейтралитетом Ирана³⁷³. Возможно именно этим объясняется поведение В.А. Франкини, за которое его так хвалил впоследствии великий князь. Фактически, эта миссия сняла с повестки вопрос о необходимости нападения Ирана на Османскую империю, который Насреддин-шах без сомнения лелеял, как и 24 года назад. На Особом совещании 8 апреля 1878 г. возобладало мнение товарища министра иностранных дел тайного советника Николая Карловича Гирса (к слову, в 1860-х гг. бывшего посланником в Иране). Иран полагалось «оставить совершенно в стороне от наших планов в Азии, не прибегая к её содействию и заботясь лишь о продолжении дружественного отношения персидского парвительства к России»³⁷⁴.

В августе 1877 г. В.А. Франкини убедил шаха, своё начальство и посланника в неспособности иранских вооружённых сил противостать османским войскам. Следствием этого стал благожелательный нейтралитет Тегерана без подписания каких-либо обязующих документов, которого добился от шаха И.А. Зиновьев³⁷⁵. Персия была нейтрализована дипломатическими средствами и не стала при этом обузой. Косвенным результатом деятельности военной миссии стало также то, что «желая в угоду России придать» нейтралитету «вооружённый характер, шах приказал собрать летом два отряда» на османо-иранской границе³⁷⁶. Отряды были размещены в районах расселения курдских племён. Один из них был сосредоточен в районе Керманшаха (8 фоджей пехоты³⁷⁷, 600 человек иррегулярной кавалерии, 26 орудий), другой – у Хоя (4 фоджа пехоты, 1 500 иррегулярных всадников, 22

³⁷² Венюков М.И. Россия и Англия в Персии // Русский вестник. 1877. Т. 131. № 10. С. 459; Гоков О.А. Русская военная миссия 1853–1854 гг. в Персию в контексте «Восточного вопроса» // Русский сборник. 2012. Т. 13. С. 74–96.

³⁷³ РГВИА. Ф. 446. Д. 41. Л. 17.

³⁷⁴ 8 апреля 1878 г. – Докладная записка военного министра России генерал-адъютанта Д.А. Милютина императору Александру II относительно действий России в Средней Азии // Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов и материалов. М.: Восточная литература, 1997. С. 206.

³⁷⁵ Астрахань–Гилян в истории русско-иранских отношений. Астрахань: ИД Астраханский университет, 2004. С. 38.

³⁷⁶ Риттих П.А. Политико-статистический очерк Персии. СПб.: Типография Н. Финдейзена, 1896. С. 226; Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 25.

³⁷⁷ Точную численность пехоты в обоих случаях назвать сложно. Формально фоджи были 8-ротные и 10-ротные при штатном составе роты в 100 человек. Фактически же количество человек в каждом из них могло колебаться от 300 до 1 200. «Раньше фодж означал полк, – писал российский офицер, – но в настоящее время этим словом именуется отдельный батальон, штатный состав которого колеблется от 800 до 1 200 человек [Риттих П.А. Отчёт о поездке в Персию и Персидский Белуджистан в 1900 году поручика Л.-гв. егерского полка П.А. Риттиха: Ч. 1–2. СПб.: Воен. учен. ком. Гл. штаба. Ч. 1. С. 83].

орудия)³⁷⁸. О степени готовности этих отрядов (не считая иррегулярной конницы), свидетельствовал сам В.А. Франкини. «Пехота, – писал он, была вооружена старыми нарезными ударными и гладкоствольными ружьями. Через два месяца после того, как Хойский отряд собрался, приказано было раздать ему хранящиеся в тебризском арсенале ружья Снайдера. Ружья эти были в самом деле доставлены, но в ожидании прибытия инструктора из Тегерана ящики оставались нераскупоренными, а инструктор до роспуска отряда ... так и не прибыл»³⁷⁹. Кроме того, «из 48 орудий ни одним нельзя было действовать», поскольку по ошибке из Тегерана для орудий были доставлены 6-тифунтовые, а не 4 ¼-фунтовые заряды³⁸⁰.

Указанные войска были распущены осенью 1877 г.³⁸¹. Не смотря на то, что активности они не проявляли, можно согласиться с мнением Ш.В. Мегрелидзе, что «в течение всей войны левый фланг русских войск находился в безопасности»³⁸². Обращает на себя внимание тот факт, что отряды были выдвинуты в то время, когда русская армия терпела частичные неудачи на Кавказском³⁸³ и значительные³⁸⁴ – на Балканском театрах военных действий. Отозваны же они были, когда инициатива в войне прочно перешла к русским³⁸⁵.

Взамен российское правительство пообещало учесть интересы шаха в будущих переговорах о мире³⁸⁶. Обещание это было выполнено. В Сан-Стефанском прелиминарном мирном договоре от 19 февраля 1878 г. вопросу Персии была

³⁷⁸ Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1894. С. 804; Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 26.

³⁷⁹ Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 26.

³⁸⁰ Артамонов Л.К. Персия как наш противник в Закавказьи. Тифлис: Тип. Штаба Кав ВО, 1889. С. 37; Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 26.

³⁸¹ Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 26.

³⁸² Мегрелидзе Ш.В. Закавказье в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Тбилиси: Мецниереба, 1972. С. 76.

³⁸³ 3 июля русские главные силы отступили к Кюрюк-дара и Паргету, выставив авангард у Башкадыклара. Вслед за этим на театра войны наступило продолжительное бездействие, вызванное тем, что обе стороны выжидали прибытия подкреплений.

³⁸⁴ Третий штурм Плевны 26–31 августа [Военная энциклопедия. Пг.: Т-во И.Д. Сытина, 1915. Т. 18. С. 461–466].

³⁸⁵ Взятие Горного Дубняка, Телиша, Горного Дубняка в октябре, отражение попыток снятия осады с Плевны и окончательная капитуляция её гарнизона в ноябре 1877 г. на Балканском театре; победа над османской армией в Авлияр-Аладжинском сражении 20 сентября – 3 октября, осада и взятие Карса 13 октября – 6 ноября 1877 г.

³⁸⁶ Скорее всего именно для исследования ситуации на ирано-турецком пограничье, а затем для участия в разграничении в сентябре 1877 г. – ноябре 1878 г. был командирован в Иран бывший военный агент (т.е. официальный военный представитель) России при султанском дворе генерал-майор ГШ Александр Семёнович Зеленой. Формально он был послан для военно-географического изучения Персии в связи с персидско-турецким размежеванием [Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г. Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 91]. Весной 1879 г. А.С. Зеленой сменил заболевшего главу русской части комиссии по разграничению в Азии Иеронима Ивановича Стебницкого [РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. Св. 484. Д. 55. Л. 104].

посвящена статья XVIII. Правда, интересы Ирана в ней защищались в довольно обтекаемой форме. «Блистательная Порта, – писали составители документа, – обратит особенное внимание на мнение, выраженное комиссарами посредствующих держав по вопросу о праве владения городом Котуром³⁸⁷, и обязуется привести в исполнение работы по окончательному проведению турецко-персидской границы»³⁸⁸. При пересмотре договора между Англией и Россией была достигнута новая договорённость, зафиксированная в тексте Берлинского трактата от 1 июля 1878 г. За возвращение туркам Баязета и Алашкертской долины Стамбул в качестве компенсации обязался уступить Тегерану Котур. Статья LX гласила: «Долина Алашкерта и город Баязет, уступленные России статьёй XIX Сан-Стефанского договора, возвращаются Турции. Блистательная Порта уступает Персии город и территорию Котур соответственно тому, как она была определена смешанной англо-русской комиссией по турецко-персидскому разграничению³⁸⁹»³⁹⁰. Таким образом, в результате войны 1877–1878 гг. формально Персия осталась в выигрыше, приобретя новые территории. Однако, как показали последующие события, противоречия с Османской империей на этом урегулированы не были³⁹¹.

Миссия 1877 г. имела ещё одно немаловажное следствие. В начале весны 1878 г. в связи с обострением русско-английских отношений, связанным с результатами русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в российских высших кругах реально рассматривался вариант похода на Индию в случае войны с Великобританией. Из Петербурга было запрошено мнение кавказского начальства по поводу возможной войны. Великий князь Михаил Николаевич в данном вопросе обратился за

³⁸⁷ Область с центром в Котуре являлась центром пограничных противоречий между Османской империей и Персией на протяжении почти всего XIX в.

³⁸⁸ Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор. Сан-Стефано, 19 февраля/3 марта 1878 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/stefano.htm>.

³⁸⁹ Детальнее о работе комиссии см.: Асланов Р.Б. Ирано-турецкие отношения в 20–60-х годах XIX в. Дисс. ... канд. ист. наук. Баку, 1983. С. 71–110; Гамазов М.А. Плавание по Тигру и Шатт-эль-Арабу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/persien.html>; Минорский В.Ф. Турецко-персидское разграничение. Петроград: Тип. М.М. Стасюлевича, 1916. 42 с.; Чириков Е.И. Путевой журнал Е.И.Чирикова, русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению 1849–1852 // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. 1875. Т. 9. 101+803 с.; Хуршид-эфенди М. Сяхэт-Намэ-И-Худуд. Описание путешествия по Турецко-Персидской границе. Составил Хуршид-Эфенди, бывший секретарь турецкого комиссара по разграничению между Турцией и Персией. С приложением отчета Персидского комиссара о том же путешествии. Пер. М.А. Гамазова. СПб. Тип. О.И. Бакста, 1877. 9+8,+575 с.

³⁹⁰ Берлинский трактат Берлин, 1/13 июля 1878 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/berlin.htm>.

³⁹¹ Детальнее о судьбе Котура и ирано-османских отношениях см. Халфин Н.А. Борьба за Курдистан: Курдский вопрос в международных отношениях XIX века. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. С. 107 и след.

рекомендациями к В.А. Франкини. Тот высказал их сначала в личной беседе, а затем письменно изложил свои взгляды в докладной записке на имя помощника главнокомандующего Кавказской армией князю Д.И. Святополк-Мирскому от 26 марта 1878 г.³⁹². В частности, внимание в ней было уделено и Ирану. Отмечая, что «Англия уязвима для нас только на индийской своей границе, но как и где именно мы ещё не уяснили себе». «Вопрос этот, – писал В.А. Франкини, – распадается на две части: на политическую и военную. И та, и другая требуют подготовки. Политическая сторона вопроса представляется в следующем виде: в какой мере желательно и возможно содействие Персии в случае объявления войны Россиию Англии и движения наших войск к Индии». Генерал указывал, что состояние персидской армии не позволяет использовать её в качестве военного союзника. «Увлекая Персию в войну против Англии, принимая её за базис наших операций, мы расширяем театр войны, даем Англии возможности произвести диверсию через Персидский залив высадкою в Бендер-Бушире и Мохаммера и зайти нам в тыл. Небольшой отряд английских войск, которые в крайности могут быть взяты из Англии при известном числе индийских туземных пеших и конных частей, может легко пробраться через Шираз в Исфахан и далее и принудить шаха отпасть от нашего союза. Для предотвращения такой опасности мы должны будем занять южные области Персии и прикрыть пути к Тегерану, что влечёт за собою усиление действующих войск со всеми последствиями, сопряжёнными с подобною мерою. Но это не всё ... Военные действия против англичан в Афганистане не мыслимы без тесного союза с Шир-Али Ханом (эмир Афганистана в 1868–1879 гг. – О.Г.) и без сочувственного приёма со стороны местного населения. Из этого следует, что в случае разрыва с Англиею и политические, и военные соображения приводят к предположению, что благосклонный нейтралитет Персии, какой она соблюла в отношении к нам в только что окончившейся войне, выгоднее для нас, нежели наступательный и оборонительный союз с этою державою»³⁹³. В то же время В.А. Франкини отметил, что наиболее удобный путь для движения российских войск на Афганистан (по его мнению, главной целью войны должно было быть не

³⁹² 26 марта 1878 г. Докладная записка начальника кавказского горского управления генерала В.А. Франкини помощнику главнокомандующего Кавказской армией князю Д.И. Святополк-Мирскому о возможности войны против Англии в Афганистане // «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. С. 47–52.

³⁹³ Там же. С. 47–48.

вторжение за Инд, а разгром английских войск в Афганистане) идёт через туркменские земли и северо-восток Персии. Однако тут вставали проблемы, которые мешали этому: туркменские племена были независимы и враждебны как России, так и Ирану, а нейтралитет Персии нарушать было нельзя, поскольку это привело бы к вторжению англо-индийских войск в Иран³⁹⁴. Таким образом, им подспудно ставились задачи, которые необходимо было решить для создания реальной угрозы британской Индии (помимо европейских): благожелательное отношение Ирана к возможному продвижению российских войск по его территории, закреплённое союзническим договором, и покорения туркменских земель. Мнение это было поддержано Д.И. Святополк-Мирским. В своей записке на имя великого князя от 28 марта 1878 г. он указывал, что «в замысле движения наших войск к английским владениям в Индии соперничество, существующее между Персиею и Афганистаном, представляет бессомненные затруднения. Для устранения этого затруднения должны и, кажется, могут быть изысканы способы, но если бы пришлось выбирать между союзом с Персиею и союзом с Афганистаном, то преимущество должно бы быть дано Персии, потому что провести несколько значительную часть войска к границам Индии мы можем только через пределы Персии. Эта причина достаточна, но, кроме того, трудно допустить, чтобы при таком событии как движение наших войск к Индии, Персия могла оставаться нейтральною и, конечно, лучше иметь эту державу за нас, чем против нас. Для движения к Индии нам не нужна персидская армия, но нам необходимы персидская территория, персидские перевозочные средства и безопасность сообщения на значительном протяжении пути нашего движения. Не могу тоже признать, чтобы возможность диверсии со стороны Персидского залива была выгодна для англичан, так как нам легче защищать Персию, и в особенности Тегеран, направлением войск

³⁹⁴ Там же. С. 50–51. Чуть позже начальник Главного штаба в своей записке отмечал, что «В случае же преждевременного союза с Персией или рекогносцировочного движения наших войск с согласия Персии по Хорасану мы должны ожидать со стороны Англии такой же меры, которую она всегда принимала в подобных обстоятельствах – она двинет свой флот в Персидский залив и сделает десант на персидскую территорию, вследствие чего, конечно произойдет война между нею и Персиею, и нам же тогда придётся спасать эти последние государства от ударов Англии» [29 марта 1878 г. – Записка начальника Главного штаба графа Ф.Л. Гейдена по поводу записки барона Н.Е. Торнау о возможности похода на Индию через Персию // «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. С. 60].

со стороны Кавказа и Каспийского моря, чем англичанам проникнуть туда со стороны Персидского залива»³⁹⁵.

Без сомнения результаты русско-турецкой войны негативно сказались на международном престиже России и обострили отношения с Великобританией. Одновременно они всколыхнули рост патриотизма, как в официальных, так и в широких общественных кругах. Российские дипломаты и военные, видевшие главным виновником провала Великобританию, открыто призывали нанести ответный удар по сферам её интересов, прежде всего на Среднем Востоке и в пограничных с Афганистаном азиатских районах³⁹⁶. «Индийский поход» так и не состоялся. Среди правящих кругов Российской империи возобладал трезвый расчёт, а также изменилась внешнеполитическая обстановка: для решения вопроса о будущем Балкан был созван Берлинский конгресс великих европейских держав. Тем не менее, кризис в русско-английских отношениях 1878 г. и подготовка демонстрации против Индии продемонстрировали открытость России для угроз со стороны Великобритании и, одновременно были сформулированы проблемные моменты, которые необходимо было ликвидировать для того, чтобы реально угрожать британским владениям в Индии. Как было показано, определённый вклад в разработку дальнейшей политики России относительно Ирана в этом контексте внёс и В.А. Франкини. В частности, был намечен наиболее удобный маршрут для движения войск – через Хорасан. Расстояние от конечного пункта парового пути от Оренбурга через Ташкент до Пешавара составляло около 3 500 вёрст, в то время, как от Каспийского моря до Герата – менее 1 000³⁹⁷. На это указывал в своих записках сенатор и член Государственного совета тайный советник барон Николай Егорович Торнау³⁹⁸, а оренбургский генерал-губернатор генерал-фельдмаршал артиллерии Николай Андреевич Крыжановский писал, что «Единственный путь для движения больших

³⁹⁵ 28 марта 1878 г. – Записка помощника главнокомандующего Кавказской армией князя Д. И. Святополк-Мирского Великому Князю Михаилу Николаевичу, Кавказскому наместнику и главнокомандующему Кавказской армией, о возможном столкновении с Англией, о взаимоотношениях с мусульманами в Азии // «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. С. 52–53.

³⁹⁶ Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIXв. М.: Прометей, 2015. С. 52.

³⁹⁷ 3 апреля 1878 г. – Записка генерал-майора А.К. Гейнса о политическом положении и англичанах в Индии, о численности и состоянии её войск и населения // «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. С. 87–88.

³⁹⁸ Не ранее 19 февраля, не позднее 29 марта 1878 г. – Записка барона Н.Е. Торнау о положении англичан в Индии и об условиях похода на Индию через территорию Персии // «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. С. 63.

сил, например 150 т. войска, возможен только с одной стороны – от Каспийского моря на Герат и Кабул»³⁹⁹. В своём замечании по поводу записки о походе в Индию барона Н.Е. Торнау, начальник Главного штаба граф Ф.Л. Гейден отмечал: «Хорасанский путь вполне оправдывает наименование великой военной дороги в Индию; по ней уже неоднократно совершались движения целых армий ... Что же касается соглашения с Персиею относительно прохода наших войск чрез Хорасан к Герату или заключения этим государством союза на случай войны с Англией, то необходимость этих мер представится лишь тогда, когда мы будем иметь в виду самые решительные действия против Англии в отношении её ост-индских владений»⁴⁰⁰.

Бы поднят и вопрос о туркменах, разбойничьи набеги которых беспокоили русское пограничье, а в случае движения русских войск представляли угрозу для тыла да и для самих русских отрядов. Туркмен не зря именовали «хищниками»⁴⁰¹. Хотя основным занятием их было кочевое скотоводство⁴⁰², отряды туркменских джигитов наводили своими аламанам, или набегами за головами страх и на персидские провинции, на соседние среднеазиатские территории, и на пограничные районы России. Главным делом этих «дружинников», которых возглавляли выборные сардары, был захват скота и пленных для продажи в рабство. «Удачный набег даёт туркмену добычу, пленных, возможность некоторое время ничего не делать и, что не мене важно, славу и почёт сородичей», отмечал изучавший во второй половине 1870-х гг. туркмен подполковник, а затем полковник ГШ Алексей Николаевич Куропаткин, служивший до русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Туркестанском военном округе офицером для поручений, а затем с сентября 1878

³⁹⁹ 2 апреля 1878 г. – Записка оренбургского генерал-губернатора генерал-адъютанта Н.А. Крыжановского военному министру генерал-адъютанту Д. А. Милютину о возможных действиях в Средней Азии // «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. С. 65.

⁴⁰⁰ 29 марта 1878 г. – Записка начальника Главного штаба графа Ф.Л. Гейдена по поводу записки барона Н.Е. Торнау о возможности похода на Индию через Персию // «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. С. 60.

⁴⁰¹ Удачно их определил российский корреспондент и писатель Василий Иванович Немирович-Данченко, назвав «богатырями-разбойниками» [Немирович-Данченко В.И. Скобелев. М.: Воениздат, 1993. С. 15].

⁴⁰² По образу жизни туркмены разделялись на кочевых – чорва и полуоседлых – чомур. Однако переходы из чомур в чорву и обратно были весьма частыми. В отличие от чорвы, чомуры жили в селениях, но не в домах, а в войлочных кибитках, которые они переносили с места на место. Обитатели каждого селения имели родственных им кочевников – чорва, кочевавших круглый год со своими стадами [Куропаткин А.Н. Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.): с очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. СПб.: Изд. В. Березовского, 1899. С. 93. Детальнее о быте туркменских племён см.: История Туркменской ССР. Ашхабад: Изд-во АН ТуркмССР, 1957. Т. 1. Кн. 2. С начала XIX в. до Великой октябрьской социалистической революции. С. 7–46].

г. заведовавший Азиатской частью Главного штаба⁴⁰³. Так, за период с 1862 по 1869 г., пока мервские туркмены безнаказанно хозяйничали в регионе, они полностью «убили торговлю» между Мешхедом и Бухарой⁴⁰⁴. Хотя внутри между отдельными племенами и даже родами постоянно существовали противоречия, доходившие до открытой вражды, туркмены представляли собой опасную вооружённую силу. Ни иранские, ни среднеазиатские правители не могли подчинить их себе полностью. С появлением в Средней Азии России и с разработкой планов по созданию угрозы для индийских владений Англии туркмены стали для империи Романовых реальной проблемой. Помимо набегов и грабежей, подрывавших авторитет российских властей в регионе, они могли представлять опасность для коммуникаций войск в случае вооружённого столкновения с Великобританией на Среднем Востоке. Об этом свидетельствовало то, что в 1870-х – 1880-х гг. англичане неоднократно засылали своих агентов и оружие в туркменские земли с целью настроить их население антироссийски⁴⁰⁵, а в приказах российским военным из Петербурга и Тифлиса постоянно подчёркивалась необходимость привлечь туркмен на русскую сторону. Посланник в Тегеране И.А. Зиновьев на волне патриотической англофобии, охватившей Россию в 1878 г., предлагал немедленный захват туркменских оазисов. Владение ими, не только обеспечивало безопасность русских торговых караванов в степи, но и связывало в единую стратегическую систему русские приграничные поселения на всём протяжении от Баку до Красноводска⁴⁰⁶. Эта идея была поддержана кавказским наместником. Идею эту поддерживали военные в силу стратегических причин. Так, на необходимость занятия туркменских земель, особенно Мерва, для обеспечения безопасности русских границ и азиатских окраин указывал в своей записке от 3 апреля 1878 г. бывший начальник Тургайской области генерал-лейтенант ГШ Александр Константинович

⁴⁰³ Куропаткин А.Н. Туркмения и туркмены. СПб.: Тип. В. А. Полетики, 1879. С. 32. Детальнее об аламани см.: Андреев А.П. Туркменский аламан (Эскиз) // Исторический вестник. 1902. № 7. С. 109–141.

⁴⁰⁴ Никонов О.А. Развитие межгосударственных отношений в Азиатско-Каспийском субрегионе в XVIII–IX вв.: Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2011. С. 520.

⁴⁰⁵ Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 51–52, 54–55.

⁴⁰⁶ Никонов О.А. Развитие межгосударственных отношений в Азиатско-Каспийском субрегионе в XVIII–IX вв. Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2011. С. 524.

Гейнс (Гейнц)⁴⁰⁷. Таким образом, включение Туркмении в состав России делалось неизбежным. Как отмечал в своих соображениях «по выполнению высочайшего повеления о движении в текинский оазис с целью прочного там водворения нашей власти» в январе 1879 г. начальник кавказского штаба генерал-майор ГШ Павел Платонович Павлов, «овладение текинским оазисом и прочное там водворение, есть первый и, можно сказать, главнейший шаг наш к окончательному решению вопроса о Мерве, о замкнутости границы нашей пространством между фактическими владениями Персии, Афганистана и Бухары. Провести резкую грань между этим шагом и дальнейшим предприятием на Мерв, нам не удастся. Связь племенная, связь родственная, связь интересов, наконец, в последнее время даже связь единоначалия в лице Нурверды-хана, не позволят нам отделить дело ахал-текинцев от туркмен мервских. При первом же движении нашем к центру текинских поселений мервцы явятся на помощь соплеменникам, как делали это постоянно при наших движениях в степь, и более чем вероятно, что пройдя даже до крайних пределов Ахал-Теке, к Гяурсу, мы убедимся, что прочное владение текинским оазисом, нами пройденным, немыслимо без владения Мервом. Можно предполагать не без основания, что тогда именно и наступит период наибольшего сопротивления обоим племен нашему водворению в этой территории. Такой ход дела является не только возможным, но почти неизбежным. Он должен быть принят в расчёт при настоящих наших соображениях и в отношении того военного сопротивления, какое мы можем встретить, и в отношении продолжительности известного напряжения наших сил»⁴⁰⁸.

⁴⁰⁷ Записка генерал-майора А.К. Гейнса о политическом положении и англичанах в Индии, о численности и состоянии её войск и населения. 3 апреля 1878 г. // «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. С. 77.

⁴⁰⁸ Документ № 48. Соображения начальника штаба ген. Павлова по выполнению высочайшего повеления о движении в текинский оазис с целью прочного там водворения нашей власти. Январь 1879 г. // Россия и Туркмения в XIX веке: К вхождению Туркмении в состав России: Сборник документов. Ашхабад: Туркменгосиздат, 1946, переплёт 1947. С. 105. 5 октября 1880 г. Д.А. Милютин подал императору Александру II записку о задачах империи в Средней Азии в связи с англо-афганской войной, начавшейся в 1878 г., британскими происками при иранском дворе и в Туркмении. В ней военный министр подчёркивал необходимость завоевания туркмен. Он писал: «Судя по фактам, Англия еще очень далека от мирных заявлений, напротив, до сих пор она систематически преследует наступательную против нас политику, которая с каждым годом получает все обширнейшее развитие. Подчинив себе Азиатскую Турцию, разрушив Афганистан, завязав тесные связи с туркменами и усиливаясь склонить также на свою сторону и Персию, она осязательно начинает угрожать Каспийской области. Поэтому оставаться с этой стороны в бездействии признается невозможным, тем более что это бездействие пагубно отразилось бы на все соприкосновенные нам азиатские народы» [Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 57]. После этого весной 1880 г. начались целенаправленные действия царских войск в Туркмении, окончившиеся в 1885 г. покорением или присоединением туркменских племён к России.

В ходе кризиса 1878 г. были выделены и иные проблемы, мешавшие России полноценно отстаивать свои интересы в борьбе с Великобританией путём угрозы «жемчужине британской короны» на персидском театре. В качестве таковых можно выделить недостаточное влияние на шаха и вообще на иранский двор (отсюда впоследствии вытекало стремление поставить под свой контроль иранское правительство и наследника престола, ориентир на сохранение у власти пусть и непопулярных, но прорусских правящих лиц), почти слабый положительный образ России среди знати и простого иранского населения, неопределённость среднеазиатской границы с Ираном (что вызывало постоянные трения и давало в случае конфликта Англии повод для вмешательства), а также военная слабость Ирана. Последняя, правда, рассматривалась лишь в контексте поддержания авторитета центральной власти в стране. Создание сильных вооружённых сил в планы России не входило⁴⁰⁹.

События 1877–1878 гг. стимулировали дальнейшее развитие военной разведки⁴¹⁰ по Ирану. Планирование похода в Индию показало, что военно-статистических, а особенно военно-географических сведений у русских явно не хватало. Широкие стратегические планы тактически были подкреплены слабо. Так, общее направление движения русских войск на Герат было выбрано верно. Но военно-статистические и военно-географические материалы для его конкретного

⁴⁰⁹ Решение всех указанных проблем началось сразу после войны. И.А. Зиновьев активно укреплял российское влияние при персидском дворе; было начато постепенное покорение туркменских земель, в 1881 г. была подписана русско-иранская конвенция, фактически делавшая Персию союзницей России в возможной войне, поскольку её секретные статьи открывали Хорасан для русских войск в случае необходимости; начинается активное освоение Хорасана русской разведкой и торговлей, в частности здесь были открыты генеральное консульство и телеграф; в 1880-х гг. была построена Закаспийская железная дорога, открывшая широкие возможности для перевозки товаров, военных грузов и войск; с 1880-х гг. началось также широкомасштабное и систематическое изучение Ирана (особенно северных и центральных провинций) военным ведомством.

⁴¹⁰ Под разведкой в широком смысле этого слова в рассматриваемое время подразумевали «сбор сведений о положении, средствах, силах и намерениях неприятеля и о местности», которые должны были собираться как в военное, так и в мирное время. Впрочем, судя по определению словаря, акцент в понимании термина всё же делался на старое его понимание (узкое) в смысле войсковой разведки офицерами или специальными отрядами во время войны [Энциклопедия военных и морских наук. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1883. Т. 6. С. 243–245]. Во 2-й половине XIX в. в науке преобладал позитивистский взгляд на мир, который предполагал, что истинно (объективно) только то знание, которое достигается посредством чувственного или личного опыта (наблюдение и эксперимент), а всё подлинное (позитивное) знание – совокупный результат специальных наук. В рамках этой методологии большое развитие получила статистика. В первой половине XIX в. возникло 3-е направление статистической науки. Оно получило название статистико-математического. Приверженцы этого направления дошли до теоретического обобщения практики учётно-статистических работ и создания теории статистики. Особый вклад в развитие этого направления внес известный бельгийский статистик Адольф Кетле (1796–1874). Он называл статистику «социальной физикой», т.е. наукой изучающей законы общественной системы с помощью количественных методов [Бутенко И.В., Бутенко Д.А. Основные направления развития статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: orelgiel.ru/docs/pdf/94_10_12_12.pdf]. Это предопределило широкое использование статистических методов наблюдения в военном деле. В результате основное наполнение военной разведки составили сведения военной статистики и военной географии, а также геодезии [Энциклопедия военных и морских наук. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1885. Т. 2. С. 196–199, 439–440].

осуществления были явно недостаточны. Среднеазиатская граница с Ираном была условной и малоисследованной. Так, в докладе царю о мерах давления на Англию в случае разрыва с ней от 8 апреля 1878 г., составленном по материалам Особого совещания, военный министр Д.А. Милютин указывал: «Для предупреждения недоразумения относительно движения наших войск в среде населения местностей, по которым войскам придется идти впервые (в Бухарском ханстве и Туркмении), обязать начальства Туркестанского и Кавказского военных округов принять все меры к установлению дружественных отношений между войсками и населением, побудив сие последнее оказывать даже возможное содействие походу наших войск»⁴¹¹. Это же подтвердила и работа комиссаров по русско-иранскому разграничению первой половины 1880-х гг., о которой будет сказано ниже. Сведения военного характера (особенно маршруты) о Хорасане были недостаточными, юг и центр Ирана изучены слабо. Мало было сведений военно-географических, но и военно-статистические материалы, обновлённые поездкой В.А. Франкини, нуждались в дальнейшей разработке⁴¹².

В рамках военных реформ, проводившихся Д.А. Милютиным⁴¹³, существенно менялась система сбора информации военного характера о соседних государствах⁴¹⁴. Сбор военно-разведывательных сведений по Ирану во второй половине XIX в.

⁴¹¹ 8 апреля 1878 г. Доклад военного министра царю о мерах давления на Англию в случае разрыва с ней и месте Туркмении в намечаемых антианглийских демонстрациях // Присоединение Туркмении к России: Сборник архивных документов. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР. С. 335–336.

⁴¹² Её во многом осуществил в начале 1880-х гг. состоявший при штабе Кавказского военного округа офицером для поручений капитан (а с 1883 г. – подполковник) ГШ Алексей Михайлович Колобакин [Колобакин. Введение к очерку вооруженных сил Персии в 1883 г. и населения, как источника комплектования Персидской армии // СМА. 1883. Вып. 4. С. 35–49. Колобакин. Очерк вооруженных сил Персии в 1883 г. и населения как источник комплектования Персидской армий // СМА. 1884. Вып. 11. С. 1–33. Колобакин. Очерк вооруженных сил Персии в 1883 г. и населения как источник комплектования Персидской армий. Состав населения Персии по племенам и провинциям // СМА. 1883. Вып. 4. С. 50–110].

⁴¹³ Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 гг. в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. 375 с.; Шалашная В.М. Д.А. Милютин и военные реформы в России в 60–70-е гг. XIX в. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://izvestia.asu.ru/2009/4-4/hist/TheNewsOfASU-2009-4-4-hist-53.pdf>; Rich D.A. The Tsar's colonels: professionalism, strategy, and subversion in late Imperial Russia. Harvard, 1998. 330 p.; Menning B.W. Bayonets before Bullets. The Imperial Russian army 1861–1914. Indiana University Press, 1992. 354 p.]

⁴¹⁴ Схиммельпенник Ван дер Ойе Д. Д.А. Милютин и военная разведка России // Пётр Андреевич Зайончковский: сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М.: РОССПЭН, 2008. С. 691–701; Schimmelpenninck van der Oye D. Reforming military intelligence // Reforming the Tsar's Army: Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution. Cambridge University Press, 2004. P. 133–150]. Примечательно, что, вопреки утверждению П. Хопкирка, что «сбор военных сведений вёлся (до начала 1880-х гг. – О.Г.) от случая к случаю и мало походил на хорошо организованную и эффективную российскую систему» [Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. С. 491], в начале 1860-х гг. в Дехрадуна британцами была создана «Большая

сосредоточивался в 3-х центрах. 1-й находился в Тифлисе. Это был Главный штаб Кавказской армии, а с августа 1865 г., после её преобразования в военный округ – штаб округа. 2 других располагались в Петербурге. Это было сначала Главное управление ГШ (с 27 сентября 1863 г. до 31 декабря 1865 г.), а затем Главный штаб. Как отмечалось в «Положении о Военном министерстве» от 1 января 1869 г., «он заведует геодезическими работами военного ведомства, составлением карт, планов и военно-статистических описаний местностей как внутри Империи, так и на границах её в отношении к видам военным. Он содержит все карты и планы, как России, так и иностранных государств, а также подробные сведения о средствах сил последних в военном отношении»⁴¹⁵. Непосредственно координация военной разведки была возложена на 3-е (Военно-учёное) и 2-е (Азиатское) отделения Главного управления ГШ, а после его ликвидации – на 7-е Военно-учёное отделение, преобразованное с января 1867 г. в Военно-учёный комитет (непосредственно разведкой занималась канцелярия комитета), и Азиатскую часть Главного штаба (такое наименование также получила с 1867 г.)⁴¹⁶. С утверждением в 1869 г. нового «Положения о Военном министерстве» за упомянутыми органами были окончательно закреплены их функции⁴¹⁷. До середины 1880-х гг. канцелярия Военно-учёного комитета формально координировала разведку в целом, и по

тригонометрическая служба», в которой стали готовить агентов для изучения обстановки к северу от Амударьи и в других регионах Среднего Востока [Халфин Н.А. Связи, контакты, сотрудничество // Азия и Африка сегодня. 1986. № 4. С. 61] (вернее, начало созданию Большой тригонометрической службы Индии было положено в 1797 г., начала действовать с 1802 г., сформирована как институт в 1818 г. С 1860-х гг. в её рамках британские офицеры стали готовить специальных лазутчиков из местного населения – пундитов (пандитов) – для изучения Среднего Востока и Центральной Азии [Chang Juinn Yih. Some remarks on the Pundit project British indian government [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nccur.lib.nccu.edu.tw/bitstream/140.119/9453/1/105%20unfiled.pdf>; Sarkar O. Great Trigonometrical Survey: Histories of Mapping 1790–1850 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://indiansss.org/pdf/pdfset-8/issueset-9/Art_018.pdf; Waller D.J. The Pundits: British exploration of Tibet and Central Asia. Lexington: University Press of Kentucky, 1990. 327 p.; Ward M. The Survey of India and the Pundits The Secret Exploration of the Himalaya and Central Asia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.alpinejournal.org.uk/Contents/Contents_1998_files/AJ%201998%2059-79%20Ward%20Pundits.pdf). В России системной агентурной работы на Среднем Востоке не было, как долгое время не существовало и постоянной и целенаправленной подготовки агентов для разведки. Картографированием и изучением страны и территорий вне её пределов занимались Императорское русское географическое общество, Корпус военных топографов и офицеры ГШ. Но системной, т. е. организованной и постоянной, разведывательной работа на Среднем Востоке не велось. Специальные же структуры в азиатских военных округах стали создаваться позже – с 1880-х гг. Впрочем, с 1880-х происходят изменения и в британской разведке Индии [Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. С. 491–492].

⁴¹⁵ Положение о Военном министерстве // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб.: Типография II Отделения собственно Е.И.В. канцелярии, 1873. Т. 44. Отд. 1. № 46611. С. 14.

⁴¹⁶ Алексеев М. Военная разведка в Российской империи. М.: Вече, 2010. С. 202–203, 206–207; Алексеев М.Н. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М.: Евразия плюс, 1998. Т. 1. С. 60, 65, 66.

⁴¹⁷ Алексеев М. Военная разведка в Российской империи. М.: Вече, 2010. С. 208–209; Положение о Военном министерстве // Полное собрание законов Российской империи Собр. 2. СПб.: Типография II Отделения собственно Е.И.В. канцелярии, 1873. Т. 44. Отд. 1. № 46611. С. 15–17.

Европе в частности, а Азиатская часть – по странам Азии⁴¹⁸. Сюда стекалась информация от военных агентов различного рода: военных атташе, военных наблюдателей, командированных по различным поручениям за границу офицеров и топографов, из дипломатического и других ведомств и из штабов военных округов. Астрономическими, геодезическими, топографическими и картографическими работами заведовало Военно-топографическое депо. Оно было упразднено 16 октября 1863 г. с передачей его функций Военно-топографической части Главного управления ГШ, а после ликвидации преобразовано в Военно-топографический отдел Главного штаба⁴¹⁹. В штабах военных округов существовали собственные Военно-топографические отделы, информация из которых поступала и в центральный орган⁴²⁰.

В зону ответственности штаба Кавказского военного округа входили азиатская часть Османской империи, Персия и отчасти туркменские земли. До 1870-х гг. специального органа для ведения военной разведки в штабе не существовало. Офицеры ГШ округа, которыми руководил помощник начальника штаба, занимались преимущественно исследованием внутреннего театра и приграничной полосы как театров вероятных военных действий⁴²¹. Кроме того, здесь существовал Военно-топографический отдел, геодезисты и топографы которого производили военно-геодезические работы с целью составления карт Кавказского края и пограничных территорий⁴²². Однако в конце 1871 г. на Кавказе была разработана программа по сбору и обработке сведений об Азиатской Турции, которые должны были лечь в основу новой концепции войны против Османской империи. В феврале 1872 г. кавказский штаб ходатайствовал перед военным министром о необходимости посылки в Османскую империю секретных военных агентов

⁴¹⁸ Так, например, в 1880 г. в Азиатской части была подготовлена к печати «Записка о Туркменском театре военных действий и наших на оном действиях в течение первого десятилетия с 1869 по 1879 год» [История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М.: Издательская фирма Восточная литература РАН, 1997. С. 152–153].

⁴¹⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб.: Типография II Отделения собственно Е.И.В. канцелярии, 1873. Т. 44. Отд. 1. № 46611. С. 15–16.

⁴²⁰ Глушков В.В. Становление и развитие военной картографии в России (XVIII – начало XX в.). Дис. ... д-ра геогр. наук. М., 2003. 457 с.

⁴²¹ Алексеев М. Военная разведка в Российской империи. М.: Вече, 2010. С. 210; Высочайший указ об образовании Кавказского, Оренбургского и Сибирского военных округов // Полное собрание законов Российской империи Собр. 2. СПб.: Типография II Отделения собственно Е.И.В. канцелярии, 1867. Т. 40. 1865. Отд. 1. № 42368. С. 859.

⁴²² Высочайший указ об образовании Кавказского, Оренбургского и Сибирского военных округов // Полное собрание законов Российской империи Собр. 2. СПб.: Типография II Отделения собственно Е.И.В. канцелярии, 1867. Т. 40. 1865. Отд. 1. № 42368.

решением местного начальства, без предварительного согласования с министерством. Объяснялось это тем, что переговоры с Петербургом при несовершенстве связи занимали много времени, что отражалось на оперативности добычи информации⁴²³. Одновременно Михаил Николаевич написал письмо к государственному канцлеру Александру Михайловичу Горчакову с аргументированной просьбой разрешить прикомандировывать кавказских офицеров к консульствам на консульские должности⁴²⁴. Идея эта была, видимо, согласована с российским дипломатическим представителем в Константинополе Николаем Павловичем Игнатьевым, который, как военный (он был генерал-лейтенантом ГШ), всё время пребывания на посту (1864–1877 гг.) покровительствовал офицерам и топографам, прибывавшим из России в Османскую империю и вообще способствовал её изучению военным ведомством⁴²⁵.

Программа была утверждена царём во второй половине февраля 1872 г. и предусматривала создание в Азиатской Турции должностей негласных военных агентов, командирование в Турцию офицеров ГШ и военных топографов, организацию сбора, обработки и издания военно-географических и военно-статистических сведений в штабе Кавказского военного округа. Конечной целью программы должна была стать разработка концепции войны против Турции на Кавказко-Азиатском театре⁴²⁶. Со временем основная схема её была распространена и на Персию. Программа включала в себя 5 составляющих: 1. Общее географическое описание всей страны или отдельной области; 2. Население; 3. Пути сообщения в смысле проходимости страны, общая сеть дорог и телеграфных линий; 4. Военные средства страны: устройство вооружённых сил, пополнение армии и её мобилизация, продовольственные и перевозочные средства, укрепленные пункты и разного рода склады; 5. Топографические описания отдельных участков и подробные маршруты и описания путей⁴²⁷. Согласована программа была и с Министерством иностранных дел. Александр Михайлович Горчаков в секретном отношении к послу от 22 февраля указывал, что все вопросы относительно посылки

⁴²³ РГВИА. Ф. 401. Оп. 2. Св. 662. 1872. Д. 52. Л. 1–3.

⁴²⁴ Там же. Л. 11.

⁴²⁵ Там же. Л. 11; Алексеев М. Военная разведка в Российской империи. М.: Вече, 2010. С. 246–261; Хевролина В.М. Николай Павлович Игнатьев. М.: Квадрига, 2009. 392 с.

⁴²⁶ Армянский вопрос в Турции в материалах русского Генерального штаба. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2013. С. 289–290.

⁴²⁷ СМА. 1883. Вып. 4. С. IV.

постоянных негласных военных агентов он должен решать непосредственно через великого князя; ему же через консулов агенты должны были доставлять сведения⁴²⁸.

К реализации программы в 1872–1875 гг. были привлечены все офицеры ГШ, проходившие службу в войсках Кавказского военного округа. Общее руководство работами по составлению концепции войны против Турции было возложено на состоящего в распоряжении командующего Кавказской армии генерал-майора ГШ Сергея Михайловича Духовского⁴²⁹. Составленный под его руководством план войны на Азиатском театре был реализован в войну 1877–1878 гг. Поскольку главная роль в сборе сведений об Османской империи в азиатской её части отводилась постоянным негласным военным агентам, после окончания войны их количество было увеличено до 4-х, а после продолжало расти. В июне 1879 г. в штабе Кавказского военного округа был разработан документ, регламентирующий деятельность негласных военных агентов, – «Общая инструкция секретным военным агентам, назначаемым с Кавказа в Азиатскую Турцию»⁴³⁰.

Что касается Ирана, то здесь в силу объективных причин (в первую очередь – слабости иранской армии, а также Кавказской войны, окончившейся в 1864 г. и вызвавшей необходимость детального изучения Кавказа) развитие военной разведки в сравнении с Азиатской Турцией после Крымской войны несколько запаздывало. Сведения о нём поступали через временно командировавшихся офицеров и топографов, членов разграничительной комиссии⁴³¹, учёных-путешественников, от русских дипломатических представителей – Миссии и консулов, от военного агента в Лондоне, от военно-научных экспедиций и из иностранных печатных изданий –

⁴²⁸ РГВИА. Ф. 401. Оп. 2. Св. 662. 1872. Д. 52. Л. 10. Первыми негласными военными агентами были назначены: капитан ГШ Яков Дмитриевич Малама в Эрзерум на вакантную должность секретаря при консульстве (в конце 1872 г. [Там же. Л. 40]), и штабс-капитан Иедигаров (Едигаров) в 1873 г. на должность консульского агента в Карс. В Карсе не было консульства, поэтому первоначально в Министерстве иностранных дел не хотели отправлять туда офицера. Однако Военному министерству и штабу округа были нужны сведения об этой важной крепости, поэтому компромисс был найден – создана новая должность [Там же. Л. 21; Армянский вопрос в Турции в материалах русского Генерального штаба. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2013. С. 290].

⁴²⁹ Армянский вопрос в Турции в материалах русского Генерального штаба. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2013. С. 290. За отличное выполнение этой работы 30 августа 1876 г. был удостоен ордена св. Станислава 1-й степени, а 11 ноября 1876 г. С.М. Духовской был назначен начальником штаба Отдельного Кавказского корпуса, действовавшего на кавказско-турецкой границе [о плане см.: Шеманский А. Русско-турецкая война 1877–78 гг. на Черноморском побережье Кавказа // Военно-исторический вестник. 1911 г. № 3–8, 11/12].

⁴³⁰ Армянский вопрос в Турции в материалах русского Генерального штаба. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2013. С. 295.

⁴³¹ Турецко-иранское разграничение проводилось в 1843–1852 гг. при англо-русском посредничестве.

прессе и книг путешественников, посещавших Иран⁴³². На основе изучения отдельных районов и областей военные составляли военно-статистические и военно-топографические работы, дополнявшиеся описаниями маршрутов для движения войск. На их основе, с привлечением других источников, создавались обобщающие военно-статистические (и географические) описания стран. Относительно Персии последняя такая работа была проделана И.Ф. Бларамбергом ещё в 1840-х гг.⁴³³. Что до состояния армии, то наиболее новыми были сведения 1863 г.⁴³⁴. После военной миссии А.С. Санковского, судя по материалам РГВИА, информация об иранских вооружённых силах и стране поступала эпизодически.

В период с конца 1850-х до 1876 г. в силу отсутствия более совершенных средств изучения возможных театров военных действий и составления карт в русской военной разведке значительное место занимали военно-геодезические работы (т. е. астрономо-геодезические, топографические и картографические)⁴³⁵. Ими занимались офицеры, геодезисты (с 1866 г. по 1883 г. офицеры, окончившие геодезическое отделение Николаевской академии ГШ, зачислялись в Корпус военных топографов с наименованием «геодезисты»⁴³⁶) и топографы Корпуса

⁴³² Как отмечал советский исследователь Н.А. Халфин, «все путешественники, купцы, представители различных ведомств, направляясь на Восток, обязаны были собирать информацию «к выгодам коммерции и к доставлению сведений о стране сей, Европе мало известной» [Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М.: Наука, 1974. С. 62]. РГВИА. Ф. 446. Д. 35. 5 л.; РГВИА. Ф. 446. Д. 36. 4 л. РГВИА. Ф. 446. Д. 40. 1 л.; РГВИА. Ф. 446. Д. 92. 68 л.; РГВИА. Ф. 446. Д. 91. 1 л.; РГВИА. Ф. 446. Д. 138. 1 л.; РГВИА. Ф. 446. Д. 363. 6 л.

⁴³³ Бларамберг И.Ф. Статистическое обозрение Персии, составленное подполковником И.Ф.Бларамбергом в 1841 г. // Записки Императорского Русского Географического Общества. 1853. Кн. 7. 359 с. К.Д. Ушинский в журнале «Современник» дал критический отзыв на работу И.Ф. Бларамберга. Он обвинял его в плагиате, поскольку тот воспользовался материалами К. Риттера («Землеведение Азии») и Фрэзера без ссылок на источник. В рецензии было дано текстовое сличение названных работ, после чего следовало ироническое пожелание того, что, «если бы Бларамберг дал ссылки на книги названных авторов, то тем самым спас от забвения новые сведения, доставленные им географии, которая дорожит каждым известием и с каждым из них прочно соединяет имя того, кому она им обязана» [Овсянников В. И. Проблемы Востока и общественно-политическая мысль России (середина XIX в.). М.: МГЗИПИ, 1989. 100 с. С. 38; Ушинский К. Д. Рецензия на книги «Статистическое обозрение Персии» И.Ф. Бларамберга и «Путешествие по Северной Персии И. Березина // Современник. 1852. № 10. Отд. III. С. 82]. В данном случае, правда, на наш взгляд, рецензент не учёл специфику работы военных аналитиков, которые свои работы писали на основе личных наблюдений, иных документов и уже изданных трудов путешественников и других учёных. Поэтому ссылки здесь были далеко не всегда (правда, для работ начиная с 1870-х гг. они присутствуют, но научно-справочный аппарат оставался явно неразработанным), а зачастую встречались откровенные заимствования. Однако И.Ф. Бларамберг опубликовал своё сочинение в научном издании с претензией на вклад в науку, поэтому замечания рецензента в целом были оправданы. Что до составления военно-статистических обозрений Персии, то активная и систематическая работа в указанном ключе началась с 1880-х гг. [Артамонов Л.К. Персия как наш противник в Закавказьи. Тифлис: Тип. Штаба Кав ВО, 1889. 193 с.; Золотарёв А.М. Военно-статистический очерк Персии. СПб.: Типолиитография А.Е. Ландау, 1888. 205 с.; Медведев А.И. Персия. Военно-статистическое обозрение. СПб.: В. Березовский, 1909. 624+4 с.; Риттих П.А. Политико-статистический очерк Персии. СПб.: Типография Н. Финдейзена, 1896. 293 с.]

⁴³⁴ [Вревский А.Б.] Персия // Военно-статистический сборник. СПб.: Военная типография, 1868. Вып. 3. С. 1–32; РГВИА. Ф. 446. Д. 39. Записка о состоянии вооружённых сил Персии. 16 декабря 1863 г. – 30 января 1864 г. 14 л.

⁴³⁵ Впрочем такое положение сохранялось до конца века.

⁴³⁶ Глушков В.В. Становление и развитие военной картографии в России (XVIII – начало XX в.). Дис. ... д-ра геогр. наук. М.: 2003. С. 177–178, 215; Шибанов Ф.А. Подготовка картографических кадров в России в XIX и начале XX вв.

военных топографов⁴³⁷. На Кавказе значительную роль в изучение и картографирование Кавказского края и сопредельных территорий внёс Иероним Иванович Стебницкий (с 1864 г. подполковник, с 1867 г. полковник, а с 1873 г. генерал-майор ГШ). С 1858 г., после окончания НАГШ, он служил по военно-топографической части сначала в Петербурге, а с 1860 г. – на Кавказе. С 1867 г. он возглавил Военно-топографический отдел штаба Кавказского военного округа и занимал эту должность до 1885 г. Именно под его руководством военные топографы штаба округа занимались военно-топографическим изучением сопредельных территорий Ирана. Под его же руководством была разработана карта Персии с пограничными частями Турции и Афганистана⁴³⁸, оставлена 20-вёрстная карта Персии на 12 листах. В октябре 1874 г. – январе 1875 г. И.И. Стебницкий со штабс-капитаном Кирпичниковым и геологом Г.И. Сиверсом, по инициативе российской Академии наук, поддержанной Министерством иностранных дел, находился в командировке в Персии для астрономических и картографических наблюдений, результатом которых стал сбор материалов для описания местности от Решта до Тегерана⁴³⁹.

Значительное количество работ по Ирану оставил ещё один топограф – Иван Алексеевич Огранович (Огронович). В 1860 г. он подпоручиком был назначен в Военно-топографический отдел Главного штаба Кавказской армии и служил на Кавказе до конца 1870-х гг. Он изучил персидский язык, интересовался историей ислама, суфийскими орденами, а также сектой бабидов в Персии. В октябре 1863 г. – январе 1864 г. был командирован из Тифлиса в Персию в составе русского

// Учёные записки Ленинградского государственного университета. 1958. № 226. Серия географических наук. Вып. 12. С. 87.

⁴³⁷ Работали они как отдельными группами, так и в составе различных миссий – военных, дипломатических, научных.

⁴³⁸ Шибанов Ф.А. И.И. Стебницкий – геодезист-картограф и географ, выдающийся деятель Географического общества (к 150-летию со дня рождения) // Известия Всесоюзного географического общества. 1982. Т. 114. Вып. 5. Л.: Наука, 1982. С. 416–424.

⁴³⁹ Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 225–227 (Здесь же содержится полный перечень его публикаций); Астрономические и геодезические работы, произведённые окружными Военно-топографическими отделами. Кавказского военного округа // Записки Военно-топографического отдела Главного штаба. 1877. Ч. 35. Отд. 1. С. 10; Стебницкий. Отчёт начальника Военно-топографического отдела Кавказского военного округа ГШ генерал-майора Стебницкого об экспедиции для наблюдения прохождения Венеры перед диском Солнца 26 ноября (8 декабря) 1874 тогда в г. Тегеран // Записки Военно-топографического отдела Главного штаба. 1878. Ч. 36. Отд. 3. С. 87–212]. Тегеран был выбран намеренно. Во-первых, это было самое ясное место в Азии (в Европе это явление не наблюдалось вообще). Во-вторых, это было своего рода вызовом на постоянные утверждения министра иностранных дел мирзы Хусайн-хана, что «персидское правительство всегда с радостью принимает цивилизованных людей, распространяющих науки и просвещение» [Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 63].

посольства для официального уведомления персидского шаха о назначении великого князя Михаила Николаевича Наместником кавказским и командующим Кавказской армией⁴⁴⁰. Свои впечатления и наблюдения изложил в публикации в «Военном сборнике» в 1866 г.⁴⁴¹ В 1869 г. был назначен комиссаром для разбора претензий жителей приграничных с Персией районов, а в 1870 г. участвовал в составлении генеральной карты турецко-персидской границы⁴⁴². Его перу принадлежали несколько работ военно-географического и отчасти военно-статистического характера⁴⁴³.

В конце 1860-х гг. Иран посещал офицер ГШ штаба Кавказского военного округа Николай Григорьевич Столетов. В 1860 г. он начал службу на Кавказе, состоял помощником старшего адъютанта штаба, затем – для особых поручений при начальнике штаба, был начальником Закатальского военного отдела. В 1867–1869 гг. он был переведён в штаб Туркестанского военного округа правителем канцелярии военно-народного управления Туркестанской области (05.01.1867), а затем был произведён в полковники ГШ с назначением в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора (30.08.1867). Скорее всего, данное откомандирование имело свою подоплёку. В его послужном списке имеется запись, что Н.Г. Столетов в июне 1867 г. по Высочайшему повелению командирован (временно) в разные азиатские государства. Из командировки он вернулся в октябре 1868 г.⁴⁴⁴. Очевидно, что ездил он с разведывательной целью и инкогнито. Для него был оформлен паспорт на имя татарина, а и целью поездки обозначено «изучение персидского языка»⁴⁴⁵. Само откомандирование произошло по решению военного

⁴⁴⁰ Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 175.

⁴⁴¹ Огранович, И. Поездка в Персию в 1863 году. СПб.: б. и., 1866. Оттиск из Военного сборника. 1866. Т. 52. Отд. 2. С. 149–184; 353–385.

⁴⁴² Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 175.

⁴⁴³ Огранович И.А. Провинции Ардабильская и Серабская. Материалы для географии Персии. Тифлис: Тип. И. Чанцева и Ко. 1876г. 2+95 с.; Огранович Н.А. Провинции Персии Ардабильская и Серабская // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. 1876. Кн. 10. Вып. 1. С. 141–235; Огранович И.А. Сведения о шахсевенах // Кавказский календарь на 1871. Тифлис: Типография главного управления наместника кавказского, 1870. Отд. 3. С. 68–84.

⁴⁴⁴ Сведения сообщены М. Басхановым.

⁴⁴⁵ К слову, Н.Г. Столетов изучил и владел персидским и турецким языками, общался и на туркменском. Изучил он их будучи на Кавказе. Его образовательный уровень для того времени был достаточно высоким: он окончил Московский университет по математическому отделению физико-математического факультета со степенью кандидата и Николаевскую академию ГШ [Альманах современных русских государственных деятелей. СПб: Тип. Исидора

министра. По авторитетному мнению М.К. Басханова, Н.Г. Столетов занимался сбором сведений о туркменских племенах восточного побережья Каспия и географии и коммуникаций приграничных районов персидско-туркменской полосы в связи с готовившимся занятием Красноводского залива⁴⁴⁶. Е.К. Андреевский, близко знавший Н.Г. Столетова, утверждал, ссылаясь на официальное уведомление о его назначении в 1869 г. начальником экспедиционного отряда для занятия Балханского (Красноводского) залива, что он, «зная восточные языки, посетил в прежнее время часть Персии и Афганистана, а затем, состоя при туркестанском генерал-губернаторе, близко ознакомился с положением дел в Прикаспийском крае и вообще в Средней Азии»⁴⁴⁷. «В самом начале своей службы Н.Г. Столетов брал три раза отпуск для поездки то в Персию, то в Афганистан и там проживал частным человеком по шесть недель», – отмечал тот же автор. В Иране Н.Г. Столетов был дважды – в 1867 г. и в 1868 г., посетив восточные провинции страны⁴⁴⁸. После этого, в 1869 г. он был возвращён на Кавказ и возглавил Красноводскую экспедицию. 5 ноября 1869 г. отряд русских войск с Кавказа под командованием Н.Г. Столетова высадился на восточном побережье Каспийского моря под предлогом возведения базы для русских купцов⁴⁴⁹. Здесь было вновь заложено новое укрепление, получившее название Красноводск (по этому названию были названы залив и экспедиция)⁴⁵⁰. Красноводск стал в первую очередь, военной базой

Гольдберга, 1897. С. 1213; Генерал-майор Н.Г. Столетов // Иллюстрированная хроника войны. Приложение к Всемирной иллюстрации. 1878. № 83. С. 263].

⁴⁴⁶ Сведения сообщены М. Басхановым. Правда, остаётся открытым вопрос, почему для этого необходимо было послать офицера из Туркестанского военного округа. Восточный Каспий находился в зоне ответственности Кавказского военного округа, который планировал и руководил операцией. Возможно, такая комбинация с переводом была сделана для прикрытия поездок Н.Г. Столетова по региону.

⁴⁴⁷ Андреевский Е.К. Из записок за сорок семь лет // Исторический вестник. 1912. № 10. С. 49.

⁴⁴⁸ Генерал-майор Н.Г. Столетов // Иллюстрированная хроника войны. Приложение к Всемирной иллюстрации. 1878. № 83. С. 263.

⁴⁴⁹ Ниязатов М. Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX вв. СПб.: Петербургское востоковедение, 2011. С. 160; Терентьев М. Хивинские походы русской армии. М.: Вече 2010. С.161–170.

⁴⁵⁰ Эти территории считали своими как хивинский хан, так и персидский шах, хотя фактически туркмены были независимы от обоих владетелей Андреевский Е.К. Из записок за сорок семь лет // Исторический вестник. 1912. № 10. С. 48; Ниязатов М. Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX вв. СПб.: Петербургское востоковедение, 2011. С. 160. Персидское правительство считало всех туркмен, живших на восточном побережье в междуречье Атрека и Карасу, своими подданными, а южный берег Каспийского моря до Астары (пров. Гилян) на западе – персидскими владениями. Туркмены же подчиняться власти шаха не желали. Реальный контроль Ирана, Хивы, бухарского и афганского эмиров над туркменскими оазисами определялся способностью соответствующих правителей осуществлять победоносные походы для демонстрации силы или сбора дани [Международные отношения в Центральной Азии. События и документы. М.: Агент-пресс, 2011. С. 108]. Поэтому долгое время демаркация русско-иранской границы здесь не проводилась [Ниязатов М. Россия на Востоке: противостояние великих держав (XIX век). СПб.: Петербургское востоковедение, 2014. С. 557]. В результате экспедиции 1869 г. между Россией и Персией (как и с Хивой) возникла напряжённость в отношениях.

для контроля над побережьем, ближними туркменами и как плацдарм для дальнейшего продвижения в глубь Туркмении, а также к Хивинскому ханству. Экспедиция эта имела, помимо всего прочего, военно-научный характер. В течение 1869–1870 гг. Красноводским отрядом производилась рекогносцировка путей до Кизыл-Арвата, в ходе которой был собран богатый материал военного и политического характера. В 1871–1872 гг. район рекогносцировок значительно расширился, и они велись теперь уже по трём направлениям: на северо-восток до Балхан и Сарыкамышской впадины, на юг в район Атрека и на восток до Кизыл-Арвата. В ходе этих рекогносцировок производился сбор сведений о туркменах, в частности об особенностях жизни и быта кочевников-скотоводов в районе Атрека и Гургана, о маршруте их кочевий, устанавливались связи с туркменским населением, изучались пути сообщения ⁴⁵¹. Территория восточного берега Каспийского моря была разделена между двумя отрядами – Красноводским под руководством Н.Г. Столетова (15 сентября 1869 г. – 16 июля 1871 г.), и подполковника (а с 1872 г. полковника) ГШ Василия Ивановича Маркозова (командовал 1 год и 8 месяцев, примерно с сентября 1871 г. по май 1873 г.) ⁴⁵², и Мангышлакским ⁴⁵³, который возглавляли сначала подполковник Рукин ⁴⁵⁴, а после его гибели и создания отдела и переподчинения кавказскому начальству – подполковник ГШ Павел Ипполитович Кутайсов (с 6 апреля по 10 сентября 1870 г.), состоявший до этого для особых поручений при главнокомандующем кавказской армией и подполковник, а затем полковник ГШ Николай Павлович Ломакин (с 26 мая 1870 г. до 2 мая 1874 г.), состоявший до этого для особых поручений при командующем войсками

⁴⁵¹ Присоединение Туркмении к России: Сборник архивных документов. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960. С. 7. О Красноводском отряде см.: Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М.: Наука, 1965. С. 262–279; Присоединение Туркмении к России: Сборник архивных документов. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960; Красноводский отряд в 1869–1870 годах // Военный сборник. 1872. № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://drevlit.ru/docs/central_asia/XIX/1860-1880/Krasnovod_otriad/text1.php; Маркозов В. Красноводский отряд. Его жизнь и служба со дня высадки на восточный берег Каспийского моря по 1873 г. включительно. СПб.: В. А. Березовский; типография Э. Арнольда, 1898. 309 с. Персидское правительство заявило российскому посланнику протест. Учитывая сложную политическую обстановку (обострение англо-русских отношений в Центральной Азии, напряжённость в отношениях с Хивой), российское правительство пошло на переговоры. В результате их в 1869 г. было заключено соглашение, по которому Россия определила сферу своего влияния до Атрека и обязалась не возводить никаких военных укреплений в этой местности [Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 81].

⁴⁵² С марта 1870 г. по май 1872 г. он формально числился старшим адъютантом штаба Кавказского военного округа, а с мая по июнь 1872 г. – начальником штаба 39-й пехотной дивизии. После провала его отряда похода на Хиву 1873 г. в мае 1873 г. был отстранён от должности и ушёл в отставку.

⁴⁵³ 2 февраля 1870 г. мангышлакское приставство присоединено было к кавказскому наместничеству [Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: Тип. П.П. Меркульева, 1875. С. 103].

⁴⁵⁴ Потто В.А. Гибель отряда Рукина в 1870 году // Исторический вестник, № 7. 1900 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Potto/gibel_rukina.htm.

Дагестанской области. В сферу Мангышлакского отряда, подчинённого начальнику Дагестанской области, входила северная половина – Мангышлакский район, а южная половина – Красноводский район в ведении непосредственно штаба Кавказского военного округа, к которому прямо относился начальник Красноводского отряда. «В северном районе меры начальства устремлены были к устройству мирными средствами порядка среди мангышлакского населения; в южном же все действия отрядного начальника ограничивались исключительно военными мерами, без особых усилий достигнуть сближения с туземным населением. Оба эти района действовали совершенно независимо. Даже в таком важном случае, как подготовка Хивинской экспедиции, самостоятельность обеих частей сохранялась вполне, и это отразилось невыгодно на снаряжении и действии отрядов со стороны восточного берега Каспийского моря»⁴⁵⁵. Поэтому 15 марта 1874 г. было введено в действие приказом военного министра «Временное положение о военном управлении в Закаспийском крае»⁴⁵⁶. Согласно ему Мангышлакский и Красноводский отделы были преобразованы в приставства и объединены в Закаспийский военный отдел. Последний был ограничен территорией от Мёртвого Култука на юг до реки Атрек (границы России с Персией) и от восточного берега Каспийского моря до западной границы Хивинского ханства, а также включал в себя острова, лежащие вблизи его берегов и полуостровов Бузачи и Мангышлак (Кулалы, Святой, Подгорный, Кирел, Долгий и др.) и юго-восточного побережья (острова: Челекен, Огурчинский и др.). Закаспийский военный отдел был причислен к Кавказскому военному округу и подчинён главнокомандующему Кавказской армией как в военном, так и в административном отношении⁴⁵⁷. Переписку начальник отдела вёл с начальником Кавказского горского управления. Закаспийский военный отдел возглавил полковник ГШ Н.П. Ломакин. С этого

⁴⁵⁵ 18 октября 1873 г. Рапорт полковника Генерального штаба А. Проценко начальнику главного штаба генерал-адъютанту Ф. Л. Гейдену о ненормальности существующего административного деления восточного побережья Каспия и необходимости объединения Красноводска и Мангышлака в один отдел // Присоединение Туркмении к России: Сборник архивных документов. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960. С. 124.

⁴⁵⁶ 6 марта 1874 г. Временное положение о военном управлении в Закаспийском крае // Присоединение Туркмении к России: Сборник архивных документов. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960. С. 142–151.

⁴⁵⁷ Там же. С. 142.

времени разведка прикаспийских территорий, туркменских и сопредельных иранских земель перешла в ведение отдела.

Помимо этого, сведения об Иране поступали и от учёных-путешественников. Впрочем, многие из них напрямую были связаны с дипломатическим ведомством. Наибольшую известность из них получил уже упоминавшийся Н.В. Ханыков. В 1853 г. он был назначен на должность управляющего генеральным консульством в Тебризе, где пробыл до 1857 г. В сентябре 1857 г. Н.В. Ханыков получил должность драгомана (переводчика) при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел с откомандированием к наместнику кавказскому. Будучи в это время в Петербурге, подал великому князю Константину Николаевичу, управлявшему морским министерством и Императорским русским географическим обществом, обстоятельную записку о необходимости снаряжения учёной экспедиции в Хорасан⁴⁵⁸. Эта записка «попала в струю»: как раз в это время обсуждался вопрос о посылке через Персию российской миссии в Афганистан. 18 октября 1857 г. царь утвердил проект научно-дипломатической экспедиции. Начальником её был назначен Н.В. Ханыков. В состав экспедиции, помимо учёных, входили 2 военных топографа – унтер-офицеры П. Жаринов⁴⁵⁹ и Петров. Экспедиция продолжалась с марта 1858 г. до августа 1859 г. Она посетила Хорасан, Афганистан. Двигаясь через Йезд, Исфахан, Кум, она в начале июня 1859 г. возвратилась в Тегеран, завершив, таким образом, за полтора года путь по замкнутой кривой, охватившей северные, восточные и южные области Ирана⁴⁶⁰. Научные результаты экспедиции были значительными. На карту был нанесен маршрут протяженностью свыше 6 000 вёрст, а топографические съемки, включавшие планы городов и отдельных провинций,

⁴⁵⁸ «Относительно же юго-восточной части Персии ни персидская литература, ни исследования иностранцев не представляют нам ничего удовлетворительного», – отмечал Н.В. Ханыков, обосновывая свой проект [Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф. Н.В. Ханыков – востоковед и дипломат. М.: Наука, 1977. С. 124].

⁴⁵⁹ В 1860 г. топограф П. Жаринов вновь посетил Иран, поднявшись на вершину Демавенд (5604 м) хребта Эльбрус [Спутник альпиниста. М.: Физкультура и спорт, 1970. С. 11].

⁴⁶⁰ Киняпина Н.С. Внешняя политика России второй половины XIX века. М.: Высшая школа, 1974. С. 230–241; Семёнов П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского Географического Общества. 1845–1895. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1896. Т. 1. С. 307–326; Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф. Н.В. Ханыков – востоковед и дипломат. М.: Наука, 1977. 280 с.; Халфин Н. А. Три русские миссии. Из истории внешней политики России на Среднем Востоке во второй половине 50-х годов XIX века // Труды среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина. Новая серия. Вып. 78. Исторические науки. 1956. Кн. 13. 86 с.; Ханыков Н. Экспедиция в Хорасан. М.: Наука 1973. 216 с.

охватывали площадь 350 000 кв. вёрст⁴⁶¹. По словам Н.В. Ханыкова, «Хорасанская экспедиция первая проникла в эти страны, так сказать, с мерою и весами в руках и первая могла точно нанести на карту эту колыбель иранской национальности». Впервые территория Ирана на значительном ее пространстве была исследована с точки зрения геологического строения, климата, животного и растительного мира⁴⁶².

Ещё одним учёным-дипломатом, побывавшим в Персии был Пётр Иванович Пашино. После окончания Восточного факультета Петербургского университета, он в 1857 г. поступил на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел, подрабатывал преподавателем в Лесном институте, занимаясь параллельно исследованиями и публицистикой. В 1861 г. П.И. Пашино был отправлен в Персию вторым секретарём посольства. Через полтора года пребывания в Персии он взял отпуск и вернулся в Петербург. Он избрал себе путь через Северную Персию, воспользовавшись этим случаем, чтобы с нею ознакомиться. Вернувшись в 1862 г. в Петербург, он начал печатать свои очерки о Персии в различных периодических изданиях столицы⁴⁶³. В 1875 г. П.И. Пашино ещё раз побывал в Персии, на этот раз в южной и как простой путешественник⁴⁶⁴.

Следует отметить также Павла Ивановича Огородникова, бывшего офицера, уволенного со службы в 1860-х гг.⁴⁶⁵. После этого он стал путешествовать, был избран Императорским русским географическим обществом в сотрудники и командирован в северо-восточную Персию. Весной 1874 г. снаряжался торговый караван в Афганистан. По словам самого П.И. Огородникова, предприниматели его обратились с предложением к Географическому обществу, командировать от себя кого-нибудь из членов-сотрудников для научных наблюдений, обязуясь при этом доставить такому лицу все удобства на пути⁴⁶⁶. В мае 1874 г. член императорского

⁴⁶¹ Ханыков Н. Записки по этнографии Персии. М.: Глав. ред. вост. лит. 1977. С. 15. В частности, топографами был проделан большой объём работы [РГВИА. Ф. 446. Д. 124. 1 л.; Д. 125. 1 л.; Д. 135. 1 л.; Д. 138. 1 л.; Д. 142. 1 л.]

⁴⁶² Ханыков Н. Записки по этнографии Персии. М.: Глав. ред. вост. лит. 1977. С. 15–16.

⁴⁶³ Пашино П.И. Из воспоминаний секретаря посольства. (О тегеранской жизни) // Колосья. 1887. № 7/8. С. 94–114.

⁴⁶⁴ Гневушева Е.И. Путешествия П.И. Пашино по Персии и Индии // Очерки по истории русского востоковедения. М.: Издательство АН СССР, 1953. Вып. 2. С. 83–95; Гневушева Е.И. Забытый путешественник. Жизнь и путешествия П.И. Пашино. М.: Географгиз, 1958. 112 с.; Назаров О. Забытый странник // Вокруг света. 1995. № 12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/1300/>

⁴⁶⁵ В 1862 г. он был на втором году обучения уволен из Николаевской академии ГШ по политическим мотивам.

⁴⁶⁶ Огородников П.И. Страна солнца. Персия: Путевые очерки. СПб.: Тип. В. Демакова, 1881. С. 1.

географического общества П.И. Огородников был отправлен в составе торгового каравана по маршруту Астрабад – Шахруд – Мешхед – Герат в Кабул, и оттуда обратно в Россию через ущелье Кандуз – Балх – Бухару – Хиву – туркменскую степь в Красноводск. Экспедиция для «естественно-исторических, и этнографических исследований» была рассчитана на 2 года. Выполнить намеченные изыскания в полном объёме не удалось, как отмечал сам П.И. Огородников, по причине крайне плохих условий: отсутствия нормального жилья («одни дырявые сараи, где могут жить только привычные к местному климату люди»), и отсутствия развитой транспортной сети. П.И. Огородников отмечал, что на отрезке Бендер-Гязь – Шахруд «даже верхом не проедешь», и по местным дорогам могут двигаться только ослы и вьючные лошаки. Не проявили интереса к экспедиции и местные власти, не предоставив ей никакой помощи. Поэтому экспедиция, с трудом добравшись до Мешхеда, повернула домой⁴⁶⁷. Тем не менее, результатом поездки стало несколько работ, в которых детально описывалась важная для России провинция Ирана – Хорасан⁴⁶⁸.

Миссия В.А. Франкини была первой сугубо военной после 1850-х гг. и дала кавказскому начальству всежие сведения об иранской армии, а В.И. Гибер фон Грейфенфельс стал по сути первым постоянным негласным военным агентом в Тегеране. Во второй половине XIX в. была впервые разработана постоянная инструкция для военного агента в Персии. С этого времени в штаб Кавказского военного округа стали поступать систематически текущие сведения социально-экономического, военного и политического характера. Речь шла прежде всего о оперативном и «живом» информационном материале об особенностях правящей элиты, жизни солдат, офицеров, отношениях между классами и сословиями и пр., а не сухие статистические данные. Сначала основным источником информации были указанные офицеры, а затем – созданная на постоянной основе в 1879 г. русская военная миссия.

⁴⁶⁷ Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 63.

⁴⁶⁸ Огородников П. На пути в Персию и Прикаспийские провинции её. СПб.: Тип. М.И. Попова, 1878. 4+331 с.; Огородников П.И. Очерки Персии. СПб.: Ред. журн. Всемирный путешественник, 1878. 4+2+396 с.; Огородников П.И. Страна солнца. Персия: Путевые очерки. СПб.: Тип. В. Демакова, 1881. 4+6+2+355 с.

Наконец, миссия российских офицеров инициировала новый виток реформ в иранской армии ⁴⁶⁹. Безымянный автор на сайте Википедия указал, что «по возвращении из Персии Франкини представил обширный доклад о политическом, экономическом и военном состоянии Персии, в котором рекомендовал принять возможное предложение шаха о посылке военных инструкторов и командного состава для предполагавшейся к формированию Персидской казачьей бригады» ⁴⁷⁰. К сожалению, на данном ресурсе нет ссылки на источник информации. В некрологе, который приведен в конце статьи в качестве ссылки, указанные сведения отсутствуют ⁴⁷¹. Здесь допущена ошибка. В.А. Франкини действительно рекомендовал присылку инструкторов. Но речь шла не о предполагавшейся части, а об армии вообще. К тому же на тот момент идея о российских инструкторах в персидских вооружённых силах среди русских военно-политических кругов только вызревала ⁴⁷². В своей «Записке о состоянии вооружённых сил Персии и о необходимости реорганизации персидской армии», поданной на рассмотрение шаху, В.А. Франкини наметил основные пути преобразований. Однако правительство России не было на тот момент заинтересовано в создании в Иране качественных вооружённых сил ⁴⁷³, поэтому продолжения идея шаха о привлечение В.А. Франкини к реформированию на тот момент была заморожена. Тем не менее, желание переустройства своей армии Насреддин-шаха не покинуло. В рамках тех перманентных военных преобразований, которые проводил в стране под эгидой шаха военный министр Хусайн-хан с начала 1870-х гг. и под влиянием выводов В.А. Франкини, в 1878 г. Насреддин-шах посетил Европу. В 1878 г. он вторично

⁴⁶⁹ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 51.

⁴⁷⁰ http://ru.wikipedia.org/wiki/Франкини_Виктор_Антонович.

⁴⁷¹ Исторический вестник. 1893. Т. 50. № 10. С. 279–280.

⁴⁷² Русские военные присутствовали эпизодически в персидской армии на протяжении XIX в. в качестве военных советников и отдельной воинской части, но не инструкторов [Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. 357 с.; Гоков О.А. Русская военная миссия 1853–1854 гг. в Персию в контексте «Восточного вопроса» // Русский сборник. М.: Ретгум, 2012. Вып. 13. С. 74–96; Cronin S. Deserters, Converts, Cossacks and Revolutionaries: Russians in Iranian Military Service 1800–1920 // Iranian-Russian Encounters: Empires and Revolutions since 1800. Abingdon, UK and New York: Routledge, 2012. P. 143–187; Cronin S. Deserters, Converts, Cossacks and Revolutionaries: Russians in Iranian Military Service 1800–1920 // Middle Eastern Studies. 2012. Vol. 48. Is. 2. P. 147–182]. Российский поверенный в делах в Тегеране А.Е. Лаговский в 1857 г., после пребывания в Персии английских офицеров, он писал директору Азиатского департамента Е.П. Ковалевскому: «Присылка сюда (в Персию – О.Г.) офицеров может быть чрезвычайно полезно, внушая персиянам к нам доверие, ибо видя наше желание усилить их страну ... они перестанут мечтать и верить наущениям наших противников о наших намерениях подчинить себе эту страну» [РГВИА. Ф. 446. Д. 35. Л. 2]. Несмотря на то, что на его письме имеется приписка «Интересно, надо обдумать», предложения эти не были реализованы вплоть до второй половины 1870-х гг.

⁴⁷³ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 60.

посетил Европу⁴⁷⁴. Вот как шах рассказывал об этом в 1883 г. начальнику Закаспийской области генерал-лейтенанту А.В. Комарову. «В Европе я присматривался, – сказал он между прочим, – к организации разных армий и принял наконец систему австрийскую⁴⁷⁵ для своей пехоты и артиллерии, и русскую, казачью – для конницы. Существующие ныне регулярные части послужат кадрами для постепенного приведения моей армии к должной численности»⁴⁷⁶.

⁴⁷⁴ Шах ехал через Кавказ и Петербург в апреле–мае 1878 г. 11 [Дневник Д.А. Милютин. 1878–1880. М.: Государственная библиотека СССР имени В.И. Ленина, 1950. Т. 3. С. 53] или 12 [Нива. 1878. № 21. С. 380 // Нива: Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни: Т. 1–49. в 100 т. Репринтное издание 1870–1918 гг. СПб.: Альфарет, 2012–2013. Т. 17: 1878. № 1–26. 484 с.] мая он прибыл в столицу империи Романовых, 13 мая для шаха был устроен парад [Дневник Д.А. Милютин. 1878–1880. М.: Государственная библиотека СССР имени В.И. Ленина, 1950. Т. 3. С. 54], а 16 мая через Варшаву отбыл на Берлин с целью посетить Всемирную парижскую выставку [Дневник Д.А. Милютин. 1878–1880. М.: Государственная библиотека СССР имени В.И. Ленина, 1950. Т. 3. С. 56; Нива. 1878. № 22. С. 399 // Нива: Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни: Т. 1–49. в 100 т. Репринтное издание 1870–1918 гг. СПб.: Альфарет, 2012–2013. Т. 17: 1878. № 1–26. 484 с.]. В прессе подчёркивалось, что, как и в 1873 г., Насреддин-шах приехал как друг России, и даже откровенно указывалось на возможность заключения «оборонительного и наступательного договора» между странами [Нива. 1878. № 21. С. 380 // Нива: Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни: Т. 1–49. в 100 т. Репринтное издание 1870–1918 гг. СПб.: Альфарет, 2012–2013. Т. 17: 1878. № 1–26. 484 с.]. Однако, следует заметить, что такого ажиотажа, как первая (также совершённая в мае, 10 он прибыл в столицу, а 17 покинул её [Богданович Е.В. Наср-Эддин шах и его выезд в Россию в 1873 году. СПб.: Тип. Майкова 1873. 28 с.; Дневник Д.А. Милютин. 1873–1875. М.: Государственная библиотека СССР имени В.И. Ленина, 1947. Т. 1. С. 84, 86; Наср-Эддин. Пребывание шаха Наср-Эддина в России во время первого путешествия его величества по Европе в 1873 году: (Извлеч. из собств. е. вел. дневника). СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1889. 53 с.; Наср-эддин, шах персидский // Нива. 1896. № 19. С. 452, 454; Наср-Эддин, шах персидский // Нива. 1873. № 19. С. 293–295]), вторая поездка персидского правителя по России не вызвала – общественное мнение и политики были отвлечены событиями на Балканах и англо-русским конфликтом. Тем не менее, следует заметить, что посещение шахом Петербурга и приёмы, которые для него и его свиты устраивали при дворе, символизировали, что деятельность дипломатов и военных России в Тегеране по привлечению шаха к России была не напрасной.

⁴⁷⁵ С 1867 г. Австрийская империя была преобразована в Австро-Венгерскую [Трайнин И.П. Национальные противоречия в Австро-Венгрии и её распад. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 104]. Однако в русских источниках, видимо, по привычке, инструкторов, служивших в Иране, именовали австрийцами, а миссию – австрийской. Поэтому в работе мы будем использовать эти наименования как синонимы.

⁴⁷⁶ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 202–203. Впрочем, «реформирование» иранских вооружённых сил возобновилось после первой поездки Насреддин-шаха в Европу в 1873 г. «Только в 1873 году, во время первого своего заграничного путешествия, Насреддин-шах имел случай видеть благоустроенные европейские армии и не мог, конечно, не заметить бездну, отделяющую их от его собственных войск, – писал российский офицер. – Тогда-то, по возвращении из Европы, он и приступил к мероприятиям, которые величаются «военными реформами Насреддина»» [Там же. С. 210] (впрочем, здесь автор был не совсем прав: шах и до 1873 г. отчасти представлял слабость своей армии). Так, например, в 1875 г. был выработан новый закон о воинской повинности, который, однако, так и не вступил в действие [Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1887. С. 554]. По мнению И. Захарова, поездки шаха в Европу (1873, 1878 и 1889) были обусловлены деловыми соображениями. Они «могли стать не только получением информации из первых рук (для модернизации страны – О.Г.), но и были призваны решить ряд насущных проблем, главным образом финансовых» [Захаров И. Насер од-Дин-шах Каджар и проблемы раннего этапа модернизации в Иране (вторая половина XIX века) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.idmedina.ru/books/materials/?2346>]. Однако, нам представляется, что здесь имели место и другие побудительные мотивы. Насреддин-шах был действительно неординарным правителем каджарской династии. Он дольше всех её представителей продержался на престоле. И власть его была сравнительно прочной, о чём свидетельствует то, что в ходе его трёхкратного отсутствия в стране (к слову, впервые в новой истории Ирана шах покидал свою страну надолго) не случилось ни коллапса власти, ни даже покушений на смену правителя. Насреддин-шах идеалом своим видел Петра I. К тому же он был властолюбив и честолюбив. Но не обладал целеустремлённостью своего идеала. Поездками в Европу он стремился удовлетворить своё любопытство и показать себя просвещённым монархом (например, посещение Всемирной парижской выставки в 1878 г.). Не последнюю роль играли и финансовые вопросы (вопрос о концессии Ю. Рёйтеру в 1878 г., желание получить займы в 1889 г.). Без сомнения, имело место и желание ознакомиться с европейскими порядками, чтобы постепенно внедрять их в Иране. Но ни финансовые вливания, ни внедрение европейских образцов не привели к действительным результатам, поскольку осуществлялись без программы, выборочно и бессистемно. Систему власти и организации общества в Иране шах ломать не хотел, да и

В.А. Косооговский сообщал, что «во время второго своего путешествия по Европе в 1878 г. ... из всех европейских войск ему, его министру иностранных дел, первому министру, более всего понравились: австрийские – пехота, сапёры и артиллерия и русские казаки. По возвращении из Европы шах пожелал переформировать свою пехоту, сапёр ... и артиллерию по австрийскому образцу, а кавалерию по образцу русских казаков и заявил о своём желании австрийскому и русскому правительствам с просьбой командировать в Персию соответствующих инструкторов»⁴⁷⁷.

Сложно сказать, были ли далекоидущие планы относительно инструкторской деятельности у шаха в 1878 г.⁴⁷⁸. Однако в том же году его первый министр заключил соглашение с австро-венгерским правительством о найме для обучения своей пехоты и артиллерии австрийских инструкторов на 3 года⁴⁷⁹. Осенью 1878 г. было достигнуто соглашение с российским правительством о командировании в

не мог при сильных позициях духовенства. Мощным сопротивлением европеизации было и при дворе, в том числе в гареме правителя. В большинстве своём противники реформ преследовали личные мелкие интересы, а не думали о развитии страны. Но главное – ситуация полностью устраивала самого монарха.

⁴⁷⁷ Косооговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 390–391. Указанные свидетельства ценны тем, что опровергают до некоторой степени версию, что «ещё задолго до второй поездки в Европу в 1878 г. Насреддин-шах решил реорганизовать пехоту и артиллерию по австрийскому образцу» [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 49]. Утверждение И.В. Базиленко, что «сравнив русскую армию с армиями европейских стран и признав её лучшей среди прочих, шах решил переустроить иранские вооружённые силы по русскому образу и подобию» [Базиленко И.В. Православная Россия и шиитский Иран. По страницам истории отношений (XVI – нач. XX вв.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: christian-reading.info/data/2011/02/2011-02-05.pdf С. 174], естественно, не совсем верно.

⁴⁷⁸ В дальнейшем мы покажем, что идея подготовки на основе кавалерии кадров для иранской армии принадлежала главе первой русской военной миссии – А.И. Домонтовичу. Насреддин-шах, видимо, рассматривал его как своеобразного сменщика В.А. Франкини, призванного реформировать его вооружённые силы.

⁴⁷⁹ Косооговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 391; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 46. Австрийская военная миссия прибыла в Тегеран в январе 1879 г. Австро-иранские отношения на дипломатическом уровне активно начали развиваться с 1856 г., когда между государствами был заключён экономический договор [Истягин Л.Г. Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне первой мировой войны. М.: Наука, 1979. С. 15]. Иранский правитель пытался использовать Австрию, а затем Австро-Венгрию как своеобразный противовес англо-русскому влиянию. Это была уже вторая военная миссия (первая была в 1851–1857 гг.). Правда, как и первая, значительных успехов в развитии военного дела она не привнесла. Как верно отмечал Е.М. Белозерский «Из всех европейских войск великих держав австрийское считается самым слабым по своей дисциплине и самым изысканным по форме. Первое обстоятельство, конечно, не было известно шаху во время его путешествия по Европе, а второе должно быть было решающим при выборе инструкторов» [Белозерский Н.Н. Письма из Персии: От Баку до Испании. 1885-86

г. СПб.: Военная типография, 1886. С. 41]. По сведениям, Леонида Григорьевича Истягина, Британия использовала австрийцев, чтобы ограничить русское влияние на вооружённые силы Ирана [Истягин Л.Г. Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне первой мировой войны. М.: Наука, 1979. С. 15]. К слову, одновременно с военной миссией в Иран для проведения реформирования административной системы в 1880 г. прибыл барон К. Тейфенштейн. Он некоторое время был губернатором одной из провинций, однако не мог перебороть особенности местного администрирования. К тому же пригласивший его хаджи мирза Хусайн-хан впал в немилость и был отстранён от своих должностей. Его сменил младший сын шаха Камран-мирза Наиб ос-Солтане, занявший посты военного министра и губернатора нескольких провинций. Одну из них он уступил австрийцу в управление, но никакой поддержки не оказал. В итоге, К. Тейфенштейн вынужден был оставить свою должность и вернулся на родину [Тейфенштейн К. В Персии // Нива. 1885. № 16. С. 382–383].

Иран для обучения кавалерии русских инструкторов⁴⁸⁰. Таким образом, мысль о привлечении российских военных к преобразованиям в шахской армии, высказанная генерал-майором в рапорте от 29 августа 1877 г., послужила своеобразным прологом к созданию в 1879 г. Персидской казачьей бригады – части, представлявшей собой сначала полк, позже развёрнутый в бригаду, под руководством русских военных инструкторов⁴⁸¹.

Таким образом, в истории русского военного проникновения в Иран с начала 1830-х гг. можно выделить 3 периода. Первый – с 1830-х гг. до середины 1840-х гг. Это время русско-иранского сближения: пост российского полсаника занимали представители Военного ведомства, российские офицеры были военными советниками при иранской армии, активно изучали Иран. К указанному времени относится и первая военная миссия в Персию во главе с Н.Ф. Масальским. Вторым этапом стало время от Крымской войны 1853–1856 гг. до середины 1870-х гг. Именно в период указанной войны была попытка осуществить вторую военную миссию из России в Иран. В силу политических соображений она так и не состоялась. Тем не менее, здесь уже просматривалось отличие от первого периода, в частности, предполагалось использовать иранские вооружённые силы под российским руководством и для российских же целей в борьбе с Османской империей. 1877 год можно рассматривать как важную веху – начало нового этапа в русско-иранских отношениях. Он характеризовался постепенной всеобъемлющей экспансией России в Иран, стремлением иранского правительства, в силу своей слабости не имевшего возможности к открытому сопротивлению, использовать Россию в качестве противовеса экспансии Великобритании с целью сохранения хотя бы частичной независимости путём игры на противоречиях держав.

⁴⁸⁰ Ознакомительная поездка будущего главы военной миссии подполковника Генерального штаба А.И. Домонтовича состоялась в декабре 1878 – феврале 1879 гг. После подписания контракта, офицер вернулся в Россию, сформировал инструкторский состав, с которым в мае 1879 г. вернулся в Тегеран и приступил к обучению выделенных ему кавалеристов.

⁴⁸¹ Следует заметить, что в период подготовки миссии, как следует из проекта инструкции военным агентам, впервые был поднят вопрос о создании в Тегеране должности постоянного военного агента. Однако исследование В.А. Франкини «закрыло» эту тему. Очевидно, что его коллега оставался в Тегеране до окончания войны с Турцией. Однако в дальнейшем кавказское начальство решило ограничиться в Иране постоянным негласным военным агентом, в должности Заведующего обучением персидской кавалерии.

ГЛАВА 2

СОЗДАНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ПКБ (1878–1882 ГГ.)

2.1. Причины создания ПКБ

Можно смело утверждать, что создание ПКБ было непосредственным следствием миссии 1877 г. Реорганизация части персидской армии была возложена на подполковника ГШ Алексея Ивановича Домонтовича⁴⁸².

Интересным представляется вопрос, почему в распоряжение русских была отдана именно кавалерия, которая регулярных подразделений в европейском смысле не имела. На этот счёт существует несколько версий. Первую и наиболее распространённую из них изложил в своих воспоминаниях А.И. Домонтович. «Двадцать восемь лет тому назад, – писал он, – Насреддин-шах во время своего второго путешествия в Европу, проездом по Эриванской губернии, всюду был встречаем и сопровождаем частями кавказских казачьих полков, которые по окончании Турецкой войны (русско-турецкой 1877–1878 гг. – О.Г.) были расположены в разных местах этой губернии. Внешний вид этих боевых полков, их красивая обмундировка и блестящее снаряжение привлекли внимание шаха. При дальнейшем же следовании по пути он имел случай убедиться и во внутренних высоких качествах этой кавалерии. Лихая, отчаянной смелости, одиночная езда казаков напоминала ему отчасти вольную не стесняемую никакими регламентами езду персидской конницы. Но в то же время какая-то внушительная тишина и грозная сплочённость строя казачьих полков более близкая его сердцу, чем мертвенная скованность полков европейской кавалерии, вызвали восторженное его удивление. Задумав незадолго до того произвести преобразование всех военных сил, шах затеял по этому поводу сношения с австрийским правительством, результатом чего в скором времени ожидалось прибытие в Тегеран австрийской военной миссии всех родов оружия, кроме кавалерии. Относительно последней пока ещё не было

⁴⁸² Встречается и другое написание фамилии – Домантович. Оно основано на дореволюционном написании, согласно которому в части слов, пишущихся сегодня через «о», писалась буква «а» (напр.: котораго, перваго, сердечнаго, твёрдаго и пр.). К слову, это касается и фамилии первого историка ПКБ В.А. Косоговского.

определённого решения ... Неизгладимое впечатление, произведённое на Насреддин-шаха казаками, бесповоротно решило этот вопрос в пользу России. По прибытии в Тифлис шах обратился к наместнику Кавказа великому князю Михаилу Николаевичу, выразив желание пригласить на службу в Персию русских офицеров для формирования по образцу казаков части отборной кавалерии, на что в скором времени последовало Высочайшее соизволение»⁴⁸³.

Своеобразный подход продемонстрировал Н.К. Тер-Оганов. Изложив «официальную» версию, предложенную А.И. Домонтовичем, он бегло остановился на миссии В.А. Франкини, вполне обоснованно отметив, что «идея переустройства иранской регулярной армии возникла благодаря деятельности генерала Виктора Антоновича Франкини»⁴⁸⁴. Далее он сделал вывод, что «Насреддин-шах принял решение реорганизовать армию ещё задолго до своей второй поездки в Европу в 1878 г., а не во время неё, как об этом утверждали в научной литературе»⁴⁸⁵. Тем не менее, на рассматриваемый нами вопрос о том, какие причины побудили шаха отдать для обучения русским кавалерию, исследователь ответа не дал, фактически оставшись на версии А.И. Домонтовича.

Вторая версия была предложена одним из инструкторов казачьих частей – Меняевым. Её можно рассматривать как основанную на своего рода «бригадной»

⁴⁸³ Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 2. С. 331–332. Эту же версию воспроизвели в своих работах многие другие историки [Базиленко И.В. Православная Россия и шиитский Иран. По страницам истории отношений (XVI – нач. XX вв.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: christian-reading.info/data/2011/02/2011-02-05.pdf. С. 174–175; Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 138; Павлович М., Иранский С. Персия в борьбе за независимость. М.: Научная ассоциация востоковедов при ЦИК СССР, 1925. С. 85; Павлович М.П. Казачья бригада в Персии (из истории персидской контрреволюции) // Новый Восток. 1925. Кн. 8/9. С. 181; Atkin M. Cossack Brigade // *Encyclopædia Iranica*. Vol. VI. Fasc. 3. P. 329–333 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iranicaonline.org/articles/cossack-brigade>; Babich P. A Russian officer in Persian Cossack Brigade: Vladimir Andreevich Kosagovskii. Budapest: CEU, 2014. P. 29; Cronin S. The Army and Creation of the Pahlavi State in Iran, 1921–1926. I.B.Tauris, 1997. P. 54; Kazemzadeh F. The Origin and Early Development of the Persian Cossack Brigade // *The American Slavic and East European Review*. 1956. Vol. 15. P. 352–353; Farrokh K. Iran at War. 1500–1988. Oxford: Osprey, 2011. P. 216; *Reza Ra'iss Tousei*. The Persian Army, 1880–1907 // *Middle Eastern Studies* 1988. Vol. 24. Is. 2. P. 219; Ward S.R. Immortal: a military history of Iran and its armed forces. Washington: Georgetown University Press, 2009. P. 82. Л.М. Кулагина повторила указанную версию, однако допустила оплошность, утверждая, что шах проезжал в 1878 г. по возвращении из Европы по Закаспийскому краю [Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 136]. «После второго европейского турне в 1878 г., во время путешествия Насреддин-шаха по Закаспийскому краю его повсюду сопровождало подразделение русских казаков. Их искусство верховой езды, организованность, яркая униформа произвели на шаха положительное впечатление, и он выразил желание организовать подразделение конницы в своей армии по образцу русских казачьих полков для личной охраны», – писала она. Повторил версию А.И. Домонтовича и М.Е. Болтунов, с указанием и роли И.А. Зиновьева [Болтунов М. Разведка «под крышей». Из истории спецслужбы. М.: Вече, 2015. 368 с. // <http://rutlib.com/book/7191/p/15>]. Но при написании раздела, посвящённого ПКБ публицист использовал наши материалы, но без ссылки на них. Поэтому как оригинальную версию использовать мы его утверждения не можем.

⁴⁸⁴ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 51.

⁴⁸⁵ Там же. С. 51–52.

устной традиции, поскольку её повторяли многие обер-офицеры и урядники, служившие в ПКБ⁴⁸⁶. «Во время пребывания шаха в Петербурге, – сообщал Меняев, – ему очень понравился конвой его величества, и с того времени он решил сформировать у себя подобный же конвой»⁴⁸⁷. Точного года пребывания Насреддин-шаха в столице России офицер не указал. Не сделал этого и другой офицер – Аслан-бек, – писавший о ПКБ уже в XX в. «Когда Насреддин-шах Каджар посетил Россию и на царском смотре увидел казачью джигитовку, – сообщал он, – то он так восхитился, что просил государя Александра Второго прислать ему инструкторов для обучения персидских солдат этому искусству. Император дал свое согласие и командировал в Персию полковника ГШ Домонтовича с несколькими казачьими урядниками – хорошими джигитами»⁴⁸⁸. Поскольку шах побывал там дважды – в 1873 и 1878 гг., – то это дало историкам возможности для вариантов⁴⁸⁹. Современный историк-публицист Александр Борисович Широкоград несколько развил вторую версию. По его мнению, «основа» для приглашения российских инструкторов была заложена пребыванием шаха в Петербурге в 1873 г. «Больше всего в Петербурге Насреддину понравилась джигитовка лейб-казачьего полка, – писал он. – В беседе с императором шах попросил оказать содействие в создании в

⁴⁸⁶ «Сообщение г. Аслан-бека, помещённое и в казачьем журнале "Сполох" (Австралия), – сообщал редактор «Часового», – позволяет нам подтвердить все наши данные о превосходной воинской части, созданной Россией в тогдашней Персии, о чём нам много рассказывали наши, ныне покойные, друзья – бывшие офицеры Персидской бригады: Марков, Балакин и Калугин» [Аслан-бек. Персидская казачья бригада // Часовой. 1980. № 623 (1). С. 12]; «Насреддин-шах, будучи в гостях у императора Александра II, видел конвой Его Величества во всей красоте и захотел иметь у себя в Персии такое же войско, – сообщал служивший в 1917–1920 гг. в ПКБ С.С. Булацель. – И вот поэтому была сформирована в Персии Персидская казачья Его Величества Шаха бригада, состоявшая из Тегеранского и Тебризского отрядов» [Булацель С. Воспоминания о службе в персидской казачьей Его Величества Шаха дивизии // Русская армия в изгнании. М.: Центрполиграф, 2003. С. 370; правда, отряды эти, одним из которых С.С. Булацель командовал, были сформированы в XX в.). П.А. Фадеев, служивший в тогда уже Персидской казачьей дивизии с июля 1920 г., писал, что «эта дивизия, по желанию шаха из династии Каджаров, называлась казачьей, потому что шах в 1913 году, будучи в Петербурге, видел казачьи формы, джигитовку и выразил своё желание организовать персидскую армию на манер казачьих частей с формой и названием Персидского казачьего войска» [Фадеев П. Персидская революция // Русская армия в изгнании. М.: Центрполиграф, 2003. С. 375] (здесь явная опечатка или ошибка в годе: не 1913, а 1873 г.); а служивший в ПКБ с 1914 г. по 1918 г. поручик 14-го гусарского Митавского полка Высоцкий указывал, что «когда Наср-Эддин Шах посетил Россию и на Царском смотре увидел казачью джигитовку, она ему так понравилась, что он просил Государя Александра II-го прислать ему инструкторов для обучения персидских солдат этому виду конного спорта. Государь дал своё согласие и командировал в Персию полковника ГШ Домонтовича с несколькими казачьими урядниками – хорошими джигитами» [Высоцкий. Персидская казачья бригада // Военная быль. Париж. 1968. № 89. С. 11].

⁴⁸⁷ Мисль-Рузем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 140.

⁴⁸⁸ Аслан-бек. Персидская казачья бригада // Часовой. 1980. № 623 (1). С. 11. Автор заблуждался относительно звания А.И. Домонтовича и состава первой миссии, да и, как и многие другие, неточно воспроизводил алгоритм принятия решения о присылке инструкторов.

⁴⁸⁹ И в первую, и во вторую встречи шаху были устроены смотры войск и в обоих случаях на них присутствовали конвойцы. Правда, если о параде и учениях 1873 г. имеются более или менее точные данные [Дневник Д.А. Милотина. 1873–1875. М.: Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В.И. Ленина, 1947. Т. 1. С. 85], то о параде 13 мая 1878 г. – только упоминание.

Персии казачьих частей. Александр II ответил на просьбу шаха согласием. Вскоре в Персию был направлен полковник Генштаба Домонтович»⁴⁹⁰. Историк Дмитрий Владимирович Сень указывал, что в мае 1873 г. «конвой в конном строю и в полной парадной форме» действительно «встречал шаха Персидского». «Выучка и лихая джигитовка казаков произвели на Насреддин-шаха большое впечатление, и он загорелся желанием создать подобную воинскую часть в Иране. Дело закончилось созданием Персидской казачьей бригады»⁴⁹¹. Несколько по-иному изложил в начале XX в. вторую версию офицер-эмигрант, служивший в ПКБ, Серафим Михайлович Калугин. «Насреддин-шах в 1879 году посетил Петербург, – сообщал он. – Шах заинтересовался конвоем Государя и выразил желание иметь подобный же у себя в Персии. По его просьбе, для организации этой воинской части и её обучения, были командированы в Тегеран русские офицеры-инструкторы, по назначению русского ГШ, но с предварительным согласием шаха»⁴⁹². Фактически эту версию воспроизвели и составители словаря-справочника по кубанскому казачеству. «В 1878 г. Россию посетил персидский Насреддин-шах Каджар, – писалось в нём. – Во время поездки ему очень понравилась форма обмундирования, снаряжение и молодецкая езда конвойских казаков. Поэтому при встрече с Александром II он просил его прислать инструкторов для преобразования персидской конницы»⁴⁹³. Естественно, утверждение, что шах впервые увидел казачий конвой императора в 1878 г.⁴⁹⁴, не соответствует действительности. Конвойцев первый раз Насреддин-шах видел во время первой поездки по Европе в 1873 г. Скорее всего, здесь произошло смешение рассказов о поездках шаха: конвой представили ему впервые в 1873 г., но запрос о русских инструкторах был сделан им в 1878 г. Не смотря на различия в изложении и откровенные ошибки, связанные либо с неосведомлённостью, либо с неточными сведениями, основанными на устной традиции (бытовавшей, видимо, среди инструкторов), вторая версия имеет под собой основание то, что с момента формирования ПКБ при ней был создан

⁴⁹⁰ Широкоград А. Персия-Иран: империя на Востоке. М.: Вече, 2010. С. 98–99.

⁴⁹¹ Сень Д.В. Императорский конвой и участие в нём казаков Кубани [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cossackweb.narod.ru/kazaki/r_konv04.htm#28.

⁴⁹² Калугин С. Персидская казачья Его Величества Шаха Персии дивизия // Русская армия в изгнании. М.: Центрполиграф, 2003. С. 364. Здесь ошибочно указан 1879 г. К тому же автор говорит о Генеральном штабе, которого как отдельной структурной единицы в 1878–1879 гг. не существовало.

⁴⁹³ Военный лексикон кубанских казаков: словарь-справочник. Краснодар: Краснодарские известия, 2007. С. 69.

⁴⁹⁴ Стрелянов (Калабухов) П.Н. Корпус генерала Баратова, 1915–1918 гг. М.: Б. и., 2002. 166, [1] с. С. 122.

гвардейский полуэскадрон, обмундированный в форму Лейб-гвардии Казачьего полка.

В XX в. обе указанные версии частью историков были объединены. Таким образом, сформировалась третья, варьирувавшаяся разными исследователями по своему.

Советский историк Н.Р. Рихсиева утверждала, что «определённую роль в выборе играло личное желание Насреддин-шаха (1848–1896 гг.), которого в неоднократных поездках по России сопровождали русские казачьи части и покорили его выправкой и дисциплиной»⁴⁹⁵.

Историки-публицисты Павел Николаевич Стрелянов и Алексей Васильевич Шишов в своих компилятивных работах попросту объединили первые две версии. Так, первый из них писал следующее. «В 1879 году, во время своего второго путешествия в Европу, персидский шах Насреддин в поездке по России посетил Петербург, где был гостем императора Александра II. Там он впервые увидел и заинтересовался Собственным его императорского величества конвоем. Восхищённый молодецким видом и строевой лихостью казаков Конвоя, шах пожелал иметь подобную воинскую часть у себя в Персии». Далее историк попросту пересказал версию, изложенную в воспоминаниях первого главы русской военной миссии⁴⁹⁶. Несколько иными словами, но по той же схеме причины создания будущей ПКБ были изложены и в публикации А.В. Шишова. «Свою историю она (ПКБ – О.Г.) ведет с 1879 года, – писал он. – В тот год персидский шах Насреддин, совершая свою вторую поездку по столицам Европы, посетил и Санкт-Петербург, где восточный владыка был встречен с подобающими почестями. Император Александр II среди прочего повелел показать высокому гостю Собственный Его Императорского Величества конвой. Молодецкий вид, строевая лихость и джигитовка кавказских казаков-гвардейцев поразили шаха. И он пожелал иметь у себя такую воинскую часть конников-телохранителей». Затем, как и у

⁴⁹⁵ Рихсиева Н.Р. К истории иранских казачьих частей (по архивным материалам) // Научные труды Ташкентского государственного университета им. В.И. Ленина. Вып. 564. Востоковедение (литературоведение, история). Ташкент, 1978. С. 130.

⁴⁹⁶ Стрелянов (Калабухов) П.Н. Казаки в Персии 1909–1918 гг. М.: Центрполиграф, 2007. С. 213–215.

предыдущего автора, следовал пересказ А.И. Домонтовича⁴⁹⁷. Как видим, указанные работы были лишены собственных выводов публицистов и грешили значительными неточностями⁴⁹⁸.

Интересную трактовку причин создания ПКБ приводил В.А. Косооговский. «В начале своего царствования Насреддин-шах (1848–1896), чтобы пополнить своё скудное образование, начал читать, различные книги: в особенности ему нравилась военная история. Из неё он узнал про подвиги русских казаков в различных войнах и в особенности поразило его воображение описание их действий в 1812 г., когда они навели ужас на всю Европу: у него тогда же зародилась мысль попытаться завести и в своём государстве нечто подобное. Насреддин-шаху нравилось это войско, которое, при несомненной пользе, очень мало стоило русскому правительству, да и по складу и привычкам близко подходило ко многим из племён, обитающих в его стране: из них он намеревался создать отборный отряд под начальством иностранца, по образцу которого он мог бы мало-помалу переформировать и всю остальную персидскую конницу, так что такой отряд, обученный по европейскому образцу, мог бы служить как бы кадром. В 1870 г.⁴⁹⁹ Насреддин-шах предпринял первое путешествие по Европе, но занятый осмотром фабрик и заводов, официальными визитами к царствующим особам, а также посещением достопримечательностей европейских городов, он не успел познакомиться с казаками на месте. Это удалось ему сделать только во время второго своего путешествия по Европе в 1878 г., когда из всех европейских войск ему, его министру иностранных дел мирзе Сеид-хану, военному министру Хаджи-мирза Гусейн-хану и Мушир од-Доуле сепехсалар-азаму⁵⁰⁰, первому министру, более всего понравились: австрийские – пехота, сапёры и артиллерия и русские казаки. По возвращении из Европы шах пожелал переформировать свою пехоту, сапёр ... и артиллерию по австрийскому образцу, а кавалерию по образцу русских

⁴⁹⁷ Шишов А.В. Персидский фронт (1909–1918). Незаслуженно забытые победы. М.: Вече, 2010. С. 18–20.

⁴⁹⁸ Например, везде неверно был указан год путешествия шаха в Европу.

⁴⁹⁹ Тут явная опечатка или ошибка. Первое путешествие шаха в Европу состоялось в 1873 г. [История Ирана. М.: Изд-во Московского ун-та, 1977. С. 263].

⁵⁰⁰ Речь идёт, на самом деле не о двух, а об одном лице – мирзе Хусайн-хане (Гусейн-хане в передаче В.А. Косооговского и А.И. Домонтовича) Мушир од-Доуле. В рассматриваемое время он совмещал посты военного министра и садр-азама (первого министра). В данном случае здесь, скорее всего, ошибка публикатора записок В.А. Косооговского.

казаков и заявил о своём желании австрийскому и русскому правительствам с просьбой командировать в Персию соответствующих инструкторов»⁵⁰¹.

Как видим, каждая из версий обращает внимание на отдельные моменты, все они имеют «точки соприкосновения», но при этом, и значительно разнятся в деталях⁵⁰². Версии А.И. Домонтовича и В.А. Косооговского, исходя из архивных материалов, более близки к реальному ходу дел. Хотя исключать того, что шаху понравился казачий конвой русского императора также не стоит. Вызывает только сомнение факт, что шах изначально хотел создать кадры для реформирования армии и конницы в частности. Идея эта была выдвинута А.И. Домонтовичем, но до конца XIX в. развития не получила. Из всех версий очевидно, лишь то, что во время пребывания в России Насреддин-шаху действительно приглянулись кавказские казаки. Это, в свою очередь, сыграло важную роль в организации русской военной миссии, облегчив задачу дипломатов.

Тем не менее полностью согласиться с мнением некоторых историков, что инициатива создания полка по образцу русских казаков принадлежала исключительно иранской стороне⁵⁰³ нельзя. Не была она и кратковременной, сиюминутной прихотью шаха⁵⁰⁴. Новый виток реформирования иранских войск был инициирован первым министром шаха в 1875 г.⁵⁰⁵, убедившим его вновь пригласить иностранных инструкторов. Миссия В.А. Франкини сыграла значительную роль в подготовке почвы для приглашения русских военных в иранскую армию. Именно после неё в 1878 г. персидский шах Насреддин совершил поездку по европейским странам, одной из целей которой было знакомство с армиями последних. Результатом стало приглашение австрийских и русских военных инструкторов для

⁵⁰¹ Косооговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 390–391.

⁵⁰² Интересно, что советские и западные историки отталкивались от версии А.И. Домонтовича, в то время, как историки и публицисты русской диаспоры – от меняевского варианта. Нынешние историки и публицисты используют оба варианта в зависимости от предпочтения используемых источников.

⁵⁰³ Babich P. A Russian officer in Persian Cossack Brigade: Vladimir Andreevich Kosagovskii. Budapest: CEU, 2014. P. 29 (Указанный автор ссылается на мнение М. Аткин, якобы высказанное в её работе Atkin M. Russia and Iran, 1780–1828. Minneapolis: Minnesota Archive Editions, 1980. 232 p. на с. 329–330. Однако таких страниц в книге нет, не нашли мы и само высказывание).

⁵⁰⁴ Babich P. A Russian officer in Persian Cossack Brigade: Vladimir Andreevich Kosagovskii. Budapest: CEU, 2014. P. 53.

⁵⁰⁵ Farrokh K. Iran at War 1500–1988. Oxford: Osprey, 2011. P. 216.

очередного реформирования вооружённых сил Ирана⁵⁰⁶. На реорганизацию иранской армии претендовали, помимо России и Великобритании, Австро-Венгрия, Бельгия и Франция⁵⁰⁷. Получение той или иной державой права на преобразование персидских войск во многом зависело от желания шаха, а, следовательно, и от степени влияния на него отдельных дипломатических представителей. Соглашение о присылке российских инструкторов не могло быть организовано помимо российского чрезвычайного посланника и полномочного министра при персидском

⁵⁰⁶ Имея в качестве идеала реформатора Петра I, Насреддин-шах старался походить на него. Однако воли и решимости российского императора он не имел. Это касалось и военных реформ. «О военном деле шах, по-видимому, имеет очень смутное понятие, – отмечал Мисль-Рустем, характеризуя новый виток преобразований, начавшийся с конца 1870-х гг., – потому что позволяет дурачить себя покушкой старых удилищ и вооружения, никуда не годных, у австрийцев и пруссаков» [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 61–62]. «По обыкновению всех подражателей, шах прежде всего обратил внимание, конечно, на внешность своего воинства и одел пехоту и артиллерию в куртки австрийского покроя, – отмечал русский исследователь. – Затем он снабдил не все войска, а только показную часть их, столичный гарнизон, австрийскими же по преимуществу инструкторами; организовал четыре порядочных оркестра музыки и одну плохую школу для приготовления офицеров, и, наконец, поручил своим чиновникам, изрядно при этом нажившимся, закупить в Австрии оружие, о достоинствах которого не трудно судить по остроумному замечанию одного из правдивых биографов Насреддина, что посланник Австро-Венгрии только для того и сидит в Тегеране, чтобы сбывать персам весь негодный военный материал своего государства... Всё это действительно изменило внешность тегеранского гарнизона, но ровно ничего не внесло в дело улучшения внутренних качеств не только всей армии, но даже этих нескольких батальонов, расположенных в столице и составляющих гордость шаха» [Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 210–211]. Нужно заметить, что по соглашению о приглашении австрийской военной миссии иранская сторона брала на себя обязательство обязательно закупать вооружение и снаряжение австрийского производства [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 47]. Благодаря этому вплоть до 1890-х гг. австрийские фирмы поставляли сукно на обмундирование иранских войск и шахской свиты [Всепопданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 38]. Значительное количество ружей Верндля и пушек Ухациуса также поступили в персидские арсеналы из Австро-Венгрии за деньги. Русские дипломаты при подписании договора о найме российских инструкторов такой смётки не проявили: вооружение будущая ПКБ получила в дар от России; одежда была закуплена в России, но единоразово и только для ПКБ. Такое положение вещей не было чем-то удивительным. Российская предпринимательская деятельность за пределами империи развивалась не слишком активно. Например, работа современной российской исследовательницы показывает, что в регионе Балкан, Ближнего и Среднего Востока в экономической деятельности Россия к началу XX в. всюду уступала Австро-Венгрии. Исключение составляла Персия, находившаяся к тому времени под плотным политическим контролем империи Романовых. Там же, где такового контроля не было российские предприниматели проигрывали. Причины этого в том, что те же представители габсбургской монархии тщательно изучали будущее «поле деятельности», приспосабливались к его условиям ориентировались на запросы и потребности местных жителей и на чёткое исполнение договорных обязательств. Кроме того, австрийский бизнес охотно кредитовал местных предпринимателей. Всего этого российские дельцы избегали. Случай с ПКБ австрийской военной миссией является классическим подтверждением разницы в политическом и экономическом подходах руководителей двух монархий в отношении Ирана [Боташёва Б.З. Экономические связи Австро-Венгрии со странами Балканского полуострова и Ближнего Востока в 1867–1914 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2009. С. 162–194].

⁵⁰⁷ В частности, англичане предлагали свои услуги по реорганизации кавалерии [Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 2. С. 332; Об успехах англичан в деле создания индийской кавалерии см.: Duckers P. The British-Indian Army 1860–1914. Princes Risborough: Shire Publications, 2003. 56 p.; MacMunn G.F. The Armies of India. New Delhi: Lancer Publishers, 2010. 224 p.; Rivett-Carnac S. The Presidential Armies of India. New Delhi: Lancer Publishers, 2010. 477 p.]. Правда, когда именно это произошло – в 1873 г. или позже – неясно. Однозначно оно было сделано между 1873–1878 гг. Однако предложение это не прошло по нескольким причинам, основной из которых была воля шаха. Дело в том, что к концу 1870-х гг., во многом под влиянием русского посланника в Тегеране А.И. Зиновьева, англо-иранские отношения разладились. Значительную роль в позиции персидского правителя сыграло и то, что во время второго путешествия по Европе он хорошо был принят в Петербурге. В Лондоне же королева Виктория «принять его не смогла» [Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60–70-е гг.). Ташкент. Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 215].

дворе Ивана Алексеевича Зиновьева⁵⁰⁸. Это был по-своему уникальный дипломат, сыгравший значительную роль в русско-персидских отношениях последней трети XIX в. Своим дипломатическим мастерством и личными качествами он добился дружеского отношения к себе со стороны Насреддин-шаха и его первого министра. Это позволяло ему блокировать большинство попыток англичан подчинить Персию своему влиянию⁵⁰⁹. «Конец 70-х годов и начало 80-х, – не без основания отмечал исследователь конца XIX в., – особенно время представительства г. Зиновьева, даже по отзыву англичан, считается эпохой решительного преобладания России»⁵¹⁰. «Иван Алексеевич Зиновьев, – характеризовал его А.И. Домонтович, – человек средних лет, невысокого роста, сухощавый с нервным и подвижным лицом и с быстро бегающими глазами. Серьёзный, приветливый, он своим внимательным отношением к словам собеседника чрезвычайно располагал его в свою пользу. Во время трёхгодичного моего прибывания в Персии, при частых сношениях с Зиновьевым я имел достаточно случаев хорошо ознакомиться с ним и даже почти изучить его. Иван Алексеевич человек бесспорно выдающийся на своём посту. Практически ознакомленный по своей продолжительной службе в Персии, Румынии, Турции и опять Персии, он при своих обширных теоретических познаниях обладал способностью и трудолюбием. Кроме обычных иностранных языков он отлично говорил по-турецки и персидски. Долгая служба Зиновьева на Востоке, хорошо ознакомив его с противником на дипломатическом поприще, с его увёртками и затягиванием дела, привила ему самому эти качества и дала сильное оружие в

⁵⁰⁸ Зиновьев Иван Алексеевич (26 ноября 1835 – 4 февраля 1917). В 1851 г. окончил курс в московском Лазаревском институте восточных языков и поступил на службу в Московский главный архив Министерства иностранных дел, откуда в 1852 г. перешёл в департамент внутренних сношений того же министерства. На службе продолжал занятия восточными языками и в 1855 г. за сочинение «Эпические сказания Ирана» получил степень магистра восточной словесности в Санкт-Петербургском университете. Занимал разные дипломатические должности на Востоке. В 1871 г. назначен дипломатическим агентом при румынском князе Кароле I и представлял Россию в Комиссии по разграничению сфер влияния европейских держав на Дунае. В 1876 г. аккредитован в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра при шахе персидском. Во время Закаспийской экспедиции 1880 г. консультировал генерала М.Д. Скобелева по политическим вопросам и содействовал в заготовке на территории Персии фуража и продовольствия для русского экспедиционного отряда. В 1881 г. И.А. Зиновьев успешно закончил переговоры с персидским правительством по разграничению между Персией и Закаспийской областью, что дало России возможность завершить подчинение туркменских племён [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz/>].

⁵⁰⁹ Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60–70-е гг.). Ташкент. Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 370, 377.

⁵¹⁰ Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. С. 411.

борьбе с этим противником. Весьма труден был для него турнир с таким дипломатом, как министр иностранных дел в Персии, знаменитый сипехсалар Азам Гусейн-хан, но Зиновьев всегда приводил его к желанному для себя результату. Как видно, у Ивана Алексеевича было всё, чтобы быть деятелем замеченным не одним только дипломатическим ведомством»⁵¹¹. Благодаря его стараниям были обеспечены дипломатическая и, отчасти, военная стороны покорения части туркменских земель Россией⁵¹². 24 июня 1879 г. в Тегеране была подписана телеграфная конвенция между Россией и Персией, по которой русский телеграф в Чикишляре был присоединён к англо-индийской телеграфной сети, доходившей до Астрабада⁵¹³. Фактически это была концессия на постройку телеграфной линии между Астрабадом и Чикишляром к северу от залива Хасан-Кули (линия обслуживалась в дальнейшем русским персоналом). Кроме того, он блокировал стремления английского представителя открыть реку Карун для судоходства⁵¹⁴. Посланник содействовал российским офицерам в их поездках по Персии для изучения страны⁵¹⁵. При его же деятельном вмешательстве кавалерию шаха было решено преобразовать по образцу российских казаков. Это подтверждает письмо товарища министра иностранных дел Николая Павловича Шишкина начальнику Главного штаба Николаю Николаевичу Обручеву в 1894 г.: «Пятнадцать лет назад бывший посланник наш в Тегеране тайный советник Зиновьев побудил шаха обратиться к нашему содействию для образования персидской кавалерии по образцу нашего казачьего войска ... имея в виду главным образом приобретение влияния на персидское правительство и помешать другим, враждебным нам правительствам, взяться за это дело»⁵¹⁶. Под враждебным правительством понималось британское. Впоследствии, отвечая на неодобрение со стороны английского посланника в

⁵¹¹ Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 3. С. 577.

⁵¹² Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб.: Тип. В.С. Балашёва, 1884. Т. 4. Приложения. С. 116; Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60–70-е гг.). Ташкент. Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. 456 с.

⁵¹³ Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60–70-е гг.). Ташкент. Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 370.

⁵¹⁴ История Ирана. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 260. Халфин Н.А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX века) // Труды Среднеазиатского государственного университета им. В.И. Ленина. Новая серия. Вып. 110. Исторические науки. Кн. 21. Ташкент: Издательство САГУ, 1957. С. 115–116.

⁵¹⁵ Впоследствии в его заслугу можно поставить подписание русско-персидской пограничной конвенции 1881 г.

⁵¹⁶ РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 27–28. Интересно, что ещё в 1875 г., анализируя русскую военную политику в Иране после 1840-х гг., российский военный историк М.А. Терентьев писал «Тем не менее ради противодействия чужеземному влиянию, нам не худо бы разрешить своим офицерам службу в персидских войсках» [Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: Тип. П. П. Меркульева, 1875. С. 206].

Тегеране Рональда Тэйлора Томпсона, высказанное иранскому первому министру, шах написал: «У нас есть офицеры и служащие разных национальностей и религий. Мы пожелали иметь одного-единственного русского для того, чтобы он обучал несколько сотен наших кавалеристов, как казаков. Это и есть прибывший офицер. Персия – не Афганистан, она – независимая держава и считает нужным иметь дружественные и сердечные отношения со всеми странами, особенно с такими, как Англия и Россия»⁵¹⁷.

Таким образом, появление русских инструкторов в вооружённых силах Ирана произошло в контексте военных реформ, проводившихся военным министром Хусайн-ханом с начала 1870-х гг. и под влиянием деятельности и выводов В.А. Франкини, посетившего Персию в 1877 г. Побудительными мотивами приглашения российских казачьих офицеров и урядников для обучения части персидской кавалерии стало впечатление, произведённое на шаха казачьими формированиями во время его посещения империи Романовых, а также влияние на персидского правителя и его военного министра русского посланника И.А. Зиновьева. Без сомнения создание ПКБ следует рассматривать в контексте «Большой игры» – понимаемой в узком, специально-научном смысле как сначала борьбу Великобритании против Российской империи, переросшую в англо-русское противостояние на территориях Азии и Европы, а отчасти даже Африки. Длилась она с последней трети XVIII в. до 1917 г., т.е до распада Российской империи и протекала в идеологической, политической, военной и экономической сферах.

2.2. Первая поездка А.И. Домонтовича. Подписание контракта на обучение части персидской кавалерии

Алгоритм принятия решения о посылке А.И. Домонтовича был следующим. Шах, будучи ещё на Кавказе, обратился к кавказскому наместнику с просьбой о

⁵¹⁷ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 139.

присылке офицеров. Великий князь предложил царю послать инструкторов, Александр II одобрил данное предложение. И.А. Зиновьев был здесь и организатором, и стимулятором шахских интересов, и «передаточным звеном», т.к. все сношения с персидскими властями велись через него. В качестве главы будущей военной миссии от России, по рекомендации наместника на Кавказе великого князя Михаила Николаевича⁵¹⁸, в конце ноября 1878 г. был направлен подполковник ГШ А.И. Домонтович. Сложно сказать, какими мотивами руководствовался великий князь, выбирая офицера на должность в Персию. А.И. Домонтович не имел никакого понятия о стране, куда его посылали, не знал языка. «Слишком незнакома была эта страна, – писал он, – все представления о которой, вынесенные из учебных заведений, оканчивались Дарием Кодоманом⁵¹⁹. Дальнейшая же история Персии положительно заволакивалась непроницаемыми потёмками»⁵²⁰. Видимо, в основу выбора были положены личные связи и качества подполковника. А.И. Домонтович происходил из старинного запорожского рода, числился в Кубанском казачьем войске. В службу вступил 4 июля 1863 г. После окончания 2-го Московского кадетского корпуса (1863 г. переименованного в 3-е военное Александровское училище) по первому разряду в 1864 г. произведён в хорунжие и переведён в Михайловское артиллерийское училище. Из него А.И. Домонтович был выпущен в конно-артиллерийскую № 11 батарею Кубанского казачьего войска. В 1868 г. произведён в сотники, а в 1872 г. – в есаулы. В 1875 г. окончил Николаевскую академию ГШ по 2-му разряду и был зачислен в ГШ с переименованием в капитаны ГШ⁵²¹. Далее служил старшим адъютантом штаба 38-й пехотной дивизии (9.07.1875

⁵¹⁸ Английский историк Ф. Казем-заде утверждал, что назначил А.И. Домонтовича начальник штаба кавказского военного округа генерал-лейтенант ГШ П.П. Павлов [Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 138]. Однако это не соответствует действительности. В своих воспоминаниях А.И. Домонтович приводил слова самого П.П. Павлова, что «великий князь для этой цели (возглавить военную миссию – О.Г.) выбрал меня» [Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 2. С. 332].

⁵¹⁹ Дарий III – персидский правитель с 336 до 330 гг до н.э. Разбит Александром Македонским.

⁵²⁰ Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 2. С. 334.

⁵²¹ Интересно, что в ГШ в то время зачисляли только офицеров, окончивших Николаевскую Академию ГШ по 1-му разряду. В случае А.И. Домонтовича, либо роль сыграла протекция, либо недостаток офицеров ГШ на Кавказе. Возможно также, что на карьерный рост офицера повлияла поддержка родственника – Михаила Алексеевича Домонтовича. Произведённый в 1875 г. в генерал-майоры ГШ, он с 1865 до 1873 гг. состоял штаб-офицером, заведовавшим обучающимися в Николаевской академии ГШ, а с 1873 г. был назначен инспектором классов Николаевского кавалерийского училища. М.А. Домонтович заслужил себе хорошую репутацию и имел связи в Петербурге и на Кавказе (детальнее его биографию см.: Военная энциклопедия. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1912. Т. 9. С. 178), и вполне мог содействовать продвижению А.И. Домонтовича.

– 19.10.1876), был старшим адъютантом штаба войск Эриванского отряда (27.11.1876 – 29.01.1877)⁵²².

В русско-турецкую войну 1877–1878 гг. А.И. Домонтович занимал штабные должности, но, тем не менее, сумел отличиться. Сначала исполнял должность начальника штаба 3-й сводной кавалерийской дивизии (2.01 – 26.03.1877), затем с марта 1877 г. до ноября 1878 г. находился в распоряжение начальника Эриванского отряда, генерал-лейтенанта Арзаса (Аршака) Артемьевича Тер-Гукасова офицером ГШ для поручений. С ним принимал участие в занятии Баязета, Диадина, Сурп-Оганеза и Большой Каракилисы, в сражениях на Драм-Дагских высотах и у Даяра и в движении Эриванского отряда на выручку окружённого турецкими войсками Баязетского гарнизона, а также в сражениях при Игдыре и у Деве-Бойну; исполнял должность начальника штаба Аджарского отряда при его движении на Батум. За боевые отличия А.И. Домонтович был награждён орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (за Драм-Даг), чином подполковника (за Даяр), орденами св. Станислава 2-й степени с мечами (за Деве-Бойну) и св. Георгия 4-й степени (23 декабря 1878 года)⁵²³. После войны числился штаб-офицером для особых поручений при штабе Кавказского военного округа (с 16 января 1879 г.).

От начальника штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенанта ГШ Платона Петровича Павлова А.И. Домонтович получил самые общие инструкции. По словам подполковника, тот изложил ему сущность дела, не вдаваясь в детали. «Немногосложна была речь Павлова, – вспоминал офицер, – в ней не было никаких указаний, никаких связывающих инструкций. Тем-то она и была ценна. Мне было предоставлено право действовать полновластно, сообразуясь только с условиями, в которых мне придётся находиться»⁵²⁴. Можно отчасти согласиться с мнением Фируза Казем-заде, что первоначально «никто – ни шах, ни великий князь, ни сам Павлов – не знал, каковы полномочия Домонтовича»⁵²⁵. «Советую только вам понравиться шаху, — добавил он с улыбкой, – если можно, сделайте министром ... Да и что он мне мог сказать, в самом деле, – замечал А.И. Домонтович, – когда,

⁵²² <http://regiment.ru/bio/D/120.htm>; Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 2. С. 333; Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. Киев: Тип. Т-ва Г.Л. Фронцкевича и К, 1908. Т. 1. С. 450.

⁵²³ Военная энциклопедия. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1912. Т. 9. С. 178.

⁵²⁴ Там же. С. 333.

⁵²⁵ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 138.

по его словам, оно было и для него совершенно незнакомо»⁵²⁶. Исходя из миссии 1877 г., дипломатической неудачи на Берлинском конгрессе⁵²⁷ и нараставшей антирусской деятельности англичан на Ближнем и Среднем Востоке⁵²⁸, Россия стремилась закрепить своё влияние в Персии. И.А. Зиновьев и (с его подачи) Министерство иностранных дел были заинтересованы в присутствии при шахе российской военной миссии с целью ограничения английского влияния на персидские вооружённые силы. Однако на тот момент в действительности вряд ли кто-то реально представлял, как сложится её дальнейшая судьба, для чего и какими методами должны будут действовать российские инструкторы. Главное было «застолбить место». Отчасти подтверждением этому могут служить действия А.И. Домонтовича уже в новом качестве, о чём будет сказано ниже. Н.К. Тер-Оганов писал относительно целей миссии: «было ясно, что для России открывался путь к контролю над вооружёнными силами Ирана. Россия, которая яростно боролась с Великобританией за завоевание преобладающего влияния в Иране, никоим образом не упустила бы такую возможность. Насколько большое значение придавали руководители России вопросу об отправке инструкторов в Иран, видно хотя бы из того, что сам наместник царя на Кавказе лично избрал кандидатуру на пост будущего руководителя русской военной миссии»⁵²⁹. Не отрицая важности отправки инструкторов и её связи с борьбой против английского влияния, следует заметить, что на тот момент вряд ли в высших кругах империи Романовых задумывались всерьёз о контроле над вооружёнными силами Ирана. Действительно, идея кавалерийской части, как «кадра» для будущей новой персидской армией высказывалась отдельными офицерами, в частности А.И. Домонтовичем. Однако до последней трети XIX в. она не получила ни поддержки, ни дальнейшего развития. Для Министерства иностранных дел, а точнее – для И.А. Зиновьева, фактически руководившего иранским направлением внешней политики России, отправка инструкторов и последующее создание ПКБ были исключительно политическим проектом, позволявшим не допустить британских представителей в вооружённые

⁵²⁶ Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 2. С. 332–333.

⁵²⁷ Козлов И.А. По следам «Турецкого гамбита» или русская «полупобеда» 1878 года. М.: Этерна, 2014. С. 547–563.

⁵²⁸ Халфин Н.А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX века) // Труды Среднеазиатского государственного университета им. В.И. Ленина. Новая серия. Вып. 110. Исторические науки. Кн. 21. Ташкент: Издательство САГУ, 1957. 251с.

⁵²⁹ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 52.

силы Каджарской монархии. В 1880-е гг. к этому добавилась задача контроля политической ситуации в Тегеране на случай смерти шаха и смены правителя в удобном для России ключе. Для военных же Русского государства создание боеспособной иранской армии в рассматриваемый период вообще не имело смысла и даже было опасным. При наличии у Ирана подготовленных европейскими инструкторами вооружённых сил в случае изменения политической конъюнктуры и англо-иранского сближения Россия могла получить на южных границах если не опасного, то вполне способного нанести определённый урон и отвлечь значительные силы противника. Что до важности миссии, то она действительно была необходима, но больше для дипломатов. Кроме того, в назначении А.И. Домонтовича великим князем не было ничего из ряда вон выходящего. Во-первых, любые кандидатуры для ответственных поручений в Кавказском военном округе избирались или назначались кавказским наместником, а во-вторых, в случае с подполковником сыграло роль личное отношение к нему Михаила Николаевича, причины которого кроются в событиях русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

В последних числах ноября подполковник в сопровождении денщика, переводчика и казачьего урядника выехал из Тифлиса. Через Эривань, Нахичевань, Джульфу и Тебриз 15 декабря 1878 г. он прибыл в Тегеран. Целью поездки было ознакомление с условиями предстоящей службы и разработка соглашения о найме инструкторов. Во избежание дипломатических неурядиц с английской дипломатической миссией подполковник снова был зачислен состоять по Кубанскому казачьему войску, но избегал упоминания о том, что он является офицером ГШ⁵³⁰.

По прибытии в столицу Каджарской монархии А.И. Домонтович поступил под опеку российской дипломатической Миссии. Дипломатические отношения между Ираном и Россией в «европейском формате» были установлены в 1818 г.⁵³¹ 6 июля император Александр I подписал указ об учреждении поста поверенного в делах

⁵³⁰ Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 134. Вып. 4. С. 212; Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 72.

⁵³¹ В 1817 г. чрезвычайный посол России генерал Алексей Петрович Ермолов получил от шаха разрешение на создание в Иране русского дипломатического представительства с местопребыванием в Тебризе [Салихова Д.Б. Российско-иранские отношения во второй четверти XIX века. Дисс. канд ист. наук. Махачкала, 2007. С. 34].

России в Персии⁵³². Действовать российское представительство начало с февраля 1819 г., сразу по прибытии в Иран⁵³³. По «лестнице» дипломатических представительств, установленной решениями Венского конгресса в 1815 г.⁵³⁴, а затем дополненной Ахенским протоколом от 21 ноября 1818 г.⁵³⁵, ранг поверенного в делах был самым последним из четырёх утверждённых. Поверенный в делах аккредитовался министром иностранных дел к такому же министру в другой стране. Таким образом, в начале статус дипломатического представительства России при персидском шахе (а вернее – при его наследнике Аббас-мирзе, который фактически руководил всей внешней политикой Каджарской империи), русское посольство было аккредитовано при нём и находилось на первых порах в Тебризе, где размещалась администрация валията – наследника престола был невысоким⁵³⁶. После окончания русско-персидской войны 1826–1828 гг. обе стороны обменялись дипломатическими представителями. Статус представителя императора был повышен на два ранга. 25 апреля 1828 г. указом Сенату Александр Сергеевич Грибоедов был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром в Иране⁵³⁷. Отличие состояло в том, что посланники аккредитовались от главы государства к главе государства. Тем не менее, учитывая положение Аббас-мирзы и управляемой им провинции Азербайджан, месторасположение русской Миссии было сохранено в Тебризе. С воцарением в 1834 г. Мохаммед-шаха оно было перенесено в Тегеран. В Тебризе же было открыто генеральное консульство при наследнике престола. Генеральный консул имел право обращаться к валияту «в

⁵³² Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб.: Тип. II отделения собственно его императорского величества канцелярии, 1830. Т. 35. № 27399. С. 330–331; Семёнов Л.С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-х годах XIX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. С. 40. А не в 1817 г. [Всемирная история: В 6 т. Т. 5: Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. М.: Наука, 2014. С. 560]. В 1817 г. было принято решение учредить дипломатическое представительство, которое начало действовать в Тебризе в 1819 г., а первым русским представителем стал Симон Иванович Мазарович.

⁵³³ Семёнов Л.С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-х годах XIX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. С. 67.

⁵³⁴ Положение относительно дипломатических агентов 7 (19) марта 1815 г. // Эйхельман О. Хрестоматия русского международного права: В 2 ч. Киев: Тип. В.И. Завадзского, 1889. Ч. 2. С. 91.

⁵³⁵ Протокол о месте министров-резидентов и о салютовании кораблей // Эйхельман О. Хрестоматия русского международного права: В 2 ч. Киев: Тип. В.И. Завадзского, 1889. Ч. 2. С. 104.

⁵³⁶ Шостакович С.В. Дипломатическая деятельность А.С. Грибоедова. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. С. 39.

⁵³⁷ Там же. С. 163; на с. 172 С.В. Шостакович смешал два ранга, ошибочно именуя А.С. Грибоедова чрезвычайным посланником и министром-резидентом. Министр-резидент – ранг, находившийся в дипломатической иерархии между посланником и поверенным в делах.

делах, касавшихся дипломатических сношений»⁵³⁸. Таким образом, с 1828 г. формально российское дипломатическое представительство в Иране имело статус Миссии и возглавлялось чрезвычайным посланником и полномочным министром российского императора при персидском шахе. Посольствами же именовалась первая категория диппредставительств. Их возглавляли послы или нунции (легаты), которые являлись полноценными представителями «своих государей». В нашей работе термин «посольство» по отношению к российскому представительству мы стараемся использовать только в крайних случаях, или если так оно именуется в источниках. Преимущество будет отдано термину «Миссия», как синониму диппредставительства в другой стране.

Как уже отмечалось, российское дипломатическое представительство в Иране с апреля 1876 г. возглавлял посланник И.А. Зиновьев. Он сначала довольно тепло принял подполковника. Все дела с персидским правительством последний в течение двух месяцев своей первой командировки вёл через российских дипломатов. Своего рода посредником и, одновременно, консультантом А.И. Домонтовича выступал первый драгоман (переводчик) русского посольства – коллежский ассесор Иван Григорьевич Григорович⁵³⁹. В конце декабря военный министр Персии сипехсалар-азам⁵⁴⁰ мирза Хусайн-хан (Гусейн-хан в передаче А.И. Домонтовича⁵⁴¹) Мушир од-Доуле попросил подполковника составить смету расходов на содержание каждого всадника и целой части, исходя из штатов русских казачьих полков. Эта работа

⁵³⁸ Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 2. С. 338.

⁵³⁹ А.И. Домонтович с большой теплотой отзывался о И.Г. Григоровиче, который очень помогал ему в общении с персами. «Он занимал место первого драгомана русского посольства и, кажется, уже с давнего времени. По происхождению араб, в малолетстве он был привезён в Россию и воспитан какой-то благотельницей-княгиней. В его воспитании замечалось не одно только формальное выполнение нравственного долга, но видна была сердечная, почти родственная заботливость. Дальнейшим образованием он был подготовлен к службе по дипломатии. Зная, конечно, отлично персидский язык, он также свободно владел французским; характера твёрдого, простой, прямодушный, он готов был помочь всякому, кто к нему обращался. Везде он пользовался любовью, а между персиянами слыл под именем Араб-Сааб (господин араб), так его называл и шах. По его родственному происхождению с персиянами и долгой службе в этой стране, для него, казалось, не существовало сокровенных пружин, которыми персияне старались прикрыть свои дипломатические тайны. В затруднительных случаях он отправлялся в персидское Министерство иностранных дел, где и находил возможность проникнуть в тайны, окутанные большею частью золотой английской цепью» [Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 3. С. 578–579].

⁵⁴⁰ То есть – главнокомандующий всеми регулярными и иррегулярными силами государства. В.А. Франкини отмечал, что «Военный министр остаётся вместе с тем и сипехсаларом, то есть главнокомандующим всеми регулярными и иррегулярными силами государства и начальником военного управления» [Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 26]. Встречаются и иные варианты передачи этого слова: сепехсалар, сипхесалар, сипахсалар.

⁵⁴¹ Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 3. С. 577.

оказалась весьма сложной, поскольку никаких, даже официальных сведений о состоянии персидской армии А.И. Домонтович под рукой не имел.

Интересно, что, судя по источникам, А.И. Домонтович даже не был знаком с работами В.А. Франкини. Это выглядит несколько странным в свете его миссии. Объяснить такой парадокс можно по-разному. Возможно, исследователям просто неизвестно о знакомстве подполковника с работами его предшественника. Удивительно было бы, чтобы офицер, отправляясь на новое, достаточно ответственное задание в другую, совершенно незнакомую страну, не ознакомился хотя бы поверхностно с тем, что имелось в архивах Кавказского военного округа относительно Персии и её вооружённых сил. Однако вполне не исключено, что миссия А.И. Домонтовича действительно первоначально имела лишь целью только обучение персидской кавалерии. В известных нам документах не упоминается о его задачах, как военного агента или агента влияния⁵⁴². О.А. Красняк утверждает, что «российское правительство придало вопросу направления в Иран военных инструкторов большое значение в виду того, что они, будучи агентами, обязаны были доставлять наиболее точные сведения о персидской армии»⁵⁴³. Однако здесь и далее она цитирует проект инструкции военным агентам в Персии, который был подготовлен для В.А. Франкини и В.И. Гибера фон Грейфенфельса, а не для А.И. Домонтовича. Без сомнения, подполковник должен был одновременно отчасти выполнять и функции военного агента (хотя точных сведений об этом нет). Тем не менее они не были первенствующими среди его задач. Архивные документы свидетельствуют, что Персия, как театр возможных военных действий, представляла для штаба Кавказского военного округа второстепенную роль в сравнение с Османской империей⁵⁴⁴. В ней видели, главным образом, возможного союзника против Порты⁵⁴⁵. Однако работа военной миссии 1877 г. показала, что даже как

⁵⁴² То есть лица, продвигающего интересы России в Иране.

⁵⁴³ Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 71.

⁵⁴⁴ РГВИА Ф. 446: Персия, 366 ед. хр., Ф. 450: Турция, 919 ед. хр.

⁵⁴⁵ На рубеже 1870-х – 1880-х гг. русские военные рассматривали Персию с точки зрения обороны российских владений в Азии и, исходя из этого, как плацдарм для возможного наступления в сторону Турции или английских владений в Азии. Поэтому изучались 4 театра возможных боевых действий в рамках самой Персии (Каспийское море и Эльбрусский хребет, Прикаспийский район, Азербайджанский и Хорасанский театры) и соответственно 2 операционных направления за её пределы – через Хорасан на Герат и Индию, а также через Иранский Азербайджан на Османскую империю [Золотарёв А.М. Военно-статистический очерк Персии. СПб.: Типолиитография А.Е. Ландау, 1888. 205 с.]. Для Кавказского военного округа главным являлся Азербайджанский театр, а вспомогательным – Прикаспийский [Обзор Кавказско-персидского театра военных действий. Составлен при штабе Кавказского военного округа. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1899. С. 1], а для

союзник Каджарская держава представляла собой малую значимость в военном отношении. Поэтому главной задачей для дипломатов стала доброжелательная нейтрализация Тегерана на случай возможных русско-турецких и русско-английских столкновений на Ближнем и Среднем Востоке и расширения зоны российского влияния в Центральной Азии. Таким образом, изначально роль российских инструкторов должна была сводиться не к созданию боеспособной армии в Иране, а лишь к организации кавалерийской части, которая своим внешним видом и выучкой могла поддерживать расположение шаха к русским военным и России вообще. Главной задачей деятельности инструкторов в Персии изначально было управление и командование обучаемой частью. Что до военной агентуры (военной разведки), то она «представлялась только подспорьем к вышеуказанной деятельности» и к работам специально командировавшихся в Иран офицеров и топографов⁵⁴⁶.

При деятельном содействии И.Г. Григоровича и опираясь на собственный опыт А.И. Домонтович справился с составлением сметы расходов. «Наша обоюдная работа, – писал он, – переводилась Григоровичем на персидский язык, перевод

штаба Закаспийской области в 1890-х гг. – Хорасанский. Соответственно планирование войны с Персией в союзе с Османской империей осуществлялось в Тифлисе, а с Афганистаном и Британией – в Ашхабаде. Тем не менее, нельзя сказать, что планы эти имели захватнический характер. Они разрабатывались лишь в качестве ответной или превентивной меры на случай разрыва с Великобританией или Османской империей. Об этом свидетельствует то, что, выделяя в каждом из театров 2 составляющих – русскую (как базу) и персидскую (как поле деятельности) – последнюю доводили лишь до крупнейших городов северной части Персии на Кавказе, и до Герата – в Закаспии.

⁵⁴⁶ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1901. Д. 481. Л. 29–30. Фактически таковым она оставалась вплоть до середины 1890-х гг., когда новый Заведующий В.А. Косооговский стал активно поднимать вопрос о необходимости улучшения военно-агентурной работы по Ирану, а также предпринимал активные действия для его решения [Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 130–133]. Систематическое изучение Персии штабом Кавказского военного округа велось на протяжении 2-й половины XIX в., но активизировалось после миссии В.А. Франкини. Изучались 2 составляющих: вооружённые силы страны и театр возможных военных действий с населением. С созданием военной миссии её глава стал исполнять функции постоянного негласного военного агента, доставляя в штаб округа главным образом сведения о войсках Персии в широком смысле (организация, управление, вооружение, бюджет и пр.). Основаны они, правда, были, главным образом, на официальных сведениях. Информация собиралась также из иностранной прессы. С 3-го командира ПКБ Н.Д. Кузьмина-Караваева точно известно, что офицеры ПКБ собирали информацию и по 2-й составляющей, для создания карты Ирана и маршрутов по стране. Кроме того, этим занимались специально командированные офицеры, топографы, путешественники. Возможно именно поэтому военный разведчик К.Н. Смирнов в начале XX в. отмечал, что «более правильно поставленная агентура была у Кавказ[ского] в[оенного] округа в Турции», где помимо официального военного агента существовало 4–5 должностей при консульствах, которые занимали офицеры ГШ, являясь негласными военными агентами [Смирнов К.Н. «Интеллидженс» Кавказского фронта в период 1878–1918 годов // Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 241–242]. Кроме того, там имелась хорошо налаженная сеть информаторов, преимущественно, из христиан и недовольных капитуляциями (особыми неравноправными договорами, фиксировавшими привилегированное положение иностранцев, которые с конца XVIII в. превратились из льгот в кабальные условия).

просматривался Зиновьевым. По окончании эти сведения были представлены военному министру»⁵⁴⁷.

Мирза Хусайн-хан Мушир од-Доуле, тогдашний военный министр и министр иностранных дел Персии, был вторым по значимости лицом в стране на тот момент. «Человек небольшого роста, довольно тучного сложения, с полным без всякой растительности лицом, с небольшими искрящимися весёлыми и выражающими хорошее расположение духа глазами ... Наделённый глубокой ясностью ума, но вместе с тем и лживостью языка, весьма способный, высоко образованный и умеющий безгранично пользоваться своей властью, он был, бесспорно, и первым лицом между всеми дипломатами, проживающими в Тегеране», – характеризовал его А.И. Домонтович, отмечая также заносчивость военного министра и страсть к обогащению⁵⁴⁸. Военный министр и садр-азам в одном лице (до 1880 г.), Хусайн-

⁵⁴⁷ Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 3. С. 579.

⁵⁴⁸ Там же. Детальнее о нём см.: Кулагина Л.М. Попытки модернизации государственного управления Ирана во второй половине XIX века // Особенности модернизации на мусульманском Востоке. Опыт Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1997. С. 95–113; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 42–45. В сентябре 1880 г. мирза Хусайн-хан был отстранён от всех должностей. «История увольнения Мирза-Гуссейн-хана, – писал побывавший в это время в Иране полковник ГШ Николай Иванович Гродеков, – заключается в следующем. Мирза-Гуссейн-хан, благодаря своему развитию и талантам, был наиболее подходящим человеком для руководства внешнею и внутреннею политикою шахского правительства. Он хорошо сознавал необходимость для Персии широких внутренних преобразований, имел правильный политический взгляд на международные отношения своего отечества; но его надменный, властолюбивый характер сделал его ненавистным приближённым шаха и вследствие их интриг он лишился милости своего государя и был удалён от должности. Слишком хорошо было известно, насколько дорожил шах способностями Мирзы-Гуссейн-хана, чтобы расстаться с министром, обаянию которого он не мог противиться. Сипехсалар-азам был из числа тех, которые разделяли такое убеждение, почему и считал совершенно излишним как делать уступки своим противникам, так и воздерживаться от поступков, способных доставить оружие против него. Первые симптомы недовольства шаха против сипехсалара проявились в августе. Малодушный, как большая часть его соотечественников, он не сумел в несчастье сохранить твёрдость и достоинство, которые одни могли внушить уважение как его врагам, так и его повелителю. Не довольствуясь многочисленными попытками, которые он счёл нужным сделать у шаха, прямо или косвенно, и которые вместо того, чтобы изгладить чувство досады, ещё более раздражили его, он имел несчастную мысль привлечь на свою сторону духовенство. Собрав у себя 1 сентября главных улемов, он объявил им о своём намерении обратить в вакуф (вакф – земельные или другие надель, принадлежавшие духовным лицам или заведениям и не облагающиеся налогами – О.Г.) большую часть своей поземельной, собственности. Обстоятельство это ускорило падение сипехсалара. Лишь только шах получил известие о поступке своего министра, как поспешил объявить ему отрешение от должности собственноручным письмом следующего содержания: “По причинам, касающимся дел государства, мы решили пользоваться службой вашей в течение некоторого времени вне столицы. Будучи вполне довольны вашими прежними заслугами, мы посылаем вам рескрипт, писанный рукою Эмин-Уль-Мулька и подписанный нами. Вы имеете сообразоваться с повелениями, заключающимися в нём, и тем доставите нам доказательство вашего усердия. Настоящим собственноручным письмом мы подтверждаем, что вы будете продолжать пользоваться всеми почётными отличиями, которые пожалованы вам. Наше особое покровительство обеспечено как вам, так и всем вашим, и вы можете, с полною уверенностью в безопасности, исполнять обязанности, сопряжённые с поручениями, которые будут на вас возложены” ... Ни в чём не обвиняя сипехсалара, – отмечал офицер, – шах старается утешить его и успокоить ... Не желая отказаться от службы мирзы Хусайн-хана, он предоставляет ему выбрать место губернатора любой провинции ... какое бы решение он не принял, ему разрешается пробыть в Тегеране только два дня, считая с той минуты, как он ознакомится с содержанием письма и приказа ... Бывший сипехсалар-азам выбрал должность губернатора Казвина ... В числе сановников, способствовавших падению мирзы Хусайн-хана, находились: министр торговли Насир од-Доуле и секретарь шаха Эмин оль-Мульк. Каждый из этих сановников льстил себя надеждою наследовать ему в качестве министра иностранных дел ... В ноябре ... 1880 года, в разгар курдского восстания в Азербайджане, шах вызвал из удаления бывшего сипехсалара и вверил ему главное начальствование над этой провинцией». Сменил его на посту министра иностранных дел некогда занимавшего этот

хан был инициатором нового витка военной реформы и вообще ратовал за преобразования в вооружённых силах страны⁵⁴⁹. Подполковник был представлен ему И.А. Зиновьевым лишь после окончания работы по составлению росписи расходов на предполагавшуюся для обучения часть. Именно под началом этого человека оказались А.И. Домонтович и русские инструкторы вплоть до его отставки в сентябре 1880 г.

29 декабря 1878 г., шах пожелал сделать смотр своих гулямов⁵⁵⁰ в присутствии подполковника. В историографии закрепилось мнение, что Насреддин-шах изначально планировал отдать гулямов на обучение русским инструкторам⁵⁵¹. Однако, как свидетельствуют архивные документы и воспоминания А.И. Домонтовича, решение это нигде не озвучивалось шахом российским представителям. О нём свидетельствовали лишь косвенные, но достаточно определённые, данные. Принято оно было иранским правителем, скорее всего, после смотра и его разговора с А.И. Домонтовичем, хотя конкретной договорённости на этот счёт не было.

пост мирз Сайид-хан [Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб.: Тип. В.С. Балашёва, 1884. Т. 4. С. 138–140].

⁵⁴⁹ Cronin S. Armies of Qajar Iran [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kavehfarrokh.com/iranica/militaria/iranian-military-history-and-armies-post-islamic-era-to-1899/professor-stephanie-cronin-armies-of-qajar-iran>.

⁵⁵⁰ Слово «гулям» арабского происхождения и имеет несколько значений: «мальчик», «юноша»; «раб», «слуга». Об институте гвардии на Востоке см.: Кадырбаев А.Ш. Институт гвардии и элитных войск на Востоке и Западе: история и современность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www.safarabdulloh.kz/img/books/iran-name/Iran-Name%20\(26\)2013.pdf](http://www.safarabdulloh.kz/img/books/iran-name/Iran-Name%20(26)2013.pdf).

⁵⁵¹ Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 73.

Гулямами в российских источниках называли конвой или гвардию шаха⁵⁵², ему непосредственно подчинённую и при нём же постоянно находившуюся. «Регулярная кавалерия, – писал Александр Борисович Вревский в 1868 г., – состоит из гвардии или телохранителей шаха (холами-рикаби) и трёх эскадронов (холами-севарех), всего численностью около 500 чел., обучение которых правильному кавалерийскому строю европейскими офицерами не имело, по настоящее время, никакого успеха»⁵⁵³.

К 1878 г. гулямы составляли 3 фоджей – «Кешик-хане» (гулямы-насири, пехота), «Махдие» и «Мансур». Численность их в течение правления Насреддин-шаха не была постоянной. «Личный конвой шаха (гулама) состоит из 1 000 отборных всадников, находящихся на службе бессменно», – утверждал автор статьи в специальном сборнике Военного министерства России⁵⁵⁴. Мисль-Рустем, описывая ситуацию 1880-х гг., сообщал, что «в Тегеране, помимо ПКБ, находятся только человек до 300 гулямов, т. е. шахского конвоя («гулям», собственно, значит «раб»). Всего гулямов насчитывают до 1 000 человек, остальные же живут по домам.

⁵⁵² Некоторые авторы называли гулямов «регулярной кавалерией». Однако это не соответствовало действительности. Фактически гулямы были гвардией шаха из числа знатных представителей различных кочевых племён Ирана [о гулямах первой половины XIX в. см.: Кругов А., Нечитайлов М. Персидская армия в войнах с Россией. 1796–1828 гг. М.: Фонд Русские Витязи, 2016. С. 12–20]. Однако ни правильной организации, ни систематической подготовки они не получали. Иррегулярная армия Ирана состояла в рассматриваемое время из иррегулярной кавалерии и территориального ополчения [*Reza Ra'iss Tousi. The Persian Army, 1880–1907 // Middle Eastern Studies. 1988. Vol. 24. № 2. P. 206–219*]. «Иррегулярная конница, – писал Л.К. Артамонов, – ... подразделяется на постоянную милицию, выставляемую на службу разными провинциями согласно известному расписанию, и на временные ополчения, набираемые преимущественно среди кочевников и в особенно важных случаях специальным повелением самого шаха» [Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главногоначальствующего гражданского частью на Кавказе, 1890. С. 74–75]. Конница кочевых племён была организована строго по племенному принципу. Правительство выделяло кочевым ханам определённые суммы, на которые они должны были содержать на постоянной службе указанное число кавалеристов. Зачастую эти кавалеристы и составляли постоянные иррегулярные кавалерийские части. Они же при различных зависимых от шаха правителях и шахских сыновьях составляли «гвардии», наподобие гулямов. Схожие «гвардейские» формирования имели Масуд-мирза и Мозаффарэддин-мирза. Кроме того, формально в случае необходимости, племенные вожди должны были выставлять конное ополчение. Территориальное ополчение несло службу по месту формирования, т.е. в отдельных провинциях, как правило, пограничных (Гилян, Мазандеран, Хорасан, Кирман, Белуджистан). Оно было конным («атли» или «саваре») и пешим («пиаде») состояла из отрядов стрелков: тофангчи, джазаирчи и шамхалчи, вооружённых различными типами ружей (тофанг, джазаир и шамхал); иррегулярная пехота Каина именовалась эльдзар. В составе пеших отрядов службу несли конные отряды тофангчи, джазаирчи и шамхалчи. Находились они в распоряжении губернаторов [Тер-Оганов Н.К. Создание и развитие иранской регулярной армии и деятельность иностранных военных миссий в Иране в XIX в. Автореф дисс. ... кандидата исторических наук. Тбилиси, 1984. С. 14–15; Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1895. С. 706]. Шахских гулямов некоторые русские военные именовали регулярной кавалерией [Вревский А.Б. Персия // Военно-статистический сборник. СПб.: Военная типография, 1868. Вып. 3. С. 25; Риттих П.А. Отчёт о поездке в Персию и персидский Белуджистан в 1900 году. СПб.: Издание Военно-учёного комитета Главного штаба, 1901. Ч. 1. С. 87].

⁵⁵³ [Вревский А.Б.] Персия // Военно-статистический сборник. СПб.: Военная типография, 1868. Вып. 3. С. 25.

⁵⁵⁴ Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1884. С. 532.

Гулямы сопровождают шаха в поездках каждый раз, как он выезжает из дворца»⁵⁵⁵. Побывавший в Персии в 1894 г. штабс-капитан гвардейской артиллерии Александр Григорьевич Туманский, как бы дополняя других авторов, писал: «От кочевых племён Персии (илятов), кроме поставляемых контингентов для иррегулярной конницы, выставляются ещё ... части, состоящие как бы лейб-гвардию самого шаха, но на самом деле это ни что иное, как заложники из более влиятельных семей на случай могущих быть осложнений с этими племенами». Включала в себя, согласно А.Г. Туманскому, эта кавалерия 100 бахтиар, 500 дувейрен, 500 афшар-хемсе, 500 хаджевенд (луров мазендеранских), 200 асанлю, 150 хедавенд (луров лариджанских), 100 карачонлю, 17 карасуран (казвинских), всего 2 200 человек⁵⁵⁶. В.А. Косооговский сообщал, что гулямы несли службу «посменно». На действительной службе находилась только половина фодужа, «а другая ½ ... находится в отпуску; смена происходит ежегодно»⁵⁵⁷. В персидской армии они считались лучшими кавалеристами, хотя никакой регулярной специальной подготовки и обучения не получали. «Даже гулямы, считающиеся самым лучшим полком (конвой шаха), ездят за каретой шаха не строем, а каким-то стадом, хотя и стараются соблюсти порядок», – сообщал наблюдавший их Мисль-Рустем⁵⁵⁸. Леонид Константинович Артамонов, посетивший Персию в 1889 г., оценивал подготовку гулямов выше, чем у большей части персидской кавалерии, но ниже регулярных частей – «казачьих» полков в Тегеране и Исфахане. «Несколько вымуштрованы следующие контингенты постоянной милиции, – писал он, – 1) Кишик-хане (Кешик-хане – О.Г.) (500 всадников), под начальством Кишикчи-баши и 2) Мензур (Мансур – О.Г.) (300 вс.), под начальством сартипа Ала-доуле»⁵⁵⁹.

⁵⁵⁵ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 133.

⁵⁵⁶ Туманский. От Каспийского моря к Хормузскому проливу и обратно, 1894 г. // СМА. 1896. Вып. 65. С. 20. Правда, по данным 1893 г. их число указывалось в 500 отборных всадников [Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1895. С. 706]. Думается, такие разногласия в цифрах объясняется особенностью прохождения ими службы – посменно. На «смене» в год находилось 300–500 человек. Именно эта цифра и была указана в официальном сборнике российского Военного министерства. В начале XX в. 1 200 гулямов были разделены на 4 смены по 300 человек [Риттих П.А. Отчёт о поездке в Персию и персидский Белуджистан в 1900 году. СПб.: Издание Военно-учёного комитета Главного штаба, 1901. Ч. 1. С. 87].

⁵⁵⁷ Из тегеранского дневника полковника В.А. Косооговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 96.

⁵⁵⁸ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 136–137.

⁵⁵⁹ Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. 83

Шах предоставил в распоряжение подполковника гулямов фодуджей «Махдие» и «Мансур»⁵⁶⁰. В смотре участвовало около 1 000 человек. Их показательное выступление произвело на подполковника в целом отрицательное впечатление⁵⁶¹. «В кавалеристах видна любовь к своему занятию, – доносил он начальству, что весьма важно в военном деле». Но результатом смотра, «выказавшего лихость людей, умение их хорошо и смело ездить», А.И. Домонтович был озадачен, поскольку тот показал «полное отсутствие того, в чём заключается обучение кавалерии одной части»⁵⁶². Когда шах неожиданно для него спросил о произведённом впечатлении, подполковник, «обойдя смешные стороны строя», ответил, что «лошади отличные и люди скачут прекрасно»⁵⁶³. Тогда Насреддин-шах спросил: «А можно их обучить по-казачьи?». А.И. Домонтович попросил часть гулямов для испытания. Вечером того же дня на городском учебном плацу подполковник провёл пробные учения с сотней гулямов для проверки, «насколько они годны к сомкнутому строю». «Сомневаться было нечего, – подытожил он, – предстоящее дело было возможно, о чём и было доложено шаху»⁵⁶⁴.

Результатом смотра стала аналитическая записка А.И. Домонтовича, в которой он изложил своё видение обучения персидской кавалерии. На ней следует остановиться особо, поскольку она легла в основу последующей деятельности подполковника. Записка эта выдаёт в нём профессионала высокого уровня. А.И. Домонтович исходил из предположения, что в его распоряжение будут предоставлены шахские гулямы. Об этом свидетельствовало и поведение Насреддин-шаха, и командира гулямов Ала од-Доуле, который на обеде в присутствии членов русской дипломатической миссии поднял сначала тост «за здоровье полковника Домонтовича, а уж потом за посланника»⁵⁶⁵.

⁵⁶⁰ Косоговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 391.

⁵⁶¹ Н.К. Тер-Оганов отмечал, что А.И. Домонтовичу гулямы понравились [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 53]. Однако воспоминания последнего свидетельствуют об обратном. Хорошую характеристику гулямов он дал шаху, что следует рассматривать как жест вежливости, а не как реальную оценку.

⁵⁶² Донесения Домонтовича // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 123. Описание смотра см.: Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 3. С. 580–582.

⁵⁶³ Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 3. С. 581–582.

⁵⁶⁴ Там же. С. 582.

⁵⁶⁵ Там же. С. 583.

В своей записке подполковник отмечал, что особенности местных условий не позволяют прямо «приложить систему казачества» в Персии. Он предполагал изменять структуру кавалерии Каджарской монархии постепенно, в основу положив учебную часть. «Для этого, – писал А.И. Домонтович, – потребуется сформировать полк из 4-х сотен, в каждой сотне – 130 рядовых с унтер-офицерами и 10 нестроевых чинов. В полку же всего 560 человек без офицеров. Все сотни получают полное обучение примерно в двухгодичный срок, по окончании которого из каждой сотни, с обученными офицерами, унтер-офицерами и рядовыми составятся кадры для образования полка, из всех же 4-х сотен – 4-х полков»⁵⁶⁶. Как видим, подполковник профессионально и стратегически относился к своей главной задаче. Особое место он уделил планированию устройства учебной части. Во-первых, А.И. Домонтович отмечал, что кавалеристы должны служить непрерывно в течение двух лет, для чего их следует размещать летом в лагерях, а зимой – в казармах, «в совокупности ... чтобы наблюдать за занятиями людей и вообще следить за порядком в части». Соответственно предполагалось создание своего рода казарменного городка, приспособленного для жизни всадников. Во-вторых, подполковник считал, что хозяйство полка – довольствие пищей, фуражом – должно быть общим для всей части (пищей – поэскадронно), а не «отдаваться на руки каждого всадника», как это было принято в персидской армии. «Частые отлучки для покупок на базар, – писал он, – препятствовали бы установлению порядка»⁵⁶⁷. Соответственно расход денег на пищу, хозяйственные нужды и пр. необходимо было, по мнению российского офицера производить лицам, выбранным начальством из числа подчинённых (по 2 человека в каждом эскадроне). Фураж же следовало выдавать натурой, а сроки его поставки должны были быть строго оговорены и соблюдены⁵⁶⁸. «Заготовка фуража для довольствия лошадей полка может быть возложено на кого угодно, необходимо только, чтобы он доставлялся в полк в строго определённое время, в определённом количестве и установленном

⁵⁶⁶ Донесения Домонтовича // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 124. Интересно, что формируя в начале XIX в. регулярную кавалерию, французские инструкторы также предполагали создать сначала 5 эскадронов, которые позже должны были быть развернуты в полки [Кибовский А., Егоров В. Персидская регулярная армия первой половины XIX в. // Цейхгауз. 1997. № 6. С. 28].

⁵⁶⁷ К слову глава австрийской миссии допустил такую ошибку, отдав в руки персидских офицеров «права награждения, производства в чины и всю хозяйственную часть» [Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 93].

⁵⁶⁸ Донесения Домонтовича // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 124–125.

качества», – писал подполковник. – Обмундирование, вооружение и конское снаряжение чинов полка должно быть единообразным по образцам этих предметов в казачьих частях русской армии»⁵⁶⁹. Главным требованием подполковника было, чтобы «распределение занятий полка, выдача содержания чинам его, продовольствие людей и фуражное довольствие лошадей, разные наряды, увольнение в отпуск и вообще всё, касающееся внутреннего управления полка» имело «установленное и вполне определённое устройство; вместе с тем, находясь в тесной связи со строевым образованием, главное наблюдение над ними, как и последующим должно безраздельно принадлежать одному и тому же лицу. На этом основании вся дисциплина части, т. е. точное выполнение чинами полка всех служебных требований»⁵⁷⁰. Под «одним и тем же лицом» А.И. Домонтович подразумевал командира полка, то есть себя. И в этом проявилась его практическая смётка. Подполковник стремился избежать естественного в Иране многократного подчинения по хозяйственным и финансовым вопросам, которые могли поставить крест или резко тормозить все его начинания в сфере обучения и подготовки личного состава. Чего именно опасался А.И. Домонтович, можно продемонстрировать на примере австро-венгерских инструкторов в Тебризе, где находилась ставка наследника престола – валия⁵⁷¹ – имевшего собственную армию. «Для однообразного и успешного обучения все войска Азербайджана в чисто строевом отношении подчиняются австрийской службе майору Вагнеру⁵⁷², который носит титул хана и имеет в рядах персидской армии чин генерал-лейтенанта, – характеризовал положение австрийских коллег русский офицер в конце 1880-х гг. – Вагнер-хан подчинён непосредственно военному министру или

⁵⁶⁹ Там же. С. 125.

⁵⁷⁰ Там же.

⁵⁷¹ Имеются и другие варианты написания – валиат, валиад, валиат, велиэхд.

⁵⁷² Карл Вальтер Вагнер фон Веттерштотт (Carl Walther Wagner von Wetterstädt; в русских источниках – фон Ветерсдохт) прибыл в Иран в составе австрийской военной миссии в 1879 г. в чине капитана артиллерии. Через 3 года, после отъезда миссии, он остался в Персии и служил сперва в Тебризе, а затем с начала 1890-х гг. до начала XX в. – в Тегеране [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 47–48; Блюмер. Состояние Тавризского гарнизона в мае 1891 г. // СМА 1891. Вып. 49. С. 40; Риттих П.А. Отчёт о поездке в Персию и персидский Белуджистан в 1900 году. СПб.: Издание Военно-учёного комитета Главного штаба, 1901. Ч. 1. С. 90]. «Следующий инструктор, – писал лично знавший его Мисль-Рустем, – поистине лучший из всех, барон В., конечно, тоже в чине персидского генерала, раньше служил в прусских войсках, а затем в австрийских, откуда и вышел в отставку в чине поручика. Человек лет сорока, бойкий, очень сладко-льстивый, с весьма хорошими манерами, порядочный пролаз, служивший в Тегеране «ходячей газетой» для всех любителей новостей и сплетен. Во время занятий он сильно увлекался и поминутно прибегал к ругательствам. Занимался с солдатами добросовестно, насколько это можно было в Персии» [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 170].

правильнее – шаху, который питает к этому инспектору полное доверие. В строевом отношении Вагнер-хану подчиняются все сартыпы (генералы) и даже сам валият скромно выслушивает замечания или наставления инспектора – на казарменном плацу ... В дисциплинарном отношении он имеет право арестовывать подчинённых ему офицеров, в зависимости от чина, в общем до 2-х месяцев на военной гауптвахте (караул-ханэ). Чему учить и как учить – это дело Вагнер-хана, и эмир-е не зам Гассан-хан не имеет права вмешиваться в эту область. Однако всё необходимое для занятий, как-то: оружие новых систем, холостые или боевые патроны, лошади для каждого артиллерийского учения и проч. – выдаются не иначе, как по приказанию эмир-е не зама. Поэтому инспектор, *de jure* не подчинённый эмир-е не зам, *de facto* для всякого учения должен испросить у него разрешение. Это последнее даётся весьма неохотно, если учение сопряжено с денежным расходом, или сколь-нибудь значительной тратой пороха, или наконец, требует много артиллерийских упряжных лошадей, которые обыкновенно ходят в экипажах валията, эмир-е не зама и др. начальствующих лиц»⁵⁷³. Отличие от столицы заключалось лишь в том, что в Азербайджане главным распорядителем был эмири-не зам Гассан-хан⁵⁷⁴, а в Тегеране – военный министр. Поэтому А.И. Домонтович предлагал создание автономной единицы. Для этого он предполагал наделить главу инструкторов полномочиями командира полка по российскому образцу, то есть с правами полного контроля и ответственности за хозяйственную и военно-учебную части. Для обучения кавалерии А.И. Домонтович предполагал достаточным наличие при нём 3-х русских офицеров и 5-ти казачьих урядников. Двое офицеров с урядниками должны будут заниматься с нижними чинами полка, а третий офицер – подготавливать офицеров части. «Управление полком, непосредственное обучение его, а также общее руководство во всех занятиях полка будут составлять мою обязанность», – завершал подполковник свою записку⁵⁷⁵. Как показала дальнейшая служба офицера в Персии, требования эти до конца реализованы не были, и не по

⁵⁷³ Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. 50–51.

⁵⁷⁴ Гассан-хан был фактически премьер-министром при шахском наследнике. «эмир-е не зам неограниченно распоряжается судьбами войск этой провинции во всех отношениях. От него зависит сбор или роспуск войск, содержание их в том или другом составе; он же сам, или через посредство подчинённых ему губернаторов, выдаёт войскам жалование» [Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. 49].

⁵⁷⁵ Донесения Домонтовича // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 125.

вине А.И. Домонтовича. А настойчивость подполковника в предоставлении ему больших полномочий окончилась для него плачевно.

6 января 1879 г. состоялась аудиенция А.И. Домонтовича у шаха в присутствии иранского министра иностранных дел, русского посланника и сотрудников российской Миссии⁵⁷⁶. Затем, в течение месяца И.А. Зиновьевым обсуждались с шахским правительством условия контракта приглашения военной миссии. 7 февраля 1879 г. российским посланником и Хусайн-ханом Мушир од-Доуле – одновременно иранским и первым военным министром – был подписан его окончательный текст на французском и персидском языках. В основу соглашения были положены идеи, высказанные в приведенной выше записке. Поскольку первый контракт стал основой для последующих соглашений по военным инструкторам вплоть до середины 1890-х гг., мы остановимся на его тексте детально. К сожалению, оригинала контракта мы не видели. Поэтому приведём его детальный пересказ, содержащийся в работе Н.К. Тер-Оганова.

«Контракт о найме русских военных инструкторов состоял из краткой преамбулы и одиннадцати статей. Согласно преамбуле, шахское правительство нанимало русских казачьих офицеров для обучения части кавалерии. Первая и вторая статьи контракта определяли обязанности Заведующего обучением персидской кавалерии (далее – Заведующий – О.Г.), так официально называлась будущая должность подполковника ГШ А.И. Домонтовича. В течение 3-х лет он должен был находиться в распоряжении иранского правительства и подчиняться военному министру. В обучении будущей кавалерийской части ему должны были помогать 3 казачьих офицера и 5 урядников, которых выбирали кавказские военные власти⁵⁷⁷. Третья статья определяла размер жалованья А.И. Домонтовича 2 400 туманов в год. Кроме этого, он должен был получать ежедневный фураж для 5 лошадей. Что касается трёх русских офицеров – помощников А.И. Домонтовича, то каждому из них было обещано такое же жалование, как и австро-венгерским офицерам, недавно прибывшим в Иран. Ежемесячное же жалованье каждого урядника составило 20 туманов (240 туманов в год).

⁵⁷⁶ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 53.

⁵⁷⁷ Обучение должно было проводиться по действующим уставам русской армии [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. Приложение 1. С. 344], но реально происходило на основе их сокращённых вариантов.

Четвёртая статья предусматривала выплату определённой суммы для покрытия дорожных расходов по прибытии и убытии А.И. Домонтовича, одного офицера и урядника соответственно 100, 75 и 24 полуимпериала⁵⁷⁸.

Согласно пятой статье, датой начала работы русских инструкторов, включая их командира, было принято считать день подписания контракта.

Шестая статья регламентировала порядок выдачи А.И. Домонтовичу полагавшегося ему жалованья: в день подписания контракта иранская сторона должна была уплатить ему двухмесячное жалование в размере 400 туманов. Причем было решено, что в начале второго квартала будут выданы деньги за третий месяц первого квартала, а также за три месяца второго квартала.

Статья седьмая контракта предписывала А.И. Домонтовичу во всех вопросах, касающихся его службы, действовать согласно указаниям иранского военного министра, в подчинении которого он должен был находиться. Со своей стороны, военный министр брал на себя обязательство выплачивать ему жалование.

В соответствии с восьмой статьёй, все расходы на служебные командировки А.И. Домонтовича, выполняемые по заданию иранского правительства, покрывались последним.

Согласно девятой статье контракта, подполковник А.И. Домонтович не имел права по своему усмотрению отменять его условия, а также до истечения трёхгодичного срока оставить службу. Лишь по состоянию здоровья он мог рассчитывать на согласие со стороны иранского правительства на прекращение службы. Статья предусматривала и форс-мажорные условия: по причине неотложных дел или же из-за ухудшения здоровья А.И. Домонтовича иранское правительство предоставляло ему право на трёхмесячный неоплачиваемый отпуск. Условия этой статьи в равной степени распространялись и на остальных русских офицеров и урядников.

⁵⁷⁸ Полуимпериал – российская золотая монета. Её начали чеканить с 1755 г. ценностью в 5 рублей 88-й пробы и весом в 1 90/96 золотника. С 1764 г. выбивали её той же пробы, но весом в 1 47/88 золотника. При императоре Павле I в 1797 г. проба была увеличена до 94 2/3 золотника, но вес уменьшен: решено было выбивать полуимпериал из фунта золота этой пробы 67 полуимпериалов 1 руб. 59 коп., тогда как в 1764 г. выбивали только 62 полуимпериала 2 руб. 88 8/9 коп. В 1817 г. восстановлена для полуимпериала 88 проба и вес 1764 г., что и продолжалось до указа 17 декабря 1885 г., которым повелено выбивать полуимпериал по 1 зол. 49,2 дол., содержащие 900 частей золота и 100 меди (5,807 г чистого золота, т.е. идентично французской монете в 20 франков и другим монетам Латинского валютного союза). С 1897 г. на полуимпериале выбивалось означение его курсовой цены – 7 руб. 50 коп. [Спасский И. Г. Русская монетная система. Л.: Аврора, 1970. С. 213–216].

Согласно статье десятой контракта, иранское правительство брало на себя обязательство оплатить дорожные расходы русским инструкторам после истечения срока действия контракта. Однако оно оставляло за собой право выплатить данную сумму и до истечения трёхгодичного срока.

По статье одиннадцатой, подполковник ГШ А.И. Домонтович, офицеры и урядники должны были в течение двух с половиной месяцев, начиная с того дня, как через российское посольство в Тегеране им была передана сумма на дорожные расходы, оговоренная в статье четвёртой контракта, прибыть в столицу»⁵⁷⁹.

На следующий день после подписания контракта подполковник отправился в Россию для набора инструкторов.

2.3. Начало деятельности русских инструкторов в Иране

Перед тем, как переходить к рассмотрению процесса формирования ПКБ следует остановиться на её первых инструкторах. Это необходимо, поскольку в последнее время стали появляться публикации, где о них даются совершенно превратные сведения. Так, например, А.Б. Широкоград в своей популярной работе писал буквально следующее: «Вскоре в Персию был направлен полковник Генштаба Домонтович с несколькими отобранными им урядниками Кубанского кавказского войска – виртуозами в джигитовке, стрельбе и владении холодным оружием»⁵⁸⁰. Но на деле А.И. Домонтович был подполковником, а военная миссия состояла не только из представителей Кубанского казачьего войска, и не только из урядников. Вопрос о выборе и характеристиках инструкторов важны также в свете дальнейшей истории бригады, поскольку даёт яркое представление о способах отбора кандидатов, об их моральных качествах и личных целях. Уже при наборе первой партии инструкторов проявились все положительные и отрицательные особенности этого процесса, характерные для всей истории ПКБ.

⁵⁷⁹Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 54–55.

⁵⁸⁰ Широкоград А. Персия-Иран: империя на Востоке. М.: Вече, 2010. С. 99. Фактически он в несколько исправленном виде пересказал сообщение Аслан-бека [Аслан-бек. Персидская казачья бригада // Часовой. 1980. № 623 (1). С. 11].

Формально члены военной миссии назначались по выбору командующего войсками на Кавказе. Однако фактически подбор кандидатур был возложен на Заведующего обучением персидской кавалерии. «В Тифлисе я доложил о результате командировки и получил разрешение, согласно контракта, выбрать по своему усмотрению в состав военной миссии 3-х офицеров и 5 урядников», – вспоминал А.И. Домонтович⁵⁸¹. П.П. Павлов 23 февраля 1879 г. обратился с письмом к наказному атаману Терского казачьего войска генерал-лейтенанту Александру Павловичу Свистуну. В нём говорилось буквально следующее: «Во исполнении ... высочайшей воли ... назначить для ... командировки состоящего для поручений при вверенном мне штабе ГШ подполковника Домонтовича, предоставив его усмотрению выбор остальных членов из Кубанского и Терского казачьих войск⁵⁸² ... Офицеры, выбранные подполковником Домонтовичем, во время пребывания их в Персии должны числиться, не занимая вакансий, в частях, откуда будут назначены, пользоваться производством в чины по вакансии и сохранять содержание от казны в размере получаемого ими жалования»⁵⁸³. Такое же предписание получил и наказной атаман Кубанского казачьего войска генерал-лейтенант ГШ Николай Николаевич Кармалин.

Прибыв в Екатеринодар, где предполагал подготовиться к службе в Иране, исходя из указанных распоряжений А.И. Домонтович обратился к означенным начальникам. У наказного атамана Кубанского казачьего войска он попросил назначить 3-х урядников. Тот выполнил просьбу, отослав в распоряжение подполковника Евсеева, Рудя и Лактина. Первые два, по сообщению А.И. Домонтовича, отлично знали строй. Лактин же «ещё в Тегеране был ... прикинут посольством», поскольку уже бывал в Персии: он сопровождал полковника Николая Григорьевича Петрусевича в его разведывательной поездке по северо-восточным провинциям Ирана в 1879 г.⁵⁸⁴ Однако этот «опыт», как

⁵⁸¹ Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 134. Вып. 4. С. 211.

⁵⁸² В работе Н.К. Тер-Оганова допущена опечатка – указано несуществовавшее Ставропольское казачье войско [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 55].

⁵⁸³ РГВИА. Ф. 446. Д. 44. Л. 55.

⁵⁸⁴ «Подробные материалы о Геок-Тепе, Ахалтекинском оазисе и пограничной линии в 1879 г. собрал полковник артиллерии Николай Григорьевич Петрусевич. Он отражал настроения части офицерства, не признававшего мирного хода присоединения туркменских земель, а только военного. Эти офицеры видели вектор движения российских войск через Ахалтеке к Герату, в обход персидской территории» [Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к

оказалось, не пригодился. «Из продолжительной, чрезвычайно полезной и интересной поездки с Петрусевичем Лактин вынес только одно – страсть к вину»⁵⁸⁵. Если выбор 3-х урядников мало зависел от А.И. Домонтовича, то двух офицеров он выбрал сам. Сложно сказать, чем именно руководствовался подполковник в этом выборе. Но даже из его воспоминаний следует, что либо принцип пользы делу тут играл подчинённую роль, либо же он недостаточно хорошо разбирался в людях.

Первым был есаул Иван Николаевич Братков – младший офицер Ставропольского казачьего юнкерского училища⁵⁸⁶. А.И. Домонтович знал его мало. В воспоминаниях он пишет, что «познакомился ... с ним месяца за 4 до того ... видел его не более двух раз и то в большой и пожалуй в слишком весёлой компании». Но И.Н. Братков привлек внимание подполковника «своей оригинальной, резко очерченной натурой». «Он отличался твёрдым и самостоятельным характером ... Репутация хорошего строевого офицера окончательно решила дело в его пользу»⁵⁸⁷. Однако для есаула должность, предложенная А.И. Домонтовичем, была лишь средством поправить положение. Об этом красноречиво свидетельствует его ответ на телеграмму подполковника, в которой тот упомянул о 5 000 рублей содержания от персидского правительства. «Согласен, согласен, согласен», – сообщил есаул⁵⁸⁸. Лишь по прошествии времени А.И. Домонтович пожалел о своём выборе, хотя о том, что именно заставило его это сделать, к сожалению, остаётся только догадываться. «Происходя из офицеров бывшего линейного войска⁵⁸⁹, – писал подполковник о И.Н. Браткове, – он отличался твёрдым и самостоятельным характером. Малообразованный, но нахватавшись хлёстких и ходячих мнений и фраз по Писареву⁵⁹⁰,

Российской империи в XVIII – XIX вв. Историко-географическое исследование. М.–СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 93].

⁵⁸⁵ Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 134. Вып. 4. С. 213.

⁵⁸⁶ Кавказский календарь на 1878 год. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского, 1877. Отделение третье. С. 127.

⁵⁸⁷ Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 134. Вып. 4. С. 212.

⁵⁸⁸ Там же.

⁵⁸⁹ Кавказское казачье линейное войско было образовано в 1832 г. и существовало до 1860 г., когда было преобразовано в Терское казачье войско. 2 же его западных (правых) полка (Хопёрский и Кубанский) объединили с Черноморским казачьим войском в Кубанское казачье войско [Малукало А.Н. Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг.: организация, система управления и функционирования. Краснодар: Изд-во Кубанькино, 2003. Режим доступа: http://militera.lib.ru/h/malukalo_an01/index.html].

⁵⁹⁰ Дмитрий Иванович Писарев – русский писатель-публицист и литературный критик. Исповедовал и пропагандировал революционно-демократические взгляды [Коротков Ю. Писарев. М.: Молодая гвардия, 1976. 368 с.].

Чернышевскому⁵⁹¹ и другим, он с большим апломбом импонировал этим на окружающих его, большею частью скромных и вовсе не отличающихся начитанностью товарищей»⁵⁹². Скорее всего, цель и характер И.Н. Браткова приводили к конфликтным ситуациям с командиром. На это есть косвенные указания с донесениях А.И. Домонтовича. Однако что-то определённое утверждать сложно.

Второй офицер – хорунжий Екатеринодарского полка Кухаренко – был выбран подполковником «по-родственному» (он приходился ему роднёй). Нелишне будет привести полностью выдержку из воспоминаний А.И. Домонтовича, характеризующую этот выбор. «Он по молодости и по непродолжительной службе, может быть, и не вполне подходил к условиям, необходимым для роли инструктора, но как отличный ездок, исполнительный в работе, весьма аккуратный в делах, он мог принести большую пользу»⁵⁹³.

Как видим, подбор двух офицеров для важной миссии оказался не совсем удачным. То же можно сказать и о третьей кандидатуре – адъютанте наказного атамана Терского казачьего войска генерал-майора А.П. Свистунова сотнике Дмитрие Алексеевиче Вырубове⁵⁹⁴. После окончания сборов в Екатеринодаре, подполковник с женой, денщиком Алексеем Подмокловым, хорунжим Кухаренко и тремя урядниками выехали во Владикавказ. Здесь он явился к атаману Терского войска и попросил порекомендовать ему офицера для поездки в Персию. Генерал предложил «находившегося там же в комнате» своего адъютанта. «Небольшое сомнение было у меня относительно знания им строевой службы, – вспоминал А.И. Домонтович, – но не желая затягивать дела ... я согласился»⁵⁹⁵. Уже после совместной службы в Персии подполковник оценил Д.А. Вырубова следующим

⁵⁹¹ Николай Гаврилович Чернышевский – русский философ-утопист, публицист, критик, писатель. Придерживался революционно-демократических взглядов, активно их пропагандировал, за что в служебной документации и переписке между жандармерией и тайной полицией назывался «врагом Российской империи номер один» [Ланщиков А. П. Н.Г. Чернышевский. М.: Современник, 1987. 384 с.].

⁵⁹² Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 134. Вып. 4. С. 212.

⁵⁹³ Там же.

⁵⁹⁴ А.И. Домонтович называл его сотником, а в «Кавказском календаре» [Кавказский календарь на 1878 год. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского, 1877. Отделение третье. С. 149] он числился поручиком. По «Табели о рангах» это соответствующие чины. Официально он состоял при наказном атамане для особых поручений на вакантной должности по ГШ и, кроме того, по Армейской кавалерии. Поэтому, скорее всего, А.И. Домонтович просто ошибочно наименовал поручика соответствующим казачьим чином.

⁵⁹⁵ Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 134. Вып. 4. С. 213.

образом. «Сотник Вырубов красивый, с длинной чёрной бородой, вследствие чего его в Персии называли Фатхали-шахом, исторически известным своей необычайно длинной бородой, человек добрый, весьма симпатичный, но, к сожалению, по мягкости и слабости характера способен был легко подчиняться другим»⁵⁹⁶.

Наконец, ещё два урядника были назначены штабом Терского казачьего войска по запросу А.И. Домонтовича. Водобшин и Кириллов – «оба георгиевские кавалеры, первый даже с тремя, бравые и на вид внушительные, сразу казались вполне подходящими»⁵⁹⁷.

Как видим, подбор состава миссии произошёл на «паритетных» основаниях: часть её была отобрана лично подполковником, часть – предложена вышестоящими лицами. Цели инструкторы имели разные. По крайней мере, два из трёх офицеров ехали в Персию не только служить, но и улучшить своё материальное положение. Качество урядников было лучшим, но и здесь имелся «изъян» в виде Лактина. Как увидим, в дальнейшем эти факторы сыграют определённую роль в моральном климате в ПКБ. Отчасти в этом был виноват сам А.И. Домонтович, не сумевший правильно оценить Браткова и пошедший на поводу у родственных чувств относительно Кухаренко. Возможно, не случайно, что единственный, о ком у подполковника через много лет сохранились самые приятные воспоминания, был назначенный к нему денщиком рядовой расквартированного в Екатеринодаре батальона Алексей Подмоклов⁵⁹⁸.

Из Владикавказа урядники, денщик с лошадьми и вещи были отправлены в Баку. Офицеры же собрались в Тифлисе, откуда в середине апреля выехали туда же. В Баку миссия в полном составе – подполковник, 3 обер-офицера, 5 урядников, 2 денщика и жена А.И. Домонтовича – села на пароход и к вечеру следующего дня высадилась в персидском порту Энзели⁵⁹⁹. На следующий день русские представители отправились в Решт, откуда через Казвин направились в Тегеран.

⁵⁹⁶ Там же.

⁵⁹⁷ Там же. С. 214.

⁵⁹⁸ Там же. С. 213.

⁵⁹⁹ Порт этот имел для России важное значение. «Город Энзели небольшой (3 000 жителей), но имеет громадное значение в торговом отношении: он служит складочным местом для русских товаров и, в то же время, портом для городов Решта и Тегерана, с которыми соединён единственным разработанным торговым путём, пересекающим Эльбрусский хребет», – отмечал исследовавший северные районы Персии в начале 1890-х гг. российский офицер

7 мая 1879 г. военная миссия в составе указанных лиц прибыла в Тегеран.

Через 5 дней Насреддин-шах принял А.И. Домонтовича и предложил сформировать казачий конный полк в 400 человек. Шах велел предварительно составить годовой бюджет полка с учётом жалования личного состава (за исключением офицеров), питания, обмундирования, вооружения, снаряжения и содержания лошадей⁶⁰⁰. Годовой бюджет полка, разработанный А.И. Домонтовичем, составил 126 000 рублей⁶⁰¹ за исключением суммы жалования персидским офицерам. Размер последнего зависел от степени знатности и племени, из которого тот или иной офицер происходил⁶⁰². После рассмотрения в Совете министров персидский правитель утвердил бюджет и дал указание А.И. Домонтовичу немедленно приступить к формированию части.

С первых шагов А.И. Домонтович столкнулся с трудностями. После первой, инспекционной, поездки, он рассчитывал, что для создания новой части ему будет предоставлена иррегулярная кавалерия гулямов. Однако по приезде оказалось, что шах передумал. Как отмечал В.А. Косооговский, «Домонтовичу пришлось провести месяца 3 в пустых переговорах»⁶⁰³. 1 июля между российским и персидским правительствами была заключена конвенция, предусматривавшей обучение части персидской кавалерии, сроком на 3 года⁶⁰⁴. Цель учреждения этого военного подразделения с русскими офицерами во главе определялась в конвенции следующим образом: «Командир бригады должен направлять свои силы, усердие и знания на формирование из подчинённых ему людей надёжной и верной воинской части, готовой всегда служить Его Величеству Шаху»⁶⁰⁵. Для обучения русским инструкторам были выделены 400 человек из иррегулярной кавалерии мухаджир⁶⁰⁶

[Косооговский. Прибрежное пространство между таможеню Астара, городом Энзели и горами (персидская провинция Гилян) // СМА. 1891. Вып. 49. С. 57–58].

⁶⁰⁰ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 56.

⁶⁰¹ Или около 40 000 туманов. Курс тумана по отношению к рублю не был постоянным и одинаковым. Так, даже в официальном издании 1879 г. его цена колебалась от 2 рублей 85 копеек до 3 рублей 12,56 копеек [Кавказский календарь на 1880 год. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского, 1879. Отделение 1. С. 126, 149]. Мы берём среднюю цифру в 3 рубля за туман.

⁶⁰² Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 73.

⁶⁰³ Косооговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 391.

⁶⁰⁴ РГВИА. Ф. 446. Д. 44. Л. 19.

⁶⁰⁵ Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 136–137. Первоначально предполагалось сформировать и обучить лишь полк кавалерии. Бригада появляется в конце 1879 г., когда был создан второй полк. Тем не менее, формальная цель создававшегося воинского подразделения в цитате изложена точно, поэтому мы сочли необходимым включить её в текст работы.

⁶⁰⁶ О.А. Айрапетов, основываясь на реалиях начала XX в. утверждал, что ПКБ формировалась из наёмников [Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М., 2014

(мохаджир, махаджир, могаджир – так называли выходцев с Кавказа – из Эриванской и Бакинской областей, – покинувших его после подписания Туркманчайского договора 1828 г. и осевших в Персии⁶⁰⁷; в более широком смысле слова так называли мусульман, которые переселяются из враждебных стран ради спасения своей веры⁶⁰⁸)⁶⁰⁹.

В одной из интернет-статей по этому поводу написано следующее. «В результате интриг англичан и проанглийски настроенных вельмож шах отдал под начало российских военных не свою лучшую кавалерию, состоящую из его личных телохранителей, а отряд из 400 кавалеристов-мухаджиров. Мухаджиры – это выходцы с Кавказа, осевшие в Персии в результате российского завоевания, и не испытывавшие никакой симпатии к русским. Фактически, это была банда головорезов, наводивших ужас на мирных жителей, а, поскольку о жаловании вояки давно не слышали, то промышляли мародерством и грабежами. По-видимому, расчёт англичан был на то, что русские опозорятся с таким войском, в котором о дисциплине и воинском подчинении даже не слышали»⁶¹⁰. В указанной статье содержится лишь доля истины. По мнению А.И. Домонтовича, замена гулямов на мухаджиров была сделана «с целью поставить новое дело в такие условия, при которых невозможно достижение успеха»⁶¹¹. Во-первых, мухаджиры не слишком хорошо относились к русским, поскольку те завоевали их земли. Во-вторых,

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/na-puti-k-krahu-russko-yaponskaya-vojna-1904-1905-gg-voenno-politicheskaya-istoriya-read-399953-1.html>]. На самом деле, до начала XX в. основу бригады – 2 полка и гвардейский эскадрон и эскадрон «Кадам» составляли мухаджиры, отданные русским офицерам шахским решением. Из наёмников комплектовался только 2-й полк.

⁶⁰⁷ Мамонтов Н.П. Очерки современной Персии. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1909. С. 91. По Туркманчайскому договору от Ирана были отторгнуты Эриванское и Нахичеванское ханства из которых была образована Армянская область, преобразованная в 1849 г. в Эриванскую губернию. Бакинское ханство перешло в подданство России в 1803 г., а присоединено к империи в 1806 г. Таким образом, Н.П. Мамонтов, скорее всего, немного ошибся в наименовании областей.

⁶⁰⁸ Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://islamicencyclopedia.narod.ru/articles/576.html>. Мухаджиры – в буквальном переводе с арабского означает «переселенцы» или «эмигранты», от слова «хиджра» – «переселение» [Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 155], а не «дезертиры», как определил их составитель словаря-справочника по кубанскому казачеству [Военный лексикон кубанских казаков: словарь-справочник. Краснодар: Краснодарские известия, 2007. С. 69–70].

⁶⁰⁹ Косоговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 391. История мухаджирства в Иран, к сожалению, в российской и европейской историографии почти не разработана. Нам известна только одна работа, но в ней рассмотрены только правовые вопросы указанного явления [Шукюров К. Миграция населения между Россией и Ираном в XIX – начале XX веков (политико-правовые вопросы) // Кавказ & глобализация. 2009. № 2/3. С. 210–219]. Куда лучше исследовано переселение горцев в Османскую империю [Бобровников В.О. Мухаджирство в «демографических войнах» России и Турции // Восток. 2010. № 2. С. 67–78; Зейналова С.М. Формирование европейских этнических общин на Кавказе (XIX – первая половина XX вв.). Баку: Мутарджим, 2010. С. 33–56; Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007 С. 155–183].

⁶¹⁰ Казаки родом из Персии 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.all-fishing.ru/last-articles/kazaki_rodом_iz_persii_2.htm.

⁶¹¹ Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. : URSS, 2007. С. 73.

«правоверные» ставились под командование «неверных», да ещё и своих сравнительно недавних противников. В-третьих, привилегированное положение мухаджиров и их приверженность к своим вождям делали задачу создания регулярной кавалерийской части проблематичной. Однако оценка их как банды обездоленных головорезов страдает крайней односторонностью. После переселения с Кавказа мухаджиры составили особую замкнутую элитную группу в Каджарской монархии, причём каждый из них получал наследственную пенсию. К рассматриваемому времени сменилось уже целое поколение мухаджиров, пенсии уменьшились за счёт их дробления между детьми, а осознание своего привилегированного положения делало слабой власть над ними центральных органов. Тем не менее, относительно организованную силу, располагавшую финансовыми средствами они по-прежнему составляли. «Племя это пользуется в Персии, сравнительно с другими народностями, значительными привилегиями; – сообщал в одном из своих рапортов А.И. Домонтович, – они, почти не неся до сих пор никаких воинских обязанностей, все получили довольно большое жалованье, которое для более почётных лиц составляло весьма крупную цифру. У этих лиц большие претензии, хотя они не отличаются от рядовых всадников»⁶¹².

В.А. Косооговский указывал, что немалую роль в смене «материала» для «казаков» сыграли и мотивы экономии казённых денег, поскольку «мухаджиры, поступая в казачью бригаду, принесли туда своё наследственное содержание целиком»⁶¹³. Тем не менее, ни документы, ни историки, исследовавшие вопрос, не дают чёткого ответа, кто именно стоял за указанными событиями. Вопрос, по каким причинам Насреддин-шах изменил своё решение, и вместо относительно боеспособного подразделения выделил подполковнику наиболее недисциплинированных представителей персидских вооружённых сил, пользовавшихся в стране большими привилегиями и избалованными этим, остаётся открытым. А.И. Домонтович писал в 1880 г.: «очень может быть, что даже назначение с самого начала, в моё распоряжение мухаджиров, вместо предлагаемых гулямов, было сделано с целью поставить новое дело в условия, не возможные для

⁶¹² Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 57.

⁶¹³ Косооговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 397.

достижения успеха»⁶¹⁴. В.А. Косооговский обвинял в помехах организации ПКБ военного министра, начальника гулямов и родственника шаха Ала од-Доуле, который пользуясь родственными связями и своим положением (он подчинялся непосредственно Насреддин-шаху) «убедил шаха не трогать его полка»⁶¹⁵. Сообщая о кознях командира гулямов, многие из русских наблюдателей и исследователей откровенно намекали на английскую интригу. Однако достоверных доказательств этому нет⁶¹⁶. Скорее, проблема имела внутриперсидский характер. Ала од-Доуле не хотел терять своё привилегированное положение и обратился к военному министру и шаху, не забыв преподнести внушительный пишкеш (подарок, в данном случае – взятка – О.Г.)⁶¹⁷. К тому же он был родственником Насреддин-шаха. Шах сочетал в себе множество положительных и отрицательных качеств. Его периодические реформаторские «всплески», восхищение Петром I и европейской жизнью разбивались о непостоянство, нерешительность, жадность (в том числе и до денег) и себялюбие. К тому же Насреддин-шах был ленив и легко поддавался под чужое влияние, особенно если оно было связано с личными выгодами (достаточно вспомнить несостоявшуюся концессию 1872 г. барона Пола Джулиуса (Пауля Юлиуса) Рёйтера (Ройтера), по которой практически вся экономика страны передавалась в аренду английскому предпринимателю⁶¹⁸)⁶¹⁹. Нельзя согласиться с

⁶¹⁴ Российско-Императорскому Чрезвычайному посланнику и полномочному министру при дворе персидском [И.А. Зиновьеву от А.И. Домонтовича] // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 132.

⁶¹⁵ Косооговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 391.

⁶¹⁶ Здесь уместно привести цитату из работы Фируза Казем-заде, которая хорошо показывает отношение англичан к приглашению русских инструкторов. «Английская миссия осуждала принятие на службу шахом русских офицеров, – писал он. – Рональд Томсон говорил об этом мирзе Хусайн-хану, но не оказывая сильного давления по этому вопросу, чтобы не подвергнуть опасности переговоры о навигации по реке Карун. Шах отказался открыть Карун и отмахнулся от возражений Томсона на назначение Домонтовича в том же послании, адресованном мирзе Хусайн-хану. Он написал: «У нас есть офицеры и служащие разных национальностей и религий. Мы пожелаем иметь одного-единственного русского для того, чтобы он обучал несколько сотен наших кавалеристов, как казаков. Это и есть прибывший офицер. Персия – не Афганистан, она – независимая держава и считает нужным иметь дружественные и сердечные отношения со всеми странами, особенно с такими, как Англия и Россия»» [Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 138–139].

⁶¹⁷ «Пишкеш требует равноценной оплаты со стороны принявшего его», – писал Е.М. Белозерский [Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 14]. Традиция такого рода подарков с отдаванием в традиционном обществе имеет солидную основу, ведущую своё начало с древности в виде редистрибуции [Васильев Л.С. Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 96–114; Васильев Л.С. История Востока. М.: Юрайт, 2011. Т. 1. С. 79–80; Васильев Л.С. Становление политической администрации (от локальной группы охотников и собирателей к протогосударству-чифдом) // Народы Азии и Африки. 1980. № 1. С. 172–186]. Рассматривать пишкеш в качестве взятки стали европейцы, а вслед за ними – европеизировавшая часть иранского общества. Основанием для этого было то, что в руках персидских высших сановников пишкеш превратился фактически в форму вымогательства без должной отдачи.

⁶¹⁸ Детальнее см. Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 92–114. Для получения концессии концессионер подарил шаху 1 000 000 франков, его трём министрам – по 500 000 франков, трём важным сановникам – по 100 000 франков, не считая более мелких подарков

российским исследователем Александром Ивановичем Андреевым в том, что шах «более тяготел к русским, нежели к англичанам»⁶²⁰. Многие зависело от конкретной ситуации. В то же время нельзя не согласиться с тем же автором, что правитель Персии в своих внешнеполитических симпатиях был небескорыстен. Например, наблюдавший Насреддин-шаха в течение нескольких лет В.А. Косоговский, отмечал его «болезненную жадность» и стремление извлечь личную выгоду из любого предприятия в своей стране⁶²¹. Все эти личные особенности, присущие шаху, со временем неоднократно сказывались на положении российских инструкторов в Каджарской монархии.

В персидской армии существовала система, при которой командиры частей обогащались за счёт своих подчинённых. Делалось это различными путями. В «Записке о состоянии вооружённых сил Персии...» и в «Военно-статистическом сборнике» находим следующую схему финансирования на высшем уровне. «Генерал-интендант армии ведёт ведомость всем денежным окладам, предоставляет её ежегодно сам на утверждение шаха, который указывает из каких источников они должны быть уплачены, и тогда выдаются начальникам отдельных частей квитанции для предъявления их государственному казначею»⁶²². Каждая из указанных квитанций должна была быть снабжена печатями 14-ти высших сановников⁶²³. В.А. Франкини сообщал, что государственные доходы в Персии были сосредоточены в руках министра внутренних дел, поэтому военное казначейство снабжалось по смете, составляемой ежегодно весной «из сумм главного казначейства посредством ежемесячного аванса в 64 000 туманов⁶²⁴ и несрочных добавочных ассигнования». Министру внутренних дел сообщалась

[История Востока: В 6 т. М.: Восточная литература, 1995. Т. 4. Восток в новое время (конец XVIII – начало XX в.): Кн. 2. 2005. С. 71].

⁶¹⁹ Интересные характеристики шаха даны в: Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С.112–150; Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 55–63.

⁶²⁰ Андреев А. И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та; Нартанг, 2006. С. 57.

⁶²¹ Из тегеранского дневника полковника В.А. Косоговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 17, 32.

⁶²² [Вревский А.Б.] Персия // Военно-статистический сборник. СПб.: Военная типография, 1868. Вып. 3. С. 29.

⁶²³ Записка о состоянии вооружённых сил Персии, 16 декабря 1863 – 30 января 1864 года // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 118.

⁶²⁴ Сумма эта, естественно, год из года менялась.

общая сумма, а та распределялась военным министром⁶²⁵. «Всякий расход, – писал В.А. Франкини, – необходимый для снабжения материалами технических заведений, либо для удовлетворения жалованием частей войск и служащих, должен предварительно быть одобрен военным министром. По получении разрешения, ему предоставляется проект ассигновки (чека – О.Г.), на котором он накладывает свою печать. Одобренные ассигновки, касающиеся материальной части, прямо предоставляются в казначейство для уплаты, те же, которые касаются личного состава, проверяются предварительно в канцелярии Везири-лешкера (контролёр Военного министерства – О.Г.). Уплаченные ассигновки возвращаются к Везири-лешкеру, записываются и окончательно передаются в Министерство внутренних дел, где общая цифра их, без всякой другой формальности, вписываются в расход по смете Военного ведомства»⁶²⁶. «Своевременная уплата по ним (ассигновкам или векселям – О.Г.) производится только в том случае, если в казне есть деньги и притом если казначею поднесен значительный пишкеш, в противном случае деньги удерживаются им для получения с них процентов в свою пользу. Подобного рода злоупотребления повторяются последовательно всеми военными чинами, так что определённое сарбазам⁶²⁷ жалование, обыкновенно, остаётся почти всё в карманах высших административных чинов и полковых командиров»⁶²⁸. Причём финансовую отчётность реально проверить было сложно, поскольку военные чиновники и офицеры вели её небрежно или даже халатно⁶²⁹. Причину такого положения практически все наблюдатели, близко сталкивавшиеся с административными структурами Каджарской монархии, видели в коррупции, разъедавшей государственный и военный аппараты. «Увольняя большую часть сарбазов во временные отпуска, – писал автор статьи в «Военном сборнике», – полковые командиры получают, между тем, от правительства всегда полное содержание по списочному составу частей. Если в государственном казначействе не имеется денег, что бывает весьма часто, то начальникам отдельных частей выдаются бараты, т. е.

⁶²⁵ Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 27.

⁶²⁶ Там же. С. 28.

⁶²⁷ Буквально – «рискующий голой». Так называли в иранской армии солдат регулярных пехотных полков [Тер-Оганов Н.К. К истории происхождения и эволюции персидских военных терминов «جا باز» и «سر باز» // Сообщения Академии Наук Грузинской ССР. 1976. Т. 81. № 3. С. 749–752].

⁶²⁸ [Вревский А.Б.] Персия // Военно-статистический сборник. СПб.: Военная типография, 1868. Вып. 3. С. 29.

⁶²⁹ Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 29.

свидетельства на получение жалования или провианта военным из доходов известных областей или округов. Уплата по этим баратам ... производится губернаторами крайне недобросовестно»⁶³⁰ «Сейчас казна выдаёт жалование на 52 000 пехотинцев, – подводил итог В.А. Франкини, – а на основе частных достоверных сведений, наличная численность пехоты не превышает половины этой цифры. Другая половина находится на родине, где она занимается земледельческими работами, или же в городах, на заработках; суммы же, правительством выдаваемые на отсутствующих, разделяются между начальниками от высшего до низшего»⁶³¹ Что касается Ала од-Доуле, командовавшего гулямами, то он, как родственник шаха, имел значительные привилегии в распоряжении своей частью. А.И. Домонтович отмечал, что он жил «чрезвычайно широко и расточительно, подспорьем чему служили деньги от большого некомплекта содержаемых им гулямов, в особенности их лошадей»⁶³². Естественно, лишаться легко приобретаемого и пополняемого дохода Ала од-Доуле не хотел.

Российским инструкторам сразу же пришлось столкнуться с массой трудностей. Главной из них была денежная проблема, которая со временем стала основной для нового подразделения. В.А. Косооговский в своих воспоминаниях указывал, что первоначально ни определённого бюджета, ни определённого штата не имелось⁶³³. Но он был не совсем прав. А.И. Домонтович разработал примерный бюджет полка ещё до его создания, о чём уже говорилось выше. И в дальнейшем ежегодно составлял расчёты на содержание части, которые предоставлял военному министру для утверждения. Другое дело, что бюджет не был полностью обеспечен. Здесь необходимо отметить одну из серьёзных ошибок, которую допускали и допускают многие исследователи ПКБ (не избежали этой участи и мы в одной из своих ранних работ), утверждая, что «бюджет ПКБ состоял из содержания 400 человек, уже состоявших на “казахьей” службе, и из ассигнований из шахской казны, обеспеченных доходами с таможен Северной Персии, находившихся под

⁶³⁰ [Вревский А.Б.] Персия // Военно-статистический сборник. СПб.: Военная типография, 1868. Вып. 3. С. 29.

⁶³¹ Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 4.

⁶³² Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 3. С. 581. На содержание лошадей персидское паврительство также выделяло деньги.

⁶³³ Косооговский В.А. Очерк развития персидской казахьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 391.

контролем России»⁶³⁴. Более детальное знакомство с финансовой стороной функционирования означенной воинской части убедило нас, что обеспечение её материального положения доходами персидских таможен стало результатом займа персидского правительства у России 1900 г.⁶³⁵.

Основанием бюджета после замены гулямов на мухаджиров должно было служить наследственное жалование последних, которое они получали от казны. Это уменьшило планировавшуюся изначально сумму. Предполагалось, что жалование будет одинаковым для лиц, занимавших одно и то же служебное положение⁶³⁶. Но этих денег для обустройства полка на первых порах не хватало, что вынуждало А.И. Домонтовича постоянно хлопотать перед шахом об увеличении финансирования. «Этих денег начальнику “казачьей” кавалерии не хватало, так как в первое время была масса побочных расходов, – сообщал В.А. Косоковский, – напр., заведение палаток и посуды для казаков, навесов для лошадей и многое другое, поэтому полк. Домонтовичу удалось выхлопотать от персидского правительства 10 000 туманов (20 000 руб.⁶³⁷). из коих 5 000 были израсходованы сейчас же»⁶³⁸. Подполковнику приходилось на ходу корректировать свои представления о ведении хозяйства полка, исходя из иранских условий, а не правил, установленных в русской армии, которые были положены им в основу бюджета. Так, в рапорте от 10 августа 1879 г. А.И. Домонтович сообщал следующее: «Одновременно с формированием полка, я обратился к тегеранским купцам с целью найти подрядчиков на поставку в полк всех предметов его содержания. Необходимость скорее приступить к делу ... заставила меня в первое время до заключения контрактов довольствоваться полк по базарным ценам и несмотря на то, что содержание его обходится ниже цен, выведенных согласно положениям русской

⁶³⁴ Гоков О.А. Создание Персидской казачьей бригады // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць. Х.: НМЦ СД, 2003. С. 69; Павлович М.П. Казачья бригада в Персии. (Из истории персидской контрреволюции) // Новый Восток. Кн.8/9. С. 182; Потапов Г.В. Персидская империя. Иран с древнейших времён до наших дней. М.: Алгоритм, 2013. С. 262; Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 138.

⁶³⁵ О роли русских займов 1900 и 1902 гг. в изменении финансирования ПКБ говорит в своей статье и Н. Тер-Оганов [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада: период трансформации (1894–1903 гг.) // Восток. 2010. № 3. С. 78], однако наши выводы были сделаны независимо от него [Гоков О.А. Роль офицеров Генерального штаба в осуществлении внешней политики Российской империи на мусульманском Востоке во второй половине XIX в. Дисс. канд. ист. наук. Харьков, 2004. С. 165].

⁶³⁶ Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 74.

⁶³⁷ В.А. Косоковский исходил из курса конца 1890-х гг. В 1879 г. 1 туман равнялся примерно 3 рублям, следовательно, указанная сумма исчислялась в 30 000 рублей.

⁶³⁸ Косоковский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 391. См. также: Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 74–75.

армии. Это относится до довольствия людей и лошадей, что же касается обмундирования, то в бюджете выставлены мною цены весьма малые, чуть ли не менее тех, по которым справляются вещи в казачьих полках; предполагая большую часть вещей и материалов выписать из России, разницу в курсе персидских и наших денег я считал достаточной для пересылки их. Впоследствии ближе ознакомившись с торговлей Тегерана, я предпочёл делать закупки всего и заказы в самой Персии, и, несмотря на неимение в полку никаких подспорных средств, в виде разного рода мастерских, обмундирование полка идет весьма скоро, хорошо и дёшево»⁶³⁹.

Кроме того, военная подготовка новоиспечённых «казаков» оставляла желать лучшего. «Мухаджиры, – писал Алексей Михайлович Колюбакин, – потомки знатных мусульманских фамилий, оставивших Кавказ вследствие занятия его русскими. Из политических и военных видов шахское правительство старалось удержать мухаджиров от возврата в Россию и думало создать из них военную касту, подобно кадjarской. Ежегодное денежное содержание должно было обеспечить их существование. Поселены были мухаджиры преимущественно в Азербайджане. Знатные, гордые и храбрые горцы, а в начале появления в Персии и очень зажиточные, мухаджиры могли выставить отличную иррегулярную конницу. Но правительство не сумело воспользоваться ими ... Отпускаемое шахом содержание ... за смертью старшего в роде делилось между его наследниками, таким образом постепенно уменьшаясь, дошло до ничтожных размеров, и не может уже обеспечивать безбедного существования людей, живших праздно, без занятий и оседлости. В то же время, боясь оттолкнуть их от себя строгими служебными требованиями, правительство смотрело крайне снисходительно на отношение мухаджиров к службе тем совершенно развратило их. По официальным сведениям их считают 1 200 всадников. Что эта цифра существует только на бумаге видно из того, что когда правительство вздумало воспользоваться мухаджирами для формирования в 1879 году казачьей бригады, то еле удалось набрать 300 человек. С большим трудом было собрано 600 человек, но из их числа, за вычетом

⁶³⁹ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 58.

бежавших (их было много, несмотря на хорошее содержание) и совершенно неспособных, осталось 300⁶⁴⁰»⁶⁴¹.

Сам А.И. Домонтович (как, впрочем, и последующие командиры бригады) постоянно сообщал высшему начальству о своеволиях своих подопечных. «Репутация их как самого беспокойного и в корне испорченного бездеятельностью войска, имеют печальную известность», – отмечал он. Даже шах и военный министр «убеждены были в полнейшей их негодности к какой бы то ни было службе, а также невозможности подчинить их». Например, при уже упоминавшемся формировании полка, несмотря на приказ шаха, 160 мухаджиров, вызванные из Азербайджана, отказались подчиниться и вернулись назад⁶⁴². Прибывшие же для формирования первого полка «явились ... с разными претензиями, в особенности же их офицеры, которые, за весьма редким исключением, ничем решительно не отличаются от простых всадников и столь же далеки от понятия о качествах, требуемых их положением»⁶⁴³. Естественно, такая ситуация значительно усложняла задачи русских инструкторов. К этому дополнялось различие в положении отдельных мухаджиров, связанное со степенью их знатности. Подполковник планировал, что назначение на офицерские посты и система подчинения в его подразделении будет строиться по принципу качества и длительности службы, как это было принято в русской армии. Но реальность оказалась намного сложнее. Мухаджиры, пришедшие в полк в офицерских званиях, требовали их сохранения. Производство незнатных мухаджиров в офицеры за службу было затруднено, поскольку знатные мухаджиры

⁶⁴⁰ В других источниках фигурирует цифры в 400 [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 57] и 200 человек [Высоцкий. Персидская казачья бригада // Военная быль. Париж. 1968. № 89. С. 12]. Сам А.И. Домонтович в октябре 1879 г. сообщал о 400, а по прошествии 14-ти месяцев службы говорил о 300 мухаджирах [Докладная записка о состоянии дел в казачьей бригаде 24 октября 1879 года // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 129; Российско-Императорскому Чрезвычайному посланнику и полномочному министру при дворе персидском [И.А. Зинovieву от А.И. Домонтовича] // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 132].

⁶⁴¹ Колубакин. Очерк вооружённых сил Персии в 1883 г. и население как источник комплектования персидской армии (Составлен по русским и иностранным источникам) // СМА. 1883. Вып. 4. С. 61–62.

⁶⁴² Российско-Императорскому Чрезвычайному посланнику и полномочному министру при дворе персидском [И.А. Зинovieву от А.И. Домонтовича] // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 132. Впрочем, мухаджиры не были исключением из правил. Показательный случай из практики русских инструкторов 1880-х гг. сообщал Мисль-Рустем. «Однажды шах вызвал Шахсевенский кавалерийский полк (из племени шахсевен) к себе на смотр в Тегеран и приказал их одеть в серые черкески, что и было исполнено; затем, после смотра, он приказал русским инструкторам недели две немного подучить этот полк строю и нашить им погоны, наподобие сформированной ПКБ. Два дня они являлись для обучения, но на третий русские инструкторы были удивлены, узнавши, что шахсевенцы ушли уже по домам, на свою азиатскую границу, не дождавшись даже выдачи желаемых шахом погон (погонных денег – О.Г.); они нашли, что в два дня довольно обучились; за это, однако, никто из них не был наказан, как будто так тому и следовало быть» [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 135–136].

⁶⁴³ Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 74.

отказывались им подчиняться. «Казачий» полк был, не смотря на свое привилегированное положение, составной частью персидской армии. И здесь на первых порах действовали те же принципы. С самого начала «офицерский вопрос» стал одним из больных для командиров ПКБ. Чтобы понять его лучше, скажем несколько слов о корпусе офицеров персидских вооружённых сил.

Офицеры в Персии, отмечал В.А. Франкини, имелись двух видов: «одни принадлежат к высшему сословию и получают чины и места по протекции или за деньги, а другие к мелкой провинциальной шляхте, и в таком случае назначаются сарбазами, им же подвластными, на должности субалтерн-офицеров⁶⁴⁴ батальона, набираемого в области; но за это офицеры обязаны преподнести полковнику подарок в 30 или 50 туманов, без чего они не допускаются к исполнению обязанностей, потому что в персидской армии чины от султана (капитана) до наиба (прапорщика) жалуются сартипом (генералом) или сархангом (полковником), командиром батальона, а высшие чины от капитана до генерала – военным министром. Генералы же назначаются шахом, но вообще все чины приобретаются за деньги. Однако сарбазы не принимают в свой фодж офицера, принадлежащего к другому племени; и только высшие начальники – сартипы и сарханги, составляют исключение»⁶⁴⁵. Низший офицерский состав комплектовался «рекрутским набором, причём в офицеры должны были идти ханы (помещики)». Срок службы, как утверждал Павел Васильевич Максимович-Васильковский, был пожизненным, в случае убыли младшего офицера на его место назначался новый хан из того же села. «Командир фоджа сам назначал офицеров на различные должности и ему же было предоставляемо право производить их во все обер-офицерские чины, а в штаб-офицерские чины и выше производились они шахом»⁶⁴⁶.

Из сказанного становится понятным, с какими трудностями в создании единого внутреннего распорядка, основанного на российских уставах, столкнулись российские инструкторы и особенно подполковник. Стремление последнего построить обучение кавалеристов и чинопроизводство (как, впрочем, и всё, что

⁶⁴⁴ Младшие офицеры. В персидской армии чины ниже сарханга – полковника.

⁶⁴⁵ Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 8–9.

⁶⁴⁶ Максимович-Васильковский П. Отчёт о поездке по губернаторствам Западной Персии (Азербайджана и Персидского Курдистана) с приложением описания пройденных путей в зимний период 1900–1901 г.: В 2 ч. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1903. Ч. 1. С. 79–80.

было связано с полком, а затем с ПКБ) на основе принципов и уставов, принятых в России, наталкивалось на местную действительность. Осложняло его также то, что формально новая часть являлась подразделением персидской армии. Соответственно на неё распространялись законы и принципы, сложившиеся здесь. «Армия поглощает больше половины всех доходов страны, берёт в свои ряды людей из лучшей части населения, а между тем армии в настоящем смысле слова нет – существуют только части разнообразнейшего состава, обучения и вооружения, – писал в 1880-х гг. А.М. Колюбакин. – Грабёж казны, обирательство низших классов высшими, правящими, и продажность всех и всюду, от младших до старших чинов в администрации и в войске, лежат в основании государственной системы. Вся страна со всеми отраслями государственного устройства, составляет как бы добычу десятка тысяч начальствующих лиц, имеющих большую или меньшую долю в дележе»⁶⁴⁷. К тому же патриархально-родовые связи особенно среди мухаджиров, приводили к существованию в ПКБ двух параллельных цепочек подчинения – официальной и неофициальной, где главами выступали не офицеры, а лидеры кланов, люди знатного происхождения. Таким образом, все эти сложности – отсутствие дисциплины, уставов, низкую воинскую подготовку нижних чинов и отсутствие таковой у офицерского состава, недостаток централизации, тотальную коррупцию, доминирование личных и патронажных связей – предстояло преодолеть русским инструкторам в своей работе⁶⁴⁸.

9 июля 1879 г. недалеко от Тегерана, в неподалёку от Зергенде⁶⁴⁹, где находилась летняя резиденция русского посольства⁶⁵⁰, А.И. Домонтович разбил

⁶⁴⁷ Колюбакин. Очерк вооружённых сил Персии в 1883 г. и население как источник комплектования персидской армии (Составлен по русским и иностранным источникам) // СМА. 1883. Вып. 4. С. 47–48.

⁶⁴⁸ Детальнее об особенностях социальных и религиозных отношений в Иране см.: Iran Religion, Politics and Society Collected Essays. London: Routledge, 1983. 248 p.

⁶⁴⁹ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 57. В.А. Косооговский указывал иную дату и уточнял место расположения лагеря. «1 июля 1879 г., – писал он, – был разбит первый казачий лагерь в Давудие, саду Давуд-хана, брата Незам-оль-Молька, контролёра военного министерства, недалеко от деревни Зергенде, летней резиденции российской миссии, в полутора фарсах (парасанг, парасанга, фарсанг, фарсаг, санг, таш, йигач, персидская миля – путевая мера, обычно расстояние, которое проходит караван до очередного отдыха, привала или, иначе, расстояние, которое можно пройти пешком за час; в Персии = 6 210 метров (или 5549 метров), малый фарсах = 5 065 метров. 1 фарсах = 12 000 кадамов = 30 стадиям = 150 танабов = 1/4 бариды) от Тегерана» [Косооговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 391]. «Фарсах тебризский равен 7 верстам, отмечал российский офицер в первой половине 1890-х гг. – Фарсах официальный равняется 12 000 шагам (8 вёрст), но в разных провинциях длина его варьирует в большую или меньшую сторону, въ Кане и Сеистане часто более 6 вёрст; в Иезде и Кирмане – не более 6 вёрст; местами 6 вёрст. 6 000 зеро = 1 фарсаху = 6,72 километра; в других местностях 1 фарсах = 5,065 километра. Средний

учебный лагерь. Официальным же днём основания будущей бригады стало 15 июля 1879 г.⁶⁵¹.

2.4. Создание второго полка и формирование бригады

Благодаря решительности и умелым действиям А.И. Домонтовичу удалось достаточно быстро сформировать первый полк⁶⁵². «Скоро окончится 4 месяца, как начались формироваться персидские казачьи полки, – писал подполковник в записке о состоянии дел с обучением от 24 октября 1879 г. – За это время полк (имелся в виде мухаджирский полк – О.Г.) в 400 человек нижних чинов, вполне сформирован, одет, снаряжён и вооружён. Обучение его также не оставляет желать

фарсах = 6,02 километра» [Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование // СМА. 1896. Вып. 63. С. 92].

⁶⁵⁰ В рассматриваемое время только «Россия и Англия имели для своих дипломатических миссий ... свои участки земли с постройками, т. е. свою территорию, на которую власть и законы персов не распространялись, но только были охраняемы персидскими сарбазами. Представители же других стран нанимали для себя частные помещения» [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 168]. Британское посольство располагалось в так называемом «европейском квартале» Тегерана, где в нанятых помещениях находились также французское, австрийское и турецкое дипломатические представительства. Здание же русской Миссии располагалось в другой – старинной – части города, «примыкая к грязным и извилистым улицам второстепенных базаров» [Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 3. С. 576]. «Окружённое с четырёх сторон очень высокими стенами обширное пространство, занимаемое русским посольством, может быть разделено почти на две равные половины. В первой её части прямо перед въездными воротами, в глубине большого мощёного двора возвышалось главное здание посольства. Влево от него флигель для старшего секретаря, с правой же стороны длинное здание, в котором были квартиры драгомана с семьёй, младших чиновников посольства и священника. Сводчатыми воротами в здании посольства можно было пройти в обширный сад, в нём небольшая оранжерея, а в дальнем углу флигель, где жил доктор с семьёй. Главное здание посольства, по-видимому, предназначалось не для одного посланника, при самом широком размещении всегда оставалось большое количество свободных комнат, которые и предоставлялись в пользование приезжих, часто командированных по делам в Персию. В этом же здании была домовая церковь» [Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 3. – С. 576–577]. «Будучи в Тегеране, нельзя не быть в русском посольстве, которое на лето переселяется в Зергенде, на свою дачу при подошве гор, в одиннадцати верстах от Тегерана, – писал позже русский путешественник. – Вся дорога туда из Тегерана обсажена деревьями, так что всё время едешь в тени и прохладе и отчасти забываешь, что находишься в жаркой Персии. Прибыв в Зергенде, мы увидели перед собой огромный, обнесённый забором, тенистый сад, с хорошо содержимыми дорожками и с небольшим ручьём холодной воды, текущей с соседних гор. Вообще место прекрасное и редкое в Персии» [Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 19].

⁶⁵¹ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 57. Н.К. Тер-Оганов аргументировал эту дату тем, что она фигурировала в дипломатических документах, а также в правке русского посланника в Тегеране Николая Генриховича Гартвига. Согласно её данным, 15 июля 1908 г. состоялся смотр-парад ПКБ, в связи с днём её основания. Тем не менее, отдельные авторы приводили в качестве дня основания будущей бригады 1 июля – число, когда было подписано новое соглашение об обучении части персидской кавалерии [Аслан-бек. Персидская казачья бригада // Часовой. 1980. № 623 (1). С. 11; Военный лексикон кубанских казаков: словарь-справочник. Краснодар: Краснодарские известия, 2007. С. 69].

⁶⁵² Следует помнить, что полк этот был полком по меркам персидской армии, т.е. по численности равнялся фоджу. В русской армии кавалерийский полк насчитывал около 1 000 человек, а казачьи полки до 1883 г. имели шестисотенный состав, за исключением терских, состоявших из четырёх сотен. В 1883 г. все кавалерийские полки были переведены на шестисотенный состав [Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М.: Наука, 1973. С. 52–53].

ничего лучшего. Несколько раз он бывал на смотрах, как сипехсалар-азама, так и его величества шаха и получал самые лестные похвалы, причем высказывалось удивление быстрому успеху как строевого обучения, так и главное, установлению полного порядка и дисциплины в части»⁶⁵³. Как видно из текста, А.И. Домонтович главное внимание обратил на приучение мухаджиров к дисциплине и умению держать строй. Ни в этом, ни в других источниках не сообщается об огневой подготовке и обучении сабельному бою – то есть тех составляющих боевой подготовки кавалеристов, которые необходимы в сражении. Подполковник вынужден был начать с самого главного на тот момент – формирования устойчивого воинского подразделения. И это ему удалось: в течение месяца он довольно сносно подготовил вверенных ему людей. В начале августа русский офицер обратился к военному министру с просьбой устроить смотр полку. Как откровенно признавался А.И. Домонтович, им двигало «желание отметить весьма быстрые успехи в обучении кавалерии, достигнутые в 1 месяц со дня формирования полка»⁶⁵⁴. Хусайн-хан назначил смотр на 7 августа. Работа, проделанная А.И. Домонтовичем, произвела впечатление на шаха. Довольный смотром, он приказал увеличить состав части до 600 человек⁶⁵⁵, что послужило началом преобразования её в ПКБ. Однако вопрос, когда именно был создан второй полк, остаётся открытым. О.А. Красняк в своих работах не указывает точной даты⁶⁵⁶, как нет её и у некоторых других авторов⁶⁵⁷. Однако косвенно из материалов российской исследовательницы видно, что приказ шаха был отдан не позднее августа 1879 г. В то же время советский историк М.П. Павлович, основываясь на данных В.А. Косоговского, утверждал, что в 1880 г. ПКБ была сформирована в составе из двух полков⁶⁵⁸. Сам А.И. Домонтович доносил, что шах отдал приказ об увеличении части на 200 чинов и создание двух полков в конце сентября 1879 г., а уже в октябре было произведено разделение бригады на два полка⁶⁵⁹. Иранская газета «Марих» от 27 октября 1879 г.

⁶⁵³ Докладная записка о состоянии дел в казачьей бригаде 24 октября 1879 года // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 129.

⁶⁵⁴ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 58.

⁶⁵⁵ Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 75.

⁶⁵⁶ Там же.

⁶⁵⁷ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 140–141.

⁶⁵⁸ Павлович М.П. Казачья бригада в Персии. (Из истории персидской контрреволюции) // Новый Восток. Кн. 8/9. С. 182.

⁶⁵⁹ Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 129–130.

сообщала: «Казачья кавалерия (саваре-йе сабк-е казак), находящаяся под руководством русского полковника Домонтовича, постоянно совершенствуется и прогрессирует. Согласно приказу его величества, численность этой кавалерии достигла 600 человек»⁶⁶⁰. Таким образом, приказ был отдан в сентябре 1879 г., а не сразу после смотра; формирование же второго полка завершено в 1880 г. Следовательно, бытующая в научной литературе версия, что «в 1882 году конвой (так ошибочно некоторые авторы называют организованный А.И. Домонтовичем полк – О.Г.) был развернут в бригаду»⁶⁶¹, не соответствует действительности.

Созданию второго полка предшествовала одна из первых крупных неурядиц, во многом связанная с финансами и мухаджирским вопросом. «Долго работал министр, желая добрать до 600 человек па службу в казаки из мухаджиров, – констатировал В.А. Косооговский. – Он вызывал желающих из Азербайджана и других мест, но не мог этого добиться, так как далеко за, пределы Тегерана разнеслись нелепые слухи, будто хотят обратить мухаджиров в христианство и вернуть снова в Россию»⁶⁶². Тогда было решено увеличить численность существующего полка за счёт привлечения в него 250 тегеранских мухаджиров. Но это также не удалось. «Тегеранские же мухаджиры, не состоявшие ещё на казачьей службе, – писал первый историк ПКБ, – услыша о призыве желающих военным министром и думая, что если они откажутся, то их заставят служить силой» сели в бест⁶⁶³ в мечеть Шах Абдоль Азима⁶⁶⁴. Большое влияние на это решение оказал

⁶⁶⁰ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 59.

⁶⁶¹ Евстратов А. Русские «богатыри» на службе у шаха Персии // Современный Иран. 2011. № 3. С. 65; Стрелянов (Калабухов) П.Н. Казаки в Персии. 1909–1918 гг. М.: Центрполиграф, 2007. С. 211; Стрелянов (Калабухов) П.Н. Корпус генерала Баратова, 1915–1918 гг. М.: Б. и., 2002. С. 124; Шишов А.В. Персидский фронт (1909–1918). Незаслуженно забытые победы. М.: Вече, 2010. С. 20. 1882 г. в качестве даты создания ПКБ называют многие авторы. В основе этой версии лежат события Персидской революции начала XX в., когда на волне антишахских выступлений и антибригадной кампании, развернутой при поддержке англичан, в иранской прессе был опубликован контракт второго Заведующего, подписанный в 1882 г. [Browne E.G. The Persian revolution of 1905–1909. Cambridge: University Press, 1910. P. 228–232]. Именно от него (поскольку текст соглашения А.И. Домонтовича не стал достоянием широкой публики) отталкивались многие исследователи и публицисты в последствие, полагая контракт 1882 г. первым такого рода и положившим начало ПКБ. В публицистическо-пропагандистском издании 1910 г. вообще указывалось, что бригада была создана «во время русско-турецкой войны 1876 г. по инициативе русского правительства, которое надеялось использовать её против турок при непредвиденных обстоятельствах» [Ibid. P. 232]. В этом утверждении всё не соответствует действительности.

⁶⁶² Косооговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 392.

⁶⁶³ Место, дающее всякому преследуемому властью право временной неприкосновенности (мечеть, иностранное посольство и др.) [Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование // СМА. 1896. Вып. 63. С. 29]. «В прежние времена в святая святых спасались преступники. Вступившие за цепь, они отдавали себя на служение Богу, а потому человеческие законы переставали касаться их. Полицейские, схватившие здесь преступника, сами совершали тяжёлое преступление – оскверняли святыню, а за это, по персидским законам, полагается смертная казнь» [Семёнов А.А. Как живут персы // История Ирана: Сборник. К. – М.: Альтернатива Евролинц, 2003. С. 264]. В Тегеране местом беста была пушка. «На площади (Артиллерийской, Топ-Майдане – О.Г.) перед дворцом, на возвышении, стоит огромная русская пушка,

начальник всех мухаджиров Шудок оль-Мольк Сам он не хотел терять свою власть и все выгоды от неё, поэтому провоцировал своих подопечных. К тому же в полку для мухаджиров было установлено фиксированное жалование. Часть же из них, получавшая большее содержание от правительства в виде пенсий, с поступлением в часть теряла в деньгах. О нежелании мухаджиров служить в «казачьем» полку, было доложено шаху. В результате, было принято решение добрать недостающее число людей из добровольцев.

Согласно разработанному А.И. Домонтовичем бюджету жалование каждому всаднику полагалось в 14 туманов в год. А мухаджирам, чтобы привлечь их в ПКБ, было обещано не менее 30-ти. Осенью 1879 г., с началом нового набора чинов из добровольцев, персидский военный министр разрешил А.И. Домонтовичу временно выдать жалование на 3 месяца вперёд казакам, не принадлежавшим к мухаджирам, из расчёта 20 туманов в год. Это объяснялось тем, что набор добровольцев происходил медленно. «Новых всадников пребывает на службу весьма ограниченное количество и теперешняя численность казачьих частей не превышает 450 человек», – сообщал А.И. Домонтович⁶⁶⁵. Мухаджиры, неправильно истолковали приказ, думая, что добровольцам будут платить больше, чем им. Только личное объяснение подполковника помогло избежать бунта. После этого события А.И. Домонтович добился разрешения от военного министра выдать также жалование и мухаджирам, после чего в начале октября разделил часть на 2 полка. Вот как он сам описал ситуацию с созданием второго полка.

«При поступлении первых мухаджиров на службу в казачий полк, им было обещано жалование для каждого всадника не менее 30 туманов в год, хотя в моём бюджете размер его означен в 14 туманов. Его светлость сепехсалар-азам рассчитывал внести предложение об увеличении содержания мухаджирам до указанной нормы на рассмотрение совета, разрешил мне временно выдать жалование на 3 месяца другим “казакам” полка, не принадлежащим к мухаджирам,

подарок императрицы Екатерины (II – О.Г.), – писал Мисль-Рустем, – она считается священной, под нею бест, т. е. убежище, и если преследуемый или преступник успел проскользнуть мимо её часового под пушку, то он считается уже неприкосновенным и даже шах не возьмёт его оттуда силой, а когда ему доложат, что у него в бест сидит кто-либо, то немедленно прикажет разобрать дело».

⁶⁶⁴ Косоговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 392; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 59.

⁶⁶⁵ Докладная записка о состоянии дел в казачьей бригаде 24 октября 1879 года // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 129.

по расчету 20 туманов в год. Это рассмотрение было мною объявлено в приказе, но было дурно истолковано мухаджирами, к которым оно не относилось, и из вновь поступивших в полк, обманутый в надежде получить обещанный им оклад, зарезался.

Событие это произвело дурное впечатление в полку и старшие персидские офицеры написали к есаулу Браткову и сотнику Вырубову, прося довести до моего сведения об опасном настроении умов, служащих в полку, предупреждая, что они не ручаются, чтобы весь полк не разбежался. Получив это заявление, я прибыл в полк, собрал всех офицеров и векилей (унтер-офицеров – О.Г.) и велел им прочитать упомянутый приказ, из которого они ясно поняли, к кому он относился; затем, пользуясь полным доверием к себе всех чинов полка, мне ничего не стоило рассеять их подозрительность. Слова мои произвели весьма сильное и благоприятное впечатление на всех. “Никто еще не говорил нам так, как полковник. Мы ясно видим в нем отеческое о нас попечение и привязанность, и если нам не дадут 20 лет жалования, то мы с ним будем служить в полку”, – говорили персидские офицеры.

После этого разговора я отправился к сепехсалар-азаму и получил разрешение до выхода упомянутого утверждения выдать жалование мухаджирам по расчету 30 туманов в год; для того, чтобы в одной части не было чинов, занимающих одинаковые должности, но пользующихся разным содержанием, тот час же разделил всех чинов на 2 полка. В первом должны были служить только мухаджиры с правом получать по заслугам своих предков увеличенное содержание; в другом же полку остальные казаки из местных уроженцев, для которых оклад жалования в 20 туманов весьма достаточен.

Это разделение было сделано и временно командующими этих полков были назначены есаул Братков и сотник Вырубов. Вместе же с ними предназначались на эти должности персидские офицеры: адъютант сепехсалар-азама сартип Гасанг-хан и сарханг Исхандер-хан»⁶⁶⁶.

По повелению шаха полки названы 1-й и 2-й казачьи Его Величества шаха полки, составленная из них бригада – Казачья его величества шаха бригада⁶⁶⁷. В первом полку должны были служить мухаджиры «с правом получать по заслугам

⁶⁶⁶ Там же. С. 129–130.

⁶⁶⁷ Военный лексикон кубанских казаков: словарь-справочник. Краснодар: Краснодарские известия, 2007. С. 69–70.

своих предков увеличенное содержание», во втором – местные уроженцы, набранные на основе добровольного найма с жалованием в 20 туманов в год⁶⁶⁸. Второй полк был сформирован из добровольцев, «нанятых людей, без различия, откуда бы они ни были»⁶⁶⁹. Офицерский состав первоначально составлялся из мухаджиров⁶⁷⁰. Желаящие вступить в ПКБ должны были привести с собой лошадь со сбруей и седлом, а остальное – фураж, кормовые деньги⁶⁷¹, обмундирование, оружие – «выдавалось им за деньги, вычитаемые потом из жалования». Причём требовалось поручительство, что поступающий «не сбежит и не унесёт выданную ему обмундировку»⁶⁷². Максуд Алиханов-Аварский, отмечал, что второй полк составил «местный сброд, нуждающийся в пропитании» и был отчасти прав⁶⁷³. Однако, нам представляется, что его оценка в данном случае должна быть скорректирована отрицательным отношением кадрового офицера к наёмничеству. Наёмный характер состава ПКБ он постоянно подчёркивал в своей работе, делая при этом негативный акцент и забывая (или не зная), что не вся бригада набиралась по найму. Практика же показала, что именно второй полк «наёмников» – «Буми» («Туземный»), как его стали называть, – первоначально считавшийся вспомогательным, оказался наиболее податлив обучению и дисциплине. «В казачьей бригаде, сформированной нашими офицерами, один полк был набран вербовочно из персиан Ирака, – писал в 1883 г. военный аналитик А.М. Коллюбакин. – Волонтёры чрезвычайно скоро усвоили все качества хороших кавалеристов, подчинились

⁶⁶⁸ Докладная записка о состоянии дел в казачьей бригаде 24 октября 1879 года // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 129–130.

⁶⁶⁹ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 141.

⁶⁷⁰ Военный лексикон кубанских казаков: словарь-справочник. Краснодар: Краснодарские известия, 2007. С. 69.

⁶⁷¹ Питание «казаков» было общим из расчёта 8 шай в день на каждого [Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 76].

⁶⁷² Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 141. Данное требование было достаточно обоснованным, поскольку русский полковник исходил из персидских реалий. В иранской регулярной пехоте жалование сарбазам выдавалось очень редко и далеко не всё. Поэтому солдаты вынуждены были заниматься торговлей, подсобными работами и крайне небрежливо относились к выдаваемому им обмундированию и вооружению. «Обыкновенно сарбаз продаёт полученную одежду, а потому ходит всегда оборванный», – отмечал наблюдавший Гебризскую армию российский офицер [Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. 57]. Интересный пример, иллюстрирующий указанное положение, приводил Л.К. Артамонов. «Сарбаз так плохо содержится, что иногда не задумывается продать свое ружьё, за которое дают на базаре около 20 туманов (60 руб.), – писал он. – Вагнер приводит такого рода факт из времён борьбы с восстанием курдов шейха Обейдуллы (1880 г. – О.Г.). Батальону, предназначенному в поход, выдали новые ружья, но в то время, когда сарбазы шли через базар, по крайней мере, сто из них успели продать своё оружие. Только немедленно принятыми, крутыми мерами удалось отобрать проданные винтовки у купцов; виновных наказали и снова вооружили» [Там же. С. 61].

⁶⁷³ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 222.

дисциплине и превзошли мухаджиров, которыми был укомплектован другой полк бригады»⁶⁷⁴. Именно на этот полк вынужден был ориентироваться А.И. Домонтович в своей работе в дальнейшем. Характерно, что наиболее способные из офицеров, которые впоследствии служили при русских инструкторах, были выходцами из «Буми» (например, армянин Мартирос (Мартирос-хан) – переводчик бригады и начальник штаба⁶⁷⁵). Именно на выходцев из второго полка стал опираться А.И. Домонтович для управления бригадой, противопоставляя их мухаджирам. Одним из наиболее известных случаев такого рода было производство Керим-хана. «Военный министр, Наibe-Султане (третий сын Насреддин-шаха, Камран-мирза Наиб ос-Солтане, сменивший Хусайн-хана на посту военного министра в 1881 г.⁶⁷⁶ – О.Г.), – описывал это событие Мисль-Рустем, – по просьбе

⁶⁷⁴ Коллюбакин. Очерк вооружённых сил Персии в 1883 г. и население как источник комплектования персидской армии (Составлен по русским и иностранным источникам) // СМА. 1883. Вып. 4. С. 72. Конечно, далеко не все в полку были выходцами из Ирака-Аджеми.

⁶⁷⁵ Он учился в московском Лазаревском институте восточных языков (который по одним сведениям не окончил [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 56], а по другим – окончил [Из тегеранского дневника полковника В.А. Косоговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 9]), и стал своего рода агентом русского влияния в Иране. Мартирос-хан при ПКБ был официальным драгоманом, имел генеральский чин и русский орден святого Станислава 2-й степени [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 56]. Со временем этот офицер был назначен начальником штаба ПКБ [Из тегеранского дневника полковника В.А. Косоговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 9]. Он пользовался покровительством со стороны русских полковников. Объяснялось это не только его знанием языков, но и личностными качествами. Мартирос-хан служил для российских инструкторов драгоманом и посредником в отношениях с персидскими сановниками и самим шахом. Последний даже брал у него уроки русского языка [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 56]. Через него также велись конфиденциальные переговоры с высшими административными лицами Ирана, если того требовала обстановка [Из тегеранского дневника полковника В.А. Косоговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 165–166]. «В течение 25 лет начальником штаба, Персидской казачьей бригады состоял Мартирос-хан, – вспоминал в начале XX в. В.А. Косоговский. – Происходя из наиболее уважаемых исфаханских (ново-джульфинских) армян-заложников, он определён был в Москву, в Лазаревский институт, где окончил курс первым. Ныне (Мартирос-хан умер 11 декабря 1905 г., о чём Косоговский узнал позднее – прим. публикатора), он, полный генерал, имеет св. Станислава 1-й степени. Благодарный за блестящее образование, данное ему Россией, Мартирос-хан, человек очень умный и опытный, был незаменим для целого ряда командиров бригады: будучи по существу добрым человеком, Мартирос-хан к тем из них, которые относились к нему хорошо, был привязан всей душой. Положение его, когда не мог бы сделаться опасным по своему влиянию на бригаду, сложившемуся за многолетнее его пребывание в ней. Мартирос-хан держался командирами бригады и только. Его, как персидского подданного армянина, персидское правительство в любой момент, да ещё и в те времена, могло стереть с лица земли. А мусульмане, как бы они лично его не уважали, всегда видели в нём всё-таки армянина, не больше, и если бывший Атабек (Амин ос-Солтане) и сам шах сравнительно и благоволили к Мартирос-хану, осыпая его знаками отличий и крупными материальными наградами за его недюжинные услуги, то, главным образом, потому, что сами они хорошо относились к русскому командиру бригады, то есть так сказать, рефлексом. Положение командира бригады до 1903 года было настолько высоко, что о каком бы то ни было соперничестве не могло быть и речи. Сам Мартирос-хан понимал это более, чем кто бы то ни было другой, и всеми своими помыслами держался за русских командиров бригады: через Мартирос-хана нам всё было известно; во всем мы были предупреждены, всегда могли принимать своевременно меры, и обратно, замыслы командиров бригады для персов в большинстве случаев оставались непроницаемы» [Косоговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 401–402]. В дальнейшем ПКБ стала своего рода кузницей кадров офицеров новой формации для иранской армии. Наиболее известным из них является Реза-хан. Хорошо (с персидской точки зрения) подготовленные бригадные офицеры в дальнейшем возглавляли иранские части и в других важных городах Персии. Например, сартип-дуюм Магомед Али-хан в начале 1890-х гг. находился в Тавризe [Блюмер. Состояние Тавризского гарнизона в мае 1891 г. // СМА 1891. Вып. 49. С. 40].

⁶⁷⁶ Ward S.R. *Immortal: A military history of Iran and its armed forces*. Washington: Georgetown University Press, 2009. P. 71.

русского полковника Д. даже произвёл одного курда, Керим-хана, в «сарханги», т.е. полковники, из водоносов, прослужившего нижним чином два года, несмотря на то, что, будучи затем совершенно безграмотным, этот курд в два года был уже генералом»⁶⁷⁷. Возвышение Керим-хана действительно было быстрым по меркам европейского военного. «В 1878 г. он поступил простым всадником в полк, потом, по протекции русского полковника Д., в 1880 году командовал полком. В 1882 году он был генералом»⁶⁷⁸. В другом месте, правда, есаул Меняев несколько изменил хронологию событий, относя поступление Керим-хана в бригаду к 1879 г., производство в офицеры к 1881 г., в полковники к 1882 г., а в генералы – к 1883 г.⁶⁷⁹. Скорее всего, вторая датировка является точной, так как в 1878 г. ПКБ не существовало. Меняев с явным неодобрением и недовольством писал о производстве Керим-хана. Судя по постоянным упоминаниям в тексте его воспоминаний, есаул вообще негативно относился к политике А.И. Домонтовича производить в офицеры людей по иранским правилам, т. е. без специальной подготовки, да ещё и незнатных. Неприязнь же Меняева непосредственно к Керим-хану объяснялась, видимо, тем, что тот повздорил со следующим командиром ПКБ и был им изгнан из бригады⁶⁸⁰, а также исключительно быстрым его возвышением. Тем не менее, в случае Керим-хана правильнее видеть политику первого Заведующего, которой есаул не понял или понял превратно. А.И. Домонтович стремился в специфических условиях персидской армии (частью которой со всеми её недостатками и достоинствами была ПКБ) найти опору в преданных ему людях, чтобы противостоять влиянию мухаджиров на дела бригады. Уже к концу первого года существования 2-й полк был полностью укомплектован офицерским составом первоначально из мухаджиров⁶⁸¹. Именно поэтому А.И. Домонтович стал выдвигать на офицерские чины и должности выходцев из других племён и категорий населения, служивших в ПКБ. О личных качествах Керим-хана известно

⁶⁷⁷ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 117.

⁶⁷⁸ Там же. С. 136.

⁶⁷⁹ Там же. С. 147.

⁶⁸⁰ Там же.

⁶⁸¹ Военный лексикон кубанских казаков: словарь-справочник. Краснодар: Краснодарские известия, 2007. С. 69; Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 77. Правда, говорить, что состав этот был «достойным», необходимо с большой осторожностью.

немного⁶⁸², но видимо, полковник неспроста выделил его среди других «казаков», в 1881 г. добился производства в офицеры и назначил формальным командиром второго полка. К тому же выбирать на тот момент А.И. Домонтовичу не приходилось: в его распоряжении было не так уж много (если вообще были) грамотных «казаков», которые не кичились бы своим происхождением, чином, богатством, положением и подчинялись бы всецело воинской дисциплине по образцу российской армии. Что до Керим-хана, то он уже два года служил в ПКБ до производства и имел определённое представление о службе, которого большинство добровольцев были лишены. К тому же он стал кратурой А.И. Домонтовича, на которую полковник мог положиться.

Таким образом, к 1880 г. ПКБ была сформирована⁶⁸³. Персы называли бригаду «казак-хане», что в переводе означало «казачий дом»⁶⁸⁴. Состояла она из двух полков – «Мухаджирского» (1-го) и «Буми» (2-го). 1-й полк считался старшим. На вооружении персидских «казаков» находились казачьи винтовки системы Бердана № 2, которые в количестве 600 штук были подарены в 1879 г. российским правительством⁶⁸⁵. Внешний вид «казаков» был максимально приближен к

⁶⁸² После изгнания из ПКБ Керим-хан поступил на службу в армию одного из шахских сыновей – Масуд-мирзы Зелл ос-Солтане. Здесь он стал его любимцем, в генеральском чине занял пост командующего войсками. Е.М. Белозерский, побывавший в Исфахане в 1885 г., очень лестно отзывался о бывшем «казаче». «Последний мог бы служить образцом для генералов всех стран, как нужно относиться к делу: во всякое время и всюду присутствует сам, не обращая внимания ни на какую погоду, к очевидному ущербу для своего здоровья. За то плодом его усилий и является войско, невольно обращающее на себя внимание европейца. Благодаря замечательной любезности и предупредительности Керим-Ага, я мог очень подробно видеть кавалерийские казармы, помещённые в знаменитом по своей постройке караван-сараяе шаха Солтан-Хосайна из династии Сефевидов ... Теперь это наверное лучшие казармы во всей Персии» [Белозерский Н.Н. Письма из Персии: От Баку до Испагани. 1885-86 г. СПб.: Военная типография, 1886. С. 42]. Однако его характеристики следует воспринимать осторожно, поскольку их автор вообще не желал видеть негатива в высших персидских сановниках и практически всех их характеризовал, как умных, приятных, гостепреимных, развитых и пр. Это было связано как с кратковременностью его пребывания в Исфахане, с политесом, а также и, видимо, с личными качествами – неумением или нежеланием видеть «за деревьями лес»; кроме того, путешественник был действительно хорошо принят Зелл ос-Солтане, который представил ему яркую картинку своего управления, рассчитанную на внешний эффект. Читая его письма, можно составить представление о том, как впоследствии представляли иностранцам ПКБ и её постройки и какой эффект производила бригада на тех, кто видел лишь её внешнюю сторону [Белозерский Н.Н. Письма из Персии: От Баку до Испагани. 1885-86 г. СПб.: Военная типография, 1886. С. 42–43].

⁶⁸³ В некоторых изданиях указывалось, что А.И. Домонтович возглавлял ПКБ с 1878 г. [Военная энциклопедия. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1912. Т. 9. С. 178]. Это ошибочное утверждение, так как бригада была создана в конце 1879 г., а сформирована в начале 1880 г.

⁶⁸⁴ Высоцкий. Персидская казачья бригада // Военная быль. Париж. 1968. № 89. С. 15.

⁶⁸⁵ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 61. Л. 20. Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1885. С. 568; Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1887. С. 560; Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1888. С. 46; Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1890. С. 674. Д.Н. Кёрзон неверно указал в своей работе количество «берданок», подаренных русским правительством в 1 000 штук [Кюрзон Г. Персия и персидский вопрос // СМА. 1893. Вып. 52. С. 126; Curzon G. N. Persia and the Persian Question. London: Published by Frank Cass & Co. Ltd, 1966. P. 588]. За ним эту цифру повторили другие исследователи [Андреев А. И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та; Нартанг,

таковому у российских. Они носили форму кавказских казаков. 1-й полк был одет в обмундирование Кубанского казачьего войска с красными бешметами и верхами у папах. 2-й полк носил форму Терского казачьего войска с голубыми бешметами и верхами папах. На погонах «казаков» были вышиты «инициалы» полка, к которому он принадлежали⁶⁸⁶. Кроме того, при бригаде «с самого её основания, был учреждён также особый взвод «garde» (т. е. гвардейский), как называли его персы»⁶⁸⁷. Гвардейский полуэскадрон из лучших нижних чинов двух полков был сформирован в 1881 г.⁶⁸⁸. Он был экипирован в форму российского Лейб-гвардии казачьего полка. В торжественных случаях его солдаты и офицеры носили красные мундиры, а в быту – синие, обшитые галунами, и черкески. Посажён он был на серых жеребцов»⁶⁸⁹. Вопреки расхожему убеждению⁶⁹⁰, бригада не была ни личным конвоем, ни гвардией шаха. И при Насреддин-шахе, и при наследовавшем ему Мозаффарэддин-шахе «гвардией» были гулямы⁶⁹¹. Они же долгое время являлись и регулярной кавалерией в традиционнообщественном понимании. Кроме того, мазендеранский фоудж «Савадкух» служил личной дворцовой охраной Насреддин-шаха, занимая «постоянно внутренний дворцовый караул при шахе, в Тегеране и окрестных летних резиденциях, когда шах находится в них»⁶⁹². Личным конвоем, охранявшим персидского правителя, были представители из племени каджар, сопровождавшие правителя Персии о всех передвижениях по стране⁶⁹³. Н.К. Тер-Оганов утверждал, что ПКБ являлась «совершенно самостоятельной воинской

2006. С. 57; Зока Я. Армия Ирана в каджарскую эпоху // Родина. 2001. № 5. С. 68]. На самом деле, в 1879 г. шах пожелал приобрести у России 1 000 винтовок и 300 000 патронов к ним [Астрахань–Гилян в истории русско-иранских отношений. Астрахань: ИД Астраханский университет, 2004. С. 39; Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.)]. Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 370). Однако для бригады русским императором в том же году было безвозмездно выделено лишь 600 винтовок системы «Бердан № 2» [РГВИА. Ф. 401. 1899. Оп. 5. Д. 61/№173-259. Л. 20].

⁶⁸⁶ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 141.

⁶⁸⁷ Там же.

⁶⁸⁸ Военный лексикон кубанских казаков: словарь-справочник. Краснодар: Краснодарские известия, 2007. С. 69.

⁶⁸⁹ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 141.

⁶⁹⁰ Калугин С. Персидская казачья его величества шаха Персии дивизия // Русская армия в изгнании. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. С. 364; Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 451; Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. С. 175; Стрелянов (Калабухов) П.Н. Казаки в Персии. 1909–1918 гг. М.: Центрполиграф, 2007. С. 215; Шишов А.В. Персидский фронт (1909–1918): Незаслуженно забытые победы. М.: Вече, 2010. С. 20.

⁶⁹¹ См., напр. Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 57.

⁶⁹² Из тегеранского дневника полковника В.А. Косооговского. – М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 95. Мазендеран (Мазандеран) – одна из иранских провинций на севере страны.

⁶⁹³ Ломницкий С. Персия и персы. Эскизы и очерки С. Ломницкого (Рэдждэп). 1898-1899-1900 гг. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1902. С. 146–147.

частью»⁶⁹⁴. Однако этот вывод нуждается в уточнении. ПКБ вплоть до начала XX в. была привилегированным соединением персидской армии, статус которого определялся тем, что командовали им русские офицеры. Тем не менее, как констатировалось в «Докладе по вопросам, касающимся современного положения ПКБ», составленном в октябре 1907 г., на первых порах своего существования бригада являлась «обыкновенной, лишь лучше обученной» частью иранской армии⁶⁹⁵, на которую распространялись все её правила и принципы.

Бригада стала вторым регулярным кавалерийским подразделением персидской армии, а с точки зрения европейской военной школы – первым и на долгое время единственным⁶⁹⁶. Официально данное воинское соединение именовалось «Казачья его величества шаха бригада»⁶⁹⁷. Возглавлял её «Заведующий обучением персидской кавалерии». Это место занимал российский полковник ГШ (А.И. Домонтович был произведён в полковники ГШ «за отличие по службе» со старшинством в чине 30 августа 1880 г.), которого назначало, с одобрения военного

⁶⁹⁴ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 320.

⁶⁹⁵ Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 452 Выделение ПКБ из остальной армии произошло лишь в 1896 г., с переподчинением её первому министру – садр-азаму [РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 515. Л. 58].

⁶⁹⁶ Не случайно в 1860-х регулярной кавалерией российские военные считали гулямов, а в начале 1880-х в сборнике Военного министерства отмечалось, что «регулярная кавалерия возникает лишь в настоящее время, русскими инструкторами сформировано 2 полка» [Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1884. С. 531].

⁶⁹⁷ Сложно сказать с уверенностью, когда именно впервые появляется это название. Вплоть до 1880 г. в документах название «бригада» не фигурировало. Первоначально планировалось обучать «казачий» полк, который впоследствии должен был стать основой для преобразования всей кавалерии Ирана (к слову, из советских исследователей лишь М.С. Иванов и З.А. Арабаджян обратили внимание на то, что ПКБ не сразу стала бригадой, а сначала представляла собой полк, затем – бригаду, а в начале Первой мировой войны была расширена до дивизии [Арабаджян З.А. Иран: власть реформы, революции (XIX–XX вв.). М.: Наука, 1991. С. 26; Иванов М.С. Очерк истории Ирана. М.: Госполитиздат, 1952. С. 188]). Однако от этой затеи в России отказались. Формально с момента разделения в 1879 г. на два полка «казачьи» части можно было смело именовать бригадой, поскольку согласно российской практике кавалерийская бригада состояла из 2-х – 3-х полков [Военная энциклопедия. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1911. Т. 5. С. 70]; (в 1873 г. в России было восстановлено деление дивизий на бригады в пехоте и кавалерии и принят руководящий документ для руководства бригадами «Положение об управлении бригадой», согласно которого бригады стали состоять из 2-х полков). Не случайно в августовском 1880 г. рапорте на имя посланника А.И. Домонтович именовал своё подразделение бригадой [Российско-Императорскому Чрезвычайному посланнику и полномочному министру при дворе персидском [И.А. Зиновьеву от А.И. Домонтовича] Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 133]. Тем не менее, в служебной переписке полки именовались чаще всего «казачьими частями». По утверждению П.Н. Стрелянова (Калабухова) в 1882 г. (относительно ошибочности года мы уже говорили выше) по соглашению между правительствами двух стран «шахский конвой был развёрнут в Персидскую казачью его величества шаха бригаду, о чём издан особый фирман» [Стрелянов (Калабухов) П.Н. Казаки в Персии. 1909–1918 гг. М.: Центрполиграф, 2007. С. 215]. Данное утверждение нуждается в серьёзной корректировке. Во-первых, «персидской» бригаду называли в России, а не в Иране. Во-вторых, когда именно было достигнуто это соглашение и издан шахский фирман, и были ли они вообще – неизвестно. Новый контракт на обучение персидской кавалерии заключался в 1882 г. по образцу первого и название «бригада» в нём не фигурировало. В-третьих, о чём уже говорилось, «казачьи» части не были шахским конвоем. К тому же они не могли быть развёрнуты в бригаду в 1882 г., поскольку разделение на два полка произошло в 1879 г. Термин «Персидская казачья бригада» своего рода клише, которое стали применять в России, а затем и в других странах, для обозначения этого подразделения с 1880-х гг. Для удобства мы используем его и для того времени, когда бригада ещё не стала таковой формально.

министра и императора, военное начальство Кавказского военного округа⁶⁹⁸.

Кроме того, личность каждого Заведующего согласовывалась с Министерством иностранных дел России и Миссией в Тегеране. «Этот полковник, хотя и носит такой титул, но собственно обучает и заведует только Персидской казачьей бригадой; остальная кавалерия ему не подчиняется. Он же в этой бригаде имеет и хозяйственную часть в руках», – писал Мисль-Рустем⁶⁹⁹. Сначала он подчинялся иранскому военному министру и шаху⁷⁰⁰. С 1895 г. Заведующий был выведен из подчинения военного министра и переподчинён садр-азаму (премьер-министру). Такое положение сохранялось до революции 1905–1911 гг., когда в 1909 г. Заведующий был вновь подчинён военному министру⁷⁰¹. В этой связи Н.К. Тер-Оганов утверждал, что «со дня своего основания ПКБ на деле никогда не находилась в подчинении военного министерства Ирана»⁷⁰². Здесь историк был прав лишь частично. С 1895 г. ПКБ действительно не подчинялась военному министру Ирана вообще, а во время революции и вплоть до конца своего существования – зависела от него лишь формально⁷⁰³. Однако до 1895 г. подчинение имело вполне осязаемый характер. Минимум в двух вопросах – финансовом и чинопроизводстве – Заведующий полностью зависел от главы иранского военного ведомства. Кроме того, 7-я статья контракта (которая оставалась неизменной и в соглашениях последующих Заведующих до 1895 г.) гласила, что по всем вопросам, связанным со службой, полковник должен действовать в соответствии с указаниями персидского Военного министерства, которому он подчинён. Это же министерство было обязано выплачивать ему зарплату. И именно

⁶⁹⁸ Утверждение, что «офицеры в эту бригаду присылались из Петербурга» [Потапов Г.В. Персидская империя. Иран с древнейших времён до наших дней. М.: Алгоритм, 2013. С. 262; Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 138] не отвечает действительности.

⁶⁹⁹ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 150.

⁷⁰⁰ «При министерстве (военном – О.Г.) состоят иностранные инструктора, в том числе и русские», – сообщалось в специальном сборнике русского Главного штаба [Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1887. С. 555]. В рассматриваемое время устава ПКБ не имела, лично шах её не возглавлял, и подчинялась она не премьер-министру, как это утверждают отдельные исследователи [Потапов Г.В. Персидская империя. Иран с древнейших времён до наших дней. М.: Алгоритм, 2013. С. 262; Li-Chiao Chen. British Policy on the Margins and Centre of Iran in the Context of Great Power Rivalry 1908–1914. Department of History, Royal Holloway, University of London, 2015. P. 119; Reza Ra'iss Touse. The Persian Army, 1880–1907 // Middle Eastern Studies. 1988. Vol. 24. № 2. P. 219].

⁷⁰¹ Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 137; Рихсиева Н.Р. К истории иранских казачьих частей (по архивным материалам) // Научные труды Ташкентского государственного университета им. В.И. Ленина. Вып. 564. Ташкент, 1978. С. 130.

⁷⁰² Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 320.

⁷⁰³ Штабу Кавказского военного округа ПКБ, в 1916 г. развёрнутая в дивизию, была подчинена только в период Первой мировой войны по политическим и военным причинам.

зависимость от военного министра стала одной из главных из причин, побудивших русских дипломатов и военных добиваться в середине 1890-х гг. переподчинения ПКБ первому министру Персии. В то же время, контроль главы военного ведомства над ПКБ был неполным. Командир бригады зависел также и от российского посланника в Тегеране. Это объяснялось тем, что ПКБ представляла собой, прежде всего, внешнеполитическое «творение» России для упрочения русского влияния при шахском дворе. Поэтому деятельность Заведующего и инструкторов должна была быть согласована с позицией Министерства иностранных дел империи Романовых, если не зависеть от неё. Следовательно, полковник обязан был согласовывать свои действия (за исключением чисто служебных) с российским дипломатическим представителем в Тегеране. От него же он получал инструкции о политической целесообразности тех или иных поступков⁷⁰⁴. В результате, А.И. Домонтович и последующие Заведующие зачастую оказывались в сложном положении, когда такая двойная, а то и тройная (имеется в виду шах) подчинённость вынуждала их в прямом смысле разрываться между разными взглядами своих начальников на одни и те же вопросы.

Свои рапорты о положении дел в ПКБ и вокруг неё офицер ГШ отправлял в штаб Кавказского военного округа. Туда же, а также в Военно-учёный комитет Главного штаба, посылал он информацию разведывательного характера – «работы по военной агентуре» – своей второй обязанности. Фактически Заведующий обучением персидской кавалерии изначально стал исполнять обязанности негласного военного агента⁷⁰⁵.

Кроме полковника ГШ, возглавлявшего ПКБ, в числе русских инструкторов находились 3 обер-офицера и 5 урядников. «Они составляют как бы военную миссию и отправляются, по договору между Персией и Россией, на 3 года, но, с их согласия, могут служить там и второе и третье трёхлетие, в зависимости от

⁷⁰⁴ Павлович М.П. Казачья бригада в Персии. (Из истории персидской контрреволюции) // Новый Восток. Кн. 8/9. С. 183. Однако утверждение Л.М. Кулагиной, что «подчинённость Казачьей бригады российским властям вызывала недовольство иранского правительства, которое видело в ней прежде всего иностранную воинскую часть, навязанную Ирану и непригодную для несения службы внутри страны, – поддержание порядка в провинциях, охраны торговых путей, содействия правительственным органам при сборе налогов и т.п.» [Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 138], характерно только для периода революции и после неё, когда у власти находились конституционалисты-националисты.

⁷⁰⁵ Аслан-бек. Персидская казачья бригада // Часовой. 1980. № 623 (1). С. 11.

разрешения русско-кавказского начальства», – сообщал Мисль-Рустем⁷⁰⁶.

Кандидатуры остальных членов военной миссии формально подбирались и подавались в Санкт-Петербург для утверждения кавказским военным начальством⁷⁰⁷. На деле же, помимо высших лиц кавказской военной иерархии, инструкторов выбирали будущий (или действующий) Заведующий, наказные атаманы Кубанского и Терского казачьих войск, командиры отдельных частей. Выбор чаще всего согласовывался с командиром ПКБ. Лишь в случае с Денисовым в 1882 г. и Владимиром Карловичем Бельгардом в 1893 г. инициатива в назначении исходила из Главного штаба. Одобренные кавказским начальством кандидатуры подавались в Военное министерство. Механизм был следующий. Глава кавказской администрации (до 1881 г. – наместник, а после упразднения Наместничества 22 ноября 1881 г. – Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе) самостоятельно или через начальника штаба Кавказского военного округа входил с ходатайством в Военное ведомство о назначении на должность инструктора. Там, после согласований (в том числе и с Министерством иностранных дел и диппредставительством в Иране), следовало окончательное их утверждение военным министром и императором. После этого офицеры и урядники отправлялись в Персию.

М. Алиханов-Аварский вполне обоснованно отмечал, что члены миссии получали «огромное содержание», и вообще были поставлены отлично⁷⁰⁸. Лицам, вошедшим в состав военной миссии, «сохранялась служба в России и платилось содержание как от русского, так и, отдельно, от персидского правительств»⁷⁰⁹. Жалование инструкторы получали по штату. От российского правительства им сохранялось казённое содержание в размере получаемого ими жалования⁷¹⁰. Персидское правительство выделяло деньги по контракту. В этом отношении российские представители не зависели от финансирования бригады, которое осуществлялось на отдельных условиях. Полковник получал из шахской казны до

⁷⁰⁶ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 150.

⁷⁰⁷ Утверждение, что «офицеры в бригаду назначались русским Генеральным штабом и с предварительного согласия шаха, их помощники ... по аттестациям их полковых командиров» [Стрелянов П.Н. (Калабухов). Корпус генерала Баратова. М. 2002. С. 124–125] не соответствует действительности.

⁷⁰⁸ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 222.

⁷⁰⁹ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 140.

⁷¹⁰ РГВИА. Ф. 446. Д. 44. Л. 55–56.

10 000 рублей в год (24 000 французских франков), обер-офицеры – каждый около 5 000 (12 000 французских франков) плюс жалование по чину из усиленного оклада от российского правительства, а урядники – каждый около 1 200 (по 2 400 французских франков; жалование фиксировалось в договорах – во франках, а на месте корректировалось в туманах, поэтому зависело от курса тех и других к рублю), а также денежное и вещевое довольствие из своих частей в России⁷¹¹. Выдача производилась персидской серебряной монетой или русскими кредитными ассигнациями по курсу⁷¹². Деньги это были немалые, если учитывать, что в 1860-х – 1870-х гг. обычное и усиленное годовое содержание полковника составляло 750 и 1 125 рублей соответственно⁷¹³, а жалование по чину Заведующий получал именно из усиленного оклада⁷¹⁴. Кроме того, ему полагались столовые деньги в размере 420 рублей в год⁷¹⁵. Собственно А.И. Домонтович, находясь в Персии, получал всё содержание, положенное штатом штаба Кавказского военного округа штаб-офицеру для поручений, поскольку при назначении он не был отчислен от занимаемой должности, а числился в командировке по делам службы⁷¹⁶. Помимо этого,

⁷¹¹ Так, по контракту 1882 г. с полковником ГШ Петром Владимировичем Чарковским, последний должен был получать 2 400 туманов в год и фураж для пяти лошадей ежедневно, а урядники по 240 туманов в год [Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 79].

⁷¹² Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 141; РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. Д. 57. Л. 21.

⁷¹³ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Центрполиграф, 2003. Табл. 57. Офицерское жалованье в 60–70-х гг. XIX в. (в руб.). С. 387.

⁷¹⁴ РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. Д. 57. Л. 21.

⁷¹⁵ Там же.

⁷¹⁶ РГВИА. Ф. 446. Д. 44. Л. 54. А.И. Домонтович был единственным до конца 1890-х гг. Заведующим, который формально весь срок пребывания в Иране оставался на прежней должности в России, а числился «в командировке по делам службы» [РГВИА. Ф. 446. Д. 44. Л. 54]. Поэтому в кратких послужных списках его командование ПКБ отмечено не было [Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е мая 1899 года. СПб.: Военная типография, 1899. С. 684]. В отношении остальных Заведующих это правило уже не соблюдалось. Будущие Заведующие отчислялись с занимаемой ими должности в распоряжение командующего Кавказским военным округом. Затем следовало зачисление на должность командира ПКБ «с оставлением в ГШ». Однако в XIX в. только у П.В. Чарковского в официальных документах было записано, что он являлся командиром ПКБ (он так же единственный был вновь зачислен в ГШ в 1882 г., так как до этого занимал пост негласного военного агента (секретарь консульства) в Трапезунде и был формально отчислен из военного ведомства). Остальные же Заведующие и исполнявшие обязанности всё время пребывания в Иране числились не Заведующими обучением персидской кавалерии, а состоящими в распоряжении командующего войсками Кавказского военного округа. Последний Заведующий в XIX в. В.А. Косоговский также сначала числился состоящим в распоряжении, а затем, с конца 1890-х гг. – Заведующим [Список генералам по старшинству. Составлен по 1 мая 1904 г. СПб.: Военная типография, 1904. С. 1122]. Сменивший его в сентябре 1902 г. Фёдор Григорьевич Чернозубов по должности проходил уже только как Заведующий обучением персидской кавалерии [Список генералам по старшинству. Составлен по 1 июля 1909 г. СПб.: Военная типография, 1909. С. 847]. Последняя категория офицеров и штатских лиц (состоящие в распоряжении Командующего или состоящие при войсках Кавказского военного округа) включала в себя разнообразных людей с неочерченным кругом задач. Как вспоминал В.К. Смирнов, «таких было десятка 2–3. Из них был Зеленой (генерал-майор ГШ, А.С. Зеленой, руководитель разведки штаба округа; речь о нём пойдёт ниже – О.Г.), персидские принцы, зубной врач Камаев (по форме артиллерист), один преподаватель математики, музыкант ... и т.д. Словом, на вакансии состоящих при войсках с зачислением по роду оружия зачислялись или некоторые генералы и аристократы, которых надо было по политическим соображениям числить на военной службе ... или же какие-либо специалисты, не подходящие под существующие штаты», в том числе и офицеры, окончившие Офицерский курс восточных языков

офицеры, отчислявшиеся из Персии или уезжавшие в отпуск, получали жалование за 3 месяца вперёд из кассы ПКБ⁷¹⁷. Суммы эти выдавались из экономии, «которая получалась в жаловании русских офицеров от промежутка времени ... между отбытием старого и прибытием нового инструктора»⁷¹⁸. Это правило не было зафиксировано соглашениями и представляло собой своего рода традицию, основанную на прецедентах⁷¹⁹. Прослужившие в Иране не менее 3-х лет по контракту имели право на выплату им дополнительно 75 полуимпериалов⁷²⁰. Эта выплата производилась персидским правительством помимо бригадного бюджета⁷²¹. В то же время, инструкторы продолжали числиться «не занимая вакансии, в частях, откуда» были назначены и пользовались правом производства в чины по вакансии⁷²². Из российского бюджета им назначались также прогонные деньги для прибытия к новому месту службы⁷²³.

Нужно отметить, что правила, касавшиеся членов русской военной миссии, кроме контракта, никакими долговременными законодательными актами и инструкциями не регулировались. В этом, как и во многом, что касалось внутренней жизни ПКБ, действовало правило прецедента. Основываясь на уже имевших место случаях и ориентируясь в зависимости от ситуации, российское военное руководство по согласованию с дипломатами выносило решение по каждому отдельному инструктору (или группе инструкторов), которое утверждал император. С ходатайством выступало кавказское начальство, а в Петербурге его поддерживали (или нет) и корректировали, принимая окончательное решение. Таковым было положение русских инструкторов вплоть до конца XIX в.

при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел [Смирнов К.В. «Интеллидженс» Кавказского фронта в период 1878–1918 годов // Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 178–179]. Заведующие продолжали получать жалование от российского правительства по прежней должности. За ними сохранялись штатное место без занятия вакансии, жалование по чину, столовые по штатной должности и прочее содержание. На них продолжали распространяться правила чинопроизводства, действовавшие в российской армии.

⁷¹⁷ Но были и исключения. Так, есаул Ремизов получил жалование за 6 месяцев вперёд, а ротмистр В.К. Бельгард в 1894 г. – за 9 месяцев.

⁷¹⁸ РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 92.

⁷¹⁹ Условиями контрактов офицеры должны были получать жалование вперёд за 3 месяца. Отсюда – установившийся обычай выплаты отпускных уезжавшим из Персии инструкторам-офицерам.

⁷²⁰ Около 300 туманов. Впрочем были случаи, когда оплата производилась и лицам, не прослужившим требуемого срока [РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 105].

⁷²¹ РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 58, 77, 92, 94, 99, 105.

⁷²² РГВИА. Ф. 446. Д. 44. Л. 55.

⁷²³ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 67.

Мы не случайно отметили случай с разделением ПКБ на два полка. Он отразил два наиболее острых вопроса, стоявших перед командирами бригады вплоть до В.А. Косоговского (вступившего в командования ПКБ в 1894 г.) и не ставивших ПКБ в критическое положение. Первый – финансовый – заключался в несоответствии (и не всегда по вине полковника) запланированных и реальных расходов и доходов, а также в полной финансовой зависимости ПКБ от решений персидского правительства (шаха, военного министра, садр-азама, министра внутренних дел и др.). Учитывая особенности финансирования персидской армии того времени⁷²⁴, денежное обеспечение бригады зависело не столько от законодательных актов и международных соглашений, сколько от личных качеств возглавлявшего её лица, от его умения войти в доверие, настоять, договориться, сэкономить. Каждый новый Заведующий, начиная с А.И. Домонтовича, вынужден был находить общий язык с военным министром Персии относительно сроков выплат из бюджета Военного министерства денег на содержание ПКБ.

Н.К. Тер-Оганов, видимо, находясь под влиянием иранской историографии, во многом опирающейся на лозунги революции 1905–1911 гг., акцентировал внимание на том, что ПКБ «в хозяйственном отношении не зависела от иранских властей. Командир бригады по своему усмотрению распоряжался её бюджетом и не был подотчётен иранским военно-финансовым органам»⁷²⁵, видя в этом негативное явление. Действительно, нарекания на то, что Заведующие обогащаются таким образом за счёт ПКБ имели место. Мисль-Рустем, например, служивший в бригаде в 1882–1888 гг., высказывался, что у Заведующего следовало бы изъять из ведения хозяйственную часть ПКБ. Он мотивировал это тем, что «такое положение дел создаёт только худое мнение о русских в Персии и вызывает раздоры между самими русскими инструкторами»⁷²⁶. Однако применительно к А.И. Домонтовичу, как видно из его воспоминаний, нарекания эти шли со стороны людей, стремившихся подорвать престиж русских инструкторов – иностранцев, находившихся в Иране, и некоторых иранских сановников.

⁷²⁴ [Вревский А.Б.] Персия // Военно-статистический сборник. СПб.: Военная типография, 1868. Вып. 3. С. 28–30; Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 29.

⁷²⁵ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 320.

⁷²⁶ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 150.

Можно с уверенностью утверждать, что в иранских условиях того времени хозяйственная автономия ПКБ, которой добился А.И. Домонтович, была не только оправданной, но и необходимой мерой для успеха в деле создания и функционирования бригады. О.А. Красняк указывала, что основной трудностью, с которой сталкивался А.И. Домонтович, была неупорядоченность хозяйственной части, свойственная персидской армии. «Отсутствие в иранских вооружённых силах интендантской службы ... вынуждало Домонтовича самому заботиться о снабжении полка»⁷²⁷. Нельзя не согласиться с её мнением, что то, что полковник взял в свои руки финансовые дела ПКБ, сыграло большую роль в её становлении. «Тем самым была исключена возможность хищения денежных средств со стороны внешних военных лиц ... сама же бригада была обеспечена твёрдым жалованием»⁷²⁸. Как видно из приведенных выше фактов, проблемы финансового характера действительно играли первостепенную роль в устройстве новой воинской части. Однако следует заметить, что вопрос о полном контроле хозяйственных дел ПКБ был поставлен А.И. Домонтовичем изначально, ещё в первую поездку, а не с началом организации бригады⁷²⁹. Что касается хищений средств подразделения, то и тут О.А. Красняк права лишь отчасти. Внутри бригады действительно таковое при А.И. Домонтовиче было если не невозможно, то очень затруднительно. В то же время в финансовом обеспечении командир полностью зависел от военного министра, министра финансов и шаха, о чём уже говорилось. Следовательно, полностью исключить хищения (или задержки выплат) с их стороны он не мог. А таковые были и тормозили деятельность Заведующего. В своём рапорте И.А. Зиновьеву А.И. Домонтович указывал, что одним из главных затруднений в деле организации ПКБ являлся «способ весьма неаккуратной выдачи на содержание бригады денег, [что] препятствует правильному ведению дела»⁷³⁰.

Не совсем ясным остаётся вопрос о бюджете ПКБ. А.И. Домонтович составлял и предоставлял подробные бюджетные расчёты с указанием статей расходов

⁷²⁷ Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 75.

⁷²⁸ Там же. С. 76; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 60.

⁷²⁹ Донесения Домонтовича // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 125.

⁷³⁰ Российско-Императорскому Чрезвычайному посланнику и полномочному министру при дворе персидском [И.А. Зиновьеву от А.И. Домонтовича] Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 133.

военному министру ежегодно для утверждения и выделения средств. «С переходом ... мухаджиров в “казачью” кавалерию, они принесли в неё и своё казённое жалованье, вошедшее целиком в бюджет, отпускаемый персидским правительством на “казачью” кавалерию. Но этих денег начальнику “казачьей” кавалерии не хватало»⁷³¹. А с повелением шаха о расширении ПКБ до 600 человек окончательно была установлена и сумма на их содержание. «Шах назначил на содержание этих 600 “казаков” бригады 40 000 т. в год, – сообщал В.А. Косоховский. – Основанием этого бюджета послужило всё содержание 400 мухаджиров, уже состоявших на “казачьей” службе, а остальная сумма до 40 000 т. была ассигнована из шахской казны»⁷³². Таким образом, бюджет ПКБ состоял из наследственного жалования мухаджиров и шахских ассигнований⁷³³. Но отчёт А.И. Домонтовича от 6 января 1882 г., приводимый О.А. Красняк, свидетельствует, что содержание бригады «обходилось в 173 000 туманов ежегодно», причём «перерасхода в общей сумме бюджета не было, напротив, по некоторым отдельным статьям был излишек, достигаемый рациональным ведением хозяйства»⁷³⁴. К сожалению, ни исследовательница, ни использованные ею источники не дают ответа, как возникло такое парадоксальное несоответствие в суммах. Американский историк Реза Раисс Туси утверждал, что первоначальный бюджет ПКБ составлял 97 000 туманов⁷³⁵. Но он пользовался в своей работе относительно ПКБ источниками 1899 – начала XX в., перенося сведения этого времени на более ранний этап развития ПКБ. Известно, что бюджет 1882–1883 гг. составлял 66 536 туманов⁷³⁶, а перешагнул отметку 100 000 туманов только во второй половине 1890-х гг.⁷³⁷.

⁷³¹ Косоховский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 391.

⁷³² Там же. С. 392.

⁷³³ Павлович М.П. Казачья бригада в Персии. (Из истории персидской контрреволюции) // Новый Восток. Кн.8/9. С. 183.

⁷³⁴ Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 76–77.

⁷³⁵ *Reza Ra'iss Tousi. The Persian Army, 1880–1907 // Middle Eastern Studies* 1988. Vol. 24. Is. 2. P. 221.

⁷³⁶ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада: период трансформации (1894–1903 гг.) // Восток. 2010. № 3. С. 77.

⁷³⁷ По меньшей мере наивным выглядит утверждение, содержащееся в работах Л.Г. Истягина, П.Н. Стрелянова (Калабухова) и Дониёра Арипджановича Ильхамова, что бригада «поглощала, однако, большую часть скудного иранского бюджета, и реформировать прочие части было, собственно говоря, не на что» [Ильхамов Д.А. Проникновение Германии на Ближний и Средний Восток и русско-германские противоречия. Дисс. ... магистра истории. Ташкент, 2014. С. 49; Истягин Л.Г. Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне первой мировой войны. М.: Наука, 1979. С. 17; Стрелянов (Калабухов) П.Н. Казаки в Персии. 1909–1918 гг. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 213–219]. Военный бюджет плюс денежные повинности общин «по выдаче и содержанию рекрутов» в Персии в 1877 г. составлял 3,5 куруров (1 курур=500 000 туманов; 1 туман=10 франков), т. е. около 2 000 000 туманов [Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 1]. Вплоть до конца века он существенно не уменьшался, даже напротив, возрастал. Даже при росте бюджета ПКБ до 100 000 туманов это была капля в море.

Таким образом, О.А. Красняк указала реальные траты на ПКБ, но тогда не понятно, как удавалось избегать перерасхода средств. Или же она допустила опечатку, указав вместо суммы в рублях сумму в туманах.

В целом же нельзя не согласиться с тем, что своё «хозяйство» полковник вёл довольно рационально. Например, в сравнении с одновременно образованной австрийской военной миссией, «казачье» соединение выглядело предпочтительнее. «К исходу 1879 г. у австрийцев в наличии было 1 800 человек войск, у русских – 600 “казаков” и столько же лошадей, причём содержание лошади обходилось вдвое дороже содержания каждого “казака”, – сообщила О.А. Красняк пересказывая слова А.И. Домонтовича в своей работе. – Следовательно, расходы должны были быть равными. Полковник Адальберт Шоновски-Дешонвайс (глава австрийских инструкторов – О.Г.) израсходовал в 5 раз больше средств, несмотря на это, “казаки” были отлично вооружены и обмундированы, австрийские же сарбазы, по сообщению А. Домонтовича, ходили оборванные. При этом австрийцами было истрачено более 300 тыс. туманов, расход же “казачьего” отряда составил 110 тыс. туманов»⁷³⁸. В дальнейшем этот рационализм был потерян, что привело к бесконечным финансовым неурядицам вокруг ПКБ.

Второй проблемой для А.И. Домонтовича стал «мухаджирский вопрос». В августовском рапорте 1880 г. на имя посланника офицер достаточно детально изложил те трудности, которые создавали ему его подопечные. «Весьма удачный опыт (обучения мухаджиров – О.Г.), по всей вероятности, заставил

⁷³⁸ Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 94–95. Стефани Кронин утверждала, что одной из главных причин неудачи австрийской военной миссии были интриги со стороны русских представителей в Иране, из-за чего, якобы финансировать их деятельность стали нерегулярно. Учитывая то соперничество, которое существовало между Российской и Австро-Венгерской империями в Европе, естественно, что появление австрийских военных инструкторов, а тем более их планы по реорганизации иранской армии, не отвечали интересам России (да и англичане не были намерены допустить в страну третьего игрока). Тем не менее, из российских документов вывода, подтверждающего утверждение С. Кронин, сделать нельзя. Обе военные миссии столкнулись с одинаковыми проблемами, однако решить их сумели по-разному. Без сомнения, за русского Заведующего стоял авторитет посланника. Однако, скорее всего, австрийцы слишком формально подошли к своей деятельности и не смогли вжиться в местные особенности, как это удалось русскому полковнику. Следует заметить, что несмотря на деятельность австрийской миссии в Иране, начиная с 1879 г., ей не удалось полностью реорганизовать иранскую армию, довольствуясь формированием двух пехотных батальонов, батальона связи, инженерного батальона, артиллерийского батальона и, музыкальной команды. Но, этот, так называемый «австрийский корпус» вскоре распался (в 1881 г. австрийская военно-инструкторская миссия почти в полном составе покинула Тегеран) и к 1892 г. не осталось от него и следа. Однако австрийское наследие оказалось значительным. Вооружение и обмундирование поставлялись в Иран в соответствии с ирано-австрийским соглашением долгое время [Сведения сообщены Н.К. Тер-Огановым]. До начала XX в. пехота и артиллерия также формально обучались по австрийским образцам, но иранскими или иностранными инструкторами. Хотя реально всё сводилось к умению маршировать. Около 70 000 винтовок системы Верндля были закуплены в Вене и хранились в арсеналах страны. Артиллерия, также комплектовалась орудиями системы Ухациуса. Одеты были пехотинцы в форму австрийского сукна.

недоброжелателей принять уже непосредственное участие в его расстройстве, – сообщал он. – Дабы мои соображения не казались преувеличенными и безосновательными, приведу в подтверждение следующие факты:

1. В составе “казачьих” частей в настоящее время числится только 300 мухаджиров, все же их число более 1 000 человек, из числа которых около 200 человек свободно проживают в Тегеране, не неся никакой службы, но пользуясь своим старым содержанием. Принадлежа к более состоятельным лицам, они, хотя весьма способные к “казачьей” службе, уклонились от поступления в “казаки” и нашли покровительство, оказываемое им из корыстолюбивых видов.
2. Некоторое, весьма малое количество бывших “казаков”, удалившись в бест и считающиеся в бегах, приобрели каким-то образом свидетельства на получение своего старого содержания и так же свободно и без службы проживают дома. Понятное дело, что такого рода факты, весьма неблагоприятно действуют на “казаков”, несущих довольно трудную службу, заставляя их всеми силами стараться отклонения от неё.

Кроме беста, где они находят законное убежище, разные влиятельные люди, евнухи и прочие своим покровительством также вредно влияют на часть. Недавний случай в первом полку, кончившегося благополучно только благодаря моему быстрому прибытию на место, хотя, мне пришлось обнажить шашку против возмущившегося полка, должно отнести к их подстрекательствам ... Эти затруднения настолько значительны, что я удивляюсь, каким образом они до сих пор не погубили всего дела. Единственная внешняя опора ему – только Его Величество Шах, разные же влиятельные лица более или менее вредят ему, из них старый начальник всех мухаджиров – Шудок оль-Мольк, оставаясь до сих пор им в отношении не служащих в “казачьих” частях, представляет для них слишком сильную опору»⁷³⁹.

Тем не менее, благодаря стараниям А.И. Домонтовича, к окончанию срока его контракта численность ПКБ увеличилась до 650 человек (610 кавалеристов и 40 –

⁷³⁹ Российско-Императорскому Чрезвычайному посланнику и полномочному министру при дворе персидском [И.А. Зиновьеву от А.И. Домонтовича] Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 132–133.

для вспомогательных работ)⁷⁴⁰. Советский историк Завен Артёмович Арабаджян верно отмечал, что «при создании казачьей бригады ... была скопирована только внешняя сторона». Однако с оценками относительно социальной сущности её состава полностью согласиться нельзя. «Если в России казачество, в первую очередь, было особым социальным слоем общества, – писал он, – слоем свободных крестьян, никогда не знавших крепостничества, имевших целый ряд льгот и привилегий, дарованных им государем и как бы взамен за это составлявших особый род войск в русской армии, то в Иране казачья бригада составлялась из крестьян, не чувствовавших себя свободными и с детства формировавшихся в условиях феодально-помещичьего гнёта и унижения человеческого достоинства, характерных для иранской деревни»⁷⁴¹. Персидские «казаки» на деле происходили не только из крестьян. О социальном положении мухаджиров уже говорилось – они в большинстве своём земледельцами не являлись. Что до солдат и офицеров полка «Буми», то здесь были выходцы из разных категорий населения. Наряду с сельскими жителями и кочевниками, людьми, зачастую не связанными с общиной, здесь служили и представители высших социальных групп. К тому же следует помнить, что крепостного права в Персии не существовало⁷⁴², и формально все подданные иранского шаха были свободны. Связывали их не столько юридически-правовые обязательства, сколько нормы традиционных патриархально-клановых отношений. «Помещиков, которые бы сами занимались земледелием, почти нельзя встретить, – писал российский исследователь второй половины XIX в. – Большинство земель арендуется крестьянами, которые должны вносить своему владельцу ежегодно известную сумму, иногда включая подати (редко), и тогда сам помещик вносит за них подати. Сами же помещики живут в городах, не принимая никакого участия в

⁷⁴⁰ Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 76. В одной из последних работ по истории внешней политики России приводится несуразная цифра «2 000 хорошо вооружённых кавалеристов», предназначенных стать личной гвардией шаха [Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. С. 175]. Ещё более несоответствующая действительности цифра в 3 000 коней приводилась в специальном сборнике Военно-учёного комитета Главного штаба [Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1884. С. 531, 534]. Происхождение этой цифры вызывает недоумение и, одновременно, указывает на уровень аналитической работы по Ирану в Санкт-Петербурге: сборник был издан в 1884 г., а материалы относительно ПКБ касались 1880–1882 гг.). В рассматриваемый период ПКБ никогда не достигала такой цифры. Не была она и личной гвардией шаха. Последнюю по-прежнему составляли гулямы. Бригада же была элитной частью тегеранского гарнизона. Положение её меняется постепенно лишь с конца 1890-х гг.

⁷⁴¹ Арабаджян З.А. Иран: власть реформы, революции (XIX–XX вв.). М.: Наука, 1991. С. 117.

⁷⁴² Алиев А. Иран vs Ирак. История и современность. М.: Изд-во Московского ун-та, 2002. С. 481.

своих крестьянах, требуя лишь аккуратного взноса денег. Шах неоднократно награждает своих приближённых деревнями, в которые их новые владельцы никогда в жизни не заглядывают. Немалое число деревень находится во владении духовенства и купцов»⁷⁴³.

В.А. Косоховский, характеризуя состав ПКБ, писал, что мухаджиры хотя и тяжело поддаются дисциплине, «но если вы знаете их душу, то можете держать их в своих руках». Что же до добровольцев, то хотя с ними и легче было иметь дело, но они были менее устойчивы, т. к. в большинстве своём были выходцами из кочевников или людей неопределённого, «вольного» социального положения⁷⁴⁴. В.А. Косоховский отмечал, что проблема наёма волонтёров из одиночек заключалась в том, что большая часть из них – люди недовольные, обиженные, обездоленные, а следовательно, непокорные, строптивые. Но других элементов в Персии найти было сложно – они либо не были доступны, либо не подходили⁷⁴⁵. Объяснялось это тем, что помещики и главы племён не желали, чтобы их слуги выходили из-под их контроля, попадая под власть полковника⁷⁴⁶ и крайне этому противились. Классическим примером может служить борьба А.И. Домонтовича за мухаджиров с их начальником и ситуация с гулямами. В то же время для добровольцев поступление в ПКБ давала постоянный доход и повышение социального статуса (в том числе и через производство в чины). Жалование добровольцев почти в 2 раза превышало жалование в регулярных пехотных полках иранской армии. Кроме того, «казаки» получали своеобразный иммунитет от притеснения со стороны любого иранского феодала или сановника⁷⁴⁷. Именно этим в первую очередь как первый, так и последующие Заведующие пытались держать их под контролем. В иранском обществе, как и в любом традиционном, неформальные, статусные отношения всегда значили больше, нежели формально-юридические. Как показал опыт последующих Заведующих, многие из них этого сначала не понимали, и поэтому сталкивались с множеством проблем. Классическим примером может служить конфликт того же В.А. Косоховского со своим предшественником, речь о котором пойдёт ниже. А.И. Домонтович, видимо, сумел найти подход к сердцам

⁷⁴³ Туманский. От Каспийского моря к Хормузскому проливу и обратно, 1894 г. // СМА. 1896. Вып. 65. С. 14–15.

⁷⁴⁴ Babich P. A Russian officer in Persian Cossack Brigade: Vladimir Andreevich Kosagovskii. Budapest: CEU, 2014. P. 59.

⁷⁴⁵ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1901. Д. 515. Л. 79.

⁷⁴⁶ Там же. Л. 81.

⁷⁴⁷ Farrokh K. Iran at War. 1500–1988. Oxford: Osprey, 2011. P. 217.

части мухаджиров. В.А. Косооговский именовал его время «золотым веком» ПКБ⁷⁴⁸. Но, как нам кажется, данное утверждение справедливо только для последнего года деятельности полковника, когда он действительно сумел преодолеть множество проблем, встававших на его пути к формированию ПКБ. К концу своего пребывания в Персии А.И. Домонтович писал о своих подчинённых следующее. «Подозрительная былая нравственность, лёгкое отношение к казённой и вообще чужой собственности, попросту говоря, воровство, их, приводящая в отчаяние, небрежность в носке платья и оружия и полное непонимание требований чистоты, теперь покажутся невероятными при взгляде на безупречную внешность “казака”, также как и на всегда отменную чистоту казарменного помещения. Также, вспоминая первое время занятий с казаками, то малодушие, которое они выказывали на конных учениях, где, не слушая никаких запрещений, разбежались, при виде упавшего с лошади товарища, трудно поверить, чтобы эти, в настоящее время, отчаянные и ничем неудержимые наездники были одни и те же лица. Их лихость и беззаветная отвага, по праву даёт им самое почётное место в ряду кавалеристов всех европейских армий. Наряду с этим, у них явилось гордое сознание достоинства своей части, уважение и доверие к своим начальникам и вообще все качества хорошо дисциплинированного войска»⁷⁴⁹.

Учебный плац, или «Мейдан-е Мешк», ПКБ находился между Голхаком и Салтанатабадом, а для летней лагерной стоянки был избран Давудие. Давудие, близ Таджириша (на то время «дачное место» богатых тегеранцев), представлял собой большой сад, в котором находился небольшой дом из двух комнат. «Казачья» разместились в саду, в палатках, а офицеры в этом домике. По мере развёртывания бригады, она была переведена в Каср-е Каджар – летний дворец шаха в 6–7 км от Тегерана, где имелся большой плац для обучения⁷⁵⁰. Осенью 1879 г. (а не с наступлением зимы, как указывал Н.К. Тер-Оганов⁷⁵¹) А.И. Домонтович обратился с просьбой к иранскому начальству перевести конных «казаков» на зимние квартиры в город. Для их расквартирования по приказу Насреддин-шаха сепехсалар-азам передал в распоряжение ПКБ школу Генерального штаба (Мадресе-йе

⁷⁴⁸ Babich P. A Russian officer in Persian Cossack Brigade: Vladimir Andreevich Kosogovskii. Budapest: CEU, 2014. P. 59.

⁷⁴⁹ Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 77.

⁷⁵⁰ Высоцкий. Персидская казачья бригада // Военная быль. Париж. 1968. № 89. С. 12.

⁷⁵¹ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 59.

атамажор), находившуюся неподалёку от Мейдан-е Мешка. «8 октября полк был переведён из лагеря в город, где расположился казарменным образом в здании, упразднённого ныне военного училища, которое по особенной усиленной моей просьбе было разрешено занять для данной надобности. Причиной, заставившей меня добиваться этого здания, хотя мне предлагали строить новые казармы, кроме удобства, представляемого им, было, как можно меньше употреблять в расход денег», – вспоминал А.И. Домонтович⁷⁵². Вокруг бывшей школы построили конюшни для лошадей, а внутреннее помещение школы было отведено под казарму⁷⁵³. А.И. Домонтович озаботился о благоустройстве бригадных помещений. Интересные зарисовки о них оставил Мисль-Рустем. Мы приведём их без критических замечаний последнего, поскольку критика относилась к более позднему времени. «Для бригады отведены казармы и конюшни, помещения с несколькими дворами, колодезь для водопоя, цейхгаузы, кухня и т. д., – писал он. – ... На первый взгляд всё кажется образцово, даже есть лазарет для людей и лошадей ... Казармы бригады выходят воротами на «машк-майдан», т. е. плац, где обучаются войска в Тегеране. Над воротами «балхане» – род киоска с балкончиками, украшенными лепной работой, окрашен, по-персидски, в разные цвета, с неизбежными львами, «ширхуршиты», которых персы вставляют всюду, где только возможно. Над «балхане» развивается флаг, конечно, опять со львом. Тут живут русские урядники ... Пройдя под ворота, у которых находится часовой ... вы входите не в особенно широкий двор, где имеются амбары для фуража и сарай для орудий. Далее вы проходите под другие сводчатые ворота, чтобы пройти во второй двор, под ними, налево и направо, две караульные комнатки и рядом с ними ужасные карцеры, состоящие из углублений в стене, величиною в квадратный аршин, и дверью с дырочкой для света, так что арестованные на несколько дней не могут не только лечь спать, но даже сидеть на корточках (в полу же есть отверстие для естественной надобности). В караульных комнатках положено быть всем, находящимся в наряде караула, как нижним чинам, так и офицерам, дежурным по

⁷⁵² Докладная записка о состоянии дел в казачьей бригаде 24 октября 1879 года // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 130.

⁷⁵³ Прежнее расположение бригады в Каср-е Каджар тоже осталось в распоряжении бригады. Со временем там были устроены помещения для летнего лагеря и хорошие дачи для начальника ПКБ и инструкторов. Раза 2 в год, чаще всего, в Каср-е Каджар, происходил смотр ПКБ шахом, заканчивавшийся церемониальным маршем и джигитовкой [Высоцкий. Персидская казачья бригада // Военная быль. Париж. 1968. № 89. С. 12].

полкам и бригаде; но последние, большею частью, бывают там только тогда, когда ждут кого-нибудь или проверки русскими инструкторами ... Пройдя во второй двор, вы увидите посреди него бассейн с фонтаном, который, по небрежности персов, всегда грязен и вонюч. Вокруг этого двора масса дверей в отдельные помещения, где ютятся мастеровые из нижних чинов. Здесь вы увидите у дверей работающих сёдла шорников и шашечников, изготавливающих очень недурно клинки. Здесь же во дворе швальня (портняжная мастерская – О.Г.) и цейхгаузы (военные кладовые для оружия или амуниции – О.Г.), в которых очень живописно расставлены в пирамидах ружья, а на стенах развешаны розетками шапки и черкески; на полу же лежат одеяла. Здесь же во дворе цейхгауз для музыкальных инструментов развешанных тоже очень живописно по стенам ... Через одну из дверей во двор вы проникаете в казарму собственно, т. е. в помещение для нижних чинов. Это два огромных сводчатых зала, с кирпичным, каменным полом, посредине которых, в два ряда и по стенам, стоят зелёные деревянные шкафы, каждый в две двери и с нижними ящиками. Конечно, на каждой из дверей красуется опять лев, с розовой рожой за его спиной, изображающей солнце. Эти шкафы собственно и есть кровати для нижних чинов. Каждая дверца шкафа на петлях, отворяется не в бок, а сверху-вниз; в конце её откладываются или подставляются две ножки, так что образуется скамейка, на которую и кладут на ночь тюфяк и подушку. Днём же все тюфяки и подушки свёртываются и укладываются в шкаф, а дверцы поднимаются и, таким образом, получают снова запертые шкафы. Эти шкафы устроены первым из русских полковников Д. и очень удобны потому, что днём освобождают много места ... В каждой комнате-казарме имеется до 150 подобных кроватей ... Через казармы вы проникаете в две кухни, чистенькие, с котлами, с двумя пузатыми самоварами, которые для виду возились всюду за бригадой. В этих кухнях никогда ничего не варится ... Дело в том, что на полученные порции персидский «казак» умудряется кормить всю свою семью, а из котла это сделать невыносимо. Затем вы проникаете в бригадный лазарет: это три чистенькие комнатки, с кроватями и бельём. Одна из них должна изображать аптеку, с массой пустых склянок на полочках. При лазарете имеется «хеким-баши», старший врач, и фельдшер ... Из казарм вы проходите задний огромный двор,

имеющий отдельные ворота на уляцу; среди двора колодезь для водопоя, с корытами. С четырёх сторон – конюшня, с земляным полом, сводчатая и в них «ахоры» – ясли, сделанные нишей, в углубления стены для каждого жеребца отдельно. Стойл нет, и лошади стоят неотгороженными друг от друга, а чтобы не бились, их привязывают за заднюю ногу цепью к колу, вбитому в пол. Конюшни содержатся, благодаря русским инструкторам, весьма чисто. Здесь же во дворе конский лазарет с ветеринаром; «байтал» – кузнец ... и кузница ... Вот вам все помещения бригады»⁷⁵⁴.

Удачный выбор места позволил А.И. Домонтовичу проводить каждое утро занятия с конными «казаками» на тренировочном плацу для отработки пешего порядка, а вечером, за воротами казармы, проводить общебригадное обучение⁷⁵⁵. «Кзаки» усвоили основные уставные правила конного строя, сторожевой службы, рубки, фехтования. Джигитовка стала визитной карточкой бригады. Значимым стало то, что «казаков» приучили носить форму и следить за ней. Это выгодно выделяло их на фоне остальной иранской армии⁷⁵⁶. Российские инструкторы строго следили за поддержанием дисциплины, формируя при этом среди подчинённых чувство корпоративной солидарности. Последнее, правда, имело своеобразный характер. Побывавший в 1889–1890 гг. в Персии Джордж (Георг в некоторых русских переводах) Натаниэль Кёрзон отмечал, что «хотя оба полка находятся под непосредственным наблюдением русских инструкторов, но почему-то Мухаджирский считается старшим»⁷⁵⁷. То есть внутренние противоречия между представителями двух частей ПКБ изжиты не были.

⁷⁵⁴ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 142–146.

⁷⁵⁵ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 59–60.

⁷⁵⁶ Об иранской армии рассматриваемого периода и её сравнение с ПКБ см.: Reza Ra'iss Touse. The Persian Army, 1880–1907 // *Middle Eastern Studies*. 1988. Vol. 24. № 2. P. 206–229.

⁷⁵⁷ Кюрзон. Персия и персидский вопрос // СМА. 1893. Вып. 52. С. 133; Curzon G.N. Persia and the Persian Question. London: Published by Frank Cass & Co. Ltd, 1966. P. 596. Причины этого нами были изложены выше. Вообще, в российской армии существовала практика, согласно которой старшинство и качество части показывал её порядковый номер в составе соединения. Этот принцип был перенесен и в ПКБ.

2.5. Проблемы и итоги деятельности русской военной миссии в Иране

Успех А.И. Домонтовича сам он объяснял двумя причинами. «Мне было предоставлено право действовать полновластно, сообразуясь только с условиями, в которых мне придётся находиться ... Тот же взгляд и то же полное предоставление мне права самостоятельно вести дело и в Персии, вероятно, в силу той же причины совершенного незнакомства персиян с моим делом. Совпадение таких счастливых обстоятельств было слишком благоприятно для меня»⁷⁵⁸. Однако нам представляется, что большая доля в нём принадлежала самому Заведующему, сумевшему в короткий срок приспособиться к новым условиям и успешно выполнить возложенную на него задачу. Здесь вполне можно согласиться с мнением российской исследовательницы, что «только благодаря профессионализму и компетентности русского офицера Алексея Домонтовича ... была заложена основа Персидской казачьей бригады»⁷⁵⁹. Этот успех ещё более очевиден, на фоне того, что с 1880 г. военным министром Персии вновь стал Камран-мирза Наиб ос-Солтане⁷⁶⁰, третий сын Насреддин-шаха (он уже занимал эту должность перед Хусайн-ханом и был смещён шахом в 1871 г. за некомпетентность⁷⁶¹). Как уже отмечалось, А.И. Домонтович был подчинён по контракту военному министру Ирана. И подчинение это не было формальным, особенно в финансовой сфере. Не смотря на «внимательное отношение к европейцам, особенно к русским»⁷⁶², в России новый глава иранского военного ведомства считался англофилом и чуть ли не находившимся на содержании у англичан. «Красив, хитёр, но ничего не смыслит в военном деле, хотя и военный министр», – писал о нём Мисль-Рустем⁷⁶³. Камран-

⁷⁵⁸ Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 2. С. 333.

⁷⁵⁹ Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 77.

⁷⁶⁰ Наиб ос-Солтане – титул, которым чаще всего именовали шахского сына европейцы. Следует отметить, что как и другие титулы такого рода, его могли носить в разное время разные люди. Так, Наибом ос-Солтане именовался Аббас-мирза.

⁷⁶¹ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 42.

⁷⁶² Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 77. Правильнее было бы сказать – заискивающее. Как сообщал тот же автор, шах был всегда недоволен, если на приёмах или других значительных мероприятиях отсутствовали русские офицеры и спрашивал с военного министра [Там же. С. 80]. Поэтому, Камран-мирза старался во всём угодить шаху, чтобы не потерять его расположения. Соответственно, угодничал он и по отношению к инструкторам. Впрочем, «тонкая азиатская дипломатия» нашла здесь выражение в том, что внешне Камран-мирза старался угодить, а подспудно – если не навредить, то извлечь для себя пользу не считаясь с делами ПКБ. К началу 1890-х гг. вторая сторона его поведения стала явно преобладающей.

⁷⁶³ Там же. С. 67.

мирза был абсолютно не способен к военному делу. В своей должности он видел солидный источник для удовлетворения своих широких жизненных потребностей⁷⁶⁴. «Во главе Военного министерства стоит военный министр, «Эмир-Кебир», Наиб ос-Солтане, сын шаха, человек лет 40, тучный, красивый, ленивый, по-персидски грамотный, ничего не понимающий в военном деле, немного болтающий по-французски, по-немецки, по приёмам очень двуличный и вежливый, всегла как будто думающий о чём-то важном, а между тем интересующийся не военным делом, а банею», – писал о Камран-мирзе один из офицеров ПКБ⁷⁶⁵. «Сферой наиболее беззастенчивого хищения «всех и вся» является Военное министерство, во главе которого стоит третий сын шаха и первый обиратель своего ведомства Камран-мирза, имеющий титул Наиб ос-Солтане, т. е. Наместник государя. Этот красивый, напыщенный, разжиревший, ленивый, двуличный, но изысканно-вежливый принц ... ровно ничего не понимает в военном деле и не только в качестве Эмир-Кебира (военного министра), но и с нравственной стороны пользуется у персов весьма плохой репутацией», – писал о нём А.М. Алиханов-Аварский⁷⁶⁶. «Он очень разбогател, пользуясь, главным образом, содержанием офицеров и получая при всяком утверждении бюджета полков и наград пишкеши чуть ли не по таксе самим им установленной»⁷⁶⁷. Учитывая склонность Камран-мирзы ко взяткам в виде пишкешей, его влияние на шаха (он был любимым сыном⁷⁶⁸), прямую подчинённость ему командира российских инструкторов и ПКБ,

⁷⁶⁴ Curzon G.N. *Persia and the Persian Question*. London: Published by Frank Cass & Co. Ltd, 1966. P. 422.

⁷⁶⁵ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 84–85. Камран-мирза также был сепехсаларом, однако ему подчинялась не вся армия. Т. н. Тебризская армия была в подчинении у наследника престола, а ещё один сын Насреддин-шаха – Масуд-мирза Зелл ос-Солтане – в Исфахане располагал собственной армией до 1888 г. [Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1887. С. 555]. «В действительности оба главнокомандующие (сыновья шаха – О.Г.) исфаханской и тебризской армиями в своих распоряжениях независимы от военного министра», – сообщалось в специальном сборнике российского Главного штаба [Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1888. С. 41]. После того, как в 1888 г. Масуд-мирза впал в немилость у шаха и был лишён права командования и всех чинов, независимой от военного министра осталась только тавризская армия [Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1890. С. 669]. Впрочем, Мозаффарэддин-мирза был только формальным начальником своих войск. От шаха «в помощь ему», был назначен специальный сановник – генерал-губернатор Тебризской провинции (беглербег) эмир-е низам Гассан-хан («знатный и владетельный курд из округа Гярус в Хамаданской провинции»), de facto управлявший провинцией и командовавший вооружёнными силами наследника престола [Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. 23, 37, 49].

⁷⁶⁶ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 125.

⁷⁶⁷ Там же. С. 125.

⁷⁶⁸ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 71. Впрочем, любимцем шаха в 1880-х гг. был племянник одной из его жён Малиджек. «На салямах, выходах шаха, его ставили выше, чем Наиб ос-Солтане ... Любовь шаха к этому мальчику (ему было около 10 лет – О.Г.) непонятна»,

именно он стал определяющим лицом в судьбе бригады вплоть до смерти шаха в 1896 г. С ним же были связаны финансовые неурядицы бригады, о которых сообщал А.И. Домонтович.

Суть трудностей, с которыми приходилось сталкиваться А.И. Домонтовичу, можно свести к конфликту между идеями и представлениями о службе, которыми был проникнут и руководствовался полковник, и реалиями, касавшимися как персидской действительности, так и внешнеполитических планов российского правительства. О сложностях в организации мухаджир мы уже говорили. Поэтому остановимся на двух проблемах, которые наложили отпечаток на кажущуюся успешной акцию по организации обучения персидской кавалерии.

Хотя прямых данных нам обнаружить не удалось, но косвенные свидетельствуют о сложностях в отношениях Заведующего с некоторыми из русских инструкторов. В частности, это касалось есаула И.Н. Браткова, о найме которого А.И. Домонтович в воспоминаниях сообщал как об ошибке. Выше говорилось о характеристиках офицеров и урядников, составлявших военную миссию, и их целях. Писалось это А.И. Домонтовичем уже по прошествии многих лет, и приходится сожалеть, что его публикация не была окончена из-за смерти автора. Иначе можно было бы более подробно узнать, что именно он имел в виду, сообщая (пусть и не всегда откровенно) о неудачном подборе офицеров. Следует заметить, что, кто-то из обер-офицеров был, видимо ещё до окончания срока заменён сотником Кубанского казачьего войска Евплом Авксентьевичем Маковкиным⁷⁶⁹. Осенью 1879 г. подполковник составил докладную записку о состоянии дел в ПКБ⁷⁷⁰. Сопоставляя её сведения, информацию воспоминаний и другие источники можно сделать вывод о том, что в отношениях между русскими военными представителями существовали проблемы. Главной из них было отсутствие единства и целеустремлённости. Это явственно следует как из вышеприведенной оценки есаула И.Н. Браткова, так и из

писал один из российских инструкторов в своих очерках [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 62].

⁷⁶⁹ РГВИА. Ф. 446. Д. 44. Л. 53. До 1877 г. Е.А. Маковкин, как и И.Н. Братков, служил в Ставропольском казачьем юнкерском училище младшим офицером [Кавказский календарь на 1878 год. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского, 1877. Отд. 3. С. 127]. Интересно, что фамилии обоих офицеров исчезают из «Кавказского календаря» с 1878 г. Причину этого относительно Е.А. Маковкина нам выяснить не удалось.

⁷⁷⁰ Докладная записка о состоянии дел в казачьей бригаде 24 октября 1879 года // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 129–131.

рекомендаций А.И. Домонтовича относительно «управления членами Русской военной миссии». От них он предполагал требовать «постоянной неуклонной энергии, стремящейся к достижению поставленной цели»⁷⁷¹. «Подчинённые мне члены русской военной миссии должны разделять этот взгляд и по мере сил способствовать его выполнению, они должны безусловно быть послушными»⁷⁷². Если учитывать, что эти рекомендации писались после случая с разделением части на 2 полка, то они приобретают вид выводов из происшедшего.

В корне неверно утверждение современных историков о том, что «русскому офицеру – командиру бригады ... предоставлялись большие права»⁷⁷³. «Выехав из России по распоряжению кавказского начальства с урядниками, я здесь очутился в положении антрепренёра, – писал А.И. Домонтович. – Урядники зависят в решении денежного вопроса, офицеры получают оговоренное содержание от персидского правительства, а я даже не имею никакого указания от начальства, в каком отношении они должны стоять ко мне. Власть полкового командира со всеми его действительными правами, едва ли достаточна при таких обстоятельствах. Здесь, в среде мусульманского, фанатического, ни в чем не ценящего свою жизнь народа, мы поставлены с требованием различных стеснительных и не всегда понимаемых ими правил. Малейшая оплошность, замедление офицеров в исполнении моих указаний может принести зло»⁷⁷⁴. Впоследствии постоянные требования полковника об увеличении его полномочий были расценены как неумеренное стремление возвыситься, о чём будет сказано ниже. Однако с точки зрения военного он рассуждал совершенно справедливо. Не смотря на громкое название должности, которую он занимал, хорошее жалование, А.И. Домонтович был лишь инструктором и главой инструкторской миссии. Ему явно не хватало полномочий и статуса, как по отношению к формируемому подразделению, так и к русским инструкторам. Он не был «полноличным» и полномочным командиром ПКБ, а

⁷⁷¹ Там же. С. 130.

⁷⁷² Там же.

⁷⁷³ Винокуров В.И. История военной дипломатии. Военная дипломатия от Петра I до Первой мировой войны. М.: ООО НИЦ Инженер, 2009. Т. 1. С. 66; Babich P. A Russian officer in Persian Cossack Brigade: Vladimir Andreevich Kosagovskii. Budapest: CEU, 2014. P. 31.

⁷⁷⁴ Докладная записка о состоянии дел в казачьей бригаде 24 октября 1879 года // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 130.

являлся «обыкновенным офицером-инструктором»⁷⁷⁵, который только лишь заведовал обучением части кавалерии. В любой момент его положение и приказы могли быть оспорены или даже не выполнены его же подчинёнными. Вся власть Заведующего базировалась на шахском расположении. «Единственная внешняя опора ему (делу обучения персидской кавалерии – О.Г.) – только Его Величество Шах, разные же влиятельные лица более или менее вредят ему», – писал по этому поводу А.И. Домонтович⁷⁷⁶. Лишиться расположения Насреддин-шаха, не выполнив его пожеланий (не говоря уж о приказах) означало в иранских условиях лишиться и авторитета в глазах «казаков». А учитывая сложности в отношениях с мухаджирами, это могло привести к значительным проблемам в деле формирования части и нанести ущерб русским интересам. К тому же он не мог самостоятельно распоряжаться «казаками» и офицерами ПКБ, что также вредило и российским интересам и статусу полковника в глазах подчинённых⁷⁷⁷. Не была точно определена и позиция Заведующего по отношению к русским инструкторам. Формально другие офицеры-инструкторы были назначены лишь в помощь А.И. Домонтовичу. Они находились в Персии на равных правах и различались только чинами в российской армии. Никакими документами отношения между ними не регулировались. Российские же законы действовали здесь опосредованно: все инструкторы получали жалование от иранского правительства и подчинялись ему. Поэтому в некоторых случаях офицеры-инструкторы могли «забывать» о соблюдении субординации, а дисциплинарных санкций к ним применить Заведующий формально не мог.

С первых месяцев знакомства с персидской жизнью А.И. Домонтович осознал, что в иранской армии внешний вид, знатность и полномочия имели куда большее значение, нежели чины и звания. «Во время моего пребывания в Тегеране, – писал он, – я неоднократно замечал, с каким обидным недоверием смотрели там на иностранных офицеров, приезжающих в Персию налегке как бы с единственной

⁷⁷⁵ Сведения, составленные на основании рапортов и писем полковника Ляхова, 1907 // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 150.

⁷⁷⁶ Российско-Императорскому Чрезвычайному посланнику и полномочному министру при дворе персидском [И.А. Зиновьеву от А.И. Домонтовича] // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 133.

⁷⁷⁷ Там же.

целью нажить»⁷⁷⁸. Для первой поездки в Иран его снабдили по российским меркам большой суммой денег – 220 рублей жалования в месяц, по 16 рублей суточных и 100 рублей на наём переводчика. «Моё преувеличенное мнение относительно громадности отпущенной мне суммы было первой ошибкой в числе других подобных объясняемых незнанием условий персидской жизни», – писал А.И. Домонтович впоследствии⁷⁷⁹. Не случайно, что в первую очередь по возвращении из первой поездки подполковник «постарался как можно шире обставить себя в материальном отношении». Он обзавелся «хорошим выездом» в виде пары вороных черноморских упряжных лошадей и экипажа. «По отношению обмундирования из прежней моей службы в Кубанском войске осталось только умение носить казачье платье, а это не последнее дело. Весьма неказистую фигуру представляет человек, нарядившийся в незнакомый ему казачий костюм. Такие люди, часто встречающиеся на Кавказских минеральных водах, создали даже особый тип московского черкеса», – вспоминал А.И. Домонтович. Поскольку на время командировки в Персию он был зачислен по Кубанскому казачьему войску, то приобрёл себе соответствующее обмундирование, дорогое оружие и седельное снаряжение⁷⁸⁰. Следует заметить, что все указанные меры не оказались излишними. Об этом свидетельствует авторитет, завоеванный полковником среди своих подчинённых и у шаха.

Не зная целей российского правительства, полковник считал, что должен реально реформировать кавалерию, превратив её в боевую силу. Он действовал как исполнительный офицер и командир. Подтверждением этому могут служить как цитировавшиеся планы организации обучения, составленные после первой поездки, так и донесение о планировавшейся шахом реформе армии. В сентябре 1879 г. Насреддин-шах создал комиссию для этих целей. А.И. Домонтовичу было предложено составить мнение о предмете её работы, что он и сделал. Судя по документу, российский офицер исходил из практических соображений. «В прилагаемых мною проектах видна главная забота о достижении внутренней

⁷⁷⁸ Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 134. Вып. 4. С. 211.

⁷⁷⁹ Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 2. С. 333.

⁷⁸⁰ Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 134. Вып. 4. С. 211–212.

сплочённости Персидского государства, состоящего из разнородных провинций, без прочной общей связи. Число войск 50–60 тыс., организация резерва для определённой цели подтверждает это», – резюмировал А.И. Домонтович свои выкладки⁷⁸¹. Однако в донесении российскому начальству он спрашивал: «насколько выгодно для нас улучшение военных сил Персии?». И сам же отвечал отчасти: «Имея такое устройство Персии, конечно же, опасно для России, но, с другой стороны, она не будет представлять этапной дороги, весьма удобной для беспрепятственного перехода малочисленного кризиса (так в тексте; видимо, следует читать «корпуса» – О.Г.) английских войск, хотя бы из Бендер-Бушира; конечно, если того же пожелает Персия, — это же вопрос дипломатический и меня не касающийся»⁷⁸².

Именно в силу указанных причин А.И. Домонтович добивался для себя прав командира части по русскому образцу и статуса главы русской военной миссии. В условиях, когда статус командира бригады имел большее значение, нежели его чин, требования А.И. Домонтовича выглядели уместными. «В такой стране, как Персия, не имеющей законов (по европейскому типу и соответствующей системы их исполнения – О.Г.), в которой даже высшие сановники только хитростью добиваются своих целей, положение русской военной миссии, имеющей дело с самым свободным народом, не признающим почти никакой власти, [каковым] считаются мухаджире. Положение это можно сравнить с положением людей, стоящих над кратером действующего вулкана», – писал он⁷⁸³. Как точно обозначил в своих воспоминаниях служивший в Персии в начале XX в. Константин Николаевич Смирнов, «на этой должности (командира ПКБ – О.Г.) надо было быть политиком»⁷⁸⁴. Действительно, для привилегированного социального слоя, который представляли собой мухаджире, особенно для его знатной части Заведующий-немусульманин, да ещё и не имеющий высокого статуса знатности по персидским меркам (принадлежность к властной верхушке или знатное происхождение), не являлся авторитетом. Именно в таком ключе следует понимать частые сетования

⁷⁸¹ Докладная записка о состоянии дел в казачьей бригаде 24 октября 1879 года // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 128.

⁷⁸² Там же.

⁷⁸³ Там же. С. 131.

⁷⁸⁴ Тер-Оганов Н. Поездка подполковника Генерального штаба В.П. Ляхова и штабс-капитана К.Н. Смирнова в Турцию в 1904 году // Russian History. 2006. Vol. 33. № 1. Р. 127. Причём политиком в широком смысле слова.

А.И. Домонтовича на «отсутствие» в Персии «законов». Здесь действительно законы в европейском понимании играли малую роль. Общество строилось и жило на основе традиции и норм религиозного права. И в таких условиях более широкие полномочия Заведующему были просто необходимы. «Степень власти каждого шефа, – писал позднее возглавлявший ПКБ в 1894–1903 гг. В.А. Косооговский о порядках в персидской армии и о положении шефа фоджа, – зависит вообще от его значения в стране и в глазах правительства»⁷⁸⁵. Думается, такая оценка вполне применима и к положению Заведующего. А.И. Домонтович, прослужив в Иране, прекрасно это понимал. Со временем, своей строгостью и справедливостью он добился авторитета в бригаде. Этому способствовало также расположение со стороны шаха. Однако даже по прошествии 14-ти месяцев А.И. Домонтович не чувствовал себя уверенно. В глазах части мухаджиров он по-прежнему не имел веса. Рост его популярности у шаха вызвал естественную зависть со стороны высших персидских сановников и даже российского посланника. О последнем мы скажем отдельно. Что до вельмож, то сам Заведующий сообщал о кознях с их стороны. Особенно это касалось командиров тегеранского гарнизона и гулямов, которые науськивали своих подчинённых на «казаков». В августовском 1880 г. рапорте посланнику А.И. Домонтович отмечал наличие «различных случаев подстрекательства некоторых солдат Ваджихуллы-мирзы и гулямов Ала од-Доуле против «казаков», нередко кончающихся убийством как оно и было 3 дня назад с одним «казакон», отпущенным в отпуск. Жалобы мои на подобные преступные действия обращали весьма слабое внимание и тем ещё больше потворствовали беспорядкам»⁷⁸⁶. Такое науськивание ложилось на подготовленную почву, так как привилегированность «казаков» вызывала зависть⁷⁸⁷. Не имея статусного положения, закреплённого традицией, завися от военного министра Персии, ограниченный в своих полномочиях лишь организацией и обучением ПКБ А.И. Домонтович естественно не мог быть уверенным в успехе своего детища.

⁷⁸⁵ Из тегеранского дневника полковника В.А. Косооговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 97.

⁷⁸⁶ Российско-Императорскому Чрезвычайному посланнику и полномочному министру при дворе персидском [И.А. Зиновьеву от А.И. Домонтовича] // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 133.

⁷⁸⁷ Там же. С. 132–133.

Второй проблемой стали отношения с российской дипломатической миссией. В своих воспоминаниях А.И. Домонтович глухо сообщал о «недоразумениях», но говорил о них в общем, делая акцент на дипломатах второго ранга. Как уже отмечалось, полковник всю свою деятельность должен был согласовывать с русскими дипломатами в Тегеране. Они же служили ему связующим звеном с персидским двором. Если на первых порах это посредничество имело положительное значение, то со временем оно стало меняться. Познакомившись в первые дни своего пребывания с чиновниками посольства Петром Евгениевичем Панафидиным и Иваном Фёдоровичем Похитоновым⁷⁸⁸, А.И. Домонтович отзывался о них с ноткой уважения. Но через некоторое время тон его сообщений изменился. «Панафидин и Похитонов, – писал А.И. Домонтович, – были проникнуты чрезмерною важностью своего служебного положения и считали себя ни более, ни менее, как представителями императора. На этой почве происходили нередко недоразумения, которые могли подать повод сомневаться в существовании добрых отношений между посольством и русской военной миссией. Понятно, что в этом случае могла проиграть только последняя, как бы буирующая с представителем русского императора»⁷⁸⁹. В этой фразе заключена суть противоречий между российскими дипломатами и военными в Персии. Хотя А.И. Домонтович и сглаживал краски, однако проблема действительно существовала. Появилась она не сразу и приняла вид личного конфликта между ним и посланником И.А. Зиновьевым. Поведение чиновников, думается, было лишь следствием взглядов их начальника.

Скорее всего, даже не желая того, полковник заслужил доверие шаха настолько, что тот, видимо, планировал предложить ему то, от чего отказался В.А. Франкини – взять на себя реформирование всей армии. На этом доверии держалось и всё дело организации кавалерийских частей. Но в условиях Ирана выполнять возложенные на него функции А.И. Домонтович мог только имея более высокий статус и больше полномочий от своего правительства. Он же был лишён инициативы, полностью зависел от Миссии и не имел чётко определённых прав. В

⁷⁸⁸ К слову, через некоторое время И.Ф. Похитонов стал зятем И.А. Зиновьева.

⁷⁸⁹ Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 3. С. 578.

результате же невыполнения пожеланий шаха (тем более, шедших вразрез с мнением дипломатического представителя России) вкупе с интригами против него, командир ПКБ рисковал потерять доверие Насреддин-шаха. Это, в свою очередь, могло повредить делу военной миссии (что и произошло в начале 1890-х гг.). С получением должности военного агента подчинённое положение по отношению к Миссии сохранилось бы. Однако только в политических вопросах. Во всём остальном военный агент зависел бы уже даже не от кавказского начальства, а от Главного штаба. Таким образом, он получил бы больше свободы действий. Также менялся бы статус Заведующего при шахском дворе и в армии как военного представителя России, а не простого инструктора. Поэтому требования А.И. Домонтовича были во многом обоснованы, но реализованы в тех условиях быть не могли.

В 1882 г. произошли два знаковых события, имевшие непосредственное отношение к ПКБ. Кавказское наместничество было ликвидировано 22 ноября 1881 г., и заменено Кавказской администрацией. С 1 января 1882 г. в должность главы этой администрации – главноначальствующего на Кавказе и командующего войсками Кавказского военного округа – вступил генерал от кавалерии Александр Михайлович Дондуков-Корсаков⁷⁹⁰. Таким образом, А.И. Домонтович лишился поддержки великого князя, протектировавшего ему при отправке в Персию и поддерживавшего полковника в течение 3-х лет. А в июле 1882 г. закончился трёхлетний срок контракта А.И. Домонтовича⁷⁹¹. Шах пожелал возобновить соглашение с ним. Однако, офицер был отозван с занимаемой должности. В.А. Косооговский в своём очерке развития ПКБ говорит, что А.И. Домонтович был оклеветан российским посланником, когда находился в четырёхмесячном отпуске, из которого в Персию он уже не вернулся. По словам В.А. Косооговского, посланник затаил злобу на А.И. Домонтовича «вследствие ссоры, происшедшей между их жёнами» и обвинил того перед кавказским начальством в том, «что он действует

⁷⁹⁰ Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е января 1892 года. СПб.: Военная типография, 1892. С. 26.

⁷⁹¹ О.А. Красняк и Н.К. Тер-Оганов указывали, что срок действия контракта окончился в конце 1881 г., после чего А.И. Домонтович уехал в четырёхмесячный отпуск в Россию [Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 76; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 60]. Однако контракт полковника заканчивался в июле 1882 г., а документы РГВИА свидетельствуют, что в Россию он вернулся в мае, получив четырёхмесячный отпуск.

против русских интересов, бывая на совещаниях министров, помимо посланника и желая создать в Персии значительную военную силу»⁷⁹².

Версия о влиянии И.А. Зиновьева на судьбу А.И. Домонтовича косвенно подтверждается документами, хранящимися в РГВИА. В феврале 1882 г. персидский посланник, пребывавший Санкт-Петербурге, передал в Министерство иностранных дел просьбу шаха оставить полковника для продолжения реорганизации армии. На сообщении об этом из Азиатского департамента МИД от 12 февраля 1882 г. была оставлена приписка «начальник Главного штаба (Николай Николаевич Обручев – О.Г.) полагает не препятствовать и если нужно, испросить высочайшее разрешение»⁷⁹³. Военный министр Пётр Семёнович Ванновский не возражал. Однако затем последовало сообщение российского посланника в Тегеране тайного советника И.А. Зиновьева от 26 февраля 1882 г. В нём мидовец писал: «Я сам бы желал возобновления контракта полковника Домонтовича ... но Домонтович, объявлявший готовность к этому, обуславливает нам своё согласие предоставлением ему звания начальника военной миссии и положением военного агента⁷⁹⁴, говоря, что это необходимо для усиления его авторитета в стране. Притязания эти неосновательны, так как и без того значение Домонтовича как нельзя более удовлетворительно ... В случае окончательного отказа полковника Домонтовича, необходимо позаботиться о выборе на место его другого офицера, о

⁷⁹² Косоговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 392.

⁷⁹³ РГВИА. Ф. 446. Д. 44. Л. 2.

⁷⁹⁴ Как уже отмечалось, согласно предложенной нами классификации, полковник занимал в Персии должность официального негласного военного агента (на это, к слову указывали и российские военные в начале XX в., когда этот термин стал активно применяться [Аслан-бек. Персидская казачья бригада // Часовой. 1980. № 623 (1). С. 11]). Особенностью его положения было то, что он полностью зависел в своих действиях от начальника российской дипломатической миссии. Требования А.И. Домонтовича сводились к предоставлению ему прав военного атташе. Согласно инструкции агентам, посылаемым за границу от 1856 г., предписывалось «каждому агенту состоять в полной зависимости и подчинении от начальника Миссии, при коем находится. Без его разрешений ничего особенного не предпринимать, спрашивать наставлений и руководствоваться ими в точности» [Алексеев М.Н. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М., Евразия плюс, 1998. Т. 1. С. 373–374]. Назначая А.И. Домонтовича, в Военном министерстве, видимо, ориентировались на эти указания. Однако к началу 1880-х гг. уже действовал институт военных атташе, права и обязанности которых были более широкими, нежели у военных агентов по инструкции 1856 г. Противоречия между существовавшими нормативными документами и практикой вызвали к жизни новую инструкцию от 18 декабря 1880 г. Она касалась преимущественно официальных военных агентов, хотя была также основой и для деятельности неофициальных. «В официальных своих сношениях, – говорилось в ней, – они должны строго следовать указаниям дипломатических наших представителей, к которым должны обращаться также в случае всяких недоразумений и до сведения которых обязаны доводить как общие результаты своей деятельности, так и в особенности все данные, имеющие политический характер» [Винокуров В.И. История военной дипломатии. Военная дипломатия от Петра I до Первой мировой войны. М.: ООО НИЦ Инженер, 2009. Т. 1. С. 366; РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. 1885. Св. 1099. Д. «О военных агентах и лицах, занимающих их должности». Л. 10]. Как видим, в схеме подчинения мало что изменилось. Однако официальность статуса военного дипломата при дворе шаха давала большие возможности, чем просто должность Заведующего. Она повышала как авторитет полковника в глазах персидских вельмож, так и давала ему возможность на законных основаниях изучать Персию и её вооружённые силы. Сложно сказать, хотел ли действительно А.И. Домонтович получить какое-то привилегированное положение при шахском дворе пользуясь правами постоянного официального военного агента.

чём просил меня шах»⁷⁹⁵. Он отмечал также, что полковник не соблюдал субординации: вопреки данной ему инструкции не подчинялся указаниям дипломатического представителя. После получения вышеупомянутой телеграммы мнение военного министра изменилось. На сопроводительной записке управляющего Азиатским департаментом и товарища министра иностранных дел Николая Карловича Гирса к этой телеграмме П.С. Ванновский 5 марта 1882 г. написал: «Притязания полковника Домонтовича неумеренны. Надо найти другое лицо»⁷⁹⁶. О том же он сообщил Н.К. Гирсу в официальном письме⁷⁹⁷.

По распоряжению военного министра, с марта 1882 г. кавказское начальство было озабочено поиском новой кандидатуры на должность Заведующего обучением персидской кавалерии. По инициативе начальника штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенанта ГШ П.П. Павлова, одобренной главноначальствующим на Кавказе и командующим войсками Кавказского военного округа А.М. Дондуков-Корсаковым, вместо А.И. Домонтовича было предложено командировать состоявшего по Кубанскому казачьему войску полковника ГШ Петра Владимировича Чарковского⁷⁹⁸. 25 марта секретной телеграммой военный министр сообщил об этом предложении Н.К. Гирсу с просьбой сообщить И.А. Зиновьеву. Однако вплоть до начала июня решение по новому Заведующему принято не было. В неведении отставалась и кавказская администрация. В мае 1882 г. А.И. Домонтович прибыл из Тегерана в Тифлис и, получив отпуск, отправился в Санкт-Петербург⁷⁹⁹. Судя по всему, ему пока не было известно о том, что его собираются сместить с занимаемой должности, или же он, надеясь на благоприятный исход, уже стал подбирать себе новых инструкторов на вакансии. Об этом свидетельствует письмо хорунжего Кубанского казачьего войска⁸⁰⁰ Денисова

⁷⁹⁵ РГВИА. Ф. 446. Д. 44. Л. 2, 6. Интересно, что шах настаивал именно на сохранении А.И. Домонтовича, а не на другом офицере, как указывал посланник. Это служит лишним доказательством влияния И.А. Зиновьева на судьбу полковника.

⁷⁹⁶ РГВИА. Ф. 446. Д. 44. Л. 6.

⁷⁹⁷ РГВИА. Ф. 446. Д. 44. Л. 9.

⁷⁹⁸ РГВИА. Ф. 446. Д. 44. Л. 9–10.

⁷⁹⁹ Об этом сообщал в зашифрованной телеграмме от 23 мая 1882 г. начальнику Главного штаба П.П. Павлов [РГВИА. Ф. 446. Д. 44. Л. 11].

⁸⁰⁰ В письме и кратком послужном списке он относился к Кубанскому казачьему войску, а в телеграмме И.С. Зиновьеву начальник штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенант ГШ П.П. Павлов именовал его казаком Кавказского казачьего войска. Но дело в том, что Кавказское линейное казачье войско 19 ноября 1860 г. было преобразовано в Терское, кроме двух западных (правых) полков (Хопёрского и Кубанского), которые объединили с Черноморским в Кубанское казачье войско. Видимо, П.П. Павлов, служивший на Кавказе с 1858 г., назвал его так по привычке.

начальнику Главного штаба, в котором он изъявил согласие служить в Персии под руководством полковника⁸⁰¹.

Судя по позднейшим воспоминаниям, сам А.И. Домонтович винил в смещении отсутствие на прежнем посту своего покровителя великого князя Михаила Николаевича, «сердечно относившегося к делу военной миссии в Персии и всегда выказывавшего неограниченное внимание»⁸⁰². Отчасти он был прав. Однако, решение относительно судьбы главы русских инструкторов принималось не в Тифлисе, а в Петербурге. На Кавказе вплоть до начала июня 1882 г. не знали о том, кто будет назначен новым заведующим обучением персидской кавалерии⁸⁰³. Фактически кавказское военное начальство отдало в этом инициативу военному ведомству и Министерству иностранных дел, превратившись в простого исполнителя приказов из столицы империи. В мае 1882 г. в Петербург прибыл И.А. Зиновьев. Ему, видимо, удалось убедить своё начальство в целесообразности замены Заведующего. Поскольку в решении этого вопроса в Главном штабе целиком ориентировались на решение Министерства иностранных дел⁸⁰⁴, то именно мнение посланника в Тегеране стало решающим. Что интересно, в своих воспоминаниях А.И. Домонтович отзывался о И.А. Зиновьеве с уважением⁸⁰⁵. Сложно сказать, было ли это вызвано официальностью публикации, или полковник действительно не знал, какую роль в его судьбе сыграл посланник.

Окончательное решение о замене А.И. Домонтовича П.В. Чарковским было объявлено в докладе по Главному штабу от 4 июня 1882 г. 5 июня 1882 г. о Высочайшем решении Н.Н. Обручевым было сообщено в Тифлис П.П. Павлову⁸⁰⁶. Оно также было доведено до сведения А.И. Домонтовича и шаха. «Когда шах узнал об откомандировании Домонтовича, – писал В.А. Косоговский, – он долго настаивал через русского посланника о возвращении его в Персию, но российская Миссия

⁸⁰¹ РГВИА. Ф. 446. Д. 44. Л. 13. Исходя из воспоминаний есаула Меняева, он также был подобран на должность инструктора А.И. Домонтовичем. Прямо он об этом не говорил, но постоянно подчёркивал, что знал на должности трёх Заведующих. Учитывая, что служил он в ПКБ с 1882 г., то, скорее всего, подобрал его первый Заведующий, а исполнять свои обязанности ему пришлось уже при втором [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. 180 с.].

⁸⁰² Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 2. С. 333.

⁸⁰³ РГВИА. Ф. 446. Д. 44. Л. 11.

⁸⁰⁴ Там же.

⁸⁰⁵ Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 3. С. 577.

⁸⁰⁶ РГВИА. Ф. 446. Д. 44. Л. 19–20.

старалась убедить шаха, что вновь назначенный полковник Чарковский если не лучше, то, во всяком случае, не хуже Домонтовича»⁸⁰⁷.

Как нам представляется, конфликт был вызван двумя причинами. Во-первых, личными амбициями посланника, не желавшего делить с кем-то своё влияние при шахском дворе и определять политику относительно Тегерана. Во-вторых, разным видением будущего ПКБ. Для А.И. Домонтовича это был военно-политический проект, предполагавший подготовку кадров для новой иранской армии, создаваемой под российским контролем и влиянием. Для И.А. Зиновьева же бригада была преимущественно политическим проектом, основной задачей которого было не допустить англичан в качестве инструкторов иранских вооружённых сил, а также вообще не дать усилиться влиянию британских представителей при дворе шаха. Чисто военные аспекты его интересовали мало.

Ситуация с А.И. Домонтовичем показательна в том плане, что она отчасти повторится во второй половине 1890-х гг. и с очередным Заведующим – В.А. Косоговским⁸⁰⁸. Российские дипломатические представители тяжело переносили, когда рядом с ними начинал действовать человек, своей излишней (на их взгляд) активностью оттеснявший их на задний план. Сюда добавлялось также традиционное соперничество между дипломатами и военными во внешней политике, характерное для России той эпохи⁸⁰⁹. Наиболее деятельные из военных

⁸⁰⁷ Косоговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 392.

⁸⁰⁸ В.А. Косоговский имел очень натянутые, если не сказать враждебные отношения с посланником в Тегеране в 1897–1902 гг. Кимоном Эммануиловичем Аргиропуло. В своих дневниковых записях он прямо сравнивал своё положение с положением А.И. Домонтовича [РГВИА. Ф. 76. Д. 217. Л. 227], а его бумаги позволяют определить причины вражды между Заведующим и посланником. Они, действительно, очень характерны и для ситуации 1882 г. Как верно заметила О.А. Красняк «официально посланник обладал большей властью, и инструктор обязан был подчиняться ему, но фактически влияние на шаха оказывал командир казачьей бригады. Разногласия из-за властных полномочий, отсутствие четкого разделения прав и ответственности были причиной взаимной неприязни в обоих случаях» [Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 13–14].

⁸⁰⁹ Следует заметить, что натянутые отношения, иногда перераставшие в открытые конфликты, были нередким явлением между представителями за границей двух ведомств – Министерства иностранных дел и Военного министерства. «Ярким примером тому является миссия России в Токио, в которой посол А.П. Извольский находился буквально на ножах с военным агентом П.С. Ванновским, – писал по этому поводу современный исследователь. – У всех на устах был скандал между военным агентом в Берлине князем Долгоруким (Н.С. Долгоруков – О.Г.) и послом графом Шуваловым (Павел Андреевич Шувалов – О.Г.). Проиграл князь Долгорукий и был вынужден покинуть посольство. В Сеуле произошла дуэль между дипломатом А.И. Павловым и военным агентом фон Раабеном (Л.Р. фон Раабен – О.Г.). Впрочем, причиной дуэли послужили не ведомственные разногласия, а ревность одного из её участников к своей супруге» [Григорьев Б. Н. Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке. М: Молодая гвардия, 2010. С. 487]. В Османской империи проблемы возникали в отношениях между постоянными негласными военными агентами и их сослуживцами по Министерству иностранных дел. «Этот надворный советник, а иногда и коллежский [советник], – вспоминал К.Н. Смирнов о деятельности тайных военных агентов, – носил форму мининдел, должен был подчиняться Генер[альному] консулу, что ещё сходило, когда на месте бывал сам генеральный консул, т.е. статский или действ[ительный] статский советник, по обыкновению военный агент ссорился с консулом, а уж если в управление консульством вступал первый секретарь, который по штату мининдела бывал титулярным советником, то дело совсем уже осложнялось» [Смирнов К.Н. «Интеллидженс» Кавказского фронта в период 1878–

зачастую предлагали активно продвигать интересы империи Романовых (как они их понимали) по всему миру, далеко не всегда обращая внимание на дипломатические расчёты представителей Министерства иностранных дел и международное положение империи. Таким образом они нарушали «внешнеполитическую иерархию», беря на себя функции, находившиеся в парафии дипломатов. В то же время незнание зачастую (в силу зависимого положения) реальных видов правительства на те, или иные вопросы, касающиеся Персии, вкупе с искренним желанием усилить авторитет и могущество России приводили к излишне эмоциональным (как в случае с В.А. Косоховским) и резким, даже несправедливым оценкам. В свою очередь, у многих дипломатов по отношению к военным коллегам присутствовал некий снобизм, обусловленный пониманием своего статуса как единственных полномочных представителей России и вершителей её внешней политики. Это также иногда создавало определённую напряжённость в отношениях между представителями двух ведомств.

Для И.А. Зиновьева ПКБ представляла собой политический проект, имевший целью не допустить в персидскую армию британских инструкторов и вообще ограничить английское влияние на шаха. В этом смысле задача русской военной миссии должна была сводиться к внешнему обучению «казаков» так, чтобы их подготовкой оставался доволен персидский правитель. Полноценное обучение военному делу не предполагалось (в этом российские дипломаты были солидарны со многими военными деятелями империи). Соответственно и роль русских инструкторов должна была быть подчинённой, пассивной и сводиться к простому обучению азам военной подготовки на европейский манер. И.А. Домонтович, в силу

1918 годов // Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С.199]. Так, например, офицер ГШ Александр Васильевич Бензенгр был назначен негласным агентом в Багдад (формально он был вице-консулом в Мосуле, но не жил в Багдаде, т.к. этот город был центром VI корпусного округа). «Но, – как писал К.Н. Смирнов, – всё дело испортил его несколько заносчивый характер. Он поссорился с генеральным консулом и его пришлось отозвать ранее, чем он успел что-либо большое сделать» [Там же. С. 239]. Пятый командир ПКБ В.А. Косоховский также находился в постоянно конфликтных отношениях с К.М. Аргиропуло, что в итоге привело к отзыву обоих. То же произошло и с его сменщиком Фёдором Григорьевичем Чернозубовым [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 109]. Интересно, что в разграничительной комиссии между Ираном и Турцией, действовавшей с 1913 г. русские военный и дипломатический представители – полковник ГШ Дмитрий Иванович Андриевский и Владимир Фёдорович Минорский – также перессорились между собой настолько, что даже по прошествии лет в отдельных встречах с К.Н. Смирновым отзывались друг о друге одинаково грубо [Смирнов К.Н. «Интеллидженс» Кавказского фронта в период 1878–1918 годов // Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 250–251].

незнания внешнеполитических планов, в которые посланник его не посвящал, рассматривал ПКБ с профессиональной точки зрения, как военно-политический проект. В своём донесении И.А. Зиновьев был отчасти прав. Военный атташе – это уже не наёмный инструктор, а официальный представитель государства. Если бы реформирование даже части иранской армии возглавило лицо с официальными полномочиями от России с дипломатической точки зрения это могло бы вызвать осложнения. Англичане согли бы потребовать на паритетной основе создать в иранской армии должность и для собственного военного представителя. Кроме того, такое положение могло дать повод британской стороне обоснованно обвинять русских, что они хотят превратить Иран и его армию в своих сателлитов.

В случае с А.И. Домонтовичем, как нам представляется, важную роль также сыграл личностный фактор. Успехи офицера подняли его авторитет в глазах шаха. «Домонтович стал ведущим участником правящего круга», – верно отметил Ф. Казем-заде⁸¹⁰. Это не могло не задеть И.А. Зиновьева. «Реформист, жаждущий повышения в должности, он честолюбив, любит дворцовые церемонии. Но хорошо знает своё дело. С ним трудно иметь личные отношения», – характеризовал его российский дипломат М.А. Хитрово, отмечая также излишнюю гордость посланника⁸¹¹. «У нашего Зиновьева страсть к власти, – писал о нём в 1889 г. хорошо знавший уже к тому времени бывшего посланника в Тегеране В.Н. Ламсдорф, – он стремится сосредоточить её как можно больше в своих руках и вмешиваться во всё»⁸¹². Расширение полномочий, которого просил полковник уже с октября 1879 г.⁸¹³, и авторитет, который он завоевал в глазах Насреддин-шаха⁸¹⁴, видимо, оказали решающее влияние на поведение А.И. Зиновьева в вопросе о продлении контракта с Заведующим. Ссора между жёнами, на которую ссылаются

⁸¹⁰ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 139.

⁸¹¹ Чомак Ихсан. Турция и Россия на рубеже XIX–XX вв. и дипломатическая деятельность посла России в Константинополе И.А. Зиновьева: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 95.

⁸¹² Ламсдорф В.Н. Дневник 1886–1890. М.: Централрхив, 1926. С. 123.

⁸¹³ Докладная записка о состоянии дел в казачьей бригаде 24 октября 1879 года // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 131.

⁸¹⁴ Так, получив известие о гибели Александра II, шах «послал немедленно за русскими инструкторами», а не за дипломатами, «и объявил им со слезами на глазах, что он потерял лучшего друга» [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 63]. К слову, Насреддин-шах дважды обращался к российскому правительству с просьбой разрешить А.И. Домонтовичу возглавлять ПКБ – в 1882 и 1885 гг.

В.А. Косооговский, а вслед за ним Ф. Казем-заде, скорее всего, являлась следствием напряжённых отношений между мужчинами (или одного к другому) и, одновременно, стала катализатором окончательного разрыва. Учитывая практику работы российских представителей в Персии во второй половине XIX в., особенности межведомственных отношений внутри империи, основанных на личных связях, интригах и т. п., в поведении И.А. Зиновьева и в окончательном решении по А.И. Домонтовичу не было ничего необычного. К тому же посланник умело обратил внимание военного начальства полковника на те моменты его деятельности, которые оно явно не одобрило бы. Можно полностью согласиться с мнением начальника Закаспийской области генерал-лейтенанта ГШ Алексея Николаевича Куропаткина, воспроизведённым современным исследователем Н. Тер-Огановым, о том, что «военно-политические круги в России не были тогда заинтересованы в создании эффективной военной силы в Иране»⁸¹⁵. Действительно, до середины 1890-х гг. российские дипломаты, как и военные, не считали необходимым создание в Каджарской монархии боеспособной армии. Тем более, что с 1870-х в русско-персидских отношениях обострился раздражающий фактор в виде «туркменского вопроса». Он периодически то активизировался, то затухал (прежде всего, в связи с продвижением России в Центральной Азии)⁸¹⁶. Да и сам А.И. Домонтович в своих донесениях не ратовал за создание сильной армии. Когда Насреддин-шах осенью 1879 г. сформировать комиссию для реформы армии и предложил российскому офицеру составить докладную записку, последний исполнил поручение. Однако российскому начальству он рапортовал об этом исходя не из знания политических видов правительства, а из профессионального подхода. Составив проект реорганизации вооружённых сил, он резюмировал, что «иметь такое устройство Персии, конечно, опасно для России, но, с другой стороны, она не будет представлять этапной дороги, весьма удобной для беспрепятственного перехода ... английских войск». Тем не менее, тут же отмечал, что «это вопрос

⁸¹⁵ Красняк О.А. Русская военная миссия в Иране (1879–1917 гг.) как инструмент внешнеполитического влияния России. С. 3 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Krasniak.pdf; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада: период трансформации (1894–1903 гг.) // Восток. 2010. № 3. С. 70.

⁸¹⁶ Детальнее см.: Абдуллаев Ю.Н. Астрабад и русско-иранские отношения (вторая половина XIX – начало XX в.). Ташкент: Фан, 1975. 132 с.; Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб.: Тип. В.С. Балашёва, 1883–1884. Т. 1–4; Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. 156 с.

дипломатический и меня не касающийся»⁸¹⁷. Проблема заключалась в том, что полковник вынужден был «разрываться» между двумя сторонами. С одной стороны, он находился на службе шаха и, как квалифицированный военный, чётко исполнял в меру способностей свои функции. С другой же стороны, он, при их исполнении, всюду и постоянно зависел от российского дипломатического представителя. Последний должен был координировать деятельность Заведующего исходя из инструкций Министерства иностранных дел России. В такой ситуации, особенно при неопределённости для А.И. Домонтовича его роли и функций, между ним и И.А. Зиновьевым не могло не возникнуть конфликта. Один действовал, исходя из профессиональных соображений. Они могли не всегда совпадать с мнением дипломата и Министерства иностранных дел, которых он не знал и узнавал о них только от посланника. К тому же, что формально А.И. Домонтович по воле шаха вынужден был заниматься тем, чего делать без санкции Санкт-Петербурга права не имел, например, вопросами реформирования всей армии, участием в государственных совещаниях при шахе. В свою очередь, излишнее рвение и профессионализм А.И. Домонтовича могли восприниматься И.А. Зиновьевым как стремление сделать карьеру и умалить его роль при персидском дворе. Мнение Н.К. Тер-Оганова, что «Домонтович добивался статуса официального военного агента для того, чтобы впредь не зависеть от русской дипломатической Миссии в Тегеране, то есть не подчиняться требованиям российского посланника»⁸¹⁸, нуждается в корректировке. Полковник действительно стремился к этой должности, чтобы отчасти развязать себе руки. С 1863 г. официальные военные агенты были выведены из-под контроля Министерства иностранных дел и подчинены военному ведомству⁸¹⁹. Но согласно инструкции военным агентам (или лицам, их заменяющим) от 18 декабря 1880 г., лица, занимавшие эти должности при Миссиях, в вопросах политического характера должны были руководствоваться инструкциями посланника. Тем не менее, в случае перехода на должность официального военного агента, А.И. Домонтович получил как бы «автономию» от посланника, поскольку в

⁸¹⁷ [Домонтович на аудиенции у шаха, где тот говорит о недостатках в армии и изъявляет желание реорганизовать её, 1 октября 1879 г.] // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 128.

⁸¹⁸ Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 113.

⁸¹⁹ Алексеев А. Лексика русской разведки. М.: Международные отношения, 1996. С. 46.

вопросах военного характера должен был зависеть даже не от Тифлиса, а непосредственно от Петербурга, от Главного штаба. Это, естественно, подняло бы его статус и несколько «развязало руки» в принятии решений и их реализации.

Во многом конфликт был результатом несогласованности в целях и действиях военного и дипломатического ведомств России относительно Ирана. В частности, А.И. Домонтович не получал от военного начальства чётких целевых инструкций относительно своей военной деятельности. Сюда следует добавить снобизм дипломатов по отношению к военным, которых они (впрочем, вполне обоснованно) стремились во всём контролировать. Таким образом, в 1882 г. вопрос стоял не о формировании новых вооружённых сил, а о личных амбициях двух людей и о разном понимании ими своего места во внешней политике России в Иране.

ГЛАВА 3

РАЗВИТИЕ ПКБ ПРИ П.В. ЧАРКОВСКОМ (1882–1885 ГГ.)

3.1. Изменения в высшем руководстве России в начале 1880-х гг. и их влияние на внешнюю политику империи относительно Ирана

Переходя к рассмотрению истории ПКБ после А.И. Домонтовича, следует немного остановиться на изменениях внутривластного характера, происшедших в России и обусловивших в дальнейшем русско-иранские отношения почти на целое десятилетие. 1 марта 1881 г. после удачного покушения на его жизнь умер царь Александр II⁸²⁰. Престол наследовал его сын, вступивший на него под именем Александра III (короновался 15 мая 1883 г.)⁸²¹.

«Александр III был воплощением посредственности, – характеризовал его А.З. Манфред. – Он ни к чему не стремился, у него не было сильных желаний; он не привык ни к раздумьям, ни к умственному труду вообще. То, что ему успел внушить в своё время Победоносцев⁸²², руководивший его воспитанием, ему казалось

⁸²⁰ Ляшенко Л.М. Александр II, или История трех одиночеств. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 288–331.

⁸²¹ Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Издательство Пушкинского Фонда, 2001. 418 с.; Барковец О., Крылов-Толстикевич А. Неизвестный император Александр III. М.: Рипол Классик, 2003. 320 с.; Боханов А.Н. Император Александр III. М. Русское слово. 1998. 512 с.; Дронов И. Е. Сильный, Державный...: Жизнь и царствование Императора Александра III. М.: Русский издательский центр, 2012. 752 с.; Император Александр III. СПб.: Тип. князя В.П. Мещерского, 1894 [1895]. 634 с.; Михайлов О.Н. Александр III. Забытый император СПб.: Армада, 1996. 457 с.; Родина. 2015. № 2; Троицкий Н. А. «На земле стоит комод...». Александр III: время, правление, личность // Свободная мысль. 2000. № 5. С. 88–98; Толмачёв Е.П. Александр III и его время. М.: Терра – Книжный клуб, 2007. 720 с.; Чернуха В. Г. Александр III // Вопросы истории. 1992. № 11/12. С. 46–63; Чулков Г.И.. Императоры: Психологические портреты / Вступ. ст. и коммент. В. Баскакова. М.: Худож. лит., 1993. 382 с.

⁸²² Константин Петрович Победоносцев был обер-прокурором святейшего Синода – органа управления Русской православной церковью и высшего государственного органа церковно-административной власти, а также и воспитателем будущего Александра III [См. о нём: Byrnes R.F. Pobedonostsev. His life and Thought. Bloomington, Indiana University Press, 1968. 495 p.; К.П. Победоносцев: pro et contra. Личность, общественно-политическая

жизненными правилами, и он, наверное, имел точные представления о том, что плохо и хорошо ... За всем тем, он был спокойным, уравновешенным человеком – без страстей, без увлечений. Сохранившиеся дневники и записи ... рисуют среднего, ординарного, даже будничного человека с небогатым запасом слов и, может быть, ещё более скудным набором идей и «правил». Но в вопросы руководства внешней политикой, – по долгу службы – он считал себя обязанным особо тщательно вникать»⁸²³. Хорошим дополнением этому образу служит краткая, но ёмкая характеристика, данная авторами «Истории внешней политики России». «Новый император – Александр III, – писала автор очерка В.А. Хевролина, – был человеком ограниченным, но натурой цельной и сильной, имел собственные взгляды, которые стремился отстаивать. Мировоззрение его целиком соответствовало известной уваровской формуле⁸²⁴ – «православие, самодержавие, народность», принципы которой он по возможности старался внедрить в действительность 80–90-х годов»⁸²⁵. В целом в указанных цитатах хорошо отражены все особенности личности императора Александра III – при некоторой ограниченности, он был цельной

деятельность и мировоззрение Константина Победоносцева в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб.: Изд-во РХГИ, 1996. 576 с.; Попов Е.А. Взгляды К. П. Победоносцева на государственное устройство России // Записки исторического факультета Одесского державного университета им. И. И. Мечникова. Одеса, 1999. Вып. 10. С. 244–248; Полунов А.Ю. Константин Петрович Победоносцев: веки политической биографии. М.: МАКС-Пресс, 2010. 177 с.; Тимошина Е.В. Политико-правовая идеология русского пореформенного консерватизма: К.П. Победоносцев. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 204 с.; Шафеев А.Р. Политические взгляды К. П. Победоносцева на проблемы взаимоотношения между обществом и государством // Теория и практика общественного развития. 2011. № 2. С. 85–90].

⁸²³ Манфред А.З. Образование русско-французского союза. М.: Наука, 1975. С. 312.

⁸²⁴ Сергей Семёнович Уваров – русский антиковед и государственный деятель, министр народного просвещения в 1833–1849 гг. Член Российской академии (1831), почётный член (1811) и президент (1818–1855) Петербургской академии наук. Наиболее известен как разработчик идеологии официальной народности. Согласно этой теории, русский народ глубоко религиозен и предан престолу, а православная вера и самодержавие составляют неперемennые условия существования России. Народность же понималась как необходимость придерживаться собственных традиций и отвергать иностранное влияние [Виттекер Ц.Х. Граф С.С.Уваров и его время. СПб.: Академический проект. 1999. 350 с.; Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // РОССИЯ / RUSSIA. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. М.: ОГИ, 1999. С. 233–244; Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова императору Николаю I. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krotov.info/acts/19/1830/1833119.html>; Фролов Э.Д. Граф Сергей Семенович Уваров и академический классицизм. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/frolov/frol03f.htm>].

⁸²⁵ История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М.: Международные отношения, 1999. С. 18.

личностью, со вполне оформившимися стройными взглядами на мир и своё место в нём⁸²⁶.

Новый император изначально был настроен на то, что внешняя политика является исключительно его прерогативой. «Его заветной мечтой было вернуть России прежнее значение первенствующей державы в Европе», – отмечала В.А. Хевролина⁸²⁷. Внешнюю политику он считал исключительно своей «вотчиной». «Царь был ... собственным министром иностранных дел, – писало одно из датских изданий, – ... Император, обыкновенно обращавший мало внимания на внешнюю сторону дела, относительно иностранной политики пожелал, чтобы весь мир знал о том, что делами внешней политики он сам заведует»⁸²⁸. Однако, не смотря на такое желание, самодержец не мог самостоятельно охватить и выполнять все функции, связанные с внешними связями. Поэтому ему нужен был умелый исполнительный министр иностранных дел. До 1882 г. этот пост занимал Александр Михайлович Горчаков. Однако уже в конце 1870-х гг. его возможность исполнять свои обязанности в силу старости и болезней вызывала сомнения⁸²⁹. Поэтому уже с 18 мая 1880 г. временно управляющим Министерством иностранных дел был назначен товарищ министра – Николай Карлович Гирс. Александр III, видимо, нашёл его кандидатуру полностью подходящей для роли своего помощника. 28 марта 1882 г. Н.К. Гирс был утверждён министром иностранных дел (пробыл на должности до 14 января 1895 г.). Новый управитель внешнеполитического ведомства имел свои взгляды на вверенное ему дело, однако оставался прекрасным подчинённым⁸³⁰. Как показала дальнейшая практика, фактически он стал

⁸²⁶ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. М.: ОГИ (Объединенное Гуманитарное Издательство), 2004. С. 225–418.

⁸²⁷ Там же. С. 20.

⁸²⁸ Император Александр III. Сборник материалов. СПб.: Тип. князя В.П.Мещерского, 1894. С. 498.

⁸²⁹ Лопатников В.А. Пьедестал: время и служение канцлера Горчакова. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 324.

⁸³⁰ О его деятельности см.: Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002: В 3 т. Т. 3: Биографии министров иностранных дел. 1802–2002. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 135–155. Следует отметить, что в указанной работе роль Александра III как «решающего фактора» в определении внешней политики империи показана очень слабо.

секретарём императора по вопросам внешних сношений⁸³¹, «товарищем министра», функции которого выполнял правитель. Возможно, называть его слепым исполнителем воли монарха⁸³² и не совсем корректно. Н.К. Гирс был исполнителем, аккуратен и осторожен, а Александр III понимал, что стране необходим мир для укрепления экономики и восстановления военного потенциала. Поэтому он нередко прислушивался к советам своего министра, стремившегося избегать конфликтов и осложнений⁸³³.

Принятие внешнеполитических решений в царствование Александра III было строго централизовано. Фактически вся пирамида чиновников завершалась царём. При этом во все перипетии отношений России с внешним миром в течение царствования было посвящено только три человека – сам император, его министр иностранных дел и директор канцелярии министерства. В 1882–1896 гг. последнюю должность занимал Владимир Николаевич Ламсдорф⁸³⁴. Такая централизация отчасти помогала, но и одновременно вредила делу. Подчинённые фактически были лишены инициативы. Характерен случай января 1894 г., когда в связи с болезнью императора замерла вся деятельность внешнеполитического ведомства. Н.К. Гирс, сам у же к тому времени больной и «изношенный» человек, сильно нервничал из-за того, что вся международная корреспонденция остаётся без царского ответа и резолюций, а сам он без указаний Александра III действовать не решался⁸³⁵. Зато, как только министр получил аудиенцию с указаниями, он совершенно изменился. «Я нахожу своего милого старикана министра (Н.К. Гирса – О.Г.) в совершенно изменившемся состоянии; он спокоен и бодр», – записал в своём дневнике 25 января 1894 г. В.Н. Ламсдорф⁸³⁶.

⁸³¹ С.Ю. Витте в своих воспоминаниях называл его «секретарём по иностранным делам» [Витте С.Ю. Воспоминания. Детство. Царствование Александра II и Александра III (1849–1894). С. 297 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/w/witte_s_j/text_0010.shtml].

⁸³² Император Александр III. Сборник материалов. СПб.: Тип. князя В.П.Мещерского, 1894. С. 498.

⁸³³ Российская дипломатия в портретах. М.: Международные отношения, 1992. С. 260.

⁸³⁴ Ламсдорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М.: Международные отношения, 1991. С. 13.

⁸³⁵ Там же. С.26–29.

⁸³⁶ Там же. С. 31.

Функции Н.К. Гирса хорошо подчёркивает случай с Михаилом Никифоровичем Катковым – публицистом правых взглядов, редактором газеты «Русские ведомости». В 1886–1887 гг. он развернул кампанию критики внешней политики, которую, по его мнению, проводил Н.К. Гирс⁸³⁷. «Статьи Каткова по вопросам международной политики были проникнуты безграничным презрением к нашему Министерству иностранных дел, – вспоминал Е.М. Феоктистов, – ... кто же не понимал, что жалкий Гирс был не более как исполнитель? И он, и ближайшие его сотрудники говорили во всеуслышание кому угодно, что руководителем нашей внешней политики является исключительно сам государь, и этому можно было верить»⁸³⁸. Фактически, критикуя политику министра иностранных дел М.Н. Катков критиковал Александра III, чего он не мог не понимать. Эта критика вызвала раздражение императора и встречу его с публицистом. Тем не менее, после неё каждый остался при своём мнении. «Я знаю, – говорил царь на мартовской 1887 г. встрече М.Н. Каткову, – ... что его (Н.К. Гирса – О.Г.) считают иностранцем; это очень удручает его, и уж как усердно старается он выставить себя русским! При теперешних обстоятельствах он для меня как нельзя более пригоден. Если бы война когда-нибудь возгорелась, что я считаю великим бедствием, то это будет война продолжительная, беспощадная; было бы безумно отважиться на неё, не подготовившись как нужно; поневоле надо медлить, стараться выиграть время, не надо зарываться, а Гирс такой человек, что не зарвется; осторожность – драгоценное в нём качество»⁸³⁹. Как верно отметил советский историк А.З. Манфред, «и министр Николай Карлович Гирс, и граф Владимир Николаевич Ламсдорф, занимавший в ту пору сравнительно скромный поста начальника канцелярии министра, а на деле игравший едва ли не главную роль в министерстве, оба были службистами, чиновниками, покорными воле монарха, перед которым они трепетали»⁸⁴⁰.

⁸³⁷ О взглядах и деятельности М.Н. Каткова: Хевролина В.М. Власть и общество. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1878–1894 гг. Москва: Институт российской истории РАН, 1999. С. 12–57.

⁸³⁸ Феоктистов Е.М. Воспоминания За кулисами политики и литературы 1848 – 1896. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/feoktistov/feoktistov_za_kulisami_politiki_i_literatury.html.

⁸³⁹ Там же.

⁸⁴⁰ Манфред А.З. Образование русско-французского союза. М.: Наука, 1975. С. 313.

Внешнеполитические приоритеты Александра III вплоть до конца 1880-х гг. были сосредоточены на европейских делах, Ближнем Востоке и Центральной Азии, причём главенствующими были первые два направления. Личное кредо во внешней политике Александр III изложил 25 апреля 1881 г. в резолюции на донесении русского посла в Берлине П.А. Сабурова: «Я понимаю одну политику: извлекать из всего всё, что нужно и полезно для России, и меньше женироваться для извлечения этой пользы, а действовать прямо и решительно. Никакой другой политики не может быть у нас, как чисто русская, национальная; никакой другой политики быть не может и не должно»⁸⁴¹. Как отмечал российский исследователь А.В. Игнатъев, «Александр III порвал с “романтическими” иллюзиями своих предшественников и решительно выдвинул на первый план национальные интересы России, как он их понимал. Царь-“миротворец” предпочитал избегать военных конфликтов в Европе, могущих стимулировать “беспорядки” в его империи». Войну он считал «крайним средством, применимым в благоприятной ситуации для достижения действительно национальной цели. Такой целью царь считал овладение Константинополем и Черноморскими проливами»⁸⁴². Эти взгляды Александр III довольно последовательно и проводил в жизнь. Прямой, по-рыцарски благородный, уверенный в себе монарх сочетал в своих взглядах прагматизм с идеализмом и излишней прямолинейностью в международных вопросах. Его задевала неблагодарность болгар, возмущало двуличие шаха, но при этом, Александр III старался жёстко отстаивать интересы своего государства, своего владения, как сильный, уверенный в своих силах человек, который никогда не ударит первым, но всегда готов дать отпор агрессору. Результатом его внешней политики стало, с одной стороны, заслуженное уважение и прозвище «Миротворец», новые приобретения в Азии, но, с другой стороны, провал русской политики в Болгарии, Персии (по крайней мере, до начала 1890-х гг.), обострение отношений с Германией и Великобританией. Император главное внимание обращал на международные отношения в Европе и ближневосточном регионе. Что же касается южных окраин империи, то здесь в определении внешнеполитического курса большую роль играли

⁸⁴¹ Айрапетов О. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М.: Европа, 2006. С. 361.

⁸⁴² Игнатъев А.В. Последний царь и внешняя политика // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 5.

те, кто не понаслышке знаком с ситуацией. Окончательные решения принимал Александр III ⁸⁴³, однако выработка их и реализация зависела от дипломатов и военных, близко знакомых с регионом. Широко стал практиковаться созыв Особых совещаний по различным международным вопросам в Азии с участием заинтересованных министров, военных и чиновников. «На Азию, расширению влияния в которой Александр III придавал большое значение, – справедливо отмечал А.В. Игнатъев, – его осторожность распространялась лишь отчасти; здесь желательно было не вступать в конфликты с другими великими державами, с собственно же азиатскими народами можно было особенно не церемониться» ⁸⁴⁴. Непосредственно делами Востока в Министерстве иностранных дел ведал Азиатский департамент. Личный же взгляд царя на политику России в Иране определялся вполне чётко. Он считал, что Персия должна полностью перейти под контроль России. Поэтому необходимо добиваться этого всеми мирными путями, блокируя любые попытки Англии ограничить русское влияние. Характерные заметки, иллюстрирующие взгляд Александра III на российскую политику в Иране, приводил в своих дневниковых записях В.Н. Ламсдорф. «Но самым любопытным документом среди бумаг, возвращённых сегодня утром государем, – писал он 14 декабря 1891 г., – является вырезка из появившейся недавно газетки, называющейся “Русская жизнь”. Эта вырезка, переданная государю, вероятно, ведомством по делам печати Министерства внутренних дел, положена сверху; на ней государь написал: *“Эта статья так хороша, что можно было бы прямо дать её как инструкцию посланнику нашему в Тегеране. Именно этими соображениями я желал бы, чтобы руководствовался Азиатский департамент”*» В самой статье было обращено внимание на следующее: “Наши представители в Персии должны зорко наблюдать за всеми подкупами, ведущимися во вред России, противопоставляя этим последним не подкуп безличных и корыстных министров шаха, а свое “veto”, которое одно без всякого золота, если будет поддержано твёрдо авторитетом России, достаточно для того, чтобы парализовать козни врагов”. И дальше: “Им (представителям России) поэтому и надо держать “честно и грозно” русское знамя на Востоке, не давая ослабеть тому престижу России, который создан ценой права, а

⁸⁴³ На большинстве документов, касавшихся Ирана, имелись пометки императора.

⁸⁴⁴ Игнатъев А.В. Последний царь и внешняя политика // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 5.

не подкупом и тайной интригой”. (Пометы императора: “*да*” и “*совершенно верно*”»)»⁸⁴⁵. 17 декабря 1891 г. В.Н. Ламсдорф привёл помету царя наиз Тегерана: «*При этом нам не надо оставаться простыми зрителями, а стараться добиться первенствующего влияния в Персии*»⁸⁴⁶.

Политику относительно Ирана долгое время курировал И.А. Зиновьев. 25 февраля 1883 г. он был заменён на должности посланника в Тегеране Александром Александровичем Мельниковым и назначен директором Азиатского департамента. С этого времени, вплоть до 1891 г. в руках И.А. Зиновьева находилась внешняя политика империи Романовых в Азии. «С 1883 по 1891 г., – писал он в одной из своих работ, – я занимал должность начальника Азиатского департамента, и потому наши сношения с Персией находились в моём ведении»⁸⁴⁷. Как свидетельствуют дневники В.Н. Ламсдорфа⁸⁴⁸, большая часть инициатив России здесь исходила от него. Он же, несмотря на критику со стороны министра и некоторых царедворцев, был наиболее компетентным человеком в персидских делах⁸⁴⁹. И.А. Зиновьев стал своего рода «связующим звеном» между императором и азиатским внешнеполитическим курсом. Не удивительно, что именно он по поручению Александра III входил в состав Особых совещаний по среднеазиатским делам, вёл переговоры с английским комиссаром в 1887 г. и подписал протокол, определявший северо-западную границу Афганистана. Он же старался внушить и реализовать свой проект относительно будущего Персии – страны, с которой его связывало почти семилетнее пребывание там. Суть его сводилась к возможно большему укреплению влияния России на шаха в противовес Англии. В.Н. Ламсдорф именовал её

⁸⁴⁵ Ламсдорф В.Н. Дневник В. Н. Ламсдорфа (1886–1890). М. – Л. Государственное издательство, 1926. С. 366–367. Сам В.Н. Ламсдорф не разделял взглядов изложенных в статье, но И.А. Зиновьев был с ними солидарен.

⁸⁴⁶ Ламсдорф В.Н. Дневник. 1891–1892. Москва – Л.: Academia, 1934. С. 215.

⁸⁴⁷ Зиновьев И.А. Россия и Англия в Персии. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1912. С. 6.

⁸⁴⁸ Дневник В.Н. Ламсдорфа (1886–1890). – М.–Л.: Гос. изд-во, 1926.

⁸⁴⁹ Справедливости ради следует заметить, что Н.К. Гирс также был некоторое время связан с Ираном: с 1863 по 1869 гг. он был посланником при шахе. Именно поэтому, имея собственные воззрения на политику здесь, он далеко не всегда соглашался с И.А. Зиновьевым. Хотя негативное отношение это объяснялось и тем, что министр видел в И.А. Зиновьеве человека, претендовавшего на его место. Тот же, в свою очередь, высказывал желание быть товарищем министра иностранных дел и был разочарован, когда на этот пост назначили другое лицо.

«системой Зиновьева», сводившейся к устрашению и постоянным отказам⁸⁵⁰.

«Непосредственно соприкасаясь с Персией на пространстве от горы Арарата до реки Теджена (Герируд – О.Г.), – писал И.А. Зиновьев в секретной записке от 25 августа 1906 г., – Россия уже в силу этого обстоятельства призвана играть первенствующую роль в стране этой»⁸⁵¹. Хотя написано это было более чем через 20 лет, но точно отражало взгляды И.А. Зиновьева в годы пребывания на посту директора Азиатского департамента.

Наконец, в Тегеране с 25 февраля 1883 г. по 22 октября 1886 г. чрезвычайным посланником и полномочным министром при Персидском дворе бывшим вице-директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел был действительный статский советник Александр Александрович Мельников. «Высокого роста господин седой, с очень симпатичными чертами лица», – характеризовал его познакомившийся с посланником в 1885 г. русский путешественник⁸⁵². «На этом посту Мельников успешно выполнял все возложенные на него министерством поручения. Его стараниями было исполнено согласно с русскими политическими интересами отграничение нашей Закаспийской области от Персии, удачно подготовлено и вызвано мирное приобретение Мерва и Старого Серакса и прекращены ежегодные перекочёвки персидских подданных на территорию России. В 1884 году произведён за отличие в тайные советники», – писало о нём официальное издание⁸⁵³. Нужно заметить, что смена И.А. Зиновьеву была подобрана достойная. А.А. Мельников по окончании курса в Санкт-Петербургском университете по факультету восточных языков с золотой медалью за диссертацию по арабской словесности, поступил в число слушателей учебного отделения восточных языков, при Министерстве иностранных дел и по окончании курса 5 сентября 1854 г. вступил в службу при русской миссии в Персии. В 1857 г. был назначен младшим секретарем при Миссии. Здесь он основательно изучил персидский язык, и в 1860 г. был причислен к Министерству иностранных дел, с прикомандированием для занятия к Азиатскому департаменту. С этого времени он

⁸⁵⁰ Дневник В.Н. Ламсдорфа (1886–1890). М.–Л.: Гос. изд-во, 1926. С. 90.

⁸⁵¹ К истории англо-русского соглашения 1907 г. // Красный архив. 1935. Т. 2/3 (69/70). С. 11.

⁸⁵² Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 19.

⁸⁵³ Альманах современных русских государственных деятелей. СПб: Тип. Исидора Гольдберга, 1897. С. 309–310.

служил в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, дослужившись до вице-директора и действительного статского советника. К. Скальковский указывал, что А.А. Мельников не был слишком энергичен на этом посту посланника при шахском дворе⁸⁵⁴. С этим можно согласиться лишь отчасти, поскольку в действительности политику относительно Ирана в этот период курировал и направлял директор Азиатского департамента министерства иностранных дел И.А. Зиновьев. Однако на месте её всё же проводил А.А. Мельников, причём делал это довольно успешно, учитывая сложности с русско-персидским разграничением. «В известных случаях ... наш посланник при шахе заставляет тегеранское правительство исполнять известные наши требования по отношению к этим отдалённым окраинам», – писал русский комиссар по разграничению Н.Д. Кузьмин-Караваев о деятельности А.А. Мельникова относительно соблюдения персидской стороной положений конвенции 1881 г. в 1884–1886 гг.⁸⁵⁵. К слову, в отличие от своих сменщиков А.А. Мельников знал и персидский язык, и нравы страны, в которой находился на дипломатической должности, что помогало ему в работе. Кроме того, судя по воспоминаниям русского путешественника Е.М. Белозерского, посланнику удалось сформировать в Миссии хороший психологический микроклимат. «Посланник и вообще члены посольства живут очень хорошо и мирно, за что в дипломатическом мире наша Миссия в Тегеране не без основания зовётся “дипломатическим оазисом”, ибо во всех других посольствах и консульствах (имеются в виду российские представительства в других странах – О.Г.) не оберёшься всяческих интриг и самой непонятной вражды друг к другу, что обыкновенно рекомендует нас иностранцами с самой непривлекательной стороны»⁸⁵⁶.

Смена произошла и в руководстве, от которого непосредственно зависел Заведующий персидской кавалерией. С 22 мая 1881 г. управляющим Военным

⁸⁵⁴ Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1897. С. 412.

⁸⁵⁵ Кузьмин-Караваев. Записка генерального штаба полковника Кузьмина-Караваева о введении русского управления в Атеке // СМА. 1886. Вып. 21. С. 128.

⁸⁵⁶ Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 20. Правда, следует отметить, что Е.М. Белозерский был в Тегеране слишком недолго и не проникся внутренней жизнью русских дипломатов, чтобы делать такие глубокие выводы. Да и вообще в его работе слишком идеалистично представлены российские государственные предствители и высшие персидские сановники, с которыми он встречался. Тем не менее, общую тенденцию в жизни русской Миссии при А.А. Мельникове он выделил верно.

министерством, а с 1 января 1882 г. военным министром был назначен генерал-лейтенант Пётр Семёнович Ванновский⁸⁵⁷. Он получил образование получил в 1-м московском кадетском корпусе, из унтер-офицеров которого в 1840 г. поступил прапорщиком в лейб-гвардии Финляндский полк. Принимал участие в Венгерском походе 1849 г., в Крымской войне 1853–1856 гг. на европейском театре. В 1857 г. был назначен начальником Офицерской стрелковой школы, в 1861 г. – директором Павловского кадетского корпуса (с 1863г. – Павловское военное училище). С 1868 г. командовал пехотной дивизией, затем – 12-м армейским корпусом. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был начальником штаба Руцукского отряда, а затем его командиром. В 1880 г. П.С. Ванновский был зачислен в офицеры ГШ без окончания Николаевской академии ГШ. Своим назначением на пост военного министра он был обязан тому, что во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был начальником в отряде, где находился тогда ещё цесаревич, будущий Александр III⁸⁵⁸. Новый военный министр имел репутацию человека сурового, умеющего наводить порядок и поддерживать дисциплину, но при этом справедливого начальника⁸⁵⁹. Он имел значительный опыт строевой службы, поэтому хорошим дополнением главе военного ведомства стал новый начальник Главного штаба – генерал-лейтенант ГШ и генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев. В отличие от П.С. Ванновского, он большую часть своей карьеры занимался работой офицера ГШ и был великолепным штабным работником. Н.Н. Обручев в в 1837 г. поступил в Александровский кадетский корпус для малолетних в Царском Селе, затем он окончил 1-й кадетский корпус и в 1848 г. был назначен прапорщиком в лейб-гвардии Измайловский полк. В 1849 г. принимал участие в Венгерском походе, но в боевых действиях не участвовал. В 1850 г. началась его исследовательская карьера – вышла первая научная работа «Опыт истории военной литературы в России», которая получила «Высочайшее благоволение». В 1851–1854 гг.

⁸⁵⁷ Альманах современных русских государственных деятелей. СПб: Тип. Исидора Гольдберга, 1897. С. 73–75; Кочуков С.А. П. С. Ванновский военный министр России, 1881–1898 гг. Дисс. ... кандид. ист. наук. Саратов, 2003. 241 с.; Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 3. Отд. 6. Затворницкий Н.М. Военные министры и главноуправляющие военною частью в России с 1701 по 1910 год. СПб.: Тип. Поставщиков его императорского величества товарищества М.О. Вольф, 1911. С. 262–279. О его управлении Военным министерством см.: **Меннинг Б.У.** Пуля и штык. Армия Российской империи, 1861–1914. М.: Модест Колеров, 2016. С. 128–180.

⁸⁵⁸ Айрапетов О.Р. Забытая карьера «Русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб.: Алетей, 1998. С. 221; Дневник Д.А. Милютин. 1881–1882. М.: Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В.И. Ленина, 1950. Т. 4. С. 75.

⁸⁵⁹ Айрапетов О.Р. Забытая карьера «Русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб.: Алетей, 1998. С. 222.

Н.Н. Обручев обучался в Императорской академии ГШ, которую окончил с серебряной медалью и с занесением его имени на мраморную доску Академии. После окончания Академии он получил звание штабс-капитана и был причислен к ГШ. В 1855 г. Н.Н. Обручев был назначен дивизионным квартирмейстером 2-й гвардейской кавалерийской дивизии с переводом в гвардейский ГШ. В 1856 г. он стал адъюнкт-профессором, а в следующем году – профессором Николаевской Академии ГШ (переименована в 1855 г.). Преподавал на кафедре военной статистики. В 1860 г. Н.Н. Обручев был отправлен в командировку в Европу, а в феврале 1863 г. назначен членом совещательного комитета Главного управления ГШ и его делопроизводителем. Тогда же его включили в состав комиссии Военного министерства по разработке положения о военно-окружном штабе и войсковом управлении. Его публикации по военному делу привлекли внимание тогдашнего военного министра Д.А. Милютина. В 1867 г. Н.Н. Обручев был назначен членом и управляющим делами Военно-учёного комитета, активно участвует в разработке военных реформ. В 1873 г. он был послан в длительную командировку в Турцию, Германию и Австро-Венгрию для сбора сведений о состоянии их вооружённых сил. Выполнял ряд секретных поручений военно-разведывательного характера. Н.Н. Обручев был автором стратегического плана войны с Турцией 1877–1878 гг., однако в полевой штаб не попал из-за неприязни к нему главнокомандующего армией на Балканском театре великого князя Николая Николаевича старшего. Поэтому Н.Н. Обручев был командирован на Кавказский театр войны. Там он подготовил план операции по разгрому аладжинской группировки неприятеля, который был реализован М.Т. Лорис-Меликовым в Авлияр-Аладжинском сражении. После войны Н.Н. Обручев был избран почётным членом Конференции Николаевской академии ГШ, а в феврале 1881 г. назначен помощником начальника Главного штаба. 10 июня 1881 г. Н.Н. Обручев стал начальником Главного штаба и председателем Военно-учёного комитета при военном министре⁸⁶⁰.

⁸⁶⁰ Айрапетов О.Р. Забытая карьера «Русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб.: Алетей, 1998. 320 с.; Альманах современных русских государственных деятелей. СПб: Тип. Исидора Гольдберга, 1897. С. 104–106.

П.С. Ванновский и Н.Н. Обручев – люди очень разные – составили в военном ведомстве великолепный тандем характера и ума соответственно⁸⁶¹. Хорошим дополнением им стал генерал-майор ГШ Фёдор Александрович Фельдман. Он был назначен руководителем главного центрального органа военной разведки – Военно-учёного комитета Главного штаба. Ф.А. Фельдман получил образование в Пажеском корпусе и Николаевской академии ГШ. После её окончания в 1863 г. в чине капитана ГШ, занял место старшего помощника начальника военно-учёного отдела при Главном управлении ГШ, а через год был назначен начальником этого отдела. а после ликвидации управления в 1867 г. – делопроизводитель канцелярии Военно-учёного комитета. В 1872 г. был назначен флигель-адъютантом, а в 1878 г. произведён в генерал-майоры, с назначением в Свиту Его Величества. С 1876 по 1881 гг. состоял военным агентом при посольстве в Вене, где хорошо себя зарекомендовал. С 5 октября 1881 г. он был назначен на пост управляющего делами Военно-учёного комитета, состоя в то же время членом комитета по мобилизации войск. Пост этот он занимал до 1896 г.⁸⁶² Именно при Ф.А. Фельдмане была не только продолжена, но и значительно расширена введённая Н.Н. Обручевым практика системного изучения вооружённых сил государств Азии, а работы офицеров ПКБ по Персии стали доступны не только кавказскому начальству, но и желавшим ознакомиться с ней офицерам в Петербурге и других местах империи. Свидетельством этому служат «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», который начали издавать с 1883 г. по инициативе Ф.А. Фельдмана⁸⁶³, «Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств», издававшийся с 1881 г., а также служебная докладная записка под красноречивым заголовком «Записка о

⁸⁶¹ Воронихин А.Н. «Ум» и «характер» военного министерства (Н.Н. Обручев и П.С. Ванновский) // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. трудов. Саратов, 2003. Вып. 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.reenactor.ru/ARH/PDF/Voronixin.pdf.

⁸⁶² Альманах современных русских государственных деятелей. СПб: Тип. Исидора Гольдберга, 1897. С. 1226; Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1899 года. СПб.: Военная типография, 1899. С. 172.

⁸⁶³ 7 июля 1883 г. им была подана докладная записка на имя Н.Н. Обручева, в которой отмечалось: «В делах Азиатской части, в материалах Военно-учёного комитета и в некоторых иностранных изданиях встречаются более или менее законченные топографические, статистические и стратегические очерки наших азиатских окраин и сопредельных земель и государств, которые желательно печатать (не пуская в продажу), чтобы сделать их доступными для всех русских, занимающихся Азией. Статьи эти полезно было бы издавать по мере их накопления отдельными выпусками под общим заглавием “Сборник военно-статистических материалов по Азии”» [История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М.: Издательская фирма Восточная литература РАН, 1997. С. 153]. Насколько это предложение было актуальным свидетельствует то, что первый номер нового сборника вышел в том же 1883 г.

недостаточности средств, которыми располагает Россия в сравнении с западноевропейскими державами для сбора сведений об Азии», датированная летом 1885 г., в которой генерал акцентировал внимание начальства на проблемах сбора информации по Азии⁸⁶⁴. Характерно, что именно в 1883 г. (19 ноября) при Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел были открыты офицерские курсы восточных языков, на которых изучали языки Ближнего и Среднего Востока⁸⁶⁵.

Помимо этого, указом императора 22 ноября 1881 г. Кавказское наместничество фактически было упразднено, образована Кавказская администрация во главе с главноначальствующим гражданской частью, он же одновременно был главнокомандующим и наказным атаманом казачьих войск⁸⁶⁶. С 1 января 1882 г. главноначальствующим на Кавказе был назначен генерал от кавалерии Александр Михайлович Дондуков-Корсаков⁸⁶⁷. Это был человек достаточно умудрённый военным и административным опытом. Получив юридическое образование в Петербургском университете, он служил в Лейб-гвардии Кирасирском полку, затем проходил службу на Кавказе, участвовал в Кавказской войне. В 1853 г. был командирован в Алжир для изучения местного французского опыта ведения колониальной войны и администрирования. Затем А.М. Дондуков-Корсаков принимал участие в Крымской войне 1853–1856 гг. на Кавказском театре. В 1859–1863 гг. был начальником штаба Войска донского и участвовал в проведении крестьянской реформы на Дону. С лета 1868 г. был причислен к Министерству внутренних дел. С 1869 г. был генерал-губернатором Юго-Западного края, а с 1877 г. одновременно и командующим войсками Киевского военного округа. В качестве командующего 13-м армейским корпусом, а затем начальником Восточного отряда, принял участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В том же году 16 апреля он был произведён в генералы от кавалерии и назначен императорским российским комиссаром в Болгарии, где в 1879–1880 гг. командовал там оккупационным

⁸⁶⁴ РГВИА. Ф.846. Оп. 4. Д. 10. Л. 7–10.

⁸⁶⁵ История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М.: Издательская фирма Восточная литература РАН, 1997. С. 126.

⁸⁶⁶ Фактически формирование нового аппарата власти было завершено в 1883 г. [Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 3. 1883 г. СПб.: Государственная типография, 1886. № 1521, 1522, 1619, 1636, 1638, 1673, 1686, 1791].

⁸⁶⁷ Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 202.

корпусом. При его участии и под его руководством была разработан проект устава, лёгший в основу т.н. Тырновской конституции Болгарии 1879 г. По возвращении в Россию М.А. Дондуков-Корсаков состоял членом Государственного совета, с 1880 г. занимал пост временного харьковского генерал-губернатора и командовал войсками Харьковского военного округа, а затем в 1881 г. был временным одесским генерал-губернатором⁸⁶⁸.

Наконец, 15 ноября 1882 г. был отставлен от должности начальника штаба Кавказского военного округа занимавший эту должность с 17 апреля 1875 г. генерал-лейтенант ГШ П.П. Павлов⁸⁶⁹. Некоторое время должность оставалась вакантной. А 16 марта 1883 г. на неё был назначен участник покорения Средней Азии, бывший начальником штаба войск Туркестанской области, а с переименованием её 21 июля 1867 г – Сыр-Дарьинской области, начштаба Туркестанского военного округа, военным губернатором и командующим войсками Сыр-Дарьинской области, и наконец начальником 23-й пехотной дивизии генерал-лейтенант ГШ Виталий Николаевич Троцкий⁸⁷⁰.

3.2. Назначение нового Заведующего

Эти изменения совпали с заменой командира ПКБ. Как уже отмечалось, в 1882 г, по окончании контракта, А.И. Домонтович, не смотря на просьбы шаха, не был оставлен на занимаемой должности. Причиной этого были интриги И.А. Зиновьева, видевшего в офицере опасного конкурента во влиянии при персидском дворе. Фактически посланник вменил в вину И.А. Домонтовичу нарушение субординации (тот должен был подчиняться инструкциям дипломатического представителя в Тегеране) и желание серьёзных преобразований в иранской армии. Для военного

⁸⁶⁸ Портрет и биография генерал-адъютанта князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова // Кавказский календарь на 1883 год. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского, 1882. Отделение 2. Приложение. С. 1–38; Федорченко В.И. Императорский Дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий: В 2 т. Красноярск: БОНУС; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. Т. 1. С. 415–416.

⁸⁶⁹ Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1899 года. СПб.: Военная типография, 1899. С. 49; Федорченко В.И. Императорский Дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий: В 2 т. Красноярск: БОНУС; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. Т. 2. С. 199.

⁸⁷⁰ Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1899 года. СПб.: Военная типография, 1899. С. 64. Был на должности до 13 августа 1889 г. Блакитний М. Генерал від інфантерії Віталій Миколайович Троцький // Сіверянський літопис. 2012. № 1/2. С. 95–101.

начальства обвинения эти были значительны, особенно последнее, так как к созданию в Персии боеспособной армии относились отрицательно. Несмотря на просьбы шаха оставить А.И. Домонтовича, решение относительно Заведующего уже было принято окончательно. По распоряжению военного министра, с марта 1882 г. кавказское начальство было озабочено поиском новой кандидатуры на должность Заведующего обучением персидской кавалерии. По инициативе начальника штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенанта ГШ П.П. Павлова, одобренной назначенным в начале 1882 г. главноначальствующим на Кавказе и командующим войсками Кавказского военного округа генералом от кавалерии А.М. Дондуков-Корсаковым, вместо А.И. Домонтовича было решено командировать состоявшего по Кубанскому казачьему войску полковника ГШ Петра Владимировича Чарковского. Об этом было сообщено в конце мая как самому А.И. Домонтовичу, так и шаху. «Когда шах узнал об откомандировании Домонтовича, – писал В.А. Косооговский, – он долго настаивал через русского посланника о возвращении его в Персию, но российская Миссия старалась убедить шаха, что вновь назначенный полковник Чарковский если не лучше, то, во всяком случае, не хуже Домонтовича»⁸⁷¹.

Новый Заведующий обучением персидской кавалерии Пётр Владимирович **Чарковский** родился 15 апреля 1845 г. Он окончил Павловский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию ГШ (по 1-му разряду в 1877 г.). В службу вступил 29 сентября 1861 г. Служил в лейб-гвардии конно-артиллерийской бригаде. В чине капитана участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. За первый год войны был награждён орденами Владимира 4-й степени с мечами и бантом, святого Станислава 2-й степени и святой Анны 2-й степени с мечами. После окончания ускоренного курса Академии ГШ был выпущен в ГШ. Судя по послужному списку, в марте 1878 г. был переименован в подполковники ГШ, а уже в августе за отличия произведён в полковники. В 1879 г. за кампанию был награждён золотым оружием. С марта 1878 г. по январь 1879 г. П.В. Чарковский был командиром дивизиона конно-артиллерийском бригады, а с января 1879 г. и по октябрь 1882 г. занимал должность начальника штаба 1-й

⁸⁷¹ Косооговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 392.

Кавказской казачьей дивизии⁸⁷². Одновременно он являлся активным участником военной разведки на Кавказе. Будучи на указанной должности, П.В. Чарковский был назначен на пост секретаря трапезундского консульства⁸⁷³. В Военном министерстве ни у начальника Главного штаба, ни у главы ведомства кандидатура не вызвала возражений, о чём было сообщено посланнику в Тегеране⁸⁷⁴.

5 июня 1882 г. император Александр III разрешил назначить полковника ГШ П.В. Чарковского на должность Заведующего обучением персидской кавалерии⁸⁷⁵. Об этом было проинформировано Министерство иностранных дел. Поскольку шах настаивал на скорейшем прибытии нового Заведующего⁸⁷⁶, назначенный 28 марта 1882 г. министром иностранных дел Н.К. Гирс телеграфировал поверенному в делах в Тегеране (И.А. Зиновьев был отозван в Россию в связи с назначением на должность директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел и

⁸⁷² Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб.: Тип. штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1882. Особое приложение. С. 174; Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е января 1891 года. СПб.: Военная типография, 1891. С. 886; Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1896 года. СПб.: Военная типография, 1896. С. 659.

⁸⁷³ РГВИА. Ф. 446. Д. 44. Л. 19. Фактически, он был негласным (тайным) военным агентом. Через Трапезунд шла европейская торговля Персии и Турции [Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. 43; Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 44]. Кроме того, он был портом района IV корпусного округа [Смирнов К.Н. «Интеллидженс» Кавказского фронта в период 1878–1918 годов // Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 206].

⁸⁷⁴ РГВИА. Ф. 446. Д. 44. Л. 8–9.

⁸⁷⁵ РГВИА. Ф. 446. Д. 44. Л. 19–20. В кратком послужном списке П.В. Чарковского значилось «Заведующий обучением персидской кавалерии и командир бригады из трёх конных полков и конной батареи». Должность эту он занимал с 4 октября 1882 г. до 14 февраля 1885 г. [Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1896 года. СПб.: Военная типография, 1896. С. 659]. Таким образом, требования первого командира ПКБ были отчасти удовлетворены – была зафиксирована конкретная должность, которую занимал командир бригады. А.И. Домонтович был единственным в XIX в. Заведующим, который формально весь срок пребывания в Иране оставался на прежней должности штаб-офицера для поручений штаба Кавказского военного округа, поскольку при назначении он не был отчислен от занимаемой должности, а числился в командировке по делам службы [РГВИА. Ф. 446. Д. 44. Л. 54]. П.В. Чарковский был вновь зачислен в ГШ в 1882 г., так как до этого занимал пост негласного военного агента (секретарь консульства) в Трапезунде и был формально отчислен из военного ведомства.

⁸⁷⁶ РГВИА. Ф. 446. Д. 44. Л. 16.

планировавшейся заменой его на посту посланника), срочно приступить к переговорам о возобновлении «на прежнем основании контракта для нашего инструктора»⁸⁷⁷. 16 июля российский поверенный в делах в Тегеране первый секретарь миссии коллежский советник Кимон Мануилович Аргиропуло подписал с шахским правительством новый контракт на три года⁸⁷⁸.

Условия контракта в основном повторяли текст соглашения 1879 г.⁸⁷⁹. Он был написан на французском и персидском языках и состоял из преамбулы и 11-ти статей. В 1-й из них указывалось, что П.В. Чарковский, назначается кавказским начальством на место А.И. Домонтовича на 3 года в качестве военного инструктора персидских «казаков». В его обязанность вменялась подготовка и строевое обучение кавалерийских частей, определённых персидским Военным министерством, по российскому образцу. 2-й статьёй было оговорено, что в помощь полковнику кавказской администрацией назначаются 3 офицера и 5 урядников. Указывалось, что имена членов военной миссии полковник должен сообщить посланнику в Тегеране, а тот – иранскому правительству. 3-я статья была посвящена вопросам материально-финансового обеспечения. Заведующий должен был получать 2 400 туманов (24 000 французских франков) в год, выплачиваемых ежеквартально, и ежедневный фураж для пяти лошадей. Обер-офицерам было оставлено жалование, как и при А.И. Домонтовиче, т. е. каждому около 1 200 туманов (12 000 французских франков). Содержание урядников составляло по 20 туманов в месяц или 240 туманов в год на человека⁸⁸⁰. 5-й статьёй фиксировалось, что деньги эти должны выплачиваться, начиная со дня подписания настоящего соглашения. В 6-й статье указывалось, что 400 туманов (4 006 франков) – аванс за два месяца – должны быть выданы полковнику в день подписания контракта. По 4-й статье П.В. Чарковский, обер-офицеры и урядники должны были получить от персидского

⁸⁷⁷ Там же. Л. 27.

⁸⁷⁸ Там же. Л. 52–53. Текст контракта был согласован с начальником Кавказского военного округа.

⁸⁷⁹ Там же. Л. 52, 57–59. Browne E.G. The Persian revolution of 1905–1909. Cambridge : University Press, 1910. P. 228–232; Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 79; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 63–64.

⁸⁸⁰ В донесении К.М. Аргиропуло [РГВИА. Ф. 446. Д. 44. Л. 52] почему-то указывалось, что жалование урядников было повышено. На самом деле финансовые условия найма инструкторов в сравнении с контрактом А.И. Домонтовича остались без изменений.

правительства для оплаты своего путешествия 100, 75 и 24 полуимпериалов соответственно. Согласно статье 10-й по окончании контракта персидское правительство обязалось заплатить офицерам те же суммы командировочных расходов для возвращения в Россию. При этом право на них сохранялось членами военной миссии, если «соглашение будет отменено по желанию персидского правительства до окончания указанного срока». 7-я статья гласила, что по всем вопросам, связанным со службой, полковник должен действовать в соответствии с указаниями персидского Военного министерства, которому он подчинён. Это же министерство было обязано выплачивать ему зарплату. 8-м пунктом иранское правительство обязывалось оплачивать П.В. Чарковскому все дорожные расходы, сделанные полковником по его приказу. 9-я статья фиксировала, что полковник не может отменять или изменять положения контракта, не может покинуть службу персидскому правительству до окончания трёхлетнего срока. Исключение составляла болезнь, из-за которой П.В. Чарковский не был бы в состоянии выполнять свои обязанности. Полковнику разрешался отпуск на срок, не превышающий 3-х месяцев, «если его здоровье или частные дела в нём нуждаются». Но в этом случае генштабист не имел права на получение каких-либо выплат (в том числе и зарплаты) от тегеранского правительства. Аналогичные условия были зафиксированы и относительно других членов военной миссии. Согласно последней 11-й статье, инструкторы с момента получения суммы на дорожные расходы через русскую дипломатическую Миссию в течение 2-х с половиной месяцев должны были прибыть в Тегеран.

Одновременно происходил процесс зачисления полковника на новую должность. Как отмечалось, с 1879 г. он был секретарём трапезундского консульства, являясь негласным военным агентом. По традиции, перед назначением на этот пост, П.В. Чарковский был уволен с военной службы с сохранением штатной должности, но без содержания, права на производство в следующий чин и пр., и причислен к Министерству иностранных дел с переименованием в чин коллежского советника⁸⁸¹. Поэтому при командировании его в Персию необходима была обратная процедура. Это требовало согласований между Военным министерством и

⁸⁸¹ В «Табели о рангах» этот гражданский чин соответствовал военному чину полковника.

Министерством иностранных дел. Они были закончены в начале июля. Высочайшим приказом от 16 июля П.В. Чарковский был возвращён на военную службу и переименован в полковника ГШ⁸⁸². А 18 июля П.П. Павлову было дано указание за подписью начальника Главного штаба Н.Н. Обручева вызвать П.В. Чарковского из Трапезунда в Тифлис. По прибытии полковник получил восьмидневный отпуск⁸⁸³. Его поездка в Иран задерживалась, поскольку в Тифлисе ожидали одного из новых инструкторов – командированного Главным штабом

⁸⁸² РГВИА. Ф. 446. Д. 44. Л. 43. Такая практика была характерна для негласных военных агентов, действовавших на должностях по гражданскому ведомству. Как правило, таких офицеров ГШ из состава штаба округа отставляли с военной службы и зачисляли на гражданскую с чином, соответствовавшим по «Табели о рангах» их воинскому званию, а затем направляли на работу за границу. В основном Военное министерство в качестве «прикрытия» использовало должности Министерства иностранных дел, в том числе и консульские: например, второго секретаря, как в Эрзеруме, или вице-консула, а то и консула. Основанием для перевода из ведомства в ведомство служил указ Петра III (российский император в 1761–1762 гг.) от 18 февраля 1762 г. «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» [Полное собрание законов Российской империи. Т. 15: С 1758 по 28 июня 1762. СПб.: Типография II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. № 11444. С. 912–915]. Однако фактически каждый случай решался особо и утверждался императором. Отдельные авторы, видимо, не знакомые с этими особенностями, ошибочно указывают, что «Чарковскому было пожаловано звание полковника, и он был зачислен в ГШ» [Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879-1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 78; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 63]. Вот как описывал процесс назначения и отставки постоянных негласных военных агентов работник разведки штаба Кавказского военного округа К.Н. Смирнов. «В “Инвалиде” (“Русский инвалид” – газета российского военного ведомства – О.Г.) можно было прочесть, что такой-то подполковник переименовывается в надворные советники. Через несколько лет можно было прочесть в том же “Русском инвалиде”, что такой-то надворный советник переименовывается в подполковники по ГШ, и затем шёл приказ о производстве этого подполковника в сравнение со сверстниками, в полковники со старшинством с такого-то года и числа, и с назначением его на такую-то должность по Генштабу или на командную должность в войска. Этот надворный советник, а иногда и коллежский [советник], носил форму мининдел, должен был подчиняться Генер[альному] консулу, что ещё сходило, когда на месте бывал сам генеральный консул, т.е. статский или действ[ительный] статский советник, по обыкновению военный агент ссорился с консулом, а уж если в управление консульством вступал первый секретарь, который по штату мининдела бывал титулярным советником, то дело совсем уже осложнялось ... Впрочем такой военный агент не назывался тайным военным агентом, а лишь «негласным», т. е. соблюдалась только официальная сторона в международном отношении. У военного агента был отдельный драгоман и отдельный кавас (полицейский, приставлявшийся в Османской империи к иностранным посольствам – О.Г.). Всё это оплачивалось из сумм “на известное его величеству употребление” по кредиту штаба К[авказского] военного округа» [Смирнов К.Н. «Интеллидженс» Кавказского фронта в период 1878–1918 годов // Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С.198–199]. Во второй половине XIX в. негласные военные агенты, находившиеся на местах постоянно, действовали преимущественно в Османской империи. В Персии таким агентом был Заведующий обучением персидской кавалерии.

⁸⁸³ РГВИА. Ф. 446. Д. 44. Л. 45–46.

хорунжего Денисова⁸⁸⁴. Вместе со сменой Заведующего произошла и смена российских инструкторов. Есаул Е.А. Маковкин был оставлен кавказским начальством на второй срок. Кроме него офицерами в ПКБ были назначены Кубанского казачьего войска есаул Меняев и упоминавшийся хорунжий Денисов⁸⁸⁵. Что касается урядников, то, к сожалению, сведения о них имеются только косвенные. Из них следует, что часть унтер-офицеров была заменена, а часть осталась на второй срок⁸⁸⁶.

Определённый интерес представляет изложение поездки русских инструкторов в Иран, оставленное Меняевым. Это единственное известное до сих пор подробное описание пути, которым следовало большинство военных инструкторов из России в Тегеран и обратно до и после ехавших в 1882 г.⁸⁸⁷. К сожалению, офицер не указал, ехал ли он с другими членами военной миссии, или отдельно. В воспоминаниях он отмечал, что с ним в поездке находилось 8 человек. Из них известны его жена, двое детей и слуга⁸⁸⁸. Учитывая, что некомплект инструкторов логично предположить, что остальными сопровождающими были П.В. Чарковский, Денисов и 2 урядника. Отъезд состоялся 25 сентября 1882 г.⁸⁸⁹ на пароходе из Баку до портов Энзели и Мешедесер. Затем путешественники 7 дней проехали караваном из Мешедесера

⁸⁸⁴ Там же. Л.46–47.

⁸⁸⁵ Там же. Л. 53.

⁸⁸⁶ Там же. Л. 27.

⁸⁸⁷ Собственно, Меняев описал 2 пути. Один – которым ехал он, а другой – от моря до Тегерана через Решт по «шахской дороге». Второй также использовался членами русской военной миссии впоследствии. Хотя он был длиннее первой в полтора раза, но этот путь оказался более предпочтительным, так как, «во-первых, там есть ... станция, и, во-вторых, что от Тегерана до Казвина почти полдороги можно сделать в экипаже в течение 12–14 часов» [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 6]. Этим путём, из Баку в Красноводск, через Чекишляр, мимо острова Ашурраде в Мешедиссер совершил свою поездку в 1885 г. Е.М. Белозерский [Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. 2+108 с.]. Интересно, что подробное описание путей появилось в печати именно в то время, когда Россия приступила к активному освоению Северного Ирана, в том числе и к обустройству его дорог.

⁸⁸⁸ Там же. С. 1, 4. Этот факт примечателен. Если о командирах ПКБ до 1895 г. известно, что некоторые из них приезжали с семьями, то о других членах миссии таких сведений больше нет. Как видно из воспоминаний Меняева, своих близких и даже слуг к месту службы брали не только Заведующие.

⁸⁸⁹ Там же. С. 1–2.

через Решт до Тегерана, куда прибыли на 8-й день пути⁸⁹⁰. Таким образом, даже если Меняев ехал отдельно от сослуживцев, в начале октября 1882 г. инструкторский состав военной миссии в столице шаха был укомплектован.

3.3. Преобразования второго главы инструкторской миссии

Новый командир явно не имел той инициативности в политических делах, что его предшественник, но хорошо знал своё дело и старался так же его исполнять. К сожалению, о личности П.В. Чарковского известно хуже всех из командиров бригады до В.А. Косоковского. Его действия на посту Заведующего⁸⁹¹, свидетельствуют о том, что он, в основном, следовал на поводу шахских желаний и придерживался рекомендаций российской Миссии, формально возглавляемой до 25 февраля 1883 г. И.А. Зиновьевым, а фактически – поверенным в делах, первым секретарём К.М. Аргиропуло, а с 25 февраля – А.А. Мельниковым.

За время своего командования ПКБ П.В. Чарковский довёл количество человек в бригаде до 900⁸⁹² за счёт включения в неё 300 мухаджиров. А.И. Домонтовичу были выделены 400 человек из иррегулярной кавалерии мухаджир, отличавшихся крайне слабой дисциплиной⁸⁹³. В.А. Косоковский писал, что «при Чарковском удалось убедить остальных 300 тегеранских мухаджиров⁸⁹⁴, которые при первоначальном

⁸⁹⁰ Там же. С. 3. Длина пути Энзели–Решт–Тегеран составляла примерно 300 вёрст [Косоковский. Прибрежное пространство между таможеню Астара, городом Энзели и горами (персидская провинция Гилян) // СМА. 1891. Вып. 49. С. 59].

⁸⁹¹ Красняк О.А. Русская военная миссия в Иране (1879–1917 гг.) как инструмент внешнеполитического влияния России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Krasniak.pdf С. 3–4; Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 79–80; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 62–67. Формально на должность Заведующего П.В. Чарковский был зачислен лишь 4 октября [Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е января 1891 года. СПб.: Военная типография, 1891. С. 886].

⁸⁹² Цифру эту следует принимать как округлённую. Точное количество «казаков», к сожалению, нам не известно.

⁸⁹³ Косоковский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 391.

⁸⁹⁴ Н.К. Тер-Оганов называет цифру в 250 тегеранских мухаджиров [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 59], а А.И. Домонтович сообщал о 200 человек, живших в тегеране и уклонившихся от поступления в ПКБ [Российскому императорскому чрезвычайному посланнику и

формировании бригады не пожелали стать «казаками» и сели в бест, поступить в бригаду на тех же условиях, на каких были приняты первые четыреста, то есть с сохранением своего родового или наследственного содержания»⁸⁹⁵. Вслед за В.А. Косоховским современные исследователи также утверждают, что та часть мухаджиров, которая не соглашалась на службу в бригаде, стараниями П.В. Чарковского была зачислена в состав бригады на тех же условиях, что и их соотечественники⁸⁹⁶.

Однако нам представляется, что зачисление это произошло не только по настоянию полковника, но по желанию самих мухаджиров и шаха⁸⁹⁷. Первоначально мухаджиры негативно отнеслись к попыткам зачислить их в ПКБ при её образовании. Их начальник откровенно вредил А.И. Домонтовичу, не желая терять своего положения. Однако со временем ситуация изменилась. Главным в этом изменении стало финансовое обеспечение и статус, которых добился для бригады её первый командир. В условиях, когда денежное содержание мухаджиров год от года ухудшалось, стабильное положение находившихся в ПКБ их соплеменников не могло не привлекать⁸⁹⁸. В то же время, включение оставшихся мухаджиров в ряды ПКБ была решена на время задача, поставленная полковником ГШ А.И. Домонтовичем. В 1880 г. он писал И.А. Зиновьеву о том, что положение мухаджиров, которые не были введены в состав бригады, действует разлагающе на их одноплеменников-«казаков»⁸⁹⁹. В частности, первый Заведующий обращал внимание на то, что, не неся никакой службы, около 200 человек проживают в Тегеране и пользуются своим содержанием. Бывшие «казаки», ушедшие в бест или в

полномочному министру // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 132].

⁸⁹⁵ Косоховский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 392.

⁸⁹⁶ Там же. С. 392–393; Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 79; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 64.

⁸⁹⁷ Мисль-Рустем прямо указывал, что «в 1883 году бригада пополнилась, по желанию шаха, ещё полком мухаджир» [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 141].

⁸⁹⁸ Помимо финансового вопроса, здесь играли роль и факторы групповой солидарности и престижа. «В бригаду поступали иногда, если могли — писал, один из её инструкторов начала XX в., — офицерами, а то простыми «казаками», богатые люди, у которых были имения или земли в опасных местах страны, или же имеющие какие-либо тяжбы. Делалось это для того, чтобы иметь защиту, так как людей из «казак-хане» (персы называли бригаду «казак-хане», что в переводе означает «казачий дом») никто не осмеливался грабить или обижать» [Высоцкий. Персидская казачья бригада // Военная быль. Париж. 1968. № 89. С. 15].

⁸⁹⁹ Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 132–133.

бега, «приобрели каким-то образом свидетельства на получения своего старого содержания и так же свободно и без всякой службы проживают дома», – отмечал полковник⁹⁰⁰. Основную беду А.И. Домонтович видел в праве беста и различного рода небескорыстных покровителях, которые разлагали моральный климат среди мухаджиров ПКБ. «Такого рода факты, – писал он, – весьма неблагоприятно действуют на «казаков», несущих довольно трудную службу, заставляя их всеми силами уклоняться от неё»⁹⁰¹. Решение А.И. Домонтович видел в необходимости изъять из ведения начальника всех мухаджиров «хотя бы тех не служащих мухаджиров, которые призываются в Тегеране». А если персидское правительство не захочет это сделать, то полковник предлагал хотя бы поставить их в подчинение менее влиятельного лица, чем Шудок оль-Мульк, зависящего непосредственно от начальника русской военной миссии.

Таким образом, с привлечением в бригаду тегеранских мухаджиров произошло очень своеобразное увеличение штата бригады. В 1883 г. П.В. Чарковский из мухаджиров разного пола и возраста, способных к строевой службе, сформировал третий полк, а из стариков – эскадрон «Кадам», т. е. ветеранов. Женщин и детей Заведующий зачислил «пенсионерами», которые продолжали получать в виде пенсий наследственное жалование мухаджиров⁹⁰². Кроме того, полковник преобразовал гвардейский полуэскадрон в эскадрон⁹⁰³ и сформировал хор

⁹⁰⁰ Российскому императорскому чрезвычайному посланнику и полномочному министру // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879-1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 133.

⁹⁰¹ Там же.

⁹⁰² «Получаемое офицером содержание наследственно и переходит по закону, после смерти, в семью. Таких пенесинеров набралось, за последнее время, огромное множество, и правительство поневоле должно принять ограничительные меры», – писал в начале XX в. российский наблюдатель [Риттих П.А. Отчёт о поездке в Персию и персидский Белуджистан в 1900 году. – СПб.: Издание Военно-учёного комитета Главного штаба, 1901. Ч. 1. С. 89].

⁹⁰³ А не «добавил к бригаде», как утверждали Н.К. Тер-Оганов [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 64] и О.А. Красняк [Красняк О.А. Русская военная миссия в Иране (1879–1917 гг.) как инструмент внешнеполитического влияния России/ [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Krasniak.pdf С. 3; Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 79]. Гвардейский полуэскадрон по образцу российских лейб-казаков был сформирован первым Заведующим. В его состав входили исключительно офицеры. М. Алиханов-Аварский ошибочно отделял его в своих записках от ПКБ [Алиханов-Аварский М. Название: В гостях у шаха. Очерки Персии Издательство: Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 222]. Эта неточность не была случайной. В глазах некоторых наблюдателей, не знавших специфики формирования ПКБ, бригаду составляли только 3 полка. На самом же деле, 2 эскадрона, батарея, хор музыкантов также являлись составными частями ПКБ.

музыкантов⁹⁰⁴. «Таким образом, – писал В.А. Косооговский, – численность бригады дошла до девятисот человек, со всеми стариками, женщинами и малолетними детьми»⁹⁰⁵. Этнический состав ПКБ был неоднородным. Помимо тюрок-мухаджиров, в ней служили и другие представители тюркоязычных народов, например, шахсевены и туркмены, а также курды, афганцы, армяне⁹⁰⁶.

В октябре того же года⁹⁰⁷ в подарок от российского императора Александра III ПКБ было доставлено 4 3,42 дюймовых (87-мм) полевых лёгких пушек конструкции немецкой фирмы «Крупп» образца 1877 г. производства Обуховского завода, «со всей амуницией»⁹⁰⁸, и 532 заряда к ним⁹⁰⁹. На базе этих пушек в 1884 г. П.В. Чарковский сформировал при ПКБ конную батарею⁹¹⁰. «Шах был так доволен

⁹⁰⁴ Косооговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 393. Хор духовой музыки обучал французский капельмейстер [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 151]. Использовали его довольно широко. Помимо официальных военных мероприятий, хор выступал перед шахом и его сановниками в торжественных случаях [Всепопданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 12]. Попытки завети в ПКБ песенников по русскому образцу не удалось [Ломницкий С. (Рэджэп) Персия и персы. Эскизы и очерки. 1898–1899–1900 гг. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1902. С. 151].

⁹⁰⁵ Косооговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 392.

⁹⁰⁶ Babich P. A Russian officer in Persian Cossack Brigade: Vladimir Andreevich Kosagovskii. Budapest: CEU, 2014. P. 30.

⁹⁰⁷ Мисль-Рустем ошибочно указывал 1882 г. [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 126].

⁹⁰⁸ Там же. С. 127.

⁹⁰⁹ Кублицкий. Современная персидская артиллерия (1883) // СМА. 1884. Вып. 11. С. 53–82.

⁹¹⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 831. 40 л.; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 65. 4 орудия для конной батареи были безвозмездно подарены российским правительством шаху. Доставил их в Тегеран в октябре 1883 г. пояснял капитан артиллерии, бывший заместитель начальника кавказского артиллерийского полигона Пётр Петрович Кублицкий. Следует заметить, что в разных источниках она именуется то батареей, то полубатареей. В Иране до 1882 г. разделения на батареи не существовало. Только в указанном году было созвано военное совещание для разделения артиллерии на батареи. «Долго не могли решить, делать ли батареи в 6 или в 8 орудий, – писал очевидец событий. – Начальник артиллерии ... был за то, чтобы батареи были из шести орудий, на чём и порешили. Он основывал свои взгляды единственно на том, что батареи в 8 орудий не смогут учиться на Майдан-Машке, т. е. учебном плане, так как плац этот для развертывания фронта в 8 орудий слишком мал. Таким образом основалось 6 батарей пешей артиллерии в Тегеране» [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 126]. В российской же армии конная батарея состояла из 6 орудий, а пешая – из 8 [Энциклопедия военных и морских наук. СПб.: Тип. В. Безобразова и К, 1883. Т. 1. С. 365; Военная энциклопедия. СПб.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1911. Т. 4. С. 414]. Казачья конная батарея состояла из 6 орудий, но по меркам военного времени развёртывалась до 8 [Положение о воинской повинности о содержании строевых частей Кубанского и Терского казачьих войск от 1 августа 1870 г. //

подарком, – писал Мисль-Рустем, – что дал для этих орудий из своей конюшни отличных лошадей»⁹¹¹. Нужно отметить, что в иранской армии только «казачья» батарея имела собственно артиллерийских, т. е. специально подготовленных, лошадей⁹¹². Насколько это было важно свидетельствует положение австрийских инструкторов в Тебризе. «Для всякого конного учения главный инструктор должен всякий раз выпрашивать лошадей у эмир-е низама, – писал русский наблюдатель, – причём даются они весьма неохотно и всякий раз другие. Ни люди к лошадям, ни эти последние к орудиям привыкнуть не могут, поэтому при малейшем испуге или па поворотах они путаются в постромах и даже падают»⁹¹³.

Думается, указанные изменения были также связаны с внешнеполитическими планами России на Среднем Востоке. В 1881–1885 гг. происходило покорение империей туркменских земель, на которые отчасти претендовала и Персия. Продвижение России вызвало ответную реакцию англичан, стремившихся создать антироссийский блок на Среднем Востоке⁹¹⁴. Поэтому поддержание мирных

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб.: Типография II Отделения собственно Е.И.В. канцелярии, 1874. Т. 45. 1870. № 48607. С. 151]. Поскольку 4 орудия никак не вписывались в российские стандарты, то некоторые наблюдатели именовали её полубатареей. Мы будем использовать чаще встречающееся наименование «батарея».

⁹¹¹ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 127.

⁹¹² Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 218.

⁹¹³ Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. 64.

⁹¹⁴ Давлетов Д., Ильясов А. Присоединение Туркмении к России. Ашхабад: Ылым, 1972. 254 с.; Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 348–423. Впрочем, процесс это был двусторонний. Так, Н.К. Гирс в 1882 г. в инструкции новому чрезвычайному и полномочному послу в Великобритании барону действительному статскому советнику Артуру Павловичу фон Моренгейму отмечал, что «наступление России в Туркмении ... было вызвано необходимостью нейтрализовать политику Англии в Средней Азии (в данном случае имеется в виду Центральная Азия – О.Г.), выразившуюся в агрессивных действиях в Афганистане (война 1878–1881 гг. – О.Г.) и в вооружении и подстрекательстве туркмен ... Эта позиция, я повторяю, является абсолютно оборонительной» [Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 421]. И действительно, здесь было много правды. Тем не менее, утверждение России в Ахалтекинском оазисе открыло доступ к оазису Атек и Мургабской долине, ведущей к Герату. Русские войска могли, благодаря российско-персидской разграничительной конвенции 9 декабря 1881 г., беспрепятственно через Хорасан достигнуть Герата. Ашхабад же стал операционной базой и базой для снабжения войск. Таким образом, Россия получила важный рычаг давления на Великобританию в международных вопросах, которого она раньше не имела.

отношений с Ираном, привлечение расположения шаха к России, были одними из важнейших задач русской дипломатии. А П.В. Чарковский и ПКБ выступали в роли элементов внешнеполитического влияния. Доказательством тому может служить эпизод с созданием батареи, приводимый В.А. Косооговским. «Адъютант-баши (начальник Главного штаба), – сообщал он, – был с визитом у Чарковского и, увидев фотографию военного учения казачьей батареи, в котором принимал участие в. к. Михаил Николаевич, рассказал об этом военному министру Наibu ос-Солтане и Насреддин-шаху, который пожелал иметь такую же батарею, и поэтому приказал Чарковскому сообщить точные сведения о цене такой батареи с доставкой в Тегеран. Чарковский донёс об этом кавказскому начальству, и результатом его донесения было решение императора Александра III прислать шаху в подарок в 1883 г. четыре орудия с передками и с восемью зарядными ящиками, а также боевой комплект снарядов и зарядов»⁹¹⁵.

Структура бригады стала выглядеть следующим образом. Во главе её стоял полковник русского ГШ – Заведующий обучением персидской кавалерии; русские офицеры и урядники считались его помощниками – наибами. Составляли ПКБ 3 полка: 2 из мухаджиров, 1 – из добровольцев. «При сформировании, по штату в каждом полку полагалось по 4 эскадрона, а в 3-м – только кадры для 4-х эскадронов»⁹¹⁶. «Русскими инструкторами в настоящее время сформирована "казачья" бригада, состоящая из 3-х полков, 1 гвардейского эскадрона, 1 эскадрона мухаджиров-кадама (инвалидов) и 1 конной полубатареи, – сообщалось в секретном сборнике Военно-учёного комитета Главного штаба. – 1-й и 2-й полки состоят из 4-х эскадронов, а в 3-м полку сформировано пока 4 эскадрона в кадровом составе. Каждый комплектный эскадрон состоит из 50–60, а кадровый – из 30–35 боевых коней. При бригаде содержится отдельный хор трубачей»⁹¹⁷. Кроме того, при ПКБ числились ещё и нестроевые чины. Таким образом, официально в полках должно было быть по 200–240 в первых двух и 120–140 человек в третьем, всего – от 520 до 620 «казаков». С включением дополнительных мухаджиров численность полков

⁹¹⁵ Косооговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 392–393.

⁹¹⁶ РГВИА. Ф. 401. 1901. Оп. 5. Д. 481. Л. 5.

⁹¹⁷ Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1887. С. 556.

бригады по спискам стала составлять около 800–900 человек⁹¹⁸. «В 1-м и 2-м полку по 300 человек, в третьем около 150 и в батарее около 50⁹¹⁹», – писал Мисль-Рустем⁹²⁰. Помимо них считались гвардейский эскадрон, эскадрон «Кадам» и музыкантский хор⁹²¹. Во главе каждого полка стоял иранский офицер в звании сарханга (полковника) или сартипа (генерала)⁹²². Он, однако, обычно находился в подчинении у младшего по званию русского офицера-инструктора. Эти русские офицеры и были фактическими командирами полков. В каждом полку в распоряжении российского офицера находилось по одному уряднику, с чьей помощью он обучал полк⁹²³. «Они в большом почёте у персидских офицеров, – писал автор, скрывавшийся под псевдонимом Мисль-Рустем, – которые здороваются с ними за руку и во всём их слушаются. Это происходит от того, что русские урядники гораздо больше образованы и умеют важнее себя держать с нижними

⁹¹⁸ В одной из последних работ по истории внешней политики России приводится несуразная цифра «2 000 хорошо вооружённых кавалеристов», предназначенных стать личной гвардией шаха [Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. С. 175].

⁹¹⁹ Численность офицеров и нижних чинов батареи русскими военными определялась в 56 человек [Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1888. С. 42].

⁹²⁰ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 146.

⁹²¹ С 1885 г. в специальных сборниках российского Военного министерства численность ПКБ определялась в 1 000 человек [Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1885. С. 567; Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1887. С. 559; Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1888. С. 45; Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1890. С. 673]. Однако, как видно из приведенного материала, цифра эта была условной. На самом деле она колебалась вокруг этой численности и не была постоянной.

⁹²² Такова была практика персидской регулярной армии. Командир фоужда полагался в чине сарханга или сартипа и являлся полновластным хозяином командуемой части [Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. 58]. Гвардейский эскадрон возглавлял майор (явер) «из кавказских уроженцев» [Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 202].

⁹²³ Красняк О.А. Русская военная миссия в Иране (1879–1917 гг.) как инструмент внешнеполитического влияния России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Krasniak.pdf. С. 4; Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 148.

чинами»⁹²⁴. Вопрос об авторитете инструкторов среди своих подчинённых, некоторые из которых были по персидским чинам выше, чем даже командир бригады, определялся не только этим. Как отмечал служивший в начале XX в. в ПКБ российский офицер, «во внутренние дела бригады шах никогда не вмешивался», а начальник бригады получал от него титул «сардара» – так именовали в Иране полководцев разного уровня. Сардар часто считался даже старше генерала. От шаха он получал ленту ордена Льва и Солнца, а также «Тимсал» – портрет шаха, украшенный алмазами, для ношения на груди. «Офицеры-инструкторы получали орден Льва и Солнца с лентой «сартипа», то есть генерал-майора, а потом и «мир-пенджа», генерал-лейтенанта. Так как русские офицеры являлись не только инструкторами, но и начальниками персидских офицеров, эти ленты жаловались им для того, чтобы персидским генералам и офицерам не было бы обидно подчиняться русским офицерам в таких малых чинах. Кроме того, офицеры-инструктора жаловались шахом еще и почётной шашкой, украшенной драгоценными камнями. Инструктора-нижние чины награждались орденом Льва и Солнца 5-й степени, который носился в колодке, а старые и особенно заслуженные получали звезду (4-ую степень) для ношения на шее»⁹²⁵. Конечно, следует сделать скидку на то, что характеристика эта относится к 1914 г., когда в ПКБ многое изменилось. Однако следует отметить, что Заведующие, начиная с первого, действительно получали титул «сардара» и ленту с орденом Льва и Солнца 1-й степени⁹²⁶. То же касалось и новых чинов для офицеров-инструкторов. Относительно наград сказать что-то конкретное для рассматриваемого времени сложно. Инструкторы действительно награждались шахом, но делалось это чаще всего или в течение службы, или по её окончании.

Члены военной миссии, не знавшие местных языков, общались со своими подчинёнными через переводчика бригады – армянина Мартироса (Мартирос-хана).

⁹²⁴ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 148.

⁹²⁵ Высоцкий. Персидская казачья бригада // Военная быль. Париж. 1968. № 89. С. 13–14.

⁹²⁶ Правда, награды эти Заведующие получали не в начале служба. А.И. Домонтович получил орден в 1881 г, П.В. Чарковский в 1886 г, Н.Д. Кузьмин-Караваев имел орден 2-й степени за персидско-русское разграничение с 1882 г. Н.Я. Шнеур получил орден 2-й степени в 1892 г. в результате решения кризисной ситуации, речь о которой пойдёт ниже. В.К. Бельгард был награждён орденом Льва и Солнца 2-й степени в 1895 г., по отъезде из Персии. И только В.А. Косоговский в 1895 г. был награждён шахом лентой эмир-тумани, а в 1896 г. (помимо прочих наград) орденом 1-й степени и тимсалем. Скорее всего, традиция в той форме, в которой изложил её Высоцкий, была сформирована именно В.А. Косоговским. До этого же такой строгости в ней не было.

Он учился в московском Лазаревском институте, и стал своего рода агентом русского влияния в Иране⁹²⁷. Мартирос-хан при ПКБ был официальным драгоманом, имел генеральский чин и русский орден святого Станислава 2-й степени⁹²⁸. Со временем этот офицер был назначен начальником штаба ПКБ⁹²⁹. Он пользовался покровительством со стороны русских полковников. Объяснялось это не только его знанием языков, но и личностными качествами. Мартирос-хан служил для русских инструкторов драгоманом и посредником в отношениях с персидскими сановниками и самим шахом. Последний даже брал у него уроки русского языка⁹³⁰. Через него также велись конфиденциальные переговоры с высшими административными лицами Ирана, если того требовала обстановка⁹³¹.

Полк или фодж делился на 4 эскадрона (сотни), которыми командовали иранские штаб-офицеры. По сообщению служившего в ПКБ Мисль-Рустема, последние «стараятся набрать в свои эскадроны как можно больше людей из своих «нукеров», т.е. слуг, или крестьян своих деревень и родственных селений. С такими нукерами им лучше, больше получается наживы да и легче с ними управляться»⁹³².

⁹²⁷ Таких «агентов», служивших в русской армии, а затем вернувшихся в Персию, было немало [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 43]. Так, персидские принцы находились на русской службе. Например, при штабе Кавказского военного округа состояли: генерал-майор Риза-Кули-мирза в запасе армейской кавалерии, ротмистр Лейб-гвардии казачьего его величества полка Шахрух-мирза [Кавказский календарь на 1890 год. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1889. Отдел 2. С. 205]. Офицером Нижегородского драгунского полка числился служивший на Кавказе Казим-мирза Каджар, вышедший генералом в отставку [Смирнов К.Н. «Интеллидженс» Кавказского фронта в период 1878–1918 годов // Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 188].

⁹²⁸ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 56.

⁹²⁹ Из тегеранского дневника полковника В.А. Косоговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 9.

⁹³⁰ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 56.

⁹³¹ Из тегеранского дневника полковника В.А. Косоговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 165–166.

⁹³² Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 148. Здесь также проявились укоренившиеся в иранской регулярной армии традиции феодальной эпохи. «Значительная часть пехотных офицеров до чина султана (капитана) является на службу по набору, вместе с сарбазами, т. е., напр., магал или группа селений или одно большое селение, должны выставить известное число сарбазов и кроме того и несколько офицеров (наибов – субалтерн-офицеров и султанов), которые комплектуются среди беков и ханов, утверждаясь в своих чинах властью валиата», – характеризовал положение в лучшей части

Каждый эскадрон делился на 4 десте (взвода)⁹³³. В каждом полку имелось знамя с персидским гербом. «Прибитое к штангу наподобие русских, – писал Мисль-Рустем, – не так, как во всей остальной персидской армии – пристёгиваемое: оно хранится или в квартире бригадного командира, т. е. русского полковника, или в дежурной комнате, устроенной по-европейски. На учение оно вывозится по русскому уставу, т. е. со встречей, что в Персии не делается»⁹³⁴.

В распоряжении бригады находились казармы, конюшни, помещения с несколькими дворами, колодец для водопоя, кладовые для фуража. Были также небольшие мастерские (в которых сами же «казаки» производили ремонт оружия и снаряжения), цейхгаузы, кузница, кухня и лазарет. Всё это располагалось в центральной части Тегерана. Очень колоритное описание помещений, где располагалась бригада, оставил Мисль-Рустем. «Казармы бригады выходят воротами на Машк-Майдан, т. е. плац, где обучаются войска в Тегеране. Над воротами «балхане» — род киоска с балкончиками, украшенными лепной работой, окрашен, по-персидски, в разные цвета, с неизбежными львами, «ширхуршиты», которых персы вставляют всюду, где только возможно. Над «балхане» развивается флаг, конечно, опять со львом. Тут живут русские урядники, присланные из России

иранской пехоты Л.К. Артамонов [Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. 57–58].

⁹³³ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 148. Десте (дэстэ, дасте) – аналог европейской роты в пехоте персидской регулярной армии (среди русских военных существовал разноречивый во мнениях, объяснявшийся запутанностью для внешнего наблюдателя внутренней структуры персидской регулярной армии. В.А. Франкини указывал, что «десте» – это 2 роты, сведённые вместе, аналог европейского дивизиона [Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 32], Мисль-Рустем писал, что пехотные полки делятся на сотни или роты, а роты – на «десте», т. е. взводы [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 122], Л.К. Артамонов отмечал, что пехотные фоджи иранской армии в Азербайджане состояли из 8–10 десте, а 2 десте составляли роту [Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. 51]. Численность десте в пехоте должна была составлять 100 сарбазов [Там же. С. 59]. У кочевников «десте» – объединение нескольких близких родов (родство чаще всего является формальным, воображаемым), подплемя, ядро которых составляет семья кетходы или мелкого хана [Трубецкой В.В. Бахтиары (оседло-кочевые племена Ирана). М.: Наука, 1966. С. 142]. «Десте» соответственно называли отряды в 50–100 кавалеристов иррегулярной кавалерии, выставившихся по требованию шаха такими подплеменами. Однако в регулярной кавалерии, созданной европейскими инструкторами, место роты «заступал» эскадрон. Поэтому здесь так именовали взводы.

⁹³⁴ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 148–149.

в помощь русским инструкторам, офицерам. Пройдя под ворота, у которых находится часовой, большею частью преспокойно сидящий, а ночью даже спящий, в чём я сам не раз мог убедиться, вы входите не в особенно широкий двор, где именуются амбары для фуража и сарай для орудий. Далее вы проходите под другие сводчатые ворота, чтобы пройти во второй двор; под ними, налево и направо, две караульные комнатки и рядом с ними ужасные карцеры, состоящие из углубления в стене, величиною в квадратный аршин, и дверью с дырочкой для света, так что арестованные на несколько дней не могут не только лечь спать, но даже сидеть на корточках (в полу же есть отверстие для естественной надобности)⁹³⁵. «Пройдя во второй двор, вы увидите посреди него бассейн с фонтаном, который, по небрежности персов, всегда грязен и вонюч. Вокруг этого двора масса дверей в отдельные помещения, где ютятся мастеровые из нижних чинов. Здесь вы увидите у дверей работающих сёдла шорников, и шашечников, изготавливающих очень недурно клинки. Здесь же во дворе швальня и цейхгаузы, в которых очень живописно расставлены в пирамидах ружья, а на стенах развешаны розетками шапки и черкески; на полу же лежат сёдла. Здесь же во дворе цейхгауз для музыкальных инструментов, развешанных тоже очень живописно на стенах»⁹³⁶. «Через одну из дверей во дворе вы проникаете в казарму собственно, т. е. в помещение для нижних чинов. Это два огромных сводчатых зала, с кирпичным, каменным полом, посредине которых, в два ряда и по стенам, стоят зелёные деревянные шкафы, каждый в две двери и с нижними ящиками. Конечно, на каждой из дверей красуется опять лев, с розовой рожой за его спиной, изображающей солнце. Эти шкафы собственно и есть кровати для нижних чинов. Каждая дверца шкафа на петлях, отворяется не в бок, а сверху вниз; в конце её откладываются или подставляются две ножки, так что образуется скамейка, на которую и кладут на ночь тюфяк и подушку. Днём же все тюфяки и подушки свёртываются и укладываются в шкаф, а дверцы поднимаются, и, таким образом, получают снова запертые шкафы. Эти шкафы устроены первым из русских полковников, Д., и очень удобны потому, что днём освобождают много места ... В каждой комнате-казарме имеется до 150 подобных

⁹³⁵ Там же. С. 142–143.

⁹³⁶ Там же. С. 143–144.

кроватей ... Через казармы вы проникаете в две кухни, чистенькие, с котлами, с двумя пузатыми самоварами, которые для виду возились всюду за бригадой ... Затем вы проникаете в бригадный лазарет: это три чистенькие комнатки, с кроватями и бельём. Одна из них должна изображать аптеку, с массой пустых склянок на полочках ... Из казарм вы проходите на задний огромный двор, имеющий отдельные ворота на улицу; среди двора колодезь для водопоя, с корытами. С четырёх сторон – конюшни, с земляным полом, сводчатые, и в них “ахоры” – ясли, сделанные нишей в углублении стены, для каждого жеребца отдельно. Стойл нет, и лошади стоят не отгороженными друг от друга, а чтобы не бились, их привязывают за заднюю ногу цепью к колу, вбитому в пол. Конюшни содержатся, благодаря русским инструкторам, весьма чисто. Здесь же во дворе конский лазарет с ветеринаром; “байтал” – кузнец, ничего не понимающий, – и кузница, где очень мерзко куются бригадные лошади. Вот вам всё помещение бригады. Вообще всё, напоминающее хотя немного казармы и устройство нашей кавалерии, для Персии представляется уже совершенством»⁹³⁷.

Офицеры ПКБ, в том числе и Заведующий, жили в домах, расположенных напротив казарм⁹³⁸. Что до «казаков», то те, кто не находился в отпусках, жили частью в казармах, частью в различных частях Тегерана на квартирах⁹³⁹. «Нижние чины, – сообщал Мисль-Рустем, – большею частью женаты и ночуют дома: да к тому же на казармы и дров не отпускают. В них ночуют одни “байгуши”, т. е. одинокие бедняки, и заставить ночевать там всех невозможно»⁹⁴⁰. П.В. Чарковский стремился к обустройству вверенного ему подразделения по образцу европейских армий. Его усилиями внешний вид помещений (особенно лазарета, кухни и казарм) поддерживался в чистоте и порядке. «Все приезжающие и посетители казарм

⁹³⁷ Там же. С. 144–146.

⁹³⁸ Красняк О.А. Русская военная миссия в Иране (1879–1917 гг.) как инструмент внешнеполитического влияния России [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Krasniak.pdf. С. 3; Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 142–146.

⁹³⁹ РГВИА. Ф. 401. 1901. Оп. 5 Д. 515. Л. 204.

⁹⁴⁰ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 144.

удивляются, как там всё хорошо устроено русскими», – писал Мисль-Рустем⁹⁴¹.

В 1883 г. по приказанию полковника была сделана дежурная комната. «Там был даже деревянный пол, – отмечал Мисль-Рустем, – что большая редкость в Персии, устроенный им из досок ящичков, в которых привезли орудия из России. На стенах были портреты шаха, разных персидских знаменитостей и картины; в подставках стояли знамёна; было даже кресло с серебряной дощечкой, имевшей надпись, что шах в 1883 году удостоил, при посещении казарм, сесть на него»⁹⁴².

Внешний вид «казаков» был максимально приближен к таковому у российских. Вся бригада была обмундирована по образцу кавказских казаков. Русские инструкторы должны были носить «форму кавказских казаков, даже полковники, хотя бы в России они не служили в казаках»⁹⁴³. 1-й полк был одет в обмундирование Кубанского казачьего войска с красными бешметами и верхами у папах. 2-й полк носил форму Терского казачьего войска с голубыми бешметами и верхами папах. 3-й отличался зелёными бешметами и верхами папах. На погонах «казаков» были вышиты «инициалы» полка, к которому он принадлежали. Обмундирование артиллеристов копировало таковое у кубанских русских батарейцев. Гвардейский эскадрон был экипирован в форму российского Лейб-гвардии казачьего полка. В торжественных случаях его солдаты и офицеры носили красные мундиры, а в быту – синие, обшитые галунами, и черкески. Черкески и бурки были закуплены в России⁹⁴⁴. Вооружение состояло из кавказских кинжала и шашки, а также винтовки системы «Бердан № 2». Последние, правда, выдавались на руки только на время учений, командировок или смотров, а остальное время хранились в цейхгаузе⁹⁴⁵. Нужно заметить, что за внешним видом «казаков» и

⁹⁴¹ Там же. С. 145.

⁹⁴² Там же. С. 143.

⁹⁴³ Там же. С. 150.

⁹⁴⁴ Там же. С. 144.

⁹⁴⁵ Там же. С. 141. Связано это было не столько с тем, что русские офицеры и урядники не хотели обучать «казаков» обращению с огнестрельным оружием, сколько с опасением за его сохранность. В персидской армии солдаты небрежно обращались с винтовками. Не смотря на более высокий уровень подготовки и дисциплины, ПКБ не была исключением из этого правила. «Берданка» в силу своей несовершенности, требовала умелого и бережного обращения. Многие же «казаки», не смотря на старания инструкторов, относились к винтовкам без понимания этого. Кроме того, комплект винтовок и боезарядов в персидских условиях не мог «ни освежаться, ни пополняться» [Ф. 401. Оп. 5. 1898. Д. 61. Л. 31].

своим собственным русские инструкторы следили, начиная от создания части. Объяснялось это психологическим воздействием, которое оказывали ладно и эффектно обмундированные кавалеристы не только на шаха, его окружение, да и жителей Ирана вообще (повышая таким образом статус России в их глазах), но и на сторонних наблюдателей-иностранцев. Так, на торжественных выходах шаха, русские инструкторы смотрелись очень эффектно на фоне остальных придворных и военных. «В другом углу залы, – описывал один такой салам Мисль-Рустем, – тоже на стульях сидят русские инструкторы в своих кавказских черкесках и папахах и с дорогим оружием. Это самая красивая группа»⁹⁴⁶. Возможно именно из-за внешнего эффекта, вызванного, в том числе и формой «казачьих» полков, даже в худшие моменты существования ПКБ для европейцев, видевших её, часть эта казалась наиболее боеспособной и пригодной во всей стране для несения воинской службы. В качестве типичного свидетельства роли внешнего вида чинов ПКБ для упрочения русского влияния на шаха и его подданных приведём высказывание английского посланника в Тегеране в 1900–1906 гг. Артура Генри Гардинга (Arthur Henry Hardinge). Предлагая в начале XX в. поднять пошатнувшийся британский авторитет в Персии, он советовал организовать охрану консульств Великобритании из индийских сипаев. «Одна их красивая внешность, – писал дипломат, – поднимет британский престиж в провинциях и уравновесит влияние русских агентов, основанное на присутствии “казаков”»⁹⁴⁷.

Изначально состав ПКБ формировался исключительно из кавалеристов. «Желающие поступить в бригаду приводили с собой лошадь с седловкой», – писал Мисль-Рустем (Это касалось, прежде всего, добровольцев. Мухаджиры изначально выставляли иррегулярную кавалерию). Д. Н. Кёрзон сообщал, что «нижние чины должны иметь своих лошадей, но на содержание их в порядке и на замену новыми в случае потери или порчи, каждому человеку отпускается ежегодно 100 кранов сверх положенного»⁹⁴⁸. Реально казна сэкономила на этих «отпусках». Лошадиный состав

⁹⁴⁶ Там же. С. 76.

⁹⁴⁷ Медведик И.С. Британские дипломаты в Тегеране: взгляд на англо-русский конфликт в Персии в конце XIX – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 6 (144). История. Вып. 30. С. 120.

⁹⁴⁸ Кюрзон Г. Персия и персидский вопрос // СМА. 1893. Вып. 52. С. 134.

состоял из жеребцов⁹⁴⁹. Только в гвардейском эскадроне они были определённого цвета – серого⁹⁵⁰. «В полках допускались лошади всех мастей, но они ранжировались мастями по эскадронам и взводам, – писал Мисль-Рустем. – Так, я заметил, что 1-е эскадроны имели больше вороных, 2-е гнедых и рыжих, 3-и разношерстных, и 4-е – серых и белых мастей»⁹⁵¹. В ПКБ имелись казённые лошади⁹⁵². Их использовали для внутренних нужд бригады, на них ездил отряд музыкантов (трубаческий или музыкантский хор), перевозилась батарея. «Батарея, входящая в состав этой бригады, – сообщал Мисль-Рустем, – ... имеет лошадей по мастям. Одно орудие даже на серых лошадях»⁹⁵³. Кроме того, из их числа выделялись кони безлошадным «казакам» на случай учений или смотров⁹⁵⁴.

ПКБ обучали по сокращённым русским военным уставам, которые были переведены на персидский язык. Занятия происходили на учебном плацу Мейдан-е Мешк, находившемся возле казарм бригады. Сначала обучали каждого «казака» в отдельности, затем проводили эскадронное, полковое и общебригадное учения. Кроме того, отрабатывали езду и джигитовку. Летом ПКБ выходила на 2 месяца в лагерь⁹⁵⁵. «Обучение производится обыкновенно утром в течение часов 2–1½, а затем люди свободны и расходятся по домам», – сообщал Мисль-Рустем⁹⁵⁶.

Наиболее выгодно выглядела единственная в Иране конная батарея. «Только две горные батареи, и в особенности – конная, составляют ... исключение и выделяются

⁹⁴⁹ «Меринов совсем мало в Персии, а ездить на кобылах считается позором» [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 135].

⁹⁵⁰ Но со временем число лошадей сокращалось в силу болезней, смертности и пр. Условия службы и невыделение денег на приобретение новых коней приводило к тому, что, числясь кавалеристами, многие «казаки» на деле становились «пластунами» – пехотинцами.

⁹⁵¹ Там же. С. 141.

⁹⁵² В батарею в середине 1880-х числилось 66 лошадей [Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1888. С. 42].

⁹⁵³ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 142.

⁹⁵⁴ РГВИА. Ф. 401. 1901. Оп. 5. Д. 481. Л. 6.

⁹⁵⁵ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 149.

⁹⁵⁶ Там же. С. 149. О подготовке кубанских и терских казаков в России: Шахторин А.А. Подготовка казаков Кубанского казачьего войска во второй половине XIX – начале XX вв.: Историческое исследование. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2006. 25 с.

сравнительным порядком», – отмечал М. Алиханов-Аварский⁹⁵⁷. «Батарей лихая и держится в порядке, – сообщал один из инструкторов ПКБ. – Прислуга имеет форму кавказских казаков, и шах всегда любит, когда она идёт карьером, тогда как пешая артиллерия не в состоянии ходить скорее собачьей рыси»⁹⁵⁸. Определённое представление о подготовке бригады даёт свидетельство российского офицера А.М. Алиханова-Аварского. Он побывал в Персии в середине 1883 г. и наблюдал гвардейский эскадрон ПКБ, составлявший личную охрану Насреддин-шаха. «Через несколько минут мимо нас прошёл повзводно, с музыкой во главе, превосходно одетый в красные черкески, конвойный эскадрон шаха, – описывал А.М. Алиханов-Аварский впечатления от смотра войск, сопровождавших Насреддин-шаха в его поездке в Буджнурт. – Это была точная до последних деталей копия с нашего петербургского конвоя (речь идёт о Лейб-гвардии Казачьем Его Величества полке, казаки которого составляли конвой российского императора – О.Г.); даже офицеры были в русских эполетах»⁹⁵⁹. «Насколько можно судить по одному прохождению, – отмечал российский наблюдатель, – подражание, кажется, удалось на этот раз не по одной только внешности. Эскадрон состоит из закавказских выходцев, обучен по нашему уставу и нашими офицерами, и по составу людей и лошадей не оставляет желать лучшего. Словом, эскадрон произвёл на нас (офицеров, наблюдавших за смотром – О.Г.) такое впечатление, что, казалось, он может, без всякого преувеличения, с достоинством войти в среду любой европейской армии»⁹⁶⁰. На параде 18 июля эскадрон продемонстрировал свою выучку. «По команде своего майора из кавказских уроженцев он проделал по русскому уставу, отчётливо и лихо, все ломки фронта и перестроения; ходил в атаку, строил лаву. Учение окончилось отчаянной джигитовкой, во время которой офицеры и многие из нижних чинов проскакали стоя на сёдлах не хуже любого наездника из цирка. Вообще эскадрон произвёл превосходное впечатление, и он действительно представляет собой жемчужину, по крайней мере, среди войск,

⁹⁵⁷ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 219–220.

⁹⁵⁸ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 127.

⁹⁵⁹ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 157.

⁹⁶⁰ Там же. С. 157–158.

сопровождающих теперь повелителя Ирана»⁹⁶¹. Другой пример качества подготовки бригады на фоне остальной иранской армии дал Мисль-Рустем. «Раз в год производят в течение нескольких часов манёвры, – писал он, – но что это за манёвры! Если описывать их, то не поверят, что это происходит в XIX столетии, хотя европейские инструктора, исключая русских, и уверяют шаха, что эти манёвры приносят огромную пользу. Расскажу один любопытный случай на манёврах. Было приказано одному отряду, состоящему из двух полков кавалерии, обучаемых русскими инструкторами, и пехоты, охранять высоты, довольно отлогие, у дворца Кастрокоджар («Каср-е Каджар»), в 2-х верстах от Тегерана; одному же полку было приказано атаковать и взять эти высоты. Этим полком командовал, т. е., скорее, распоряжался, австрийский офицер, жирный немец г. Г. Наступая на высоты и добродушно покуривая дешёвую сигару, он ехал за пехотной цепью на кляче и покрикивал, чтобы наступали, не имея резервов. Тогда русские инструктора сообразили и, оставив один полк наверху для прикрытия высот, с другим полком кавалерии (2-м казачьим «насер»⁹⁶² персидским полком) послали одного из инструкторов в обход неприятельской цепи, что и было исполнено; и когда обошедшая цепь, по лощине, кавалерия ударила с тыла неприятельской цепи, то персы так растерялись, что повернули обратно и стали, в остановившуюся в 50 шагах кавалерию, швырять камнями, причем получил ушиб один русский урядник К.⁹⁶³ Лошадь же австрийского инструктора г. Г., услышав сзади крики «ура», стала брыкаться, и сам г. Г. слетел с неё, получив вдобавок от своей же пехоты камнем в физиономию, отчего сигара его отлетела в сторону. По окончании манёвров, когда проходили мимо шаха церемониалом, и шах, увидав подбитую физиономию г. Г. и узнав в, чём дело, стал улыбаться, то г. Г. стал ему жаловаться на русского инструктора, говоря, что порядочные люди сзади не атакуют, и что потому русские поступили неправильно»⁹⁶⁴.

⁹⁶¹ Там же. С. 202.

⁹⁶² Насер – персидская форма арабского имени Насир – «помощник, поддерживающий, победитель, помогающий». Название было дано, поскольку изначально 2-й полк рассматривался как второстепенный. Реально же он стал лучший полком в ПКБ.

⁹⁶³ Видимо, Кириллов.

⁹⁶⁴ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 121.

При П.В. Чарковском ПКБ получила и первое боевое крещение⁹⁶⁵. В 1882 г. 100 «казаков» были «в числе прочих войск» командированы персидским правительством в Астрабадскую область «для обуздания туркмен». Затем в 1884 г. было послано 300, а в 1885 г. – 100 человек⁹⁶⁶. «Я знаю о недавних двух-трёх походах персидских войск на кочующих на персидской границе племена курдов и туркменов, – писал бывший в Иране в 1882–1888 гг. Мисль-Рустем, – во всех этих случаях персидские войска были побиты, а кочевники скрывались от них за границу»⁹⁶⁷. «В 1883 году (ошибка, поход был в 1882 г. – О.Г.), для наказания небольшого туркменского племени приатрекских гокленов, за совершенное ими вторжение в персидские пределы с целью грабежа, – сообщал М. Алиханов-Аварский, – шах послал большой отряд, который был разбит этими кочевниками и обращен в бегство, при чём потерял большую часть своих лошадей и мулов»⁹⁶⁸. О последней экспедиции против туркмен-йомудов в сборнике российского Военного министерства сообщалось следующее: «В 1885 г. был снаряжён экспедиционный отряд на реку Атрек для усмирения туркмен-йомудов. При выступлении он состоял из 1 600 человек пехоты, 200 “казаков”⁹⁶⁹ и 200 человек иррегулярной конницы, всего 2 000 человек. На Атрек прибыло 600 человек, остальные дезертировали по пути»⁹⁷⁰. К сожалению, о подробностях участия «казаков» в экспедициях известно только то, что среди них были убитые и утрачено 28 винтовок⁹⁷¹.

⁹⁶⁵ Н.К. Тер-Оганов ошибочно называет первой такой акцией попытку использовать бригаду в 1895 г. для разоружения туркменского племени йомудов [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 86].

⁹⁶⁶ РГВИА. Ф. 401. 1899. Оп. 5. Д. 61/№173-259. Л. 20.

⁹⁶⁷ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 36–37.

⁹⁶⁸ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 232.

⁹⁶⁹ Численность «казаков» отличается здесь от указанной в справке одного из следующих командиров ПКБ.

⁹⁷⁰ Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1894. С. 804.

⁹⁷¹ РГВИА. Ф. 401. 1899. Оп. 5. Д. 61/№173-259. Л. 20.

3.4. Проблемы в функционировании русской военной миссии

Однако внешний лоск не мог прикрыть внутренних недостатков. «По-моему и по отзывам других, – констатировал один из инструкторов ПКБ, – это лучшая часть персидской кавалерии, хотя далеко ей до русской, даже до казаков, несмотря на все старания русских инструкторов»⁹⁷². В ПКБ всё больше проникала система отношений, характерная для персидских вооружённых сил и общества в целом. Главной проблемой оставалась финансовая. П.В. Чарковский вынужден был прибегать к широким мерам экономии, т. к. большое количество денег уходило на содержание «пенсионеров». К тому же система финансирования бригады требовала от Заведующего умения решать экономические вопросы так, чтобы избежать бунтов в ПКБ и сохранить при этом её внешний вид. Ещё И.Ф. Бларамберг, побывавший в Иране в качестве военного советника и агента в 1830-х – 1840-х гг., отмечал, что «в Персии вообще придают большое значение внешнему блеску и роскоши»⁹⁷³. Относительно Насреддин-шаха данное высказывание оправдывалось полностью – внешний эффект от ПКБ для него имел больше значения, чем её реальная боеспособность.

По прежнему оставалось актуальным замечание А.И. Домонтовича о «неаккуратной выдаче на содержание бригады денег», которая «препятствует правильному ведению дела»⁹⁷⁴. В персидской армии существовала сложная система выдачи сумм на содержание отдельных воинских частей. Поскольку ПКБ являлась частью иранских вооружённых сил, то она также подчинялась общепринятым нормам. «Генерал-интендант армии ведёт ведомость всем денежным окладам, предоставляет её ежегодно сам на утверждение шаха, который указывает из каких источников они должны быть уплачены, и тогда выдаются начальникам отдельных частей квитанции для предъявления их государственному казначею»⁹⁷⁵. Каждая из указанных квитанций должна была быть снабжена печатями 14-ти высших

⁹⁷² Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 142.

⁹⁷³ Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, 1978. С. 102.

⁹⁷⁴ Российскому императорскому чрезвычайному посланнику и полномочному министру // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 133.

⁹⁷⁵ [Вревский А.Б.] Персия // Военно-статистический сборник. СПб.: Военная типография, 1868. Вып. 3. С. 29.

сановников⁹⁷⁶. В.А. Франкини сообщал, что государственные доходы в Персии были сосредоточены в руках министра внутренних дел, поэтому военное казначейство снабжалось по смете, составляемой ежегодно весною «из сумм главного казначейства посредством ежемесячного аванса в 64 000 туманов и несрочных добавочных ассигнования». Министру внутренних дел сообщалась общая сумма, а та распределялась военным министром.⁹⁷⁷ «Всякий расход, – писал В.А. Франкини, – необходимый для снабжения материалами технических заведений, либо для удовлетворения жалованием частей войск и служащих, должен предварительно быть одобрен военным министром. По получении разрешения, ему предоставляется проект ассигновки (чека – О.Г.), на котором он накладывает свою печать. Одобренные ассигновки, касающиеся материальной части, прямо предоставляются в казначейство для уплаты, те же, которые касаются личного состава, проверяются предварительно в канцелярии Везири-лешкера (контролёр Военного министерства – О.Г.). Уплоченные ассигновки возвращаются к Везири-лешкере, записываются и окончательно передаются в Министерство внутренних дел, где общая цифра их, без всякой другой формальности, вписываются в расход по смете Военного ведомства».⁹⁷⁸ «Своевременная уплата по ним (ассигновкам или вексям – О.Г.) производится только в том случае, если в казне есть деньги и притом если казначею поднесен значительный пишкеш, в противном случае деньги удерживаются им для получения с них процентов в свою пользу. Подобного рода злоупотребления повторяются последовательно всеми военными чинами, так что определённое сарбазам жалование, обыкновенно, остаётся почти всё в карманах высших административных чинов и полковых командиров».⁹⁷⁹ «Никто не смеет требовать должного, – писал российский наблюдатель, – иначе вместо денег ему

⁹⁷⁶ Записка о состоянии вооружённых сил Персии, 16 декабря 1863 – 30 января 1864 года // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 118.

⁹⁷⁷ Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 27.

⁹⁷⁸ Там же. С. 28.

⁹⁷⁹ [Вревский А.Б.] Персия // Военно-статистический сборник. СПб.: Военная типография, 1868. Вып. 3. С. 29.

дадут расписку на имя сарафа, т. е. сборщика податей, который за немедленную выдачу сейчас возьмёт себе с вашего содержания 30, а то и 50 %»⁹⁸⁰.

Как видим, вся система финансирования была «завязана» на военном министре, и в случае с ПКБ именно он был важнейшей препоной, поскольку удерживал часть средств бригады в свою пользу. Следует также отметить, что существенной причиной финансовых неурядиц ПКБ было и то, что изначально не было согласовано и подписано никаких долгосрочных документов, определявших бюджетные ассигнования, их расходование и отчётность. Фактически всё осуществлялось на основе договорённостей российской Миссии с шахом и военным министром каждый раз при назначении нового Заведующего. В результате, П.В. Чарковский постоянно сталкивался с несвоевременной выдачей ему денег на содержание ПКБ⁹⁸¹. К тому же деньги выплачивались бригаде только начиная несколько месяцев спустя после начала года⁹⁸². Бюджет на 1882–1883 год составлял 66 536 туманов⁹⁸³ и тенденции к увеличению не имел. Мисль-Рустем так описывал финансовую сторону жизни бригады. «Полковнику отпускается на бригаду известная сумма, по утверждённому шахом бюджету, – скажем, например, 75 000 туманов в год; но всех денег ему не выдадут: удержав немало в пользу военного министерства, да ещё «сараф» – сборщик податей – взыщет проценты, так как чеки выдаются на получение денег преждевременные. Затем полковники должны иногда подносить, как и настоящие персы, военному министру и даже шаху подарки ... Ведь эти подарки стоят тоже немало, что должно вызывать экономию, в виду которой в бригаде налицо, особенно летом, половина людей в отпуску, между тем числятся все»⁹⁸⁴. К тому же, деньги, выделявшиеся на 3-й полк, не фигурировали в официальных документах финансового ведомства⁹⁸⁵. «Жалование 3-го полка

⁹⁸⁰ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 118.

⁹⁸¹ РГВИА. Ф. 401. 1885. Св. 1100. Оп. 4. Д. 57. Л. 4.

⁹⁸² РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 90.

⁹⁸³ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада: период трансформации (1894–1903 гг.) // Восток. 2010. № 3. С. 77.

⁹⁸⁴ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 150.

⁹⁸⁵ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 83.

выдавалось помимо русского полковника и выплачивалось крайне неаккуратно»⁹⁸⁶, то есть фактически было предметом финансовых махинаций военного министра. Подробное распределение расходов по статьям Военного министерства (в том числе, и по ПКБ) находилось в руках военного министра и было известно только ему одному. Он хранил «роспись в своём портфеле» и никому её не сообщал. Для утверждения же государственному совету, казначейству и шаху представлялась общая смета расходов по содержанию армии⁹⁸⁷. Наиб ос-Солтане «довольно богат, пользуясь зачастую содержанием офицеров персидской армии и принимая «бешкеш» (пишкеши – О.Г.) при утверждении каждого бюджета (сметы) на расходы полков», – писал по этому поводу российский источник⁹⁸⁸.

Следствием экономии средств было снижение качества подготовки людей бригады. Экономить приходилось практически на всём. Так, указанный автор, наблюдавший ПКБ около 6 лет, сообщал, что П.В. Чарковский «одевал на лето людей в рубахи, а черкески прятал в цейхгаузы, с одной стороны, по случаю жары, а с другой – для экономии черкесок»⁹⁸⁹. Происходит постепенный отход от принципов хозяйствования, заложенных А.И. Домонтовичем. Показателем этого стал случай, когда П.В. Чарковский решил не давать порционные деньги на руки, чтобы те не были израсходованы не по назначению. «Но это удалось ему не надолго, – сообщал Мисль-Рустем. – появился ропот, и пищу перестали варить». «Дело в том, – пояснял он, – что на полученные порции персидский “казак” умудряется кормить всю свою семью, а из котла это сделать невысказано»⁹⁹⁰. Таким образом, идея первого Заведующего о том, что довольствие людей пищей не должно отдаваться на руки каждому всаднику отступила перед реалиями персидской жизни. Итогом финансовых проблем стало то, что ко времени окончания контракта полковник не сумел вовремя предоставить «отчётность о расходовании сумм».

⁹⁸⁶ Там же. Л. 90.

⁹⁸⁷ Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1888. С. 48.

⁹⁸⁸ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 85.

⁹⁸⁹ Там же. С. 151.

⁹⁹⁰ Там же. С. 145.

Российский посланник охарактеризовал это как «недоразумение»⁹⁹¹. А заключалось оно в том, что военный министр Камран-мирза удержал часть выплат в размере 6 000 туманов в свою пользу⁹⁹². Тем не менее, с каждым новым Заведующим «недоразумение» это разрасталось и в итоге чуть не привело к ликвидации ПКБ.

При П.В. Чарковском получает распространение такое общеперсидское явление, как перевод части личного состава бригады «в отпуска». Продолжая числиться в ПКБ, солдаты отпускались по домам на заработки. Это позволяло экономить их жалование (в отпуске полагалось выделять на солдата половинное содержание), но, одновременно, вызывало нарекания на полковника в стремлении обогатиться за счёт «казаков»⁹⁹³. «Вот и экономия, – сетовал Мисль-Рустем, – её хватает с остатком, почему все европейцы и говорят плохо о наших полковниках»⁹⁹⁴. Однако, как нам представляется, эти нарекания были вызваны деятельностью следующего Заведующего. В целом же финансовые проблемы привели к тому, что при отъезде из Персии в 1885 г. П.В. Чарковский не смог своевременно предоставить отчётность о расходовании сумм⁹⁹⁵. Впрочем, история ПКБ свидетельствует, что этот факт не может быть использован как безоговорочное доказательство финансовой нечистоплотности Заведующего. Проблемы со сдачей финансового отчёта посланнику возникали у каждого из командиров бригады в XIX в. А.М. Колюбакин в своей работе, написанной на материалах деятельности А.И. Домонтовича, отмечал, что «само правительство крайне неакуратною выдачею содержания вынуждает начальников увольнять людей домой и на заработки нередко целыми частями. Это испытали и европейские инструкторы – австрийцы и русские, – не смотря на то, что шах особенно интересовался их деятельностью и лично заботился о частях, ими

⁹⁹¹ РГВИА. Ф. 401. 1885. Оп. 4. Св. 1100. Д. 57. Л. 5.

⁹⁹² Косоговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 393.

⁹⁹³ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С 150–151.

⁹⁹⁴ Там же. С. 150.

⁹⁹⁵ РГВИА. Ф. 401. 1885. Св. 1100. Оп. 4. Д. 57. Л. 5.

обучаемых»⁹⁹⁶. В случае П.В. Чарковского фактов и сведений для выяснения всех причин финансовых неурядиц, к сожалению, не хватает.

Внешне структура и деятельность ПКБ выглядели вполне респектабельно⁹⁹⁷. Однако сложно полностью согласиться с мнением А. Ржевусского (сделанным, к слову, в начале XX в.), которое приводит О.А. Красняк, о том, что «Персидская казачья бригада ... занимала в иранских вооружённых силах особое положение и уже к этому времени представляла собой хорошо организованную воинскую часть»⁹⁹⁸. Действительно, по персидским меркам ПКБ была элитным подразделением с хорошей организацией и финансированием. В то же время внешние показатели не должны затенять внутренние процессы. Как констатировалось в «Докладе по вопросам, касающимся современного положения Персидской казачьей бригады», составленном в октябре 1907 г., на первых порах своего существования ПКБ являлась «обыкновенной, лишь лучше обученной» частью иранской армии⁹⁹⁹. Так, несмотря на относительно регулярное обучение казаков (три раза в неделю, каждое не более двух часов¹⁰⁰⁰), главное, чему обучали ПКБ – джигитовке и дефиле, или церемониальному маршу¹⁰⁰¹. «Все люди, стоящие во главе армии, – пояснял капитан артиллерии, бывший заместитель начальника кавказского артиллерийского полигона Пётр Петрович Кублицкий, доставивший в октябре 1883 г. в Тегеран батарею орудий для ПКБ, – включая сюда и военного министра Наиба ос-Солтане, не имеют никакого понятия о военном деле и считают верхом совершенства, если часть приблизительно ровно пройдёт церемониальным маршем»¹⁰⁰². «Бригада ходит церемониалом чудесно», – отмечал наблюдатель¹⁰⁰³.

⁹⁹⁶ Колюбакин. Очерк вооружённых сил Персии в 1883 г. и население, как источник комплектования персидской армии // СМА. 1883. Вып. 4. С. 49.

⁹⁹⁷ Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 80.

⁹⁹⁸ Там же. С. 80; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 65.

⁹⁹⁹ Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 452. Выделение ПКБ из остальной армии произошло лишь в 1895 г. и было подтверждено новым шахом в 1896 г., с переподчинением её первому министру – садразаму [РГВИА. Ф. 401. 1901. Оп. 5. Д. 515. Л. 58].

¹⁰⁰⁰ Кублицкий. Современная персидская артиллерия (1883) // СМА. 1884. Вып. 11. С. 71.

¹⁰⁰¹ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 223.

¹⁰⁰² Кублицкий. Современная персидская артиллерия (1883) // СМА. 1884. Вып. 11. С. 71.

Один из инструкторов в своих воспоминаниях, приоткрывая сложности военной подготовки, писал следующее: «Обучать сарбаза очень трудно. Хотя команда произносится по-персидски, но они очень невнимательны и безо всякой охоты относятся к своему делу. Иногда даже и офицеры не хотят становиться по ранжиру, так как считаются родами, происхождением, и встать ниже другого считают для себя оскорблением. Много пришлось с этим повозиться бедным инструкторам. Вне службы сарбазы окончательно распущены и редко признают своих офицеров, без стеснения разгуливают в полуформенном-полунациональном костюме ... Сарбаз ещё почтителен к иностранному инструктору или к богатому своему офицеру, а на простого бедного и не посмотрит. Виноваты в том сами офицеры: они, заискивая, часто подают сарбазу руку, когда он нукер, т. е. слуга какого-нибудь влиятельного лица (заискивание в Персии очень развито), во время отдыха, на учении или в карауле курят с сарбазом из одного кальяна и, зачастую, едят вместе, а затем, где только можно, пользуются хоть грошами с дохода сарбаза; если сарбаз не дал взятку, его требуют каждый раз на учение и не пустят в отпуск, а если он дал ближайшему начальнику, то может свободно торговать себе на базаре и не являться на ученье»¹⁰⁰⁴. Дисциплина в ПКБ также отличалась от существовавшей в европейских военных частях. Показательный пример привёл в своих воспоминаниях Мисль-Рустем. «В караульных комнатках положено быть всем находящимся в наряде караула, как нижним чинам, так и офицерам, дежурным по полкам и бригаде; но последние, большею частию, бывают там только тогда, когда ждут кого-нибудь или проверки русскими инструкторами. Раз ночью мне пришлось с К. и В. пойти туда для того, чтобы узнать, что делается ночью в казармах и карауле, и мы увидели такую картину: в караульной комнате на полу, на войлоках, расположились офицеры: явера (майоры), Алибек (дежурный по бригаде) и друг., и до 10 нижних чинов; все они спали рядом, в одном белье, а у ворот преспокойно спал часовой, прикрывшись шинелью, чрез которого мы и переступили»¹⁰⁰⁵. Как видно из этой

¹⁰⁰³ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 149.

¹⁰⁰⁴ Там же. С. 122.

¹⁰⁰⁵ Там же. С. 143.

зарисовки, русским офицерам далеко не во всём удавалось перебороть традиции персидской армии¹⁰⁰⁶.

Крайне отрицательную характеристику ПКБ дал побывавший в 1883 г. в Хорасане российский офицер А.М. Алиханов-Аварский. Численность её не всегда достигает даже 750 человек, сообщал он¹⁰⁰⁷. «Этот в сущности *милиционный конный полк* (Так в тексте – О.Г.) совершенно произвольно назван *бригадой*, а тем более – *казачьей*, ибо, помимо костюма кавказских горцев, часть эта не имеет ничего общего с казаками»¹⁰⁰⁸. Следует учитывать, что офицер был сторонним наблюдателем и не знал об истинных целях со стороны России создания и поддержания ПКБ. К тому же многие сведения он заимствовал у Мисль-Рустема, и они имеют более поздний характер. Тем не менее, в основном он был прав – обучение бригады, с точки зрения европейского военного, находилось далеко не в лучшем состоянии.

Одной из главных внутренних причин этого, скорее всего, было не нежелание полковника, а отсутствие средств. П.В. Чарковский заботился о бригаде, но вынужден был приспособливаться к существующим условиям. Так, «за 6 лет, что я пробыл в Персии, – писал Меняев, – в бригаде не было ни одного учения стрельбы боевыми патронами»¹⁰⁰⁹. «Зачем попусту тратить дорого стоящие патроны?! – приводил высказывание военного министра, третьего сына Насреддин-шаха, Камран-мирзы Наиба ос-Солтане А.М. Алиханов-Аварский. – ... Ведь в военное время придётся стрелять не в птиц, даже не в одиночных людей, а в массы, по которым и мальчишки наши не дадут промаха!»¹⁰¹⁰. Экономить патроны для стрельбы приходилось, так как пополнить их убыль было нечем. «Мне достоверно известно, – сообщал П.П. Кублицкий, – что в настоящее время в казачьей бригаде

¹⁰⁰⁶ Нельзя согласиться с мнением О.Р. Айрапетова, что «5 русских и несколько унтер-офицеров инструкторов (на самом деле – 3 и 5 соответственно – О.Г.) не могли обеспечить должного качества подготовки» [Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М., 2014. 495 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/na-puti-k-krahu-russko-yaponskaya-vojna-1904-1905-gg-voenno-politicheskaya-istoriya-read-399953-1.html>]. Дело было не в инструкторах, а в тех условиях, в которые их поставили русские власти, не желавшие создания сильной иранской армии, а также и в персидских реалиях, «победить» которые было чрезвычайно сложно.

¹⁰⁰⁷ Штатная численность кавалерийского полка в России.

¹⁰⁰⁸ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 222.

¹⁰⁰⁹ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 149.

¹⁰¹⁰ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 212–213.

весь боевой комплект патронов на 600 винтовок Бердана ограничивается двумя с половиной тысячами, т. е. всего по *четыре* патрона на ружьё. Эти патроны приготовления 1875 г. и степень годности их сомнительна, ибо они не лакированы. Когда получен был младшим сыном шаха, Наиб ос-Солтане, подарок от государя императора, состоящий из 60-ти ружей Бердана и 20 тысяч патронов, то заведывающий обучением персидской кавалерии ГШ полковник Чарковский хлопотал о передаче ему из этого числа 3 тысяч штук, но не знаю, увенчались ли эти хлопоты успехом»¹⁰¹¹. В то же время, и расходовали их не всегда рационально, и не по вине Заведующего. В частности, из-за плохого качества местного пороха, патроны от русских ружей использовали для холостой стрельбы по приказу военного министра на шахских манёврах тегеранского гарнизона. «Ведь вынимали же пули из патронов Бердана для осенних (1883 г. – О.Г.) манёвров, в то время, как весь запас этих патронов ограничивался двумя с чем-то тысячами штук на 600 винтовок», – сообщал П.П. Кублицкий в 1883 г.¹⁰¹². То же касалось и артиллерии. «За 1883 по 1898 г., – сообщал в 1898 г. посланнику новый командир ПКБ В.А. Косооговский, – Персидская ”казахья“ батарея (к тому времени она насчитывала уже 8 орудий – О.Г.) за невозможностью пополнения выпускаемых снарядов, не производила почти вовсе стрельбы боевыми снарядами, лишь время от времени выпуская несколько гранат на потеху шаха. Следствием этого является то, что, будучи хорошо обучены в строевом отношении и действию при орудиях, офицеры и прислуга в сущности не имеют понятия о стрельбе боевыми снарядами»¹⁰¹³.

¹⁰¹¹ Кублицкий. Современная персидская артиллерия (1883) // СМА. 1884. Вып. 11. С. 69. Впрочем, страдали от недостатка огневых средств не только русские инструкторы. Так, в пехоте тебризской армии, инструктировавшейся австрийцами, практические стрельбы вообще не входили в курс обучения [Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. 61].

¹⁰¹² Кублицкий. Современная персидская артиллерия (1883) // СМА. 1884. Вып. 11. С. 68.

¹⁰¹³ РГВИА. Ф. 401. 1899. Оп. 5. Д. 61/№173-259. Л 38. Примерно такая же ситуация была и в других артиллерийских частях иранской артиллерии. Например, учения тебризской артиллерии, руководимой австрийскими инструкторами, состояли лишь в приёмах при орудиях «примерно, без снарядов» [Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. 64]. Однако артиллерийская батарея ПКБ имела лучшую организацию и подготовку, а также была более дисциплинированной.

Привилегированное положение ПКБ также было лишь отчасти. Заключалось оно в том, что обучали «казаков» русские инструкторы, находилась бригада под патронажем российской дипмиссии и жалование в ней платили регулярно в сравнении с другими частями персидской армии. К тому же, как отмечал Мисль-Рустем, «все полки персидской кавалерии, за исключением трёх в городе Тегеране, обучаемых русскими инструкторами, т. е. Казачьей персидской бригады, живут по домам, никогда не производят учений и собираются только на смотр шаха, по его требованию, что случается раз в год, а то и реже»¹⁰¹⁴. В остальном же ПКБ являлась составной частью иранских вооружённых сил, на которую распространялось большинство их правил и недостатков. Бригада являлась также частью тегеранского гарнизона¹⁰¹⁵. Вопреки расхожему убеждению¹⁰¹⁶, она не была ни личным конвоем, ни гвардией шаха. Конвойные функции исполняли только «казаки» из гвардейского эскадрона, сопровождавшие шаха в поездках по стране в составе других частей. Например, в 1883 г. при поездке в Мешхед на поклонение (здесь находились и находятся гробница имама Резы) персидский правитель взял с собой два полка пехоты, 100 человек из ПКБ, две батареи (на верблюдах и мулах), до 6 000 иррегулярной кавалерии¹⁰¹⁷. И при Насреддин-шахе, и при наследовавшем ему Мозаффарэддин-шахе «гвардией» и личными частями, охранявшими персидского правителя, были гулямы¹⁰¹⁸, а телохранителями – воины из племени Каджаров¹⁰¹⁹.

¹⁰¹⁴ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 133.

¹⁰¹⁵ В указанное время гарнизон Тегерана достигал 3 000 пехоты. «Пехотные полки приходят в Тегеран попеременно, на более или менее продолжительное время. Только один полк и «Фуудж-Махсус» постоянно находятся в Тегеране; кроме того, полурота так называемой гвардии Наиб ос-Солтане» [Там же. С. 123].

¹⁰¹⁶ Калугин С. Персидская казачья его величества шаха Персии дивизия // Русская армия в изгнании / Сост. С.В. Волков. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. С. 364; Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 451; Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. С. 175; Стрелянов (Калабухов) П.Н. Казаки в Персии. 1909–1918 гг. М.: Центрполиграф, 2007. С. 215; Шишов А.В. Персидский фронт (1909–1918): Незаслуженно забытые победы. М.: Вече, 2010. С. 20.

¹⁰¹⁷ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 61.

¹⁰¹⁸ Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 57; Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 96; Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 20–21.

«Гулямы сопровождают шаха в поездках каждый раз, как он выезжает из дворца. Затем, имеется ещё при дворце шаха всегда до 50 человек кадjarцев, т. е. из племени кадjarов, откуда происхождением и сам шах; они держат только караул у комнаты шаха, как самый благонадёжный для него народ»¹⁰²⁰.

Как уже отмечалось, в распоряжении бригады находились казармы, конюшни, кладовые для фуража и другие хозяйственные и жилые помещения. Однако наблюдавший их изнутри Мисль-Рустем сообщал, что часть имеющегося была отделана на показ приезжающим высшим лицам, а основные постройки не обновлялись и постепенно приходили в упадок¹⁰²¹. Так, упоминавшаяся дежурная комната «открывалась только для какого-нибудь приёма или для русских инструкторов, а остальное время была заперта, так как персы живо её изгадили бы. Это была, так сказать, дежурная комната на показ приезжим. Настоящие же караульные комнаты были маленькие, без мебели, весьма грязные и закоптелые ... и находились под воротами»¹⁰²².

Ещё одним негативным явлением, которое «захлестнуло» ПКБ, был переизбыток офицеров. Дело в том, что в чинопроизводстве командир бригады не был самостоятелен и не мог его регулировать. Будучи частью персидских вооружённых сил, ПКБ подпадала и под их практику формирования командного корпуса. «На качество офицеров здесь также не обращено внимания, – писал М.А. Алиханов-Аварский. – их производит не только военный министр за плату, но и сам командир бригады без особого разбора»¹⁰²³. Помимо этого, как отмечалось выше, в офицеры за подношения производил и сам шах. В персидской армии существовало неписанное правило, согласно которому все чины от наиба (подпоручика) до султана (капитана) жаловались командиром фоджа, от султана до сартипа (генерала) – военным министром, а в сартипом становились лишь по повелению

¹⁰¹⁹ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 73.

¹⁰²⁰ Там же. С. 132.

¹⁰²¹ Там же. С. 142–146. Правда, следует заметить, что указанный автор не всегда говорит, ко времени какого из полковников – П.В. Чарковского или сменившего его Н.Д. Кузьмина-Караваева – относятся зарисовки.

¹⁰²² Там же. С. 143.

¹⁰²³ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 233.

шаха¹⁰²⁴. Полковник мог производить в чины самостоятельно до султана, не доводя до сведения персидского правителя¹⁰²⁵. Требовалось только утверждение военного министра. О последнем же русский офицер-инструктор вспоминал, что «он любит быть окружённым льстецами и очень легко раздаёт чины офицерам. Вообще нравственность его пользуется дурной репутацией даже среди персов. Говорят, что он годами не прикладывает своей печати, то есть подписи к фирманам и грамотам на утверждение наград, если через адъютантов не передали ему требуемого им «бешкеша», подарка»¹⁰²⁶.

Однако М.А. Алиханов-Аварский был не совсем прав, критикуя командира бригады. В России начальники отдельных частей имели право представления к производству в штаб-офицеры и награждению¹⁰²⁷. Этому же добивались и первые Заведующие – контроля над чинопроизводством. Командиры ПКБ были поставлены в такое положение, что вынуждены были мириться с назначениями «извне». Со стороны же, несведущему человеку, особенно привыкшему к строгой системе производства в офицерские чины в европейских армиях, казалось, что Заведующий неразборчив в выборе. Но, с другой стороны, при господствовавших в вооружённых силах и администрации Персии порядках, чинопроизводство становилось доходной статьёй для производящего. Сложно сказать, насколько первые два полковника пользовались своим положением для улучшения собственных финансовых дел. Мисль-Рустем обвинял А.И. Домонтовича, что тот в 1879 г. «принял на службу в бригаду нижним чином ... водоноса, курда, необразованного и безграмотного Керим-хана», через год произвёл его в офицеры, а в 1882 г. он был уже

¹⁰²⁴ Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1894. С. 797.

¹⁰²⁵ Сведения Н.П. Мамонтова [Мамонтов Н.П. Очерки современной Персии. СПб.: Типография В.Ф. Киришбаума, 1909. С. 92], посетившего Иран в 1908 г., и писавшего, что производство в офицеры полностью зависело от Заведующего, имеют более поздний характер и к рассматриваемому периоду не применимы. К слову возмущение М. Алиханова-Аварского тем, что «производить в чины, до капитана включительно, предоставлено даже иностранным инструкторам» [Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 214], свидетельствует о том, что офицер не слишком хорошо разобрался в данной ситуации.

¹⁰²⁶ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 85. Здесь же Мисль-Рустем в качестве примера привёл случай попытки махинации Камран-мирзы с затворами для ружей Крнка, установка которых должна была принести ему около 1 000 туманов (ок. 3 000 рублей) [Там же С. 85–86]. Эта комбинация сорвалась, однако такое было далеко не со всеми его операциями.

¹⁰²⁷ РГВИА. Ф. 401. 1899. Оп. 5. Д. 61/№173-259. Л. 121.

генералом¹⁰²⁸. Однако в данном случае правильнее видеть политику первого Заведующего, который вынужден был в борьбе с мухаджирами опираться на немухаджиров. Относительно П.В. Чарковского прямых сведений такого рода нет. Возможно, он взял на вооружение практику предшественника относительно производства в офицеры, так как также вынужден был бороться с привилегированным положением бывших жителей Южного Кавказа. Показателен случай с упоминавшимся Керим-ханом. В 1882 или в 1883 г. он был произведён в генералы, а в 1884 г. «сделал на площади русскому полковнику Ч. скандал, за что и был переведён шахом в Исфахан», где с 1885 г. стал начальником местной кавалерии¹⁰²⁹. Подробности скандала неизвестны. Но с точностью можно утверждать, что он проявил ещё одну проблему. Некоторые новопроизведённые офицеры из неродовитых стали ставить себя слишком высоко, кичиться своим положением, забывая о том, кому и чему они обязаны продвижением.

С другой стороны, можно допустить, что полковник производил в офицеры и мухаджиров, чтобы заручиться их лояльностью. Считавшие себя потомками знатных мухаджиров, «находили службу в нижних чинах бригады для себя унижительною»¹⁰³⁰. Та же ситуация складывалась, если командирами над родовитыми мухаджирами назначали неродовитых¹⁰³¹. К этому добавлялась практика передачи среди мухаджиров чинов по наследству. «Так, вы нередко можете встретить «сартипа» – генерала, 8 лет, – отмечал Мисль-Рустем, – которому уже вдолбили в голову, что он «сартип», значит должен держать себя важно,

¹⁰²⁸ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 146–147.

¹⁰²⁹ Там же. С. 136, 147.

¹⁰³⁰ Косоховский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 393.

¹⁰³¹ В значительной степени указанную проблему взаимоотношений между офицерами даёт понятие свидетельство Л.К. Артамонова, изучавшего азербайджанские войска в 1889 г. «Отношения младших офицеров к старшим чисто лакейские. Так, например, однажды я был в гостях у артиллерийского штаб-офицера: нам всё время прислуживал (до снятия сапог включительно) старший субалтерн-офицер (поручик), считавший себя даже польщённым такой обязанностью ... Это, строго говоря, тип персидского офицера, бедного, без связей и протекции. С другой стороны, старший, напр. сартип, раболепствует перед младшим в чинах, но знатным по богатству, связям и происхождению» [Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. 59].

чинно»¹⁰³². Поэтому Заведующий вынужден был лавировать, чтобы избежать внутрибригадных конфликтов. Что касается продажи чинов, то Мисль-Рустем распространял свои соображения о финансовой нечистоплотности командиров бригады на трёх первых полковников в общем¹⁰³³, и основаны они были во многом на слухах и неправильно понятых действиях.

3.5. Результаты деятельности П.В. Чарковского

Из косвенных сведений видно, что П.В. Чарковский пользовался среди подчинённых большим авторитетом, а также стремился быть строгим и требовательным начальником¹⁰³⁴. Отдельные примеры, приводимые Мисль-Рустемом, свидетельствуют, что полковник также стремился поддерживать личный авторитет, офицерское достоинство и престиж пославшей его державы, как он их понимал, и при персидском дворе. Так, «русский полковник Ч., – писал свидетель, – был тоже однажды приглашён на священный салам в ночь Навруза, но ему поставили условием, чтобы он при входе в зал, где был назначен салам, снял сапоги. Полковник ответил, что он отказывается от чести лицезреть шаха на саламе, так как его ноги в носках, без сапог, не совместимы с русским парадным мундиром. Наиб ос-Солтане очень хотелось, чтобы полковник присутствовал, так как шах был всегда недоволен, если отсутствовали русские и всегда справшивал; поэтому Наиб ос-Солтане упросил полковника всё-таки быть, но одеть не сапоги, а кавказские чевяки: они, дескать, без подошв, значит не сапоги, но за чулки сойдут, что Ч. и исполнил, – оказалось, что и овцы целы, и волки сыты, то есть, вышло и по-персидски, и по-русски»¹⁰³⁵. В другом случае персидский министр юстиции «предлагал русскому полковнику наказать по пяткам палками одного “сергенка” (сарханга – О.Г.) (персидского полковника)¹⁰³⁶, заведующего конюшнями, за то, что тот не позволил

¹⁰³² Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 37–38.

¹⁰³³ Там же. С. 150.

¹⁰³⁴ Там же. С. 145–147.

¹⁰³⁵ Там же. С. 80.

¹⁰³⁶ Правильнее – сарханга.

полковнику взять для батареи лучших лошадей, хотя последний имел на это разрешение шаха ¹⁰³⁷. Только благодаря заступничеству русского полковника бедных сергенк не отведал обычных палок» ¹⁰³⁸. Следует также заметить, что в глазах шаха и опосредованно – военного министра Заведующий имел большой вес ¹⁰³⁹. «Я был свидетелем, – писал Мисль-Рустем, – как на одном учении русский полковник Ч. пожаловался военному министру на одного пехотного «явера» – майора, за то, что он занял плац, где должна была производить учения кавалерия, и не ушёл по его требованию; и вот Наиб ос-Солтане, подъехал к этому «яверу», командовавшему батальоном, вызвал его вперёд и приказал одному феррашу (слуге, исполнявшему полицейские функции – О.Г.) взять его себе на спину, а другим феррашам отпустить изрядное число палок (распространённое в Персии наказание палками по пяткам – О.Г.), после чего прогнал его из батальона; но через полчаса по просьбе русского же полковника, приказал ему вновь командовать батальоном» ¹⁰⁴⁰. Здесь проявился и дипломатический такт П.В. Чарковского, не пожелавшего обострять ситуацию и наживать себе врага.

Не вызывает сомнения и компетентность полковника: он много сделал для обустройства ПКБ, разработал «Руководство по обучению казачьей конной артиллерии», переведённое на фарси и изданное в Тегеране в 1885 г. ¹⁰⁴¹. Иностранцы отмечали, что «влияние командированных русских офицеров продолжает оставаться заметным» ¹⁰⁴². Со стороны бригада действительно производила впечатление. Английский врач Уильс писал: «3 года тому назад (Русский перевод был издан в 1887 г. – О.Г.) шах имел 3 ”казачьих“ полка,

¹⁰³⁷ Это была особенность персидской артиллерии, в которой орудиями, людьми и лошадьми заведовали отдельные начальники [Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1885. С. 564].

¹⁰³⁸ Там же. С. 83–84.

¹⁰³⁹ Правда, чем это объяснялось – боязнью оскорбить Россию или личными качествами П.В. Чарковского, с уверенностью утверждать сложно. Скорее всего, роль играли обе причины.

¹⁰⁴⁰ Там же. С. 117.

¹⁰⁴¹ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 65.

¹⁰⁴² Вооружённые силы Персии по Löbel Jahresbericht, 1887 // СМА. 1888. Вып. 29. С. 129. Следует заметить, что русские инструкторы, естественно, не всё время были заняты обучением «казаков». Определённое представление об их жизни вне службы дают воспоминания есаула Меняева [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 153–173]. Интересно, что приводимые им примеры досуга русских офицеров также свидетельствуют об авторитете военных представителей России в Стране Льва и Солнца.

получавших правильное жалование, при которых состояли инструкторами европейцы. Мне не приходилось видеть более красивого состава солдат и лошадей»¹⁰⁴³. Интересно и мнение указанного автора относительно места ПКБ во внешней политике России и англо-русском соперничестве. Сетуя на слабость Англии в Персии, Уильс отмечал силу русского влияния, значительно его преувеличивая. «Англия в глазах персиян, – замечал он, – есть пустой звук, а Россия – сила, перед которой нужно преклоняться и трепетать»¹⁰⁴⁴. Особо акцентируя внимание на возможностях персидской армии, англичанин считал, что в случае англо-русского столкновения в Азии «она может нам дать солдат ... нуждающихся лишь в умелом руководстве, чтобы превратиться в грозную армию». «Разве русские офицеры, – вопрошал он, – не сформировали и не обучили 3-х "казацких" полков под самым носом нашего представителя в Тегеране? Прежде бывало мы посылали в персидскую армию своих инструкторов; так же поступали и австрийцы. А теперь русские инструкторы и русское влияние совершенно нас вытеснили и уронили наш престиж»¹⁰⁴⁵. Очевидно, что Уильсу не были известны все перипетии, связанные с созданием и функционированием ПКБ. Да и силу русского влияния на всю армию он, как нам кажется, переоценивал (в конце концов, русские инструкторы возглавляли не всю кавалерию, а лишь её небольшую часть, а их австрийские коллеги занимались преобразованиями в пехоте и артиллерии). Тем не менее, внешний эффект деятельность ПКБ имела. Судя по англо-французским изданиям 1880-х–1890-х гг., мнение Уильса разделяли многие наблюдатели, а с их слов, – и обыватели в указанных странах. Эти опасения чётко проявились и в политических кругах Великобритании¹⁰⁴⁶. Тем не менее, российское правительство в рассматриваемый период не было заинтересовано в создании в Персии

¹⁰⁴³ Уильс. Современная Персия. Картинки современной персидской жизни и характера. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1887. С. 179.

¹⁰⁴⁴ Там же. С. 77.

¹⁰⁴⁵ Там же. С. 183.

¹⁰⁴⁶ Подробнее см.: Медведик И.С. Британские дипломаты в Тегеране: взгляд на англо-русский конфликт в Персии в конце XIX – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 6 (144). История. Вып. 30. С. 117; Ротштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIX века. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 221.

организованной вооружённой силы¹⁰⁴⁷. В этом контексте интересен вопрос, который до сих пор остаётся открытым – отношение полковника к Миссии.

Н.К. Тер-Оганов утверждал, что между П.В. Чарковским и А.А. Мельниковым в 1885 г. произошёл конфликт. Причиной его, как и в случае с А.И. Домонтовичем, было стремление командира ПКБ добиться статуса военного агента и большей независимости от русского дипломатического представителя¹⁰⁴⁸. К сожалению, автор не приводит ни ссылок на документы, ни подробностей конфликта. Известные нам источники не позволяют с уверенностью утверждать о наличии резких противоречий между представителями империи Романовых в Тегеране. Поэтому, если таковые и имели место, то они ждут своего исследователя. Тем не менее, вопрос этот важен для лучшего понимания истории ПКБ и требует небольшого пояснения. Поскольку перипетии конфликта между А.И. Домонтовичем и И.А. Зиновьевым нам известны достаточно хорошо, то в своих пояснениях мы будем отталкиваться от ситуации с первым Заведующим.

Как известно, А.И. Домонтович выдвигал, по словам посланника, те же требования, что и П.В. Чарковский, по словам Н.К. Тер-Оганова. И нужно заметить, что с точки зрения положения Заведующего и лично своего первый командир ПКБ имел основание это делать. Мисль-Рустем писал, что «русские ... инструкторы поставлены были гораздо лучше (чем другие инструкторы, находившиеся на персидской службе – О.Г.), так как составляли военную миссию, ходили в своих русских мундирах и находились под покровительством Русской императорской Миссии»¹⁰⁴⁹. Однако, это была лишь одна сторона медали. Дело в том, что вплоть до начала 1890-х гг. письменно были определены только обязанности Заведующего, но не его права¹⁰⁵⁰. «Выехав из России по распоряжению Кавказского начальства с урядниками, я здесь очутился в положении антрепренёра, – писал А.И. Домонтович.

¹⁰⁴⁷ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 60.

¹⁰⁴⁸ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 109.

¹⁰⁴⁹ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 171.

¹⁰⁵⁰ О.А. Красняк, не понятно из каких соображений, утверждает, что согласно контракта «русскому офицеру – командиру бригады предоставлялись большие права» [Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 75]. Это неверно.

– Урядники зависят в решении денежного вопроса, офицеры получают оговоренное содержание от персидского правительства, а я даже не имею никакого указания от начальства, в каком отношении они должны стоять ко мне. Власть полкового командира со всеми его действительными правами, едва ли достаточна при таких обстоятельствах. Здесь, в среде мусульманского, фанатического, ни в чем не ценящего свою жизнь народа, мы поставлены с требованием различных стеснительных и не всегда понимаемых ими правил. Малейшая оплошность, замедление офицеров в исполнении моих указаний может принести зло»¹⁰⁵¹. 5 декабря 1892 г. очередной Заведующий – полковник ГШ Н.Я. Шнеур – получил шахский дестихат (собственноручное повеление), устанавливавший новые правила управления бригадой¹⁰⁵². По этому поводу он писал своему начальству: «это первая попытка установить кое-какой порядок в бригаде и письменно определить права Заведующего обучением персидской кавалерии, так как до сих пор всё делалось по установившемуся обычаю»¹⁰⁵³. А.И. Домонтович, возглавляя ПКБ, формально числился штаб-офицером для поручений штаба Кавказского военного округа, находящимся в командировке. В случае с П.В. Чарковским этот недостаток, видимо, учли – он получил официальное назначение командиром ПКБ. Тем не менее, это было паллиативное решение. Формально он оставался лишь одним из многих командиров воинских частей, пусть и находившемся в несколько привилегированном положении. В Иране, где должность и статус имели большое значение, это мешало, снижая авторитет Заведующего как среди высших сановников, так и среди мухаджиров бригады, особенно знатных¹⁰⁵⁴. Военный

¹⁰⁵¹ Докладная записка [А.И. Домонтовича] о состоянии дел в казачьей бригаде, 24 октября 1879 г. // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 130.

¹⁰⁵² РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 89.

¹⁰⁵³ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 89.

¹⁰⁵⁴ Колоритный пример, случившийся с П.В. Чарковским, который можно опосредованно применить к описываемой ситуации и в ПКБ содержится в воспоминаниях Мисль Рустема. «Я был свидетелем, – писал он, – как на одном учении русский полковник Ч. пожаловался военному министру на одного пехотного «явера» – майора, за то, что он занял плац, где должна была производить учения кавалерия, и не ушёл по его требованию» [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 117]. Случай этот доказывает, что по формальному положению полковник не отличался от других командиров фоджей тегеранского гарнизона. К этому добавлялась ещё и зависть со стороны некоторых из последних (особенно, если они были знатного происхождения – из ханов, а таковых было большинство) к немусульманину, фактически имеющему большие привилегии, нежели они.

агент (атташе) являлся официальным представителем Военного министерства России за рубежом. Он был включён в дипломатический корпус, пользовался соответствующими привилегиями и только в политических вопросах подчинялся посланнику¹⁰⁵⁵. Получив статус военного атташе, полковник переподчинялся бы в военных вопросах военному министру, и в некоторой степени освобождался из-под плотной опеки дипломатов. Ничего этого, за исключением зависимости от главы дипкорпуса, ни первый, ни второй Заведующие не имели.

Следует отметить, что командиры бригады одновременно являлись тайными военными агентами, то есть должны были доставлять в штаб Кавказского военного округа и в Военно-учёный комитет Главного штаба сведения относительно иранской армии, путей сообщения, вооружения и прочее, что предусматривалось «Инструкцией военным агентам и лицам, занимающим их должности» 1880 г. Статус официального военного атташе способствовал бы большей активности полковников в указанном направлении. А так загруженность бригадными делами не позволяла им полноценно выполнять функции по военной разведке.

К тому же полковники находились в щекотливом положении. Формально, согласно контракту, они должны были подчиняться военному министру (а неформально – шаху). Как представители России, они обязаны были согласовывать все свои действия с главой дипломатической Миссии. К тому же, как тайные военные агенты командиры ПКБ зависели от командования Кавказского военного округа (хотя эта зависимость была меньше, нежели две первые). В результате, Заведующие оказывались как бы тройном перекрывающемся подчинении. Главной проблемой в данном положении было то, как следовало себя вести в случае конфликта интересов шахской российской сторон. Невыполнение пожеланий персидского правителя или военного министра влекло за собой ухудшение отношения с их стороны к заведующему и ПКБ. В свою очередь, игнорирование или неполное выполнение инструкций российской Миссии могло спровоцировать конфликт с ней и отзыв из Тегерана. Исходя из вышеизложенного, нет ничего удивительного, если П.В. Чарковский действительно обращался к посланнику и кавказскому начальству с просьбами усилить своё положение. Тем не менее, фактов,

¹⁰⁵⁵ РГВИА. Ф. 401. 1885. Св. 1099. Оп. 4. Д. «О военных агентах и лицах, занимающих их должности». Л. 10.

доказывающих это, пока не известно. Судя же по внешним признакам, П.В. Чарковский, видимо, не стремился играть самостоятельную роль, как А.И. Домонтович, и старался исполнять указания русской Миссии.

14 февраля 1885 г. полковник В.П. Чарковский был назначен исполняющим должность начальника штаба 21-й пехотной дивизии¹⁰⁵⁶, а в июне, в связи с окончанием контракта, полковник отправился в Россию¹⁰⁵⁷. Из Ирана, помимо воспоминаний, он привёз богатую коллекцию различных предметов искусства, хранящуюся в Эрмитаже¹⁰⁵⁸. До прибытия нового Заведующего, как и в предыдущий раз, исполнять его обязанности было поручено есаулу Е.А. Маковкину. Вместе с полковником из Персии убыло 2 офицера и 1 урядник из состава миссии. Остальные решили продолжить службу в ПКБ.

Таким образом, за время командования П.В. Чарковским ПКБ приобрела классический вид, который формально не изменялся вплоть до конца XIX в.¹⁰⁵⁹. Внешне это была хорошо организованная, обмундированная и обученная воинская часть. Однако внутренние проблемы, проявившиеся в бригаде с момента её появления, приобретают в рассматриваемый период более выраженные черты. Они оставались вне внимания сторонних наблюдателей, но постепенно стали оказывать всё большее влияние на внутренний климат ПКБ и её положение. После смены А.И. Домонтовича и перехода И.А. Зиновьева на пост директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел возобладала точка зрения на ПКБ как на политический (отчасти даже рекламный) проект, главными целями которого было недопущение в иранскую армию английских инструкторов и удовлетворение русскими руками потребности шаха иметь хорошо обученную воинскую часть. Результатом этого стал акцент в подготовке бригады на внешнее обучение, когда боеспособность и внутренняя целостность приносились в жертву показному эффекту. В дальнейшем это сыграло негативную роль, поставив в первой половине 1890-х гг. ПКБ на грань ликвидации.

¹⁰⁵⁶ Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1899 года. СПб.: Военная типография, 1899. С. 547.

¹⁰⁵⁷ Косооговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 393.

¹⁰⁵⁸ Васильева Д.О. Памятники иранского искусства в России: предметы текстиля из коллекции П.В. Чарковского в собрании государственного Эрмитажа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gup.ru/uni/science/iran_conference/reports/25.pdf.

¹⁰⁵⁹ Исключение составлял «Кадам», ликвидированный в 1889 г. [Там же].

ГЛАВА 4

РУССКАЯ ВОЕННАЯ МИССИЯ В ПЕРСИИ ПОД РУКОВОДСТВОМ

Н.Д. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА (1886–1889 ГГ.)

4.1. Третий Заведующий: путь к должности

По окончании контракта П.В. Чарковского шах просил вернуть А.И. Домонтовича, но высшее начальство в России «нашло это назначение неудобным»¹⁰⁶⁰. Думается, определённую роль здесь сыграло мнение И.А. Зиновьева, к тому времени директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел, который не мог простить А.И. Домонтовичу прошлый конфликт и вообще стремился оттереть не в меру ретивого военного от русской политики в Персии. В начале июня 1885 г. посланник в Тегеране А.А. Мельников (назначен 25 февраля 1883 г.) телеграфным сообщением рекомендовал новым Заведующим полковника ГШ Николая Дмитриевича Кузьмина-Караваева¹⁰⁶¹. Кандидатура эта была одобрена главноначальствующим на Кавказе и командующим войсками Кавказского военного округа генералом от кавалерии А.М. Дондуковым-Корсаковым, а в начале июля – и военным министром¹⁰⁶².

Личность Н.Д. Кузьмина-Караваева оказалась самой загадочной для историков. В большинстве документов (в том числе и архивных) и публикаций его именовали только по фамилии – Кузьмин-Караваев (Кузьмин-Короваев). Он происходил из довольно многочисленной дворянской фамилии, расселившейся

¹⁰⁶⁰ РГВИА. Ф. 401. 1885. 1885. Св. 1100. Оп. 4. Д. 57. Л. 1.

¹⁰⁶¹ О.А. Красняк ошибочно называет временем его назначения начало 1885 г. (Красняк О.А. Русская военная миссия в Иране (1879–1917 гг.) как инструмент внешнеполитического влияния России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Krasniak.pdf С. 4; Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879-1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 80). На это, видимо, повлиял тот факт, что контракт П.В. Чарковского закончился в июне этого года, а, не зная действительных обстоятельств назначения Н.Д. Кузьмина-Караваева, исследовательница исходила из догадки, что замещение произошло сразу. В действительности, обсуждение кандидатуры нового Заведующего началось в начале июня 1885 г., одобрена она была в начале июля. Однако, поскольку Н.Д. Кузьмин-Караваев участвовал в работах демаркационной русско-персидской комиссии [Детальнее см.: Гоков О.А. К вопросу о личности третьего командира Персидской казачьей бригады // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Луганськ, 2013. № 1 (260). Ч. 2. С. 83–92], то контракт на его имя был заключён лишь 25 января 1886 г. Высочайшее соизволение на назначение Н.Д. Кузьмина-Караваева последовало 4 марта, а 7 марта 1886 г. он официально был назначен на должность Заведующего. В рекомендации А.А. Мельникова, возможно, сыграл роль и тот факт, что в ходе русско-иранского разграничения 1883–1885 гг. они активно общались друг с другом как лично, так и опосредованно, поскольку Н.Д. Кузьмин-Караваев был комиссаром по разграничению и во всех сложных ситуациях должен был руководствоваться указаниями Миссии.

¹⁰⁶² РГВИА. Ф. 401. 1885. Св. 1100. Оп. 4. Д. 57. Л. 1–2.

центральных губерниях России и давшей ей значительное количество военных и общественно-политических деятелей¹⁰⁶³. Большинство из мужчин Кузьминых-Караваевых второй половины XIX в. служили в армии¹⁰⁶⁴, а некоторые из них – на Кавказе. Поэтому определение, кто именно был назначен в Тегеран, представляло большую сложность. Источники, использовавшиеся нами до последнего времени, также не содержали имени-отчества полковника. Поэтому поиск первоначально пришлось делать по косвенным сведениям и на основании краткого послужного списка¹⁰⁶⁵. Исследование показало, что имевшиеся два варианта идентификации Кузьмина-Караваева не соответствовали действительности.

В недавно вышедшем издании, посвящённом спецслужбам Российской империи, Кузьмин-Караваев именовался Дмитрием Дмитриевичем¹⁰⁶⁶. В пользу правильности авторов работы говорили подобранные ими материалы (здесь впервые без ошибок были указаны военные агенты империи в Иране и время их пребывания в стране), а также наличие в истории Кузьминых-Караваевых минимум двух офицеров с таким именем и отчеством¹⁰⁶⁷. Но, поскольку второй (кроме упоминания, данных о нём, к сожалению, нет) являлся сыном первого, то его можно отбросить сразу. Что до первого Дмитрия Дмитриевича, то его биография хотя и близка к нашему герою, но имеются определённые расхождения. Так, родился он в 1856 г., тогда, как ставший Заведующим – в 1853 г. Оба они окончили Пажеский корпус и служили в лейб-гвардии конно-артиллерийской бригаде. Но в службу вступили в разное время: Дмитрий Дмитриевич – в 1875 г., а его «иранский» однофамилец – в 1870 г. В Википедии содержится указание, что Дмитрий Дмитриевич «состоял адъютантом генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Николаевича»¹⁰⁶⁸. Последний действительно занимал указанную

¹⁰⁶³ Военная энциклопедия. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1914. Т. 14. С. 371–372; Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий: В 2 т. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1886. Т. 1. С. 462–469; Федорченко В.И. Дворянские роды, прославившие Отечество. Энциклопедия дворянских родов. М: Олма-пресс, 2003. С. 222–223; <http://www.history-ryazan.ru/node/10847>; <http://omop.su/ruwiki/1/7005.php>; ru.wikipedia.org/wiki/Кузьмины-Караваевы.

¹⁰⁶⁴ Примечательно, что в 1853 г., в котором появился на свет наш герой, родилось ещё двое Кузьминых-Караваевых: Павел Дмитриевич, начальник Каменского жандармского отделения Воронежского полицейского управления на железной дороге, и Аркадий Александрович, служивший в лейб-гвардии Конно-гренадерском полку [*РГВИА*. Ф. 400. Оп. 12. Т. 17. Д. 11237. Л. 4–9; Оп. 9. Д. 18308. Л. 5–7.].

¹⁰⁶⁵ *РГВИА*. Ф. 446. Д. 46. Л. 28.

¹⁰⁶⁶ Колпакиди А., Север А. Спецслужбы Российской империи. Уникальная энциклопедия / А. Колпакиди, А. Север. М.: Яуза; Эксмо, 2010. С. 744

¹⁰⁶⁷ <http://regiment.ru/bio/K/392.htm>.

¹⁰⁶⁸ http://ru.m.wikipedia.org/wiki/Кузьмины-Караваевы#cite_note-9.

должность с 1856 г. до своей смерти в 1909 г. В то же время, с 6 декабря 1862 г. Михаил Николаевич был назначен заместителем на Кавказе и командующим Кавказской армией. В этой должности он находился до 23 июля 1881 г., когда Кавказское наместничество было упразднено. Оба Кузьминых-Караваевых находились в его распоряжении. Но прибывший в Персию был полковником ГШ с 17 апреля 1883 г., в то время, как Дмитрий Дмитриевич – с 1891 г. В «Списках генералов по старшинству» не указано, что Д.Д. Кузьмин-Караваев каким-либо образом был связан с Ираном (за исключением ордена Льва и Солнца, полученного им в 1898 г., что не соответствует по датировке его возможному заведованию ПКБ)¹⁰⁶⁹. Исходя из указанных данных наименование нового командира ПКБ Дмитрием Дмитриевичем оказалось неверным, тем более, что, как выяснилось позднее, оба они являлись братьями.¹⁰⁷⁰

Второй, более распространённый вариант наименования Кузьмина-Караваева основывался на работах М.К. Басханова и М.М. Алексеева¹⁰⁷¹. Здесь содержались биографические сведения об Александре Николаевиче Кузьмине-Караваеве, который по большинству показателей подходил под безымянного командира бригады¹⁰⁷². В некоторых наших исследованиях при определении его личности мы долгое время опирались именно на указанные биографические данные. В своих рассуждениях мы исходили из того, что полковников на эту должность начальство назначало исходя из их предыдущей службы на Кавказе или Востоке вообще. Однако знакомство с архивными материалами¹⁰⁷³ убедило нас в ошибочности указанного соотнесения. Кузьмин-Караваев, занявший в 1885 г. пост Заведующего обучением персидской кавалерии, по многим параметрам отличался от А.Н. Кузьмина-Караваева. Во-первых, дата его рождения – 1853, а не 1862 г. Во-вторых, он окончил Пажеский корпус, а Александр Николаевич – 3-ю Петербургскую военную гимназию и Михайловское артиллерийское училище. В

¹⁰⁶⁹ Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1900 г. СПб.: Военная типография, 1900. С. 1001.

¹⁰⁷⁰ Как оказалось, Дмитрий Дмитриевич был братом нашего героя.

¹⁰⁷¹ Винокуров В.И. История военной дипломатии: В 3 т. М.: ООО НИЦ Инженер, 2009. Т. 1: Военная дипломатия от Петра I до Первой мировой войны. С. 66; Гоков О. Иранская армия и российское влияние (последняя треть (XIX – начало XX вв.): Критические замечания относительно нового исследования по истории российско-иранских отношений // *Ab imperio*. 2010. № 4. С. 579–594.

¹⁰⁷² Алексеев М. Военная разведка России: От Рюрика до Николая II: В 2 кн. М.: ИД Русская разведка, ИИА Евразия+, 1998. Кн. 1. С. 261; Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г. Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 134; Babich P. A Russian officer in Persian Cossack Brigade: Vladimir Andreevich Kosagovskii. Budapest: CEU, 2014. P. 33.

¹⁰⁷³ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 28; Ф. 401. 1885. Св. 1100. Оп. 4. Д. 57. Л. 18–21.

третьих, из Николаевской академии ГШ был выпущен по первому разряду в 1877 г.¹⁰⁷⁴, а не в 1889 г. В-четвёртых, занимал совершенно иные должности, нежели его однофамилец, служивший в Кавказском военном округе. Таким образом, соотнесение Заведующего с Александром Александровичем также оказалось неточным.

На основании официальных опубликованных материалов и полного послужного списка нам удалось установить и имя Кузьмина-Караваева, и этапы его карьеры¹⁰⁷⁵. Николай Дмитриевич Кузьмин-Караваев родился 22 февраля 1853 г. Происходил из потомственных дворян Тверской губернии. Окончив Пажеский корпус, он вступил на службу в 1870 г. (21 июля) прапорщиком лейб-гвардии в Конно-гренадерском полк с прикомандированием к Гвардейской Конно-артиллерийской бригаде. Карьерный рост его происходил достаточно быстро. В сентябре 1870 г. Н.Д. Кузьмин-Караваев был зачислен в 4-ю батарею его императорского высочества великого князя Михаила Михайловича Гвардейской Конно-артиллерийской бригады, а в августе 1871 г. высочайшим приказом переведён в Гвардейскую Конно-артиллерийскую бригаду. 8 апреля 1873 г. был произведён на вакансию в подпоручики, а в следующем году успешно выдержал экзамены Николаевскую академию ГШ и в сентябре был в неё зачислен. В августе 1875 г. Н.Д. Кузьмин-Караваев был произведён на вакансию в поручики. 26 февраля 1877 г., по окончании Академии (по первому разряду), «за отличные успехи в науках» был произведён в штабс-капитаны. Высочайшим приказом от 27 июня 1877 г. Н.Д. Кузьмин-Караваев был «назначен старшим адъютантом штаба 13-й пехотной дивизии (штаб в Севастополе) с переводом в ГШ капитаном». Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. эта дивизия находилась на охране черноморского побережья и, формально входя в состав Действующей армии, фактически в боевых действиях участия не принимала, обеспечивая с другими частями прикрытие тыла и маршевые пополнения для войск на Балканах. С октября 1878 по апрель 1879 гг. Н.Д. Кузьмин-Караваев сначала был «назначен временно заведывающим передвижением войск, следующих из действовавшей армии нижних чинов,

¹⁰⁷⁴ Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. Особое приложение. СПб.: Тип. штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1882. С. 175.

¹⁰⁷⁵ Там же. С. 174; Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е мая 1889 г. СПб.: Военная типография, 1889. С. 394; РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Т. 4. Д. 5670. Л. 47–54.

уволенных в запас, и новобранцев, отправляемых на укомплектование войск Кавказского военного округа, а также отправлением обратно в Турцию пленных турок», а затем «Высочайшим приказом назначен Заведывающим передвижением войск по Курско-Киевской, Киево-Брестской и Саратовской железным дорогам, с зачислением по ГШ».

Согласно телеграммы Начальника Главного штаба от 6 апреля 1879 г. 9 апреля Н.Д. Кузьмин-Караваев был командирован в Санкт-Петербург, в Главный штаб. Здесь в июне высочайшим приказом был назначен в распоряжение его императорского высочества Главнокомандующего Кавказской армией, с оставлением в ГШ. Чем конкретно занимался Н.Д. Кузьмин-Караваев выяснить не удалось. Но в апреле 1880 г. последовало производство в подполковники ГШ, а 13 октября он был командирован в состав войск, действующих в Закаспийском крае, с назначением в распоряжение генерал-адъютанта Михаила Дмитриевича Скобелева. Экспедиционный отряд под руководством последнего был сформирован весной 1880 г. для покорения туркменского оазиса Ахалтеке¹⁰⁷⁶. Формально Н.Д. Кузьмин-Караваев находился в отряде с 13 октября 1880 г. до 28 марта 1881 г. За это время он занимался преимущественно штабной работой и поучаствовал лишь в занятии города Лютфабада 15 февраля 1881 г., а 19–20 февраля совершил рекогносцировку путей к селению Кахка. 28 февраля 1881 г. высочайшим приказом назначен для особых поручений к его императорскому высочеству Главнокомандующему Кавказской армией, а 17 марта – начальником Лютфабадского (Люфтиабадского) отряда¹⁰⁷⁷. Этот передовой отряд был создан для занятия города и возможных дальнейших действий против туркмен. Н.Д. Кузьмин-Караваев оставил отряд по приказанию М.Д. Скобелева 18 марта, а уже к 1 апреля по приказанию из Тифлиса Лютфабад был оставлен русскими войсками¹⁰⁷⁸.

20 марта 1881 г. М.Д. Скобелев за ослушание приказам из Тифлиса¹⁰⁷⁹ был отстранён от командования и сдал его временно назначенному командовать

¹⁰⁷⁶ Куропаткин А.Н. Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.): с очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. СПб.: Изд. В. Березовского, 1899. 4+IV+224 с.; Давлетов Д., Ильясов А. Присоединение Туркмении к России. Ашхабад: Ылым, 1972. 254 с.

¹⁰⁷⁷ РГВИА. Ф. 409. Оп. 17. Д. 5670. Л. 47–54 (К сожалению, в нашем распоряжении есть копия послужного без указания листов, поэтому в дальнейшем мы будем ссылаться только на дело).

¹⁰⁷⁸ Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб.: Тип. В.С. Балашёва, 1883. Т. 4. С. 111.

¹⁰⁷⁹ Н.И. Гродеков указывал другую дату – 28 марта [Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб.: Тип. В.С. Балашёва, 1883. Т. 4. С. 119]. Формально вторая Ахалтекинская экспедиция организовывалась

войсками Закаспийского военного отдела¹⁰⁸⁰ генерал-лейтенанту Петру Фёдоровичу Рербергу¹⁰⁸¹. С 28 марта до 15 июля Н.Д. Кузьмин-Караваев был при нём временно исполняющим должность начальника штаба войск Закаспийского военного отдела (затем – края).

В это же время состоялись и две его первые командировки в Персию, на которых следует остановиться отдельно. В следствии неудачи на Берлинском конгрессе 1878 г., вторжения индо-британских войск в Афганистан в 1878 г. и англо-афганской войны 1878–1881 гг, а также агрессивной политики Англии относительно любых внешнеполитических акций России, направленных на отстаивание собственных интересов, с конца 1870-х гг. начинается русское продвижение в Туркмению¹⁰⁸². Целью было создание операционной базы для давления на Великобританию в международных вопросах через угрозу её индийским владениям. Туркменские земли и Хорасан открывали России прямую дорогу на Герат, считавшийся в то время «ключом» к Афганистану, а следовательно, и к Индии¹⁰⁸³. М.Д. Скобелев, лично осмотрев предполагаемую пограничную

силами Кавказского военного округа, а М.Д. Скобелев находился в подчинении главнокомандующего Кавказской армией [Военная энциклопедия. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1911. Т. 3. С. 285–286].

¹⁰⁸⁰ Был создан в качестве военно-административной единицы в марте 1874 г. [Временное положение об управлении Закаспийским краем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Russ_turkmenII/Razdel_IV/45.htm; Россия и Туркмения в XIX веке. К вхождению Туркмении в состав России. Ашхабад. Туркменское гос. изд. 1946. Документ 45. С. 91–98]. 6 мая 1881 г. из Закаспийского военного отдела и занятых земель в Ахалтекинском оазисе была образована Закаспийская область, включённая в состав Кавказского военного округа. Главное управление ею было возложено на главнокомандующего Кавказской армией, а местное – на начальника области «с подчинением сему последнему и расположенных в области войск» [Присоединение Туркмении к России: Сборник архивных документов. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР. С. 532]. П.Ф. Рерберг был назначен сначала временным (приказом от 29 марта), а затем постоянным начальником и командующим войсками области (с 1 июля) [Отчёт о состоянии войск Закаспийской области со времени окончания Ахал-Текинской экспедиции по 1895 год включительно. Ашхабад: Тип. Штаба Закаспийской области, 1897. С. 4].

¹⁰⁸¹ Давлетов Д., Ильясов А. Присоединение Туркмении к России. Ашхабад: Ылым, 1972. С. 173; Присоединение Туркмении к России: Сборник архивных документов. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР. С. 531. С 6 мая 1881 г. – начальник и командующий войсками Закаспийской области

¹⁰⁸² Под Туркменией или Туркменской степью в рассматриваемое время подразумевали «обширное пространство, ограниченное с запада Каспийским морем, с юга – персидскими и афганскими, с северо-востока – бухарскими и хивинскими владениями и с севера – Мангышлакским полуостровом» [Куропаткин А.Н. Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.). С очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. СПб.: Издатель В. Березовский, 1899. С. 78].

¹⁰⁸³ Докладная записка полковника А.Н. Куропаткина начальнику Главного штаба графу Ф.Л. Гейдену с изложением письма генерал-адъютанта М.Д. Скобелева о намерениях Англии в отношении Персии, Герата и будущих преобразований в Азии // «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. С. 282; Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб.: Тип. В.С. Балашёва, 1883. Т. 4. С. 104; Данков А.Г. Цели и задачи британской политики на северо-западных рубежах Индии в работах британских историков конца XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 372. С. 91–97; Лукьянов А.И. Историко-географический фактор в политической эволюции Афганистана Общественная география: многообразие и единство // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 19. М.–Смоленск: Ойкумена, 2011. С. 170. Мак-Грегор. Оборона Индии. Часть 1 // СМА. 1891. Вып. 43. С.176.

полосу, представил свои соображения о разграничении с Ираном¹⁰⁸⁴. В «Записке» от М.Д. Скобелева, поданной Н.Д. Кузьминым-Караваевым в конце 1880 г. И.А. Зиновьеву, была чётко обозначена цель экспедиции: в прочном овладении Ахалтекинским оазисом, подчинении текинцев Ахала и Мерва русскому влиянию и получение доступа к Афганистану в направлении Герата¹⁰⁸⁵.

В 1881 г. русскими войсками под командованием V/L/ Скобелева был завоёван туркменский оазис Ахалтеке. В связи с этим начались переговоры о разграничении России с Персией¹⁰⁸⁶. Русскую сторону представлял посланник в Тегеране И.А. Зиновьев, а иранскую – министр иностранных дел мирза Сайид-хан Мотамен-оль-Мольк¹⁰⁸⁷. Советский исследователь Б. Маннанов отмечал, что слабое знание российским представителем местностей, о которых шла речь в ходе переговоров, вынудило Министерство иностранных дел России обратиться к Военному министерству с просьбой «командировать в помощь тайному советнику Зиновьеву офицера ГШ, знакомого с Закаспийской областью». В результате в Тегеран были посланы подполковник ГШ Н.Д. Кузьмин-Караваев и помощник заведующего Азиатской частью Главного штаба капитан ГШ Н.И. Янжун, «хорошо знавшие Закаспийскую область», которые прибыли туда в том же 1881 г.¹⁰⁸⁸. «По прибытии указанных лиц, – писал исследователь, – переговоры заметно ускорились»¹⁰⁸⁹, результатом чего стало подписание 9 декабря 1881 г. договора об установлении

Впрочем, Герат называли также и ключом к Каспийскому морю [Салихова Д.Б. Российско-иранские отношения во второй четверти XIX века. Дисс. канд ист. наук. Махачкала, 2007. С. 137]. «Герат имеет большое значение в стратегическом смысле, – отмечал в 1878 г. В.А. Франкини, – и кто первый займёт его, тот будет иметь в своих руках узел главнейших дорог по всем направлениям» [26 марта 1878 г. – Докладная записка начальника кавказского горского управления генерала В.А. Франкини помощнику главнокомандующего Кавказской армией князю Д.И. Святополк-Мирскому о возможности войны против Англии в Афганистане // «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. С. 49].

¹⁰⁸⁴ Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб.: Тип. В.С. Балашёва, 1883. Т. 4. С. 105.

¹⁰⁸⁵ Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 407.

¹⁰⁸⁶ С 1869 г. граница между государствами проходила по р. Атрек [Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб.: Тип. В.С. Балашёва, 1883. Т. 2. С. 14].

¹⁰⁸⁷ Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ-С, 2010. С. 85.

¹⁰⁸⁸ Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука, 1964. С. 58. В оригинале фамилии офицеров поданы без инициалов, как и в документе Российского государственного военно-исторического архива, на который ссылался Б. Маннанов. Это добавило путаницы в идентификацию Кузьмина-Караваева – фактически его заслуги были приписаны Александру Николаевичу Кузьмину-Караваеву [Алексеев М. Военная разведка России: От Рюрика до Николая II: В 2 кн. М.: ИД Русская разведка, ИИА Евразия+, 1998. Кн. 1. С. 261; Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г. Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 134]. Интересно, что одновременно для изучения области и путей, соединявших её с одним из крупнейших центров (в том числе и важным религиозным) центров Ирана – Мешхедом, 22 марта – 7 апреля 1881 г. совершил поездку полковник ГШ Ю.Д. Мельницкий [Мельницкий Ю.Д. Маршрутные описания путей между Ашхабадом и Мешхедом, ГШ пролковника Мельницкого // СМА 1886. Вып. 23. С. 152–170].

¹⁰⁸⁹ Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука, 1964. С. 58.

русско-иранской границы к востоку от Каспийского моря, т. н. Тегеранской конвенции о границах¹⁰⁹⁰.

Впоследствии, опираясь на тот же документ или на материалы Б. Маннанова (ссылки ни одна из её работ не содержит), указанные сведения повторила в своих публикациях Л.М. Кулагина. Она писала, что русско-иранская разграничительная комиссия приступила к работе 15 октября 1881 г. Однако вмешательство англичан и слабое знание И.А. Зиновьевым географии тех районов, где проводилось разграничение, затянуло её работу. «В помощь Зиновьеву для определения пограничной линии были посланы офицеры ГШ подполковник Кузьмин и капитан Янжул, хорошо знакомые с Закаспийской областью, – сообщала исследовательница, ошибочно именуя Н.Д. Кузьмина-Караваева. – После их прибытия в Тегеран переговоры заметно ускорились»¹⁰⁹¹.

Помимо неточности в написании фамилии и отсутствия хотя бы инициалов Н.Д. Кузьмина-Караваева, описание Л.М. Кулагиной русско-персидского разграничения 1881–1886 гг. вообще отличает крайняя поверхностность и неполнота, выразившаяся, в том числе, и в игнорировании важных деталей. Так, неясно, что за комиссия начала работу 15 октября 1881 г. Дело в том, что комиссары для разграничения были назначены правительствами двух стран на основании конвенции 9 декабря 1881 г. 2-я статья её гласила: «Так как в статье I настоящей конвенции указаны главные пункты, чрез кои должна направляться граница между владениями России и Персии, то для точного определения пограничной черты на месте и для определения пограничных знаков обе высокие договаривающиеся стороны назначат специальных комиссаров. Время и место съезда комиссаров будет определено по взаимному соглашению обеих договаривающихся сторон»¹⁰⁹². Таким образом, разграничительная комиссия не могла начать работу в указанный

¹⁰⁹⁰ Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ-С, 2010. С. 221–227; Эйхельман О. Хрестоматия русского международного права: В 2 ч. К.: Университетская типография, 1887. Ч. 1. С. 383–386.

¹⁰⁹¹ Кулагина Л.М., Дунаева Е.В. Граница России с Ираном (история формирования). – М.: Ин-т востоковедения РАН, 1998. С. 49; Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ-С, 2010. С. 86. Цитируемый текст почти полностью повторяет слова Б. Маннанова. Поскольку ссылка на источник у Л.М. Кулагиной отсутствует, можно предположить, что пользовались оба автора разными копиями одного документа, хранящимися в Российском военно-историческом архиве (ссылка Б. Маннанова) и Архиве внешней политики Российской империи (его документы лежат в основе исследований Л.М. Кулагиной).

¹⁰⁹² Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ-С, 2010. С. 222–223.

Л.М. Кулагиной срок¹⁰⁹³. К тому же практика свидетельствует, что такие комиссии создавались после подписания документов, определяющих границу в общих чертах¹⁰⁹⁴. Возможно, Л.М. Кулагина смешала делимитационную и демаркационную комиссии¹⁰⁹⁵. Первая, возглавляемая официальными представителями, действовала до подписания конвенции и определила общее положение и направление границы, а вторая должна была зафиксировать её на местности.

Известно, что «вопрос о проведении границы с Персией» волновал и российскую и иранскую стороны, причём первая спешила с его завершением, чтобы не допустить вмешательства англичан¹⁰⁹⁶. Инициатором переговоров выступила персидская сторона. Именно в 1880 г. (а не в 1881 г., как утверждали вышеозначенные авторы) состоялась первая командировка Н.Д. Кузьмина-Караваева в Иран с целью консультации с И.А. Зиновьевым относительно будущих границ России и Ирана. С 18 ноября 1880 г. по 28 января 1881 г. он «по распоряжению временно командовавшего войсками в Закаспийском крае был командирован в Персию, в Тегеран к российскому императорскому посланнику при его величестве Насреддин-шахе»¹⁰⁹⁷. Обе Ахалтекинские экспедиции (1879 и 1880–

¹⁰⁹³ На деле работу по установлению границы и точному определению некоторых пограничных вопросов (связанных преимущественно с пользованием водными источниками) на пространстве от устьев Атрека до Баба-Дармазского родника комиссары начали осенью 1883 г. [Кузьмин-Караваев. Российско-персидская граница между Закаспийской областью и Хорасаном // СМА. 1889. Вып. 40. С. 81].

¹⁰⁹⁴ Гоков О.А. Офицеры российского Генштаба в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Вопросы истории. 2006. № 7. С. 142–149; Чириков Е.И. Путевой журнал русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению 1849–1852 // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. 1875. Кн. 9. 101+803 с.

¹⁰⁹⁵ Делимитация границы – определение общего положения и направления государственной границы между сопредельными государствами путём переговоров. В ходе делимитации договаривающиеся стороны составляют – как правило, по карте, без проведения работ на местности – описание прохождения линии границы, которое может быть самостоятельной статьёй в международном договоре или в приложении к нему. В соответствии с определённым в договоре положением линии границы она наносится на географическую карту, которая, как правило, является составной частью договора о делимитации границы и в этом качестве служит наглядным свидетельством о положении линии границы. Материалы делимитации служат основанием для последующего этапа определения границы – проведения её на местности (демаркации). Демаркация границы – проведение линии государственной границы на местности с обозначением её специальными пограничными знаками. Она осуществляется на основании документов о делимитации границы (договор, описание линии государственной границы с приложением специальной карты) совместными комиссиями, создаваемыми на паритетных началах. Во время работ по демаркации в рассматриваемое время производилась топографическая съёмка местности, на основании чего составлялась крупномасштабная топографическая карта пограничной полосы, устанавливались пограничные знаки и определялись их топографические координаты. О всех действиях по демаркации границы составлялись специальные документы: протоколы с описанием прохождения линии границы и пограничных знаков (к протоколам прилагаются схемы этих знаков).

¹⁰⁹⁶ Англия с конца 1870-х гг. активно старалась вклиниться в русско-иранские отношения по вопросу о туркменских землях Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб.: Тип. В.С. Балашёва, 1883. Т. 2. С. 15, 19]. По этому поводу Н.И. Гродеков с иронией замечал, что местные английские агенты «являлись более ревностными охранителями «прав» Персии, чем сами персияне» [Там же. С. 17].

¹⁰⁹⁷ РГВИА. Ф. 409. Оп. 17. Д. 5670.

1881 г.) проходили под тесным патронажем русской императорской Миссии в Тегеране и посланника. «Когда началось наше движение в Ахал (в 1880 г. – О.Г.), – писал Н.Д. Кузьмин-Караваев, – в Тегеране тот час же обратили внимание на положение персидской хорасанской границы, вследствие чего, желая выяснить действительную границу своих владений, персидское правительство отправило в Боджнурд и Кочан своего чиновника мирзу Ханлар-хана, которому и было поручено исследовать границу владений шаха со стороны Ахала». Тот опросил местных правителей-ильханов и предоставил в Тегеран с их слов доклад о том, как им представлялась примерная линия границы¹⁰⁹⁸. Как отмечал Н.Д. Кузьмин-Караваев, «южная граница Атека или северная граница Хорасана, к востоку от русско-персидской границы, была определена в общих чертах, за неимением в то время верных топографических сведений о северо-восточных окраинах Хорасана»¹⁰⁹⁹. Вопреки мнению министра иностранных дел Н.К. Гирса, выступавшего вообще против захвата Ахалтекинского оазиса, М.Д. Скобелев и И.А. Зиновьев, считали этот шаг не только необходимым, но и не последним. М.Д. Скобелев ещё в конце ноября 1880 г. пришёл к выводу о необходимости продвижения русских границ до р. Герируд. Именно после этого он командировал в Тегеран Н.Д. Кузьмина-Караваева с запиской относительно видения будущих границ русских владений в Закаспии¹¹⁰⁰. По его мнению, пространство от Ашхабада до Герируда должно остаться за Россией. Узкая полоса территорий вдоль Копет-дага до Серахса на р. Герируд, совпадающая с областью Атек, должна была стать базой для дальнейших действий в Средней Азии¹¹⁰¹. Соответственно, России необходимо было взять в свои руки ключ к Герату и открыть доступ к Афганистану¹¹⁰². Таким образом, основная цель русского движения в туркменские степи виделась командованием Ахалтекинской экспедиции в создании сильного стратегического плацдарма против Великобританиии в Центральной Азии, «захватив этим самым инициативу действий

¹⁰⁹⁸ Кузьмин-Караваев. Российско-персидская граница между Закаспийскою областью и Хорасаном // СМА. 1889. Вып. 40. С. 125–126. Б. Маннанов относил отправку мирзы Ханлар-хана к январю 1881 г [Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 56].

¹⁰⁹⁹ Кузьмин-Караваев. Записка генерального штаба полковника Кузьмина-Караваева о введении русского управления в Атеке // СМА. 1886. Вып. 21. С. 121. На недостаточность у него сведений о землях, пограничных с Хорасаном, обращал внимание и русский посланник в депеше в министерство от 21 мая 1880 г. [Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб.: Тип. В.С. Балашёва, 1883. Т. 2. С. 19].

¹¹⁰⁰ Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 407.

¹¹⁰¹ Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб.: Тип. В.С. Балашёва, 1883. Т. 2. С. 103.

¹¹⁰² Там же.

относительно своих интересов на Востоке»¹¹⁰³. После обсуждения «Записки» с посланником в Тегеране, оказалось, что он полностью разделял взгляды экспедиционного командования. Поддерживало его в этом и Военное министерство. Указанные взгляды И.А. Зиновьев отстаивал и перед своим начальником Н.К. Гирсом, а, следовательно, и перед императором. Передовой бастион на северо-восточной окраине Хорасана, доказывал он, связанный надёжными путями с базой на Каспийском море, заставит англичан быть более сдержанными в их честолюбивых замыслах¹¹⁰⁴. Но на тот момент идея эта не была принята. Император через министра иностранных дел повелел воздержаться от дальнейшего продвижения. Именно послушание этого приказа стоило весной 1881 г. М.Д. Скобелеву его места.

Однако уже в начале 1881 г. ситуация стала меняться. В 20-х числах января 1881 г. Насреддин-шах пригласил к себе И.А. Зиновьева и в беседе с ним заявил, что «считает настоящий момент благоприятным для проведения пограничной линии к северу от Хорасана»¹¹⁰⁵. В свою очередь, И.А. Зиновьев ответил, что «предприятия эти вполне согласуются с интересами Персии, содействуя обеспечению безопасности на её границах и, что не менее важно в глазах шаха, утверждению его власти в самом Хорасане»¹¹⁰⁶. 6 февраля 1881 г. шах передал через мирзу Сайид-хана о своём желании начать переговоры о разграничении в Хорасане и просил информировать о планах России¹¹⁰⁷. Хотя начальник Главного штаба в тот же день доносил военному министру России, что «вопрос о проведении границы с Персией уже поднят нашим посланником в Тегеране»¹¹⁰⁸, на деле инициатива разграничения исходила от персов. Дело в том, что тегеранское правительство претендовало на все территории, лежавшие восточнее Ахалтекинского оазиса, а также на долину р. Теджен, и желало первым заявить о своих намерениях. Чтобы сделать российскую сторону уступчивее, министр иностранных дел Ирана стал намекать на то, что

¹¹⁰³ Там же. С. 408.

¹¹⁰⁴ Там же. С. 409.

¹¹⁰⁵ Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 55

¹¹⁰⁶ Корнилов Л.Г. Историческая справка по вопросу о границах Хорасана с владениями России и Афганистана // СМА. 1905. Вып. 78. С. 3.

¹¹⁰⁷ Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 412.

¹¹⁰⁸ Присоединение Туркмении к России (Сборник архивных документов) / Под ред. А. Ильясова. Ашхабад: Изд-во АН ТуркмССР, 1960. С. 484.

персы не станут возражать против участия в разграничении английского представителя.

Тем не менее, и И.А. Зиновьев, и в России с этим были не согласны. Вопросы, касавшиеся пограничных дел были полностью возложены на российского посланника в содействии с военными. «Все данные, кои укажут, в каком направлении выгоднее его разрешить, – говорилось в том же документе, – будут ... сделаны генерал-адъютантом Скобелевым (возглавлявшим российский экспедиционный отряд для завоевания Ахалтекинского оазиса – О.Г.) по соглашению с тайным советником Зиновьевым»¹¹⁰⁹. В феврале 1881 г. начальником штаба «войск, действующих в Закаспийском крае» генерал-майором ГШ Николаем Ивановичем Гродековым «для определения будущей границы с Персией чины Корпуса военных топографов¹¹¹⁰ отряда (экспедиционный войск – О.Г.) командированы были произвести съёмки пограничного пространства»¹¹¹¹.

18 февраля 1881 г. Н.Д. Кузьмин-Караваев «по распоряжению временно командовавшего войсками в Закаспийском крае, будучи в составе кавалерийского отряда, занявшего Лютфабад, был вторично командирован в Персию, в Мешхед, для переговоров с Российским Императорским посланником в Тегеране по Персидской телеграфной линии»¹¹¹². Командировка эта длилась до 13 марта. Как видим, связана она была, вопреки утверждениям исследователей не только (а возможно, даже и не столько) с определением границы, сколько с переговорами относительно телеграфной линии в Хорасане. К сожалению, что именно за переговоры вёл И.А. Зиновьев, и с каким заданием ездил Н.Д. Кузьмин-Караваев, нам не известно. Скорее всего, они были связаны с конвенцией, подписанной И.А. Зиновьевым с

¹¹⁰⁹ Там же. С. 484.

¹¹¹⁰ Корпус военных топографов (первоначально – Корпус топографов) был создан в 1822 г. для централизованного проведения картографических съёмок на территории России и за её пределами. Подробнее о нём и его деятельности: Глушков В.В. История военной картографии в России (XVIII–нач. XX в.). М.: Б.и., 2007. 527 с.; Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов 1822–1872. СПб.: Военная типография, 1872. 616+151+8 с.; Исторический очерк деятельности корпуса военных топографов в первое 25-летие благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича. 1855–1880. СПб. Военная типография, 1880. 130 с.; Сергеев С.И., Долгов Е.И. Военные топографы русской армии. Можайск: ЗАО СиДиПресс, 2001. 591 с.

¹¹¹¹ Присоединение Туркмении к России (Сборник архивных документов) / Под ред. А. Ильясова. Ашхабад: Изд-во АН ТуркмССР, 1960. С. 530. Для определения будущей границы с Персией были направлены военные топографы. Титулярный советник, топограф Сафонов проводил съёмку от Ашхабада до Лютфабада и Каахка; топограф, штабс-капитан Гламаздин – в районе от Ашхабада до Геоктепе; а майор топограф, Мепеляев – от Геоктепе до Бами [Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. Историко-географическое исследование. М.–СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 84–85].

¹¹¹² РГВИА. Ф. 409. Оп. 17. Д. 5670.

иранским правительством 24 июня 1879 г., по которой русский телеграф в Чикишляре присоединялся к англо-индийской телеграфной сети, доходившей до Астрабада, т.е фактически давалось разрешение на постройку телеграфной линии на севере Персии между городами Астрабад и Чикишляр¹¹¹³. Что до пограничного вопроса, то методами убеждения, запугивания и давления И.А. Зиновьев фактически вынудил персидскую сторону принять его правила игры. Вплоть до 29 мая 1881 г., когда он получил от Н.К. Гирса официальное разрешение начать переговоры, последние велись им неофициально и в глубоком секрете от английского посланника. Интересно, что И.А. Зиновьев получил такое влияние, что даже рекомендовал иранскому министру иностранных дел, что именно он отвечать британскому представителю на его вопросы. В результате, вплоть до подписания конвенции тот не знал точно, начались переговоры, или нет¹¹¹⁴.

Что касается Н.И. Янжула, то как раз он был послан непосредственно из Петербурга в помощь И.А. Зиновьеву. Однако когда именно это произошло нам точно неизвестно. В этом смысле хорошей иллюстрацией служат слова М.К. Басханова. Характеризуя деятельность Н.И. Янжула, историк писал, что тот «принимал участие в работе русско-персидской разграничительной комиссии в Тегеране (1881), внёс важный вклад в определение линии российско-персидской границы к востоку от Каспийского моря»¹¹¹⁵. Известно, что «Зиновьев, вместе с присланным ему в помощь Янжулом, всё лето основательно изучал историю Туркмении, её отдельных районов», и только после этого 27 сентября 1881 г. вручил мирзе Сейид-хану меморандум о разграничении с русскими условиями¹¹¹⁶. Получивший полную свободу решать вопрос о разграничении по собственному усмотрению, И.А. Зиновьев к концу ноября закончил составление основных статей

¹¹¹³ Кулагина Л.М. Экспансия иностранного империализма в Иран и превращение его в полуколонию (70-е гг. XIX в. – начало XX в.) // Очерки новой истории Ирана (XIX–XX вв.). М.: Наука, 1978. С. 127; Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 370–371. Линия эта стала действовать с 1884 г. [Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны // Красный архив. № 4 (53). 1932. С. 26]. В дальнейшем линия была продлена на территорию Персии, связав Кучан, Мешхед, Боджнурд [Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. Географическо-торговое исследование // СМА. 1896. Вып. 63. С. 29].

¹¹¹⁴ Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 415–416.

¹¹¹⁵ Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 280. Он также ошибочно именуется делимитационную комиссию разграничительной.

¹¹¹⁶ Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С.415.

пограничной конвенции¹¹¹⁷. Как отмечал советский исследователь, «давление Зиновьева и его непреклонная решимость добиться желаемого результата вынудили шаха сдаться». 31 октября персидское правительство приняло российские условия¹¹¹⁸. А 9 декабря 1881 г. была подписана пограничная конвенция. Таким образом, Н.Д. Кузьмин-Караваев в своих поездках в Иран в конце 1880 – первой трети 1881 гг. выполнял функции своеобразного связного между штабом войск Закаспийского края и российским посланником в Тегеране по согласованию действий штаба и Миссии. Через него и при его непосредственном участии между ними обсуждались принципиально важные вопросы продвижения российских войск в туркменские земли и создания там прочной основы для их базирования. Что касается Н.И. Янжула, то он действительно был направлен в помощь И.А. Зиновьеву из Петербурга в первую очередь для детального ознакомления последнего с Туркменией. В результате содействия указанных офицеров посланник выработал условия конвенции о границах, подписанной 9 декабря 1881 г.

Период с 15 июля 1881 г., когда Н.Д. Кузьмин-Караваев сдал должность начальника Лютфабадского отряда, до 23 мая 1882 г. он занимал должность исполняющего обязанности начальника штаба войск Закаспийской области. За это время его деятельность была отмечена русским и персидским правительствами¹¹¹⁹. 9 октября 1881 г. Н.Д. Кузьмин-Караваев «За отлично-усердную службу всемилостивейше пожалован орденом Святого Равноапостольного Князя Владимира 4-й степени»¹¹²⁰, а 11 апреля 1882 г. за отлично-усердную службу всемилостивейше пожалован орденом Святого Станислава 2-й степени. Персидское правительство наградило его орденом Льва и Солнца со звездой 2-й степени (разрешено принять и носить 30 января 1882 г.). 17 апреля 1883 г. Н.Д. Кузьмин-Караваев был досрочно, «за отличия по службе» произведён в полковники ГШ.

23 мая 1882 г. Н.Д. Кузьмин-Караваев был отчислен от должности начальника штаба «с зачислением по ГШ и с прикомандированием к лейб-гвардии

¹¹¹⁷ Там же. С. 418.

¹¹¹⁸ Там же. С. 417.

¹¹¹⁹ Н.И. Янжул также был отмечен наградами в 1882 г.: от русского правительства святого Владимира 2-й степени, а от шахского – Льва и Солнца 2-й степени, а 22 марта произведён в подполковники ГШ [Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1902 г. СПб.: Военная типография, 1902. С. 745].

¹¹²⁰ 26 января 1882 г. за военное отличие пожалованы мечи и бант к ордену Святого Равноапостольного Князя Владимира 4-й степени.

Кирасирскому его императорского величества полку»¹¹²¹. Здесь он проходил цензовое командование эскадром. Оно полагалось всем офицерам ГШ после окончания Академии, но в связи с русско-турецкой войной 1877–1878 гг., затем кампанией против туркмен срок был сдвинут. А с 1883 г. начался новый этап его жизненного пути, вновь связанный с Ираном.

Ещё в период переговоров, помимо персидских претензий, основным камнем преткновения стал Атекский оазис¹¹²². В июне 1881 г. И.А. Зиновьев добился от шахского правительства обещания соблюдать статус-кво в Атеке до полного выяснения вопроса и отказа возводить там новые сооружения¹¹²³. В меморандуме от 27 сентября требования России, сформулированные И.А. Зиновьевым, сводились к отказу шаха от притязаний на Мерв, Атек и долину р. Теджен¹¹²⁴. В результате, конвенцией от 9 декабря граница с Персией была определена в общих чертах от залива Гассан-кули до развалин калы (башни) Бабадурмаз. Оазис Атек и местность к востоку от Бабадурмаза до Теджена были оставлены в переходном периоде на 5 лет

¹¹²¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 17. Д. 5670.

¹¹²² Первоначально Атеком (правильнее – Этеком («край», «подол», «подошва горы», тюрк.)) считался ряд оазисов, расположенных в предгорьях Большого и Малого Балхана, Кюрендага, Копетдага и Хорасанских гор («Туркменского Кавказа», составляющего естественную границу Ирана с Туркестаном. Этот последний хребет, простирающийся под разными названиями, – Копетдага, Кюрендага, Карадага и гор Гюлистанских, – до самого Парапамиза в пределах Афганистана, считается ... правильным продолжением наших Кавказских гор», – писал М. Алиханов-Аварский [Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 76]. Термин «Туркменский Кавказ» М. Алиханов-Аварский явно заимствовал у Э. Реклю, который так называл горный хребет, составлявший, по его мнению, естественную границу Туркестана (в данном случае – земли тюркских народов, кочевников, Турана) и Ирана (Курандаг, Копетдаг, Гюлистанские горы, Карадаг, далее разрыв р. Герируд, Паропамиз) [Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география. Ч. 9: Передняя Азия, Афганистан, Белуджистан, Персия, Азиатская Турция и Аравия. СПб.: Издание картографического заведения А. Ильина, 1887. С. 118)]. В XIX в. эти оазисы имели уже свои наименования – Ахал, Теджен, Мерв, Иолотан, Пенде. Атеком же стали именовать оазис, расположенный к северу от гор Копетдаг, в Закаспийской области. Он тянулся длинной и узкой полосой. Оазис не был сплошным: обработанными были лишь местности вблизи горных речек и ручьёв. Атек отделялся от лежащего западнее Ахалтекинского оазиса барханными песками, подходившими к подножью гор между Аннау и Гяурсом. Одно время Атек составлял часть Хорасана и был отдан персидскими шахами во владение туркменам [Бартольд В.В. Историко-географический обзор Ирана // Работы по исторической географии и истории Ирана. М.: Восточная литература, 2003. С. 103–106, 108, 119, 122, 124]. Те выплачивали определённую дань в виде зерна ханам Дерегёза и Келата. Поэтому формально Атек делился на 2 части – Дерегёзский и Келатский. Н.Д. Кузьмин-Караваев указывал, что власть персов здесь была фиктивной (за исключением крайне западной части в районе Лютфабада) (Кузьмин-Караваев. Записка генерального штаба полковника Кузьмина-Караваева о введении русского управления в Атеке // СМА. 1886. Вып. 21. С. 111). Поэтому формально иранский правитель имел право на этот оазис. Но тот имел важное стратегическое значение, поскольку он соединял уже присоединённые к России к 1884 г. туркменские земли – оазисы Ахал, Иолотан, Мерв и Теджен – в единое целое. «Пределом Ахалтекинского оазиса считался тогда Гяурс. Дальнейшее его продолжение, ничем, впрочем, не отличающееся, носит название Атека ... Атек играл роль запасной земли и, вследствие постоянных междоусобий и перемещений среди туркменских племен, служил убежищем для разных родов. Атек населён был слабо и последнее время преимущественно туркменами-алиели. Периодичность населения Атека происходила главным образом от набегов и притеснений со стороны правителей Дерегёза» [Маслов А.Н. Россия в Средней Азии (Исторический очерк наших новейших приобретений) // Исторический вестник. 1885. Т. 20. Вып. 5. С. 378].

¹¹²³ Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 414.

¹¹²⁴ Там же. С. 415.

¹¹²⁵. Таким образом, в вопросе об Атеке персам была сделана уступка. Но и она была нейтрализована нотой И.А. Зиновьева, приложенной к договору 9 декабря ¹¹²⁶.

28 мая 1883 г. Н.Д. Кузьмин-Караваев «с высочайшего разрешения назначен в распоряжение Начальника Главного Штаба, с сохранением содержания» и на основании 2-й статьи конвенции 9 декабря 1881 г. «По высочайшему повелению командирован в Тифлис, Тегеран и Закаспийскую область для проведения русско-персидской границы в должности российского комиссара» ¹¹²⁷. Окончательное командирование полковника состоялось 12 июня 1883 г. ¹¹²⁸. Демаркационная комиссия была сформирована весной 1883 г., а начала работу 15 октября 1883 г. ¹¹²⁹. Л.М. Кулагина в своей работе допустила оплошность, перепутав даты и перенеся, таким образом, события с 1883 г. на 1881 г. К сожалению, это отразилось и на изложении ею дальнейшего хода событий, в котором встречается много недомолвок

¹¹²⁵ Корнилов Л.Г. Историческая справка по вопросу о границах Хорасана с владениями России и Афганистана // СМА. 1905. Вып. 78. С. 3. «Граница была установлена между Российской империей и Персией, начиная от залива Гасанкули, до Чата границей служило течение р. Атрека. От Чата пограничная черта следовала на северо-восток по вершинам хребтов Сонгудаг и Сагирим и затем, направляясь на север к р. Чандыру, забирала русла этой реки у Чаканкала. Далее пограничная черта шла в северном направлении на вершины гор, отделяющих долину Чандыра от долины Сумбара, по вершинам этих гор следовала на восток к руслу Сумбара, при впадении в него ручья Ашогани, и по руслу Сумбара до развалин мечети Дайнач. Отсюда пограничную черту составляла дорога в Дурун до вершин хребта Копетдага, по вершинам которого граница продолжалась на юго-восток, но, не доходя верховьев ущелья Гермаба, поворачивала к югу, по высотам, отделяющим долину Сумбара от веховьев Гермаба, затем через вершины гор Мисинов и Чуббест, достигала дороги из Гермаба в Расад, проходя в расстоянии одной версты на север от последнего пункта. Далее по горным высотам шла к вершине горы Даланга, откуда севернее селения Хейрабад продолжалась на северо-восток к урочищу Гёккейталь, а затем переходила к ущелью р. Ферюзе и далее следовала на юго-восток и поднималась на вершины горного хребта, ограничивающего с юга долину, по которой пролегалась дорога на Ашхабад и Ферюзе. Затем по гребню этого хребта граница продолжалась до крайней его восточной оконечности. Отсюда пограничная черта переходила на крайнюю северную вершину хребта Асельма и тянулась на юго-восток. Обойдя с севера селение Кельтечинар, она направлялась на узел хребтов Зирику и Кизилдага. От этого горного узла пограничная черта следовала на юго-восток по вершинам хребта Зирику до его выхода в долину ручья Бабадурмаза, откуда принимала северное направление и выходила в оазис на дорогу из Гяурса в Лютфабад, огибая кала Бабадурмаза, который оставался к востоку от пограничной черты. Для установки пограничных знаков договаривающиеся стороны назначили специальных комиссаров» [Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. Историко-географическое исследование. М.–СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 85–86].

¹¹²⁶ Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 418–419.

¹¹²⁷ РГВИА. Ф. 409. Оп. 17. Д. 5670; Ф. 401. 1885. Св. 1100. Оп. 4. Д. 57. Л. 18.

¹¹²⁸ РГВИА. Ф. 409. Оп. 17. Д. 5670.

¹¹²⁹ Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука, 1964. С. 60. Проезжавший по пограничным провинциям Персии в июне–июле 1883 г. начальник Закаспийской области генерал-лейтенант А.В. Комаров указывал местным жителям, что все вопросы о праве принадлежности местных земель будет решать особая комиссия, «которая соберётся здесь осенью нынешнего года для решения всех пограничных вопросов и будет состоять из представителей России и Персии» [Алиханов-Аварский М. Название: В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 16]. К слову, и сама эта поездка по приграничным персидским областям, встреча с шахом и местными высшими сановниками (в частности – с Мамедтаги-мирзой Рукн од-Доуле, братом шаха Боджнурдским ханом и хорасанским вали) была предпринята как ответ на поездку Насреддин-шаха в Хоросан, якобы для поклонения святым местам. Но проезжал он по пограничным к новоприобретённым Россией территориям Боджнурда и Кучана. А.В. Комаров же выехал ему навстречу с официальной целью поприветствовать персидского правителя. На самом же деле на месте обговаривались конкретные вопросы грядущей демаркации [Алиханов-Аварский М. Название: В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 3, 169, 180–181, 198].

и общих утверждений. О том, что комиссия по разграничению работала с 1883 по 1886 гг., например, она вообще не сообщает, хотя именно тогда (а не в 1881 г., как указывала Л.М. Кулагина¹¹³⁰) была определена точная граница от устья реки Атрек до Бабадурмазского родника (укрепление Чат на правом берегу Атрека, близ впадения в неё реки Сумбар)¹¹³¹.

Российская сторона выдвигала Персии обвинения в том, что в Закаспийском крае, её представители ограничивают российских туркмен в пользовании водой для орошения полей, истоки которой находились в персидских пределах: взимает подати за торговлю российских подданных в Кучане и на Хорасанских рынках; вмешивается в дела жителей Атека¹¹³². Свидетельства источников в целом подтверждают вывод Л.Г. Корнилова о том, что пользуясь 5-летним мораторием на разграничение в Атеке, персы попытались фактически утвердиться там, восстанавливая заброшенные или создавая новые посёлки, засевая новые поля для использования факта их существования в качестве основания для выгодного для себя установления границы впоследствии¹¹³³. Активно способствовали этому и английские эмиссары, тайно или явно толкая иранское правительство на конфронтацию с Россией из-за пограничных территорий¹¹³⁴. В 1881–1882 гг., после подписания разграничительной конвенции, британское правительство попыталось вмешаться в процесс установления границы России с Ираном к востоку от Бабадурмаза¹¹³⁵. Не смотря на то, что русское правительство отвергло все предложения англичан, в Петербурге опасались затягивать разграничение. На это неоднократно указывал и сам Н.Д. Кузьмин-Караваев, вынужденный работать в возможно быстром темпе. Именно поэтому вопрос об определении границы и

¹¹³⁰ Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ-С, 2010. С. 85; Кулагина Л.М., Дунаева Е.В. Граница России с Ираном (история формирования). М.: Ин-т востоковедения РАН, 1998. С. 49.

¹¹³¹ В частности, ею были установлены пограничные столбы, фиксировавшие границу на местности [Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Вольнского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование // СМА. 1896. Вып. 63. С. 19].

¹¹³² Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. Историко-географическое исследование. М.–СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 89; Кузьмин-Караваев. Записка генерального штаба полковника Кузьмина-Караваева о введении русского управления в Атеке // СМА. 1886. Вып. 21. С. 112.

¹¹³³ Кузьмин-Караваев. Российско-персидская граница между Закаспийскою областью и Хорасаном // СМА. 1889. Вып. 40. С. 110–157.

¹¹³⁴ Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. Историко-географическое исследование. М.–СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 93–94; Корнилов Л.Г. Историческая справка по вопросу о границах Хоросана с владениями России и Афганистана // СМА. 1905. Вып. 78. С. 5–6.

¹¹³⁵ Корнилов Л.Г. Историческая справка по вопросу о границах Хоросана с владениями России и Афганистана // СМА. 1905. Вып. 78. С. 6.

решении пограничных вопросов в Атеке был поднят начал решаться ранее установленного 5-летнего срока – в 1883–1884 гг. Н.Д. Кузьмин-Караваев, как следует из его отчётов, сначала работал в качестве комиссара по разграничению в Атеке ¹¹³⁶, а затем демаркировал границу между Закаспийской областью и Хорасаном ¹¹³⁷.

Результатом работы демаркационной комиссии стало подписание двух дополнений к русско-персидской Конвенции от 9 декабря 1881 г., посвящённых использованию пограничных водных источников. 12 августа 1884 г. – для рек, текущих из Ирана в Атек ¹¹³⁸. Это был последний из серии протоколов относительно распределения воды и земли между населением Атека и иранских провинций Дерегёз и Келат, подписанный комиссарами обеих сторон. Всего их было 8, отдельно по каждой из рек. 1-й был подписан 20 февраля 1884 г. ¹¹³⁹ Была установлена и точно описана северная пограничная линия между Закаспийской областью и Хорасанской провинцией до Бабадурмаза. «Северная граничная черта Хорасана, к востоку отъ Бабадурмазского ручья, установлена с большею точностью до последней реки, спадающей из пределов Персии в Атек — р. Чаача, восточнее которой начитается безводная пустыня, на протяжении более 60 вёрст до Теджена», – отмечал Н.Д. Кузьмин-Караваев ¹¹⁴⁰. А 30 января 1886 г. была подписана конвенция для рек Чандыр, Сумбар и Кельтичинар (Кельтечинар) ¹¹⁴¹. Ею же была во всех подробностях установлена пограничная черта между Россией и Ираном. Пограничный знак № 1, составлявший конечный пункт границы Закаспийской

¹¹³⁶ Кузьмин-Караваев. Записка генерального штаба полковника Кузьмина-Караваева о введении русского управления в Атеке // СМА. 1886. Вып. 21. С. 110–157.

¹¹³⁷ Кузьмин-Караваев. Российско-персидская граница между Закаспийскою областью и Хорасаном // СМА. 1889. Вып. 40. С. 1–134.

¹¹³⁸ Кузьмин-Караваев. Записка генерального штаба полковника Кузьмина-Караваева о введении русского управления в Атеке // СМА. 1886. Вып. 21. С. 132–133, 152; Л.М.Кулагина и Б. Маннанов указывали другую дату – 14 августа 1884 г. [Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ-С, 2010. С. 56; Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. – Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 74–75]. Но не верить комиссару, лично руководившему работами и подписывавшему протоколы, у нас нет оснований.

¹¹³⁹ Кузьмин-Караваев. Российско-персидская граница между Закаспийскою областью и Хорасаном // СМА. 1889. Вып. 40. С. 90.

¹¹⁴⁰ Кузьмин-Караваев. Записка генерального штаба полковника Кузьмина-Караваева о введении русского управления в Атеке // СМА. 1886. Вып. 21. С. 129.

¹¹⁴¹ Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука, 1964. С. 75. У Л.М. Кулагиной о них сказано отдельно от общего блока, посвящённого разграничению 1881 г. Исследовательница лишь констатировала факт установления правил водопользования пограничных рек [Кулагина Л.М., Дунаева Е.В. Граница России с Ираном (история формирования). М.: Ин-т востоковедения РАН, 1998. С. 56]. К слову, она спутала реку Атрек с Атеком, именуя её оазисом [Там же. С. 52–53] с Атеком или Атекским оазисом. Именно Атек, а не Атрек, по просьбе персидского правительства при подписании конвенции 1881 г. был оставлен на 5 лет в переходном положении.

области с Персией, был поставлен у Бабадурмазского родника. «Дальнейшее продолжение граничной черты ... юго-восток до Теджена не было установлено официальным протоколом и пограничными знаками, – отмечал Н.Д. Кузьмин-Караваев. – ... граничною чертою от Бабадурмазского родника далее на юго-восток продолжает служить хребет Зираку, до его юго-восточной оконечности, составляющей против селения Сафаркала левый берег дурунгарской (Гюльризской) долины»¹¹⁴².

Разграничение проходило хотя и спешно, но затянулось. Связано это было с тем, что одновременно происходил процесс покорения Россией туркменских земель. В феврале 1884 г. к Закаспийской области был присоединён Мервский оазис, из которого образован Мервский округ; в мае того же года последовало присоединение Иолотанского, а в конце июня – Серахского оазисов и низовьев р. Теджена (Тедженского оазиса), Последние вошли в состав нового Тедженского округа, а оба оазиса были причислены к Мервскому округу¹¹⁴³. Покорение Туркмении происходило на фоне острого англо-русского противостояния, что и обусловило относительно быстрые действия со стороны России. Апогеем конфликта, чуть не приведшим к войне между двумя великими державами, стал «Кушкинский инцидент 1885 г.»¹¹⁴⁴. В результате, после сражения при р. Кушке в марте 1885 г. между отрядами российских и афганских войск, руководимых английскими военными советниками, к России окончательно был присоединён Пендинский оазис, а в 1886 г. – Атекский.

Конвенция 9 декабря своей секретной частью фактически открывала для России не только Атек, но и некоторые районы Хорасана, а 5-я статья предусматривала возможность строительства колёсных дорог. Последние рассматривались исключительно с военно-стратегической точки зрения. В мае 1882

¹¹⁴² Кузьмин-Караваев. Российско-персидская граница между Закаспийскою областью и Хорасаном // СМА. 1889. Вып. 40. С. 75.

¹¹⁴³ Боронин О.В. К вопросу о периодизации политики России в Средней Азии во второй половине 1860-х – первой половине 1880-х гг. XIX в. // izvestia.asu.ru/2005/4/hist/TheNewsOfASU-2005-4-hist-05.pdf. С. 31; Россия и Туркмения в XIX веке. К вхождению Туркмении в состав России. Ашхабад: Туркменское гос. изд., 1946. Док. 127. С. 266–268.

¹¹⁴⁴ Айрапетов О. До и после Кушки. 1881–1885: контекст внешней политики России // Родина. 2015. № 2. С. 55–57; Лисицина Н.Н. Закаспийский край в англо-русских отношениях: 1880-е – 1907 гг. Дисс. канд. ист. наук, М., 2006. С. 168–210; Лисицына Н.Н. Пендинское сражение 1885 года. Новые документы // Восточный архив. 2004. № 11/12. С. 66–73; Лунёва Ю. «...Из-за Герата мы не забудем Константинополя»: [о вооруж. столкновении между рус. и афган. войсками на р. Кушке 18 марта 1885 г., завершившемся победой рус. войск] // Родина. 2010. № 8. С. 62–64; Хидоятов Г.А. Британская экспансия в Средней Азии: (Пенде, март 1885 г.). Ташкент: ФАН, 1981. 213 с.; Шеманский А.Д. Бой на Кушке и его 25-летний юбилей 18/III 1885 г. – 18/III 1910 г. СПб.: В. Березовский, 1910. 80 с.

г. генерал-майор ГШ, бывший начальником передового отряда у М.Д. Скобелева, а затем – начальником штаба войск Закаспийской области, Н.И. Гродеков составил докладную записку в Главный штаб о наилучших маршрутах для проведения дорог. Он отмечал, что «Завоевание Ахалтекинского оазиса предпринято было с целью создать из него педаль, с помощью которой мы будем в состоянии видоизменять камертон нашей политики как относительно Великобритании, так и Персии, и Афганистана». Здесь же в качестве наиболее удобного маршрута будущей колёсной дороги им был предложен вариант: Геоктепе – Гярмаб – Ширван – Кучан – Мешхед – Герат. Это предложение было поддержано военным министерством¹¹⁴⁵. С ноября 1880 г. стала строиться Закаспийская железная дорога, ставшая основным двигателем русской торговли и важным военно-стратегическим объектом¹¹⁴⁶. А в 1885 г. русские войска заняли Серахс, который стал крайней точкой востока империи. Благодаря этим мерам, Россия приблизилась к Герату, навсегда утвердившись в Туркмении и укрепив своё военно-политическое положение в Центральной Азии¹¹⁴⁷. Неразграниченной на средневосточной границе осталась линия, близкая к Афганистану. В 1885–1887 гг. здесь работала отдельная комиссия по разграничению¹¹⁴⁸, поэтому окончательно граничная черта Закаспийской области с Персией была оформлена лишь в 1893 г.

5 февраля демаркационные работы были окончательно завершены¹¹⁴⁹. В том же году за «разграничительные работы» Н.Д. Кузьмин-Караваев получил орден

¹¹⁴⁵ Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 420 К концу XIX в. были построены участки колёсной дороги и шоссе Ашхабад – Кучан – Мешхед, колёсная дорога Серахс – Мешхед через Муздеранский перевал [Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Вольнского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование) // СМА. 1896. Вып. 63. С. 329].

¹¹⁴⁶ Родзевич А.И. Очерк постройки Закаспийской военной железной дороги и её значение для русско-среднеазиатской промышленности и торговли. СПб.: Тип. Муллер и Богельман, 1891. 77с.; Сапарова Д.Ч. Влияние Закаспийской железной дороги на развитие русско-иранских торговых связей (90-е гг. XIX в.). Ашхабад: Ылым, 1991. 144 с.

¹¹⁴⁷ Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 422.

¹¹⁴⁸ Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией. 1872–1885. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1886. 381 с.

¹¹⁴⁹ Кузьмин-Караваев. Российско-персидская граница между Закаспийскою областью и Хорасаном // СМА. 1889. Вып. 40. С. 48–49. Однако оставался неурегулированным вопрос об участке между Бабадурмазом и Тедженом. Окончательное определение пограничной черты и использования вод пограничных рек было завершено в 1894 г. [Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 75–76]. 27 мая 1893 г. была подписана «Конвенция между Россией и Ираном о разграничении в Средней Азии» [Кулагина Л.М., Дунаева Е.В. Граница России с Ираном (история формирования). М.: Ин-т востоковедения РАН, 1998. С. 55], а в 1894 г. договор дополнен статьями о водном разграничении, в соответствии с которым 5/6 воды Теджена считалось собственностью России [Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIXв. Москва: Прометей, 2015. С. 57].

святого Владимира 3-й степени (13 августа 1886 г.)¹¹⁵⁰. Чуть раньше, в 25 января 1886 г.¹¹⁵¹ российский посланник в Тегеране А.А. Мельников заключил с шахским правительством новый контракт на обучение персидской кавалерии¹¹⁵².

Он был написан на французском и персидском языках, состоял из преамбулы и одиннадцати статей. В преамбуле было заявлено, что персидское правительство решило продолжить срок пребывания российских военных инструкторов для дальнейшего обучения части иранской кавалерии. Исходя из этого, 1-й статьёй утверждалось, что Н.Д. Кузьмин-Караваев, назначенный кавказским начальством, сменяет на месте Заведующего обучением персидской кавалерии П.В. Чарковского. Он должен был исполнять свою должность в течение 3-х лет, находясь в распоряжении персидского правительства. Предполагалось, что полковник будет инструктировать и обучать части, выделенные ему иранским военным министерством, согласно действующим русским уставам и статутам.

Во 2-й статье было зафиксировано, что помогать в обучении полковнику будут 3 казачьих обер-офицера и не более 5 урядников, которых должна назначить кавказская военная администрация. Согласно статье, сразу после выбора, Н.Д. Кузьмин-Караваев должен был направить в российскую Миссию в Тегеране список инструкторов для предоставления его персидскому правительству.

В 3-й статье обговаривались условия оплаты. Иранская сторона должна была платить Заведующему годовой оклад в 2 400 туманов или 24 000 французских франков ежеквартально и заранее, а также ежедневный фураж для 5 лошадей. Обер-офицерам предполагалось платить те же суммы, что и их предшественникам, служившим по предыдущему контракту. Унтер-офицеры должны были получать 20 туманов в месяц или 240 в год.

¹¹⁵⁰ Работы по русско-персидской границе, опубликованные в 1886–1889 гг. [Кузьмин-Караваев. Записка генерального штаба полковника Кузьмина-Караваева о введении русского управления в Атеке // СМА. 1886. Вып. 21. С. 110–157; Кузьмин-Караваев. Российско-персидская граница между Закаспийскою областью и Хорасаном // СМА. 1889. Вып. 40. С. 1–134], следует приписать не А.Н. Кузьмину-Караваеву [Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Биобиблиографический словарь. – М.: Восточная литература, 2005. С. 134; Содержание томов «Сборника географических, топографических и статистических материалов по Азии» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.primarysourcesonline.nl/ead/dsc.php?faid=492rustoc.xml&c01=all>], а его однофамильцу, занявшему впоследствии должность Заведующего обучением персидской кавалерии.

¹¹⁵¹ РГВИА. Ф. 401. 1885. Св. 1100. Оп. 4. Д. 57. Л. 6–9.

¹¹⁵² РГВИА. Ф. 401. 1885. Св. 1100. Оп. 4. Д. 57. Св. 1100. Л. 4. Как уже отмечалось, в некоторых публикациях указывается 1885 г. [Колпакиди А., Север А. Спецслужбы Российской империи. Уникальная энциклопедия. М.: Яуза; Эксмо, 2010. С. 744]. Однако эта дата представляется неточной. Судя по всему, контракт должен был быть заключён в 1885 г., по окончании такового у П.В. Чарковского. Однако его подписание было отсрочено в связи с затяжкой работ демаркационной комиссии.

4-й статьёй персидское правительство соглашалось дополнительно начислять полковнику командировочные расходы в сумме 100 полуимпериалов, которые будут предоставлены ему со дня подписания соглашения. Каждый из остальных офицеров, прибывших на смену предыдущих, должен был получить от иранского правительства командировочные в размере 75 полуимпериалов. Новые урядники же получали каждый по 20 полуимпериалов.

В 5-й статье указывалось, что служба Н.Д. Кузьмина-Караваева начинается с момента подписания контракта, как и оплата его услуг согласно 3-й статьи. То же касалось и остальных членов военно-инструкторской миссии.

В день подписания соглашения полковнику 6-й статьёй выделялась двухмесячная зарплата в размере 400 туманов или 4 000 франков. Таким образом, по истечении первого квартала службы Н.Д. Кузьмина-Караваева это будет касаться выплат остальных 4-х месяцев, оставшихся в истёкшем квартале, и следующих 3-х месяцев.

7-й статьёй определено было подчинение полковника. Н.Д. Кузьмин-Караваев должен был подчиняться иранскому военному министру, отчитываться перед ним и от него же получать деньги на ПКБ.

Расходы, сделанные Заведующим по делам службы, а также по приказу персидского правительства, говорилось в статье 8, должны будут возмещаться последним.

Согласно 9-й статьи, полковник не имел права в течение 3-х лет покинуть свой пост. Не должен он был также в это время и нарушать условия договора. Лишь в случае, если состояние здоровья не позволит ему исполнять свои обязанности, персидское правительство могло освободить Н.Д. Кузьмина-Караваева от них ранее завершения срока соглашения. Если полковник по состоянию здоровья вынужден будет отсутствовать в Персии, тегеранское правительство не могло отказать ему в отпуске для лечения. Однако отпуск этот был ограничен 3-мя месяцами. Те же условия 9-й статьи распространялись и на остальных членов военной миссии.

По истечении 3-х лет службы, отмечалось в 10-й статье, персидское правительство должно будет оплатить полковнику, обер- и унтер-офицерам дорожные расходы для возвращения в Россию, по формуле, зафиксированной в 4-й

статье. Это правило распространялось и на случаи, когда инструкторы покидали Иран с согласия местного правительства до окончания срока контракта.

Наконец, в 11-й статье говорилось, что Заведующий и другие члены его миссии должны прибыть в Тегеран к месту службы в течение 2-х с половиной месяцев со дня выплаты через дипломатическую Миссию в Тегеране командировочных денег, предусмотренных статьёй 4-й.

5 февраля 1886 г. демаркационные работы были завершены, после чего русский комиссар Н.Д. Кузьмин-Караваев 17 февраля выехал из Ашхабада, где он находился, в Тифлис¹¹⁵³. Переписка о назначении военных инструкторов велась между ведомствами Российской империи до начала марта. Кандидатуру полковника одобрили все военные инстанции и Министерство иностранных дел. 4 марта 1886 г. последовало высочайшее повеление о командировании Н.Д. Кузьмина-Караваева «в Персию для заведования обучением Персидской кавалерии с содержанием жалованья по чину 1 032 рублей и столовых 420 рублей»¹¹⁵⁴. 7 марта 1886 г. Н.Д. Кузьмин-Караваев, состоявший на службе при Главном штабе, приказом Александра III был назначен в распоряжение командующего войсками Кавказского военного округа с оставлением в ГШ¹¹⁵⁵. Поскольку из предыдущей командировки он вернулся 12 марта, то к новому месту службы отправился 15 марта 1886 г. Туда он приехал, скорее всего, во второй половине марта 1886 г. Точной даты нам неизвестно. По контракту полковник должен был прибыть к месту службы не позже, чем через 2 с половиной месяца после получения командировочных денег, то есть 9 апреля 1886 г.¹¹⁵⁶. Судя по краткому послужному списку, всё время пребывания в Иране он числился не Заведующим обучением персидской кавалерии, а состоящим в распоряжении командующего войсками Кавказского военного округа¹¹⁵⁷. По ходатайству А.М. Дондукова-Корсакова, император разрешил также «предоставить Кузьмину-Караваеву право самому выбирать офицеров и нижних чинов»¹¹⁵⁸.

¹¹⁵³ Формально возвратившимся из командировки он считался с 12 марта 1886 г. [РГВИА. Ф. 409. Оп. 17. Д. 5670].

¹¹⁵⁴ РГВИА. Ф. 409. Оп. 17. Д. 5670.

¹¹⁵⁵ РГВИА. Ф. 401. 1885. Св. 1100. Оп. 4. Д. 57. Л. 28. «Состоит в распоряжении командующего войсками Кавказского военного округа» [Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е мая 1889 г. СПб.: Военная типография, 1889. С. 394].

¹¹⁵⁶ РГВИА. Ф. 401. 1885. Св. 1100. Оп. 4. Д. 57. Л. 19.

¹¹⁵⁷ Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е мая 1889 г. СПб.: Военная типография, 1899. С. 394.

¹¹⁵⁸ РГВИА. Ф. 401. 1885. Св. 1100. Оп. 4. Д. 57. Л. 21–24. Тем не менее, окончательный выбор инструкторов по-прежнему оставался за кавказским начальством.

Вместе с новым Заведующим в Тегеран были командированы для смены выехавших инструкторов поручик Гвардии конно-артиллерийской бригады Каспар Николаевич Блюмер¹¹⁵⁹ (выбран самим полковником) и урядник (его имени нам, к сожалению, выяснить не удалось). Есаул Меняев также решил продолжить службу в ПКБ. Хотя документов, касающихся его назначения, нам обнаружить не удалось, но на имеющемся в нашем распоряжении фото офицеров бригады в 1887 г. он присутствует¹¹⁶⁰. К тому же об этом свидетельствуют оставленные им под именем Мисль-Рустем мемуары, где он упоминает о своём присутствии в Иране в сентябре 1888 г. на открытии первой железной дороги¹¹⁶¹. Третьим обер-офицером в ПКБ оставался есаул Е.А. Маковкин, командовавший ею в отсутствие Заведующего.

Назначение и отставка Н.Д. Кузьмина-Караваева с поста Заведующего сопровождались скандалами. До некоторой степени это объяснялось личностью самого полковника, в чём-то – стечением обстоятельств, а в какой-то мере – позицией российского правительства.

В феврале 1886 г. временно исполнявший обязанности главноначальствующего на Кавказе генерал-адъютант Сергей Алексеевич Шереметев обратился в Главный штаб за ходатайством и распоряжением начальника Главного штаба «о высочайшем утверждении полковника Кузьмина-Караваева Заведующим обучением персидской кавалерии с сохранением за ним: штатного его места (без занятия вакансии), жалования по чину и усиленного оклада, столовых по штатной его должности и прочего содержания, как то было назначено полковнику Домонтовичу»¹¹⁶². В Петербурге одобрили это ходатайство. Но поскольку полковник не занимал штатной должности в Кавказском военном округе и никаких распоряжений на этот счёт не было получено, начальник штаба округа решил внести в смету по военному округу содержание Н.Д. Кузьмина-Караваева «по окладам, присвоенным последней его штатной должности»¹¹⁶³. Однако в марте 1886

¹¹⁵⁹ В документах встречается также и другое написание его имени и фамилии – «Каспер» и «Блюммер» соответственно.

¹¹⁶⁰ Стрелянов (Калабухов) П.Н. Казаки в Персии 1909–1918 гг. М.: Центрполиграф, 2007.

¹¹⁶¹ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 164–165. Атрибутация Мисль-Рустема дана, как по его воспоминаниям, из которых следует, что он был военным, так и по работам: Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898; Кримський А.Ю. Перський театр. Звідки він узявся і як розвивавсь // Твори в п'яти томах. К.: Наукова думка, 1974. С. 301. В 1888 или в начале 1889 г. есаул Меняев был заменён подьесаулом М.А. Ассиером.

¹¹⁶² РГВИА. Ф. 401. 1885. Св. 1100. Оп. 4. Д. 57. Л. 18, 20.

¹¹⁶³ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 69.

г. в Петербурге было принято решение, что полковник отправляется на новую должность «с содержанием жалованья по чину 1 032 рублей и столовых 420 рублей»¹¹⁶⁴. В основу было положено содержание первых двух Заведующих – жалование по чину и столовые. Кроме того, по контракту и условиям российской стороны Н.Д. Кузьмину-Караваеву полагалось оплата в том же размере, что и предыдущим командирам – 24 000 французских франков от персидского правительства¹¹⁶⁵. Однако уже 10 июля полковник обратился к кавказскому начальству с рапортом. В нём он просил оставить ему столовые в размере 600 рублей, положенные по предыдущей должности, а не уменьшать их до 420-ти. Также Н.Д. Кузьмин-Караваев настаивал на выплате ему квартирных, полагавшихся по прежней должности. Аргументировал свои просьбы он довольно «убедительно», ссылаясь на опыт предыдущих Заведующих и на то, что он, в первую очередь, состоит на русской, а не на иранской службе¹¹⁶⁶. 11 июля последовал следующий рапорт. Теперь полковник просил прислать себе казённую прислугу в количестве двух человек, опять-таки апеллируя к практике предшественников¹¹⁶⁷. Переписка штаба Кавказского военного округа с Главным штабом по этим вопросам показала, что ссылки Н.Д. Кузьмина-Караваева были не во всём точны. Если А.И. Домонтовичу при назначении было сохранено содержание в полном объёме и выделили двух человек прислуги, то П.В. Чарковский не имел ни того, ни другого. В результате, решено было просьбы отклонить¹¹⁶⁸. Однако Н.Д. Кузьмин-Караваев не успокоился. 26 декабря 1886 г. он подал начальнику штаба Кавказского военного округа третий рапорт. Теперь полковник ходатайствовал лишь о сохранении жалования, основываясь на том, что П.В. Чарковский не занимал перед назначением в Персию должности с содержанием от Военного министерства. К тому же он напоминал, что согласился стать Заведующим при условии сохранения ему жалования¹¹⁶⁹. Третий рапорт также не был удовлетворён. Таким образом,

¹¹⁶⁴ РГВИА. Ф. 409. Оп. 17. Д. 5670. В русской армии XIX в. существовали три основных вида выплат офицерам: жалование (в зависимости от чина), столовые деньги (в зависимости от должности) и квартирные (в зависимости от чина, города и семейного положения) [Волков С. В. Русский офицерский корпус. М.: Центрполиграф, 2003. С. 256]. Н.Д. Кузьмину-Караваеву квартирные, выплачивавшиеся в зависимости от стоимости жилья в местности, где офицер проходил службу, не были назначены, поскольку офицеры ПКБ жили в специально отведённых для них домах.

¹¹⁶⁵ РГВИА. Ф. 401. 1885. Св. 1100. Оп. 4. Д. 57. Л. 30–32.

¹¹⁶⁶ Там же. Л. 36.

¹¹⁶⁷ Там же. Л. 33–35.

¹¹⁶⁸ Там же. Л. 37–42.

¹¹⁶⁹ Там же. Л. 43–44.

Н.Д. Кузьмину-Караваеву было отказано и в прислуге и в увеличении (сохранении) жалования от российского правительства.

Приведенный эпизод является очень характерным для выявления личных качеств Н.Д. Кузьмина-Караваева, оценки которого исследователями основаны исключительно на мнении первого историографа ПКБ В.А. Косоговского и носят поверхностный характер. Во-первых, очевидно, что полковник был равнодушен к деньгам. Получая от персидского правительства 24 000 франков и из интендантских сумм российского Военного министерства жалование по усиленному окладу в размере 1 032 рублей в год и 420 рублей столовых денег¹¹⁷⁰, он «торговался» из-за 180 рублей в год. Вполне возможно, что это объяснялось также тем, что в Тегеран он отправился вместе со своей семьёй. Н.Д. Кузьмин-Караваев, как и большинство офицеров-дворян русской армии второй половины XIX в., не имел никакой собственности, но имел семью. Как отмечал исследователь российского офицерского корпуса Сергей Владимирович Волков, «поэтому проблема жалования для офицеров была важнейшей, определявшей целиком их быт и семейное положение ... точно так же, как проблема пенсионного обеспечения целиком определяла средства существования офицера и его семьи после отставки»¹¹⁷¹. Известно, что в конце пребывания в Персии жена¹¹⁷² и дочери полковника – Мария (родилась 1 февраля 1884 г.) и Александра (родилась 18 марта 1888 г.) жили вместе с ним. Но когда они прибыли в столицу Каджарской державы точно не известно. «Скупость» Н.Д. Кузьмина-Караваева, о которой пишут многие авторы, вполне могла объясняться необходимостью, помимо собственного содержания, обеспечивать семью. Кроме того, для Ирана статус офицера-начальника имел большое значение. Ещё А.И. Домонтович отмечал, что казавшиеся сначала большими деньги, выплачиваемые Заведующему, на деле оказались не такой уж и

¹¹⁷⁰ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 28.

¹¹⁷¹ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Центрполиграф, 2003. С. 262.

¹¹⁷² Скорее всего, это была Н.Н. Нелидова, на которой полковник был женат с 1885 г. [Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий: в 2 т. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1886. Т. 1. С. 468; Фрейман О.Р. фон. Пажи за 183 года (1711–1894). Биографии бывших пажей, с портретами. Вып.17 Фридрихсгамн: Народная типография, 1896. С. 640]. Тем не менее, в послужном списке, составленном в 1891 г., указывалось, что Н.Д. Кузьмин-Караваев женат вторым браком на Анне Дмитриевне Бушен. Не ясно, когда именно произошли развод и свадьба. К тому же не совсем понятно, почему первая дочь родилась до первого брака. В силу этого утверждать, кто именно в качестве жены был с полковником в Персии, мы не берёмся.

крупной прибылью¹¹⁷³. Статус требовал хорошо одеваться, иметь богатый выезд из нескольких хороших коней и экипажа, приглашать членов Миссии, иностранных представителей, шахских сановников на званые обеды и т.п. «Обеспечены русские офицеры достаточно, хотя для Персии отнюдь не роскошно – отмечал посетивший Иран в 1908 г. русский офицер. – Так, кроме сохраняемого за ними русского жалования, каждый офицер получает до 5 000 рублей в год от персидского правительства; но при тегеранской дороговизне семейному офицеру, в силу установившихся традиций, приходится тратить всё содержание на представительство и жизнь, так что откладывать что-либо невозможно. Холостому офицеру также следует жить по-барски, иметь шикарный выезд и т. д. – иначе в Тегеране к нему отнесутся ... подозрительно, как к авантюристу, приехавшему в Персию для лёгкой наживы»¹¹⁷⁴. Хотя, следует заметить, что предыдущие командиры ПКБ вполне успешно справлялись со всем этим и в рамках выделявшихся им сумм. Да и с семьями в Иран приезжали не только Н.Д. Кузьмин-Караваев, но и другие Заведующие и даже обер-офицеры. Но никто из них не поднимал перед начальством вопрос об увеличении денежного содержания.

Во-вторых, Н.Д. Кузьмин-Караваев изначально не стремился выполнять свои служебные обязанности перед персидским правительством также неукоснительно, как предыдущие офицеры. Видимо, будучи лучше осведомлён о целях русской политики относительно Персии, а, возможно, и великодержавником-националистом¹¹⁷⁵ по своим взглядам, он не придавал серьёзного значения формированию из ПКБ боеспособной воинской части. В упоминавшемся рапорте начальнику штаба Кавказского военного округа от 10 июля 1886 г. он прямо указывал, что командирован «не исключительно для персидской службы», а в интересах русского правительства и «русского военного дела». Поэтому просил считать его не находящимся на службе персидскому правительству, а

¹¹⁷³ Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 2. С. 333.

¹¹⁷⁴ Мамонтов Н.П. Очерки современной Персии. СПб.: Типография В.Ф. Киришбаума, 1909. С. 89.

¹¹⁷⁵ В данном случае мы не вкладываем в это понятие негативного смысла. При всей сложности и многообразии национализмов XIX в., в них чётко можно выделить национализмы, присущие представителям великих держав Европы (именно эти державы – Пруссия (Германия), Австрия (Австро-Венгрия), Великобритания, Россия и Франция – и их население в то время и именовали нациями) и национализмы отдельных народов, имевших государственность, но не «великую», а также – находившихся в составе других государств. Под великодержавными националистами мы понимаем националистов первой группы, для которых главным являлись статус, величие империи и нации (или народа), её создавшего.

командированным по делам русского правительства¹¹⁷⁶. Естественно, такое понимание своих обязанностей в дальнейшем сослужило нехорошую службу как самой бригаде, так и русскому влиянию при шахском дворе.

4.2. Российская и британская политика в Иране в 1880-х гг.

Прежде чем переходить к описанию состояния дел в ПКБ в период руководства ею Н.Д. Кузьмина-Караваева, следует остановиться на ещё одной личности, сыгравшей не последнюю роль, как в судьбе самого полковника, так и ПКБ, а также русского влияния в Персии. Речь идёт о российском посланнике в Тегеране с 25 октября 1886 г. по 12 ноября 1889 г. (отозван из Тегерана он был в октябре, а формально сдал дела в ноябре) генерал-майоре Свиты его величества князе Николае Сергеевиче Долгорукове.¹¹⁷⁷ Потомок одного из выдающихся аристократических семейств России и личный друг царя Александра III¹¹⁷⁸, храбрый офицер, разжалованный за дуэль в рядовые, но участием в боях на Кавказе заслуживший себе вновь офицерские чины, а в 1882 г. произведённый в Свиты его величества генерал-майоры¹¹⁷⁹, он был личным представителем русского императора при императоре германском, короле прусском, но за скандал с послом графом П.А. Шуваловым был отозван в 1886 г. из Берлина и направлен в Персию¹¹⁸⁰.

Н.С. Долгоруков сочетал в себе русский национализм с имперским высокомерием и пренебрежительным отношением к азиатам, в том числе и персам.

¹¹⁷⁶ РГВИА. Ф. 401. 1885. Св. 1100. Оп. 4. Д. 57. Л. 36–37.

¹¹⁷⁷ Встречаются два варианта написания его фамилии – Долгоруков и Долгорукий.

¹¹⁷⁸ Мисль-Рустем сообщил о подаренном им императору ковре «замечательно сделанный ковер, с изображением посредине российского орла на белом фоне. Этот ковер преподнесен князем Д. императору Александру III; на такой ковер можно заглядеться, но, должно быть, и денег он стоил немало» [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 174], что свидетельствует о близких отношениях между ними. О благоволении к нему в высших сферах постоянно упоминал и В.Н. Ламсдорф [Ламсдорф В.Н. Дневник 1886–1890. М.: Государственное издательство, 1926. С. 157]. Утверждение С.Ю. Витте, что «Император Александр III неблаговолил к князю Долгорукому» не соответствует действительности [Витте С.Ю. Воспоминания. Детство. Царствование Александра II и Александра III (1849–1894). Л.: Изд-во Слово, 1923. С. 302]. Оно было вызвано тем, что после провала своей дипломатической деятельности на посту посланника в Иране, князь действительно был отозван царём и впал в опалу. Но вплоть до конца 1880-х гг. император ему покровительствовал.

¹¹⁷⁹ Флигель-адъютант (с 1867 г.) и полковник князь Н.С. Долгоруков был одновременно призведён в генерал-майоры с назначением в Свиту его императорского величества 26 февраля 1882 г. [Милорадович Г.А. Список лиц Свиты Их Величеств с царствования императора Петра I по 1886 г. Киев: тип. С.П. Кульженко, 1886. С. 5–6; Список генералам по старшинству. Составлен по 6 января 1906 года. СПб.: Военная типография, 1907. С. 98].

¹¹⁸⁰ Список генералам по старшинству. Составлен по 1 июля 1908 года. СПб.: Военная типография, 1908. С. 65.

«Движимый амбициями, чувством своего превосходства и превосходства своей страны, сильной неприязнью к бюрократам вроде Гирса (Н.К. Гирс – министр иностранных дел Российской империи с 1882 по 1895 гг. – О.Г.) и Зиновьева, Долгоруков был убежден, что факел исторической миссии России на Востоке был вручен ему, чтобы он мог осветить им великие события, – писал о нём Ф. Казем-заде. – Мастер дворцовых интриг, изысканный и очаровательный, когда необходимо, но невоспитанный и высокомерный по природе, Долгоруков по прибытии в Тегеран позволил себе в обращении с шахом и его министрами тон губернатора завоёванной провинции. Шах был оскорблён и напуган своевольным поведением нового посланника»¹¹⁸¹. Личные качества его также были далеки от идеальных. «у князя Долгорукого был двойственный, не прямой характер. – вспоминал о нём С.Ю. Витте. – Вообще князь Долгорукий был человек неискренний»¹¹⁸².

Именно на время его пребывания в Тегеране приходится активизация английской политики относительно Персии¹¹⁸³. Н.С. Долгоруков по мере сил и способностей пытался ей противостоять, активно отстаивая российские интересы, как он их понимал. В своих взглядах, судя по косвенным свидетельствам, содержащимся в дневниковых записях В.Н. Ламсдорфа и в поведении посланника, он был не только близок императору, но и разделял его видение политики России относительно Персии. Будучи опытным царедворцем, новый посланник старался исполнять пожелания царя со всем рвением, тем более, что в острых вопросах инструкции на общую линию поведения он получал именно от Александра III. Пользуясь личными связями с царём, Н.С. Долгоруков интриговал против своего непосредственного начальства – министра иностранных дел Н.К. Гирса и директора Азиатского департамента министерства И.А. Зиновьева. С последним он вообще поссорился и оклеветал его перед императором¹¹⁸⁴. Жёсткое отстаивание интересов России (как он их представлял) в борьбе с Англией, пренебрежительное,

¹¹⁸¹ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 150–151.

¹¹⁸² Витте С.Ю. Воспоминания. Детство. Царствование Александра II и Александра III (1849–1894). Т. 1. Л.: Изд-во Слово, 1923. С. 302.

¹¹⁸³ Хорошую картину деятельности Н.С. Долгорукова на посту посланника в Иране дал Ф. Казем-заде [Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 150–185].

¹¹⁸⁴ Там же. С. 166.

покровительственно-снисходительное, а порой и наглое отношение к персидскому правительству, руководство зачастую эмоциями, а не политическими соображениями, своеобразное понимание политического престижа, давление, шантаж и угрозы – вот черты, характеризовавшие деятельность российского дипломата. Во многом его отстаивание, например железнодорожных проектов и других концессий объяснялось тем, что он получал деньги от русских предпринимателей или участвовал в их проектах¹¹⁸⁵. Вообще его поведение в Иране очень походило на «генеральскую дипломатию» в Болгарии, символом которой стали не столько Леонид Николаевич Соболев и Александр Васильевич Каульбарс, сколько брат последнего – барон Николай Васильевич Каульбарс¹¹⁸⁶. Скорее всего, именно из-за этого противостояние окончилось для российского посланника полной неудачей. Характеризуя жизнь европейцев в Тегеране, Мисль-Рустем писал: «На вечера и балы собирается иногда более ста человек интеллигенции, которая состоит большею частью из дипломатического корпуса и высокообразованных людей, отлично себя держит, в высшей степени любезна и предупредительна со всеми, в каком бы положении человек ни был; примером мог служить наш посланник, князь Н.С. Долгоруков, который был настолько уважаем шахом, что я сам видал, как его шахское величество бежал от нас из сада, чтобы встретить нашего князя в зале дворца, куда он прибыл по ошибке драгомана, ранее времени, предназначенного ему шахом для аудиенции»¹¹⁸⁷. Однако в таком поведении Насреддин-шаха правильнее бы было видеть не только и не столько уважение к Н.С. Долгорукову, сколько уважение к силе посланной его державы и опасение своими действиями вызвать малейшее недовольство русского посланника. Своим агрессивным и пренебрежительным отношением к персам Н.С. Долгоруков, в конце концов, оттолкнул их от России. «Уступая России почти по всем вопросам, шах никогда не прекращал просить Англию о гарантиях, обеспечивающих поддержку против вторжения России», – писал Ф. Казем-заде¹¹⁸⁸.

¹¹⁸⁵ Там же. С. 164–165.

¹¹⁸⁶ Детальнее см.: Киняпина Н.С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898 гг.). М.: МГУ, 1994. С. 64–90; Косик В.И. Русская политика в Болгарии, 1879–1886. М.: Б. и. 1991. 180 с.

¹¹⁸⁷ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 167.

¹¹⁸⁸ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 146.

Одним из основных вопросов, вокруг которых строилось англо-русское соперничество в Каджарской монархии в рассматриваемое время, был вопрос о путях сообщения. И в России, и в Англии имелись определённые круги, которые были заинтересованы в прокладке железных и грунтовых дорог в Иране. Они должны были связать Россию и Британскую Индию соответственно с Ираном¹¹⁸⁹. И теми и другими двигали как экономические и военные интересы, так и взаимная боязнь быть обойдённым противником. Нельзя полностью согласиться с Ф. Казем-заде, что рассуждения русских и английских дипломатов об экономической необходимости продвижения в Иран были лишь данью идеологическому климату времени¹¹⁹⁰. Если для России это высказывание действительно было актуальным, то для Англии – «мастерской мира» – экономические интересы имели немаловажное значение¹¹⁹¹. Наиболее чётко выразил эту мысль в 1878 г. тогдашний премьер-министр Великобритании Бенджамин Дизраэли: «Мы отлично знаем, что когда мы говорим о британских интересах, мы имеем в виду материальные британские интересы, такие интересы, которые являются источником богатства или мощи страны»¹¹⁹². Главной целью английских железнодорожных проектов, которые начали разрабатываться во многом по инициативе Генри Креквика Роулинсона¹¹⁹³,

¹¹⁸⁹ О железнодорожном вопросе в Персии см.: Бондаревская Л.Г. Россия и английская экспансия в Персии (русско-английские противоречия по вопросам железнодорожного строительства в конце XIX – нач. XX вв.). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. 28 с.; Попов А. Англо-русское соперничество на путях Ирана // Новый Восток. 1926. Кн. 12. С. 127–148; Попов А. Страница из истории русской политики в Персии // Международная жизнь. 1924. № 4/5. С. 133–164; Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 392–423.

¹¹⁹⁰ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 143.

¹¹⁹¹ Айзенштат М.П., Гелла Т.Н. Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX веке. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1999. 217 с.; Глеб М.В. Имперская идея в Великобритании (вторая половина XIX в.). Минск: Белорус. Наука, 2007. 192 с.; Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке (XIX – начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. М.: Наука, 1990. 166 с.; Ковалёва Е.Г. Имперская проблематика в Британнии в 80-е годы XIX века // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2009. № 1. Ч. 2. С. 88–90; Парфенов И.Д. Монополия и империя: Английские привилегированные компании и колониальная экспансия 80–90-х годов XIX в. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980. 193 с.

¹¹⁹² Парфёнов И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века: Движущие силы, формы и методы. М.: Наука, 1991. С. 41.

¹¹⁹³ Английский политический деятель, сторонник и активный идеолог наступательной политики в Азии, направленной против России, «русской угрозы Индии» [Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке (XIX – начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. М.: Наука, 1990. С. 89–96]. В 1870-х гг. им была сформулирована главная цель британской политики в Иране: достижение максимума влияния и установление контроля над тегеранским двором вплоть до руководства его политикой [Rawlinson H.C. England and Russia in the East; a series of papers on the political and geographical condition of central Asia. London: J. Murray, 1875. P. 296]. Большую роль он отводил в этом Ирану, призывая изменить ориентацию шаха с пророссийской на проанглийскую, внедрить в армию Ирана британских инструкторов из Индии, направлять в Страну льва и солнца побольше британских инвестиций и пропагандировать обучение молодёжи из знатных семей в Англии, чтобы создать из неё в дальнейшем опору английского влияния в стране.

было установление прямого транзитного пути из Европы в Индию под британским контролем¹¹⁹⁴. Персия должна была стать частью этого транзита, что несло немалые угрозы не только самому Ирану, но и России. Поэтому в России отдельными государственными деятелями стали разрабатываться проекты индоевропейского пути через империю Романовых. В частности сторонником такого подхода был Н.С. Долгоруков. На Особом совещании при императоре 4 февраля 1890 г., посвящённом железнодорожному вопросу он высказал свои взгляды довольно прямо. «Генерал-майор князь Долгорукий присоединяется к мнению, что прежде всего нам надлежит позаботиться о соединении Тебриза с Тифлисом железной дорогой; помимо её существенного значения в политическом и экономическом отношениях, дорога эта предназначена сделаться первым звеном рельсового пути, который со временем нам придется проложить далее на юг. Так как направление индоевропейского транзита чрез Россию, может только способствовать укреплению её влияния в Персии, то необходимо приступить по возможности к предварительным изысканиям в видах выделения этого вопроса. После сделанных нами шахскому правительству заявлений о намерении нашем заняться изготовлением железнодорожного проекта было бы несогласно с нашим достоинством совершенно отказаться от этого намерения. Хотя мы и пользуемся преобладанием в северной Персии, тем не менее мы обязаны позаботиться о средствах утверждения влияния нашего на юге, хотя для достижения цели этой и потребуются значительные жертвы»¹¹⁹⁵.

Однако, интересы России вплоть до середины 1890-х гг. определялись отнюдь не экономическими мотивами, как это подчёркивалось в обобщающих работах

¹¹⁹⁴ Чарыков Н.В. Вопрос о малоазиатских железных дорогах // СМА. 1891. Вып. 49. С. 1, 6. Именно в рамках этих проектов была попытка концессии барона П.Д. Рейтера 1872 г. Такая постановка вопроса несла в себе явную угрозу не столько российскому влиянию, сколько безопасности русских границ в Азии, так как железные дороги имели двойную цель – торговую и военную. К тому же вслед за железнодорожным строительством следовало постепенное подчинение страны иностранному влиянию «К этому надо прибавить, что, при наличии тех же условий, проведение железных дорог несомненно повлечет за собою осуществление целого ряда иных, самых разнообразных промышленных предприятий, – писал русский консул в Турции. – ... Все эти дела представят, сверх собственно железных дорог, обширное – и пока ещё почти непочатое – поле для деятельности европейских капиталистов и предпринимателей» [Там же. С. 11–12]. Классическим примером являлась Османская империя 1870-х–1890-х гг., о которой русский консул Н.В. Чарыков писал «в течение последнего десятилетия Турция вступила в тот новый фазис своей экономической и политической жизни, который давно уже обратил на себя внимание русского правительства и который заключается в постепенном переходе в руки западноевропейских правительств и капиталистов различных отраслей не только политического, сколько финансового и экономического управления и быта турецкого государства» [Там же. С. 10]. Именно поэтому, а также в силу экономической слабости, Россия с 1880-х гг. препятствовала постройке железных дорог в Иране.

¹¹⁹⁵ Англо-русское соперничество в Персия в 1890–1906 гг. // Красный архив. 1933. № 1 (56). С. 47–48.

советских иранистов¹¹⁹⁶. Исходя из определяющей роли экономики в жизни человеческого общества, они переносили реалии конца XIX – начала XX вв. на более раннюю эпоху с середины XIX в. Экономические достижения России в Персии, как правило, подавались отдельно от политической их составляющей. Утверждая, что коммерческие проекты основывались государственных капиталах, учёные обходили тот факт, что первоначально инициаторами выступали частные лица и далеко не всегда определявшие внешнюю политику и связанные с правительством напрямую (к слову, данный процесс был характерен и для английского экономического проникновения в Иран, что хорошо показал Ф. Каземзаде). Политиков же до середины 1890-х гг. интересовали не столько экономические выгоды от приобретения влияния в Каджарской монархии, сколько политические. И именно для их реализации они поддерживали (или не поддерживали) те или иные проекты. Для России 1870-х – 1880-х гг., в сравнении с Англией, возможности экономической экспансии до 1890-х гг. были ограничены. Вполне уместным, кажется, привести в этой связи мнение советского историка Ф.А. Ротштейна, который, характеризуя включение Российской империи в борьбу с Великобританией на «экономической площадке» с конца 1880-х гг., писал следующее. «Это была смелая мысль, – отмечал он, – для страны, не располагавшей собственными капиталами, не имевшей ещё развитой промышленности, которая нуждалась бы в заграничном рынке, и неспособной экономически освоить даже собственные, более близко расположенные владения в Средней Азии»¹¹⁹⁷. Выводы эти косвенно подтверждают исследования по торговле России с Ираном¹¹⁹⁸. Так, вся ввозная торговля в Иран находилась в руках персидско-подданных или армян¹¹⁹⁹, а

¹¹⁹⁶ Гурко-Кряжин В. Краткая история Персии // История Ирана / Сост. С.А. Шумов, А.Р. Андреев. К. – М.: Альтернатива – Евролинц, 2003. С. 67; Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке (XIX – начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. М.: Наука, 1990. С. 18; История Ирана. М.: Изд-во Московского ун-та, 1977. С. 256–260; Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 123.

¹¹⁹⁷ Ротштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIX века. М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1960. С. 222.

¹¹⁹⁸ Богатырёв В.С. Развитие русско-персидской торговли во второй половине XIX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ist-konkurs.ru/raboty/2009/1603-razvitie-russko-persidskoj-torgovli-vo-vtoroj-polovine-xix-veka>; Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. 140 с.; Entner M.L. Russo-Persian Commercial Relations, 1828–1914. University of Florida Press, 1965. 80 p.

¹¹⁹⁹ «Вся главная торговля Персии в армянских руках и уж через это одно армяне такая сила, с которой надо считаться. У них же в руках большая часть меняльных лавок и контор, нечто в роде наших банков, делающих все денежные операции и заграничные переводы сравнительно с персиянами дешевле и честнее. Вот вам пример, судите сами. Когда мне понадобилось из Тегерана сделать перевод небольшой суммы денег на Баку, то персияне потребовали с меня за это 20 туманов, теперь больше 70 рублей! ... Кроме того, они до известной степени представляют в азиатской стране европейский элемент, живут по-европейски, вносят в жизнь некоторые удобства и привычки, которые ставят их

торговцы, приезжавшие в Россию за товарами, не находили здесь необходимого кредита¹²⁰⁰. Отказ государства от протекции русских предпринимателей и отсутствие представителей русских фабричных кругов в Иране также были одними из главных причин слабости русской торговли в стране и того, что все товарные потоки сконцентрировались в руках армян-скупщиков¹²⁰¹. Засилье посредников, думавших только о личных выгодах, естественно, тоже не способствовало продвижению российского бизнеса в Персии. Но в правительственных кругах понимание этого произошло только в конце 1870-х гг.¹²⁰² Чиновник российского министерства финансов Михаил Львович Томар, анализируя неудачу предприятия Николая Николаевича Коншина, который в 1884–1890 гг. занимался привозом и продажей русских мануфактурных товаров в Иране¹²⁰³, а также предприятий Лазаря

гораздо выше персиян, живущих по-азиатски, за самыми малыми исключениями. Частью за это превосходство армян над собой, а частью за их интрижный характер и презрительное отношение к себе, персияне терпеть их не могут» [Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 7–8]. Армян не зря называли «евреями Востока». В силу невозможности, сохраняя веру, попасть в престижные общественные и государственные структуры, армяне занимали в мусульманских обществах те ниши, которые формально не считались престижными. Главной из них была торговля и ростовщичество. Именно поэтому на Ближнем и Среднем Востоке существовала «армянофобия» и случались периодические преследования армян, как евреев в Европе. И именно поэтому армяне тянулись к России, как единственной единой державе, которая могла их защитить [Гатагова Л. «И сыну грозно возопил...» Армяне как объект фобии в Кавказском наместничестве // Родина. 2012. № 8. С. 82–85].

¹²⁰⁰ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 54.

¹²⁰¹ Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 25.

¹²⁰² Там же. С. 28.

¹²⁰³ В 1877 г. И.А. Зиновьев обратил внимание правительства на необходимость развития торговли России в Иране и предложил обратиться к российским мануфактуристам расширить свою деятельность здесь. На этот призыв откликнулся Н.Н. Коншин – крупный текстильный фабрикант. Он основал свой центр в Тегеране. С 1884 по 1889 гг. общая сумма его прибыли составила 660 036 рублей [Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. Москва: Прометей, 2015. С. 29–30]. Импортировал в Персию товаров на 660 000 рублей, а потерял на этом более 100 000 рублей и прекратил свои дела, писал об этом предприятии русский публицист [Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. С. 418. О нём см.: Фёдорова Т.В. Духовно-нравственное и экономическое наследие российской династии Коншиных в формировании гражданского самосознания и патриотического чувства студентов техникума [Электронный ресурс]. – Режим доступа: oktes.ru/internet-konf-2011]. Н.Н. Коншин столкнулся с серьёзной конкуренцией со стороны других европейских фирм, уже давно действовавших в Тегеране и местных торговцев. Так, Е.М. Белозерский со слов главы отделения фирмы в Барфуше Лихущина сообщил: «он рассказал мне такую массу подвохов и мерзостей, устроенных ему на первых порах местными армянами, что нельзя не удивляться, как он остался цел и невредим. Конечно, по простой логике вещей очень понятно, что его и не должны были принять иначе, потому что он прибыл с солидным делом от солидной русской фирмы подрывать их мелкое, но доходное дело; до сих пор они продавали что хотели и за сколько хотели, были господами рынка, а тут вдруг является контора с громадным выбором товаров и дешевле! Если бы этого не было, тогда конечно надобно было бы удивляться» [Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 9]. В частности, «в Тебризе открыта контора Циглера с английским капиталом в 2 мил. руб.! И замечательно, как только г. Коншин открыл в Персии свои конторы Циглер и Ко сейчас понизил цены на товар» [Там же. С. 92]. Попытка Н.Н. Коншина организовать выставку российских товаров в Тегеране для привлечения покупателей, натолкнулась на инерцию русских производителей и купцов. Откликнулись на предложение Н.Н. Коншина единицы, прислав товары столь плохого качества и по такой неоправданно высокой цене, что не смогли заинтересовать местных потребителей. Причины своей неудачи предприниматель изложил в письме министру финансов Ивану Алексеевичу Вышнеградскому. «Главнейшей причиной неудачи следует, по моему мнению, признать косность нашего купечества, в силу которой оно проявляет совершенно ничтожную отзывчивость ко всякому новому делу, если только таковое или не поощряется особыми привилегиями от правительства, или не обеспечивается вполне надёжным, и при том сравнительно большим барышом» [Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.:

Соломоновича Полякова, называл в качестве причин этого неудачный выбор места торговли (Тегеран), колебания стоимости крана, не замечая иные¹²⁰⁴. Тем не менее, эти причины были составляющими более важных, которые исследователь не принимал в расчёт¹²⁰⁵. Важной среди них была неспособность (или нежелание) большинства русских купцов и промышленников приспособляться к условиям страны, с которой и в которой они хотели иметь дело¹²⁰⁶. В то время, как русские предприниматели жаловались на множество проблем, английские – торговали. Ещё в 1843 г. «Журнал мануфактур и торговли» отмечал: «Известно, что английские бумажные ткани в Персии в большом употреблении как по своей дешевизне, так и потому, что англичане, проживающие долгое время в Персии, умели хорошо

Прометей, 2015. С. 30–31]. Государство также никак не помогало продвижению коншинской инициативы. В результате, обороты дома Н.Н. Коншина падали. Если в 1884 г. он ввёз в Иран товаров на 322 884 руб., то к 1889 г. они сократились до 46 638 руб. При этом убытки возрастали в обратной пропорции. (32 029 и 101 356 соответственно) [Там же. С. 31]. Однако, следует обратить внимание и на то, что Н.Н. Коншин также не стремился приспособляться к местным условиям торговли, что было вообще характерно для русского купечества (в частности, на этом же «прогорел» торговый дом Кудрина в Хорасане). В докладной записке на имя И.А. Зиновьева, составленной по результатам проверки причин краха торгового дома, среди главных значилась непрактичность Н.Н. Коншина, то есть нежелание вести дела традиционным восточным способом – торговлей в розницу и малыми партиями, высокие комиссионные, покупательский кредит и т.п.) [Там же. С. 31].

¹²⁰⁴ Томар М.Л. Экономическое положение Персии. СПб.: Типография В. Киршбуама, 1896. С. 103–106.

¹²⁰⁵ Там же. С. 103.

¹²⁰⁶ Работа Хаммата Атаевича Атаева [Атаев Х.А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII – XIX вв. М.: Наука, 1991. 391 с.] это наглядно подтверждает. Как отмечала Л.М. Кулагина, основывая свой вывод на документах Министерства иностранных дел, «несмотря на сравнительно благоприятные условия, создаваемые для русско-иранской торговли, экспорт российских товаров в Иран был значительно меньше европейского. Немалую роль в этом играло отсутствие опыта и гибкости у русских промышленников. Они не учитывали вкусы и желания иранских потребителей, не сумели приспособиться к потребностям иранского рынка, не использовали благоприятную для себя конъюнктуру. Русские консулы в Иране сообщали в Петербург, что российские промышленники и купцы “воочию, на деле доказали свою полнейшую несостоятельность и незнакомство со способами ведения торговли с Востоком”» [Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 111]. Именно поэтому русская торговля в Персии была сосредоточена в руках местного населения [Там же]. М.Л. Томар отмечал: «однако, между тем, как Коншин потерпел убытки, туземные торговцы (персияне и армяне) с успехом продавали русские товары на персидских рынках» [Томар М.Л. Экономическое положение Персии. СПб.: Типография В. Киршбуама, 1896. С. 103]. То есть, они умели приспособиться к местным условиям. Тем не менее, правильного вывода М.Л. Томара не сделал. Впрочем, возможно отчасти причиной неудач российских предпринимателей были особенности менталитета русского купечества, несколько отличавшегося от своих западных коллег [Брянцев М.В. Русское купечество: социокультурный аспект формирования предпринимательства в России в конце XVIII – начале XX в. Дис. ... д-ра ист.наук. М., 2001. 616 с.; Брянцев М.В. Русское купечество: социокультурный аспект формирования предпринимательства в России в конце XVIII – начале XX в.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук, 2001. 32 с.; Зарубина Н.Н. Православный предприниматель в зеркале русской культуры // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 100–112], а также условия российской внутренней торговли: крупный рынок и отсутствие внешней конкуренции. Долгое время торговцы из России не находили должного понимания от государства в силу разных мировоззренческих убеждений. Управляющий делами посольства в Тегеране А.Е. Лаговский осенью 1857 г. отмечал: «Пользуясь полным покровительством, как императорской Миссии, так и консулов наших в Персии, а, вследствие сего, и возможным содействием персидских властей, агенты означенного дома вели, однако, свои дела столь небрежно, что потеряли всякое доверие к себе со стороны торгового сословия в Персии» [Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 21]. Характерной является записка российского чиновника в Персии директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел от 1861 г., в которой тот отмечал: «Горе наше в том, что русские подданные очень избалованы в Персии и хотят обусловливать наше покровительство “национальностью”, а мы хотим обусловливать его справедливостью и параграфами трактата. Между тем пограничная черта, проведенная в 1828 г. по мусульманским провинциям, не сделала, к сожалению, честными тех, которые остались на нашей стороне, и которые теперь наводняют Тебриз и Тегеран» [Там же. С. 21].

приноровиться ко вкусу персиян»¹²⁰⁷. К последней трети века в этом смысле мало что изменилось, даже напротив, стремясь захватить рынок Ирана английские промышленники и торговцы делали всё возможное, чтобы их товары продавались лучше, нежели продукция конкурентов. Примечателен в этом отношении анализ Мисль-Рустема. «Сами русские купцы, которые в последнее время хотя и стали понимать вкус персов, но ещё не вполне поняли их требования, – писал он. – Перс требует, чтобы товар был дешёв, а прочен ли он – на это перс мало смотрит. Англичане это и поняли: они дают ему по вкусу всякую гниль, брак, зато дешёво, а наш купец, хотя бы фирма Коншина, хвастается добротой своих товаров, но зато не может продавать дешевле англичан. Кроме того, русский не будет доволен маленьким процентом, а непременно хочет нажать с азиата 100 на 100, основываясь на том, что не даром же он постарался ехать в Азию, – на двадцать пять же процентов можно и в России торговать. Англичане рассуждают иначе, а потому у них и торговля идёт быстрее. Россия везёт свои товары в Персию по двум дорогам: или через Закавказье на Джульфу – Тебриз, или через Каспийское море в Решт, или Астрабад, или Энзели (персидские пристани), но больше предпочитается, кажется, последняя дорога через море, так как горы Закавказья не всегда проходимы. Из России везут главным образом красный товар – ситец, миткаль, шерстяные и даже шёлковые материи, а также бархат. Затем, везут медные и железные изделия, мишурные галуны, офицерские вещи, и даже синельковые (называемые французскими) ковры и другие незначительные вещи. Англия имеет два пути: один путь через Бендер-Бушир на Персидском заливе, где идут всякие индийские товары, как то: пряности, а другой – через Азиатскую Турцию, Трапезунд. Этим путем англичане главным образом везут красный товар ... Что же дает нам взамен Персия? Она доставляет рис и сушёные фрукты, да плохенькие косые «знаменитые персидские ковры», продаваемые у нас втридорога. Чтобы пояснить читателю, почему я выразился «плохенькие и косые ковры» (хотя я сам почитатель хороших персидских ковров), к сожалению, я должен сказать, что в России разве только самые богачи могут завести себе хорошие персидские ковры, выписав их через фирму Циглера или по знакомству, через его поверенного в г. Тегеране, г. Брогли.

¹²⁰⁷ Журнал мануфактур и торговли. 1843. № 8. С. 283.

Иначе в России нельзя найти персидский ковер не бракованный: он будет или худых линючих красок, или косою и неровный. Весь брак везут в Россию, а хорошие ковры остаются в Персии и идут в Англию. Нужно сказать, что производством ковров занимаются целые деревни в отдельных округах, а потому и ковры носят разные названия: хоросанские, фараганские и т. д. Эти-то округа, как бы сказать, на откупках у англичан: собственно письменных договоров не заключается, но агенты английских фирм, во главе с г. Брогли, объезжают эти округа и дают жителям вперед деньги, за что последние обязываются работать только на них; таким образом, все наилучшие ковры в руках этих английских фирм ... Лучшая бирюза, опять-таки, идет в Англию, агенты которой там сидят и в местах приисков, и в английском посольстве»¹²⁰⁸.

Как бы дополняя, предыдущего автора, русский военный разведчик Леонид Константинович Артамонов писал в 1890 г. о проблемах русской торговли с приграничной территорией, считавшейся негласно зоной российского влияния – Иранским Азербайджаном – следующее: «Всё, что я видел и слышал о торговле этой персидской провинции с нашим отечеством, производит странное и грустное впечатление: ни в одном из городов Азербайджана, кроме жалких торгашей-армян, нет представителей крупных русских фирм. В то же время вся страна наполняется главным образом европейской мануфактурой, идущей на вьюках сухим путём от Трапезунда в Тебриз (33 дня !!!), в этом последнем проживает до 20 представителей разных европейских торговых домов, основан англичанами коммерческий банк (филиальное отделение Восточного банка¹²⁰⁹) и открыт широкий кредит местным купцам, закупающим европейские товары. Отсюда эти весьма сомнительного достоинства произведения контрабандой вступают в наше Закавказье. Нам же, несмотря на то, что Тебриз удалён всего лишь на 3–4 дня пути от сухопутной границы и на 5–7 дней от Каспийского моря, приходится заслоняться от такой нежелательной конкуренции преимущественно кордонными постами»¹²¹⁰.

¹²⁰⁸ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 173–174, 175.

¹²⁰⁹ Имеется в виду Новый лондонский восточный банк, который в 1888 г. получил от персидского правительства право выпуска банковых билетов и производства своих операций в главнейших городах Персии [Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны // Красный архив, № 4 (53). 1932. С. 16].

¹²¹⁰ Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. 48.

В.А. Косооговский в своей «Памятной записке» 1906 г. прямо называл русских купцов жадными дураками за то, что они хотят получить 100 % дохода с любых товаров, которые продают. «Англичанин радуется, когда получает возможность продать товар с 25 % прибыли, тогда как русский рвёт на себе волосы и говорит, что он банкрот, когда получает 45 %», – писал он, считая что этим русские купцы портят имидж России¹²¹¹.

В Хорасане после закрытия фирмы «Кудрин и К» вся торговля русскими товарами сосредоточилась в руках армян, которые вели её весьма успешно. «Представителями торговых интересов России в Хорасане (как и вообще в Персии) являются исключительно армяне; благодаря своей подвижности, торговой сметке, а главное – знанию языка, нравов, обычаев, – Писал в середине 1890-х гг. российский офицер К.-О.Г. Баумгартен, – они и до настоящего времени суть пионеры торговли; но вместе с тем следует заметить, что армяне, заботясь главным образом о своих личных выгодах и не владея крупными капиталами, не могут быть “представителями Российской промышленности” в обширном и точном смысле; они, казалось, могли бы быть лишь прекрасными агентами, маклерами, приказчиками и тому подобными, второстепенными лицами обширного торгового или транспортного предприятия, которое имело бы в виду не мелкую, грошевую наживу, а твёрдое, систематическое развитие сбыта местного сырья, поднятие и доведение Хорасана до полного напряжения производительных сил и, наконец, добросовестное удовлетворение спроса на наши фабрикатy; спрос этот должен быть непременно результатом обеспеченного сбыта сырья и связанного с этим увеличения населения и его благосостояния; такую задачу должно себе поставить солидное “русское” товарищество, которое может появиться на торговой арене богатого своим будущим Хорасана»¹²¹².

«Такое явление, – писал А.Н. Куропаткин в 1895 г., характеризуя слабость позиций русской торговли в Иране, – объясняется, прежде всего, вообще недостаточным ещё промышленным развитием России. Переход от страны земледельческой к земледельческо-промышленной ещё не завершился у нас. Мы

¹²¹¹ Babich P. A Russian officer in Persian Cossack Brigade: Vladimir Andreevich Kosagovskii. Budapest: CEU, 2014. P. 70.

¹²¹² Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Вольнского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование) // СМА. 1896. Вып. 63. С. 337.

нуждаемся, поэтому, в покровительственной таможенной системе ... Не смотря на такую защиту извне, наша промышленность не справляется ещё в должной степени даже с потребностями внутреннего рынка. Поэтому для наших фабрикантов персидский рынок представляется маловажным, и они не способны положить столько же труда на завоевание этого рынка, сколько кладут, например, фабриканты английские, которые без внешних рынков существовать не могут. Добавим, что со стороны наших торговцев нет ещё достаточной предприимчивости, знания местных условий, знания языка. Наш крупный предприниматель не идёт на риск, как англичанин или американец, и в то же время не признаёт возможным довольствоваться барышом, вполне удовлетворяющим купца-иностранца, ибо необходимо затем иметь в виду, что в настоящее время в России необходимый для каждого предприятия капитал находится труднее и оплачивается значительно дороже, чем за границею»¹²¹³.

Важную особенность русско-иранской торговли до середины XIX в. отметил Сергей Анатольевич Сухоруков. «Политика России в Иране и близлежащих странах не была до конца продуманной, писал он. – Однако время от времени предпринимались положительные решения со стороны чиновников и русских предпринимателей и тогда Россия перехватывала инициативу. В действиях Британии была большая согласованность. Поэтому во многих случаях России приходилось уступать Британии свои позиции в Азии»¹²¹⁴. Следует заметить, что эта характеристика вполне применима и для большей части второй половины века.

По мнению О.А. Никитина, вредило развитию российской торговли и существование закавказского транзита. Товаропоток по линии Трапезунд – Тебриз он сократить не смог, но открыл ещё один путь в Иран европейским товарам¹²¹⁵.

¹²¹³ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 57.

¹²¹⁴ Сухоруков С.А. Англо-персидские отношения в середине XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 127.

¹²¹⁵ Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 26–27. На это же обращали внимание и некоторые российские наблюдатели XIX в. Так, Е.М. Белозерский отмечал, «Прежде европейские товары большею частью ввозились европейскими купцами; но за последние десять–пятнадцать лет персияне сами принялись за это дело, смекнув, что при этом могут оставаться некоторые барыши, и с тех пор европейских купцов почти отгёрли с своих рынков. Кавказский транзит сильно облегчал дело торговли и для европейских купцов, и для персидских. Последствием от этого было уменьшение сбыта наших товаров. В чём искать причину этого уменьшения? Подумали, подумали, да и нашли, что кавказский транзит всему виной, который и был отменён. Понятно, после запрещения транзита на всём Кавказе наступило страшное затишье в торговле, потому что спрос на наши товары не увеличился, а заграничные пошли в Персию или через Трапезунд, или обходом через Суэцкий канал и Персидский залив через Бушир. Раз через запрещение транзита спрос на наши товары не увеличился, то надо сделать кой-какие облегчения для персидских купцов: решено было устроить ярмарки в Астрахани и Баку.

К началу 1890-х гг. существовало 3 главных торговых пути России с Ираном:

1) Через Закавказскую границу у Джульфы и Астара (на Каспийском море) к Тебризу.

2) Через южные порты Каспийского моря (Энзели, Мешедесер, Гязь, Астрабад) к Тегерану и далее к Хамадану.

3) Через станции Закаспийской железной дороги, главным образом – Ашхабад и Гязьский порт к Мешхеду и Себзевару¹²¹⁶. Тем не менее, ни на одном из них Россия преобладающего значения не имела. Анализировавший такое положение А.Н. Куропаткин главными причинами этого видел отсутствие хороших дорог –

Философский камень открыт; остаётся только готовить карманы для будущего золота и, потирая руки, ждать его прилива. Однако, опытные в торговле люди, знающие Восток и Персию, положительно сомневаются в серьёзном значении этого новонайденного средства: я не раз слышал от компетентных людей на Кавказе, что запрещением транзита было сыграно в руку европейским государствам ведущим торговлю с Персией, т. е. Англии, Франции и Австрии. А между тем мы находимся в самых выгодных условиях относительно Персии сравнительно с конкурирующими с нами европейскими государствами. Благодаря главным образом небрежности и халатности, с которой наше купечество относится к торговле на Востоке, Персия, как большой торговый рынок, выскользает из наших рук, тогда как сама природа облегчает нам сообщение с этой страной: с одной стороны железные дороги и бассейны Черного моря с Кавказской железной дорогой, а с другой – Каспийское море и громадный бассейн реки Волги, захватывающей нашу самую промышленную часть внутренней Россш. Казалось бы только воспользоваться этими естественными удобствами и, вместо жалоб на застой, искать расширить район сбыта наших товаров, уменьшив провозную плату и страховую премию на товары, что делают наши конкуренты и чем конечно подрывают наш успех в Персии. На Чёрном море мы имеем субсидированное русское Общество торговли, которое без всякой конкуренции ведёт свои дела и зорко следит за всякой попыткой образовать какое-нибудь новое торговое Общество, могущее так или иначе конкурировать с ним и до некоторой степени подрывать его доходы. На Каспийском море фигурирует тоже субсидированное Общество “Кавказ и Меркурий” и также почти без конкуренции, если не считать сравнительно бедного частного Общества “Лебедь”, которое берёт то для фрахта, что отказывается перевозить “Кавказ и Меркурий”. Между прочим, за горючие материалы Общество “Лебедь” берёт такую высокую страховую премию, что ввозить этот товар в Персию положительно невыгодно. Отсюда понятно такое поразительное явление, что вся Персия получает спички из Вены! ... Факт очень печальный для нас. Такое явление, очевидно, возможно только при отсутствии всякой конкуренции с нашей стороны. А насколько Персия может быть хорошим рынком для наших спичечных фабрик, можно судить по следующему. До сих пор ещё в самой Персии добывают огонь самым примитивным образом. В каждой деревне есть какой-нибудь ресторанчик “кофейный дом”, где имеется или котёл, или горшок, в которых день и ночь поддерживаются горячие уголья. И вот, кому нужно для кальяна или для света, посылают в этот кофейный дом девочку или мальчика, которые, взяв там несколько угольков, возвращаются домой, бережно неся эту ношу на камушках или черепочках. Европейские спички, кебрит-фаранги, считаются до сих пор ещё роскошью богачей. Какже австрийцы находят возможным доставлять спички в Персии с пользой для себя, а мы нет? Очень просто: они запаковывают их в жестяные коробки, герметически закупоривают и через Адриатическое море, Суэц и Персидский залив доставляют их, как обыкновенный товар, в Бушир; а у нас спички и отправляют спичками, со всем риском подмочки, порчи и проч. Отсюда понятна высокая страховая премия торговых Обществ, берущих на себя ответственность до перевозки. Между тем, прибавьте в это дело желание сбыть товар, энергию и инициативы, и результат был бы совершенно другой; австрийцам не приходилось бы конкурировать. То же самое можно сказать по отношению къ целому ряду других товаров: напр., при всём нашем богатстве полотнами, до сих пор не появлялось в персидской продаже ни куса полотна, хотя его расхватывали бы на вес золота, – так, по крайней мере, мне было говорено в Тегеране. Если бы мы умели, то могли бы заполнить их рынок нашим сахаром, нашим фарфором, нашим чайным серебром, ножами и перочинными ножичками и тысячью других предметов, за которые там платят большие деньги, как за английское производство. Наши тульские ружья, пистолеты и револьверы могли бы легко конкурировать с иностранными, потому что туда спускается обыкновенно дешёвая дрянь. Мне самому приходилось слышать, когда говорилось о ружье, с некоторой гордостью произносимую фразу: “карэ рус-аст”, т. е. русской работы. То же самое говорилось о русском порохе, употребляемом в Северной Персии. А сколько раз на обратном пути из Персии в России мне приходилось видеть, что персы тащили на своих плечах коляски московской работы Яковлевых, Марковых и Пирогова» [Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 89–90].

¹²¹⁶ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 39–40.

железных и грунтовых – под русским контролем, неустроенность портов на Каспийском море, плохую организацию грузоперевозок, слабость промышленного развития России и инертность русских торговцев. «Транспортное дело по Трапезундскому пути, – писал он, например, о состоянии путей к Тебризу – важному торговому центру Ирана, – организовано довольно хорошо. На наших путях к Тебризу транспортное дело не организовано, пути ... неудовлетворительны даже для вьючного движения, стоимость перевозки значительна, груз портится и срочности доставки товаров не существует»¹²¹⁷.

Имелись для российской торговли и иные проблемы. Характеризуя, например, особенности торговли в Исфахане, российский наблюдатель отмечал следующее. «Здесь мы должны отметить одну особенность торговли бумажными мануфактурами, – писал русский исследователь. – Дело в том, что персияне любят, чтобы на разных рынках один и тот же сорт товара продавался бы по одной и той же цене. Поэтому европейскими фирмами практикуется нижеследующий приём. Один и тот же сорт бумажной мануфактуры изготавливается различной ширины и высылается на персидские рынки с таким расчётом, чтобы менее широкие попадали в наиболее отдалённые центры. При этом на уменьшение ширины навёрстывается местный фрахт и, к большому удовольствию покупателя, он имеет одинаковый товар и одной и той же цене на разных рынках. Вообще надо отдать справедливость иностранным фирмам, что они в высшей степени внимательно изучают особенности своего рынка и умеют приспособляться ко вкусам и потребностям покупателей. Большинство их агентов прекрасно владеют языком и знакомы с местными обычаями. При чём среди туземцев они пользуются прекрасной репутацией и заслуженным уважением. Посредниками между иностранными фирмами и базаром являются особые торговые агенты из местных купцов, называющиеся бунекдарами. Они обыкновенно заключают с фирмой контракт, по которому они являются покупателями у фирмы, иногда же являются как бы заказчиками, и тогда в контракте оговаривается, что данный № мануфактуры фирма не имеет права уже никому продавать помимо этого бунекдара. В социальном положении бунекдары всё-таки стоят несколько ниже таджиров, настоящих купцов, так сказать, первой

¹²¹⁷ Там же. С. 44.

гильдии. От бункдаров товар раскупается уже базарными агентами (касыб), или же купцами, развозящими товар по провинциям (беззазе бирунбер) и деревням (пиревер). Кроме этого каждая фирма, а также и отделение английского банка имеют у себя на службе опытных маклеров (делляль) и мирз для переписки. Без деллялей не обходится ни одно коммерческое предприятие в Персии. На обязанности делляля лежить знать вся и всё. Он знает, как идут дела такого-то и такого-то купца, сколько привезено товару на базар и т. п. Таджир заседает у себя в худжре, которая находится в караван-сараяе, а никоим образом не на базаре, дело делляля – обегать весь базар и собрать новости. Юркий, весёлый, разговорчивый и сметливый, он сговаривает неподатливых таджиров, которые, после долгих препирательств, наконец вступают в сделку, как бы под давление делляля»¹²¹⁸.

Ещё одной причиной неуспешного развития российской торговли в Иране являлись собственно внутривперсидские условия: произвол чиновников и местных правителей, внутренние таможи, тотальная коррупция, отсутствие чётких юридических норм, которые соблюдались бы если не безукоризненно, то, по крайней мере, в значительной степени, плохие средства сообщения. Интересный факт привёл О.А. Никонов. «В 1886 г. Товарищество Никольской мануфактуры Морозовых прислало на имя Тебризского консула 52 пуда 29 фунтов семян американского хлопка с инструкцией по посадке для распространения среди местных производителей сырья. Они были распределены между жителями Хоя, Соудж-Булака, Дегкархана, Туна, Мианэ, Джемал-Абада и в окрестностях Тебриза. Из-за безалаберности туземных хлопководов, не сумевших верно определить сроки посадки, большая часть урожая погибла»¹²¹⁹. Наконец, следует отметить слабость русской экономики для самостоятельной внешней экспансии в сравнении с другими великими европейскими державами.

Многие историки, критикуя «агрессивную» политику России относительно Персии, сознательно (видимо, в силу идеологических установок) нивелировали тот факт, что вплоть до конца XIX в. торговый баланс между двумя государствами

¹²¹⁸ Туманский. От Каспийского моря к Хормузскому проливу и обратно, 1894 г. // СМА. 1896. Вып. 65. С. 58–59.

¹²¹⁹ Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 33. Правда, следует заметить, что выжившие культуры начтолько впечатлили местных жителей своей урожайностью, что они обратились в российское консульство с просьбой прислать им ещё. Просьба была уважена только в 1893 г. Крестьянам было роздано уже до 1 700 пудов семян американского хлопка и на сей раз его выращивание было более успешным: этот хлопок стал поступать на российский рынок [Там же. С. 34].

складывался не в пользу России. Так, Рауф Алиевич Сеидов, приводя цифры и факты, очевидно противоречившие его выводам, писал, что «европейские державы, и прежде всего, Россия и Англия, резко увеличивают ввоз в Иран своих товаров, который значительно превышал иранский вывоз. С годами процесс этот неизменно усиливался, губительно отражаясь на экономическом развитии Ирана»¹²²⁰. Всячески стараясь доказать невыгодность торговли с Российской империей для Каджарской монархии, указанный автор акцентировал внимание на капитуляционных таможенных тарифах 1828 и 1901 гг. и на том, что «российский ввоз ... с 1900 г. почти постоянно превышает иранский импорт»¹²²¹. На самом же деле (это, к слову видно и из таблицы торговли России с Ираном с 1886 до 1909 гг., на которую ссылался Р.А. Сеидов¹²²²) в последнее десятилетие XIX в. экспорт из Ирана в Россию превышал импорт из России в Иран более чем на 35%¹²²³. В целом же, с 1886 г. до 1901 г. ввоз товаров и сырья в Каджарскую монархию из империи Романовых лишь три года (1891, 1894 и 1900) превышал (да и то ненамного) вывоз¹²²⁴. После 1900 г. превышение это сделалось действительно постоянным до 1908 г. Но количественно значительным оно было лишь в 1904–1907 гг. Да и цифры его не могли идти в сравнение с цифрами английской торговли. Не отрицая положительного эффекта такой «экспансии» для Ирана (что особенно подчёркивали советские авторы¹²²⁵), следует заметить, что это свидетельствовало об экономической слабости империи относительно Великобритании, которая больше ввозила в Иран, нежели вывозила¹²²⁶. Имея непосредственную границу, выгодный торговый тариф и прочие льготы, Россия, тем не менее, в последней трети XIX в. уступала здесь Англии, имевшей менее благоприятные условия, но более развитую экономику и связанное с ней правительство.

Рубеж 1870-х – 1880-х стал переломным во внешней политике Великобритании на Среднем Востоке. Современный российский историк

¹²²⁰ Сеидов Р.А. Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX века (начальный этап формирования). М.: Наука, 1974. С. 51–52.

¹²²¹ Там же. С. 52.

¹²²² Там же. С. 53.

¹²²³ Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 149.

¹²²⁴ Сеидов Р.А. Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX века (начальный этап формирования). М.: Наука, 1974. С. 53.

¹²²⁵ Атаев Х.А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII – XIX вв. М.: Наука, 1991. С. 5.

¹²²⁶ Детальнее см.: Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 81–114.

Н.Н. Лисицина отмечала, что «среди движущих сил британского колониализма рубежа 1880-х гг. можно назвать экономические, политические факторы и личную позицию заинтересованных лиц, представлявших мощные промышленные и финансовые корпорации, а также церковь. Одной из наиболее сильных, а иногда и определяющей, была движущая сила личных интересов и идей. Именно благодаря той последней большинство с одобрением принимало и поощряло политику «агрессивного колониализма» в Великобритании рубежа 70-х – 80-х гг. XIX в.»¹²²⁷. Не отрицая влияния всех указанных факторов, следует отметить, что своего рода «инициаторами» являлись всё же экономические интересы. На это неосознанно указывала и цитируемая исследовательница, связывавшая экономический кризис и начало упадка финансовой мощи Британии в мировой экономике с изменениями в сознании жителей метрополии и внешней политике¹²²⁸. Думается, все указанные факторы имели определённое значение и носили взаимообуславливающий характер. С рубежа 1870-х – 1880-х гг. стала проявляться тенденция к снижению промышленной и торговой роли Англии в системе мирохозяйственных связей. Постепенная утрата гегемонии в мировой торговле и промышленного превосходства вела не только к внутренним социальным проблемам, но и к изменению внешнеполитических приоритетов. В свою очередь, на формирование последних в свете новых условий влияли личностные взгляды тех, кто формировал и осуществлял внешнюю политику. До этого периода в ней как бы сочетались два относительно параллельных «течения»: правительственное, обусловленное стратегическими и тактическими интересами государства, и капиталистическое, основным двигателем которого являлись экономические интересы. Эти «течения» были результатом долголетней либеральной традиции, господствовавшей в английском обществе. Она базировалась на работах экономиста XVIII в. Адама Смита, согласно которого, государственное вмешательство в экономику должно сводиться к минимуму¹²²⁹. Именно поэтому совпадали указанные «течения» далеко

¹²²⁷ Лисицина Н.Н. Закаспийский край в англо-русских отношениях: 1880-е – 1907 гг. Дисс. канд. ист. наук, М., 2006. С. 55.

¹²²⁸ Там же. С. 53–56.

¹²²⁹ Либерализм Запада. XVII – XX вв. М.: Изд-во ИВИ РАН, 1995. С. 14–17. Естественно, концепция А. Смита не была единственной и постоянно доминирующей. В самом либерализме в ходе его развития и практического осуществления возникали и исчезали различные подходы к месту государства во внешнеэкономической политике. Довольно сильным было влияние меркантилистских теорий, которые были близки консерваторам. Тем не менее,

не всегда. Примером тому может служить провал концессии Пола Джулиуса Рёйтера от 25 июля 1872 г.¹²³⁰. Советский историк Л.М. Кулагина верно подметила, что в то время она не могла быть осуществлена, «поскольку это потребовало бы значительных капиталов от английских бизнесменов, которые не стремились их предоставить, хорошо не зная возможностей Ирана»¹²³¹. Естественно, ещё одной причиной неудачи П.Д. Рёйтера было желание английских политических представителей избежать резкого конфликта с Россией. Позиция Петербурга сразу же оказалась резко негативной и во многом обусловила провал реализации концессии. Тем не менее, английское правительство и посланник также проявили инертность в развернувшихся после её подписания событиях. Политические интересы оказались преобладающими над экономическими выгодами. И это не было чем-то из ряда вон выходящим. Как отмечала белорусская исследовательница историк Марина Владимировна Глеб, «непосредственное выступление государства в защиту интересов своих граждан, сопровождаемое аннексиями, войнами и дипломатическими столкновениями с другими европейскими странами ... считалось в Великобритании нежелательным вариантом»¹²³².

Но с 1880-х гг. ситуация меняется. Формирование идей «нового империализма» с акцентом на Империю и отношения внутри неё, создаёт новую идеологию – «политику агрессивного колониализма», которая включала в себя идею укрепления уже существующей империи и требование новых колониальных приобретений¹²³³. Рассуждения об укреплении империи через колониальную экспансию привели к мысли о вмешательстве государства во внешнеэкономические вопросы. Она была во многом и результатом внутреннего переосмысления теоретиками либерализма классического тезиса о невмешательстве (или ограниченном вмешательстве) государства в экономическую жизнь (в том числе и

принцип разграничения функций частного предпринимателя и государства во внешней политике ко второй половине XIX в. играл важную роль, а само сотрудничество имело прагматический характер с обеих сторон.

¹²³⁰ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 92–123, Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 25–27.

¹²³¹ Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 27.

¹²³² Глеб М.В. Имперская идея в Великобритании (вторая половина XIX в.). Минск: Беларус. Наука, 2007. С. 43.

¹²³³ Лисицина Н.Н. Закаспийский край в англо-русских отношениях: 1880-е – 1907 гг. Дисс. канд. ист. наук, М., 2006. С. 55.

внешнюю). «Социализация» английского либерализма (как, впрочем, и консерватизма) в середине века привела к изменению взглядов и на указанный вопрос¹²³⁴. Тем не менее, стремление расширить империю сочеталось с желанием экономить государственные средства, избегать нападок оппозиции внутри страны и протестов со стороны других великих держав. Своего рода выходом стало слияние действий правительственных органов и бизнесменов. Деятельность последних подавалась как личная инициатива (хотя не всегда была таковой) и поддерживалась официальными представителями Англии прямо или тайно. В случае успеха все лавры пожинало правительство, в случае неудачи её всегда можно было свалить на «вторых лиц». Для Африки, например, воплощением такого подхода стали привилегированные компании¹²³⁵. В Персии в 1880-х гг. такая политика проявилась очень чётко в борьбе за концессии, а Шаханшахский банк, речь о котором будет идти ниже, стал своего рода привилегированной компанией. К тому же создание акционерных обществ, которые должны были эксплуатировать ресурсы Ирана в случае удачи, способствовало привлечению и экономической заинтересованности поддерживавших их политиков через систему получения/приобретения акций.

Со стороны России действовали, в принципе, те же процессы, правда, со значительным запозданием. Как свидетельствуют деятельность Николая Николаевича Коншина, братьев Якова и Лазаря Самуиловичей Поляковых¹²³⁶, Степана Мартыновича Лианозова (Лианозова, настоящая фамилия – Лианосян)¹²³⁷ и

¹²³⁴ Либерализм Запада. XVII – XX вв. М.: Изд-во ИВИ РАН, 1995. С. 27–32.

¹²³⁵ Парфёнов И.Д. Монополия и империя: Английские привилегированные компании и колониальная экспансия 80–90-х годов XIX века. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1980. 193 с.

¹²³⁶ Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860–1914. Очерки истории частного предпринимательства Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1991. С. 81–110.

¹²³⁷ Астрахань–Гилян в истории русско-иранских отношений. Астрахань: ИД Астраханский университет, 2004. С. 126–127; Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 169–170; Клан Лианосян-Лианозовых [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.armenianarthall.com/index2.php?newsid=139>; Марисова Н.Д. Принципы музейной педагогики в презентационной деятельности по возрождению памяти о семье российских предпринимателей Лианозовых (Лианосян, Лианозовых, Lianozoff) // Каспийский регион: Экономика, политика, культура. 2014. № 2 (39). С. 291–300; Мирзоян М. и Г. Лианозовы. Короли серого и чёрного золота [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.noev-kovcheg.ru/mag/2012-20/3536.html> Дадаян Х. Армяне и Баку (1850-ые гг. – 1920 г.). Ереван: НОФ «НОРАВАНК», 2007. С. 29–30. В 1873 г., видимо, в качестве своеобразной компенсации за монополию П.Д. Рёйтера, шах предоставил С.М. Лианозову право ловли рыбы в южной части Каспийского моря от р. Атрек до р. Астара сроком на 20 лет [Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. 228; Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 138–139]. 28 апреля 1873 г. в Реште было подписано соглашение между правителем Гиляна Мутаммед оль-Мольком Яхья-ханом и С.М. Лианозовым, утверждённое затем в Тегеране, о взятии в аренду промыслов от Астары до Атрека сроком на 5 лет с возможностью дальнейшего продления договора [Астрахань–Гилян в истории русско-иранских отношений. Астрахань: ИД Астраханский университет, 2004. С. 126; Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 28–29]. Это предприятие стало наиболее удачным из всех российских вплоть до второй половины 1890-х гг. Как отмечал русский путешественник в 1885 г., «в Мешедессере есть таможня,

других предпринимателей, в Персии русское правительство далеко не всегда выступало инициатором экономического проникновения. И здесь идеи расширения экономического присутствия империи соседствовали со стратегическими замыслами¹²³⁸, но часто разрабатывались автономно друг от друга. Реализация же их зависела от политической ситуации вокруг Ирана. Такое положение сохранялось до середины 1890-х гг., когда государство взяло неофициальный патронаж над русскими экономическими проектами в Персии, а завоевание персидского рынка с целью вытеснения английских конкурентов стало основной внешнеполитической задачей империи в отношении Каджарской державы.

Не смотря на «джентльменские» соглашения 1834 г. (подтверждённые в 1838, 1839, 1873 и 1885 гг.) относительно того, что «оба правительства действуют в отношении персидских дел в одинаковом духе и одинаково воодушевлены искренним желанием сохранить не только внутреннее спокойствие, но и независимость и целостность Персии»¹²³⁹, Англия и Россия продолжали каждая проводить внешнеполитическую линию касательно Иранской монархии исходя из собственных интересов. Причины экономического характера были лишь одними из целого комплекса факторов, определявших политику империй относительно Персии. В отдельные моменты они выходили на первый план, в другие – отодвигались на задний, но незримо присутствовали постоянно. Например, для России важно было не допустить английского торгового влияния в Иране, поскольку конкурировать с ним на равных империя Романовых не могла. К тому же в ходе перманентного наступления Англии на позиции России иметь на своих границах государство-сателлит¹²⁴⁰. Британской империи не входило в планы

берущая 5 % с рубля по оценке рисов; она со всем северным побережьем Персии отдана в аренду Фареш-хану в компании с тегеранским богатым человеком Акбер-Бегляр-ханом. Все персидские воды и рыбные ловли сданы в аренду астраханскому купцу г. Лианозову за 50 т. туманов, около 200 т. рублей. По понятиям персиян, осетр, севрюга, лососина, белуга – собачья рыба (сак-май), т. е. поганая рыба; за то они сами едят май-азад, свободную рыбу, – род форели и для этого у того же г. Лианозова арендуют реки и ручьи, где эта рыба водится!» [Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 8].

¹²³⁸ Например, в 1881 г. начальник Азиатской части Главного штаба Леонид Николаевич Соболев рекомендовал Н.Н. Коншину «послать караван в Ахалтеке для занятия рынка, дабы не отдать его англичанам», прося того привлечь для этих целей и другие московские фирмы. В результате, была реализована только первая часть пожеланий генерала: московские купцы сочли предприятие слишком рискованным [Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 87–88, Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к Росии. М.: Изд. Восточ. лит., 1960. С. 111–119]. К слову сказать, судьба предприятий Н.Н. Коншина в 1880-х гг. в Персии также сложилась не слишком удачно.

¹²³⁹ Ротштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIX века. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 220–221.

¹²⁴⁰ Сателлит (от лат. *Satelles*) – государство, формально независимое, но находящееся под политическим и экономическим влиянием другого государства и пользующееся его покровительством на международной арене.

российских правящих кругов. Поэтому в ход были пущены политические методы – шантаж, подкуп, откровенное давление. Методы эти использовали обе стороны. В то же время, не секрет, что английский торговый капитал стремился к освоению рынков Ирана, заинтересованный, прежде всего, в вывозе монеты и сбыте своих товаров¹²⁴¹, а позже – в сырьё. Утверждение некоторых западных историков, что «в британских интересах было помочь строить Персию, а не сохранять Персию отсталой»¹²⁴², являющееся калькой с пропагандистских лозунгов XIX в., конечно, отчасти соответствует действительности. Вопрос только – в чьих интересах и что развивать? Правильнее было бы сказать развивать не Персию, а английское предпринимательство в Иране.

Вторым важным фактором соперничества было стремление обезопасить собственные границы от влияния противник, создать из Персии элемент колониальной обороны Великобритании, точнее – Британской Индии¹²⁴³. Английский военно-политический деятель XIX в. Генри Батэрст Ханна писал, что Россия будет являться противником Англии до тех пор, пока англичане будут придерживаться политики, «заставляющей Россию видеть в нас врага»¹²⁴⁴. Если поменять в этом высказывании Англию и Россию местами, то фраза будет иметь тот же смысл относительно английских фобий, связанных с продвижением империи Романовых в Азии¹²⁴⁵. И ту, и другую сторону опасения друг друга подталкивали к постепенному расширению границ своих владений и влияний в Центральной Азии. Зачастую эти захваты не были обусловлены экономическими причинами. И здесь можно согласиться с Ф. Казем-заде, что «исконное человеческое желание торжествовать, властвовать может быть оправданно в один исторический период стремлениями к чести и славе, а в другие – необходимостью обратить язычника в свою веру, достичь естественных границ, потребовать утраченное наследство,

¹²⁴¹ Венюков М.А. Россия и Англия в Персии // Русский вестник. 1877. Т. 131. № 10. С. 460–469.

¹²⁴² Axworthy M. A history of Iran: empire of the mind. New York: Basic Books, 2010. P. 195.

¹²⁴³ Ibid. P. 195.

¹²⁴⁴ Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке (XIX – начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. М.: Наука, 1990. С. 132.

¹²⁴⁵ О взаимных представлениях и фобиях см. прекрасную статью: Ауст М. Россия и Великобритания: внешняя политика и образы империи от Крымской войны до первой мировой войны // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700-1917)*: Сб.ст. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 244–265.

защитить рынки, исполнить волю судьбы или взять на себя «бремя белого человека»»¹²⁴⁶.

Соперничество между великими державами Европы за влияние в Персии диктовалось и преувеличенными представлениями с обеих сторон об уровне взаимных угроз и силе влияния при тегеранском дворе. На «демонизацию» противника на примере мнений русских авторов относительно английского управления Индией обратил внимание И.А. Савинов¹²⁴⁷. Впрочем, в Великобритании антироссийские стереотипы имели более давние и крепкие корни, нежели в России – антибританские. «Дикий народ», «варварское государство», «варвар с Востока», «страна рабства», «агрессор», «царство тьмы» и другие подобные эпитеты были в ходу в английском обществе относительно Российского государства¹²⁴⁸. В условиях политического противостояния России Великобритании в указанный период такая политизация взглядов даже людей, не относившихся к прямому формированию и реализации политических интересов, была вполне естественна. Что уже говорить о политиках, мысливших зачастую сквозь призму тех культурных мифов, в которых они воспитывались. В Персии принцип неосознанной (а иногда и сознательной) «демонизации» англичан русскими и наоборот присутствовал в виде, например, выпячивания негативного в действиях противника и подчёркивания достоинств собственной политики. Отсюда рассуждения

¹²⁴⁶ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 143.

¹²⁴⁷ Савинов И. А. «British raj» в произведениях русских путешественников второй половины XIX – начала XX в. // IMAGINES MUNDI: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. № 7. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 4. С. 89–92. Правда, его работа очень пристрастна и бездоказательна, но ценность её именно в постановке вопроса.

¹²⁴⁸ Белгородская Л.В. Образ Российской империи на страницах британских и американских справочно-энциклопедических изданий XX века. Дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 2009. 594 с.; Ковзель В. Формирование образа России в Великобритании в эпоху средневековья и новое время Международные гуманитарные связи: материалы заочных сессий ежеквартальной студенческой научной конференции. СПб.: Оргкомитет ежеквартальной студенческой научной конференции «Международные гуманитарные связи», 2013. Т. 2. С. 26–36; Королёва С.Б. Миф о России в британской литературе (1790-е–1920-е гг.). Дисс. ... доктора филологических наук. Нижний Новгород, 2014. 461 с.; Ниязатов М. Русофобия: стереотипы, иллюзии и реальность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article31624.htm>; Нойманн И. Использование Другого: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. С. 99–156; Шаповалов В.Ф. Восприятие России на Западе: мифы и реальность // *Общественные науки и современность*. 2000. № 1. С. 51–67; Шемякин Я.Г. Россия в западном восприятии (специфика образов «пограничных» цивилизаций) // *Общественные науки и современность*. 2008. № 1. С. 133–144]. «Стремление к насаждению среди мусульман идеалов свободы и просвещения и желание не допустить их переход под власть “полуварваров-московитов” определяли мотивацию многих подданных королевы Виктории», – отмечал современный исследователь [Сергеев Е.Ю. "Большая игра" в российско-британских отношениях второй половины XIX – начала XX века: новый взгляд // *Российская история*. 2011. № 5. С. 4]. Находясь в искреннем заблуждении, помноженном на неверно понимаемую христианскую идею просвещения мира, многие европейцы, в том числе и британцы, стремились насильственным путём навязать свои идеалы народам мира, игнорируя или понимая превратно особенности их культур. В России они встретили сильного, но не совсем понятного противника. Именно это обусловило превратное, а то и презрительно-расистское её изображение в европейской культуре. Отображением такого видения стали указанные представления.

А.И. Домонтовича о тайнах персидского двора, окутанных «большою частью английской золотой цепью»¹²⁴⁹, о силе английского и слабости русского влияния С. Уманца¹²⁵⁰ и совершенно обратные оценки Уильса¹²⁵¹. В 1891 г. российский посланник в Афинах Михаил Константинович Ону утверждал, что англо-индийские круги были глубоко убеждены, что Россия намеревается присоединить к себе Хорасан, захватив территорию вплоть до Персидского залива, чтобы иметь в качестве своей границы море¹²⁵². Хотя указанные оценки относились к разным этапам англо-русского противостояния, тем не менее, они отражали не столько реальное положение дел, сколько представления сторон друг о друге. Мнение британских политиков и военных во многом объяснялось действительной активностью России в Центральной Азии с 1879 г. При этом в Великобритании мало кто желал видеть, что эта «агрессивность» империи Романовых была спровоцирована самой Англией своим поведением в Восточном кризисе 1875–1878 гг. и более ранней антирусской политикой. Классическим примером «ястребиных» риторики и мышления был подполковник, а затем полковник англо-индийской армии Чарльз Меткальф Макгрегор¹²⁵³. В 1860-х – 1870-х гг. он неоднократно совершал поездки по Центральной Азии, а во время 2-й англо-афганской войны 1878–1881 гг. Ч.М. Макгрегор служил в качестве офицера связи в управлении генерал-квартирмейстера и исполнял поручения на коммуникационных линиях в Хайберском проходе, затем был назначен командиром 3-й пехотной бригады Кабульско-Кандагарского корпуса и принимал участие в сражении с афганцами под Кандагаром. После этого сражения Ч.М. Макгрегор был назначен начальником штаба британского главнокомандующего генерала Фредерика Слая Робертса. 19 ноября 1880 г. Ч.М. Макгрегор был назначен генерал-

¹²⁴⁹ Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 3. С. 579.

¹²⁵⁰ Уманец С. Персидский шах и его двор // Исторический вестник. 1891. Т. 46. № 10. С. 223–239. Апоегом англофобии в русском обществе стал период Второй англо-бурской войны 1899–1902 гг. [Петухов Л.А. Образ Великобритании в российском общественном мнении в период англо-бурской войны (1899–1902 гг.). Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. М., 2008. 31 с.].

¹²⁵¹ Уильс. Современная Персия. Картинки современной персидской жизни и характера. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1887. 279 с.

¹²⁵² Ламсдорф В.Н. Дневник. 1891–1892. М.–Л.: Academia, 1934. С. 86–87.

¹²⁵³ Он был ярким представителем партии «forward policy» второй половины XIX в. относительно России [Данков А.Г. Британская историография второй половины XIX в. об англо-русских противоречиях в Центральной Азии // Вестник Томского государственного университета. 2007. Вып. 300-1. С. 87–90; Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке (XIX – начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. М.: Наука, 1990. С. 96–98; The Life and Opinions of Major-General Sir Charles Metcalfe MacGregor K.C.B., C.S.I., C.I.E., Quartermaster-General in India. Edited by Lady MacGregor. Edinburgh: William Blackwood & Sons, 1888. Vol. 1. 430 p., Vol. 2. 465 p.].

квартирмейстером индо-британских войск и начальником разведки и занимал эту должность до 27 ноября 1885 г., а затем был командующим Пенджабскими пограничными войсками. Одно из первых его сочинений по Ирану вышло в свет в 1871 г.¹²⁵⁴, а в 1875 г. он с разведывательными целями посетил Хорасан¹²⁵⁵. 19 ноября 1880 г. Ч.М. Макгрегор был назначен генерал-квартирмейстером индо-британских войск и начальником разведки и занимал эту должность до 27 ноября 1885 г. Именно в это время вышла работа, которая принесла ему наибольшую известность – «Оборона Индии» (1884 г.)¹²⁵⁶. Как и позднейшая работа Д.Н. Кёрзона (не менее пристрастная), она принесла ему славу специалиста по «индийскому вопросу»¹²⁵⁷ и стала «библией» британских русофобов¹²⁵⁸. Педалируя старый тезис об извечной агрессивности России, опираясь фактический разбор политики Петербурга в Центральной Азии, но игнорируя причины её с английской стороны, Ч.М. Макгрегор делал крайне однобокий вывод. Он призывал к союзу с Германией, Турцией и Персией и нанесению удара по владениям России в Закавказье и на Кавказе, он заявил: «я торжественно свидетельствую свое убеждение в том, что никогда не может произойти настоящего решения русско-индийского вопроса, доколе Россия не будет выбита из Кавказа и Туркестана»¹²⁵⁹.

Значительную роль во взаимоотношениях и представлениях друг о друге играло и высокомерие части представителей Британской империи, видевших свое государство в роли «цивилизатора», или устроителя всего мира на новых основаниях в своих, естественно, интересах. «Апогеем» в этом смысле можно считать работу Д.Н. Кёрзона¹²⁶⁰. Воспитанный на мифологизированных

¹²⁵⁴ MacGregor C.M. A contribution towards the better knowledge of the topography, ethnology, resources, camp; history of Persia. Calcutta: Superintendent of Government Printing, 1871. 816 p.

¹²⁵⁵ MacGregor C.M. Narrative of a journey through the province of Khorassan and on the n. w. frontier of Afghanistan in 1875. London: W.H. Allen & co., 1879. Vol. 1. 369 p.; Vol. 2. 355 p.; Мак-Грегор Ч.М. Хороссан: Путешествие по северовосточным провинциям Персии. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1882. Ч. 1. 219 с.; 1886 Ч. 2. 164 с.; Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром. М.: Рипол Классик, 2004. С. 431.

¹²⁵⁶ MacGregor C.M. The defence of India: a strategical study. Simla, Government central branch press, 1884. 375 p.; МакГрегор Ч.М. Оборона Индии // СМА. 1891. Вып. 43. 264 с.; Вып. 44. 212 с.; Макгрегор Ч.М. Оборона Индии. М.: Изд-во В. Секачев 2012. 496 с.

¹²⁵⁷ Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром Рипол Классик; М.; 2004. С. 491–495.

¹²⁵⁸ Постников А.В. «Большая игра в Азии» против России: история и современность Чита: ЗабГУ, 2015. С. 39.

¹²⁵⁹ МакГрегор Ч.М. Оборона Индии // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. 1891. Вып. 44. С. 115. Работа эта вызвала дипломатические осложнения между Лондоном и Петербургом, сказавшиеся на судьбе её автора [Постников А.В. «Большая игра в Азии» против России: история и современность Чита: ЗабГУ, 2015. С. 40]. Тем не менее, идеи Ч.М. Макгрегора оставались заманчивыми для многих английских офицеров, особенно молодых и амбициозных.

¹²⁶⁰ Кюрзон Г. Персия и персидский вопрос // СМА. 1893. Вып. 52. С. 223–227. См. о нём: Виноградов К.Б., Бузынина Н.К. Лорд Кёрзон: рекорды тщеславия // Монархи, министры, дипломаты XIX – начала XX в. СПб.: Изд-во Санкт-

стереотипах восприятия России как врага, нецивилизованного агрессора, «дикаря», распространённых и культивировавшихся в британском обществе, Д.Н. Кёрзон, видимо, глубоко проникся ими. Реальные события в политической и экономической жизни преломлялись в его сознании сквозь призму указанных стереотипов. В результате оценки будущего выдающегося политического деятеля Великобритании относительно политики России в Персии и на Среднем Востоке отличались крайней пристрастностью и необъективностью. Исходя из «исторического хода развития русского могущества на Востоке начиная с 1813 года и до завоевания Туркмении в 1881» он оценивал русскую политику относительно Персии как исключительно враждебную и агрессивную¹²⁶¹. «Политика Англии в Персии, – констатировал Д.Н. Кёрзон, – конечно представляет прямую противоположность русской. Вся неутомимая работа англичан и английского капитала направлена исключительно на благоденствие и богатство Персии»¹²⁶². Такое утверждение было тем более странно, что британцы всю вторую половину XIX в. стремились к расчленению Ирана или же к ослаблению шахской власти в южных регионах с целью реализации собственных экономических проектов, в то время как основным кредо России было сохранение целостности Каджарской монархии¹²⁶³. «Читая английские газеты, – писал российский публицист в 1897 г., – можно подумать, что Азия составляет какое-то прирождённое владение британской короны, что одна Англия является там представительницей права, цивилизации, торговли и мира, прочие же государства только вносят начала разрушения и грабежа, и преследуют исключительно завоевательные цели, результатом которых должно быть изгнание англичан с азиатского материка»¹²⁶⁴. Внутри Британии эти представления дополнялись активной антироссийской пропагандой, представлявшей империю Романовых как вечного агрессора, стремящегося покорить чуть ли не весь мир. Это, конечно, не соответствовало действительности и относилось скорее к британской короне, объявлявшей зонами своих интересов любые уголки земного шара, где

Петербургского ун-та, 2002. С. 258–290; Сергеев Е. Ю. Британский политик лорд Кёрзон // Новая и новейшая история. 2012. № 6. С. 154–168.

¹²⁶¹ Там же. С. 224.

¹²⁶² Там же. С. 225.

¹²⁶³ Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. Москва: Прометей, 2015. С. 57.

¹²⁶⁴ Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. С. 421.

возникла такая потребность. Впрочем, среди правящих кругов Англии такая реакция была вполне закономерна. Активное «освоение» Россией своих азиатских границ угрожало британской гегемонии, поэтому столкновение было неизбежным¹²⁶⁵. Как верно отметила Светлана Владимировна Лурье, «С середины XVIII века Англия ведёт почти беспрестанные войны на Востоке и находится в постоянном страхе перед “русской угрозой”, фактически провоцируя нарастание этой угрозы ... Закручивается порочная цепочка событий. Вся английская политика

¹²⁶⁵ Вопреки утверждениям ангажированных или тенденциозных историков типа Э. Аллворта [Аллворт Э. Россия. Прорыв на Восток. Политические интересы в Средней Азии. М.: Центрполиграф, 2016. 383 с.] или авторов коллективной монографии, посвящённой русскому империализму (интересно, что в целом тенденциозная, но научнообразная работа после перевода её на украинский язык, добавления статей украинских публицистов и соответствующих комментариев, превратилась в обыкновенный антирусский памфлет, призванный преформатировать сознание молодых украинских учёных [Російський імперіалізм. К.: Києво-Могилянська академія, 2010. 395 с.]; другой вариант – украинский перевод книги А. Кеппелера. Здесь, как и предыдущее работе, предисловие Т. Гунчака, изначально призвано сформировать негативное отношение к Российской империи и всему русскому, что, якобы утверждается переведённой книгой [Каппелер А. Росія як поліетнічна імперія. Виникнення. Історія. Розпад. Львів: Видавництво українського католицького університету, 2005. 12+260 с.; интересно, что российские издатели книги, несущей на себе существенный отпечаток «холодной войны», были более толерантны, отказавшись от навязыванию читателю своих взглядов на саму работу и историю России: Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М.: Традиция–Прогресс–Традиция, 2000. 344 с.]. Впрочем, для критики действительно есть основания. Например, автор называет первую главу «Собирание земель Золотой Орды», а вторую – «Экспансия на Запад». Таким образом формируется представление, популярное на Западе, что Россия являлась наследником Золотой орды и чуть ли не имела план её восстановления под эгидой Москвы (этот взгляд – результат влияния евразийства [Иванов А.В., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А., Шишин М.Ю. Евразийство: Ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2007. 243 с.]), а для западных территорий она являлась незаконным захватчиком. Такое утверждение не соответствует реальному положению. Российские государи никогда не рассматривали себя как наследники Золотой Орды, не было и никакого плана по якобы собиранию золотоордынских владений. В то же время, позиционируя себя, как «господарь», «самодержец», «царь» и т.п. всея Руси [Агоштон М. Титул Правителя Московского государства (1474–1533 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2004. № 9. С. 6–15; Золтан А. К предьстории русского «государь» // Из истории русской культуры. Киевская и Московская Русь: Сб. статей. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 2. Кн. 1. С. 554–590; Ивановский В. Государственное право // Известия и ученые записки Казанского университета. 1895. № 5. Раздел «Императорский титул» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.allpravo.ru/library/doc117p0/instrum2817/item2842.html>; Лакуер А.Б. История титула государей России // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1847. Т. 56, № 10/11. С. 81–156; Швецов Н. О чём поведал царский титул [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ufagen.ru/node/5707>], русские цари мыслили в категории необходимости собирания всех русских, т.е. заселённых преимущественно восточными славянами, бывших земель Киевской Руси. Тем более, что население нынешних белорусских и украинских земель, находившееся в составе Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, также именовало себя «русскими», как и славянские подданные московского государя), внешнюю политику России в XIX в. нельзя называть исключительно агрессивной и захватнической. Например, на Среднем Востоке её зигзаги зависели от ситуации в «Большой игре» с Великобританией, причём меры России стратегически чаще всего носили оборонительный характер, поскольку вплоть до последней четверти века тон в игре задавала Англия, а Россия была догоняющей стороной. Именно английские агенты действовали вдоль русских границ, стимулируя беспорядки и антирусские настроения, а не русские – вдоль границ британских владений. Именно англичане стремились создать вокруг России пояс враждебных ей государств, а не русские вокруг Индии или Великобритании. В начале века русские войска освободили Европу от Наполеона, но не захватили её, как это сделал император всех французов, и не устанавливали здесь прорусские режимы. Балканская и кавказская политика были во многом обусловлены идеями объединения под русским скипетром всех славянских или православных народов, а не стремлением к непомерному расширению (правда, имелись и практические соображения – контроль над черноморскими проливами для обеспечения безопасности русского побережья Чёрного моря и развития русской торговли, а также обладание Кавказским краем для защиты православных грузин и армян). Действительно агрессивной внешняя политика империи Романовых стала только после вступления на престол Николая II. Но и здесь необходимо сделать оговорку. Агрессивность эта была во многом вызвана модой на империализм среди великих держав и стала своеобразным подражанием западным государствам. Активный передел мира, развернувшийся с конца XIX в. не мог оставить в стороне Россию, поскольку не включиться в него означало для части политической верхушки империи уронить великодержавный престиж.

на Востоке заикливается на обороне Индии»¹²⁶⁶. Несмотря на красивые заверения британского правительства, как в Лондоне так и в Калькутте хотели видеть не сильную Персию, а зависимую политически и экономически от английского влияния¹²⁶⁷. В то время, как персы стремились к равноправным отношениям, Россия и Англия видели их только покровительственными. Россия действительно играла консервирующую роль, что было нормально учитывая экономическую слабость в сравнении с Великобританией. Выступление против коренных реформ в Стране льва и солнца объяснялось просто. «Наша цель вовсе не сводится к тому, чтобы идти, по меньшей мере, на неизвестное и брать на себя активную роль в заботах о полном возрождении этой страны, – отмечалось в инструкции Министерства иностранных дел новому посланнику в 1904 г. – Не только подобная задача, но всякое прямое вмешательство во внутренние персидские дела вызовет неминуемо против нас ненависть населения, нанесёт существенный вред нашим интересам и, создав неожиданные осложнения международного характера, может послужит, серьёзным препятствием к достижению наших непосредственных целей»¹²⁶⁸. В России не стремились к расчленению Персии и всегда были заинтересованы в сохранении целостности государства. Предполагалось поддерживать любое тегеранское правительство, лишь бы оно не

¹²⁶⁶ Лурье С.В. На стыке двух империй. (Русские в Средней Азии и англичане в Индии) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kungrad.com/history/biblio/lurie/>.

¹²⁶⁷ Характерной в смысле характеристик русской и английской политик в Персии британской стороной является «Кембриджская история Ирана» [The Cambridge History of Iran. From Nadir shah to the islamic republic. Cambridge University Press, 1991. Vol. 7. P. 314–349, 374–425]. В ней дан скорее популярно-идеологизированный, нежели научный их очерк. Так, русско-иранские отношения поданы в негативно-идеалистическом ключе и сведены к российской агрессии и консервации отживших социально-политических и экономических форм, а британская политика характеризуется, как прогрессивная, направленная на развитие Ирана, которому Россия, якобы мешала. Как и в любой лжи, направленной на очернение конкурента, здесь есть доля истины. Но подана эта доля так, что абсолютно не раскрывает реального положения дел. Реально отношения в треугольнике Россия – Иран – Великобритания были намного сложнее и глубже, чем показано авторами коллективной монографии. Персия стала заложником борьбы двух великих держав. Однако если бы не было той или другой из них, вряд ли Иран смог бы развиваться самостоятельно. В условиях крайне коррумпированного режима и слабости центральной власти при отсутствии англо-русской конфронтации и совершенно ином мировоззрении большей части населения, он скорее всего превратился бы в колонию одной из ведущих держав мира. Что же до «прогрессивных» целей британского правительства (как в Лондоне, так и в Калькутте) относительно Ирана, то лучше всего их реальную составляющую характеризует соглашение 9 августа 1919 г., по которому Иран фактически превращался в протекторат Великобритании [Алиев С.М. История Ирана. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. 97–98]. А соглашение это было этапом более широкого плана создания британской «ближневосточной империи» (в английской традиции Ближний Восток («Near East») применялся первоначально по отношению к владениям османского султана) и синонимичный ему «Middle East» («Средний Восток»; используется с 1850-х гг.) включали и включают в себя не только территории Оттоманской Порты, но и Иран, Афганистан и часть индийских владений британской короны – современный Пакистан (второй вариант – Иран страны Центральной Азии и Кавказа) [Там же. С. 95–104; Ширяев М.В. Англо-російське протистояння у Середній Азії та Афганістані в 1907–1922 рр. Дис... канд. іст. наук. Луганськ, 2006. 202 с.].

¹²⁶⁸ Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны // Красный архив. № 4 (53). 1932. С. 23.

было противником империи Романовых¹²⁶⁹. В случае же прихода к власти нежелательного лица, опять-таки предусматривалась борьба в Тегеране и смена правительства, а не раскол страны. С конца XIX в. из-за откровенной слабости иранской армии, был поднят вопрос об обеспечении безопасности центральной власти от, прежде всего, кочевых племён, слабо зависевших от Тегерана, и о преобразовании персидских вооружённых сил русскими инструкторами на основе ПКБ. «План этот имеет и для нас громадное политическое значение, – отмечал в 1904 г. министр иностранных дел России, – ибо им устраняется единственная серьёзная опасность со стороны англичан в Персии – возбуждение смут для вмешательства и захватов в те моменты, когда наша свобода действий оказалась бы чем-нибудь связанной»¹²⁷⁰. Такая позиция объяснялась тем, что в Англии же чаще всего ставили на сепаратистки настроенных феодалов и на протяжении XIX в. способствовали отколу от Ирана и его территорий¹²⁷¹.

В 1880-х гг. главной ареной соперничества Англии и России в Иране стало железнодорожное строительство. В нём первоначальный успех был за Россией. В 1887 г. Н.С. Долгоруков вынудил шаха дать письменное обязательство не допускать строительства железных дорог и водных путей без предварительной консультации с российским правительством¹²⁷². И царь, и сам посланник были сторонниками активной политики России в Иране, строительства Россией железных дорог в Персии и «освоения» юга страны. Но причина соглашения 1887 г. была очевидна – империя Романовых, только вступающая в полосу промышленного переворота, не способна была экономически конкурировать с Англией. Активным противником железнодорожного строительства в Иране был директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел И.А. Зиновьев, фактически курировавший российскую политику относительно Персии. Крайне неприязненно относившийся к нему министр иностранных дел постоянно жаловался своему товарищу В.Н. Ламсдорфу, что И.А. Зиновьев «захватывает все дела и держит в бездействии весь Азиатский департамент, желая сам всё делать и всем руководить»¹²⁷³. «Государь желает, чтобы мы проявляли больше активности в Персии, – отмечал в

¹²⁶⁹ Там же. С. 20.

¹²⁷⁰ Там же. С. 22.

¹²⁷¹ Там же. С. 25–26.

¹²⁷² Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 131–132.

¹²⁷³ Ламсдорф В.Н. Дневник 1886–1890. М.: Государственное издательство, 1926. С. 100

ноябре 1889 г. В.Н. Ламсдорф относительно, прежде всего, железнодорожного вопроса, когда у же было принято решение назначить вместо Н.С. Долгорукова Е.К. Бюцова. – Пока Зиновьев парализует всякую попытку в этом направлении»¹²⁷⁴. Александр III был так настроен Н.С. Долгоруковым против И.А. Зиновьева, что даже не хотел, чтобы тот принимал участие в Особом совещании по железнодорожному вопросу в начале 1890 г. Этим объясняется такое заявление В.Н. Ламсдорфа. Только стараниями Н.К. Гирса И.А. Зиновьева удалось включить в состав совещания. К этому времени у Н.К. Гирса и И.А. Зиновьева сложилось мнение, что задача России заключается не столько в том, чтобы добиться концессии на строительство железной дороги, сколько в том, чтобы не позволить Англии получить таковую¹²⁷⁵. И в ходе борьбы директору Азиатского департамента удалось убедить царя в необходимости «заморозить» процесс¹²⁷⁶. И.А. Зиновьев, лично знакомый с ситуацией, заявлял, что, строя железную дорогу через всю Персию, необходимо обеспечить её безопасность на всём протяжении. А этого Россия сделать не в состоянии. «По мере удаления от нашей границы, действительность

¹²⁷⁴ Там же. С. 210.

¹²⁷⁵ Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 395.

¹²⁷⁶ «Облегчение доступа западноевропейских товаров на малоазиатский рынок неизбежно отразится и на торговом положении соседнего рынка персидского, – характеризовал этот вопрос Н.В. Чарыков. – Так известно, главный путь, по коему западноевропейские товары могут проникать в северную Персию, направляется или через Закавказье (Поти или Батум, Тифлис, Эривань, Джульфа, Тебриз) или через Малую Азию (Трапезунд, Эрзерум ... Тебриз). Со времени закрытия кавказского транзита в 1883 году, только последнее направление осталось доступным для западноевропейской торговли ... мы не в состоянии и в настоящее время с успехом бороться с западноевропейской торговлей даже на Тебризском рынке, а также в Тегеране. Решительное преобладание над англичанами мы имеем только в Хорасане, благодаря близости нашей среднеазиатской железной дороги. Надо также иметь в виду, что кроме этого главного пути, английские товары проникают в западную и северную Персию, даже в настоящее время, ещё через Александретту, следуя или на Алеппо и Мосул или на Багдад и Сулимание. Не подлежит сомнению, что по мере того, как будет осуществляться постройка основной малоазиатской железнодорожной линии Константинополь–Багдад с ветвями к Средиземному и Чёрному морям и к персидской границе, доступ западноевропейских товаров к последней будет становиться всё обеспеченнее и легче и наше положение на персидском рынке, за неимением железнодорожного сообщения России даже с Тебризом, станет соответственно и уже, пожалуй, непоправимо, ухудшаться. Этот успех западноевропейской и особенно английской торговли в Тебризе и Тегеране совпадёт с тем новым и небывалым ещё подъёмом английской предприимчивости в Персии, который обнаруживается там за последнее время и который уже выразился в основании англо-персидского государственного банка, предоставлении английской компании монопольной разработки всех минеральных богатств Персии, предоставлении другой английской компании табачной монополии в Персии и обещаниях, данных Англии на счёт улучшения путей сообщения между Тегераном и Персидским заливом через Карун. Касаясь здесь лишь торгового значения этих фактов, нельзя не заметить, что сказанное совпадение отразится на нашем торговом положении не только в западной и северной Персии, но и в Хорасане, в Гератской области и в Афганском Туркестане ... Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что постройка малоазиатских железных дорог, проникающих внутрь страны с запада и юго-запада и находящихся в англо-европейских руках, способствуя развитию в Малой Азии англо-европейской торговли и совпадая с усилением торговли этой в Персии, угрожает не только воспрепятствовать дальнейшим успехам нашим по приобретению новых и необходимых нам рынков в Малой Азии, Персии и Средней Азии, но и вытеснит нас из рынков, уже завоёванных нашей вывозной торговлей. Так как предел нашего торгового-промышленного преобладания в западной и средней Азии распространяется довольно далеко на юг, далее нашей политической границы, то необходимо и с нашей стороны употребить все усилия, чтобы удержать за собою экономическое преобладание в означенных пределах» [Чарыков Н.В. Вопрос о малоазиатских железных дорогах // СМА. 1891. Вып. 49. С. 22–25].

гарантии этой будет постоянно уменьшаться», – высказывался он на Особом совещании¹²⁷⁷ 4 февраля 1890 г., посвящённом железнодорожному вопросу¹²⁷⁸. Основной причиной этого глава Азиатского департамента видел фактическое господство Англии в южной части Ирана и, особенно, на её побережье. Кроме того, он вполне обоснованно считал, что «всякая железная дорога была бы полезна только иностранной торговле и вредна русской»¹²⁷⁹. «Промышленные силы России не настолько развиты, чтобы мы могли с успехом конкурировать с английской промышленностью на юге Персии», – писал он в начале XX в., характеризуя своё тогдашнее видение проблемы. По мнению И.А. Зиновьева, для России выгоднее было ограничить деятельность северными областями Ирана, «нежели допустить проникновение в эти области западной промышленности»¹²⁸⁰. А в случае получения англичанами разрешения на строительство дорог даже на юге страны таковое, в силу экономического превосходства Британской империи, было бы неизбежным. «По его мнению, – характеризовал позицию И.А. Зиновьева В.Н. Ламсдорф, – в наших интересах нам следует противиться любому железнодорожному строительству в Персии; у нас есть обязательство шаха не допускать таковой еще в течение 4-х лет; он думает, что по истечении этого срока можно будет добиться его продления или путем устрашения заставить персидское правительство не строить никаких железных дорог. В принципе, подобное требование по отношению к независимому государству кажется неслыханным и невозможным, но некоторые доводы Зиновьева по поводу затруднений и неудобств, которые повлекла бы за собой постройка железных дорог в Персии, по-видимому, совершенно справедливы»¹²⁸¹.

¹²⁷⁷ Особые межправительственные совещания – орган и форма выработки внешней политики Российской империи. Как правило, созывались императором для решения наиболее важных вопросов международной политики и выработки курса державы относительно страны или региона. Состав совещаний не был постоянным и находился в зависимости от решавшихся здесь задач. На них присутствовали, помимо императора (даже он бывал не всегда), министры (иностранных дел, военный, финансов и другие) и их товарищи (заместители), начальник Главного штаба, главы отдельных частей разных министерств, военные агенты, послы и другие заинтересованные компетентные лица. К сожалению, роль данного органа в разработке и осуществлении внешнеполитического курса империи Романовых в историографии изучена недостаточно. В качестве примера работы такого рода Особых совещаний может служить совещание по Кашгарскому вопросу 19 марта 1876 г. [Моисеев С.В. Особое совещание по Кашгарскому вопросу (19 марта 1876 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://new.hist.asu.ru/biblio/zalk/162-166.pdf>].

¹²⁷⁸ Англо-русское соперничество в Персии в 1890–1906 гг // Красный архив. 1933. Т. 1 (56). С. 46.

¹²⁷⁹ Ламсдорф В.Н. Дневник 1886–1890. М.: Государственное издательство, 1926. С. 347.

¹²⁸⁰ К истории англо-русского соглашения 1907 г. // Красный архив. 1935. Т. 2/3. С. 14.

¹²⁸¹ Ламсдорф В.Н. Дневник 1886–1890. М.: Государственное издательство, 1926. С. 240.

Отсюда видно, что подозрения правительства Персии в том, что Россия «преднамеренно пытается принизить Персию и затруднить рост её торговли и развития из эгоцентричных соображений»¹²⁸² (на что, кстати, постоянно указывали и англичане) были вполне обоснованы. Хотя в России уже к середине 1880-х гг. среди части правящих кругов сложилось понимание необходимости активного освоения севера Ирана, тем не менее, основной целью по-прежнему оставалось недопущение усиления в Персии английского влияния. Англичане с этого же времени уже осознали сложность борьбы с империей Романовых и решили сосредоточить своё внимание на укреплении позиций на юге Каджарской державы. Отсюда – стремление добиться здесь концессий и «освоить» побережье Персидского залива и прилегающие к нему области. Обе стороны исповедывали прагматическую линию в отношении Ирана. Но прагматизм этот зиждился на разном уровне экономического развития и политического могущества. И поэтому прагматизм каждой из стран было сложно совместить мирными средствами. И Россия, и Англия (Лондон) были заинтересованы поставить Персию под свой контроль. Но в России хорошо понимали неспособность экономическо конкурировать с «мастерской мира», поэтому предпочитали оградительную политику. В Лондоне же и в Калькутте видели цивилизаторскую миссию англичан в экономическом освоении Ирана с выгодой в первую очередь для Великобритании и под контролем Великобритании. Поэтому оградительная политика России, тормозившая расширение английских экономических и политических интересов в Иране, не могла не вызывать раздражения и обвинений в сторону России в нежелании нести цивилизацию.

В 1885 г. премьер-министром, а затем и министром иностранных дел Англии стал Роберт Артур Талбот Гаскойн-Сесиль маркиз Солсбери (премьер-министр Великобритании в 1885, 1886–1892 гг., министр иностранных дел в 1885–1886, 1886–1892 гг.)¹²⁸³. Им были выдвинуты задачи сохранение и укрепление влияния империи в юго-восточных провинциях Персии, которые активно реализовывались на протяжении всего времени вплоть до 1892 г. В рамках этой политики

¹²⁸² Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 159–160.

¹²⁸³ См. о нём: Науменко О.А. Роберт Солсбери и его время: Викторианская Англия в лицах. СПб.: Издательский дом Нева, 2004. 368 с.

петербургскому двору в 1887–1888 гг. были сделаны первые предложения относительно раздела Ирана на сферы влияния со свободой «развития своих промышленных интересов» в собственных зонах¹²⁸⁴. Однако они были отвергнуты, поскольку в России (как и в Англии) вопрос о сферах влияния тесно увязывался с железнодорожным строительством. Н.К. Гирс отверг предложение, «явно клонившееся к упрочению влияния Англии в Персии в ущерб нашему»¹²⁸⁵. В случае соглашения Россия не смогла бы контролировать последнее на территории всей Персии. Постройка же путей железнодорожного сообщения на юге в условиях экономической неспособности царского правительства ответить таким же шагом на севере, в перспективе могла привести к расширению английского влияния. «Императорское правительство не сочло возможным изъявить на это (предложение Лондона о соглашении по железным дорогам – О.Г.) своё согласие в виду пожелания Англии распространить соглашение между обеими державами на все вопросы, в коих обоюдные интересы их оказываются в противоречии, и устранить, таким образом, все поводы к взаимному меж ними недоверию», – констатировал в своём заявлении на открытии Особого совещания 4 февраля 1890 г. председатель департамента государственной экономики Государственного совета Александр Агеевич Абаза¹²⁸⁶. Тем не менее в 1888 г. между великими державами было достигнуто определённое соглашение. Им была подтверждена целостность персидской территории, Россия присоединилась к «пожеланию лондонского

¹²⁸⁴ В историографии указываются разные даты. 1887 г. присутствует в: К истории англо-русского соглашения 1907 г. // Красный архив. 1935. Т. 2/3. С. 13; Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 395. Весну 1888 г. в качестве даты предложения называют следующие работы: Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 73; Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны // Красный архив. № 4 (53). 1932. С. 15. Скорее всего, это объясняется тем, что новый английский посланник с полномочиями вступить в переговоры от премьер-министра был назначен в Тегеран в 1887 г., а непосредственное обсуждение вопроса он начал весной 1888 г. Впрочем, вторая дата представляется более обоснованной, поскольку О.А. Никонов ссылается на документы Архива внешней политики Российской империи, да и вторая публикация исходила из дипломатического ведомства и носила служебный характер.

¹²⁸⁵ Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 395. Интересно, что после неудачи переговоров о разделе сфер влияния, с подачи британских дипломатов, выходящая в Константинополе на персидском языке газета «Ахтар» в 1888 г. разразилась серией статей, обвиняя Россию в желании «удержать Персию, имеющую взаимосвязи с народами Европы, в состоянии дремоты, чтобы улучшить свое положение» [Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 73].

¹²⁸⁶ Англо-русское соперничество в Персии в 1890–1906 гг. // Красный архив. 1933. Т. 1 (56). С. 36. О.А. Никонов обоснованно, на наш взгляд, считает, что на решение Петербурга повлиял перехват российским посольством в Вене отчёта австро-венгерского военного атташе в Бомбее о состоянии англо-индийской армии. В нем отмечалось, что численность английской армии в Индии не превышает 50 315 человек, а не 70 000, как считалось ранее. При этом отмечалось, что английские офицеры и солдаты жили в слишком комфортных для армии условиях, на что особенно указывал атташе [Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 74].

кабинета избегать политики антагонизма в вопросе обоюдных торговых интересов в Персии и (По тексту маркиза Солсбери: «fully in accord ... as to the desirability of avoiding a policy of antagonism in the question of commercial interests of England and Russia in Persia» (Прим. в подлиннике – О.Г.)), наконец, категорически отклонили вмешательство англичан в Хорасанское разграничение»¹²⁸⁷. Последнее было обусловлено решением российского правительства от 24 сентября 1888 г. придерживаться курса экономическое овладение Хорасаном, который был тесно связан с Закаспийским краем и Гератом и мог быть «промышленно зависим» от России¹²⁸⁸.

«Поведение князя Долгорукова в Тегеране было оскорбительным, но холодная непримиримость И.А. Зиновьева, директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел, прежнего посланника в Тегеране, пугала ещё больше», – писал Ф. Казем-заде¹²⁸⁹. Несмотря на взаимную неприязнь между посланником в Тегеране и директором Азиатского департамента¹²⁹⁰, в своей политике относительно Каджарской державы они были едины. В.Н. Ламсдорф именовал её «системой Зиновьева», сводившейся к устрашению и постоянным отказам¹²⁹¹. Министр иностранных дел Н.К. Гирс в целом разделял их взгляды, но не методы. «Гирс не отрицает – писал его помощник В.Н. Ламсдорф, – что отправляемые задним числом телеграммы и все другие махинации, к которым Долгорукий не упускает случая прибегать, далеко не симпатичны, но он считает, что нужно брать человека таким, каков он есть, и лишь стараться достигнуть полезных результатов»¹²⁹². Тем не менее, решающую роль играла воля императора. Александр III с первых дней своего царствования решение внешнеполитических вопросов империи оставлял за собой¹²⁹³. Н.К. Гирс, даже имея личные пристрастия и мнения, оставался исполнителем воли монарха, а не реализатором собственных инициатив. «В высших

¹²⁸⁷ Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны // Красный архив. № 4 (53). 1932. С. 15.

¹²⁸⁸ Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 73.

¹²⁸⁹ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 159.

¹²⁹⁰ Н.С. Долгоруков, пользуясь своей близостью к императору, открыто интриговал перед ним против своего начальника [Ламсдорф В.Н. Дневник 1886–1890. М.: Государственное издательство, 1926. С. 88]. Со своей стороны, последний также не питал приязни к новому посланнику в Тегеране.

¹²⁹¹ Ламсдорф В.Н. Дневник 1886–1890. М.: Государственное издательство, 1926. С. 90.

¹²⁹² Там же. С. 157.

¹²⁹³ Толмачёв Е.П. Александр III и его время. М.: Терра – Книжный клуб, 2007. С. 438–439; Толмачёв Е.П. Миротворец Александр III и его время. М.: Воениздат, 2008. С. 185–186.

сферах к братьям Долгоруким очень благоволят», – отмечал В.Н. Ламсдорф¹²⁹⁴.

Император лично через министра иностранных дел и директора Азиатского департамента давал указания посланнику как вести себя относительно иранского монарха и персидских дел вообще. Позиция российского монарха отличалась жёсткостью, граничащей с высокомерием. Поэтому Константин Аполлонович Скальковский, характеризовавший неудачи Н.С. Долгорукова его мягкостью и недостаточным знакомством с восточными обычаями, а также тем, что тот «слишком полагался на престиж своего имени»¹²⁹⁵, был прав лишь отчасти. Посланник разделял взгляды Александра III, а будучи хорошим придворным, стремился не только угодить монарху, но и в какой-то степени опередить его решения.

В этих условиях происходит переориентация шаха и наиболее влиятельных людей из его окружения в сторону Англии. Причин её было несколько. Отчасти смена ориентира была следствием агрессивной политики России в отношении туркменских земель, которые персидское правительство считало своими, хотя фактически они являлись до русского покорения независимыми территориями¹²⁹⁶.

¹²⁹⁴ Ламсдорф В.Н. Дневник 1886–1890. М.: Государственное издательство, 1926. С. 157. Брат Н.С. Долгорукого Александр Сергеевич Долгоруков был обер-церемониймейстером двора и действительным статским советником.

¹²⁹⁵ Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. С. 412.

¹²⁹⁶ В 1881 г. был присоединён к России Ахалтекинский оазис, затем последовало присоединение остальных туркменских оазисов. А 31 января 1884 г. мервские ханы и уполномоченные признали суверенитет русского императора над Мервским оазисом. В 1885–1887 гг. была определена пограничная черта между Россией и афганскими владениями. Таким образом, большая часть территорий, населённых туркменами, оказались в составе империи Романовых. Как свидетельствуют архивные документы и свидетельства военных разведчиков, между Россией и Ираном сохранялась постоянная напряжённость из-за политики Петербурга относительно туркменских земель [Присоединение Туркмении к России (Сборник архивных документов). Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960. С. 353–717, Россия и Туркмения в XIX веке: К вхождению Туркмении в состав России: Сборник документов. Ашхабад: Туркменгосиздат, 1946. С. 100–271; Артамонов Л.К. Краткий очерк командировки в Персию для военно-статистического исследования Астрабад-Шахрудско-Бастамского района и Северного Хорасана в 1891–1892 гг. // Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан: Военно-статистическое исследование. Тифлис: Типогр. Канц. Главнач. гражд. ч. на Кавказе, 1894. Ч. 1–2. С. 25–25]. «Признавая принципиально всех туркмен персидскими подданными» иранские власти очень ревностно следили за возрастающим русским влиянием в приграничной полосе. Особенно это касалось астрабадского вали и правителей пограничных ханств Келата, Боджнурда, Кучана и Дерегёза. В результате расширения российского влияния среди туркменских племён они теряли значительную часть своей автономии, верный источник наживы, поскольку Тегеран выделял на провинцию большие деньги именно для обороны от туркмен (Подробнее с политикой хорасанских властей в отношении туркмен можно ознакомиться в работе Л.К. Артамонова [Артамонов Л.К. Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан: Военно-статистическое исследование. Тифлис: Типогр. Канц. Главнач. гражд. ч. на Кавказе, 1894. Ч. 1. С. 69–147]. «После занятия Россией Закаспийского края правительство шаха, из экономических расчётов, значительно уменьшило состав военных сил в Хорасане, – доносил генеральный консул Пётр Михайлович Власов, – так: пехоту с 8-ми до 4-х полков, а кавалерию с 8 000 до 3 700 ч.; тем не менее и этот наличный состав, в особенности кавалерии, числится лишь на бумаге, в действительности же наличность онаго едва доходит до половины» [Власов. Краткий очерк Хорасана: 1894 г. // СМА. 1894. Вып. 56. С. 187]. Ещё две важные причины напряжения в русско-иранских отношениях были изложены Л.К. Артамоновым. «Быстрое возрастание населения в приграничной к нам полосе Хорасана, – писал он о первой, – порождает ныне (и ещё в большей степени будет порождать) множество пререканий из-за пользования водою во всех тех местах, где истоки ручьёв остаются вне наших пределов»

Второй причиной было бесцеремонно-агрессивное поведение при шахском дворе российского посланника. В целом он действовал в общем русле поведения русского правительства и императора, относившихся к шаху и Персии свысока, считая себя вправе диктовать свою волю. Как отмечал персидский посланник в Вене «дело реки Карун и все приобретённые за последнее время англичанами преимущества являются исключительно следствием занятой нами (Россией – О.Г.) позиции; что шах, конечно, желал соглашения только с нами и в таком случае придал бы весьма

[Артамонов Л.К. Краткий очерк командировки в Персию для военно-статистического исследования Астрабад-Шахрудско-Бастамского района и Северного Хорасана в 1891–1892 гг. // Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан: Военно-статистическое исследование. Тифлис: Типогр. Канц. Главнач гражд. ч. на Кавказе, 1894. Ч. 1. С. 48]. Вторая же сводилась к тому, что раздел туркменских земель между Персией и Россией Атрекской линией породил такое явление, как двоеданничество части туркменских племён, в частности, йомудов и гокланов (гокленов). «Официальная государственная граница разделила племя гоклан на две неравные части, – характеризовал исследовавший «туркменский вопрос» Л.К. Артамонов ситуацию с гокланами, – меньшая (до 1 500 кибит.) на нашей стороне и большая (2 800 кибит.) на персидской территории. Здесь же пребывает голова и сердце всего племени – Клыч-Ишан. Государственный рубеж, разрезав (что называется по живому месту) гоклан, не мог конечно порвать родственных и духовных связей между ними. Не перекочевывая из государства в государство, как это периодически делают йомуды, гокланы поддерживают всё-таки между собою самые тесные сношения. Мало того, такие же связи существуют и с гокланами Хивинского ханства, откуда периодически наезжают муллы для духовного просвещения наших и персидских гоклан. Также точно святоша Клыч-Ишан посылает своих доверенных лиц в Хиву и Бухару, откуда получают священные книги и предметы религиозного характера» [Там же. С. 84–85]. Так как кочевья йомудов находились и на территориях обеих держав, они совершали постоянные перекочёвки из государства в государство. Это, в свою очередь, вызывало споры относительно их правового статуса и права сбора налогов и переманивание пограничными властями разделённых туркмен (как, например, гоклан) в российское или персидское подданство. Кроме того, важным фактором, формировавшим отношения в треугольнике Россия–Иран–туркмены, были англичане, которые через своих агентов старались испортить русско-туркменские отношения, настроив туркмен против России [Записка о двукратной поездке в туркменскую степь великобританского генерального консула в Тавризе полковника Стюарта в 1891 году // Артамонов Л.К. Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан: Военно-статистическое исследование. Тифлис: Типогр. Канц. Главнач гражд. ч. на Кавказе, 1894. Ч. 1–2. С. 136–145]. Персидские власти, будучи не в состоянии поддерживать контроль над туркменами, натравливали их друг на друга. Это, частности, касалось отношений между гокланами и йомудами. Вражда между этими племенами имела давний характер, но поддерживалась и разжигалась настолько, что даже религиозное единство (оба племени исповедовали суннизм) не могло примирить их. «Не смотря на всё своё уважение к святоше Клыч-Ишану, йомуды решительно не внимают его увещаниям, и старания Клыч-Ишана примирить эти враждебные народности остаются до сих пор тщетными», – отмечал русский наблюдатель [Артамонов Л.К. Современное положение туркмен в Астрабадской и Буджнурдской провинциях Персии // Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан: Военно-статистическое исследование. Тифлис: Типогр. Канц. Главнач гражд. ч. на Кавказе, 1894. Ч. 1–2. С. 86–87]. В свою очередь «ненависть к йомудам персидские гокланы переносят с р. Гюргени и в наши пределы, являясь на аламан в кочевья наших йомудских таифе» [Там же. С. 87]. Претензии же центрального правительства обуславливались тем, что в средние века и раннее новое время земли туркмен входили в состав государств различных династий правивших в Иране. А практически все шахи Каджарской династии до Насреддина включительно стремились восстановить бывшее территориальное величие прежних времён (в частности, идеалом являлась империя Надир-шаха Афшара, правившего 1736–1747 гг. В неё были включены в качестве провинций или вассальных территорий Армения, Азербайджан, Грузия, часть Дагестана, Афганистан, Белуджистан, Хивинское ханство, Бухарский эмират [Axworthy M. The Sword of Persia: Nader Shah, from Tribal Warrior to Conquering Tyrant. London/New York: I.B. Tauris, 2006. 348 p.]. Тем не менее, в XIX в. эти претензии уже были безосновательными. Персидские войска постоянно терпели неудачи в столкновениях с туркменскими племенами. Наиболее знаменитыми были разгромы 1860 (1861) и 1876 гг. [Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 26; 31–32] «При мне ещё, – писал прибывавший в Иране в 1882–1886 гг. Мисль-Рустем, – целый пехотный отряд в 3 000 человек и масса кавалерии (цифры, возможно, несколько преувеличены – О.Г.) были разбиты неорганизованными (с точки зрения европейского военного – О.Г.) шайками туркмен на границе Астрабада, когда шах отправил отряд для наказания туркмен за их грабежи на границе» [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 114]. Исследовавший вопрос в начале XX в. офицер российского ГШ Лавр Георгиевич (Егорович) Корнилов писал: «Власть персидского правительства в землях севернее Копетдага была чисто фиктивной и, по туркменской поговорке, персы появлялись здесь не иначе, как с верёвкой на шее, т. е. в виде пленников, захваченных туркменами во время набегов на владения самого шаха» [Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 46].

мало цены всяким другим союзам, но отказы, которые он постоянно встречает с нашей стороны на все свои просьбы, его обескуражили и даже несколько пошатнули уважение к нему в стране, где начинают подозревать Россию в желании держать Персию в приниженном положении и препятствовать росту её торговли и её развитию из эгоистических соображений господства»¹²⁹⁷. Так, например, в 1888 г. Россия добилась открытия в Мешхеде своего генерального консульства¹²⁹⁸, затем российское представительство было открыто в Турбет-е Хейдари¹²⁹⁹. Однако просьбы Насреддин-шаха в 1882 и 1890 гг. разрешить назначить своего генерального консула в Ашхабад русской стороной долгое время признавались «неудобноисполнимыми» под предлогом различных причин политического

¹²⁹⁷ Ламсдорф В.Н. Дневник В. Н. Ламсдорфа (1886–1890). М. – Л.: Государственное издательство, 1926. С. 90.

¹²⁹⁸ Правда, иранское правительство под влиянием английского представителя, сначала противилось этому, а затем дало согласие, предоставив такое же право Англии [Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. С. 412]. Английский представитель торопился и прибыл в город раньше, получив дипломатическое преимущество над российским коллегой. Но Пётр Михайлович Власов – бывший консул в Реште – оказался очень умелым дипломатом и в годы своего пребывания на посту генерального консула (1888–1897 гг.) добился нейтрализации указанного преимущества. В частности – постройкой внушительной консульской резиденции и своим умелым поведением он завоевал благорасположение и уважение среди местного населения [Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 170–171].

¹²⁹⁹ Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 114–115. Правда, указание на Турбет-е Хейдари представляется неточным – к началу 1890-х гг. в Иране было 4 генеральных и простых консульства, но Турбет-е Хейдари среди них не было. Скорее всего, у Б. Маннанова вкралась ошибка. Вопрос о создании консульства здесь был поднят только в начале XX в., о чём сообщалось в инструкции русскому посланнику 1904 г. В ней отмечалось, что необходимо позаботиться о «назначении офицера в Турбет-е Хейдари, со званием консула, впредь до того времени, когда представится возможным учредить там законодательным путем штатное консульство» [Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны // Красный архив. № 4 (53). 1932. С. 27]. Скорее всего, здесь находился нештатный представитель Министерства иностранных дел, которого присылали из консульства в Мешхеде. По-видимому, это был негласный военный агент, т. е. офицер на должности по гражданскому ведомству. По крайней мере, с 1901 г. здесь находился штабс-капитан Александр Иванович Ияс – начальник консульского конвоя в Мешхеде, а затем начальник русской противочумной охраны [Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Биобиблиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 97]. А.Б. Широкоград указывал дату открытия консульства в Мешхеде 1889 г. [Широкоград А.Б. Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907. М.: ООО Издательство АСТ, 2003. С. 398]. Первым генеральным консулом был назначен Пётр Михайлович Власов [Бичехвост Н. Казаки в Африке. Дипломат Власов и негус Менелик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2011/06/22/422>; Пётр Михайлович Власов // <http://www.rusdiplomats.narod.ru/ambassadors/vlasov-pm.html>]. Впервые русские консулы в Иран были назначены на основании торгового договора 1717 г. В сентябре 1720 г. состоялось назначение в Персию первых русских консулов – С. Аврамова (консула) и А. Баскакова (вице-консула) [Бушев П.П. Посольство Артемия Вольнского в Иран в 1715–1718 гг. М.: Главная редакция восточной литературы, 1978. 288 с.; Сафронова Е.В. Историческое развитие консульской юрисдикции и организация консульских судов России на Востоке // <http://www.kpress.ru/bh/2002/3/safronova/safronova.asp>]. Однако в 1880-х гг. консульство в Мешхеде имело важное стратегическое значение, особенно в контексте англо-русского соперничества на Среднем Востоке. «Для защиты интересов русскоподданных в Хорасане наше правительство содержит в г. Мешхед генеральное консульство, – писал русский офицер в начале 1890-х гг. – В состав его входят: генеральный консул, секретарь, драгоман (официальная должность переводчика и посредника между ближневосточными и азиатскими державами и европейскими дипломатическими и торговыми представительствами. Должность предполагала как переводческие, так и дипломатические функции – О.Г.), переводчик, телеграфист и несколько писарей. Как почётный конвой, при нём состоят 4 кубанских казака. Большим неудобством является неимение в консульстве своего врача, вследствие чего больные должны обращаться за помощью к врачу, состоящему при английском консульстве, что не всегда является удобным». [Орановский. Военно-статистическое описание северо-восточной части Хоросана 1894 г. // СМА. 1896. Вып. 68. С. 107].

характера¹³⁰⁰. Последние действительно играли определённую роль, но одной из основных всё же был взгляд на Персию, как на третьесортную державу, по отношению к которой равнообязательных связей быть не может.

Не меньшую роль сыграла и активная, «наступательная» политика английских представителей при шахе, особенно Генри Драммонд Вольфа (британский посланник в Тегеране в 1887–1891 гг.)¹³⁰¹. В этом контексте следует рассматривать его «разъяснения» Насреддин-шаху целей русской политики в Персии, которые без сомнения влияли на поведение правителя и восприятие им поведения России и её представителей. Важно отметить также стремление шаха закрепить и сохранить свою власть. Из него вытекала политика балансирования между двумя великими европейскими державами, стремление играть на их противоречиях. Скорее всего, значительную роль в проанглийской переориентации шахского правительства сыграли и «финансовые вливания» со стороны представителей Туманного Альбиона. Ф. Казем-заде, активно подчёркивая якобы имевшую место опасность Ирану со стороны России в виде возбуждения туркменских племён, совершенно обошёл этот момент¹³⁰².

Назначение Г. Драммонд Вольфа в октябре 1887 г. в Тегеран не было случайным¹³⁰³. В середине 1880-х гг. в Форин офис (внешнеполитическое ведомство Великобритании) велись длительные консультации о том, кого послать в Персию в качестве посланника, должность которого с 1885 г. была вакантна (её занимал поверенный в делах). Главной задачей было восстановление пошатнувшегося престижа Великобритании и укрепление её позиции в противовес русским. В результате, выбор пал на Г. Драммонд Вольфа – дипломата, работавшего в министерстве колоний и министерстве иностранных дел¹³⁰⁴. В исследованиях Ирины Семёновны Медведик и Евгения Юрьевича Сергеева дано, на наш взгляд,

¹³⁰⁰ Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 115.

¹³⁰¹ Shahnavaз S. Britain and South-West Persia 1880–1914: A Study in Imperialism and Economic Dependence. London/New York: Routledge, 2005. P. 12–45. Встречается написание его имени и фамилии «Друммонд-Вольф». В английском варианте пишется и через дефис, но чаще раздельно – Henry Drummond Wolff, Henry Drummond-Wolff. Полностью его имя Wolff, Sir Henry Drummond Charles. Но мы, в силу установившейся традиции, будем именовать его Генри Драммонд Вольф.

¹³⁰² Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 159–161.

¹³⁰³ Там же. С. 153.

¹³⁰⁴ Медведик И.С. Британские дипломаты в Тегеране: взгляд на англо-российский конфликт в Персии в конце XIX – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 6 (144). История. Вып. 30. С. 117.

идеализированное изображение его взглядов и политики на своём новом посту, базирующееся на английском нарративе¹³⁰⁵. «Его обязанности, – отмечал Е.Ю. Сергеев, – включали мониторинг северо-восточных границ Персии и оказание давления на правительство шаха с целью реформирования местных органов власти ... Однако на практике главная задача Вольфа состояла в том, чтобы противодействовать российскому влиянию путём распространения свободной торговли и побуждения шаха к политическим преобразованиям»¹³⁰⁶. И.С. Медведик отмечала, что английским дипломатом была составлена «программа возрождения Персии». «В соответствии с ней смешанные комиссии из британских, российских и персидских чиновников должны были разрабатывать и проводить реформы. Вольф составил проект трёхстороннего соглашения. Долгорукий, действуя по указаниям МИД, делал упор не на развитии Персии, а на взаимопонимании между Россией и Англией. Но оно должно было касаться не только Персии, где Россия чувствовала себя уверенно, но и других регионов, например, Болгарии»¹³⁰⁷. Не совсем ясно, каким именно реформам и в чьих целях должен был содействовать новый британский представитель. По крайней мере во время своего пребывания на посту он заботился только об английских интересах. Посланник из Лондона действительно был сторонником сотрудничества с Россией в «цивилизации» Персии и урегулирования конфликта вокруг Каджарской монархии. Но его планы «сотрудничества взамен соперничества», скорее всего, отражали слабость английских политических позиций и стремление их усилить, выведя в плоскость, где империя Романовых с Великобританией тягаться в то время не могла – в экономику. И именно он, выполняя задание своего начальства, предложил идею раздела Ирана на сферы экономического влияния, о чём говорилось выше¹³⁰⁸. И в дальнейшем ратовал за такое решение англо-русского противостояния¹³⁰⁹. Возможно, им действительно владела идея цивилизаторской миссии европейцев в

¹³⁰⁵ Там же. С. 117–118; Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. С. 208–209.

¹³⁰⁶ Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. С. 208.

¹³⁰⁷ Медведик И.С. Британские дипломаты в Тегеране: взгляд на англо-русский конфликт в Персии в конце XIX – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 6 (144). История. Вып. 30. С. 117.

¹³⁰⁸ Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 453. И.С. Медведик утверждала, что такая мысль впервые была вброшена в середине 1890-х [Там же. С. 119]. Это не соответствует действительности.

¹³⁰⁹ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 181–182.

Азии, популярная среди множества жителей Старого света (если такое условное название применимо в данном случае к Европе). Но встаёт закономерный вопрос: кому и для чего предназначалась и нужна была эта «цивилизация»? Исходя из знаний о колониальной политике британской короны, ответ очевиден – англичанам. И здесь в своих оценках российские публицисты и высшие чины не ошибались. «Хорошо известно, – заявил на Особом совещании 4 февраля 1890 г. товарищ министра иностранных дел Александр Георгиевич Влангали, – что опираясь на свои многочисленные коммерческие и военный флоты, обеспечивавшие ей сообщение с колониями, Англия упорно противилась прорытию Суэцкого канала на том лишь основании, что предприятие это должно было облегчить доступ в Индийский океан судам других наций. Но когда противодействие оказалось бесполезным и канал был довершён ... все усилия англичан были направлены к тому, чтобы подчинить своему контролю этот новый путь»¹³¹⁰. И хотя замечено это было в несколько ином контексте, аналогия с идеей о совместной экономической «эксплуатации» Персии очевидна.

Да и сама политика, проводившаяся новым английским посланником, не оставляла сомнений в том, что вне зависимости от соглашения с Россией он будет всячески отстаивать и укреплять позиции своей державы. «Воспользовавшись опасениями, коим поддался шах ввиду усилившегося положения нашего на границах Астрабада (в тексте ошибочно «Адерабада» – О.Г.) и Хорасана, английский посланник сэра Драммонд Вольф уверил шаха, что для обеспечения его безопасности ему следует сблизиться с Англией. По свойственной ему робости шах поддался этим наущениям», – в общей форме изложил действия британца временно управляющий Министерством иностранных дел Николай Карлович Гирс в 1890 г.¹³¹¹. 24 октября 1888 г. английский посланник в Тегеране Г. Драммонд Вольф с одобрения своего правительства предоставил садр-азаму Али Асгар-хану Амин ос-Солтане письменное заявление о том, что в случае нападения любой страны на Персию правительство её величества обязуется предпринять действия для

¹³¹⁰ Англо-русское соперничество в Персии в 1890–1906 гг. // Красный архив. 1933. Т. 1 (56). С. 45. Справедливости ради следует заметить, что идея приобретения Суэцкого канала поддерживалась далеко не всеми политиками Великобритании, а непосредственная инициатива в этом принадлежала премьер-министру Бенджамину Дизраэли [Трухановский В.Г. Бенджамин Дизраэли и королева Виктория // Новая и новейшая история. 1990. № 4. С. 138–153, № 5. С. 145–155; Моруа А. Жизнь Дизраэли. М.: Изд-во политической лит-ры, 1991. С. 183–184; Трухановский В.Г. Бенджамин Дизраэли или История одной невероятной карьеры. М.: Наука, 1993. С. 315–319].

¹³¹¹ Англо-русское соперничество в Персии в 1890–1906 гг. // Красный архив. 1933. Т. 1 (56). С. 39.

предотвращения нарушения территориальной целостности Персии¹³¹². Это был явно антироссийский шаг. А 18 октября шах издал фирман об открытии р. Карун на юге Персии для судоходства судам иностранных держав¹³¹³. Это привело в дальнейшем к активному «освоению» юга Каджарской державы англичанами¹³¹⁴. «Соединение Тегерана с Персидским заливом со стороны Каруна уже теперь составляет предмет настойчивых и практических английских вождедений, – отмечал российский наблюдатель, – а если бы подобная линия могла быть приведена в связь с основной индо-европейской транзитной железной дорогой, то англичанам в этом отношении ничего не осталось бы желать»¹³¹⁵.

В 1889 г. шах готовился к третьей поездке в Европу, а казна была не в состоянии её финансировать. Этим воспользовались П.Д. Рёйтер и стоявший за ним глава английской миссии в Тегеране Г. Драммонд Вольф. За согласие дать в долг иранскому двору 40 тыс. ф. ст. 30 января 1889 г. шах предоставил П.Д. Рёйтеру банковскую концессию на 60 лет¹³¹⁶. Договор предоставлял английскому подданному право на создание Шаханшахского¹³¹⁷ банка Персии, и носил явно неравноправный и кабальный характер¹³¹⁸. Банк был создан в том же году в результате сличия с Новым лондонским восточным банком. Он сосредоточил в

¹³¹² Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 160.

¹³¹³ Детальнее о ней см.: Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 159–160; Кёрзон Д.Н. Река Карун и коммерческая география юго-западной Персии / сообщено на вечернем заседании Кор. Геогр. Общ. 12 мая 1890 г. г. // СМА. 1892. Вып. 50. С. 47–67. Кулагина Л.М. Английская концессия на судоходство по р. Карун (конец XIX в.) // Иран (Сборник статей). М.: Наука, 1971. С. 92–103; Макутчев А. В. Река Карун в эпицентре борьбы России и Англии за влияние в Персии (Иране) во второй половине XIX в. // Актуальные вопросы современной науки: Материалы VI международной научной конференции 30–31 мая 2013 года, г. Санкт-Петербург. СПб.: Изд-во Айсинг, 2013. С. 98–106; Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 132 (по новому стилю – 30 октября).

¹³¹⁴ Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 132–135. Ответом на неё стало продление шахским правительством в декабре 1888 г. концессии 1873 г. на лов рыбы вдоль южного побережья Каспийского моря С.М. Лианозову [Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 169–170].

¹³¹⁵ Чарыков Н.В. Вопрос о малоазиатских железных дорогах // СМА. 1891. Вып. 49. С. 30.

¹³¹⁶ С.М. Алиев ошибочно называет дату 13 января [Алиев С.М. История Ирана. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. С. 44–45]. Однако в этот день, скорее всего, было достигнуто согласие шаха на концессию. Концессионный же договор был подписан 30 января (текст см.: Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 156–159).

¹³¹⁷ Официально банк назывался Imperial Bank of Persia. Однако в русскоязычной литературе за ним закрепились два названия – Имперский и Шахиншахский (правильнее – Шаханшахский). В силу сложившейся традиции мы будем использовать последнее наименование. Детальнее о деятельности Imperial Bank of Persia в рассматриваемый период см.: [Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 47–59; Humā Nāṭiq. Les commercants, la Banque imperiale et la Regie des Tabacs (D'apres l'archive d'Amin-oz-zarb). Paris: Edition Khavaran, 1992. 378 p.]. Королевской хартией от 2 декабря 1889 г. банк был «инкорпорирован», то есть стал рассматриваться уже как государственное предприятие [Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 50].

¹³¹⁸ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 172–174; Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 135–137.

своих руках поставку серебра для персидского монетного двора ¹³¹⁹. Банк получил также концессию на постройку железной дороги из Тегерана в Шустер и Исфахан и на шоссе до Кума ¹³²⁰. Хотя концессии эти были предоставлены персидским правительством в отсутствие Н.С. Долгорукова, они нанесли сильный ущерб его репутации на посту посланника ¹³²¹. В промежутке между ними российское правительство приняло решение стараться не допустить строительства в Иране железных дорог. Однако, Н.С. Долгоруков взялся (и, судя по всему, не безвозмездно) лоббировать один из российских проектов железнодорожного строительства. Он действовал зачастую вопреки инструкциям министра иностранных дел, пользуясь связями в придворных кругах и благосклонностью к нему Александра III ¹³²². В марте 1889 г. Н.С. Долгоруков добился от Тегерана письменного заявления о разрешении России строить железные дороги, где сочтёт нужным и «замораживании» железнодорожного строительства на ближайшие 5 лет ¹³²³. Но это победа обернулась поражением посланника. Персидское правительство, дав такое разрешение России, вынуждено было удовлетворить и англичан. Г. Драммонд Вольф настоял на том, чтобы всякий раз, когда железнодорожная концессия будет предоставляться на севере, немедленно такая же концессия должна быть предоставлена английской компании. Попытки добиться от шаха во время его визита в Петербург в мае 1889 г. твёрдых гарантий в пользу России оказались тщетными ¹³²⁴. К тому же в Петербурге узнали, что все переговоры Н.С. Долгорукова, которые должны были носить секретный характер, становились

¹³¹⁹ Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны // Красный архив, № 4 (53). 1932. С. 16.

¹³²⁰ Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. С. 413.

¹³²¹ Правда, 7 июля 1889 г. был высочайше утверждён устав «Товарищества для торговли и промышленности в Персии», основателем которого был Л.С. Поляков [Устав Товарищества для торговли и промышленности в Персии и Средней Азии. – М.: Типолитография Ж. Шейбель, 1904. С. 5], однако до 1892 г. серьёзного продолжения эта концессия не получила, поскольку, как и спичечное товарищество, созданное в том же году, имела явно аферистский характер [Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860–1914. Очерки истории частного предпринимательства Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1991. С. 88–89; Ребель А.И. Евреи в России: самые влиятельные и богатые. М.: Эксмо, 2011. 180 с. // <http://www.rulit.me/books/evrei-v-rossii-samye-vliyatelnye-i-bogatye-read-227915-1.html>].

¹³²² Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 395.

¹³²³ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 177.

¹³²⁴ Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 395.

известны английскому представителю в Тегеране от персидских сановников¹³²⁵.

По мнению русской печати, неудачи российского уполномоченного проистекали «из-за нехватки средств на подкуп персидских чиновников»¹³²⁶. «Да, персидское дело было весьма унижительно для престижа страны, но такие истории всегда будут случаться до тех пор, пока на Востоке страну будут представлять люди калибра Долгорукова», – писала княгиня Екатерина Адамовна Радзивилл бывшему министру внутренних дел России графу Н.П. Игнатьеву 6 декабря 1888 г.¹³²⁷. Тем не менее, как уже отмечалось, позиция шаха была тесно связана с политикой российских правящих кругов по отношению к Ирану и к нему лично. С шахом действительно обращались довольно унижительно для него. Причём немалую роль в этом сыграл российский император. Классическим примером может служить изложенная в дневниках В.Н. Ламсдорфа «эпопея» с поездкой Насреддин-шаха в Европу в 1889 г. Император сначала вообще не желал его приезда в Петербург, так как тот, по его мнению, не следовал советам России и слишком активно сближался с англичанами. «От шаха мы ждём обязательств, и тогда увидим, как отвечать», – сделал он в начале марта 1889 г. заметку на полях телеграммы Н.С. Долгорукого с извещением о просьбе шаха посетить Петербург¹³²⁸. И лишь после получения от Насреддин-шаха согласия «заморозить» железнодорожное строительство на 5 лет, царь «смилоствивился» и разрешил персидскому властителю посетить столицу России. Однако им было обусловлено, что тот должен ограничить количество своей свиты и пробыть в Петербурге лишь 3 дня. «Нелегко довести это решение до сведения бедного перса, – писал В.Н. Ламсдорф, – который во время всех своих предыдущих посещений проводил в Петербурге неделю и которого мы так долго заставили ждать ответа»¹³²⁹. Наконец, ко всему прочему, во время пребывания Насреддин-шаха в Петербурге «Александр III напомнил ему, что сто тысяч войска стоят всегда на

¹³²⁵ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 179.

¹³²⁶ Ржевуская Е.А. (Радзивилл Кольб-Данвин). Избранные документы из российских и американских архивов // Независимое литературное обозрение. 2009. № 96 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/96/r5.html>.

¹³²⁷ Там же.

¹³²⁸ Ламсдорф В.Н. Дневник 1886–1890. М.–Л.: Государственное издательство, 1926. С. 187.

¹³²⁹ Там же. С. 202. Интересно, что Н.К. Гирс мыслил более практично, считая, что отказ шаху может сильно повредить русско-иранским отношениям. Тем более, что английский посланник при шахском дворе активно склонял персидского владыку ехать в Европу через Константинополь или Трапезунд [Там же. С. 191].

границе Персии»¹³³⁰. Хотя последнее сообщение выглядит несколько анекдотично, тем не менее, зная характер императора и его недовольство лицемерным, по его мнению, поведением шаха, завуалированные, а то и прямые угрозы такого рода были вполне возможны. Это, естественно не добавляло симпатии персидского монарха к своему августейшему собрату.

Тем не менее, все неудачи были приписаны лишь одному посланнику, который действительно откровенно проиграл английскому визави борьбу за влияние при шахском дворе. В октябре 1889 г. непосредственным решением Александра III Н.С. Долгоруков был отозван в Россию¹³³¹.

4.3. Деятельность Н.Д. Кузьмина-Караваева на посту Заведующего

Таким образом, во многом под влиянием поведения российских дипломатов, с середины 1880-х наблюдается усиление проанглийских настроений в среде персидской верхушки. В этих условиях пришлось действовать Н.Д. Кузьмину-Караваеву. Изначально он пользовался покровительством Н.С. Долгорукова. Оба они были военными, выходцами из аристократических семей, оба имели хорошие связи в высших кругах Российской империи. Судя по всему, взгляды на политику России относительно Персии у обоих офицеров также совпадали, а 13 лет разницы в возрасте (Н.С. Долгоруков родился в 1840 г.) вряд ли играли здесь существенную роль. Тем более, что прибыли они в Иран примерно в одно время и одинаково

¹³³⁰ Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. С. 412.

¹³³¹ Ламсдорф В.Н. Дневник 1886–1890. М.–Л.: Государственное издательство, 1926. С. 240. После этого Н.С. Долгоруков впал в опалу. До 1905 г. он не занимал никаких официальных должностей [Список генералам по старшинству. Составлен по 1 июля 1908 года. СПб.: Военная типография, 1908. С. 65]. С.Ю. Витте приводил в своих мемуарах интересный эпизод о том, как князь добивался через генерал-адъютанта Петра Александровича Черевина, состоявшего начальником охраны императора Александра III, чтобы тот упробил императрицу Марию Фёдоровну назначить его послом на её родину – в Данию. «Я сказал императрице, что вот князь Долгорукий очень упробивает Вас, чтобы вы назначили его послом в Данию. Но, так как императрица не любит Долгорукого, то она мне и сказала: “Как же я могу просить о назначении его послом, когда место это там занято?” На это я императрице ответил: “Совершенно верно, что место занято, но только согласитесь на то, что если место это будет свободно, то Долгорукий будет назначен туда послом, потому что, раз – продолжал Черевин, – Вы скажете это Долгорукому, он ни перед чем не остановится, поедет в Данию, отравит посла и тогда место будет свободно. Вы пообещайте только ему, что когда место будет свободно, Вы его назначите?”

– Что же, – спрашиваю я – вы сказали это Долгорукому?

– Да, – говорит, – я сказал Долгорукому, чтобы он ехал в Данию, постарался как-нибудь уничтожить посла, тогда место будет свободно, и он будет назначен» [Витте С.Ю. Воспоминания. Детство. Царствование Александра II и Александра III (1849–1894). Т. 1. Л.: Изд-во Слово, 1923. С. 302].

досконально не знали ни местных особенностей, ни языка страны пребывания. Очевидно, что они сошлись не только во взглядах, но и как люди, близкие друг другу по духу. О конфликтах между ними ничего не известно. Зато посланник выступал в качестве своеобразного покровителя полковника, что было естественно в силу его положения (как в Иране, так и в России) и товарищеских отношений. Н.С. Долгоруков помог ему выхлопотать у шаха деньги на содержание ПКБ, которые были удержаны военным министром ещё при П.В. Чарковском, а также увеличить бюджет бригады. Не случайно, Н.Д. Кузьмин-Караваев был оставлен на 2-й срок заведования ПКБ – случай редчайший, а на тот момент первый в истории бригады. С одобрения же посланника он позволял себе длительные командировки в Россию, которые оплачивались из иранского бюджета. «У персов Долгоруков вызывал страх и ненависть», – писал Ф. Казем-заде¹³³². Сложно сказать, насколько это отношение распространялось на его окружение, в частности на Заведующего. Источники нам не дают ответ на этот вопрос. Обоим им был присущ имперский шовинизм по отношению к Персии и подданным шаха, вызванный как воспитанием в европейской культурной традиции, так и реалиями местной жизни. А это не способствовало налаживанию искренних и равноправных отношений.

ПКБ в начале командования ею нового Заведующего состояла из 3-х полков, 4-орудийной батареи, 2-х эскадронов – гвардейского и «Кадам» (мухаджиров-«пенсионеров», инвалидов) и музыкантского хора¹³³³.

Бригада существовала как бы в 3-х плоскостях, имея списочный, реальный и наличный составы. ПКБ официально имела штатное расписание, но не на определённое количество людей, а на воинские единицы – эскадроны. 1-й и 2-й полки имели по 4 эскадрона в 50–60 боевых коней, а 3-й – 2 эскадрона¹³³⁴. Поэтому реальное количество людей в бригаде могло варьироваться вплоть до 2 000 в том числе и за счёт нестроевых чинов¹³³⁵. Часть из штатных чинов существовали лишь на бумаге. Имелась договорённость с военным министром о том, какое количество

¹³³² Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 168.

¹³³³ Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1885. С. 564.

¹³³⁴ Там же.

¹³³⁵ Что интересно, в период нахождения на заведовании Н.Д. Кузьмина-Караваева и в первый год пребывания его сменщика происходил рост численности людей в ПКБ за счёт всякого рода нестроевых чинов, в результате чего один из офицеров ПКБ отмечал, что «списочное состояние людей и лошадей вдвое больше первоначального», т. е. не менее 2 000 [Персидская армия, со слов компетентного русского офицера 1891 г. // СМА. 1891. Вып. 49. С. 183].

членов ПКБ должно было иметься налицо. Именно эти «наличные» и составляли реальную численность воинской части. Однако в силу различных обстоятельств часть из них постоянно находилась в отпусках на половинном жаловании. Такая практика позволяла экономить деньги, но и давала широкое поле для финансовых махинаций. Формальный принцип всей персидской армии – половина (фоуджа, фоуджей и т.п.) служит, половина в отпуску – распространялся и на бригаду, поскольку она являлась её составной частью. Однако, опять-таки, как и во всех вооружённых силах, фактически принцип этот не соблюдался. По согласованию с военным министром (а то и помимо его) Заведующий мог манипулировать количеством отпускников. В этом он мало отличался от традиционных персидских командиров. В результате, в строю могло оставаться не более 300–200 человек из 1 000. Поскольку деньги выплачивались исходя из суммы бюджета, то на отпускных можно было добиться экономии. Но при неумеренном количестве отправляемых в отпуск, да ещё и за взятки можно было извлекать прибыль не в пользу бригады.

По сообщению Д.Н. Кёрзона, видевшего ПКБ в конце 1889 г., «уменьшение в численности» ПКБ делалось «только на счёт низших чинов, высшие же – находятся постоянно в полном штате»¹³³⁶. Численность бригады по спискам составляла 800 человек (без «гвардейцев»)¹³³⁷. «В 1-м и 2-м полку по 300 человек, в третьем около 150 и в батарее около 50», – писал Мисль-Рустем¹³³⁸. Л.К. Артамонов в 1889 г. приводил несколько иные цифры. «Регулярная кавалерия, – писал он, – только 2 «казачьих» полка по 4 эскадрона в каждом ... Численность полков, сведённых в бригаду: 130 офицеров, 750 казаков и 850 лошадей»¹³³⁹. Однако реально налицо было значительно меньшее количество. Когда полковник с разрешения военного министра распускал нижних чинов по домам, отмечал Мисль-Рустем, реальный состав бригады сокращался до 250–300 человек¹³⁴⁰. Д.Н. Кёрзон писал, что к 1890 г., исходя из сумм, выделяемых персидским Военным министерством, состав бригады насчитывал 1 800 человек. «В действительности же имеется только 2 полка (Мухаджирский и «Буми» («Туземный», из добровольцев)) по 600 человек в каждом,

¹³³⁶ Кёрзон Г. Персия и персидский вопрос // СМА. 1893. Вып. 52. С. 135.

¹³³⁷ Артамонов Л.К. Персия как наш противник в Закавказьи. Тифлис: Б.и., 1889. С. 36.

¹³³⁸ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 146.

¹³³⁹ Артамонов Л.К. Персия как наш противник в Закавказьи. Тифлис: Б.и., 1889. С. 31.

¹³⁴⁰ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 146.

т. е. 1 200 человек, которые распределены по 3-м полкам в 400 человек каждый», – отмечал он¹³⁴¹. Английский наблюдатель несколько заблуждался относительно численности ПКБ, о чём будет сказано ниже. Тем не менее, общая цифра в 1 200 человек была приблизительно верной. По штатному расписанию к концу пребывания Н.Д. Кузьмина-Караваева в Иране в ПКБ насчитывалось «1 000 нижних чинов при 210 генералах, штаб- и обер-офицерах»¹³⁴². Однако «реальный» состав «казаков» был меньшим: «по штату в каждом полку полагалось по четыре эскадрона, а в третьем – только кадры для четырёх эскадронов»¹³⁴³. При широком применении отпускной системы, налицо Заведующий имел не более 300–400 человек, при чём значительную часть из них составляли офицеры.

Недоразумения относительно количества полков в ПКБ и численности личного состава в приведённых выше свидетельствах, требуют небольшого пояснения. В.А. Косоховский сообщал, что Н.Д. Кузьмин-Караваев в 1889 г. «уже окончательно забраковал «ветеранов» и добился выделения, их из казачьей бригады, потому что они были или очень стары, или болезненны, или, считая себя потомками знатных мухаджиров, находили службу в нижних чинах бригады для себя унижительною»¹³⁴⁴. Таким образом, эскадрон «Кадам» был им ликвидирован. Думается, сделано это было не только по причинам, изложенным наблюдателем, но и с целью сэкономить средства на содержание небоеспособного личного состава. Имевшиеся в распоряжении полковника мухаджиры, которые не могли нести службу, были сведены в один полк. Таким образом, если в начале при создании третьего полка речь шла о привлечении на службу в часть всего контингента мухаджиров, то теперь ситуация изменилась. Со временем те старели, умирали, становились небоеспособными. Но деньги на них шахское правительство выделяло, и ни родственники привилегированных «казаков», ни сами они, ни командир ПКБ терять их не желали. Скорее всего, именно поэтому «неспособные к службе» (старики, женщины и дети) мухаджиры были сведены в третий полк неполного состава. Тем не менее, окончательно проблема «пенсионеров» решена не была. Как

¹³⁴¹ Персидская армия (Из Times 11 февраля 1890 г.) // СМА. 1890. Вып. 42. С. 84.

¹³⁴² РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 44.

¹³⁴³ РГВИА. Ф. 401. 1901. Оп. 5. Д. 481. Л. 5.

¹³⁴⁴ Косоховский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 393. Правда, в энциклопедическом издании 1891 г. указывалось, что эскадрон этот существует [Энциклопедия военных и морских наук. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1891. Т. 5. С. 612]. Однако, это были устаревшие данные.

свидетельствует рапорт сменившего Н.Д. Кузьмина-Караваева Н.Я. Шнеура, число «ветеранов» (а фактически – «мёртвых душ») продолжало увеличиваться, причём не только за счёт мухаджиров¹³⁴⁵. Итогом преобразований стало то, что первый полк полностью комплектовался мухаджирами, второй – наёмниками, а третий состоял из мухаджиров, негодных к военной службе, и их родственников, получавших пенсии-жалование за числившихся в списках бригады, но уже умерших «казаков». Таким образом, при формальной численности в 3 полка реально полковник мог показать лишь 2¹³⁴⁶. В связи с этим изменились и функции обер-офицеров-инструкторов. «Каждый полк бригады и батарею обучает отдельно русский инструктор-офицер», – сообщал по этому поводу Мисль-Рустем¹³⁴⁷. Теперь два из них – Е.А. Маковкин и Меняев – возглавляли соответственно первый и второй полки, а К.Н. Блюмер – четырёхорудийную батарею¹³⁴⁸.

Самым «больным местом» бригады оставались финансы. Как отмечалось выше, большое количество денег из бюджета уходило на содержание «пенсионеров», т. е. ветеранов, женщин и детей мухаджиров, из которых и был сформирован третий полк и отдельный эскадрон, и которые продолжали получать в виде пенсий наследственное жалование¹³⁴⁹. Деньги эти выдавались помимо полковника непосредственно из бюджета военного министерства или других источников – магалов (магального жалованья, т. е. сумм, получаемых некоторыми казаками из разных провинциальных казначейств, помимо бюджета)¹³⁵⁰. Нелишним будет привести выдержку из работы В.А. Косооговского, который кратко, но ёмко охарактеризовал деятельность Н.Д. Кузьмина-Караваева в указанном направлении. «Новый полковник, – писал он, – застав финансы бригады в очень плачевном состоянии, приложил всё своё старание на их исправление и, благодаря содействию русского посланника генерал-адъютанта кн. Долгорукова, который, как военный, очень близко принимал к сердцу интересы русской военной миссии в Персии, в

¹³⁴⁵ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 89.

¹³⁴⁶ В составе ПКБ по-прежнему сохранялись гвардейский эскадрон, конная батарея и музыкантский хор. 3-й полк, вопреки утверждению Н.К. Тер-Оганова [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 70], не был ликвидирован.

¹³⁴⁷ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 149.

¹³⁴⁸ Артамонов Л.К. Персия как наш противник в Закавказьи. Тифлис: Б.и., 1889. С. 23.

¹³⁴⁹ Гоков О.А. Российские офицеры и персидская казачья бригада (1877–1894 гг.) // Canadian American Slavic Studies. 2003. Vol. 37. № 4. P. 402–404.

¹³⁵⁰ Косооговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 394.

первый же год своего командования бригадой вернул отнятые персидским правительством 6 000 т., а во второй год добился прибавки к прежнему бюджету бригады почти 4 000 т. Кузьмин-Караваев был очень бережлив и расчётлив, вернее скуп и нерешителен. К первые три года он уплатил все долги бригады, но зато ничего не заводил нового, рассчитывая сэкономить побольше денег и тогда уже заняться удовлетворением хозяйственных нужд бригады. Выполнить же этот план ему так и не удалось»¹³⁵¹. На самом деле, за время пребывания Н.Д. Кузьмина-Караваева на своём посту, увеличение выделяемых на ПКБ средств превысило 4 000, о которых говорил В.А. Косооговский. Д.Н. Кёрзон писал, что в конце 1889 – начале 1890 гг. в Тегеране существовало 3 «казачьих» полка, «на содержание которых (по 25 туманов или 62 руб. на человека) отпускается по расчёту шестисот человек в каждом полку, так что «казаков» считается 1 800 человек; в действительности же имеется только 2 полка по 600 человек в каждом, т. е. 1 200 человек, которые распределены по 3-м полкам в 400 человек каждый»¹³⁵². Из этой цитаты видно, что полковнику с помощью посланника удалось увеличить бюджет бригады. В основу были положены штаты российских казачьих полков шестисотенного состава. Таким образом, сумма выделялась на штатное, а не на реальное число «казаков». При этом настоящая численность бригады была значительно меньше, о чём будет сказано ниже. К сожалению, точными суммами бюджета на каждый год мы не располагаем. Однако примерное представление о его размере составить можно. Военный аналитик Л.К. Артамонов в своём труде оценивал бюджет ПКБ к 1889 г. в 81 000 туманов или около 250 000 рублей серебром¹³⁵³. Н.Д. Кёрзон, определял в конце 1889 – начале 1890 гг. годовой бюджет ПКБ в 1 024 318 кранов (29 266 фунтов стерлингов), что составляло 102 431 туманов или 291 928 рублей¹³⁵⁴. Таким образом, наметилась тенденция к

¹³⁵¹ Там же. С. 393.

¹³⁵² Персидская армия (Из Times 11 февраля 1890 г.) // СМА 1890. Вып. 42. С. 84.

¹³⁵³ Артамонов Л.К. Персия как наш противник в Закавказьи. Тифлис: Тип. Штаба Кав ВО, 1889. С. 31. В текст его вкралась опечатка. Л.К. Артамонов писал, что бюджет ПКБ равняется 18 000 туманов. Это слишком низкая цифра, к тому же не соответствующая количественно переводу в рубли, сделанному автором. Имелось в виду 81 000 туманов, что равнялось 230 850 рублей, если считать по официальному курсу [Кавказский календарь на 1890 год. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1889. Отд. 1. С. 50]. Однако большинство расчётов в России производились по усреднённому курсу 1 туман к 3 рублям серебром. Следует также заметить, что данные о бюджете относились не к 1889 г. – году издания книги, а к предыдущим годам.

¹³⁵⁴ Curzon G.N. Persia and the Persian Question. London: Published by Frank Cass & Co. Ltd, 1966. P. 595. В 1889–1890 гг. официальный курс тумана к рублю составлял 1 туман к 2 рублям 84 $\frac{3}{4}$ копейки (в своих расчётах мы округлили сумму копеек до 85) курсу [Кавказский календарь на 1890 год. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего

увеличению бригадного бюджета. Следует отметить, что в этих суммах не учитывались содержание офицеров и пенсионеров третьего полка и магальное жалование некоторых «казаков», получаемое ими из других источников¹³⁵⁵. Благодаря Н.С. Долгорукому, в начале службы полковника в Персии с военным министром Сердар-е Коллем¹³⁵⁶ были согласованы сроки выплат из бюджета Военного министерства и сроки отчётов по израсходованным средствам¹³⁵⁷.

Л.К. Артамонов писал, что вся сумма, предназначенная в качестве бюджета ПКБ, «непосредственно из казначейства поступает в руки полковника-инструктора, который и расходует её на нужды бригады»¹³⁵⁸. Однако здесь исследователь выдавал желаемое за действительное. На самом деле, финансовые затруднения, возникшие при первой Заведующем и разросшиеся при втором, изжиты не были. «Бережливость и расчётливость» Н.Д. Кузьмина-Караваева, как нам представляется, основывалась не только на желании поддержать финансовый порядок в ПКБ. Очевидцы, наблюдавшие бригаду в 1886–1889 гг., отмечали стремление сэкономить

гражданской частью на Кавказе, 1889. Отд. 1. С. 50], хотя для простоты всегда считали как 1 к 3-м. В тумане было 10 кран.

¹³⁵⁵ Развёрнутую характеристику магала дал В.А. Косоховский. «Деньги на содержание, получаемое в Персии, черпаются из двух различных источников: а) часть малиатов (малиат – налог, вносимый деньгами или натурой) известной провинции прямо ассигнуется по особой росписи, называемой дастур-уль-амаль, на определённые расходы, поименованные в этой росписи. В числе подобных расходов в росписи прямо поименовано: в жалованье (пенсию, пособие) таким-то и таким-то лицам, – столько-то и столько-то в год, т.е., значит, каждый получатель имеет на каждый год свой определённый, постоянный, именной источник, или магал. Магал этот может по желанию получателя и по соглашению с правительством переводиться из провинции в провинцию (но, впрочем, не иначе, как с 9 марта (Новый год у иранцев считается с 9 (21) марта) по 9 марта следующего года). Тогда провинция, на которую переведён вновь магал, жалованье известного лица, уже на столько же не доплачивает правительству на другие расходы правительства. Обратное: та провинция, из которой переводится вышеупомянутое жалованье в другую провинцию, на такую же сумму доплачивает правительству на какие-нибудь другие требования правительства или додаёт наличными деньгами. Таким образом, общая сумма всех податей, получаемых государствам, остаётся непременно одна и та же ... б) Но это только одна часть жалованья из постоянных, определённых, именных магалов – явление совершенно своеобразное и для европейца новое, странное и на первых порах даже не совсем понятное. Другая же часть лиц, коим назначено правительственное жалованье, получает его ... прямо из государственного казначейства. Провинции вносят причитающиеся на их долю ежегодные подати в общую государственную кассу, и затем уже провинциям дела нет, куда деваает и как распределяет само правительство полученные им государственные доходы. Итак, остальной части лиц, не имеющей определенного магального жалованья, правительство уже само выдаёт жалованье прямо из казначейства» [Косоховский В.А. К характеристике общественно-экономических отношений в Иране в конце 90-х годов XIX века // Исторический журнал. 1941. № 12. С. 83]. Магал (махал) также представлял собой административную единицу, отдававшуюся правительством феодалам как наследственно или временное владение. Он состоял из нескольких селений и их округ, по политическим, историческим, этнографическим или топографическим причинам имевшим общие интересы, или отданные правителями в качестве наследственного или ленного владения мелким феодалам. Правители магалов назывались меликами или беками. Одно из селений считалось главным, и к его начальству, наibu, обращались за решением разных общественных дел. Магалом также называли части больших селений, в частности, города Дербента. В каждом магале существовала мечеть, и в этом смысле это слово означало «приход» [Сборник статистических сведений о Кавказе. Т. 1. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского и Меликова и К, 1869. С. 83].

¹³⁵⁶ В 1886 г. Камран-мирза не был военным министром.

¹³⁵⁷ РГВИА. Ф. 401. 1885. Св. 1100. Оп. 4. Д. 57. Л. 4.

¹³⁵⁸ Артамонов Л.К. Персия как наш противник в Закавказьи Тифлис: Тип. Штаба Кав ВО, 1889. С. 31.

практически на всём. При чём исходило оно как от персидского правительства, так и от полковника.

Военным министром Персии в 1880-х гг. преимущественно был Камран-мирза Наиб ос-Солтане, 3-й сын Насреддин-шаха. Не смотря на «внимательное отношение к европейцам, особенно к русским»¹³⁵⁹, в России он считался англофилом. «Слишком суетлив, слишком любезен, но за этим скрывается неискренность ... в нравственном отношении ... это лгун, грабитель и развращённый человек ... Питает намерение добиваться по смерти шаха престола и в этих видах создаёт себе приверженцев среди войск и заискивает перед русскими», – резюмировал свои впечатления от встреч с ним побывавший в 1895 г. в Персии А.Н. Куропаткин¹³⁶⁰. «Красив, хитёр, но ничего не смыслит в военном деле, хотя и военный министр», – писал о нём Мисль-Рустем¹³⁶¹. Камран-мирза был абсолютно не способен к военному делу. В своей должности он видел солидный источник для удовлетворения своих широких жизненных потребностей¹³⁶². «Во главе Военного министерства стоит военный министр, «Эмир-Кебир», Наиб ос-Солтане, сын шаха, человек лет 40, тучный, красивый, ленивый, по-персидски грамотный, ничего не понимающий в военном деле, немного болтающий по-французски, по-немецки, по приёмам очень двуличный и вежливый, всегла как будто думающий о чём-то важном, а между тем интересующийся не военным делом, а банею», – писал о Камран-мирзе один из офицеров ПКБ¹³⁶³. «Сферой наиболее беззастенчивого хищения «всех и вся» является Военное министерство, во главе которого стоит третий сын шаха и первый обиратель своего ведомства Камран-мирза, имеющий титул Наиб ос-Солтане, т. е. Наместник государя. Этот красивый, напыщенный, разжиревший, ленивый, двуличный, но изысканно-вежливый принц ... ровно ничего

¹³⁵⁹ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 77. Правильнее было бы сказать – заискивающее. Как сообщал тот же автор, шах был всегда недоволен, если на приёмах или других значительных мероприятиях отсутствовали русские офицеры и спрашивал с военного министра [Там же. С. 80]. Поэтому, Камран-мирза старался во всём угодить шаху, чтобы не потерять его расположения. Соответственно, угодничал он и по отношению к инструкторам. Впрочем, «тонкая азиатская дипломатия» нашла здесь выражение в том, что внешне Камран-мирза старался угодить, а подспудно – если не навредить, то извлечь для себя пользу не считаясь с делами ПКБ. К началу 1890-х гг. вторая сторона его поведения стала явно преобладающей.

¹³⁶⁰ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 21–22.

¹³⁶¹ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 67.

¹³⁶² Curzon G.N. Persia and the Persian Question. London: Published by Frank Cass & Co. Ltd, 1966. P. 422.

¹³⁶³ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 84–85.

не понимает в военном деле и не только в качестве Эмир-Кебира (военного министра), но и с нравственной стороны пользуется у персов весьма плохой репутацией», – писал о нём А.М. Алиханов-Аварский¹³⁶⁴. «Он очень разбогател, пользуясь, главным образом, содержанием офицеров и получая при всяком утверждении бюджета полков и наград пишкеши чуть ли не по таксе самим им установленной»¹³⁶⁵. Учитывая склонность Камран-мирзы ко взяткам в виде пишкешей, его влияние на шаха (он был любимым сыном¹³⁶⁶), прямую подчинённость ему командира российских инструкторов и ПКБ, именно он стал определяющим лицом в судьбе бригады вплоть до смерти шаха в 1896 г. Н.Д. Кузьмин-Караваев вынужден был приспособливаться к условиям финансирования, диктовавшимся военным министром, и экономить на всём. Результатом стал упадок ПКБ, о чём подробнее будет сказано ниже.

Схему экономии и расходования сэкономленных денег один из офицеров ПКБ в своих воспоминаниях нарисовал очень чётко. Хотя она касалась ситуации в пехотных полках, однако её смело можно применить и к бригаде. «Командир, части, положим, полка в 800 человек, – писал Мисль-Рустем, – получает на солдат жалование по 1 туману в месяц с обмундировкой, что составит в год 9 600 туманов, да по 12 шай (шай – мелкая иранская монета, около 2,5 копеек) кормовых на человека, что составляет в год тоже 17 520 туманов. Теперь, чтобы от этих сумм составить в свою пользу сбережение, командир поступает так: он знает, что никакого контроля над его действием не полагается, а потому, по просьбе солдат, половину сарбазов, а то гораздо большее число он отпускает по домам для обработки полей и на другие работы, за что лишает солдат кормовых, а зачастую и половину жалования, – в Персии все это практикуют и знают, – так что у командира остаётся около половины кормовых, числящихся в пользу солдат, что и составит около 40 000 рублей. Но не нужно думать, что все эти деньги останутся у него в кармане ... Он должен около половины нажитого поднести в подарок Наиб ос-Солтане, военному министру, и разным мирзам, тайным контролёрам, или вернее

¹³⁶⁴ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 125.

¹³⁶⁵ Там же. С. 125.

¹³⁶⁶ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 71. Впрочем, любимцем шаха в 1880-х гг. был племянник одной из его жён Малиджек. «На салямах, выходах шаха, его ставили выше, чем Наиб ос-Солтане ... Любовь шаха к этому мальчику (ему было около 10 лет – О.Г.) непонятна», – писал один из российских инструкторов в своих очерках [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 62].

шпионам при военном министре, – за их молчание и скромность; а если это большой полк, то должен поднести на смотру и самому шаху в виде блюда с золотом ... С офицеров командеры тоже берут половину жалования, если разрешат им отпуск; сверх того, каждый должен привезти из отпуска пишкеш натурой»¹³⁶⁷.

Имелась и вторая сторона медали. Мы не случайно подробно остановились на событиях второй половины 1886 г., связанных с финансовым обеспечением главы русской военной миссии. В.А. Косоговский верно подметил, что Н.Д. Кузьмин-Караваев был скуп, хотя нерешительным его назвать сложно. Скорее всего, он был не просто скуп, но и умело приспособился к существовавшей в Персии действительности. Особенности расходования финансовых средств ПКБ нами уже были изложены выше. Из сведений, приводимых Мисль-Рустемом, следует, что полковнику просто необходимо было быть бережливым. Однако тот же автор прямо говорил, что «по-видимому, полковники метят на это место, как в старину командеры полков назначались (в России – О.Г.) обыкновенно для поправления домашних обстоятельств ... и отчасти верно»¹³⁶⁸. Данную мысль Мисль-Рустем подавал не прямо, а в контексте защиты интересов «русского дела». Говоря о том, что у Заведующего следовало бы изъять из ведения хозяйственную часть ПКБ, он мотивировал это тем, что «такое положение дел создаёт только худое мнение о русских в Персии и вызывает раздоры между самими русскими инструкторами»¹³⁶⁹. Указанный автор и говорил о том, что нападки за хозяйственную часть были на всех трёх Заведующих. Тем не менее, обвинение российских офицеров в желании «поправить свои дела», как нам представляется, было вызвано главным образом наблюдением за деятельностью Н.Д. Кузьмина-Караваева.

Как уже отмечалось, главной финансовой задачей Н.Д. Кузьмина-Караваева на посту Заведующего была экономия средств. Её результаты сказались довольно быстро. Наблюдавший ПКБ во время первого срока пребывания полковника в Тегеране Мисль-Рустем оставил яркое и детальное описание положения дел. Так, описывая внешний вид казарменных и хозяйственных помещений ПКБ, он замечал: «Но если вы взгляните лучше в эти помещения, то вся иллюзия от живописности

¹³⁶⁷ Там же. С. 119.

¹³⁶⁸ Там же. С. 150.

¹³⁶⁹ Там же. С. 150.

декораций пропадёт: стены и потолки оказываются серыми и с рыжими пятнами от течи дождевой воды и сырости. Развешанные черкески и бурки, купленные в России, поедены молью, гнилые. Сёдла сделаны из мягкого дерева ... и т. д. – всё существует больше на показ»¹³⁷⁰. Отмечая качественный внешний вид и продуманную планировку казармы, особенно оригинальные кровати-шкафы, устроенные при А.И. Домонтовиче, Мисль-Рустем писал: «но не советую заглянуть в подобные шкафы, – вы найдёте там массу паразитов и грязи. В каждой комнате имеется до 150 подобных кроватей, но если вы войдёте туда ночью, то найдёте занятыми не более тридцати. Дело в том, что нижние чины большею частью женаты и ночуют дома; да к тому же на казармы и дров не отпускают. В них ночуют только «байгуши», т. е. одинокие бедняки, и заставить ночевать там всех невозможно»¹³⁷¹. «Между тем, – замечал он, – все приезжающие и посетители казарм удивляются, как всё хорошо устроено русскими»¹³⁷². В том же духе был оборудован и лазарет бригады: внешне блестяще, внутренне – убого. Возглавлял его главный лекарь – «хеки́м-баши» – «принц “шах-заде” ... не имевший понятия о лечении, но был известен во всём Тегеране своим красноречием». «На лекарства командиры бригады, русские полковники, не были щедры, а потому баночки в аптеке стояли всегда пустыми, как и самые кровати, так как даже редкие из больных, которые обращались к хеки́му, не оставлялись им в лазарете, а гнались лечиться домой, за отсутствием казённых средств. Когда же казармы осматривали европейцы, то хеки́м-баши клал в постели, на время, здоровых людей. Раз я был с шахом при осмотре им лазарета, и заметил, что все баночки наполнены какими-то цветными жидкостями и порошками. Я был крайне удивлён, но когда хеки́м-баши подошел к шаху с рапортом, в котором он назвал его полным титулом, который был очень длинен, и когда шах, выслушивая его, улыбался, то я понял всё. За длинным титулом он доложил, что русский полковник отпускает ему “хезар”, тысячу туманов (туман около 3 руб.), а потому больных у него нет и аптека полна медикаментами и даже клистирной трубкой. Когда же потом спросили его, что у него было в баночках, то он добродушно ответил: “Вода, известь, краска и т. д. — нужно же

¹³⁷⁰ Там же. С. 144.

¹³⁷¹ Там же.

¹³⁷² Там же. С. 145.

поддержать русского полковника, а то он меня проглотит”. (Он страшно боялся полковника Ч.)»¹³⁷³.

Не лучшим было и обучение «казаков». Велось оно, как отмечалось, по сокращённым русским уставам. «В отдельности каждый всадник в Персии природный кавалерист, и, можно сказать, очень хороший, – характеризовал особенности работы с личным составом ПКБ один из её инструкторов, – повторяю, что из подобного материала можно бы составить чудные лёгкие полки, если бы ввести в них дисциплину и выкинуть из строя стариков и мальчиков, которые выезжают несмотря на то, что первым около 60 лет, а вторым меньше 16, лишь бы только пополнить число всадников»¹³⁷⁴. «Уставы даются персам легко и офицеры скоро изучивают команды, но чистоты в построении мало, – писал тот же автор, – ... Главное ... чему обучают бригаду, как и весь гарнизон, это – “дефиле” – церемониальный марш: на нём персы помешаны, и правду сказать, бригада ходит церемониалом чудесно»¹³⁷⁵. «Она “обучается” ... военным премудростям лишь настолько, насколько это необходимо для прохождения церемониальным маршем, что составляет альфу и омегу персидских требований и излюбленную *тамашу* (так в тескте – О.Г.) (зрелище) самого шаха и его приближённых», – резюмировал собранные им из разных источников сведения А.М. Алиханов-Аварский¹³⁷⁶. Сами учения проводились очень редко, хотя и чаще, чем в остальных частях тегеранского гарнизона. «То “Мухаррем”, то “Навруз”, то холодно, то распущены люди», – иронизировал Мисль-Рустем¹³⁷⁷. В другом месте тот же автор описывал обучение пехоты в Тегеране. «Во время холода занятий нет, ибо сарбазы босые, хотя и в полутуфлях: значит, 2–3 месяца долой, – писал он, – затем, два постных месяца Рамазан и Мухаррем – тоже долой, так как днём люди голодают и по закону едят

¹³⁷³ Там же. С. 145–146. Хотя эта зарисовка относилась ко времени предыдущего Заведующего, она вполне применима и ко времени заведования Н.Д. Кузьмина-Караваева.

¹³⁷⁴ Там же. С. 139.

¹³⁷⁵ Там же. С. 149.

¹³⁷⁶ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 223.

¹³⁷⁷ Навруз (ноуруз) – новый год в Персии 9–10 марта (21–22 по-новому стилю) [Народы и религии мира: Энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. С. 416]. Мухаррем (арабск. – «заповедный», «священный») – название первого месяца мусульманского лунного календаря. 1-е число – день нового года, праздничный, нерабочий день в мусульманских государствах. Первые 10 дней мухаррема у шиитов являются траурными, посвященными памяти их «великомученика» Хусейна. В эти дни, особенно в 10-й, называемый ашура, шиитское духовенство устраивало религиозные шествия, наиболее фанатичные участники которых занимались самоистязанием (Шахсей-вахсей), а также мистерии на сюжет гибели Хусейна [Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование) // СМА. 1896. Вып. 63. С. 149–154; Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 149].

только после заката солнца; один месяц после лагерей, во время отсутствия шаха, тоже отдых; в Навруз (Новый год, 9 марта) – две недели отдыха. В остальные 6½ месяцев обучение производится 4 раза в неделю, в прохладное время от 8 до 10 часов утра, а в жаркое – от 6 до 8 утра. В один год я вел дневник, и к концу года получился вывод, что занимались учением всего 360 часов в год»¹³⁷⁸. Во многом эта характеристика соответствовала и делам в ПКБ. «Я могу достоверно сказать, что в один год, по веденному одним из русских инструкторов дневнику, бригада занималась немного менее 400 часов», – замечал Мисль-Рустем¹³⁷⁹. «Живут они (“казаки” – О.Г.) ... большею частью вне казарм и собираются только в часы учений, раза два в неделю», – писал А.М. Алиханов-Аварский¹³⁸⁰. «Особенная странность, – замечал Мисль-Рустем, – бригада обучается прикладке из винтовок, но не обучается, как и вся персидская армия, стрельбе. За 6 лет, что я пробыл в Персии, в бригаде не было ни одного учения стрельбы боевыми патронами»¹³⁸¹. Впрочем, это объяснялось просто: пополнить боезапас было негде и нечем – персидский военный министр экономил даже на этом.

Причины парадоксальной для увеличившегося бюджета нехватки средств крылись как внутри ПКБ, так и вне её. Отчасти они были изложены нами в очерке о П.В. Чарковском. Однако общей, «связующей» было то, что персидское правительство стало склоняться в рассматриваемый период в сторону англичан во многом из-за непродуманной и жёсткой политики Н.С. Долгорукого. Поскольку он покровительствовал Н.Д. Кузьмину-Караваяеву, то негласно отрицательное отношение стало переноситься на последнего. Проблема задержки денежных выплат бригаде приобрела серьёзные размеры. Виной этому был, главным образом, военный министр Камран-мирза, экономивший в свою пользу на всём, на чём было можно сэкономить¹³⁸². Хотя он считался англофилом, сказать, насколько

¹³⁷⁸ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 121–122.

¹³⁷⁹ Там же. С. 149.

¹³⁸⁰ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 223.

¹³⁸¹ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 149. Патронный запас не обновлялся, поэтому приходилось экономить боеприпасы. Попытка делать патроны в Иране окончилась неудачей [Персидская армия со слов компетентного русского офицера, 1891 г. // СМА. 1891. Вып. 49. С. 182].

¹³⁸² См. о его финансовых махинациях на разных постах [Из тегеранского дневника полковника В.А. Косоговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 33–35]. Следует, правда, отметить, что важнейшей причиной финансовых неурядиц ПКБ было и то, что изначально не было согласовано и подписано никаких долгосрочных документов, определявших бюджетные ассигнования, их расходование и отчётность. Фактически всё осуществлялось на основе

английские представители при шахском дворе влияли на его поведение относительно ПКБ, за отсутствием достоверных сведений сложно. Вполне возможно, что он действовал из искренних побуждений, стараясь ослабить бригаду. Будучи любимым сыном шаха, он не имел прав на престол, поскольку законным наследником – валиат ом – был объявлен и признан в этом качестве Англией и Россией Мозаффарэддин-мирза¹³⁸³. Однако честолюбие и жадность шах-заде были хорошо известны. «Положение принца Камран-мирзы Наиб ос-Солтане выгодно в том отношении, что живя в Тегеране, он быстрее может захватить весьма значительное личное состояние шаха и, благодаря этому, составить около себя партию», – разъяснялись опасения российского правительства в указаниях, которыми был снабжён в феврале 1887 г. Н.С. Долгоруков¹³⁸⁴. Единственным, кто мог ему помешать в этом, был русский полковник с бригадой. События 1896 г. после убийства шаха доказали это с полной очевидностью¹³⁸⁵. Поэтому естественно, что военный министр, в прямом ведении которого находилась ПКБ, был меньше всего заинтересован в её развитии.

Мисль-Рустем приводил интересный случай, иллюстрирующий указанную проблему. «17 ноября 1887 года, – писал он, – при появлении русских инструкторов на плацу ... заметили, что первый полк казачьей персидской бригады (Мухаджирский – О.Г.) при их приближении вдруг разошёлся совсем с плаца, осталось только несколько офицеров. Спросив, что это обозначает, они узнали, что полк не хочет учиться до тех пор, пока ему не заплатят жалование и не переоденут из рубашек в черкески, так как им холодно ... Через час приехал на плац военный министр и ... велел полковнику выдать людям только часть жалования, так как сам не отпустил всех денег»¹³⁸⁶.

договорённостей российской Миссии с шахом и военным министром каждый раз при назначении нового Заведующего.

¹³⁸³ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 22. Оба другие брата считались ненадёжными и невыгодными для России в качестве будущих правителей Персии [Там же]. По правилам, наследником престола мог считаться только рождённый от каждарской принцессы. Из первых 3-х старших сыновей шаха (всего их было 7 [Туманский. От Каспийского моря к Хормузскому проливу и обратно, 1894 г. // СМА. 1896. Вып. 65. С. 11–12]) таковым был Мозаффарэддин-мирза, родившийся 26 марта 1852 г., в то время, как Масуд-мирза – 5 января 1850 г., а Камран-мирза – 12 июля 1856 г.

¹³⁸⁴ Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 135.

¹³⁸⁵ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 87–88.

¹³⁸⁶ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 151.

В то же время, Н.Д. Кузьмин-Караваев, поставленный в такие условия, вынужден был приспособливаться к реалиям персидской жизни, и превратился в какой-то степени в классического иранского командира. Несмотря на выкладки расходов, произведённые Мисль-Рустемом, из различных источников следует, что Н.Д. Кузьмин-Караваев не прочь был «поправить» свои доходы за счёт вверенного ему подразделения. Деньги ПКБ получал лично полковник, хранились они у персидского казначея бригады, который отдавал их купцам тегеранского базара под проценты. Поскольку расходование средств контролировалось Заведующим, то он зачастую пользовался финансами ПКБ по своему усмотрению. Казначей «по мере надобности доставлял» их «в бесконтрольное распоряжение командира бригады»¹³⁸⁷.

Ещё одним из способов извлечения прибыли из подразделения было сокращение реального числа чинов ПКБ путём отправки части из них в отпуска. Как уже отмечалось, практика эта существовала в иранской армии давно и приносила офицерам, возглавлявшим воинское подразделение, значительную выгоду. «В отпуску сарбазы должны были получать половинное жалование без хлеба, а состоящие на действительной службе в пределах своей области получать $\frac{3}{4}$ жалования», – писал во второй половине 1870-х гг. В.А. Франкини¹³⁸⁸. Половинное содержание полагалось и офицерам, отправленным в отпуск. Реально же получение отпускниками средств напрямую зависело от воли командира подразделения. «Увольняя большую часть сарбазов во временные отпуска, – писал автор статьи в «Военном сборнике», – полковые командиры получают, между тем, от правительства всегда полное содержание по списочному составу частей»¹³⁸⁹.

Помимо проблемы финансового обеспечения, всё время пребывания Н.Д. Кузьмина-Караваева в Персии оставались актуальными «мухаджирский» и «офицерский» вопросы, тесно связанные между собой и с дисциплиной в ПКБ. Отмечая случай 17 ноября 1887 года, Мисль-Рустем характеризовал его в первую очередь как свидетельствующий о низкой дисциплине в бригаде. Отчасти он действительно был прав. Не смотря на старания полковников, возглавлявших

¹³⁸⁷ РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 110.

¹³⁸⁸ Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 12–13.

¹³⁸⁹ [Вревский А.Б.] Персия // Военно-статистический сборник. СПб.: Военная типография, 1868. Вып. 3. С. 29.

бригаду, уравнения в правах и обязанностях отдельных однородных с формальной точки зрения её частей так и не было достигнуто. Мухаджиры по-прежнему составляли привилегированную часть ПКБ. Попытки «привить» бригаде европейскую организацию внутренней жизни, со строгим чинопроизводством, субординацией, равенством между офицерами в одном чине и должности и т.п., оказались неудачными. «Были в бригаде и такие мухаджиры, которые, хоть и были способны к службе, но, так как не могли попасть в офицеры и видя в офицерских чинах своих же более молодых, да ещё и неродовитых мухаджиров-родственников, из которых многие до сформирования “казачьей” бригады были у них в подчинении или даже служили нукерами у них или у их предков – не захотели оставаться в бригаде и или уходили сами, или подвергались исключению из бригады, как “яжки” (непокорные, бунтовщики)», – писал относительно указанных проблем В.А. Косоховский¹³⁹⁰. Речь шла, прежде всего, о знатных мухаджирах. Многие из них не могли смириться с тем, что в бригаде назначение на должности и производство в чины происходило не по традиции – за пишкеши и знатность, – а за заслуги. Высокий их статус в персидском обществе давал им возможность практически безнаказанно сопротивляться излишней, по их мнению, требовательности российского полковника. Пытаясь избавиться от «балласта», сменявшие друг друга Заведующие сталкивались с оппозицией со стороны мухаджиров, не желавших терять «тёплое место» и постоянное жалование, но при этом и не стремившихся особенно напрягаться, выполняя свои служебные обязанности. Сменивший Н.Д. Кузьмина-Караваева полковник ГШ Н.Я. Шнеур писал: «высшим наказанием было до сих пор исключение из бригады ... но те (*исключаемые* – О.Г.) подавали шаху прошение, и он их приказывал зачислить снова в бригаду как опытных казаков»¹³⁹¹. Результатом стало сохранявшееся в ПКБ до середины 1890-х гг. расслоение по статусному признаку между знатными и незнатными мухаджирами и немухаджирами, а также неоправданный рост офицерского состава. «Начиная с Домонтовича и до признания персидским правительством 27 пунктов положения от 24 мая 1895 годаа, выработанного Косоховским, мухаджиры бригады держались совершенно обособленно от

¹³⁹⁰ Косоховский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 393.

¹³⁹¹ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 89–90.

немухаджиров, – писал В.А. Косоговский, не понаслышке знакомый с проблемами ПКБ. – Нижний чин мухаджир считал себя выше неродовитого офицера, даже своего начальника, не говоря уже об обер-офицерах, которые считали себя выше генерала немухаджира. Нередко происходили такие явления: простой “казак” из родовитых мухаджиров сидел на почётном месте, а офицер, сын его бывшего конюха или слуги, не смел сесть в его присутствии, и не только почтительно стоял у дверей, сняв сапоги, но нередко подавал ему чай и, в виде милости, достаивался докурить кальян после своего знатного родственника-простого “казака”. Рядовые мухаджиры нанимали за себя товарищей чистить свою верховую лошадь, а при попытках назначать их на казённые работы, открыто бунтовали. Они не только безнаказанно убегали из бригады, когда хотели, но военный министр и сам шах, продолжая втайне видеть в них одну из опор мусульманства, не только смотрели сквозь пальцы на подобные, преступления против дисциплины, но заставляли командиров бригады принимать дезертиров обратно в бригаду и при том не только безнаказанно, но нередко требуя для них награды и пренаивно заявляя при этом: “Да ведь они оттого и уходят от вас, что вы недостаточно цените их”. С таким положением вещей командиру бригады приходилось считаться при всяких назначениях и командировках. Отсюда постоянное стремление мухаджиров объединиться, составить одно крепкое обособленное ядро, чтобы не растаять в общей массе непривилегированных. Все мухаджиры перероднились между собой, и смерть мухаджира скрывали, выставляя подставное лицо вместо умершего, чтобы не выпускать из рук наследственного мухаджирского жалованья»¹³⁹². Это, естественно, отражалось на дисциплине. Проблема осложнялась также сложностями с поощрениями отличившихся «казаков». Заведующий часто не мог отметить лучших в ПКБ наградами, поскольку за них нужно было давать взятки военному министру¹³⁹³.

При Н.Д. Кузьмине-Караваяеве рост количества офицеров в ПКБ продолжался. Как отмечал позднее Н.Я. Шнеур, «каждый полковник, перед уходом, прощальным приказом дарил своему преемнику несколько дюжин новых офицеров ... помимо

¹³⁹² Там же. С. 397.

¹³⁹³ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 90.

стараний Наиба ос-Солтане, который также производил немало»¹³⁹⁴. «По милости шаха и приближённых к нему лиц, – писал Л.К. Артамонов, – в “казачью” бригаду зачисляется много офицеров совершенно негодных или неспособных (особенно из мухаджиров), только для получения содержания»¹³⁹⁵. В первых двух полках на каждые 260 человек приходилось по 40 офицеров. «Не знают даже куда их поместить в строю», – писал Мисль-Рустем¹³⁹⁶. «В третьем полку мухаджиров из 150 человек имеется до 30 офицеров, из которых 20 – никуда не годных стариков», – констатировал тот же автор¹³⁹⁷. К 1889 г. количество офицеров возросло уже до 130 человек¹³⁹⁸. Однако перебор офицеров был проблемой в основном для русских инструкторов. Для самих персов это не имело большого значения. «Такой большой состав офицеров в бригаде, относительно числа нижних чинов, составил бы у нас большое затруднение для строя, – констатировал Мисль-Рустем, – но в Персии это пустяки: офицеров можно ставить по флангам, вместо унтер-офицеров, и никто на это не обидится»¹³⁹⁹. Тем не менее, проблемы для Заведующего всё-таки это создавало, главным образом финансовые. Жалование получалось по чинам: «от 4 туманов в месяц “наиб-е сеюм” – прапорщику – и до 25 туманов “сарханг” – полковнику»¹⁴⁰⁰. Учитывая рост количества офицеров, возрастали и расходы. К тому же офицеров, как правило, в «отпуска» не отправляли и, следовательно, экономить на них было сложнее. Кроме того, сохранялись трудности в отношениях между знатными и незнатными офицерами, а также в схеме подчинения, которую прививали русские инструкторы.

Кроме того, происходил и рост численности унтер-офицеров. «Некоторые эскадроны в бригаде, – отмечал Л.К. Артамонов, – составлены почти целиком из

¹³⁹⁴ Там же. Л. 89.

¹³⁹⁵ Артамонов Л.К. Персия как наш противник в Закавказьи. Тифлис: Тип. Штаба Кав ВО, 1889. С. 28.

¹³⁹⁶ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 146.

¹³⁹⁷ Там же. Для сравнения: в конце 1870-х гг. численный состав кавалерийского полка российской армии предполагал наличие 33 офицеров на 729 строевых и 140 нестроевых чинов [Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М.: Наука, 1973. С. 52].

¹³⁹⁸ Артамонов Л.К. Персия как наш противник в Закавказьи. Тифлис: Тип. Штаба Кав ВО, 1889. С. 31.

¹³⁹⁹ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 148. Такое положение в действительности было практикой персидских вооружённых сил. «Кроме командира в каждом фодже числятся несколько сергенков (полковников) явер-эвелов и явер-доюмов (подполковников и майров), обязанности которых неопределённые, – писал по этому поводу Л.К. Артамонов, – они или инструкторы, или помощники командира, или же просто причислены к батальону для получения жалованья» [Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. 58–59].

¹⁴⁰⁰ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 148.

урядников, в которые повышаются рядовые сарбазы иногда за простое молодечество»¹⁴⁰¹. На внештатных унтер-офицеров казна денег не выделяла¹⁴⁰² и производство их делалось, скорее всего, для того, чтобы «привязать» новоиспечённых урядников к русским инструкторам, стимулировать обучение, дисциплину. «Сарбаз охотно повинуется и чужеземцу-офицеру, – утверждал Л.К. Артамонов, – если последний заботится о нём. Наглядным подтверждением сказанного служит созданная нами в Персии “казачья” бригада, чины которой более верят русскому есаулу-инструктору, нежели своему военному министру и главнокомандующему»¹⁴⁰³.

Большая часть произведённых в штаб- и обер-офицерские чины получала их не за выслугу или заслуги, а другими путями. «В бригаде, как и во всей персидской армии, чины даются по протекции, без экзамена, а русскому полковнику дано право производить самому до чина “султана” – капитана, не доводя до сведения шаха», – отмечал Мисль-Рустем¹⁴⁰⁴. Производство закреплялось фирманом военного министра.

Мисль-Рустем приводил показательный случай назначения в офицеры, случившийся в 1887 г. К Н.Д. Кузьмину-Караваеву пришли два старика лет по 60 каждому и вручили шахские фирманы (указы) «добытые от шаха должно быть через жён, чтобы их приняли в бригаду нижними чинами. Хотя они не годились для строя, но полковник приказал зачислить их во второй полк, чтобы не лишать их содержания, или вернее – пропитания. На учения по старости они не ходили. Но вот настал день, когда шах вздумал посмотреть бригаду в пешем строю: в день смотра, старики, не умея держать порядочно шашки на караул, всё-таки явились в пеший строй. Русский инструктор, обучавший полк, стал их гнать из строя до прихода шаха, но они не хотели уйти, говоря, что желают видеть ясные очи “Шах-ин-ша” – царя царей, и не уйдут. Тогда их поставили в заднюю шеренгу, чтобы они не портили вида. Но каково же было удивление инструктора, когда он, проходя по фронту с шахом, ещё издали увидал опять в первой шеренге, безобразно державших шашки и сторбленно стоявших бородатых стариков. Шах, подойдя к ним, остановился,

¹⁴⁰¹ Артамонов Л.К. Персия как наш противник в Закавказьи. Тифлис: Тип. Штаба Кав ВО, 1889. С. 31.

¹⁴⁰² Там же.

¹⁴⁰³ Там же. С. 39.

¹⁴⁰⁴ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 146.

усмехнулся и сказал: “вижу, вы старые служаки, – молодц”. Они же ему, без церемонии, стали из фронта кланяться и приблизительно держали такую речь: “мы-то молодцы, носили тебя ещё на руках во время твоего похода с отцом твоим Мамед-шахом на Герат¹⁴⁰⁵ (поход этот был лет 50 тому назад), а ты вот, неблагодарный, всё нас держишь нижними чинами”. Шаху очень понравилась эта речь, и он со смехом спросил, чего же они желают? Они отвечали: “чина”, чтобы иметь до смерти пенсию, – и шах им сказал: “мобарек явер”, что значить: “поздравляю майорами”. И вот, два старика-нахала, никуда не годные, сделались майорами и по проходе шаха были выгнаны из строя русским инструктором и никогда больше не показывались в бригаде»¹⁴⁰⁶.

Не удивительно, что из всех офицеров в ПКБ только около 10 % были грамотными, а от ¼ до половины составляли старики, служившие только чтобы получать жалование. «Около половины офицеров (обыкновенно из мухаджиров), – писал Л.К. Артамонов, – стары и негодны и только по протекции шаха или его приближённых числятся в бригаде для получения содержания»¹⁴⁰⁷. Однако были и те, кто старались вникнуть в круг своих обязанностей и действительно получить необходимую подготовку. Они старались во всём подражать русским инструкторам. «Эти офицеры, писал российский наблюдатель, – сейчас же выделяются в строю и выглядят молодцевато»¹⁴⁰⁸. Преимущественно это были выходцы из немухаджиров, стремившиеся повысить свой собственный статус, либо искренне увлечённые делом. Однако немухаджирское происхождение всё равно сказывалось на их отношениях с нижними чинами ПКБ. «Введение дисциплины среди нижних чинов им очень трудно даётся», – замечал Мисль-Рустем¹⁴⁰⁹.

«По сознанию самих инструкторов¹⁴¹⁰, – писал в конце 1890-х гг. М. Алиханов-Аварский, – польза, приносимая ими кавалерийскому делу Ирана, проблематическая

¹⁴⁰⁵ Речь идёт о Гератском походе Мохаммед-шаха 1837–1838 гг. [Бугаева А.Г. Борьба за Герат 1837–1841 гг. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 15. № 39. 58–61].

¹⁴⁰⁶ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 147–148.

¹⁴⁰⁷ Артамонов Л.К. Персия как наш противник в Закавказьи. Тифлис: Тип. Штаба Кав ВО, 1889. С. 31.

¹⁴⁰⁸ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 148.

¹⁴⁰⁹ Там же. С. 148.

¹⁴¹⁰ Видимо, имелся в виду Мисль-Рустем, с работой которого у М. Алиханова-Аварского многое о ПКБ перекликается.

и, с точки зрения военных интересов шаха, оставляет желать весьма многого»¹⁴¹¹. И всё же, несмотря на множество проблем и недостатков, ПКБ оставалась наиболее значимой частью персидской армии, «единственной серьёзной регулярной силой, на которую можно положиться в случае необходимости защищать особу шаха или отстаивать права его наследника на престол»¹⁴¹². Не стремясь сформировать из неё действительную воинскую силу, и тем более не ставя перед собой тех задач, которые были намечены А.И. Домонтовичем, Н.Д. Кузьмин-Караваев пошёл по иному пути. Главное, на что было обращено внимание полковника – внешний вид и внешняя подготовка подопечных. «Если же бригада и имеет молодцеватый внешний вид, – отмечал в 1889 г. российский военный аналитик, – то это всецело надо приписать энергии русских инструкторов – есаулов и наших казаков урядников»¹⁴¹³. М. Алиханов-Аварский критиковал инструкторов за то, что они, получая огромное содержание, не могли подготовить из ПКБ боеспособный контингент, видя корни этого в самих персах «не предъявляющих к этим военным “миссионерам” никаких серьёзных требований, а может быть и тормозящих их деятельность»¹⁴¹⁴. Однако причины этого, как уже отмечалось, были куда многочисленнее и глубже. Помимо системы организации власти и связанного с ней политического мышления, они крылись также и в военной некомпетентности высших лиц Каджарской империи, в том числе и тех, которые отвечали за военное дело. «Начиная от самого шаха и кончая последним из его офицеров, – отмечал в другом месте М. Алиханов-Аварский, характеризуя состояние вооружённых сил Ирана, – в Персии никто не понимает военного дела даже на столько, чтобы отличать существенные его требования от второстепенных; да и никто не предан этому делу, а потому в армии всюду царит глубокая лень и халатность»¹⁴¹⁵. Как уже отмечалось, шах был большой любитель зрелищ. Поэтому главное в обучении ПКБ сводилось к прохождению маршем, джигитовке и, отчасти, рубке. Экономия средств и внешний лоск должны были поддерживать в глазах Насреддин-шаха иллюзию о боеспособности бригады и её важности для обеспечения его собственного положения. Одновременно такие действия были направлены и на поддержание

¹⁴¹¹ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 223.

¹⁴¹² Артамонов Л.К. Персия как наш противник в Закавказьи. Тифлис: Тип. Штаба Кав ВО, 1889. С. 23.

¹⁴¹³ Там же. С. 28.

¹⁴¹⁴ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 222–223.

¹⁴¹⁵ Там же. С. 211.

авторитета российской военной миссии и полковника, возглавлявшего последнюю. Как показали события середины 1890-х гг., о которых будет сказано отдельно, российское правительство не ставило целью создание боеспособной персидской кавалерии, да и армии вообще. Однако, и терять закреплённые позиции оно не желало. Целью бригады было «застолбить» место, чтобы его не заняли англичане, со временем, с конца 1890-х гг. – и немцы. В условиях непрекращающегося соперничества с Великобританией на Среднем Востоке, российские политические деятели действовали единственным возможным методом – запретительным: утверждая своё влияние, они «консервировали» его. Классическим примером этого являлось стремление запретить строительство железных дорог в Персии, ограничение проникновения иностранных товаров и торговцев в северные области Ирана. Одним из проявлений этой политики стало закрытие «порто-франко»¹⁴¹⁶ в Батуми указом царя Александра III от 26 июня 1886 г., фактически запретившее транзит иностранных товаров через Кавказ¹⁴¹⁷. Запрет на закавказский транзит закрепил монопольное положение России на северо-иранских рынках. Даже в середине 1890-х гг., когда было провозглашено, что соревнование с Англией должно отныне «выражаться, прежде всего, в сфере экономических интересов», ситуация мало изменилась. А.Н. Куропаткин – один из вдохновителей активной политики России относительно Ирана – высказывал в докладной записке Николаю II 1895 г. мнение, что смысл этой политики должен заключаться в освоении персидского рынка впрок¹⁴¹⁸. Связано такое поведение было со слабостью позиций России, особенно в экономической сфере, в сравнении с Великобританией. Поэтому многое делалось как бы про запас, на будущее, когда империя будет в состоянии на равных бороться с сильным противником. Это касалось и ПКБ.

«Что же делает эта бригада в Тегеране?», – задавался вопросом Мисль-Рустем.

И сам же отвечал на этот вопрос: «она занимается учением и служит, если можно

¹⁴¹⁶ Зона беспошлинного ввоза и вывоза товаров.

¹⁴¹⁷ Атаев Х.А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII – XIX вв. М.: Наука, 1991. С. 251–252. По сообщению И.А. Зиновьева, англичане очень рассчитывали на сохранение транзита, что позволяло бы им использовать российские железные дороги для доставки товаров в Закаспийский край по пути Тифлис – Баку – Красноводск – Ашхабад [Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 73].

¹⁴¹⁸ Ананьич Б.В. Российской самодержавие и вывоз капиталов. 1895–1914 гг. (по материалам Учётно-ссудного банка Персии). Л.: Наука, 1975. С. 18.

так сказать, рекламой персидских войск в глазах приезжающих иностранцев, которым шах очень любит её показывать»¹⁴¹⁹. ПКБ составляла «украшение столицы и гордость шаха»¹⁴²⁰. На этом акцентировали внимание все российские наблюдатели¹⁴²¹. Характерной является зарисовка Мисль-Рустема об участии ПКБ в традиционных ежегодных скачках, проходивших в Тегеране. «Наконец, раздаётся музыка, – описывал он открытие скачек, – это идут в полной форме персидские полки, стоящие в Тегеране, и персидская конная “казачья” бригада, обучаемая русскими инструкторами. Конечно, последняя со своими сотенными саженными значками, в цветных бешметах и черкесках, более всего привлекает внимание толпы»¹⁴²². «Я видел их на параде, – писал в статье «Times» от 11 февраля 1890 г. Д.Н. Кёрзон, побывавший в Иране сентябре 1889 – январе 1890 гг.¹⁴²³), – и часто встречал на улицах. Персидские “казаки” имеют добрый и воинственный вид и, вероятно, составляют лучшую часть персидской армии»¹⁴²⁴. Бригада к концу 1880-х гг. оставалась «визитной карточкой» как русского влияния при шахском дворе, так и шахской армии. В отдельных частях государства местными управителями стали создаваться отряды по её подобию. Так, губернатором Исфахана, сыном шаха Масуд-мирзой Зелл ос-Солтане было сформировано 3 «казачьих» полка, составленных «из луров, арабов, негров и других народностей, и по выучке хуже тегеранских»¹⁴²⁵. В 1889 г. по повелению шаха, посетившего Тебриз, здесь было

¹⁴¹⁹ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 149.

¹⁴²⁰ Персидская армия (Из Times 11 февраля 1890 г.) // СМА 1890. Вып. 42. С. 84.

¹⁴²¹ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 224; Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. 83.

¹⁴²² Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 96.

¹⁴²³ Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке (XIX – начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. М.: Наука, 1990. С. 138; Curzon G.N. Persia and the Persian Question. London: Published by Frank Cass & Co. Ltd, 1966. P. 1.

¹⁴²⁴ Персидская армия (Из Times 11 февраля 1890 г.) // СМА 1890. Вып. 42. С. 84–85.

¹⁴²⁵ Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. 83. «В Исфахане Зелл ос-Солтане раньше держал в своих видах часть подобной кавалерии (по образцу «казаков» – О.Г.), – отмечал Мисль-Рустем, – которая обучалась вышеописанным сартипом Керим-ханом (из водоносов) (который были изгнан из ПКБ П.В. Чарковским – О.Г.), бывшим раньше под начальством русских инструкторов; в конце концов потом эта кавалерия была распущена по домам, по приказанию шаха» [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 137]. В Исфахане «казаки» были обеспечены достаточно неплохо по персидским меркам. Так, только здесь и в Тегеране существовали казармы для кавалерии [Там же. С. 136]. Объяснялось это особым положением старшего сына шаха [Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 21]. Масуд-мирза Зелл ос-Солтане (титул, в переводе означавший «тень шаха») был старшим сыном Насреддин-шаха. «Личность принца Зелле-султана – такое замечательное явление само по себе, что быть в Персии и не познакомиться с ней и с её деятельностью – просто преступление. Хотя его все называют Зелле-султаном,

т. е. тенью султана, но это не имя его, а только часть громадного титула, который читается так: его высочество, светлейший, священнейший, славнейший, самый похвальный, высочайший, счастливейший, важнейший, величайший, принц, десница государства, тень султана, султан-Масуд-мирза ... он поражает европейца своим светлым умом, положительным знанием истории и политического положения главных государств мира, так что вообще трудно сказать, что представлял бы из себя этот человек, если бы получил европейское образование и лично видел Европу» [Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 37]. Фатхали-шахом был установлен принцип престолонаследия, согласно которому наследником шаха мог быть только старший сын, родившийся от принцессы шахской крови, т.е. каджарки [Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 102]. Так как мать Масуд-мирзы была простого происхождения, он был исключён из престолонаследия. Шах не любил своего преемника, поэтому «оказывал почести Зелл ос-Солтане, добавляя провинцию за провинцией к владениям, которыми правил честолюбивый и жестокий принц из Исфахана» [Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 136]. К 1882 г. принц управлял приблизительно третьей частью Персии. С 1874 г. «Под его верховною властью было собрано несколько провинций: Исфахан, Фарс, Йезд, Кум, Каман и друг., – писал русский исследователь. – Он же назначал от себя, с утверждением шахского правительства, особых правителей, подчинённых ему безусловно и не имевших никаких сношений с Тегераном» [Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование) // СМА. 1896. Вып. 63. С. 128]. Он набрал и обучил несколько полков, которые он вооружил 6 000 винтовок системы «Маргини-Генри», таким образом создав войско, считавшееся лучшим в стране» [Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 136]. И английские, и русские наблюдатели разделяли отношение к правителю Исфахана. «Масуд-мирза Зелл ос-Солтане был порочным, бессовестным тираном, – отмечал Ф. Казем-заде. – Рональд Томсон, обхаживавший его по долгу службы, описал, как принц, «ожидая роста цены на зерно, скупил по номинальным ценам большое количество зерна. Когда голод, который, как он надеялся, принесёт ему необычайно высокую прибыль, не наступил, то Его Императорское Высочество постарался продать это зерно по принудительно высокому ценам. Вспыхнули беспорядки, и они были подавлены только с помощью двух войсковых полков» [Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 156]. Масуд-мирза «был человек в летах, с косиной на один глаз, отчего имел отталкивающую физиономию: враг русских, приверженец англичан, деспот и жесток со всеми, – писал Мисль-Рустем – ... Зелл ос-Солтане не был признан Россией («валиятом»), которая утверждает их по Туркманчайскому договору, потому что его мать была из крестьянок, рабынь, ... Зелл ос-Солтане знает только болтать по-английски: он очень богат, держит свои капиталы в Англии и мечтает достичь престола, которого лишён из-за происхождения своей матери, надеясь на поддержку простого народа и на свои капиталы ... С Зелл ос-Солтане был интересный случай, о котором, конечно, многие и не слыхали. Вот что о нём рассказывают англичане, которые находят его обиженным будто бы Россией и поддерживают в нём надежду, что возведут когда-нибудь и его на престол, – прислали ему в 1886 году орден Индийской Звезды, который даётся ими своим вассалам в Индии ... Богатство нажил себе Зелл ос-Солтане, как говорят, прямо варварством и насилием: он вешал без церемонии всех богатых ханов у себя в провинции, если они не несли ему своих богатств, чем и чванился между простым народом» [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 66–68]. Интересные зарисовки идеалистического характера оставил о шах-заде Евгений Михайлович Белозерский, побывавший в Иране в 1885 г. Зелл ос-Солтане действительно составлял «исключение из целого ряда персидских правителей» [Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 40]. Принц был неплохим администратором и действительно проводил рациональную политику, направленную на укрепление своей популярности в стране. Он отстраивал и укреплял древнюю столицу Сефевидов Исфахан, покровительствовал армянам, заигрывал с духовенством, протезировал дервишам, устраивал представления для народа. «Зелл ос-Солтане, – отмечал Е.М. Белозерский, – умён и политичен, и как наружным образом может провести очень умного человека» [Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 47]. Как отмечал русский путешественник в 1898 г., «несмотря на то, что Зелл ос-Солтане слышит среди населения за кровожадного деспота, он имеет массу приверженцев среди персидских патритов, которые видят в нём надежду будущей самостоятельности и величия Персии» [Ломницкий, С. Персия и персы. Эскизы и очерки. 1898–1899–1900 гг. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1902. 147–148]. Как умный политик, сын шаха заигрывал и с Россией [Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 48]. В инструкции министра иностранных дел Н.С. Долгорукову в феврале 1887 г. Н.К. Гирс указывал следующее. «Старший сын шаха Зелл ос-Солтане – изворотливый и энергичный, преследует свои честолюбивые планы. Среди окружающих шаха лиц он приобрёл себе многочисленных сторонников. Шах вверил ему в управление треть всей Персии и разрешил ему иметь свою армию. Доказательством честолюбивых замыслов Зелл ос-Солтане могут служить как его настойчивые старания сблизиться с нашими представителями в Тегеране, так и конфиденциальные объяснения, в которые он вступил с тайным советником Мельниковым в конце 1885 г. при посредничестве Яхья-хана Мушир од-Доуле. Зелл ос-Солтане начинает понимать невозможность оспаривать права законного наследника и что он не столько думает о престоле, сколько о средствах обеспечить себя от мщения Мозаффарэددина, в случае его воцарения. Поддержки просит у России, но доверять ему нельзя, так как с тем же успехом он заискивает и у Англии» [Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 135–136]. До 1888 г. Зелл ос-Солтане формировал в своих владениях собственную армию, надеясь, видимо, с английской поддержкой в случае смерти шаха захватить престол [Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1887. С. 555]. «Военное дело – душа Зелле-султана, а войско – любимое детище его, на которое он не жалеет денег и которое поражает европейца своей выправкой, опрятной формой и своим интеллигентным видом», – писал Е.М. Белозерский [Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 41]. «По-персидски есть выражение: “если хочешь привязать к

себе войско, хорошо содержи его”, – отмечал тот же автор. – Зелл ос-Солтане, очевидно, очень хорошо постиг эту истину и для солдат ничего не жалеет, чтобы только привязать их к себе. Что он ищет популярности между ними, это видно из его отношения к их начальникам: он скорее примет сторону солдата, нежели начальника ... начальники боятся, а солдаты любят его и готовы за него в огонь и в воду!» [Там же. С. 43]. «В Исфохане у сына шаха, Зелл ос-Солтана, войска обучаются как и в Тегеране и, насколько я видел, нисколько не уступают тегеранским, отмечал Мисль-Рустем [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 123]. Здесь были и австрийские, и немецкие инструкторы, и бывшие «казаки» (Керим-хан). Немецкие инструкторы сформировали конный фодж Хассеи-Насири. Сначала численность полка доходила до 1 200 человек, но к началу XX в. по приказанию шаха была уменьшена до 400 человек [Риттих П.А. Отчёт о поездке в Персию и Персидский Белуджистан в 1890 году. СПб.: Военная типография, 1901. Ч. 1. Отд. 1. С. 86]. Правда, к середине 1880-х гг. кроме германских инструкторов и бывшего «казачьего» офицера – выгнанного в своё время из ПКБ Керим-хана, или Керим-аги, командовавшего войсками шах-заде – иностранцев в армии принца не осталось – их место заняли персы. В Исфохане находились склады оружия, были сформированы 3 пешие регулярные батареи из 18 новых австрийских орудий Ухациуса, в 1881 г. открыто военное училище [Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1887. С. 555–556; Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1888. С. 48]. В Гашт-е Бехеште по приказанию шах-заде была открыта военная школа, в которой, за исключением одного француза, преподавали персы [Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 48]. «Только в Исфохане, у сына шаха, Зелл ос-Солтане, да в самой столице Персии, Тегеране, занимаются кое-когда и кое-как обучением», – отмечал Мисль-Рустем [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 120]. Правда тот же автор оценивал их подготовку по европейским меркам невысоко. «Слышно было, что у Зелл ос-Солтане войска были лучше, – писал он, – чем у самого шаха в столице, хотя я и сомневаюсь: часть их я видал, и нашёл таких же недисциплинированных солдат, как в Тегеране у шаха» [Там же. С. 68]. «Эта-то популярность принца среди народа и безграничная к нему привязанность войска и восстанавливают шаха против него. Вообще нужно сказать, что в Тегеране сильно боятся Зелл ос-Солтане, начиная с шаха и кончая всеми министрами, из которых каждый зависит от одного слова принца. И есть основание его бояться: он управляет больше чем половиной Персии, у него хорошо обученное и дисциплинированное войско, всё вооружённое европейскими ружьями, заряжающимися с казённой части, тогда как у шаха только его «казаки» имеют эту роскошь; у него свои собственные знамёна, отдельные от шахских; наконец, он умён, самостоятелен и богаче шаха. Не все ли здесь данные для того, чтобы бояться его? Интересно, что шах, слыша о значительном прогрессе в провинциях Зелл ос-Солтане, каждое лето собирается к нему поехать и каждое лето откладывает свою поездку. Его жёны, сыновья, министры, – словом, все те, которые боятся за себя в будущем, отговаривают шаха, говоря: “Куда ты идешь? Неужели ты сам добровольно хочешь дать связать себе руки, чтобы быть посаженным в клетку?”» [Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 45]. В России не зря опасались, что после смерти шах Масуд-мирза будет реально при поддержке англичан претендовать на престол и сможет его захватить. Уже упоминавшийся Е.М. Белозерский вполне наглядно показал сложившуюся к 1885 г. ситуацию. «В виду того, что наследник сравнительно без средств и в долгах, войско его плохо экипировано и плохо обучено и наличные шансы его на возможную борьбу из-за престола довольно слабы. Совсем другое представляет из себя Зелл ос-Солтане, энергичный, деятельный, очень развитой и, что самое главное, очень богатый, так что, говорят, он даже богаче шаха, имеет 50 000 хорошо экипированного войска, обученного европейскими инструкторами. Кто только хоть раз видал Зелл ос-Солтане и мог оценить его способности, тот, понятно, сейчас же скажет, что подобный честолюбивый и сильный человек без боя не уступит своих прав. Действительно, он всё делает, чтобы обеспечить за собой благоприятный исход возможной борьбы ... Теперь посмотрим, как думают и что говорят преданные Зелл ос-Солтане люди. “Зелл ос-Солтане, говорят они, должен быть готовым постоять за себя. Сама логика и здравый смысл говорить за это. Допустим, что в силу какого-нибудь несчастья Зелл ос-Солтане не будет в состоянии сопротивляться и наследник Мозаффарэддин вступит на престол; что тогда последует? Мало хорошего для Зелл ос-Солтане, а для нас ещё меньше. Его схватят, выколуют глаза ... и бросят куда-нибудь в тюрьму или сошлют, – лучшей участи он не должен ожидать ни в каком случае. Нас, его слуг, тоже схватят, с помощью пыток вытянут из нас всё, что мы имеем, и затем, ослепивши, нищими выбросят на улицу”. Таковы их речи и логика, из которых нельзя не заключить, что сочувствующее Зелл ос-Солтане хорошо знают свою участь в случае неудачи; потому все их стремления и направлены к тому, чтобы поддерживать Зелл ос-Солтане. За то заранее можно быть уверенным, что у наследника Мозаффарэдина не будет таких приверженных сотрудников и слуг, и в этом, может быть, уже заранее лежит причина его будущего неуспеха, если только какая-нибудь посторонняя сила не придёт к нему на помощь. В виду того, что шах Насреддин не вечен и что не сегодня, так завтра, после его смерти, будет катастрофа и междоусобная война между двумя его сыновьями, интересно знать, какое положение займёт Россия и какова должна быть её роль» [Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 103–105] В 1888 г. Масуд-мирза попал в немилость у шаха и был лишён и войска и постов. Причины этого назывались различные, но очевидно, что в первую очередь большую роль сыграли опасения шаха за свою власть, а российских представителей – за переход власти после смерти Насреддин-шаха к законному наследнику. Этому сильно способствовали активные связи Зелл ос-Солтане с британскими дипломатами и укрепление личной власти и популярности в подчинённых ему провинциях [Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 135–137]. П.А. Риттих утверждал, что причиной этого была кандидатура, «выставленная последним (шах-заде – О.Г.) на вакантный пост первого министра. Крупная сумма, предложенная шаху за это место, должна была решить дело в его пользу, но тут неожиданно вмешались наш посланник кн. Долгорукий и третий сын шаха Наиб ос-Солтане, который бросился к отцу в ноги и упросил пощадить его отечество и его жизнь, “ибо, – сказал он, – назначение старшего брата первым министром послужит для меня смертным приговором” ... утверждают, что причиною

сформировано 3 сотни «казаков» по образцу тегеранских – «Соваре-е Мозаффер». «В последний свой проезд (с апреля по сентябрь 1889 г – О.Г.) шах повелел сформировать 3 сотни «казаков», – сообщал побывавший в октябре–декабре того же года в Северном Азербайджане капитан ГШ П.К. Артамонов, – возложив это поручение на сартипа Нусрет-доуле (зятя валиата). Сотни действительно были сформированы, одеты однообразно (по-казачьи), но остаются без всякой серьёзной выучки»¹⁴²⁶. В мае 1891 г. посетивший Тебриз русский офицер-инструктор ПКБ указывал, что «казачье» подразделение состоит из 6-ти полусотен (каждая в 50 чел.). Находились «казаки» под начальством ученика русских инструкторов из ПКБ сартип-дуюма Магомед Али-хана. «По отзыву самого сартипа, – писал инструктор, – она («Соваре-е Мозаффер» – О.Г.) обучена неудовлетворительно, так как жалования не дают, вследствие чего люди очень неохотно являются на службу. Вооружение её – шашка, кинжал и карабин Верндля; последних однако не хватает на всех, ибо в складах хранится всего 200 штук»¹⁴²⁷. «Соваре-е Мозаффер» составляли часть гарнизона города и, судя по источникам, на зиму распускались по домам (впрочем, в мае 1891 г. они также не находились на службе¹⁴²⁸). В 1892 г. из милиционных формирований началось формирование «казачьего» полка генерал-губернатором Хорасана, разместившего «казаков» в

не милости шаха был коварный план Зелл ос-Солтане воспользоваться близостью к отцу для того, чтобы свергнуть его с престола и захватить бразды правления в свои руки» [Риттих П.А. Наши сношения с Персией и её историческое положение в XIX-м столетии // Русский вестник. 1896. Т. 244. № 6. С. 80]. «Кое-кто (по мнению Ф. Казем-заде, это был садразам – О.Г. [Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 159]) обратил внимание шаха на то, что валият Мозаффар, т. е. наследник его, не имеет ордена от англичан, тогда как Зелл ос-Солтане его уже получил, – вспоминал Мисль-Рустем, бывший в это время в Иране, – и при этом добавили, что по Персидскому заливу он получил также от англичан тайно несколько тысяч ружей, и что это может грозить бедой самому шаху. Шах сейчас же вызвал его из Исфахана в Тегеран и арестовал в его же дворце, отобрав всё оружие, невзирая на то, что Зелл ос-Солтане представил ему с поклоном много золота. В его же губернаторство были посланы надёжные люди, которые действительно нашли до 3 000 тайно от шаха полученных Зелл ос-Солтане скорострельных ружей, и к тому же на клинке дорогой шашки Зелл ос-Солтане была сделана из алмазов надпись: «Кто войдёт на престол, будет зарублен этой шашкой» (П.А. Риттих утверждал, что на ятагане исфаханского правителя было написано «этой саблей я снесу голову моему брату» [Риттих П.А. Последние события в Персии // Русский вестник. 1896. Т. 244. № 5. С. 329] – О.Г.). Все боялись шахской грозы над Зелл ос-Солтане, который между тем заявил шаху чрез приближённых, что он себя сожжёт во дворце из-за позора быть арестованным, или чтобы шах отпустил его жить в Англию. Но ни того, ни другого не случилось, а, благодаря проискам эндеруна (женщин), главное же матери Зелл ос-Солтане, все прошло мирно. Через месяц Зелл ос-Солтане объяснил нахождение у него ружей тем, что он хотел их преподнести сюрпризом шаху, почему шах, поняв всё-таки замысел, выпустил его, но лишил его правления над многими областями, сделав только губернатором Исфахана без права иметь свои войска, за исключением собственного конвоя» [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 67–68].

¹⁴²⁶ Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. 71, 72, 74.

¹⁴²⁷ Блюмер. Состояние Таврицкого гарнизона в мае 1891 г. // СМА 1891. Вып. 49. С. 41. Предполагалось ещё обучить казачьему уставу 400 всадников из карапахов, но на тот момент идея эта осталась нереализованной.

¹⁴²⁸ Там же.

центральных городах провинции – Мешхеде и Серахсе¹⁴²⁹. В первом городе «казаки» набирались из курдов¹⁴³⁰, а во втором – из джемшидов, сеистанцев и арабов¹⁴³¹. «2 года тому назад было приступлено к формированию 4-х сотенного конного полка по образцу имеющих в Тегеране 2-х “казачьих” полков. Однако формирование это далеко еще не доведено до конца и в настоящее время таких “казаков” имеется в Мешхеде около 100 и в Серахсе 50 человек», – сообщал в 1894 г. В.А. Орановский¹⁴³². Выполняли они преимущественно конвойные функции¹⁴³³. Проезжавший через Буджнурское ханство в 1891 г. российский офицер Л.К. Артамонов писал: «ко мне было назначено (в качестве конвоя для отхраны от туркмен – О.Г.) 13 человек курдских “казаков”, сотня которых составляла как бы гвардию ильхани (правителя Буджнурдского ханства – О.Г.), посаженную на

¹⁴²⁹ Орановский. Военно-статистическое описание северо-восточной части Хорасана 1894 г. // СМА. 1896. Вып. 68. С. 100. Русский генеральный консул в Мешхеде указывал численность «казаков» в городе в 200 человек [Власов. Краткий очерк Хорасана: 1894 г. // СМА. 1894. Вып. 56. С. 187].

¹⁴³⁰ Судя по сообщению Л.К. Артамонова, курды имели «крупные счёты» с местными туркменами-йомудами (йомудами, иомутами), являвшимися, наряду с гокланами (гокленами), «грозою» Северного Хорасана [Артамонов Л.К. Краткий очерк командировки в Персию для военно-статистического исследования Астрабад-Шахрудско-Бастамского района и Северного Хорасана в 1891–1892 гг. // Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан: Воен.-стат. исслед. Л.К. Артамонова, Ген. штаба подполк. Ч. 1–2. Тифлис, Типогр. Канц. Главнач, гражд. ч. на Кавказе, 1894. С. 22–23]. Во многом это объяснялось политикой местных властей. «Туркмены, живущие в персидских пределах, – отмечал Л.К. Артамонов, – разделяются на две больших группы, с незапамятных времён и до ныне враждующие между собою, именно: гокланы, проживающие в Боджнурдском ханстве и йомуды – в Астрабадском губернаторстве ... Находясь между двумя враждебными народностями, йомудами и текинцами, гокланы издавна искали опоры в союзе с курдами Боджнурдского ханства и признавали себя подданными ильхани (правителя ханства – О.Г.), уплачивая ему ежегодные подарки ... С прекращением набегов со стороны текинцев для гоклан потребность в поддержке ильхани и его курдов значительно ослабела и, конечно, не окупает тех налогов, которые несут гокланы. Сознывая это обстоятельство, боджнурдский правитель тщательно поддерживает вражду гоклан с йомудами Астрабадской провинции во имя старого, но верного принципа *divide et impera*. С этою целью совершаются со стороны ильхани курдами, с участием гокланских всадников, аламан (разбойничьи набеги – О.Г. [Андреев А.П. Туркменский аламан (Эскиз) // Исторический вестник. 1902. № 7. С. 109–141; Вотяков Ю.М. Аламан. Социально-экономические аспекты института набега у туркмен (середина XIX – первая четверть XX веков). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1994. 21 с.; Вотяков Ю.М. Аламан: социально-экономические аспекты института набега у туркмен: середина XIX – первая половина XX века М.: МАЭ РАН, 2002. 191 с.] в йомудскую степь» [Артамонов Л.К. Современное положение туркмен в Астрабадской и Буджнурдской провинциях Персии // Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан: Военно-статистическое исследование. Тифлис: Типогр. Канц. Главнач гражд. ч. на Кавказе, 1894. Ч. 1–2. С. 64, 74–75]. Именно поэтому контингент «казаков» формировался из курдов, хотя в боеспособности они уступали туркменам. Персы хотя и считали последних своими подданными, однако «никакого авторитета в глазах туркмен» не имели [Артамонов Л.К. Краткий очерк командировки в Персию для военно-статистического исследования Астрабад-Шахрудско-Бастамского района и Северного Хорасана в 1891–1892 гг. // Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан. Ч. 1-2. Тифлис, Типогр. Канц. Главнач, гражд. ч. на Кавказе, 1894. С. 19].

¹⁴³¹ Орановский. Военно-статистическое описание северо-восточной части Хорасана 1894 г. // СМА. 1896. Вып. 68. С. 101.

¹⁴³² Там же. С. 100

¹⁴³³ Артамонов Л.К. Краткий очерк командировки в Персию для военно-статистического исследования Астрабад-Шахрудско-Бастамского района и Северного Хорасана в 1891–1892 гг. // Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан. Ч. 1-2. Тифлис, Типогр. Канц. Главнач, гражд. ч. на Кавказе, 1894. С. 20.

отличных коней и вооружённую по образцу наших казаков, но без всякого обучения»¹⁴³⁴.

К 1893 г. исполнявший обязанности Заведующего доносил своему начальству, что «независимо от бригады, офицерами ПКБ по казачьему образцу сформированы: в Тебризе 100 человек по штату, Мешхеде – 100¹⁴³⁵, Кирмане – 200, Исфахане – 400. Они содержатся в половинном составе и находятся в распоряжении в Тебризе и Исфахане – сыновей шаха (валиат а и Зелл ос-Солтане), в Хорасане и Кирмане – губернаторов»¹⁴³⁶.

Следует заметить, что «рекламная» сторона деятельности российских военных оказалась довольно качественной. Побывавший во второй половине 1889 – начале 1890 г. в Персии Д.Н. Кёрзон был явно введён в заблуждение по многим параметрам, относящимся к ПКБ¹⁴³⁷. Необходимо остановиться на его сведениях особо, поскольку они составляли в рассматриваемое время основной источник для индийского и английского правительств, а также для британского общественного мнения. В то же время, из них можно почерпнуть важные детали, характеризующие политику Н.Д. Кузьмина-Караваева относительно ПКБ. Д.Н. Кёрзон писал, что в конце 1889 – начале 1890 гг. в Тегеране существовало 3 «казачьих» полка, «на содержание которых (по 25 туманов или 62 руб. на человека) отпускается по расчёту шести сот человек в каждом полку, так что “казаков” считается 1 800 человек; в действительности же имеется только 2 полка по 600 человек в каждом, т. е. 1 200 человек, которые распределены по 3-м полкам в 400 человек каждый»¹⁴³⁸. Полков в бригаде действительно было 3. Однако их «реальный» численный состав никогда до 1890 г. не превышал 1 000 человек. 1 210 человек числилось по штатному

¹⁴³⁴ Там же. С. 22.

¹⁴³⁵ В 1894 г. К.-О.Г. Баумгартен определили численность кавалеристов в Мешхеде «до 200 всадников (соваров) ирегулярных; несут службу в Чирвилаете и получают 20 туманов в год жалованья (при своём коне и вооружении); они обучены по казачьему уставу и находятся в Мешхеде» [Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Вольнского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование // СМА. 1896. Вып. 63. С. 279.)]

¹⁴³⁶ РГВИА. Ф. 401. 1901. Оп. 5. Д. 481. Л. 6.

¹⁴³⁷ Связано это было во многом с тем, что пользовался англичанин официальными источниками. Однако их достоверность была невысокой. «Сведения, публикуемые Главным штабом, – характеризовал методику оценки российским военным ведомством персидских вооружённых сил в 1891 г. русский офицер, – совершенно согласны с официальными данными персидского военного министерства, которое признаёт их за существующую якобы организацию, на деле же ни по дислокации войск, ни даже по нумерации, действительность не совпадает с законом и теорией» [Персидская армия со слов компетентного русского офицера, 1891 г. // СМА. 1891. Вып. 49. С.181] Впрочем, в его работе содержались и другие неточности [Гоков О.А. Персидская казачья бригада в публикациях Д.Н. Кёрзона // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. 2013. № 1087. Історія, Вип. 47. С 171–181; Туманский. От Каспийского моря к Хормузскому проливу и обратно, 1894 г. // СМА. 1896. Вып. 65. С. 69, 70].

¹⁴³⁸ Персидская армия (Из Times 11 февраля 1890 г.) // СМА. 1890. Вып. 42. С. 84.

расписанию, которым, видимо, и руководствовался английский наблюдатель. Реально в ПКБ находилось не более 900 «казаков». Об этом свидетельствуют приводившиеся выше архивные материалы и хорошо знакомый с жизнью бригады Мисль-Рустем. Таким образом, цифры Д.Н. Кёрзона были явно завышенными. Тем не менее, не следует их отбрасывать полностью, поскольку они свидетельствуют о внутренних изменениях в подразделении и о широте финансовых махинаций вокруг ПКБ. Впрочем, была и ещё одна цель – демонизация внешней политики России в Иране для британского общественного мнения. Действительное количество «казаков», которыми располагал Заведующий, было ещё меньше «реального». «Из числа нижних чинов большое количество не несло вовсе службы и числились только по спискам», а в строй выходило не более 300 человек, сообщал в 1892 г. новый командир ПКБ Н.Я. Шнеур¹⁴³⁹. Следует также помнить, что правительство Персии выделяло деньги не из расчёта 25 туманов на человека в год, а 30 – на мухаджиров, 25 – на немухаджиров. Поскольку реальной численности бригады Д.Н. Кёрзон не знал, то, видимо, он исходил из среднего отпускаемого жалования. А оно, на деле, было значительно большим, нежели при расчёте 25 туманов на человека. Отсюда – нестыковка в цифрах личного состава бригады.

Что касается остальных данных, относящихся к распределению чинов ПКБ, то они представляются также не совсем ясными. Скорее всего, английский наблюдатель в своих оценках исходил из средних размеров персидских частей, а не из реального знания положения в бригаде. Об этом свидетельствует его произвольное разделение «казаков» на 2 полка по 600 человек, а также равномерное распределение их по трём полкам. Фоудж – аналог полка в Персии – численностью равнялся европейскому батальону. Поэтому для его обозначения европейцы использовали термины «полк однобатальонного состава» и «батальон» одновременно. Один такой полк в среднем насчитывал приблизительно 900 человек¹⁴⁴⁰. Возможно, именно поэтому Д.Н. Кёрзон для их общей численности взял произвольно указанную среднюю цифру и, суммировав, получил 1 800 «казаков». Хотя, может быть, англичанин ориентировался на русские образцы. Зная,

¹⁴³⁹ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 44.

¹⁴⁴⁰ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М.: Наука, 1973. С. 46.

что ПКБ обучается на основе российских воинских уставов и возглавляется русскими, он мог за основу для определения численности взять кавалерийский полк императорской армии, который насчитывал 902 человека с офицерами¹⁴⁴¹. Вполне допустимым представляется также, что в основу расчётов Н.Д. Кёрзона была положена штатная численность казачьего полка шестисотенного состава¹⁴⁴².

Как бы то ни было, сведения Н.Д. Кёрзона были ошибочны. В действительности третий полк в численном составе всегда был меньше первых двух, да и формальный состав полков не превышал 400 человек. Отсюда, видимо, «лишние» 200 человек у Д.Н. Кёрзона. Относительно чёткое представление о действительной численности ПКБ даёт сообщение одного из её инструкторов ротмистра В.К. Бельгарда. «Казачья Его Величества шаха бригада состоит из одного гвардейского эскадрона и трёх полков, – писал он. – Третий состоит из одних мухаджиров. При бригаде: конная полубатарей из четырёх русских орудий. При сформировании, по штату в каждом полку полагалось по четыре эскадрона, а в третьем – только кадры для четырёх эскадронов»¹⁴⁴³. Тем не менее, сведения о выделяемом жаловании и реальном количестве людей, его получающем важны, поскольку английский корреспондент оперировал, скорее всего, официальными данными. Они подтверждают, что в ПКБ и вокруг неё существовали махинации с финансовыми средствами, хотя размеры их выяснить сложно.

Неопределённость с количественным составом ПКБ сказались, видимо, и на оценке российского командного состава. Д.Н. Кёрзон писал: «Полный комплект русских инструкторов обыкновенно составляли: один полковник, три капитана, один поручик и десять унтер-офицеров; но в настоящее время число их уменьшено до следующих размеров: один полковник, один капитан, один поручик и шесть унтер-офицеров»¹⁴⁴⁴. На самом же деле, состав военной миссии до конца века не изменялся и состоял из 1 полковника ГШ, 3-х обер-офицеров и 5-ти унтер-офицеров¹⁴⁴⁵.

¹⁴⁴¹ Там же. С. 52.

¹⁴⁴² Малукало А.Н. Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг.: организация, система управления и функционирования. Краснодар: Изд-во Кубанькино, 2003. Приложение 3.

¹⁴⁴³ РГВИА. Ф. 401. 1901. Оп. 5 Д. 481. Л. 5.

¹⁴⁴⁴ Персидская армия (Из Times 11 февраля 1890 г.) // СМА 1890. Вып. 42. С. 84. Нужно отметить, что, возможно, в чём-то англичанин оказался прав. В 1888–1889 гг. произошла смена есаула Меняева на подьесаула М.А. Ассиера. Отсюда и два обер-офицера, а не три на момента его пребывания в Иране.

¹⁴⁴⁵ РГВИА. Ф. 401. 1901. Оп. 5. Д. 515. Л. 255.

4.4. Дело об отзыве Н.Д. Кузьмина-Караваева

В 1888 г. Н.Д. Кузьмин-Караваев отбыл в отпуск на кавказские минеральные воды с целью лечения¹⁴⁴⁶. «Болезнь его в то время имела характер скорее общего физического ослабления организма», – сообщал Командующий войсками Кавказского военного округа генерал от кавалерии А.М. Дондуков-Корсаков в Главный штаб 7 ноября 1889 г.¹⁴⁴⁷. Именно с этого момента началась раскручиваться цепь событий, приведшая к смещению Заведующего. Первая поездка на Кавказ была нормально воспринята российским начальством полковника. Но вторая, летом 1889 г., сопровождалась повышенным интересом кавказских военных властей и Военного министерства к делам в ПКБ. Мы остановимся на ней детально, поскольку здесь широко проявились различные особенности функционирования российской военной миссии в Тегеране, взаимоотношений между Заведующим и различными ведомственными структурами империи, дипломатическим посланником и пр. Рассмотрение кризиса второй половины 1889 – начала 1890 гг. также необходимо, поскольку единственное имеющееся в историографии его изложение¹⁴⁴⁸ (за исключением наших работ), страдает информативной скупостью и массой неточностей.

¹⁴⁴⁶ Что интересно, в послужном списке этот факт отражения не получил.

¹⁴⁴⁷ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 1.

¹⁴⁴⁸ Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 81, 137–138. В своём «конспекте» дела об отзыве Н.Д. Кузьмина-Караваева, которое подано ею как выдержка из источника, О.А. Красняк допустила ряд существенных и парадоксальных неточностей. Оставляя вне внимания язык и стиль изложения, заметим следующее. Она пишет: «Сведения, доставленные полковником Кузьмин-Караваевым оказались недостаточными, и Военно-учёный комитет Главного штаба счёл необходимым эти сведения доработать, при этом было выражено недовольство тем, что командование бригады было возложено на есаула Маковкина и поручика Блюмера, не мотивируя ничем определенным и счёл Кузьмин-Караваева не в состоянии заниматься исполнением инструкций Окружного штаба и полагал заменить его» [Там же. С. 137]. В указанном наборе слов неточность накладывается на неточность. Доработать сведения считал необходимым не Военно-учёный комитет, а сам полковник. Он же, а не петербургское начальство, выражал недовольство Е.А. Маковкиным и К.Н. Блюмером, но не тем, что командование было возложено на есаула и поручика (к слову, исполняющим обязанности Заведующего был оставлен Е.А. Маковкин, а не оба офицера). Следующие фразы надёрганы из рапорта А.М. Дондукова-Корсакова начальнику Главного штаба и имеют совершенно иной смысл: Главнначальствующий на Кавказе, а не Военно-учёный комитет посчитал необходимым сменить Н.Д. Кузьмина-Караваева. Кроме этого, хотелось бы обратить внимание на ещё две вопиющие ошибки. О.А. Красняк утверждала словами документа, что «было ходатайство о назначении на место полковника Кузьмин-Караваева есаула Маковкина, как опытного офицера, прослужившего 4 года в Персии и неоднократно управлявшему бригадой в отсутствие ее начальников». Ходатайство действительно было, но о том, чтобы есаул исполнял обязанности Заведующего до прибытия нового полковника. К тому же Е.А. Маковкин прослужил в ПКБ не 4 года, а 4 трёхлетия – это либо опечатка, либо ошибка О.А. Красняк. Наконец, очень интересно подан сюжет со сменой Заведующих в конце 1889 – начале 1890 г. «Командующий войсками Кавказского военного округа А.М. Дондуков-Корсаков, – пишет исследовательница, – даёт распоряжение

Согласно архивным материалам, внимание кавказского начальства, а затем и Главного штаба, обратило на себя отсутствие сведений военно-статистического характера о Персии. Хотя военная агентура и была второстепенной задачей Заведующих, однако её не отменяли. Полковник должен был 3 раза в год подавать в штаб Кавказского военного округа, а через него – в Военно-учёный комитет Главного штаба¹⁴⁴⁹, сведения о персидской армии и результаты рекогносцировок по стране¹⁴⁵⁰. Зимой 1888/1889 г. управляющий делами Военно-учёного комитета Главного штаба генерал-лейтенант ГШ и Свиты его величества Ф.А. Фельдман обратился за разъяснениями к генерал-майору ГШ Александру Семёновичу Зеленому¹⁴⁵¹, исполнявшему обязанности начальника штаба округа¹⁴⁵².

Н.Н. Обручеву об отзывании из бригады полковника Кузьмин-Караваева и назначении на его место полковника Шнеура» [Там же. С. 138]. Естественно, подчинённый, каковым являлся А.М. Дондуков-Корсаков, не мог давать распоряжений своему начальнику – Н.Н. Обручеву. На самом деле, речь шла о ходатайствах первого ко второму.

¹⁴⁴⁹ В рассматриваемое время Военно-учёный комитет являлся органом Главного штаба, целями которого были «направлять специально-ученую деятельность ГШ и топографов и содействовать развитию военного образования в армии» Фактически он был центром аналитической разведки российской армии [Газенкамф М. Устройство и служба русского Генерального штаба. СПб.: Типография штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1886. С. 8; Сергеев Е., Улуян Ар. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914. М.: Реалии-Пресс, 2003. С. 22].

¹⁴⁵⁰ Следует заметить, что сотрудник военной разведки штаба Кавказского военного округа начала XX в. К.Н. Смирнов обращал внимание на то, что Отдел ГШ – орган разведки – «занимаясь много географической частью изучения театра, неглубоко изучал армии соседних государств и не приделывал значения знанию переводчиком военной терминологии» [Смирнов К.Н. «Интеллидженс» Кавказского фронта в период 1878–1918 годов // Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 190]. Сведения, доставлявшиеся офицерами ПКБ, в принципе это подтверждают. Официальные сведения о дислокации армии и состоянии войск Каджарской державы они поставляли относительно регулярно. Но преобладали маршрутные работы и сведения для составления карт.

¹⁴⁵¹ А.С. Зеленой (второй вариант написания фамилии – Зелёный) состоял при штабе Кавказского военного округа и в рассматриваемое время был также помощником председателя Кавказского отдела Императорского русского географического общества [Кавказский календарь на 1890 год. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1889. Отдел 2. С. 205, 232]. Исследователи и знавшие его люди называли А.С. Зеленого основоположником военной разведки Кавказского военного округа [Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 133; Смирнов К.Н. «Интеллидженс» Кавказского фронта в период 1878–1918 годов // Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 163–178]. К.Н. Смирнов утверждал, что А.С. Зеленой возглавлял Отдел ГШ при штабе округа с момента его основания после войны 1877–1878 гг., или с конца 1879 г. [Смирнов К.Н. «Интеллидженс» Кавказского фронта в период 1878–1918 годов // Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 164, 165]. Н.К. Тер-Оганов указывал годы существования Отдела с 1877 до 1903 гг. [Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 11]. Отдел этот был создан под А.С. Зеленого. Однако на Кавказе он появился вновь только в 1885 г.: с марта 1879 г. А.С. Зеленой, состоя формально в распоряжении главнокомандующего Кавказской армией, участвовал русско-турецком и турецко-иранском разграничениях, возглавлял 2-й отдел иностранных сношений и военных представлений Главного штаба (с 1880 г.), участвовал в русско-англо-афганских переговорах по афганскому разграничению на участке от р. Герируд до Амударьи (сентябрь – декабрь 1884 г.) [Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 91]. Лишь 1 февраля 1885 г. А.С. Зеленой был назначен состоять при войсках Кавказского военного округа [Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1899 года. СПб.: Военная типография, 1899. С. 219]. Отдел ГШ, который он возглавил в штабе округа, ведал

В результате, начальник Главного штаба генерал от инфантерии Н.Н. Обручев издал приказ о необходимости подачи сведений о вооружённых силах Ирана. Приказ был доведен до сведения Н.Д. Кузьмина-Караваева. «Тем не менее, слабое здоровье полковника ... не позволило ему ничего выполнить до лета нынешнего (1889 – О.Г.) года»¹⁴⁵³.

В 1889 г. срок службы Н.Д. Кузьмина-Караваева оканчивался. Однако в России считали возможным оставить полковника на 2-й срок на основании

«изучением внутреннего и передового театров и издательством по этой части» [Смирнов К.Н. «Интеллидженс» Кавказского фронта в период 1878–1918 годов // Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 163]. Но когда именно он был создан, точно сказать сложно. А.С. Зеленой действительно с 1879 г. курировал разведку штаба Кавказского военного округа, хотя фактически полноценно исполнять эти обязанности он смог только с 1885 г. Самое раннее упоминание его в документах РГВИА, известное нам, относится к февралю 1885 г., хотя из документов следует что и в 1884 г. Отдел ГШ существовал [РГВИА. Ф. 401. Оп. 4/928. Д. 12]. Точных сведений о составе Отдела ГШ не имеется, но скорее всего, оно состояло из двух отделений. 1-е, судя по всему, занималось военной статистикой, т.е. имело функции обработки разведсведений. 2-е отделение занималось деятельностью негласной военной агентуры в Персии и Турции. 2-е отделение Отдела ГШ штаба Кавказского военного округа по руководству работами и действиями военных агентов в Азиатской Турции и Персии осуществляло общее управление деятельностью негласных военных агентов в штабе округа [Türkiye'de Ermeni meselesi: Rus Genelkurmay Bakanligi belgeleri. Ankara: Türk Tarih Kumumu, 2013. S. 296]. По информации Михаила Казбековича Басханова, название отделения проходит по документам штаба Кавказского военного округа, начиная с 1880-х гг. Первоначально оно именовалось «2-м отделением иностранных сношений и военных представлений Отдела ГШ». По «Кавказскому календарю» Отдел ГШ в составе 2–3-х человек проходит примерно с 1891 г. [Кавказский календарь на 1891 год. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. Отд. 2. С. 303]. Основу Отдела составляли начальник – А.С. Зеленой, заведующий канцелярией, состоящий при войсках округа и по инженерным войскам капитан Михаил Петрович Горох и чиновник на усиление или канцелярист (фактически – переводчик) коллежский ассесор Мирза Шериф Мирзаев. Это даёт возможность предположить, что штатных должностей в Отделе первоначально не было, да и вообще сведения о нём не разглашались. Что касается утверждения, что А.С. Зеленой возглавлял Кавказский отдел Императорского русского географического общества (далее – КОИРГО) [Смирнов К.Н. «Интеллидженс» Кавказского фронта в период 1878–1918 годов // Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 169], то этот тезис нуждается в уточнении. А.С. Зеленой с 1884 г. числился членом Распорядительного совета КОИРГО [Кавказский календарь на 1885 год. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1884. Отд. 4. С. 128], с 1888 г. – был помощником председательствующего, в 1889–1890 гг. исполнял обязанности последнего [Кавказский календарь на 1889 год. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1888. Отд. 2. С. 234; Кавказский календарь на 1890 год. – Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1889. Отд. 2. С. 238; Кавказский календарь на 1891 год. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. Отд. 2. С.353]. Учитывая, что покровителем КОИРГО был глава кавказской администрации, а председательствующим – начальник штаба округа, можно согласиться с тем, что А.С. Зеленой, хотя формально и не был его главой, но фактически возглавлял этот орган. Кроме того, с 1890 г. он являлся членом Закавказского статистического комитета [Кавказский календарь на 1891 год. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. Отд. 2. С. 4]. До 1882 г. он числился только состоящим в распоряжении главнокомандующего Кавказской армии [Кавказский календарь на 1883 год. – Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1882. Отд. 2. С. 105], а затем – состоящим при войсках штаба округа.

¹⁴⁵² Формально 13 августа 1889 г. генерал-лейтенант ГШ В.Н. Троцкий был переведён с должности начальника штаба округа на должность командира 16-м армейским корпусом [Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1899 года. СПб.: Военная типография, 1899. С. 64]. Только 6 октября 1889 г. состоялось зачисление на вакантную должность бывшего начальника штаба Казанского военного округа, до этого долгое время с перерывами служившего на штабных должностях на Кавказе генерал-лейтенанта ГШ Петра Тимофеевича Перлика [Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1899 года. СПб.: Военная типография, 1899. С. 153]. Поэтому А.С. Зеленой в промежутке, пока должность оставалась незанятой, исполнял обязанности начальника окружного штаба.

¹⁴⁵³ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 1–2.

заклучения нового контракта (фактически он повторял текст первого)¹⁴⁵⁴. Летом 1889 г. Н.Д. Кузьмин-Караваев, сдав командование ПКБ есаулу Е.А. Маковкину, вновь прибыл в Тифлис «для отправления на воды». А.С. Зеленой потребовал от полковника рапорт о работах, «которые он имеет представить в окружной штаб», отправив копию последнего в Военно-учёный комитет Главного штаба. Хотя часть работ по военной агентуре Н.Д. Кузьмин-Караваев привёз с собой, предоставить их он отказался, ссылаясь на необходимость доработки. Однако, как оказалось, Заведующий переложил свои обязанности на плечи подчинённых, а признавать свою бездеятельность не желал. «В отсутствие полковника, заведующий бригадой есаул Маковкин, во исполнение бывших при полковнике предписаний Главного и окружного штабов, представил при рапортах ряд работ поручика Блюмера» в том виде, в котором они имелись у Н.Д. Кузьмина-Караваева. Рассмотрение их начальником штаба округа, а затем Военно-учёным комитетом показало, что они «весьма хорошо составлены и не требуют никакой переработки». От начальника штаба Кавказского военного округа поручику была вынесена благодарность, а его работы опубликованы¹⁴⁵⁵.

Нежелание Н.Д. Кузьмина-Караваева предоставить работы по Персии сопровождалось его требованием замены части инструкторов. «Он выразил своё неудовольствие на состоящих при бригаде офицеров есаула Маковкина и поручика Блюмера не мотивируя ничем ... своё неудовольствие, при чём прибавил, что при них он не в состоянии заняться исполнением инструкций окружного штаба и что полагал бы для этого заменить их офицерами Генерального штаба», – сообщал в конфиденциальном письме начальнику Главного штаба от 7 ноября 1889 г. командующий войсками Кавказского военного округа генерал от кавалерии князь А.М. Дондуков-Корсаков¹⁴⁵⁶. Он подчёркивал, что «возбуждение против своих помощников» у полковника было «мало понятное». После пребывания на водах, Н.Д. Кузьмин-Караваев направился в Санкт-Петербург. Здесь он хлопотал перед Ф.А. Фельдманом о замене есаула и поручика и «указал даже на лиц, которыми он

¹⁴⁵⁴ Там же. Л. 96.

¹⁴⁵⁵ Там же. Л. 2–3.

¹⁴⁵⁶ Там же. Л. 2.

желал бы их заменить» – штабс-капитана Дмитриева и поручика Иессена¹⁴⁵⁷.

Формально полковник имел на это право, поскольку при заключении нового контракта Заведующий мог сам подбирать инструкторов. Ф.А. Фельдман не возражал, но, не зная сути дела, отложил решение до консультаций с кавказским начальством. Н.Д. Кузьмин-Караваев то ли неверно понял генерал-лейтенанта, то ли решил воспользоваться предоставившимся случаем. По прибытии в Тифлис он доложил помощнику Главноначальствующего Кавказской администрацией генерал-адъютанту князю С.А. Шереметеву и самому А.М. Дондукову-Корсакову о замене, как уже состоявшемся решении. Введённое в заблуждение начальство не возражало. Однако замена была отложена до получения письменного представления от полковника, который отправился в Тегеран¹⁴⁵⁸.

В конце сентября Н.Д. Кузьмин-Караваев прибыл к месту службы, а 12 октября 1889 г. направил в штаб округа рапорт с ходатайством о «скором назначении офицеров, выбранных им вновь, предоставляя себе в следующем рапорте сделать представление об отчислении есаула Маковкина и поручика Блюмера»¹⁴⁵⁹. Тем не менее, откладывая дело до отправки второго рапорта полковник не стал. 25 октября штабом была получена телеграмма от есаула Е.А. Маковкина, датированная 23 октября. В ней сообщалось буквально следующее. «Поручик Блюмер и я откомандированы полковником Кузьмин-Караваев ссылаясь на своё бессознание вследствие болезни отказался выдать документ о приёме бригады и денег, хотя всё в отличном состоянии и есаул Ассиер¹⁴⁶⁰ может служить присутствующим вследствие отказов отдать экономические (сэкономленные – О.Г.) деньги исключая бюджета без документов нахожу невозможным. Прошу приказ о

¹⁴⁵⁷ Там же. Л. 3, 7. Дмитриев – скорее всего, Август Александрович, в 1888 г. был выпущен из Николаевской Академии ГШ штабс-капитаном с переименованием в капитаны ГШ [Список полковникам по старшинству. Составлен по 1 ноября 1906. СПб.: Военная типография, 1906. С. 89] и состоял офицером для поручений при штабе 17-го армейского корпуса, входившего в состав Московского военного округа. Поручик Иессен Людвиг Людвигович (в архивных документах фигурирует под фамилией «Гессен»), штабс-капитан 1-й Резервной артиллерийской бригады. В 1889 г. окончил Офицерском курсе при Учебном отделении восточных языков Азиатского департамента Министерства иностранных дел и в августе–декабре был командирован в Тегеран в распоряжение посланника для прохождения языковой и страноведческой стажировки [Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Биобиблиографический словарь. – М.: Восточная литература, 2005. С. 94–95; Воевода Е.В. Офицерский курс при Учебном Отделении восточных языков МИД Российской империи // <http://mgimo.ru/library/publications/151032/>]. Сохранилось несколько донесений Л.Л. Иессена из Тегерана на имя управляющего делами Военно-учебного комитета Главного штаба генерала Ф.А. Фельдмана [Сведения сообщены М. Басхановым]. Поручик Л.Л. Иессен должен был, по мнению Н.Д. Кузьмина-Караваева, заменить в ПКБ К.Н. Блюмера, заведовавшего батареей.

¹⁴⁵⁸ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 3–4.

¹⁴⁵⁹ Там же. Л. 4.

¹⁴⁶⁰ Подъесаул Михаил Андреевич Ассиер сменил есаула Меняева скорее всего в начале 1889 г.

выдаче мне подлежащих документов, нужных лишь при окончательном выезде»¹⁴⁶¹. Таким образом, полковник личным решением отчислил есаула и поручика из бригады и отказался выдать замещавшему его во время отсутствия Е.А. Маковкину, документ о приёме бригады и её денежных сумм¹⁴⁶², без чего тот формально не мог сдать должность.

С этого момента между штабом Кавказского военного округа, российской дипломатической миссией в Тегеране и Главным штабом развернулась активная переписка. Для разъяснения был запрошен поверенный в делах 1-й секретарь Миссии М.А. Поджио¹⁴⁶³. В своей телеграмме от 27 октября он сообщил результаты расследования, которое свелось к беседе с Заведующим. Из неё явно просматривается предвзятость Н.Д. Кузьмина-Караваева к своим подчинённым и желание скорее избавиться от них. «Полковник сказал мне, – сообщал дипломат, – что откомандирование есаула Маковкина и поручика Блюмера разрешено было во время недавнего пребывания в Санкт-Петербурге и что штабс-капитан Дмитриев должен прибыть в Тегеран весной, а прибывший сюда для изучения курса персидского языка поручик Иессен должен заменить поручика Блюмера ... полковник отказывается выдать Маковкину квитанцию о приёме бригады, ссылаясь на то, что за исправность бумаг отвечает не Маковкин, а он, полковник»¹⁴⁶⁴.

Сложно сказать, что именно послужило причиной неприязни Н.Д. Кузьмина-Караваева к указанным офицерам. К.Н. Блюмер был его креатурой. Кроме того, он часто выполнял непосредственные задания полковника рекогносцировочного характера и по военной агентуре¹⁴⁶⁵. А Е.А. Маковкин имел богатый опыт службы в

¹⁴⁶¹ Там же. Л. 7.

¹⁴⁶² Там же.

¹⁴⁶³ Там же. Н.С. Долгоруков был уже отозван в Россию. Его место временно занимал поверенный в делах. Прибытие же нового посланника задерживалось в связи с готовившимся в Петербурге обсуждением «железнодорожного вопроса». От него, как увидим ниже, зависели новые инструкции дипломатическому представителю при шахском дворе.

¹⁴⁶⁴ Там же. Л. 7.

¹⁴⁶⁵ Так, в феврале–мае 1887 г. командирован исследовать путь от Тегерана к Персидскому заливу по маршруту Исфahan–Шираб–Бендер–Бушир, в апреле–мае 1889 г. совершил поездку в Мазендеран. Интересно, что и при следующем Заведующем К.Н. Блюмер занимался той же работой: в апреле–мае 1890 г. ездил по маршруту Казвин–Решт–Фюмен–Астара–Ардебиль–Зенджан–Казвин, в 1892 г. изучал пути, ведущие от русской границы к Тегерану через Тебриз, Зенджан и Казвин [Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Биобиблиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005 С. 35, здесь же дан и перечень работ К.Н. Блюмера]. Возможно, это объяснялось его меньшей занятостью в сравнении с другими офицерами, которые командовали полками и были больше заняты обучением «казаков». Впрочем, в штабе Кавказского военного округа некоторые его работы оценивали не слишком высоко. В частности, относительно маршрута Тебриз–Казвин, составленного в 1890 г., было отмечено, что «маршрут этого офицера носит на себе характер исключительно географический; описание совершенно не освещается с военной точки зрения. В маршруте не указано ни позиций, ни бываков, ни возможных ночлегов для войск; в нём не имеется указаний ни о воде, ни о топливе, нет также сведений в какой мере возможно продовольствие

Персии и не раз замещал начальников бригады во время их отсутствия. Из последней фразы телеграммы М.А. Поджио видно, что отказ выдать квитанцию не имел серьёзной мотивации. В новой телеграмме от 2 ноября поверенный в делах изложил претензии полковника. Н.Д. Кузьмин-Караваев утверждал, «что Маковкин не имел права состоять в секретной переписке с генералом Зелёным во время отсутствия полковника из Персии и ... поэтому Маковкин должен быть удалён из бригады». В этом отношении Заведующий был прав – Е.А. Маковкин формально нарушил субординацию. Однако следует заметить, что есаул вынужден был писать А.С. Зеленому, поскольку тот сам запрашивал о сделанных работах по Ирану, которые Н.Д. Кузьмин-Караваев предоставить отказывался. К тому же своё требование об отчислении кавказскому начальству Заведующий подавал до того, как узнал о переписке есаула со штабом округа, да и до самой переписки. Сведения о ней, видимо, вывели Н.Д. Кузьмина-Караваева из равновесия, обострив уже сформировавшуюся неприязнь к Е.А. Маковкину. О её причинах, к сожалению, мы можем только догадываться, как и о мотивах изменения отношения полковника к К.Н. Блюмеру. Однако очевидно, что конфликт между ними назрел не в 1889 г., а раньше, и был связан со служебными делами. Основным «противником» для Заведующего выступал не поручик, а есаул, что видно из его поведения относительно последнего.

Второй претензией Н.Д. Кузьмина-Караваева был якобы существовавший в бригадном бюджете дефицит, образовавшийся за время его отсутствия. «Из представленной мне 28 октября есаулами Маковкиным и Ассиером за их подписями ведомости о состоянии бригадного бюджета оказалось, что в настоящее время бригада располагает не только 5 000 туманов свободных денег, но даже предвидится к 9 марта экономия не менее 19 000 туманов», – сообщал М.А. Поджио¹⁴⁶⁶. Что касается выдачи квитанции, то из разбора поверенного в делах выяснилось следующее. Полковник «снова отказался выдать квитанцию, – писал М.А. Поджио, – под тем предлогом, что будто бы Маковкин за время отсутствия полковника из Персии в прошедшем и нынешнем годах показал в отчётах 600 туманов на

отряда местными средствами ... В этой рекогносцировке не указано даже расстояния между Зенджаном и Казвином» [Обзор Кавказско-персидского театра военных действий. Составлен при штабе Кавказского военного округа. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1899. С. 92, 98].

¹⁴⁶⁶ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 8.

представительство, какового сумма, по заявлению Маковкина, была разрешена ему самим полковником»¹⁴⁶⁷. Резюмировал свой доклад поверенный в делах следующими словами: «мне кажется, что удаление двух опытных ... офицеров, не заручившись новыми офицерами, есть ... более необдуманная со стороны полковника мера, что при расстройстве его нервов он нуждается в опытных помощниках»¹⁴⁶⁸.

Во время указанной переписки всплыл вопрос о здоровье Н.Д. Кузьмина-Караваева. Нужно отметить, что он фигурировал почти в каждом документе дела. Как показало дальнейшее расследование, полковник действительно оказался болен. Однако при прочтении архивных материалов не покидает мысль, что эта болезнь стала хорошим поводом для удаления указанного офицера из Тегерана. А.М. Дондуков-Корсаков особенно подчёркивал, что по возвращении из Петербурга «полковник Кузьмин-Караваев обратил моё ... и других ... внимание усилившимся болезненным состоянием своим, выражавшемся некоторой неясностью речи, прерыванием фраз и значительным нервным возбуждением»¹⁴⁶⁹. О здоровье полковника отдельной телеграммой справлялся у поверенного в делах С.А. Шереметев¹⁴⁷⁰. М.А. Поджио доносил: «из моих бесед с полковником вывожу заключение, что нервы его крайне расстроены»¹⁴⁷¹. В качестве подтверждения он приводил три рассмотренных выше фактора. По нашему мнению, они скорее были ответом на то, что желало слышать начальство. Хотя, конечно проблемы со здоровьем у полковника были достаточно серьёзные. Но он их, видимо, не воспринимал слишком адекватно.

Следует также заметить, что дело об отозвании Н.Д. Кузьмина-Караваева развернулось одновременно со сменой российского дипломатического представителя при шахском дворе. В октябре Н.С. Долгоруков, активно покровительствовавший Н.Д. Кузьмину-Караваеву, был смещён с поста и вернулся в Россию. Возможно, именно на его заступничество рассчитывал и опирался полковник при своей поездке в Петербург.

¹⁴⁶⁷ Там же.

¹⁴⁶⁸ Там же.

¹⁴⁶⁹ Там же. Л. 6.

¹⁴⁷⁰ Там же. Л. 7–8.

¹⁴⁷¹ Там же. Л. 8.

Однако дело приняло не совсем тот оборот, на который надеялся Н.Д. Кузьмин-Караваев. Попытка смены инструкторов стала трансформироваться в смену Заведующего. В ответ на сообщение М.А. Поджио, А.М. Дондуков-Корсаков 4 ноября телеграфировал тому приказ Н.Д. Кузьмину-Караваеву, что «есаул Маковкин и поручик Блюмер должны остаться в бригаде до назначения новых офицеров»¹⁴⁷². Но Заведующий тут проявил настойчивость, граничащую с упёртостью. М.А. Поджио сообщал: «хотя 5 ноября мною передано было полковнику приказание Вашего сиятельства ... он, однако, сегодня об этом распоряжении не объявил офицерам и не приказал им являться на учения ... распоряжение Вашего сиятельства стало известно бригаде и, как говорят, дошло даже до шаха»¹⁴⁷³. В телеграмме командующему войсками Кавказского военного округа от 6 ноября Н.Д. Кузьмин-Караваев писал: «получив приказание Вашего сиятельства, переданное мне поверенным в делах ... имею честь донести, что оба офицера мною отчислены по поданным им рапортам и уже представились его величеству шаху по поводу их отъезда»¹⁴⁷⁴. Это было явное нарушение воинской дисциплины со стороны Н.Д. Кузьмина-Караваева. К тому же подрывало авторитет и престиж русской военной миссии в глазах шаха. Главнначальствующий гражданской частью на Кавказе и командующий войсками Кавказского военного округа генерал от кавалерии князь А.М. Дондуков-Корсаков 7 ноября вынужден был через М.А. Поджио повторить свой приказ¹⁴⁷⁵.

В тот же день А.М. Дондуков-Корсаков написал конфиденциальное письмо начальнику Главного штаба Н.Н. Обручеву. В нём князь изложил ход дел вокруг ПКБ. «Все эти обстоятельства, – сообщал он, – побуждают меня представить настоящее положение дел на усмотрение Вашего превосходительства и военного министра. Я полагаю, что расстроенное здоровье полковника Кузьмина-Караваева не позволяет ему в настоящее время исполнять обязанности службы как управляющего бригадой, так и по сбору статистических сведений, что дальнейшее пребывание в Персии может быть опасно как для ухудшения его здоровья, так и для управления делами инструкторов в иноземной стране, и что немедленный отзыв его

¹⁴⁷² Там же. Л. 9.

¹⁴⁷³ Там же. Л. 10.

¹⁴⁷⁴ Там же. Л. 9.

¹⁴⁷⁵ Там же.

в Санкт-Петербург, где он мог бы поправить своё здоровье ... и замена его новым начальником бригады есть наилучший исход, который можно найти при этих обстоятельствах»¹⁴⁷⁶. Сложно сказать, была ли болезнь полковника единственной причиной, по которой А.М. Дондуков-Корсаков хотел его сместить. Или же князя возмутило поведение Заведующего, который, рассчитывая на покровительство в Петербурге, позволял себе игнорировать приказы начальства. Тем не менее, с начала ноября 1889 г. Главнначальствующий на Кавказе стал активно добиваться отставки Н.Д. Кузьмина-Караваева, ссылаясь на его неспособность управлять бригадой из-за болезни. Поскольку тот был назначен «высочайшим повелением», снять его самостоятельно А.М. Дондуков-Корсаков не мог. Поэтому он ходатайствовал об этом у военного министра (и через него – у императора). Судя по документам, уже в начале ноября князь подобрал кандидатуру на смену Н.Д. Кузьмину-Караваеву. Временное же управление ПКБ он предполагал поручить есаулу Е.А. Маковкину, «как опытному офицеру, отслужившему четвёртое трёхлетие в Персии и неоднократно управлявшему бригадой за отсутствие её начальников»¹⁴⁷⁷.

Мнение кавказского начальства не изменила и следующая телеграмма Н.Д. Кузьмина-Караваева от 11 ноября. В ней он просил разрешения прибыть в Тифлис для личного доклада о положении дел в ПКБ, сдав на время отсутствия дела подьесаулу М.А. Ассиеру, «устранив от такового есаула Маковкина». Своё отношение к последнему Н.Д. Кузьмин-Караваев мотивировал довольно неопределённо. Полковник заявлял: «Поведение есаула Маковкина со дня моего приезда по отношению ко мне крайне оскорбительно для меня, противно воинской дисциплине. Кроме того, доверяя последнему, я по опыту не ручаюсь за порядок, спокойствие в бригаде». Н.Д. Кузьмин-Караваев ставил вопрос ребром: «В случае, если настоящая моя просьба (об отозвании вышеназванных офицеров – О.Г.) не будет уважена Вашим сиятельством, я буду вынужден просить о немедленном моём отчислении от занимаемой мною должности»¹⁴⁷⁸. Полковник не знал, что вопрос о его смещении уже был поднят и поставлен на повестку дня. Не желая объясняться с

¹⁴⁷⁶ Там же. Л. 5.

¹⁴⁷⁷ Там же. Л. 6.

¹⁴⁷⁸ Там же. Л. 12.

Н.Д. Кузьминым-Караваевым до получения ответа из Петербурга, А.М. Дондуков-Корсаков приказал тому оставаться в Тегеране¹⁴⁷⁹.

Во второй половине ноября высшее военное начальство согласилось с доводами А.М. Дондукова-Корсакова. На его письме-рапорте от 7 ноября, полученного Военно-учёным комитетом 16-го того же месяца, военный министр генерал от инфантерии П.С. Ванновский написал резолюцию. В ней содержалось решение «отозвать Кузьмина-Караваева и заменить его другим офицером»¹⁴⁸⁰. Вслед за этим началась официальная переписка между Военным министерством и штабом Кавказского военного округа. Параллельно было начато расследование состояния здоровья Н.Д. Кузьмина-Караваева. В результате, дело затянулось до конца января 1890 г.

В своей записке на имя военного министра в конце ноября А.М. Дондуков-Корсаков вместо Н.Д. Кузьмина-Караваева рекомендовал начальника штаба 2-й Кавказской казачьей дивизии полковника ГШ Н.Я. Шнеура. Он просил, «чтобы эта замена не сделалась гласной», отозвать Н.Д. Кузьмина-Караваева не в Тифлис, а в Санкт-Петербург, якобы заботясь о его психическом здоровье¹⁴⁸¹. Как не странно, но именно вопрос о том, куда «пристроить» лишившегося должности полковника, стал одним из «каменной преткновения», затянувшим дело о его отставке с поста Заведующего. 18 декабря от военного министра последовал ответ, что отзыв Н.Д. Кузьмина-Караваева в Петербург нежелателен, так как «никакой штатной должности для него в Санкт-Петербурге не предвидится». П.С. Ванновский предлагал А.М. Дондукову-Корсакову отозвать полковника с семьёй в Тифлис и назначить «в число лиц, состоящих при войсках Кавказского военного округа». Он обещал исходатайствовать Н.Д. Кузьмину-Караваеву «некоторое усиленное содержание или пособие, а впоследствии, если состояние его здоровья восстановится, предоставить ему должность начальника дивизионного штаба на Кавказе или в европейской России, так как он числится одним из первых старших кандидатов (на должность по старшинству – О.Г.)»¹⁴⁸². «Род болезни полковника Кузьмина-Караваева ещё более указывает на большие преимущества тёплого

¹⁴⁷⁹ Там же.

¹⁴⁸⁰ Там же. Л. 1.

¹⁴⁸¹ Там же. Л. 18.

¹⁴⁸² Там же. Л. 15.

климата Кавказа и его минеральных вод пред Петербургом, – отмечал военный министр. – Поэтому скорейший вызов больного военный министр предоставляет ближайшей заботливости Вашего сиятельства»¹⁴⁸³. Таким образом, избавиться от Н.Д. Кузьмина-Караваева у Главноначальствующего на Кавказе не вышло.

Несмотря на стремление военных кругов России поскорее сменить Заведующего «для предупреждения могущих обнаружиться беспорядков в бригаде»¹⁴⁸⁴, смена эта произошла лишь в конце января 1890 г. Помимо вопроса о «трудоустройстве» Н.Д. Кузьмина-Караваева вмешались непредвиденные обстоятельства. В середине декабря умер российский поверенный в делах в Тегеране М.А. Поджио. Без руководства до января 1890 г., когда прибыл А.Н. Шпейер, осталась и дипломатическая Миссия, и дела ПКБ. Кроме того, кавказским начальством и Военным министерством в ноябре–декабре было проведено внутреннее расследование о состоянии здоровья полковника, что также затянуло вопрос о его смещении.

В конце ноября 1889 г. кавказское начальство получило из Тегерана от М.А. Поджио несколько документов в ответ на запрос С.А. Шереметева о болезни Н.Д. Кузьмина-Караваева. Поверенный в делах извинялся, что ответа пришлось ждать долго: запрос был сделан 31 октября. Помешали обстоятельства. Оказалось, что лечащим врачом полковник выбрал себе не врача миссии титулярного советника Дмитрия Данилова, а Одлинга – врача английской телеграфной компании. Видимо, Н.Д. Кузьмин-Караваев не стремился, чтобы о его болезни узнало начальство. Но своим выбором он невольно скомпрометировал себя: ведь он был сделан в пользу пусть и европейца, но представителя неофициального противника России в Иране. А тот мог использовать тайную информацию о болезни в целях компрометации и Заведующего, и «русского дела».

М.А. Поджио поручил Д. Данилову переговорить с Одлингом, так как дело хотя и было государственной важности, но, одновременно, составляло врачебную тайну. «С самого возвращения полковника из отпуска в сентябре сего года, – сообщалось в предписании М.А. Поджио, – он обратил на себя всеобщее внимание своей крайней нервозностью. Из недавних бесед моих с ним по служебным делам я

¹⁴⁸³ Там же. Л. 19.

¹⁴⁸⁴ Там же. Л. 23.

нахожу заключение, что нервы его находятся, по-видимому, в состоянии полного расстройства»¹⁴⁸⁵.

Д. Данилов весьма практично справился со своей работой. Его отчёт даёт полное представление о здоровье Н.Д. Кузьмина-Караваева и о виде его болезни. «Летом сего года, – сообщал российский врач, – я был домашним врачом в семье полковника Кузьмина-Караваева и из рассказов его супруги знаю, что он в бытность свою в Тегеране страдал сильным нервным расстройством, которое выражалось в общей раздражительности, бессоннице, забывании слов, невозможности хорошо владеть правой рукой, особенно ясно, по словам его супруги, это сказывалось в письме»¹⁴⁸⁶. Последнее представляется немаловажным. Как нам кажется, невозможность хорошо писать стала одной из причин, по которой полковник перестал составлять собственные военно-статистические отчёты и рапорты. Осознание своей неполноценности в сравнении с подчинёнными, вкупе со страданиями от болезни, в конце концов, настроило Н.Д. Кузьмина-Караваева против них, особенно против тех, кто, по его мнению, старался быть лучше, чем он. В полковнике развилась своего рода мания преследования: во всех поступках своих подчинённых он видел желание задеть его, унижить как командира и как человека. Однако сводить всё в конфликте Н.Д. Кузьмина-Караваева со своими подчинёнными и с высшим начальством, конечно, только к психофизиологическому фактору нельзя. Тем не менее, он, как кажется, послужил своего рода катализатором развития ситуации вокруг ПКБ в конце 1889 г.

В своём отчёте Д. Данилов писал, что по приезде полковника из отпуска в сентябре 1889 г., тот сменил домашнего врача без объяснения причин. Две встречи с Н.Д. Кузьминым-Караваевым привели доктора к мысли, что сделано это было не случайно. «Как отклонение по внешности, – констатировал он, – я мог заметить парализование мышц, заведующих движением одного глаза»¹⁴⁸⁷. Беседа с доктором Одлингом дала ещё более неожиданный результат. Оказалось, что тот уже 2 года состоял домашним врачом в семье полковника и хорошо изучил не только его самого, но и его родственников. Одлинг сообщил, что в семье Н.Д. Кузьмина-

¹⁴⁸⁵ Там же. Л. 38.

¹⁴⁸⁶ Там же. Л. 39.

¹⁴⁸⁷ Там же.

Караваева имели место наследственные психические расстройства, в частности, это касалось дочери полковника (видимо, первой). «Из продолжительного знакомства с болезнью полковника, – доносил Д. Данилов, – доктор Одлинг убедился, что имеет дело с сифилисом, поразившим центральную нервную систему, то есть мозг». «В прошлом (1888 – О.Г.) году полковник страдал упорными невралгиями в области тройничного нерва, которые поддавались лечению ртутными препаратами и йодистым калием, – передавал российский врач заключение Одлинга, – но для окончательного поправления отправлен был в Россию в начале этого года. По возвращении полковника из отпуска, доктор Одлинг заметил параличное состояние мышц, заведующих движением одного глаза, и полагает, что это произошло от давления на мозг какой-нибудь опухоли, может быть, это сифилитическая гумма, может быть, это следствие кровоизлияния в мозг. Полковник в настоящее время ни у кого не лечится». В заключении Одлинг выразил беспокойство за «умственное здоровье» Н.Д. Кузьмина-Караваева в будущем. От себя Д. Данилов добавил, что «полковнику Кузьмину-Караваеву необходимо строгое систематическое лечение и душевное спокойствие», здоровье его может наладиться в том случае, если лечение начнётся незамедлительно¹⁴⁸⁸.

Исходя из вышеизложенного нежелание полковника лечиться у русского врача не вызывает удивления. Н.Д. Кузьмин-Караваев, очевидно, стремился, чтобы о его болезни не узнали ни подчинённые, ни высшее начальство. Полковник не хотел терять своего места. Хотя прямого подтверждения этому нет, но то, что Н.Д. Кузьмин-Караваев – официальный представитель русской армии и русского императора – лечился у англичанина, то есть представителя страны, с которой у России в Персии были натянутые отношения, не могло не повлиять на решение о его отставке, пусть даже и косвенно. Уже после отбытия Н.Д. Кузьмина-Караваева в Россию, в конце февраля 1890 г., в Военно-учёный комитет поступил документ от главного военно-медицинского инспектора. В нём сообщалось, что было проведено дознание у доктора А.Я. Фрея, проживавшего в Петербурге. По словам последнего, Н.Д. Кузьмин-Караваев лечился у него только амбулаторно и обращался «один или два раза, находясь при том в сознательном состоянии». «Но доктор Фрей, из

¹⁴⁸⁸ Там же. Л. 39–40.

деланных ему заявлений заключил, что офицер этот одержим страданием мозга органического свойства», – подводился итог¹⁴⁸⁹. Таким образом, расследование было окончено. Его материалы показывают, что полковник действительно был серьёзно болен. Судя по признакам, у него был поздний нейросифилис, а точнее – гуммозный¹⁴⁹⁰. То есть заразился Н.Д. Кузьмин-Караваев не менее трёх лет назад, возможно, даже в Персии. Эта болезнь, которую он, фактически запустил, сказалась как на профессиональной деятельности полковника, так и на отношениях с сослуживцами и начальством. Тем не менее, не она одна повлияла на смещение Н.Д. Кузьмина-Караваева с поста Заведующего. Об этом красноречиво свидетельствует то, что указанное донесение доктора Д. Данилова было получено в Главном штабе лишь 2 марта 1890 г. Расследование шло как бы по инерции бюрократического механизма, пока не дошло до своего логического завершения. К тому времени вопрос о том, чем болен полковник и какова степень его болезни уже не играл практически никакой роли. Решение о его замене было принято ещё в ноябре 1889 г. без ожидания детализации со стороны врачей, а в январе 1890 г. Н.Д. Кузьмин-Караваев был снят с должности.

В конце декабря вопрос с заменой Н.Д. Кузьмина-Караваева Н.Я. Шнеуром был решён окончательно во всех инстанциях. Оставалась только рутинная канцелярская работа. 31 декабря 1889 г. А.М. Дондуков-Корсаков послал полковнику телеграмму. В ней он предлагал Н.Д. Кузьмину-Караваеву прибыть в Тифлис «как только позволит его здоровье, сдав окончательно бригаду на законном основании есаулу Маковкину». В телеграмме Главноначальствующий на Кавказе сообщал, что полковник отныне будет состоять в его распоряжении¹⁴⁹¹. Одновременно князь вошёл с официальным представлением Военному министру об отчислении Н.Д. Кузьмина-Караваева «от должности Заведующего обучением персидской кавалерии и назначении состоять при войсках Кавказского военного округа с увеличением получаемого им ныне оклада содержания до получаемого начальниками штабов дивизий»¹⁴⁹².

¹⁴⁸⁹ Там же. Л. 42.

¹⁴⁹⁰ Штернберг Э.Я., Молчанова Е.К. Психические расстройства, обусловленные сифилисом нервной системы // Справочник по психиатрии / Под ред. А.В. Снежневского. М.: Медицина, 1985. С. 186–195.

¹⁴⁹¹ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 24.

¹⁴⁹² Там же. Л. 24.

Однако полковник продолжал оставаться в Персии вплоть до конца января.

С чем это было связано – сказать определённо трудно. Рапорты, на которые ссылался в дальнейшей переписке с Военным министерством А.М. Дондуков-Корсаков, к сожалению, нами не обнаружены. Тем не менее, обстановка в ПКБ только ухудшалась. Скорее всего, Н.Д. Кузьмин-Караваев отказался подчиниться предложению начальника до официальной отставки с поста. При этом в ПКБ обострились проблемы в отношениях между инструкторами. 23 января 1890 г. А.М. Дондуков-Корсаков вынужден был шифрованной телеграммой просить начальника Главного штаба ускорить процесс замены Заведующего. «В виду путаницы и беспорядка в Персидской бригаде, усматриваемых из только что полученных рапортов Кузьмина-Караваева и невозможности при таких обстоятельствах поручить временное заведование бригадой кому-либо из младших офицеров, признано необходимым настоятельно ходатайствовать перед Вашим высокопревосходительством о высочайшем утверждении назначения полковника Шнеура и немедленном командировании его теперь же в Персию для принятия командования бригадой», – писал командующий войсками Кавказского военного округа¹⁴⁹³. Указанное обращение сдвинуло с места бюрократическую машину. 27 января последовало высочайшее соизволение об отчислении Н.Д. Кузьмина-Караваева с занимаемой должности и назначении его состоять «при войсках округа», а также на замену полковника Н.Я. Шнеуром¹⁴⁹⁴. На следующий день военный министр подписал приказ о назначении последнего состоять в распоряжении главноначальствующего на Кавказе¹⁴⁹⁵. Таким образом, формально все препоны были сняты, и Николай Яковлевич Шнеур официально был утверждён в новой должности – Заведующего обучением персидской кавалерии. Действовать

¹⁴⁹³ Там же. Л. 25.

¹⁴⁹⁴ Судьба остальных участников конфликта была различна. Е.А. Маковкин, произведённый к тому времени в полковники, был отозван в Россию лишь в 1890 г. [Стрелянов (Калабухов) П.Н. Казаки в Персии 1909–1918 гг. М.: Центрполиграф, 2007. С. 231] или в 1891 г. [Прошлое, настоящее и возможное будущее музея имени Фелицына [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://krasnodar.rfn.ru/rnews.html?id=39311>]. Скорее всего, отозван был в 1890 г., о чём свидетельствует фотография обер-офицеров ПКБ, приводимая П.Н. Стреляновым (Кулабуховым) от 1890 г. с надписью «прощальная»; прибыл же в Россию он в 1891 г. В дальнейшем Е.А. Маковкин продолжал службу на Дальнем Востоке, участвовал в войне с Китаем 1900 г. [Дацьшен В.Г. Русско-китайская война 1900 г. Поход на Пекин. СПб.: Альманах Цитадель; Галей Принт, 1999. 157 с.; Янчевецкий Д.Г. У стен недвижимого Китая. СПб. – Порт-Артур: Издание П.А. Артемьева, 1903. С. 374, 386, 387, 392]. К.Н. Блюмер возвратился в Россию в 1893 г. [Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 35].

¹⁴⁹⁵ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 36.

полковник должен был на основании контракта Н.Д. Кузьмина-Караваева, срок которого истекал в 1892 г.

Судьба третьего командира ПКБ после Персии известна лишь отчасти. Как уже отмечалось, 27 января 1890 г. он был «по высочайшему повелению отозван, по расстроенному здоровью, в город Тифлис и назначен состоять в распоряжении командующего войсками Кавказского военного округа, с содержанием установленным для начальников дивизионных штабов: жалованья по чину из оклада 730 рублей, а за узаконенными вычетами 687 рублей; столовых денег из оклада 1 980 рублей, а за узаконенными вычетами 1 824 рубля; и квартирных денег по положению, впредь до получения назначения на должность с равным или большим содержанием». 20 октября 1890 г. Н.Д. Кузьмин-Караваев «Высочайшим приказом 7 октября 1890 года уволен в 11-ти месячный отпуск с сохранением жалованья по чину из оклада 687 рублей и столовых 1 824 рублей, но без квартирных денег». Как отмечено в его послужном списке, «Не возвращаясь из этого отпуска 17 ноября 1890 года поступил для пользования болезни в отделение душевнобольных Петербургского Николаевского военного госпиталя и затем 24 ноября того же 1890 года выписан из означенного госпиталя на попечение брата для продолжения лечения на дому, впредь до годичного срока его болезни, то есть по 17 ноября 1891 года». Тем не менее, продолжать службу далее он не мог. 10 октября 1891 г. Н.Д. Кузьмин-Караваев «высочайшим приказом уволен, за болезнью, от службы генерал-майором, с мундиром и пенсиею». В начале 1892 г., благодаря хлопотам брата – адъютанта генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Николаевича полковника Дмитрия Дмитриевича Кузьмина-Караваева¹⁴⁹⁶ – он получил вид на жительство в Санкт-Петербурге¹⁴⁹⁷. На этом сведения о нём обрываются.

Итоги пребывания Н.Д. Кузьмина-Караваева на должности Заведующего выглядят неоднозначно. Исследователи ставят в минус полковнику то, что он сократил численность бригады и вообще «пользы бригаде не принёс»¹⁴⁹⁸. Однако

¹⁴⁹⁶ Список генералам по старшинству 1902 года. Составлен по 1 сентября. СПб.: Военная типография, 1902. С. 967.

¹⁴⁹⁷ Подробности процесса увольнения от службы изложены в: РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 5670. 54 л.

¹⁴⁹⁸ Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 81; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. – М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 70. Этот же тезис бездоказательно повторяют В.И. Винокуров и П. Бабич [Винокуров В.И. История военной дипломатии. Военная

здесь, например, О.А. Красняк, входит в противоречие со своими же словами, поскольку абзацем ниже утверждает, что экономия средств, сделанная Н.Д. Кузьминым-Караваевым, была достаточно значительной, да и растратил её совсем не он, а его преемник, полковник ГШ Н.Я. Шнеур. Вообще указанный вывод нуждается в корректировке. За время заведования Н.Д. Кузьмина-Караваева был увеличен бюджет бригады, сделана значительная денежная экономия, несколько оптимизирован людской состав (хотя число «казаков» в ней возросло). Уже одна экономия финансов, которой не достигал ни до, ни после в XIX в. ни один Заведующий, может быть поставлена Н.Д. Кузьмину-Караваеву в заслугу. При характеристике первых лет существования ПКБ не стоит забывать, что в условиях Персии и при жадности шаха неоправданный рост численности бригады угрожал для неё финансовым кризисом (который и разразился в 1892–1893 гг.¹⁴⁹⁹). К тому же само российское правительство долгое время не было заинтересовано в создании боеспособных вооружённых сил в Персии, о чём свидетельствует пример ротмистра В.К. Бельгарда, который возглавлял бригаду с мая 1893 до февраля 1894 гг. и «довёл бригаду до блестящего, с персидской точки зрения, состояния»¹⁵⁰⁰. Однако начальник Главного штаба Н.Н. Обручев был другого мнения об успехах В.К. Бельгарда: «Лучше бы ротмистр Бельгард менее (так в тексте – *О.Г.*) старался для шаха и Персии»¹⁵⁰¹. Не следует также забывать, что Н.Д. Кузьмин-Караваев – единственный из командиров ПКБ (если не принимать во внимание В.А. Косооговского (он находился на должности Заведующего 3 трёхлетних срока), который занимал свой пост почти 2 срока, а, следовательно, для этого были причины. Дело в том, что должность командира ПКБ была достаточно лакомым куском для любого офицера. Как отмечалось, Заведующий получал деньги и от шахского правительства, и от российского. Поэтому, естественно, избрание его не обходилось без протекций и интриг. Само назначение Н.Д. Кузьмина-Караваева состоялось при скандальных обстоятельствах, а в дальнейшем, по мнению английского историка Ф. Казем-заде, полковнику протезировал российский

дипломатия от Петра I до Первой мировой войны. М.: ООО НИЦ Инженер, 2009. Т. 1. С. 66; Babich P. A Russian officer in Persian Cossack Brigade: Vladimir Andreevich Kosagovskii. Budapest: CEU, 2014. P. 33].

¹⁴⁹⁹ Гоков О.А. К вопросу о кризисе в Персидской казачьей бригаде (1892–1893 гг.) // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. 2003. № 594: історія. Вип. 35. С. 74–81.

¹⁵⁰⁰ РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 3.

¹⁵⁰¹ РГВИА. Ф. 401. 1901. Оп. 5. Св. 1335. Д. 43. Л. 17.

посланник в Тегеране князь Н.С. Долгоруков¹⁵⁰². Непрямое подтверждение тому, что положение Н.Д. Кузьмина-Караваева во многом зависело от разного рода протекций, мы находим в документах, которые касаются его назначения на должность Заведующего обучением персидской кавалерии и снятия с неё. Можно, конечно, допустить, что экономия средств, сделанная полковником за время пребывания командиром бригады, сыграла свою роль в глазах жадного Насреддин-шаха. Но нельзя забывать, что личные связи в России и в дипломатической Миссии чаще всего в таких случаях имели большее значение, чем мнение персидского правителя. Примером тому может служить ситуация с полковником ГШ А.И. Домонтовичем – первым российским Заведующим. Несмотря на неоднократные просьбы шаха к российскому правительству назначить того на второй срок командования бригадой, мнение российского посланника и военного начальства оказалось решающим – полковник был отозван из Персии и больше туда не вернулся.

Возвращаясь к Н.Д. Кузьмину-Караваеву, нужно отметить, что и сам вопрос о его отстранении от должности выглядит не так просто, как это изложено О.А. Красняк¹⁵⁰³. Она просто предлагает читателям лишь официальную версию событий. Действительно, формально полковник был отозван из Персии вследствие болезни. Однако, нужно помнить, что отзывание происходило в обстановке конфликта Н.Д. Кузьмина-Караваева с подчинёнными ему инструкторами и смены посланника: с октября 1889 г., когда М.С. Долгоруков оставил свою должность, до июля 1890 г., когда его место занял Евгений Карлович Бюцов, место это оставалось вакантным. Его занимали поверенные в делах: М.А. Поджио, а после его смерти в середине декабря 1889 г., с января 1890 г. – первый секретарь русской миссии Алексей Николаевич Шпейер. Как видим, смена командующего ПКБ состоялась именно тогда, когда протезировавшее Н.Д. Кузьмину-Караваеву лицо было отозвано со своей должности. К тому же, когда читаешь дело об отзывании полковника, поневоле складывается впечатление, что указанная болезнь – всего лишь повод для того, чтобы «выдавить» с должности одного офицера и поставить на

¹⁵⁰² Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 215.

¹⁵⁰³ Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 81.

его место другого, который, в свою очередь, также являлся чьим-то протеже. Возможно также, что излишне склочного и строптивного полковника просто убрали из Персии чтобы таким образом решить конфликт и не «нервировать» шаха. Это было особенно актуально в свете концессионных неудач России в Персии в борьбе с Великобританией.

ГЛАВА 5

ПЕРСИДСКАЯ КАЗАЧЬЯ БРИГАДА В 1890–1893 ГГ.

5.1. Персидская политика Российской империи в начале 1890-х гг. и позиция иранских властей

Во второй половине 1889 – первой половине 1890 гг. произошла замена ведущих лиц, представлявших Россию в Персии. В октябре 1889 г., чрезвычайный посланник и полномочный министр при персидском шахе Н.С. Долгоруков оставил свою должность вакантной. 15 октября на его место был назначен Евгений Карлович Бюцов, занимавший до этого консульские посты в Китае и Японии, должности поверенного в делах России в Японии и посланника в Цинской империи и Греции. Однако в связи с обсуждением железнодорожного вопроса и политики России в Персии в Петербурге, его приезд задержался. В Тегеран он прибыл в июле 1890 г. Пока должность оставалась вакантной, дипломатической Миссией в Тегеране в качестве поверенного в делах руководил первый секретарь Михаил Александрович Поджио. В середине декабря 1889 г. он умер и на его место был назначен Алексей Николаевич Шпейер. До он был секретарём и драгоманом консульства в Скутари (Шкодере), в 1878 г. – исправляющим должность секретаря при генеральном консуле Александре Семёновиче Ионине в Рагузе; участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Когда А.С. Ионин был назначен министром-резидентом в Черногорию, А.Н. Шпейер переехал вслед за ним в Цетине, где также стал исправляющим должность секретаря при русской миссии. С 1885 г. он был секретарём миссии в Японии. Совершил в 1884–1885 гг. 2 поездки в Корею. Во время второй из них познакомился с Н.Я. Шнеуром. К исполнению обязанностей в Иране он приступил в январе 1890 г.

3 июня 1890 г. новым главой кавказской администрации – гражданской и военной – был назначен генерал-лейтенант, генерал-адъютант Сергей Алексеевич Шереметев. Образование новый главноначальствующий получил в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, откуда 13 августа 1853 вступил в службу корнетом в Гусарский его императорского высочества великого князя Константина Николаевича полк. В следующем году переведён в Нижегородский драгунский полк, где и получил первый офицерский чин. Принимал участие в Крымской войне 1853–1856 гг. на Кавказском театре, в Кавказской войне 1817–1864 гг. 12 августа 1876 г. назначен командующим Сводной Кавказской казачьей дивизией, с которой принял участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Кавказском театре. В ходе войны был начальником разных отрядов, и наконец командующим 1-й кавказской артиллерийской дивизией. 21 января 1879 г. С.А. Шереметев был назначен начальником 2-й кавказской кавалерийской дивизии и генерал-адъютантом. 23 января 1882 г. – начальником Кубанской области и наказным атаманом Кубанского казачьего войска. Последней его должностью было назначение 8 января 1884 г. помощником Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе и командующего войсками Кавказского военного округа¹⁵⁰⁴.

Наконец, в конце декабря 1889 г. был решён окончательно во всех инстанциях вопрос с заменой Н.Д. Кузьмина-Караваева Н.Я. Шнеуром. 27 января 1890 г. последовало высочайшее соизволение об отчислении Н.Д. Кузьмина-Караваева с занимаемой должности и назначении его состоять «при войсках округа», а также на замену полковника Н.Я. Шнеуром. На следующий день военный министр подписал приказ о назначении последнего состоять в распоряжении главноначальствующего на Кавказе¹⁵⁰⁵. Таким образом, формально все препоны были сняты, и Н.Я. Шнеур официально был утверждён в новой должности – Заведующего обучением персидской кавалерии. Действовать полковник должен был на основании контракта Н.Д. Кузьмина-Караваева, срок которого истекал в 1892 г.¹⁵⁰⁶. В феврале 1890 г. Н.Я. Шнеур сдал прежнюю должность и отправился с семьёй в Персию. Как и

¹⁵⁰⁴ Биографический очерк генерал-адъютанта, генерал-лейтенанта Сергея Алексеевича Шереметева // Кавказский календарь на 1891 год. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. 1 Отдел. Приложения; Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1893 года. СПб.: Военная типография, 1893. С. 73; Федорченко В.И. Императорский Дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий: В 2 т. Красноярск: БОНУС; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. Т. 2. С. 551.

¹⁵⁰⁵ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 36.

¹⁵⁰⁶ Обычно контракт заключался на 3 года.

предыдущим Заведующим в России ему было назначено усиленное содержание в 1 032 рубля плюс 420 рублей столовых денег в год¹⁵⁰⁷. Кроме того, от персидского правительства ему полагалось 2 400 туманов¹⁵⁰⁸ в год, выплачиваемых ежеквартально, и ежедневный фураж для пяти лошадей.

Как отмечал современный исследователь, «в 1890-х гг ... в русской дипломатии и интеллектуальных кругах наметился явный поворот к Востоку»¹⁵⁰⁹. Он затронул и взгляды императора Александра III, на котором замыкалась вся внешняя политика империи. Сложно с точностью утверждать, какое место в них занимала Персия, но точно не первенствующее. Судя по дневниковым записям директора канцелярии российского министерства иностранных дел Владимира Николаевича Ламсдорфа, иранские дела находились в то время на периферии даже восточной политики империи¹⁵¹⁰. Тем не менее, распространявшееся среди высших кругов империи представление о том, что будущее России лежит в Азии, хотя и было ориентировано, прежде всего, на Сибирь, Дальний Восток, оказало влияние на взгляды и относительно других районов региона.

С военной точки зрения к рассматриваемому времени Каджарская монархия не представляла для России прямой угрозы. На особом совещании, созванном 4 февраля 1890 г. для выработки политики в железнодорожном вопросе в Персии отмечалось, что главная опасность заключалась в бессилии Тегерана противостоять третьей стороне в случае конфликта с империей Романовых. Ситуация рассматривалась в контексте возможной войны с Османской империей, поэтому И.А. Зиновьев – на тот момент директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел – акцентировал внимание на важной в стратегическом отношении области – Азербайджане¹⁵¹¹. Отметив успехи в нейтрализации Ирана в русско-

¹⁵⁰⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 19573 Л. 50.

¹⁵⁰⁸ По официальному курсу 1 к 2,85 полковнику полагалось 6 840 рублей в год ассигнациями.

¹⁵⁰⁹ Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 71; Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Царь-миротворец: поворот к Востоку // Родина. 2015. № 2. С. 58–60.

¹⁵¹⁰ Ламсдорф В.Н. Дневник В. Н. Ламсдорфа (1886–1890). М.–Л.: Государственное издательство, 1926. 395 с.; Ламсдорф В.Н. Дневник. 1891–1892. М.–Л.: Academia, 1934. XVI+409+2 с. Исключение составлял лишь период конца 1880-х гг., когда развернулась активная борьба с Англией за железнодорожные концессии. Но даже тогда сообщения из Ирана упоминались лишь после дел в Европе и Османской империи.

¹⁵¹¹ Военный разведчик Кавказского военного округа капитан ГШ Л.К. Артамонов так оценивал важность Иранского Азербайджана для России. Кроме активной торговли с империей Романовых «через Северный Азербайджан пролегает и транзитный путь, по которому преимущественно ведётся торговля Персии с Европой. В военном отношении Азербайджан составляет 1/3 и лучшую часть всей пехоты, 1/2 артиллеристов и до 1/2 всего числа отличной иррегулярной конницы ... Будучи единоплеменной царствующему в Персии дому, Азербайджан является наиболее

турецкой войне 1877–1878 гг., он заметил: «нельзя рассчитывать, что то же самое повторится в случае новой войны между нами и Турцией. Ввиду присущей ей слабости, Персия не может считаться благонадёжным оплотом, а турки ... могут поддаться искушению проложить себе через Азербайджан путь в Эриванскую губернию с целью зайти в тыл нашей действующей армии»¹⁵¹². В качестве доказательства слабости Ирана и возможности проникновения на русскую территорию турецких войск или «разбойничьих шаек», начальник Азиатского департамента привёл в пример ситуацию во время восстания курдских племён под предводительством шейха Обейдуллы¹⁵¹³. Поэтому его предложение заключалось в возможности связать Тебриз дорогами с кавказской границей. Сделать это было необходимо для оперативного ввода войск в случаях войны с Турцией, внутрииранских смут или необходимости поддержать наследника при смене монарха.

Как показали решения указанного совещания, главным в отношении России к Ирану оставались политические мотивы стратегического характера, имевшие целью не допустить расширения английского влияния на территории Персии и в перспективе «привязать» её к империи Романовых. Экономическая политика находилась в русле этих решений. С конца 1880-х гг. протекционизм, характерный как для экономического курса, так и для всей международной политики Александра III, и проявлявшийся в широком смысле в виде защиты русских интересов во всех возможных областях, был в полной мере перенесён на Иран. Это не значит, что в предыдущие годы российские интересы не отстаивались государственными представителями. Но процессы экономического проникновения и политического подчинения Ирана шли как бы разными дорогами, хотя и в одном направлении, то соединяясь, то расходясь. Внутриэкономический рост России и неудачи в борьбе с англичанами за влияние при шахской дворе привели к пересмотру линии относительно Персии. Теперь государство постепенно стало брать на себя в комплексе отбор, организацию, защиту и реализацию мероприятий,

надежной опорой шахского престола и предоставляется в управление его наследнику, постоянно проживающему в г. Тебризе, самом многолюдном, торговом и оживлённом центре во всём персидском государстве [Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис, 1890. С. 85–86].

¹⁵¹² Англо-русское соперничество в Персии в 1890–1906 гг. // Красный архив. 1933. Т. 1 (56). С. 46–47.

¹⁵¹³ Джалил Дж. Восстание курдов 1880 года. М., 1966. 131 с.; Камсаракан К.П. Вторжение Шейха Обейд-Уллы в Персию в 1880 году // СМА. 1884. Вып. 11. С. 34–46.

которые должны были служить российским политическим и военно-стратегическим интересам. При этом метод «запретительства» и давления, широко применявшийся в 1880-х гг., стал использоваться в совокупности с иными экономическими и политическими методами. Своего рода символом изменений стало назначение посланником в Тегеран 15 октября 1889 г. вместо непопулярного в Каджарской монархии Н.С. Долгорукова нового посланника. Он должен был проводить новый курс империи Романовых относительно южного соседа и расширявшегося английского влияния.

В первой половине 1890-х гг. англо-русская борьба за Персию вошла в новую фазу. Несмотря на то, что продолжалась она с переменным успехом, первенство постепенно стало склоняться в пользу России.

После путешествия в Европу в конце 1889 г.¹⁵¹⁴, где он был хорошо принят в Лондоне, Насреддин-шах пошёл на уступки и предоставил английскому майору Джеральду Ф. Гальботу концессию на монопольную покупку, продажу и производство табака по всей Персии. Контракт был подписан 8 марта 1890 г.¹⁵¹⁵. Детальнее на ней мы остановимся далее, здесь же отметим, что эта концессия вызвала недовольство российской стороны. «Англия, не смотря на свою искони эгоистическую политику в Персии и унижение, которому она подвергла её, заставив, в 1857 г. навсегда отказаться от Герата, – благодаря настойчивости и золоту не утратила, а приобрела ещё большее влияние в Персии, – писал российский публицист в 1891 г. – ... Благодаря неудачам русской дипломатии в Персии за последние десять лет, наше влияние в этой стране значительно поколеблено, и потребуется много времени, чтобы поставить его на подобающую высоту». «Всё это

¹⁵¹⁴ Подражая Петру Великому, Насреддин-шах также совершал поездки в Европу. Правда, результаты их были несколько иными, нежели у российского реформатора. «Первый раз он объехал Европу в 1873 г., а во второй – в 1878 г., – писал М. Алиханов-Аварский, – причём посетил всемирную выставку в Вене. В третий раз шах объехал Европу в 1889 г., и посетил Парижскую выставку. Путешествия эти заслуживают внимания в том отношении, что предпринимая их, шах должен был, к неудовольствию всего персидского духовенства, нарушить старинный обычай, по которому властелины Персии выезжают из пределов своей страны только с военными целями. Нужно знать Персию и её духовенство для того, чтобы оценить шаг, на который решился Насреддин, подражая своему идеалу, Петру Великому» [Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 137–138].

¹⁵¹⁵ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 202; Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 160. Л.В. Строева указывала, что контракт был подписан 9 марта [Строева Л.В. Борьба иранского народа против английской табачной монополии в Иране в 1891–1892 гг. // Проблемы истории национально-освободительного движения в странах Азии. Материалы международной конференции при Ленинградском университете 25–27 января 1961 г. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. С. 164]. В научной литературе встречается ошибочная дата 1891 г. [Новая история Ирана. Хрестоматия. М.: Наука, 1988. С. 259]. Однако, в этом году указанная концессия, видимо, вступила в действие.

очень грустно, и нельзя без горечи смотреть на то, что в то время как англичане сумели приобрести себе в Персии такие важные отрасли государственной жизни, как судоходство по р. Каруну, открытие Рейтеровского банка в Тегеране и выпуск ассигнаций, дотоле неизвестных в Персии, монополия эксплуатации всех персидских рудников, устройство шоссейной дороги от пристани на Каруне до Тегерана и право на монополию торговли табаком, – констатировал он, – мы завоевали себе лишь право на открытие одной спичечной фабрики во всей стране¹⁵¹⁶, — успех более, чем ничтожный, который мог бы вызвать улыбку, если бы дело не шло о русских интересах и русском достоинстве»¹⁵¹⁷.

Вполне возможно, что своего рода «ответом» на неё стало получение 21 апреля 1890 г. российским предпринимателем и банкиром Яковом Соломоновичем Поляковым¹⁵¹⁸ при поддержке А.Н. Шпейера права на создание в Тегеране банка¹⁵¹⁹. Первоначально он назывался Ссудное общество Персии, затем – Ссудный банк, а с 1902 г. – Учётно-ссудный банк¹⁵²⁰. Поскольку в литературе и архивных документах последнее название употребляется чаще всего, то мы будем использовать его для наименования банка. Параллельно с этим, до июля 1890 г. продолжалась активная подковёрная борьба российского и английского представителей за железнодорожные концессии¹⁵²¹. На Особом совещании по Персии, состоявшемся 4 февраля 1890 г. в Петербурге, победила позиция сторонников «замораживания» железнодорожного строительства до подведения

¹⁵¹⁶ В 1889 г. российский предприниматель Лазарь Соломонович Поляков создал Товарищество промышленности и торговли в Персии и Средней Азии. В том же году через него у бельгийцев была выкуплена концессия на монопольное производство спичек в Персии. Однако предприятие это потерпело крах в силу неумелого ведения дел. Неудачными оказались и попытки заниматься торговыми операциями [Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860–1914 гг. Л.: Наука, 1991. С. 89–90; Томар М.Л. Экономическое положение Персии. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1896. С. 104–105; Чумаков В. Русский капитал. От Демидовых до Нобелей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.e-reading.org.ua/book.php?book=70497>].

¹⁵¹⁷ Уманец С. Персидский шах и его двор // Исторический вестник. 1891. № 10. С. 236–237.

¹⁵¹⁸ В некоторых исследованиях его инициалы поданы как А.С., что является явной ошибкой или опечаткой [Алиев С.М. История Ирана. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. С. 46; Новая история Ирана. Хрестоматия. М.: Наука, 1988. С. 260].

¹⁵¹⁹ Новая история Ирана. Хрестоматия. М.: Наука, 1988. С. 145; Устав Ссудного общества Персии. СПб.: Артистическое скоропечатное заведение В. Кене и Ко, 1890. 16 с.

¹⁵²⁰ С созданием банка была связана финансовая афера, которая детально рассмотрена в работе Б.В. Ананьича [Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860–1914. Очерки истории частного предпринимательства. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1991. С. 85–86]. Фактически, как и концессия Д.Ф. Тальбота, Учётно-ссудный банк стал функционировать с 6 мая 1891 г., когда персидским правительством был утверждён его устав [Новая история Ирана. Хрестоматия. М.: Наука, 1988. С. 146]. Именно это дало основание связывать его создание с именем Е.К. Бюцова. Его вмешательство, вне сомнения, имело значение, но концессия на учреждение банка была получена благодаря стараниям поверенного в делах А.Н. Шпейера.

¹⁵²¹ Детальнее см.: Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 193–195; Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 60.

железной дороги по территории России к кавказской границе¹⁵²². Материалы совещания хорошо демонстрируют опасения, существовавшие среди российских политиков относительно возможного сотрудничества с Великобританией и британской политики вообще. Именно эти опасения стимулировали политический курс империи относительно Ирана. В результате были приняты следующие решения: «1) Для выяснения условий постройки через Персию железной дороги, так и возможности обеспечить за Россией индо-европейский транзит надлежит приступить к предварительным изысканиям от кавказской границы к персидскому заливу ... Средства на изыскания должны быть отпущены нашим правительством, а самые изыскания возложены исключительно на русских инженеров с участием правительственных; 2) В видах распространения русской торговли в Персии было бы наиболее целесообразным оказать содействие развитию перевозочных средств по Каспийскому морю и улучшению соединяющих Каспийское море с северными персидскими пунктами путей с целью приспособления их к колёсному движению ... 3) с точки зрения наших политических интересов в Персии, а равно и стратегических соображений безусловное значение должно принадлежать железной дороге, имеющей соединить Тебриз с нашей железнодорожной сетью, посему представляется необходимым выяснить, по возможности безотлагательно, вопрос о постройке железной дороги через главный кавказский хребет и в этих видах приступить к новым изысканиям на Кавказе одновременно с изысканиями, которые будут предприняты от кавказской границы к Тебризу»¹⁵²³.

А.Н. Шпейер, не зная о решении «заморозить» строительство железных дорог (а возможно, блефуя перед англичанами¹⁵²⁴ или являясь сторонником развития железнодорожной сети в Иране в интересах российской торговли и политики), продолжал лоббировать интересы российских предпринимателей. Но, прибывший в июле 1890 г. в Тегеран российский посланник Е.К. Бюцов стал проводить в жизнь

¹⁵²² Англо-русское соперничество в Персии в 1890–1906 гг. // Красный архив. 1933. Т. 1 (56). С. 48.

¹⁵²³ Там же.

¹⁵²⁴ Ф. Казем-заде писал о неосведомлённости российского поверенного в делах. Однако наличие телеграфной связи и важность вопроса позволяют усомниться в таком положении дел. Переписка относительно Н.Д. Кузьмина-Караваева – дела менее важного с политической точки зрения – свидетельствует, что решения Совещания могли быть донесены до А.Н. Шпейера через 1–2 дня после его окончания. К сожалению, вопросы относительно российской политики в Персии в рассматриваемый период фактически не изучены, поэтому здесь мы можем оперировать лишь косвенными данными и предположениями. На наш взгляд, А.Н. Шпейер, добиваясь концессии на строительство железной дороги от Решта до Мохаммеры, просто тянул время, отвлекая внимание англичан до приезда в Тегеран российского посланника, имевшего большие полномочия.

рекомендации российского правительства, опираясь, при этом, и на собственные взгляды.

В инструкции министра иностранных дел, полученной им весной 1890 г., Е.К. Бюцову были изложены основания русской политики в Иране. В целом их положения можно свести к следующему: стремиться не допустить железнодорожного строительства, расширять русское влияние и противодействовать англичанам. Красной нитью в инструкциях всем сменявшим друг друга российским посланникам в Тегеране проходил тезис, предложенный и Е.К. Бюцову, о существенном значении для интересов России «сохранить неприкосновенность территории Персии». В этом правящие верхи империи видели главную задачу политики в Персии ¹⁵²⁵.

В железнодорожном вопросе в основу была положена тактика, позже получившая наименование «монополии бездорожья». Н.К. Гирс указывал, что проект трансперсидской железной дороги, во-первых, не вознаградит Россию за расходы по её сооружению (потребуется не менее 40 млн руб.), а, во-вторых, вызовет открытое противодействие Англии. С этим важным обстоятельством, по мнению министра, придётся считаться. Поэтому ограничиваясь на этом этапе изысканиями и отказываясь от создания совместной с Лондоном концессии, лучший для России вариант он видел в отсрочке строительства дороги. Соответственно в задачу Е.К. Бюцова вменялось получить таковую ¹⁵²⁶. В инструкциях вопрос ставился даже шире – о сферах влияния России и Англии в Персии и о возможности для России, уже имевшей твёрдые позиции на севере страны, продвигаться к Персидскому заливу. Отдавая отчёт в том, что соперница там сильнее, в Петербурге всё же полагали, что развитие русской торговли в Персии имеет перспективы. Основными предметами русского вывоза были хлопчатобумажные ткани, сахар, керосин, фаянсовые и фарфоровые изделия, спички, медь, кожи, писчебумажные изделия и чай, а ввоза – хлопок, рис, сухофрукты и рыба ¹⁵²⁷. Торговые отношения регулировались ст. 3 Туркманчайского договора 1828 г., предусматривавшей 5% систему обложения товаров, что давало большие преимущества соперникам России в Персии. Поэтому Н.К. Гире в инструкции Е.К. Бюцову объяснял крайне

¹⁵²⁵ Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 453.

¹⁵²⁶ Там же. С. 397, 423.

¹⁵²⁷ Бобынин Н.Н. Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля 1901–1923. Тифлис: Типография Военного Комиссариата 1923. С. 529–532.

медленные темпы развития торговли и провал попыток открыть в 1889 г. в Тегеране выставку русских произведений косностью отечественного купечества и плохой организацией торговли – явным недостатком консульской сети. Эти обстоятельства в совокупности определили тактику действий Петербурга – добиваться моратория на железнодорожное строительство в Персии¹⁵²⁸.

В инструкции Е.К. Бюцову констатировалось также исключительное положение Англии в бассейне Персидского залива, которая «одна располагает в этих водах морскими силами», благодаря чему успела подчинить своему контролю многие области на побережье. И поскольку Лондон неоднократно давал понять Петербургу, что не потерпит посягательств на свои права на побережье Персидского залива и Оманского моря, Н.К. Гирс признавал необходимым до известной степени с этим считаться¹⁵²⁹.

Относительно возможных предложений Великобритании о разделе сфер влияния в Иране инструкция была достаточно чёткой – не принимать их. Первое предложение о разграничении в Персии областей промышленной деятельности прозвучало в 1887 г. в связи с получением соперницами железнодорожных концессий. В инструкциях Е.К. Бюцову пояснялась причина отказа Петербурга: не имея в настоящее время прямых интересов на юге Персии, Россия благодаря своему географическому положению пользуется безусловным преобладанием в северных и восточных частях страны, а так как центр современной Персии находится не на юге, а на севере, где расположена столица, «мы располагаем всеми необходимыми средствами для обеспечения за собой преобладающего влияния в Тегеране», а потому «не нуждаемся в признании за нами Лондонским кабинетом свободы действий в северной Персии»¹⁵³⁰. В Петербурге считали, что это положение изменится, «если бы мы решились войти с Англией в соглашение, в силу коего за нею было бы обеспечено право распоряжаться на юге Персии сообразно её экономическим интересам, за коими скрываются политические виды и замыслы». Поскольку, полагали в то время в Министерстве иностранных дел, влияние Англии ограничивается территориями, прилегающими к Персидскому заливу, сделку

¹⁵²⁸ Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 397.

¹⁵²⁹ Там же. С. 423–424.

¹⁵³⁰ Там же. С. 453.

считали невыгодной: «Выделяя из сферы интересов наших половину владений шаха, она (сделка – О.Г.) поставила бы преграду будущему развитию нашей политико-экономической деятельности в южном направлении, а при этом и сам факт уступки домогательствам англичан несомненно подал бы повод к невыгодным для нас толкам и умалил бы наше обаяние в Азии»¹⁵³¹.

Исходя из этой инструкции и стал действовать новый посланник России по прибытии в Тегеран. «Бюцов проводил политику ограждения Персии, или, по крайней мере, её северных провинций, от британской торговли и влияния», – отмечал Ф. Казем-заде¹⁵³². Во второй половине 1890 г. его внимание было сосредоточено вокруг борьбы за «замораживание» железнодорожного строительства и табачной монополии. Е.К. Бюцов оказался более умелым дипломатом, нежели Н.С. Долгоруков. К тому же на руку ему сыграли несколько обстоятельств, скомпрометировавших англичан в глазах шаха. Первым из них была афера с лотерейной концессией, провёрнутая посланником шаха в Лондоне мирзой Мальком-ханом Назем ол-Мольком¹⁵³³. Вторым – табачная концессия, вызвавшая противодействие не только со стороны России, но и среди населения Ирана. И в том, и в другом случаях был замешан английский посланник Г. Драммонд Вольф. «Обида шаха на Малкама до некоторой степени перешла на его отношение к британской миссии», – писал по этому поводу Ф. Казем-заде¹⁵³⁴. К тому же в сентябре английский посланник заболел. Всё это облегчило Е.К. Бюцову выполнение его главной миссии. 30 октября¹⁵³⁵ им было подписано соглашение с персидским правительством о запрете строительства железных дорог в Каджарской монархии сроком на 10 лет¹⁵³⁶. В.Н. Ламсдорф записал в свой дневник 22 ноября 1890 г., что И.А. Зиновьев был «в восторге от принятого на себя шахом обязательства не допускать при своей жизни в Персии никакого вида железных

¹⁵³¹ Там же. С. 454.

¹⁵³² Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 204.

¹⁵³³ Анаркулова Д.М. Общественно-политическая деятельность Малькольм-хана. Душанбе: Дониш, 1984. С. 94–95; Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 197–202.

¹⁵³⁴ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 202.

¹⁵³⁵ В инструкции новому посланнику А.Н. Шпейеру от 30 сентября 1904 г. министр иностранных дел указывал иную дату – 27 октября [Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны // Красный архив, № 4 (53). 1932. С. 16].

¹⁵³⁶ Новая история Ирана. Хрестоматия. М.: Наука, 1988. С. 149. С.М. Алиев в своей работе почему-то указывает 1889 г. [Алиев С.М. История Ирана. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. С. 46].

дорог, ни паровой, ни конной тяги»¹⁵³⁷. Заметка российского дипломата хорошо характеризует политику России относительно Ирана этом вопросе. «Зиновьев рассуждает так, – писал он, – “мой малый интерес для меня дороже больших интересов других – на Востоке принципы не применимы, там должно руководствоваться только оппортунизмом”, а он того мнения, что всякая железная дорога была бы полезна только иностранной торговле и вредна русской. Поэтому остаётся только желать продления жизни его величества Насреддина и думать о том, как бы устроить так, чтобы со временем ему наследовал тот из претендентов на персидский престол, который будет наиболее сговорчивым»¹⁵³⁸.

С точки зрения российских интересов соглашение 1890 г. было большим успехом. Англичане признали его, выговорив себе письменное обещание у шаха, что «английское правительство имеет преимущество на концессию проведения железных дорог с юга к Тегерану, а в случае, если концессия на постройку железной дороги дана будет на севере кому-либо, то подобного же рода концессия должна быть дана и английской компании на юге. Без совета с Англией концессия на южные дороги дана никакой (из иностранных компаний) быть не может»¹⁵³⁹. Среди англо-индийских политиков было много сторонников строительства железных дорог в Иране. Однако они предпочитали создание дорог местного значения. И в России, и в Великобритании опасались, что железнодорожное строительство резко усилит позиции противника. Если в Петербурге главным мотивом страха выступал экономический, то в Лондоне – военно-политический¹⁵⁴⁰. Именно поэтому высшие круги обеих держав в конце концов пришли к одному мнению о невыгодности охвата Ирана железнодорожной сетью.

В этой связи особо стоит остановиться на интересах Каджарской монархии. В иранской литературе и в публикациях части европейских историков проводился и проводится тезис о том, что соглашение 1890 г. не отвечало национальным интересам Тегерана¹⁵⁴¹. Апелляции носили различный характер, но основной упор

¹⁵³⁷ Ламсдорф В.Н. Дневник В. Н. Ламсдорфа (1886—1890). М.–Л.: Государственное издательство, 1926. С. 347.

¹⁵³⁸ Там же. С. 347.

¹⁵³⁹ Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 61.

¹⁵⁴⁰ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 178–179.

¹⁵⁴¹ Подробнее см.: Алиев С.М. История Ирана. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. С. 46; Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 62; Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 132–133.

делался на то, что соглашение затормозило развитие страны в сторону капиталистических отношений¹⁵⁴². Сжато эта позиция была выражена у Д.М. Анаркуловой. «Так, в результате русско-английского соперничества, Иран был лишён возможности строить железные дороги, что, естественно, отрицательно влияло на экономическое развитие стран. Запрет на строительство железных дорог ... сокращал возможности расширения экономических связей Ирана с Россией и её южными окраинами»¹⁵⁴³. Американский историк Н. Кедди обращала внимание, что «англо-русское соперничество мешало модернизации Ирана, запрещение строительства железных дорог в Иране явилось одной из причин этого»¹⁵⁴⁴. При этом шаха и его окружение часто изображали как жертв этого соперничества. В качестве примера, объяснявшего его положение приводилось письмо, написанное Насреддин-шахом 20 октября 1888 г. российскому поверенному в делах. «Почему мы не должны строить дороги и открывать фабрики, чтобы не нуждаться в иностранных товарах? – спрашивал шах. – Если бы мы начали строить дороги, то голод и дороговизна не стали бы повторяться каждые два–три года в Тегеране и других городах, и многие были бы спасены ... Никакое другое государство не находится в таком положении, в каком очутилась Персия. Англия и Россия зорко следят за каждым нашим действием. Всякие меры, принятые нами на юге для благосостояния и процветания края ... вызывают протесты со стороны российского правительства. Когда же мы приступаем к проведению дорог в северных, западных и восточных частях Персии, то англичане говорят, что это делается в интересах России. Мы желаем проводить дороги, строить фабрики, заботиться о процветании и благосостоянии наших владений и наших подданных»¹⁵⁴⁵.

В действительности же, по нашему мнению, запрет строительства железных дорог (продлённый в 1900 г. ещё на 10 лет), не имел того судьбоносного значения, которое ему приписывают сторонники прогрессистских теорий развития общества. В условиях традиционного (феодалного) общественного строя, тотальной коррупции, экономической нестабильности, определяющей роли религии постройка железных дорог вряд ли стимулировала бы укрепление и экономическое развитие

¹⁵⁴² Сеидов Р.А. Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX века (начальный этап формирования). М.: Наука, 1974. С. 46.

¹⁵⁴³ Анаркулова Д.М. Общественно-политическая деятельность Малькольм-хана. Душанбе: Дониш, 1984. С. 34.

¹⁵⁴⁴ Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 62.

¹⁵⁴⁵ Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 133.

Иранского государства. Тем более, что в этом не были заинтересованы ни Англия, ни Россия, которые в экономическом и военном отношении превосходили Персию. Как верно отметил Э. Хобсбаум, «что бы ни говорила официальная пропаганда, но функция колоний и зависимых стран состояла в том, чтобы дополнять экономику метрополий, а не конкурировать с ней»¹⁵⁴⁶. «Заграничные инвестиции в Иране, – указывал советский историк В. Глуходед, – направлялись, прежде всего, не в производство, а на развитие тех отраслей инфраструктуры, которые были связаны со сферой обращения»¹⁵⁴⁷. Признавая справедливыми обвинения Насреддин-шаха, следует заметить, что большую часть его правления пронизывала склонность к демагогии и внешнему эффекту. Усвоив лишь поверхностно европейскую культуру, шах на практике оставался традиционным монархом-деспотом, у которого чувство национального достоинства, интереса выражалось на практике в интересе о своём положении. Представление о Насреддин-шахе, как о благодетеле, радевшем за свою страну и народ, по крайней мере, наивно¹⁵⁴⁸. Действительно Насреддин-шах имел ряд положительных черт. «Он обладает способностью к работе, имеет восприимчивый и любознательный ум, – писал в 1895 г. А.Н. Куропаткин. – ... Из того, что он уже мирно царствует уже 48 лет ... можно заключить, что Насреддин-шах обладает государственным умом»¹⁵⁴⁹. Очень положительно оценивал его российский публицист Е.М. Белозерский, приводя, фактически, официозную оценку шаха. «Принято думать, что в Персии теократическое управление, – писал он. – Мне думается, что это скорее смесь

¹⁵⁴⁶ Хобсбаум Э. Век империи. 1875–1914. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. С. 95.

¹⁵⁴⁷ Глуходед В.С. Проблемы экономического развития Ирана (20–30-е годы). М.: Наука, 1968. С. 14.

¹⁵⁴⁸ Достаточно полно оно изложено в работе М. Алиханова-Аварского [Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 112–150]. «О Насреддине много писали и персы, и иностранцы, – отмечал он. – Но первые, в видах ограждения своих пят, а то и головы, поневоле применяют к своим повелителям известное правило, которого римляне держались относительно мёртвых: они или ничего не пишут о шахе или расточают по его адресу напыщенные дифирамбы; истину, следовательно, у них напрасно искать. С неменьшею осмотрительностью нужно относиться и к писаниям некоторых европейцев, слишком щедрых на восхваления, очевидно, с предвзятою целью. Если верить им, – Насреддин очень рано обнаружил симпатию к западной культуре и, подражая Петру Великому, так энергично повёл дело пересоздания всего персидского строя на современный европейский лад, что вполне заслужил репутацию реформатора своей страны. Они говорят, что шах много боролся и отстаивал, иногда с опасностью жизни, свои начинания и нововведения, которые возбуждали сопротивление фанатичной среды, наиболее влиятельной в стране, и пришлось далеко не по вкусу закослелым в своеобразных понятиях персам, в особенности сановникам и приближенным шаха, не настолько развитым, чтобы понимать благие цели реформ, или не столь бескорыстным, чтобы предпочесть общее благо страны своим личным выгодам ... Как воспитанный в сфере самой беззастенчивой лести, нынешний шах очень падок на подобный фимиам и обыкновенно щедро вознаграждает авторов таких писаний; но правды в них не больше, чем в дифирамбах придворных поэтов» [Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 119]. Он же дал одну из наиболее удачных, на наш взгляд, характеристик персидского монарха и его правления.

¹⁵⁴⁹ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 20.

крайнего абсолютизма с демократией. Как толпа ни безгласна, а может быть ни одно правительство не прислушивается так к её голосу, как персидское. Там собственно различаются две власти: одна, исходящая от Бога, а другая от тех, которых Бог поставил править. Всё находится в их власти и вне их нет ничего. Отсюда понятны права, которыми издавна пользовались шахи, и то обожание, которое воздавалось им народом. Теперь отношение к главе правления сильно изменилось, и очень нередко можно встретить не только критическое, но даже и саркастическое отношение к шаху. Нынешний шах Насреддин, сто двенадцатый наследник знаменитого Кира, если военными подвигами и не похож на своего предшественника, во всяком случае в истории Персии оставит очень заметный след. Про него говорят, что он очень умный человек и заботливый правитель, что он сам занимается делами и даже входит в мелкие подробности дел, что он большой друг просвещения, по характеру милостивый и великодушный, так что, будь у него хорошие и умные исполнители, в его царствование было бы сделано для Персии гораздо больше, чем это удалось. Европейцы и у себя, положительно несправедливы к нему и даже несправедливо обвиняют его в ничегонеделании, в препровождении своего времени только на охоте или в гареме. Мне передавали за факт следующую дерзость, сказанную шаху одним очень умным муллой, побывавшим в Индии, Африке и Европе: “Ты самый счастливый из царей, сказал он: нет у тебя ни социалистов, ни нигилистов, ни разных аграрных вопросов. Хочешь кого казнить – казнишь; хочешь кого простить – простишь; хочешь кого ограбить – ограбишь, и всю жизнь свою проводишь в горах в погоне за козами, да в гареме с жёнами. Чего еще лучше? И как в самом деле не завидовать тебе другим государям, которые ночей не спят, всё думая о благе своих подданных? ”. Хотя власть шаха не простирается на духовенство, но думали, что такая дерзость этому мулле не пройдёт безнаказанно; однако шах обратил это в шутку, и всё ограничилось одним страхом за муллу. Конечно, в этих характерных словах есть большая доля правды, но все же не нужно забывать и того, что сделано Насреддином для Персии. Он первый сломал вековую стену персидской исключительности и обособленности и вопреки духовенству поехал в Европу. Кто знает, что такое персидское духовенство, тот будет смотреть на это как на подвиг. Кроме того, нельзя не сознаться, что есть

много вещей, которые стали доступны в Персии только благодаря нынешнему шаху: устройство почтовых линий и даже кое-где колёсного сообщения, некоторое улучшение дорог, всё ещё очень плохих, но, говорят, неузнаваемых сравнительно с прежними, введение телеграфа, реорганизация армии, ставшей до известной степени похожей на дисциплинированную массу, расширение сети ирригационных каналов, большие сношения с Европой и, наконец, так или иначе проникновение в Персию европейских идей и год от года увеличивающийся наплыв европейских путешественников и торговых людей. Не надо забывать при этом, что целая масса мероприятий не проникла в жизнь, только благодаря упорству и ограниченности духовенства»¹⁵⁵⁰.

Тем не менее имелась и другая сторона этого человека, которая перевешивала первую и низводила на нет все реформационные потуги. «Шах воображает себя великим реформатором и хочет уподобиться Петру Великому, – писал Мисль-Рустем. – ...Но, к сожалению, из истории великого преобразователя Петра он много хотел почерпнуть, но что-то мало удалось»¹⁵⁵¹. «Пётр Великий – действительно идеал Насреддина, – сообщал другой автор. – Познакомившись с краткой его характеристикой ещё в Тебризе, повелитель Ирана приказал впоследствии перевести на персидский язык более обстоятельную его историю и эта книга, как рассказывают, постоянно лежит в шахской опочивальне. Подражая своему идеалу, Насреддин первым из шахов стал брить бороду и носить короткую одежду, и этим едва и не исчерпывается всё сходство между преобразователем России и его подражателем. Быть может, Насреддин обуреваем и более существенными петровскими стремлениями, но они не вышли у него из области желаний по весьма простой причине, – вследствие недостижимой разницы у этих государей в способностях, в энергии, в умении взяться за дело и настойчиво преследовать цель ... Но это, оказывается, нисколько не мешает Насреддину считать себя Петром Ирана и виновником “великих реформ”»¹⁵⁵².

Деятельность шаха и воспоминания знавших его лиц свидетельствуют, что вспышки «модернизационных» преобразований были лишь результатом временных

¹⁵⁵⁰ Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 94–95.

¹⁵⁵¹ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 57.

¹⁵⁵² Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 119–120.

увлечений, либо оскорблённого самолюбия, либо финансовых «вливаний» извне (со стороны России или Англии, старавшихся «продвинуть» какой-нибудь проект)¹⁵⁵³ и сводилась к простому подражанию Европе, без изменения сути¹⁵⁵⁴. Классическим примером тому была «военная реформа» середины 1880-х гг., которую описал Мисль-Рустем. «Кажется, в 1884 году на границе туркмены сделали нападение на персидские владения; шах послал большой отряд, чтобы наказать их, но через несколько времени получил ответ, что туркмены из-под самой палатки начальника отряда угнали массу мулов, и что их не пришлось наказать. Повелитель Ирана созвал в столицу всех военачальников, начиная со своего сына, военного министра, и держал им приблизительно такую речь: “Объясните мне, почему все мои предшественники ... были всегда победителями; я же куда не пошлю свои войска, даже на туркмен, всегда остаюсь побеждённым?” Долго сановники с глубокими поклонами отнекивались, что не могут разрешить этого вопроса, что Аллах “машала” – даст ему ещё больше победы и что его голова для разрешения этого вопроса светлее их. Наконец, шах, рассердившись и наслушавшись их сладких речей, объявил им, что его предшественники не были окружены такими “педер секами” и “педерсухтами” (то есть прохвостами, собачьими сынами), как они, и что во всём виноват его сын, военный министр, который не делает реформ в своей армии, причём приказал сыну сейчас же сделать какие-либо улучшения в войске. Отвесив за такие комплименты низкие поклоны повелителю, военный министр созвал сейчас же военный совет, на котором было решено завести галстуки на подобие тех, какие имеются в русской армии, и перчатки для пехоты по примеру Австрии. И что же? – через три дня мы увидели на смотре его величества у солдат некоторых полков русские галстуки, одетые языком поверх мундира, и у каждого пехотинца за поясом висело по одной нитяной перчатке, – как знак начатой “реформы” (по две не хватило на базаре в Тегеране). Вот, что значит в Персии реформа»¹⁵⁵⁵.

Результатом указанных особенностей шахской личности было и создание ПКБ, которая уже в первой половине 1880-х превратилась в своеобразную

¹⁵⁵³ См., например, характеристику Мисль-Рустема [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 54–63].

¹⁵⁵⁴ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 120.

¹⁵⁵⁵ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 57–58.

«игрушку» иранского правителя. «Его новейшую забаву составляю три так называемых «казацких» полка», – сообщал английский наблюдатель¹⁵⁵⁶. Серьёзно делами государства шах не занимался, а на Иран смотрел, в первую очередь, как на источник дохода. «Лучшей характеристикой административных нравов Персии, – писал М. Алиханов-Аварский, – и в частности примером того, во что вырождаются в этой стране подражания Европе, – может служить одно из детищ Насреддин-шаха, называемое “Государственным контролем”. По словам одного вполне компетентного европейца, вся деятельность этого учреждения сведена к открытому посредничеству между дающими и берущими»¹⁵⁵⁷.

«Шах любит подарки, бешкеши (пишкеши – О.Г.), – сообщал Мисль-Рустем, – которые принимает от всех и на всякую сумму: даже на смотрах командиры полков подносят ему деньги – золотом, смотря по численному составу полка, не стесняясь маленькой суммой как 100 туманов (330 р.)»¹⁵⁵⁸. Достаточно сказать, что к августу 1891 г. Насреддин-шах выдал свыше 40 концессий представителям иностранных государств¹⁵⁵⁹. «В концессии отдавалось всё, что могло дать действительный или предполагаемый доход»¹⁵⁶⁰. Его политика лавирования между двумя великими державами была направлена главным образом на сохранение и укрепление собственной власти, а также на извлечение материальных выгод¹⁵⁶¹. «Он прибегает к ним, – характеризовал реформы шаха М. Алиханов-Аварский, – пытается осуществить их, просто из подражания Европе и, рисуясь перед нею, в качестве реформатора, делами, не требующими никаких издержек»¹⁵⁶². Как верно отметила Л.В. Строева, «шах в продаже и перепродаже концессий нашёл лёгкий способ получения значительных средств», причём «полученные суммы тратились совершенно непроизводительно»¹⁵⁶³. Мелочность, жадность до денег и увеселений,

¹⁵⁵⁶ Уильс. Современная Персия. Картинки современной персидской жизни и характера. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1887. С. 12.

¹⁵⁵⁷ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 124.

¹⁵⁵⁸ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 61.

¹⁵⁵⁹ Строева Л.В. Борьба иранского народа против английской табачной монополии в Иране в 1891–1892 гг. // Проблемы истории национально-освободительного движения в странах Азии. Материалы международной конференции при Ленинградском университете 25–27 января 1961 г. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. С. 160.

¹⁵⁶⁰ Там же. С. 161.

¹⁵⁶¹ Очень яркое изображение этой стороны личности Насреддин-шаха дал в своих бумагах В.А. Косооговский.

¹⁵⁶² Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 135.

¹⁵⁶³ Строева Л.В. Борьба иранского народа против английской табачной монополии в Иране в 1891–1892 гг. // Проблемы истории национально-освободительного движения в странах Азии. Материалы международной конференции при Ленинградском университете 25–27 января 1961 г. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. С. 161.

стремление к роскоши и расточительность были неотъемлемыми чертами Насреддин-шаха, которые с возрастом всё больше обострялись, вытесняя мысли о реформировании страны. «Алчность самого шаха и его правителей беспрерывно возрастает», – писал побывавший в 1894 г. в Иране А.Г. Туманский¹⁵⁶⁴. «Прежде шах сам был щедр на подарки, но теперь этого не видно, скорее он заметно скуп», – отмечал Мисль-Рустем¹⁵⁶⁵. «Одну треть всех доходов страны, почти не превышающих 15 миллионов рублей, поглощает у него армия, другую – эндерун; остальная – едва хватает на удовлетворение его жизни и личных прихотей, вроде постоянного приобретения бриллиантов и разных редкостей. В виду этого, скупость, в особенности в последние годы, всё больше и больше овладевает шахом, и он тщательно избегает всякие мероприятия, сопряжённые с расходами»¹⁵⁶⁶. Возраставшую жадность шаха к деньгам отмечал со слов российских представителей в Персии и А.Н. Куропаткин, посетивший Иран в 1895 г.¹⁵⁶⁷. «К недостаткам шаха, – писал он, – следует отнести его чёрствый и подчас жестокий характер и крайний эгоизм ... Судьба населения его трогает мало. Под старость он становится всё более и более жадным. Ни в своей семье, ни в народе он не любим»¹⁵⁶⁸. Садр-азам Али Асгар-хан, сам далеко не идеальный в моральном отношении человек, следующим образом характеризовал личность персидского правителя. «Корыстолюбие шаха развилось до такой степени, что он способен ни перед чем не останавливаться и жертвовать не только интересами государства, но и собственно своими для минутного удовлетворения алчности. Страсть эту, усиливающуюся почти с каждым годом, стремились обратить в свою пользу иностранные аферисты, делающие шаху самые заманчивые предложения для приобретения какой-либо монополии или концессии. Шах проявляет полное равнодушие к пользам государства и народа, все заботы его посвящены гарему, который он постоянно увеличивает, тем самым нуждаясь на содержание его в более и более значительных

¹⁵⁶⁴ Туманский. От Каспийского моря к Хормузскому проливу и обратно, 1894 г. // СМА. 1896. Вып. 65. С. 14.

¹⁵⁶⁵ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 61.

¹⁵⁶⁶ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 135. А.Н. Куропаткин в 1895 г. отмечал, что стекавшиеся к шаху деньги в основном тратились на содержание войск и шахского двора, особенно гарема, а также на личные прихоти его величества [Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 28].

¹⁵⁶⁷ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 5.

¹⁵⁶⁸ Там же. С. 20.

средствах, для приобретения коих он изыскивает новые источники, старческим же прихотям этим приносятся в жертву самые насущные потребности государства, упадок которого быстро возрастает»¹⁵⁶⁹. «Благодаря такому отношению к ресурсам государства, Насреддин не сделал ничего существенного для Персии, но зато вполне достиг другой цели, – своего обогащения», – констатировал русский наблюдатель¹⁵⁷⁰. Показателен пример наиболее важной в государстве шаха провинции – Азербайджана. «Более близкое знакомство с Азербайджаном, – писал изучавший его капитан ГШ Л.К. Артамонов, – убеждает в том, что персидское правительство не только ничего не предпринимает, для поднятия благосостояния этого самого драгоценного перла своей короны, но беззастенчивыми административными злоупотреблениями тормозит в этой стране земледелие, торговлю, фабричную деятельность и доводит значительную часть населения до нищеты, заставляя жителей обращаться к отхожим промыслам»¹⁵⁷¹.

Таким образом, от невозможности во всём быть самостоятельным страдало лишь самолюбие Насреддин-шаха. И эти «страдания» выражались в понятной европейцам форме «ущемления национальных интересов». На деле же последние имели для шаха небольшое значение, если вообще имели. «Сторонники Насреддин-шаха утверждают, – писал М. Алиханов-Аварский, – что значительная часть намеченных им реформ не могла осуществиться вследствие противодействия фанатического, и весьма сильного в стране, духовенства ... Всё это не лишено основания. В высшей степени корыстолюбивое духовенство Ирана во многих случаях действительно является тормозом, ибо оно заинтересовано в сохранении старых порядков, какъ наиболее удобных для эксплуатирования массы. Но с другой стороны, очень многое в Персии ... находятся в том же первобытном состоянии, в каком они, вероятно, были и при Кире ... Насреддин-шах, бесспорно, – государь, сравнительно, гуманный и доброжелательный. Но у него есть страсти более сильные, чем служение государству; это – женщины и драгоценности, или личное обогащение»¹⁵⁷². Здесь М. Алиханов-Аварский рассуждал крайне рационально, полностью игнорируя тот факт, что среди духовенства и населения Ирана было

¹⁵⁶⁹ Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 123.

¹⁵⁷⁰ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 135.

¹⁵⁷¹ Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. 86.

¹⁵⁷² Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 134–135.

довольно много искренне верующих, мысливших совсем иными категориями, нежели «секуляризованные умы».

В этом контексте сомнительным представляется и тезис, что «соглашение было заключено вопреки желанию правящих кругов Ирана»¹⁵⁷³. Большая часть людей, находившихся у власти в Иране, интересовалась не столько проблемами страны, сколько личными выгодами. «Гилянский консул А.А. Петров, – сообщал современный исследователь, – характеризуя действительное состояние соседнего государства в начале 80-х гг. XIX в. писал: «Что представляет из себя настоящая Персия и её правительство, Персия Сассанидов, Махмуда Газневийского, наконец, шаха Аббаса и Надира? Нынешние правители Персии представляют из себя какой-то ряд бездарностей, стоящих ниже всякой посредственности, ряд личностей единственное качество и способность коих заключаются в безмерном эксплуататорстве. Все действия, шаги и меры, предпринимаемые ими на поприще управления, помимо систематического разорения края, ведут лишь к одной цели, как было замечено то ранее, дискредитировать их в глазах не только всех правительств Европы, но даже и своего народа, который, несмотря на вековой гнёт и забитость, не лишён и до сих пор ещё многих нравственных качеств и интеллектуальных способностей»¹⁵⁷⁴. Во многом такому положению вещей способствовала нестабильность правящей верхушки, когда место у кормила власти по шахскому расположению/нерасположению мог занять/потерять любой человек¹⁵⁷⁵. «Выбор и назначение визирей, министров зависят от каприза шаха, равно как и их увольнение, – писал в 1886 г. Е.М. Белозерский. – Поэтому всякий министр есть ни что иное как случайный баловень счастья; в его жизни и карьере всё зависит от того, хорошо ли он успел опутать шаха, удачно ли подделался к особенно любимой жене его разными подарками и приношениями и успел ли подмазать тысячи колёс в придворном персидском механизме, очень сложном по

¹⁵⁷³ Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 61.

¹⁵⁷⁴ Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 63.

¹⁵⁷⁵ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 81. Значительную роль в этом играл и гарем правителя – через эндерун решались очень многие политические и кадровые вопросы в Иране [Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 145–149]. Гарем, писал один из исследователей Ирана, «вопреки ходячему мнению о принижности женщин на Востоке, влияет в мусульманском мире едва ли не сильнее, чем в Европе. При дворе же Насредина эндерун (женская половина) играет весьма значительную роль: он влияет на всевозможные решения и раздачу должностей, и получает за это огромную массу драгоценностей и денег в виде пишекеша. Посредником во всех этих делах служит Хаджа-баши (старший евнух гарема – О.Г.)» [Там же. С. 132].

своему устройству; заскрипи хоть одно колесо, и министру придётся быть настороже и бороться. Персидский придворный мир, это – совершенно шахматная игра, где более искусный и опытный дольше и безнаказаннее двигает своими фигурами без проигрыша. Никто конечно больше не сознаёт шаткости своего положения, как эти случайные детища счастья; за то они и пользуются этим моментом в своей жизни, беря направо и налево, с богатого и бедного, с вдовы и сироты. Они исходят из той точки зрения, что бери они или нет, всё равно скоро наступит такой день, когда их уволят: в виду этого лучше брать, чем не брать»¹⁵⁷⁶.

«Благодаря такому отношению к делу главы государства, на самые высшие посты, сплошь да рядом, попадают здесь люди самые недостойные, развивающие только продажность, которая и без того царит в Персии как нигде в мире, – вторил ему более ранний автор. – Никакое удовлетворение просителя, истца или потерпевшего немислимо в этой стране без пишкеша (подарка), и, напротив, здесь нет ничего невозможного, когда пущены в ход деньги. Этот традиционный порядок вещей, вернее – продажность, в такой степени всосалась в персидские воззрения и нравы, что пешкеши и подношения составляют не только главный ресурс всего служилаго люда Ирана, от садраазама до последнего мирзы, но далеко не последний источник дохода и самого шаха»¹⁵⁷⁷.

Показателен пример одного из офицеров ПКБ – Керим-хана. «В 1878 г. он поступил простым всадником в полк, потом, по протекции русского полковника Д., в 1880 году командовал полком. В 1882 году он был генералом и имел уже отличный дом и в нём богатую обстановку. Бывши совсем безграмотным, он в 1885 году сделался начальником кавалерии в Исфахане у Зелл ос-Солтане. В 1894 году он приезжал даже в С.-Петербург для поздравления его величества государя императора с восшествием на престол. Таких случаев масса в Персии и никого это там не удивляет», – писал Мисль-Рустем¹⁵⁷⁸.

Не менее интересен пример министра юстиции Визирь-Незама. «Ещё сравнительно недавно в Тегеране его помнят простым каменьщиком, строившим дворец шаха, с которым он породнился затем, выдав за него свою дочь; это и было единственной причиной его возвышения, вопреки всяким государственным соображениям и интересам, –

¹⁵⁷⁶ Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 100.

¹⁵⁷⁷ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 123.

¹⁵⁷⁸ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 136.

сообщал М. Алиханов-Аварский. – С продажной душой, с плутовским выражением рябой отталкивающей физиономии, совершенно безграмотный фанатик и отъявленный враг Европы и её цивилизации, Везирь-Низам олицетворяет собою, по выражению персов, «самого большого вора и самое большое несчастье Ирана» ... берёт с обеих сторон, но всегда склоняется только на сторону более заплатившего»¹⁵⁷⁹.

Шах был очень податлив к лести¹⁵⁸⁰. «В Персии легче найти гарнец драгоценных камней, чем пару безкорыстных людей, – писал один из российских авторов, – ... сам шах не только плохой сыщик последних, но далеко не отличается и безкорыстием. В деле выбора людей он руководствуется простым капризом, не требуя от них ни образования, ни даже простой грамотности»¹⁵⁸¹. В результате, даже самые благие желания Насреддин-шаха тормозились или вообще «замораживались» неквалифицированными и часто незаинтересованными исполнителями, при попустительстве самого правителя. «Куда не взглянешь, всюду шаха обманывают, а он или ничего не замечает, или не хочет замечать», – писал российский наблюдатель¹⁵⁸². Отсутствие стабильной правящей элиты порождало у чиновников своеобразный менталитет. Доминируя над низшими, пресмыкаясь перед высшими, они стремились к личным обогащению и славе, абсолютно не заботясь об интересах государства и общества¹⁵⁸³.

Изменения охватили не только представителей государственной власти, но и другие привилегированные слои: духовенство, торговцев, родовую аристократию. Детальное рассмотрение формирования иранской интеллигенции и буржуазии не входит в наши задачи¹⁵⁸⁴, однако следует отметить, что и она волновалась интересами Ирана лишь потому, что вмешательство великих держав мешало её

¹⁵⁷⁹ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 126–127.

¹⁵⁸⁰ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 62.

¹⁵⁸¹ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 122–123.

¹⁵⁸² Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 62.

¹⁵⁸³ Характерным является отношение к действиям России среди населения северных и отчасти центральных районов Ирана, фиксировавшееся российскими и европейскими наблюдателями. Недовольство высказывали в первую очередь правящие круги и духовенство, поскольку деятельность представителей соседнего государства ущемляла их самовластие и самолюбие. Простое же население в значительной степени относилось к России с симпатией. Последнее было обусловлено усмирением туркмен и знакомством с русскими порядками в присоединённых среднеазиатских землях.

¹⁵⁸⁴ Подробнее см. Сеидов Р.А. Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX века (начальный этап формирования). М.: Наука, 1974. 246 с.

собственному бесконтрольному обогащению. Естественно, были и исключения. Однако людей, подобных Таги-хану¹⁵⁸⁵ и Хусайн-хану¹⁵⁸⁶, которые наряду со своим положением, были озабочены ситуацией в стране, было немного. К тому же, их судьба в случае серьёзных реформ, исходя из реалий второй половины века, была бы незавидной. С одной стороны, модернизации Персии сопротивлялась основная масса населения, проникнутая традиционным религиозным сознанием, с другой стороны – основная масса верхних слоёв общества (особенно – духовенство), не желавшая терять свои привилегии. «Шах волен в животе и смерти, имуществе и семье каждого; но на самом деле он всецело в руках духовенства и сеидов, то есть потомков пророка ... Если шах не будет им подчиняться, то легко может сам подвергнуться опасности лишиться престола ... Народная масса, – писал Мисль-Рустем, – фанатики, почему среди неё важную и первенствующую роль играет духовенство, ненавидимое, однако, в душе самими персами, как главные грабители и разорители народа»¹⁵⁸⁷. К тому же иранские «реформаторы» страдали серьёзным недостатком, который мог свести на нет все их начинания. Большая часть из них, восприняв от европейской цивилизации внешние формы (причём, иногда «транзитом» через Османскую империю) механически, не прониклась буржуазным (в широком смысле этого слова) сознанием. Российский исследователь В.И. Батюк отмечал, что «социальный переворот в Европе Нового времени сопровождался и переворотом в сознании, появлением личности нового типа, буржуазной личности. Пожалуй, именно вот эта буржуазная личность – раскрепощённая, предприимчивая, инициативная – стала главной причиной всех успехов Европы и Северной Америки»¹⁵⁸⁸. Индивидуализм, опирающийся на протестантскую этику и дух наживы – вот основные составляющие собирательного образа европейского буржуа¹⁵⁸⁹. «Появление буржуазной личности – индивидуалиста – означало

¹⁵⁸⁵ Детальнее о нём см.: Анаркулова Д.М. Социально-политическая борьба в Иране в середине XIX века. М.: Наука, 1983. 159 с.

¹⁵⁸⁶ Кулагина Л.М. Попытки модернизации государственного управления Ирана во второй половине XIX века // Особенности модернизации на мусульманском Востоке. Опыт Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1997. С. 95–113.

¹⁵⁸⁷ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 81.

¹⁵⁸⁸ Батюк В.И. Лекции по истории международных отношений в новое время (1648 – 1918). М. 2003. 260 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dp5.ru/index.php/-2/74794-batyuk-v-i-lekcii-po-istorii-mezhdunarodnyh.html>.

¹⁵⁸⁹ Детальнее см.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://chisineu.files.wordpress.com/2012/09/biblioteca_protetanskaya_etiketa_weber.pdf; Зарин В.А. Запад и Восток в

смертельную угрозу для традиционного общества с его патриархальными феодальными связями между людьми, непререкаемым авторитетом церкви и божественным правом монархов», – писал указанный автор¹⁵⁹⁰. Именно в среде буржуазии укрепляется и развивается понимание государственных интересов в форме национального суверенитета (понимаемого как право каждой нации – коллектива граждан – на самоопределение), теория которого разрабатывалась европейскими мыслителями с XVII в.¹⁵⁹¹. Большинство же иранских «реформаторов» лишь поверхностно восприняли европейские образцы, зачастую некритически увлекаясь новыми идеями. Однако на практике они мыслили и действовали исходя из традиционных категорий¹⁵⁹². «Европейский свет» коснулся этих людей, как отмечал М. Алиханов-Аварский, «ровно настолько, чтобы достаточно плохо говорить по-французски и не считать оскверняющим общество гяуров. И довольно, ибо больше здесь и не требуется, а очень оевропеившихся даже просто не любят все, не исключая и самого шаха»¹⁵⁹³. В турецком варианте первой половины XIX в. о таком типе людей, хорошо выразился российский офицер Ф.Ф. Торнау. Он противопоставлял бездуховности «новых османов», которые отреклись от своей культуры, но не прониклись чужой, «старых» турок с их устоявшимися традиционными религиозными нормами общежития¹⁵⁹⁴. В иранском варианте отчасти ту же тенденцию, только среди офицерского корпуса, отметил Мисль-Рустем: «обмундировываются они (офицеры пехоты – О.Г.) большею частью не в австрийскую форму (с момента приглашения австрийской военной миссии для обучения пехоты, пехотные полки и их командный состав пытались переодеть в австрийскую форму по единому образцу – О.Г.), а в персидские «сардари», т. е. сюртуки с массой складок в виде юбок, а на голове носят туземные «кула» из сукна или барашка. Мундиры австрийского покроя они ненавидят, как и всё европейское,

мировой истории. XIV–XIX вв. Западные концепции общественного развития и становление мирового рынка. М.: Наука, 1991. 264 с.

¹⁵⁹⁰ Батюк В.И. Лекции по истории международных отношений в новое время (1648 – 1918). М. 2003. 260 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dp5.ru/index.php/-2/74794-batyuk-v-i-lekcii-po-istorii-mezhdunarodnyx.html>.

¹⁵⁹¹ Сергунин А.А. Суверенитет: эволюция концепта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/756/30/>

¹⁵⁹² Детальнее о проблемах такого рода см.: Фадеева И.Л. Специфика процессов модернизации в исторической ретроспективе XIX – XX вв. // Особенности модернизации на мусульманском Востоке. Опыт Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана. М.: ИВ РАН, 1997. С. 13–14.

¹⁵⁹³ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 171–172.

¹⁵⁹⁴ Торнау Ф.Ф. Воспоминания о кампании 1829 года в европейской Турции // Торнау Ф.Ф. Воспоминания русского офицера. М.: АИРО-XX, 2002. С. 102.

так как большая часть офицеров ярые фанатики; европейскую форму носят в строю только молодые офицеры, выпущенные из училища»¹⁵⁹⁵. Э. Хобсбаум, вслед за французами, называет этот слой населения «эволю» – «приспособленцы», «небольшие группы населения, в основном правящие классы и горожане, получавшие какие-то выгоды от новшеств, но осуждавшиеся большинством, смотревшим на них, как на чужаков, отступников»¹⁵⁹⁶. С этим трудно полностью согласиться в отношении Ирана да и Востока вообще. Часть «западников» действительно представляла собой обыкновенных приспособленцев, искавших личную выгоду. Тип такого персианина приводил К.-О.Г. Баумгартен «За месяц до моего прибытия в Туршиз, из Мешхеда туда был назначен правителем принц Махомед-мирза, молодой человек, говорящий по-французски, щеголяя бульварными оборотами речи; я слышал в Себзеваре, что он воспитывался в Англии и пользуется от англичан небольшими субсидиями. В разговоре со мной он уверял в своих симпатиях к русским и всячески старался узнать предстоящий мне маршрут, рассказывая вместе с тем о путешествии хорасанского английского консула полковника Иета. Принц был прислан сюда, как сам выражался: “pour exercice des impots”, что в точном переводе значит “для принудительного сбора податей”, при чём он конечно не забудет собрать и на свою долю»¹⁵⁹⁷.

Однако были среди них и люди, искренне захваченных европейскими образом жизни, идеями и пр. Но они в большей степени напоминали детей, копирующих взрослых, которые представляют в их глазах авторитет, но не вкладывающих в действия и поступки того смысла, который им дают старшие. Типичным примером такого рода деятелей в Каджарской монархии может служить мирза Малкольм-хан, автор множества литературных произведений о необходимости реформ в Персии, но легко менявший свои взгляды в зависимости от личных обстоятельств¹⁵⁹⁸.

Наконец, важным препятствием на пути реформ были Англия и Россия, стремившиеся (каждая по своим причинам) к консервации феодальных отношений в Иране. Обе эти страны не были заинтересованы в усилении шахской власти и

¹⁵⁹⁵ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 116.

¹⁵⁹⁶ Хобсбаум Э. Век империи. 1875–1914. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. С. 46.

¹⁵⁹⁷ Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Вольнского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование // СМА. 1896. Вып. 63. С. 74–75.

¹⁵⁹⁸ Анаркулова Д.М. Общественно-политическая деятельность Малькольм-хана. Душанбе: Дониш, 1984. 148 с.; Hamid Algar. *Mirzā Malkum Khān: A Study in the History of Iranian Modernism*. University of California Press, 1973. 327 p.

модернизации страны, поскольку добиваться получения экономических и политических уступок было легче добиваться при слабом центральном правительстве, а реализовывать их – при неконкурентноспособной экономике¹⁵⁹⁹. Борьба между указанными державами и замораживание железнодорожного строительства в Иране, как нам представляется, затормозили втягивание последнего в мировую капиталистическую систему, которую формировали европейские государства. Однако глубоким заблуждением было бы считать, что этот процесс принёс бы Стране льва и солнца исключительно положительные результаты. Как показала дальнейшая история, распространение капиталистических отношений и включение Персии в новые глобальные экономические отношения привели к превращению его в политический и сырьевой придаток ведущих держав мира, государство, чья внешняя и внутренняя политика напрямую зависели от решений, принимавшихся вне его границ. В складывавшихся условиях конца XIX в. Иран в любом случае проиграл бы более развитым экономически и лучше организованным политически государствам Запада. Будь он опутан сетью железных дорог, процесс превращения в полуколонию, возможно, ускорился бы в разы. Для внутренней жизни страны проникновение капиталистических отношений, несмотря на утверждения советских и западных историков об их «прогрессивности», всё же несли больше бед, нежели выгод. Часть современников, и многие из последующих поколений исследователей это прекрасно осознавали и отразили в своих работах. Лучше всего двойственность указанного процесса была показана в исследованиях историков СССР, поскольку поиск недостатков капиталистической системы, критика колониализма были их основными задачами, с которыми они вполне хорошо справлялись¹⁶⁰⁰. Вторжение капиталистических отношений привело к огромному росту налогов и различных поборов, воровству и откровенному грабежу простого населения представителями верхушки. «До 1880 г., – сообщал российский наблюдатель в начале XX в., – в Персии мало было крупных богачей-миллионеров и

¹⁵⁹⁹ Кулагина Л.М. Попытки модернизации государственного управления Ирана во второй половине XIX века // Особенности модернизации на мусульманском Востоке. Опыт Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1997. С. 96. Правда, Россия стремилась сохранить власть шаха и целостность страны, но под своим контролем, а англичане напротив, делали всё, чтобы превратить южные и юго-восточные районы персидской монархии в свою вотчину, поддерживая сепаратизм местных племён и правителей.

¹⁶⁰⁰ Сжатый и очень удачный анализ указанных процессов сделан в работе Анаркулова Д.М. Общественно-политическая деятельность Малькольм-хана. Душанбе: Дониш, 1984. С. 16–50.

владельцев, но в 1900 г. их можно считать целыми сотнями»¹⁶⁰¹. Происходит резкая экономическая поляризация иранского общества. В традиционном социуме верхи преимущественно ограничивались определённой частью производимого продукта и власти. Капиталистическая конкуренция, возможность получить больше, чем это было возможно в обычных условиях, привели в действие человеческий фактор, слабо ограниченный рамками обычаевых норм и практик. Этим фактором стала жадность. Вкупе с честолюбием, снобизмом, которые особенно были присущи выходцам из низов, пробившимся наверх социальной лестницы, она сыграла важную роль в распаде традиционных социально-экономических отношений и резком расслоении в среде населения Каджарской державы.

В первую очередь указанные процессы сказывались на крестьянстве, составлявшем основную часть населения страны. Наиболее удачно их изложил советский исследователь З.З. Абдуллаев. «Рост аренды и купли-продажи земельных участков, развитие товарного хозяйства, углублявшаяся дифференциация и образование рынка рабочей силы – всё это характерные признаки эволюции капиталистических отношений, которые в той или иной степени проявляли себя в сельском хозяйстве Ирана в изучаемый период, – писал он. – ... Вся беда заключалась в том, что обезземеливание крестьян в деревне не сопровождалось развитием капиталистического сельского хозяйства, способного обеспечить поставляемую деревней рабочую силу. Если с одной стороны расшатывались основы натурального хозяйства, то с другой – именно господство капиталистических держав в экономической и политической жизни приводило к тому, что эволюционизировавшие элементы капиталистических отношений лишались соответствующих нормальных условий для развития и расцвета»¹⁶⁰².

Мотивы и причины политики двух великих европейских держав относительно Персии были, в общем, схожи, хотя во времени и в частностях различались. Целью России ещё в 1870-х – 1880-х гг. английские политические деятели и националистически настроенные иранские газеты, выходившие за пределами Ирана, называли консервацию страны. «Подлинной целью (России – О.Г.) было удержать

¹⁶⁰¹ Атрпет. Мамед-Али Шах. Народное движение в стране льва и солнца. Александрополь: Тип.-скоропечатня «Ширак», 1909. С. 141.

¹⁶⁰² Абдуллаев Ю.Н. Промышленность и зарождение рабочего класса Ирана в конце XIX – начале XX вв. Баку: Изд-во АН АзССР, 1963. С. 24.

Персию, имеющую взаимосвязи с народами Европы, в состоянии дремоты, чтобы улучшить своё положение», – писала газета «Ахтар» от 5 декабря 1888 г.¹⁶⁰³. Английский посол в Петербурге в 1880-х гг. Роберт Морье так формулировал задачи российской политики. «Россия склоняется к созданию своего собственного порядка в азиатских присоединённых территориях, используя преимущества железных дорог и всех других великих двигателей цивилизации. Она убеждена, что станет путеводной звездой для всех соседних азиатских народов, которые должны рано или поздно устремиться к ней. Поэтому чем хуже состояние этих соседей, чем больше их нищета и упадок, тем ближе она к достижению своей цели. Поэтому персы и другие азиаты должны продолжать вариться в своем собственном соку, – это кредо, которое Россия противопоставляет нашим ясным призывам к объединенному энергичному действию»¹⁶⁰⁴. Хотя в словах Р. Морье отчётливо просматривается раздражение неудачей переговоров с Санкт-Петербургом по вопросу о разделе сфер влияния в шахском государстве, отчасти эти определения были верны. Не смотря на то, что в правящих кругах империи было много сторонников активной экспансии (прежде всего – экономической и политической) в Каджарскую монархию, тем не менее, реальное положение дел было таковым, что Россия до начала 1890-х гг. не могла её реализовывать. Связано это было с экономической неразвитостью страны в сравнении с Англией. Поэтому лучшей политикой была признана «консервация» Ирана с целью недопущения усиления британского влияния. Если английская торгово-политическая экспансия явилась дополнительным стимулом, обусловившим активизацию политики России в Центральной Азии в 1860-х –1870-х гг.¹⁶⁰⁵, то относительно Персии она в 1880-х гг. играла ту же роль, только реализовывалась другими методами. Резервирование мест монопольного владения в борьбе с более сильным (реально или представлявшимся таковым) конкурентом было общим методом и для российского, и для британского империализмов¹⁶⁰⁶. В Иране, без сомнения были люди (к их числу относился и шах), которые понимали, что власть в

¹⁶⁰³ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. Гл. 3.

¹⁶⁰⁴ Там же. С. 184.

¹⁶⁰⁵ Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1857–1868). М.: Издательство восточной литературы, 1960. С. 4.

¹⁶⁰⁶ Парфёнов И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века: Движущие силы, формы и методы. М.: Наука, 1991. С. 3. Под империализмом мы понимаем государственную политику, практику или пропаганду расширения власти и владений, в особенности путём прямых территориальных приобретений, либо посредством установления политического и экономического контроля над другими районами [Глеб М.В. Имперская идея в Великобритании (вторая половина XIX в.). Минск: Белорус. наука, 2007. С. 9].

своей стране они могут сохранить лишь играя на противоречиях двух держав (впрочем, были и такие которые ставили на одну из них, но их было немного; больше было «флюгеров», которые исходя из собственных властных интересов колебались то в одну, то в другую сторону). Примером может служить проект постройки порта в Энзели и дороги Энзели – Тегеран, предложенный русским правительством Насреддин-шаху. Казалось бы, это предложение сулило Ирану большие выгоды. Но персидская сторона всячески задерживала его реализацию, поскольку на совете при шахе было принято решение не допустить строительства любой ценой. Причины были просты – на Каспийском море Персия флота не имела по Туркманчайскому договору 1828 г. Что до дороги, то, как отмечал В.А. Косооговский по этому поводу, «персы понимают смысл этой дороги возможно даже лучше, чем европейцы ... персы никогда не позволят построить дорогу, которая даст русским прямой доступ к сердцу страны»¹⁶⁰⁷.

В этой связи важно остановиться на мотивах английской политики относительно Персии. Вопреки утверждениям Ф. Казем-заде, Англия и не собиралась «продвигать экономическое развитие» Персии. В своих рассуждениях он исходил из неверных посылок, что англичане с экономической точки зрения должны были инвестировать свои капиталы в более выгодные рынки¹⁶⁰⁸. Из слов историка следует, что англичане хотели развивать экономику Ирана, но внутренние обстоятельства местного уклада жизни не позволяли им это сделать, делали это развитие невыгодным. В этом утверждении есть доля истины. Однако оно не полностью соответствует действительности.

Общественный строй страны обусловил внешнюю политику. Развитие капитализма, изменения под его воздействием социальной структуры населения и менталитета англичан сказывались здесь очень отчётливо. «Захват есть главный движущий принцип буржуазии», – отмечал в своё время К. Маркс¹⁶⁰⁹. Полновесно эту мысль выразил в 1877 г. на страницах журнала «Девятнадцатое столетие» Е. Дайси. «Если вы – бизнесмен, – писал он, – то не сможете руководствоваться

¹⁶⁰⁷ Babich P. A Russian officer in Persian Cossack Brigade: Vladimir Andreevich Kosagovskii. Budapest: CEU, 2014. P. 56.

¹⁶⁰⁸ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. Гл. 3.

¹⁶⁰⁹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Издание второе М.: Издательство политической литературы, 1964. Т. 33. С. 139.

примитивными догмами христианства»¹⁶¹⁰. Главной движущей силой экспансии Великобритании были промышленный капитал и английские коммерсанты, купцы, судовладельцы, миссионеры. В последней трети XIX в. на первый план выходят финансисты Сити¹⁶¹¹, связанные с экспортом капитала, страховыми и транспортными операциями, эксплуатацией колоний и зависимых стран¹⁶¹². Колониальная политика Англии базировалась в рассматриваемый период на экономическом проникновении и подчинении с помощью военных и дипломатических методов важнейших составляющих экономик стран Востока. Иногда, из политических или иных соображений, это делалось «впрок», с целью недопущения появления конкурента. В последней трети XIX в. активная защита интересов британских деловых кругов превратилась в одну из первоочередных функций правительства¹⁶¹³. Английские концессии в Каджарской державе, «освоение» юга страны, свидетельствовали, что политические мотивы здесь шли рука об руку с экономическими, и зачастую сложно утверждать, какие из них играли первенствующую роль. Иран стал выгодным рынком сбыта английских товаров, который шёл в основном через Индию¹⁶¹⁴. В течение всего XIX в. Англия занимала первое место в общем объёме внешнеторгового оборота Персии¹⁶¹⁵. Многие наблюдатели и историки подчёркивали, что англичане в течение века вывозили из страны серебро в больших количествах¹⁶¹⁶. Разочарование (до некоторой степени) английских деловых кругов в Иране произошло в начале 1890-х, после провала концессии Д. Тальбота. Но даже сама эта концессия свидетельствовала о стремлении влиять на экономику страны и получать из этого возможно большие выгоды.

¹⁶¹⁰ Парфёнов И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века: Движущие силы, формы и методы. М.: Наука, 1991. С. 71.

¹⁶¹¹ исторический и деловой центр Лондона.

¹⁶¹² Парфёнов И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века: Движущие силы, формы и методы. М.: Наука, 1991. С. 55–56.

¹⁶¹³ Глеб М.В. Имперская идея в Великобритании. Вторая половина XIX в. Минск: Белорусская наука, 2007. С. 42; Парфёнов И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века: Движущие силы, формы и методы. М.: Наука, 1991. С. 59–60.

¹⁶¹⁴ Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 81–115.

¹⁶¹⁵ Там же. С. 89.

¹⁶¹⁶ Анаркулова Д.М. Общественно-политическая деятельность Малькольм-хана. Душанбе: Дониш, 1984. С. 37; Венюков М.А. Россия и Англия в Персии // Русский вестник. 1877. Т. 131. № 10. С. 461; Из тегеранского дневника полковника В.А. Косоговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 137–138.

Характерным в указанном отношении является пример, приведённый на Особом совещании 4 февраля 1890 г. И.А. Зиновьевым. «Хорошо известно, – сообщил он собравшимся, – что, опираясь на свои многочасовые коммерческий и военный флоты, обеспечивающие её сообщениями с её колониями, Англия упорно противодействовала прорытию Суэцкого канала¹⁶¹⁷ на том лишь основании, что предприятие это должно было облегчить доступ в Индийский океан судам других наций. Но когда противодействие это оказалось бесполезным, и канал был довершён благодаря энергическому содействию Франции, все усилия англичан были направлены к тому, чтобы подчинить своему контролю этот новый путь. Пользуясь благоприятными обстоятельствами, великобританское правительство скупило большую часть акций компании канала, умножило число своих станций в Красном море и, наконец, в тех же видах, решилось на крайне отважный шаг, а именно – на занятие своими войсками Египта¹⁶¹⁸, обеспечивающее за Англией беспорное господство над путями, соединяющими Европу с Индийским океаном»¹⁶¹⁹. Этот пример замечательно характеризует внешнюю экономическую политику британской короны и показывает, что политики, курировавшие персидскую политику империи Романовых, вполне обоснованно опасались предлагавшегося англичанами сотрудничества в деле «развития» Ирана.

Место Каджарской империи во внешней политике Великобритании определялось как экономическими интересами, так и политическими соображениями. Иран считался важным стратегическим плацдармом в средневосточной политике Англии. Концепция обороны Индии предполагала включение если не всей, то части Персии в сферу британского влияния¹⁶²⁰.

¹⁶¹⁷ Строительство канала было начато в 1859 г. под руководством французского инженера Фердинанда де Лессепа. Для этого была создана Всеобщая компания Суэцкого канала. Египетское правительство получило 44 % всех её акций, Франция – 53 % и 3 % приобрели другие страны. В ноябре 1869 г. канал был открыт для судоходства [Виноградов К.Б. Фердинанд Лессепс и строительство Суэцкого канала // Вопросы истории. 1969. № 11. С. 45–52; Гальский Д. Великие авантюры. История создания Суэцкого и Панамского каналов. М.: Прогресс, 1986. 440 с.; Дементьев И.А. Суэцкий канал. М.: Географгиз, 1954. 72 с.; Мусаева С.И. Англо-французское соперничество вокруг проекта Суэцкого канала // Военно-исторический журнал. 2011. № 7. С. 33–37; Суэцкому каналу 140 лет: история создания легенды XIX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/society/20091117/194118343.html>].

¹⁶¹⁸ Речь идёт об англо-египетской войне 1882 г., в результате которой Египет был оккупирован Англией и превращён в её протекторат [Нерсесов Г.А. Дипломатическая история египетского кризиса 1881–1882 гг. (в свете русских архивных материалов). М.: Главная редакция восточной литературы, 1979. 318 с.].

¹⁶¹⁹ Англо-русское соперничество в Персии в 1890–1906 гг. // Красный архив. 1933. Т. 1 (56). С. 45.

¹⁶²⁰ Штейнберг Е.Л. История британской агрессии на Среднем Востоке. (От французской буржуазной революции до Второй мировой войны). М.: Воениздат, 1951. С. 85.

Опасения экспансии России в сторону Индии хотя и были, в общем, малоосновательны, но также имели большое влияние на политику англичан относительно Каджарской державы. Современный исследователь утверждает, что «с 60-х гг. XIX в. Россия имела оформленные стратегические планы ведения военных действий на Востоке в случае столкновения с Великобританией и широкомасштабной войны в Европе». Со стороны России угроза Индии «становится способом давления на Великобританию при решении спорных вопросов европейской и азиатской политики»¹⁶²¹. В то же время, многочисленные российские проекты военных экспедиций в Индию использовались и англичанами для оправдания колониальной экспансии в государствах Среднего Востока.

Вне сомнения, большое влияние на борьбу держав вокруг Ирана оказывал и культурный фактор. Стереотипы имперскости¹⁶²² – представления каждой из сторон друг о друге, о себе самих, о своих роли и месте в мире, о Персии и персах и т.п. – опосредовали практически все планы и действия в этом соперничестве. На внешнюю политику Великобритании относительно России обывательские стереотипы, которые отчасти навязывались правительством и интеллектуалами, влияли довольно серьёзно. В сознании обывателя «десятилетиями культивировался образ «алчной» и «напористой» России, воспитывались недоверие и страх перед ней», – писал В.В. Дегоев¹⁶²³. И хотя его слова относились к началу Крымской войны, они не утратили актуальность в течение всего XIX в. В условиях демократического политического режима не только политики оказывали влияние на общественное мнение, но обратная связь была не менее сильна. Определённую роль играли престижные мотивы. Желание не уронить честь великой державы, влияние в глазах шаха, подпитывали поступки российских и английских политиков и военных. Не преуменьшая значения экономических и политических мотивов, следует помнить, что историю всё же творят люди. Поэтому человеческий фактор, включавший личные амбиции, культурные стереотипы и т.п., оставался значимым в

¹⁶²¹ Кубанов К.Г. Походы в Индию в проектах российских военных и политических деятелей XVIII – начала XX вв. Автореф. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2007. 27 с.

¹⁶²² Детальнее об этом термине см. Лурье С. Империя как судьба. Пролог [Электронный ресурс]. – Режим доступа: svlourie.narod.ru.

¹⁶²³ Дегоев В.В. Кавказ и великие державы. 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: Издательский дом Рубежи-XXI, 2009. С. 184.

международных отношениях вокруг Ирана. На примере ПКБ это проявилось со всей отчётливостью.

5.2. Нарастание кризисных явлений в ПКБ

Отставкой Н.Д. Кузьмина-Караваяева проблемы бригады не были решены, а были просто «загнаны вглубь». В первой половине 1890-х гг. англо-русская борьба за Персию вошла в новую фазу. Несмотря на то, что продолжалась она с переменным успехом, первенство постепенно стало склоняться в пользу России. Первоначально велась она вокруг вопроса о железнодорожном строительстве, успех в котором в итоге оказался за Россией. 30 октября 1890 г. между Россией и Персией было подписано соглашение о моратории на 10 лет в сфере строительства железных дорог и концессий на них на будущее¹⁶²⁴.

Полковник ГШ Н.Я. Шнеур¹⁶²⁵ приступил к своим обязанностям по сложившейся в Персии традиции – в марте 1890 г.¹⁶²⁶ К моменту его прибытия к новому месту службы ПКБ состояла из 3-х полков, конной батареи, гвардейского эскадрона и музыкантского хора. Численность ПКБ составляла около 1 210 человек, часть которых была т. н. «пенсионерами», т. е. людьми не способными к службе, но получавших жалование. Значительную часть ПКБ, в том числе и «пенсионеров», составляли мухаджиры. Как уже отмечалось, в Иране эта социальная группа пользовалась большими привилегиями, и большая часть боеспособных мужчин из неё были включены в состав ПКБ. Бригаду возглавлял русский офицер ГШ, при котором находились 3 обер-офицера и 5 унтер-офицеров. Помощниками Н.Я. Шнеура стали есаулы Николай Засыпкин, Ремизов и поручик Каспар Николаевич Блюмер. Первые два прибыли с полковником вместо ушедших из-за

¹⁶²⁴ Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 397–398.

¹⁶²⁵ В.Н. Ламсдорф ошибочно называл его Шнейдером [Ламсдорф В.Н. Дневник. 1891–1892. М.–Л.: Международные отношения, 1934. С. 129], а Ф. Казем-заде – Шнейером [Казем-заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 214].

¹⁶²⁶ В Иране новый год начинался с ноуруза, 9 марта. Формально большинство Заведующих также начинали исполнение своих обязанностей с этого времени. Французский врач Ж.-Б. Фёврие наблюдал один из парадов с участием ПКБ в конце февраля 1890 г. на в день празднования рождения 4-го имама Абуль-Хасана Али ибн Абу Талиб аль-Кураши, или Али [Feuquier J.V. Trois ans à la cour de Perse. Paris: F. Juven, 1900. P. 205] Он сообщал, что русский полковник и офицеры на нём уже присутствовали.

скандала Н.Д. Кузьминым-Караваевым есаула Евпла Авксентиевича Маковкина и подьесаула Михаила Андреевича Ассиера. Формально все они должны были командовать обучением полков и батареи бригады. Фактически же их функции были распределены следующим образом: Ремизов был помощником полковника по хозяйственной части, К.Н. Блюмер командиром батареи, а Н. Засыпкин инструктором кавалерии¹⁶²⁷.

В 1891 г. автор статьи о Персии и её армии в «Энциклопедии военных и морских наук» писал о ПКБ следующее: «регулярную кавалерию образует так называемая казачья бригада (преимущественно из кавказских выходцев [мухаджиров]): 3 полка (по 4 эскадрона в 50–60 человек), 1 гвардейский эскадрон, 1 эскадрон мухаджиров-нодама (инвалидов), и 1 конная полубатарея. Полки и эскадроны обучены по нашему казачьему уставу»¹⁶²⁸. Тот же автор оценивал численность ПКБ для военного времени в 1 000 человек¹⁶²⁹. Однако к этой цифре нужно относиться осторожно. Здесь были учтены только формальные показатели количества людей, а не фактические. Это следует из приблизительной оценки численности эскадронов и показания третьего полка как боевой единицы. К тому же в статье указан эскадрон «Кадам», ошибочно именуемый «нодамом». К 1891 г. он уже не существовал. Это позволяет предположить, что информация, которой располагал автор статьи, была отчасти устаревшей¹⁶³⁰.

¹⁶²⁷ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1893. Св. 1335. Д. 43. Л. 4–5.

¹⁶²⁸ Энциклопедия военных и морских наук. СПб.: Тип. В. Безобразова и Компании, 1891. Т. 5. С. 612.

¹⁶²⁹ Там же. С. 613.

¹⁶³⁰ Это и не удивительно, поскольку энциклопедия была издана в 1891 г., а статья, очевидно, писалась раньше и по материалам, представленным в бытность Н.Д. Кузьмина-Караваева. Тем не менее, сведения эти представляют определённый интерес для изучения начального этапа командования Н.Я. Шнеура. Вообще, следует отметить, что такое «запоздание» в информации было вполне объяснимо. Изучение персидской армии систематически велось с 1878 г. Однако в силу её откровенной слабости, оно не носило глубокого характера. Сведения о ней поступали в Штаб Кавказского военного округа от офицеров ПКБ, командированных офицеров штаба округа, путешественников, посланника и консулов, из иностранных источников. Оттуда они передавались в сжатом виде в Главный штаб, в Военно-учёный комитет, где, помимо этого, были и свои источники информации. На их основе и в Тифлисе, и в Петербурге издавались общие сведения о иранских войсках. Однако вплоть до 1890-х гг. о основу их была положена информация, собранная В.А. Франкини. Год от года её переиздавали, слегка корректируя в зависимости от изменений в Иране. Но далеко не всегда эта корректура происходила вовремя. К тому же сведения об армии шаха брались из открытых источников. Последние в основном были рассчитаны на внутреннее потребление денег военным министром за их счёт и на внешний показной эффект, на европейцев. «Сведения, публикуемые Главным штабом, совершенно согласны с официальными данными персидского военного министерства, – писал в 1891 г. анонимный русский офицер. – ... На деле же ни по дислокации войск, ни даже по нумерации действительность не совпадает с законом и теорией. На деле так называемые “персидские вооружённые силы” приходятся каждым годом всё в больший и больший упадок и существуют только на бумаге, в действительности имеется толпа бродяг, в однообразные лохмотья, не имеющих и отдалённого понятия о дисциплине не только внутренней, но и внешней» [Персидская армия, со слов компетентного русского офицера 1891 г. // СМА. 1891. Вып. 49. С. 181]. Поэтому данные Главного штаба, да и штаба округа далеко не всегда соответствовали действительности. О реальном положении дел знали немногие, а такие бюллетени вводила и в заблуждение людей несведущих. Для некоторых в штабе Кавказского военного округа ежегодные публикации сведений о персидской армии (да и об османской) – дело в принципе полезное и необходимое

Интересные сведения оставил о бригаде Джордж Натаниэль Кёрзон, в качестве корреспондента газеты «Times» наблюдавший её накануне назначения Н.Я. Шнеура в сентябре 1889 – январе 1890 гг.¹⁶³¹. Не смотря на множество неточностей¹⁶³², его сообщения важны как источник официальных сведений о ПКБ и её положении и как взгляд со стороны. Д.Н. Кёрзон писал, что в Тегеране существовало 3 «казачьих» полка, «на содержание которых (по 25 туманов или 62 руб. на человека) отпускается по расчёту шести сот человек в каждом полку, так что казаков считается 1 800 человек; в действительности же имеется только 2 полка по 600 человек в каждом, т. е. 1 200 человек, которые распределены по 3-м полкам в 400 человек каждый»¹⁶³³.

Ниже он приводил бюджетное расписание ПКБ, которое интересно тем, что оно – пока единственное известное из существовавших.

Чин и количество	и Мувайи б, ежегодн о на человек а	Джире, ежедневн ые порции на человека	Алик, суточная дача лошадям ячмен ь а	солом сен о	Стоимость содержания полка в год, в кранах ¹⁶³⁴ мувайи джир алик	Общи й итог за год

I. МУХАДЖИРСКИЙ ПОЛК

Фуражное
довольствие
переведено на деньги

для мобильного обновления информации о войсках противника – было средством подзаработать. В частности, К.Н. Смирнов указывал, что адъютант отдела ГШ округа (в начале 1890-х гг. он занимал должность Заведующего канцелярией Отдела ГШ) капитан 1-го кавказского Сапёрного батальона Михаил Петрович Горох, ведавший с 1890-х гг. финансовой и издательской сторонами отдела, использовал ежегодные издания дислокации персидской армии для пополнения собственного бюджета. «При Каджарах, – писал он, имея в виду конец XIX – начало XX вв., – в сущности никакой армии не было. Сарбазские полки никакой большой ценности не имели, сведения о них были дутые и бесполезные, а ежегодное издание этого, конечно, стоило денег и приносило доход одному Гороху» [Смирнов К.Н. «Интеллидженс» Кавказского фронта в период 1878–1918 годов // Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 181]. Вплоть до 1893 г. в Петербурге сведения о ПКБ практически не обновлялись, а по иранской армии – эпизодически и лишь в виде дополнений-ссылок. Объяснялось это слабостью вооружённых сил Каджарской монархии и обыкновенной канцелярской рутинной.

¹⁶³¹ Curzon G.N. Persia and the Persian Question. London: Published by Frank Cass & Co. Ltd, 1966. P. 595.

¹⁶³² Так, Д.Н. Кёрзон неверно указывал численность полков, количество инструкторов, количество «берданок», подаренных русским правительством [Curzon G.N. Persia and the Persian Question. London: Published by Frank Cass & Co. Ltd, 1966. P. 588] (детальнее см.: Гоков О.А. Персидская казачья бригада в публикациях Д.Н. Кёрзона // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. 2013. № 1087. Історія. Вип. 47. С. 171–181).

¹⁶³³ Персидская армия (Из Times 11 февраля 1890 г.) // СМА. 1890. Вып. 42. С. 84.

¹⁶³⁴ Кран – серебряная монета в Персии, 1 кран = $\frac{1}{10}$ тумана = 20 шахи = 1000 динаров. Номинально 1 кран содержал 4,1247 г. серебра. Из подсчёта видно, что Д.Н. Кёрзон исходил из курса 35 кранов за 1 фунт стерлингов. Однако курс крана по отношению к фунту стерлингов не был постоянным и колебался в зависимости от желания Шаханшахского банка. Так, 31 марта 1893 г. в Исфахане за 1 фунт стерлингов давали 45 кранов, в Басре – 37 $\frac{3}{4}$ крана; в мае 1894 г. – 49 кранов, а в Тебризе 54 крана [Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 52–53].

		в	по следующим ценам:			в
		кранах	ячмень – 15 кран за	харвар ¹⁶³⁵ (650 англ.	английских	в кранах
			фунтов)		фунтах ¹⁶³⁶	
			солома – 4 крана за			
			харвар			
			сено – 10 кран за			
			харвар			
1	сартип (генерал)	14 000	39	78	19 ½	14 000
1	сарханг (полковник)	3 000	19 ½	39	9 ¾	3 000
2	явера (майора)	2 400	16 ¼	32 ½	8 ⅞	4 800
4	султана (капитана)	1 800	13	26	6 ½	7 200
1	аджудан (адъютант)	1 800	13	26	6 ½	1 800
8	наиб- аввелей (1-х лейтенантов, поручиков ¹⁶³⁹)	1 200	9 ¾	19 ½	4 ⅞	9 600
8	наиб- дуюмов (подпоручик ов)	840	9 ¾	19 ½	4 ⅞	6 720
1	мушриф (казначей)	1 500	13	26	6 ½	1 500
1	табиб (врач)	3 000	16 ¼	32 ½	8 ⅞	3 000
1	векиль-е коль (старший сержант, знаменосец)	400	6 ½	13	3 ¼	400
4	векиля (сержанта,	350	6 ½	13	3 ¼	1 400

Поручики, подпоручики, унтер-офицеры и рядовые (всего 589 чел.), каждый получают ежедневно 3 ¼ английских фунта хлеба, 2 ½ унции¹⁶³⁷ сыра, 6 ½ унций мяса, и летом 5 ½ унций винограда раз в неделю, риса и сои. Рационы составляют в среднем 8 шахи¹⁶³⁸ в день.

589 человек по 8 шахи в день на человека = 85 994 крана в год

662 тонны ячменя – 34 250 кран

1 324 тонны соломы – 22 830 кран

331 тонна сена – 11 415 кран

Итого – 68 495 кран

¹⁶³⁵ Мера веса, первоначально – груз, который могли нести лошадь, вол, мул или осёл. 1 харвар равнялся в разных местах от 22,5 до 30 пудов или 300–480 кг. (хотя встречались цифры от 100 кг.).

¹⁶³⁶ Мера веса. 1 английский фунт = 16 унциям = 7000 гранов = 0,45359237 кг.

¹⁶³⁷ 1 унция = 16 драхамм = 437,5 гранам = 28,349523125 г.

урядника)										
8	315		6 ½	13	3 ¼	2 520				
серджоуков (капралов, ефрейторов)										
560 нижних чинов	300		6 ½	13	3 ¼	168 000				
							223 940	85 99	68 495	378
								4		429

II. ПОЛК «БУМИ»

1 сартип (генерал)	12 000	–	–	–	–	12 000	–	–		
Прочие офицеры и унтер- офицеры – то же, что и в Мухаджирск ом полку	Как и в Мухадж ирском полку	Как и в Мухаджирс ком полку	Как и в Мухад жирск ом полку	Как и в Мухад жирск ом полку	Как и в Мухад жирск ом полку	Как и в Мухад жирско м полку	Как и в Муха джир ском полку	Как и в Мухаджир ском полку		
560 нижних чинов	180	–	–	–	–	100 800	–	–		
							154 740	85 99	68 495	309 22
								4		9

Отдельно оплачиваемые для I и II

Русские Инструктор ы (1 полковник, 2 капитана и несколько унтер- офицеров); жалование, рационы и прочее.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	80 000
Переводчик в чине генерала	8 000	Не полагается	39	78	19 ½	8 000	–	660		
							8 000		660	88 660

¹⁶³⁸ Шахи – персидская монета из никеля и бронзы. 1 шахи = 50 динаров.

¹⁶³⁹ Там, где даётся два значения, первое относится к аналогу в английской, а второе – в российской армиях.

Д.Н. Кёрзон произвёл также общие подсчёты на годовое содержание двух полков, включив сюда цифры, не вошедшие в первую таблицу.

		в кранах	общий итог в кранах
Инструкторам			80 000
Переводчику			8 860
1-й полк	жалование	223 940	
	рационы	85 994	
	фуражное довольствие	68 495	
	медикаменты	1 200	
	на содержание в порядке и замену лошадей	58 900	
	обмундирование	58 900	
			497 429
2-й полк	жалование	154 740	
	рационы	85 994	
	фуражное довольствие	68 495	
	медикаменты	1 200	
	на содержание в порядке и замену лошадей	58 900	
	обмундирование	58 900	
			428 229
квартирное довольствие и конюшни			10 000
Итого			1 024 318
			(29 266 фунтов стерлингов)

К сожалению, совершенно неизвестно, откуда были получены англичанином указанные цифры. Скорее всего, они имели официальный характер, и частью были добыты корреспондентом из других источников. Однако некоторые заключения сделать всё же можно. В частности, что некоторые цифры нуждаются в корректировке. Так жалование русских инструкторов, которое приводил Д.Н. Кёрзон, равнялось в год 8 000 туманов¹⁶⁴⁰. При пересчёте вышло, что согласно английскому наблюдателю, русские военные должны были получать 22 400 рублей или 91 040 франков в год. Однако на деле все вместе взятые они получали 7 200

¹⁶⁴⁰ Курс крана по отношению к рублю постоянно колебался [Сапарова Д.Ч. Влияние Закаспийской железной дороги на развитие русско-иранских торговых связей (90-е гг. XIX в.). Ашхабад: Ылым, 1991. Приложение 3), поэтому нами взяты за основу официальные цифры. В 1889–1890 гг. официальный курс тумана к рублю составлял 1 туман к 2 рублям 84 $\frac{3}{4}$ копейки, а в 1892 г. – 1 туман к 2 рублям 84 $\frac{2}{3}$ копейки [Кавказский календарь на 1890 год. Тифлис, 1889. Отд. 1. С. 50; 47, отд. 1, с. 137], хотя для простоты всегда считали как 1 к 3-м. В тумане было 10 кран. Курс франка составлял 11 франков 38 $\frac{1}{2}$ за туман [Кавказский календарь на 1890 год. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданского частью на Кавказе, 1889. Отд. 1. С. 50].

туманов или 20 520 рублей, или 81 936 франков в год. По контракту Заведующий должен был получать 2 400 туманов в год, обер-офицеры – каждый по 1 200 туманов, а урядники по 240 туманов в год на человека¹⁶⁴¹. Не учтены были Д.Н. Кёрзоном и денежные пенсии мухаджиров, из которых состоял бюджет 3-го мухаджирского полка. Тем не менее, в целом его цифры дают хорошее представление о сумме и наполнении бюджета ПКБ. Официально 1889/1890 год (год в Персии начинался в марте) он составлял 102 431 туманов или 291 928 серебрянных рублей (по официальному курсу 1 к 2,85), а в 1892/1893 году – 96 854 туманов или 276 034 рубля. Кроме этого отдельно выделялись деньги на содержание офицеров и «пенсионеров» 3-го полка, а также магальное или личное жалование – суммы, получаемые некоторыми «казаками» из других источников¹⁶⁴². В реальности же правительство экономило и на обмундировании, и на лошадях.

Исходя из всего вышесказанного, к цифровым данным английского наблюдателя нужно относиться с большой осторожностью, как, впрочем, и к большей части информации относительно ПКБ. Видимо, в своей работе он использовал официальные источники, предоставленные персидским правительством, и, отчасти, личные наблюдения. Тем не менее, проблемы бригады были им подмечены верно.

Так, Д.Н. Кёрзон отмечал неравенство в положении мухаджиров и немухаджиров, которое проявлялось даже в общем годовом содержании. Рядовой-мухаджир обходился казне, по его расчётам (учитывал только жалование и рационы), 655 кранов (18 фунтов стерлингов или 18 рублей 34 копейки), в то время, как немухаджир – 535 кранов (15 фунтов стерлингов или 14 рублей 98 копеек)¹⁶⁴³. Здесь его сведения по сути были верными. Мухаджиры, из которых первоначально комплектовалась ПКБ, действительно занимали в бригаде особое положение: их полк считался первым по старшинству, они получали больше жалования, кроме

¹⁶⁴¹ Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 79. Впрочем, если учитывать дополнительные выплаты на фураж, довольствие и т.п., то цифры Д.Н. Кёрзона могут считаться близкими к действительности.

¹⁶⁴² Детальнее о магалах в Иране см.: К характеристике общественно-экономических отношений в Иране в конце 90-х гг. XIX века [Электронный ресурс]. Режим доступа: [1941http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/1880-1900/Kosogovskij_V_A/text1.phtml?id=7772](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/1880-1900/Kosogovskij_V_A/text1.phtml?id=7772); Сборник статистических сведений о Кавказе. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского и Меликова и К, 1869. Т. 1. С. 83.

¹⁶⁴³ Кюрзон Г. Персия и персидский вопрос // СМА. 1893. Вып. 52. С. 134. Правительство Персии выделяло деньги из расчёта 30 туманов в год на мухаджиров, 25 – на немухаджиров, хотя в официальном бюджете, рассчитанном ещё первым Заведующим, была заложена цифра в 14 туманов [Докладная записка о состоянии дел в казачьей бригаде 24 октября 1879 года // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 129].

того, они имели пенсии от персидского правительства, и по смерти мухаджира его место, жалование и пенсия оставались за семьёй. Это, вкуче со старыми и неспособными мухаджирами, и приводило к образованию контингента «пенсионеров», которые были сведены в 3-й полк. Помимо этого, мухаджиры считали себя выше простых «казаков»-наёмников, что создавало Заведующему массу проблем с чинопроизводством, чиноподчинением и вообще с дисциплиной.

Сведения Д.Н. Кёрзона также дают возможность в общих чертах обрисовать составляющие бюджета ПКБ и примерные суммы, которые тратило на бригаду персидское правительство. Однако следует помнить, что цифры эти условны, поскольку основаны, видимо, на официальной статистике. Английский наблюдатель сам косвенно указывал на это. «Ни тот, ни другой полки, – писал он, не содержатся в полном составе, и иногда бывало, что полк состоял менее, чем из 300 человек (начиная с Н.Д. Кузьмина-Караваева, а, возможно, и раньше, такое положение дел было нормальной практикой – О.Г.); уменьшение в численности делается только насчёт низших чинов, высшие же находятся постоянно в полном штате. Сокращением числа содержимых на лицо чинов достигается уменьшение ежегодного расхода на полки в среднем на 9 000 фунтов стерлингов»¹⁶⁴⁴. То есть, согласно расчётам Д.Н. Кёрзона, таким образом, экономилась примерно треть бюджета ПКБ. Автор, видимо, не знал о гвардейском эскадроне, конной полубатарее, и о том, что существовал и третий полк, в котором по штату полагались «только кадры для четырёх эскадронов»¹⁶⁴⁵. «При третьем полку состоят 110 человек пенсионеров, получающих наследственное мухаджирское жалование. 1/3 их – инвалиды, 2/3 – женщины и дети (вдовы и сироты) умерших на службе мухаджиров», – характеризовал ситуацию с ним один из последующих командиров ПКБ в 1893 г.¹⁶⁴⁶. Деньги, выделявшиеся на этот полк, не фигурировали в официальных документах финансового ведомства, поэтому английский наблюдатель и не имел представления ни о составе указанного подразделения, ни о суммах, расходовавшихся на него. К тому же, как отмечал сам Н.Я. Шнеур, «жалование третьего полка выдавалось помимо русского полковника и

¹⁶⁴⁴ Кюрзон Г. Персия и персидский вопрос // СМА. 1893. Вып. 52. С. 135.

¹⁶⁴⁵ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1901. Д. 481. Л. 5.

¹⁶⁴⁶ Там же. Л. 6.

выплачивалось крайне неаккуратно»¹⁶⁴⁷, то есть фактически было предметом финансовых махинаций военного министра. Тем не менее, в общем Д.Н. Кёрзон был прав: «из числа нижних чинов большое количество не несло вовсе службы и числились только по спискам»¹⁶⁴⁸. Такое положение дел было нормальной практикой для всей персидской армии, а для ПКБ стало с середины 1880-х гг. Содержание части «казаков» в отпусках являлось хорошим способом экономить деньги в условиях их неаккуратной выдачи¹⁶⁴⁹. Разнообразие приводимых цифр численности ПКБ не должно вызывать удивление. Бригада существовала как бы в 3-х плоскостях, имея списочный, реальный и наличный составы. Формально она насчитывала 3 полка по 600 человек – не менее той цифры в 1 800 человек, которую приводил Д.Н. Кёрзон. «Бригада эта состоит из 13 сотен, – писал один из её инструкторов в 1891 г., – но так как определённого штата нет, то в настоящее время списочное состояние людей и лошадей вдвое больше первоначального»¹⁶⁵⁰. Реально её состав фиксировался числом в 1 210 человек, не считая нестроевых чинов. Налицо же Н.Я. Шнеур мог выводить в строй не более 300 человек. Касаясь количественных данных Д.Н. Кёрзона нужно отметить, что скорее всего, цифра сверх 1 200 составлялась из нестроевого элемента: «пенсионеров», различного рода прислуги и пр. Впрочем, возможно, что английский наблюдатель в своих оценках исходил из средних размеров персидских частей, а не из реального знания положения в бригаде. Об этом свидетельствует его произвольное разделение «казаков» на 2 полка по 600 человек, а также равномерное распределение их по трём полкам. Фоудж – аналог полка в Персии – численностью равнялся европейскому батальону. Поэтому для его обозначения европейцы использовали термины «полк однобатальонного состава» и «батальон» одновременно. Один такой полк в среднем насчитывал приблизительно 900 человек¹⁶⁵¹. Возможно, именно поэтому Д.Н. Кёрзон для их общей численности взял произвольно указанную среднюю цифру и, суммировав, получил 1 800 «казаков». Хотя, может быть, англичанин ориентировался на русские образцы. Зная, что ПКБ обучается на основе российских

¹⁶⁴⁷ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 90.

¹⁶⁴⁸ Там же. Л. 44.

¹⁶⁴⁹ Впрочем, в сравнении с другими частями персидской армии жалование «казакам» платили относительно регулярно и выплачивали в любом случае, хотя и не всегда в срок.

¹⁶⁵⁰ Персидская армия, со слов компетентного русского офицера 1891 г. // СМА. 1891. Вып. 49. С. 182–183.

¹⁶⁵¹ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М.: Наука, 1973. С. 46.

воинских уставов и возглавляется русскими, он мог за основу для определения численности взять кавалерийский полк императорской армии, который насчитывал 902 человека с офицерами¹⁶⁵². Вполне допустимым представляется также, что в основу расчётов Н.Д. Кёрзона была положена штатная численность казачьего полка шестисотенного состава¹⁶⁵³.

Большинство других сведений англичанина также имеют официальный характер. Так, Д.Н. Кёрзон писал, что «нижние чины должны иметь своих лошадей, но на содержание их в порядке и на замену новыми в случае потери или порчи, каждому человеку отпускается ежегодно 100 кранов сверх положенного»¹⁶⁵⁴. Реально же казна экономила на этих «отпусках». Изначально состав ПКБ формировался исключительно из кавалеристов. «Желающие поступить в бригаду приводили с собой лошадь с седловкой», – писал Мисль-Рустем¹⁶⁵⁵. Лошадиный состав состоял из жеребцов, что было вообще характерно для персидской кавалерии. Только в гвардейском эскадроне они были определённого цвета – серого. В остальных же полках масть коней не играла важной роли. Хотя указанный автор отмечал, что русские инструктора пытались придать полкам вид российской кавалерии. «В полках, – отмечал он, – допускались лошади всех мастей, но они ранжировались мастями по эскадронам и взводам. Так ... первые эскадроны имели больше вороных, вторые – гнедых и рыжих, третьи – разношёрстных, а четвёртые – серых и белых мастей»¹⁶⁵⁶. Такое положение сохранялось и впоследствии. Тем не менее, со временем число лошадей сокращалось (в силу болезней, смертности и пр.). Условия службы и невыделение денег на приобретение новых коней приводило к тому, что, числясь кавалеристами, многие «казаки» на деле становились «пластунами»¹⁶⁵⁷. В ПКБ имелись казённые лошади. Их использовали для внутренних нужд бригады, на них ездил отряд музыкантов (трубаческий или музыкантский хор), перевозилась батарея. Кроме того, из их числа выделялись кони

¹⁶⁵² Там же. С. 52.

¹⁶⁵³ Малукало А.Н. Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг.: организация, система управления и функционирования. Краснодар: Изд-во Кубанькино, 2003. Приложение 3.

¹⁶⁵⁴ Кюрзон Г. Персия и персидский вопрос // СМА. 1893. Вып. 52. С. 134.

¹⁶⁵⁵ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 141.

¹⁶⁵⁶ Там же. С. 141.

¹⁶⁵⁷ Изначально пеший казак в Кубанском (ранее Черноморском) войске в XIX – начале XX вв. из особых подразделений, несших сторожевую и разведывательную службу на Кубани, затем – общее название казаков пеших частей казачьих войск. Ротмистр Владимир Карлович Бельгард, возглавлявший ПКБ после Н.Я. Шнеура, сообщал даже о безлошадных офицерах.

безлошадным «казакам» на случай учений или смотров. К 1893 г. таких лошадей насчитывалось 86¹⁶⁵⁸.

В историографии, с подачи Владимира Андреевича Косооговского, укрепилось негативное отношение к Н.Я. Шнеуру как командиру ПКБ¹⁶⁵⁹. В своём очерке истории бригады В.А. Косооговский оценивал его деятельность сдержанно-отрицательно, но в целом старался быть объективным. Однако в личных бумагах первый историк ПКБ не скупился на нелестные эпитеты. Будучи проникнут националистическими взглядами, характерными для многих русских военных правления Александра III и Николая II, В.А. Косооговский вообще крайне негативно характеризовал всех, кто не являлся, по его мнению, природным русским, но находился на русской службе и делал российскую политику. Н.Я. Шнеура он знал лично: около 2-х лет – с 1888 по 1890 гг – они служили вместе. Н.Я. Шнеур был начальником штаба, а капитан ГШ В.А. Косооговский – старшим адъютантом по строевой части 2-й Кавказской казачьей дивизии. Затем В.А. Косооговский, произведённый в подполковники ГШ, был назначен штаб-офицером для поручений при штабе округа¹⁶⁶⁰. Оценивая Н.Я. Шнеура, В.А. Косооговский акцентировал внимание на его происхождении: «еврей, выкрестившийся в лютеранство из иудейства, сын лудильщика из города Пскова»¹⁶⁶¹. а также на том, что Н.Я. Шнеур был «пехотинцем»¹⁶⁶² – тот большую часть своей службы провёл в пехотных

¹⁶⁵⁸ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1901. Д. 481. Л. 6.

¹⁶⁵⁹ Гоков О.А. Российские офицеры и персидская казачья бригада (1877–1894 гг.) // Canadian American Slavic Studies. 2003. Vol. 37. № 4. Р. 395–414; Красняк О.А. Русская военная миссия в Иране (1879–1917 гг.) как инструмент внешнеполитического влияния России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Krasniak.pdf; Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 82; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Восточная литература, 2012. С. 71–72.

¹⁶⁶⁰ Кавказский календарь на 1890 год. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1889. Отд. 2. С. 231; Кавказский календарь на 1889 год. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1888. Отд. 2. С. 226; Кавказский календарь на 1891 год. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. Отд. 2. С. 266–267. Правда, в 1889 г. В.А. Косооговский год проходил цензовое командование эскадромом в Тирасполе [РГВИА. Ф. 76. оп. 1. Д. 217. Л. 220]. Вполне возможно, что на нелюбимых оценках В.А. Косооговского сказалось также неудовольствие активного подчинённого пассивным руководителем или же просто несогласие с методами руководства Н.Я. Шнеура. При всех его выдающихся способностях, В.А. Косооговский был очень честолюбив, отчасти высокомерен по отношению к неравным себе по положению (он был дворянин) и конфликтен. Наконец, что самое важное – именно при Н.Я. Шнеуре ПКБ была втянута в в первую в её истории кризисную ситуацию, чуть не приведшую к её ликвидации. Хорошо ознакомленный с историей бригады и будучи активным сторонником отстаивания внешнеполитических интересов своей родины, В.А. Косооговский, конечно, не мог оставить это без внимания. Этническая же составляющая оценки Н.Я. Шнеура, видимо, была обусловлена не только его еврейским происхождением. Она давалась в контексте затяжного конфликта В.А. Косооговского на посту Заведующего в конце 1890-х – начале 1900-х гг. с новым посланником при персидском дворе – греком К.Э. Аргиропуло.

¹⁶⁶¹ РГВИА. Ф. 76. оп. 1. Д. 217. Л. 221.

¹⁶⁶² РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 66.

частях¹⁶⁶³. Хотя в этих сообщениях всё соответствовало действительности, однако поданы они были в пренебрежительном тоне. Ещё более презрительная оценка содержалась в описании его поведения во время «табачных» волнений 1892 г. в Тегеране, речь о которых будет ниже¹⁶⁶⁴. Следует отметить, что, не зная действительного положения дел вокруг ПКБ и её места в планах правительства, или не желая их адекватно оценивать, В.А. Косооговский был откровенно пристрастен. Он подавал информацию в том ключе, в котором ему было выгодно для того, чтобы подчеркнуть своё значение в истории ПКБ.

Н.Я. Шнеур, как и предыдущие Заведующие, находился в подчинённом положении и выполнял указания своего правительства, иранского военного министра (формально Заведующий, как глава инструкторской миссии, был ему подчинён), шаха, одновременно исполняя функции военного агента¹⁶⁶⁵. Естественно, решение начальства назначить командовать кавалерийской частью пехотного офицера, к тому же не имевшего длительного опыта руководства военными подразделениями, выглядело странным. Из характеристики, данной ему А.М. Дондуковым-Корсаковым при назначении, видно, что важной его функцией должна была быть разведка. Впрочем, определённую роль здесь мог сыграть и протекционизм, характерный для внутренних и внешних сношений Российской империи. Тем более, что Н.Я. Шнеур был исполнительным и старательным офицером. Создание же из ПКБ боеспособной части на тот момент в планы высших чинов империи не входило. Этим, возможно, и можно отчасти объяснить такое необычное на первый взгляд назначение. Следует также помнить, что Н.Я. Шнеур был, прежде всего, штабистом. Будучи, видимо, хорошим исполнителем, он не претендовал на особую роль в осуществлении российской внешней политики, как это было в случае с его критиком. Нельзя не отметить его положительные качества, как офицера и человека¹⁶⁶⁶. Еврей по происхождению, выходец из мещан, он получил высшее военное образование (окончил Николаевскую Академию ГШ в 1875 г.), участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., в различных секретных

¹⁶⁶³ Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 273.

¹⁶⁶⁴ Из тегеранского дневника полковника В.А. Косооговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 124–125.

¹⁶⁶⁵ Ламсдорф В.Н. Дневник. 1891–1892. М.–Л.: Academia, 1934. С. 129.

¹⁶⁶⁶ См. его биографию: *Гоков О.А., Фалько С.А.* Жизненный путь офицера Генерального штаба: Николай Яковлевич Шнеур на службе России (1848–1894) // *Русский Сборник: Исследования по истории России.* Т. 19. М.: Модест Колеров, 2016. С. 280–329.

и официальных миссиях на Востоке. Он самостоятельно частично изучил китайский и персидский языки, что свидетельствует о старательном отношении к служебным обязанностям (помимо заведования ПКБ, в 1883–1886 гг. Н.Я. Шнеур был военным агентом в Китае)¹⁶⁶⁷. Вряд ли он пренебрегал русскими интересами, в чём обвинял его В.А. Косооговский. Н.Я. Шнеур считал себя русскоподданным и Россию воспринимал как родину, чьи интересы он должен отстаивать. Доказательством тому может служить его служебная деятельность на посту военного атташе в Китае¹⁶⁶⁸. Интересны в этом отношении также его публикации, в которых он чётко отождествлял себя именно с русским офицерством, с интересами страны, в которой он родился и жил. Проблема полковника (как, впрочем, и большинства командиров бригады) заключалась не в том, о чём несправедливо писал В.А. Косооговский, а в том, что на свою должность он был назначен, не имея ни опыта подобной службы вне России. Н.Я. Шнеур, хорошо знал лишь одну из своих будущих функций – сбор военно-агентурных сведений. Но ни знания языка и местных условий жизни и политической «кухни» он не имел. Не было у него и навыков командования частями выше роты и эскадрона. Н.Я. Шнеура рекомендовали на должность как «знавшего иностранные языки и как бывшего военного агента в Китае, а, следовательно, имевшим требуемый опыт для исполнения обязанностей начальника бригады и военного агента»¹⁶⁶⁹. Как видим, главными его обязанностями должны были быть координация разведки и обеспечение военных интересов в Персии. Тем не менее, российское правительство пренебрегло рекомендациями управляющего делами российской Миссии в Тегеране А.Е. Лаговского, изложенными им ещё в 1857 г. Он отмечал, что офицеров нужно выбирать тщательно, «чтобы они убеждали больше примером, нежели сухим наставлением ... Это лучшее средство заставить персидских сановников слушать их советы ... Чтобы наши офицеры говорили если не по-персидски, или по-татарски, то в крайней мере по-французски, чтобы употребить с пользой в качестве помощников

¹⁶⁶⁷ Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 273.

¹⁶⁶⁸ Фалько С.А. Военная разведка России в странах Дальнего Востока (вторая половина XIX – начало XX вв.). Дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 2012. С. 96–115; Фалько С.А. Российская военно-дипломатическая служба в Китае в эпоху правления Александра III (1881–1894 гг.) // Клио. 2015. № 2 (98). С. 136–145.

¹⁶⁶⁹ Красняк О.А. Русская военная миссия в Иране (1879–1917 гг.) как инструмент внешнеполитического влияния России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Krasniak.pdf. С. 5.

или переводчиков воспитанников здешней военной школы¹⁶⁷⁰»¹⁶⁷¹. Ни персидского, ни татарского¹⁶⁷² Н.Я. Шнеур не знал (хотя местный язык за время пребывания в Тегеране изучил). Вряд ли представлял он и всё «подводные камни», сопровождавшие деятельность русских военных в Каджарской империи.

«Шнеур в первый же год затратил всю экономию (оставшуюся после предыдущего Заведующего – О.Г.) на выписку из России новых музыкальных инструментов и большого количества обмундировального материала, – писал В.А. Косоховский. – Во второй год он выписал из России кузнеца, шорника, завёл доктора и ветеринара, выписал фургон и через посредство есаула Ремизова – партию русских лошадей для батареи. Он выстроил в лагере, в небольшом саду шаха Каср-е Каджар, дом со службами для командира бригады, а также канцелярию, что обошлось бригаде почти в 2 000 туманов»¹⁶⁷³. Из этого видно, что новый командир, столкнувшись с реалиями ПКБ, постарался их изменить. Как свидетельствуют архивные материалы, Н.Я. Шнеур изначально поставил вопрос об избавлении ПКБ от лишних офицеров и «пенсионеров». Однако понимания со стороны персидских властей не нашёл¹⁶⁷⁴. Отличаясь педантизмом и правильностью в службе, именно поэтому в первую очередь полковник решил заняться тем, что составляло видимую заботу и было хорошо известно ему, как работнику штаба – хозяйственной частью и обмундированием. Последнее не обновлялось с момента основания ПКБ. Д.Н. Кёрзон в своей работе сообщал, что «субалтерн-¹⁶⁷⁵ и унтер-офицеры ... ежегодно получают от казны по одному мундиру персидской шерстяной материи, по два мундира из тонкой хлопчатобумажной материи и по паре сапог, на сумму в 100 кранов»¹⁶⁷⁶. Однако всё эти вещи получали «казаки» лишь на бумаге. Реально деньги, выделявшиеся на обмундирование, уходили в карман военного министра, а материальный фонд ПКБ не обновлялся. Поэтому командиры бригады вынуждены

¹⁶⁷⁰ Дар-оль-Фонун (Дом наук) носило не чисто военный, а военно-светский характер. Это училище предназначалось для подготовки административных (в том числе и военных) кадров. Оно было основано в 1849 г., а официально открыто в 1852 г., и первым стало работать его военное отделение.

¹⁶⁷¹ РГВИА. Ф. 446. Д. 35. Л. 2.

¹⁶⁷² Под татарским (или тюрко-татарским) в рассматриваемое время понимали «разные турецкие наречия, и преимущественно азербайджанское, распространённое по всему северу Персии» [История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М.: Издательская фирма Восточная литература РАН, 1997. С. 126].

¹⁶⁷³ Косоховский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 393–394.

¹⁶⁷⁴ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 48.

¹⁶⁷⁵ Субалтерн-офицер – в некоторых армиях, в том числе и в армии Российской империи – младший офицер роты, эскадрона, или батареи [Энциклопедия военных и морских наук. СПб.: Тип. В. Безобразова и К, 1895. Т. 7. С. 337].

¹⁶⁷⁶ Кюрзон Г. Персия и персидский вопрос // СМА. 1893. Вып. 52. С. 134.

были экономить одежду, как это делал уже второй из них – Пётр Владимирович Чарковский. Остальные растраты были сделаны Н.Я. Шнеуром также по делу: кузнец, шорник, ветеринар в ПКБ до этого отсутствовали, а предыдущий врач был врачом лишь по должности. Необходимы были и лошади для батареи, так как местные лошади не были подготовлены да и не подходили по физическим данным. Имелась нужда и в музыкальных инструментах. Музыкантский хор был визитной карточкой ПКБ. Он участвовал почти во всех значимых мероприятиях с участием шаха и иностранных представителей, исполняя различные произведения на торжественных приёмах, смотрах, манёврах и пр. Обусловлены были и строительные расходы. В.А. Косоховский отмечал, что до постройки дома со службами и канцелярии «командиры бригады проживали на дачах на расстоянии нескольких вёрст от лагеря, что не могло не отзываться пагубно на обучении, а в особенности на внутреннем порядке и на дисциплине бригады»¹⁶⁷⁷. Таким образом, всё, что делал по хозяйственной части Н.Я. Шнеур, было действительно необходимо бригаде для придания её нормального вида. Вопрос состоял в том, на какие средства были осуществлены указанные закупки и нововведения.

В.А. Косоховский обвинял Н.Я. Шнеура в нерациональном расходовании денежных средств ПКБ. При этом он сделал важную оговорку о том, что полковник делал траты «в надежде получить от персидского правительства добавочные суммы на все произведённые расходы»¹⁶⁷⁸. Указанные мероприятия Н.Я. Шнеур проводил с одобрения российского посланника и будучи уверенным в получении денег от шахского правительства. Дело в том, что по традиции, закреплённой в инструкциях полковникам, возглавлявшим ПКБ, все финансовые дела с правительством Насреддин-шаха должны были решаться через посланника¹⁶⁷⁹. Поэтому траты, предпринятые Н.Я. Шнеуром, вовсе не носили авантюрного характера, как это пытался представить В.А. Косоховский. Скорее всего (хотя этот тезис требует документального подтверждения), Е.К. Бюцов «выхлопотал» у шаха дополнительные средства на бригаду в качестве одной из «компенсаций» за табачную концессию. Иначе полковник не мог бы расходовать средства так

¹⁶⁷⁷ Косоховский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 393.

¹⁶⁷⁸ Там же. С. 394.

¹⁶⁷⁹ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 46.

уверенно. Косвенно такое предположение подтверждается и деятельностью российского посланника, который решительно, последовательно и гибко отстаивал интересы империи перед шахским правительством. Ещё одним подтверждением может служить то, что по новому соглашению с шахом после кризиса конца 1892 г. (речь о нём ниже), правительство Ирана обязалось ассигновать 2 000 туманов в год «на ремонт зданий городских и лагерных» сверх бюджета¹⁶⁸⁰. Однако финансовых поступлений от правительственной казны на тот момент Н.Я. Шнеур, по-видимому, действительно не дождался, как и содействия в своих планах упрочения дисциплины в ПКБ. Как отмечал В.А. Косоховский, иранское правительство не спешило выделять средства на ПКБ, обещая и затягивая, в то время, как Н.Я. Шнеуру нечем было выплачивать жалование, и он вынужден был держать большую часть «казаков» в отпусках¹⁶⁸¹. Формально численность ПКБ составляла 1 000 нижних чинов при 210 генералах, штаб- и обер-офицерах¹⁶⁸². «Но на деле, – сообщал Н.Я. Шнеур начальству в 1892 г., – ... я с большим трудом до сих пор мог выводить в строй более 300 человек»¹⁶⁸³. Единственное, на что Н.Я. Шнеур не потратил денег, было обновление материальной части «казачьей» батареи. В 1891 г. по «высочайшему повелению» именно В.А. Косоховский доставил в Персию элементы материальной части и боевой комплект на 4 орудия конной батареи ПКБ, посланный в качестве дара персидскому правительству от русского царя¹⁶⁸⁴.

О том, в каком состоянии находилась бригада, свидетельствует следующая характеристика одного из наблюдавших её в 1891 г. офицеров¹⁶⁸⁵. «Сколько-нибудь похожую на европейское войско является в настоящее время, сформированная русскими инструкторами, *казачья бригада*, – писал анонимный автор, – но и она находится в довольно плохом состоянии, как вследствие недостаточных денежных отпусков, так и по причине дурного расквартирования, неимения конюшен,

¹⁶⁸⁰ Там же. Л. 81, 89.

¹⁶⁸¹ Косоховский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 394.

¹⁶⁸² РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 44.

¹⁶⁸³ Там же. Л. 48. Именно это дало основание одному из европейских наблюдателей говорить лишь об одном «казачьем» полке [De Windt. H. A ride to India across Persia and Baluchistan. London: Chapman and Hall, limited, 1891. P. 83–84].

¹⁶⁸⁴ Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 127. Результатом этой поездки стала работа: Косоховский. Прибрежное пространство между таможеню Астара, городом Энзели и горами (персидская провинция Гилян) // СМА. 1891. Вып. 49. С. 42–59.

¹⁶⁸⁵ Скорее всего, это был кто-то из инструкторов ПКБ.

неудовлетворительного конского и личного состава нижних чинов и офицеров, равно как и полнейшего равнодушия высших начальствующих лиц. Бригада эта состоит из 13 сотен, но так как определённого штата нет, то в настоящее время списочное состояние людей и лошадей вдвое больше первоначального; однако, несмотря на это, расход людей на работы, в караулы, больными и спешенными (вследствие палых и больных лошадей) настолько велик, что производить учений нет возможности. Все причины делают то, что многие отделы обучения остаются не пройденными и только один церемониальный марш, который персы очень любят, – очень хорош»¹⁶⁸⁶. Не практиковалось в ПКБ и обучение стрельбе боевыми патронами и снарядами. Причиной этого было ограниченное количество боезапасов, комплект которых не пополнялся с 1879 г. и 1883 г. соответственно. Так, батарея не производила стрельб с 1883 по 1898 гг.¹⁶⁸⁷ – людей обучали только управляться возле орудий. Таким образом огневая подготовка «казаков» была невысокой. В то же время строевую службу – марши, построения и маневрирования и пр. – они знали довольно неплохо¹⁶⁸⁸, хотя и здесь нельзя говорить о высоком качестве подготовки.

Начало 1892 г. стало, на наш взгляд, значимым событием в судьбе ПКБ. После путешествия в Европу в конце 1889 г., где он был хорошо принят в Лондоне, Насреддин-шах пошёл на уступки и предоставил английскому майору Джеральду Ф. Тальботу концессию на монопольную покупку, продажу и производство табака по всей Персии. Контракт был подписан 8 марта 1890 г.¹⁶⁸⁹ в отсутствие русского

¹⁶⁸⁶ Персидская армия, со слов компетентного русского офицера 1891 г. // СМА. 1891. Вып. 49. С. 182–183. Французский врач Ж.-Б. Фёврие наблюдал один из таких парадов в конце февраля 1890 г. на в день празднования рождения 4-го имама Абуль-Хасана Али ибн Абу Талиб аль-Кураши, или Али [Feuvertier J.V. Trois ans à la cour de Perse. Paris F. Juven, 1900. P. 205].

¹⁶⁸⁷ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1899. Д. 61/№173-259. Л. 38.

¹⁶⁸⁸ Отчасти здесь, возможно, сыграл роль и российский опыт т.н. царкосельских манёвров, где боевая подготовка приносилась в жертву строевой.

¹⁶⁸⁹ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 202; Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 160. Л.В. Строева указывала, что контракт был подписан 9 марта [Строева Л.В. Борьба иранского народа против английской табачной монополии в Иране в 1891–1892 гг. // Проблемы истории национально-освободительного движения в странах Азии. Материалы международной конференции при Ленинградском университете 25–27 января 1961 г. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. С. 164]. В научной литературе встречается ошибочная дата 1891 г. [История Ирана. М.: Изд-во Московского ун-та, 1977. С. 259]. Однако, в этом году указанная концессия, видимо, вступила в действие. См. о ней: [Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 202–218; Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 132–143; Строева Л.В. Борьба иранского народа против английской табачной монополии в Иране в 1891–1892 гг. // Проблемы истории национально-освободительного движения в странах Азии. Материалы международной конференции при Ленинградском университете 25–27 января 1961 г. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. С. 160–183; Сеидов Р.А. Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX века (начальный этап формирования). М.: Наука, 1974. С. 163–188; Keddie N. Religion and Rebellion in Iran: The Tobacco Protest of 1891–92. London: London, Frank Cass, 1966. 163 p.; Poulson S.C. Confronting the West: Social

посланника. Но по приезде Е.К. Бюцова в Тегеран сразу же наметилось резко негативное отношение русского правительства к указанной концессии. В контексте политики ограждения Персии от иностранного влияния русский посланник с сентября 1890 г. стал требовать отмены монополии¹⁶⁹⁰. Непосредственным следствием этого давления стало подписание соглашения по железным дорогам¹⁶⁹¹, о котором говорилось ранее. А 9 ноября¹⁶⁹² при содействии Е.К. Бюцова Л.С. Поляков получил от шаха концессию «на основание в Персии предприятия для страховки и транспортирования кладей с исключительной привилегией на устройство в Персии Общества страхования и транспортов»¹⁶⁹³.

К сожалению, особенностью историографий России и Англии было и остаётся очень своеобразная подача материала, касающегося табачной монополии и борьбы против неё. Советские и российские историки всячески подчёркивали спонтанность «антитальботовского» движения, развернувшегося в Иране с 1891 г. При этом позиция России по отношению к концессии либо вообще не упоминалась, либо вскользь оценивалась как негативная. Особое место занимали упоминания об английских «происках», которые часто показывались в преувеличенном виде. В свою очередь, английские исследователи большое внимание уделяли российскому вмешательству, считая его чуть ли не главным двигателем всех выступлений и конечного провала табачной концессии. Англичане в своих исследованиях использовали документы британских архивов, содержащие, как правило, не столько точную информацию относительно проблемы, сколько слухи и домыслы представителей на местах. Российские же и советские историки использовали

Movement Frames in 20th Century Iran P. 107–129 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://scholar.lib.vt.edu/theses/available/etd-12092002-163510>.

¹⁶⁹⁰ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 205; Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 133. Текст договора см.: Туркманчайский мирный договор между Россией и Ираном. 10 февраля 1828 г. // Под стягом России: Сборник архивных документов. М.: Русская книга, 1992. С. 314–324.

¹⁶⁹¹ Новая история Ирана. Хрестоматия. М.: Наука, 1988. С. 149.

¹⁶⁹² Л.М. Кулагина приводила дату 20 ноября [Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 139], однако она представляется ошибочной: даже по новому стилю 9 ноября соответствовало 21 ноября.

¹⁶⁹³ Новая история Ирана. Хрестоматия. М.: Наука, 1988. С. 147. К слову, в том же году Л.С. Поляков был назначен персидским генеральным консулом в Москве, а Я.С. Поляков по шахскому фирману в январе был пожалован баронским титулом. Лазарю тот же титул был дан персидским правителем в марте 1894 г. В 1896 г. Яков получил от шаха звание персидского генерального консула в Таганроге [Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860–1914. Очерки истории частного предпринимательства. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1991. С. 81–82]. Правда, титулы эти признаны в России так и не были. Однако такое благоволение шаха показывает, что братья Поляковы были достаточно ловкими дельцами, которых заботили удовлетворение не государственных (какое бы государство они не представляли), а личных интересов и амбиций, какими бы путями они не достигались. Особое положение их в Персии во многом определялось денежными «вкладами» в руки шаха и его чиновников.

архивные материалы только для отображения фактического хода событий. Поэтому, как нам представляется, высказывание Ф. Казем-заде о сложности оценки политического курса империи Романовых относительно монополии Д.Ф. Тальбота продолжает оставаться актуальным и сегодня. До сих пор полностью не опубликованы и не введены в научный оборот документы российских архивов (прежде всего Архива внешней политики Российской империи), касающиеся событий 1891–1892 гг. Это затрудняет правильную оценку событий, в том числе и касающихся ПКБ.

3 ноября 1890 г. майор Д.Ф. Тальбот перепродал свои концессионные права синдикату английских капиталистов, который создал Императорскую компанию табака в Персии¹⁶⁹⁴. Новая компания развернула подготовку к их реализации, в частности, создавая сеть своих агентов по всей Персии. Непосредственно её деятельность в Иране началась в 1891 г. на этот же год приходится и постепенно нараставшее, и достигшее своего пика в январе 1892 г. народное движение в пользу отмены табачной монополии. Мы не будем детально останавливаться на его перипетиях. Отметим лишь узловые моменты, связанные с политикой России.

Параллельно с началом деятельности монополии, в 1891 г. заключён торговый договор с Персией, по условиям которого товары, ввозимые из России, обеспечивались значительными льготами, а тариф этот действовал на всём протяжении границ Персии, что существенно ущемляло интересы Англии¹⁶⁹⁵. Кроме того, в первой половине 1891 г. под «патронажем» Я.С. Полякова развернулись махинации, связанные с созданием банка на основе полученной им в 1890 г. концессии¹⁶⁹⁶. 6 мая 1891 г. персидским правительством был утверждён

¹⁶⁹⁴ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 204; Строева Л.В. Борьба иранского народа против английской табачной монополии в Иране в 1891–1892 гг. // Проблемы истории национально-освободительного движения в странах Азии. Материалы международной конференции при Ленинградском университете 25–27 января 1961 г. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. С. 164.

¹⁶⁹⁵ Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 454.

¹⁶⁹⁶ Детальнее см.: Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860–1914. Очерки истории частного предпринимательства. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1991. С. 84–85. А.Н. Куропаткин отмечал, что слабостью шаха к деньгам «небезуспешно пользуются разные аферисты из иностранцев и частью из русскоподданных, выманивая от его величества разные концессии и обещая ему за то золотые горы» [Всепоподаннейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 28]. Как нам представляется, к братьям Поляковым данная характеристика вполне применима.

устав Ссудного общества Персии¹⁶⁹⁷. Вплоть до 1894 г. новое общество, переименованное к тому времени в Ссудный банк Персии, не развернуло серьёзной деятельности. Однако его создание шло в русле политики России – место было «застолблено».

Весной 1891 г. начались первые выступления против табачной монополии. Последняя, в силу соглашения с шахом, должна была начать действовать с 21 августа 1891 г.¹⁶⁹⁸. Именно на конец августа приходится резкое усиление антитабачных протестов. Позиция России, судя по поведению Е.К. Бюцова и русских консулов, была враждебна тальботовской концессии. Ф. Казем-заде, опираясь на донесения английских представителей в Персии, считал, что Россия откровенно поддерживала и стимулировала антимонопольное движение. Доля истины здесь, конечно, есть¹⁶⁹⁹. Однако степень русского влияния нам кажется преувеличенной. Основными «двигателями» движения были иранские торговцы и люди, связанные с табачным бизнесом, в том числе и духовенство¹⁷⁰⁰. В условиях религиозного мышления большей части населения Персии именно служители культа стали лидерами разраставшихся протестов. Население Ирана, большую часть которого составляли шииты, было довольно религиозным. Однако значительную роль в антитабачном движении играли и экономические мотивы. «Как ни велико влияние духовенства в Персии, а в частности в Хорасане, – писал побывавший в указанной провинции в конце 1891 г. Л.К. Артамонов, – однако повсеместный острый характер последних волнений нельзя объяснять только религиозным фанатизмом ... Причины народного недовольства преимущественно

¹⁶⁹⁷ Новая история Ирана. Хрестоматия. М.: Наука, 1988. С 146–147.

¹⁶⁹⁸ Строева Л.В. Борьба иранского народа против английской табачной монополии в Иране в 1891–1892 гг. // Проблемы истории национально-освободительного движения в странах Азии. Материалы международной конференции при Ленинградском университете 25–27 января 1961 г. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. С. 168.

¹⁶⁹⁹ Так, А.Н. Куропаткин прямо указывал, что «Такою уплатою (5 000 000 рублей в качестве компенсации за отмену монополии – О.Г.) вместе с искусным действием нашей дипломатии английскому влиянию был нанесён сильный удар, а наше влияние в Тегеране стало с 1892–1893 годов преобладающим» [Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 43]. А современный иранский историк утверждал, что «русские, считавшие такую концессию очень выгодной для конкурента, ... тайно и явно противодействовали этому» [Риза Ша'абани. Краткая история Ирана. СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. С. 217].

¹⁷⁰⁰ Сеидов Р.А. Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX века (начальный этап формирования). М.: Наука, 1974. С. 170–171. О роли духовенства в Иране см.: Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в современном Иране. М.: Наука, 1975. 171 с.; Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и 1978–1979 гг. М.: ИВ РАН, 1998. 240 с.; Захаров И. Каджарский Иран: модернизация и шиитское духовенство // Караван. 2012. № 17. С. 55–65; Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV вв. Курс лекций. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1966. 398 с.

экономического характера»¹⁷⁰¹. «Этот народ вовсе не так фанатичен, как принято думать, – писал пробывший в Персии 6 лет Мисль-Рустем. – Не трогайте их верований и религии, и они вами нисколько не будут гнушаться. Персы, можно сказать, не любят в душе своих сеидов и мулл, но подчиняются им, как и всякий тёмный народ, из страха остаться без поддержки и защиты перед правительством»¹⁷⁰². В случае с концессией были затронуты традиционные устои общественной жизни и интересы высшего духовенства, участвовавшего в торговле табаком. Важным фактором было то, что табачная монополия была предоставлена иностранцам, немусульманам. Это с подачи духовенства было расценено как осквернение. Поэтому среди иранского населения поднялась волна недовольства по отношению к иностранцам и в особенности – к англичанам. Проезжавший в середине декабря 1891 г. через Шахруд российский офицер Л.К. Артамонов писал: «Население, крайне враждебно настроенное против англичан и вообще европейцев, не стеснялось выражать своё недовольствие иногда весьма резко, бросая в европейцев камнями и произнося грубые ругательства»¹⁷⁰³.

Естественно, русский посланник не мог не воспользоваться ситуацией. Как отмечал Ф. Казем-заде, Е.К. Бюцов «нанёс монополии удар и оказал молчаливую поддержку сопротивлению, когда объявил всем русским подданным, что они могут игнорировать существование табачной монополии и покупать и продавать табак без её позволения»¹⁷⁰⁴. В дальнейшем он настаивал на том, чтобы «монополия была

¹⁷⁰¹ Артамонов Л.К. Краткий очерк командировки в Персию для военно-статистического исследования Астрабад-Шахруд-Бастамского района и Северного Хорасана в 1891–1892 гг. // Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан: Военно-статистическое исследование. Тифлис: Типогр. Канц. Главнач гражд. ч. на Кавказе, 1894. Ч. 1–2. С. 49

¹⁷⁰² Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 43. Констатация нелюбви иранского населения к религиозным лидерам далеко не во всём соответствовала действительности. Однако последнее утверждение было очень точным – именно шиитское духовенство выступало в качестве сильной защиты простого населения от произвола власть имущих.

¹⁷⁰³ Артамонов Л.К. Краткий очерк командировки в Персию для военно-статистического исследования Астрабад-Шахруд-Бастамского района и Северного Хорасана в 1891–1892 гг. // Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан: Военно-статистическое исследование. Тифлис: Типогр. Канц. Главнач гражд. ч. на Кавказе, 1894. Ч. 1–2. С. 39.

¹⁷⁰⁴ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 210. Р.А. Сеидов подтверждает это сообщение ссылкой на Архив внешней политики Российской империи [Сеидов Р.А. Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX века (начальный этап формирования). М.: Наука, 1974. С. 171]. Характерно, что такая же политика «молчаливого одобрения и наблюдения» была успешно применена российским консульством в Тебризе в 1892 г., когда в результате неграмотного поведения представителей английского консульства сначала возникла потасовка, чуть не приведшая к смерти сеида, после чего начались выступления иранского духовенства против протестантских миссий, активно осваивавших Иран. В результате, упал престиж англичан и были закрыты все протестантские церкви в Тебризе [Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 69].

отменена прежде, чем она укоренится в стране»¹⁷⁰⁵. В сущности Е.К. Бюцов стремился подорвать не только английское влияние, но и кредит доверия британского бизнеса к Каджарской монархии. Очевидно, что посланник выражал официальную позицию Санкт-Петербурга, не заинтересованного в чрезмерном усилении английской стороны.

В свете изложенного позиция русской военной миссии и ПКБ оказалась очень щекотливой. К концу года события приняли такой масштаб, что шах вынужден был пойти на уступки. 28 декабря Насреддин-шах издал фирман об отмене табачной монополии на продажу табака внутри страны¹⁷⁰⁶. Однако расплывчатость формулировок и предшествующая позиция правительства привели к тому, что фирману не поверили. Запрет на табакокурение, провозглашённый фетвой одного из авторитетнейших лидеров шиитского духовенства хужат-аль-ислама хаджи мирзы Хасана Ширази от 3 декабря 1891 г., им отменён не был. 4 января 1892 г. шах приказал главному муджтехиду Тегерана мирзе Хусейну Аштиани снять запрет на курение или покинуть город. Тот отказался и стал готовиться к выезду. Это событие послужило толчком к массовому выступлению тегеранских жителей. Оно хорошо изложено в источниках и литературе¹⁷⁰⁷, поэтому остановимся только на тех моментах, которые касаются непосредственно ПКБ.

Бригада была частью тегеранского гарнизона и, учитывая отношение к ней и к русским инструкторам шаха, являлась «особо приближённой» частью. Поэтому, по идее, в случае беспорядков в столице должна была служить оплотом монархии. Однако на деле ситуация 4 января сложилась совершенно иначе. Когда толпа народа устремилась к шахскому двору, с требованием ликвидации всех привилегий, предоставленных британцам, Наиб ос-Солтане вышел к народу и объявил, что шах ликвидировал монополию внутри страны, но внешняя торговля табаком остаётся в

¹⁷⁰⁵ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 211.

¹⁷⁰⁶ Там же. С. 214; Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 140; Сеидов Р.А. Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX века (начальный этап формирования). М.: Наука, 1974. С. 183.

¹⁷⁰⁷ Из тегеранского дневника полковника В.А. Косооговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 124–126; Сеидов Р.А. Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX века (начальный этап формирования). М.: Наука, 1974. С. 183; Строева Л.В. Борьба иранского народа против английской табачной монополии в Иране в 1891–1892 гг. // Проблемы истории национально-освободительного движения в странах Азии. Материалы международной конференции при Ленинградском университете 25–27 января 1961 г. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. С. 178–180; Feuvrier J.V. Trois ans à la cour de Perse. Paris: F. Juven, 1900. P. 330–332.

руках компании. Сын шаха приказал, чтобы все начали курить кальяны. Восставшие потребовали выдачи текста концессии, угрожая напасть на дворец¹⁷⁰⁸. «Шах послал за русским полковником Шнеуром, – писал В.А. Косооговский, – и тот, вместо того чтобы, сделав предварительные распоряжения о сборе “казаков” и о принятии на себя защиты беззащитного в то время дворца и самого шаха, даже и не поехал к шаху, послав вместо себя Мартирос-хана (офицера ПКБ – О.Г.); а сам, собрав бригаду около “казачьих” казарм, вздумал расспрашивать их, кто стоит за шаха и правительство, кто за духовенство, кто покорен, кто непокорен. Ремизов (есаул, инструктор ПКБ – О.Г.), пьяный, во дворе казармы стрелял в цель из берданки; его друг, Николка Засыпкин, московский торгаш, в казачьей черкеске, “московский кабардинец”, или “тульский черкес”, выкатил “казакам” бочку красного вина, причитая в панике: “Братцы, спасите, не погубите души православной”. А в это время толпа успела уже стащить за ноги с лошади Наиб ос-Солтане, бывшего в то время военным генерал-губернатором Тегерана, военным министром и могущественнейшим и влиятельнейшим из всех сыновей шаха, и за ноги волокла его по Артиллерийской площади ... А в это время что же делали “казаки”? О! Они были сильно заняты: есаул Ремизов пристреливал берданки, что наводило панику на столицу, слушавшую ружейную пальбу уже в казачьих казармах и думавшую, что вот-вот сейчас откроют и артиллерийский огонь; Николка Засыпкин деятельно поил своим даровым вином всех и каждого, причитая и моля не давать погибнуть душе христианской; а сам командир, полковник Шнеур, которого никто уже не слушал, махнул рукой и поехал к своей супруге, известной всей Персии “Мегере Медузовне”, которая отшлёпала георгиевского кавалера за то, что в такой критический момент он оставляет её одну, захлопнула все двери на замок и более уже не выпустила своего супруга до самого конца бунта. Старшим же оставался есаул Ремизов»¹⁷⁰⁹. В результате расстрела пришедших ко дворцу, было убито 7, а ранено 30 человек¹⁷¹⁰. Естественно, В.А. Косооговский, чьей руке принадлежит эта характеристика, был излишне эмоционален и, возможно, даже несправедлив в выводах. Он мыслили как исполнительный, но инициативный

¹⁷⁰⁸ Кулагина Л.М. Борьба народных масс Ирана против иностранных концессий и монополий (конец XIX в.) // Проблемы истории Индии и стран Среднего Востока: Сб. статей. М.: Наука, 1972. С. 199.

¹⁷⁰⁹ Из тегеранского дневника полковника В.А. Косооговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 124–125.

¹⁷¹⁰ Кулагина Л.М. Борьба народных масс Ирана против иностранных концессий и монополий (конец XIX в.) // Проблемы истории Индии и стран Среднего Востока: Сб. статей. М.: Наука, 1972. С. 199.

офицер, в рамках понимания своих обязанностей и долга. Тем не менее, он упустил из виду, что позиция Н.Я. Шнеура могла определяться не столько его супругой, сколько рекомендациями Е.К. Бюцова. Именно на это указывал Ф. Казем-заде, писавший, что полковник получил секретное распоряжение от российского посланника не использовать бригаду для подавления табачных бунтов¹⁷¹¹.

6 января 1892 г. Насреддин-шах издал фирман об отмене табачной монополии во всех областях Ирана¹⁷¹². 26 января указанием из Кербелы был снят запрет на курение. Английская инициатива потерпела поражение. К сожалению, успех антимонопольной борьбы российского представителя рикошетом ударил по ПКБ. Во-первых, поведение Н.Я. Шнеура не могло не остаться без последствий в глазах шаха, которого он должен был защищать. Во-вторых, действиями (точнее – бездействием) «казаков» был скомпрометирован их непосредственный начальник – военный министр и губернатор Тегерана Камран-мирза Наиб ос-Солтане. Ведь толпу от дворца разогнала не «опора престола» – «казачья» бригада, а отряд сарбазов, расстрелявший манифестантов¹⁷¹³. «Этим безначалием как нельзя лучше воспользовался недостойный и гнусный любимец Наиб ос-Солтане Векиль од-Доуле, – вспоминал В.А. Косоговский, – которого до сего времени шах ненавидел и не допускал к себе. Собрав горсть таких же мерзавцев и головорезов, как и он сам, Векиль од-Доуле разыграл из себя с помощью Наиб ос-Солтане спасителя царя и отечества; нестройная, бессмысленная толпа, частью безоружная, частью вооружённая одними палками, ломилась во дворец; Наиб ос-Солтане, обезумев от страха, вымазал себе платье и лицо грязью и лежал полумёртвым, боясь шевельнуться; сам Насреддин-шах растерялся и струсил, тщётно призывая к себе «казаков», на которых он возлагал такие надежды. Толпа грозно шумела и ломилась во дворец ... Векиль од-Доуле ... приказал своим архаровцам дать несколько залпов в толпу, и 60 трупов украсили прилегающую ко дворцу улицу, не считая раненых. Чин эмир-гумана (полного генерала) и портрет шаха, усыпанный бриллиантами,

¹⁷¹¹ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 215.

¹⁷¹² Строева Л.В. Борьба иранского народа против английской табачной монополии в Иране в 1891–1892 гг. // Проблемы истории национально-освободительного движения в странах Азии. Материалы международной конференции при Ленинградском университете 25–27 января 1961 г. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. С. 180.

¹⁷¹³ 7 человек было убито и 30 ранено [Кулагина Л.М. Борьба народных масс Ирана против иностранных концессий и монополий (конец XIX в.) // Проблемы истории Индии и стран Среднего Востока: Сб. статей памяти И.М. Рейснера. М.: Наука, 1972. С. 199].

был наградой храбрцу и спасителю царя царей»¹⁷¹⁴. Как увидим, этот факт прямо отразился на позиции Камран-мирзы относительно ПКБ в дальнейшем.

Английская компания от аннулирования монополии понесла значительные убытки. Был на время подорван интерес английских деловых кругов к Ирану, как объекту капиталистических предприятий. Переговоры между иранским правительством и компанией привели к подписанию соглашения о компенсации¹⁷¹⁵. Тегеран обязался выплатить 500 000 фунтов стерлингов в возмещение ущерба. Поскольку денег в казне не было, шах нуждался в ссуде. Е.К. Бюцов хотел «определённых условиях предоставить шаху средства, чтобы освободить его от британского влияния»¹⁷¹⁶. Однако министр финансов Иван Алексеевич Вышнеградский, проводивший с 1887 г. политику на уменьшение бюджетного дефицита России, воспротивился такой комбинации, объясняя свою позицию отсутствием нужных средств. В результате, борьба английского и русского представителей за право выдать ссуду привела к тому, что правительство Ирана обратилось за займом в Шахиншахский банк. Весной¹⁷¹⁷ 1892 г. было подписано соглашение, по которому Персия получала требующуюся сумму под 6 % годовых под обеспечение поступлений южных таможен с выплатой в течение 40 лет¹⁷¹⁸. Это был первый внешний займ каджарского правительства. Хотя Е.К. Бюцов и доносил в Петербург, что «выговоренные персами условия гораздо лучше, нежели те, какие

¹⁷¹⁴ Из тегеранского дневника полковника В.А. Косооговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 125. «Посмотрим теперь, как поступили одновременно с этим войска тебризского гарнизона, стянутые ... с большей части Азербайджана и руководимые ... генералом Вагнером, – писал В.А. Косооговский. – Он сам лично говорил мне, хвастаясь своим влиянием на войска: “Когда началось народное волнение, я согнал всех солдат на майдан, запер ворота и две недели продержал их, не выпуская ни одного. И представьте: ни один меня не ослушался и все так и оставались в куче во всё время волнения в Тебризе”».

¹⁷¹⁵ В разных источниках называются разные даты заключения соглашения: 5 апреля [Сеидов Р.А. Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX века (начальный этап формирования). М.: Наука, 1974. С. 184], 3 апреля [Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 217], 5 марта [Строева Л.В. Борьба иранского народа против английской табачной монополии в Иране в 1891–1892 гг. // Проблемы истории национально-освободительного движения в странах Азии. Материалы международной конференции при Ленинградском университете 25–27 января 1961 г. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. С. 181]. В.Н. Ламсдорф записью от 19 апреля отмечал, что «что персидское правительство кончило тем, что договорилось с английским банком по вопросу о займе, предназначенном для ликвидации табачной компании» [Ламсдорф В.Н. Дневник. 1891–1892. М.–Л.: Academia, 1934. С. 324].

¹⁷¹⁶ Ламсдорф В.Н. Дневник. 1891–1892. М.–Л.: Academia, 1934. С. 324.

¹⁷¹⁷ 15 мая [Сеидов Р.А. Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX века (начальный этап формирования). М.: Наука, 1974. С. 185], 27 апреля [Строева Л.В. Борьба иранского народа против английской табачной монополии в Иране в 1891–1892 гг. // Проблемы истории национально-освободительного движения в странах Азии. Материалы международной конференции при Ленинградском университете 25–27 января 1961 г. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. С. 182], 5 апреля [Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981.].

¹⁷¹⁸ Сеидов Р.А. Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX века (начальный этап формирования). М.: Наука, 1974. С. 185.

предлагали или, вернее, требовали англичане, и что персидское правительство уверяет, что оно могло им противостоять только благодаря поддержке, обещанной нами»¹⁷¹⁹, это была неудача русской политики. С этого времени шахское казначейство попало в долговую зависимость от Англии. Как верно отмечал советский исследователь Б.В. Ананьич, «с этого момента началась сплошная полоса финансовых кризисов персидского правительства»¹⁷²⁰.

Поражение англичан в борьбе за табачную монополию было компенсировано займом лишь отчасти. В мае того же года шахским правительством был утверждён устав «Персидского страхового и транспортного общества», созданного на основе концессии от 9 ноября 1890 г., дарованной шахом Л.С. Полякову¹⁷²¹. «Задача его, – писал российский наблюдатель, – производить перевозку и страхование товаров по всей Персии, при чём персидское правительство предоставило обществу монополию по делу транспортирования, – монополию весьма важную, если принять во внимание, что компания может не допустить в Персии открытия какого-либо английского предприятия, преследующего одинаковые цели»¹⁷²². 28 марта 1892 г. был высочайше утверждён устав «Товарищества для торговли и промышленности в Персии и Средней Азии» (бывшего «Товарищества для торговли и промышленности в Персии»), возглавлявшегося московским купцом Августом Матвеевичем Гезеном, главным акционером которого являлся Л.С. Поляков¹⁷²³. Борьба за Персию шла с переменным успехом, но чаша весов стала клониться в пользу России. Ярче всего это проявилось в изменении позиции мирзы Али Асгар-хана Амин ос-Солтане, занимавшего с 13 марта 1887 г. до 11 ноября 1896 г. пост садр-азама.

Али Асгар-хан в России долго считался английским ставленником или проанглийски настроенным. Поскольку в дальнейшем он сыграет значительную роль в судьбе ПКБ, мы детально остановимся на его биографии и взглядах.

¹⁷¹⁹ Ламсдорф В.Н. Дневник. 1891–1892. М.–Л.: Academia, 1934. С. 324.

¹⁷²⁰ Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг: (По материалам Учётно-ссудного банка Персии). Л: Наука, 1975. С. 18.

¹⁷²¹ Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 140; Устав Персидского страхового и транспортного общества. СПб.: Коммерческая скоропечатня Евгения Тиле, 1901. 18 с.

¹⁷²² Томар М.Л. Экономическое положение Персии. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1896. С. 105.

¹⁷²³ Устав Товарищества для торговли и промышленности в Персии и Средней Азии. М.: Типолитография Ж. Шейбель, 1904. 36 с.; Ребель А.И. Евреи в России: самые влиятельные и богатые М.: Эксмо, 2011. 180 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.rulit.me/books/evrei-v-rossii-samy-e-vliyatelnye-i-bogatye-read-227915-1.html>.

Интересную зарисовку о жизненном пути Амин ос-Солтане оставил Ф. Казем-заде. «Он был внук грузина, захваченного иранцами во время похода Ага Мохаммед-хана в 1795 г., – писал он. – Грузинский пленник был подарен Казем-хану Каджару, и в его хозяйстве он остался слугой до конца жизни хозяина. Приняв ислам, Зал-хан (мусульманское имя грузина), женился на женщине из Исфахана и обзавелся семьей. Когда Казем-хан умер, Зал-хан с семьей остался с дочерью хозяина. Молодая госпожа вышла замуж за Мохаммед-шаха, и Зал-хан оказался в услужении у императрицы Ирана. Когда её сын, Насреддин-мирза, был назначен правителем Азербайджана, четыре сына Зал-хана были отправлены вести его домашнее хозяйство. Третий из них, Эбрахим, был особенно любим молодым принцем. В 1848 г. Насреддин взошел на трон. Эбрахим переехал в Тегеран и взял вторую жену из Исфахана, которая родила ему шесть сыновей и двух дочерей. Старшим из этих детей был Али Асгар, будущий фаворит и премьер-министр Насреддин-шаха. Эбрахим не жалел ни сил, ни средств на обучение своего старшего сына. К шестнадцати годам способный и привлекательный Али Асгар в совершенстве владел персидским и арабским. Поговаривали, что его привлекала жизнь дервиша, поэзия и учение суфизма, но отец, ставший важным придворным чиновником и носивший титул Амин ос-Солтане («доверенное лицо шаха»), уговорил его пойти на службу к шаху. Когда ага Эбрахим умер в 1883 г., Насреддин-шах даровал титул отца мирзе Али Асгар-хану. После того его взлёт был быстр. В 1884 г. он участвовал в тайных переговорах с английской миссией, где считался другом Британии. Он был в доверительных отношениях с Артуром Николсоном и помогал ему в его деятельности против русского посланника А.А. Мельникова. Ко времени прибытия Вольфа в Тегеран мирза Али Асгар-хан Амин ос-Солтане был после шаха самым важным человеком в Персии. Умный, чувствительный, воспитанный, честолюбивый, беспринципный и развращённый деньгами, Амин ос-Солтане оставался фаворитом шаха вплоть до убийства властителя в 1896 г.»¹⁷²⁴. «В настоящее время Эмин-Султан (т. е. поверенный царя) главный государственный человек в Персии, имеющий громадное влияние на ход и внешних и внутренних дел этой страны, – писал о нём С. Уманец в 1890 г. – Это хитрый и умный честолюбец,

¹⁷²⁴ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 158–159.

при этом обладающий симпатичной внешностью и образованием. Он большой поклонник Англии, и, благодаря его поддержке, английское влияние в Персии приобретает всё больше и больше силы»¹⁷²⁵. Однако проанглийские симпатии Али Асгар-хана нельзя объяснять исключительно его личными взглядами (хотя, возможно, они также играли определённую роль). Как свидетельствует работа Ф. Казем-заде, английская ориентация садр-азама была тесно связана с британскими «инвестициями» в него. В частности, за поддержку табачной монополии он получил около 15 000 фунтов стерлингов¹⁷²⁶ и 500 акций¹⁷²⁷. Характерным примером является также участие Амин ос-Солтане в выдаче концессии английскому подданному австралийцу Уильяму Ноксу д'Арси на разработку нефтяных месторождений в Южной Персии в 1901 г. Садр-азам, считавшийся тогда уже прорусски настроенным, не только скрыл переговоры между правительством шаха и англичанами, но и активно способствовал получению концессии. Российский посланник К.М. Аргиропуло, пытаясь объяснить непонятное для него поведение Али Асгар-хана, писал 29 июня 1901 г., что им «руководило желание смягчить недовольство англичан для прекращения их участия в интригах, направленных против него»¹⁷²⁸. Однако на деле всё оказалось куда более прозаичнее – У.Н. д'Арси за получение концессии уплатил взятку в размере 50 000 туманов¹⁷²⁹. «В самом деле, необходимым условием для получения какой-либо области в управление есть поднесение пишкеша ... больше которого никто не подёс. Заседания и приёмы у садразама есть ничто иное, как безобразный торг этим товаром», – писал в 1894 г. А.Г. Туманский, характеризуя процесс назначения на административные должности в Иране в период премьерства Али Асгар-хана¹⁷³⁰.

Вообще, приверженность персидских чиновников России или Англии не следует переоценивать, навешивая «ярлыки», как это делали многие современники и историки. В определённой степени и они заботились о государственных интересах. Но эта забота была обусловлена не столько абстрактными представлениями, сколько

¹⁷²⁵ Уманец С. Персидский шах и его двор // Исторический вестник. 1891. Т. Т. 46. № 10. С. 133–134.

¹⁷²⁶ Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 132.

¹⁷²⁷ Там же. С. 134.

¹⁷²⁸ Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг: (По материалам Учётно-ссудного банка Персии). Л.: Наука, 1975. С. 31

¹⁷²⁹ Там же. С. 32.

¹⁷³⁰ Туманский. От Каспийского моря к Хормузскому проливу и обратно, 1894 г. // СМА. 1896. Вып. 65. С. 13.

личными выгодами, обидами и т.п. Большое влияние имела также внутренняя борьба между представителями управленческой верхушки. Так, упоминавшийся Малькольм-хан стал ярким противником концессии Д.Ф. Тальбота после того, как в результате провала аферы с лотереей и интриг против него Али Асгар-хана впал в немилость¹⁷³¹. После смерти шаха и отстранения Амин ос-Солтане, «как только его жалованье было возобновлено, он забыл о всех принципах, которые защищал на страницах газеты «Канун», и вновь стал послушным рабом царя царей»¹⁷³². Камран-мирза, враждовавший с Али Асгар-ханом, рассматривался историками как человек, которого русские могли завербовать в борьбе против монополии¹⁷³³. И это при том, что сами российские наблюдатели отмечали его проанглийскую ориентацию.

Не был исключением и Али Асгар-хан. «Это ещё молодой человек (имеются в виду 1880-е гг. – О.Г.), – писал Мисль-Рустем, – лет 38, умница, красивый, любезный, богатый и любимец шаха. Он сын простого червордара – погонщика мулов, очень понравившийся шаху»¹⁷³⁴. Выходец из низов, он настроил против себя многих из окружения шаха¹⁷³⁵. Классическим примером из его политической биографии, подтверждающим высказанные нами выше утверждения, является его борьба с шахским сыном Масуд-мирзой Зелл ос-Солтане. В середине 1880-х гг. оба они считались сторонниками проанглийской ориентации Персии. Тем не менее, и тот, и другой не могли терпеть друг друга. Это объяснялось причинами личностного характера, обусловленными разностью происхождения при одинаково высоком положении. В результате, когда англичане решили сделать ставку на принца, как на своего агента влияния и, возможно, будущего шаха, Амин ос-Солтане «сыграл в пользу» русской миссии. Шах доверял ему больше, чем своим сыновьям (возможно, не без основания опасаясь за своё положение на троне). «Через Амин-Султана, – сообщал Мисль-Рустем, – всё и делается в Персии. Часто он именем шаха делает

¹⁷³¹ Анаркулова Д.М. Общественно-политическая деятельность Малькольм-хана. Душанбе: Дониш, 1984. С. 94–95; Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 201.

¹⁷³² Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 202.

¹⁷³³ Там же. С. 206.

¹⁷³⁴ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 86. В характеристиках Амин ос-Солтане Мисль-Рустем несколько пристрастен, так как давались они в то время, когда первый министр шаха прочно занял прорусскую позицию. Тем не менее, общие впечатления русского наблюдателя имеют важное значение.

¹⁷³⁵ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 159, 206.

важные распоряжения. У него заискивают и одаривают его даже представители европейских держав ... Когда он ездит по улицам, то бросает в народ деньги, почему за его каретой всегда бежит толпа. Он вообще популярен в народе и любимец шаха, который иногда даже принимает его в эндеруне, т. е. женской половине»¹⁷³⁶. В Петербурге, видимо, также сделали ставку на Амин ос-Солтане¹⁷³⁷. Под влиянием садр-азама и российского посланника в 1887 г. Насреддин-шах лишил сына всех постов, кроме поста губернатора Исфахана¹⁷³⁸.

Наиболее непримиримым из ненавистников Али Асгар-хана был Камран-мирза. Табачная концессия, в которой садр-азам принимал непосредственное участие, дискредитировала его в глазах населения. Эта дискредитация была «отягощена» интригами и откровенным давлением со стороны русской миссии. В начале 1892 г. отношения Амин ос-Солтане с русским посланником дошли до открытой враждебности¹⁷³⁹. Однако уже спустя некоторое время «премьер-министр стал осторожно изменять свою позицию, сдвигаясь ближе к России»¹⁷⁴⁰. Объяснялось это не только необходимостью получения денег на покрытие аннулирования концессии. Авторитет Али Асгар-хана в Персии резко упал. А по опыту предыдущих садр-азамов (как мирза Таги-хан, мирза Хосейн-хан) он понимал, что даже расположение шаха не может гарантировать ему в сложившейся ситуации не только его положение, но и жизнь. Амин ос-Солтане решил ориентироваться на более сильный из внешних факторов, которым становилась Россия. Именно он оказался человеком, в какой-то мере спасшим ПКБ в ходе разразившегося вскоре кризиса.

¹⁷³⁶ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 86

¹⁷³⁷ Там же.

¹⁷³⁸ Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 36–37.

¹⁷³⁹ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 216.

¹⁷⁴⁰ Там же. С. 217.

5.3. Кризис второй половины 1892 г. и отзыв Н.Я. Шнеура

Как уже отмечалось, с 1892 г. у Персии начались проблемы с финансами, которые со временем стали хроническими. В.А. Косооговский финансовые неурядицы первой половины 1890-х гг. объяснял «серебряным» кризисом на американских рынках¹⁷⁴¹, вызвавшим, вкуче с жадностью шаха, обесценивание персидского крана (ходовой денежной единицы страны). Однако, думается, причины были не только в этом. Главными из них были английский займ и расточительность шаха. Значительную роль сыграла и политика Шаханшахского банка. Согласно полученной концессии, только он имел право выпуска бумажных денег в Иране¹⁷⁴². Этой привилегией правление банка пользовалось для собственной выгоды, выкачивая серебряные деньги из страны или выводя их из оборота, спекулируя персидской серебряной монетой с целью вынудить местных торговцев пользоваться только банкнотами английского выпуска¹⁷⁴³. К тому же 1892 г. в Каджарской монархии разразилась холерная эпидемия. Положение оставалось беспокойным. Так, весной было совершено покушение на Насреддин-шаха¹⁷⁴⁴. Заложником нестабильности стала ПКБ, положение которой после событий начала года сильно пошатнулось.

Финансовое обеспечение бригады стало настоящей проблемой «Правительство обещало и тянуло, – писал В.А. Косооговский, – а между тем Шнеуру не из чего было уплачивать “казакам” жалованье, и он вынужден был держать поэтому множество “казаков” в продолжительных отпусках. К тому же возникли сильные затруднения с фуражом, вследствие небывалой дороговизны

¹⁷⁴¹ Из тегеранского дневника полковника В.А. Косооговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 17. Кризис такой действительно имел место и продолжался не один год [Мендельсон Л.А. Теория и история экономических кризисов и циклов. М.: Изд-во социально-экономической лит-ры, 1959. Т. 2. С. 384–517; Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. М.: Директмедиа паблишинг, 2008. С. 203]. О сильном понижении стоимости серебра в 1893–1894 гг. писали и русские наблюдатели [Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волинского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование» // СМА. 1896. Вып. 63. С. 55].

¹⁷⁴² Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 172.

¹⁷⁴³ Анаркулова Д.М. Общественно-политическая деятельность Малькольм-хана. Душанбе: Дониш, 1984. С. 37; Из тегеранского дневника полковника В.А. Косооговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 137–143; Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 51–52; Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 136–137.

¹⁷⁴⁴ Ламсдорф В.Н. Дневник. 1891–1892. М.–Л.: Academia, 1934. С. 129.

продуктов и неудачных подрядов и заказов при неустойках, не поддержанных правительством, вследствие чего бригаде пришлось потерять огромные суммы совершенно для неё непроизводительно»¹⁷⁴⁵. Фуражные деньги были сокращены с 3-х до 2-х туманов на лошадь в месяц, хотя фураж обходился более 3-х туманов¹⁷⁴⁶. В этих условиях командир ПКБ, через посредство Е.К. Бюцова, вынужден был взять заём в Шаханшахском банке в 13 000 туманов¹⁷⁴⁷. Хотя формально он «подлежал принятию на счёт казны (персидской – О.Г.)», тем не менее, оплачивать его чиновники шаха не спешили.

Вот как описывал дальнейшие события В.А. Косооговский. «Внезапно “казачьей” бригаде был назначен смотр. А так как холера продолжала свирепствовать, и множество “казаков” и офицеров, частью вследствие паники, частью с разрешения военного министра Наиба ос-Солтане разбежались, то Шнеур мог вывести на смотр только 450 человек, считая в том числе офицеров и “пенсионеров”. Персидское правительство, увидев так мало людей на смотре, предложило Шнеуру уменьшить бюджет бригады на одну треть, т. е. слишком на 30 000 т. Шнеур не соглашался, и после долгих переговоров остановились на 20 000 т., и только благодаря энергичному вмешательству российского поверенного в делах Шпойера (ошибка – А.Н. Шпейера – О.Г.) бригаде вернули из этих 20 000 т. 12 000 т.»¹⁷⁴⁸. Хотя событийную канву В.А. Косооговский изложил верно, но в деталях был неточен. Сложно сказать, когда именно состоялся смотр ПКБ. В архивных документах ни Н.Я. Шнеур, ни поверенный в делах не упоминали о нём, тем более не называя его в качестве причины решения правительства сократить численность бригады. Однако смотр, скорее всего, всё же имел место примерно в конце лета. И инициирован он был военным министром Камран-мирзой Наибом ос-Солтане. Как показали последовавшие за смотром события, он являлся частью крупной интриги против полковника и ПКБ со стороны Камран-мирзы, которая удачно наложилась на финансовые неурядицы Иранской державы.

¹⁷⁴⁵ Косооговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 394.

¹⁷⁴⁶ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 47. «Фураж в 1893 г. был очень дорог по случаю неурожая», – отмечал русский офицер, посетивший Иран в 1894 г. [Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование» // СМА. 1896. Вып. 63. С. 57].

¹⁷⁴⁷ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 84.

¹⁷⁴⁸ Косооговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 394.

В десятых числах сентября 1892 г. полковник Н.Я. Шнеур был вызван военным министром. Ему было сообщено, что шах распорядился сократить ПКБ наполовину «в видах сокращения государственных расходов», касавшихся, якобы, всех частей персидской армии¹⁷⁴⁹. Позже полковник изложил своё видение причин, побудивших Насреддин-шаха к экономии. «По возвращении его величества шаха из своего путешествия (по Персии – О.Г.), – писал он, – немедленно сказались последствия ... Опустошив своим проездом широкую полосу более цветущих частей Персии и вернувшись в свою столицу, окрестности которой второй год страдают неурожаем, а в настоящем году были ещё посещены холерой, ... его величество был поражён значительным уменьшением поступлений налогов ... Никогда не отличавшийся щедростью (шах – О.Г.) стал скуп до помешательства. Оттуда и пошло стремление во что бы то ни стало сократить расходы и добыть деньги»¹⁷⁵⁰. Речь шла о так называемом сюрсате (сурсате) – повинности по обеспечению местным населением проезжающих шаха, знатных лиц, крупных чиновников и их свиты, войск во время похода провиантом и фуражом¹⁷⁵¹. Повинность эта была очень обременительна для жителей мест, по которым пролегал путь следования «процессий»¹⁷⁵². «Если шах едет далеко, – писал российский наблюдатель, – положим, на богомолье, то с ним ещё следует целый отряд войск; таких путешествий шаха простой народ боится, потому что сопровождающий его отряд опустошает страну как саранча, а жалоб никто не смеет принести, опасаясь за целостность собственной шкуры»¹⁷⁵³. Кроме того, на пути шаха собирались люди из близлежащих городов и провинций. В 1883 г. шах ездил в Мешхед на поклонение

¹⁷⁴⁹ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 44.

¹⁷⁵⁰ Там же. Л. 83.

¹⁷⁵¹ Абдуллаев Ю.Н. Промышленность и зарождение рабочего класса Ирана в конце XIX – начале XX вв. Баку: Изд-во АН АзССР, 1963. С. 17. В более широком смысле сюрсат – это непостоянные доходы государства, куда помимо указанных реквизиций, входили подарки шаху на новый год и рождество пророка Мухаммада, а также «случайные подарки, штрафы и конфискации» в пользу шаха [Кюрзон Г. Персия и персидский вопрос // СМА. 1893. Вып. 52. С. 199, 202].

¹⁷⁵² Абдуллаев Ю.Н. Промышленность и зарождение рабочего класса Ирана в конце XIX – начале XX вв. Баку: Изд-во АН АзССР, 1963. С. 18; Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 139; Из тегеранского дневника полковника В.А. Косооговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 150–152; История Ирана. М.: Изд-во Московского ун-та, 1977. С. 270; Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 123; Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 61. См. красочные описания сюрсата: Абдуллаев Ю.Н. Астрабад и русско-иранские отношения (вторая половина XIX – начало XX в.). Ташкент: Фан, 1975. С. 18; Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 139; Из тегеранского дневника полковника В.А. Косооговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 150–152; Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 123.

¹⁷⁵³ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 61.

святым местам и для встречи с начальником Закаспийской области.

М. Алиханов-Аварский, сопровождавший А.В. Комарова, отмечал, что «Постоянное население Буджнурта (в этом городе должна была произойти встреча – О.Г.) определяют тысяч в десять. Но теперь, в ожидании шахского приезда, сюда нахлынула из окрестных деревень и провинций такая масса искателей наживы и просто любопытных, что число это по крайней мере утроилось»¹⁷⁵⁴. А вот как, например, описывал сюрсат российский писатель начала XX в. «Кроме сборщиков податей, крестьяне больше всего боятся проезда шаха через их деревни, – писал он. – Нередко случается, что крестьяне, узнав о предстоящем проезде, дают взятки своим начальникам: возьми, мол, что хочешь, только избавь от проезда шаха. Иногда жители нарочно портят дороги, сжигают мосты только для того, чтобы шах миновал их край. На первый взгляд это может показаться странным. Но дело в том, что проезд шаха – настоящее разорение для края; хуже, чем нападение саранчи. В Персии почти совсем нет железных дорог. Шах, окружённый свитой приближённых, едет верхом на коне. Когда шах устанет, или когда его застанет в пути ночь, он велит поставить свою походную палатку и отдыхает. Как ураган, проходит шах со свитой по стране, не обращая внимания на зреющие хлеба, вытаптывая и уничтожая урожай. Мало того, – жители области, через которую проходит шах, обязаны доставлять ему съестные припасы. Шах аккуратно платит деньги за припасы (в данном случае автор преувеличивал: В.А. Косооговский указывал, что «номинально, на бумаге, местным жителям за сюрсат уплачивается: им выдают *зачётные квитанции ... но ... в большинстве случаев, если шаху или вообще правительству кажется, что расходы не особенно велики ... все расходы производятся безусловно на пишкеш (подарок), т. е. на даровщину*»¹⁷⁵⁵ – О.Г.), но деньги никогда не попадают в руки крестьян – они остаются в карманах шахских чиновников. Растоптав жатву и отобрав у жителей съестные припасы, шах едет дальше. Позади осталась бедная, разорённая деревня. Шах уехал, но расходы крестьян не окончились: за то, что шах оказал им милость – проехал через их деревни, – они обязаны сделать ему подарок. Неудивительно после всего этого, что персидский крестьянин, как чумы, боится посещения шаха. «Шах улыбается, – гласит

¹⁷⁵⁴ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 102.

¹⁷⁵⁵ Из тегеранского дневника полковника В.А. Косооговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 151.

персидская пословица, – лишь затем, чтобы оскалить свои зубы»¹⁷⁵⁶. Летом 1892 г. Насреддин-шах как раз совершил такую поездку на юго-запад от Тегерана. «Во время этой «прогулки», – отмечала Л.М. Кулагина, – он собрал многочисленную дань с губернаторов в виде крупных денежных подарков. Последние же для покрытия издержек, вызванных проездом шаха, во второй раз собрали налог с райятов (название податного населения Ирана – О.Г.), в результате чего многие из них разорились и покинули рождные места»¹⁷⁵⁷.

Однако поездка Насреддин-шаха не была единственной причиной денежного кризиса и осложнений вокруг ПКБ. «Вследствие финансовых затруднений, приписываемых холере и неурожаю, но в сущности, возникших вследствие неудачи с табачной монополией, персидское правительство решило сократить армию наполовину ... не сокращая при этом числа штатных частей», – резюмировал Н.Я. Шнеур¹⁷⁵⁸. В результате, ему было предложено предоставить шаху свои соображения и новые штаты бригады.

По заведенной традиции, штат ПКБ зависел напрямую от желания шаха. Он решал, какое количество человек должно находиться в бригаде или какую сумму денег выделить русским инструкторам. Заведующий же, исходя из этих пожеланий, должен был разрабатывать штаты и бюджет. Делалось всё это через посредство русского посланника¹⁷⁵⁹. Положение осложнялось тем, что контракт Н.Д. Кузьмина-Караваева истёк и необходимо было заключать новый – на Н.Я. Шнеура. В данном случае момент был выбран удачно – Е.К. Бюцов отсутствовал в Тегеране – он отбыл в Россию. Поэтому переговоры с персидским правительством некоторое время вынужден был вести непосредственно сам Н.Я. Шнеур. Полковник, судя по документам, был доволен предложенной реформой. Как говорилось, он изначально был настроен на переформирование ПКБ в боеспособную часть с чёткими правами её командира, желая «возвысить боевое значение бригады увольнением дорогого шаху нестроевого элемента в лице массы влиятельных офицеров и “пенсионеров” из

¹⁷⁵⁶ Семёнов А.А. Как живут персы // История Ирана: Сборник. К.–М.: Альтернатива–Евролинц, 2003. С. 270.

¹⁷⁵⁷ Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 123.

¹⁷⁵⁸ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 48.

¹⁷⁵⁹ Там же. Л. 46.

представителей племенного начала (т.е. мухаджиров – О.Г.)»¹⁷⁶⁰. Поэтому полковник составил новый штат бригады, включавший в себя «318 конных казаков при 30 офицерах, 1 конно-артиллерийская батарея и хор пешей музыки, всего около 500 нижних чинов вместо числящихся в бригаде 1 000 нижних чинов при 210 генералах, штаб- и обер-офицерах». Экономия от такого сокращения получалась 38 000 туманов в год при бюджете в 96 000 туманов¹⁷⁶¹. Н.Я. Шнеур предложил оставить в ПКБ всего 5 русских инструкторов, 45 нижних чинов в хоре, в трёх эскадронах – 25 офицеров и 326 «казаков», а в батарее 4 офицера и 54 артиллериста. Кроме того «в пешей команде и вольнонаёмной прислуге» 40 человек, плюс 1 доктор. «Таким образом, действительная боевая годность бригады выигрывает», – писал он¹⁷⁶². Новый проект полковник представил иранскому военному министру и российской дипломатической миссии, получив «от обоих одобрение»¹⁷⁶³.

Однако идея Н.Я. Шнеура оказалась нереализуемой. Снова проявилась «болезнь» российских Заведующих – не зная планов правительства, слабо разбираясь в хитросплетениях жизни персидского высшего общества, да и вообще местных нравах и обычаях, Н.Я. Шнеур стремился качественно исполнять свои прямые обязанности (как он их видел) – превратить ПКБ в боеспособную часть со структурой, системой власти и подчинения, свойственной российской армии. Но боеспособная персидская бригада не нужна была России, а инициаторы реформы в Персии видели её цель в совершенно ином. Если Н.Я. Шнеур стремился избавиться от «балласта» и «мёртвых душ», то его непосредственное начальство в Тегеране желало обыкновенного сокращения расходов, не особо вдаваясь в детали того, за чей счёт они будут сделаны.

Вплоть до октября 1892 г. переговоры вокруг изменений в ПКБ велись непосредственно между Н.Я. Шнеуром и Наибом ос-Солтане. Причины этого до конца не понятны. Возможно, это объяснялось отсутствием в сентябре в Тегеране, как шаха, так и русского посланника. По крайней мере, поверенный в делах поручил вести их Н.Я. Шнеуру, так как ему «эти переговоры было бы более удобно

¹⁷⁶⁰ Там же. Л. 47.

¹⁷⁶¹ Там же. Л. 44.

¹⁷⁶² Там же. Л. 49.

¹⁷⁶³ Там же.

вести, чем миссии»¹⁷⁶⁴. Как показали дальнейшие события, инициатива сокращения штатов бригады, хотя и была согласна с желаниями Насреддин-шаха уменьшить расходы казны, исходила от его сына. Основной её целью Камран-мирза, видимо, ставил дискредитацию русской военной миссии. Главный «удар» сокращений должен был пасть на мухаджиров. Скорее всего, исходя из опыта предшествующих лет, военный министр рассчитывал на сопротивление последних и беспорядки в ПКБ, которые дадут ему возможность поставить перед отцом вопрос о необходимости присутствия русских инструкторов в Персии вообще. Отчасти эти надежды подтвердились. В рапорте начальнику отдела ГШ Кавказского военного округа генерал-лейтенанту ГШ А.С. Зеленому от 18 сентября 1892 г. Н.Я. Шнеур сообщал: «протестуют (против увольнения – О.Г.) пока только лишь 170 офицеров, почти исключительно мухаджиров, у которых правительство хочет удержать половину их наследственного содержания. Они угрожают поголовным выселением в Россию, но я думаю, что дело уладится»¹⁷⁶⁵.

Однако полковник заблуждался. Проблема вокруг увольнения части «казаков» приобретала всё больший размах. В своём рапорте от 16 октября 1892 г. Н.Я. Шнеур писал, что в Тегеране было раскрыто готовившееся покушение на шаха. К тому же Насреддин-шах «испугавшись» переселения мухаджиров в Россию, «приказал составить новый проект, по которому личное содержание каждого осталось бы неприкосновенным». «Я составил таковой, – докладывал полковник, – (батарея, музыканты и две сотни в числе 248 человек)». Платя всем им, правительство имело бы около 15 000 туманов экономии¹⁷⁶⁶. Однако проект, поданный через военного министра, был отклонён. Заведующему было предложено сохранение численного состава ПКБ согласно проекту полковника, но с уменьшением финансирования. Камран-мирза сообщил Н.Я. Шнеуру, что бюджет бригады должен быть сокращён до 75 536 туманов. На них полковник должен был содержать «выплачивая всё жалование всей бригаде», батарею, «музыку ... и, сверх того, 2 сотни в 248 человек». «Между тем, – доносил Заведующий в штаб округа, – на эти деньги я могу содержать лишь одну сотню в 159 человек»¹⁷⁶⁷.

¹⁷⁶⁴ Там же. Л. 83.

¹⁷⁶⁵ Там же. Л. 49.

¹⁷⁶⁶ Там же. Л. 50.

¹⁷⁶⁷ Там же. Л. 51.

Судя по рапортам, ситуация в бригаде накалялась, а лишённый поддержки Миссии Н.Я. Шнеур находился в затруднении, не зная, что предпринять. Он постоянно просил указаний у штаба Кавказского военного округа, который должен был защищать интересы русских инструкторов через Миссию¹⁷⁶⁸. Это не могло не вызвать соответствующей реакции. Последний рапорт свидетельствовал о том, что в ПКБ зрел бунт. Не имея чётких представлений о том, как себя вести, Н.Я. Шнеур предложил три выхода из ситуации: а) подавить волнения силой; б) если будет дано согласие содержать одну сотню – он уладит ситуацию самостоятельно; в) в случае несогласия – ликвидировать русскую военную миссию¹⁷⁶⁹. Вопрос о ликвидации был поставлен впервые за всё время пребывания российских инструкторов в Иране.

Ситуация обеспокоила кавказское начальство. Во второй половине октября 1892 г. начальник штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенант ГШ Пётр Тимофеевич Перлик обратился с докладом к начальнику Главного штаба Н.Н. Обручеву. «Кавказское начальство, – писал он, – ... не сочло себя вправе, как непосвящённое в политические виды правительства относительно Персии своими указаниями по запросам, поставленным полковником Шнеуром, предрешить вопрос о дальнейшем существовании наших инструкторов; оно ограничилось ... предложением обратиться за разрешением этого вопроса к поверенному в делах, согласно имеющейся у него инструкции и блюдя достоинство наших офицеров, предложило не принимать лично на себя неисполнимых, по его мнению, условий, чем устранялась всякая опасность волнений бригады против наших инструкторов»¹⁷⁷⁰. Здесь же начальник штаба сжато изложил ситуацию с ПКБ, отметив, что главные возражения полковника ГШ Н.Я. Шнеура заключались в следующем: «1) в желании возвысить боевое значение бригады увольнением дорогого шаху нестроевого элемента в лице массы влиятельных офицеров и “пенсионеров” из представителей племенного начала и 2) оставляя этот элемент на содержании в бригаде, в невозможности исполнить требование шаха содержать 248 конных чинов при отпуске фуражных денег 2 тумана в месяц на лошадь, когда фураж обходится больше 3-х туманов»¹⁷⁷¹. Далее начальник штаба предлагал меры

¹⁷⁶⁸ Там же. Л. 55.

¹⁷⁶⁹ Там же. Л. 51.

¹⁷⁷⁰ Там же. Л. 46.

¹⁷⁷¹ Там же. Л. 47.

для выхода из кризиса. «Не зная политических видов правительства относительно пребывания наших инструкторов в Персии, – писал он, – можно только предположить, что главная цель их присутствия не есть образование боевых частей, а устранение вредных нам влияний враждебных нам инструкторов иностранных и утверждение нашего собственного влияния. В виду этого на первом плане казалось бы должно стоять 1) удовлетворение Его Величества Шаха в его исполнимых требованиях и 2) в сохранении политического элемента (мухаджиров – О.Г.) на жаловании в бригаде. Затем полезно было бы закрепить существующих лиц штатом и при посредстве переговоров нашего посланника с Шахом устранить одинаково неисполнимые требования персидского правительства как для полковника Шнеура и для всех будущих его заместителей, без чего прекращается возможность пребывания инструкторов наших в Персии»¹⁷⁷². Решение задачи выхода из кризиса требовало вмешательства дипломатов, поскольку оно не входило в компетенцию военного начальства Кавказского военного округа.

Телеграммой от 20 октября 1892 г. полковнику было рекомендовано дословно следующее. «Командующий войсками, – писалось в ней, – ... до получения указаний из Петербурга находит, что вы должны были предварительно, согласно инструкции, испросить указаний императорского поверенного в делах и таковые указания сообщить кавказскому начальству. А затем вам ... не следует принимать на себя невыполнимых, по вашему мнению, обязательств ... Устранение неисправимых требований персидского правительства всецело принадлежит нашему поверенному в делах, так как с этим может быть связан вопрос о существовании русских инструкторов, что выходит из компетенции кавказского начальства и принадлежит ведению Министерства иностранных дел»¹⁷⁷³. Как докладывал позже Н.Я. Шнеур, по получении 21 октября указанной телеграммы, он «немедленно сообщил её нашему поверенному в делах и устранил себя от дальнейших сношений с персидским правительством»¹⁷⁷⁴. Переговоры взял на себя А.Н. Шпейер, предоставив Н.Я. Шнеуру улаживать дела в ПКБ.

¹⁷⁷² Там же.

¹⁷⁷³ Там же. Л. 53.

¹⁷⁷⁴ Там же. Л. 83.

В конце октября в бригаде назрел бунт. Основными его зачинщиками были офицеры-мухаджиры, которые подлежали увольнению. «Возбуждение среди этих офицеров, – сообщал Н.Я. Шнеур, – ... достигло такой сильной степени, что шах тотчас же отменил своё прежнее распоряжение» и поручил полковнику не увольнять этих офицеров ¹⁷⁷⁵. Заведующий оказался, фактически в безвыходном положении, поскольку Насреддин-шах одновременно потребовал вместо 15 000 туманов предложенной экономии в течение года, 20 000 и «немедленно из бюджета текущего года» ¹⁷⁷⁶. Н.Я. Шнеур подал Камран-мирзе два рапорта, в которых докладывал о невозможности «для себя исполнять волю шаха с оставлением в распоряжении бригады» таких средств. В своём секретном рапорте от 10 ноября начальнику отдела ГШ штаба Кавказского военного округа Н.Я. Шнеур детально изложил возникшую проблему, которая прямо поставила под вопрос существование ПКБ. «Система выдачи бюджетных ассигнований следующая, – разъяснял он. – В начале каждого года мною выдаётся расписка персидскому правительству в получении всей бюджетной суммы на год, взамен которой я получаю ассигновки (вексели – О.Г.), из которых первая на 12 000 туманов подлежит уплате через 4 месяца, следующая в 8 000 туманов – месяц спустя, а за ними остальные ежемесячно по 6 600 туманов ... Жалование третьего полка в эти ассигновки не входит» ¹⁷⁷⁷. «Если бы исполнить волю шаха, – подводил итог Н.Я. Шнеур, – чтоб все чины сохранили своё содержание, то распустив всю бригаду 9 ноября, оказались бы по удержанию шахом 20 000 туманов, недостача в 13 019 туманов, кроме долга английскому банку в 13 000 туманов, который ещё до новруза был признан ... подлежащим принятию на счёт казны ... и шах письменно обещал его уплатить» ¹⁷⁷⁸. К тому же, помимо удержания 20 000 туманов Насреддин-шах, по словам военного министра, предложил полковнику уплатить долг Шаханшахскому банку из экономии и содержать до новруза 360 человек.

Требования эти привели бы к краху ПКБ. Поэтому Н.Я. Шнеур пошёл на уловку. Параллельно с рапортами на имя Наиба ос-Солтане, он удержал при себе ассигновки на 20 000 туманов. Одновременно, не получив ответа на свои рапорты,

¹⁷⁷⁵ Там же. Л. 75.

¹⁷⁷⁶ Там же. Л. 83.

¹⁷⁷⁷ Там же.

¹⁷⁷⁸ Там же. Л. 84.

полковник 5 ноября письменно запросил у военного министра письменных инструкций. Это возымело влияние. 6 ноября Наиб ос-Солтане пригласил к себе полковника и старшего драгомана дипломатической миссии Ивана Григорьевича Григоровича, и через него попросил объяснить Заведующему и поверенному в делах, «что все старания его побудить шаха принять в соображение трудное положение бригады ... оказались тщётными». Шах объявил сыну, что «он системы счетов полковника Шнеура не понимает, но настаивает на оставлении удержанной уже экономии в 20 000 туманов ... и требует, чтобы наличный состав 15 000 туманов “казаков” равнялся 250 человек»¹⁷⁷⁹.

И.Г. Григорович, по сообщению А.Н. Шпейера, пытался убедить военного министра, что такие условия невыполнимы. Но тот отказался второй раз просить шаха, «который и без того очень сильно раздражён этим делом» и посоветовал полковнику быть сговорчивее. Поверенный в делах сообщил Н.Я. Шнеуру о разговоре и посоветовал одновременно запросить инструкций каждый у своего начальства относительно дальнейшего пребывания инструкторов в Тегеране¹⁷⁸⁰.

В то же время, Камран-мирза, ссылаясь на указание шаха, потребовал от полковника выдать ему ассигновки на 20 000 туманов. Н.Я. Шнеур сообщал, что его отказ сделать это вызвал настойчивые и униженные просьбы военного министра, боявшегося, видимо, гнева отца. Умоляя «ради бога» об их выдаче, Наиб ос-Солтане клялся на следующий день отдать полковнику деньги лично. Тот поддался уговорам, но пообещал, что, если деньги не будут возвращены, он распустит бригаду¹⁷⁸¹.

Однако вмешательство российского дипломата отрыло новые моменты в деле. Выяснилось, что «шах не видел ни первого проекта полковника Шнеура о сокращённых штатах казачьей бригады, ни второго, по которому предполагалось дать шаху экономию в 15 000 туманов в год, но потребовал 20 000, которые и удержал из бюджета текущего года»¹⁷⁸². Произошло это следующим образом. «Решив взять от бригады 20 000 туманов, – доносил Заведующий, – шах наложил запрещение на очередную ассигновку – так, по крайней мере, заявил Наиб ос-

¹⁷⁷⁹ Там же. Л. 70.

¹⁷⁸⁰ Там же. Л. 70–71.

¹⁷⁸¹ Там же. Л. 85.

¹⁷⁸² Там же. Л. 57.

Солтане. Тогда я объявил ему, что если не получу в обычный день и час срочный платёж, то я другой же день покидаю Персию ... и вернусь только тогда, когда деньги будут уплачены»¹⁷⁸³. Угроза подействовала сразу – срочный платёж не был задержан. Это насторожило полковника. «То обстоятельство, что отмена решения ... последовала через четверть часа после моего заявления, когда Наиб ос-Солтане не мог переговорить с отсутствовавшим шахом, подало мне повод подозревать во всём этом деле интриги Наиба ос-Солтане, и я стал добиваться аудиенции у шаха», – докладывал Н.Я. Шнеур своему начальству¹⁷⁸⁴.

Одновременно, оба русских представителя подняли перед своими начальствами вопрос о том, как видится ими судьба ПКБ. В секретной телеграмме в Министерство иностранных дел от 7 ноября 1892 г. А.Н. Шпейер сообщал: «Положение полковника невозможное, и требования шаха решительно невыполнимы ... Лучше было бы может быть отозвать наших инструкторов»¹⁷⁸⁵. Однако и в Министерстве иностранных дел, и в Военном министерстве предложение об отзывании инструкторов не нашло поддержки, поскольку вызывало опасение, что их место тотчас же займут англичане или немцы¹⁷⁸⁶. А.Н. Шпейеру было предложено продолжить переговоры.

Российский поверенный в делах обратился за помощью к первому министру Али Асгар-хану Амин ос-Солтане¹⁷⁸⁷. На руку русским интересам сыграли и выступления мухаджиров, которые вновь охватили ПКБ. «Благодаря бурным манифестациям казачьей бригады, а также энергичному вмешательству Амин ос-Солтане, которым мне, в конце концов, удалось заручиться, – сообщал А.Н. Шпейер в телеграмме в Министерство иностранных дел от 10 ноября, – шах возвратил полковнику Шнеуру 12 000 туманов из отобранных 20 000 и дело кое-как улажено»¹⁷⁸⁸. Вмешательство садр-азама, конечно, можно объяснить взяткой, полученной от русских. Однако в данном случае сведений о таковой нет. Объяснение выглядит более простым – Али Асгар-хан находился в крайне

¹⁷⁸³ Там же. Л. 84.

¹⁷⁸⁴ Там же.

¹⁷⁸⁵ Там же.

¹⁷⁸⁶ Там же. Л. 58.

¹⁷⁸⁷ Мирза Али Асгар-хан Амин ос-Солтане, занимал с 13 марта 1887 г. до 11 ноября 1896 г. пост садр-азама. В России он долго считался проанглийски настроенным. Но неудача табачной монополии, за продвижение которой он получил крупную взятку, и враждебная позиция по отношению к нему военного министра и сына шаха Камран-мирзы, заставили первого министра изменить свою позицию и искать поддержки у России.

¹⁷⁸⁸ Там же. Л. 61.

враждебных отношениях с Камран-мирзой. Опасаясь за своё положение и стремясь использовать возможность для нанесения чувствительного удара по своему противнику, Амин ос-Солтане включился в игру на стороне русских. Он сообщил поверенному в делах, что удержание 20 000 туманов понадобилось не правительству, а предназначались начальнику арсенала Векилю од-Доуле¹⁷⁸⁹. «Человек невежественный, был лакеем, но, благодаря приобретённого расположения военного министра Наиба ос-Солтане, стал начальником арсенала. На свою должность смотрел как на выгодную доходную статью», – характеризовал его сменивший Н.Я. Шнеура ротмистр В.К. Бельгард¹⁷⁹⁰. Интресную зарисовку о нём, помогающую понять внутренние мотивы интриги, оставил В.А. Косоговский. «Во время существования в Тегеране австрийской военной миссии, – писал он, – Векиль од-Доуле в качестве ученика военного медресе (*училища* – О.Г.) в 1880 г. попал к австрийцам, а оттуда был назначен инструктором в полк “Махсус” – гвардию Наиб ос-Солтане, комплектовавшуюся до последних дней Наиб ос-Солтане исключительно красивыми, женоподобными мальчиками. Векиль од-Доуле (в то время, конечно, не имевший еще этого пышного титула) сразу приглянулся, Наиб ос-Солтане, к которому попал в качестве ординарца, и с тех пор чуть ли не ежемесячно стал получать офицерские чины. Года через два-три он был уже произведён в сартипы с назначением командиром того же полка “Махсус”. При этом преступная любовь к нему Наиб ос-Солтане росла с каждым днём. По его милости и самый полк “Махсус” лучше всего содержался, обучался; казармы были лучшие во всех отношениях; даже имелся весьма порядочный цейхгауз, модели полевых фортификационных сооружений, небольшой класс вроде учебной команды ... И за всякий смотр шаха Векиль од-Доуле продолжал получать при самом неограниченном посредстве Наиб ос-Солтане по какой-нибудь новой награде или чину. При этом Наиб ос-Солтане действовал очень ловко: он всегда сначала просил за Азиз-Султана, т. е. за любимца шаха, а когда шах охотно соглашался сделать все, что угодно, для своего любимца, тогда Наиб ос-Солтане просил уже и за своего любимца. Когда умер эмир-тумани Джалиль-хан, начальник махзане (обмундировальный

¹⁷⁸⁹ К сожалению, имени его нам в источниках обнаружить не удалось. Поэтому будем именовать его по титулу.

¹⁷⁹⁰ Там же. Л. 26.

магазин), то эту должность Наиб ос-Солтане выхлопотал Векиль од-Доуле, и шах имел слабость согласиться. Тогда его с оставлением командиром полка «Махсус» произвели в эмир-туманы и дали титул муин-низам (помощник начальника военного ведомства). Когда умер начальник арсенала Джахангир-хан, Наиб ос-Солтане выхлопотал ему и заведование арсеналом с титулом “министра арсеналов”. Когда затем, лет пять-шесть тому назад он по подозрению в сообщничестве с прогрессистами Персии схватил теперешнего убийцу шаха мирзу Мохаммед-Резу, ему дали “тимсаль” (портрет шаха, усыпанный бриллиантами) и все караульные дома сарбазов в Тегеране (кроме арка, т. е. цитадели). Когда в 1892 г. в Тегеране был бунт по поводу табачной монополии, народ, хлынувший в открытые ворота цитадели и беспрепятственно достигший дворца шаха и Наиб ос-Солтане, пытался ворваться в самый дворец, через подъезд Наиб ос-Солтане (главный подъезд шахский успели запереть). Тогда сарбазы и даже сам сардар-акрем (титул, означавший “милостивейший”, давался старшему сардару, который командовал 10 самыми надёжными азербайджанскими фюуджами; на тот момент его носил любимец шаха и зять садр-азама Азиз-Султан¹⁷⁹¹) внутренне сочувствуя народу и духовенству, не решались стрелять в толпу. Один только Векиль од-Доуле приказал бывшим при нем 20–30 гвардейцам стрелять в безоружную толпу (конечно, не ради шаха, но ради Наиб ос-Солтане, сознавая, что, если Наиб ос-Солтане не станет, он лишится всего), что те и исполнили. Толпа немедленно рассеялась, оставив на месте до 30 трупов ... За этот-то подвиг герой и получил титул “векиль од-доуле”, т. е. “доверенный государства” и ещё в кормление – пехотный полк “Нахавенд” для своего девятилетнего сына»¹⁷⁹². Как выяснил поверенный в делах, начальник арсенала «уже успел получить из удержанных денег 8 000, из которых половину немедленно передал Наиб ос-Солтане»¹⁷⁹³.

¹⁷⁹¹ Из тегеранского дневника полковника В.А. Косооговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 19. В 1895 г. 17-летний шахский фаворит Азиз-Султан женился на дочери Насреддин-шаха [Всепопданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 8].

¹⁷⁹² Из тегеранского дневника полковника В.А. Косооговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 40–42.

¹⁷⁹³ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. Л. 87.

Таким образом, финансовый кризис в ПКБ не стал результатом бесхозяйственности Н.Я. Шнеура¹⁷⁹⁴, а был спровоцирован непосредственно иранским военным министром. Причины этого Н.Я. Шнеур видел в следующем. «Так как я ему лично ничего не сделал, то ненависть Наиб ос-Солтане я могу объяснить только принципиальной ненавистью ко всему русскому»¹⁷⁹⁵. Камран-мирза, по мнению полковника, хотел ослабить бригаду, поскольку сам мечтал занять персидский престол. Однако Россия признала наследником-валиатом Мозаффарэдина, поэтому военный министр видел в лице ПКБ опасного противника, как проводника русских интересов¹⁷⁹⁶. Отчасти полковник был прав. Однако, учитывая характер Камран-мирзы, Н.Я. Шнеур заблуждался относительно отсутствия личной обиды у того к полковнику. Во время событий января 1892 г. военный министр пострадал больше всех, не только морально, но и физически¹⁷⁹⁷. Вряд ли он забыл это и простил Н.Я. Шнеуру (а через него – и русским представителям вообще: бригада-то формально подчинялась ему) его бездействие в критический момент.

В результате выступлений бригады, заявления поверенного в делах о том, что он поднял вопрос о ликвидации военной миссии перед Петербургом и вмешательства садр-азама был достигнут компромисс. В своём секретном рапорте в штаб Кавказского военного округа от 8 декабря 1892 г. Н.Я. Шнеур впервые поставил вопрос, который станет актуальным в середине 1890-х гг., – о необходимости вывести ПКБ из ведения военному министру и подчинения её Амин ос-Солтане¹⁷⁹⁸. Тем не менее, в тот момент бригадные дела не интересовали российское правительство настолько, чтобы внять этой рекомендации. Насреддин-шах, видимо, не хотел идти на конфликт с Россией из-за военных инструкторов. Однако и брать ответственность за ситуацию вокруг ПКБ также не желал. Через Али Асгар-хана полковнику и дипломатической миссии 7 ноября был предложен следующий вариант решения проблемы. Правительство возвращало 12 000 туманов, а со следующего года Заведующий получал 80 000 туманов. В то же время, ему предоставлялась возможность «держатъ столько людей, сколько будет

¹⁷⁹⁴ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Восточная литература, 2012. С. 71.

¹⁷⁹⁵ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 85.

¹⁷⁹⁶ Там же. Л. 91–92.

¹⁷⁹⁷ Из тегеранского дневника полковника В.А. Косооговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 124–125.

¹⁷⁹⁸ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 92.

возможно»¹⁷⁹⁹. Согласно предложенной комбинации офицеры бригады должны были получать содержание без вычета, а долг Шаханшахскому банку полковник должен будет уплатить самостоятельно из полученных 12 000 туманов¹⁸⁰⁰. Н.Я. Шнеур согласился с этими предложениями, оговорив, что недостающее ему «на содержание текущего года» он удержит временно из жалования бригады, которое уплатит из бюджета следующего года «с соответствующим уменьшением наличного числа людей»¹⁸⁰¹. В личном разговоре с Заведующим садр-азам прямо заявил, «что цель правительства, давая мне (полковнику – О.Г.) *carte blanche*, более та, чтобы снять с себя ответственность за сокращения в бригаде, направление неудовольствия увольняемых на меня»¹⁸⁰². Ни военный министр, ни его протеже, заварившие интригу и израсходовавшие 8 000 туманов, никаких наказаний не понесли.

5 декабря 1892 г. полковник получил шахский дестихат (собственноручное повеление), устанавливавший новые правила управления бригадой¹⁸⁰³. Как отмечал В.А. Косоховский, «было решено отдать полк. Шнеуру бригаду на коммерческих правах, с тем однако условием, чтобы, не касаясь содержания офицеров и “пенсионеров”, а также магального жалованья, т. е. сумм, получаемых некоторыми казаками из разных провинциальных казначейств, помимо бюджета, отпускать ему ежегодно вместо 96 854 т. только 80 000 т. и 2 000 т. на новые постройки и на ремонт старых зданий. Полковник же в начале каждого года должен подавать военному министру сведения, сколько он может содержать людей на эти 80 000 т.»¹⁸⁰⁴. Фактически, это была инструкция, на основании которой должен был действовать Заведующий. В секретном рапорте от 8 декабря 1892 г. на имя начальника отдела ГШ штаба Кавказского военного округа Н.Я. Шнеур отмечал, что «это первая попытка установить кое-какой порядок в бригаде и письменно

¹⁷⁹⁹ Там же. Л. 87. А.Н. Шпейер в своём донесении в Министерство иностранных дел утверждал, что по его совету «полковник Шнеур принял эти условия, выговорив себе, однако, право содержать на коне столько “казаков”, сколько ему позволят бюджетные средства бригады» [Там же. Л. 71–72]. Н.Я. Шнеур же сообщал, что такие условия были предложены ему Амин ос-Солтане через поверенного в делах.

¹⁸⁰⁰ Там же. Л. 87.

¹⁸⁰¹ Там же.

¹⁸⁰² Там же. Л. 88.

¹⁸⁰³ Там же. Л. 89. В качестве «компенсации» от шаха полковник был также награждён орденом Льва и Солнца 2-й степени [Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1893 года. СПб.: Военная типография, 1893. С. 131].

¹⁸⁰⁴ Косоховский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 394.

определить права Заведующего обучением персидской кавалерии, так как до сих пор всё делалось по установившемуся обычаю»¹⁸⁰⁵.

Следует остановиться на новых правилах управления и организации ПКБ детальнее, поскольку они представляли новый шаг в её развитии. К тому же разбор шахской инструкции позволяет лучше понять проблемы русской военной миссии и проследить, насколько дестихат способствовал их разрешению.

Шахская инструкция состояла из 6-ти пунктов¹⁸⁰⁶. В означенном рапорте от 8 декабря Н.Я. Шнеур прокомментировал каждый из них¹⁸⁰⁷. В этих комментариях содержалась как критика прежнего положения ПКБ, так и надежды Заведующего на его улучшение.

Первым пунктом запрещалось производить в офицеры, пока число офицеров бригады превышает штаты¹⁸⁰⁸. Н.Я. Шнеур писал, что это вне сомнения необходимое ограничение, поскольку «было, что каждый полковник, перед уходом прощальным приказом дарил своему преемнику несколько дюжин новых офицеров, благодаря чему число их возросло до безобразия, помимо стараний Наиба ос-Солтане, который также производил немало»¹⁸⁰⁹. Второй пункт гласил: «Если кто-нибудь из командиров (т.е. персидских офицеров ПКБ – О.Г.) умрёт ... то из содержания его выделить сумму на содержание одного “казака”, а остальное обратить в пенсию наследникам таких мухаджиров»¹⁸¹⁰. Комментарий полковника был лаконичен: «Прекращён прирост “пенсионеров” на счёт строевых чинов. Отныне “пенсионерами” будут назначаться одни мухаджиры, и то, каждый должен содержать за себя одного строевого “казака”»¹⁸¹¹. Третий пункт предусматривал выплату отпускных денег чинам ПКБ, находящимся в отпуске, в размере половины жалования. Это, по мнению Н.Я. Шнеура, давало большую экономию отпускных.

Четвёртый и пятый пункты инструкции увеличивали власть полковника в ПКБ. Согласно им, полковник мог ходатайствовать о награждении 10 % чинов бригады орденами, имел право исключать из ПКБ «лиц провинившихся и ведущих

¹⁸⁰⁵ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 89.

¹⁸⁰⁶ Там же. Л. 81–82.

¹⁸⁰⁷ Там же. Л. 89–91.

¹⁸⁰⁸ Там же. Л. 81.

¹⁸⁰⁹ Там же. Л. 89.

¹⁸¹⁰ Там же. Л. 81.

¹⁸¹¹ Там же. Л. 89.

себя нехорошо, а также просрочивших сроки своих отпусков»¹⁸¹². Комментируя эти пункты, Н.Я. Шнеур писал: «высшим наказанием было до сих пор исключение из бригады ... но исключаемые подавали шаху прошение, и он их приказывал зачислять снова в бригаду как опытных “казаков”»¹⁸¹³. Что касается наград, то они должны были служить своеобразной заменой не произведённым в офицерское звание из-за перебора офицеров. Полковник в комментарии вскрыл одну из проблем, связанную как собственно с полномочиями Заведующего, так и с ролью военного министра в принятии решений относительно бригады. Русские командиры не могли отметить орденами лучших офицеров бригады, поскольку здесь сразу срабатывали два фактора. Во-первых, при наличии множества офицеров, часто знатного происхождения, отличие наградой одного из них воспринималось как своего рода личная обида другими. Ненаграждённые, таким образом, получали (с их точки зрения) моральное право требовать подобной награды и для себя, чтобы «уравняться» с награждённым. Это создавало напряжённый климат, как в офицерской среде, так и в отношениях офицеров с Заведующим. Во-вторых, любое награждение шло через военного министра. А он не пропускал его без пишкеша, то есть (в данном случае) – взятки. Такое положение подрывало авторитет русского полковника в ПКБ. Четвёртым и пятым пунктами Н.Я. Шнеур надеялся снять указанные проблемы.

Шестым пунктом определялось финансирование ПКБ. Думается, следует подробно привести указанный пункт и комментарии к нему, поскольку именно финансовая сторона в существовании ПКБ была основной. Во-первых, было зафиксировано, что из удержанных персидским правительством 20 000 туманов 12 000 уже возвращены бригаде. С нового финансового года (новый год в Персии начинался с новруза, то есть с 9–10 марта) бюджет ПКБ был определён в 80 000 туманов. Кроме того, «на ремонт зданий городских и лагерных» шах согласился отпустить 2 000 туманов в год. Было оговорено, что «правительство будет отпускать: 2 000 туманов в начале года и 80 000 туманов с начала до конца года ежемесячно, по частям из малиата (налоговых поступления – О.Г.) Керманской

¹⁸¹² Там же. Л. 81.

¹⁸¹³ Там же. Л. 89–90.

провинции»¹⁸¹⁴. Здесь же содержалась роспись того, как полковник должен расходовать указанные суммы. Предполагалось, что бюджетные расходы составят следующие компоненты:

- «1) жалования и рационы членов русской военной миссии;
- 2) жалования и рационы офицеров и “пенсионеров” бригады, состоящих налицо;
- 3) суточное и фуражное довольствие и обмундирование нижних чинов ... которое полковник в состоянии содержать на отпускаемые правительством деньги, и в начале каждого года полковник должен представлять военному министру сведения о числе нижних чинов, которые имеют быть содержимые в этом году;
- 4) (неразборчиво – О.Г.) лошадей;
- 5) отопление, освещение и прочие расходы, кроме путевых офицеров и урядников русской военной миссии»¹⁸¹⁵.

Н.Я. Шнеур положительно оценил последний пункт инструкции: «До сих пор деньги выплачивались бригаде только начиная несколько месяцев спустя после начала года. Отныне они будут выдаваться каждый месяц ... На ремонт казарм выдавалась малая сумма (800–1 200 туманов) ... Отныне определена достаточная сумма сверх бюджета ... Жалование третьего полка выдавалось помимо русского полковника и выплачивалось крайне неаккуратно, теперь оно введено в общий бюджет бригады и будет выплачиваться регулярно»¹⁸¹⁶. Цифры количественного состава ПКБ в инструкции не оговаривались, однако третий подпункт шестого пункта гласил, что в начале каждого года полковник должен предоставлять военному министру сведения о числе нижних чинов, которое он может содержать в

¹⁸¹⁴ К слову, данный пункт служит убедительным доказательством, что мнение о том, что ПКБ финансировалась из доходов северных таможен Ирана [Гоков О.А. Создание Персидской казачьей бригады // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць. Х.: НМЦ СД, 2003. С. 69; Мамонтов Н.П. Очерки современной Персии. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1909. С. 86; Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1978. С. 138; Павлович М.П. Казачья бригада в Персии. (Из истории персидской контрреволюции) // Новый Восток. Кн.8/9. С. 182; Потапов Г.В. Персидская империя. Иран с древнейших времён до наших дней. М.: Алгоритм, 2013. С. 262], для XIX в. является ошибочным.

¹⁸¹⁵ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 81.

¹⁸¹⁶ Там же. Л. 90. Впрочем, благодаря предыдущему посланнику Н.С. Долгорукову, в начале службы полковника ГШ Н.Д. Кузьмина-Караваева с Камран-мирзой также были согласованы сроки выплат из бюджета Военного министерства и сроки отчётов по израсходованным средствам [РГВИА. Ф. 410. Оп. 4. Д. 57. Л. 4]. Тем не менее его сменщик вновь столкнулся с теми же проблемами. Как свидетельствует дальнейшая история русской военной миссии в XIX в., Заведующим после Н.Я. Шнеура опять пришлось решать проблему несвоевременных выплат бюджетных денег.

текущем году¹⁸¹⁷. Таким образом, формально количественный состав ПКБ стал зависеть от Заведующего, который мог его варьировать исходя не из шахских или чьих-то ещё пожеланий, а из реальных финансовых возможностей. Этим Н.Я. Шнеур хотел снять «головную боль» Заведующих: как содержать на выделяемые деньги количество людей, не соответствовавшее средствам и при этом умудряться показывать на смотрах штатный состав обученным.

Как видно из инструкции, сформулированной не без влияния Заведующего, Н.Я. Шнеур стремился повысить боеспособность и организованность ПКБ, превратив её в подобие европейской воинской части не внешне, но и внутренне. Однако, как показало время, большая часть надежд Н.Я. Шнеура оказалась нереализованной.

В первой половине января 1893 г. Н.Я. Шнеур подал военному министру смету в 82 000 туманов, исходя из которой должна была определяться списочная и наличная численность чинов ПКБ. На основании бюджета и дестихата русская Миссия, полковник и шахское правительство заключили новое соглашение по бригаде¹⁸¹⁸. В.А. Косоховский указывал, что «число казаков было показано фиктивно в 500. На самом деле в Тегеране было всего около 300, из коих 170 конных»¹⁸¹⁹. К сожалению, не совсем ясно, откуда он взял эти цифры. Согласно соглашению, определённого штата ПКБ не имела – полковник был должен сам определять количество людей, которые он мог содержать на выделяемые средства. По соглашению в ПКБ полагалось иметь по спискам 158 офицеров и 563 нижних чина, то есть 721 человека. Налицо же должно было быть, не считая пенсионеров, 471 офицера и нижних чинов: «150 офицеров, 142 пенсионера, 27 нижних чинов трубаческого хора, 55 артиллеристов, 18 пеших, 21 вольнонаёмных и 200 строевых “казаков”». Остальных людей «недостающих до определённой условием численности, положено содержать в постоянном отпуску на половинном жаловании»¹⁸²⁰. «По контракту этого года, – доносил сменщик Н.Я. Шнеура В.К. Бельгард в Военно-учёный комитет, – численный состав бригады уменьшен до

¹⁸¹⁷ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 81.

¹⁸¹⁸ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Св. 1335. 1893. Д. 43. Л. 4.

¹⁸¹⁹ Косоховский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 394.

¹⁸²⁰ Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1894. С. 799.

200 строевых «казаков»», всего же насчитывалось 294 строевых чина¹⁸²¹. «Кроме того, – отмечал ротмистр, – на постоянном жаловании тут находятся 173 офицера, из которых около 40 конных»¹⁸²². Реальный состав ПКБ продемонстрировал шахский смотр 28 мая 1893 г. «Все выходили очень охотно¹⁸²³, – сообщал В.К. Бельгард, – поэтому на эти цифры следует смотреть как на максимум того, что может дать бригада». На смотре было 122 «казака», 36 артиллеристов, 23 «трубача» (музыканта) и 70 офицеров, то есть общей сложностью 251 «конных чинов»¹⁸²⁴. Как видим, численный состав ПКБ был минимизирован максимально. Однако, как показала дальнейшая практика, в строевом отношении бригада от этого выиграла мало. Несмотря на соглашение, проблемы ПКБ – «пенсионеры», перебор офицеров, недостаточное финансирование – также не были сняты, хотя предполагалось, что шахский дестихат будет основой для их решения.

Не смотря на то, что в 1892 г. с Н.Я. Шнеуром был заключён контракт на обучение персидской кавалерии, на Кавказе уже в конце ноября – декабре 1892 г. стали задумываться о возможности сэкономить на его должности. Между Главным штабом и кавказским начальством завязалась переписка относительно командирования в Иран нового инструктора на освободившееся место – в Россию по окончании контракта был отозван руководивший артиллерией ПКБ штабс-капитан (с 1891 г.) К.Н. Блюмер¹⁸²⁵. В связи с сокращением численности ПКБ Петербург запрашивал военное начальство Кавказа, следует ли сокращать количество инструкторов. К началу января 1893 г. этот вопрос был снят с повестки дня. Количественный состав русской военной миссии было решено сохранить в прежнем виде: полковник, 3 обер-офицера и 5 урядников¹⁸²⁶. «Командующий войсками (на Кавказе – О.Г.) не находит возможным уменьшить число трёх офицеров, – сообщал телеграммой от 16 января 1893 г. управляющему делами Военно-учёного комитета Главного штаба генерал-лейтенанту Ф.А. Фельдману А.С. Зеленой, – ... так как

¹⁸²¹ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 110.

¹⁸²² Там же.

¹⁸²³ Что не удивительно, поскольку смотр был реальным шансом проявить себя и заслужить какую-либо милость от правителя.

¹⁸²⁴ Там же.

¹⁸²⁵ За свою службу он в награду от шаха получил почётную саблю с драгоценными камнями [Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 35].

¹⁸²⁶ Посетивший в 1895 г. Иран А.Н. Куропаткин ошибочно указывал, что урядников было 6 [Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 31].

один офицер – помощник полковника Шнеура по хозяйственной части, второй – командир батареи, а третий необходим как инструктор кавалерии»¹⁸²⁷. Поэтому на освободившуюся должность по рекомендации Главного начальствующего Кавказской администрацией генерал-адъютанта князя С.А. Шереметева, на неё стали продвигать «лично ему известного» ротмистра 33-го драгунского Изюмского полка В.К. Бельгарда¹⁸²⁸. Первый запрос о нём был сделан в декабре 1892 г., а второй – уже после решения о сохранении прежнего количества русских инструкторов, в первой половине января¹⁸²⁹. В ПКБ ротмистр попал только в мае 1893 г. И уже 18 мая вступил во временное командование её¹⁸³⁰. Полковник Н.Я. Шнеур убыл в отпуск в Россию, а В.К. Бельгарду было приказано его замещать¹⁸³¹. По возвращении, 26 июня 1893 г. Н.Я. Шнеур был отчислен из распоряжения главного начальствующего на Кавказе¹⁸³². Судя по изученным нами документам, российское начальство не планировало возвращение Н.Я. Шнеура. Вместе с ним возвратились в Россию и другие обер-офицеры. Было решено сэкономить и на одном инструкторе. Место К.Н. Блюмера, заведовавшего артиллерийской частью ПКБ, осталось вакантным. В итоге, реально в бригаде осталось два офицера-инструктора – ротмистр В.К. Бельгард и прибывший в Тегеран весной 1893 г. подьесаул Александр Фердинандович Рафалович.

Оценивая деятельность Н.Я. Шнеура как Заведующего обучением персидской кавалерии, невозможно избавиться от некоей двойственности. В хозяйственном отношении полковник вне сомнения для ПКБ сделал много: обновил фонд обмундирования, построил необходимые бригаду здания, обеспечил батарею лошадьми, завёл собственный обслуживающий персонал в виде шорника, кузнеца, ветеринара. Траты полковник делал не одновременно, а постепенно, в течение 2-х лет. В целом, он стремился, чтобы вверенное ему соединение было обустроено правильно и компактно, с большей пользой для службы. В частности, именно поэтому он стремился избавиться от «дорогого шаху нестроевого элемента» – мухаджиров и «пенсионеров» – и вообще сократить нештатную численность

¹⁸²⁷ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Св. 1335. 1893. Д. 43. Л. 4–5.

¹⁸²⁸ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 67.

¹⁸²⁹ Там же. Л. 79.

¹⁸³⁰ Бельгард Владимир Карлович // Список генералам по старшинству. Составлен по 1 июля 1908 года. СПб.: Военная типография, 1908. С. 831.

¹⁸³¹ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 109.

¹⁸³² РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 19573. Л. 16.

бригады. Впрочем, как и предыдущие командиры, в этом он не преуспел не по своей вине. Говорить о Н.Я. Шнеуре как о строевом командире сложнее. Причина этого в том, что ни на Кавказе, ни в Петербурге не рассматривали вопрос о создании из ПКБ действительной военной силы. В российском Министерстве иностранных дел ПКБ видели первоначально как орудие давления на Великобританию в вопросах внешней политики. В период с 28 марта 1882 г. по 14 января 1895 г., когда его главой был Н.К. Гирс¹⁸³³, политика относительно Ирана долгое время находилась в руках директора Азиатского департамента И.А. Зиновьева. Но после его отставки в начале 1891 г., ПКБ фактически была предоставлена ведению Военного министерства. А то, в свою очередь, перепоручило её кавказскому начальству. До середины 1890-х гг. дипломаты проявляли интерес к бригаде лишь тогда, когда этого требовали внешнеполитические обстоятельства, а в остальное время мало заботились о её положении. Россия как бы «застолбила» этот «участок», но «разрабатывать» его не собиралась. К тому же сильная персидская армия представляла реальную угрозу русским интересам на Среднем Востоке. Хорошей характеристикой для видения задач русских инструкторов в Иране (да и для деятельности военных инструкторов европейских держав в государствах типа Китая, Персии и т.п.) в какой-то степени могут служить слова французского офицера-инструктора в китайских войсках, сказанные в 1869 г. российскому офицеру Михаилу Ивановичу Венюкову, путешествовавшему по стране. В ответ на замечание последнего, что француз, по-видимому, намеренно кое-чему недоучивает китайцев, тот с усмешкой ответил: «Разумеется! Какое нам дело, что китайские солдаты не уважают своих офицеров, разговаривают с ними и между собой во фронте и т.п.? Нам лишь бы они знали ружейные приёмы, маршировку и эволюции – а там, чем скорее они разбегутся от первых европейских выстрелов, тем лучше»¹⁸³⁴. В силу указанных причин обучение ПКБ, формально основанное на сокращённых русских уставах, было ориентировано на то, чтобы ублажать шаха. Поэтому большое значение придавалось джигитовке и строевой подготовке. В этом отношении ПКБ выглядела достаточно представительной. Даже учитывая то, что

¹⁸³³ Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2002. Т. 3. С. 135–155.

¹⁸³⁴ Венюков М.И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск: Дальгиз, 1952. С. 259.

много «казаков» находилось в отпусках, на время смотров многие из них возвращались в ПКБ. Особенно это касалось «казаков» второго полка. Причиной этого было то, что на смотре можно было понравиться шаху и получить от него какие-либо подарки (чаще – в виде денег), а то и производство в новый чин.

Бичом всех Заведующих был финансовый вопрос. Он обусловил большинство сложностей в деятельности военной инструкторской миссии, возглавляемой Н.Я. Шнеуром. Он же стал и косвенной причиной отозвания полковника в Россию ранее срока окончания контракта. Помимо этого, Н.Я. Шнеур оказался заложником внешнеполитических комбинаций русских дипломатов и внутривосточной борьбы. Во всём этом он разбирался слабо и, видимо, не слишком к этому стремился. В итоге Н.Я. Шнеур оказался отчасти дискредитирован в глазах шаха и иранского военного министра – из-за своих действий в начале 1892 г., и русского начальства – из-за кризиса осени 1892 г. Остаётся открытым вопрос о том, было ли удовлетворено начальство Н.Я. Шнеура на Кавказе и в Санкт-Петербурге деятельностью полковника. Ольга Александровна Красняк утверждает, что Н.Я. Шнеур не оправдал возложенного на него доверия кавказского начальства¹⁸³⁵. Нугзар Константинович Тер-Оганов обвинил Н.Я. Шнеура в бесхозяйственности и неумелом руководстве¹⁸³⁶. Оба автора в своих мнениях ориентировались на В.А. Косооговского, который, к слову, в своём очерке Н.Я. Шнеура открыто не критиковал, а кое-где даже оправдывал его действия. Однако, как видно из приведенного нами материала, исследователи не совсем правы. В документах нет прямого указания на то, что полковник не оправдал возлагавшихся на него задач. Отзыв его раньше срока также не может служить этому доказательством, поскольку и в случае с предыдущим Заведующим, и в случае со сменщиком Н.Я. Шнеура, оба они были отозваны после скандала, несмотря на то, что степень виновности их была диаметрально противоположной. Отзывы были обусловлены престижем русского имени. В ситуации же со Н.Я. Шнеуром большую роль сыграл и экономический фактор.

Без сомнения, кризис 1892 г. стал неудачей русской политики в отношении ПКБ. Численность бригады была сокращена с 1 210 человек списочного состава до

¹⁸³⁵ Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 82.

¹⁸³⁶ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Восточная литература, 2012. С. 71–72.

721. Налицо же полковник должен был иметь 471 «казака» (в реальности их число оказалось ещё меньшим – около 300 человек). Было сокращено финансирование ПКБ. Вместо примерно 96 000 туманов в бюджете была зафиксирована цифра в 82 000. Фактически был временно сокращён состав русской военной миссии за счёт Заведующего и одного обер-офицера. Престиж ПКБ в глазах Насреддин-шаха был поколеблен, а бригада явно ослаблена. Этого, собственно, и добивался Камран-мирза, видевший в ПКБ препятствие в случае борьбы за власть после смерти отца.

Тем не менее, все указанные следствия имели как отрицательную, так и положительную стороны. Н.Я. Шнеур реализовал то, к чему стремились все предыдущие Заведующие. Были письменно зафиксированы права начальника инструкторской миссии по отношению к своим подчинённым, а также порядок финансирования ПКБ. Это было действительным достижением полковника в качестве доверенным в делах русской Миссии. Однако, к сожалению, оно так и не было реализовано полностью: в 1895 г. новый командир ПКБ В.А. Косоговский вновь вынужден был добиваться письменной фиксации оснований для деятельности российских военных инструкторов.

Документальное закрепление численности чинов бригады также имело две стороны. С одной, это давало Заведующему возможность не бояться недовольствия шаха недостаточным количеством «казаков» на смотрах. Выигрывала бригада и в строевом отношении. Но с другой, понижало престиж командира ПКБ в глазах тех, кто не был в числе «наличных», да и вообще как бы исключало их из числа обучаемых, поскольку они только числились, но в бригадной жизни почти не участвовали.

Н.Я. Шнеур не был активным в политических вопросах, касательно ПКБ. Будучи педантичным и исполнительным офицером, он стремился придать бригаде соответствующий вид, исходя из российских представлений о службе и, отчасти, иранских реалий. При этом, полковник не оставлял мысль преобразовать ПКБ в боеспособное или хорошо организованное соединение. Поэтому вину в кризисе и упадке ПКБ полностью на него возлагать сложно. Скорее Н.Я. Шнеур оказался заложником обстоятельств, к которым не сумел должным образом приспособиться и

подготовиться. Сравнивая события конца 1892 г – начала 1893 гг. с событиями весны 1895 г.¹⁸³⁷, очевидно, что Н.Я. Шнеуру явно не хватило волевых качеств и поддержки влиятельных лиц из России. В.А. Косооговский оказался в худшей ситуации, но сумел не просто выйти из неё, но выйти с блеском. Правда, здесь ему была оказана деятельная поддержка со стороны Е.К. Бюцова и высшего военного начальства – после смены императора (в 1894 г. царём стал Николай II) и смерти Н.К. Гирса политика относительно Персии также стала претерпевать изменения. В рассматриваемое же время интерес к ПКБ в Петербурге явно остыл. Бригада была детищем И.А. Зиновьева – бывшего посланником при шахе, а затем директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел. Но с марта 1891 г. он был уже не у дел азиатской политики империи. Н.К. Гирс, видя в И.А. Зиновьеве опасного конкурента на место министра иностранных дел, убедил Александра III отправить его послом к королю Швеции и Норвегии¹⁸³⁸. Сменивший его Дмитрий Алексеевич Капнист большого значения ПКБ не придавал – она была на далёкой периферии его интересов. «Капнист, – характеризовал указанную замену В.Н. Ламсдорф, – который более пяти лет живёт в отставке и ровно ничего не делает, призван весьма лестным образом на один из самых важных постов; что же касается Зиновьева, который в своем рвении выбился из сил, то он устранён и находится почти что в немилости»¹⁸³⁹. «Не умеет ни писать сам, ни делать нужные указания чиновникам, которым он хотел бы поручить писать за себя. При этом он ленив и безоговорочно требует, чтобы к нему был прикомандирован специальный редактор», – записал 1 февраля 1892 г. В.Н. Ламсдорф о Д.А. Капнисте¹⁸⁴⁰. Хотя сторонником её ликвидации директор Азиатского департамента также не являлся, понимая важность для российской политики присутствия русских инструкторов в Иране, но в дела её не вникал. Не было уже на Кавказе и великого князя Михаила Николаевича. 22 ноября 1881 г. Кавказское наместничество фактически было упразднено. Вместо него была образована Кавказская администрация во главе с Главнначальствующим гражданской частью, который одновременно являлся

¹⁸³⁷ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада: период трансформации (1894–1903 гг.) // Восток. 2010. № 3. С. 69–79.

¹⁸³⁸ Ламсдорф В.Н. Дневник. 1891–1892. М.–Л.: Academia, 1934. С. 11, 13. Он занимал этот пост с 12 марта 1891 г. по 01 июля 1897 г. Интересно, что на этом посту И.А. Зиновьева сменил Е.К. Бюцов, находившийся в Стокгольме до 1904 г.

¹⁸³⁹ Там же. С. 21–22.

¹⁸⁴⁰ Там же. С. 264.

главнокомандующим и наказным атаманом казачьих войск. Во время пребывания Н.Я. Шнеура в Персии должность эту занимал уже второй человек: 3 июня 1890 г. А.М. Дондукова-Корсакова сменил Сергей Алексеевич Шереметьев. С делами ПКБ он был отчасти знаком, поскольку до этого занимал должности наказного атамана Кубанского казачьего войска и помощника Главногоначальствующего. Судя по документам, касающимся дел ПКБ, мотивы её создания и существования ему были известны. Тем не менее, во время кризиса оказалось, что большой беды в её ликвидации он не видел. Дипломатические представители империи до своего назначения также были далеки от персидских дел. Е.К. Бюцов выполнял свою работу по отстаиванию дипломатических интересов России в разных частях света одинаково старательно и во многом успешно. В Иране его деятельность однозначно можно оценить как удачную. Однако в ПКБ он видел лишь возможность закрыть для англичан место инструкторов в иранской армии, и первоначально мало содействовал её развитию. К тому же в период кризиса конца 1892 – начала 1893 гг. его не было в Тегеране. 1-й секретарь русской Миссии А.Н. Шпейер не решался действовать без указаний из Петербурга. Тем не менее, из его переписки с Министерством видно, что в критической ситуации он также предлагал ликвидировать военную миссию. К счастью для истории ПКБ, в Петербурге здравый смысл и политический расчёт взял верх, и бригада была сохранена. Однако очевидно, что по крайней мере в Военном министерстве кризис с ПКБ стимулировал интерес к делам русской военной миссии. В Военно-учёном комитете обратили внимание на то, что сведения о ПКБ не обновлялись довольно давно¹⁸⁴¹. Ротмистр В.К. Бельгард, был послан в Тегеран с подачи начальника Военно-учёного комитета Ф.А. Фельдмана¹⁸⁴². Первое, что он сделал по приезде, – обследовал состояние ПКБ и составил рапорт на имя Ф.А. Фельдмана¹⁸⁴³. Сведения из него были достаточно оперативно опубликованы в 1894 г.¹⁸⁴⁴.

¹⁸⁴¹ Судя по сборникам материалов о вооружённых силах иностранных государств – с 1885 г. численность бригады в них фиксировалась одна и та же – в 1 000 человек [Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1885. С. 567; Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1887. С. 559; Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1888. С. 45]. Эти же данные перекочевали и в «Энциклопедию военных и морских наук».

¹⁸⁴² РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Св. 1335. 1893. Д. 43.

¹⁸⁴³ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1901. Д. 515.

¹⁸⁴⁴ Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1894. С. 799–800.

ГЛАВА 6

ПКБ НА ПЕРЕЛОМЕ. «ДЕЛО БЕЛЬГАРДА»

6.1. «Экономический поворот» во внешней политике Российской империи относительно Востока и Ирана

К концу правления Александра III Персия по-прежнему оставалась важна для России в стратегическом отношении. Со временем, под влиянием моды на империализм¹⁸⁴⁵, российская внешняя политика в Иране становится действительно агрессивной и направленной на решение главной задачи – подчинению Ирана русскому влиянию и вытеснению Англии. В определённой степени успех здесь сделал свой вклад в развязывание русско-японской войны 1904–1905 гг., в которую Россию втянула фактически Великобритания. Она же и выиграла от этой войны больше всех, в том числе и в Персии, где российское правительство вынуждено было пойти на раздел сфер влияния.

Российская позиция по разделу Персии (нежелание даже обсуждать этот вопрос) с перспективой полного подчинения этой страны русскому влиянию, объяснялась агрессивно-оборонительной политикой, проводившейся Великобританией на южных рубежах России с конца XVIII в., а также резкими противоречиями между двумя великими державами в «Восточном вопросе». Великобритания старалась не допустить создания угрозы для «жемчужины британской короны» – Индии – на дальних подступах, заодно стремясь подчинить себе мировые торговые коммуникации и важные территории. Своим поведением Англия фактически провоцировала Россию на активную политику в Азии, поскольку своими действиями она угрожала рубежам империи Романовых и

¹⁸⁴⁵ В данном случае под империализмом мы понимаем «высшую стадию промышленного колониализма (конец XIX – начало XX в.), при которой страны-колонизаторы стремятся подчинить все ранее не закабалённые территории Азии и Африки, что вызвано возросшим значением колоний как рынков сбыта, источников сырья (в том числе сельскохозяйственного) и сфер приложения капитала в связи с завершением в ведущих европейских державах промышленного переворота». Как отмечает автор статьи в специализированном словаре, «Стремление к максимально возможной колониальной экспансии приводит к конфликтам между великими державами – империалистическим войнам (как регионального, так и глобального масштаба – 1-я мировая война). В связи с этим на данном этапе территориальные захваты часто происходят из соображений престижа или в рамках стратегических планов, невзирая на экономическую привлекательность того или иного региона» [Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 123–124].

внутреннему спокойствию порубежных территорий России. В свою очередь, в Британии защитные действия России рассматривали как доказательство её агрессивности. В итоге в обеих странах сформировался пласт политиков, военных и общественных деятелей, которые рассматривали политику другой страны как исключительно агрессивную и выступали за активное ей противодействие. Но если в Англии первоначально формирование этой группы было вызвано желанием не допустить потери уже захваченного, не дать вырасти сильному конкуренту на международной арене, то в России «ястребы» формировались именно под воздействием английских провокаций, двуличной и агрессивной в отношении России политики.

Однако задачи русской политики в Иране постепенно поменялись. Ещё в 1885 г. один из российских публицистов писал: «мы сами должны двинуться в Персию и, пока возможно, взять её рынки в наши руки почти без боя; если же мы и в следующие 10–15 лет этого не сделаем, то наши более ловкие и более искусные европейские конкуренты займут наше место и ототрут нас от персидских рынков ... Понятно, если наши купцы захотят сейчас же иметь большие барыши и выгоды, то они ошибутся; действуя же настойчиво, хотя и медленно в интересах будущего, они не могут не выиграть. Иностранцы не спят, а думают и дело делают ... В виду этого нашему купечеству нужно сплотиться и начать работать вместе, помня мудрую пословицу, что под лежащий камень и вода не течёт ... Самым опасным конкурентом России в Персии является Англия, благодаря её уменью действовать и энергии, с которой она ограждает свои интересы в начале даже с явным ущербом для себя»¹⁸⁴⁶. В целом кредо российской политики, выдвинутое ещё И.А. Зиновьевым, не изменялось. «Россия политически должна преобладать в Персии», – резюмировал его публицист К.А. Скальковский¹⁸⁴⁷. Здесь следует отметить, что советские авторы и некоторые современные, на наш взгляд, заблуждались (волью или в силу идеологической обусловленности), считая, что «во второй половине XIX века ... на первый план выходит осуществление экономических задач российского

¹⁸⁴⁶ Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 92–93.

¹⁸⁴⁷ Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. С. 415

капитализма в этой стране»¹⁸⁴⁸. Как уже отмечалось, российский капитализм был не настолько силён, а правительство не слишком заинтересовано в поддержке частных инициатив русских предпринимателей. До 1893 г. главным было обеспечение военно-политической безопасности царского государства, а экономические проекты имели второстепенное значение. Но с 1893 г. методы давления и запугивания постепенно вытесняются экономическими. Как отметил историк О.А. Никонов, «только к последней четверти XIX в. российские власти осознали необходимость выработки четкой экономической программы, которая бы сочетала предпринимательскую инициативу и трезвый государственный расчёт»¹⁸⁴⁹. Основной задачей российской дипломатии в Иране становится обеспечение экономических преимуществ России и её подданных. И инициаторами здесь выступали не «промышленники и предприниматели», а государственные деятели. Отчасти это было вызвано своеобразной модой конца века, связанной с внутренним курсом на развитие экономического потенциала России и совершившимся промышленным переворотом. Отчасти же – ориентировкой на внешнюю политику вне Европы ведущих европейских держав, прежде всего Великобритании. В этом ракурсе Иран рассматривался уже не только с военно-стратегических позиций как противник Турции, Афганистана и Великобритании. Как отмечал русский публицист Константин Аполлонович Скальковский, «Персия прогрессирующая экономически, является для России более выгодным рынком, чем персия разорённая»¹⁸⁵⁰. В России новый курс был тесно связан с именем Сергея Юльевича Витте¹⁸⁵¹. В августе 1892 г. он был назначен министром финансов, а уже с начала 1893 г. стал воплощать в жизнь свои взгляды на экономическое будущее России¹⁸⁵².

¹⁸⁴⁸ Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 143. В следующем предложении указанный автор ссылается на высказывание В.Н. Коковцова, относящееся к началу XX в. В данном случае имеем классический пример перенесение реалий одного времени на другое, более раннее.

¹⁸⁴⁹ Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 36.

¹⁸⁵⁰ Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. С.413.

¹⁸⁵¹ См. о нём: Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 32–52; Ильин С.В. Витте. М.: Молодая гвардия, 2006. 509 с.

¹⁸⁵² О том, какое значение приобрёл министр финансов со временем свидетельствуют следующие факты. «Витте начинал министерскую деятельность с одним заместителем (товарищем), – писал советский историк, – а в 1902 году имел уже четырёх. В состав Министерства финансов входили 11 департаментов и крупных подразделений. Ему были подведомственны Государственный банк, Государственный дворянский земельный банк, Крестьянский поземельный банк, Монетный двор. При Общей канцелярии министра функционировал свой научный комитет. Только в центральном аппарате министерства работало свыше тысячи чиновников. Министр финансов имел собственных

Как отметил Е.К. Тарле, «основой всех воззрений Витте на внешнюю политику является глубокое убеждение, что Россия не может и не должна воевать»¹⁸⁵³. Продолжая линию своих предшественников, он выступал за всемерное поощрение русской промышленности и финансов и защиту их от более развитых конкурентов, активное железнодорожное строительство, привлечение в экономику империи иностранных инвестиций. Причём линию эту должно было проводить государство. Понимая происходившие в мире изменения, он вполне обоснованно считал, что Россия должна стать великой экономической державой, иначе она потеряет свой теперешний статус. В импорте иностранного капитала и в развитии (при помощи этого капитала) промышленности в России С.Ю. Витте видел одну из главных целей, к которым должна стремиться государственная власть¹⁸⁵⁴. Главной целью своей политики С.Ю. Витте видел экономическую независимость и самодостаточность России. Достигнув высокого уровня промышленного развития, империя могла, по его мнению, занять прочные позиции на рынках Среднего, Ближнего и Дальнего Востока¹⁸⁵⁵. Связывая протекционизм с необходимостью привлечения иностранных капиталов в экономику России, министр финансов предполагал с их помощью активно включиться в борьбу за рынки сбыта на Востоке. Уделяя особое внимание развитию промышленности, С.Ю. Витте считал, что со временем она достигнет высокого уровня развития. А это сделало бы русские

официальных представителей (агентов) в крупнейших странах мира [Игнатъев А.В. С.Ю. Витте – дипломат [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://art-of-diplomacy.ru/books/item/f00/s00/z0000005/index.shtml>].

¹⁸⁵³ Игнатъев А.В. С.Ю. Витте – дипломат [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://art-of-diplomacy.ru/books/item/f00/s00/z0000005/index.shtml>; Тарле Е. Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.scepsis.ru/library/id_1703.html.

¹⁸⁵⁴ Тарле Е. Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.scepsis.ru/library/id_1703.html. Как отмечал Р. Уортман, «В 1890-х Витте начал пропагандировать национальный империализм, который возвеличивал русскую нацию как носительницу высшей православной культурной традиции, распространяющую её за границы России – на Дальний Восток. Он попал под влияние бурятского ламаиста-целителя Петра Бадмаева, который уверял, что может поднять восстания местных народов в Китае и внутренней Азии и убедить их принять власть русского царя. Витте также представил Бадмаева наследнику Николаю Александровичу, который отнесся к этим планам с симпатией. Царившая в Петербурге атмосфера дерзкой самоуверенности результат мирного царствования Александра – рост самоуверенности в силах империи придавала миссии России на Востоке смысл высокого предназначения, сулила грядущие триумфы и завоевания. В депеше от июля 1895 г. прусский посол князь Радолин отметил надменную уверенность в успехе русской миссии в Азии, царящую в верхних эшелонах российского чиновничества: «Короче говоря, всё, что я слышу, сливается в единственный голос, вещающий, что теперь России предначертано мировое господство, которое начнется с Востока и Юго-Востока, пока еще не испорченных опухолью европейской цивилизации ... Так думают и говорят не какие-то отдельные экзальтированные личности – это общее мнение, с которым можно встретиться всюду» [Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. М.: ОГИ, 2004. С. 368–369].

¹⁸⁵⁵ Шишов А.В. Витте. Финансовый гений последних Романовых. М.: Вече, 2004. С. 53.

товары не только конкурентноспособными на международном рынке, но и дало бы возможность выплачивать «проценты на капиталы, полученные в Европе ... из выручки от вывоза в Азию»¹⁸⁵⁶. Азиатским странам вообще в его стратегии отводилась особая роль¹⁸⁵⁷. Империя должна была, по его рассуждениям, продукцией своей промышленности покрыть потребности азиатских стран, «которые находятся или должны находиться» под влиянием России. «Ведь владычество метрополии над колониями, – писал С.Ю. Витте, – укрепляется ныне более всего силою не оружия, а торговли»¹⁸⁵⁸. Вошедшие в состав Российской империи страны и территории Средней Азии должны были стать плацдармом для экономической экспансии на иранском направлении. Результатом её должно было стать создание торгово-экономического пространства, охватывающего среднеазиатский регион и сопредельные районы Ирана. Этот регион должен был стать источником хлопка-сырца для российской текстильной промышленности с последующей реализацией её на восточных рынках¹⁸⁵⁹. Тем не менее, прекрасно понимая экономическую слабость империи Романовых, министр финансов вполне осознавал слабую заинтересованность русской промышленности во внешних рынках. Поэтому государство должно было, с одной стороны, стимулировать и поддерживать этот интерес, а с другой – включиться в борьбу за рынки с другими развитыми экономическими державами впрок, на перспективу. Как верно отметили авторы одной из биографий С.Ю. Витте, «с помощью казённых и «нейтральных» иностранных капиталов правительство (в данном случае – С.Ю. Витте,

¹⁸⁵⁶ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 73–74. «Капиталы эти первоначально шли от союзницы России – Франции, где в 1893 г., а затем в 1896 г. через синдикат, возглавляемый парижскими Ротшильдами, разместил во Франции 2 займа. Впрочем, его надежды не оправдались. Азиатская торговля при определенном прогрессе все же никак не могла компенсировать отток прибылей иностранных компаний, так как её отрицательный баланс не только не сократился, но даже увеличился. Даже заниженные официальные данные свидетельствуют, что за время управления С.Ю. Витте Министерством финансов государственный долг России увеличился с 4,9 млрд. до 6,7 млрд. рублей. Фактический рост был еще более значительным. По оценке советского исследователя П.И. Ляшенко, в течение 90-х годов “размеры государственной задолженности в целях финансирования железнодорожного строительства, поощрения промышленности, накопления золотого фонда и других финансовых операций возросли более чем на 3,5 млрд. руб., из которых примерно до 2,5 млрд. руб. – за счёт внутреннего денежного рынка и 1 млрд. руб. – путём заграничных государственных займов”. Выплата платежей и процентов по займам всё более тяжёлым бременем ложилась на плечи налогоплательщиков» [Игнатъев А.В. С.Ю. Витте – дипломат [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://art-of-diplomacy.ru/books/item/f00/s00/z0000005/index.shtml>].

¹⁸⁵⁷ Ананьич Б.В. Запад и Восток в экономической программе С.Ю. Витте // Россия во внешнеэкономических отношениях: уроки истории и современность. М.: Б. и., 1993. С. 18–28.

¹⁸⁵⁸ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 75.

¹⁸⁵⁹ Игнатъев А.В. С.Ю. Витте – дипломат [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://art-of-diplomacy.ru/books/item/f00/s00/z0000005/index.shtml>.

направлявший эту политику – О.Г.) и рассчитывало, не скупясь на затраты, сделать то, что было ещё не по плечу слабой отечественной частной инициативе»¹⁸⁶⁰. Все эти идеи были положены в основу нового внешнеэкономического курса, основы которого были заложены в 1893 г. Новый курс относительно Азии (в том числе, и Ирана) был инициирован С.Ю. Витте, но окончательно утверждён Александром III. Внешняя политика была прерогативой главы дома Романовых, а идеи русской экспансии в Азию совпадали с взглядами императора на место управляемой им страны в мире¹⁸⁶¹.

С.Ю. Витте немедленно по вступлении в управление Министерством финансов поставил вопрос о необходимости расширения «русско-азиатской торговли» на том основании, что пограничные с Россией страны Азии «служат рынками сбыта» русских мануфактурных изделий и «торговое в этих странах значение России находится в самой тесной связи» с её «политическим влиянием»¹⁸⁶². В апреле 1893 г. по его же инициативе при Министерстве финансов было создано «Особое совещание по торговле с азиатскими государствами» из представителей министерств финансов, военного и иностранных дел¹⁸⁶³. На нём, в частности, были рассмотрены и вопросы торговли с Персией. Как отмечал в своём обобщающем докладе начальник Закаспийской области А.Н. Куропаткин, в 1883 г. торговый оборот России с Персией составлял 11 200 000 руб., в 1893 г. оборот по ввозу и вывозу уже составлял до 27 300 000 руб., а за 20 последних лет вырос более чем в 4 раза. Тем не менее, «ценность вывозимых из Персии продуктов всё время превышала стоимость ввозимых нами товаров»¹⁸⁶⁴. Основными причинами неудач

¹⁸⁶⁰ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 77.

¹⁸⁶¹ Символическим знаком «обращения» России к Азии (в первую очередь – к Восточной) стало путешествие наследника Николая Александровича. Такие «ознакомительные» поездки совершали в XIX в. все наследники престола. Особенностью этой было то, что путь цесаревича пролегал не европейскими странами. Решение о поездке принял лично Александр III в 1890 г. В октябре того же года началось путешествие. Путь Николая Романова пролегал через Вену, Триест, Пирей, Египет и Аден в Бомбей. Далее он объездил индийские владения британской короны, затем через Цейлон экспедиция посетила Сингапур, Яву, Бангкок. Через Нанкин цесаревич с сопровождающими его лицами прибыл в Японию, где посетил несколько городов. Оттуда наследник в мае 1891 г. вернулся в Россию, во Владивосток, откуда, через всю Сибирь – в Петербург [Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 25–35].

¹⁸⁶² Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг: (По материалам Учётно-ссудного банка Персии). Л: Наука, 1975. С. 15.

¹⁸⁶³ Атаев Х.А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII – XIX вв. М.: Наука, 1991. С. 276; Игнатъев А.В. С.Ю. Витте – дипломат [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://art-of-diplomacy.ru/books/item/f00/s00/z0000005/index.shtml>.

¹⁸⁶⁴ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 36–37.

русской торговли в Иране назывались совершенное незнание «необходимых потребностей страны, или же неурядицы в самом устройстве подобных предприятий»¹⁸⁶⁵. Имелось и множество иных затруднений в виде отсутствия хороших путей сообщения, длительное оформление товаров на таможнях, нежелание торговцев из России торговать на низкую прибыль, пошлины и пр. «Русская торговля продолжает страдать в Персии оттого, что богатые торговцы могут, давая взятки, платить менее пошлин, чем мелкие, – отмечал российский публицист, – а торговля ведётся преимущественно мелкими торговцами»¹⁸⁶⁶. К тому, по удачному замечанию советского исследователя Николая Николаевича Бобынина, «в то время, как английские капиталисты сами прокладывали себе дорогу в Иран, а правительство лишь помогало им, то русскому правительству самому приходилось тащить на буксире своих капиталистов»¹⁸⁶⁷.

«Вывозная торговля иностранных государств, главным образом Англии, в общей сложности превышает торговлю России почти в два раза и притом обороты по торговле с Персией завершаются с балансом в пользу Европейских государств», – писал в своём докладе царю 1895 г. А.Н. Куропаткин¹⁸⁶⁸. «Не взирая на первобытное состояние персидской культуры и ремёсел (имелось в виду почти полное отсутствие промышленного производства и преобладание ручного труда в форме мануфактуры – О.Г.), покупаем постоянно в Персии более, нежели продаём, и являемся относительно персиян должниками по балансу», – вторил ему более поздний автор¹⁸⁶⁹. «Такое положение вещей, в виду относительной близости к Персии русских промышленных районов, не может быть признано нормальным и со стороны России необходимы новые усилия и меры, дабы на важных, примыкающих к нам персидских рынках Россия получила преобладающее значение», – отмечал А.Н. Куропаткин¹⁸⁷⁰. Мнение это полностью согласовывались с выводами совещания. В целях улучшения торговли оно в первую очередь «признало

¹⁸⁶⁵ Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. С. 415.

¹⁸⁶⁶ Там же. С. 418.

¹⁸⁶⁷ Бобынин Н.Н. Персия, её экономическое положение и внешняя торговля 1901–1923. Тифлис: Типография Военного Комиссариата 1923. С. 516.

¹⁸⁶⁸ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 36.

¹⁸⁶⁹ Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. С. 416.

¹⁸⁷⁰ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 36–37.

желательным» приобретение в собственность казны Ссудного общества Персии¹⁸⁷¹. За этим последовали и другие меры.

В начале 1894 г. С.Ю. Витте представил Александру III доклад о необходимости расширения русско-азиатской торговли. Он аргументировал тем, что пограничные с Россией страны Азии служат рынками сбыта русских мануфактурных изделий. Увеличение оборотов будет способствовать как развитию русской промышленности, так и улучшению торгового и платежного балансов. Наконец, «торговое в этих странах значение России находится в самой тесной связи» с её политическим влиянием¹⁸⁷². В развитие идей С.Ю. Витте к концу октября 1893 г. в Департаменте торговли и мануфактур, возглавляемом В.И. Ковалевским, была разработана программа развития промышленности и торговли России. Суть её сводилась к защите русского производителя от иностранной конкуренции путём тарифной политики. Согласно программе, правительство должно было обеспечить руководство этим процессом, а также нравственно и материально содействовать частным предпринимателям, когда «частный почин» был «или невозможен, или слишком слаб»¹⁸⁷³. Указанное положение касалось не только внутреннего, но и внешних рынков. Если до этого времени деятельность и инициатива российской буржуазии и государства в Иране шли как бы «на параллельных курсах», то с 1893 г. государство активно вмешивается в экономическую деятельность русских в Персии, корректируя и направляя её в свою пользу, а то и вовсе беря в собственные руки. Так, именно в контексте указанных замыслов в 1893 г. состоялось, например, продление полученной в 1873 г. при содействии русской дипломатии купцом Степаном Мартыновичем Лианозовым (Лионозовым) концессии на право ловли рыбы в южной части Каспийского моря. Арендный договор был заключён на 25 лет на очень выгодных для российского предпринимателя условиях. Он должен был платить персидскому правительству 20 000 полуимпериалов¹⁸⁷⁴ в год до 1902 г., а затем – по 23 000. До этого арендная плата составляла 63 000 полуимпериалов в

¹⁸⁷¹ Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг: (По материалам Учётно-ссудного банка Персии). Л: Наука, 1975. С. 16.

¹⁸⁷² Игнатъев А.В. С.Ю. Витте – дипломат [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://art-of-diplomacy.ru/books/item/f00/s00/z0000005/index.shtml>.

¹⁸⁷³ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 68.

¹⁸⁷⁴ 20 франков за 1 полуимпериал.

год¹⁸⁷⁵. Этим же годом датируется попытка российского правительства упорядочить курс крана по отношению к рублю и, одновременно, вытеснить иранскую монету из обращения как основную в Средней Азии. В 1894 г. было решено учредить таможи на границе Закаспийской области и Хорасана, воспретить ввоз в пределы России иностранной серебряной монеты для регулирования курса серебра¹⁸⁷⁶. Это решение было реализовано¹⁸⁷⁷. 16 июля 1893 г. ввоз персидских кранов в пределы азиатских владений империи был запрещён специальным указом. Впрочем, данная мера не возымела должного действия и 29 июля 1894 г. была отменена¹⁸⁷⁸.

Начинается также своеобразное «прощупывание» южных рынков. «В последнее время некоторые русские фирмы Тегерана, напр. Бр. Поляковы высылают русскую мануфактуру в Йезд по большой торговой дороге Кум–Кашан (Исфахан) и Каин», отмечал в начале 1890-х гг. русский путешественник¹⁸⁷⁹. Способствовать продвижению российской торговли должны были консулы. В 1893 г. был утверждён новый консульский устав, в котором впервые отдельно были выделены страны Востока¹⁸⁸⁰. В частности правилам деятельности и обязанностям консулов в Иране была посвящена целая глава¹⁸⁸¹.

К 1893 г. Россия имела в Иране только 4 консульства¹⁸⁸² – Тебризское (генеральное), Рештское, Астрабадское и Мешхедское (генеральное, с 1889 г.). Они

¹⁸⁷⁵ Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 228; Томар М.Л. Экономическое положение Персии. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1896. С. 25. Детальнее о лианозовских промыслах см.: Абдуллаев Ю.Н. Промышленность и зарождение рабочего класса Ирана в конце XIX – начале XX вв. Баку: Изд-во АН АзССР, 1963. С. 143–149; Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 143–146.

¹⁸⁷⁶ Власов. Краткий очерк Хорасана: 1894 г. // СМА. 1894. Вып. 56. С. 186.

¹⁸⁷⁷ С 1894 г. запрещено ввозить в Россию серебряную монету [Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 32; Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. С. 418].

¹⁸⁷⁸ Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 107–109. Новый запрет последовал 1 мая 1899 г. Детальнее о проблеме см.: Там же. С. 107–111.

¹⁸⁷⁹ Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование) // СМА. 1896. Вып. 63. С. 144.

¹⁸⁸⁰ Свод законов Российской империи. Все 16 томов со всеми относящимися к ним продолжениями в одной книге / Под ред. Ф. Волкова и Ю.Д. Филипова. Изд 3-е. СПб.: Издание товарищества Общественная польза, 1900. Т. 11. Ч. 2. С. 725–748.

¹⁸⁸¹ Там же. С. 740–744. До этого для консулов в Иране действовали принятые в 1829 г. «Правила в руководство российской миссии и консулам в Персии относительно торговли и о защиты пребывающих там российских подданных» [Медведик И.С. Российские и персидские консульские службы в Астрахани и Гиляне в XIX в. (к истории становления русско-персидских консульских отношений) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.konf2011.afur.ru/medvedik.html>].

¹⁸⁸² В то же время Иран имел в России только одно генеральное консульство в Тифлисе, но 6 вице-консульств: в Батуме, Поты, Владикавказе и всей Дагестанской области, Баку, Эривани, Елисаветграде [Кавказский календарь на 1895 год. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1894. Отд. 2. С. 403]. Вице-консул по рангу занимал 3-ю ступень в консульской градации после генерального консула и консула, поэтому здесь между Россией и Персией существовало условное равновесие.

были учреждены в разное время «для покровительства отечественной торговле и своих подданных, проживающих в пределах, порученных консулам провинций»¹⁸⁸³. Кроме того, консулы назначали в крупные торговые центры своих агентов. Чаще всего это были армяне. Так, в городе Бирдженд (центр эмирата Каин), являвшимся центром торговых операций Каинского эмирата, от русского генерального консула находился «агент, доносящий 2 раза в неделю в Мешхед обо всех имеющих значение фактах и происшествиях; наряду с этим агент занимается мелочной и чайной торговлей и маклерствует в скупке и продаже сырья»¹⁸⁸⁴. В Тегеране состоял при Миссии на должности старшины купцов (Туджар-баши) шушинец, «весьма сомнительной нравственности»¹⁸⁸⁵. В январе 1894 г. хаджи мирза Мохаммед-Таги-Ширази, йездский мелик од-туджар, т. е. глава городского купечества, был утверждён русской Миссией в звании российского торгового агента, «и теперь он известен как векиль-од-доуле, т. е. агент государства (подразумевается Российского). Хаджи мирза Мохаммед-Таги-Ширази имеет обширнейшие торговые сношения и свои собственные агентуры в Бомбее, Гонконге, Каире, Александрии, Константинополе, Тегеране, Бухаре, Мерве, Ашхабаде и проч.»¹⁸⁸⁶. В Бирдженде неофициальным консульским агентом России являлся некий «молодой персиянин»¹⁸⁸⁷. Тем не менее, этого было явно недостаточно. Большая часть Ирана, в том числе и номинально находившийся под влиянием России север страны, оставалась вне охвата. Отсюда скудость информации о центральных и южных рынках. А.Н. Куропаткин в 1895 г. обращал внимание на этот факт и предлагал учредить консульства в Исфахане и Мохаммерре, назначить коммерческих агентов в Тегеран, Тебриз и Мешхед, с перспективой изучения ими рынков юга и центра Ирана¹⁸⁸⁸.

¹⁸⁸³ Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование) // СМА. 1896. Вып. 63. С. 278.

¹⁸⁸⁴ Там же. С. 246.

¹⁸⁸⁵ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 56.

¹⁸⁸⁶ Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование) // СМА. 1896. Вып. 63. С. 8.

¹⁸⁸⁷ Там же. С. 16

¹⁸⁸⁸ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 55–57. Пожелания его были учтены: консульства были открыты к началу XX в. в Исфахане, Бендер-Аббасе и Бушире [Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 55].

Ещё в 1893 г. Ала-Абадская газета «Пионер» констатировала, что Хорасан превратился в основной источник русских товаров на Систанском рынке. Этому способствовало завершение в 1885 г. строительства Закаспийской железной дороги. Русским правительством были отчасти учтены уроки неудач Н.Н. Коншина и Кудрина. Армянские торговые дома и «Товарищество для торговли и промышленности в Персии» изменили политику в сфере торговли русскими товарами. Например, качество русских ситцев стало превосходить английские товары и по материалу и по расцветке – торговцы стали изучать предпочтения местного населения¹⁸⁸⁹. Появление качественных и соответствующих местному вкусу тканей московских, тверских и иваново-вознесенских фабрик, отмечал современный российский историк, стремительно изменило соотношение конкурентов на хорасанском рынке. Если в 1890 г. на долю российских тканей приходилось 1/9 часть всех ввезённых в регион тканей, то к 1893 г. 1/3 всего потребительского спроса обеспечивалась продукцией русских фабрик¹⁸⁹⁰.

Видимо для лучшей сговорчивости персидского правительства в 1893 г. наконец была удовлетворена просьба шаха, с которой он обращался ещё с 1882 г., об учреждении в Ашхабаде иранского консульства¹⁸⁹¹. Было также завершено определение пограничной черты и использования вод пограничных рек на основании подписанной 27 мая 1893 г. «Конвенции между Россией и Ираном о

¹⁸⁸⁹ Там же. С. 33.

¹⁸⁹⁰ Там же. С. 31–32. Вообще, следует заметить, что принятые с конца 1890-х гг. русским правительством меры по поддержанию российских торговцев и промышленников в Иране принесли плоды достаточно быстро. Так, в 1901/02 финансовом году общий товарооборот шахского государства с иностранными державами достиг 449,2 млн кран, из которых ввоз в Иран составил сумму 298,6 млн кран, а вывоз 150,6 млн кран. Из этого количества Российская империя ввозила товаров на 113,7 млн кран, и вывозила на 88,4 млн кран, то есть российская сторона удовлетворяла 38 % емкости внутреннего рынка Ирана, и потребляла 58,7 % всего иранского вывоза [Там же. С. 35]. Со временем эти цифры менялись и экспорт из Персии в Россию составлял уже 69% всего персидского вывоза, а ввоз из России в Персию – 58% всего персидского импорта [Ефремов П. Н. Внешняя политика России (1907–1914). М.: Издательство Института международных отношений, 1961. С. 45], а в предвоенный 1913/1914 г. – 68,5 и 55 % соответственно [Гурко-Кряжин В.А. Переворот в Персии // Новый Восток. 1926. № 12. С. XXIV]. «Общее мнение в Тегеране, – отмечал посетивший его в 1901 г. англичанин, – Россия изгоняет Великобританию из Персии» [Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М., 2014. 495 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/na-puti-k-krahu-russko-yaponskaya-vojna-1904-1905-gg-voenno-politicheskaya-istoriya-read-399953-1.html>]. Как отмечал О.А. Никонов, «благодаря разумной протекции непосредственным производителям центральной России удалось не только восстановить свое влияние на северо-иранских потребительских рынках, но и приступить к закладке основ взаимоотношений с соседними регионами. Иран превратился не только в объект собственной экономической экспансии Российской империи, но и в плацдарм для её расширения» [Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 36].

¹⁸⁹¹ Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 115.

разграничении в Средней Азии»¹⁸⁹². Представители Персии и России Эмин-низам и подполковник ГШ Эдуард Карлович фон Клодт подписали протокол о пользовании водой реки Герируд¹⁸⁹³. В конце 1893 г. произошли изменения и на границе Закаспийской области с Персией: вместо уступленного Персией России селения Фирюзе к Ирану отошло селение Хисар и участок земли на правом берегу р. Аракс¹⁸⁹⁴.

Одним из важнейших шагов в рамках политики экономического «освоения» Персии русским капиталом под руководством государства стала посылка туда в 1893 г. чиновника для особых поручений департамента торговли и мануфактур Министерства финансов Михаила Львовича Томара¹⁸⁹⁵. Его главной задачей была своеобразная разведка экономического положения Персии и возможностей для России в иранской экономике. По возвращении в 1894 г. из командировки им была подготовлена обстоятельная работа, увидевшая свет в 1895 г.¹⁸⁹⁶. Основная идея, проходящая через неё – определения выгод и невыгод для Российской империи в её финансово-торговых отношениях с Ираном и в конкурентной борьбе за иранский рынок с другими европейскими державами. Как отмечал безымянный рецензент в

¹⁸⁹² Кулагина Л.М., Дунаева Е.В. Граница России с Ираном (история формирования). М.: Ин-т востоковедения РАН, 1998. С. 55.

¹⁸⁹³ «Вообще, чем дальше к северу, тем воды в реке меньше, – характеризовал ситуацию вокруг Герируд офицер штаба Закаспийской области, – что объясняется испарением, просачиванием и расходом на ирригацию. Для последней цели вода Герируда разделена между персидским населением и нашими подданными, причём первым приходится 1/6, а вторым – 5/6 всей воды. До настоящего времени персияне отводили воду для орошения посевов четырьмя канавами, но в будущем, согласно протоколу, подписанному представителями Персии и России (Эмин-Низамом и Генерального штаба подполковником фон-Клодтом), вода из Герируда для орошения полей персидско-подданных будет отводиться одной канавой, в голове которой будет устроен делитель» [Орановский. Военно-статистическое описание северо-восточной части Хорасана 1894 г. // СМА. 1896. Вып. 68. С. 33]. Пограничная черта была несколько изменена и доведена до Зульфарага, где она примкнула к афганским владениям [Корнилов Л.Г. Историческая справка по вопросу о границах Хорасана с владениями России и Афганистана // СМА. 1905. Вып. 78. С.7–8]. Установка столбов, определявших границу, завершена в 1894 г. [Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование) // СМА. 1896. Вып. 63. С. 19].

¹⁸⁹⁴ Кулагина Л.М. К истории русско-иранских отношений // Иран. История, экономика, культура. Памяти С.М. Алиева. М.: ИВ РАН, 2009. С. 112.

¹⁸⁹⁵ В разных источниках его фамилия пишется Томар или Томара. О нём см.: Томара Михаил Львович // Электронная версия книги Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов-жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 496 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://memory.pvost.org/pages/tomara.html>.

¹⁸⁹⁶ Томар М.Л. Экономическое положение Персии: Отчёт командированного в 1893–1894 гг. в Персию для исследования положения русско-персидской торговли. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1896. 172 с.; Б. [Рецензия] М.Л. Томара. Экономическое положение Персии. СПб., 1896 // Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1896. Кн. 6. С. 34–36. Естественно, сведения, собранные и обработанные М.Л. Томаром, его начальство узнало раньше, чем была издана книга. Своего рода продолжением изучения условий русской торговли с Персией и «ориентирами» для правительственных действий по реализации задумок С.Ю. Витте стали годовые обзоры торговли с Ираном, содержащиеся в «Вестнике финансов, промышленности и торговли» [Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 9] и работа Г.В. Тарновского [Тарновский Г.В. Торговля с Персией через Закаспийскую область // Оттиск из Вестника финансов, промышленности и торговли. 1896. № 91].

1896 г., «конечный вывод, к которому приводят данные, сообщаемые автором «Экономического положения Персии»» заключался в том, что «при крайне низком культурном состоянии» населения Ирана и «очень ограниченных потребностях спрос на европейские товары внутри Персии не может поэтому быть настолько большим, чтобы представить для России сколько-нибудь важный внешний рынок»¹⁸⁹⁷. Тем не менее, М.Л. Томар отмечал, что географическое положение России даёт благоприятные возможности для конкуренции с европейскими державами (прежде всего – с Британской империей). Однако через всю работу проходила мысль о том, что русское предпринимательство в Иране разобщено, не имеет централизованной организации, общей цели и выгодных путей сообщения, и именно поэтому не процветает.

Параллельно с министерством финансов действовали и военные. Здесь одним из главных идеологов и реализаторов новой политики стал А.Н. Куропаткин¹⁸⁹⁸. 27 марта 1890 г. он в чине генерал-лейтенанта ГШ был назначен на должность начальника Закаспийской области, командующего расположенными в ней войсками и заведующего Закаспийской железной дорогой¹⁸⁹⁹. Возглавляемая им область по «Временному положению об управлении Закаспийской областью» от 6 февраля 1890 г. была выведена из подчинения Кавказской администрации¹⁹⁰⁰. Её начальник стал подчиняться непосредственно военному министру и получил большую самостоятельность и обширные права: по военной части – командующего округом, по гражданской – генерал-губернатора. В области существовал областной военный штаб по подобию окружного. Она непосредственно граничила с Персией, поэтому роль её в отношениях между двумя государствами сделалась значительной. «Закрепляя прежние функции закаспийского начальника, – верно отметили авторы одной из последних монографий, посвящённых политике России в Центральной Азии, – новый закон дополнял их важнейшими дипломатическими полномочиями и

¹⁸⁹⁷ Б. [Рецензия] М.Л. Томара. Экономическое положение Персии. СПб., 1896 //Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1896. Кн. 6. С. 36.

¹⁸⁹⁸ А.Н. Куропаткин далеко не во всём поддерживал С.Ю. Витте. Например, он был против широкого привлечения в Россию иностранных капиталов, опасаясь экономического закабаления страны [Игнатьев А.В. С.Ю. Витте – дипломат [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://art-of-diplomacy.ru/books/item/f00/s00/z0000005/index.shtml>].

¹⁸⁹⁹ Список генералам по старшинству. Составлен по 1 января 1910 года. СПб.: Военная типография, 1910. Ч. 1. С. 25. А не командующего Туркестанским военным округом, как ошибочно написано в одной из работ по истории внешней политики России [История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. М.: Международные отношения, 1997. С. 121].

¹⁹⁰⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 10. Отд. 1. 1890. СПб.: Гос. Типография, 1895. С. 70–75.

обязанностями по обеспечению охраны государственной границы»¹⁹⁰¹.

Фактически, начальник области становился одним из проводников и координаторов внешней политики империи Романовых относительно Ирана. Поэтому не удивительно, что у А.Н. Куропаткина сформировались собственные взгляды на отношения с южным соседом. В общих чертах суть их была сформулирована им ещё в 1878 г., когда он занимал должность начальника Азиатской части Главного штаба¹⁹⁰². «Занятие нами сильной позиции в Средней Азии есть одно из средств облегчить выполнение общей исторической задачи России – разрешение согласно славянских интересов Восточного вопроса»¹⁹⁰³.

По его инициативе начиная с 1890 г. разворачивается систематическое изучение Хорасана¹⁹⁰⁴, а затем и всей Восточной Персии офицерами штаба войск области. Экспедиции их имели военно-статистический характер с акцентом на сбор сведений о путях сообщения (правда, у некоторых офицеров имелись и специальные задания, рассмотрение которых не входит в наши задачи)¹⁹⁰⁵. Начало им было положено поездкой откомандированного в 1889 г. из Кавказского военного округа на должность обер-офицера для поручений в штаб Закаспийской области капитана ГШ Леонида Константиновича Артамонова – признанного специалиста по Северной

¹⁹⁰¹ Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 118–119.

¹⁹⁰² Marshall A. *Russian General Staff and Asia, 1860–1917*. London – New York: *Routledge*, 2006. P. 31. По Положению о Военном министерстве 1869 г. к ведению Азиатской части относилось в пределах Кавказского, обоих Сибирских, Оренбургского и Туркестанских во военно-административное и военно-народное управление, ряд вопросов, связанных с управлением и действием войск, составлений известий из военных журналов для обнародования; снаряжение военно-учёных и др. экспедиций, устройство укреплений и путей сообщений.

¹⁹⁰³ № 113. 25 ноября 1879 г. Записка заведующего Азиатской частью Главного штаба полковника А.Н. Куропаткин по афганскому вопросу // «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. С. 235. Детальне о эволюции его взглядов на русскую политику в Персии см.: Гоков О.А. Эволюция взглядов А.Н. Куропаткина на политику России относительно Персии (1890–1915 гг.) // Клио. 2015. № 5. С. 187–197.

¹⁹⁰⁴ Как отмечал в начале XX в. Л.Г. Корнилов, «через Хорасан пролегают лучшие пути от берегов Каспийского моря и из нашей Закаспийской области к западному фронту Афганистана и, в обход его, к границам Британских владений в Индии; через него же пролегают кратчайшие и лучшие пути от Закаспийской железной дороги к берегам Персидского залива. Указанное важное стратегическое значение Хорасана давно уже и по достоинству оценено нашими противниками в Азии – англичанами, почему Англия с давних пор принимает деятельное участие в вопросе о границах Хорасана с соседними владениями» [Корнилов Л.Г. Историческая справка по вопросу о границах Хорасана с владениями России и Афганистана // СМА. 1905. Вып. 78. С. 1]. Поэтому повышенный интерес российских военных к указанной области не был чем-то странным.

¹⁹⁰⁵ Программа изучения была согласована в Военным министерством, а сведения офицеров доставлялись в сжатом виде в Военно-учёный комитет Главного штаба, где были и объединены в одно дело. Оно включало в себя статьи штабс-капитана А.Г. Туманского, переписку со штабом Закаспийской области, Азиатским департаментом Министерства иностранных дел, Академией наук о посылке Л.К. Артамонова, И.И. Стрельбицкого, К.-О.Г. Баумгартена, Л.К. Артамонова, А.Г. Туманского и В.А. Орановского для изучения Персии и составления военно-географических описаний [РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1901. Д. 482. 97 л.].

Персии¹⁹⁰⁶. Он был направлен командующим войсками Закаспийской области «со стратегической целью для рекогносцировок в приграничной к Афганистану полосе в окрестностях урочища Гюмбезли для выборки места под опорный пункт и исследования путей к нему от Теджена и Мерва»¹⁹⁰⁷. Экспедиция его длилась с 16 декабря 1890 по 26 января 1891 г. А с 20 июля 1891 г. по 6 января 1892 г. Л.К. Артамонов посетил Астрабад-Шахрудский район Персии и Северный Хорасан¹⁹⁰⁸. Он был прикомандирован к российскому консульству в Астрабаде. Помимо рекогносцировки путей сообщения и изучения их пропускной способности для продвижения войск, капитан собрал военно-статистические сведения о посещённых территориях. Изученный район представлял большое значение для военной разведки штаба войск Закаспийской области, поскольку в случае занятия линии Астрабад – Шахруд Хорасан совершенно изолировался от остальной территории Персидской монархии¹⁹⁰⁹. Кроме того, Л.К. Артамонов посетил туркменские кочевья для того, чтобы собрать сведения о деятельности английских агентов среди них и блокировать британское влияние. В 1893 г. 4 месяца Л.К. Артамонов находилась в составе Международной комиссии по урегулированию вопроса о воде р. Кушка, собрав сведения о пограничной с Афганистаном полосе и о Гератской провинции¹⁹¹⁰.

2 мая – 6 ноября 1889 г. помощник начальника строевого отделения штаба Закаспийской области причисленный к ГШ ротмистр Иван Иванович Стрельбицкий в Восточном Хорасане обрекогносцировал пути, ведущие из Закаспийской области к Мешхеду¹⁹¹¹. Поездка эта была прервана раньше времени. Поэтому в августе – декабре 1891 г. И.И. Стрельбицкий, уже в должности помощника старшего адъютанта штаба области, был прикомандирован к российскому генеральному

¹⁹⁰⁶ Артамонов Л.К. Персия как наш противник в Закавказьи. Тифлис: Б.и., 1889. 193 с.; Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. 456 с.

¹⁹⁰⁷ РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 38611. Л. 20.

¹⁹⁰⁸ Артамонов. Исследование, произведенное в 1891-92 годах Генерального Штаба Капитаном Артамоновым Астрабад-Шахруд-Бастамского района и Северного Хоросана // СМА. 1892. Вып. 51. С. 124–138. Артамонов Л.К. Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хоросан: Военно-статистическое исследование. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1894. Ч. 1. 56+205 с.; Ч. 2. 1897. 4+206 с.

¹⁹⁰⁹ Золотарёв А.М. Военно-статистический очерк Персии. СПб.: Типолиотография А.Е. Ландау, 1888. С. 136.

¹⁹¹⁰ Артамонов Л.К. По Афганистану. Гератская провинция (Гератский театр). Опыт военно-статистического исследования. Асхабад: Тип. штаба Закасп. обл., 1895. 287 с.; Бабаходжаев М.А. Очерки социально-экономической и политической истории Афганистана (конец XIX в.). Ташкент: ФАН, 1975. С. 10.

¹⁹¹¹ Стрельбицкий. Поездка по восточному Хоросану в 1890 г. // СМА. 1891. Вып. 46. С. 135–266. Здесь в названии неверно указан год экспедиции.

консульству в Мешхеде для изучения Хорасана и путей, ведущих из России к Герату через Восточную Персию, а также разведки русско-афганской границы и сбора сведений о положении в Сеистане¹⁹¹². В сентябре–октябре 1891 г. под руководством есаула, временно исполнявшего должность помощника старшего адъютанта штаба войск Закаспийской области Андрея Ивановича Кияшко была проведена полевая поездка офицеров штаба Закаспийской области для сбора военно-статистических сведений в Ашхабадском уезде. В январе–феврале 1892 г. он был командирован в Каракала для изучения причин и масштабов туркменских грабительских набегов – аламанов. В апреле–июне 1892 г. А.И. Кияшко совершил рекогносцировку участка границы с Персией от восточного берега Каспийского моря до поста Гаудан. В июле 1893 – январе 1894 гг., уже переименованный (с сентября 1892 г.) в капитаны ГШ, участвовал в комиссии по учреждению таможенных постов в Закаспийской области вдоль границ с Ираном и Афганистаном¹⁹¹³. Кроме того, в 1892 г. командирован был для рекогносцировки маршрутов вдоль афганской границы обер-офицер для поручений при штабе войск области капитан ГШ Владимир Алоизиевич Орановский¹⁹¹⁴. В июле 1893 г. он же произвёл рекогносцировку Херабата и участка русско-персидской границы в пределах Закаспийской области¹⁹¹⁵. Недостающие сведения о Хорасане штабом Закаспийской области были получены также от генерального консула в Мешхеде Петра Михайловича Власова. С апреля по июль 1892 г. он совершил поездку по северу Хорасана, а в 1894 г. дополнил её двумя новыми работами¹⁹¹⁶. Особое внимание он, как консул, уделил торговым вопросам, отметив, в частности, что торговля России с Хорасаном после 1881 г. значительно возросла, однако далека от

¹⁹¹² Стрельбицкий. Записка о Восточном Хорасане: По рекогносцировке 1891 года // СМА. 1895. Вып. 62. С. 43–255. Стрельбицкий. Краткий предварительный очерк поездки в Персию в 1891 году // СМА. 1892. Вып. 51. С. 139–165; Низамутдинов И. «Сеистанский вопрос»: Из истории вмешательства Англии в ирано-афганские дела. Ташкент: Б. и., 1958. С. 44.

¹⁹¹³ Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С.113. По результатам работ по указанию А.Н. Куропаткина А.И. Кияшко составил «военный обзор Закаспийской области» – первый труд такого рода [Кияшко И.И. Военный обзор Закаспийской области. Ашхабад: Тип. Штаба Закаспийской области, 1896. 12+600+221 с.].

¹⁹¹⁴ Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 176.

¹⁹¹⁵ Там же. С. 176.

¹⁹¹⁶ Власов П.М. Извлечение из отчета П.М. Власова о поездке в 1892 г. по северным округам Хорасана: Серахскому, Келатскому, Дерегезскому, Кучанскому и Буджнурдскому // СМА. 1893. Вып. 52. С. 1–46; Власов П.М. Приложение к извлечению из отчета П.М. Власова о поездке 1892 г. по сев. округам Хорасана // СМА. 1893. Вып. 52. С. 229–250; Власов. Статистические сведения о Дерегезском, Кучанском, Буджнурском и Келатском округах Хорасана, 1894 г. // СМА. 1894. Вып. 56. С. 126–175; Власов. Краткий очерк Хорасана: 1894 г. // СМА. 1894. Вып. 56. С. 176–190.

главной цели – вытеснения конкурентов ¹⁹¹⁷. П.М. Власов указывал, что англичане очень активно и различными способами продвигают свою торговлю в Герате и Хорасане, «не заботясь вначале о выгодах и не отступая перед затруднениями и убытками, лишь бы обеспечить за своими товарами афганские рынки и отнять у России хорасанские» ¹⁹¹⁸. Здесь же он отмечал «настоятельные нужды» русской торговли в Хорасане, среди которых были необходимость установления почтового сообщения между Мешхедом и Ашхабадом, открытия русского банка в Мешхеде ¹⁹¹⁹.

Помимо чисто военных, офицеры и консулы собирали информацию о положении и настроениях среди населения, экономике, политико-административном устройстве и его функционировании, о деятельности англичан и пр.

В 1894 г. А.Н. Куропаткин запросил у военного министра разрешения на ещё 3 командировки офицеров в Иран. Как отмечал в своём обращении 10 марта 1894 г. к П.С. Ванновскому А.Н. Куропаткин, И.И. Стрельбицкий и Л.К. Артамонов обследовали районы, ограниченные с севера и востока русской границей, а с юга и с запада – линией Гязь – Дамган, Себзевар – Нишапур – Турбет и Хейдари – Каин – Биджан – Них – Насирабад. Однако не исследованным остался северо-восточный Хорасан, а в нём 2 операционных линии: Астрабад – Мешхед – Герат и Теджен – Серахс – Герат. Для обследования указанного района начальник области решил командировать В.А. Орановского ¹⁹²⁰. Одновременно с ним в Иран были отправлены прикомандированный к штабу войск Закаспийской области поручик лейб-гвардии Волынского полка (с 1856 г. квартировавшегося в Варшаве) Карл-Отто Георгиевич Баумгартен ¹⁹²¹, служивший в Закаспии с 1893 г. заведующим картографическим отделением штаба войск ¹⁹²², и направленный в 1891 г. из Главного штаба в распоряжение командующего войсками Закаспийской области Гвардейской артиллерии штабс-капитан Александр Григорьевич Туманский, с 1893 г.

¹⁹¹⁷ Власов. Краткий очерк Хорасана: 1894 г. // СМА. 1894. Вып. 56. С. 182–183.

¹⁹¹⁸ Там же. С. 185.

¹⁹¹⁹ Там же. С. 186.

¹⁹²⁰ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1901. Д. 482. Л. 61.

¹⁹²¹ М. Басханов ошибочно утверждал, что он был командирован военным министром [Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 30] На самом деле П.А. Ванновский лишь утвердил ходатайство А.Н. Куропаткина [РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1901. Д. 482. Л. 64].

¹⁹²² Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 29.

исполнявший должность помощника начальника Мангишлакского уезда. Особенностью двух последних назначений было то, что оба офицера имели хорошую языковую подготовку. К.-О.Г. Баумгартен получил образование на офицерских курсах восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел в 1890–1893 гг., освоив арабский и фарси; А.Г. Туманский окончил те же курсы в 1891 г., изучив арабский, турецкий и фарси ¹⁹²³.

Экспедиция В.А. Орановского, выехавшего одновременно с К.-О.Г. Баумгартеном, длилась с апреля по август 1894 г. Его исследование носило военно-географический характер с уклоном на изучение путей сообщения. Последние он изучал с перспективой дальнейшей разработки в колёсные дороги для военных целей – наступления на Герат или войны с Персией ¹⁹²⁴. Торговая составляющая занимала в отчёте В.А. Орановского незначительное место ¹⁹²⁵.

Две другие командировки имели несколько отличный от всех предыдущих характер. Очевидно, что посылка К.-О.Г. Баумгартена и А.Г. Туманского также находилась в русле решений Особого совещания и была вызвана не только инициативой А.Н. Куропаткина. Военное министерство со своей стороны

¹⁹²³ Там же. С. 30, 242. Кроме того, А.Г. Туманский стал изучать секту бабидов. «Вообще секта эта представляет собою симпатичнейшую среди всех остальных толков ислама, – писал его сослуживец. – Описание этого учения и самих бабистов занят в настоящее время штабс-капитан Туманский (состоящий в распоряжении командующего войсками Закаспийской области), который уже издал по этому поводу брошюрку, встреченную с живейшим интересом среди наших ориенталистов» [Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование) // СМА. 1896. Вып. 63. С. 90]. Дело в том, что одной из важных задач А.Г. Туманского в указанной экспедиции было изучение положения бабистов в Иране. «В Закаспии был наплыв бабистов, и начальство не знало, как надо смотреть на эту секту, считать её вредной или полезной». После поездки и работы А.Г. Туманского «был принят вполне благожелательный курс в отношении этих сектантов», поэтому бегаиты стали считать А.Г. Туманского своим покровителем [Смирнов К.Н. «Интеллидженс» Кавказского фронта в период 1878–1918 годов // Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 209–210]. По возвращении работы А.Г. Туманского были переданы в архив Военно-учёного комитета и образовали отдельное дело [РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1901. Д. 482. 97 л.]. Интересные воспоминания о личности этого крупнейшего российского востоковеда в погонах оставил К.Н. Смирнов [Смирнов К.Н. «Интеллидженс» Кавказского фронта в период 1878–1918 годов // Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 208–212]. Отмечая, что тот был крупной личностью, К.Н. Смирнов, заметил, что он «пытался поступить в Академию ГШ, но ушёл оттуда и на всю жизнь вынес недовольство Генеральным штабом. Он любил отпускать такие словечки: «ведь офицеры Генер[ального] шт[аба] не служат, а походят службу», хотя на самом-то деле это выражение больше всего было применимо к нему самому. Это был большой, хорошо образованный лентяй, с профессорским складом ума» [Там же. С. 208–209]. Он оказался и неважным военным агентом. А.Г. Туманский как был отозван с должности негласного военного агента в Ване, поскольку его эрзерумский коллега доносил о том, что делалось по военной части в Ване, «чего не знал Т[уманский]» [Там же. С. 210].

¹⁹²⁴ Впрочем, он рассматривал также естественные препятствия и дороги и на случай движения неприятеля к русским границам и для защиты Закаспийской железной дороги. «Рассмотренному нами району, – писал офицер, – придётся войти в состав театра военных действий как в случае столкновения нашего с Афганистаном, так и в случае временного или постоянного занятия нами Хорасана» [Орановский. Военно-статистическое описание северовосточной части Хорасана 1894 г. // СМА. 1896. Вып. 68. С. 110].

¹⁹²⁵ Там же. С. 96–98.

занималось изучением Ирана в основном через штабы Кавказского военного округа и Закаспийской области. Поездки указанных офицеров были санкционированы военным министром по согласованию с начальником Закаспийской области ¹⁹²⁶. Но главное, что свидетельствует в пользу нашей версии – это задачи, поставленные перед К.-О.Г. Баумгартеном и А.Г. Туманским, а также их собственные отчёты ¹⁹²⁷. К.-О.Г. Баумгартен получил от А.Н. Куропаткина инструкцию, где были изложены требования к его исследованию и определён путь следования ¹⁹²⁸. Он должен был изучить Хорасан, Йезд и Кирман, А.Г. Туманский – Южную Персию и пути, ведущие к Персидскому заливу. Не смотря на наличие значительного материала военно-статистического характера, основное место в работах, предоставленных после возвращения, занимал анализ экономического положения изученных ими районов и Персии в целом, путей сообщения, состояния и перспектив русской торговли, коммерческой деятельности англичан и других европейских подданных.

28 апреля поручик лейб-гвардии Волынского полка К.-О.Г. Баумгартен прибыл в Кучан – центр одноимённого ханства на севере Персии. Он посетил Хорасан, Йезд, Кирман, горную систему Ширкух, персидский Белуджистан. Поездка поручика длилась 4 месяца и 16 дней и окончилась 6 сентября того же года ¹⁹²⁹. А результатом стала полномасштабная работа, опубликованная в 1896 г. Главной его целью было «выяснить те данные, применение которых может послужить к развитию торговых сношений с Персией вообще, а русско-персидской торговли в частности» ¹⁹³⁰. Основное внимание поручик уделил следующим вопросам. «Выяснено какие затруднения может встретить обращение существующих вьючных путей в колёсные, при чём обращено внимание на перевалы, подъёмы, спуски и на обеспечение путей водою, фуражом и топливом, – подводил он итоги своей работы. – Описаны главнейшие по пути рынки, при чём обращено внимание на количество

¹⁹²⁶ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1901. Д. 482. 97 л.

¹⁹²⁷ Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование) // СМА. 1896. Вып. 63. 367 с.; Туманский. От Каспийского моря к Хормузскому проливу и обратно, 1894 г. // СМА. 1896. Вып. 65. С. 1–130.

¹⁹²⁸ Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование) // СМА. 1896. Вып. 63. С. 3, 162. К.-О.Г. Баумгартен указывал, что должен был выяснить данные, «применение которых может послужить к развитию торговых сношений с Персией вообще, а русско-персидской торговли в частности» [Там же. С. 2].

¹⁹²⁹ Там же. С. 19.

¹⁹³⁰ Там же. С. 2.

находящихся там русских и английских фабrikатов. Собраны сведения по движению караванов, о срочности и цене доставки английских товаров от Персидского залива к северу до Мешхеда включительно. Сверх того, собраны сведения (насколько это было возможно при непрерывном движении вперёд) статистического, этнографического и административного характера, а также и сведения важные в военном отношении»¹⁹³¹. Общая стоимость поездки составила 2 700 рублей без расходов на снаряжение экспедиции¹⁹³², т. е. почти в 3 раза больше, чем выделялось на военную агентуру в год командиру ПКБ.

Исследование его имело торгово-географический характер и чётко распадалось на 2 составляющие – географическую и торговую. В географическом отношении поручика в первую очередь интересовали пути сообщения «ведущие от Закаспийской военной железной дороги и Хорасана вглубь восточной Персии и далее к портам Персидского залива»¹⁹³³. Описывая подробно все местности, по которым он проезжал, К.-О.Г. Баумгартен основной акцент делал на маршруты. Он фиксировал климатические условия, количество переходов, уровень обеспеченности их фуражом, пищей, водой, постоем и пр., что относилось к военно-топографическому описанию¹⁹³⁴, анализировал возможности и стоимость разработки их в качестве торговых и военных путей в интересах России, особое внимание обращая на пригодность их для колёсного движения и возможность преобразования вьючных путей в колёсные. В частности, К.-О.Г. Баумгартен анализировал значение тех или иных дорог «для распространения наших товаров из северного Хорасана по центральной и южной Персии»¹⁹³⁵. Относительно военного их использования К.-О.Г. Баумгартен писал очень мало. Только один путь – Кучан–Беш-Агач–Карагуль–Султанабад–Себзевар – важный с торговой точки зрения, проанализирован им и в военном отношении. Являвшийся естественным продолжением Ашхабад-Кучанской колёсной дороги, он требовал разработки в колёсный, так как «в стратегическом отношении ... мог бы оказаться чрезвычайно важным для наступления большого отряда (с колёсными обозами) от Себзеvara на

¹⁹³¹ Там же. С. 19.

¹⁹³² Там же. С. 20.

¹⁹³³ Там же. С. 322.

¹⁹³⁴ В частности, он связал свою маршрутную съёмку со съёмкой И.И. Стрельбицкого [Там же. С. 18]. Маршрутной съёмкой им было снято 1 870 вёрст [Там же. С. 20].

¹⁹³⁵ Там же. С. 123.

Туршиз и далее к югу, через Хаф, к границам Афганистана»¹⁹³⁶. Имевшаяся на тот момент Ашхабад-Кучанская дорога рассматривалась «лишь началом той линии разработанных путей, которые рано или поздно должны пересечь Хорасан»¹⁹³⁷ и являлась частью пути, связывавшего Ашхабад и Мешхед (колёсный путь Ашхабад–Кучан–Мешхед)¹⁹³⁸. «Все приведенные пути проходят с севера на юг и связывают изолированные друг от друга долины, которые протянулись между высокими параллельными горными хребтами; – это и есть самое рациональное решение вопроса в каком направлении следует прокладывать пути не только в Хорасане, но и по всей Персии, где горные хребты тянутся с северо-запада на юго-восток, разделяя всю страну на множество разной ширины долин, которые или совершенно изолированы друг от друга, или перевалы расположены далеко по концам, причём неизбежны длинные обходы вдоль долин. Было бы лишним распространяться о значении этих путей, ибо самым веским доказательством есть проведение Ашхабад-Кучанского колёсного участка, являющегося лишь началом той линии разработанных путей, которые рано или поздно должны пересечь Хорасан», – резюмировал поручик¹⁹³⁹. Делая выводы по первой части своего исследования, поручик выделил 2 магистральных направления от Закаспийской железной дороги к южным портам Персии «и целую сеть второстепенных, частного значения, троп»¹⁹⁴⁰. Первое магистральное направление – от Ашхабада до Кирмана, второе – от Ашхабада до Йезда. «Для развития нашего торгового движения в посещённых провинциях важны лишь те участки пройденных магистральных направлений, которые проходят по Хорасану; остальные же, по ничтожности караванного по ним движения, а главное ввиду полной их неустроенности, не могут иметь почти никакого влияния; кроме только что указанных причин, нужно иметь ввиду также и то обстоятельство, что все ввозимые из России в центральные провинции товары направляются не по пройденным путям, а по линии Гязь–Шахруд–Йезд, как более короткой, и что сырьё, производимое центральными провинциями (не говоря уж о

¹⁹³⁶ Там же. С. 45.

¹⁹³⁷ Там же. С. 328.

¹⁹³⁸ «Участок Кучан–Мешхед считается колёсным, но в сущности, по словам нашего генерального консула в Хорасане, дорога эта до разработки была более удобна для повозок, так как верхний слой покрывавшего её щебня не был тронут» [Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Вольнского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование) // СМА. 1896. Вып. 63. С. 329].

¹⁹³⁹ Там же. С. 328.

¹⁹⁴⁰ Там же. С. 322.

сырье Йезда и Кирмана), сбывается не на север, а на юг, к Персидскому заливу; лишь очень небольшое количество туземных тканей и других кустарных произведений Йезда, Исфахана и Кирмана направляется в Хорасан на удовлетворение скромного спроса его населения; пробовать же воспользоваться этими путями для распространения сферы русского торгового влияния казалось бы делом неблагоразумным в силу того обстоятельства, что в южных и центральных провинциях утвердились прочно и навсегда английско-индийские торговые фирмы, которые не только довольствуются минимальным барышом, но готовы даже нести убытки, чтоб со временем, конечно, возместить их. В пользу высказанного выше мнения о необходимости ограничить сферу нашего торгового влияния лишь Хорасаном говорят также и материальные издержки, которые пришлось бы понести в противном случае, т. е. имея в виду подготовить один или оба магистральные, пройденные пути для колёсного или только правильного вьючного движения; расходы эти были бы столь велики, что не окупились бы никогда (внизу имеется приписка: «Командующий войсками Закаспийской области с этим мнением не согласен» – О.Г.) ... благоразумно ли было бы готовить эти пути, которыми могли бы воспользоваться также и войска, наступающие с юга или юго-востока Персии на Хорасан? Ответ ясен, как ясно и то, что следует, наоборот, воспользоваться теми климатическими и географическими препятствиями, которыми природа так щедро наделила центральную и юго-восточную часть Персии, введя весь Хорасан в сферу нашего исключительного влияния и господствуя в тех пунктах и на тех путях, которые служат естественными продолжениями линии Кирман–Тун и Бирдженд–Турбет–Исахан (Хейдари)»¹⁹⁴¹. «Имеются ещё второстепенные пути, – отмечал офицер, – если первые будут обращены в колёсные, то вторые можно было бы оставить в теперешнем их состоянии, разработав лишь поверхностно самые трудные перевалы; таким образом, получилась бы довольно развитая сеть подвозных, вьючных путей, которыми население более отдалённых частей Хорасана могло бы пользоваться для сбыта сырья в пунктах главных линий»¹⁹⁴². Из своих наблюдений ротмистр составил рекомендации для российского правительства. «Следовало бы ... совершенно

¹⁹⁴¹ Там же. С. 326–327.

¹⁹⁴² Там же. С. 330.

вытеснить с рынков Хорасана все предметы ввоза нерусского происхождения, – писал он, – (кроме индиго и чая); тогда как в западных провинциях (а в особенности в юго-западных) сыплются концессии на проведение новых и новых колёсных путей, в Хорасане дело кончилось лишь участком Баджгир–Доулет-Абад, остальной путь – до Кучана и от него до Мешхеда почти не нуждался в разработке и ... в настоящее время стал хуже, нежели был до этой последней»¹⁹⁴³.

Торговая компонента имела в отчёте К.-О.Г. Баумгартена наиболее широкое наполнение. «Орудиям и войсковым обозам всегда предшествовала мирная повозка торговца; эта истина как нельзя более применима к Персии, где материальное могущество играет такую видную роль и порабощает алчного, корыстолюбивого туземца всецело, делая его вашим покорнейшим слугою», – писал поручик¹⁹⁴⁴. Главное, что его интересовало – перспективы торговли России с посещёнными им провинциями. При этом акцент делался на вопросе, как достичь здесь доминирующего влияния. Поручика интересовали занятия населения, имевшееся сырьё, его обработка и сбыт, продукция, которую производили в разных районах страны, кто, куда и как покупал и вывозил сырьё и готовые изделия, цены на них, статьи и объёмы ввоза-вывоза в туманах. Он подробно рассмотрел процессы подготовки сырья и производства готовой продукции. Изучил К.-О.Г. Баумгартен деятельность местных и иностранных торговцев, рассмотрел особенности конкуренции привозных товаров с русскими в Иране. Так, он отмечал, что конкуренция с английскими товарами на южных ранках (в частности – в Йездской провинции, которую поручик исключил из сферы возможного российского влияния) будет сложна, «в виду дальности расстояния, которая исключает всякую возможную конкуренцию наших товаров с подвозимыми от Персидского залива английскими товарами»¹⁹⁴⁵. Особое внимание было уделено им предметам ввоза и вывоза из исследованных провинций, а также состоянию русской торговли здесь. Исходя из полученных данных, поручик указывал, какие товары из России и при каких условиях могли бы найти сбыт на рынках Персии. «Оживлённый и правильно поставленный ввоз, – резюмировал он, – может существовать лишь при условии

¹⁹⁴³ Там же. С. 337.

¹⁹⁴⁴ Там же. С. 322.

¹⁹⁴⁵ Там же. С. 123.

основательного ознакомления со вкусами, потребностями и достаточностью населения, при содержании в разных пунктах деятельных агентов, которые давали бы знать фабрикантам и оптовым торговцам о появляющемся спросе и настроении местных рынков. Без указанных средств и без помощи правительства, русские произведения, заводские и фабричные, не будут в состоянии конкурировать с ввозом других государств, несмотря даже на непосредственное соседство и близость к границе больших торговых центров Персии»¹⁹⁴⁶. Определил поручик и меры для улучшения русской торговли «на развитие русско-хорасанской торговли вредно влияет полное отсутствие транспортного и комиссионерского дела», – писал он¹⁹⁴⁷. Резюмируя настоятельные нужды российской торговли в Хорасане, поручик отмечал: «здесь сделана попытка резюмировать настоятельные нужды нашей торговли в Хорасане и сгруппировать их в порядке, соответствующем значению и важности: а) разработанные и приспособленные к колёсному движению линии Кучан–Себзевар–Туршиз–Баджишан и Мешхед–Турбет-Исахан (Хайдери)–Баджишан, во всяком же случае – первую казалось бы рациональным предложить разработку заслуживающему доверия товариществу, получив путём дипломатического давления на персидское правительство концессии на разработку и эксплуатацию предположенных путей; при этом должно иметь в виду, что всякая поддержка и вообще участие русского правительства следует оставлять в глубокой тайне; противное послужило бы поводом к возбуждению подозрений шахского правительства и местных, провинциальных властей, которые начали бы ставить препятствия и смотреть недоброжелательно на подобные начинания, истолковывая их превратно; лишь в случае явных несправедливостей персидских властей следовало бы, казалось, искать официальной защиты у своего правительства или его представителей; б) Понижение до minimum'a товарных тарифов Закасп. воен. жел. дор. на провоз главнейших статей ввоза и вывоза; безусловное понижение тарифа на провоз сушёных фруктов и орехов, привлекая таким образом значительный груз на Ашхабад, тогда как теперь фрукты идут во вьюках из Туршиза и Турбета к южным портам Каспийского моря; в) учреждение банковских контор (отделений) в Мешхеде и Себзеваре, что чувствительно облегчит денежные операции при

¹⁹⁴⁶ Там же. С. 318.

¹⁹⁴⁷ Там же. С. 338.

торговых сделках; в этом отношении очень поучителен пример англичан, которые имеют банки в Мешхеде, Тебризе, Тегеране, Исфахане, Йезде, Ширазе, Бендер-Бушире и др. пунктах; г) закрытие Душака, Каахка, Серакса и Пул-Хатуна для транзитных товаров (мануфактуры, чая, индиго и проч.), оставив открытою только линию Гаудан–Ашхабад; д) учреждение русского вице-консульства в Себзеваре, как втором торговом центре Хорасана (после Мешхеда); непосредственное и немедленное покровительство русско-подданным в сношениях с местными жителями; регистрация и регулирование торговых сделок; судебное разбирательство смешанных гражданских дел, – всё это вопросы настолько важные, что сами говорят в пользу утвердительного решения их; е) устройство почтово-телеграфного сообщения по линиям Ашхабад–Кучан–Мешхед и Кучан–Себзевар; почтовое сообщение должно бы состоять в пересылке обыкновенной, заказной и денежной корреспонденции и в перевозке пассажиров; с этим связано устройство почтовых станций и некоторых придорожных сооружений; ж) установление со стороны персидского правительства одинаковой таможенной пошлины как на южном побережье Каспийского моря, так и на сухопутной Хорасанской границе ...

з) пересмотр 9 § Туркманчайского мирного договора (22 февраля 1828 г.), т. е. только тех его параграфов, которые определяют права и обязанности русско-подданных, занимающихся торговлей в пределах Персии. До сих пор русско-подданным приходилось и приходится полагаться на добросовестность персов, при разного рода торговых сделках, а не на определяющее эти операции право; регулирование и обеспечение всех трансакций, подробное выяснение, а главное – расширение прав русско-подданных, занимающихся торговлей в Персии, приведёт, казалось бы, к большой свободе и развитию торговли. Особенно важным было бы приобрести право аренды или купли земельных участков для пользования ими как в культурном отношении, так и для возведения построек; с этим связаны вопросы пользования водой, найма рабочих и проч., которые основываются на специальных толкованиях мусульманского права; далее следует выяснить может ли русско-подданный, приобретя, положим, в собственность или арендовав земельный участок, отдать его, в свою очередь, в аренду туземцу и проч.; теперь договором допущено лишь наём и приобретение в собственность построек, – жилых домов,

лавок, амбаров, складов для сохранения товаров и проч., ныне в Хорасане (да и вообще в Персии) около 8/4 поверхности ждёт ещё обработки и культуры; туземец же боится расширять свои запашки, плантации и т. п. в виду произвольного, непомерного увеличения взимаемых с него податей; оставаясь верным своим примитивным способам обработки земли, персиянин не знает и боится всяких новшеств, тогда как, под руководством специалиста-европейца, мог бы на деле убедиться в громадной разнице результатов; наконец, регистрация всякого рода письменных обязательств, контрактов, расписок и проч. и засвидетельствование их у консула, а где такового нет – у местных властей (§ 2-й, дополнение к Туркманчайск. мирн. договору) не привилась и не привьётся, так как даёт возможность корыстолюбивым персидским властям сделать заключения о благосостоянии одного из контрагентов (именно туземного) и извлечь из последнего материальную пользу. Персиянин считает представителей администрации своими врагами и не доверяет последней никаких документов; не менее важно основательное выяснение порядка судебных разбирательств по смешанным делам, – до сих пор практиковалось внесение жалоб в консульство, которое входило в сношения с чиновником для дипломатических сношений (Каргузар) при правителе провинции; там, где консульств нет, возникает бевконечная переписка и связанная с ней проволочка.

Вот в чём состоят нужды нашей торговли в Хорасане, которая, казалось бы, должна много выиграть, в случае указанным выше мерам (или хоть первым четырёх) суждено будет исполниться», – писал поручик. И далее приводил ещё несколько рекомендаций «к оживлению нашей торговли в Хорасане». Они включали следующее:

«1. Организация транспортного предприятия с главными конторами в Ашхабаде, Себзеваре и Мешхеде; второстепенные агентства, – в Турбет-Исхане, Нишапуре, Туршизе и Баджистане; персонал служащих должен слагаться по возможности из русских, допуская армян лишь на второстепенные должности; центр управления предприятием – в Ашхабаде.

2. Предприятие должно заниматься доставкой обработанных русских произведений из Ашхабада во все пункты Хорасана и скупая сырьё (хлопок и

шерсть) по заказу русских фабрикантов, отправлять его в Ашхабад для дальнейшего вывоза в Россию.

3. Тщательно следя за качеством сырых произведений, агентуры должны взять на себя устройство более совершенных (машинных) способов очистки, сортировки, прессовки и укупорки хлопка и шерсти.

4. Ознакомившись с вверенными им округами, агенты понемногу и осторожно, под верное обеспечение хлопком и шерстью, могут попробовать выдачу мелких ссуд (лицам, заслуживающим доверия) на самых льготных условиях дешёвого кредита; это даст населению возможность расширить свои плантации и сблизить его с потребителями»¹⁹⁴⁸.

К.-О.Г. Баумгартен разделил посещённый им регион Ирана на 2 торговых района: северный (Хорасан «от Герируда до Себзеvara и от Закаспийской военной железной дороги до линии Турбет-Исахан (Хейдари) – Туршиз) и южный (Йездская и Кирманская провинции с Персидским Белуджистаном). Между указанными районами он выделил промежуточную полосу, «которую в торговом отношении можно отнести и к тому и к другому; население её, в действительности, сбывает своё сырьё на север и на юг и получает европейские фабрикаты частью русского, частью индийского, английского, французского и австрийского происхождения»¹⁹⁴⁹.

Северный район, по мнению поручика, находился в торговом отношении под русским влиянием со времени занятия Россией Закаспийской области. Цель же России здесь – расширить торговлю в Хорасане и овладеть ею всецело и безвозвратно, «во что бы то ни стало»¹⁹⁵⁰. «Южный район, находится под влиянием европейских и индийских торговых фирм; влияние это установилось с 1879 и 1880 годов, т. е. со времени открытия Суэцкого канала; открылись агентуры в двух южных портах Бендер-Бушире (Абушер) и Бендер-Аббасе ... учреждено английское консульство, а около года тому назад открыто вице-консульство в Йезде (вице-консул вместе с тем директор отделения “Persian Imperial Bank”); в Равере и Кирмане также имеются неофициальные консульские агенты, не говоря уж об агентах, существующих по десяти лет в Ширазе, Бендер-Аббасе и других пунктах ...

¹⁹⁴⁸ Там же. С. 338–342.

¹⁹⁴⁹ Там же. С. 319.

¹⁹⁵⁰ Там же. С. 319–320, 338.

северная граница этого района ныне идёт уже по линии Кирман–Йезд–Исфахан»

1951 .

Характеризуя среднюю или промежуточную полосу, поручик отмечал, что «за последние 5 лет, та промежуточная, свободная от какого-либо определённого торгового влияния, полоса уже стала много меньше и притом такие её центры, как Йезд¹⁹⁵² и Кирман, уже заняты английскими торговыми агентами, которые устроили там как бы наблюдательные посты, угрожающие превратиться в заставы, чтоб выставить вперёд новую линию аванпостов. Заданием нашим является противодействие этому постепенному движению, начавшемуся недавно и оставленному до сих пор без всякого внимания со стороны нашей отечественной торговли; эта последняя представлена в Хорасане несколькими русско-подданными армянами¹⁹⁵³ и персами, которые по большей части ведут незначительные операции при почти минимальных оборотных капиталах; одни лишь фирмы Братьев Микиртичевых (русс. под.) и Туманянц (перс. под.) ведут в Хорасане более значительные операции. Хотя указанная выше промежуточная полоса и не представляет собою ничего соблазнительного в смысле поля распространения наших фабрикатов и вывоза сырья (по причине пустынности и малонаселённости), но ею следует воспользоваться как трудно проходимым препятствием, расположенным впереди фронта занятой позиции, и утвердиться в ней во всех тех пунктах, которые находятся на возможных путях наступления; это даёт, притом, возможность привести в порядок пути сообщения Хорасана и подготовить их для возможно большего ввоза, а, главное, лёгкостью и доступностью сбыта довести культурные районы Хорасана до полного напряжения его производительных сил; это тем более важно для России, что местность, о которой идёт речь, может легко стать базой дальнейших операций, которую, казалось бы, следовало заблаговременно подготовить»¹⁹⁵⁴ .

¹⁹⁵¹ Там же. С. 320–321.

¹⁹⁵² «Вне всякого сомнения можно полагать Йедзскую провинцию вне сферы нашего торгового влияния, – считал К.-О.Г. Баумгартен, – по крайней мере со стороны Закаспийской области, и что Йезд тяготеет к порту Бендер-Аббас. Таким образом крайним пунктом, тяготеющим в сторону нашего влияния, должно бы принять Теббес» [Там же. С. 123].

¹⁹⁵³ «Армяне являются полезным проводником нашего экономического влияния и посредником в торговле», – отмечалось в журнале одного из Особых совещаний конца XIX в. [Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны // Красный архив. № 4 (53). 1932. С. 24–25].

¹⁹⁵⁴ Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Вольнского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование) // СМА. 1896. Вып. 63. С. 321.

Поручик детально рассмотрел влияние особенностей менталитета и внутривперсидских отношений на межгосударственные отношения в сфере торговли «Ещё в августе 1889 года Мир-Алем-хан (правитель Бирдженда – О.Г.) принимал очень любезно бывшего там ротмистра Стрельбицкого, послал ему подарки и, вообще, оказывал всевозможные почести как представителю России. Теперь же о моём прибытии Мир-Исмаэль-хану (наследовавшему умершему Мир-Алем-хану – О.Г.) известно стало тотчас же по вступлении нашем в город; но даже обычное, неизбежное появление какого бы то ни было административного лица не воспоследовало; это считается нарушением самых элементарных правил персидского этикета, и не прошло незамеченным среди многочисленного общества, населяющего караван-сарай, где каждый комментировал это обстоятельство по-своему и, конечно, не в лестном, для престижа русского имени, смысле. Объяснить это можно, казалось бы, единственно полную индифферентностью, с которой отнеслись в Ашхабаде к посланному Мир-Алем-хана в январе 1889 года, что не дано было с нашей стороны ни малейшего денежного подарка и не приняты были меры, чтобы товар, присланный эмиром каинским и составлявший его собственность, был продан возможно выгоднее. Присылка такого товара с просьбою продать его в Ашхабаде, была лишь простым предложением со стороны правителя завязать с русскими властями сношения и пользоваться денежными субсидиями, которые можно было выхлопотать ему от нашего правительства. Потерпев у нас неудачу, эмир с излишком вознаграждал себя щедрыми субсидиями англичан и с того же момента влияние этих последних значительно усилилось в Каине и Сеистане. Всем этим наглядно объясняется невнимание со стороны как некой администрации ко всякому иностранцу, кроме англичан»¹⁹⁵⁵.

Характеризовал детально российский офицер и особенности ведения торговых дел в Иране. «Персиане, – писал он, – стремятся купить всё возможно дешевле, не заботясь о добротности, а лишь о пестроте рисунка и большей ширине ткани. Оптовые торговцы должны давать товар в кредит, на срок от 10—12 месяцев, со скидкой 12–15 в год»¹⁹⁵⁶. «В Персии отсутствуют совершенно комиссионерские предприятия; следствием этого сношения возможны лишь при посредстве торговых

¹⁹⁵⁵ Там же. С. 17–18.

¹⁹⁵⁶ Там же. С. 56.

фирм, основавшихся в стране и имеющих в деле крупные капиталы. Для совершения торговых сделок как европейцы, так и туземцы пользуются посредничеством маклеров – дэллаль, которые подыскивают покупателей, ведут переговоры о цене и выполняют платежи; в мелких сделках дэллаль имеет по 1% с обеих сторон, а при больших ещё 2% наградных (provisions); дэллаль не отвечает за регулярное и верное внесение платы и за то, если сделка расстроится; положение его вполне обеспечено получением установленного обычаяем %; лучшая гарантия его честности кроется в желании сохранить за собою свое занятие; он ведёт списки сделкам, заключённым при его посредничестве, где записывает звание контрагентов, место жительства, количество и цену продаваемых или покупаемых предметов, условия платежа и т. д.; покупатель подписывает занесённые дэллалем сведения приложением своей именной печати и тут же выдаёт долговое обязательство (в случае рассрочки платежа) на выплату условленной суммы в определённый срок; при этом покупатель представляет поручительство своей личности и состоятельности в том конечно случае, если продавец его не знает лично.

Торговые фирмы, ввозящие обработанные произведения в Персию, продают товар лишь оптом, но при продаже, напр., шёлковых, железных и стальных изделий случается иногда и по мелочам. Сроки платежей – очень длинные, а потому продавец должен сразу же набавить следуемый % ... Законный торговый % в Персии равен 1% в месяц, а потому персидские купцы при выдаче долговых обязательств стараются уменьшить сроки, на которые выдаются обязательства, но конечно никогда не платят в означенное время и требуют продолжения срока без набавки следуемого за это %; по персидским же обычаям за просрочку % не взимается и продавец теряет таким образом по 1% за каждый просроченный месяц. Причины просрочек при платежах не вызываются ни несостоятельностью, ни злым умыслом, но просто склонностью персиян откладывать всё до последней возможности, даже и тогда, когда эта просрочка не влечёт за собою материальной выгоды. Поэтому европейский купец должен вперёд предусмотреть означенные выше обстоятельства и, вообще, приноровиться к обычаям страны, а главное, вооружиться невозмутимым терпением, – иначе он не добьётся никакого успеха и оттолкнёт туземных

покупателей. Займы под залог имущества отличаются в Персии необыкновенно высоким % – до 25–26% годовых, причём процент выплачивается ежемесячно; закладываемое имущество (земельное, драгоценности, ковры, золотая и серебряная посуда и проч.) должно превышать ценностью занимаемую сумму; в случае невыкупа в означенный срок, заложенное имущество пропадает и переходит в руки заимодавца; при мелких займах годовой % доходит до 60%, что составляет 5% в месяц. Но и в подобных случаях, сделанный заём должен быть обеспечен каким-либо ценным имуществом»¹⁹⁵⁷.

Наконец, последнее важное для торговли условие – таможи и пошлины, были рассмотрены поручиком отдельным параграфом. «Таможенные пошлины являются чрезвычайно важным условием для ввоза и вывоза; иностранные подданные согласно договору платят на границе 5% стоимости товара (как при ввозе, так и вывозе) деньгами или товаром и затем уже освобождены от всех внутренних пошлин (тут же следует отметить, что турецкие подданные платят лишь 4%). Туземные купцы при ввозе и вывозе платят лишь 3% стоимости товара, но эта норма колеблется, ибо во многих пунктах взимается тарифная пошлина смотря по предмету ввоза или вывоза; кроме того, туземцы платят ещё дорожную пошлину с каждого вьючного животного или вьюка в каждом из лежащих на пути населённом центре провинции; в общем эта пошлина (рахдари) взимается в размере 2 кран с вьючного животного; но если по дороге попадётся несколько таких внутренних таможенных застав, то конечная пошлина представляет собою солидную цифру ... До 1881 г. все таможи каждой провинции отдавались на откуп с торгов какому-либо лицу, предлагающему наибольшую сумму дохода; эти откупщики отдавали в свою очередь отдельные таможи на откуп другим лицам и т. д., при чём дело сбора пошлин было всецело ведено на так называемых “коммерческих основаниях” без всякого правительственного контроля и ведение годовых отчётов; требуемая правительством сумма вносилась ежегодно министру таможенных сборов (плюс новогодний пишкеш, приличный высокому положению “везирь-гумрук”), а сверх этого в руках личного состава таможенных учреждений оставалась сумма равная 66% с вносимой министру; в 1882 г. последовали попытки централизовать сбор

¹⁹⁵⁷ Там же. С. 343–344.

таможенных пошлин и взимать их при участии особо организованного персонала под начальством Эмин ос-Солтане; но когда приглашённый для организации таможенного ведомства армянин предложил вести регулярные отчёты и списки, ему предложено было молчать и не вмешиваться в дальнейшее дело; была сделана попытка повышения пошлин с товаров ввозимых и вывозимых туземными купцами до 7 кранов с вьюка; но те протестовали и порешено было сойтись на 5 кранах; в общем же сущность дела не изменилась и всё осталось по-старому, – чиновники Эмин ос-Солтане будут вносить требуемую сумму, а кроме того оставлять себе значительный “мудахиль”, т. е. доход, конкурируя между собой для привлечения возможно большего количества товаров на занимаемую каждым таможенню ... В Хорасане, по границе с Закаспийской областью, таможенный надзор учреждён на линии Кучан–Ашхабад в селении Шахниль (персидский Баджгир); здесь же сходятся тропы из Ширвана и Бами-Сафиабада; тропа из Буджнурда входит в область через Хейрабад и Фирюзу; далее надсмотрщики имеются в Мехемедабаде, Хейрабаде и Робате (Дерегез), в Хакистере (Мешед-Каахка), Арчингане, Каратскяне, Чааче ж Чайчидере»¹⁹⁵⁸.

Попутно К.-О.Г. Баумгартеном были собраны сведения военно-статистического характера, не составлявшие его основного задания, касавшиеся организации власти и жизни на посещённых территориях, численности и уровня жизни населения различных населённых пунктов, административно-территориального устройства, характеристик правящих особ, вооружённых сил и системы обороны.

А.Г. Туманский – будущий известный военный востоковед – выехал из Ашхабада 18 марта 1894 г. со своей женой. Ехал он, правда, несколько иным путём. По Каспийскоу морю он прибыл в на пароходе общества «Кавказ и Меркурий» в Баку, затем 22 марта приплыл в Энзели, откуда направился в Тегеран. Здесь он оставил свою жену и затем он посетил Хамадан, Буруджирд, Исфахан, Шираз, Нейриз, Бендер-Аббас, на обратном пути – Кирман, Йезд, а 27 октября прибыл в Тегеран, откуда в ноябре вернулся в Россию. Его отчёт менее содержателен, нежели у К.-О.Г. Баумгартена. Он представляет собой подневные записи с точной и детальной фиксацией пути, которым ехал офицер, с заметками, касающимися его

¹⁹⁵⁸ Там же. С. 344–345.

основных заданий. Их было 2: изучение путей в Южную Персию с точки зрения перспектив русской торговли и особенностей торговли в регионе. Имелись и второстепенные задачи: пути сообщения изучались им попутно и для военных целей, а также было обращено внимание на вооружённые силы посещённых провинций.

В целом его исследование по сути походило на исследование К.-О.Г. Баумгартена¹⁹⁵⁹. Значительное внимание штабс-капитан уделил внешней и внутренней торговле Персии. Он охарактеризовал сырьё и продукцию, производившиеся в рассмотренных им областях, цены на них, статьи ввоза-вывоза, таможенные пошлины. Особое внимание штабс-капитан обратил на коммерческую деятельность англичан, характеризовал положение и перспективы русской торговли. Описание крупных городов, как и у К.-О.Г. Баумгартена, сочеталось у А.Г. Туманского с раскрытием их роли в торговле. Помимо этого, штабс-капитан много места уделил изучению путей сообщения. Его интересовали возможности движения (колёсные, вьючные, тропы и пр.) и преобразования путей в колёсные, окружавшие местности, селения с целью продовольствования, фуражировки, постоя, особенности климатических условий. Рассматривал он также поселения, занятия местного населения, особенности жизни. Его работа не содержит общих выводов – в основном это просто констатация фактов и изложение обобщений. Однако материалы, собранные А.Г. Туманским, также стали основой для дальнейшего планирования российской внешней политики (в первую очередь торговой) относительно Ирана.

Следует отметить, что в том же 1893 г. со стороны Кавказа по Ирану из Тегерана к Персидскому заливу совершил поездку поручик барон Николай Николаевич фон дер Ховен¹⁹⁶⁰. Он с 1892 г. учился на Офицерских курсах восточных языков при Азиатском департаменте МИД, изучая персидский и арабский языки¹⁹⁶¹. В 1893 г. был командирован в Тегеран для языковой и

¹⁹⁵⁹ Туманский. От Каспийского моря к Хормузскому проливу и обратно, 1894 г. // СМА. 1896. Вып. 65. С. 1–130.

¹⁹⁶⁰ Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 253; Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 118; Ховен, фон дер. Путь от Тегерана к Персидскому заливу // СМА. 1893. Вып. 54. С. 143–153.

¹⁹⁶¹ Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 253.

страноведческой стажировки. В период стажировки и совершил рекогносцировку путей из Джульфы в Тегеран, а оттуда в Шустер и к Персидскому заливу, изучив наиболее удобные маршруты движения на юг Персии с военной и торговой точки зрения.

Не вызывает сомнения, что данные и выводы экспертов-«разведчиков» оказали существенное влияние на дальнейшее направление российской политики относительно южного соседа в экономической и других сферах. А.Н. Куропаткин очень детально изучил их исследования и, хотя не во всём был согласен (в частности с К.-О.Г. Баумгатреном), активно использовал их в своих докладных записках царю. Общая политическая цель – подчинение Ирана российскому влиянию – была «облачена» в экономическую «оболочку». Задачей стало укрепление российских финансово-промышленных инициатив с помощью государства для достижения стратегической цели. С этого времени к характеристике внешней политики России относительно южного соседа вполне применима формулировка министра иностранных дел начала XX в. «Главная цель, которая преследовалась нами, в зависимости от исторических условий, различными путями и средствами в течение многолетних сношений с Персией, может быть определена нижеследующим образом: сохранить целостность и неприкосновенность владений шаха, не ища для себя территориальных приращений, не допуская преобладания третьей державы, постепенно подчинить Персию своему господствующему влиянию, без нарушения однако как внешних признаков ее самостоятельности, так и внутреннего её строя. Другими словами, наша задача – политически сделать Персию послушным и полезным, то-есть достаточно сильным, орудием в наших руках, экономически – сохранить за собою обширный персидский рынок для свободного применения на оном русского труда и капиталов, причем тесное соотношение и взаимодействие политических и экономических результатов, уже достигнутых нами, создаст ту прочную почву, на которой мы должны развивать плодотворную деятельность нашу в Персии»¹⁹⁶².

Наиболее значимым и удачным шагом русского правительства в указанном направлении стало приобретение Ссудного банка. Ф. Казем-заде привёл интересную

¹⁹⁶² Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны // Красный архив. № 4 (53). 1932. С. 14.

версию его перехода в руки государства. По его мнению, иранская ссудная компания не процветала в силу внешних условий (падение цен на серебро). Поэтому «в начале 1894 г. директор Иранской ссудной компании Шаскольский отправился в Москву, чтобы сообщить своим руководителям, что дела нужно ликвидировать. Поляковы решили проконсультироваться с правительством, и Шаскольский поехал в Санкт-Петербург, чтобы обсудить проблему с новым министром финансов С.Ю. Витте, энергичным и честолюбивым государственным деятелем, который превратил Министерство финансов в соперника Министерства иностранных дел. Витте сказал ему, что русское правительство решило скупить все акции Иранской ссудной компании (известной также как Ссудный банк) и вести все её дела в Тегеране. Будет назначен новый директор, но Шаскольский может остаться, если пожелает, причем его жалованье будет удвоено»¹⁹⁶³. Получается, что инициатива передачи банка в государственное ведение исходила от Я.С. Полякова, но при этом параллельно было принято решение об этом на государственном уровне, причём о решении этом Я.С. Поляков не знал до беседы с С.Ю. Витте. К сожалению, вопрос о том, насколько верно такое предположение, остаётся открытым. Как следует из приведенного выше материала, мысль о приобретении контроля над Ссудным банком Персии была озвучена российским правительством ещё весной 1893 г. С уверенностью можно утверждать, что личные связи финансиста в русских правительственных кругах дали ему возможность повлиять на принятие своего банка «под крыло» державной власти. Как и большинство предприятий, получением концессии и созданием Ссудного общества Персии Я.С. Поляков преследовал какие-то личные спекулятивные цели. Об этом свидетельствует сама эпопея с его формированием¹⁹⁶⁴. Да и вообще, большинство концессий, как им, так и его братом Л.С. Поляковым, судя по исследованию Б.В. Ананьича, приобретались ради того, чтобы либо выгодно сдавать их в «субаренду», либо перепродавать третьим лицам опять-таки с выгодой для себя¹⁹⁶⁵.

¹⁹⁶³ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 221–222.

¹⁹⁶⁴ Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860–1914. Очерки истории частного предпринимательства. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1991. С. 84–85.

¹⁹⁶⁵ В этом смысле статьи Владимира Лиходедова и Валерия Чумакова, посвящённые братьям Поляковым, представляются обыкновенной их апологией, лишённой глубокого исторического анализа [Лиходедов В. Братья Поляковы // Банкаўскі веснік. 2009. № 10. С. 63–66; Чумаков В. Его Высокопревосходительство господин персидский барон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sem40.ru/famous2/m1349.shtml>].

Однако в данном случае реализовать свою цель банкир до конца не смог. Дела банка шли неважно. По сообщениям М.Л. Томара, «Ссудный банк Персии основанный Я.С. Поляковым в Тегеране на предмет выдачи ссуд под всякие товары, производства аукционов по всей Персии и всякого рода банкирских операций, до самого последнего времени имел весьма небольшое значение. Основной капитал его 2 миллиона франков был наполовину поглощён расходами на концессию, т.е. подарками различным персидским сановникам, содействовавшим выдаче её, другая половина уменьшилась вследствие падения цены серебра. Не имея отделений в других городах Персии и не обладая достаточными средствами, банк не мог заниматься переводами, а выдача ссуд под товары мало привилась в Тегеране, к тому же в ней и не представлялось особой потребности в этом городе, из коего ничего не вывозится. Поэтому операции банка приняли характер исключительно ломбардный и в этом смысле были бы успешны, если бы расходы по администрации и содержанию помещения не поглощали небольших доходов предприятия»¹⁹⁶⁶. И тут Я.С. Поляков, как говорится, «попал в струю». Идеи С.Ю. Витте о всемерной поддержке русской частной инициативы в Азии полностью соответствовали со стремлением Я.С. Полякова извлечь выгоду из своего банковского предприятия. Действительно ли он «решил проконсультироваться с правительством», сказать сложно. Но, скорее всего, имея связи в высших кругах, он получил определённое представление о смене приоритетов империи в Азии и решил выгодно пристроить своё невыгоравшее дело¹⁹⁶⁷.

В начале апреля 1894 г. С.Ю. Витте, ссылаясь, в частности, на решение Особого совещания, представил в Комитет финансов подробный проект покупки Государственным банком акционерного дела Я.С. Полякова. В проекте подчеркивалось, что развитию русской торговли в Персии может способствовать только «кредитное учреждение с большими средствами» и что эта задача не по плечу ни Ссудному обществу Персии, ни работавшему в Персии отделению

¹⁹⁶⁶ Томар М.Л. Экономическое положение Персии: Отчёт командированного в 1893–1894 гг. в Персию для исследования положения русско-персидской торговли. СПб.: Типография В. Киришбаума, 1896. С. 125.

¹⁹⁶⁷ Нужно сказать, что это ему удалось. Я.С. Поляков получил от русского правительства 225 000 рублей за уступку всех акций на сумму в 5 000 000 франков (1 875 000 рублей), которые к моменту продажи банка считались оплаченными на 2 000 000 франков (750 000 рублей), инвентаря, концессии и устава, а также в возмещение расходов «по обзаведению и устройству» [Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860–1914. Очерки истории частного предпринимательства. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1991. С. 85–86; Ананьич Б.В. Учётно-ссудный банк Персии в 1894–1907 гг. // Монополии и иностранный капитал в России. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 277].

Московского международного торгового (коммерческого) банка¹⁹⁶⁸, которые недостаточно сильны и не могут противостоять там английскому влиянию¹⁹⁶⁹. Ссылаясь на то, что Ссудное общество Я.С. Полякова не имеет никаких перспектив укрепить свое положение, так как «московские торговые фирмы, обладающие значительными средствами, уклоняются от собрания капитала, необходимого для учреждения в Персии сильного русского банка», а «Государственный банк не может открыть в Тегеране свое отделение» по политическим соображениям, С.Ю. Витте и

¹⁹⁶⁸ Финансовая структура, созданная в октябре 1891 г. и находившаяся под контролем Л.С. Полякова (был председателем правления). Последний использовал его для финансовых махинаций, в том числе и в Иране [Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860–1914. Очерки истории частного предпринимательства. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1991. С. 86–110; Чумаков В. Его Высокопревосходительство господин персидский барон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sem40.ru/famous2/m1349.shtml>; Чумаков В. Русский капитал. От Демидовых до Нобелей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.e-reading.org.ua/book.php?book=70497>]. М.Л. Томар так характеризовал цель и деятельность отделения этого банка в Иране. «Главной причиной его учреждения, – писал он, – была необходимость для персидских предприятий Л.С. Полякова (Товарищество для торговли и промышленности, страховое и транспортное общество) пользоваться каким-либо банком для переводов и т. п., почему тегеранское отделение Московского международного банка и следует считать дополнительным предприятием к другим, принадлежащим Л.С. Полякову. Это отделение, кроме своего значения в смысле связующего звена между Россией и поляковскими предприятиями в Персии, почти не играет роли в персидской торговле, лишь участвуя (в 1893–94 г.) в поставках серебра на монетный двор, ныне же оно выключено из всех комбинаций, вытекших из последовавших в 1894 г. запрещения ввоза серебра в Персию и закрытия монетного двора для свободной чеканки кранов» [Томар М.Л. Экономическое положение Персии: Отчёт командированного в 1893–1894 гг. в Персию для исследования положения русско-персидской торговли. СПб.: Типография В. Киришбаума, 1896. С. 125].

¹⁹⁶⁹ Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг: (По материалам Учётно-ссудного банка Персии). Л.: Наука, 1975. С. 16. «Масса денег, расходуемых англичанами для содержания агентуры официальной и тайной, на подарки влиятельным лицам, и необыкновенная их щедрость при путешествиях, заставляют предполагать и необыкновенное богатство, и могущество государства, подданные которого располагают такими огромными средствами. Но государство это отстоит далеко и силой своей импонировать не может, а потому единственным рычагом для оказания влияния остаются деньги, которыми англичане и пользуются для расположения в свою пользу правителей; это вообще им сделать не трудно, в виду упомянутого недоброжелательства правителей к нам, – сообщает российский наблюдатель. – В отношениях англйского генерального консульства в Хорасане и Сеистане к чинам персидской администрации можно усмотреть черты совершенно противоположные отношениям нашего консула, именно некоторое заискивание, что несомненно указывает на недостаток силы. Таким образом, когда в день праздника королевы Виктории в английском консульстве имел состояться обед, на который были приглашены как русское консульство, так и высшие чины персидской администрации и один из последних, именно губернатор Джама, Хафа и и Бехарза Али-Мардан-хан опоздал к обеду, то английский консул, не желая его обидеть, заставил прождать два часа всех своих приглашённых. Влияние англичан на народ вообще весьма слабо и существует только в юго-восточной части района, где население чаще встречается с людьми, находящимися у них на службе; в западной же части района об англичанах почти ничего не знают. Для наблюдения за интересами английских подданных в Хорасане и Сеистане, но ещё более для противодействия нашему влиянию в этих странах, в г. Мешхеде имеется английский генеральное консульство. Состоит оно из генерального консула, секретаря и доктора. Все они военные, в противоположность нашему консульству, в котором все чины гражданские. Затем имеется другой доктор индус и конвой из 6 кавалеристов Пенджабского конного полка. Помещается консульство в превосходном собственном доме и обставлено всевозможными удобствами, конвой сидит на превосходных лошадях, а одежда и снаряжение поражают своим изяществом. При помещении консульства устроена больница, в которой могут бесплатно лечиться все желающие туземцы; в действительности ежедневно для консультаций в больницу приходит до 100 человек мужчин и женщин и до двадцати человек (в мае 1894 г.) лечится в больнице, причём им выдаются бесплатно необходимые лекарства, а живущим там и пища. Английское генеральное консульство содержит у себя на жаловании большое число наших подданных туркмен. Наиболее влиятельным из них является Саат-бай, в распоряжении которого находятся всегда огромные перевозочные средства. Из туркмен же организована линия летучей почты от Мешхеда до Герата; посты её расположены на каждом переходе и состоят из 3–5 человек, причём каждый получает жалованье 11 туманов в месяц. Этими туркменами англичане весьма часто пользуются для собирания сведений в Закаспийской области, с каковой целью они содержат помимо этого ещё много тайных агентов [Орановский. Военно-статистическое описание северо-восточной части Хорасана 1894 г. // СМА. 1896. Вып. 68. С. 107–109].

выступил с проектом, предусматривавшим превращение Ссудного общества Персии в предприятие государственного типа, имеющего, однако, внешние признаки частного банка ¹⁹⁷⁰.

Однозначно можно утверждать также, что на приобретение банка государством повлияли сообщения о неважном состоянии дел Шаханшахского банка, полученные правительством России из разных источников ¹⁹⁷¹. «Будущность банка ... представляется не блестящей», – резюмировал М.Л. Томар ¹⁹⁷². Имелась реальная возможность подчинить финансы Персидской монархии русским интересам. Отчасти можно согласиться и с мнением Шаскольского, что «реальной причиной реорганизации ссудной компании было опасение русского правительства потери своего престижа, если лопнет русское учреждение в Персии; кроме того, Императорский банк мог бы приобрести за бесценок дело Поляковых в случае ликвидации» ¹⁹⁷³. Тем не менее, главной причиной всё же был новый внешнеэкономический и, а, следовательно, и внешнеполитический курс, активным вдохновителем которого был С.Ю. Витте.

4 апреля 1894 г. проект министра финансов был обсужден в Комитете финансов, двенадцать дней спустя утвержден Александром III, а к 1 мая 1894 г. Государственный банк уже вступил в управление Ссудным обществом Персии, переименованным к тому времени в Ссудный банк Персии ¹⁹⁷⁴. На заседании Комитета финансов 4 апреля 1894 г. были определены и задачи вновь образованного банка: содействовать «развитию активной торговли русских в Персии, сбыту туда русских фабрикатов, распространению среди персидского населения российских кредитных билетов, а равно вытеснению из Персии английских произведений» ¹⁹⁷⁵.

Таким образом, с 1894 г. Ссудный банк Персии начал действовать в Тегеране формально как частное учреждение, а в действительности – как филиал русского

¹⁹⁷⁰ Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг: (По материалам Учётно-ссудного банка Персии). Л: Наука, 1975. С. 17.

¹⁹⁷¹ Томар М.Л. Экономическое положение Персии: Отчёт командированного в 1893–1894 гг. в Персию для исследования положения русско-персидской торговли. СПб.: Типография В. Киришбаума, 1896. С. 124.

¹⁹⁷² Там же. С. 124.

¹⁹⁷³ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 222.

¹⁹⁷⁴ Ананьич Б.В. Учётно-ссудный банк Персии в 1894–1907 гг. // Монополии и иностранный капитал в России. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 276–277.

¹⁹⁷⁵ Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг: (По материалам Учётно-ссудного банка Персии). Л: Наука, 1975. С. 17.

Государственного банка, который не только оплатил расходы, связанные с покупкой Ссудного банка Персии, но и предоставил его администрации в виде оборотного капитала 375 000 рублей. Открытие русского банка в Тегеране ознаменовало собой непосредственный переход самодержавия к активной экономической политике в Персии, рассчитанной на завоевание персидского рынка и вытеснение из Персии английского соперника¹⁹⁷⁶. Постепенно банк превратился в посредника между Россией и Ираном в финансово-экономических вопросах. Как отмечала Л.М. Кулагина, «при его посредстве и на его же имя испрашивались у иранского правительства различного рода концессии ... банк сосредоточил в своих руках все операции, связанные с ввозом и продажей в Иране русских товаров, выступая преимущественно в качестве посредника между русскими фабрикантами и персидскими купцами – клиентами банка, открывая и тем и другим необходимый кредит»¹⁹⁷⁷. По словам той же исследовательницы, «с 1895 г. через Учётно-ссудный банк в Иран устремились русские государственные капиталы в виде займов шахскому правительству, концессий на постройку дорог, чеканку монеты и т. д.»¹⁹⁷⁸.

С подачи русского правительства Ссудный банк взял на себя организацию транспортного дела в Иране в интересах России. Ещё на упоминавшемся совещании 1893 г. отмечалось, что главным тормозом для развития русско-иранской торговли в российских интересах служило отсутствие в Иране удобных дорог¹⁹⁷⁹. М.Л. Томар, характеризуя деятельность «Персидского страхового и транспортного общества», также констатировал, что «отсутствие дорог и правильных колёсных сообщений мешают обществу приносить ощутительную пользу»¹⁹⁸⁰. В то же время, запрет железнодорожного строительства, навязанный шаху в 1890 г., давал только один выход – прокладку колёсных и шоссейных путей сообщения на севере Страны льва и солнца.

¹⁹⁷⁶ Там же.

¹⁹⁷⁷ Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 149–150.

¹⁹⁷⁸ Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 142.

¹⁹⁷⁹ Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 119. Впрочем, с точки зрения Военного министерства необходимость хороших дорог, связавших бы пограничные районы России в первую очередь с иранской столицей, экономический фактор вряд ли играл ту роль, как для Министерства финансов.

¹⁹⁸⁰ Томар М.Л. Экономическое положение Персии: Отчёт командированного в 1893–1894 гг. в Персию для исследования положения русско-персидской торговли. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1896. С. 105.

В своей работе М.Л. Томар сообщал, что «порты, через которые в настоящее время европейская торговля проникает в Персию, весьма неудобны», особенно акцентируя внимание на том, что наибольшие неудобства с естественной точки зрения представляют именно порты Каспийского моря, через которые шла большая часть русской торговли. «Неудобства и непригодность персидских портов побуждают европейцев искать других путей, которые бы дали доступ в Персию», – писал чиновник¹⁹⁸¹. Речь шла о сухопутных сообщениях. М.Л. Томар указывал, что империя Романовых в конкурентной борьбе за персидские рынки много выиграла от постройки и эксплуатации Закаспийской железной дороги. Из один из главнейших городов Персии – Мешхед – был связан с Ашхабадом колёсной дорогой¹⁹⁸². Однако со стороны Кавказа ситуация была иной. В то время, как англичане строили железные дороги по направлению к персидской границе (Кветто-Кандагарская и дороги в Азиатской Турции) и обладали возможностью использовать в качестве «опорных пунктов» сирийские порты и гавань Бомбея («и далее, через Индию, Афганистан и Белуджистан»), «наше удобнее сообщение с Западной Персией через Баку или Батум и кавказскую границу ... представляет сверх 426 вёрст железнодорожного пути от Баку и 413 от Батума целых 365 вёрст колёсной дороги»¹⁹⁸³. Поскольку для Персии действовал запрет на постройку железных дорог, то рекомендации чиновника Министерства финансов сводились к следующему. «В целях развития русско-персидской торговли и спешной конкуренции с европейцами, – резюмировал он, – казалось бы весьма желательным озаботиться об улучшении одной из важнейших и наиболее к тому пригодных персидских гаваней Каспийского моря, именно Энзелийской¹⁹⁸⁴ и соединить

¹⁹⁸¹ Там же. С. 51.

¹⁹⁸² Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 49.

¹⁹⁸³ Томар М.Л. Экономическое положение Персии: Отчёт командированного в 1893–1894 гг. в Персию для исследования положения русско-персидской торговли. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1896. С. 51.

¹⁹⁸⁴ Как отмечал В.А. Косооговский, «в самом Энзелийском заливе могли бы поместиться все суда Каспийского моря, становясь при этом на якорю лишь в нескольких шагах от берега ... Но все прекрасные свойства залива пропадают непроизводительно, так как в него для судов нет постоянного входа: шив соединяется с морем коротким проливом в 1/2 версты длиною и до 400 шагов шириною; глубина пролива в некоторых местах не превосходит 6 фут и при том крайне изменчива. Благодаря этому, в него могут входить лишь мелкие суда, но и то только в спокойную погоду, так как на отмели (банке), преграждающей вход в пролив, частью вследствие мелководья, частью вследствие борьбы морского прибоя с течением из залива, при малейшем волнении, образуется страшный бар, рокот которого заглушает голос человеческий; волны разбегаются далеко по морю и дают себя знать иногда на глубине 8 сажен. При этом ветры совершенно беспрепятственно гуляют по открытому рейду; вдобавок дно весьма неровно, а следовательно и глубина его изменчива. Вследствие всех этих причин, суда могут становиться на якорю только на весьма большой глубине и притом в тихую погоду» [Косооговский. Прибрежное пространство между таможеню Астара, городом Энзели и горами

Закавказскую железную дорогу с каким-либо пунктом нашей кавказской границы хотя бы и узкоколейной линией, которая ... сосредоточила бы большую часть торгового обмена западной Персии с Россией ... Такая дорога должна была бы направиться через Эривань и далее к Шахтахтинской заставе, или к Джульфе, от которых направляются важнейшие пути в плодородные части Азербайджана и Курдистана»¹⁹⁸⁵. Рассматривая с точки зрения выгод для российских торговых интересов путей сообщения, которые должны были связать Кавказ и Западную Персию, М.Л. Томар особое внимание уделил дорогам от Энзели, поскольку именно здесь проектировалась русскими инженерами шоссейная дорога к Тегерану. По его мнению, без налаживания «правильного» торгового судоходства по Каспийскому морю, необустроенность Энзелийского порта и отсутствие в ближайшее пятилетие перспектив постройки железной дороги, вкупе с характером местности и особенностями караванной торговли делали постройку шоссе не выгодной. Наиболее удачным вариантом представлялась прокладка «простой колёсной дороги шириной в 2 метра»¹⁹⁸⁶.

Как видно, в Петербурге и на Кавказе из разных соображений (экономических, политических и военно-стратегических) мнения это разделяли и учли. По крайней мере, все пожелания, высказанные М.Л. Томаром, впоследствии были реализованы¹⁹⁸⁷. Причём, как будет показано дальше, русские инструктора в Иране также стали непосредственными участниками этого процесса.

Можно с уверенностью утверждать, что если исследования офицеров ГШ, проводившиеся до отправки экспедиций К.-О.Г. Баумгартена и А.Г. Туманского, формировали военно-стратегический взгляд А.Н. Куропаткиным значения Персии в политике России, то поездки К.-О.Г. Баумгартена и А.Г. Туманского оказали значительное влияние на видение начальником Закаспийской области экономических перспектив империи Романовых на иранских рынках. Подробно

(персидская провинция Гилян) // СМА. 1891. Вып. 49. С. 56–57]. Россия уже пыталась закрепиться на энзелийском рейде в 1840-х гг., но шахское правительство не дало на это согласие [Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 9–11]. Попытка, предпринятая в конце века оказалась намного успешнее.

¹⁹⁸⁵ Томар М.Л. Экономическое положение Персии: Отчёт командированного в 1893–1894 гг. в Персию для исследования положения русско-персидской торговли. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1896. С. 51.

¹⁹⁸⁶ Там же. С. 64–66.

¹⁹⁸⁷ Позже всего была реализована идея соединения Закавказской железной дороги с персидской границей. В 1899–1908 гг была построена линия Тифлис – Александрополь – Эривань – Джульфа (по Туркманчайскому договору 1828 г. Джульфа (Джуга), расположенная на берегах р. Аракс, оказалась разделённой на две части: южная – за Персией, северная – за Россией. Дорога была завершена в русской Джульфе).

взгляды будущего военного министра будут изложены ниже. Здесь же отметим, что, изучая через посредство разных источников перспективы российской политики в Иране, А.Н. Куропаткин стал активным сторонником экономических методов. Важным фактором в подчинении Ирана российскому влиянию он видел прокладку дорог как к персидской границе из России, так и от границы в глубь Персии. «Англичане спешат с постройкою пути к Тегерану от р. Каруна, – заявлял он. – Мы можем бороться с ними только ускорением проложения колёсного пути Энзели – Казвин к Тегерану же. Англичане и немцы спешат приблизиться к границам Персии проложением железных дорог через Малую Азию. Мы можем ослабить угрожающую нашим интересам опасность только скорейшим проложением железной дороги от Тифлиса через Эривань и Джульфу к Тебризу»¹⁹⁸⁸.

6.2. ПКБ под руководством В.К. Бельгарда

Сложно с уверенностью утверждать, стали ли события с ПКБ прямым результатом нового курса России относительно Персии, или же они, как говорится, «пошли в струю». Тем не менее, среди высших военных чинов на Кавказе и в Петербурге произошёл очередной «всплеск» интереса к реальному положению дел в ПКБ и её месту в политике империи. Непосредственным проявлением этого стала командировка в Персию В.К. Бельгарда.

В.К. Бельгард происходил из старинной дворянской семьи¹⁹⁸⁹. Первоначально он был крещён католиком под именем Карл, но в 6 лет отец – генерал-лейтенант русской армии – перекрестил его в православие, дав новое имя Владимир. С 1871 г. В.К. Бельгард учился в 1-й Петербургской мужской гимназии, а с 1876 г. – в Пажеском корпусе. После его окончания по первому разряду был выпущен

¹⁹⁸⁸ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 65.

¹⁹⁸⁹ Фамилия на российской арене появилась с переходом двух Александров – французских эмигрантов-роялистов, отца и сына – на русскую военную службу в конце XVIII в. Замечательно, что двое из трех сыновей младшего Александра, а затем и четверо внуков из одиннадцати, тоже стали генералами русской армии (в том числе трое – генерал-лейтенантами и один генералом от инфантерии) [Сахаров И.В. Материалы научной конференции «Выходцы из Франции и их Российские потомки» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nlr.ru/news/rnbinfo/2004/78-2.pdf>]. Впрочем, существует и другая версия происхождения фамилии, что якобы «жители с этой фамилией были важными персонами из славянского новгородского дворянства в XVI–XVII в., имевших определенную царскую привелегию» [<http://www.onomastikon.ru/proishogdenie-familii-belgard.htm>].

корнетом в августе 1883 г. в Конный лейб-гвардии полк. В марте 1885 г. В.К. Бельгард был переведён поручиком в 33-й драгунский Изюмский Его Королевского Высочества Наследного Принца Фридриха Вильгельма Прусского полк. В 1887 г. он окончил Николаевскую академию ГШ по второму разряду. В феврале 1887 г. был произведён в штаб-ротмистры, а в феврале 1891 г. – в ротмистры. К началу 1891 г. В.К. Бельгард успешно окончил Офицерскую кавалерийскую школу. На момент назначения в Персию ротмистр командовал эскадронам Изюмского драгунского полка, располагавшегося в Кавказском военном округе¹⁹⁹⁰.

Скорее всего, в ходе его назначения у руководителей российского военного ведомства возникла идея расширить миссию ротмистра. Документы свидетельствуют (хотя и не прямо), что он должен был заменить полковника и провести ревизию дел ПКБ¹⁹⁹¹. Назначение В.К. Бельгарда исполняющим обязанности командира бригады позволяло сэкономить значительную сумму на содержании Заведующего. Это играло в глазах шаха важную роль в условиях обострявшейся нехватки средств. Одновременно ротмистр должен был дать Петербургу ясное представление о состоянии дел в ПКБ. Хотя назначение его в Иран лоббировал С.А. Шереметев, однако реальную поддержку и протекцию В.К. Бельгарду составил управляющий делами Военно-учёного комитета Главного штаба генерал-лейтенант Ф.А. Фельдман. Особенностью этого назначения было то, что В.К. Бельгард окончил Академию ГШ (хотя и не являлся офицером ГШ, поскольку окончил её по второму разряду). До этого среди российских инструкторов всегда был только один офицер с высшим военным образованием, полученным в Академии – полковник ГШ, возглавлявший бригаду, а все требования предыдущих Заведующих о присылке дополнительных офицеров ГШ наталкивались на отказы военного министра. Теперь таких должно было стать 2.

На основании резолюции военного министра от 21 января 1893 г. 22 января было издано распоряжение о командировании ротмистра В.К. Бельгарда в

¹⁹⁹⁰ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 67.

¹⁹⁹¹ Чётко об этом свидетельствует рапорт В.К. Бельгарда генерал-лейтенанту Ф.А. Фельдману от 19 июня 1893 г., где офицер благодарил высокого начальника за содействие в назначении в Персию [Там же. Л. 108]. Важность миссии В.К. Бельгарда подтверждает также то, что до этого все командиры ПКБ свои рапорты посылали в штаб Кавказского округа, в то время как ротмистр первоначально отсылал их непосредственно в Санкт-Петербург.

Тифлис¹⁹⁹². Помимо задач, относившихся к ПКБ, в Тифлисе ротмистру было поручено «по возможности исследовать ... провинцию Мазандеран с целью связать между собой существующие уже описания Азербайджана с описаниями Хорасанской провинции»¹⁹⁹³. Помимо этого, В.К. Бельгард должен был сделать

¹⁹⁹² Там же. Л. 107.

¹⁹⁹³ Речь идёт преимущественно о поездках офицеров ГШ штаба войск Закаспийской области, о которых уже шла речь выше, а также о командировках капитана ГШ Л.К. Артамонова в иранский Азербайджан в 1889 г. и работах офицеров ПКБ. Изучение путей сообщения, ведущих от русской границы в глубь Ирана активизировались в штабах приграничных военных округов (особенно – в Кавказском) с конца 1880-х. Офицеры, помимо иных задач, были ориентированы на изучение дорог и местностей для прохода войск на случай конфликта с Англией или с Персией, с целью преобразования их в колёсные или шоссейные для военных и торговых нужд. Например, К.Н. Блюмер, обращал внимание не только на военную, но и торговую составляющую, рассматривая дороги и города с точки зрения интересов русской торговли [Блюмер. Описание дороги из города Казвин в Решт–Фюмен–Астарту–Ардебиль–Зенджан и обратно в Казвин (рекогносцировка 1890 г.) // СМА. 1891. Вып. 49. С. 75, 91]. Исследования носили превентивно-оборонительный характер, имея целью предотвратить нестабильность вблизи российских границ или в пограничных областях империи. В основном, они делались на перспективу для отработки возможных планов поведения в той или иной ситуации. В целом в исследованиях ставилась цель не допустить возможного противника к границам России. Поэтому пути сообщения, вооруженные силы и пр. изучались несколько односторонне – с точки зрения возможности продвижения русских войск от границы в глубь Ирана. Обратному процессу, то есть движению возможного противника к пограничной полосе империи внимание уделялось лишь отчасти, как производной от главной цели. Основными объектами изучения были приграничные и центральные провинции, в особенности – Хорасан и Азербайджан. Значение Хорасана для военной разведки было чётко определено Л.К. Артамоновым. Главную цель его работы в штабе видели в том, чтобы «дать географо-статистическое описание части современной Персии, приграничной к Закаспийскому краю, с военной точки зрения, рассматривая эту соседнюю нам страну, как ближайший театр военных действий при разрыве с Персией или же как регион, по которому, в случае открытой борьбы с англо-афганцами, значительная часть наших войск может наступать от берега Каспийского моря в пределы Афганистана» [Артамонов Л.К. Краткий очерк командировки в Персию для военно-статистического исследования Астрабад-Шахруд-Бастамского района и Северного Хорасана в 1891–1892 гг. // Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан: Военно-статистическое исследование. – Тифлис: Типогр. Канц. Главнач гражд. ч. на Кавказе, 1894. Ч. 1–2. С. 55]. Что до Азербайджана, то его важность определялась несколькими факторами. Во-первых, здесь находилась резиденция наследника престола, которого, в случае смерти шаха, необходимо было «безболезненно» посадить на трон. Во-вторых, Азербайджан рассматривался как важный плацдарм для движения на Тегеран или для угрозы русским приграничным областям в случае разрыва с Ираном или войны с Великобританией и Османской империей. Здесь комплектовались 29 из 80 фоджей регулярной пехоты «причём по составу и качествам тюрко-татарские фоджи» считались наилучшими. Однако большее беспокойство у русских военных вызывали иррегулярные части. «В приграничной к нам полосе, – писал Л.К. Артамонов, – имеется до 22 000 иррегулярной, отлично вооружённой конницы, способной к быстрым передвижениям, крайне неприспособленной в требованиях и образе жизни, склонной к грабежу и истреблению. Такая конница может причинить немало бед беззащитному населению и обратить в пустыню самую цветущую область». Хотя «персидское правительство далеко не властно ею распоряжаться» и «чтобы сплотить всю эту массу конницы и направить в наши пределы – нужны какие-либо уж очень исключительные условия» в силу непримиримой суннитско-шиитской вражды между кочевыми племенами, однако в штабе Кавказского военного округа не без основания отмечали, что «не следует забывать, что поклонники Магомета легковосприимчивы и впечатлительны. Кто знает, быть может в период самой тяжёлой невзгоды для России появлением какого либо «махди» (последний преемник пророка Мухаммеда, 12-й имам, мессия, который появится перед концом света; шииты считают, что махди жив и восстановит справедливость на земле [Смирнов С.Р. Восстание махдистов в Судане // Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 6. М.–Л.: Наука, 1950. С. 18]) они вдруг все сплотятся и настроятся против нас: в одиночку они смелы и воинственны. В это самое время наверно найдётся у мусульман преданный и щедрый друг, который даст золото, оружие и не откажет даже в высоком руководстве» [Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. 79–81]. Поездки русских офицеров совершались по преимуществу официально. В частности, форма офицеров ГШ придавала большой вес путешественникам в глазах местного населения, как официальным представителям «великого Ак-Падишаха», «Белого Царя», как именовали на мусульманском Востоке русского царя. Это было одной из важных причин, хотя существовали и другие, не менее значимые. Например, официально едущий с фиктивной миссией военный был в большей безопасности от различных неприятных, а то и смертельных случайностей, нежели действующий тайно (впрочем, иногда даже официальным представителям приходилось в обстановке неблагоприятной и даже опасной для жизни [Артамонов Л.К. Краткий очерк командировки в Персию для военно-статистического исследования Астрабад-Шахруд-Бастамского района и Северного Хорасана в 1891–1892 гг. // Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан: Военно-статистическое исследование. Тифлис: Типогр. Канц. Главнач гражд. ч. на Кавказе, 1894. Ч. 1–2. С. 53]). К тому же многие офицеры и не способны были работать под

рекогносцировку пути из Решта в Казвин, а также составить топографическое описание пути из Казвина в Тегеран¹⁹⁹⁴. Кавказское начальство использовало

прикрытием, поскольку были людьми из другой среды, людьми, «не вжившимися в регион». Это сразу бросалось в глаза туземцам и могло способствовать быстрому разоблачению, международному скандалу, а то и смерти агента. Помимо офицеров, сведения для штабов военных округов доставляли топографы (так, большая караванная дорога Шахруд–Мешхед была обследована российскими топографами [Там же. С. 42], русские консулы, сам посланник, русские инструкторы в Иране, которые могли вполне открыто по соглашению с местными властями ездить по стране. Нужно отметить, что истинные цели ездивших официально офицеров не афишировались: как правило, в качестве прикрытия использовались совершенно иные причины командировок. Схема назначения и отправки официальных разведчиков была изложена в одной из работ Л.К. Артамонова и в принципе применялась и в отношении большинства открытых миссий военного характера. «С разрешения военного министра и после предварительных сношений с Р. И. Посланником в Тегеране, равно с нашими Генеральным Консулом в Мешехе и Консулом в Астрабаде, – писал офицер о подготовке своей поездки в Хорасан в 1891 г., – мне было дано предписание Командующим войсками Закаспийской области отправиться в пределы Персии, в сопровождении конвоя из 3-х казаков 1-го Таманского конного полка и урядника Туркменской милиции в роли переводчика ... По соглашению с нашим Посланником, тайным советником Бюцовым, я прикомандировывался на 3 месяца (август, сентябрь и октябрь) к Р. И. Консульству в Астрабаде и получил право путешествовать в присвоенной мне форме, с предписанием строго руководствоваться советами и указаниями нашего консула при поездках в местности, населенные туркменами, а равно при сношениях с местными властями и населением. Также точно консул мог возлагать на меня попутно небольшие поручения по делам консульства». Формально он сообщал всем, что «по повелению Ак-Падишаха и по поручению Генерального Консула Российского в Хорасане и Консула Российского в Астрабаде по делам пограничного езжу» [Там же. С. 1–2, 21].

¹⁹⁹⁴ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 108. Основателем новой системной военной разведки (под разведкой подразумевается сбор сведений о положении, средствах, силах и намерениях неприятеля и о местности [Энциклопедия военных и морских наук. СПб.: Тип. В. Безобразова и К., 1893. Т. 6. С. 244]) в России считаются военный министр Д.А. Милютин и Н.Н. Обручев [Айрапетов О.Р. Забытая карьера «Русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб.: Алетейя. 1998. 320 с.; Схиммельпенник Ван дер Ойе Д. Д.А. Милютин и военная разведка России // Пётр Андреевич Зайончковский: сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М.: РОССПЭН, 2008. С. 691–701]. Основу её составили военная статистика и военная география. Объяснялось это тем, что в XIX в. главным средством анализа считалась статистика. Только за не признавалось право анализировать факты и делать выводы [Сыздыкова Е.С. Российские военные и Казахстан: Вопросы социально-политической и экономической истории Казахстана XVIII–XIX вв. в трудах офицеров Генерального штаба России. М.: Реклама-Матер, 2005. С. 54]. Военная разведка Ирана (с Мервом и Гератом) в рассматриваемый нами период велась штабом Кавказского военного округа по составленной программе. Программа включала в себя 5 составляющих: 1. Общее географическое описание всей страны или отдельной области; 2. население; 3. пути сообщения в смысле проходимости страны, общая сеть дорог и телеграфных линий; 4. военные средства страны: устройство вооружённых сил, пополнение армии и её мобилизация, продовольственные и перевозочные средства, укрепленные пункты и разного рода склады; 5. топографические описания отдельных участков и подробные маршруты и описания путей [СМА. 1883. Вып. 4. С. IV]. В целом, как видим, она состояла из 2-х составляющих: военно-географической и военно-статистической, т. е. изучались вооружённые силы страны в широком смысле этого слова (т.е. организация, управление, комплектование, дислокация, вооружение и пр.) и театр возможных военных действий с населением [Смирнов К.Н. «Интеллидженс» Кавказского фронта в период 1878–1918 годов // Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 241]. С созданием в 1881 г. Закаспийской области в составе Кавказского военного округа, в силу особенности своего географического положения относительно России Персия была разделена на 2 зоны ответственности. Военно-географические работы, как и военная разведка в целом, в её западной части находились в ведении штаба Кавказского военного округа, а в восточной – штаба Закаспийской области (выведенной в 1890 г. из состава Кавказской администрации и находившегося в прямом подчинении Военного министерства; с 1899 г. – в составе Туркестанского военного округа). Штабы округов действовали как по отдельности, так и во взаимодействии. Существовала практика перевода офицеров, «специализировавшихся» на Иране, из округа в округ. Например, в Л.К. Артамонов, числившийся в Кавказском военном округе, для изучения Хорасана в 1890 г. был переведён в Закаспийскую область и продолжал службу там [РГВИА Ф. 409. Оп. 2. Д. 38611. Л. 50], хотя итоговую работу по материалам своей поездки издал в Тифлисе [Артамонов Л.К. Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан. Ч. 1–2. Тифлис: Типогр. Канц. Главнач. гражд. ч. на Кавказе, 1894]. Военно-географические работы офицеров штаба округа и присылавшихся из Петербурга имели внутренний или внешний характер. В первом случае изучалась внутренняя, российская, часть театров возможных боевых действий в качестве операционной или оборонительной базы. Во втором – внешняя, персидская территория как район, где предположительно разыграются военные действия [Обзор Кавказско-персидского театра военных действий. Составлен при штабе Кавказского военного округа. Тифлис: Типография канцелярии Главначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1899. С. 2]. Одной из составляющих изучения театра военных действий были рекогносцировки офицеров штаба округа или направлявшихся из Петербурга. Они проводились либо в комплексе в виде полевых поездок под руководством офицеров ГШ или самими генштабистами, либо отдельными офицерами и топографами. Полевые поездки офицеров ГШ и других офицеров штабов военных округов и от Главного штаба были введены в 1873 г. по образцу прусского опыта для «доставления офицерам ГШ практики в исполнении обязанностей

командировку офицера для получения необходимой информации о состоянии указанных маршрутов одновременно в рамках разведывательных работ штаба округа и подготовки к строительству колёсной дороги Решт–Казвин в составе более крупного проекта – пути от Энзели к Тегерану, который рассматривался как наиболее значимый из всех путей, ведущих к столице шаха ¹⁹⁹⁵(От Казвина до Тегерана колёсная дорога уже была проложена¹⁹⁹⁶). Все пути по Мазандерану были исследованы русскими топографами. В.К. Бельгарду необходимо было изучить то, что не было затронуто топографическими съёмками, и сделать обобщающую работу.

Особый интерес представляет вторая составляющая указанных трудов. С 1893 г. наиболее значимым «проводником» русской политики в дорожном вопросе стал Л.С. Поляков. Как отмечалось, большая часть предприятий Л.С. Полякова в Персии имели махинаторский характер, являлись результатом его инициативности ¹⁹⁹⁷. Концессии он получал не столько, чтобы их реализовывать, сколько для того, чтобы выгодно «перепоручить» кому-либо. В начале 1890-х гг. его стремления совпали с

военного времени, а также собирания на месте сведений для составления обзоров наших (русских – О.Г.) окраин, как наиболее вероятных театров военных действий» [Военная энциклопедия. СПб.: Т-во И.Д. Сытина 1915. Т. 18. С.536–538; Полевые поездки офицеров Генерального штаба в 1873 году // Военный сборник. 1874. Т. 95. № 5. С. 38–48]. Как писал Николай Павлович Глиноецкий, «в военное время офицер ГШ должен явиться с возможно большим навыком рекогносцировок разного рода, в оценке местности, ориентировке на ней ... и в этом-то необходимо его практиковать в мирное время» [Глиноецкий Н. Заметки о полевых поездках офицеров Генерального штаба // Военный сборник. 1872. Т. 87. С. 250]. Проводились полевые поездки обычно осенью. Они были учебными, когда на местности отрабатывались схемы действия и взаимодействия войск, и рекогносцировочные – для составления и исправления военно-статистических описаний. Длительность они обычно около 3-х недель. На рубеже 1880-х – 1890-х гг. состоялись 2 таких поездки в зоне ответственности Кавказского штаба. Первая из офицеров ГШ состоялась с 29 сентября по 15 октября 1889 г. и охватывала пограничную с Персией полосу Закавказья для «изучения в военно-стратегическом отношении и определения наилучшего способа обороны этой полосы» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 19573. Л. 52; Отчёт и материалы полевой поездки офицеров Генерального штаба Кавказского военного округа в 1889 году. Тифлис : Тип. канц. главнонач. гр. ч. на Кавказе, 1890. 236 с.]. Вторая состоялась осенью 1890 г. [Полевая поездка офицеров Генерального штаба Кавказского военного округа в 1890 году. Тифлис: Типография штаба Кавказского военного округа, 1891. 254 с.; Материалы полевой поездки офицеров Генерального штаба Кавказского военного округа в 1890 году. Тифлис: Тип. штаба Кавк. воен. окр., 1891. 326 с.], а затем – в 1892, 1896 и 1900 гг. [Отчёт и материалы полевой поездки офицеров Генерального штаба Кавказского военного округа в 1892 году. Тифлис: Тип. канц. главнонач. гр. ч. на Кавказе, 1894. [1]+II+96 с.; Отчёт и материалы полевой поездки офицеров Генерального штаба Кавказского военного округа в 1896 году: (Исследование Эриванского театра военных действий). Тифлис : Тип. канц. главнонач. гр. ч. на Кавказе, 1897. V+42 с.; Отчёт и материалы полевой поездки офицеров Генерального штаба Кавказского военного округа в 1900 году. Тифлис, 1901. 933 с.]. Рекогносцировки путей сообщения театра возможных боевых действий вообще использовались военными для составления и обновления планов военных действий. Русских офицеров в Иране интересовали дороги с наступательной точки зрения – для быстрого занятия центральных городов – Тегерана, Тебриза, Мешхеда, Астрабада – в случае войны. Материалами этих рекогносцировок активно стали с 1890-х гг. пользоваться для продвижения русских торговых товаров в северные районы Персии, а затем и дальше. Исследование В.К. Бельгарда должно было связать описания Азербайджанской провинции (зона ответственности Кавказского военного округа) с описаниями Хорасанской провинции (в ведении штаба Закаспийской области) – на тот момент наиболее значимых для российской военной разведки областей Ирана.

¹⁹⁹⁵ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 47.

¹⁹⁹⁶ Там же. С. 48.

¹⁹⁹⁷ Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860–1914. Очерки истории частного предпринимательства. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1991. С. 88–92.

государственными. Поэтому начинания Л.С. Полякова нашли поддержку со стороны дипломатического ведомства, Военного министерства и Министерства финансов. Русский посланник добивался их осуществления, а в течение 1890-х гг. – начала 1900-х гг. «жизнеспособные» его концессии были выкуплены государством либо по настоянию Л.С. Полякова, либо под давлением со стороны чиновников¹⁹⁹⁸.

5 июня 1893 г., ещё до поездки М.Л. Томара, Л.С. Поляков при поддержке русского посланника получил для Персидского страхового и транспортного общества концессию до 1970 г. на постройку колёсной дороги от побережья Каспийского моря первоначально до Казвина, а затем приобрёл участок дороги от Казвина до Тегерана с парвом взимать пошлины на протяжении всей дороги¹⁹⁹⁹. Для осуществления концессии было создано «общество Энзели-Тегеранской дороги»²⁰⁰⁰. Не смотря на неудобства Энзелийского порта²⁰⁰¹, он оставался единственно пригодным портом и для военных, и для торговых целей. Каспийское море военными России рассматривалось как наиболее оптимальный коммуникационный путь для обеспечения наступления на главный город Ирана. Тем более, что именно отсюда шли кратчайшие пути к Тегерану. Соответственно, этими же соображениями руководствовались в Петербурге, развивая новую экономическую политику. Чаще всего используемым из путей сообщения был путь от Энзели на лодках до деревни Пир-Базар, оттуда к Решту по шоссе, а из Решта через Казвин до Тегерана²⁰⁰². Из 5-ти дорог он был самым длинным, но самым обеспеченным. Судя по тому, что в разных источниках относительно концессии говорится то о шоссе, то о колёсной дороге²⁰⁰³, первоначально вопрос о том, что из

¹⁹⁹⁸ Там же. С. 89. Вполне возможно, что в Петербурге использовали предприятия Л.С. Полякова, как и других коммерсантов, в качестве прикрытия, не желая афишировать участие государства в иранских концессиях.

¹⁹⁹⁹ Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 236.

²⁰⁰⁰ Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг: (По материалам Учётно-ссудного банка Персии). Л: Наука, 1975. С. 14–15; Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 236; Новая история Ирана. Хрестоматия. М.: Наука, 1988. С. 147; Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 140. Вслед за тем был приобретён участок дороги для ее продолжения от Казвина до Тегерана. Интересно, что текст концессии на русском языке, насколько нам известно, до сих пор не опубликован.

²⁰⁰¹ Обзор Кавказско-персидского театра военных действий. Составлен при штабе Кавказского военного округа. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1899. С. 59.

²⁰⁰² Там же. С. 59–63, 67. Именно этим часто пользовались русские инструкторы, приехавшие в столицу и уезжавшие из Тегерана и имено его предполагалось использовать в качестве главного в случае войны. Хотя дорога Гассанабад–Валиабад–Шарестанек, предназначенная для поездок шаха, была короче, но поскольку здесь не было условий для продвижения большого отряда войск, её предполагали использовать в качестве второстепенной или для движения самостоятельного летучего отряда при необходимости быстро занять Тегеран [Там же. С. 65–66].

²⁰⁰³ Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг: (По материалам Учётно-ссудного банка Персии). Л: Наука, 1975. С. 14–15; Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 140.

себя должен был представлять указанный путь, оставался открытым. Министерство путей сообщения командировало для исследований своих инженеров, а по поручению Л.С. Полякова (не без решения военного начальства) Северный Иран посетил штабс-капитан Глиноецкий²⁰⁰⁴. Они определили основное направление дороги, а Глиноецкий составил приблизительную смету расходов. Причём, судя по всему, планировалась ими прокладка шоссе – отсюда и отмеченные разногласия в литературе. М.П. Томар при ближайшем знакомстве забраковал и отдельные намеченные участки дороги, и вообще идею шоссейной линии, исходя из экономических соображений²⁰⁰⁵. В 1895 г. А.Н. Куропаткин сообщал: «летом сего года концессии кончается срок, но к работам ещё не приступлено»²⁰⁰⁶. Колёсное сообщение на участке Энзели–Казвин было открыто лишь в 1899 г.²⁰⁰⁷, после того, как через Министерство финансов концессия была продлена на несколько изменённых условиях.

Однако изучение местностей, где должны были проходить важные со стратегической точки зрения дороги, было начато штабом Кавказского военного округа задолго до получения права на их постройку. Такой подход свидетельствует, что за новой концессией стояло русское правительство. Это было отчасти новшеством во внешней политике империи Романовых относительно своего южного соседа. В ближайшие годы такая ситуация станет закономерной. Относительно самой концессии существуют некоторые неясности, разъяснение которых, возможно, сможет детализировать историю русско-иранских отношений начала 1890-х гг. Как указывал Ф. Казем-заде, вопрос о постройке шоссе, соединившего бы Тегеран с российской границей, был поднят в октябре 1891 г. министром финансов И.А. Вышнеградским²⁰⁰⁸. Здесь же указанный автор отмечал, что «тем временем Лазарь Поляков получил право строить дорогу между Тегераном, Тебризом и Джульфой на русской границе с веткой от Тебриза до Борруджерда и Хамадана. Он

²⁰⁰⁴ Томар М.Л. Экономическое положение Персии: Отчёт командированного в 1893–1894 гг. в Персию для исследования положения русско-персидской торговли. СПб.: Типография В. Киришбаума, 1896. С. 64–65.

²⁰⁰⁵ Там же. С. 65–66.

²⁰⁰⁶ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 48.

²⁰⁰⁷ Там же. С. 48.

²⁰⁰⁸ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 224.

также получил право держать два парохода на озере Урмии»²⁰⁰⁹. Объяснялось это тем, что Джульфа рассматривалась военными наиболее удобным пунктом наступления к Тегерану дорогой Джульфа–Тебриз–Тегеран, тогда, как другие носили лишь вспомогательный характер²⁰¹⁰. Не смотря на то, что историк приводил отдельные статьи договора, не совсем понятно, о каком именно соглашении идёт речь. Из существующих источников и литературы известно, что первую концессию на прокладку шоссейного пути русские получили в 1893 г.²⁰¹¹. Отсутствие точной даты у Ф. Казем-заде затрудняет датировку его сведений, хотя косвенно можно говорить об осени 1891 г. Не совсем также ясно, какую именно и почему позицию занимал Петербург относительно этого соглашения. Из работы американского историка становится очевидным, что Е.К. Бюцов и кавказское начальство были за развитие строительства, однако проблема заключалась в его финансировании и противодействии Л.С. Полякову со стороны правительства и «кавказской и торговой пароходных компаний» на Каспийском море²⁰¹². В итоге, борьба завершилась в пользу Л.С. Полякова в июне 1893 г.²⁰¹³. Тем не менее, она не повлияла на изменение главной задачи – дорогу в любом случае должны были построить. Вопрос состоял в том, кто именно и на каких условиях. Свидетельством тому является работа офицеров и топографов Кавказского военного округа, которые при изучении рассматриваемого района особое внимание в период между 1889–1893 гг. обращали на возможные маршруты для шоссейных дорог. Помимо военно-стратегического значения дорог от русской границы к центральным городам Ирана (о чём будет сказано ниже), у Министерства иностранных дел России имелись и другие соображения. В сжатом виде они были изложены в инструкции новому посланнику в 1904 г., когда старые и новые концессии (полученные после 1895 г.) были приобретены российским правительством. «Придавая особое значение всей совокупности дорожной и транспортной деятельности нашей не только в силу непосредственных экономических для нас выгод, но и с политической точки зрения,

²⁰⁰⁹ Там же.

²⁰¹⁰ Обзор Кавказско-персидского театра военных действий. Составлен при штабе Кавказского военного округа. Тифлис: Типография канцелярии Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе, 1899. С. 39.

²⁰¹¹ История Ирана. М.: Изд-во Московского ун-та, 1977. С. 260.

²⁰¹² Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 224.

²⁰¹³ Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг: (По материалам Учётно-ссудного банка Персии). Л: Наука, 1975. С. 88.

– отмечалось в ней, – как средству удовлетворения насущных потребностей местного населения и борьбы с наветами англичан, возлагающих на нас ответственность за отсутствие железных дорог в Персии, поручаю постоянному вниманию вашему всяческое содействие означенной деятельности, а также надзор за правильным развитием оной, ибо серьезные упущения в этом деле могут лишь самым нежелательным образом отразиться на престиже русского имени и не должны быть ничем оправдываемы ввиду жертв, приносимых нашей казной»²⁰¹⁴.

Маршрутные работы, выполненные В.К. Бельгардом в апреле 1893 г., имели также военно-стратегическую цель. Их описания, изданные в 1895 г., свидетельствуют о том, что на Кавказе готовили планы возможного вмешательства в персидские дела в случае смерти шаха, а также для планирования войны на Кавказско-персидском театре. Это не значит, что таких планов не разрабатывалось ранее. Но новая активизация по их созданию и активная разведывательная деятельность, связанная с ними, вписывались (совпали или были непосредственно вызваны – нуждается в дальнейшем уточнении) в изменения политики относительно Ирана, инициированные С.Ю. Витте. «Известно, что в Персии ни одно восшествие на престол не происходило без довольно продолжительных беспорядков и народных волнений, – писал В.К. Бельгард. – Нет сомнения также и в том, что со стороны двух сыновей шаха принцев Зелл ос-Солтане и Наиб ос-Солтане могут быть обнаружены стремления захватить престол, пользуясь отсутствием валиат а, избранника России»²⁰¹⁵. В России действительно опасались такого развития событий²⁰¹⁶. Поскольку по традиции персидские дела входили в зону ответственности кавказского начальства, то естественно, что именно в Тифлисе в первую очередь были обеспокоены реализацией планов по поддержанию восшествия на иранский престол дружественно настроенного России наследника. Главной опасностью была, судя по всему, потеря Тегерана. Поэтому разработки В.К. Бельгарда и маршруты,

²⁰¹⁴ Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны // Красный архив, № 4 (53). 1932. С. 34–35.

²⁰¹⁵ Бельгард. Описания и маршруты путей Тегеран – Шерестанек – Валиабад – Бауде-Саре – Чаулус; Саре-Чаулус – Саринкала – Махмудабад – Мешедессер; Энзели – Решт – Казвин и Казвин–Тегеран ротмистра Бельгарда // СМА. 1895. Вып. 62. С. 265.

²⁰¹⁶ Так, в инструкции 1887 г. Н.С. Долгорукову министр иностранных дел указывал, что «Проживающий в Тебризе Мозаффарэддин-мирза не отличается ни способностями, ни твёрдостью характера, но возлагает свои упования на Российское Императорское правительство и, следовательно, всегда будет готов в точности следовать нашим советам и указаниям. Так как валиад управляет Азербайджаном, пограничным с Кавказом, в случае необходимости мы будем иметь возможность оказать ему действительную поддержку» [Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 135].

исследованные и описанные им, имели одну цель: утвердить власть нового правителя. Поскольку двор валиат а находился в Тебризе, откуда до Тегерана нужно было ещё добраться, то цель эта могла быть достигнута либо контролем над столицей, либо посылкой в Персию «летучего» русского отряда, либо совмещением этих двух вариантов. ПКБ в указанных планах отводилось значительное место²⁰¹⁷. Ещё в февральской инструкции российскому посланнику Н.С. Долгорукову указывалось, что «Положение принца Камран-мирзы Наиб ос-Солтане выгодно в том отношении, что, живя в Тегеране, он быстрее может захватить весьма значительное личное состояние шаха и, благодаря этому, составить около себя партию. Но Тегеран, в свою очередь, может подвергнуться нападению и с севера и с юга»²⁰¹⁸. Поскольку В.К. Бельгард ратовал за комплексное использование бригады и «летучего» отряда²⁰¹⁹), который должен был возможно быстрее подойти к Тегерану, ПКБ предполагалось использовать для захвата дворца и казны. Её численный состав и моральные качества вряд ли позволяли надеяться на захват контроля над городом²⁰²⁰. Отрабатывая маршруты от российской границы к Тегерану, ротмистр имел задачу, прежде всего, определить возможности в наиболее короткий срок перебросить русский отряд к столице Персии в случае военных действий или сложностей с передачей шахского престола²⁰²¹. «При условии посылки русского

²⁰¹⁷ Какое именно – сказать сложно, поскольку записка В.К. Бельгарда о роли ПКБ в случае смерти шаха, поданная в штаб Кавказского военного округа, нами не обнаружена. Однако в 1896 г. фактически силами ПКБ было обеспечено восхождение на престол Мозаффарэдина [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 87–90]. А в начале 1900-х гг., в связи с ухудшением его здоровья, Миссия в соглашении с Заведующим выработала меры, которые должны были быть приняты в случае смерти шаха для возведения на престол валиата – Мохаммедали-мирзы [Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны // Красный архив, № 4 (53). 1932. С. 19].

²⁰¹⁸ Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 135.

²⁰¹⁹ «В составе сначала бригады кавалерии с горной батареей, дополненного затем бригадой пехоты» [Бельгард. Общее описание пути Тегеран – Шерестанек – Валиабад – Бауде-Саре – Чаулус // СМА. 1895. Вып. 62. С. 263–264].

²⁰²⁰ Нужно заметить, что в 1896 г. В.А. Косоговский, реорганизовавший к тому времени ПКБ, опираясь исключительно на «казаков» сумел бескровно и бесппроблемно обеспечить переход власти к Мозаффарэдину. Таким образом, идеи, зародившиеся (или получившие развитие) в начале 1890-х гг. им были реализованы в полной мере. Но достигнуто это было совершенно иной по численности, организации, управлению и моральному духу бригадой, в чём огромная заслуга её командира. С этого времени ПКБ стала опорой законной иранской власти и, заодно – инструментом поддержания русского влияния. Так, в 1903 г. (или в первой половине 1904 г.) в связи с полученными сведениями о состоянии здоровья шаха русская Миссия выработала совместно с новым командиром бригады полковником ГШ Фёдором Григорьевичем Чернозубовым «те меры, которые должны быть приняты на случай смерти Музаффарэдина в видах беспрепятственного перехода власти к валиату – Мохаммаду Али-мирзе» [Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны // Красный архив, № 4 (53). 1932. С. 19]. В период персидской революции ПКБ, возглавляемая уже полковником ГШ Владимиром Платоновичем Ляховым, снова отстаивала интересы России в Иране, поддержав Мохаммедали-шаха [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 134–175].

²⁰²¹ К слову, такая переброска впоследствии была частично реализована во время персидской революции 1905–1911 гг. [Нетесов А. Миротворческая миссия за Араксом Как русские войска нормализовали обстановку в Персии в начале XX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nvo.ng.ru/history/2009-07-03/12_persia.html; Стрелянов

летучего отряда, – писал он, характеризуя путь Тегеран – Шерестанек – Валиабад – Бауде – Саре – Чаулус, – по исследуемому пути, отряд этот прибудет к стенам Тегерана ранее валиат а, или, в худшем случае, одновременно с ним, и тогда наследник вступит в столицу в сопровождении русских войск. Наконец, задача, которую может взять на себя персидская казачья бригада, обучаемая русскими офицерами, во время беспорядков, которые последуют в Тегеране после кончины шаха, в высшей степени облегчится с появлением под стенами столицы русского летучего отряда»²⁰²².

Исходя из того, что посылка В.К. Бельгарда и его задания инициировались кавказским начальством, можно предположить с большой долей уверенности, что именно на Кавказе родилась идея о преобразовании ПКБ в реальную боевую единицу в русских руках. Получил ли сам В.К. Бельгард какие-либо указания на этот счёт – нам неизвестно. Но его исследования и записка о роли бригады в случае смены шаха не были личной инициативой офицера (хотя личностный фактор в планировании, конечно, присутствовал), а выполнялись им по заданию штаба Кавказского военного округа. Однозначно можно утверждать, что указанную задачу должен был реализовать сменивший ротмистра в 1894 г. В.А. Косооговский. Роль же ротмистра должна была свестись к «разведке» и восстановлению шахского расположения к части. Вполне возможно, что именно на основании работы В.К. Бельгарда решение об усилении ПКБ и передаче её целиком в русские руки окончательно «кристаллизовалось», логическим завершением чего стали назначение в 1894 г. В.А. Косооговского и события мая 1895 г., речь о которых пойдёт ниже. То, что в получении должности ротмистру покровительствовал начальник Военно-учёного комитета Главного штаба, как нам кажется, свидетельствовало о том, что в Петербурге были заинтересованы в получении возможно точных сведений о состоянии дел в ПКБ²⁰²³. Было ли это напрямую связано с новыми веяниями в

(Калабухов) П.Н. Неизвестный поход: казаки в Персии в 1909–1914 гг. М.: Рейтгар, 2001. 72 с.; Стрелянов (Калабухов) П.Н. Казаки в Персии 1909–1918 гг. М.: Центрполиграф, 2007. 448 с.].

²⁰²² Бельгард. Общее описание пути Тегеран – Шерестанек – Валиабад – Бауде-Срае – Чаулус // СМА. 1895. Вып. 62. С. 265.

²⁰²³ Подтверждением этому служат рапорты В.К. Бельгарда Ф.А. Фельдману, а также то, что уже в декабре он составил записку о состоянии бригады, а также дислокацию персидской армии с обозначением списочного и наличного числа чинов каждой части и имён командиров отдельных частей со сведениями о количестве и роде артиллерийских орудий, ружей. На основании этих сведений в 1894 г. была составлена статья о вооружённых силах Каджарской монархии в ежегодно издававшемся справочнике российского военного ведомства [Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1894. С. 799–800].

политике царского правительства относительно Ирана и с какой целью нужна была эта информация – пока ответить сложно. Хотя точно можно сказать, что Военное министерство нуждалось в постоянном притоке информации об Иране (впрочем, как и о других странах), которая должна была служить выработке как военно-стратегических, так и политико-экономических решений²⁰²⁴.

В.К. Бельгард успешно выполнил поставленные перед ним задачи по разведке местности, предоставив свои наработки в штаб округа²⁰²⁵. Возможно, именно поэтому его прибытие задержалось. Ротмистр попал в ПКБ только в мае. 18 мая вступил во временное командование ею²⁰²⁶. Полковник Н.Я. Шнеур убыл в отпуск в Россию, а В.К. Бельгарду было приказано его замещать²⁰²⁷.

Судя по изученным нами документам, российское начальство не планировало возвращение Н.Я. Шнеура, хотя командиром ПКБ он продолжал числиться²⁰²⁸. Кроме того, решено было сэкономить и на одном инструкторе. Место К.Н. Блюмера, заведывавшего артиллерийской частью ПКБ, осталось вакантным. Вместе с ним были отозваны и другие обер-офицеры ещё кто-то из обер-офицеров. Но кто именно – нам установить не удалось. В итоге, в бригаде осталось два офицера – ротмистр В.К. Бельгард и подьесаул А.Ф. Рафалович.

Ротмистр, исходя из положения, сделал ревизию дел во вверенной ему части. Итог был неутешителен. «Тяжёлым бременем, – писал он Ф.А. Фельдману, – лежит прошлогодний дефицит около 13 000 туманов, в числе этих денег частям бригады не было уплачено жалование за прошлый год»²⁰²⁹. Как видим, пояснения Н.Я. Шнеура по пункту 6 шахской инструкции, несмотря на начало с марта нового календарного года в Персии, остались лишь благими пожеланиями. Правда, как отмечал В.К. Бельгард, «бригада получает деньги, хотя всегда неаккуратно, но в конце-

²⁰²⁴ Вопросы конкретного военного планирования были сосредоточены на Кавказе.

²⁰²⁵ Бельгард. Общее описание пути Тегеран – Шерестанек – Валиабад – Бауде – Саре – Чаулус // СМА. 1895. Вып. 62. С. 256–265; Бельгард. Маршрут № 1. Тегеран – Шерестанек – Валиабад – Бауде – Саре – Чаулус // СМА. 1895. Вып. 62. С. 266–279; Бельгард. Маршрут № 2. Саре – Чаулус – Саринкала – Махмудабад – Мешедессер // СМА. 1895. Вып. 62. С. 280–287; Бельгард. Маршрут № 1. Энзели – Решт – Казвин // СМА. 1895. Вып. 62. С. 288–298; Бельгард. Краткое общее описание маршрута № 2, от Казвина до Тегерана // СМА. 1895. Вып. 62. С. 299–301; Бельгард. Маршрут № 2. Казвин – Тегеран // СМА. 1895. Вып. 62. С. 302–305.

²⁰²⁶ Бельгард Владимир Карлович // Список генералам по старшинству. Составлен по 1 июля 1908 года. СПб.: Военная типография, 1908. С. 831.

²⁰²⁷ РГВИА. Ф. 406. Д. 46. Л. 109.

²⁰²⁸ Отчисление Н.Я. Шнеура от должности произошло в июне, а сам процесс этот растянулся до осени 1893 г. Как ни парадоксально это выглядит, но контракт, заключённый на его имя в 1892 г., продолжал действовать и после смерти Н.Я. Шнеура 23 декабря 1894 г.

²⁰²⁹ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 109.

концов всегда получает. Остальные же части персидской армии получают жалование фактически в неопределённые сроки»²⁰³⁰.

Руководствуясь приказаниями кавказского начальства, ротмистр произвёл существенные изменения в финансовой отчётности бригады, переведя её на русские образцы. За основу был взят отчётный месяц, а не определённые (точнее, исходя из реалий, неопределённые) промежутки времени. Кроме того, в штаб Кавказского округа В.К. Бельгардом были переданы итоги приблизительных расходов по различным отделам за время его командования ПКБ с 18 мая до 1 июня²⁰³¹. Введение русской финансовой отчётности смело можно назвать началом нового этапа в развитии ПКБ. Не зря впоследствии одной из заслуг В.К. Бельгарда за время его службы в Иране было на первом месте названо «заведение русской отчётности по хозяйству бригады»²⁰³². Это был очередной шаг в превращении её из персидской части, возглавляемой российскими инструкторами, в «русскую» часть персидских вооружённых сил. Вплоть до середины 1890-х гг. этот процесс шёл спонтанно, не смотря на рекомендации А.И. Домонтовича. Политикой он станет лишь при следующем Заведующем.

Кроме того, одним из первых шагов В.К. Бельгарда стала проверка состояния чинов ПКБ. В первой половине января Н.Я. Шнеур подал военному министру смету в 82 000 туманов, исходя из которой должна была определяться списочная и наличная численность чинов ПКБ. В.А. Косоховский указывал, что «число казаков было показано фиктивно в 500. На самом деле в Тегеране было всего около 300, из коих 170 конных»²⁰³³. Цифры эти нуждаются в уточнении. По соглашению в ПКБ полагалось иметь налицо «150 офицеров, 142 пенсионера, 27 нижних чинов трубаческого хора, 55 артиллеристов, 18 пеших, 21 вольнонаёмных и 200 строевых казаков», то есть, не считая пенсионеров, 471 офицера и нижних чинов. Остальных людей «недостающих до определённой условием численности, положено содержать в постоянном отпуску на половинном жаловании»²⁰³⁴. «По контракту этого года, – доносил В.К. Бельгард в Военно-учёный комитет Главного штаба, – численный

²⁰³⁰ Там же. Л. 110.

²⁰³¹ Там же. Л. 109.

²⁰³² Там же. Д. 47. Л. 68.

²⁰³³ Косоховский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 394.

²⁰³⁴ Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1894. С. 799.

состав бригады уменьшен до 200 строевых казаков», всего же насчитывалось 294 строевых чина²⁰³⁵. «Кроме того, – отмечал ротмистр, – на постоянном жаловании тут находятся 173 офицера из которых около 40 конных»²⁰³⁶. Реальный состав ПКБ продемонстрировал шахский смотр 28 мая 1893 г. «Все выходили очень охотно²⁰³⁷, – сообщал В.К. Бельгард, – поэтому на эти цифры следует смотреть как на максимум того, что может дать бригада». На смотре было 122 «казака», 36 артиллеристов, 23 «трубача» (музыканта) и 70 офицеров, то есть общей сложностью 251 «конных чинов»²⁰³⁸.

Шах остался доволен смотром и, видимо, это сориентировало дальнейшую деятельность В.К. Бельгарда. В условиях недочёта личного состава, слабой дисциплины, недостатка финансовых средств ротмистр пошёл по наиболее верному для Персии пути, за который его критиковал впоследствии его сменщик В.А. Косоховский. Он «занялся обучением наличных конных казаков, обращая главное внимание на показную сторону дела: прохождение церемониальным маршем, джигитовку, прыгание через барьер и рубку чучел»²⁰³⁹. Как отмечалось в переписке штаба Кавказского военного округа с Главным штабом, В.К. Бельгард «в короткое время привёл бригаду в блестящее, с персидской точки зрения, состояние ... Он развил молодцеватость в людях порученной ему части, улучшил их строй и поднял их дух, что тот час же отразилось на внешнем виде бригады»²⁰⁴⁰. В специальной литературе указывалось, что с 1893 г. «казаки» стали нести полицейские функции в районе резиденции шаха и военного министра, сменив на этом «посту» «команду иррегулярной конницы»²⁰⁴¹. Поскольку для сохранения и упрочения ПКБ нужно было произвести впечатление на персидского правителя, ротмистр занялся в обучении бригады тем, что больше всего любил Насреддин-шах – улучшением её внешнего вида во всех отношениях. Результат не замедлил сказаться. «Улучшения эти вызвали изменения настроения шаха по отношению к

²⁰³⁵ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 110.

²⁰³⁶ Там же. Л. 110.

²⁰³⁷ Что неудивительно, поскольку смотр был реальным шансом проявить себя и заслужить какую-либо милость от правителя.

²⁰³⁸ Там же.

²⁰³⁹ Косоховский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 394.

²⁰⁴⁰ РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 2–3.

²⁰⁴¹ Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1895. С. 705–706.

бригаде»²⁰⁴² После летнего смотра он «пришёл в восторг» и решил увеличить количество человек в бригаде до 1 000²⁰⁴³. В.К. Бельгардом, по приказу шаха, была составлена и предоставлена правителю Каджарской империи смета расходов сверх бюджета из расчёта роста численности части. Однако, до 1894 г. вопрос так и не сдвинулся с места.

Тем не менее, деятельность В.К. Бельгарда в конце весны – лета 1893 г., не смотря на во многом показной характер её результатов, действительно имела успех. Французский поверенный в делах сообщал своему правительству, что это единственный эксперимент с иностранными военными инструкторами, которые добились видимого успеха²⁰⁴⁴. Доверие шаха к русским инструкторам было восстановлено, ПКБ сохранена. Кроме того, работа ротмистра проходила в курсе политики, проводившейся в Персии Е.К. Бюцовым. Укрепление русского влияния за счёт ослабления британского любыми средствами – так можно её охарактеризовать²⁰⁴⁵. Именно от него исходили и поддержка В.К. Бельгарда на его новом посту и новые инициативы относительно ПКБ.

В конце июля – августе 1893 г. барон Е.К. Бюцов высоко отзывался о деятельности ротмистра на посту Заведующего. Он ходатайствовал перед Военным министерством и кавказским начальством об оставлении В.К. Бельгарда исполнять должность «с тем, чтобы окончательное его назначение было отсрочено на 9 месяцев или на год, а содержание, причитающееся за это время Заведующему, обращено на пополнение недочёта по содержанию бригады»²⁰⁴⁶. Е.К. Бюцов апеллировал к тому, что «расстройство денежных дел бригады вызывает необходимость изыскивать способы соблюдать возможную экономию в расходовании средств». Поэтому предлагал отложить возвращение полковника ГШ Н.Я. Шнеура (или его преемника) из отпуска в Тегеран, а ротмистра оставить

²⁰⁴² Там же. Л. 3.

²⁰⁴³ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1901. Д. 481. Л. 6.

²⁰⁴⁴ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 139.

²⁰⁴⁵ Вообще, Е.К. Бюцов – «чопорно натянутый» человек, как охарактеризовал его В.Н. Ламсдорф [Ламсдорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М.: Международные отношения, 1991. С. 65] – одна из многих недооцененных фигур российской дипломатии. Его деятельность в Иране практически не изучена (больше известна его работа на Дальнем Востоке. См.: Кириченко О.Б. Е.К. Бюцов на службе у дипломатичних установах Російської імперії в Японії // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. 2012. № 6 (241). С. 37–48. Здесь же содержится список литературы о Е.К. Бюцове), хотя именно он заложил основы для усиления русского влияния в этой стране с конца XIX в.

²⁰⁴⁶ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Св. 1335. 1893. Д. 43. Л. 13–15.

руководить ПКБ «впредь до полного восстановления порядка в денежных делах бригады»²⁰⁴⁷. Дальнейшие события показали, что причин такой просьбы было несколько. Во-первых, финансовое положение русской военной миссии было действительно неважным. Поэтому экономия средств предложенным способом могла быть полезна. К тому же это могло закрепить благорасположение скупого до жадности Насреддин-шаха к «русскому делу». Очевидно также, что Е.К. Бюцов нашёл в В.К. Бельгарде хорошего помощника в исполнении своих планов относительно укрепления влияния России при шахском дворе – старательного, исполнительного, без лишней инициативы.

Рекомендации посланника были уважены. Вопрос о возвращении Н.Я. Шнеура был снят окончательно – в ноябре 1893 г. он был назначен командиром 100-го пехотного Островского полка²⁰⁴⁸. Ротмистр остался исполнять должность Заведующего. Судя по его донесениям и другим документам, хранящимся в РГВИА, делал он это старательно, хотя энтузиазм его был направлен, скорее, на достижение внешнего эффекта.

К началу декабря 1893 г., судя по рапорту ротмистра управляющему делами Военно-ученого комитета Главного штаба от 9 декабря, состав ПКБ был следующим²⁰⁴⁹:

Название частей	По списку				Налицо				
	<i>офицеров</i>	<i>нижних чинов</i>		<i>трубачей</i>	<i>офицеров</i>		<i>нижних чинов</i>		<i>трубачей</i>
		всего	конных		всего	конных	всего	конных	
Трубаческий хор	7	–	–	34	7	7	–	–	34
Гвардейский эскадрон	11	57	37	–	5	4	42	27	–
1-й полк	51	143	83	–	42	26	89	52	–
2-й полк	33	130	94	–	25	21	79	57	–
3-й полк	47	143	109	–	37	24	82	54	–
ИТОГО	149	473	323	34	116	82	292	190	34
	656				442				
Батарея	9	56	56	–	8	–	55	55	–

²⁰⁴⁷ Там же. Л. 15.

²⁰⁴⁸ Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 273.

²⁰⁴⁹ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1901. Д. 481. Л. 5.

В.К. Бельгард отмечал, что 22 офицера и 41 «казак» находились в командировках, а остальные из числившихся по списку – в постоянных отпусках на половинном жаловании. «Из офицеров, – сообщал он, – 23 в строю и 7 в трубаческом хоре. Из годных к службе офицеров в этом году сформирован офицерский эскадрон в 86 человек. Безлошадным офицерам выдаются на учение казённые лошади, коих в бригаде 68. Трубачи на казённых лошадях по положению. Все остальные чины – на собственных. При третьем полку состоят 110 человек пенсионеров, получающих наследственное мухаджирское жалование. 1/3 их – инвалиды, а 2/3 – женщины и дети (вдовы и сироты) умерших на службе мухаджиров ... Казачья бригада вооружена четырьмя русскими пушками и состоит из 8 офицеров, 55 нижних чинов, 67 лошадей»²⁰⁵⁰.

Как видно из рапорта, надежды Н.Я. Шнеура разрешить проблемы ПКБ новым соглашением с шахом реализованы до конца не были. Несмотря на сокращение численного состава и, отчасти, упорядочения финансовых дел, по-прежнему сохранялись старые недостатки. Среди них можно выделить «мухаджирский вопрос», наличие «мёртвых душ» в бригаде, переизбыток офицеров, недостаток лошадей и финансов. Достаточно сказать, что из 712 чинов бригады налицо имелось только 505. Но даже эту цифру нужно воспринимать осторожно, поскольку реально в строй В.К. Бельгард мог вывести не более 200 человек. Остальные находились в отпусках на половинном жаловании. В этих условиях естественным было стремление ротмистра к улучшению внешнего эффекта от вверенной ему части, особенно учитывая то, что высшее начальство не поощряло её качественного развития. В этом он явно достиг успеха. Свидетельством тому служат не только донесения посланника и восторги Насреддин-шаха, но и то, что «казаков» постоянно использовали для различного рода командировок по стране. Они представлялись (да, видимо, и были) наиболее надёжным воинским контингентом персидской армии. Ещё одним доказательством популярности ПКБ было формирование офицерами бригады по казачьему образцу четырёх отрядов: в Тебризе из 100 человек по штату, в Мешхеде – из 100 человек, в Кирмане – из 200 штатных, в Исфахане – из 400 человек. Как сообщал В.К. Бельгард, «они содержатся в

²⁰⁵⁰ Там же. Л. 6–7.

половинном составе и находятся в распоряжении: в Тебризе и Исфахане – сыновей шаха (валиат а и Зелл ос-Солтане), в Хорасане и Кирмане – губернаторов»²⁰⁵¹.

В начале 1894 г. положение ПКБ оставалось по-прежнему двойственным. Над бригадой висел дефицит, оставшийся от Н.Я. Шнеура. За год пребывания на посту исполняющего обязанности командира ПКБ, ротмистр сократил его с 13 073 до 10 160 туманов. Однако за тот же год он вынужден был израсходовать 11 890 туманов на содержание «лишних людей и лошадей»²⁰⁵². Сам В.К. Бельгард позже, отчитываясь перед русским начальством, писал, что за год им было сделано экономии около 15 000 туманов. Однако «лишние люди» «съели» почти 12 000 из него²⁰⁵³. В результате, вместо возможности погасить дефицит и сделать ещё 2 000 туманов экономии, бюджет бригады снова оказался с долгами. Ситуация осложнялась также нерегулярными выплатами из казначейства. Хотя существовал дестихат от 5 декабря 1892 г. и новое соглашение января 1893 г., начисление денег в бригадный бюджет оставалось в зависимости от сопутствующих обстоятельств – наличия средств в государственной казне, желания шаха, военного министра. В результате задержек ротмистр вынужден был содержать значительное число «казаков» в отпуску на половинном жаловании. Сменивший его В.А. Косоховский, не слишком ещё разобравшись во «внутренней кухне» ПКБ, писал в рапорте посланнику от 19 августа 1894 г.: «из 762 человек, считая 110 пенсионеров, с которыми 872 человека ... мне было сдано 18 мая 1894 г. всего 175 конных, из коих вполне годных к кавалерийской службе оказалось только 112 человек». К тому же за время командования ротмистра было загнано и пало 47 лошадей²⁰⁵⁴. Возмущение полковника было справедливым, но лишь при незнании условий существования ПКБ. В дальнейшем он сам будет выкручиваться из подобных ситуаций и на своей шкуре почувствует положение В.К. Бельгарда.

А ситуация для ротмистра действительно была сложной. Не имея реальной власти Заведующего, при постоянном недофинансировании и враждебном отношении персидского военного министра, при отсутствии достаточного количества

²⁰⁵¹ Там же. Л. 6.

²⁰⁵² РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 111.

²⁰⁵³ Там же.

²⁰⁵⁴ Там же. Л. 40.

боеприпасов и изношенной материальной части, он должен был делать вид, что ПКБ не только существует, но и представляет собой реальную силу. И, как уже отмечалось, В.К. Бельгард, не без поддержки Е.К. Бюцова, сумел этого добиться. Внешний эффект от бригады не вызывал сомнения. Ротмистр выкручивался из финансовых неурядиц и наличными людьми производил впечатление на шаха и окружающих. Насреддин был доволен работой русского офицера, хотя вряд ли представлял, чего ему это стоило, и как реально обстояли дела в элитном подразделении персидской армии.

В.А. Косоговский обвинял В.К. Бельгарда, что тот «самовольно напроизводил офицеров и векилей». «Мне уже неловко их возвращать в первобытное состояние», – замечал он в своём дневнике²⁰⁵⁵. Однако, исходя из изложенного материала, очевидно, что несоразмерная численность офицерского состава не была виной ротмистра. Да и вызывает сомнение её рост. Летом 1893 г. В.К. Бельгард доносил, что в ПКБ насчитывалось 173 офицера, из которых лишь 40 были конными²⁰⁵⁶. А в декабре их численность сократилась до 158, причём конных было 86²⁰⁵⁷. В то же время к февралю 1899 г., то есть уже после пяти лет командования В.А. Косоговским, офицерский состав возрос до 200 человек²⁰⁵⁸. То есть тенденция продолжала сохраняться. Обвинения полковника были до некоторой степени беспочвенны, поскольку В.К. Бельгард не обладал правами Заведующего обучением персидской кавалерии. Поэтому он не мог производить «казаков» в офицеры. Что касается векилей, то здесь он действительно имел «карт бланш» и, вполне возможно, пользовался им для того, чтобы заинтересовать своих подчинённых в несении службы. Впрочем, следует помнить, что вопрос этот поднимался ещё при Н.Д. Кузьмине-Караваеве.

Из финансовых неурядиц выходить было сложнее, поскольку привыкшие к сравнительно хорошей жизни «казаки» настаивали на своевременных выплатах жалования. Кроме того, необходимо было содержать хозяйство бригады, что также требовало средств. В.К. Бельгард обеспечивал бригаду фуражом, продовольствием и прочим необходимым путём закупок у персидских торговцев. Не имея достаточных

²⁰⁵⁵ РГВИА. Ф. 76. Д. 217. Л. 417.

²⁰⁵⁶ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 110.

²⁰⁵⁷ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1901. Д. 481. Л. 5–6.

²⁰⁵⁸ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1901. Д. 515. Л. 37.

средств, он прибегал к распространённому в Иране способу торговых операций – покупал товар в долг, под вексель («тамассок»), с тем, чтобы оплачивать его после выплат из казначейства²⁰⁵⁹. Такая практика была характерна и для предыдущих командиров ПКБ да и вообще для Ирана. «Система затянутых и сокращённых платежей» преобладала во всём финансовом устройстве Каджарской монархии²⁰⁶⁰. При наличии финансов, расплачивались сразу, а при их отсутствии – по векселям. В последнем случае бюджет части проигрывал, поскольку тамассок предполагал более высокую цену плюс проценты. Однако в условиях, когда правительство не обеспечивало ПКБ необходимым, такое ведение дел было неизбежным. К тому же оно негласно поддерживалось российской миссией, поскольку заимодатели не требовали от неё засвидетельствовать долговые обязательства²⁰⁶¹. В первой трети 1894 г. ротмистр «разновременно» взял из денежного ящика бригады 720 (позже они трансформировались в 800) туманов²⁰⁶². Деньги были изъяты им с ведома заведующего хозяйственной частью ПКБ в счёт причитавшегося В.К. Бельгарду содержания и израсходованы на хозяйственные нужды. Именно эти деньги стали в дальнейшем поводом для очередного скандала и кризиса вокруг бригады, который вновь поставил её на грань существования.

6.3. Назначение в Иран В.А. Косооговского

Очередной кризис очень отчётливо отразил все особенности функционирования русской военной миссии в Иране. Вкратце его ход изложен в воспоминаниях В.А. Косооговского и работах историков²⁰⁶³. Тем не менее, события 1894 – мая 1895 гг. заслуживают пристального внимания по нескольким причинам. Во-первых, В.А. Косооговский в своих записках изложил лишь часть правды. Он откровенно

²⁰⁵⁹ Детальнее о формах торговли и ростовщичества в Иране рассматриваемого времени см.: Сеидов Р.А. Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX века (начальный этап формирования). М.: Наука, 1974. С. 58–103.

²⁰⁶⁰ Извлечение из отчёта генерал-майора Гордона о путешествии его из Тегерана на р. Карун и в г. Мохаммера через Кум, Султанабад, Буруджир, Хурешабад, Дизфуль и Ахвец // СМА. 1891. Вып. 49. С. 132.

²⁰⁶¹ РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 80. Этот факт, к слову, свидетельствует о высокой степени доверия представителей тегеранского базара к российским командирам и, соответственно, о престиже ПКБ в глазах простого населения.

²⁰⁶² Там же. Л. 90.

²⁰⁶³ Гоков О.А. Кризис в Персидской казачьей бригаде 1889–1895 гг. // Клио. 2008. № 2. С. 95–98; Косооговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 395–400; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 77–86; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада: период трансформации (1894–1903 гг.) // Восток. 2010. № 3. С. 69–79.

лукавил, скрывал неудобные факты, пытаясь представить себя единственным человеком, ратовавшим за интересы России. Во-вторых, исследователи (в том числе и мы в своих ранних работах), воспринимали его сведения не критично. В результате, офицер сформировал своего рода парадигму, которая стала доминировать в научной литературе. Интересно, что даже специально занимавшаяся проблемами ПКБ О.А. Красняк опиралась в описании кризиса не на архивные материалы (которые она обработала, судя по списку литературы), а на воспоминания В.А. Косоговского. В-третьих, материалы РГВИА дают возможность увидеть упомянутые события в совершенно ином свете и полностью пересмотреть устоявшуюся точку зрения на них.

С января 1894 г. в высших кругах России, связанных с внешней политикой относительно Персии, развернулось своеобразное соревнование. На кону стояла должность Заведующего обучением персидской кавалерии. 17 января датируется первая известная записка (к сожалению, без подписи) начальнику Главного штаба Н.Н. Обручеву. В ней отмечалось, что В.К. Бельгард на своём посту вполне справился с поставленными задачами, «привёл бригаду в блестящее с персидской точки зрения состояние», добился этим благорасположения к ПКБ со стороны шаха. По мнению автора записки, ротмистра необходимо было оставить командиром бригады. Однако загвоздка заключалась в том, что Насреддин-шах требовал на пост Заведующего штаб-офицера. Поскольку В.К. Бельгард окончил АГШ (хотя и по второму разряду, но имел высшее военное образование), безымянный корреспондент предлагал произвести в следующий чин и сделать официально начальником «казачей» части ²⁰⁶⁴.

Видимо, решение возратить в ПКБ официального Заведующего в начале года было принято окончательно. Вопрос был в том, кто должен им стать. Судя по имеющимся документам, начальник Главного штаба был против оставления ротмистра. В этом он был не одинок. Решающим стало мнение кавказского начальства. Главнначальствующий гражданской частью на Кавказе, а по совместительству командующий войсками Кавказского военного округа и войсковой атаман Кавказских казачьих войск, генерал-лейтенант С.А. Шереметев

²⁰⁶⁴ РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 2–4.

выступил против назначения своего бывшего протеже. К сожалению, с чем был связан такой поворот в его отношении к ротмистру, сказать сложно. Нам кажется, что формальные причины, изложенные в документах, не дают ответ на этот вопрос. В феврале 1894 г. С.А. Шереметев ответил Н.Н. Обручеву на его запрос. Он хорошо характеризовал В.К. Бельгарда как человека, но отмечал, что тот не является штаб-офицером, молод, специально не подготовлен (не знает языка, страны, её вооружённых сил). Интересно, что данные недостатки не брались во внимание при назначении ротмистра. К тому же вопрос о специальной подготовке выглядит сомнительным. В.К. Бельгард вначале действительно не знал персидского языка и страны. Но этот недостаток был характерен для многих предыдущих офицеров-инструкторов. За год, проведённый в Иране, он ознакомился не только с его особенностями, но частично освоил язык и изучил армию. Об этом свидетельствуют его работы, предоставленные в Главный штаб и донесения посланника в Тегеране. Тем не менее, С.А. Шереметев настаивал на назначении другого офицера. Из двух кандидатур – офицеров ГШ полковника Руткевича и подполковника В.А. Косоговского – он ходатайствовал за второго. Кавказский начальник особо отмечал, что подполковник владел несколькими иностранными языками (в особенности – персидским и «азербайджанским наречием» татарского), «ознакомился со страной по описаниям и во время неоднократных поездок своих в Персию»²⁰⁶⁵. С.А. Шереметев просил сделать Заведующим В.А. Косоговского при сохранении В.К. Бельгарда в бригаде в качестве инструктора²⁰⁶⁶.

Здесь следует особо остановиться на тезисах, предложенных О.И. Красняк. Характеризуя деятельность ротмистра, она, опираясь, видимо, на мнение В.К. Косоговского, оценивала её исключительно негативно. По мнению исследовательницы, ПКБ при нём пришла в окончательный упадок. «Чётко осознавая пошатнувшееся положение бригады, кавказское начальство, как нам представляется, оправдывало неумелое управление ротмистра Бельгарда его

²⁰⁶⁵ Вполне возможно, что навыки языковой подготовки В.А. Косоговский получил у сотрудника Отдела ГШ переводчика коллежского ассесора мирзы Шерифа Мирзаева. «Все, отправлявшиеся в Персию или Турцию, учились у него», – вспоминал К.Н. Смирнов [Смирнов К.Н. «Интеллидженс» Кавказского фронта в период 1878–1918 годов // Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 191].

²⁰⁶⁶ РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 6–8.

молодостью и неопытностью», – констатировала она²⁰⁶⁷. Однако, приведенный нами материал явно показывает, что упадок бригады начался не при В.К. Бельгарде. Ротмистр, напротив, сумел сохранить вверенную ему часть и завоевать благорасположение шаха. Другое дело, что высшему руководству империи Романовых не нужна была боеспособная персидская армия. Задача ПКБ заключалась в том, чтобы «застолбить место», не допустив английских инструкторов, и поддерживать в шахе расположение к России через внешний эффект, производимый бригадой. Утверждение О.А. Красняк, что при ротмистре «существенно снизился уровень боевой подготовки личного состава» вообще не соответствует действительности. На уровень этот обращал внимание лишь первый Заведующий. Для остальных же более важным моментом было умение бригады держать строй, джигитовать, рубить, выглядеть по-молодецки и т.п. Такая позиция объяснялась политикой российского правительства, для которого ПКБ была лишь «инструментом влияния», призванным крепче привязать Насреддин-шаха к интересам России. К тому же бригада испытывала постоянный недостаток в боеприпасах и вооружении. Так, бригадная батарея не проводила учений со стрельбой боевыми снарядами с 1883 по 1898 гг. «из-за невозможности пополнения» ими²⁰⁶⁸. По поводу обучения стрельбе из винтовок писалось выше. К тому же ружейный фонд не обновлялся с 1879 г. В результате, к 1899 г. из 600 «берданок» в наличии оставалось 548. Из них, в свою очередь, 291 были негодны, 46 могли «служить в крайности», 20 находились в починке и также считались негодными. 100 винтовок находились на руках «казаков», находившихся в командировках вне Тегерана. А им, как писали инструктора, «обычно в большинстве случаев выдаются ружья из числа худших». Оставалось 90 «более-менее годных, но сильно изношенных»²⁰⁶⁹. Поэтому командиры ПКБ вынуждены были обращать особое внимание на строевую подготовку подчинённых в ущерб боевой, и В.К. Бельгард не составлял исключение.

Не ставя под сомнение утверждение, что «чётко осознавая пошатнувшееся положение бригады, кавказское начальство ... тщательно подошло к выбору

²⁰⁶⁷ Красняк О.А. Русская военная миссия в Иране (1879–1917 гг.) как инструмент внешнеполитического влияния России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Krasniak.pdf. С. 5; Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 82.

²⁰⁶⁸ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1899. Д. 61/№173-259. Л. 38.

²⁰⁶⁹ Там же. Л. 20.

кандидата на должность инструктора – главы русской военной миссии», со второй его частью согласиться полностью нельзя²⁰⁷⁰. Историк, видимо, перефразировав выдержку из вышеприведенного документа, констатировала следующее: «офицеры Генштаба готовились к столь ответственной должности путем изучения языка, самой страны, её вооружённых сил и др.»²⁰⁷¹. Однако характеристики предыдущих Заведующих свидетельствуют, что так было не всегда. А.И. Домонтович, П.В. Чарковский и Н.Я. Шнеур персидского языка не знали (последний выучил его в Иране, первые два общались через переводчиков; о Н.Д. Кузьмине-Караваеве сведений нет). Однотипные проблемы, с которыми сталкивался каждый новый командир ПКБ, свидетельствуют, что подготовка их к новой служебной деятельности (в том числе и знание страны, особенностей функционирования армии) была поверхностной, если не сказать больше. Классическим примером может служить Н.Я. Шнеур, до заведования никогда не сталкивавшийся с Ираном. Он был назначен с интереснейшей формулировкой: как знавший иностранные языки (китайский) и как бывший военный агент в Китае, а, следовательно, имеющий требуемый опыт для исполнения обязанностей начальника бригады и военного агента²⁰⁷². В.А. Косооговский был первым из претендентов на командование ПКБ, к кому подошли настолько щепетильно. Причины этого мы изложим ниже.

Новый претендент на должность Заведующего был человеком опытным в военной сфере и с устоявшимися взглядами. Владимир Андреевич Косооговский²⁰⁷³ происходил из дворян Новгородской губернии. Родился он 14 января 1857 г. в семье мелкопоместного дворянина. Его отец – Андрей Павлович – имел чин титулярного советника и исправлял должность валдайского уездного исправника. Изначально образование В.А. Косооговского было ориентировано на военную стезю. В 1874 г. он окончил 1-ю Московскую военную гимназию, откуда был выпущен юнкером в 3-е

²⁰⁷⁰ К слову сдругой современный историк также ошибочно утверждал, что «русское правительство было осторожным в выборе командиров для бригады, выбирая людей с военными и дипломатическими навыками» [Ward S.R. *Immortal: a military history of Iran and its armed forces*. Washington: Georgetown University Press, 2009. P. 84]. Это правило стало характерным (да и то не всегда), только с В.А. Косооговского.

²⁰⁷¹ Красняк О.А. Русская военная миссия в Иране (1879–1917 гг.) как инструмент внешнеполитического влияния России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Krasniak.pdf. С. 5; Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 82.

²⁰⁷² РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 17.

²⁰⁷³ Встречаются и другие варианты написания фамилии: Касаоговский, Коссаоговский, Косаковский, Коссиковский, Косооговский.

военное александровское училище. С этого момента началась его военная служба. В июле 1875 г. В.А. Косоховский был переведён в Николаевское кавалерийское училище, по окончании которого в августе 1876 г. был произведён в корнеты и зачислен в 12-й гусарский (с 18 августа 1882 г. – 36-й драгунский) Ахтырский полк. С ним, уже в звании поручика (с мая 1877 г.) участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. За отличие в сражении под Трастеником (14 ноября 1877 г.) был награждён орденом Святой Анны 4-й степени «За храбрость» (в 1878 г.). В начале 1879 г. В.А. Косоховский был прикомандирован к Санкт-Петербургской крепостной артиллерии «для испытания по службе и перевода впоследствии». В 1881 г. он выдержал экзамен в Николаевскую академию ГШ, в которую был зачислен 8 октября. По неизвестной причине в апреле 1882 г. он был откомандирован обратно в свой полк, чтобы в конце того же года вновь вернуться в высшее учебное заведение, в младший класс²⁰⁷⁴. Дальнейшее получение высшего военного образования прошло без проблем. В 1884 г. В.А. Косоховский был произведён в штаб-ротмистры, а в марте 1885 г. «за успехи в науках» – в ротмистры. Окончив Академию в том же году по первому разряду, он был назначен в Кавказский военный округ и зачислен в ГШ «с переименованием в капитаны». Сначала В.А. Косоховский исполнял должность старшего адъютанта штаба 2-й Кавказской казачьей дивизии. Часть эта охраняла персидско-русскую границу от Каспийского моря до горы Арарат. Здесь В.А. Косоховский прослужил 4 года. В сентябре 1888 г. для годичного командования (положенного для каждого выпускника Академии) был прикомандирован к 22-му драгунскому Астраханскому полку (находился в городе Измаил на Дунае), где командовал эскадром. В этом же году был награждён орденом святого Станислава 3-й степени. Сдав эскадрон в декабре 1889 г. 12-го того же месяца был назначен офицером для поручений при штабе Кавказского военного округа. Скорее всего, именно с этого времени началась его деятельность как разведчика (разведка была одной из должностных обязанностей²⁰⁷⁵). Но своего непосредственного начальника – генерал-майора ГШ (с

²⁰⁷⁴ В Академии того времени существовало три класса, соответствовавших годам обучения. В первых двух – Младшем и Стершем – учились по году. Третий был полугодовым и предполагал самостоятельную работу офицера [Гоков О.А. Подготовка офицеров в Академии Генерального штаба в России (1856–1914 гг.) // *Canadian American Slavic Studies*. 2005. Vol. 39. № 23. P. 146].

²⁰⁷⁵ Газенкамф М. Устройство и служба русского Генерального штаба. СПб.: Типография штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1886. С. 18.

1890 г. – генерал-лейтенанта ГШ) А.С. Зеленого – он характеризовал нелестно. «Этот мой новый начальник, – писал В.А. Косооговский, – ... имел в себе военного разве что мундир». Несмотря на хорошие отношения между офицерами, капитан отмечал, что определённых ответов от А.С. Зеленого добиться было нельзя, он любил загребать жар чужими руками, оттирал подчинённых ²⁰⁷⁶.

В апреле 1890 г. В.А. Косооговский был произведён в подполковники ГШ и перемещён на должность штаб-офицера для особых поручений при командующем войсками Семиреченской области (на тот момент, с 1882 г., область находилась в составе Омского военного округа, на границе с Китаем; перемещение, скорее всего, было связано с выполнением какого-то разведывательного задания). Однако в том же году, в мае, вновь был возвращён в Кавказский военный округ штаб-офицером для поручений ²⁰⁷⁷. На этой должности он находился вплоть до своего назначения в Персию. В 1892 г. был награждён орденом святой Анны 3-й степени.

К 37-ми годам мировоззренческие установки В.А. Косооговского в основном сформировались. Они определялись его воспитанием и принадлежностью к военной среде. По политическим убеждениям он был монархистом. По идеологическим – близок к националистически настроенным консерваторам. Кроме того, подполковник сочетал в себе лучшие качества российского офицерства той эпохи – повышенное чувство долга, преданность царю и отечеству, понятие о чести офицера. В отличие от предыдущих Заведующих, В.А. Косооговский был холост и этой своей «привычке» не изменил до конца жизни. Посвятив себя полностью военной службе и службе отечеству, он считал, что такое положение идёт только на пользу дела. В одном из своих более поздних рапортов начальству, В.А. Косооговский особо отмечал, что назначать в Персию инструкторами нужно офицеров и урядников, не обременённых «многочисленными семействами» ²⁰⁷⁸. Отчасти он действительно был прав. В его положении семья под боком только мешала и создавала дополнительные заботы, отвлекая от прямых обязанностей и увеличивая расходы. Хотя отсутствие за спиной надёжного «тыла» впоследствии очень сказалось на его душевном состоянии. «Женский вопрос» в бумагах

²⁰⁷⁶ РГВИА. Ф. 76. Д. 217. Л. 220.

²⁰⁷⁷ РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 11–12; Список генералам по старшинству. Сост. по 1-е янв. 1904 г. СПб.: Военная типография, 1904. С. 1145; Яковлева Н.П. Владимир Андреевич Косооговский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://valdaytravel.narod.ru/Kosagovskii.htm>; <http://regiment.ru/bio/K/343.htm>.

²⁰⁷⁸ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1901. Д. 515. Л. 260 а.

В.А. Косооговского вообще как-то обойден стороной, что заставляет задуматься об одностороннем и несколько ущербном воспитании. Тем не менее, родители, особенно мать – Любовь Ивановна (до замужества Герасимова), имели в его жизни большое значение.

Мировоззрение В.А. Косооговского сформировалось под влиянием той «волны», которая после 1856 г. охватила часть российского общества и больших размеров достигла при Александре III и Николае II²⁰⁷⁹. «Перед нами наглядный парадокс консервативного национализма, заключающийся в том, что для присвоения господствующей западноевропейской националистической доктрины российская монархия должна была демонстрировать себя как монархию неевропейскую, родившуюся в русле верований и традиций, укоренённых в русском народе», – отмечал особенность идеологической доктрины, оформившейся в качестве государственной при Александре III²⁰⁸⁰. Культивация русского национализма плюс отстаивание интересов империи Романовых в ущерб другим народам и общеевропейским делам соответственно были отличительными её чертами²⁰⁸¹. Рассуждения В.А. Косооговского в своих дневниках и письмах о том, что «русскую политику на Востоке» должны осуществлять «русские» были следствием процессов, активно происходивших в правление Александра III, когда, в частности, «“подлинно русское” происхождение становится важным фактором при назначении на высшие должности»²⁰⁸². Культурные взгляды такого рода были прямым следствием увлечённостью Европой, характерной для XVIII и отчасти начала XIX вв., когда европейское бездумно воспринималось и копировалось, как идеальное. С одной стороны, это порождало европоцентризм и стремление стать европейцами. С другой же стороны, отношение в Европе (особенно Западной) к русским как к людям «второго сорта», а к империи Романовых – как к какому-то монстру, стремящемуся к постоянным захватам (особенно проявившееся в годы Крымской войны 1853–1856 гг.), породило в России значительный слой общества, который, восприняв европейские культурные ценности, стал на позиции отстаивания собственной

²⁰⁷⁹ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2004. Т. 2. С. 225–704.

²⁰⁸⁰ Там же. С. 226.

²⁰⁸¹ Не смотря на кажущуюся убедительность доводов консервативных националистов и относительную стройность их доктрины, именно превращение России из космополитичной империи в «русскую» стало одной из главнейших причин её распада.

²⁰⁸² Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М.: НЛЮ, 2006. С. 72.

идентичности и своего пути развития. Его представители получили название «русской партии»²⁰⁸³. В военной среде яркими образчиками этого слоя были М.Д. Скобелев²⁰⁸⁴, А.Н. Куропаткин²⁰⁸⁵, Н.П. Игнатъев²⁰⁸⁶, Н.М. Пржевальский²⁰⁸⁷. В эту же когорту можно отнести и В.А. Косоговского.

Русский национализм сочетался в нём с патриотизмом. Его имперское мировоззрение было проникнуто духом непринятия всего иностранного в России. В.А. Косоговский разделял ставшие популярными при Александре III взгляды, ярко выраженные в работе А.Н. Куропаткина «Задачи русской армии», вышедшей в 1910 г. под характерным заголовком «Россия для русских»²⁰⁸⁸. Делая главный акцент на «русском народе», её автор отмечал характерные, по его мнению, черты «русского племени»: «глубокая вера, преданность царю и любовь к Родине». А далее, критикуя «западные влияния», распространившиеся в империи Романовых с начала XIX в., отмечал: «Пользуясь временным ослаблением русского племени, инородцы и иноземцы перешли в XIX веке в наступление на русское племя и ныне теснят его во всех видах деятельности. Богатства России уходят из русских рук»²⁰⁸⁹. В.А. Косоговский также считал, что в русском государстве первенствующее положение необходимо занимать русским. Они же должны формировать и проводить русскую политику. Поэтому он отрицательно и даже враждебно относился к иностранцам на русской службе и вообще к россиянам с нерусскими

²⁰⁸³ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2004. Т. 2. С. 225–704. Об особенностях формирования наций у восточных славян см.: Миллер А.И. Формирование наций у восточных славян в XIX в. – проблема альтернативности и сравнительно-исторического контекста. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://lib.znate.ru/docs/index-109957.html?page=2>.

²⁰⁸⁴ Воронцов С.Л. М.Д. Скобелев и военные действия русской армии в Средней Азии во второй половине XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2001. 304 с.; Глущенко Е.А. Герои империи. Портреты российских колониальных деятелей. М.: XXI век – Согласие, 2001. С. 204–343; Глущенко Е.А. Строители империй. Портреты колониальных деятелей. М.: XXI век – Согласие, 2000. С. 177–290; Гусаров В.И. Генерал М.Д. Скобелев. Легендарная слава и несбывшиеся надежды. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 345 с.; Костин Б.А. Скобелев. М.: Патриот, 1990. 175 с.; Немирович-Данченко В.И. Скобелев. М.: Воениздат, 1993. 287 с.

²⁰⁸⁵ Белозерова О.А. Государственная и военная деятельность А.Н. Куропаткина накануне и в период русско-японской войны: 1903–1905 гг. Дис. ... кандидата исторических наук. СПб., 2015. 353 с.; Белоконь И.В. Политические идеи и военно-государственная деятельность А.Н. Куропаткина. Автореферат дис. ... кандидата ист. наук. Омск, 2012. 22 с.; Сапрыкин Р.В. А.Н. Куропаткин: Жизнь. Деятельность. Личность. Дисс. ... канд ист наук. М., 2003. 220 с.

²⁰⁸⁶ Канева К. Рыцарь Балкан. Граф Н.П. Игнатъев. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 523 с.; Хевролина В.М. Николай Павлович Игнатъев. М.: Квадрига, 2009. 392 с.

²⁰⁸⁷ Дубровин Н.Ф. Николай Михайлович Пржевальский. Биографический очерк. СПб.: Военная типография, 1890. 686 с.; Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу. Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 39–69; Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Несостоявшийся Кортес: имперские амбиции Николая Пржевальского // Родина. 2002. № 6. С. 36–40; Хмельницкий С.И. Пржевальский (1839–1888) Л.: Молодая гвардия, 1950. 420 с.

²⁰⁸⁸ Куропаткин А.Н. Задачи Русской армии. СПб.: Склад В.А. Березовского, 1910. Т. 1. III+565 с.; Т. 2. 526 с.; Т. 3. 435 с.

²⁰⁸⁹ Куропаткин А.Н. Задачи Русской армии. СПб.: Склад В.А. Березовского, 1910. Т. 1. С. II.

фамилиями²⁰⁹⁰. В 1876 г. Александр III (тогда ещё просто цесаревич) в одном из своих писем к матери очень резко выразился в сторону министра финансов Михаила Христофоровича Рейтерна, говорившего, что не может найти денег на войну с Турцией. «И это называется русский министр финансов, понимающий интересы и достоинство России, да к чёрту этого поганого немца. Слава богу, найдётся на матушке России из 80 000 000 жителей хотя один министр финансов настоящий!», – писал он²⁰⁹¹. Точно таких же убеждений придерживался и наш герой.

В.А. Косоговского можно смело причислить к новой генерации офицеров ГШ, появления которой было обусловлено изменениями в социально-экономической и политической жизни, менталитете населения европейских государств последней трети XIX в. Её представителей отличали высокий профессионализм и стремление обеспечить именно национальную безопасность, а не только интересы династии²⁰⁹². Это, правда не означало, что такие офицеры не были монархистами по своим воззрениям. Однако на первое место в их ценностях выходит служение отечеству, России, а царь воспринимался как глава государства и его олицетворение. Внешнеполитические взгляды В.А. Косоговского тоже носили ярковыраженный империалистический характер. Будучи сторонником империи как наилучшей формы организации пространства, он принадлежал к когорте людей, которых сейчас принято называть «ястребами». В свете вышеизложенного, не случайно, что он быстро нашёл общий язык с А.Н. Куропаткиным, который в дальнейшем оказывал ему постоянную поддержку. Г.М. Петров был отчасти прав, говоря, что «полковник Косоговский был одним из тех царских колонизаторов, от которых народы Ирана были освобождены только в результате Великой Октябрьской социалистической революции»²⁰⁹³. Хотя согласиться с мнением о его авантюризме²⁰⁹⁴ очень сложно.

²⁰⁹⁰ Парадокс заключался в том, что род Косоговских происходил из Польши. Один из предков нашего героя переселился в русские пределы примерно в XVII в. [Генерал и его смерть [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://forum.svrt.ru/index.php?showtopic=1563&mode=threaded&pid=21633>; Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга: В 2 т. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1895. Т. 1. С. 283–287, 450]. Правда, в «Ономастиконе Веселовского» указывается, что фамилия Касаговский фиксируется в Новгороде с конца XV в. [Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974. 382 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arc.familyspace.ru/onom/Касаговский>].

²⁰⁹¹ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2004. Т. 2. С. 259.

²⁰⁹² Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо...». Запад и военная элита России. 1900–1914 гг. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2001. С. 48.

²⁰⁹³ Петров Г.М. Предисловие // Из тегеранского дневника полковника В.А. Косоговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 4.

Будучи сторонником активной внешней политики на Востоке (особенно в противовес англичанам), В.А. Косоговский придерживался мысли, что российские представители должны жёстко отстаивать интересы своего государства. В качестве аналогии он акцентировал внимание на действиях англичан. Относительно Персии В.А. Косоговский разделял мнение части политической и военной элиты империи о необходимости русского доминирования в этой стране и жёсткого противостояния Англии. Исходя из этого представления, он делал всё, чтобы подчинить Иран российскому влиянию.

Существовало ли у него цивилизаторское предубеждение относительно страны своего нового назначения и её населения сказать сложно. Вне всякого сомнения, идеи «отсталости Востока» и «цивилизаторской миссии России», которые (особенно последняя²⁰⁹⁵) стали символом новой «восточной» политики при двух последних императорах из династии Романовых, он разделял. Но в более поздних документах, принадлежащих перу В.А. Косоговского пренебрежение имперского типа можно встретить лишь по отношению к персидской верхушке. В целом, страну и людей он воспринимал вполне адекватно. Однако в личностных оценках иранских сановников внутреннее предубеждение всё-таки присутствовало. Как правило, характеристика того или иного лица прямо зависела от того, какую позицию оно занимало относительно России и самого В.А. Косоговского, как защитника её интересов.

За время последующей службы в Персии проявилась ещё одна черта личности В.А. Косоговского – бескомпромиссность²⁰⁹⁶. Она и помогала ему, и вредила. Его

²⁰⁹⁴ Генерал и его смерть [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://forum.svrt.ru/index.php?showtopic=1563&mode=threaded&pid=21633>.

²⁰⁹⁵ Символичной в этом смысле стала поездка цесаревича Николая по странам Востока в 1890–1891 гг. [Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 25–38; Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2004. Т. 2. С. 438–449; Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891. СПб. – Лейпциг: Ф.А. Брокгауз, 1893–1897. Т. 1. Ч. 1–2, 1893. 242+4+230+1 с.; Т. 2. Ч. 3–4. 1895. 228+247+2 с.; Т. 3. Ч. 5–6. 1897. 69+160+225+2 с.].

²⁰⁹⁶ Персидский этап жизни В.А. Косоговского интересно описан в работе Н.К. Тер-Оганова [Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 127–134], а также в воспоминаниях бывшего в начале XX в. членом разведывательного отделения Кавказского военного округа полковника К.Н. Смирнова. Последние, правда, как и многие заметки В.А. Косоговского, имеют несколько тенденциозный характер. В частности, К.Н. Смирнов указывал, что рапорты Заведующего были насыщены всякими небылицами, а их автор казался некомпетентным [Смирнов К.Н. «Интеллидженс» Кавказского фронта в период 1878–1918 годов // Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing,

бескомпромиссность не означала, что офицер не мог понять чужую позицию. Однако происходило это тяжело. К людям, не разделявшим его убеждений или действовавшим вопреки им, В.А. Косооговский относился негативно. Особенно это касалось дипломатических представителей России в Тегеране. Болея за дело, подполковник пристрастно оценивал тех, кто, по его мнению, действовал в ущерб русским интересам, вопреки представлениям В.А. Косооговского о том, что важно и что нужно для их успешного обеспечения. Будучи слабо осведомлён о задачах, которые ставило им Министерство иностранных дел, он старался продавливать собственные идеи, иногда даже вопреки мнению тех, кому был непосредственно подчинён. В результате, это вызывало конфликты на личностном уровне. Дипломаты считали, что не вправе раскрывать все «виды правительства» своему подчинённому, а тот, соответственно, обвинял их в игнорировании интересов России. К тому же активность В.А. Косооговского в Персии, рост его популярности при дворе также играли в этих противостояниях немалую роль. Обыкновенная человеческая зависть, задетое тем, что Заведующий пытался стать в один уровень с главой дипмиссии, честолюбие, – эти факторы обостряли отношения. У В.А. Косооговского недовольство российскими посланниками и их окружением было обусловлено также этнической составляющей. И Е.К. Бюцов, и сменивший его в июле 1897 г. К.М. Аргиропуло, были нерусскими по этническому происхождению.

К указанным качествам, присущим В.А. Косооговскому, следует добавить обострённое чувство профессионального долга, достаточный уровень командирского мастерства и способности военного агента в широком смысле слова. При всей своей импульсивности, он был прям и деятелен. «Слабее было по части Персии, которую тогда, хотя и не без основания, в серьёз не принимали и вообще относились в духе «Хаджи-Бабы»²⁰⁹⁷, каковое настроение поддерживалось в Отделе ГШ писаниями Косооговского, – писал К.Н. Смирнов, – а Косооговский составил себе в Тегеране известность своим самодурством, чудачествами и бесцеремонными распоряжениями персидскими средствами, в то же время проявляя

2015. С. 133]. Знакомство с работами В.А. Косооговского позволяет сделать вывод скорее не о его некомпетентности, сколько о презрении к стране и её высшим классам, и соответственно, к армии. Высоким был у В.А. Косооговского и уровень самовосхваления. Практически во всех его работах подчёркивается роль в тех или иных событиях автора, и затушёывается, либо же превратно подаётся мнение других.

²⁰⁹⁷ Герой известного романа Джеймса Морьера [Морьер Д. Похождения Хаджи Бабы из Исфaghана. М.: Художественная литература, 1970. 416 с.].

неоправдываемую теми временами трусливость (аж на втором этаже у него окна были с решётками) и не пускался в серьёзные обследования страны»²⁰⁹⁸. Не смотря на опыт разведработы в Иране²⁰⁹⁹, с особенностями внутренней персидской жизни будущий Заведующий был знаком лишь поверхностно. Опыт пришёл со временем. Это подтверждают как его деятельность в первый год на новой должности, так и собственные рассуждения в конце 1890-х гг.²¹⁰⁰. Однако в вышеприведённой зарисовке большая часть информации не соответствовала действительности, на что обратил внимание и её публикатор Н.К. Тер-Оганов. «Здесь автор несомненно грешит, писал он, – за время работы в Иране Косоховским и его агентурной разведкой было собрано большое количество разнообразного материала военно-политического характера»²¹⁰¹. О том, что В.А. Косоховского ценили, по крайней мере, в Петербурге, свидетельствует то, что в конце 1890-х, когда заканчивался второй срок его пребывания на посту Заведующего, и он хотел покинуть Иран по состоянию здоровья, именно военный министр настоял на том, чтобы В.А. Косоховский остался на третий срок. Тем не менее, из указанных воспоминаний видно, что своим характером и манерой поведения В.А. Косоховский оставил среди сослуживцев по штабу округа не лучшие впечатления²¹⁰². Достаточно сказать, что в вышеприведённой цитате правды очень мало, а то, что близко к истине, касается личностных качеств офицера. В.А. Косоховский действительно был импульсивным человеком, отчасти даже самодуром, с большим самомнением и желанием играть значительную роль в русской политике и истории. Однако упрёки в трусости и небрежении собственными обязанностями абсолютно не соответствуют действительности. В.А. Косоховский был лично смелым и активным офицером. С

²⁰⁹⁸ Смирнов К.Н. «Интеллидженс» Кавказского фронта в период 1878–1918 годов // Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 171–172.

²⁰⁹⁹ Известна минимум одна его опубликованная работа по Персии [Косоховский. Прибрежное пространство между таможеню Астара, городом Энзели и горами (персидская провинция Гилян) // СМА. 1891. Вып. 49. С. 42–59].

²¹⁰⁰ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1901. Д. 515. Л. 170, 259.

²¹⁰¹ Смирнов К.Н. «Интеллидженс» Кавказского фронта в период 1878–1918 годов // Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 171–172. Это ценное замечание, поскольку сам Н.К. Тер-Оганов в своих работах показал, что В.А. Косоховский в Персии проявил себя как профессионал высокого уровня, хотя и ему, конечно, были присущи недостатки.

²¹⁰² Интересно, что в своих воспоминаниях К.Н. Смирнов был также бескомпромиссен к В.А. Косоховскому, как и тот – в своих записках и письмах по отношению ко многим своим товарищам и тем, с кем ему приходилось служить вместе.

задачами командования ПКБ и «военной агентурой» он справлялся так, как ни один из Заведующих ни до, ни после него. Достаточно посмотреть список его работ по Ирану²¹⁰³, не считая большого количества рапортов в штаб округа о состоянии дел в Иране и персидской армии, чтобы понять, что негласным военным агентом он был отличным. Не мог человек, заложивший своё имение, чтобы спасти ПКБ от финансового кризиса во второй половине 1890-х гг.²¹⁰⁴, быть нечистым на руку за счёт бюджета вверенного ему соединения. С обвинением К.Н. Смирнова и П. Бабича в великодержавном презрении²¹⁰⁵ в целом можно согласиться. В.А. Косооговский действительно с пренебрежением относился к персидскому высшему классу, невысоко ставил армию. Вообще, по меткому замечанию П. Бабича, описывал он Иран и его жизнь в духе стереотипного ориентализма²¹⁰⁶. Но эти взгляды сформировались в нём не только из-за общего «климата» «цивилизационного превосходства» и «культурной миссии европейцев», господствовавших тогда над умами части высших кругов Российской империи образованного общества, но и под влиянием окружавшей его действительности²¹⁰⁷. Ведь при Мозаффарэдин-шахе

²¹⁰³ В основном, не опубликованных. Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 года. Биобиблиографический словарь. М., Восточная литература, 2005. С. 126–127; Дневник ген. В.А. Косооговского. 1899–1909 гг. // РГВИА. Д. 217. 315 л.; Статьи о Персии // Там же. Д. 371. 130 л.; Воспоминания // Там же. Д. 591; Вооружённые силы Персии // Там же. Ф. 76. Д. 378. 503 л.; 128 л. Интересный анализ его личностных взглядов содержится в работе Babich P. A Russian officer in Persian Cossack Brigade: Vladimir Andreevich Kosagovskii. Budapest: CEU, 2014. 84 p. Правда, в ней, к сожалению, отсутствует изучение временной динамики развития взглядов В.А. Косооговского на Иран и политику России относительно этой страны. В то же время П. Бабич очень убедительно доказал, что помимо прочего, В.А. Косооговским двигал и научный энтузиазм – он увлёкся Персией и стремился открыть её не только для себя, но и для российского читателя [Ibid. P.75].

²¹⁰⁴ При этом, он должен был нести ещё и немалые представительские расходы, проживая в Иране [Ломницкий, С. Персия и персы. Эскизы и очерки С.Ломницкого (Рэджэп). 1898-1899-1900 гг. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1902. С. 150].

²¹⁰⁵ Смирнов К.Н. «Интеллидженс» Кавказского фронта в период 1878–1918 годов // Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 242; Babich P. A Russian officer in Persian Cossack Brigade: Vladimir Andreevich Kosagovskii. Budapest: CEU, 2014. P. 57.

²¹⁰⁶ Babich P. A Russian officer in Persian Cossack Brigade: Vladimir Andreevich Kosagovskii. Budapest: CEU, 2014. P. 75, 57. Хотя следует заметить, что «персюками» В.А. Косооговский именовал персов исходя из впечатления, которое на него произвёл их правящий класс. Об ориентализме, а также о взглядах русских подданных на Иран и иранцев см.: Кошелева Н.В. «Ориентализм» Эдварда Саида // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Минск, 15–16 апр. 2004 г. Мн: БГУ, 2004. С. 78–80; Ларин А.Б. Вчерашний враг, сегодняшний друг? Государство и армия Ирана Каджаров глазами российских военных и дипломатов до и после войны 1826–1828 годов // Война и оружие Новые исследования и материалы Труды Четвертой международной научно-практической конференции. СПб.: ВИМАИВи ВС, 2003. Ч. 3. С. 3–17; Саид Э. Культура и империализм. СПб.: Владимир Даль, 2012. 734 с.; Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006. 639 с.; Andreeva E. Russia and Iran in the Great Game: Travelogues and Orientalism London-New York: Routledge. 289 p.

²¹⁰⁷ Классическим примером, иллюстрирующим это понятие, является лозунг Британской империи – «Commerce, Cristianity, Civilization» – «Торговля, христианство, цивилизация» [Сергеев Е.Ю. «Большая игра» России и Великобритании в Центральной и Восточной Азии (вторая половина XIX – начало XX века) // Новая и новейшая история. 2011. № 3. С. 85]. Главенствующим здесь был экономический принцип, которому подчинялись 2 остальных. Искажённое христианское учение дополнялось евроцентристским понятием цивилизации. В рассматриваемое время

страна шла к катастрофе, а у её руля находились люди, заботившиеся исключительно о своих интересах²¹⁰⁸. То же касалось и вооружённых сил, к концу XIX в. не представлявших из себя никакой боеспособной силы. В.А. Косоговский был энтузиастом своего дела – как в политической, так и в военной, и в исследовательской сферах. В Иране он оказался на своём месте. Главной своей задачей он видел продвижение и укрепление русского влияния в Стране льва и солнца. Им была выработана программа действий, ориентированная на британско-индийский образец. Она включала в себя создание широкой разведывательной сети на основе ПКБ, на её же основе – формирование армии нового для Ирана типа, продвижение позитивного образа России в Иране, оказание влияния на ведущих представителей правящих кругов страны. Эту политику он именовал «бескровным завоеванием» (см. по аналогии современную политику «мягкой силы»²¹⁰⁹). Концом всей этой работы В.А. Косоговский видел превращение Ирана в зависимое от России государство, в колонию²¹¹⁰. А ПКБ, по его мнению, должна была служить главным орудием в «завоевании» Ирана. Именно своей энергией и напористостью В.А. Косоговский добился для русского влияния в Иране очень многого: ПКБ была

под цивилизацией понимали «состояние народа, которого он достиг благодаря развитию общности, жизни обществом, и которое характеризуется удалением от первоначальной простоты и дикости, улучшением материальной обстановки и общественных отношений и высоким развитием духовной стороны» [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz/>].

²¹⁰⁸ Шитов Г.В. Персия под властью последних каджаров. Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1933. 230 с.

²¹⁰⁹ Бондаренко А.В. «Мягкая сила» и «управляемый хаос» – инструменты современной мировой политики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2014/10/20/1099151960/Тема%20%20Мягкая%20сила.Pdf>; Конюхович Ю. «Мягкая сила» во внешней политике Соединенных Штатов Америки (в годы президентства Дж. Буша младшего) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mgimo.ru/upload/docs_3/konuhevich_USA-Bush.pdf.

²¹¹⁰ По мнению П. Бабича, В.А. Косоговский предполагал последним этапом ввод российских войск и превращение Ирана в страну по типу английских доминионов (фактически независимое государство в составе Британской империи (ныне – в составе Британского Содружества), признающее главой государства британского монарха, представленного в доминионе генерал-губернатором) [Babich P. A Russian officer in Persian Cossack Brigade: Vladimir Andreevich Kosagovskii. Budapest: CEU, 2014. P. 76–77]. Сам В.А. Косоговский считал, что Россия должна взять в свои руки контроль над Ираном, чтобы ни одно важное событие не происходило без русского участия. Сделать она это должна бескровным путём – привлечением на свою сторону народных масс с учётом особенностей социальной психологии [Ibid. P. 70–71]. Таким образом, В.А. Косоговский планировал вытеснить английское влияние из Ирана и превратить страну в негласный протекторат (впрочем, если того потребуют обстоятельства, она допускала превращение её в зависимую страну де-юре). Фразу В.А. Косоговского о том, что «когда придут солдаты, все (персы – О.Г.) уже должны быть готовы к этому» П. Бабич трактует как военное подчинение страны. Нам же кажется, что в данном случае имелось в виду сделать Персию союзницей России на случай войны с Великобританией не только через правительство, но и добиться поддержки населения, чтобы в случае вступления русских войск в Иран народ этому не противился, а напротив, поддерживал русских солдат и офицеров.

поставлена им на совершенно иной уровень и из неё впоследствии предполагалось создать новые вооружённые силы страны под руководством русских инструкторов; исключительное место он занимал среди европейцев и персидских сановников. В одном из своих рапортов, полковник ГШ В.П. Ляхов особо отметил вклад В.А. Косоговского в деле трёхкратного увеличения размера бюджета бригады и расширения её численного состава. По его замечанию, «генерал Косоговский, приняв от своего предшественника 620 всадников и бюджет в 82 000 туманов, в течение 9-летнего командования довёл штат бригады до 1 500 человек с бюджетом в 229 000 туманов, то есть увеличил штат части в два с половиной раза, а бюджет её в три раза»²¹¹¹.

«Русское влияние, проводимое начальником этой кавалерии (ПКБ – О.Г.) Косоговским, – отмечал русский публицист уже в 1897 г., когда положение ПКБ не было таким уж радужным, как в последний год царствования Насреддин-шаха, – отлично говорящим по-персидски и имеющим личный доклад у шаха, вытеснило английское из армии и уронило престиж последнего»²¹¹². С. Ломницкий, посетивший Персию летом 1898 г., отмечал, что В.А. Косоговский пользовался большой популярностью в Тегеране и у шаха²¹¹³. «Мне приходилось видеть его (В.А. Косоговского – О.Г.) среди его подчинённых и среди простонародья, – писал в 1900 г. поручик Лейб-гвардии Егерского полка Пётр Александрович Риттих о своём посещении Тегерана, – и я вынес впечатление, что он властвует над всеми, и что войска и серая толпа исполнит всё то, что он захочет»²¹¹⁴. В.А. Косоговский сумел вжиться в окружавшую его среду, приспособиться к ней, но при этом остаться самим собой. И в этом, по нашему мнению, заключался секрет его успеха. На рубеже веков британский поверенный в делах в Тегеране, секретарь Миссии Сесил Спринг-Райс оценивал проделанную В.А. Косоговским работу следующим образом. «Единственная дисциплинированная сила здесь – это 1 000 «казаков», вооружённых

²¹¹¹ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 97.

²¹¹² Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. С. 409–410.

²¹¹³ Ломницкий С. Персия и персы. Эскизы и очерки С. Ломницкого (Рэджэп). 1898-1899-1900 гг. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1902. С. 145, 148. Правда относительно симпатий в высших сферах публицист несколько заблуждался; как свидетельствуют дневники и донесения Заведующего, симпатизировали ему отнюдь не все представители шахского окружения.

²¹¹⁴ Риттих П.А. Отчёт о поездке в Персию и персидский Белуджистан в 1900 году. СПб.: Издание Военно-учёного комитета Главного штаба, 1901. Ч. 1. С. 113.

и подчиняющихся русским офицерам. Они могут взять Тебриз в один день, Мешхед – в два, Тегеран – в шесть. Если персы сделают что-нибудь к неудовольствию русских, последние двинут свои войска вперед. Мы можем только оперировать морскими портами в заливе (Персидском – О.Г.), которые влияют на их положение в гораздо меньшей степени, чем они могут угрожать столице»²¹¹⁵. О значении ПКБ и В.А. Косооговского много писал и обозреватель английской газеты Валентин Чайрол в связи с проблемой обороны Индии. По его мнению, все закончившие службу в бригаде кавалеристы направлялись затем в провинции, продолжая служить в качестве «телохранителей губернаторов, агентов российского влияния и получателей сведений, интересовавших их русских покровителей»²¹¹⁶. Английский военный атташе Генри Пико вообще считал Персидскую казачью бригаду частью русской армии²¹¹⁷. Правда, английские сведения в их фактической части следует использовать крайне осторожно. Основной тенденцией британских наблюдателей в изложении информации относительно ПКБ (да и русской политики в целом) было преувеличение возможностей противника с целью показать его агрессивные возможности в контексте обороны Индии. Так, в конце 1899 г. численность ПКБ была около 1 000 человек; главная её цель была на тот момент не в наступлении по территории Ирана с целью подчинения его русскому влиянию, а в контроле столицы государства для обеспечения русских интересов в противовес британским, а также охране порядка и династии; службу в разных районах государства проходили не окончившие службу в ПКБ, а служившие в ней «казаки», которых небольшими отрядами командировали по приказу шаха или первого министра. Они действительно были агентами влияния, но при этом В.А. Косооговский жаловался начальству, что таким образом ПКБ расплывается и ослабляется её состав в Тегеране. Однако, сведения англичан свидетельствуют, что с рекламной стороны дела В.А. Косооговский также справлялся неплохо, сумев создать у внешних наблюдателей иллюзию ПКБ как решающей силы в русских руках. Именно его стараниями, как справедливо отметил Е.Ю. Сергеев, к началу XX в. бригада превратилась в неременный атрибут персидской политической сцены,

²¹¹⁵ Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. С. 207–208.

²¹¹⁶ Там же. С. 208.

²¹¹⁷ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 98.

оставалась важнейшим рычагом давления России на шахское правительство²¹¹⁸.

Когда в период иранской революции 1905–1911 гг. под патронажем Британии в иранской прессе и парламенте была развёрнута антибригадная кампания²¹¹⁹, именно В.А. Косооговский, которого уже в Иране не было, стал одним из главных субъектов критики. Вот как описывал в своей работе Н.К. Тер-Оганов, этот процесс. В мартовском номере 1907 г. иранская газета «Тамаддон» («Цивилизация») прямо ставила вопрос о бесполезности русских военных инструкторов. Она сетовала на чрезмерные расходы, которые вынуждена была нести казна на их содержание, в то время как народ находился в бедственном положении. По утверждению газеты, деятельность бригады не принесла ожидаемых результатов, «от нее не было никакой пользы», – заключала газета. С обострением внутривосточной ситуации в Иране

²¹¹⁸ Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. С. 208. Правда, правильное говорить о В.А. Косооговском, как о рычаге давления, а не о ПКБ.

²¹¹⁹ Иранские конституционалисты собирались вывести ПКБ из-под русского контроля и подчинить её иранскому военному министру [Тер-Оганов Н. Письмо Н.Г. Гартвига К.Н. Смирнову как ценный источник для характеристики англо-русских отношений в Иране в начале XX века // Russian history. 2005. Vol. 32. № 1. P. 127]. Однако учитывая то, что их всемерно, хотя и негласно поддерживали британские представители, в России многие политики и военные, связанные с ПКБ, вполне осознавали, что в условиях латентного англо-русского противостояния в Иране по уходе русских инструкторов их место займут либо британцы, либо (при негласной поддержке английских дипломатов) военные представители третьей державы, либо немцы. Своего рода апогеем шельмования деятельности русских инструкторов, ПКБ и русской политики в Иране стал выход в свет работы Эдварда Броуна «Персидская революция» в 1910 г. (детальный разбор её см.: Иванов М.С. Иранская революция 1905–1911 годов. М.: Издательство ИМО, 1957. С. 519–525), которая и по сегодняшний день считается одной из авторитетных книг по истории революции в Иране. Опираясь «проверенными» образами России, как варвара с Востока, несущего Ирану тьму невежества и порабощения, Э.Г. Броун указывал на Англию, как единственную защитницу интересов свободы Ирана. Детище информационной войны, которая была развёрнута англичанами против России во время иранской революции, работа эта положила начало одному из новых мифов. В ней автор привёл перевод т.н. «рапортов Ляхова» (полковник ГШ Владимир Платонович Ляхов возглавлял ПКБ в 1906–1909 гг.), в штаб Кавказского военного округа, связанные с разгромом меджлиса 10 июня 1908 г. [Browne E.G. The Persian revolution of 1905–1909. Cambridge: University Press, 1910. P. 221–225; перевод на русский см. в работе Михаила Павловича Павловича (Вельтмана): Павлович М.П. Казачья бригада в Персии. (Из истории персидской контрреволюции) // Новый Восток. 1925. Кн.8/9. С. 190–193] Для достоверности поданы они были вместе с переводом настоящего контракта о найме русских инструкторов 1882 г. Историки и публицисты долгое время не подвергали сомнению эти документы и использовали их для оголтелой критики царского режима, что объяснялось как политическими пристрастиями критиков, так партийной принадлежностью [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 156–157, 165–175]. Только в 1957 г. с выходом в свет работы Михаила Сергеевича Иванова, вопрос о подлинности приведенных Э.Г. Броуном документов был снят (впрочем, в отдельных публикациях до сих пор высказываются сомнения в компетентности М.С. Иванова [Тер-Оганов Н. Поездка подполковника Генерального штаба В.П. Ляхова и штабс-капитана К.Н. Смирнова в Турцию в 1904 году // Russian History. 2006. Vol. 33. № 1. P. 109]; однако они не имеют под собой научного основания). М.С. Иванов провёл анализ «рапортов Ляхова» и сравнил их с имеющимися в РГВИА по номерам, доказав, что Э.Г. Броун пользовался подделкой [Иванов М.С. Иранская революция 1905–1911 годов. М.: Издательство ИМО, 1957. С. 523–524]. В своей последней работе Н.К. Тер-Оганов детально рассмотрел вопрос о создании и использовании «рапортов Ляхова». «Объективный, беспристрастный анализ обстоятельств публикации этих рапортов приводит нас к мысли о том, что она преследовала конкретные политические цели – компрометацию не только Персидской казачьей бригады, но и русского самодержавия как врага свободы» [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 157]. Однако он, почему-то полностью проигнорировал работу М.С. Иванова, утверждая, что «пока не будут обнаружены оригиналы так называемых «рапортов Ляхова» любое утверждение об их аутентичности можно считать бесосновательным» [Там же. С. 175]. Учитывая, что «рапорты» датированы и пронумерованы, а М.С. Иванов указал конкретные фонд и дела, где содержатся настоящие рапорты под теми же номерами, но с иными датами, достаточно просто сравнить их и вновь снять вопрос о подлинности изданной английским публицистом фальшивки. Открытым же остаётся, как детально показал Н.К. Тер-Оганов, вопрос о самих подделках, а точнее – о месте и авторе их создания.

антибригадный порыв иранской прессы нарастал. Два майских номера газеты «Тамаддон» были посвящены Персидской казачьей бригаде. В своей статье под заголовком «Иранский народ – живой или мертвый?» её автор, обращаясь к своим читателям, вопрошал: «Как это возможно, чтобы живой народ, обладающий чувством, открытыми глазами и восприятием, смотрел, как наемник, которого привезли для службы, будет управлять вопреки данному ему повелению (речь идет о командире бригады – О.Г.) и вместо службы заниматься предательством?! Не дождавшись помощи, народ замолк, пока ежедневная «Хабл ол-Матин» (персоязычная газета, издававшаяся в Калькутте) не начала этот рассказ, осветив наши глаза и сердца. Нам также стало необходимо исполнить свой долг. Генерал Косоховский, инструктор казачьей бригады, после своего приезда скрыл свои внутренние мысли и не выходил за пределы дозволенного. Но как только увидел положение Ирана и бесчувственность сановников, он без потери одной минуты приступил к осуществлению своих потаенных мыслей». Газета обвиняла полковника В.А. Косоховского в том, что тот посеял семена раздора между казаками и при помощи «самодержавного климата за короткий отрезок времени получил результат. Тех, кто не был согласен с его гнилыми мыслями, без всякого промедления и колебаний, выгнал из бригады и при помощи своих воспитанников составил ежедневные политические планы, которые затем послал за рубеж». Газета обвиняла его в разложении «казачьей» бригады. По утверждению газеты, деньги, выделяемые на содержание бригады, оседали «в карманах русских дам»?!²¹²⁰ Как правильно построенная дезинформация эта информация имела под собой реальные основания. Генерал действительно действовал в русских интересах конечно он манипулировал бригадными деньгами уж без бывшего контроля со стороны военного министра, и, наконец, он очистил ПКБ от бунтарского элемента повысив таким образом её боеспособность и целостность. Однако построены обвинения были таким образом, что не оставляли сомнения в необходимости удаления инструкторов из Ирана. А при детальном рассмотрении оказывалось, что обвинения против В.А. Косоховского были в основном надуманными²¹²¹. Так бригадные деньги он

²¹²⁰ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 139–142.

²¹²¹ Он действительно манипулировал бригадными средствами, но не для обогащения, а для того, чтобы развивалась ПКБ в условиях постоянных финансовых проблем с военным министром. В.А. Косоховский действительно отстаивал русское дело, но это и не удивительно, так как он был русским подданным, а в Иране не было у власти людей,

использовал только для нужд части, а не для русских дам, ПКБ за время его пребывания превратилась в действительно боеспособную и хорошо организованную часть. Оставляя за скобками рассуждения и нуждах народа и пр., как откровенно пропагандистские и не имеющие никакого отношения к реальности, следует заметить, что своими действиями генерал прямо способствовал укреплению государственной власти и централизации государства, а косвенно способствовал формированию и иранского национального сознания в первую очередь в среде иранских офицеров бригады, которые именно через русских инструкторов получали идеи европейской организации армии и общества. Учитывая что законной властью был монарх, сам В.А. Косооговский был монархистом (да и вообще идея монархии имела в Евразии довольно глубокие корни), обвинять В.А. Косооговского в его взглядах и поддержке шаха по меньшей мере не исторично и неправильно. Он поддерживал законный на тот момент и с его точки зрения порядок. Что до сеяния розни в ПКБ, то такое мог написать только выходец из мухаджиров, которых генерал действительно существенно приструнил, или же из тех знатных или привыкших к неповиновению «казаков» от которых Заведующий избавился в 1895 г. как от бунтовщиков. Люди эти были отнюдь не революционерами, а просто недовольными тем, что В.А. Косооговский стал вводить в бригаде дисциплину и лишил их привилегий, в том числе и «права» не подчиняться офицерам, когда им захочется. Учитывая время выхода в свет указанных статей и место издания газет не трудно догадаться, что они были инспирированы англо-индийскими властями с целью подрыва русского влияния и усиления своего. Без сомнения, руководствовался В.А. Косооговский не интересами Ирана, а интересами России. Однако, учитывая то, что он был русским офицером, и международную ситуацию вокруг Ирана, в которой протекала его деятельность, осуждать его за это, как это делали позднее иранские конституционалисты, а за ними и некоторые иранские и английские исследователи, конечно же нельзя.

заинтересованных в создании сильной регулярной армии (впрочем, не было их и среди российских высших военных, определявших действия Заведующего). Что до офицеров, то в ПКБ был сформирован костяк офицеров, мыслящих по-новому, ещё до В.А. Косооговского. Он лишь продолжил этот процесс. Но проблема для критиков заключалась в том, что ориентировались эти офицеры на Россию в своих взглядах, а не на Англию. Никаких семян раздора, В.А. Косооговский в ПКБ, конечно, не сеял. Эти семена существовали изначально в отношениях между мухаджирами и немухаджирами, знатными и бедными «казаками». К этому добавлялась ещё и слабая дисциплина среди мухаджиров. В.А. Косооговский просто использовал проблемы ПКБ в интересах усиления бригады и сделал это успешно, превратив её и в боеспособную, и в достаточно хорошо по иранским меркам, организованную воинскую часть.

И Россия, и Англия (Лондон) были заинтересованы поставить Персию под свой контроль. Но в России хорошо понимали неспособность экономическо конкурировать с «мастерской мира», поэтому предпочитали оградительную политику. В Лондоне же и в Калькутте видели цивилизаторскую миссию англичан в экономическом освоении Ирана с выгодой в первую очередь для Великобритании и под контролем Великобритании. Поэтому оградительная политика России, тормозившая расширение английских экономических и политических интересов в Иране, не могла не вызывать раздражения и обвинений в сторону России в нежелании нести цивилизацию. В этой связи нельзя полностью согласиться с мнением П. Бабича о том, что Россия не имела плана продвижения своего влияния в Иране, не стремилась превратить его в свой доминион в ближайшем будущем²¹²². Общая линия действий России в иранском вопросе была выражена ещё И.А. Зиновьевым – поставить южного соседа под российский контроль. Однако Иран был на задворках российской внешней политики, поэтому идея эта реализовывалась спорадически. Лишь с момента прихода на пост министра финансов С.Ю. Витте ситуация изменилась: появился и конкретный план, начали разрабатываться и активно реализовываться шаги, приведшие к тому, что к началу русско-японской войны 1904–1905 гг. английское влияние в Иране было сильно поколеблено.

Острее была критика со стороны Великобритании, что объяснялось раздражением политической и экономической верхушки общества, тем, что кто-то мешает (сопротивляется) строить мир по их лекалам. Россия же перестраивать мир и Иран не собиралась. Обе стороны исповедывали прогматическую линию в отношении Ирана. Но прогматизм этот зиждился на разном уровне экономического развития и политического могущества. И поэтому прогматизм каждой из стран было сложно совместить мирными средствами. Несмотря на красивые заверения британского правительства, как в Лондоне так и в Калькутте хотели видеть не сильную Персию, а зависимую политически и экономически от английского влияния. Россия действительно играла консервирующую роль, что было нормально учитывая экономическую слабость в сравнении с Великобританией. Но в России не

²¹²² Babich P. A Russian officer in Persian Cossack Brigade: Vladimir Andreevich Kosagovskii. Budapest: CEU, 2014. P. 78.

стремились к расчленению Персии и всегда были заинтересованы в сохранении целостности государства, в отличие от Англии, всегда ставившей на сепаратистки настроенных феодалов и на протяжении XIX в. способствовавшей отколу от Ирана и его территорий

Всё это В.А. Косооговский понимал и в своих взглядах и действиях исходил из реальной обстановки.

22 февраля 1894 г. последовало высочайшее соизволение на командирование В.А. Косооговского в Персию. 31 февраля он был откомандирован в распоряжении командующего войсками Кавказского военного округа, а 7 марта официально назначен состоять на должности Заведующего обучением персидской кавалерии с отчислением от занимаемой должности²¹²³. Одновременно с его назначением Главным штабом рассматривалась посылка в качестве третьего инструктора обер-офицера поручика Николая Алоизиевича Орановского²¹²⁴. После согласований между Главным штабом и штабами Кавказского военного округа, войск гвардии и Петербургского военного округа 2 мая он был назначен в распоряжение Заведующего²¹²⁵.

Тем не менее, в Тегеране командиром бригады желали видеть другое лицо. В начале марта Е.К. Бюцов через Министерство иностранных дел донёс в Военное министерство желание шаха оставить ротмистра на занимаемом посту. Судя по активности, с которой посланник отстаивал кандидатуру В.К. Бельгарда, он сам был против назначения В.А. Косооговского. В своём письме Е.К. Бюцов подчёркивал, что ротмистр за короткое время изменил ПКБ и просил сохранить за ним командование²¹²⁶. Такое отношение к В.К. Бельгарду, как нам представляется, объяснялось тем впечатлением, которое тот производил на шаха и интересами российской политики. Главной задачей ПКБ по-прежнему оставалось «приобрести влияние на персидское правительство и помешать другим, враждебным ... (России –

²¹²³ РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 23, 153. В некоторых источниках неправильно указан месяц – апрель [<http://regiment.ru/bio/К/343.htm>]. В.А. Косооговский формально оставался на должности Заведующего до 30 сентября 1902 г. [Список генералам по старшинству. Составлен по 1 июля 1909 г. СПб.: Военная типография, 1909. С. 847], но Иран покинул, видимо, лишь в 1903 г. – именно эта дата фигурирует в его воспоминаниях и в исторических работах [Косооговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 401].

²¹²⁴ РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 15–23.

²¹²⁵ Орановский Николай Алоизович // <http://regiment.ru/bio/O/46.htm>.

²¹²⁶ РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 27–28.

О.Г.) правительствам взяться за это дело»²¹²⁷. Ни создание подконтрольной России персидской армии (о чём мечтал А.И. Домонтович), ни иные цели на тот момент не ставились. Шах в феврале 1894 г. через военного министра Камран-мирзу обратился к Е.К. Бюцову с просьбой ходатайствовать перед Петербургом о сохранении ротмистра на командном посту. Был также поставлен вопрос о производстве его в подполковники, поскольку Заведующим мог быть только полковник или подполковник. Судя по всему, остаться в Персии хотел и сам В.К. Бельгард. Ради этого он частично освоил персидский язык. Посланник сообщал, что Насреддин-шах был восхищён тем, что на последнем смотре ротмистр говорил с ним на фарси без переводчика. В качестве подстверждения своего благоволения иранский правитель пожаловал В.К. Бельгарду орден Льва и Солнца 2-й степени²¹²⁸.

Тем не менее, в России просьбу шаха не уважили. И император, и военный министр, и командующий войсками Кавказского военного округа остались при мнении о необходимости замены ротмистра В.А. Косоговским. 19 марта 1894 г. Александр III «высочайше повелеть соизволил оставить в силе состоявшееся назначение подполковника Косоговского в Персию для занятия должности Заведующего обучением персидской кавалерии»²¹²⁹. Отклонено было и предложение о производстве В.К. Бельгарда в следующий чин. Объяснялось это тем, что ротмистр на службе находился всего 10 лет, а в настоящем чине 3 года. Необходимый же срок для очередного присвоения составлял от 4-х до 6-ти лет²¹³⁰.

О неудаче ходатайства, видимо, было сразу сообщено в Тегеран. В.К. Бельгард, оставив надежду стать Заведующим без приставки «и. о.», стал готовить ПКБ к

²¹²⁷ Там же. Л. 28.

²¹²⁸ Там же. Л. 32–33.

²¹²⁹ Там же. Л. 34.

²¹³⁰ Там же. Л. 34. Согласно Временным правилам 1884 г. производство из капитанов в подполковники могло иметь место по следующим параметрам: за боевые отличия, по выслуге лет (старшинству) и по выбору начальства за отличие (при чём и «за особые отличия» – вне правил). Помимо обладания соответствующими физическими, нравственными и служебными качествами иметь удостоверение начальства, командовать ротой не менее 2 лет подряд, быть не старше 50 лет, состоять на действительной службе в офицерских чинах не менее 12 лет и прослужить в чине капитана: для производства по старшинству – не менее 6 лет, для производства за отличие – не менее 4, но не более 6 лет и для производства за отличие «вне правил» – не менее 3 лет. С некоторыми незначительными изменениями эти правила действовали до начала XX в. В 1885 г. они были распространены на ротмистров армейской кавалерии (которые должны были еще пройти курс в офицерской кавалерийской школе) [Волков С.В. Русский офицерский корпус. Глава 2. Путь в офицеры: Чинопроизводство офицеров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.genroge.ru/rok/023-1.htm>]. Как видим, при желании начальства В.К. Бельгард мог быть произведён в следующий чин на вполне законных основаниях. Именно на это делал упор Е.К. Бюцов, отмечая его заслуги. Однако решение относительно Заведующего было принято не в пользу ротмистра.

сдаче новому командиру. Как часто бывало в таких случаях, внешние показатели теперь имели большое значение. Внутренние дела бригады следовало хотя бы в общем привести в порядок. Прежде всего, это касалось бюджета. Как уже отмечалось, здесь дела обстояли неважно. Сохранялся дефицит полковника Н.Я.Шнеура в 13 000 туманов. К нему добавились долг около 800 туманов, изъятых ротмистром на хозяйственные нужды в счёт будущего бюджета. Именно последний волновал В.К. Бельгарда, поскольку формально мог служить к обвинению в растрате. Поэтому, через два дня после подтверждения утверждения В.А. Косооговского и отклонения просьбы о производстве в следующий чин, 21 марта ротмистр оформил частный заём на 1 000 туманов в Ссудном банке Персии (так стало с 1894 г. именоваться Ссудное общество Персии Я.С. Полякова)²¹³¹, таким образом, покрыв образовавшийся долг.

В начале мая 1894 г. состоялась очередная попытка шаха и русской миссии отстоять В.К. Бельгарда. Вновь она шла через Министерство иностранных дел – в Военное и императору. Поверенный в делах А.Н. Шпейер (Е.К. Бюцов убыл в Россию в отпуск) писал, что на аудиенции у шаха 5 мая тот объявил ему, что «чрезвычайно доволен успехами, сделанными ПКБ под руководством ротмистра Бельгарда и его русских помощников». Чтобы сохранить офицера Насреддин-шах даже пошёл на необычный в тех условиях шаг. Он распорядился включить в бюджет бригады на новый год (с 9 мая) те «16 000 туманов, которые были у неё отняты полтора года назад при полковнике Шнеуре». «При этом шах выразил надежду, – сообщил А.Н. Шпейер, – что прибавка эта позволит довести число “казаков” бригады до 500 человек»²¹³². Тем не менее, в Военном министерстве успехи В.К. Бельгарда воспринимали по-иному. Об этом свидетельствует запись начальника Главного штаба Н.Н. Обручева, сделанная им на сопроводительной записке директора Азиатского департамента МИД от 14 июня 1894 г. к донесению поверенного в делах в Тегеране об успехах В.К. Бельгарда: «Лучше бы ротмистр Бельгард менее (так в тексте – О.Г.) усердствовал для шаха и Персии»²¹³³. Того же мнения был и военный министр генерал от инфантерии Пётр Семёнович

²¹³¹ РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 87–90.

²¹³² РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1893. Св. 1335. Д. 43. Л. 18.

²¹³³ Там же. Л. 17.

Ванновский. Он приказал сообщить в Министерство иностранных дел, что «упомянутое донесение вызывает опасения, не приложил ли ротмистр Бельгард слишком много усердия к образованию персидской конницы»²¹³⁴. Отчасти указанное сомнение было, видимо, вызвано незнанием в Петербурге реального состояния дел в ПКБ. Как показали дальнейшие события, полностью о ситуации в бригаде были осведомлены лишь её инструкторы и кавказское начальство. Естественно, исходя из сообщений о «качественной» деятельности В.К. Бельгарда, в Военном министерстве опасались получить в перспективе в лице Ирана сильного противника. Однако была и вторая причина – изменения во внешнеполитическом курсе империи Романовых относительно Каджарской монархии, которые были инициированы С.Ю. Витте. Думается, одной из причин являлось также то, что среди высших военных чинов в связи с этим (а возможно и без этой связи) наметилась линия на то, чтобы создать из ПКБ действенное орудие в русских руках. Недовольство В.К. Бельгардом и в Петербурге, и на Кавказе, скорее всего, объяснялось тем, что с миссией преобразования ПКБ он справиться не сумел, пойдя на поводу у представителя Министерства иностранных дел. Мнение же того относительно места ПКБ в политической жизни Персии и внешней политике империи Романовых расходилось с мыслями военных. Кавказское начальство и чины Главного штаба рассматривали, как отмечалось, варианты использования ПКБ с военной точки зрения в случае смерти шаха. Для этого бригада нужна была в укомплектованной в достаточном количестве, руководимая авторитетным офицером, с чётким осознанием своей миссии в интересах России. Но это требовало перетряски всей организации ПКБ и, главное, – более независимой роли Заведующего. В.К. Бельгард не был полковником ГШ и не мог им стать в ближайшее время. Донесения Е.К. Бюцова о его успехах перед шахом не знавших нюансов внутривосточной жизни высших военных чинов естественно раздражали,

²¹³⁴ Там же. Л. 20. Ситуация такой оставалась вплоть до Первой мировой войны. Служивший в ПКБ в 1914–1918 гг. в качестве инструктора поручик Высоцкий вспоминал: «Когда я как-то увлёкся полевой службой и начал часто выводить полки в поле и на стрельбу, начальник бригады (в 1914–1916 гг. ПКБ временно возглавлял подполковник Николай Васильевич Прозоркевич (был одновременно и инструктором по артиллерийскому делу), затем с 16 октября 1916 г. по ноябрь 1917 г. начальником бригады был генерал-лейтенант ГШ барон Владимир Николаевич фон Майдель – О.Г.) сказал мне: «Пусть части будут хорошо дисциплинированы, прекрасно джигитуют и маршируют, пусть отчётливо отдают честь... Но не увлекайтесь полевой службой, еще неизвестно, как могут повернуться события» [Высоцкий. Персидская казачья бригада // Военная быль. Париж. 1968. № 89. С. 14]. В этом не было ничего особенного: большинство военных инструкторов из европейских армий именно по такому принципу и готовили вверенные им для обучения подразделения. Исключение составляли разве что немцы в Османской империи в начале XX в.

так как создание боеспособной части в руках Насреддин-шаха не входило в их планы. Курировавшие ПКБ кавказские начальники не видели в ротмистре того человека, который мог бы преобразовать часть. Однако назначение нового Заведующего привело к новому кризису в истории ПКБ, который чуть не привёл к её ликвидации.

6.4. Начало бригадного кризиса 1894–1895 гг.

К середине июня 1894 г., когда состоялось упоминавшееся решение высших чинов военного ведомства Российской империи, маховик очередного кризиса в ПКБ и вокруг неё уже набирал обороты. События мая 1894 – мая 1895 гг. изложены в бумагах В.А. Косооговского и в научных публикациях. Но проблема заключается в том, что исследователи основывались в своих трактовках и выводах на мнении Заведующего. В.А. Косооговский же в записках говорил не всю правду (его дневник в этом смысле более откровенен), часто лукавил, превозносил свои заслуги. Например, о конфликте с ротмистром он вообще почти не упоминал. Пик кризиса, по его словам, пришёлся на сентябрь 1894 г., но документы свидетельствуют, что правильнее было бы считать таковым весну 1895 г. К тому же, как ни парадоксально, проблемы ПКБ были сдетонированы назначением В.А. Косооговского и его поведением, а не управлением предшествовавших ему Заведующих. Нежелание русских считаться с желаниями Насреддин-шаха отвернуло того от ПКБ, результатом чего стал вопрос о её ликвидации весной 1895 г. Историки использовали мемуары В.А. Косооговского некритично, к тому же без связи с внешнеполитическим курсом империи²¹³⁵. Отсюда – искажение реального хода дел.

Исходя из этого, мы изучим кризис детально. Сначала следует остановиться на его хронологии, поскольку в источниках и историографии присутствует небольшая,

²¹³⁵ О.А. Красняк и Н.К. Тер-Оганов утверждали [Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 83; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 77], вслед за В.А. Косооговским, что уже весной 1894 г. ПКБ стояла перед опасностью расформирования. Однако, как мы покажем далее, такая ситуация возникла к весне 1895 г. В марте–мае 1894 г. персидское правительство даже не помышляло о её ликвидации. Напротив, шах был доволен ротмистром, приказал вернуть долг в бюджет ПКБ и высказывал надежду об увеличении численности строевых казаков до 500.

но существенная путаница в датах. Затем мы попытаемся объяснить разворачивавшиеся события. В кризисе 1894–1895 гг. можно выделить два этапа. Первый продолжался с момента прибытия В.А. Косооговского в Персию и принятия им бригады в мае 1894 г. до отъезда ротмистра В.К. Бельгарда в Россию 22 сентября 1894 г. Второй начинается в сентябре 1894 г. и заканчивается в мае 1895 г. принятием так называемых «27 пунктов».

Первый этап характеризовался резким обострением во взаимоотношениях В.А. Косооговского и В.К. Бельгарда, осложнённым недоброжелательностью к новому Заведующему со стороны шаха, военного министра и русской дипломатической миссии. Рассмотрим основные его события, чтобы затем перейти к их трактовке.

11 мая 1894 г. произведённый 17 апреля в полковники ГШ В.А. Косооговский прибыл в Тегеран, а 18 мая принял у В.К. Бельгарда бригаду с объявлением ему благодарности приказом. Однако 12 мая, на встрече с российским поверенным в делах, полковник заявил, что прибыл отчислить ротмистра. В 20-х числах того же месяца состоялось представление В.А. Косооговского шаху, военному министру и садр-азаму. В присутствии полковника они крайне хорошо отзывались о В.К. Бельгарде, а шах выразил желание, чтобы тот остался в ПКБ. Автор «Краткого очерка отношений полковника Косооговского к ротмистру Бельгарду», составленного уже после удаления В.К. Бельгарда из Персии для российского военного министра сообщал, что во время представления В.А. Косооговский высказывал перед высшими сановниками явное нетерпение, когда те хвалили ротмистра. «Вообще, – отмечалось в «Кратком очерке», – он крайне поразил персидские власти, откровенно и свободно характеризуя с дурной стороны деятельность прежде обучавших персидскую бригаду русских офицеров. Так, о полковнике Шнеуре он доложил Наibu-ос-Солтане, что он, как пехотный офицер, не имеет представления о кавалерийской службе ... а капитана Блюммера характеризовал отсталым на поприще артиллерийских знаний»²¹³⁶. Следующим шагом в конце мая Заведующий объявил ротмистру в присутствии А.Н. Шпейера, что не желает служить с ним в одной части. В.К. Бельгард пообещал в марте 1895 г.,

²¹³⁶ РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 66.

когда оканчивался срок его контракта, подать рапорт на отчисление с правом воспользоваться отпуском для оплаты долга. Полковник не возражал. Он «дал ему слово, что раз решившись на отъезд, ротмистр может во всём всемерно рассчитывать на него для облегчения своей дальнейшей службы». Кроме того, «обещал ему, что не постесняется выдать ему, в счёт содержания, какую угодно сумму, лишь бы последовало разрешение посланника»²¹³⁷.

Первая половина лета прошла сравнительно спокойно – полковник разбирался с делами вверенного ему подразделения. Основное, что беспокоило В.А. Косоговского, был финансовый вопрос. «Я очутился, – писал он позже в письме в Иркутск своему другу полковнику ГШ Алексею Николаевичу Нелидову, – во главе учреждения, представлявшего собой нечто вроде Панамы²¹³⁸: денежный ящик пустой, вместо наличных казённых сумм – 30 000 долгу»²¹³⁹. Цифру эту необходимо воспринимать как приблизительную – в своих воспоминаниях и письмах В.А. Косоговский часто использовал почти точные, т.е. округлённые, данные. Правда, откуда взялась именно такая сумма, с уверенностью сказать сложно. Видимо, не разобравшись до конца с особенностями формирования и расходования бюджета, полковник включил в долги все суммы, которые мог. В частности, он включил сюда закупки у поставщиков, бюджетный дефицит Н.Я. Шнеура, долг ротмистра. Так, он разослал порученцев ко всем поставщикам В.К. Бельгарда, чтобы узнать, сколько кому должен²¹⁴⁰. Затем эти суммы он вменил в вину своему предшественнику. Это показывает, что особенностей персидской торговли полковник на первых порах не понимал. К тому же Заведующий не освоил ещё систему выдачи бюджетных денег правительством, что тоже наложило отпечаток на его выводы. Рапортом от 2 июня В.А. Косоговский сообщил поверенному в делах о «крахе финансовых дел бригады». Однако, дипломат, видимо, и так был осведомлён о финансовых сложностях части. Тем не менее, 4 июня он ответил, что персидскому правительству об этом сообщать не следует. Политика сохранения «хорошей мины при плохой игре» продолжала оставаться главенствующей.

²¹³⁷ Там же. Л. 66.

²¹³⁸ Там же. Л. 59.

²¹³⁹ Персия в конце XIX века. (Дневник ген. Косоговского) // Новый Восток. 1923. Кн. 3. С. 447–448; РГВИА. Ф. 76. Д. 217. Л. 221. Бюджет ПКБ состоял из 82 000 туманов [РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6949. Л. 142].

²¹⁴⁰ РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 93.

Чем больше полковник вникал в ситуацию внутри ПКБ, тем более обострялась его неприязнь к В.К. Бельгарду. С 25 июля по 20 августа тот болел. Была ли эта болезнь реальной или же ротмистр пытался таким образом избавиться на время от общения с командиром, сказать сложно. Тем не менее, показательно, что ни один из товарищей по указанию полковника его не посетил. «Только некоторые украдкой, – сообщал А.Н. Шпейер, – а поручик Орановский²¹⁴¹ извинялся перед Бельгардом за это, так как боялся навлечь на себя гнев полковника за посещения. Полковник же являлся в миссию и требовал скорейшего удаления ротмистра Бельгарда без объяснения причин»²¹⁴². О мотивах нерасположения В.А. Косоговский не сообщил ни поверенному, ни посланнику, ни ротмистру. Последний вообще узнал о том, в чём его обвинял командир, только по прибытии в Россию²¹⁴³.

19 августа В.А. Косоговский наконец сформулировал свою позицию. Он составил два рапорта. Первый – на имя посланника, второй – начальнику отдела ГШ штаба Кавказского военного округа. Эти и другие документы позволяют с большой точностью выявить причины, толкавшие полковника на конфликт с В.К. Бельгардом и объясняют его поступки.

В рапорте Е.К. Бюцову основной акцент полковником был сделан на долгах В.К. Бельгарда. Упомянув о бюджетном дефиците бригады, В.А. Косоговский особое внимание обратил на долг в 1 000 туманов Ссудному банку Персии. В первом пункте своего «обвинения» он отмечал, что на векселе стояли подписи «временный командир бригады, ротмистр Бельгард» и «заведующий хозяйством, подьесаул Рафалович»²¹⁴⁴. Таким образом, Заведующий утверждал, что долговое обязательство было оформлено В.К. Бельгардом на бюджет ПКБ незаконно. «Подпись Рафаловича, по его словам, есть следствие давления со стороны ротмистра Бельгарда», – доносил В.А. Косоговский. К тому же, узнав, что назначен новый Заведующий, подьесаул, по словам В.А. Косоговского, «считал прямо

²¹⁴¹ Поручик гвардии, служивший в 19-й конно-артиллерийской батарее с прикомандированием к гвардейской конно-артиллерийской бригаде, Николай Алоизиевич Орановский, брат В.А. Орановского с 2 мая 1894 г. по 7 июля 1898 г. находился в распоряжении Заведующего обучением персидской кавалерии. Из Персии он уехал уже в чине капитана [Орановский Николай Алоизиевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=72>].

²¹⁴² Там же. Л. 66–67.

²¹⁴³ Там же. Л. 67, 69.

²¹⁴⁴ Там же. Л. 47, 40.

невозможным (так в тексте – О.Г.) сдавать денежный ящик с таким недостатком, как, например, 800 туманов». Опираясь на слова Рафаловича, полковник указывал, что «ротмистром Бельгардом были разновременно вынуты из казённого денежного ящика на свои надобности 800 туманов», а вернул он их, перезаняв в банке, причём заём оформил на бригаду. Заведующий доказывал последнее тем, что оба офицера подписались своими официальными должностями²¹⁴⁵. Тем не менее, обвинял во всём он лишь ротмистра. Явное выгораживание подьесаула объяснялось тем, что В.А. Косоховский был хорошо знаком с ним ещё до командировки в Иран и находился в постоянной переписке²¹⁴⁶.

Во втором пункте полковник обвинял В.К. Бельгарда в заносчивом поведении, в результате чего между ними установились враждебные отношения. «Ротмистр не примирился со своим понижением, – констатировал офицер, – и все распоряжения выполняет с весьма слабо скрываемым озлоблением»²¹⁴⁷.

Третьим пунктом полковник обозначил состояние дел в ПКБ. «Мною предпринято полное переформирование бригады (так в тексте – О.Г.), – доносил он, – ввиду того, что из 762 человек, считая 110 пенсионеров, с которыми 872 человека ... мне было сдано 18 мая 1894 г. всего 175 конных, из коих вполне годных к кавалерийской службе оказалось только 112 человек». Помимо того, В.А. Косоховский замечал, что за время командования ротмистра загнано и пало «согласно ведомости» 47 лошадей²¹⁴⁸.

В четвёртом пункте Заведующий писал следующее. «Вместо исполнения данного Вашему превосходительству обещания уплатить к 1 мая 1894 г. не только взятые им самим в долг для бригады 6 000 туманов, но ещё и дефицит, оставленный полковником Шнеуром, ротмистр Бельгард наделал новых долгов у ростовщиков, чем почти удвоил дефицит бригады». Далее он жёстко заявлял, что ротмистр не должен оставаться в бригаде. Пятым пунктом В.А. Косоховский ставил В.К. Бельгарду в вину, что тот, минуя своего непосредственного начальника, довёл до сведения Миссии следующее: «он мог бы выехать из Персии без скандала лишь в том случае, если бы за него немедленно заплатили 1 800 туманов». Исходя из всего

²¹⁴⁵ Там же. Л. 40.

²¹⁴⁶ Там же. Л. 93.

²¹⁴⁷ Там же. Л. 40.

²¹⁴⁸ Там же.

перечисленного, полковник просил российского дипломатического представителя о помощнике, «так как разобрать денежно-отчётные завалы без него невозможно». Что до ротмистра, то В.А. Косооговский высказал просьбу разрешить тому самому подать рапорт об отчислении. Заведующий объявил, что его долги в 1 800 туманов (800 взятых до займа и 1 000 по займу) бригада берёт на себя²¹⁴⁹.

Е.К. Бюцов ответил сразу, в тот же день. Он разрешил ротмистру подать рапорт, а долг принять на бригаду²¹⁵⁰. По получении ответа полковник составил рапорт в штаб Кавказского военного округа. Здесь он отмечал, что посланник был введён ротмистром в заблуждение. Но, когда с помощью Заведующего убедился, что В.К. Бельгард не оправдал его надежд, вызвал того в Миссию и имел с ним объяснение. Затем он велел полковнику подать рапорт военному начальству на Кавказе²¹⁵¹.

В.А. Косооговский ходатайствовал о возвращении В.К. Бельгарда в 33-й драгунский полк и о назначении на его место есаула 1-го Лабинского конного полка Кубанского казачьего войска Сушкова (об этом он позже подал два отдельных рапорта). «Остаться здесь без строевого помощника немислимо ... ввиду происходящего теперь полного переформирования бригады из пешей в конную (так в тексте – О.Г.), – писал он, – ... поручик Орановский с утра до вечера занят приведением в порядок годами запущенной и заброшенной артиллерии, бывшей всецело предоставленной уряднику Новаку, настолько огрузневшему, что тяжести его не выдерживает ни одна боевая лошадь. Есаул²¹⁵² Рафалович не разгибается над

²¹⁴⁹ Там же. Л. 40–41.

²¹⁵⁰ Там же. Л. 42.

²¹⁵¹ Там же. Л. 43–44.

²¹⁵² Подьесаул – должность с XVI в. и далее обер-офицерский чин в России в казачьих войсках в 1798–1884 гг. X класса и в 1884–1917 IX класса в «Табели о рангах». В 1798 г. приравнен к чину штабс-ротмистра в кавалерии, штабс-капитана в пехоте, лейтенанта во флоте и гражданскому титулярного советника. Есаул (асауул, осаул, асавул, осавуул, от тюрк. ясаул) – должность и звание (чин) в казачьих войсках. Изначально – наименование помощника военачальника, его заместителя Полковой есаул был помощником командира полка – казачьего полковника. В казачьем полку, по обыкновению, было два полковых есаула. В 1775 г. по высочайшему повелению полковых есаулов было указано считать «прилично офицерскому званию» и признавать обер-офицерами. В 1798–1800 гг. чин есаула был сравнен с чином гусарского ротмистра (в кавалерии) и капитана в пехоте и с этого времени он давал его обладателю потомственное дворянство. После 1884 г., когда в армии был упразднён чин майора, чин есаула был приравнен к чину капитана и стал соответствовать современному званию майора. В это время и далее это обер-офицерский чин в России в казачьих войсках в 1798–1884 гг. IX класса и в 1884–1917 гг. – VIII класса в «Табели о рангах». В период с 1884 по 1917 гг. есаул носил капитанские погоны – с одним просветом без звёздочек. В документах А.Ф. Рафаловича именуют то подьесаулом, то есаулом. Поскольку в русской армии в бытовом общении приставка «под» чаще всего опускалась, то, скорее всего, А.Ф. Рафалович был подьесаулом.

установлением по возможности правильной отчётности»²¹⁵³. Относительно ротмистра, то полковник считал, что наказание ему должен установить военный министр. Интереснее всего его предложение о компенсации долга в 1 800 туманов. Если в рапорте посланнику В.А. Косоговский брался выплатить его из бюджета бригады, то в донесении на Кавказ предложил растрату покрыть из другого источника. В качестве такового он указал на средства, выделяемые ему на военную агентуру и военные надобности²¹⁵⁴.

Наконец, позднее В.А. Косоговский следующим образом описывал А.Н. Нелидову ситуацию конца весны – лета 1894 г. «Только, вступив на персидскую территорию и сподобясь прийти в непосредственное соприкосновение с олимпийцами-дипломатами, я понял, что все те заведения, в которых я воспитывался и обучался ранее, были не более как начальными школами, настоящая же академия ожидала меня в Персии»²¹⁵⁵. «Вместо 500 строевых казаков, всего годных к казачьей службе 165 конных; самостоятельных командиров в бригаде оказалось ровно столько, сколько было на лицо русских офицеров и урядников-инструкторов, – сообщал он. – Но любопытнее и поучительнее было то, как отнеслись ко мне «русские представители Великой России на Востоке»: довольно тебе сказать, что одни из этих олимпийцев, узнав о моем назначении и приведённый в отчаяние тем, что им не удалось провести своего, послал в Петербург телеграмму, гласящую, что «назначение полк. Косоговского было бы равносильно потере доброго русского имени на Востоке». Меня дипломаты едва достаивали протягиванием кончиков пальцев и, не умея справляться со своими собственными делами, стремились поучать меня подобно тому, как поучали моих предшественников; но я был так предупредителен, что просил их не беспокоиться и не надирать ещё и чужими делами, и мало-помалу взял бразды правления в свои, собственные руки»²¹⁵⁶. Далее В.А. Косоговский крайне нелестно охарактеризовал всех членов Миссии, отметив их нерусское происхождение. Выделил он лишь Григоровича, назвав его «русским», хотя и отметив, что тот «выкрещенный

²¹⁵³ РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 44.

²¹⁵⁴ Там же. Л. 45.

²¹⁵⁵ Персия в конце XIX века. (Дневник ген. Косоговского) // Новый Восток. 1923. Кн. 3. С. 447.

²¹⁵⁶ Там же. С. 447–448; РГВИА. Ф. 76. Д. 217. Л. 221.

араб»²¹⁵⁷. Особо полковник остановился на военных из России. «Затем военные представители, – писал он, – полковник Шнеур – еврей, выкрестившийся в лютеранство из иудейства, сын лудильщика из города Пскова; его временный заместитель ротмистр Бельгард; подъесаул Рафалович – сын выкрещенного еврея из города Гродно; капитан Блюммер – окончивший курс в Саксонском кадетском корпусе и из германской артиллерии переведённый в русскую гвардию конную»²¹⁵⁸. Во всём письме чувствуется и откровенно высказывается отрицательное отношение ко всем не русским по происхождению, кто служил в Персии. По мнению полковника, они не только не могли (не будучи русскими), но и не хотели понимать и отстаивать истинные интересы России в Иране. Естественно, «истинность» определял сам В.А. Косоховский.

Из приведенных документов можно сделать определённые выводы относительно того, как виделась ситуация новому Заведующему, а также отчасти вскрыть скрытые мотивы его оценок и поведения. В.А. Косоховский обвинял В.К. Бельгарда по трём пунктам. Во-первых, в недостойном поведении относительно порученного дела и старшего по чину, своего начальника. Во-вторых, полковник считал, что ротмистр разрушил дисциплину в ПКБ и фактически превратил её в небоеспособную часть. Но самым важным было третье обвинение – в неумелом ведении денежных дел бригады, финансовых злоупотреблениях и махинациях. С формальной точки зрения Заведующий был прав. Приехав из России, он застал воинскую часть, в которой имелась масса долгов, из списочного состава налицо не было и четверти «казаков».

Однако реально В.А. Косоховский оказался под воздействием ситуации, в которой побывало большинство командиров ПКБ в начале своего командования. Прибыв в Персию, он мыслил категориями европейских армий (каковой являлась и российская), где всё было чётко определено уставами, структурировано, где финансовые проблемы не имели решающего значения для командира части, где и сам этот командир имел значительные права, при этом жёстко соблюдалось чинопочитание, где кавалерийские части были обеспечены лошадьми, а служащие в них не могли по своему усмотрению (и даже с разрешения командира) покидать

²¹⁵⁷ РГВИА. Ф. 76. Д. 217. Л. 221.

²¹⁵⁸ Там же.

надолго своё подразделение, а тем более – служить, но находиться не на службе. Как хороший офицер, имеющий стереотипное представление о том, какой должна быть армия, отдельная воинская часть, как должны вестись её финансовые дела, проходить служба, вестись обучение личного состава и пр., В.А. Косоховский, скорее всего, был поражён открывшимся его взгляду. Отчасти это объяснялось тем, что в своих донесениях в штаб Кавказского военного округа В.К. Бельгард не раскрывал всю повседневную «кухню» жизни ПКБ, ограничиваясь тем, что от него требовало начальство. Да и вообще командиры бригады в нюансы управления и существования соединения высшее начальство посвящали мало. Как правило, они всплывали в кризисных ситуациях, но затем о них «забывали», и каждый нов²¹⁵⁹ый Заведующий должен был заново «осваивать профессию». Скорее всего, с такими реалиями персидской жизни В.А. Косоховский столкнулся впервые, не понял их и захотел повернуть на свой лад – навести порядок в части в соответствии формальным требованиям. Он не знал, или не хотел знать, что дисциплинарные вопросы преследовали ПКБ с самого начала её существования. Мысля несколько стереотипно, полковник считал, что порядок в части полностью зависит от командира. Но в Иране первенствующее место занимали традиция и воля шаха. Этого В.А. Косоховский сначала не осознал. Не до конца оценил он и роль личных связей, симпатий, пронизывавших всю воинскую иерархию страны. Именно благодаря им было возможно снизу подняться вверх, но также и наоборот. Столкнувшись с бригадной действительностью, полковник искренне посчитал, что люди, которые довели ПКБ до такого состояния, не могут считаться отстаивающими русские интересы. А честь России имела для него большое значение. Отсюда – неприятие дипломатов, которые «поучали» Заведующих, но не заботились о бригаде, самих командиров и инструкторов, шедших у них на поводу. Всё это обострялось русским шовинизмом, который нашёл здесь питательную почву – большинство из россиян в Тегеране были нерусскими. Следует отметить также, что В.А. Косоховский зачастую судил о людях и событиях не обладая всею полнотой информации. Он не знал и не понимал, какое место занимала бригада в планах

²¹⁵⁹ Учитывая, что шах просил за В.К. Бельгарда, Е.К. Бюцов вполне основательно настаивал перед русским правительством на оставлении ротмистра в Персии (в послужных списках он с 18 мая 1894 г. даже значился уже не командиром ПКБ, а Заведующим обучением персидской кавалерии [Список генералам по старшинству. Составлен по 1 января 1913 года. СПб.: Военная типография, 1913. С. 521]), так как его отъезд был бы воспринят персидским правителем как неуважение к его просьбе и вообще к его личности.

российского правительства. Но у него было законченное представление о том, чем она должны быть. И этот идеал он принялся реализовывать, иногда даже вне связи с мнением внешнеполитического ведомства России и его представителя при шахском дворе. Естественно, это вызвало острый конфликт с Миссией. Забегая вперёд отметим, что состояние это оставалось постоянным, то обостряясь, то ослабевая, всё время пребывания В.А. Косооговского на посту Заведующего.

Отчасти странным выглядит возмущение В.А. Косооговского наличной численностью «казаков». Как свидетельствуют приводившиеся выше рапорты В.К. Бельгарда, о реальном составе ПКБ было известно и на Кавказе и Петербурге. Осведомлены были там и о том, что количество выходящих в строй и находившихся в отпуску неформально варьировалось Заведующим в зависимости от ситуации. Полковника, видимо, не сочли необходимым ознакомить с этими особенностями перед отправкой в Персию. Тем не менее, в определённой степени возмущение В.А. Косооговского было оправдано. Можно с уверенностью утверждать, что одной из его задач при отсылке в Персию являлось преобразование ПКБ в боеспособную часть тегеранского гарнизона, подчинённую русскому командованию на случай династического кризиса в стране²¹⁶⁰. Имея в распоряжении официальные сведения, полученные в штабе Кавказского военного округа, полковник, вне сомнения, был поражён несоответствием цифр и реального положения дел тому, что содержали формальные донесения²¹⁶¹. Состояние ПКБ явно не соответствовало выполнению указанной задачи. Моральный дух «казаков» был невысок, дисциплина «хромала», военная подготовка оставляла желать лучшего. В случае кризиса с престолонаследием бригадных сил было явно недостаточно, чтобы отстоять русские интересы в столице. Гарнизон города по данным на 1893 г. насчитывал больше 5 000 человек²¹⁶². Из них 1 200 составляла бригада «Махсус» из 2-х полков, которую возглавлял любимец Наиб ос-Солтане Векиль од-Доуле. Её обучали австрийские военные инструкторы. То есть, в руках

²¹⁶⁰ Как уже отмечалось, задача выяснения возможностей бригады в этом отношении была поставлена в 1893 г. и ротмистру.

²¹⁶¹ Правда, он не учёл политической ситуации в стране и вокруг ПКБ, а также того положения, в котором находился В.К. Бельгард, и того, что последнее его развёрнутое донесение о состоянии ПКБ было датировано 9 декабря 1893 г. [РГВИА. – Ф. 401. Оп. 5. 1901. Д. 481. Л. 6–7].

²¹⁶² В 1895 г. А.Н. Куропаткин считал численность гарнизона в 6 000 с ПКБ [Всепооданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 34]: 8 батальонов пехоты, 3 конных батареи, «казачья» батарея, ПКБ, гулямы и милиционеры из разных племён.

военного министра находилось значительно больше сил, чем у русского полковника²¹⁶³. А ПКБ по большинству параметров даже в 1893 г. их не превосходила, а, скорее, была с ними на одном уровне. К тому же весной 1893 г. она насчитывала реально «с офицерами, за исключением отпускных и откомандированных, и с конной батареей» 350 человек²¹⁶⁴, а к маю 1894 г. – 175 (или 112)²¹⁶⁵. Из них часть была в командировках вне Тегерана. Так, взвод (около 20–25 человек) «казаков» состоял при правителе Кирмана²¹⁶⁶. Находившиеся под влиянием Камран-мирзы войска явно превосходили ПКБ численно, особенно если помнить, что военный министр являлся одновременно и губернатором Тегерана, которому подчинялся весь гарнизон. То есть, даже если учитывать слабость персидских вооружённых сил и их плохую организованность²¹⁶⁷, в случае смерти шаха его сын имел большие возможности для захвата власти в городе. В таком состоянии, в котором застал её В.А. Косоговский, ПКБ помешать этому вряд ли смогла бы.

Относительно финансовых дел ПКБ, то они действительно находились в плохом состоянии. Но обвинять в этом В.К. Бельгарда было по крайней мере неэтично. В отличие от предыдущего Заведующего, ротмистр сумел отчасти упорядочить денежную отчётность и пытался наладить денежную дисциплину. В том, что это ему не удалось, была не его вина. Система финансирования и ведения армейских хозяйственных дел вообще, которая существовала в персидской армии и

²¹⁶³ А.Н. Куропаткин считал, что в случае смерти шаха и борьбы за престол опорой Камран-мирзы будут именно 2 фоджда «Махсус» [Там же. С. 34].

²¹⁶⁴ Бельгард. Маршрут № 2. Казвин – Тегеран (144 в.) (Пройден 26–27 апреля 1893 года) // СМА. 1895. Вып. 62. С. 305.

²¹⁶⁵ РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 40.

²¹⁶⁶ Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование // СМА. 1896. Вып. 63. С. 12. Российский офицер наблюдал их здесь в июле 1894 г.

²¹⁶⁷ В инструкции А.Н. Шпейеру от 30 сентября 1904 г., отмечалось: «в Закавказском крае постоянные разбои и нарушения границы со стороны азербайджанцев в высшей степени неблагоприятно отзывались на порядке и спокойствии наших собственных владений, вследствие чего, высочайше утвержденными 2 декабря 1894 г. и дополненными 27 июля 1903 г. правилами, чинам пограничной и охранной страж предоставлено переходить персидскую границу при преследовании разбойников и продолжать таковое до полного уничтожения шайки, принимая одновременно требуемые военными условиями меры против местных жителей, виновных в укрывательстве бежавших преступников ... Другой беспокойный элемент – туркмены на Закаспийской границе в последнее время гораздо более, чем нам, причиняли хлопот персидскому правительству, которое вынуждено было предпринять военные экзекуции в кочевьях непокорных племен, особенно джафарбайцев, противившихся открытию на своей территории персидской таможни ... русское правительство приняло решение несколько отличное от собственного поведения в вопросе об азербайджанской границе, что также свидетельствовало о слабости иранского правительства и его армии «уклоняться от принятия туркмен в русское подданство, не препятствуя однако временному переходу их в наши пределы, под условием соблюдения полного порядка и воздержания от набегов на персидские поселения» [Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны // Красный архив. № 4 (53). 1932. С. 23–24].

распространялась на ПКБ, не позволяла иметь сбалансированный бюджет и не иметь никаких затруднений денежного характера. В отличие от других частей, ПКБ всё же выплачивались средства на содержание, пусть с большими-меньшими задержками, но относительно регулярно. После А.И. Домонтовича каждый Заведующий сдавал часть с бюджетными проблемами. Но, чтобы «не нервировать» персидское правительство, на это обычно закрывали глаза. Политическим интересам Миссия (а через неё – и Министерство иностранных дел) приносились в жертву все иные. Таким образом, бригада и её Заведующие были заложниками внешнеполитического курса империи и фактически должны были приспособливаться к условиям, в которые их ставили дипломаты и, само-собой разумеется, местные обстоятельства. Н.Я. Шнеур не смог этого сделать – и возник самый крупный на тот момент кризис вокруг ПКБ. В нём полковник оказался полностью зависим от воли работников российского Министерства иностранных дел, был скомпрометирован перед шахом сам того не желая и отозван в Россию, чтобы не обострять ситуации. Ротмистр же к условиям, предложенным ему, приспособиться сумел хорошо. Помимо чисто служебных (военная агентура и пр.) он выполнял задания посланника, не проявлял излишней внешнеполитической инициативы и хорошо освоился с внутренними обстоятельствами Персии. В перспективе он вполне мог восстановить расположение шаха к ПКБ, вновь увеличить её численность. Его главной задачей было создавать видимость благополучия, и с этим он справлялся. Всего этого В.А. Косоговский поначалу не осознал и старался действовать по-правилам, там, где нужно было согласовывать свои шаги с традицией. Классическим примером этого может служить его обвинение ротмистра в том, что тот прибегал к займам у ростовщиков. Не зная особенностей ведения торговли в Иране, В.А. Косоговский посчитал поставщиков бригады заёмщиками денег под проценты. Однако, «Коран» запрещал отдачу денег в рост. Поэтому в мусульманских странах развилась своеобразная форма торговли в долг, которая фактически заменяла ростовщичество²¹⁶⁸. Затем, когда возникла

²¹⁶⁸ «Сроки платежей—очень длинные (до года – О.Г.), а потому продавец должен сразу же набавить следуемый %, – писал по этому поводу К.-О.Г. Баумгартен, – ... Законный торговый % в Персии равен 1% в месяц, а потому персидские купцы при выдаче долговых обязательств стараются уменьшить сроки, на которые выдаются обязательства, но конечно никогда не платят в означенное время и требуют продолжения срока без набавки следуемого за это %; по персидским же обычаям за просрочку % не взимается и продавец теряет таким образом по 1% за каждый просроченный месяц. Причины просрочек при платежах не вызываются ни несостоятельностью, ни злым

необходимость обеспечить хозяйственную и продовольственную части ПКБ, Заведующий сам стал прибегать к займам. Только делал он их не у персов, дававших товар в долг и не требовавших заверений Миссии, а у евреев, которые как раз и являлись типичными заёмщиками. Они выдавали деньги (а не товары) под процент, да ещё и настаивали на том, чтобы дипломатическое представительство России заверяло каждое долговое обязательство²¹⁶⁹. Вызывает также сомнение, утверждение В.А. Косоковского, что Е.К. Бюцов был введён ротмистром в заблуждение²¹⁷⁰. Все сложные финансовые вопросы ПКБ решались через посланника. В данном случае полковник проявил либо наивность, либо корректность. Е.К. Бюцов вернулся из России в июне, скорее всего, с новыми инструкциями относительно персидских дел. Он понял, что В.К. Бельгарда отстоять не удастся. Тем более что, судя по действиям В.А. Косоковского и его энергии, в отношении бригады затевалось нечто крупномасштабное.

Были и другие факторы личностного характера, обусловившие конфликт между В.А. Косоковским и В.К. Бельгардом. Полковника, очевидно, задевало то, что шах и его окружение, а также русские дипломаты благоволили к его подчинённому. Это было как по его самолюбию, так и честолюбию. Он с трудом переносил тот факт, что ротмистр пользовался большой популярностью в Тегеране. Особое раздражение вызывало у нового Заведующего поведение дипломатов. Хотя в своих официальных бумагах, написанных во время и после кризиса, Е.К. Бюцов старался быть нейтральным или объективным, очевидно было, что кандидатура В.К. Бельгарда, как Заведующего, его устраивала больше. Того же мнения придерживался и первый секретарь Миссии, часто выступавший в роли поверенного в делах – А.Н. Шпейер. Кроме того, В.А. Косоковским в его поступках двигала простая злость человека, которому мешают делать нужное, с его точки зрения, дело. И не просто мешают, а целенаправленно вредят. После прибытия полковника, с первых шагов его деятельности проявилась извечная разновекторность во взглядах дипломатов и военных на сущность и методы российской внешней политики. Мидовцы не без основания считали только себя вправе определять и толковать внешнеполитические

умыслом, но просто склонностью персиян откладывать всё до последней возможности, даже и тогда, когда эта просрочка не влечёт за собою материальной выгоды» [Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование // СМА. 1896. Вып. 63. С. 343].

²¹⁶⁹ РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 80.

²¹⁷⁰ Там же. Л. 43.

действия и планы. В то же время, наиболее активная часть военных имела собственные представления о международной политике империи и старалась продвигать их в жизнь²¹⁷¹. И те, и другие считали, что отстаивают интересы России. И те, и другие обвиняли друг друга в недостаточном внимании к нуждам империи Романовых. Ситуацию обостряло то, что формально военные находились на ступеньку ниже дипломатов, а то и вообще в зависимом положении в структуре выработки и принятия внешнеполитических решений. В.А. Косоговский изначально поставил себя как независимого командира, который вопреки чьей-то воле сделает то, что считает нужным. Естественно, такая позиция настроила против него членов Миссии. Формально Заведующий был подчинён посланнику и должен был выполнять его распоряжения, а не действовать самостоятельно. Полковник же, сообщая о своих действиях дипломатам, действовал по своей программе, зачастую лишь ставя Миссию в известность *post factum*. Те, естественно, отвечали скрытым или открытым раздражением и старались поставить Заведующего на место различными способами. В результате, В.А. Косоговский был зол на дипломатов, так как считал, что те мешают ему реализовывать истинные интересы империи. Эта злость обострялась националистическими взглядами полковника (в свою очередь, и усиливая их). Ведь Е.К. Бюцов и А.Н. Шпейер, не говоря уж о более низких чинах Миссии, были «нерусскими». Встречая препятствие в реализации своих планов со стороны тех, кто, по его мнению, должен был им всемерно содействовать, В.А. Косоговский всё больше раздражался. А это раздражение проявлялось на ротмистре. Тот был, по его мнению, «любимчиком» Миссии, но подчинённым Заведующему, поэтому сорваться на нём было легче, чем на посланнике или его окружении.

Тем не менее, нельзя рисовать В.А. Косоговского в свете отношения к дипломатам, В.К. Бельгарду исключительно чёрными красками. Он был цельной, активной личностью, имевшей свои интересы и убеждения, в том числе и относительно того, как должны действовать русские на Востоке. И их он пытался отстаивать и реализовывать. Тем более, что в своих действиях полковник был не одинок. Здесь мы подошли к самому важному моменту в определении причин

²¹⁷¹ Классическим примером может служить продвижение империи в Центральную Азию, где военные действовали часто помимо Министерства иностранных дел.

сложных взаимоотношений В.А. Косооговского с представителями России в Персии. Судя по архивным материалам, полковник имел от своего начальства на Кавказе чёткие задания²¹⁷². К сожалению, точно установить их пока не удалось, но косвенно определить можно исходя из первого года службы В.А. Косооговского на новом посту.

Как уже говорилось, на следующий день после своего приезда в Тегеран полковник заявил поверенному в делах, «что он уполномочен кавказским начальством отчислить ротмистра Бельгарда без объяснения причин»²¹⁷³. Позже, в январе 1895 г., в секретном письме начальнику штаба Кавказского военного округа российский посланник писал: «Когда я вернулся в Тегеран в июне минувшего года, поверенный в делах Шпейер ... сказал мне, что заметил в полковнике Косооговском с самого приезда его в Тегеран сильное против ротмистра Бельгарда предубеждение». В личных беседах полковник утверждал, что кавказское военное начальство «имеет невыгодное мнение о ротмистре», и что он был уполномочен отчислить его от службы в Персии даже без объяснения ему причин²¹⁷⁴. Очевидно, В.А. Косооговский действительно получил от своего командования задачу отстранить В.К. Бельгарда от командования бригадой, что было и не удивительно, поскольку ротмистр был временно командующим ПКБ. К тому же он обладал какой-то информацией относительно ротмистра, так как прибыл в Тегеран уже с предубеждением против него. В упоминавшемся «Кратком очерке отношений полковника Косооговского к ротмистру Бельгарду» имеется характерная запись. «В городе Канине, встретив там господина Шталя, полковник незнакомому человеку позволил себе, ещё никогда не видев ротмистра Бельгарда, отзываться о нём неблагоприятно»²¹⁷⁵. Что за задачи ставило перед В.А. Косооговским кавказское начальство относительно ПКБ и В.К. Бельгарда, точно не известно. Тем не менее, они очевидно касались наведения порядка в части и отстранения ротмистра от командования. Задачи эти, судя по тому, что посланник не знал о них, были обозначены в обход Миссии и, возможно,

²¹⁷² Каждый новый Заведующий снабжался кавказским начальством устной или письменной инструкцией. К сожалению, тексты их нам не встречались, а о содержании можно судить лишь гадательно. Сведения о наличии таких инструкций «проскакивают» в источниках. В частности, известно о задачах общего характера, поставленных перед А.И. Домонтовичем и о пунктах инструкции Н.Д. Кузьмину-Караваеву. Видимо, подобное «наставление» в устной форме получил в штабе округа и В.А. Косооговский.

²¹⁷³ РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 122.

²¹⁷⁴ Там же. Л. 77.

²¹⁷⁵ Там же. Л. 66.

Министерства иностранных дел. Но, прибыв на место и столкнувшись с персидскими реалиями, полковник решил вообще убрать ротмистра из страны. Помимо изложенных причин, на это его толкали соображения дисциплинарного характера. Он не мог мириться с тем, что под его начальством будет служить офицер, стоящий ниже его по званию, но выше – по реальному положению. В условиях предпринятого Заведующим переформирования ПКБ и изменения позиции персидского правительства такое положение было опасным для русской военной миссии. Этим объяснялись и последовавшие действия В.А. Косоговского.

В августе 1894 г. посланник обратил внимание на упоминавшуюся болезнь ротмистра и ненормальное поведение инструкторов относительно своего товарища. К тому же полковник несколько раз являлся в Миссию с требованием скорейшего удаления опального офицера. Сначала к В.К. Бельгарду был отправлен первый секретарь Миссии А.Н. Шпейер, затем беседу с ним имел сам Е.К. Бюцов. На вопрос посланника, что Заведующий имеет против него ротмистр ответил, что не знает. Из-за предвзятого отношения к нему В.А. Косоговского он настаивал на немедленном своём отчислении из Персии. В.К. Бельгард ходатайствовал перед членами диппредставительства о получении им «в виду ... категоричного обещания полковника Косоговского девятимесячного содержания или 1 800 туманов» для выплаты долга²¹⁷⁶.

Видимо, ходатайство было удовлетворено. 20 августа ротмистр явился к своему командиру с аналогичной просьбой. Тот высказал согласие и дал слово содействовать во всём. Но выдвинул одно условие – чтобы В.К. Бельгард отсутствовал на шахском смотре, поредполагавшемся в середине сентября. «Если смотр будет удачен, – заявил он, – то это будет неприятно для вас, а если неудачен, то присутствие ваше на нём будет неприятно для меня»²¹⁷⁷.

Указанный смотр имел важное значение для ПКБ. Не смотря на старания русской Миссии «не выносить сор из избы», конфликт в бригаде стал известен персидским сановникам и шаху. Этому способствовал и сам полковник, изначально неблагоприятно отзывавшийся о своих предшественниках перед Насреддин-шахом, садр-азамом и военным министром. Не могло не броситься в глаза игнорирование

²¹⁷⁶ Там же. Л. 67.

²¹⁷⁷ Там же. Л. 67.

шахских пожеланий видеть В.К. Бельгарда в бригаде и самому правителю. Тем более, что Заведующий всячески старался ограничить возможности ротмистра на инструкторском поприще.

С августа 1894 г. начинаются попытки персидской стороны «изловить», выражаясь словами полковника, нового Заведующего. Это дало бы повод для ходатайства о его удалении, а возможно, и для изменения статуса ПКБ. Сам В.А. Косоховский так описал ситуацию. «К приезду (11 мая 1894 г.) нового командира полк. Косоховского, бригада была в сильном упадке. Военный министр Наиб ос-Солтане подал шаху мысль совсем упразднить казачью бригаду, оставив только 165 “казаков” при одном русском офицере, как конвой шаха, военного министра и некоторых вельмож. Шах знал про плачевное состояние бригады, но не желал накладывать руки на бригаду, чтобы не ссориться из-за этого с русским правительством, а выжидал, что сами русские командиры настолько запутаются, что дальнейшее существование бригады станет невозможным. Полковник Косоховский произвёл хорошее впечатление на шаха, и он назначил смотр бригаде на 15 сентября ... Этот смотр должен был иметь решающее значение для бригады. Германский посланник, уверенный в гибели бригады, вёл уже переговоры о замене русских инструкторов немецкими. Шаху были поданы на рассмотрение рисунки различных форм германской кавалерии. Шах склонялся на предложение германского посланника. Но немцы сделали крупную ошибку, потребовав на содержание каждого всадника по 150 т. в год. Персиянам цифра эта показалась очень большой, и они отказали немцам»²¹⁷⁸. Этот фрагмент нуждается в комментариях.

Полковник сильно «приукрасил» свой рассказ, а многие исследователи (в том числе отчасти и мы) последовали вслед за ним. Тем не менее, с его утверждениями можно согласиться лишь частично. К его приезду ПКБ действительно находилась в упадке. Но утверждение, что В.А. Косоховский спас её от ликвидации или реформирования неверно. Именно его назначение и поведение в Персии стали непосредственной причиной, по которой вообще возник вопрос о дальнейшем существовании бригады. До появления В.А. Косоховского шах не собирался ликвидировать ПКБ. Напротив, высказывал желание увеличить её численность и

²¹⁷⁸ Косоховский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 395.

бюджет. И добился этого ротмистр В.К. Бельгард. Но в силу нежелания российской стороны оставить того командовать элитной частью и изначального поведения В.А. Косооговского хорошее впечатление, сформированное ротмистром, стало исчезать. Персы стали охладевать к ПКБ. Заносчивость, самоуверенность и излишняя прямолинейность полковника повлияли на мнение шаха и военного министра. Впрочем, последний давно хотел ликвидировать ПКБ, только не это ему удавалось. Теперь представился удобный случай, и он не замедлил им воспользоваться.

В цитированном письме к А.Н. Нелидову полковник вновь повторял версию, в которую, видимо, и сам верил. «Перед моим приездом в Персию, – писал он, – покойному (шах умер в 1896 г.; письмо не датировано, но писалось примерно в 1899 г. – О.Г.) Насреддин-шаху до того надоело это неестественное положение вещей (речь идет о проблемах финансового характера – О.Г.), что было решено отделаться от “казачьей” конницы с русскими инструкторами во главе; не знали только с какого конца взяться за это дело, боясь, как бы не обидеть русское правительство»²¹⁷⁹. Рассказ В.А. Косооговского о том, что шах давно хотел избавиться от ПКБ – выдумка. Назначение нового Заведующего и отстранение В.К. Бельгарда продемонстрировали Насреддин-шаху в очередной раз пренебрежение России его желаниями. Этого, по всей видимости, опасался Е.К. Бюцов, люббируя ротмистра. Естественно, шах с некоторой долей враждебности отнёсся к В.А. Косооговскому, а затем и к самой военной миссии. Именно тот своими откровениями и поведением спровоцировал шаха на охлаждение. Вплоть до декабрьского смотра бригады отношение к ней шаха базировалось исключительно на личной неприязни к полковнику²¹⁸⁰. Возможно, тогда действительно возник проект замены русских инструкторов на немцев. Германия действительно в конце XIX в. развернула активную политику на Востоке, желая стать вровень с ведущими колониальными державами²¹⁸¹. И у неё был на тот момент казавшийся успешным опыт в

²¹⁷⁹ Персия в конце XIX века. (Дневник ген. Косооговского) // Новый Восток. 1923. Кн. 3. С. 448.

²¹⁸⁰ Из последовавших в конце лета – зимы 1894 г. событий очевидно, что главный удар шаха был направлен не против ПКБ, а против В.А. Косооговского. Инициатива, возможно, исходила и от Наиб ос-Солтане, но решения относительно бригады принимал Насреддин-шах. Это прекрасно понимал и сам полковник, отмечавший в своём дневнике, что «изловить» его хотел именно персидский правитель [РГВИА. Ф. 76. Д. 217. Л. 99].

²¹⁸¹ Ерусалимский А.С. Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М.: Наука, 1968. 284 с.; Ерусалимский А.С. Внешняя политика и дипломатия Германского империализма в конце XIX века. М.: Академия Наук СССР, 1948. 433 с.; Ильхамов Д.А. Проникновение Германии на Ближний и Средний Восток и русско-германские противоречия. Дисс. ...

преобразованиях азиатских армий – в Китае, Японии, Османской империи²¹⁸².

Но о плане создания военной миссии мы знаем пока только из записей В.А. Косооговского. Насколько он был реален – сказать сложно. В исследованиях, касающихся иранских вооружённых сил последней трети XIX в., о попытках немцев внедрить в персидскую армию своих офицеров в 1894 г. ничего не говорится. А вот

магистра истории. Ташкент, 2014. 96 с. Силин А.С. Экспансия Германии на Ближнем Востоке в конце XIX века. М.: Наука, 1971. 256 с.; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 71; Фокин С.В. Колониальная политика Германии в 1871–1941 гг. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2004. 51 с.; Чарный И.С. Начало колониальной экспансии Германии в Африке (1879–1885). М.: Наука, 1970. 213 с.; Deren S. German ideas and expectations on expansion in the near east. A Dissertation By... doctor of philosophy, 2004. 266 p.; Illich N.S. German Imperialism in the Ottoman Empire: A Comparative Study. A Dissertation By... doctor of philosophy. Texas A&M University, 2007. 265 p. Ирано-немецкие отношения строились на основе петербургского договора 1873 г. [Истягин Л.Г. Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне первой мировой войны. М.: Наука, 1979. С. 11–12]. В то же время Ирану были проданы 20 000 ружей Минье, захваченных у французской армии в 1870–1871 гг. Но канцлер Германии Отто фон Бисмарк, возглавлявший внешнюю политику страны, долгое время были противником колониальной политики в классическом виде (т.е. создания колоний) [Троян С.С., Троян П.С. Отто фон Бисмарк і колоніальне питання в Німеччині (1840–1890 pp.). Рівне: РІС КСУ, 2011. 224 с.; Щербаков А.И. Политические взгляды Отто фон Бисмарка и их изменения в спектре колониального вопроса германской империи в конце XX в // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 2 (688). С. 222–232]. Колониальную политику он понимал как политику защиты уж существующих коммерческих интересов в колониальных областях [Гончаренко Л.Л. Колоніальна концепція Отто фон Бисмарка // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Історичні науки. 2013. № 1(2). С. 22]. Поэтому он отрицательно относился к набиравшим силу идеям колониальной экспансии, в том числе и в Иран. Здесь, в частности, он также не хотел портить отношений с Россией, как союзником в Европе. Ситуация несколько изменилась после 1879 г., когда в русско-немецких отношениях наступило охлаждение. На рубеже 1879–1880 гг. Насреддин-шах пытался привлечь Германию и Австро-Венгрию в качестве посредников для ограничения русского и английского влияния в стране, но неудачно [Истягин Л.Г. Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне первой мировой войны. М.: Наука, 1979. С. 15–16]. Успех Пруссии в войнах за объединение Германии оказал воздействие на шаха. В 1873 г. он задумывался о возможности реорганизации вооружённых сил по германскому образцу, а в 1885 г. отрядил специальное посольство в Берлин с целью приглашения немецких военных инструкторов [Там же. С. 16–17]. В 1885 г. на фоне Болгарского кризиса и обострения русско-германских отношений О. фон Бисмарк дал согласие на посылку инструкторов из отставников. В Иран были отправлены 2 отставных генерала Фольмер и Ветт, однако, хотя и побыли там до конца 1890-х гг. и 1911 г. соответственно, успеха не добились. Связано это было с тем, что основные места уже были «застолблены» русскими и австрийцами, а также тем, что на тот момент реальных проектов по вмешательству Германии в иранские военные дела ещё не имелось. Немцы только обозначили здесь своё присутствие. К тому же О. фон Бисмарк был против сотрудничества с Великобританией, отказавшись от сделанного в 1885 г. предложения совместно выступать в иранских делах [Там же. С. 18]. Наконец, немецкие инструкторы оказались при дворе Зелл ос-Солтане, который использовал их для формирования собственной армии. А после того, как сын шаха впал в немилость, была фактически и свёрнута серьёзная деятельность инструкторов. В 1885 г. между Германией и Ираном были установлены дипломатические отношения [Там же. С. 19], и с этого времени начинается постепенная яработка планов по германскому проникновению в страну Льва и Солнца. Но после отставки О. фон Бисмарка в 1890 г. и сменой императора – на трон взошёл Вильгельм II – сторонники активной колониальной экспансии получили поддержку в лице самого кайзера. В 1890-е гг. в Германии вновь проснулся интерес к Ирану, который в начале XX в. превратился в серьёзную угрозу российскому и английскому влиянию. В частности, в 1895 г. немецкие капиталисты пролучили у шаха концессию на строительство и эксплуатацию шоссейной дороги от Тегерана до турецкой границы через Хамадан и Керманшах. Интересно, что получена концессия была когда российский посланник отсутствовал в Тегеране [Там же. С. 32–33].

²¹⁸² Мерк В. Китайская армия во второй половине XIX – начале XX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: rubicon-club.narod.ru/kitay.doc. С. 33–52; Недзвецкий В. Военные реформы в Китае // Военный сборник. 1886. № 12. С. 191–208; Русско-японская война. М.: Изд-во Эксмо, Изографус; СПб.: Terra Fantastica 2003. С. 43–62; Силин А.С. Фон дер Гольц и его военная миссия в Турции // Германский империализм и милитаризм. Сборник статей. М.: Наука, 1965. С. 64–91; Jehuda W.L. Anatomie einer Militärhilfe. Die Preußisch-deutschen Militärmissionen in der Türkei 1835–1919. Düsseldorf: Droste Verlag, 1976. 284 s.; Kerst G., Heimburger F. Finding words for an unequal partnership – German soldiers and the Ottoman Empire 1835–1918 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.franziska.fr/dossier-heimburger.pdf; Kerst G. Jacob Meckel, sein Leben, sein Wrken in Deutschland und Japan. Göttingen, Zürich, Frankfurt: Musterschmidt, 1970. 164 s.; Türk Fahri. Deutsche Militärmissionen und ihre Rolle beim deutsch-türkischen Waffenhandel im Osmanischen Reich 1871–1914 // Electronic Journal of Political Science Studies. 2010. June. Vol. 1. № 1. S. 88–102.

английский след здесь наверняка был²¹⁸³. Англичане с начала 1890-х гг. терпели от русского представителя в борьбе за влияние при шахском дворе поражение за поражением и были не прочь отыграться. Камран-мирза, действуя в своих интересах, не забывал и о тех, кто платил ему деньги. Скорее всего, прав Н. Тер-Оганов, который, вслед за В.А. Косоновским, утверждал, что именно персидский военный министр «предлагал своему отцу вообще упразднить» ПКБ, «тем не менее шах, опасаясь недовольства со стороны правительства России, не дал своего согласия»²¹⁸⁴. Только произошло это не в начале, а в середине 1894 г.

Ситуация с ПКБ к концу лета сложилась таким образом, что формально можно было легко добиться если не её ликвидации, то сокращения: из конной она превратилась в «полупехотную», численность была значительно меньше заявленной. Достаточно было указать, что на воинскую часть расходуются непомерные средства, при этом налицо нет и половины штатного состава, и это был бы прекрасный повод для действий не в пользу российских интересов. ПКБ держалась, не смотря на договоры и соглашения, в основном на благорасположении персидского правителя. Формальная сторона её существования всегда играла второстепенную роль – давала законные основания. Но она же могла служить и препятствием в развитии, поскольку реальная жизнь Персидской монархии строилась не на законах, а на прецедентах, традициях, воле шаха и сановников. Последние могли использовать законы по своему усмотрению, а в случае, если это не получалось (как иногда с европейскими державами), создавали условия, не благоприятствовавшие их исполнению.

В.А. Косоновский испортил первоначально отношения и с Миссией, и с шахом с его окружением, и с ротмистром. Этим объяснялись все его проблемы и «некоторая инертность» русских дипломатов «когда решалась судьба бригады»²¹⁸⁵. Тем не менее, он оказался упорным и последовательным в отстаивании своих (или своего начальства) интересов и представлений. Трудности, с которыми он столкнулся помимо изложенных, описал сам офицер. «Косоновский принуждён был работать день и ночь. С одной стороны, надо было сокращать разные

²¹⁸³ Н. Тер-Оганов совершенно справедливо заметил в своей работе, что «укрепление позиций Персидской казачьей бригады в Иране оказалось непосредственно связанным с обострившимся англо-русским соперничеством» [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 70].

²¹⁸⁴ Там же.

²¹⁸⁵ Там же. С. 71. Правильнее, всё же, сказать, что решалась судьба полковника.

экстраординарные, сверхбюджетные расходы и задумываться над каждым шаем²¹⁸⁶ ради погашения принятого им на себя дефицита: с другой стороны, всех пеших сажать на коней, а непокорных и не пожелавших приобретать лошадей совсем исключать из состава бригады, возбуждая этим неудовольствие и даже вражду многих высокопоставленных лиц, ходатаев за этих негодяев. Пришлось вызывать из различных провинций отпускных, из которых многие только числились по спискам, а в действительности не были уже в живых, между тем командиры полков продолжали получать половинное жалованье на такие мёртвые души; зачислять новых “казаков”, дабы умудриться показать шаху на смотре полное число их»²¹⁸⁷. Критикуя В.К. Бельгарда за то, что тот большое внимание уделил внешнему виду бригады в ущерб воинской подготовке, В.А. Косоховский, оказавшись на его месте, вынужден был сам прибегнуть к тем же действиям. На большее в тот момент ПКБ не была способна.

Однако полковник имел больше полномочий, иные задачи и видение будущего своей части. Он реализовывал идею создания боеспособного воинского формирования в Персии, находившегося бы под контролем России и служившего бы орудием отстаивания её интересов. Кому она принадлежала изначально – сказать сложно. Судя по записям полковника и его последующей деятельности, он был её явный сторонник и разработчик. Но посылка В.А. Косоховского в Иран и недовольство военного начальства излишней старательностью ротмистра «для шаха и Персии» позволяют предположить, что в своих задумках новый Заведующий был не одинок. Для начала необходимо было навести порядок в ПКБ, сделав из неё крепкую воинскую часть. Именно этим и собирался заняться В.А. Косоховский. Но обстоятельства отодвинули решение указанной задачи. К тому же ситуация вокруг ротмистра его откровенно раздражала и мешала сосредоточиться на деле. Все его действия свидетельствуют, что В.А. Косоховский поставил себе целью любыми средствами избавиться от популярного конкурента

На обеде 30 августа садр-азам ласково обращался с В.К. Бельгардом и высказал своё сожаление, что тот не остался командиром ПКБ. Видимо, это окончательно вывело полковника из равновесия. На следующий день он отказался принять

²¹⁸⁶ Шай – мелкая персидская монета.

²¹⁸⁷ Косоховский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 395.

ротмистра на завтрак, на который до этого пригласил. Днём В.К. Бельгард получил от В.А. Косооговского 800 туманов и расписку о выдаче 1 800, как того требовал Е.К. Бюцов. 1 000 туманов были удержаны Заведующим для погашения долга банку²¹⁸⁸. В письме главе Миссии он, правда, об этом не сообщил, написав, что «по приказанию Вашего превосходительства 1 800 туманов выданы Бельгарду в руки»²¹⁸⁹. В том же документе полковник заявил, что не имеет ничего против выдачи ротмистру 75 полуимпериалов для возвращения в свой полк. От последнего требовалось лишь составить рапорт персидскому правительству. В тот же день В.А. Косооговский подписал аттестацию своему подчинённому на производство в штаб-офицеры.

Аттестация эта по-своему интересна. Она позволяет с уверенностью утверждать, что полковник стремился возможно быстрее удалить ротмистра из Персии, соглашаясь на любые разумные требования и вступая в противоречие со своими же собственными заявлениями. Скорее всего, она стала результатом закулисного соглашения между командиром ПКБ и посланником – в её тексте много фраз, повторявших ходатайства Е.К. Бюцова начала года. К тому же она служит веским подтверждением того, что в своих воспоминаниях и письмах В.А. Косооговский далеко не всегда был искренен и говорил всю правду. Писал её В.К. Бельгард, но подписал командир ПКБ, таким образом, согласившись с тем, что в ней говорилось. Главное, на что было обращено внимание в указанном документе, была деятельность ротмистра на должности Заведующего. Особо было отмечено, что в год его командования Насреддин-шах вернул отнятые при Н.Я. Шнеуре 16 854 тумана. «Этим шах показал, – констатировалось здесь, – что нисколько в настоящее время не сомневается в положительной пользе ... деятельности русских инструкторов». В аттестации утверждалось, что за время руководства В.К. Бельгарда, благодаря его стараниям, по сравнению с временем командования Н.Я. Шнеура, ПКБ была «поставлена весьма высоко в глазах общественного мнения, как персидского, так и европейского». В заключении хорошо оценивалась деятельность ротмистра, и содержалось ходатайство о производстве его в штаб-

²¹⁸⁸ РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 67–68.

²¹⁸⁹ Там же. Л. 84.

офицеры «по избранию»²¹⁹⁰, в виду приближения срока выслуги в 4 года 3 марта 1895 г.»²¹⁹¹. Не смотря на явное противоречие написанного с высказывавшимися В.А. Косоховским взглядами и откровенно «соглашательское» содержание документа, выделенные нами позиции всё же не следует отрицать. Во-первых, шах действительно распорядился вернуть ПКБ отнятые ранее деньги. Правда, сделал он это с расчётом сохранить ротмистра на посту Заведующего. Во-вторых, внешний эффект бригады, особенно пошатнувшийся после табачного бунта и проблем с финансированием при Н.Я. Шнеуре, действительно был восстановлен. А именно этого и добивались русские дипломаты в Тегеране – не боеспособной части, но сохранения ещё одного места, свободного от английского влияния.

1 сентября В.А. Косоховскому неожиданно сообщили, что шах пренёс дату смотра с 15 на 2 сентября. Это была первая попытка «изловить» полковника. Тем не менее, выпутался он из сложной ситуации довольно успешно. «Первый же смотр, на котором мне пришлось представлять эту самую “бригаду”, вышел необыкновенно удачен, и покойный шах, растроганный, сказал своему садр-азаму (великому визирю): “кажется, наконец-то русские прислали нам полковника по душе: подождём ещё, может быть из этого будет толк”», – писал позже В.А. Косоховский²¹⁹². «Смотр сошёл блестяще, – констатировал он в своих набросках для истории ПКБ, – и шах, садр-азам, принц Наиб ос-Солтане, все сановники и высшие военные чины, бывшие на смотре, выражали свой восторг. На этом смотре шаху было представлено около 500 конных казаков, всех же в это время насчитывалось уже 800. Благодаря блестящим результатам смотра, бригада была оставлена ещё на неопределённое время»²¹⁹³. Конечно, к сообщениям полковника следует отнести критично. Из высказывания шаха (даже если оно является «апокрифом») очевидно, что для него проблема крылась не в самой бригаде, а в новом её командире. Именно для него было сделано это своеобразное испытание. Во второй цитате сомнения цифры и последнее утверждение. 27 ноября, перед очередным смотром, полковник записал в своём дневнике, что у него нет

²¹⁹⁰ Система чиновничества по избранию предполагала, что офицеры производятся в чины независимо от числа лет, проведённых на службе, а исключительно по усмотрению высшего начальства, представляющего к производству в следующий чин офицеров, выказавших наилучшие служебные качества.

²¹⁹¹ Там же. Л. 85–86.

²¹⁹² Персия в конце XIX века. (Дневник ген. Косоховского) // Новый Восток. 1923. Кн. 3. С. 448.

²¹⁹³ Косоховский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 395.

налицо и 300 «казаков»²¹⁹⁴. Видимо, путём вызова из отпусков и набора новых людей на время смотра В.А. Косооговский действительно сумел набрать около 500 человек²¹⁹⁵. Но затем отпускники вернулись по домам, а наёмные – к своим первоначальным занятиям. Найм на время каких-либо воинских мероприятий людей с улицы практиковался в частях персидской армии часто²¹⁹⁶. Так, упоминавшийся В.А. Франкини приводил пример дяди шаха губернатора Ирака Фируз-мирзы. Тот уплатил шаху 15 000 туманов за право командования тремя батальонами. «Принц эксплуатирует их в свою пользу с ведома высших властей, – сообщал генерал. – Для того, чтоб вознаградить себя, он берёт для своих надобностей бесплатно сколько угодно людей, и с другой стороны, выдаёт за деньги произвольное число отпускных билетов, так как ему нечего опасаться серьёзной проверки наличного состава частей, которые никогда не проверяются»²¹⁹⁷. Люди шли на работу, куда им выгодно, а командир подкупал казначея или нанимал на их место «временных заместителей, которым он выдаёт несколько шахи (копеек) за эту услугу, получая сполна жалование и содержание всего штатного состава батальона»²¹⁹⁸. Что до 800 человек, то это был примерный штатный состав ПКБ. Реально на всех этих людей полковник рассчитывать не мог.

В силу уже излагавшихся причин нельзя доверять и утверждения, что бригада была сохранена на некоторое время. Скорее, сохранён был сам В.А. Косооговский: частично удовлетворённый шах не имел повода к недовольству его командованием. Тем не менее, все проблемы решены не были, хотя утверждение полковника, что ПКБ стояла на грани ликвидации, не отвечало реальному положению дел.

²¹⁹⁴ РГВИА. Ф. 76. Д. 217. Л. 99.

²¹⁹⁵ Косооговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 395.

²¹⁹⁶ Впрочем, «дику» это выглядело для европейца XIX в. В эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени в Европе нравы относительно армии были очень схожи. Характерное описание, относящееся к XVI–XVII вв., приводил в своей работе известный военный теоретик А.А. Свечин. «Авторитет начальников в наёмных полках, – писал он, – страдал в значительной степени вследствие того, что солдатам было известно, что полковник показывал много большую наличность солдат, чем она была в действительности чтобы присвоить себе содержание мёртвых душ. Весьма часто на бумаге части наёмных войск были вдвое многочисленнее, чем на самом деле. В случае смотра, для пополнения численности полка, в строй ставились пасволанты, летучие, взятые на прокат люди, обычно слуги, иногда переодетые женщины. Обычай того времени не позволяли, в случае обнаружения такого мошенничества, вменить его в вину действительно виновным - полковнику и капитану, но устав требовал, чтобы статисту, изображавшему солдата, был отрезан нос, чтобы он не мог продолжать работу подставного лица» [Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М.: Академический проект; Жуковский; Кучково поле, 2002. С. 157].

²¹⁹⁷ Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 2–3.

²¹⁹⁸ Там же. С. 3.

В середине сентября состоялось предварительное решение российского командования относительно конфликта в бригаде. После доклада начальника штаба, командующий войсками Кавказского военного округа генерал-адъютант, генерал-лейтенант С.А. Шереметев решил немедленно удалить из Персии как ротмистра В.К. Бельгарда, так и подьесаула А.Ф. Рафаловича, «действия которого вполне заслуживают наказания, наравне с действиями ротмистра Бельгарда». Главноначальствующий Кавказской администрацией полагал, что оба офицера подлежат суду. Однако удаление должно было состояться быстро и без особых разъяснений для персидской стороны, поскольку гласность его могла нанести ущерб русскому влиянию²¹⁹⁹. О последнем, впрочем, он беспокоился зря – как уже отмечалось, конфликт, пусть и не «во всей красе» уже отчасти выплыл наружу и стал известен иранской стороне.

Решение кавказского начальника было сообщено в Главный штаб и доложено военному министру, который одобрил отозвание. Основываясь на указаниях российского начальства, В.А. Косооговский приказал бывшему исполнявшему обязанности Заведующего срочно покинуть Иран. Полковником было запрещено ротмистру сделать традиционное в таких случаях представление шаху и военному министру²²⁰⁰. По возвращении в Россию В.К. Бельгард был откомандирован в свой полк, а в Военном министерстве было начато дознание относительно его вины²²⁰¹. О А.Ф. Рафаловиче точных сведений нет. Но, судя по переписке начала следующего года, он остался в бригаде до окончания расследования из-за недостатка инструкторов.

С этого момента в ходе кризиса начинается второй этап. Он характеризовался борьбой В.А. Косооговского за сохранение и укрепление как своего положения в Персии, так и ПКБ, и расследованием «дела Бельгарда» на уровне Санкт-Петербурга.

Осень – начало зимы выдались очень сложными для нового Заведующего. После «внезапного» отъезда В.К. Бельгарда Насреддин-шах всячески старался вредить полковнику. Не исключено, что действовал он так не только по личным

²¹⁹⁹ РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 39.

²²⁰⁰ Там же. Л. 68.

²²⁰¹ Там же. Л. 46–47. Естественно, не было удовлетворено и ходатайство о производстве ротмистра в следующий чин. Подполковником он стал только в феврале 1896 г.

побуждениям, но и подталкиваемый английскими представителями²²⁰². Удалить В.А. Косооговского он не мог, опасаясь последствий со стороны России. Поэтому основной упор был сделан на помехи в формировании и переустройстве ПКБ, в частности, путём задержки бюджетных выплат. Одним из методов давления на В.А. Косооговского стали различные смотры, с начала сентября «посыпавшиеся» на бригаду. Они были опасны тем, что часть, находившаяся в стадии переформирования, могла оказаться попросту не готовой даже в строевом отношении. Реальная численность ПКБ Заведующим была несколько увеличена, однако к ноябрю на лицо он не имел и 300 «казаков». Сложностью был вызов и подготовка отпускников. Во-первых, они были рассеяны по стране. Во-вторых, по возвращению в часть им нужно было платить полное жалование. При отсутствии быстрой связи и недостатке финансов это создавало трудности. Вызывая «казаков» из отпусков, полковник вынужден был действовать только своим авторитетом, а после окончания смотров – распускать их по домам. Ситуацию осложняло наличие «мёртвых душ»: некоторые из формально находившихся в отпуску «казаков» уже умерли, но из списков исключены не были. Таким образом, для соответствия списочного и наличного осотава на смотрах полковнику приходилось прибегать к различного рода уловкам: временному найму или зачислению новых, необученных нижних чинов. Особенно это касалось мухаджиров. «Мухаджирский вопрос» по-прежнему оставался актуальным²²⁰³. Детальнее мы остановимся на нём при характеристике событий весны 1895 г. Здесь же отметим, что фактически мухаджиры составляли бригадный «балласт», избавиться от которого В.А. Косооговскому было сложнее всего в силу традиционного привилегированного положения этой группы населения Персии. Трудность заключалась также в том, что переизбыток офицеров в ПКБ также был результатом этих привилегий. Положение полковника осложнялось отсутствием поддержки со стороны Миссии. В одном из своих писем знакомым в Россию В.А. Косооговский жаловался: «русская Миссия играла «римскую игру», выжидая, чем всё кончится ... при этом, в течение двух лет

²²⁰² Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 71.

²²⁰³ По данным 1893 г. в ПКБ осталось около 200 мухаджиров, и ещё около 300 проживало в окрестностях Тебриза. «Большинство их представляет из себя престарелых инвалидов, неспособных к службе и живущих на пенсии. Их потомки получают наследственное жалование: по качеству они, однако, ничем не отличаются от остальной иррегулярной кавалерии» [Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1895. С. 705].

ни одного письменного указания, приказа или совета от неё не получил»²²⁰⁴.

Возможно, Заведующий и «сгущал краски», тем не менее, отношения его с российскими дипломатическими представителями действительно оставались натянутыми.

Поворотным пунктом в отношении Насреддин-шаха к бригаде стал декабрь 1894 г. На начало этого месяца в ноябре им был назначен смотр тегеранского гарнизона. Однако 27 ноября ситуация вновь резко поменялась. По этому поводу В.А. Косоховский сделал в дневнике характерную запись. «Внезапно явился адъютант-баши²²⁰⁵», – записал он, сообщивший, что на четверг 1 декабря шах назначил военному министру смотр гарнизона. «Уж не дошло ли до шаха, – отметил полковник, – что у меня налицо нет и 300 “казаков”, не хочет ли он меня изловить?»²²⁰⁶. Учитывая сложное отношение Насреддин-шаха к В.А. Косоховскому, волновался Заведующий не зря. Оставшиеся три дня он посвятил срочному вызову из отпусков «казаков» и активным учениям. Отпускники прибывали каждый день, даже в день смотра явились 46 человек²²⁰⁷. Тем не менее, количество чинов бригады не превышало цифры смотра 2 сентября.

Но волновался не только полковник. Камран-мирза, который с начала 1860-х гг. являлся губернатором Тегерана, был обеспокоен не меньше. Пользуясь своим положением военного министра и управителя столицы, он обогащался любыми способами, в том числе и за счёт находившихся в Тегеране войск. Опасаясь за их внешний вид и подготовку, Наиб-ос-Солтане, вилимо, искренне рассчитывал на ПКБ. 29 ноября он провёл предварительный смотр гарнизона и «пришёл в неподдельный восторг» от «казаков». «Развеселился, – записал В.А. Косоховский, – и начал высказывать ко мне особенную симпатию», отметив, что если подведут другие части, то ПКБ не подведёт²²⁰⁸. Этот случай интересен тем, что несколько противоречит заявлениям полковника в других источниках о яростном желании военного министра уничтожить бригаду. Если бы такое было на тот момент, то Камран-мирза постарался бы выставить «казачью» часть в худшем свете. Тем более, что случай был превосходный. Однако всё было намного сложнее. Наиб ос-Солтане,

²²⁰⁴ РГВИА. Ф. 76. Д. 217. Л. 205.

²²⁰⁵ Главный адъютант.

²²⁰⁶ РГВИА. Ф. 76. Д. 217. Л. 99.

²²⁰⁷ Там же. Л. 201.

²²⁰⁸ Там же. Л. 99.

очевидно, боялся за своё положение и поэтому был крайне заинтересован, чтобы ПКБ выглядела впечатляюще. Как и многие персидские сановники, он был «человеком ситуации», то есть руководствовался не столько устоявшимися взглядами, сколько сложившимся на тот или иной момент положением. К тому же, как показали дальнейшие события, военный министр хотел не столько ликвидации ПКБ, сколько перевода её под свой полный контроль – ведь это была единственная часть гарнизона, на которой «делать деньги» было небезопасно. За ПКБ стояла русская Миссия и долговременная невыплата денег, как это практиковалось во многих других родах войск, могла повлечь за собой скандал дипломатического характера. А, зная изменчивый характер шаха, этот скандал мог больно отразиться на Камран-мирзе – ещё свежи были в памяти действия Насреддин-шаха относительно своего старшего сына Масуд-мирзы в 1880-х гг. Нельзя забывать, что ПКБ «мешала» Наibu ос-Солтане и в его мечтах о престоле после смерти отца. Поэтому избавиться он от неё действительно хотел. Вернее, избавится не столько от бригады, сколько от русского влияния над ней. Тем не менее, в конце 1894 г. он в силу сложившейся ситуации выступил не антагонистом, а союзником В.А. Косооговского.

1 декабря достоялось то, что в своих дневниках полковник называл смотром, а в историческом очерке ПКБ – «манёвром». Нам кажется, что в последнем случае он просто несколько «сократил» происшедшее, чтобы подчеркнуть свою роль. Тем более, что 6 декабря прошли настоящие манёвры, о которых в «Очерке» В.А. Косооговский не упомянул.

Смотр 1 декабря включал в себя прохождение войск гарнизона перед шахом, его окружением и представителями иностранных держав, учебный бой («двусторонний манёвр») и джигитовку. Бригада произвела «фурор полнейший»²²⁰⁹. Ни один из начальников гарнизонных частей не сумел толково построить свои части для прохождения, а полковник построил «в 2 минуты». Пехота и артиллерия прошли перед наблюдавшими вразброд, одно орудие распряглось прямо перед Насреддин-шахом. На этом фоне «казаки» оказались на высоте, промаршировав организованно, а «казачья» батарея без проблем миновала зрителей карьером²²¹⁰.

²²⁰⁹ Там же. Л. 99.

²²¹⁰ Очень быстрый галоп, при котором лошадь движется почти прыжками в два темпа. Там же. Л. 201.

Затем последовали учебные манёвры частей и двусторонний бой. Офицерский эскадрон ПКБ показал своё умение атаковать различными способами, в том числе «лавой»²²¹¹. Далее был «двусторонний манёвр». Вот как описывал его В.А. Косооговский. «Одной стороной командовал мирпяндж (эмир-пендж – О.Г.) Андрины, противной стороной – австрийский инструктор сартип Гейслер, обозный капитан у себя на родине, а в Персии генерал-майор. Конницей обеих сторон предложили командовать Косооговскому, но он отказался, ввиду невозможности быть в одно и тоже время начальником и своей и неприятельской кавалерии. Долго не могли также найти, кому поручить руководство всем манёвром, так как военный министр был совершенно некомпетентен в военном деле, Косооговского же нельзя было назначить, так как он, по персидским чинам, был младше начальников обеих сторон. Тогда шах назначил военного министра Наиб ос-Солтане руководителем манёвра, а начальником штаба – полковника Косооговского, приказав ему не мешать и подтверждать, что все его распоряжения исходят от военного министра. Так и было: Косооговский от имени военного министра стал отдавать приказания. По первому предположению, “казаки” были предназначены в засаду против иррегулярной кавалерии шахсевен, совершенно не обученных и впервые за много лет стянутых в Тегеран, но Косооговский хорошо знал, с кем ему придётся иметь дело, перевёл незаметно “казаков” в резерв, а на их место поставил тоже шахсевен, выделив часть из 1 800 человек, бывших на шахском смотре. Во время атаки шахсевен, которые сначала думали, что они действуют против “казаков”, а не против своих, было несколько убитых и раненых. Шах, боясь возмущения шахсевен, был сначала очень недоволен»²²¹². Завершила всё мероприятие джигитовка, в которой «казаки» вновь отличились, поскольку эта «отрасль» военного дела с самого начала существования ПКБ была поставлена лучше всего – большая часть личного состава была из кочевых племён, поэтому джигитовать умела чуть ли не с детства. Сложно сказать, насколько действительно недоволен был шах действиями В.А. Косооговского. Вечером после смотра от него была прислана тарелка мелких золотых монет. Всей ПКБ было выделено по 2 крана на человека, а джигитам и

²²¹¹ Там же. «Лава» – атака рассыпным строем; метод атаки, применявшийся в казачьих частях Российской империи [Калинин С.Е. Тактика ведения боевых действий казачьих полков. Донское казачье войско в 1812–1814 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kazakdona.ru/index.php?nma=catalog&fla=stat&cat_id=8&nums=126].

²²¹² Косооговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 395–396.

бригаде – по 3²²¹³. В своём дневнике полковник записал: «результат смотра блестящий: шах сказал, что он очень и очень доволен “казаками”. Наиб ос-Солтане долго тряс мне руку и осыпал похвалами “казаков”. Европейцы ... заявив, что этот смотр доставил им истинное наслаждение»²²¹⁴.

Однако уже на следующий день В.А. Косоховский случайно (так он записал в дневнике и оснований не доверять ему в данном случае нет) узнал, что шах назначил манёвры на 6 декабря. К счастью для полковника, часть отпускников ещё не успела покинуть казармы, унеся с собой двойное жалование и шахские «премии», а часть удалось быстро вернуть в распоряжение бригады²²¹⁵. Вновь начались учения. 3 декабря завдевающий предпринял репетицию предстоявшего представления. Вечером того же дня состоялся шахский «салям» – торжественный приём, или, точнее, выход²²¹⁶. «На саляме 3 декабря 1894 года, – писал В.А. Косоховский, – [шах] поручил своему сыну Наиб ос-Солтане надеть на Косоховского ленту эмир-тумана²²¹⁷, сняв её тут же с одного придворного. После саляма он позвал к себе полковника и в присутствии многих лиц сказал: “Теперь полковника можно назначать руководителем манёвров и смотров, так как из европейских начальников находящихся в Тегеране, нет ни одного, имеющего европейские чины, а по персидским чинам он теперь выше всех остальных”²²¹⁸. Орден и назначение на должность эмир-тумани свидетельствовали о том, что в шахском отношении к В.А. Косоховскому наметился резкий крен в обратную сторону²²¹⁹. Шах явно был доволен новым Заведующим. «Таким образом, Косоховский сумел с торжеством выйти из тяжёлого положения, – писал тот позже. – Персидское правительство, гордясь непривычным для персидских глаз образцовым строем “казаков”, стало после этого смотра и манёвра всё чаще и чаще

²²¹³ РГВИА. Ф. 76. Д. 217. Л. 99.

²²¹⁴ Там же. Л. 202.

²²¹⁵ Там же. Л. 100, 202.

²²¹⁶ Детально он описан у Мисль-Рустема [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 74–80].

²²¹⁷ Эмир-тумани (амир-туман, эмир-туман, эмир-томан, эмир-томани) – должность начальника дивизии-тумани и название ордена. В персидской армии данную должность сложно чётко соотнести с чином, но командовали тумани, как правило, лица в генеральских чинах. Одновременно мог иметь значение титула. Один из российских военных исследователей Ирана верно отобразил эту неопределённость, указывая, что титул «эмир-тумани» – это «нечто вроде полного генерала» [Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование // СМА. 1896. Вып. 63. С. 243].

²²¹⁸ Косоховский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 396.

²²¹⁹ РГВИА. Ф. 76. Д. 217. Л. 100. В некоторых источниках указанное награждение ошибочно относят к 1895 г. [Косоховский Владимир Андреевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://regiment.ru/bio/K/343.htm>; Список генералам по старшинству. Сост. по 1-е янв. 1904 г. СПб.: Военная типография, 1904. С. 1145].

назначать парады, смотры и манёвры, главным руководителем которых стал назначаться шахом Косоховский»²²²⁰. С этим пассажем полковника можно вполне согласиться. Как можно согласиться и с тем его ощущением, что членов российской дипломатической Миссии задело столь резкое возвышение Заведующего. 4 декабря В.А. Косоховский записал в дневнике: «завтра у посланника все чины Миссии. Видимо, завидуют и восстановлены против меня за эмир-тумана»²²²¹. Личный фактор действительно оказал своё влияние на отношения между полковником и русским диппредставительством. «Быстрое возвышение Косоховского сильно не понравилось членам российской дипломатической миссии в Тегеране, которые не скрывали своей ненависти к назначенному вопреки их желаниям начальнику инструкторов. С течением времени отношения Косоховского с Миссией ещё ухудшились, так как дипломаты увидели, что полковнику всё удавалось, и он, благодаря этому, делался популярным среди персиян, так что даже самое слово «полковник» обратилось в имя собственное», – писал В.А. Косоховский по этому поводу²²²². Тем не менее, Е.К. Бюцов вёл себя в отношении Заведующего предельно корректно, хотя, как уже отмечалось, не слишком способствовал его активным действиям. Скорее всего, резко негативно характеризуя отношения с дипломатами В.А. Косоховский отчасти переносил на более раннее время опыт общения с К.М. Аргиропуло, назначенным в 1897 г. посланником вместо Е.К. Бюцова.

Весь день 5 декабря прошёл в подготовке. Подтянулись почти все отпускники, и ПКБ вновь достигла цифры конца лета – около 500 человек²²²³. Наконец, 6 декабря состоялись манёвры, которые произвели впечатление на присутствовавшего шаха. В конце их Насреддин-шах спросил полковника, «что будет стоить довести бригаду до 1 000». По окончании мероприятия все чины ПКБ получили по 2 крана в награду²²²⁴. Очевидно, что шах окончательно утвердился в своём положительном отношении к новому Заведующему. Возможно, результатом этого стала выплата долга В.К. Бельгарда уже через 2 дня после смотра.

Как уже отмечалось, В.А. Косоховский принял долг в 1 000 туманов, сделанный ротмистром, на бригаду. Срок погашения его истекал 9 сентября. Однако между

²²²⁰ Косоховский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 396.

²²²¹ Там же.

²²²² Там же.

²²²³ РГВИА. Ф. 76. Д. 217. Л. 100.

²²²⁴ Там же.

Заведующим и руководством банка была достигнута договорённость, что сумма эта будет уплачена в течение 3-х лет²²²⁵. Тем не менее, 7 декабря на квартире Н.А. Орановского состоялись переговоры полковника с директором Ссудного банка Персии Шаскольским. В.А. Косоговский наотрез отказался выплатить проценты, соглашаясь вернуть лишь занятую сумму. В результате условия Заведующего были приняты. 8 декабря было «уплачено 1 000 туманов по расписке Бельгарда»²²²⁶. Таким образом, задолженность была ликвидирована досрочно, хотя вопрос о ней окончательно был закрыт лишь в начале 1895 г. Из каких именно сумм полковник взял деньги не совсем ясно. Хотя изначально он признал долг бригадным, тем не менее, перед кавказским начальством ходатайствовал, чтобы выплачен он был из средств, выделявшихся В.А. Косоговскому на военную агентуру (1 000 рублей). Согласие на это было получено. И таким образом деньги были выделены из военного бюджета Кавказского военного округа. Но были ли выплачены именно они – точно неизвестно. В начале января 1895 г. В.А. Косоговский сообщал о резком улучшении финансовых дел ПКБ²²²⁷, что было вызвано благорасположением со стороны шаха. Вполне возможно, что именно благодаря этому 1 000 туманов была возвращена банку.

Параллельно с усилиями В.А. Косоговского, по заданию Военного министерства штабом Кавказского военного округа было начато дознание относительно обвинений полковника против В.К. Бельгарда и А.Ф. Рафаловича. Были опрошены Заведующий, ротмистр, Е.К. Бюцов, А.Н. Шпейер, Шаскольский, полковое начальство В.К. Бельгарда. Основным дознавателем был российский посланник в Тегеране Е.К. Бюцов. Именно он по официальной просьбе главноначальствующего на Кавказе, согласованной с Министерством иностранных дел, делал запросы большинству лиц, задействованных в деле, поскольку они находились в Иране. Затем он сам подготовил обобщение, изложенное в секретных письмах начальнику штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенанту ГШ Петру Тимофеевичу Перлику и С.А. Шереметьеву. Штабом округа были опрошены

²²²⁵ РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 94.

²²²⁶ РГВИА. Ф. 76. Д. 217. Л. 100.

²²²⁷ РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 58.

непосредственно сам ротмистр, его бывшее начальство, а также составлены отчёты относительно работ В.К. Бельгарда по военно-агентурной части.

Основанием для расследования стали уже упоминавшийся рапорт В.А. Косооговского за номером 26 от 19 августа 1894 г. на имя посланника, докладная записка В.К. Бельгарда от того же числа и рапорт ротмистра от 23 октября 1894 г. на имя начальника отдела ГШ штаба Кавказского военного округа.

В своих документах²²²⁸ В.К. Бельгард вынужден был отвечать на обвинения полковника, которые отчасти стали для него новостью – до возвращения в Россию офицер не знал, в чём именно тот его обвинял²²²⁹. Его позиция, возможно и не совсем открытая, представила положение в ПКБ несколько в ином свете, чем рапорт В.А. Косооговского. Поэтому потребовалось более детальное изучение происшедшего. Сам ротмистр 2 ноября 1894 г. кавказским начальством был временно, до окончания дознания, откомандирован в свой полк²²³⁰.

В первую очередь, В.К. Бельгард доложил, что им действительно из денежного ящика бригады разновременно было взято 720 туманов, о чём было известно заведующему хозяйственной частью. Деньги эти были изъяты ротмистром в счёт его содержания. Объяснял это В.К. Бельгард сложившейся традицией. В случае необходимости офицер ПКБ мог получить от Заведующего «1/3 причитающегося ему содержания». «Я считал для себя совершенно законным воспользоваться этим правилом», – пояснял ротмистр²²³¹. Погасить же образовавшийся долг он решил частным займом в Ссудном банке Персии. «В конце марта текущего года мною действительно занята в Русском ссудном банке в Тегеране 1 000 туманов взамен чего выдан вексель по 9 сентября», – сообщал офицер. Полные подписи им и Рафаловичем были поставлены по требованию банка. Что касается поручительства подьесаула, то его ротмистр пояснял тем, что тот «был единственный мой товарищ, находившийся в это время в Тегеране»²²³². В.К. Бельгард опровергал обвинения В.А. Косооговского, что, подписавшись полными должностями, офицеры (точнее, исполнявший обязанности Заведующего) взяли долг на бригаду. Подписи на

²²²⁸ Там же. Л. 90–98, 108–114.

²²²⁹ Там же. Л. 69.

²²³⁰ Там же. Л. 46–47.

²²³¹ Там же. Л. 90.

²²³² Там же. Л. 90–91.

векселях, пояснял он, приобретают силу для ПКБ только в том, случае, если они заверены в Миссии. Но такого заверения не было.

«Означенную 1 000 туманов, – писал ротмистр, – имел в виду уплатить из моего содержания, так как рассчитывал до окончания трёхлетнего срока пробы в Персии ещё 2 года. Из содержания 2 400 туманов в год это можно было сделать». «Первоначально, – описывал он развитие событий, – было решено с полковником Косоховским ... что я уеду из Персии в марте будущего года, предварительно воспользовавшись отпуском в Россию». Таким образом, В.К. Бельгард предполагал получить необходимые ему для выплаты по обязательству деньги. Но в середине лета полковник потребовал немедленного отъезда ротмистра без объяснения причин. Тот, по его словам, обратился к А.Н. Шпейеру, сообщив, что для погашения долга и немедленного выезда ему необходимо девятимесячное жалование в размере 1 800 туманов, «которое и решено мне выдать»²²³³. Поясняя своё требование, ротмистр раскрывал особенности финансового обеспечения российских военных в Иране. «Все инструкторы, – писал он, – выезжавшие из Тегерана, получали при отъезде минимум трёхмесячное жалование, что теперь по курсу составляет 600 туманов. Было несколько таких, которые получали за 6 месяцев ... Суммы эти выдавались из экономии, которая получается в жаловании русских офицеров от промежутка времени ... между отбытием старого и прибытием нового инструктора»²²³⁴. В.К. Бельгард утверждал, что то, что ему выдали жалование за 9 месяцев, «все находят логичным», поскольку он командовал ПКБ не без успеха, а также потому, что полковник лишил его права отпуска своим требованием немедленного отъезда, соответственно, не дав ему возможности погасить задолженность²²³⁵. Ротмистр особо отмечал, что за отъезд полковник обещал ему любую сумму, лишь бы та была одобрена посланником. При этом Заведующий фактически запретил ему присутствовать на сентябрьском смотре. Е.К. Бюцов одобрил сумму в 1 800 туманов. «31 августа, – сообщал В.К. Бельгард, – получены

²²³³ Там же. Л. 91–92.

²²³⁴ Там же. Л. 92. Каждый инструктор, сменявший предыдущего, получал от иранского правительства 75 полуимпериалов командировочных. Жалование инструкторы получали не ежемесячно а ежеквартально. Соответственно, уезжая, по контракту В.К. Бельгард должен был получить 75 полуимпериалов дорожных. Большая часть вопросов финансового обеспечения инструкторов, о которых В.К. Бельгард говорил как о бригадной традиции, на самом деле были сформулированы в контракте. Но поскольку о его содержании из инструкторов знал только Заведующий, то со временем эти условия корректировались жизнью и превращались в сознании инструкторов в традицию.

²²³⁵ Там же. Л. 92.

мною от полковника Косоковского 800 туманов. 1 000 туманов оставлены были для погашения моего долга в банке. Мною выдана полковнику расписка в получении 1 800 туманов. В оставлении же у него 1 000 туманов для уплаты банку я от него никакого документа не получил»²²³⁶. «Я уехал из Тегерана 22 сентября, – рапортовал ротмистр, – не будучи представленный перед отъездом ни шаху, ни принцу (Камран-мирзе, военному министру – О.Г.)»²²³⁷.

Отводя от себя подозрения в незаконном использовании финансов ПКБ, В.К. Бельгард отмечал, что сам ввёл в ней гласную отчётность по хозяйственной части и денежным суммам. Кроме того, если бы он действительно хотел нажиться за счёт бригадных средств, он мог бы это сделать в отсутствие А.Ф. Рафаловича, когда был единственным русским офицером в Тегеране. Ротмистр утверждал, что его долг Ссудному банку – единственный за время пребывания в Персии. Объясняя подпись А.Ф. Рафаловича под векселем, В.К. Бельгард доказывал, что никакого давления он на него оказать не мог, поскольку не имел к этому средств. К тому же подьесаул, переписывавшийся и друживший с В.А. Косоковским, знал о его назначении, и уже это знание «должно было дать ему силу против моего принуждения»²²³⁸. В.К. Бельгард заявлял, что попросил А.Ф. Рафаловича по-товарищески и тот согласился.

Далее ротмистр подробно остановился на «своём-бригадном» долге. «Уплата же долгов ротмистра Бельгарда, – писал он, – бригада ... была вынужденною в размере 1 800 туманов взять на себя, обязавшись 1 000 из этой суммы выплатить банку в 3 года»²²³⁹. В.К. Бельгард доказывал, что именно благодаря В.А. Косоковскому этот частный долг превратился в бригадный. «Я утверждаю, – заявлял он, – что полковник сам принудил бригаду к уплате этой суммы: 1) требованием без причин моего отъезда; 2) не дав мне возможности перед окончательным отъездом из Персии воспользоваться отпуском, как это было решено вначале». В качестве третьей причины ротмистр называл то, что Заведующий сам согласился выдать ему любую сумму. При этом, пятым пунктом он заявлял, что тот

²²³⁶ Там же. Л. 94.

²²³⁷ Там же.

²²³⁸ Там же. Л. 93.

²²³⁹ Там же. Л. 94.

не предупредил его, что смотрит как на проступок на имевшую ранее место выдачу инструкторам трёхмесячного жалования перед отъездом²²⁴⁰.

Далее В.К. Бельгард утверждал, что «сумма в 1 800 туманов исчислена неправильно и вот почему: ... по контракту инструкторы получают содержание за 3 месяца вперёд. Я уехал из Тегерана 22 сентября, а 9 сентября (день выдачи содержания за третью четверть года) я находился на службе в Тегеране и имел законное право получить эту $\frac{1}{4}$ – 600 туманов, следовательно, бригада имела право исчислить выданную мне сумму в $1\ 800 - 600 = 1\ 200$ ». Далее ротмистр сообщал, что каждый инструктор по приезде и отъезде имел право на получение от персидского правительства 75 полуимпериалов (около 300 туманов по тогдашнему курсу), которые ему выданы не были. Он написал полковнику рапорт с просьбой о выплате указанной суммы. Тот пообещал дать, но лишь когда получит деньги от персов. Однако, когда В.К. Бельгард узнал, что бригада вынуждена платить за него его долги, то отказался от этой суммы. Таким образом, ротмистр не получил на законных основаниях 919 туманов ($600 + 319$). «Вот сумма, которую я, с согласия полковника и с одобрения посланника получил в счёт моего содержания, сверх того, на что имел неотъемлемое право, – констатировал ротмистр. – Выдача же при отъезде инструктору содержания за $4\ \frac{1}{2}$ месяца по прецедентам не представляет ровно ничего из ряда вон выходящего»²²⁴¹.

Кроме того, в качестве подтверждения своей невиновности В.К. Бельгард приводил ещё два довода. Во-первых, он обращал внимание на то, что 18 мая ПКБ была сдана им и принята полковником в полном порядке. Конечно, рассуждая рационально, этот аргумент был не слишком убедителен. В.А. Косооговскому могли предоставить внешне упорядоченную во всех отношениях часть, а тот, не вникнув ещё в дело, принял её, поскольку имел приказ (или указание) сделать это как можно скорее. Куда интереснее второй аргумент. По словам, ротмистра, полковник не предупредил его, что не признаёт законной выдачу В.К. Бельгарду денег, а о его обвинениях тот вообще узнал только после прибытия в Тифлис²²⁴². Последнее нам представляется самым важным во взаимоотношениях офицеров – оба они

²²⁴⁰ Там же.

²²⁴¹ Там же. Л. 94–95.

²²⁴² Там же. Л. 95.

подходили к одной проблеме с разных позиций, поэтому найти компромисс им было сложно. Заведующий считал В.К. Бельгарда растратчиком и вымогателем, в то время, как ротмистр вполне естественно думал, что действует на законных, с точки зрения существовавших традиций, основаниях. Как уже отмечалось, В.А. Косоховский, помимо имевшегося указания отстранить ротмистра, приехал в Персию с устоявшимися взглядами на организацию военной службы, в том числе и управления воинской частью. Модель, на которую он опирался, была сугубо европейской и воспитывалась в нём изначально как единственно возможная. Всё, что выходило за её рамки, не имело утверждённых уставами и прочими документами форм, было незаконным²²⁴³. В.К. Бельгард, прослуживший в Каджарской монархии уже больше года, был более гибок, не перенося российскую практику на персидскую реальность, а приспособливаясь к последней. В его пояснении на рапорт полковника от 19 августа эта разница мировоззрений ощутима очень отчётливо.

В.К. Бельгард утверждал, что долг его бригаде был погашен до приёма ПКБ В.А. Косоховским путём займа в Ссудном банке. Отметая от себя обвинения в финансовой нечистоплотности, ротмистр обращал внимание на то, что до того, как он стал исполняющим обязанности Заведующего, бригадные деньги хранились у персидского казначея. Тот давал их под проценты купцам тегеранского базара и по мере надобности доставлял в бесконтрольное распоряжение командира бригады²²⁴⁴. То есть, фактически В.К. Бельгард ликвидировал прекрасный источник возможного незаконного обогащения Заведующего, вместо того, чтобы его эксплуатировать.

Особое внимание В.К. Бельгард обратил на утверждение В.А. Косоховского, что он, якобы обещал посланнику к 1 мая 1894 г. погасить весь бригадный дефицит²²⁴⁵. Ротмистр заявлял, что такого обещания не давал. «Но посредством увеличения бюджета дал полковнику Косоховскому средства к уплате почти 2/3 дефицита бригады»²²⁴⁶. В подтверждение своего успешного управления финансами ПКБ он приводил следующие цифры. К моменту принятия ПКБ ротмистром 18 мая 1893 г. бюджетный дефицит составлял 13 073 тумана. К маю 1894 г. он был уменьшен до

²²⁴³ Впрочем, забегая вперёд, отметим, что после непродолжительного срока службы в Иране В.А. Косоховский уже стал совершенно по иному смотреть на внутривосточные дела, в том числе и связанные с ПКБ. «Романтический флёр» исчез.

²²⁴⁴ Там же. Л. 108.

²²⁴⁵ Там же. Л. 40.

²²⁴⁶ Там же. Л. 111.

10 160 туманов. Однако за год В.К. Бельгард вынужден был израсходовать 11 890 туманов на содержание «лишних людей и лошадей». «Значит, – констатировал он, – всего за год экономии сделано на около 15 000 туманов». Ротмистр утверждал, что если бы он не был вынужден содержать «лишних людей», то мог бы не только погасить дефицит, но и сэкономить около 2 000 туманов²²⁴⁷.

Конечно, в отдельных местах ротмистр был не совсем откровенен. Например, за 6 месяцев вперёд жалование получал до этого только один офицер, а не несколько. Непонятно, также, кто были эти «все», находившие логичным выдачу ему жалования за целых 9 месяцев. Скорее всего, речь идёт о членах русской Миссии. Тем не менее, его объяснения выглядели достаточно убедительно. К тому же, узнав по возвращении в Россию, что его долг подлежит уплате из сумм Кавказского военного округа, ротмистр принял выплату на себя, о чём донёс рапортом в штаб округа²²⁴⁸. Именно этот рапорт и указанные объяснения В.К. Бельгарда, скорее всего, послужили толчком для начала полноценного дознания. Немалую роль сыграло и заступничество Е.К. Бюцова. 24 октября 1894 г. он отправил С.А. Шереметеву телеграмму. В ней содержалась просьба оставить без последствий по службе действия ротмистра и подьесаула²²⁴⁹.

В январе–феврале 1895 г. основные материалы были собраны. На них следует остановиться подробнее, поскольку это позволяет выявить истинные пружины внутреннего кризиса и изменения отношения к ПКБ в России.

В первую очередь обращает на себя внимание изменение в тональности, как главного обвинителя, так и российского посланника. Оба они настаивали на освобождении ротмистра от всякой ответственности. Думается, ключевым, по крайней мере, для Е.К. Бюцова, стало письмо бывшего управляющего Ссудным банком Шаскольского от 10 января 1895 г. в ответ на устный запрос посланника. В нём банкир писал следующее. «В марте месяце подьесаул Рафалович обратился ко мне с просьбой помочь его сослуживцу по бригаде ротмистру Бельгарду в уплате нескольких неотложных долгов, оставленным последним в России, выдав Бельгарду из Ссудного банка ссуду в 1 000 туманов под его, Рафаловича, поручительство ... я

²²⁴⁷ Там же.

²²⁴⁸ Там же. Л. 69.

²²⁴⁹ Там же. Л. 83.

выдал из кассы Ссудного банка под личную расписку Бельгарда с поручительством Рафаловича 1 000 туманов». Относительно вида займа Шаскольский утверждал, что «сделанный ротмистром Бельгардом в Ссудном банке заём имеет безусловно частный характер», поскольку в Миссию при его оформлении В.К. Бельгард не обращался. Поясняя, почему под обязательством стояли подпись офицеров с указанием их официальных должностей, бывший управляющий банком сообщил, «что для формальности сказанного обязательства я просил господина Бельгарда и господина Рафаловича расписаться полными их званиями, как это вообще принято при всяких сделках». На основании изложенного Шаскольский делал вывод, что заём имел исключительно частный характер, и поэтому из бригадных средств обратно его получать не было оснований²²⁵⁰.

11 января Е.К. Бюцов написал ответ на запрос П.Т. Перлика по поводу докладной записки и рапорта ротмистра и сопроводительное письмо к нему для Н.Н. Обручева в Главный штаб. Обвинения В.А. Косоговского против В.К. Бельгарда «признаны мною необоснованными», – подвёл он итог своему расследованию²²⁵¹.

«По поводу займа в 1 000 туманов в Ссудном банке, – сообщал он начальнику штаба округа, – объяснения его (В.К. Бельгарда – О.Г.) признаны правомерными», поскольку сделка носила частный характер и не имела ничего общего с делами ПКБ. «О принуждении ротмистром Бельгардом подъесаула Рафаловича к поручительству на вексель я ничего не слышал», – писал посланник. Зато «дошли до меня слухи, что последний не колеблясь дал это поручительство, считая это обязанностью товарища по оружию»²²⁵². Е.К. Бюцов категорически заявил, что взыскание долга ротмистра не может быть возложено на ПКБ и вообще из Ирана тот был удалён безосновательно. «По предмету позаимствования ротмистром Бельгардом 800 туманов из бригадной кассы» посланник считал, что в этом нет ничего предосудительного. В своём выводе он опирался на слова В.К. Бельгарда, что тот мог бы взять деньги когда подъесаул находился в 4-хмесячном отпуске, а ротмистр остался единственным офицером в ПКБ.

²²⁵⁰ Там же. Л. 87–88.

²²⁵¹ Там же. Л. 73.

²²⁵² Там же. Л. 75.

Относительно «назначения к выдаче ротмистру Бельгарду 1 800 туманов из бригадных сумм по отъезде его из Тегерана» Е.К. Бюцов в принципе не возражал. Аргументировал он свою позицию схоже с объяснениями ротмистра. При отъезде или отчислении инструкторов им сохранялось жалование, полученное по контракту, за 3 месяца вперёд. Выдачи эти производились из бригадного бюджета. Поэтому «трудно было отказать ротмистру Бельгарду в освящённом прецедентами праве на 600 туманов из 1 800, которые, во исполнение просьбы его, полковник Косоховский выразил готовность назначить к выдаче ему под условием немедленной подачи им рапорта об отчислении от службы в бригаде. Выдача ротмистру остальных 1 200 туманов не оправдывалась никакими правилами», – утверждал посланник²²⁵³. Тем не менее, он согласился их выдать. Причина этого читается между строк: конфликт между двумя офицерами. Е.К. Бюцов заявлял, что оставить ротмистра в ПКБ не было никакой возможности, поскольку склоки между инструкторами повредили бы репутации России. Именно поэтому, когда В.А. Косоховский попросил выдать ротмистру 1 800 туманов, посланник поддержал это предложение, желая таким образом прекратить раздоры и вознаградить офицера за заслуги²²⁵⁴.

Обращает на себя внимание, что в письмах Е.К. Бюцов отводит от себя какую-либо ответственность за происходившее в ПКБ и стремится выставить ротмистра в лучшем свете. Фактически он непрямо обвинил В.А. Косоховского, что тот в виде 1 200 «незаконных» туманов предложил своеобразные отступные В.К. Бельгарду за отъезд из Персии. Но это было не всё. Значительное место было уделено «несправедливому» отношению В.А. Косоховского к своему подчинённому. Было ли это наветом, или же приводимые факты имели место, но были поданы в нужном ракурсе, точно утверждать сложно. Учитывая натянутые отношения между посланником и полковником (особенно со стороны второго) и хорошее отношение Е.К. Бюцова к В.К. Бельгарду, вполне возможно предположить, что тон и построение письма к П.Т. Перлику были продуманными. Тем не менее, не понимая до конца поступков В.А. Косоховского и их мотивов, посланник в целом довольно адекватно изложил их.

²²⁵³ Там же. Л. 77.

²²⁵⁴ Там же. Л. 77–78.

«Когда я вернулся в Тегеран из России в июне минувшего года, – сообщал Е.К. Бюцов, – поверенный в делах Шпейер ... сказал мне, что заметил в полковнике Косошовском с самого приезда его в Тегеран сильное против ротмистра Бельгарда предубеждение»²²⁵⁵. В дальнейшем, по утверждению посланника, полковник сам неоднократно заявлял, что на Кавказе недовольны деятельностью В.К. Бельгарда и ему поручено отчислить того от службы в Персии, не объясняя причин. По словам Е.К. Бюцова, чтобы ликвидировать его колебания В.А. Косошовский поставил жёсткий ультиматум. Он предложил выбрать, кого тот желает видеть в Иране – его или ротмистра, поскольку совместно они служить не будут. Не совсем честно поступил полковник, по мнению главы русской Миссии, и с выдачей денег В.К. Бельгарду. Ротмистр просил выдать ему жалование за известное время вперёд, чтобы рассчитаться с долгом. А Заведующий посчитал, что раз в рапорте заявил, что берёт на долг в 1 800 туманов на бригаду, значит, он их уже выдал²²⁵⁶. Особое внимание Е.К. Бюцов обратил на соответствие обвинений полковника и его действий на своём посту. В.К. Бельгард занимал деньги на нужды ПКБ без заверений со стороны торговцев. В.А. Косошовский, когда вступил в должность, составил об этом рапорт, ставя такие действия в вину своему предшественнику. Теперь же он сам стал делать долги, но у ростовщиков-евреев, которые требовали Миссию засвидетельствовать долговые обязательства²²⁵⁷. Таким образом, полковник фактически обвинил ротмистра в том, чем затем занялся сам, да ещё и на худших условиях. Заверенные дипломатами вексели становились не просто бригадным долгом, а долгом русского государства в Иране. К тому же, как отмечалось нами выше, В.К. Бельгард работал с торговцами-персами, а В.А. Косошовский, видимо, по наивности и стремлению к формализму, обратился к классическим ростовщикам²²⁵⁸.

Е.К. Бюцов отметил, что с точки зрения исполнения служебных обязанностей В.К. Бельгард проявил добросовестность и усердие. К письму имелась приписка. «Письмо от управляющего Ссудным банком, – говорилось в ней, – ... раскрыло неизвестное мне до того обстоятельство, что посредником между Шаскольским и ротмистром Бельгардом для заключения займа был подьесаул Рафалович, каковое

²²⁵⁵ Там же. Л. 77.

²²⁵⁶ Там же.

²²⁵⁷ Там же. Л. 80.

²²⁵⁸ Правда, на это внимания посланник не обратил.

обстоятельство подтверждает ... заявления первого из названных офицеров о том, что не было проведено давление на Рафаловича для поручения его поручительства». Подьесаул предупредил Шаскольского, что примет на себя поручительство по обязательству ротмистра²²⁵⁹.

В целом выводы посланника свелись к следующему. «I. По предмету произведённого ротмистром Бельгардом займа в 1 000 туманов в Ссудном банке объяснения его признать правомерными ... II. По предмету позаимствования ротмистром Бельгардом 800 туманов из бригадной казны ... нельзя, по моему мнению, усмотреть что-либо предосудительное»²²⁶⁰. По третьему пункту – «Назначение к выдаче ротмистру Бельгарду 1 800 туманов из бригадных сумм при отъезде его из Тегерана» – российский дипломат заявлял, что прецеденты такого рода действительно имели место, хотя лично он против этого правила²²⁶¹.

11 января Е.К. Бюцов написал и второе секретное письмо на имя начальника штаба Кавказского военного округа. В ответ на запрос по поводу докладной записки и рапорта В.К. Бельгарда посланник изложил своё видение ситуации. Здесь он сообщал, что, отправляя 24 октября 1894 г. упоминавшуюся телеграмму С.А. Шереметеву, был убеждён, что «многое из того, что сообщил Косооговский о ротмистре верно». Однако, получив новую информацию, посланник переменял своё мнение. «Рассмотренное ныне при помощи сообщённых мне Вашим превосходительством объяснений этого офицера (В.К. Бельгарда – О.Г.) раскрыло мне крайнюю односторонность и пристрастие, с коими полковник Косооговский истолковал поступки ротмистра Бельгарда». В заключении Е.К. Бюцов утверждал, что если бы знал об этом ранее, то просил бы не о снисхождении к В.К. Бельгарду и А.Ф. Рафаловичу, а о полном освобождении их от всякой ответственности²²⁶².

13 января 1895 г. Е.К. Бюцов дал секретное предписание Заведующему сделать разъяснения по поводу упоминавшихся записки и рапорта ротмистра²²⁶³. Тот не замедлил исполнить порученное. «Господа офицеры, – докладывал он, – отчислявшиеся из Персии, получали содержание за 3 месяца вперёд, но были и исключения» – есаулу Ремизову было начислено за 6 месяцев вперёд. «На

²²⁵⁹ Там же. Л. 81–82.

²²⁶⁰ Там же. Л. 98–99.

²²⁶¹ Там же. Л. 99.

²²⁶² Там же. Л. 83.

²²⁶³ Там же. Л. 103.

получение 75 полуимпериалов ... от персидского правительства по контракту имели право те из господ офицеров, которые прослужили в Персии не менее 3-х лет, – сообщал полковник. – Не взирая на это, мною был подан через военного министра Наиб ос-Солтане рапорт, на конверте которого шах ... написал «Дайте дженабе садр-азаму. Я не знаю, какая необходимость в этих приездах и отъездах, за которые надо постоянно платить полуимпериалы ... Пусть дженабе садр-азам установит какое-либо правило»». В.А. Косооговский писал, что испросил аудиенции у первого министра. Тот заявил, что ротмистр не прослужил 3-х лет, поэтому 75 полуимпериалов получить не может. Тем не менее, полковник решил, что, поскольку ранее офицеры, прослужившие менее положенного срока, получали полуимпериалы, то и В.К. Бельгарду отказывать не следует. В.А. Косооговский зачёл указанную сумму в уплату уже выделенных ротмистру 1 800 туманов. Поскольку дела ПКБ «поправились», Заведующий брал на себя смелость «выдать Бельгарду шестимесячное жалование в 1 320 туманов». Таким образом, долг его останется 180 туманов²²⁶⁴. В данной части рапорта обращает на себя внимание стремление В.А. Косооговского представить себя «благодетелем» ротмистра и «очернить» отношение высших сановников Ирана к В.К. Бельгарду. Хотя долг банку к рассматриваемому времени уже был уплачен, денежный вопрос с ротмистром решён не был. Предлагая указанную комбинацию, полковник стремился его решить. Но делал он это методами, против которых ещё в середине прошлого года активно выступал. Это позволяет предположить, что между ним и посланником (а возможно, и не только между ними) была заключена какая-то устная договорённость относительно «дела В.К. Бельгарда».

Подтверждением нашей догадки могут служить официальные просьбы В.А. Косооговского, направленные посланнику и министру иностранных дел Е.К. Гирсу, об освобождении ротмистра от всякой служебной ответственности²²⁶⁵. «С точки зрения чисто строевой – ротмистр Бельгард выдающийся кавалерийский офицер», – писал он²²⁶⁶. Конечно, можно предположить, что, освоившись с должностью, полковник осознал, что действия В.К. Бельгарда, за которые он его

²²⁶⁴ Там же. Л. 58.

²²⁶⁵ Там же. Л. 57, 58.

²²⁶⁶ Там же. Л. 58.

критиковал, были оправданы. Отсюда – и резкое изменение тональности в характеристиках коллеги. Но в свете менявшейся политики российских высших властей относительно Персии и ПКБ, а также очевидного задания сместить ротмистра более предпочтительнее выглядит версия о стремлении «замять» дело к обоюдному удовлетворению обеих сторон.

Помимо указанных документов, штабом Кавказского военного округа было подготовлено две справки. Первая именовалась «Перечень работ, представленных ротмистром Бельгардом в штаб Кавказского военного округа в течение полуторогодового его пребывания в Персии»²²⁶⁷. Этот документ является хорошим свидетельством старательного исполнения В.К. Бельгардом своих второстепенных обязанностей, а заодно и даёт ясное представление, из чего последние состояли. Список включал следующие позиции:

1. Сведения о персидской армии (дислокация с обозначением списочного и наличного числа чинов каждой части и имён командиров отдельных частей) – 1 работа. В дополнение к ней были поданы сведения о количестве и роде артиллерийских орудий в персидской армии (1 работа), ружей (1 работа), информация об изменениях в дислокации иранских вооружённых сил в 1894 г. (1 работа). Итого – 4 работы²²⁶⁸.

2. Маршрутные описания и личные рекогносцировки ротмистра – 33 работы. На их основе Шталем составлено 16 листов карты Персии. «Подобной карты нигде не существует», – отмечал составитель «Перечня»²²⁶⁹.

3. Работы по текущей военной агентуре: «часть военная» – 12, «часть военно-политическая» – 8.

«Итого ротмистром Бельгардом в течение полуторогодичного пребывания в Персии ... представлено по разным отраслям военных сведений 37 работ и 16 листов 5-тивёрстной карты г. Шталя, – подводил итог составитель отчёта. – А по военной агентуре, кроме того, представлено 20 работ, из которых 18 рапортов и 2 подробные

²²⁶⁷ Там же. Л. 61–63.

²²⁶⁸ На основе этих сведений офицером Военно-учёного комитета Главного штаба подполковником ГШ К.Н. Десино была составлена статья о каджарских вооружённых силах для 13-го сборника материалов по армиям мира [Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1894. С. 795–808].

²²⁶⁹ Там же. Л. 62.

записки»²²⁷⁰. Как следует из «Перечня работ...», В.К. Бельгард в целом успешно справлялся со второй своей обязанностью – негласного военного агента. При этом, большую часть работы (если не всю) он делал самостоятельно, так как офицеров в ПКБ было всего двое, а «казакам» сбор маршрутных сведений русские инструкторы не доверяли.

Второй документ нами уже неоднократно цитировался. Это «Краткий очерк отношений полковника Косоговского к ротмистру Бельгарду»²²⁷¹. В нём были изложены факты, свидетельствовавшие о враждебном настрое полковника к своему подчинённому, фиксировавшемуся разными лицами до и во время командования В.А. Косоговского бригадой. В «Очерке» проводилась мысль о крайней предвзятости нового Заведующего к В.К. Бельгарду. Последний представлялся как офицер, всячески заслуживающий прощрения, а не порицания. В подтверждение этому приводились результаты его деятельности посту командира ПКБ : «1) заведение русской отчётности по хозяйству бригады; 2) увеличение бригадного бюджета; 3) возвращение бригаде и русским инструкторам расположения шаха; 4) ряд дел по военной агентуре»²²⁷².

28 февраля 1895 г. в Канцелярию ВУК Главного штаба на имя управляющего делами Ф.А. Фельдмана поступила характеристика на ротмистра от генерал-лейтенанта Дмитрия Богдановича Тер-Асатурова начальника (с 10 октября 1884 до 8 февраля 1895 гг.) 11 кавалерийской дивизии, во вторую бригаду которой входил 33-й драгунский Изюмский Его Королевского Высочества Принца Генриха Прусского полк, где служил В.К. Бельгард. В целом, характеристика была положительная. Генерал подчёркивал, что не знает, что произошло с ротмистром в Иране. Тем не менее, «всякие нарекания на одного офицера могут быть вследствие одних лишь недоразумений», – резюмировал он, исходя из предыдущей службы подчинённого ему офицера²²⁷³.

В марте 1895 г., на основе собранных документов Командующий войсками Кавказского военного округа составил личное заключение по делу В.К. Бельгарда, предназначавшееся Н.Н. Обручеву, а через него – военному министру и императору.

²²⁷⁰ Там же. Л. 63.

²²⁷¹ Там же. Л. 65–70.

²²⁷² Там же. Л. 68.

²²⁷³ Там же. Л. 71–72.

«По рассмотренным данным по обвинению ротмистра Бельгарда пролковником Косоговским, судя по документам, включающим показания российского императорского посланника Бюцова, обвинения полковника Косоговского и объяснения ротмистра Бельгарда, дело представляется в следующем виде», – резюмировал С.А. Шереметев. «Ротмистр Бельгард был назначен в Персию по представлению кавказского начальства. В течение годичного командования ПКБ он впервые ввёл хозяйственную отчётность по русскому образцу и приобрёл полное доверие шаха, выразившееся в увеличение при нём бюджета бригады опять до прежних размеров. Он значительно поднял строевое образование бригады, и вообще вёл всё дело как к полному удовольствию его величества шаха, так и русской императорской миссии». Последнее выразалось, по мнению главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, в хлопотах посланника об утверждении В.К. Бельгарда командиром ПКБ, а также в том, что Е.К. Бюцов сообщил о неосновательности обвинений полковника начальнику Главного штаба. Кроме того, ротмистр предоставил значительное количество работ по военной агентуре, что свидетельствовало о его профпригодности для занимаемой должности²²⁷⁴. В этой части заключения бросается в глаза, что С.А. Шереметев не слишком вдавался в детали и сообщал далеко не всё. Так, оставался открытым вопрос, почему же на Кавказе всё-таки решили убрать ротмистра с поста, если тот проявил себя с лучшей стороны. Очевидно, что посланник стоял горой за ротмистра, который действовал в интересах укрепления российского влияния: создавал из ПКБ видимость не создавая реальной силы. Тем не менее личное отношение командующего Кавказским военным округом к деятельности В.К. Бельгарда и патронировавшего его высокопоставленного лица осталось «за кадром», хотя в происшедшей истории играло, вне всякого сомнения, большое значение.

«Часть обвинений полковника Косоговского, – писал далее С.А. Шереметев, – указывает на крайнюю односторонность и пристрастие в обсуждении поступков ротмистра, другие обвинения – что они были сделаны полковником тогда, когда он ещё не успел ознакомиться с условиями бригадного хозяйства»²²⁷⁵. В указанном

²²⁷⁴ Там же. Л. 121.

²²⁷⁵ Там же.

генерал-лейтенант был полностью прав, хотя, как показано нами выше, пристрастие В.А. Косоковского имело несколько причин. С.А. Шереметев же указал одну.

По мнению главноначальствующего, предвзятость полковника проявилась в следующем. Во-первых, «ротмистр Бельгард обвинялся в существовании за ним векселя в Русском ссудном банке рапортом от 19 августа 1894 г. Срок векселя был лишь 9 сентября. По предложению самого полковника и с согласия посланника ротмистру Бельгарду выдаётся при отъезде сумма в счёт его содержания. Деньги выдаются ему 31 августа, а уже в рапорте от 19 августа доносится о том же как о возможной вине ротмистра Бельгарда. Причём этой выдаче придаётся характер якобы неправильного отношения ротмистра к казённым интересам бригады». Таким образом, «на ротмистра производится начёт тем же начальником, который ...и выдал деньги, и не после выдачи, а до выдачи». К тому же 19 августа полковник написал обвинительный рапорт, а 31 того же месяца рекомендовал представить В.К. Бельгарда в штаб-офицеры²²⁷⁶. «Всё это указывает, что у полковника Косоковского не было ни законных причин, ни даже поводов к отчислению ротмистра, ибо в противном случае ему незачем было бы прибегать к подобным уловкам», – констатировал С.А. Шереметев²²⁷⁷. «Совершенно необъяснимо также заявление полковника российскому поверенному в делах на другой день после приезда в Тегеран, что он уполномочен кавказским начальством отчислить ротмистра Бельгарда без объяснения причин, – продолжал С.А. Шереметев. – Между тем отзывы кавказского начальства о деятельности ротмистра в Персии и благодарность штаба Кавказского военного округа, полученная этим офицером в Тегеране, заставляют предположить противное»²²⁷⁸. В последней цитате главноначальствующий явно кривил душой, «забыв», что именно он отговаривал в феврале 1894 г. Главный штаб от назначения В.К. Бельгарда полноценным Заведующим и рекомендовал на эту должность В.А. Косоковского²²⁷⁹. При этом, С.А. Шереметев ссылаясь на молодость и неопытность ротмистра, недостаточное

²²⁷⁶ Внутренние обстоятельства такой перемены были оставлены С.А. Шереметевым «за полями». Для него, как и для вышестоящего начальства, важным был сам факт такой резкой перемены мнения, а не то, чем та была вызвана. А ведь фактически, давая ротмистру аттестацию, В.А. Косоковский писал не то, что думал. Этот документ был своего рода компромиссом, способствовавшим скорейшему удалению В.К. Бельгарда из ПКБ.

²²⁷⁷ Там же. Л. 212–122.

²²⁷⁸ Там же. Л. 122.

²²⁷⁹ Там же. Л. 6–8.

знание им Персии. Да и само слово «предположить» в конце фразы от самого кавказского начальника выглядит нелепо. Ведь он знал с каким заданием относительно В.К. Бельгарда ехал полковник в Тегеран. И из действий В.А. Косоговского видно, что отстранение ротмистра всё-таки предполагалось. Только полковник несколько перестарался, не только убрав того с поста Заведующего, но и из Персии вообще, в то время, как он должен был просто заменить его в качестве Заведующего с возможным оставлением В.К. Бельгарда в штате инструкторов. Видимо, излишняя старательность и большая огласка, которую получило дело, и вынудили кавказское начальство более подробно разобраться в деятельности В.А. Косоговского. Его ретивость и самостоятельность в принятии решений и стали причиной того, что в своих выводах главноначальствующий на Кавказе «перекладывал» перед Главным штабом всю ответственность на В.А. Косоговского.

Во-вторых, «из рапорта полковника Косоговского начальнику отдела ГШ Кавказского военного округа мая 24, – сообщал С.А. Шереметев, – видно, что кандидатура есаула Сушкова играла немаловажную роль при отчислении из Персии ротмистра Бельгарда»²²⁸⁰. Здесь сказать что-то определённое сложно. Вполне возможно, что кавказский начальник был прав – В.А. Косоговский протезировал Сушкову и поэтому пытался освободить ему место. Однако вполне возможен и иной вариант: полковник, имея «наполеоновские» планы относительно будущего бригады и не разобравшись до конца в особенностях её функционирования действительно нуждался в третьем офицере. Тем более, что, по его мнению, ротмистр был не помощник в осуществлении задуманного.

В-третьих, по мнению С.А. Шереметева, «хозяйственные распоряжения ротмистра, давшие благие результаты, искажены и им предан характер преступлений»²²⁸¹. В этом генерал-лейтенант был абсолютно прав.

«Наконец, – докладывал С.А. Шереметев свои замечания, – рапортом от 15 января сего года № 2 и в письме, которое полковник пишет ротмистру Бельгарду, препровождая копию с помянутого рапорта, полковник Косоговский в значительной мере противоречит обвинениям, изложенным в его первом рапорте № 26 (от от 19

²²⁸⁰ Там же. Л. 122.

²²⁸¹ Там же.

августа 1894 г. – О.Г.) и ходатайствует об освобождении ротмистра Бельгарда от всякой служебной ответственности». «В результате, – резюмировал кавказский начальник, – получается ... что офицер, оказавший значительные услуги как путём своей общей распорядительности и добросовестным отношением к делу, так и суммой представленных им работ и сведений по военной агентуре, не только не был за это надлежащим образом поощрён, но даже поставлен в положение подследственного»²²⁸². В этой части заключения обращает на себя внимание «затушёвывание» вины В.А. Косоговского. Хотя С.А. Шереметев и указывал на противоречия в его позиции в августе 1894 г и в январе 1895 г., но нигде не обвинял полковника прямо в том, что тот фактически оболгал своего подчинённого. Вообще весь текст документа сосредоточен на В.К. Бельгарде, с которого кавказский главноначальствующий пытался (и небезосновательно) снять все обвинения. Но о наказании обвинявшего речь не шла. Думается, причина такого подхода крылась в недрах внутренних отношений служебного характера как между С.А. Шереметевым и В.А. Косоговским (ведь именно первый посылал и инструктировал второго), так и между российской дипломатической миссией и Заведующим. Скорее всего, внутри этого «треугольника» было заключено какое-то негласное соглашение, суть которого сводилась к сохранению доброго имени В.К. Бельгарда, снятию полностью ответственности за происходившее с кавказского командования и сохранения на посту В.А. Косоговского. Полковник, исходя из расследования, явно подпадал под ответственность. И он это прекрасно понимал. Тем не менее, в январских рапортах он настойчиво ходатайствовал об освобождении В.К. Бельгарда от ответственности. Тем самым В.А. Косоговский фактически подтверждал, что все обвинения против ротмистра, выдвинутые им до этого, были ложными. Следствием должно было быть отстранение Заведующего от должности, расследование и судебное разбирательство. Тем не менее всего этого, как увидим, не последовало. Причин, по которым полковник просил снять обвинения с В.К. Бельгарда, могло быть две. Во-первых, побыв на должности, он осознал все особенности своего положения и положения вверенной ему части и понял, что действовать по-иному ротмистр не мог. Подтверждением тому служат как личные записи В.А. Косоговского, так и

²²⁸² Там же.

официальные документы: во многом он был вынужден «заимствовать опыт» В.К. Бельгарда, чтобы управлять ПКБ и держать её на высоте положения. Вторая причина заключалась во внешнеполитической сфере. В условиях затеянной реорганизации ПКБ и обострившейся борьбы с английскими представителями при шахском дворе (о чём будет сказано ниже), новые перестановки в среде русских инструкторов могли только повредить русскому влиянию и положению части. Поэтому не исключено, что В.А. Косооговскому было предложено оправдать В.К. Бельгарда перед высшим начальством с обещанием уберечь его самого от прямой ответственности. Нам кажется, что обе причины сыграли в рассматриваемом деле определённую роль. Хотя нужно заметить, что, несмотря на лестные отзывы полковника о В.К. Бельгарде в официальных документах, в личных записях он по-прежнему относился к нему негативно, то есть отрицательного мнения своего о нём не изменил²²⁸³.

В конце марта 1895 г. основные документы, относившиеся к «делу В.К. Бельгарда», – заключения Е.К. Бюцова, С.А. Шереметева и разъяснение полковника ГШ В.А. Косооговского – с сопроводительным письмом высшего кавказского начальника были отправлены в Главный штаб и 12 апреля дошли до адресата²²⁸⁴. А уже через 8 дней – 20 апреля – Н.Н. Обручев сообщил С.А. Шереметеву решение высшего военного начальства. «Согласно Вашему ходатайству, – писал он, – изволил признать ротмистра Бельгарда виновным лишь в легкомыслии и нерешительности, которые не должны иметь вредного влияния на его дальнейшую службу. Полковнику же Косооговскому военный министр приказал указать, что он действовал неискренне по отношению к посланнику и недоброжелательно по отношению к Бельгарду»²²⁸⁵. Главной виной В.А. Косооговского было признано, что тот, возводя обвинения по поводу долгового обязательства на ротмистра, «должным образом не проверил этого дела»²²⁸⁶. Решение это поражает своей нелогичностью, особенно в отношении полковника. Непонятно, что подразумевалось под «легкомыслием» и «нерешительностью» В.К. Бельгарда. А «наказание» В.А. Косооговского вообще напоминает ситуацию,

²²⁸³ Там же. Л. 417.

²²⁸⁴ Там же. Л. 123.

²²⁸⁵ Там же. Л. 141.

²²⁸⁶ Там же. Л. 142.

когда сильно нашалившему ребёнку вместо строгого внушения и наказания попросту грозят пальцем и говорят «ну-ну!». По нашему мнению, именно указанный вердикт военного министра свидетельствует о том, что «дело Бельгарда» решено было «замять» к обоюдному удовольствию всех сторон.

Одной из главных причин «сего прискорбного дела» признан был «беспорядок в денежной части, господствовавший в бригаде с самого её основания»²²⁸⁷. Ситуацию относительно ПКБ взял под контроль лично военный министр. Он потребовал предоставления ему ежегодных отчётов по хозяйству и денежной отчётности «казачей бригады». Кроме того, П.С. Ванновский принял решение, «что инструкторов не следует выбирать из кавказских казачих полков, а из кавалерийских офицеров, получивших высшее военное образование, говорящих по-персидски и владеющих иностранными языками», о чём был издан отдельный приказ²²⁸⁸. Наконец, глава военного ведомства постановил, «чтобы инструктора впредь назначались бы с его утверждения»²²⁸⁹. Указанные решения были своеобразным прорывом в отношении российских военных властей к ПКБ, свидетельствовавшим о стремлении превратить её в организованную часть под русским контролем. Во-первых, решительно был поставлен вопрос о финансировании бригады. Окончательно он был решён только в результате займа персидского правительства у России 1900 г., когда бюджет ПКБ был чётко обеспечен доходами с северных таможен²²⁹⁰. Тем не менее, идея поставить под русский контроль финансирование ПКБ стала «разрабатываться» именно с 1895 г. И происходило это в комплексе с другими мероприятиями. В письме от 20 мая 1895 г. командующий войсками Кавказского военного округа, как бы оправдываясь, признавал, что денежный беспорядок в делах ПКБ был действительно постоянной заботой кавказского начальства, и оно на него реагировало²²⁹¹. Тем не менее, история бригады свидетельствует, что финансовые проблемы ПКБ интересовали Тифлис только в момент их обострения. Именно тогда наводились справки, делались обращения к посланнику с просьбами вмешаться и разрешить те или иные

²²⁸⁷ Там же. Л. 142–143.

²²⁸⁸ Там же. Л. 162.

²²⁸⁹ Там же. Л. 143.

²²⁹⁰ Игнатъев А.В. С.Ю.Вигте-дипломат. М.: Международные отношения, 1989. 334 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://art-of-diplomacy.ru/books/item/f00/s00/z00000005/index.shtml>.

²²⁹¹ РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 146.

вопросы. Первой серьёзной попыткой урегулировать бюджетные неурядицы документально стал шахский дестихат от 5 декабря 1893 г., второй – введение В.К. Бельгардом русской финансовой отчётности в бригаде. Однако они не носили стратегического характера и являлись лишь мерами, которые решали конкретные вопросы, но не проблему в целом. Для её снятия нужна была инициатива в верхних эшелонах власти. Назначение ротмистра и его мероприятия, а затем упомянутое решение военного министра показывают, что инициатива такая уже созревала. Но политикой она стала при новом главе военного ведомства – А.Н. Куропаткине.

Во-вторых, наконец-то был поставлен вопрос о профессиональной пригодности русских офицеров-инструкторов в Персии. Уже отмечалось, что В.А. Косооговский был первым из командиров ПКБ, подбирая которого кавказское начальство обратило внимание на его знание Персии, языка и службы. В отношении остальных главными показателями были высшее военное образование и опыт службы в Азии. Однако обер-офицеры в большинстве своём высшего образования не имели, персидским не владели, да и о стране своей будущей службы знали не слишком много (были, конечно, исключения, но в целом они картины не меняли). Это создавало определённые трудности при обучении вверенного им личного состава. С.А. Шереметев в майском письме Н.Н. Обручеву писал, что в последнее время на Кавказе старались назначать инструкторов из кавалерии и конно-артиллерийских офицеров²²⁹². Тем не менее, верно это было лишь отчасти и в большей мере относилось к Заведующим. Н.Я. Шнеур, к примеру, был «пехотинцем», а обер-офицеры рекрутировались из разных родов кавалерии. К тому же зачастую и на профессиональном, и на личностно-психологическом уровнях обер-офицеры не понимали своего начальника. А взаимная «спайка» в деле, которое было поручено русской военной миссии, была необходима для её успешного (что бы не подразумевалось под успехом) функционирования. Своим решением П.С. Ванновский пытался улучшить кадровый состав военных инструкторов, чтобы избежать постоянно вспыхивавших в ПКБ межофицерских конфликтов и, возможно, дать возможность на деле реализовать мысль о превращении ПКБ в орудие в российских руках. Однако оно оказалось поспешным. Дело в том, что обучение

²²⁹² Там же.

казачих войск имело определённую специфику. Это предполагало предпочтительное использование в качестве обер-офицеров выходцев из казачих формирований. К тому же вопрос о подборе инструкторов должен был включать в себя знание специфики того или иного человека в профессиональном и личностном отношении, его способность служить с успехом в новой стране. Кавказские офицеры в этом отношении выгодно отличались от своих коллег из других регионов России. Важную роль для поддержания хорошего микроклимата в ПКБ должно было также играть то, насколько офицеры-инструкторы ладили не только между собой, но и с командиром. Право подбора Заведующих и обер-офицеров (почти всегда) до сих пор принадлежало кавказскому начальству. Командир ПКБ имел возможность и сам выбирать себе помощников, но они утверждались в Тифлисе и в Петербурге. П.С. Ванновский, видимо обеспокоенный частыми дразгами среди инструкторов, решил их выбор и назначение централизовать и поднять на более высокий – Главного штаба и военного министра – уровень. Однако здравый смысл всё же взял своё. В мае 1895 г. военный министр подкорректировал своё решение в сторону того, что «выбор офицеров всё же должен принадлежать кавказскому начальству»²²⁹³. Всё же на Кавказе лучше видели и учитывали специфику подбора кадров. К тому же здесь имелся более богатый материал для ознакомления будущих инструкторов с местом их новой службы. Жёсткие требования в отношении профессиональных качеств Заведующего также соблюдались сравнительно недолго. Если В.А. Косооговский отвечал им в полной мере, то предполагавшийся ему в сменщики в 1899 г. подполковник ГШ Николай Николаевич Усов имел лишь высшее военное образование. Строевую службу он проходил лишь во время цензового командования эскадрой в 1894 г. после окончания Академии ГШ. Остальное же время занимал должность старшего адъютанта в штабах различных частей и округов, а затем был младшим делопроизводителем канцелярии ВУК Главного штаба²²⁹⁴. Знал ли он персидский язык – неизвестно, но, скорее всего, нет. Правда, готовить к жизни в Персии его начали почти за год до планировавшейся отправки. Подполковнику было предписано «детально ознакомиться с Персией» и с

²²⁹³ Там же.

²²⁹⁴ Список генералам по старшинству. Составлен по 15-е апреля 1914 года. Петроград: Военная типография, 1914. С. 639.

особенностями военной агентуры²²⁹⁵. Но это же является свидетельством того, что Заведующим вновь хотели назначить человека, фактически не знакомого с особенностями Ирана и ведения дела вообще. Сменивший формально 30 сентября 1902 г. В.А. Косооговского полковник ГШ Фёдор Григорьевич Чернозубов, хотя и окончил Пажеский корпус, Николаевскую академию ГШ, происходил из донских казаков, числился по Терскому казачьему войску. Правда, он имел большой опыт штабной работы, нежели Н.Н. Усов – с 1900 г. занимал должность начальника штаба 1-й Кавказской казачей дивизии²²⁹⁶. О его знании персидского ничего неизвестно, хотя иностранными языками он владел²²⁹⁷. Судя по воспоминаниям К.Н. Смирнова, Ф.Г. Чернозубов был хорошим военным агентом²²⁹⁸. Его публикации свидетельствуют, что с агентурной работой он действительно справлялся. Однако нужно учитывать, что вышеприведенная характеристика была дана К.Н. Смирновым в противовес негативной оценке работы В.А. Косооговского как военного агента. А это не соответствовало действительности: на своём посту В.А. Косооговский как негласный военный агент проявил себя лучше всех предыдущих Заведующих. Следует также помнить, что именно Ф.Г. Чернозубов В.А. Косооговский обвинил в 1906 г. в том, что «дело, так блестяще поставленное Косооговским разрушилось после его отъезда из Персии в 1903 году»²²⁹⁹. В.К. Чернозубов испортил отношения с Миссией и был обвинён в неправильном образе действий, как командира бригады²³⁰⁰. Таким образом, при назначении Заведующих после В.А. Косооговского главную роль по-прежнему играли высшее военное образование, служба в кавалерии и благоволение высшего начальства. Что до обер-офицеров, то право их выбора в апреле 1897 г. по личному ходатайству В.А. Косооговского перед военным министром и начальником Главного штаба было возвращено полковнику. Главную роль сыграла его активность и решительность как в общении с высшими чинами в России, так и в перестройке и укреплении ПКБ. При этом, прежнее решение вновь

²²⁹⁵ РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 179.

²²⁹⁶ Список генералам по старшинству. Составлен по 15-е апреля 1914 года. Петроград: Военная типография, 1914. С. 543.

²²⁹⁷ Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 242–243.

²²⁹⁸ Там же. С. 242.

²²⁹⁹ Косооговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 401.

²³⁰⁰ Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 243.

было изменено. «Военный министр ... возвратил ему (В.А. Косооговскому – О.Г.) право личного выбора офицеров-инструкторов для Персидской казачей бригады из числа исключительно строевых офицеров конных казачих полков и казачих батарей, не стесняясь никакими категориями по образованию»²³⁰¹. Нужно заметить, что правом этим Заведующий всё время своего пребывания на должности пользовался исключительно удачно для дела.

Наконец, в-третьих, с этого момента военные министры постоянно «держали руку на пульсе» бригадных дел. И если о П.С. Ванновском это можно сказать в меньшей мере, то сменивший его А.Н. Куропаткин положением ПКБ интересовался лично и всячески содействовал возглавлявшему её В.А. Косооговскому во всех его начинаниях.

Расследование и завершение «дела Бельгарда» совпало со сменой императоров на российском престоле. 20 октября 1894 г. скончался Александр III. Ему наследовал старший сын Николай II (короновался 14 мая 1896 г.). Известно, что отец не готовил основательно цесаревича к управлению великой державой²³⁰². Он был посвящён далеко не во все вопросы внешней политики, чаще всего знания Николая Александровича ограничивались поверхностными сведениями. Не удивительно, что такой мелкий с точки зрения внешнеполитических проблем России вопрос, как кризис в ПКБ, оставался вне поля зрения нового императора вплоть до весны 1895 г. «Так как об обвинениях ротмистра Бельгарда доложено было в бозе почившему императору, – писал начальник Главного штаба 20 апреля 1895 г. С.А. Шереметеву, – то военный министр имеет в виду доложить государю императору это дело в его нынешнем виде»²³⁰³.

Доклад этот состоялся. Решение, принятое начальником Главного штаба и одобренное военным министром было оставлено в силе. В.А. Косооговский был оставлен на своём посту, а его наказание ограничилось лишь внушением. Что до В.К. Бельгарда, то события 1894–1895 гг. не сказались на его карьере. На основании запроса Н.Н. Обручева решением П.С. Ванновского в июле 1895 г. ротмистру была вынесена благодарность от начальника Главного штаба «за описания пройденных

²³⁰¹ РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 162.

²³⁰² История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М.: Международные отношения, 1997. С. 64.

²³⁰³ РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 143.

маршрутов»²³⁰⁴. В том же году он был награждён шахом орденом Льва и Солнца 2-й степени. В.К. Бельгард дослужился до звания генерал-лейтенанта и погиб в 1914 г.²³⁰⁵.

В связи с окончанием «дела Бельгарда» встаёт закономерный вопрос о причинах столь своеобразного его решения. По нашему мнению, их было несколько. Перечислим эти мотивы по мере значимости в обратном порядке, а затем раскроем каждую в отдельности.

1) В.А. Косооговский действительно не разобрался в специфике ведения дел ПКБ, и начальство учло этот факт²³⁰⁶;

2) нежелание российской Миссии и военных «выносить сор из избы», делая конфликт достоянием широких кругов в Персии (как собственно персов, так и дипломатических представителей других стран). Это грозило подрывом русского престижа, особенно на фоне изначально неблагоприятного отношения шаха к назначению В.А. Косооговского;

3) покровители у полковника оказались более сильными, нежели у ротмистра. Особенно это, видимо, касалось А.Н. Куропаткина, который активно поддержал в начале 1895 г. все преобразования в ПКБ, предпринятые В.А. Косооговским и в дальнейшем относился к нему с большим доверием²³⁰⁷;

4) изменение внешней политики империи Романовых относительно Ирана.

Первая причина не играла существенной роли, хотя определённое влияние всё же имела. Судя по деятельности В.А. Косооговского до конца рассматриваемого нами периода, он прекрасно осознал, в каких условиях приходилось работать В.К. Бельгарду, и даже стал использовать его методы управления жизнью ПКБ. Именно этим объясняется, отчасти, его «смягчение» позиции относительно ротмистра. Но, будучи активным сторонником усиления русского влияния, человеком, с претензиями на реализацию своих идей, «инертность» ротмистра в вопросах формирования и укрепления части полковник осуждал, считая, что тот

²³⁰⁴ РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 151–153.

²³⁰⁵ http://ru.wikipedia.org/wiki/Бельгард,_Владимир_Карлович;

<http://www.regiment.ru/bio/B/301.htm;>

[http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=28.](http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=28)

²³⁰⁶ Такое положение было следствием отсутствия преемственности власти у командиров ПКБ. Каждый новый заведующий приезжал в Персию без должного знания особенностей страны и ведения дел в ПКБ. В результате каждый новый полковник вынужден был всякий раз проходить те же этапы в понимании особенностей командования частью и приспособления к ним, что и его предшественники.

²³⁰⁷ Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1922. Т. 2. С. 42.

действовал в неверном направлении. Здесь сказалось, прежде всего, то, что В.А. Косооговский обладал собственным видением русской политики в Персии. Оно не полностью совпадало с позицией Министерства иностранных дел и его представителей в Тегеране. Поэтому В.А. Косооговский был убеждён, что действия посланника и членов Миссии не соответствуют интересам империи, как он их понимал, и слишком явно шёл на конфликт. В свою очередь, жёсткое поведение Заведующего, нарушавшее линию, проводимую Е.К. Бюцовым, не могло не настроить против него русских дипломатов. Отчасти заложником этой борьбы оказался В.К. Бельгард – протеже посланника, выполнявший, главным образом, те задачи, которые тот перед ним ставил.

ГЛАВА 7

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.А. КОСОГОВСКОГО И ИЗМЕНЕНИЕ СТАТУСА
ПКБ

7.1. Иран во внешней политике России в начале царствования Николая II

Во внешней политике России на Востоке Персия, как и при предыдущих двух императорах, занимала периферийное положение. Тем не менее, курс, начатый при Александре III, при новом императоре получил логическое развитие. Хотя центр азиатских интересов России переместился при Николае II на Дальний Восток, общий наступательный порыв во внешней политике ощущался и здесь.

Прежде, чем перейти к краткой характеристике международных отношений России с Персией и вокруг неё в 1894–1895 гг., следует остановиться на личности Николая II, который в рассматриваемое время стремился подражать своим предшественникам и проводить самостоятельный внешнеполитический курс. Новый император не вполне обладал качествами, присущими самодержавному правителю. Он отличался слабым, добронравным и впечатлительным характером, ординарным умом и легко поддавался под чужое влияние. В случае же неудач самоустранялся от важных государственных задач²³⁰⁸. Как отметил российский исследователь В.В. Дегоев, «то, что в «обычном» человеке достойно прощения, умиления или права именоваться добродетелью, способно превратить личность императора России в трагедию для страны»²³⁰⁹. Исследователи также отмечали как один из главных недостатков нового царя «неспособность обобщать информацию и предложения, поступавшие от разных ведомств, выработать на этой основе курс политики и следить за его неуклонным проведением»²³¹⁰. Единственное, что характеризовало его как самодержца, это искренняя вера в незыблемость для страны самодержавного строя и в свою роль её олицетворителя и хранителя. Именно поэтому влияние окружавших его людей имело определённые пределы: если оно шло вразрез с его

²³⁰⁸ Юдин Е. Е. Император Николай II в восприятии русской аристократии. 1894–1914 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://istorja.ru/articles.html/russia/nicholas-ii-in-perception-of-russian-aristocracy-1894-1914>.

²³⁰⁹ Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы 1700–1918 гг. М.: Росспен, 2004. С. 383.

²³¹⁰ Игнатъев А.В. Последний царь и внешняя политика // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 4.

собственными взглядами на вещи, Николай II проявлял «упрямую самолюбивую волю»²³¹¹. Трудно согласиться с мнением П.В. Мультиатули, о том, что «главный итог внешней политики императора Николая II заключается в том, что он был первым из государственных деятелей, кто духовно-нравственную основу возвёл в основание мировой политики»²³¹². Тем не менее, духовный, религиозный фактор действительно играл значительную роль не только в жизни императора, но и в его внешнеполитической деятельности. Он был глубоко верующим человеком, и вера эта влияла на всё его царствование²³¹³.

Кроме того, великодержавные амбиции, честолюбие, воинственность и самонадеянность – эти качества первое десятилетие своего правления проступали в николаевской международной политике очень отчётливо. В рассматриваемый период правитель Российской империи был особенно увлечён внешнеполитической сферой. Можно согласиться с авторами обобщающей работы по истории внешней политики России конца XIX – начала XX вв., что «в первые годы правления царь плохо разбирался в международных проблемах, был политически неопытен ... и, может быть, поэтому более самостоятелен и «смел» в поисках внешнеполитических целей»²³¹⁴. Тем не менее, его самостоятельность находилась в рамках того кругозора и идей, которые сформировали в нём близкие к нему люди до восшествия на престол. Если во внутривополитических вопросах большое влияние на будущего монарха имел обер-прокурор святейшего Синода Константин Петрович Победоносцев²³¹⁵, то внешнеполитические представления формировались под воздействием Н.М. Пржевальского²³¹⁶ и Эспер Эсперовича Ухтомского²³¹⁷. Интерес

²³¹¹ История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М.: Международные отношения, 1997. С. 64.

²³¹² Мультиатули П.В. Внешняя политика императора Николая II (1894–1917). М.: ФИВ, 2013. С. 785.

²³¹³ При всей тенденциозности П.В. Мультиатули лучше всех из упомянутых нами историков показал, как именно влияла вера на международную деятельность последнего императора из династии Романовых [Мультиатули П.В. Внешняя политика императора Николая II (1894–1917). М.: ФИВ, 2013. 872 с.].

²³¹⁴ История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М.: Международные отношения, 1997. С. 64.

²³¹⁵ О влиянии К.П. Победоносцева: Тимошина Е.В. Политико-правовая идеология русского пореформенного консерватизма: К.П. Победоносцев. СПб.: Издательство СПбГУ, 2000. 204 с.; Томсинов В.А. Константин Петрович Победоносцев (1827–1907): человек, государственный деятель и правовед // Победоносцев К.П. Юридические произведения. М.: Зерцало, 2012. С. 7–216; Фирсов С.Л. Николай II: Пленник самодержавия. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 44–49, 103; Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. М.: ОГИ, 2004. С. 425–427; Byrnes R.F. Pobedonostsev. His life and Thought. Bloomington, London: Indiana University Press, 1968. 495 p.

²³¹⁶ Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Несостоявшийся Кортес: имперские амбиции Николая Пржевальского // Родина. 2002. № 6. С.36–40.

²³¹⁷ Ухтомский Э.Э. Из китайских писем. СПб.: Паровая скоропечатня ВОСТОК, 1901. 46 с.; Ухтомский Э. К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку. СПб.: Паровая скоропечатня ВОСТОК, 1900. 87 с.;

к Востоку у Николая II значительно возрос после упоминавшегося путешествия его в бытность цесаревичем в 1890–1891 гг.²³¹⁸ и наложился на идеи двух указанных личностей. Суть внушённых ими наследнику представлений сводилась к формуле «будущее России – в Азии». Причём, поскольку увлечены оба были главным образом Дальним Востоком и Центральной Азией (куда не были включены Персия (Западная Азия в политическом, Западная и Центральная – в географическом отношении) и Афганистан), то не удивительно, что дальневосточный вектор российской азиатской политики стал главенствующим вплоть до поражения в русско-японской войне 1904–1905 гг.

Плоды воспитания и личных качеств императора не замедлили сказаться на его внешнеполитических инициативах. Персия по-прежнему оставалась на вторых, а то и на третьих ролях в международных планах нового императора и его окружения²³¹⁹. Однако это не означало, что политика здесь проводилась пассивно. Если в конце правления Александра III активизация её только наметилась, то с воцарением его сына «экспансия» империи в Страну льва и солнца развернулась невиданными доселе темпами и масштабом. Осенью 1897 года Николай II, гостивший у родственников в Дармштадте, в разговоре с британским дипломатом довольно ясно высказал свою точку зрения на эту страну. Император не верил в возможность существования слабых и зависимых буферных государств, а коррумпированное и слабое правительство Персии делало перспективы её превращения в сильный и самостоятельный барьер между Российской и Британской империями слишком призрачными. Поэтому, хотя России и не нужны новые территории, по личному мнению Николая лучшим решением проблемы стало бы

Ухтомский Э. От Калмыцкой степи до Бухары. СПб.: Тип. Князя В.П. Мещерского, 1891. 212 с.; Ухтомский Э.Э. О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье. СПб.: Синодальная типография, 1892. 48 с. Детальнее о влиянии указанных личностей на Николая II см.: Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 102–103; Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 39–94; Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. М.: ОГИ, 2004. С. 438–442.

²³¹⁸ Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 35.

²³¹⁹ Символично, что в дневниковых записях одной из центральных личностей в Министерстве иностранных дел В.Н. Ламсдорфа за 1880-е – начало 1890-х гг. персидские дела упоминались довольно часто. Дневник же за 1894–1896 гг. содержит всего три–четыре незначительные пометки, из которых лишь две [Ламсдорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М.: Международные отношения, 1991. С. 55–56] имеют отношение к внешнеполитической линии государства. Основные темы его заметок хорошо иллюстрируют приоритеты первых лет царствования Николая II – европейские дела, Дальний Восток, Османская империя и Балканы – и служат доказательством тому, что «персидская» политика была на третьих–четвёртых ролях и разрабатывалась не столько мидовцами, сколько министерством финансов и военными. Внешнеполитическое ведомство лишь оформляло их инициативы с разрешения царя.

исчезновение персидской преграды между границами владений Лондона и Петербурга на Среднем Востоке²³²⁰. В своём дневнике от 16 февраля 1903 г. тогдашний военный министр А.Н. Куропаткин сделал следующую запись. «Я говорил Витте, – фиксировал он содержание разговора с министром финансов, – что у нашего государя грандиозные в голове планы: взять для России Маньчжурию, идти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы»²³²¹. Как ни парадоксально, но такие идеи относительно Ирана, вызрели в голове Николая II именно под воздействием С.Ю. Витте и А.Н. Куропаткина, хотя оба они и не являлись сторонниками аннексии соседнего государства. Как отмечал Анатолий Венедиктович Игнатъев, «Николай II не обладал твёрдостью характера Александра III и поначалу легко поддавался влиянию окружающих, нередко даже меняя под их воздействием свои решения. Но к этому нужно сделать некоторые оговорки. Во-первых, воспитание и пример отца заложили в его сознании тот взгляд на миссию России в мире и свою роль в её осуществлении, от которого он не отступал. Во-вторых, свою уступчивость Николай признавал как слабость и со временем разработал ряд приемов, позволявших ему, не вступая в полемику, в которой он был не мастер, проводить собственную точку зрения. Убеждение в своей правоте давала ему вера в то, что Бог не оставит своего помазанника в минуту трудных решений»²³²². В первое время реальная роль царя в решении иностранных дел была минимальной. Он старался избегать каких-либо новаций и следовал рекомендациям родственников и министров²³²³. Именно С.Ю. Витте и А.Н. Куропаткин с 1890-х гг. выступали главными идеологами-вдохновителями наступательной политики империи относительно Каджарской монархии²³²⁴. Первый представлял как бы «экономическое крыло», а второй – «военно-политическое» (хотя экономические методы виделись ему не менее важными). Поскольку взгляды министра финансов

²³²⁰ Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М., 2014. 495 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/na-puti-k-krahu-russko-yaponskaya-voyna-1904-1905-gg-voenno-politicheskaya-istoriya-read-399953-1.html>.

²³²¹ Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1922. Т. 2. С. 31.

²³²² Игнатъев А.В. Последний царь и внешняя политика // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 4.

²³²³ Там же. С. 4–5.

²³²⁴ Хотя официально восточная политика по-прежнему находилась в ведении Азиатского департамента Министерства иностранных дел. С 12 марта 1891 г. до 15 января 1897 г. его возглавлял граф Дмитрий Алексеевич Капнист [Павловський І.Ф. Полтавці: Ієрархи, державні і громадські діячі і благодійники [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://histpol.pl.ua/pages/content.php?page=3888>].

мы охарактеризовали выше, остановимся подробнее на том, каким видел место Ирана в политике России А.Н. Куропаткин. Это тем более необходимо, что он, начиная с 1895 г., стал играть большую роль в жизни ПКБ.

Окончательно оформились взгляды А.Н. Куропаткина на политику России относительно южного соседа после его личной поездки в Тегеран 12 января – 23 февраля 1895 г. Он был отправлен в Персию Николаем II с посольством. Официально целью поездки было объявление Насреддин-шаху о вступлении на престол нового царя (это была обычная практика не только в русско-иранских отношениях)²³²⁵. Кроме того, в круг его задач входило обсуждение пограничных вопросов²³²⁶. Неофициально же начальник Закаспийской области ознакомился с положением при персидском дворе и в стране вообще. В силу того, что командировка имела официальный характер, видел будущий военный министр в основном только то, что ему показывали: жизнь населения по пути следования, тегеранский гарнизон и пр. В Иране он имел продолжительное общение с шахом, его первым министром, другими персидскими сановниками. Значительный объём информации был им получен от российского дипломатического представителя в Тегеране и командира ПКБ. Кроме того, в качестве важного источника информации выступали отчёты офицеров штабов Закаспийской области и Кавказского военного округа, с которыми генерал ознакомился до поездки. По возвращении из Тегерана А.Н. Куропаткин 25 марта был принят царём²³²⁷. Результатом миссии стал отчёт А.Н. Куропаткина императору²³²⁸. Как начальник Закаспийской области – приграничной с Персией – А.Н. Куропаткин не мог не знать о позиции Петербурга относительно Ирана и, конечно, имел представление о различных подходах в этом вопросе среди высших чинов империи. Тем не менее, основываясь на знаниях, полученных им за предшествующую деятельность, сведениях офицеров своего штаба и штаба соседнего военного округа, дипломатических агентов, собственном опыте, он сформулировал личный взгляд на проблему. Выводы А.Н. Куропаткина

²³²⁵ Сапрыкин Р.В. А.Н. Куропаткин: Жизнь. Деятельность. Личность: дис. ... канд ист наук. М., 2003. С. 88.

²³²⁶ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 15–16.

²³²⁷ Дневники императора Николая II. М.: ORBITA, 1991. С. 71.

²³²⁸ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. 65 с..

находились в русле решений Особых совещаний по Персии 1890 и 1893 гг. Однако они отличались большей широтой и детализацией.

В докладе 1895 г. были сформулированы основные цели и задачи русской политики относительно южного соседа. А.Н. Куропаткин выступал здесь как сторонник не военно-политической, а экономической экспансии, во многом разделяя взгляды С.Ю. Витте. Тремя основными составляющими доклада 1895 г. были политическая, военная и экономическая. А.Н. Куропаткин постоянно подчёркивал, что Россия отстаёт от ведущей капиталистической державы мира Великобритании. Её генерал одновременно видел опасным противником²³²⁹, но при этом ставил в качестве ориентира в смысле методов деятельности по продвижению и отстаиванию своих интересов. А.Н. Куропаткин заключал, что Россия не должна отставать от Англии²³³⁰. Однако трезво оценивая слабость российской экономики в этом соревновании, считал необходимым, чтобы государство активно помогало своим экономическим и политическим агентам, проводя протекционистскую политику. Политические рекомендации начальника Закаспийской области были краткими. «Поддержание преобладающего влияния нашего в Персии и на будущее время является настоятельно необходимым», – формулировал он главную цель России относительно Ирана. России важно «заботливо охранять целостность Персидского государства. Если не для нас, то для детей и внуков наших вся Персия должна войти в сферу русских политических и экономических интересов ... Охраняя целостность Персии на нашей 2 000-вёрстной границе, Россия не может допустить, чтобы со стороны границ Турции, Афганистана или со стороны Персидского залива последовало занятие той или другой части персидской территории. Равно, мы не можем допустить, чтобы на престоле Персии находилось лицо, не признанное Россиєю», – заключал А.Н. Куропаткин²³³¹. Отсюда одной из главных задач он видел «поддерживать любыми средствами благорасположение

²³²⁹ Следует заметить, что А.Н. Куропаткин отмечал активизацию на Ближнем Востоке и в Персии в частности, Германии, считая, что в перспективе она также может составить опасного конкурента России [Там же. С. 42]. «Но самым главным нашим противником в Персии, как и всюду в Азии, является Англия», – констатировал он [Там же. С. 43].

²³³⁰ Там же. С. 39, 43–44.

²³³¹ Идея сохранения целостности Персидской державы, но под русским влиянием была вообще широко распространена в политических кругах империи Романовых с 1870-х гг. [Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. С. 413]. В 1890-х – начале XX в. тезис о том, что Россия должна преобладать в Персии стал доминирующим и среди политиков и среди публицистов [Там же. С. 415].

шаха, наследника и садр-азама к России, выполняя по возможности их просьбы.

Личные отношения в Персии имеют огромное значение»²³³².

К этой главной цели – подчинению Персии в перспективе российскому влиянию – были привязаны в докладе все остальные. Относительно военной составляющей генерал подчёркивал, что «вооружённые силы в Персии в настоящее время незначительны, не устроены и не обучены должным образом. Но материал имеется хороший и если явятся опытные инструкторы и прекратится воровство сумм, ассигнуемых шахом на армию, то в Персии может быть создана значительная военная сила ... Принимая на себя миссию по охране целостности этой страны, мы, по-видимому, должны влиять на персидское правительство ... дабы в Персии не развивались и не совершенствовались вооружённые силы», – делал вывод А.Н. Куропаткин²³³³. В качестве мер для достижения этого, генерал предлагал следующее. «Представляется ... желательным, – писал он, – ... влиять на шаха, дабы он не только не увеличивал, но даже сокращал денежные отпуска на армию. Необходимо вытеснить из Персии иностранных инструкторов, не допускать приглашение таковых вновь, увеличить в крайности число русских инструкторов для внешнего обучения персидских войск. По всем этим вопросам, указывая шаху наше испытанное миролюбие, необходимо внушать ему и его ближайшим помощникам убеждение, что поддержание в Персии спокойствия не только внешнего, но и внутреннего должно быть прежде всего основано на дружбе с Великою Россиею»²³³⁴.

Главное внимание А.Н. Куропаткин уделил экономической политике России в Иране. «За последние 20 лет наши торговые обороты с Персиею увеличились более, чем в 4 раза, – констатировал он. – Необходимо, однако, отметить, что ценность вывозимых из Персии продуктов всё время превышала стоимость ввозимых нами товаров. Вывозная торговля иностранных государств, главным образом Англии, в общей сложности превышает торговлю России почти в 2 раза и притом обороты по торговле с Персиею завершаются с балансом в пользу европейских государств»²³³⁵.

К тому же, таким образом, замечал А.Н. Куропаткин, Россия ввозила в Персию

²³³² Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 26, 59, 62–63.

²³³³ Там же. С. 59.

²³³⁴ Там же. С. 35–36.

²³³⁵ Там же. С. 36–37.

серебро и деньги, в то время как остальных европейских государства вывозили²³³⁶. Выделяя три главных торговых района – Азербайджанский, Тегеранский и Хорасанский, – пути к ним, и состояние русской торговли в целом, – А.Н. Куропаткин отмечал, что «мы не являемся полными хозяевами даже на северных рынках Персии»²³³⁷. Наиболее обеспеченными интересы русской торговли он считал на Хорасанском рынке. «Несмотря на то, что мы вошли в соприкосновение с этим рынком только 14 лет тому назад, мы прочнее обеспечили его за собою, чем первые два рынка (Тебризский и Тегеранский)», – констатировал он²³³⁸. Одной из главных причин этого начальник Закаспийской области считал отсутствие хороших путей сообщения. А.Н. Куропаткин отмечал, что относительно путей Тегеранского и Тебризского торговых районов «нами ничего не сделано ... и пути, ведущие к нам из Закавказья, остаются в том же неустроенном виде, в каком они были, когда в 1827 году войска наши ... наступали к Тебризу»²³³⁹. «При таких условиях, – делал он заключение, – нам остаётся или уступить персидский рынок иностранцам, или продолжать и развивать правительственную поддержку для поддержания и укрепления нашего торгового положения в Персии ... Если при нынешнем развитии России рынок Персии представляется для нас недостаточно важным, то мы должны работать в интересах детей и внуков наших. Через 50 лет в России будет 250 000 000 населения. Тогда весь персидский рынок до Персидского залива включительно станет для русского народа насущно необходимым. Если мы упустим его теперь из своих рук или позволим занять Англии ту или другую часть территории Персии, то в ближайшем историческом будущем это вызовет необходимость огромных жертв с нашей стороны, дабы вернуть потерянное»²³⁴⁰. «Такое положение вещей, в виду относительной близости к Персии русских промышленных районов, не может быть признано нормальным и со стороны России необходимы новые усилия и меры, дабы на важных, примыкающих к нам персидских рынках Россия получила преобладающее значение», – завершал свой вывод генерал²³⁴¹. Необходимо заметить, что он вполне адекватно раскрыл причины

²³³⁶ Там же. С. 61.

²³³⁷ Там же. С. 42.

²³³⁸ Там же. С. 48.

²³³⁹ Там же. С. 61–62.

²³⁴⁰ Там же. С. 58.

²³⁴¹ Там же. С. 37.

такого положения российской торговли в Персии и разработал довольно обширный план по продвижению русских торгово-экономических интересов в Каджарской монархии. «Такое явление, – писал А.Н. Куропаткин, – объясняется, прежде всего, вообще недостаточным ещё промышленным развитием России. Переход от страны земледельческой к земледельческо-промышленной ещё не завершился у нас. Мы нуждаемся, поэтому, в покровительственной таможенной системе ... Не смотря на такую защиту извне, наша промышленность не справляется ещё в должной степени даже с потребностями внутреннего рынка. Поэтому для наших фабрикантов персидский рынок представляется маловажным, и они не способны положить столько же труда на завоевание этого рынка, сколько кладут, например, фабриканты английские, которые без внешних рынков существовать не могут. Добавим, что со стороны наших торговцев нет ещё достаточной предприимчивости, знания местных условий, знания языка. Наш крупный предприниматель не идёт на риск, как англичанин или американец, и в то же время не признаёт возможным довольствоваться барышом, вполне удовлетворяющим купца-иностранца, ибо необходимо затем иметь в виду, что в настоящее время в России необходимый для каждого предприятия капитал находится труднее и оплачивается значительно дороже, чем за границею»²³⁴².

А.Н. Куропаткин наметил грандиозную программу распространения русского политического и торгово-промышленного влияния в Иране, которая впоследствии была в основном реализована или реализовывалась русским правительством. Она включала в себя контроль над политической и военной ситуацией в стране, поощрительные меры для русской торговли, улучшение и прокладку путей сообщения (в частности, железных дорог) под российским контролем²³⁴³. «С нашей стороны, – писал А.Н. Куропаткин, – представляется, по-видимому, необходимым не допускать персидское правительство к разрешению постройки железных дорог в Персии где бы то ни было иначе, как с согласия русского правительства»²³⁴⁴. Пути эти, по замыслу будущего военного министра, должны были связать Иран с Россией и обеспечить быструю и бесперебойную

²³⁴² Там же. С. 57.

²³⁴³ Там же. С. 50.

²³⁴⁴ Там же.

доставку российских товаров на рынки Персии. Он вновь поднимал вопрос, рассматривавшийся в 1890 г., о постройке железной дороги до Тебриза²³⁴⁵. Обращая внимание на активное строительство железных дорог в Малой Азии и активности здесь представителей Германии, А.Н. Куропаткин отмечал: «эти линии, если мы не поспешим с постройкою железной дороги до Тебриза, могут в ещё большей степени, чем ныне, отнять от нас самый важный в Персии Азербайджанский рынок с г. Тебризом»²³⁴⁶. «Англичане спешат с постройкою пути к Тегерану от р. Каруна, – заявлял он. – Мы можем бороться с ними только ускорением проложения колёсного пути Энзели – Казвин к Тегерану же. Англичане и немцы спешат приблизиться к границам Персии проложением железных дорог через Малую Азию. Мы можем ослабить угрожающую нашим интересам опасность только скорейшим проложением железной дороги от Тифлиса через Эривань и Джульфу к Тебризу»²³⁴⁷. А.Н. Куропаткин указывал, что Россия отстаёт в гонке с Англией и Германией, поэтому отмечал необходимость скорейшего принятия указанных мер, а в особенности – постройки железной дороги. «Мы можем только тогда быть спокойны за сохранение наших интересов в Персии, когда будем иметь для отстаивания сих интересов сплошной железнодорожный путь: Петербург–Москва–Тебриз–Тегеран»²³⁴⁸. Проект этот, правда, не был реализован – правительство сочло за лучшее в 1900 г. ещё на 10 лет заморозить железнодорожное строительство в Иране.

Программа А.Н. Куропаткина предполагала также следующее²³⁴⁹:

1. Необходимость принятия мер к понижению фрахтов за перевозку грузов по Каспийскому морю. «Надо спешить для сего устройством портов в Петровске, в устье Волги, в Энзели и принять меры к обеспечению нужд нашего торгового флота в персидских портах пристанями и пакгаузами», – предлагал он.

2. Облегчить кредит по торговле с Персией продуктам российского производства.

²³⁴⁵ В железнодорожном вопросе А.Н. Куропаткин развивал позицию военных чинов империи, высказанную в 1890 г.

²³⁴⁶ Там же. С. 62.

²³⁴⁷ Там же. С. 65.

²³⁴⁸ Там же.

²³⁴⁹ Там же. С. 63.

3. «Устранить таможенные затруднения, вследствие которых русский товар, проникнувший в центральные провинции Персии, оплачен не 5%, а иногда 15% пошлиною».

4. Назначить консулов в Йезд и Мохаммеру и коммерческих агентов в главные торговые пункты Персии.

5. Продолжать действие поощрительных мер по ввозу в Персию русских хлопчатобумажных изделий и сахара.

«Но все вышеприведенные меры не принесут достаточно пользы, если в голове сих мер не будет поставлена постройка необходимых дорог, ведущих к центрам Персии торговым и административным: Тебризу, Тегерану и Мешхеду, – писал А.Н. Куропаткин. – ... Необходимо начать уже разрешённую к постройке железную дорогу до Эривани. Разрешить продолжение её до Джульфы. Добиться разрешения шаха на продолжение её в персидских пределах от Джульфы до Тебриза. Построить колёсную дорогу от персидского порта Энзели до Казвина, откуда уже существует колёсная дорога до Тегерана. Дать порту в Энзели должное устройство. Построить колёсную дорогу от пограничного пункта на Каспийском море Астара до Тебриза ... Улучшить состояние колёсной дороги от Ашхабада к Мешхеду. Улучшить состояние Гязьского порта. Необходимы пристани, пакгаузы и устройство дорог от этих пунктов через болотистую полосу. Принятие всех этих мер может доставить нам твёрдое положение на рынках Тебризском, Тегеранском и Мешхедском»²³⁵⁰.

В дальнейшем, по мнению А.Н. Куропаткина, постепенно следовало экономически подчинить себе всю Персию. Здесь он развивал идеи бывшего посланника в Персии князя Н.С. Долгорукова, считавшего, что Россия обязана позаботиться о средствах утверждения своего влияния и на юге Ирана²³⁵¹. «При помощи этих мер, – писал он, – мы заложим через эти пункты как бы первую мирную параллель. Став твёрдо на вышеуказанных рынках, мы подготовим возможность продвигаться экономически далее к югу, дабы со временем заложить вторую мирную параллель от Керманшаха через Исфахан, Йезд к Кирману.

²³⁵⁰ Там же. С. 63–64.

²³⁵¹ Там же. С. 48.

Наконец, с занятием этой второй линии станет возможен успех в борьбе с англичанами и за выходы к Персидскому заливу и Индийскому океану»²³⁵².

«Без принятия вышеуказанных мер, – завершал свои рассуждения А.Н. Куропаткин, – мы можем потерять даже то, что нами в Персии уже достигнуто»²³⁵³.

30 мая 1895 г. Николай II сделал в своём дневнике запись: «Читал с интересом отчёт Куропаткина о его поездке зимою в Персию»²³⁵⁴. Думается, именно под воздействием позиции начальника Закаспийской области с 1895 г. то, что современный публицист назвал «русским наступлением в Персию»²³⁵⁵, начавшимся примерно с 1893 г., приобретает новые черты. Главной целью постепенно становится не просто соревнование с Великобританией, но вытеснение её влияния с территории Ирана различными методами, главными из которых должны стать экономические. Идея подчинения российскому влиянию Ирана была не нова для русской дипломатии²³⁵⁶. Однако до этого предпочтение отдавалось методам политического и военного характера. Во второй половине 1895 г. «было провозглашено, что соревнование с Англией отныне должно выражаться, прежде всего, в сфере экономических интересов»²³⁵⁷. Именно этим объясняется нежелание российского правительства всерьёз вступать в переговоры о разделе сфер влияния в соседней стране, которые настойчиво предлагал Лондон²³⁵⁸. «В руководящих кругах господствовало даже убеждение, – констатировал на Особом совещании 1 февраля 1907 г. министр иностранных дел А.П. Извольский, – что Персия должна всецело подпасть под русское влияние, и что нам надо стремиться к свободному выходу в Персидский залив, с проведением железнодорожной линии через всю Персию и созданием укрепленного пункта на означенном заливе»²³⁵⁹. Стратегически контроль над всей Персией казался более важным, чем лишь над её частью.

²³⁵² Там же. С. 64.

²³⁵³ Там же. С. 65.

²³⁵⁴ Дневники императора Николая II. М.: ОРБИТА, 1991. С. 82.

²³⁵⁵ Леонтьев М. Большая игра. М.: АСТ; Спб.: Астрель-СПб. С. 124.

²³⁵⁶ К истории англо-русского соглашения 1907 г. // Красный архив. 1935. Т. 2/3 (69/70). С. 13.

²³⁵⁷ Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг: (По материалам Учётно-ссудного банка Персии). Л.: Наука, 1975. С. 17–18.

²³⁵⁸ Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 453–455.

²³⁵⁹ К истории англо-русского соглашения 1907 г. // Красный архив. 1935. Т. 2/3 (69/70). С. 19.

Формально для такой политики имелись все необходимые предпосылки.

Россия граничила с Ираном уже не только на Кавказе, как в начале века, но и в Центральной Азии²³⁶⁰. Причём пограничные районы сравнительно успешно управлялись и перестраивались под русским контролем для пользы империи. Фактически политика относительно Ирана формировалась в 1890-х Кавказской администрацией (22 ноября 1881 г. Кавказское наместничество было упразднено, и образована Кавказская администрация во главе с главноначальствующим гражданской частью, он же одновременно был главнокомандующим и наказным атаманом казачьих войск) и управлением Закаспийской области. Налаживание внутренней администрации, постройка дорог, телеграфных линий и пр. давало возможность в случае необходимости быстро реагировать на военно-политические и экономические вызовы со стороны южного соседа. До 1898 г. продолжалась постройка Закаспийской железной дороги, отдельные участки которой вводились в строй по мере продвижения российской власти в Средней Азии²³⁶¹. Она стала одной из главнейших торговых артерий между империями Каджаров и Романовых и, одновременно, была важным военно-стратегическим путём²³⁶². Каспийское море и его побережье к середине 1890-х гг. фактически превратилось в вотчину русского влияния²³⁶³. Под контролем России находились Закаспийский край, были проведены железные дороги до Батума, Баку, приняты меры для поощрения ввоза в Персию сахара и хлопчатобумажных изделий. Покорение туркмен и порядки, установившиеся на территории русской Средней Азии привлекали простое население приграничных персидских областей. «В Фехрабаде насчитывается до 150 домов, – писал российский набоюдатель, – и жители его почти все являются собственниками большого количества верблюдов (до 600 голов в селении). Они водят караваны от Теббеса и Туна на Себзевар, Кучан и Ашхабад. Многие из них, узнав во мне русского, расхваливали мне Ашхабад, где бывали неоднократно; отзывались с восторгом о железной дороге, которую видели там первый раз в жизни,

²³⁶⁰ К 1893 г. граница между государствами в основном была определена.

²³⁶¹ Сапарова Д.Ч. Влияние Закаспийской железной дороги на развитие русско-иранских торговых связей (90-е гг. XIX в.). Ашхабад: Ылым, 1991. С. 24–25.

²³⁶² Белоглазов А.В. Формирование каспийского направления российской геополитики // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2005. Т. 147. № 1. С. 123–143; Габиева З. Правовой статус Каспия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://observer.materik.ru/observer/N8_2004/8_12.HTM.

²³⁶³ Абрамов А.Е. Русские концессии в Прикаспийском Иране в конце XIX века: к проблеме путей и методов проникновения русского капитала в Иран // Актуальные проблемы юриспруденции. Сборник научных трудов. Владимир: ВГПУ, 2002. Вып. 3. С. 164–170.

и о порядке и чистоте города. В Фехрабаде имеется новый караван-сарай, построенный иждивением одного из йездских купцов; в полуверсте к юго-западу от караван-сарая – отличный новый аб-амбар, вода которого была хорошего вкуса и сравнительно свежа; но её не хватает на всё лето. Жители говорили, что будь здесь хозяевами русские, то наверное было бы не один, а 10 хоузов и не приходилось бы прибегать к горько-солёной кярызной воде»²³⁶⁴

«Русское влияние основывается главным образом на престиже её силы, – констатировал другой русский офицер, – выразившейся в покорении Средней Азии, причём особенное впечатление на население северо-восточного Хорасана произвело завоевание Хивы и Закаспийского края. Действительно, до этих завоеваний положение населения рассматриваемых округов (пограничных с Россией областей в Центральной Азии – О.Г.) было весьма печально: постоянно угрожаемые нападением туркменских аламанов, жители не имели возможности спокойно производить полевые работы в самом близком от селений расстоянии; выходя из селений для запашки или сбора хлеба, они брали всегда с собой оружие, а поблизости места работ воздвигали особые башни, в которых искали убежища в случае нечаянного нападения. Торговля была стеснена вследствие небезопасности путей сообщения и караваны не решались отправляться в путь без сильного конвоя. Множество жителей уводилось туркменами ежегодно в плен и продавалось затем в рабство на базарах Средней Азии, а особенно в Хиву. После занятия нашими войсками этого пункта ... всё ... население вздохнуло свободно с прекращением аламанов и могло приняться за работу и торговлю, не опасаясь за свою жизнь или свободу. Ту силу, которая покорила исконного врага перасиянина – туркмена, с которым он тщетно боролся много десятков лет и который держал в страхе и трепете весь север Персии, население этих стран не может не уважать и не преклоняться перед ней. Затем после введения в Закаспийском крае русского управления, основанного на гуманности и справедливости, население рассматриваемого района имеет постоянно перед глазами ту разницу, которая существует в материальном положении покорённых нами туркмен, коим

²³⁶⁴ Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Вольнского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование) // СМА. 1896. Вып. 63. С. 83.

предоставлено пользоваться одинаковыми правами с победителями и дано полное обеспечение жизни, свободы и собственности, с их собственным положением под управлением персидской администрации, основанной на произволе, насилии и беззаконии. Сравнивая своё положение с положением нашего подданного туркмена, приграничное с нами население рассматриваемого района должно почувствовать тяготение к России и, наоборот, неудовольствие и злобу к режиму своего правительства. Между населением северных округов района и Закаспийской области установились весьма оживлённые торговые сношения, которые, представляя весьма большую статью доходов, способствуют вместе с тем ознакомлению с нашими порядками. При решении всевозможных пограничных вопросов, в которых затронуты интересы наших и персидских подданных, большое значение всегда имеет голос России, причём вопрос решается так, как это выгодно для наших подданных. Подобное положение, вызывая мелкие вспышки неудовольствия против нас со стороны заинтересованного в этом вопросе персидского населения, вместе с тем способствует в общем к укоренению сознания, что слабому шахскому правительству не под силу бороться с могуществом России и одного слова русского императора достаточно для присоединения к России всего Хорасана; вместе с тем в народе существует глубокое убеждение, что это должно когда-нибудь совершиться. Действительно, престиж русского имени стоит во всех рассматриваемых странах весьма высоко, основываясь на страхе и уважении; но симпатии к нам чувствует только народ, а отнюдь не правительство и ханы, относящиеся к нам недоброжелательно. Этот последний факт объясняется тем обстоятельством, что установление прочной власти среди туркмен Закаспийской области повлияло на уменьшение доходов, получаемых ханами, ибо главная статья доходов приграничных с нами ханов Дерезгезского, Кучанского и Келатского заключалась в прибыли, получаемой от набегов на туркменские аулы, а прибыль эта была между тем весьма значительна, доходя у одного Кучанского хана до 200 000 туманов в год. Кроме того водворение прочной власти в области имело следствием уменьшение самостоятельности всех этих ханов и поставило их в более зависимое отношение к центральному персидскому правительству. Бывший вполне самостоятельным в своих действиях в прежнее время, Кучанский хан должен теперь

строго придерживаться получаемых от шахского правительства инструкций. Поименованные обстоятельства, а также идущее нам во вред иностранное влияние являются причинами того, что все высшие правительственные лица в районе относятся к нам недоброжелательно, не стесняясь высказывать это при всяком случае нашим официальным лицам, как наш генеральный консул в Хорасане»²³⁶⁵.

Помимо неосознанного, русским правительством использовалось и осознанное формирование из персов своих сторонников путём приобщения персидской знати к русской культуре и вообще ко всему русскому²³⁶⁶. Речь, правда, шла в первую очередь, о каджарских принцах. Так, персидские принцы находились на русской службе. Ещё в войну 1877–1878 гг., к примеру, в Аладжинском сражении 2–3 октября 1877 г. был ранен поручик Нижегородского драгунского полка эмир Казым-мирза (Касым-мирза)²³⁶⁷. При штабе Кавказского военного округа состояли: генерал-майор Риза-Кули-мирза в запасе армейской кавалерии, ротмистр Лейб-гвардии казачьего его величества полка Шахрух-мирза²³⁶⁸. Офицером Нижегородского драгунского полка числился служивший на Кавказе Казим-мирза Каджар, вышедший генералом в отставку²³⁶⁹. Это далеко не полный перечень имён выходцев из персидской знати, служивших в России и формировавшихся здесь как будущие агенты влияния империи Романовых в Иране. Следует заметить, что стимулируя приверженность России и европейским порядкам, русские инструкторы также, сами того не желая, воспитывали в иранских офицерах ПКБ идеи

²³⁶⁵ Орановский. Военно-статистическое описание северо-восточной части Хорасана 1894 г. // СМА. 1896. Вып. 68. С. 104–107. В этой связи утверждение В.М. Хвостова о том, что «русские власти развили энергичную деятельность по превращению в своих агентов ханов и вождей различных племён в Хорасане ... различными средствами, уже давно применявшимися царскими консулами в северных провинциях Персии: подкупом, предоставлением поддержки и протекции в разного рода случаях, запугиванием, скупкой земли и феодальных прав» [История дипломатии. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1963. Т. 2. Дипломатия в Новое время. 1871–1914. С. 206] для последней трети века нуждается в детальном уточнении и исправлении.

²³⁶⁶ В 1866 г. министр просвещения в отчете об организации Московского и Казанского учебных округов, предоставил на высочайшее рассмотрение проект открытия в Астрахани учебного заведения для иранских подданных: элементарного или первоначального. «Обучаясь нашему языку, – писал министр, – сродняясь с нашим просвещением, они могли бы распространять его в своей стране, а это было бы самым прочным и вместе самым дешёвым нашим завоеванием на Востоке» [Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 61–62]. Именно эта идея лежала в основе привлечения на русскую службу иранской знати, иранских офицеров. Она же по сути, реализовывалась и в ПКБ на примере части бригадных офицеров из местного населения. Правда, до начала XX в. системной реализации в бригаде она не получила.

²³⁶⁷ Гиппиус В. Осады и штурм Карса в 1877 г. Исторический очерк. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1885. С. 570.

²³⁶⁸ Кавказский календарь на 1890 год. Тифлис: Типография канцелярии Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе, 1889. Отдел 2. С. 205.

²³⁶⁹ Смирнов К.Н. «Интеллидженс» Кавказского фронта в период 1878–1918 годов // Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 188.

национализма (успехи соседней «неверной» страны естественно вызывали стремление части персидских военных соответствовать ей, чтобы на равных противостоять или же просто быть не хуже) и желание переустройства вооружённых сил и общества Персии по европейским образцам, но на собственной основе и без внешнего вмешательства. Не касаясь идей, которые двигали умами различного рода «модернистов» и монархистов, следует заметить, что наиболее продвинутые офицеры ПКБ из местного населения не просто усваивали опыт русских учителей и хорошо служили шаху и отчасти России (например, в деле военной агентуры), но и становились людьми нового мировоззрения, понимавшими пороки и недостатки существовавшего строя. Они были заряжены на изменения, в том числе и силой оружия. В этих офицерах сочетались и конституционалистские, и патриархальные, и религиозные взгляды, и личные амбиции, и идеи этнического национализма, и идея преобразования Ирана сильной рукой, основным инструментом которого виделась национальная армия без внешнего руководства (прежде всего освобождение от России и Англии). Если офицеры, устраивавшие бунт в ПКБ в 1906 г.²³⁷⁰ возможно и направлялись идеалистически понятыми принципами национализма и социализма, но скорее всего, были людьми, желавшими «половить рыбку» в мутной воде революции, то создававшие новое государство во главе с Реза-ханом в своей голове имели не только личные амбиции, но руководствовались интересами государственными и идеями этнического национализма²³⁷¹.

²³⁷⁰ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 130–133.

²³⁷¹ Боев Э.Б., Воронкова Г.В. Национальная политика шахского правительства Ирана в 1925–1979 годах // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12. Ч. 1. С. 25–31; Галкина Е.С. Становление нации и пути национализма в Иране // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2011. № 32. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-natsii-i-puti-natsionalizma-v-irane>; Каменева М.С. Национальные традиции и языковая политика в Иране (20-е – начало 80-х гг. XX в.) // Зарубежный Восток: религиозные традиции и современность. М.: Наука, 1983. С. 140–145; Раванди-Фадаи Л.М. Этнос, нация, национализм: иранский взгляд // Нации и национализм на мусульманском Востоке. М.: ИВ РАН, 2015. С. 193–206; Сухоруков А.Н. Развитие националистических идей в Иране в конце 19 в. и их связь с языковым пуризмом // «Слинкинские чтения»: материалы II Международной научно-практической конференции памяти профессора М. Ф. Слинкина, 14 февраля 2014 г. Симферополь, 2014. Т. 1. С. 50–52; Тимкин Ю.Н. Идеология неоахеменизма в государственно-политической модернизации Ирана периода династии Пехлеви // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 3(65). Ч. 1. С. 169–172; Cronin S. The Army and Creation of the Pahlavi State in Iran, 1921–1926. I.B.Tauris, 1997. 296 p.; Cronin S. The Making of Modern Iran: State and Society under Riza Shah, 1921–1941. Taylor & Francis, 2003. 312 p.

Продвижение в Персию обеспечивалось также и внутренним экономическим подъёмом, который переживала Россия. Период с середины 1880-х до середины 1890-х гг. вошел в историю страны как «золотое десятилетие» в развитии экономики. Государство активно покровительствовало развитию собственной промышленности, банковского дела, транспорта, связи. Введённый в 1891 г. единый таможенный тариф носил уже не просто протекционистский, а запретительный для иностранного производства характер. Он имел целью «создать в России свою собственную обрабатывающую промышленность, – отмечал в 1899 г. С.Ю. Витте, – которая содействовала бы росту нашей экономической, а, следовательно, и политической самостоятельности»²³⁷². При этом постепенно набирало силу привлечение иностранных инвестиций, которое окончательно было закреплено как стратегическое направление с при С.Ю. Витте. После временного закрытия для России сначала лондонского финансового рынка в 1885 г. в связи с событиями на Кушке²³⁷³, а затем – берлинского из-за таможенных противоречий²³⁷⁴, происходит переориентация империи на Францию в качестве основного капиталовкладчика²³⁷⁵. Особенно увеличились французские инвестиции в русскую экономику и банковскую сферу после сближения начала 1890-х гг.²³⁷⁶. Внутриэкономическая политика, которую проводили министры финансов, стала приносить успехи довольно быстро. К 1880-м гг. завершился промышленный

²³⁷² Донгаров А.Г. Иностранный капитал в России и СССР. М.: Международные отношения, 1990. С. 17.

²³⁷³ Хидоятов Г.А. Британская экспансия в Средней Азии: (Пенде, март 1885 г.). Ташкент: ФАН, 1981. 213 с.; Лунёва Ю. «...Из-за Герата мы не забудем Константинополя»: [о вооруж. столкновении между рус. и афган. войсками на р. Кушке 18 марта 1885 г., завершившемся победой рус. войск] // Родина. 2010. № 8. С. 62–64; Лисицина Н.Н. Закаспийский край в англо-русских отношениях: 1880-е – 1907 гг. Дисс. ... канд. ист. наук, М., 2006. С. 168–210.; Айрапетов О.Р. До и после Кушки // Родина. 2015. № 2. С. 56–57.

²³⁷⁴ История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М.: Международные отношения, 1999. С. 273–282.

²³⁷⁵ Донгаров А.Г. Иностранный капитал в России и СССР. М.: Международные отношения, 1990. С. 14.

²³⁷⁶ О создании русско-французского союза см.: Документы по заключению франко-русского союза (1891–1893 гг.) // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Гос.изд-во полит.литературы, 1952 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/francrus.htm>; Манфред А.З. Образование русско-французского союза. М.: Наука, 1975. 375 с.; Троицкий Н. Внешняя политика 1879—1894 гг.: Русско-французский союз // Россия в XIX веке: Курс лекций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scerpsis.ru/library/id_1549.html. Экономическое влияние русско-французского сближения рассмотрено в: Бовыкин В.И. К истории перехода французского капитала к новой стратегии инвестиций в России. Экономическая история: Исследования. Историография. Полемика. Сборник. М.: Наука, 1992. С. 108–129; Бовыкин В.И. Французские банки в России в конце XIX – начале XX века. М.: РОССПЭН, 1999. 254 с. Бовыкин В.И. Французское предпринимательство в России // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России Очерки. М.: РОССПЭН, 1997. С. 156–168; Комиссарова Ж.Н. Экономические отношения Франции и России // Мировое и национальное хозяйство. 2001. № 2 (17) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mirec.ru/old/index.php?option=com_content&task=view&id=197.html. В результате, к 1914 г. доля от общего числа иностранных инвестиций Франции составляла 32,6% (731 747 000 золотых рублей) от общей суммы в 2 240 955 000 золотых рублей, и значительно опережала других вкладчиков: Англия 507 480 – 22 %, Германия 441 593 – 19,7%, Бельгия 321 602 – 14,3% [Уткин А. И. Вызов Запада и ответ России. М.: Эксмо, 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/research/utkin_ai4/05.html].

переворот, быстрыми темпами шло железнодорожное строительство, которое как локомотив вытягивало за собой остальные промышленные отрасли, втягивало в активную экономическую жизнь все новые и новые районы империи. В 1892–1893 гг. промышленный подъём охватил все отрасли экономики, особенно тяжёлую индустрию²³⁷⁷. В 1890-е гг. страна приступает к индустриализации, которая преобразовала промышленное лицо страны: возникают новые отрасли, новые промышленные районы, формируются целые слои и классы, которых раньше в России просто не было. 1890–1899 гг. – десятилетие, ставшее первой фазой русской промышленной революции, совпавшей с наибольшим притоком иностранных капиталов²³⁷⁸. Из аграрной страны империя быстро превращается в аграрно-индустриальную державу²³⁷⁹.

В то же время, с начала 1890-х гг. Россия вступает в новую фазу развития, охватившую постепенно ведущие страны мира с середины 1870-х гг. В историографии (особенно марксистской) эта фаза получила название империализм²³⁸⁰. Данный термин нуждается в пояснении. До сих пор мы использовали его в качестве характеристики внешнеполитического курса России и Англии, определяя как политику захвата территорий или установления над ними политического или экономического контроля. Однако такое широкое понимание не даёт полноценного представления об изменениях, происшедших в международных отношениях в 1870-х – 1914 гг. До сих пор термин «империализм» для этого времени является дискуссионным. И дискуссия эта была начата примерно с конца XIX в. На данный момент существует два основных подхода к пониманию империализма в указанное время²³⁸¹. При этом их сторонники рассматривают его в разных плоскостях, что затрудняет понимание и не позволяет найти общее определение. Для первой точки зрения важнейшим является военно-политическая

²³⁷⁷ Толмачёв Е.А. Миротворец Александр III и его время. М.: Воениздат, 2008. С. 151

²³⁷⁸ Донгаров А.Г. Иностранный капитал в России и СССР. М.: Международные отношения, 1990. С. 30.

²³⁷⁹ Яблонских Е.К. История экономики России XIX века: Конспект лекций. М.: МГТУ Станкин, 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=28256>.

²³⁸⁰ Подробнее о развитии мира во второй половине XIX в. см.: Всемирная история: В 6 т. Т. 5: Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. М.: Наука, 2014. 963 с.

²³⁸¹ Конечно, понимание империализма вообще имеет разные плоскости. Но все их объединяет агрессивность, экспансионизм, стремление к господству как центральные компоненты в толковании термина.

экспансия как таковая²³⁸². Связывается она, главным образом, с культурными и политическими причинами, а также личностными взглядами государственных деятелей, её иницирующих и осуществляющих. Экономический фактор долгое время сторонниками первого подхода игнорировался, либо ему отводилась незначительная роль. Со временем, под влиянием второго подхода, причины экономического порядка занимают достойное место среди иных в определении термина. Однако применительно к событиям рубежа веков такое его толкование мало что даёт.

Для сторонников второй точки зрения (преимущественно марксистов) империализм – это не политика государств, а этап в развитии капитализма²³⁸³. Социально-экономическое развитие, как в государственном, так и в мировом масштабе, по их мнению, обуславливает внешнюю политику, делает её «империалистической», т. е. захватнической. Классическим в этом подходе остаётся определение В.И. Ульянова (Ленина). Суть империализма в том, что он является высшей и последней стадией развития капитализма, которая предшествует социалистической революции. Соответственно, империализм характеризуется концентрацией капитала и производства, приводящей к возникновению монополий; созданием финансового капитала и финансовой олигархии на основе слияния банковского и промышленного капиталов; вывозом капитала; образованием монополистических союзов капиталистов, делящих мир; территориальным разделом мира крупнейшими державами²³⁸⁴.

Оба определения имеют точки соприкосновения и оба могут быть применимы к периоду последней трети XIX – начала XX вв. Однако оба они раскрывают лишь части того, что происходило в мире в рассматриваемое время. Капитализм действительно вступил в новую стадию своего развития, основные черты которой

²³⁸² Империализм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz/>

²³⁸³ Капитализм – экономическая система производства и распределения, основанная на частной собственности, всеобщем юридическом равенстве и свободе предпринимательства. Главным критерием для принятия экономических решений является стремление к увеличению капитала, к получению прибыли (есть и другие определения: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Капитализм>).

²³⁸⁴ Евзеров Р.Я. Ленинская теория империализма: мифы и реалии // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 43–63; Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politpros.com/library/13/235/>

были выделены Д. Гобсоном и В.И. Ульяновым (Лениным)²³⁸⁵. В то же время, и империализм в широком понимании этого слова также поднялся на новую ступень. Главной определяющей в экспансионистских планах и действиях ведущих держав мира стали экономические факторы. Такое положение вещей было обусловлено изменениями в капитализме, а те, в свою очередь, сформировали новое видение задач внешней политики, идеологическое их обоснование, средства и методы. В этом смысле Россия хотя и отстала от стран «первого эшелона модернизации»²³⁸⁶, однако в силу своего статуса и не могла остаться в стороне от происходивших процессов. Экономическая слабость на первых порах компенсировалась протекционистской государственной политикой, а затем государство стало играть роль двигателя и «резерванта» для своих капиталистов.

На волне резкого экономического подъёма политика, предложенная относительно Ирана, не казалась эфемерной. Однако, многие ведущие государственные деятели прекрасно понимали, что, несмотря на экономический рост и приток капиталов из-за рубежа (главным образом, французских), Россия всё же по-прежнему не в состоянии была ещё на равных тягаться с Англией на экономической площадке. Отсюда – использование широко метода получения тех или иных выгод в Иране впрок. Причём основными «двигателями» выступали министерства финансов и иностранных дел, то есть фактически все мероприятия проводились не за счёт частных инициатив, а казёнными средствами. Как и внутри империи, вне её политика «ускоренной модернизации» проводилась под контролем и на средства государства. Однако это не означало, что экономические меры имели исключительно пассивный характер. На особом совещании по вопросу о финансово-экономической политике России в Персии 7 июня 1904 г., министр финансов Владимир Николаевич Коковцов заметил: «Россия, не ограничившись выдачею денежных ссуд шахскому правительству, приняла непосредственное участие в

²³⁸⁵ Гобсон Дж.А. Империализм. Л.: Рабочее Издательство Прибой, 1927. 287 с. Д. Гобсон представил империализм как двуединую категорию. В её основу он положил 2 взаимодействующих компонента – экономику и политику, преломляя их сквозь призму национализма, в то время как В.И. Ульянов проблему империализма рассматривал главным образом через призму экономики.

²³⁸⁶ Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Horos/01.php.

экономической жизни Персии», после чего перечислил, в каких именно формах²³⁸⁷. Останавливаться на них подробно не входит в наши задачи. Отметим лишь, что в том же 1895 г. российской стороной были получены от шаха новые концессии, речь о которых пойдёт ниже.

Тем не менее, со временем пришло осознание того, что Россия не в состоянии за счёт казны обеспечивать растущие потребности пришедшего к власти Мозаффарэддин-шаха и даже свои собственные не территории всей Персии. Оказалось, что экономический рост империи имел значительные недостатки, в первую очередь – неравномерность (в том числе и развитие промышленности в ущерб аграрному сектору) и «завязанность» на европейский финансовый рынок благодаря политике привлечения инвестиций, проводившейся С.Ю. Витте. Это проявилось уже в 1891 г., когда в восточных степных районах России разразился голод. В конце 1899 г. страну охватил экономический кризис, вызванный общемировым кризисом. Тем не менее, для империи он оказался очень длительным и тяжёлым, проявив все недостатки «ускоренной модернизации»²³⁸⁸. При всей неоднозначности реформ С.Ю. Витте, следует отметить, что в результате их Россия стала постепенно превращаться для Европы в крупного должника (из-за государственных и частных займов) со всё увеличивавшимся государственным долгом и экономической зависимостью от иностранного капитала²³⁸⁹.

Неравномерность экономического развития и иные внутренние проблемы привели к постепенной переоценке возможностей Российской империи относительно Персиию «На почве персидских дел, – говорилось на Особом совещании 7 июня 1904 г., – России приходится вести нелёгкую борьбу с серьёзным соперником в лице Англии, которая обладает большими материальными средствами и может вынести более значительные, чем Россия, денежные жертвы»²³⁹⁰. Здесь же было отмечено, что «результаты, достигнутые существующими банковским, дорожным и транспортным предприятиями, побуждают к продолжению деятельности последних, – постепенному расширению их, для приобретения прочного преобладания над иностранцами, которое должно служить наилучшим

²³⁸⁷ Англо-русское соперничество в Персии в 1890–1906 гг. // Красный архив. 1933. Т. 1 (56). С. 50.

²³⁸⁸ Милов Л.В., Цимбаев Н.И. История России XVIII–XIX веков. М.: Эксмо, 2006. С. 651–652.

²³⁸⁹ Там же. С. 648–650.

²³⁹⁰ Англо-русское соперничество в Персии в 1890–1906 гг. // Красный архив. 1933. Т. 1 (56). С. 53.

залогом усиления общего влияния России в Персии». Тем не менее, продолжение решения свидетельствует, что либо начавшаяся 27 января 1904 г. война с Японией, либо «рационализация» высших государственных деятелей, либо то и другое вместе привели к осознанию авантюристичности политики «захвата на будущее», усиленной в 1895 г., но начавшейся ещё при Александре III. «С этой точки зрения, – заключало решение особого совещания, – не представляется оснований высказываться против сосредоточения в русских руках и новых предприятий, если они являются достаточно выгодными сами по себе. Напротив, с полным сомнением следует отнестись к мысли о закреплении за собой возможно большего числа концессий в Персии, как средства борьбы против иностранных предприятий. Таковые концессии, добытые лишь ради того, чтобы они не достались иностранцам, остались бы неиспользованными за недостатком средств или небеспеченностью самого дела. Они содействовали бы только распространению нежелательных нареканий на русское имя, во избежание чего правительству предстояла бы необходимость поддерживать их и нести новые бесполезные жертвы»²³⁹¹. Рационализм финансово-экономической и политической линии России относительно Ирана был выражен в шести пунктах заключительного решения Особого совещания²³⁹². Главным их мотивом было стремление «относиться с крайней осмотрительностью ко всяким дальнейшим денежным воспособлениям шахскому правительству»²³⁹³,

После русско-японской войны 1904–1905 гг. в силу, главным образом внутриэкономических и политических проблем царское правительство вообще отказалось от идеи подчинить весь Иран своему влиянию. К.Н. Смирнов писал: «Славой русского солдата долго держался наш престиж в Персии, и только после несчастной для нас японской войны началось антирусское движение»²³⁹⁴. «Можно ли серьёзно говорить о том, – заявил на особом совещании 7 сентября 1906 г. министр финансов В.Н. Коковцов, – чтобы вытеснить кого бы то ни было из Персии

²³⁹¹ Там же. С. 53. Как ни парадоксально, но пример ПКБ вплоть до принятия её В.А. Косоговским, служил классическим подтверждением последнего тезиса. Бригада действительно была создана «на перспективу», приносила к концу 1880-х–началу 1890-х гг. не столько доходы, сколько убытки своей внутренней неустроенностью, невниманием русского правительства и внутренними дрызгами. В результате, к ней потерял доверие даже сам шах, встал вопрос о ликвидации инструкторской миссии. И лишь благодаря сначала вниманию военного ведомства и ловкости Е.К. Бюцова и В.К. Бельгарда, а затем самоотверженности и профессионализму В.А. Косоговского она превратилась в «прибыльное предприятие».

²³⁹² Англо-русское соперничество в Персии в 1890–1906 гг. // Красный архив. 1933. Т. 1 (56). С. 55.

²³⁹³ Там же. С. 51.

²³⁹⁴ Тер-Оганов Н.К. Константин Николаевич Смирнов и русско-иранские отношения в начале XX века // Russian history. 2005. Vol. 32. № 1. P. 51.

и целиком подчинить её русскому влиянию? Ответ, несомненно, должен быть отрицательным, так как кроме Англии, постройка Багдадской железной дороги приближает и Германию к Персии ... наконец, при том внутреннем положении, в коем находятся ныне владения шаха, установление исключительного влияния России грозило бы в ближайшем будущем перспективой военного усмирения целой страны»²³⁹⁵. Революция в России и в Иране также ослабили позиции империи Романовых в Тегеране. Этим воспользовались английские дипломаты. Если Россия всегда делала ставку на шаха и поддержание политической стабильности в стране, британцы активно поддержали антишахские силы, обвиняя при этом Россию в подавлении свободы в Иране²³⁹⁶. Результатом стало англо-русское соглашение от 18 августа 1907 г. по делам Персии, Афганистана и Тибета²³⁹⁷. Конвенция закрепила раздел Ирана на английскую и русскую сферы влияния с «буферной зоной» между ними²³⁹⁸.

²³⁹⁵ Англо-русское соперничество в Персии в 1890–1906 гг. // Красный архив. 1933. Т. 1 (56). С. 61–62. В последнем министр финансов оказался «провидцем»: вспыхнувшие в Иране в 1905 г. волнения, получившие название «Конституционной революции 1905–1911 гг.» к 1908 г. разрослись настолько, что потребовалось вооружённое вмешательство со стороны Англии и России. С российской стороны сначала действовала ПКБ, при помощи которой в июне 1908 г. Мохаммед Али-шах совершил государственный переворот. Затем, в 1909 г. отдельные русские части были введены с территории империи на север Ирана. Наконец, в 1911 г. по согласованию с Англией была начата полномасштабная военная интервенция двух стран, решившая судьбу революции [Алиев С.М. История Ирана. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. С. 67–71; Иванов М.С. Иранская революция 1905–1911 годов. М.: Издательство ИМО, 1957. С. 487–505; Стрелянов (Калабухов) П.Н. Казаки в Персии. 1909–1918 гг. М.: Центрполиграф, 2007. С. 5–78].

²³⁹⁶ Тер-Оганов Н.К. Константин Николаевич Смирнов и русско-иранские отношения в начале XX века // Russian history. 2005. Vol. 32. № 1. P. 52. Об иранской революции 1905–1911 гг. см.: Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и. 1978–1979 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 1998. С. 34–131; Иванов М.С. Иранская революция 1905–1911 годов. М.: Издательство ИМО, 1957. 560 с.; Afary J. The Iranian Constitutional Revolution, 1906–1911. New York: Columbia University Press. 1996. 448 p.; Foran J. The Strengths and Weaknesses of Iran's Populist Alliance: A Class Analysis of the Constitutional Revolution of 1905–1911 // Theory and Society. 1991. Vol. 20. № 6. P. 795–823; Kasravi A. History of the Iranian Constitutional Revolution: Tarikh-e Mashrute-ye Iran Volume 1. Costa Mesa: Mazda Publications, 2006. 347 p.; Mangol Bayat Iran's First Revolution: Shi'ism and the Constitutional Revolution of 1905–1909. Oxford University Press, 1991, 336 p.

²³⁹⁷ Русский вариант: Конвенция между Россией и Англией по делам Персии, Афганистана и Тибета С.-Петербург, 18/31 августа 1907 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Государственное изд-во политической лит-ры, 1951. С. 386–393. Английский текст конвенции, касающийся Персии, см.: 1907. The Anglo-Russian Entente Great Britain, Parliamentary Papers, London, 1908, Vol. CXXV, Cmd. 3750. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wwi.lib.byu.edu/index.php/The_Anglo-Russian_Entente. О соглашении 1907 г. см.: Остальцева А.Ф. Англо-русское соглашение 1907 года: Влияние русско-японской войны и революции 1905–1907 годов на внешнюю политику царизма и на перегруппировку европейских держав. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1977. 275 с.; Сергеев Е.Ю. Англо-русская Антанты 1907 года. Новые аспекты // Новая и новейшая история. 2007. № 5. С. 50–65; Сергеев Е.Ю. Англо-русская Антанты 1907 г.: мифы и реальность // Россия и Британия. М.: Наука, 2010. Вып. 5. На путях к взаимопониманию. С. 54–64; Снесарев А.Е. Англо-русское соглашение 1907 года. Сообщение начальника среднеазиатского отдела Общества востоковедения Генерального штаба подполковника А.Е. Снесарева, читанное на общем собрании членов Общества ревнителей военных знаний 24 января 1908 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.a-e-snesarev.ru/anglo-rus_soglashenie.pdf.

²³⁹⁸ Правда, после заключения соглашения противостояние не прекратилось, а перешло в скрытую форму. Англичане, стимулируя т.н. «конституционалистов», фактически настраивали их на ликвидацию всего старого, якобы мешавшего развитию Персии. Как метко отметил Махдиян Мохаммад Хасан, «англичане в Иране старались раздувать антирусские настроения среди иранцев, и, к сожалению, Россия своими действиями помогала им в этом» [Махдиян Мохаммад Хасан. История межгосударственных отношений Ирана и России (XIX – начало XX века). Автореф. дисс.

Ещё одним важным методом была деятельность военно-политического характера. Уже отмечалось, что большую роль в усилении влияния России в Персии сыграл Е.К. Бюцов. В 1895 г. А.Н. Куропаткин, посетивший Иран, писал в докладе царю: «Престиж и имя России в Персии стоят очень высоко ... таким положением в Персии мы обязаны во многом заслугам энергичного и опытного представителя России в Тегеране тайного советника Бюцова, каждое слово которого пользуется большим значением, и к которому как шах, так и все персидские сановники относятся с глубоким уважением»²³⁹⁹.

Именно его умелыми действиями в последние годы своей жизни Насреддин-шах переориентировался на империю Романовых. Следствием стали существенные результаты, как политического, так и экономического характера. В плане продвижения русских интересов в Иране наиболее плодотворным оказался 1895 г. Распространяя своё влияние на Хорасан, в январе 1895 г. Россия открыла правильные таможенные действия на закаспийской границе с Ираном²⁴⁰⁰. В том же году, благодаря настойчивости русской стороны, через Серахс была проведена телеграфная линия, соединившая Мешхед с Астрабадом²⁴⁰¹. В Мешхеде было открыто почтовое отделение, а между российским и иранским уполномоченными было подписано соглашение об обмене между странами простой и заказной корреспонденцией. Пунктом обмена стал Гаудан²⁴⁰². Таким образом Закаспийская область получила сравнительно надёжные средства связи с Хорасаном, что имело как стратегическое, так и экономическое значение. Правительство Персии также в 1895 г. открыло переговоры о займе в России, которые прервались, однако, в связи с убийством в 1896 г. Насреддин-шаха²⁴⁰³. В том же году общество Энзели-

... канд. ист. наук, М., 2013. С. 14]. Одним из «старых предметов», за ликвидацию которых работали противники шахского режима была ПКБ. Именно этим объяснялась кампания травли бригады и всего русского, развёрнутая «революционерами» уже с 1906 г.

²³⁹⁹ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 26.

²⁴⁰⁰ Атаев Х.А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII – XIX вв. М.: Наука, 1991. С. 277. Указанный автор, видимо, имел в виду начало реализации общих таможенных правил для Средней Азии, вошедших в силу с 1 июля 1894 г., установивших единую новую таможенную черту от устья Атрека по южной границе Средней Азии до отрогов Тянь-Шаня и далее – по границе Ферганской и Семиреченской областей [Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 104].

²⁴⁰¹ В ходе «соревнования» с англичанами, арендовавшими и построившими несколько телеграфных линий, в том числе линию Тегеран–Мешхед.

²⁴⁰² Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 113.

²⁴⁰³ Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг: (По материалам Учётно-ссудного банка Персии). Л: Наука, 1975. С. 18.

Тегеранской дороги Л.С. Полякова 7 ноября 1895 г. получило концессию на 75 лет на строительство порта в Энзели с правом установления от имени персидского правительства и с его согласия правил для движения судов и стоянки их в порте, а также взимания денежного сбора с судов и постройку и эксплуатацию Казвино-Хамаданской колёсной дороги 19 декабря 1895 г. до 1970 г.²⁴⁰⁴.

Успехи Е.К. Бюцова облегчались неудачным выбором английского дипломатического представителя. С 1894 по 1900 гг. этот пост занимал Мортимер Дюранд. М. Дюранд был англо-индийским чиновником, долгое время работавшим в индийском правительстве. Он считался специалистом по восточным странам, обладал обширными знаниями о Персии, говорил на фарси²⁴⁰⁵. Один из его подчинённых, Чарльз Гардинг, понимал, что назначение М. Дюранда в Тегеран было ошибкой из-за неприязни персов к англо-индийским чиновникам. Гардинг вспоминал о своем начальнике: «Он был очень жесток в своей манере общения с персами, и я вскоре обнаружил, что они ненавидели его из-за его непреклонной манеры, его необычайной скрытности и плохого фарси, на котором он говорил и который они называли “афгани”»²⁴⁰⁶.

7.2. Новый виток кризиса и изменение статуса русской военной миссии

В череде внешнеполитических действий 1895 г. по укреплению российских позиций в Иране важную роль сыграл и вопрос о русских инструкторах. ПКБ оказалась «в русле» наступательной политики царизма, имевшей целью крепко «привязать» Страну льва и солнца к России. Главенствующей постепенно стала идея превращения бригады из элемента русского влияния в его орудие, из сравнительно боеспособной части под руководством шаха – в полноценную воинскую единицу в

²⁴⁰⁴ Абрамов А.Е. Энзелийский порт в концессионной политике России в конце XIX – начале XX вв. // Актуальные проблемы юриспруденции. Сборник научных трудов. Владимир: ВГПУ, 2003, Вып. 4. С. 181–190; Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 235, 237; Новая история Ирана. Хрестоматия. М.: Наука, 1988. С. 147.

²⁴⁰⁵ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 235–237; Медведик И.С. Британские дипломаты в Тегеране: взгляд на англо-российский конфликт в Персии в конце XIX – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 6 (144). История. Вып. 30. С. 118–119.

²⁴⁰⁶ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 237.

российских руках и в российских же интересах. Мысль эту продвигал ещё А.И. Домонтович. Но в конце 1870-х – 1880-х гг. русские правящие круги не были заинтересованы в создании эффективной военной силы в Иране²⁴⁰⁷. Заинтересованность эта не появилась и в начале 1890-х, достаточно вспомнить упоминавшуюся помету Н.Н. Обручева на донесении об успехах В.К. Бельгарда. Но, не стремясь укреплять шахскую армию, в России постепенно пришли к мнению о необходимости укрепить ПКБ. Причём, сделать это не для персидского правителя, а для империи Романовых. Грядущая смена шаха в случае смерти Насреддин-шаха волновала Петербург уже в 1880-х гг.²⁴⁰⁸. В условиях, когда на престол подспудно претендовали, помимо валиата, ещё два его брата, не чуждые английскому влиянию, в России хотели быть уверены в том, что именно Мозаффарэддин возглавит страну²⁴⁰⁹. Резиденция наследника находилась в Тебризе. Поэтому, при определённых обстоятельствах после кончины Насреддин-шаха Камран-мирза, пользуясь своим положением в Тегеране, мог сравнительно легко захватить власть. Считая его «пристрастным» к англичанам и зная о его неприятели к ПКБ положение русских могло быть существенно поколеблено в случае такого расклада²⁴¹⁰. Поэтому, в контексте изложенных изменений внешнеполитического курса России относительно Персии, царскому правительству нужна была надёжная опора для того, чтобы ситуация пошла в нужном для Петербурга ключе. Конечно, высказанное, носит характер предположения, но вполне обоснованного косвенными свидетельствами²⁴¹¹.

²⁴⁰⁷ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 70.

²⁴⁰⁸ Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 135.

²⁴⁰⁹ «Второй сын, Мозаффарэддин, – писал М. Алиханов-Аварский, – считается валиатом, т. е. наследником престола, и поэтому живёт постоянно в Тебризе, в качестве наместника Азербайджана. Его считают добрым, бедным, подпавшим под влияние духовенства и ещё менее способным чем его родители» [Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 149]. Как отмечал в 1895 г. А.Н. Куропаткин, наследник не обладал большими административными способностями, не был любим отцом, был слаб здоровьем и очень набожен. «Он гораздо беднее своих братьев и находится как-будто в загоне». Именно это определяло его позицию, о которой принц постоянно говорил А.Н. Куропаткину. «Он убеждённый сторонник России и, повидимому, только от неё ожидает защиты и покровительства себе в борьбе между сыновьями», – отмечал генерал [Всепопданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 20]. Именно эта слабохарактерность и безволие, скорее всего стали определяющими факторами в признании Россией Мозаффарэдина наследником престола. Таким человеком можно было легче управлять, нежели его амбициозными братьями.

²⁴¹⁰ Судя по дневнику В.А. Косоковского, именно такого развития ситуации опасались в России.

²⁴¹¹ Если такое соображение в среде русских правительственных и военных кругов и имело место, то оно себя полностью оправдало. В 1896 г., после убийства Насреддин-шаха, именно благодаря В.А. Косоговскому и его «казакам» Тегеран остался «зоной» русского влияния, а передача власти Мозаффарэдину прошла относительно безболезненно. Именно благодаря своим умелым действиям в 1896 г. В.А. Косоковский приобрёл расположение нового шаха, а личной инициативой и способностями заслужил высокое положение в стране. «Генерал (произведён в генерал-майоры ГШ «за отличие по службе» в мае 1900 г. – О.Г.) Косоковский, – писал поручик лейб-гвардии

Чьей была идея превратить ПКБ в действенное орудие русской внешней политики, сказать сложно. Но В.А. Косооговский её однозначно разделял, если не инициировал. Скорее всего, возникла она в военных кругах империи, о чём свидетельствуют и само назначение нового Заведующего, и позиция кавказского начальства, и высоких начальников в Петербурге. Открытым остаётся вопрос – когда именно. Однозначно можно утверждать, что с изменениями в 1893 г. политики относительно Персии, происходит и корректировка места в ней ПКБ. Уже посылка В.К. Бельгарда должна была дать высшему начальству представление о реальном положении дел в бригаде. Он же должен был постараться «затушить» тот «пожар», который вспыхнул при Н.Я. Шнеуре. Назначение В.А. Косооговского и его деятельность на посту Заведующего в первый год пребывания в должности свидетельствуют о том, что в правящих кругах России кто-то решил взяться за ПКБ всерьёз, изменив её положение. К сожалению, утверждать с уверенностью, кто именно – сложно. Но очевидно, что инициатива назначения исходила от кавказского начальства, а В.А. Косооговский, несмотря на свои «стенания» в дневнике и письмах об отсутствии поддержки в Тегеране, имел её в России. Иначе он не действовал бы столь бескомпромиссно и резко, не страшась даже конфликтовать с Миссией.

Следует сказать, что своей деятельностью В.А. Косооговский действительно добился видимого успеха. Естественно, обучать ПКБ как полноценную воинскую часть, он себе задачей не ставил. Но внешний эффект, дисциплину и строевую подготовку он наладить сумел. Свидетельством этому является доклад А.Н. Куропаткина царю. Будучи в феврале 1895 г. в Тегеране, начальник Закаспийской области хорошо ознакомился с ПКБ и её командиром, имел с ним частные беседы. Та «представилась ему в блестящем виде, – записал В.А. Косооговский в дневнике, – но важнее всего то, что г. Куропаткин правильно оценил моё исключительное, неестественно тяжкое положение и нравственно поддержал меня»²⁴¹². Естественно, всех проблем бригады он не знал. И тем ценнее его сведения, поскольку они показывают насколько постарался В.А. Косооговский на

Егерского полка Петр Александрович Риттих, побывавший в Иране в 1900 г., – оказал немалые услуги Персии. Исключительно им было остановлено кровопролитие, которым сопровождается перемена царствования ... убийство монарха не вызвало никаких беспорядков благодаря принятым Косооговским мерам ... Мне приходилось видеть его среди его подчинённых и среди простонародья, и я вынес впечатление, что он властвует над всеми, и что войска и серая толпа исполнит всё то, что он захочет» [Риттих П.А. Отчёт о поездке в Персию и Персидский Белуджистан в 1900 году. СПб.: Военная типография, 1901. Ч. 1. С. 113].

²⁴¹² РГВИА. Ф. 76. Д. 217. Л. 204.

фоне тех проблем, с которыми ему пришлось столкнуться за период его пребывания в должности. ПКБ – любимая шахом и «действительно отборная» – с батареей встретила А.Н. Куропаткина 1 февраля уже на подъезде к Тегерану, пройдя перед ним церемониальным маршем²⁴¹³. Это произвело впечатление на генерала. 9 февраля смотр тегеранского гарнизона, который завершился учением ПКБ и батареи²⁴¹⁴. «Казачья бригада, – оценивал начальник Закаспийской области результаты смотра, – ... осмотрена мною довольно подробно. Люди глядят очень бодро и мужественно, ездят хорошо, конский состав хорош. Конное учение, которое было произведено для меня, совершенно напоминает шаблонное строевое конное учение наших казачьих полков. Батарея лихо на карьере выезжала на позицию (как и у нас), ошибочно быстро спешила сделать первый выстрел, не заботясь о времени, необходимом для определения дистанции и прицеливания»²⁴¹⁵. «Казачи» сопровождали прибывавших в Персию русских офицеров и сановников. Так, в мае–сентябре 1894 г., по ходатайству российской Миссии, урядник гвардейского эскадрона Дадам-бек сопровождал российского офицера в его путешествии по Персии²⁴¹⁶, в 1895 г. приезд и отъезд посольства А.Н. Куропаткина сопровождало соответственно 40 и 20 человек из ПКБ²⁴¹⁷.

Очевидно, что к февралю В.А. Косооговский сумел собрать значительно число людей²⁴¹⁸, подготовить их и, как говорится, «подать товар лицом». Интересно, что на первых порах он действовал так же, как и его предшественник, которого В.А. Косооговский критиковал, обращая внимание в первую очередь на внешнюю сторону обучения ПКБ. «Правда, всё было сделано, чтобы показать их мне в лучшем виде, – писал А.Н. Куропаткин о смотре пехотных фоджей тегеранского гарнизона, – отпускные были призваны в ряды, из запасов освежена одежда, выдано частью новое оружие, производилась усиленная практика в маршировке и в ружейных

²⁴¹³ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 7.

²⁴¹⁴ Там же. С. 17.

²⁴¹⁵ Там же. С. 34.

²⁴¹⁶ Туманский. От Каспийского моря к Хормузскому проливу и обратно, 1894 г. // СМА. 1896. Вып. 65. С. 23.

²⁴¹⁷ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 3, 19.

²⁴¹⁸ А.Н. Куропаткин называл число около 700 человек, т.е. почти весь состав ПКБ. Учитывая, то, что полную численность бригады генерал оценивал в 1 200 человек [Там же. С. 31–32], можно с уверенностью утверждать, что видел он именно ту часть, которая была налицо. 1 200 «казаков» ПКБ насчитывала только на бумаге.

приёмах»²⁴¹⁹. Судя по докладу, А.Н. Куропаткин не знал, что именно так была подготовлена к его приезду и ПКБ.

А.Н. Куропаткин стал активным сторонником В.А. Косооговского и укрепления ПКБ²⁴²⁰. Его поездка имела непосредственное следствие для бригады. В докладе царю после своей поездки 1895 г., предлагая вытеснить из Ирана иностранное военное влияние, А.Н. Куропаткин акцентировал внимание на необходимости увеличения численности русской военной миссии. Но ратовал при этом за внешнее обучение персидских войск российскими инструкторами²⁴²¹. В дальнейшем, после посещения Ирана в 1897 г.²⁴²², в своём докладе Николаю II А.Н. Куропаткин особо подчеркнул роль бригады в усилении российского влияния, считая, что та должны стать действенным его орудием, а не простым элементом, каковым она была до сих пор. «Казачья бригада, – писал он, – командуемая русскими офицерами, даёт нам и ныне возможность направлять и руководить до известной степени событиями в Тегеране»²⁴²³. С этого времени в лице начальника Закаспийской области, а затем военного министра России В.А. Косооговский приобрёл не только единомышленника, но и высокого покровителя. Именно поэтому, на наш взгляд, реальных последствий для судьбы В.А. Косооговского «дело Бельгарда» не имело. К тому же в условиях начавшегося «наступления на Персию» обострять вопрос по указанному делу означало понизить престиж русских инструкторов и «русского имени» при шахском дворе в целом, поставить под удар возможность контроля над важной частью вооружённых сил тегеранского правителя²⁴²⁴. Поэтому «дело Бельгарда», скорее всего, решено было замять к удовлетворению всех сторон. Это было тем более важно, что в ПКБ вновь

²⁴¹⁹ Там же. С. 33.

²⁴²⁰ Н.К. Тер-Оганов почему-то посчитал А.Н. Куропаткина противником укрепления ПКБ [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М., 2012. С. 86–87]. На самом деле он был, как и многие военные в России, противником усиления персидской армии.

²⁴²¹ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 36.

²⁴²² А.Н. Куропаткин был туда отправлен в качестве чрезвычайного посла для объявления о вступлении на престол Николая II. [Соловьёв Ю.Я. Воспоминания дипломата 1893–1922 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/solovyev_diplomat/solovyev_vosp_diplomata.html#madmos].

²⁴²³ Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 142.

²⁴²⁴ Правда, согласиться с тем, что это была наиболее боеспособная часть в персидской армии к 1895 г. [Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 142] сложно, о чём сказано отдельно. Однако её организация и внешний вид позволяли судить именно так, и российским представителям не хотелось разрушать это представление.

сложилась кризисная ситуация, которая как никогда ранее угрожала её существованию.

Майские события 1895 г. неоднократно привлекали внимание историков ПКБ²⁴²⁵. Однако их изложение было сжатым пересказом сведений, содержащихся в работе В.А. Косооговского. Исключение составляет публикации Н. Тер-Оганова, в которых автор привлёк архивные материалы²⁴²⁶. Однако его выводы нуждаются в корректировке. Для полноты нашей работы рассмотрение событий, приведших к изменению статуса и положения ПКБ необходимо. Поскольку наиболее подробно они поданы у В.А. Косооговского и Н. Тер-Оганова, то мы в изложении фактов будем опираться на эти работы, дополняя их собственными выводами по отдельным вопросам, представляющимся нам нераскрытыми или раскрытыми неполностью.

Перестройка ПКБ, затеянная В.А. Косооговским, предполагала создание из бригады хорошо дисциплинированной и подготовленной части, служащей русским интересам. Главным внутренним препятствием к достижению указанной цели являлись мухаджиры. Поэтому естественно, что главный удар после укрепления собственного положения в глазах шаха полковник обратил против них.

О положении мухаджиров в ПКБ говорилось уже неоднократно. Как отмечал сам В.А. Косооговский, они «в бригаде представляли своего рода аристократию, получающую от персидского правительства пожизненные и наследственные пенсии и пользующиеся многими привилегиями за то только, что их предки, бежав с Кавказа в Персию во время покорения его русскими в начале XIX в., поклялись на Коране защищать мусульманство с оружием в руках»²⁴²⁷. Главной заботой Заведующего являлось то, что мухаджиры представляли собой в ПКБ сравнительно замкнутую и тесную группировку, но их боевое значение при этом год от года снижалось. Служили мухаджиры пожизненно, поэтому наряду с молодыми было довольно много «ветеранов»; офицерские чины передавались по наследству; за умиравших их пенсии получали родственники, которые службу не несли; по

²⁴²⁵ Гоков О.А. Кризис в Персидской казачьей бригаде. 1889–1895 гг. // Клио. 2008. № 2. С. 91–98; Гоков О.А. Российские офицеры и персидская казачья бригада (1877–1894 гг.) // Canadian American Slavic Studies. 2003. Vol. 37. № 4. Р. 395–414; Красняк О.А. Русская военная миссия в Иране (1879–1917 гг.) как инструмент внешнеполитического влияния России [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Krasniak.pdf; Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. 160 с.; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. 352 с.

²⁴²⁶ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 81–86; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада: период трансформации (1894–1903 гг.) // Восток. 2010. № 3. С. 72–74.

²⁴²⁷ Косооговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 396.

отношению к другим «казакам» мухаджиры ставили себя выше, даже будучи ниже в чине и должности. Мероприятия, предпринятые В.А. Косоховским, ярко отразили все трудности, с которыми сталкивался и он сам, и предыдущие Заведующие в «мухаджирском вопросе».

В первую очередь, полковник постарался избавиться от «мёртвых душ» и «ветеранов», оздоровив, таким образом, ПКБ и открыв возможность для набора новых, боеспособных, людей не превышая имевшуюся нормативную численность части. Как и в своё время А.И. Домонтович, В.А. Косоховский в реформировании попытался опереться на способных и преданных «казаков»-наёмников, противопоставив их мухаджирам. Полковник «учредил контроль над умирающими мухаджирами, передав их списки двум генералам немухаджирам: Искандер-хану и мирзе Зейналабеддин-хану, назначив им за каждого найденного умершего мухаджира вознаграждение по пяти туманов каждому. Он незаметно разместил офицеров и нижних чинов мухаджиров по трём частям бригады, разбивая этим их силы. Он уравнивал права офицера немухаджира с правами офицера мухаджира. Он производил в офицерский чин больше немухаджиров, чем мухаджиров, а фанатиков, как мухаджиров, так и немухаджиров, держал в чёрном теле и не повышал их по службе»²⁴²⁸. Параллельно В.А. Косоховский постарался если не снять, то минимизировать ещё одну вечную проблему ПКБ – бесконтрольный рост офицерского состава. Для этого он «уничтожил передачу отцовских патентов, проводя детей, как мухаджиров, так и немухаджиров, через должность серзжуги (приказного) до офицерского чина. Этим командир бригады увеличил число подготовленных офицеров, прошедших все ступени военной лестницы, и замедлил быстрый рост командного состава из мухаджирских и офицерских детей, противопоставив им офицеров, выслужившихся из нижних чинов, простого звания и низкого происхождения, которые почувствовали себя всем обязанным только русскому командиру бригады»²⁴²⁹. Привилегии знатных мухаджиров В.А. Косоховский старался уничтожить путём удаления из бригады некоторых из них под благовидным предлогом; ставя их должности, не связанные с властью; разбивая группировки-землячества со своими офицерами из ханов, отделяя

²⁴²⁸ Там же. С. 397–398.

²⁴²⁹ Там же. С. 398.

последних от своих сородичей; и смешивая в полках и эскадронах людей разных национальностей, социального происхождения, жителей города и деревни, разных конфессий²⁴³⁰. Как видим, затеянные преобразования разрушали сложившуюся привычную бригадную жизнь и ударяли, прежде всего, по привилегированной части «казаков». Не удивительно, что результатом стал бунт, во главе которого встали мухаджиры.

Бунт произошёл в начале мая. Момент для него был выбран удачно: подходил к концу срок контракта на обучение персидской кавалерии, заключённого на Н.Я. Шнеура. Вот как описывал события мая 1895 г. сам Заведующий. «5 мая 1895 года мухаджиры бригады взбунтовались и ушли из неё, унося и своё наследственное жалованье в размере 20 000 туманов. Вслед за ними пожелали уйти из бригады и многие хорошие “казаки” из доу-таляб (волонтёров). Военный министр Наиб ос-Солтане был рад подобному случаю и захотел воспользоваться им, чтобы убить русскую бригаду. Из ушедших из бригады он сформировал другую «персидскую бригаду» под начальством своего зятя Маджд од-Доуле, начальника кадjarов и гулямов-пишхедметов и мирпянджа (должность начальника бригады в персидской армии – О.Г.) “казачьей” бригады Али-хана. Иностранцы, думая, что теперь настал давно ожидаемый конец русских инструкторов, начали усиленно действовать в пользу приглашения Персией их офицеров. Особенно старались англичане и австрийцы ... во время мухаджирского возмущения Наиб ос-Солтане начал открыто вести переговоры с английским военным агентом о выписке английских инструкторов взамен русских. Это он мог сделать очень легко, так как прежние русские полковники заключали с персидским правительством каждый свой договор и только на три года. А так как договору, рассмотренному предшественником Косооговского, подходил срок, то Наиб ос-Солтане не желал уже возобновлять его с русским правительством, дав слово англичанам. Договоры заключались на три года, и последний договор был заключён полк. Шнеуром в 1892 г.; Косооговский принял бригаду в 1894 г., следовательно ему пришлось служить один год по договору, заключённому Шнеуром. После долгих усилий Косооговскому удалось убедить посланника Бюцова, через министра прессы Эхтемад ос-Солтане, нередко

²⁴³⁰ Babich P. A Russian officer in Persian Cossack Brigade: Vladimir Andreevich Kosagovskii. Budapest: CEU, 2014. P.61.

являвшегося посредником между русской миссией и персидским правительством, уговорить шаха покончить с ненормальностью существования двух бригад, которые вели интриги одна, против другой, действуя разлагающим и антидисциплинарным образом на оставшихся “казаков” и мухаджиров в “казачьей” бригаде»²⁴³¹.

Таким образом, бунт 5 мая стал реакцией на действия В.А. Косооговского по наведению порядка в бригаде. Он поставил русскую военную миссию на грань катастрофы. Однако многое в словах Заведующего нуждается в пояснениях и исправлениях. Хотя во главе бунтовщиков стояли мухаджиры, однако часть из них всё же осталась в ПКБ. В то же время, часть волонтёров покинула бригаду, а ведь по логике вещей уйти должны были только мухаджиры, да и в полном составе. К сожалению, ни у полковника, ни у исследователей пояснения этому нет. Отчасти ответ в своих работах даёт сам В.А. Косооговский. Он часто указывал, что некоторые мухаджиры откровенно заявляли ему, что недовольны жизнью в Персии и они не прочь были бы вернуться в Россию в качестве знати²⁴³². Недовольными изменениями в ПКБ были в первую очередь, знатные мухаджиры, терявшие свои привилегии. Мухаджиры непослушны, отмечал В.А. Косооговский, «но если вы знаете их душу, то можете держать их в своих руках». Многие из них к рассматриваемому времени были недовольны персидским правительством. Что же до добровольцев, то хотя с ними и легче было иметь дело, но они были менее устойчивы²⁴³³. Многие из них были выходцами из низших слоёв общества, из простых кочевников. Для добровольца поступление в ПКБ являлось хорошей возможностью поправить свои финансовые дела и изменить свой социальный статус. Естественно, что многие из них отдавали предпочтение вариантам более выгодным для них. Поэтому, скорее всего, из мухаджиров остались те, кто среди сородичей занимал низшие позиции, а из добровольцев ушла часть нестойких «казаков», привлечённых посулами военного министра.

О роли последнего необходимо сказать отдельно. На наш взгляд, именно его стараниями в ПКБ развернулся очередной виток кризиса. В исследованиях и

²⁴³¹ Косооговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 398.

²⁴³² Babich P. A Russian officer in Persian Cossack Brigade: Vladimir Andreevich Kosagovskii. Budapest: CEU, 2014. P. 55.

²⁴³³ Ibid. P. 59.

записках В.А. Косоговского проводится мысль, что Камран-мирза лишь воспользовался уходом из бригады части личного состава в своих интересах, сформировав из дезертиров 9 мая свою «казачью бригаду»²⁴³⁴. Тем не менее, нам представляется, что за событиями 5 мая стоял именно военный министр, который использовал недовольство части «казаков» деятельностью полковника и косвенно (а возможно и прямо) способствовал бунту. Об этом, в частности, свидетельствует быстрота, с которой им были «оприходованы» дезертиры. Да и сам факт дезертирства не только мухаджиров, чьё положение было защищено отчасти их положением в персидском обществе, но и волонтёров, которые таковой защиты не имели и в случае неудачи могли быть подвергнуты серьёзному наказанию, косвенно свидетельствуют об обещанном высоком покровительстве. Как уже отмечалось, Наиб ос-Солтане никогда не отказывался от надежд заполучить престол. Право наследования шахской короны²⁴³⁵ в Каджарской монархии было основано на

²⁴³⁴ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 72.

²⁴³⁵ Коронация имела большой символический смысл. Дело в том, что в Иране легитимность Каджарской династии имела слабую основу. «это династия, во-первых, не популярная, как не принадлежащая к сеидам и вышедшая из племени, имя которого всегда считалось бранным словом в Персии, – писал М. Алиханов-Аварский, – во-вторых – неспособная, так как в трудных вопросах, касающихся общего объединения страны, расшатанности финансов и войска, и угрожающего вмешательства западного влияния, оказывается ещё более беспомощной, чем её смертельные враги и всё-таки товарищи по несчастью, сунитские султаны Истамбула» [Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 114–115]. Многие, особенно кочевые, племена, как, например, курды, смотрели на царствующую династию «как на чуждую себе власть и крепко держатся своих наследственных ильханиев, которые, в отношении к центральному правительству, являлись не больше как вассалами». «Тегеранская власть, отмечал Н.И. Гродеков, – имеет влияние на самих ильханиев, но прямого и непосредственного участия в управлении курдами никогда не принимала и не принимает. Вследствие этого ильханы стоят в более близких отношениях к местному населению, чем вообще персидские губернаторы» [Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб.: Тип. В.С. Балашёва, 1884. Т. 4. С. 147]. С идеологической точки зрения слабая легитимность шахской власти объяснялась тем, что сунниты, среди которых было много кочевников, верховным правителем считали турецкого султана; вообще же для кочевых племён традиционно власть своих вождей была более почитаема, нежели власть Тегерана. Для шиитов же действовала доктрина имамата. Особенностью религиозно-политической доктрины шиизма, является то, что легитимное право на власть над правоверными (имамат) имеют лишь потомки зятя пророка Мухаммада Али (Алиды). Поскольку двенадцатый имам, согласно традиции, в IX в. исчез, чтобы впоследствии появиться в виде мессии, его функции временно выполняют улемы и моджтехиды – религиозные исследователи, богословы [Васильев Л.С. История религий Востока. М.: Книжный дом «Университет», 1999. С. 160–163; Кошева С.В. Мусульманское право о природе власти. Дисс. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2001. С. 82–107; Мехди Санаи. Политическая мысль в исламском обществе // Иран: ислам и власть. М.: Институт востоковедения РАН; Крафт+, 2002. С. 6–13; Захаров И. Каджарский Иран: модернизация и шиитское духовенство // Караван. 2012. №17. Ноябрь. С. 55–65, С. 59–60]. Отсюда вытекала большая власть над верующими шиитского духовенства и отсутствие стойкой опоры для шахского режима в стране. Если Сефевиды вели своё происхождение от седьмого имама, то сменявшие их династии такой «привилегии» не имели и рассматривались как узурпаторы [Богданов Л.Ф. Персия в географическом, религиозном, бытовом, торгово-промышленном и административном отношении. СПб.: Первая центр. Вост. электропеч. И. Бораганского, 1909. С. 118–119; Инаят Х., Лофт М. Восстание обездоленных: бунт или революция? // Родина. 2001. № 5. С. 136. Об отношениях духовенства и шахов см.: Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX века). М.: Наука, 1978. С. 43–48; Захаров И. Каджарский Иран: модернизация и шиитское духовенство. // Караван. 2012. №17. Ноябрь. С. 60]. Поэтому её правители старались возможно больше символизировать свою власть, что отразилось и на коронации. Формально она включала в себя надевание короны (корона Киани (Кеяни), названная так по имени династии первых легендарных царей Персии Кеянидов, основателем которой считается Кей-Кобад (Кей-Кубад, Кай Кавад, Кей Кават) [Чунакова О.М. Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов. М.: Восточная литература, 2004. С. 126], принадлежавшей Надир-шаху, на которой были четыре пера. Они олицетворяли власть над Ираном, Афганистаном, Индией и Средней Азией и,

устном завещании основателя династии ага Мохаммед-шаха (правил в 1796–1798 гг.). Согласно ему, трон могли занять принцы, происходившие из рода куванлу, родившиеся от каджарок из рода дуваллу²⁴³⁶. Мать Камран-мирзы не была каджаркой, поэтому формально прав на престол он не имел. Однако в Иране в XIX в. при смене властителя значение имели несколько факторов: наличие военных и финансовых ресурсов, благосклонность русских и/или англичан, умение быстро ориентироваться в ситуации. В этом смысле Камран-мирза находился отчасти в выигрышном положении. Он был любимым сыном Насреддин-шаха, занимал посты военного министра и губернатора Тегерана, то есть был фактическим главнокомандующим и начальником столичного гарнизона. В случае смерти отца и определённого стечения обстоятельств он вполне мог захватить казну, а вместе с ней – и власть в Тегеране. Поскольку Россия официально поддерживала законного наследника – Мозаффарэддин-мирзу, то естественным союзником Камран-мирзы могли выступать в тот момент лишь англичане. Те, хотя и были солидарны с русскими, однако при описанном стечении обстоятельств могли поддержать более выгодную для них фигуру, используя в качестве основания фактическое положение²⁴³⁷. Поэтому вполне естественно, что с началом кризиса Камран-мирза обратился именно к английской Миссии в лице военного атташе – Генри Пико – с вопросом о приглашении английских инструкторов²⁴³⁸. Следует подчеркнуть, что приглашал он их для «своей» бригады, которая должна была сменить «русскую», а не для ПКБ, как утверждала О.А. Красняк²⁴³⁹.

К сожалению, «английский след» в майских событиях 1895 г. очерчен лишь исходя из воспоминаний В.А. Косооговского и косвенных свидетельств²⁴⁴⁰. Точно

соответственно, претензии каджарских шахов. Сама корона также являлась символом-«связкой» с древней историей Ирана: таким образом, закреплялась древность и преемственность власти. Исключением из правила был лишь первый монарх – его короновали небольшой диадемой. Вторым элементом коронации было опоясывание мечом, освящённым на гробнице шейха Сефиаддина в Ардебиле. Это символизировало преемственность власти от Сефевидов и преданность шиизму.

²⁴³⁶ Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX века). М.: Наука, 1978. С. 13.

²⁴³⁷ Видимо, именно такого развития событий и опасались в России. После убийства шаха в 1896 г. одним из главных заданий В.А. Косооговского стала нейтрализация Камран-мирзы до прибытия из Тебриза нового правителя.

²⁴³⁸ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада: период трансформации (1894–1903 гг.) // Восток. 2010. № 3. С. 72.

²⁴³⁹ Красняк О.А. Русская военная миссия в Иране (1879–1917 гг.) как инструмент внешнеполитического влияния России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Krasniak.pdf. С. 6.

²⁴⁴⁰ В частности, С. Ломницкий, когда писал: «ещё недавно господа англичане предлагали для командования казачьей бригадой своего полковника и офицеров и даже принимали на себя все расходы по их содержанию» [Ломницкий С. Персия и персы. Эскизы и очерки С. Ломницкого (Рэджэп). 1898-1899-1900 гг. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1902. С. 150; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада: период трансформации (1894–1903 гг.) // Восток. 2010. № 3. С. 72].

неизвестно, какую роль сыграли в них английские дипломаты. Стремление русских во всём, что противоречило интересам империи Романовых, видеть английскую «руку» (впрочем, как и англичан – русскую) при ближайшем рассмотрении не всегда соответствовало действительности. В данном случае утверждать что-либо относительно британского вмешательства или рассматривать англичан как инициаторов кризиса, нужно с большой осторожностью. Британской дипломатии действительно было невыгодно существование в Тегеране организованной воинской части под русским контролем. К тому же в свете неудач в борьбе за влияние в Иране в начале 1890-х гг. замена российских инструкторов английскими была бы большим успехом. В этом отношении можно согласиться с утверждением Н. Тер-Оганова, что «раскол бригады ... оказался весьма желательным для англичан»²⁴⁴¹. Тем не менее, конкретные шаги английской дипломатии пока остаются скрытыми от исследователей. Анализ имеющихся источников свидетельствует, что инициатором раскола ПКБ был военный министр Персии, который уже затем «подключил» к событиям английскую Миссию. Тем не менее, нельзя исключать тот факт, что своими действиями (а возможно, и советами) британские дипломаты прямо или косвенно подтолкнули Камран-мирзу к решительным действиям. В условиях противостояния за влияние на шаха ставленник России Мозаффарэддин-мирза в качестве такового их устраивал мало. После неудачи с поддержкой Масуд-мирзы в 1880-х гг.²⁴⁴² открыто Лондон и Дели признали законность наследования трона валиатом. Тем не менее, отдавать Персию в руки русских там, естественно, не желали. А, учитывая слабование Мозаффарэддин-мирзы, его любовь к почестям, деньгам, власти и влияние на него со стороны северного соседа, такая возможность, взойти тот на престол, была реальной. Поэтому негласно британскую поддержку получил его брат – губернатор Тегерана. Миссия «заигрывала» с ним, как наиболее удачным вариантом на случай осложнений с престолонаследием после смерти Насреддин-шаха. Всё же следует отметить, что конкретизация высказанного выше требует обращения к британским

²⁴⁴¹ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада: период трансформации (1894–1903 гг.) // Восток. 2010. № 3. С. 72.

²⁴⁴² Казем посмотреть

архивам, которые в данном направлении не изучены, а нам, к сожалению, не доступны²⁴⁴³.

В существовании русской военной миссии Камран-мирза не был заинтересован не менее англичан. Хотя в феврале 1895 г. он заявлял А.Н. Куропаткину, что очень доволен деятельностью командира ПКБ²⁴⁴⁴, на деле это было не совсем так. ПКБ хотя формально и была подчинена ему, но в случае политических осложнений, невыгодных для России, или борьбы за престол, она автоматически «переподчинилась» бы русской Миссии, как это было во время антитабачных бунтов. Бригада являлась существенным препятствием для осуществления властных амбиций шахского любимца. Поэтому в её отношении позиция военного министра Персии совпадала с желаниями представителей британской короны. Он хотел если не ликвидировать, то поставить часть под свой полный контроль и стать полновластным командующим стратегически важного тегеранского гарнизона. Однако планы эти рушились деятельностью В.А. Косооговского.

Отношения с новым Заведующим у Камран-мирзы были неоднозначными, о чём свидетельствуют приводившиеся выше события конца осени – начала зимы 1894 г. Однако очевидно, что В.А. Косооговскому военный министр не симпатизировал, а блюл, прежде всего, свои интересы. Со временем он проникся к полковнику резкой неприязнью, которую, впрочем, проявлял по-восточному: скрытно или открыто, пользуясь слабостью противника. В.А. Косооговский пришёлся по душе шаху, его позиции при дворце укрепились, а это угрожало планам Камран-мирзы. К тому же русский офицер затеял целенаправленную реорганизацию всего «бригадного дела», стремясь превратить ПКБ в действительную боевую единицу в российских руках. Реорганизация эта касалась, по-видимому, и полномочий военного министра относительно части. Полковник повёл дело к тому, чтобы ограничить его произвол, особенно в финансовой части и относительно офицерских кадров. Естественно, Камран-мирзу это не устраивало. Именно исходя из

²⁴⁴³ Именно из этих соображений нельзя полностью согласиться с мнением О.А. Красняк, назвавшей Камран-мирзу «рукой» Англии [Красняк О.А. Русская военная миссия в Иране (1879–1917 гг.) как инструмент внешнеполитического влияния России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Krasniak.pdf. С. 6].

²⁴⁴⁴ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 11.

вышеизложенных причин он, скорее всего, спровоцировал бунт части «казаков», тем более, что основания взбунтоваться у тех, с их точки зрения, были весомые. Затем при его участии была создана «альтернативная» бригада и предпринята попытка договориться с британской Миссией о замене русских инструкторов для кавалерии английскими.

Однако нуждается в уточнении тезис, высказанный В.А. Косоховским, а за ним подхваченный и остальными исследователями, о том, что Камран-мирза не желал возобновлять контракт с русским правительством на обучение персидской кавалерии российскими военными²⁴⁴⁵. Дело в том, что военный министр не имел таких полномочий. Хотя по службе Заведующий и ПКБ подчинялись непосредственно ему, однако вопросы относительно пребывания военной миссии, а также заключение контрактов с инструкторами, решались между шахом и российским правительством либо прямо, либо через посредство министерств иностранных дел. С иранской стороны окончательное решение принимал шах (впрочем, как и с русской – царь). Контракты от его имени подписывал министр иностранных дел, а со стороны России – чрезвычайный посланник и полномочный министр при шахском дворе. Поэтому нежелание Камран-мирзы продлевать договорённость не могло иметь почти никакого значения – он должен был руководствоваться волей правителя²⁴⁴⁶. Отчасти об этом свидетельствовал и сам В.А. Косоховский, рассказывая о том, что когда военный министр уклонялся от того, чтобы признать 27 пунктов «Положения 24 мая» (о них речь ниже), «шах вышел из себя и грозно повелел ему, если он желает продолжать оставаться военным министром, также признать это положение. Тогда Наibu ос-Солтане ничего больше не оставалось, как подписать его и скрепить своей печатью»²⁴⁴⁷. Думается, утверждая без оговорок о нежелании военного министра продлевать контракт, В.А. Косоховский намеренно сгущал краски, стараясь подчеркнуть свою особую роль в последовавших событиях.

²⁴⁴⁵ Косоховский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 398; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 82; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада: период трансформации (1894–1903 гг.) // Восток. 2010. № 3. С. 72; Красняк О.А. Русская военная миссия в Иране (1879–1917 гг.) как инструмент внешнеполитического влияния России [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Krasniak.pdf. С. 6.

²⁴⁴⁶ Впрочем, он мог повлиять на неё. Однако, как показали события мая 1895 г., на тот момент влияние Камран-мирзы на своего отца было намного меньше, чем русское (если вообще имело место).

²⁴⁴⁷ Косоховский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 399.

Не вызывает сомнения тот факт, что полковник действительно очень много сделал, чтобы сохранить и укрепить русское влияние как при персидском дворе, так и в армии. Вряд ли, правда, можно полностью согласиться с утверждением, что «раскол бригады, как и попытка англичан захватить её, убедили Косооговского в шаткости положения русских офицеров-инструкторов и их юридического статуса», «слабость правовой базы деятельности русских офицеров-инструкторов»²⁴⁴⁸. Это осознание пришло к полковнику намного раньше и именно оно во многом двигало его начинаниями. Тем не менее, выглядит несколько странным утверждение В.А. Косооговского, будто ему пришлось убеждать Е.К. Бюцова вмешаться в происходящее. Исходя из того, какую бурную деятельность развил российский посланник по отстаиванию интересов посланной его страны за годы пребывания на своём посту, а также его покровительство ПКБ до назначения В.А. Косооговского, сложно поверить, что ситуация, грозившая не просто ликвидацией русской военной миссии, а и переходом обучения иранской кавалерии в руки противников России – англичан – могла оставить его равнодушным. Видимо, утверждая такое, В.А. Косооговский был под влиянием той неприязни, которая существовала у него к посланнику. Носила ли она взаимный характер – утверждать сложно. Хотя точно можно сказать, что близких отношений между двумя ведущими представителями империи Романовых в Иране не состоялось. Отношения имели чисто деловой характер и обострялись взаимным соперничеством в том, кто лучше понимает интересы России и как нужно их отстаивать. Скорее всего, говоря, что убедил Е.К. Бюцова, В.А. Косооговский имел в виду, что постоянно информировал его, как непосредственного начальника, и кавказское начальство о происходившем с просьбами вмешаться и с советами как это сделать. Вмешательство же посланника он принял за прямое следствие своих рапортов. Реально же механизм принятия решений в данном случае был намного сложнее. Он включал в себя непосредственные донесения Заведующего посланнику и на Кавказ о событиях вокруг ПКБ, мнение самого российского представителя, направляемое в МИД, мнение кавказской администрации, основанное на донесениях Заведующего и

²⁴⁴⁸ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 83; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада: период трансформации (1894–1903 гг.) // Восток. 2010. № 3. С. 72; Красняк О.А. Русская военная миссия в Иране (1879–1917 гг.) как инструмент внешнеполитического влияния России [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Krasniak.pdf. С. 7.

посланника, излагавшееся Санкт-Петербургу, мнения высшего военного начальства и Министерства иностранных дел, базировавшиеся не только на предыдущих составляющих, но и на факторах более высокого порядка: международной обстановке, стратегических планах, финансовых возможностях и пр. Окончательное решение принимал император, но уже на основе обработанных и изложенных ему в сжатой форме данных. К тому же лично, без рекомендации из Петербурга, Е.К. Бюцов вмешаться в полной мере не мог. Он должен был сначала получить инструкции, а затем действовать. До этого же посланник мог ограничиваться лишь мерами общего характера, предписанными ему инструкцией Министерства иностранных дел относительно основ русской политики в Персии, определявшей его поведение в целом, а не в частных ситуациях. Вполне допустимо, что полковник «убедил» в необходимости вмешательства своё кавказское начальство, а то, в свою очередь, Петербург и Министерство иностранных дел. Небезынтересно отметить, что в период кризиса Е.К. Бюцов присутствовал в Тегеране: обыкновенно события такого порядка совершались в момент отсутствия русского дипломатического представителя. Хотя вполне возможно, что в начале мая его и не было в Тегеране, а прибыл он уже во время развернувшихся событий. В этом случае его действительно пришлось «убеждать», то есть вводить в курс дела. Как бы то ни было, вмешательство русской Миссии состоялось. Е.К. Бюцов, по словам В.А. Косооговского, недолюбливавший его, занял прочно сторону полковника, чтобы отстоять интересы России. Очевидно, что такая позиция диктовалась не только его личными взглядами, но и позицией Министерства иностранных дел, а, следовательно, и императора. Очевидно, что место в докладе А.Н. Куропаткина о возможностях ПКБ не осталось незамеченным Николаем II. Вопреки предыдущей практике в качестве посредника между посланником и шахом был избран не Али Асгар-хан, а сторонник сближения с Россией министр прессы Эттемад ос-Солтане²⁴⁴⁹. Скорее всего это было сделано с целью хотя бы формально отвести подозрения от садр-азама. Как отмечалось, он чуть ли не открыто враждовал с Камран-мирзой, поэтому в сложившейся ситуации поддержал В.А. Косооговского. Однако обращение к шаху через Али Асгар-хана могло скомпрометировать русскую

²⁴⁴⁹ Косооговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 398; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада: период трансформации (1894–1903 гг.) // Восток. 2010. № 3. С. 72.

позицию в глазах Насреддин-шаха. . «Насреддин, – писал В.А. Косоховский, – посмеиваясь в душе над раздорами первых сановников своего государства, умышленно поддерживал эти раздоры, пользуясь для этого каждым удобным случаем, из страха, как бы кто-нибудь из них, слишком возвысаясь, не захватил его трона»²⁴⁵⁰. Поэтому прямое обращение садр-азама могло привести к тому, что шах мог занять прямо противоположную позицию, чтобы ещё больше обострить отношения между своими министрами. Поэтому Е.К. Бюцов от имени русского правительства обратился к Насреддин-шаху с просьбой положить конец существованию двух бригад через министра прессы. Шах согласился и «пожелал восстановить одну нераздельную бригаду в её прежнем виде, под начальством Косоховского»²⁴⁵¹. 24 мая 1895 г. состоялась встреча Насреддин-шаха и В.А. Косоховского²⁴⁵². Стороны выдвинули каждая свои условия. Шах лично потребовал от В.А. Косоховского забыть о столкновении с мухаджирами и «не мстить им в их дальнейшей службе, за их самовольный уход из бригады и нежелание подчиниться его требованиям»²⁴⁵³. Заведующий согласился и, в свою очередь, потребовал утверждения шахом 27-ми пунктов «Положения 24 мая 1895 года, выработанных им и находившихся при нём во время разговора с шахом»²⁴⁵⁴. «Шах согласился, тут же рассмотрел это положение, заранее написанное по-русски и по-персидски, признал его целиком, без всяких оговорок, – сообщил В.А. Косоховский, – и передал садр-азаму и военному министру с вопросом, не имеют ли они каких-либо возражений. Садр-азам, прочтя «Положение», заявил, что возражений не имеет, подписал его и приложил свою печать; военный же министр долго не соглашался признать это «Положение», шах вышел из себя и грозно повелел ему, если он желает продолжать оставаться военным министром, также признать это положение. Тогда Наibu ос-Солтане ничего больше не оставалось, как подписать его и скрепить своей печатью»²⁴⁵⁵. Таким образом, существованию двух

²⁴⁵⁰ Косоховский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 400.

²⁴⁵¹ Там же. С. 398–399. Сам В.А. Косоховский скромно умалчивал, почему именно его бригаду было решено сохранить и именно под его руководством. Однако очевидно, что главную роль в этом сыграло давление со стороны России, а возможно, также и личное расположение шаха к полковнику.

²⁴⁵² Хотя В.А. Косоховский об этом не упоминал, но произошла она, скорее всего, в присутствии кого-то из членов русской Миссии, возможно, даже самого посланника, как это обычно практиковалось.

²⁴⁵³ Там же. С. 399.

²⁴⁵⁴ Там же.

²⁴⁵⁵ Там же. С. 399. Вообще, нужно признать, что поведение Камран-мирзы по отношению к отцу в данной ситуации выглядит несколько странным. Всегда опасавшийся за своё положение и заботившийся о расположении к себе шаха

бригад был положен конец. Такую уступчивость шаха, до этого не вмешивавшегося в события, В.А. Косооговский объяснял тем, что тому «наскучили подобные интриги»²⁴⁵⁶, а также вмешательством Миссии. Без сомнения, последнее имело решающее значение. Однако была и ещё одна причина, которую полковник отметил как бы походя – острое соперничество между первым и военным министрами за влияние при дворе, носившее личностный характер²⁴⁵⁷.

«Положение 24 мая» являлось важным документом, который был разработан самим полковником. В нём фактически были изложены те взгляды на будущее ПКБ, которыми он руководствовался и которых стремился достичь с начала своей службы на должности Заведующего. Главной целью В.А. Косооговского было «добиться для русских офицеров-инструкторов исключительного права обучения Персидской казачьей бригады, а также увеличения прерогатив её командира»²⁴⁵⁸. Н.К. Тер-Оганов ошибочно указывал, что именно кризис 1895 г. стал своего рода «прозрением» для полковника²⁴⁵⁹. Из приведенного нами материала очевидно, что «прозрение» это произошло годом раньше и наложилось на личные представления В.А. Косооговского о военной службе и русских интересах в Иране. Думается, мысль о полной передаче ПКБ под русский контроль существовала не только в голове полковника, но и среди высших военных и дипломатических чинов Российской империи²⁴⁶⁰. Но без сомнения В.А. Косооговский стал своеобразным катализатором, под воздействием которого мысль эта обрела законченный вид и стала одной из внешнеполитических задач не только для Военного министерства, но и для дипломатического ведомства. В.А. Косооговский был искренне озабочен положением российских военных инструкторов (и даже шире – «русского дела») в Персии. Следуя своим воззрениям (и, по-видимому, негласным указаниям кавказского начальства), он изначально стремился добыть русским исключительное положение. Всё пребывание на должности с весны 1894 г. убеждало его также в необходимости

его сын почему-то пошёл чуть ли не на открытое противодействие, за что мог поплатиться довольно серьёзно. С чем это связано – вопрос открытый.

²⁴⁵⁶ Там же. С. 398.

²⁴⁵⁷ Там же. С. 400.

²⁴⁵⁸ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада: период трансформации (1894–1903 гг.) // Восток. 2010. № 3. С. 72.

²⁴⁵⁹ Там же.

²⁴⁶⁰ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Восточная литература, 2012. С. 76. Впрочем, тезис Н.К. Тер-Оганова о том, что в конце XIX в. резко усилилось влияние военных кругов на внешнюю политику страны нуждается в корректировке. В годы царствования Александра III влияние военных было также немалым. Достаточно вспомнить, что пост посланника в Тегеране занимал бывший военный атташе в Германии. Не менее красочным является пример «генеральской дипломатии» в Болгарии.

создания прочной юридической основы для существования ПКБ под российским контролем и для деятельности Заведующего. Кризис 1895 г. стал хорошим моментом для реализации этих идей.

Основные положения документа, утверждённого Насреддин-шахом 24 мая 1895 г. были изложены самим В.А. Косоховским, а за ним повторены исследователями. Поэтому мы будем отталкиваться от сведений полковника. Мы приведём фрагменты из его воспоминаний, а затем сделаем к ним необходимые пояснения, соотнося их с таковыми у Н. Тер-Оганова.

«Прежде каждый новый командир бригады заключал свой именной контракт на три года, что, конечно, не обходилось без некоторого подмазыванья или же давления на государственных представителей Персии и находилось в полной зависимости от обстоятельств и обстановки, – начинал характеристику «Положения» и его результатов В.А. Косоховский. – До заключения краткого, но исчерпывающего договора Косоховского, англичане или другие державы могли, при окончании каждого именного трёхлетнего контракта, предлагать своих инструкторов, теперь же персидское правительство обязалось держаться русских инструкторов, каков бы ни был их глава, для персидского правительства, то есть приятен или неприятен. Косоховский поставил своей задачей исключить значение времени и личности и связать персидское правительство по возможности безропотно и раз навсегда договором бессрочным и безымянным»²⁴⁶¹. Таким образом, полковник решил главную задачу: «шах должен был признать за Россией исключительное право на управление бригадой»²⁴⁶². Н.К. Тер-Оганов констатировал, что «принятие «Положения» шахским правительством отняло у англичан (и не только у них) надежду на перехват или развал бригады. Благодаря этому документу исключалась даже теоретическая возможность захвата бригады англичанами»²⁴⁶³. Это верно лишь отчасти. Уже после восхождения на престол в 1896 г. новый шах Мозаффарэддин должен был подтвердить все условия соглашения 1895 г.²⁴⁶⁴. В сентябре 1903 г. после отставки Али Асгар-хана, новый

²⁴⁶¹ Косоховский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 399.

²⁴⁶² Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада: период трансформации (1894–1903 гг.) // Восток. 2010. № 3. С. 72.

²⁴⁶³ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Восточная литература, 2012. С. 84.

²⁴⁶⁴ Там же. С. 89

премьер-министр преподчинил ПКБ военному министру²⁴⁶⁵. А в 1820 г. в связи с отстранением российских военных инструкторов, власть над ПКБ (к тому времени – дивизией) был передана члену британской военной миссии полковнику Генри Смиту²⁴⁶⁶. Поэтому указанное утверждение Н.К. Тер-Оганова (основанное на мнении В.А. Косоковского) было верным лишь для рассматриваемого момента времени.

«Последствиями Положения 24 мая 1895 г., – отмечал В.А. Косоковский, – было уравнивание прав всех офицеров бригады с мухаджирами, в корень сокрушившие значение мухаджиров; расширение власти командира бригады, которого может контролировать только садр-азам; сильный удар власти военного министра, так как бригада и бюджет её совершенно изъяты из его ведения и переданы в руки садр-азама»²⁴⁶⁷. Здесь изложены ещё несколько важнейших для «бригадного дела» положений, которые мешали предыдущим командирам и были ликвидированы «Положением». Во-первых, был разрешён «мухаджирский вопрос». Отныне мухаджиры не составляли привилегированной части бригады, по крайней мере, формально. В связи с этим отчасти были намечены пути к решению «офицерского вопроса»: производство ставилось в зависимость от личных заслуг, а не от чинов и званий, полученных предками. Как отмечал Ф. Казем-заде, «практика назначения сына на чин отца после его смерти была отменена, каждому офицеру приходилось пройти весь путь иерархической лестницы»²⁴⁶⁸. Выдвигая по службе отличившихся офицеров вне зависимости от их происхождения полковник получал в их лице надёжных подчинённых, обязанных положением своим заслугам и лично Заведующему, а не военному министру, шаху и иным сановникам, как это было прежде. Кроме того, во-вторых, Заведующий наконец получил права боевого командира²⁴⁶⁹. Ещё А.И. Домонтович указывал на непонятное для него положение Заведующего как командира части, который фактически был ограничен в своих полномочиях как по отношению к русским инструкторам, так и по отношению к своим подчинённым. Последнее, в частности, проявлялось в вопросе о производстве

²⁴⁶⁵ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада: период трансформации (1894–1903 гг.) // Восток. 2010. № 3. С. 78.

²⁴⁶⁶ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Восточная литература, 2012. С. 299.

²⁴⁶⁷ Косоковский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 399.

²⁴⁶⁸ Kazemzadeh F. The Origin and Early Development of the Persian Cossack Brigade // The American Slavic and East European Review. 1956. Vol. 15. P. 360.

²⁴⁶⁹ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада: период трансформации (1894–1903 гг.) // Восток. 2010. № 3. С. 73.

в офицеры и системе наказаний. Теперь полковник становился фактическим хозяином вверенной ему части, избавившись от «опеки» военного министра. Как верно отметил Н. Тер-Оганов, «закрепление неограниченных прав за командиром бригады объективно способствовало превращению Персидской казачьей бригады в действенное военно-политическое орудие царской России»²⁴⁷⁰. Но, в то же время, такое подчинение гарантировало ПКБ от некомпетентных, жадных и антирусски настроенных людей на посту военного министра, которые могли бы попросту развалить ПКБ, как это уже было сделано с остальной армией. В-третьих, Заведующий был выведен из подчинения военному министру и подчинён садр-азаму²⁴⁷¹. Здесь сыграл роль личностный фактор. Камран-мирза, как уже отмечалось, склонялся к английской ориентации, в то время как Али Асгар-хан Амин ос-Солтане к тому времени ориентировался на русских. Прочность положения Заведующего определялась личным соперничеством двух персидских сановников²⁴⁷². В этом была его и сила, и слабость. В дальнейшем, после смещения или отстранения Али Асгар-хана, полковник фактически становился заложником личности, которая сменила бы того на посту первого министра²⁴⁷³. То же касалось бюджетного вопроса. «С тех пор бюджет бригады стал проходить через руки садр-азама помимо военного министра», – писал В.А. Косооговский²⁴⁷⁴. Тем не менее, хотя денежное обеспечение ПКБ и было передано в руки садр-азама, однако источники финансирования по-прежнему не были чётко определены. В результате, уже через год–полтора, при новом шахе, В.А. Косооговскому вновь пришлось столкнуться с трудностями финансирования ПКБ²⁴⁷⁵, так как новые министры интересовались не столько бригадными делами, сколько возможностями ухватить от доставшейся в их распоряжение страны более солидный куш²⁴⁷⁶. Для обеспечения ПКБ довольствием и фуражом В.А. Косооговскому пришлось даже заложить своё

²⁴⁷⁰ Там же. С. 73.

²⁴⁷¹ Впрочем, определённая зависимость сохранялась вплоть до 18 июля 1896 г., когда новый шах Мозаффарэддин своим указом утвердил, что садр-азам должен был сноситься по делам ПКБ не с военным министром, как это было прежде, а непосредственно с командиром бригады [Там же. С. 74].

²⁴⁷² Как отмечал Н.К. Тер-Оганов со ссылкой на иранские источники, «Амин ос-Солтан и Наиб ос-Солтане питали друг к другу открытую неприязнь и каждая из сторон считала другую помехой на своём пути» [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Восточная литература, 2012. С. 84].

²⁴⁷³ Что и произошло после отставки в ноябре 1896 г. Али Асгар-хана и замены его мирзой Али-ханом Амин од-Доуле, которого характеризовали как «англофила».

²⁴⁷⁴ Косооговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 399.

²⁴⁷⁵ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Восточная литература, 2012. С. 91–92.

²⁴⁷⁶ Из тегеранского дневника полковника В.А. Косооговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 68–75, 91.

имение в России²⁴⁷⁷. Окончательно вопрос был снят после займа, взятого Мозаффарэдином у России в 1900 г.

Однако В.А. Косоховский, вытребовав у шаха утверждения «Положения 24 мая», постарался позаботиться о том, чтобы оно не осталось одним из документов, которые определяли существование ПКБ лишь постольку, поскольку это было выгодно персидскому правительству, как это случилось, например, с шахским дестихатом от 5 декабря 1892 г. Для этого полковник настоял на том, чтобы придать ему вид не только шахского решения, но международного документа. Это давало большие гарантии выполнения условий «Положения». В результате, в тот же день 24 мая 1895 г. Е.К. Бюцов заключил новый договор с персидским правительством относительно русских инструкторов в иранской армии. «Посланник Бюцов упомянул в этом договоре, что персидские чины казачьей бригады будут управляться командирами, согласно положения от 24 мая 1895 г.», – отметил В.А. Косоховский²⁴⁷⁸.

Детально текст «Конвенции между Россией и Персией о командировании русских офицеров для заведывания обучением персидской кавалерии», подписанный российским посланником и садр-азамом Али Асгар-ханом 24 мая 1895 г. проанализирован Н. Тер-Огановым²⁴⁷⁹. Тем не менее, отдельные моменты в его изложении требуют уточнения.

Как отмечал исследователь, конвенция состояла из пяти пунктов «и включала в себя практически все основные положения традиционного контракта о найме русских инструкторов, заключаемого каждые три года между российской дипломатической Миссией и иранским правительством»²⁴⁸⁰. По мнению историка, «самым важным с точки зрения усиления русского влияния над бригадой был 1-й пункт, согласно которому русские офицеры-инструкторы отныне должны были руководствоваться как в строевом, так и хозяйственном отношении уставами и

²⁴⁷⁷ Следует заметить, что в решении финансового вопроса Е.К. Бюцов старался поддержать В.А. Косоховского [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада: период трансформации (1894–1903 гг.) // Восток. 2010. № 3. С. 75]. Правда, действовал он из солидарности или по поручению Министерства иностранных дел – сказать точно сложно. Вопрос об обеспечении бюджета ПКБ был им поднят лишь в 1897 г., хотя проблемы начались гораздо раньше.

²⁴⁷⁸ Косоховский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 398.

²⁴⁷⁹ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада: период трансформации (1894–1903 гг.) // Восток. 2010. № 3. С. 73–74; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Восточная литература, 2012. С. 85.

²⁴⁸⁰ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада: период трансформации (1894–1903 гг.) // Восток. 2010. № 3. С. 73.

правилами, существовавшими в русской армии»²⁴⁸¹. Здесь следует заметить, что и в строевом, и в хозяйственном отношении российские инструкторы и до подписания конвенции руководствовались нормами, принятыми в русских вооружённых силах. Обучение ПКБ с момента создания велось по сокращённым уставам императорской армии, а хозяйственная отчётность по образцу, принятому в российских частях, была введена В.К. Бельгардом. Каждый из известных нам контрактов первых трёх заведующих в первой статье содержал условие, что кавалеристы будут обучаться на основе нормативных документов, действующих в русской армии. Фактически, при заключении каждого нового контракта необходимо было по-новому обговаривать указанные вопросы, особенно хозяйственный. Последний до этого документально закреплён не был. Конвенция давала прочную юридическую базу на перспективу того, что правила управления ПКБ не будут меняться, и Заведующий будет основываться на них, вне зависимости от внутренних пертурбаций в персидском правительстве. С точки зрения усиления русского влияния это действительно было важно, поскольку командир ПКБ таким образом переставал быть одним из командиров персидской армии, а бригада – одной из её частей в строевом и хозяйственном отношениях. Фактически ПКБ получала большую самостоятельность, превращаясь в подобие элитного воинского формирования, подчинённого прорусски ориентированному садр-азаму. Таким образом, бригаду легче было использовать в отстаивании русских интересов, что и показали события 1896 г. В дальнейшем В.А. Косоговский развернул проект перестройки вооружённых сил Ирана на основе ПКБ под русским руководством. Однако реализована эта идея (правда, без вмешательства представителей романовской империи, которой тогда уже не существовало) была лишь создателем новой династии – Реза-шахом Пехлеви (правил в 1925–1941 гг.).

Вторым важным решением, укреплявшим положение русских инструкторов, было частичное снятие ограничений по сроку службы. До 1895 г. контракт со всеми заключался на 3 года, а затем должен был возобновляться. Это не исключало службы и по 2–3 срока. Теперь срок службы командира определяло уже русское правительство. Урядники также могли служить без ограничения срока. Что касается

²⁴⁸¹ Там же.

офицеров-инструкторов, то они, как и прежде, согласно контракту, должны были служить три года²⁴⁸². Такая мера, по нашему мнению, была вызвана постоянными проблемами с Заведующими, которые, в свою очередь, негативно сказывались на отношении к некоторым из них персидского правителя. Так, А.И. Домонтович и В.К. Бельгард пришлось по душе Насреддин-шаху, но не устраивали русских, что вызвало прохладное, ели не сказать больше (в случае с В.А. Косоговским) отношение к их сменщикам. Определённую неурядицу вносила и немотивированная с точки зрения персов, замена Заведующего, не дослужившего срока, положенного по соглашению. Н.Я. Шнеур, В.К. Бельгард и В.А. Косоговский вынуждены были дослуживать по чужим контрактам. Конвенцией фактически русское правительство лишало персидское права требовать каких-либо изменений относительно командира ПКБ. Явно отразилась в этом положении и ситуация с самим В.А. Косоговским. Предполагалось, что Заведующий освобождался от постоянного давления внешних обстоятельств в лице высших шахских сановников и самого правителя Персии, и становился более независим в своих действиях, не опасаясь, что с ним не продлят контракт в силу внутриперсидских интриг или негативного отношения к нему шаха и его приближённых. Передача в руки России определения срока службы командира ПКБ превращала последнего в действительного реализатора русских интересов.

Остальные составляющие указанного пункта также стали результатом последних событий вокруг бригады и были призваны усилить позиции её командира. Большую часть нагрузки по обучению «казаков» несли на себе унтер-офицеры. Поэтому бессрочная служба урядников должна была способствовать повышению качества их работы, лучшему знакомству и приспособлению их к персидской действительности, повышению их авторитета в глазах подчинённых. Видимо, именно это имелось в виду составителями текста конвенции. Свидетельством тому является записка второго секретаря русской Миссии в Тегеране М.А. Таубе от 1914 г. В ней, в частности, отмечалось, что урядники ПКБ «приезжали в Иран на неопределённый срок и находились в привилегированном положении по сравнению с иранским составом бригады ... состав урядников менялся редко, они приезжали обычно с семьями и обосновывались на долгие годы ...

²⁴⁸² Там же.

Длительное пребывание урядников в Иране объяснялось тем, что им прежде всего надо было выучить персидский язык, познакомиться с обычаями и нравами местного населения, а это давалось не сразу. По своей должности урядники больше, чем русские офицеры общались с иранцами, заводили знакомства, и в случае могли даже влиять на общественное мнение»²⁴⁸³. Необходимо, правда, отметить, что такое положение имело и обратную сторону, которую отмечал тот же автор: «они пользовались своим положением и порой злоупотребляли им, что вызывало неприязненное отношение к ним среди иранцев ... их обвиняли в плохой организации обучения иранцев»²⁴⁸⁴. Отчасти эти обвинения, возможно и имели основания. Но, следует помнить, что выдвинуты они были в период революционных событий начала XX в. на фоне антирусских (антиимпериалистических) настроений значительной части иранского общества, подогретых англичанами и событиями 1908 г., когда ПКБ стала «главным героем» контрреволюционного переворота в июне 1908 г.²⁴⁸⁵.

«Если раньше, при формировании ПКБ, – писал Н. Тер-Оганов, характеризуя ещё одно важное постановление «Конвенции», – иранское правительство само определяло этнический состав рекрутов и их количество, то теперь командир по своему усмотрению, без участия иранского правительства набирал рекрутов для бригады»²⁴⁸⁶. Однако в утверждении исследователя содержится небольшая неточность. Наёмный контингент ПКБ в этническом отношении персидское правительство никак не ограничивало, также как и право его набора полковником. Указанное положение касалось, прежде всего, «мухаджирского вопроса». Мухаджиры были определены шахом в качестве изначальной составляющей новой части. Это и привилегированное положение в иранском обществе превратило их в ПКБ в своего рода неприкасаемых. Без решения шахиншаха мухаджиров нельзя было отчислять из бригады, наказывать, отчасти даже поощрять. Власть командира над ними в действительности была ограничена. Всё это вносило дисбаланс в устройство и функционирование ПКБ. Что касается до определения количества рекрутов, то здесь также утверждение Н. Тер-Оганова нуждается в уточнении.

²⁴⁸³ Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 138–139.

²⁴⁸⁴ Там же. С. 138.

²⁴⁸⁵ Иванов М.С. Иранская революция 1905–1911 годов. М.: Издательство ИМО, 1957. С. 248–287.

²⁴⁸⁶ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Восточная литература, 2012. С. 85–86; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада: период трансформации (1894–1903 гг.) // Восток. 2010. № 3. С. 73.

Действительно, долгое время численность ПКБ зависела от воли шаха. Однако дестихатом от 5 декабря 1892 г. количество людей было поставлено в зависимость от финансовых средств, выделявшихся иранским правительством. Полковник получил право самостоятельно определять количество «казаков», которое он мог содержать на получаемую сумму, а, следовательно, и контроль над набором рекрутов. Тем не менее, указанный дестихат во многом остался лишь благим пожеланием: численность ПКБ неуклонно сокращалась, боеспособность падала, а мухаджирский контингент не позволял проводить качественную «перетряску» личного состава. Поэтому указанное постановление было направлено на ликвидацию привилегий мухаджиров в смысле прохождения ими службы. Заведующий получил право «оздоровить» состав бригады, отчислив «пенсионеров», «мёртвых душ» и прочих непригодных к службе «казаков», не взирая на то, были они из мухаджиров или из наёмников, и набрать новых для повышения качества бригадного состава. Что до определения количества чинов в ПКБ, то эта прерогатива по-прежнему оставалась в компетенции шаха. Реализация отмеченного принципа состоялась в 1899 г., когда ПКБ была шахским решением увеличена до 1 500 человек. Именно на В.А. Косоховского легла основная забота по подбору рекрутов, причём персидское правительство в этот процесс не вмешивалось. Как видим, и данный пункт «Конвенции» укреплял позиции командира ПКБ.

7.3. Вместо вывода: результаты деятельности В.А. Косоховского

Таким образом, майские события 1895 г. стали переломным моментом в истории ПКБ. Конвенция 1895 г. стала основой для деятельности русских инструкторов вплоть до Первой мировой войны включительно²⁴⁸⁷. Со второй половины 1890-х гг., не смотря на все противоречия дальнейшего развития²⁴⁸⁸, бригада становится реальным орудием российской политики относительно Ирана,

²⁴⁸⁷ Клерже Г.И. Революция и гражданская война: личные воспоминания. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2012. С. 393.

²⁴⁸⁸ В частности, все основные составляющие «Положения 24 мая» пришедший к власти весной 1896 г. Мозаффарэддин-шах вновь утвердил своими именными указами [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада: период трансформации (1894–1903 гг.) // Восток. 2010. № 3. С. 74], что свидетельствовало о том, что прочность правовой базы, сформированной В.А. Косоховским и русской Миссией в мае 1895 г. находилась в полной зависимости от шахской воли и силы русского влияния при шахском дворе.

постепенно превратившись к началу XX в. (в основном – усилиями В.А. Косооговского) в наиболее боеспособную и влиятельную часть иранской армии, действующую под русским контролем и в русских интересах. Благодаря своему значению, ПКБ в начале нового века действительно становится шахской гвардией, позволявшей России контролировать события как в столице, так и в северных и центральных провинциях страны²⁴⁸⁹. Уже в 1897 г. публицист К. Скальковский писал, что «русские инструкторы обучили уже два “казачьих” полка – лучшую кавалерию в Персии. Русское влияние, проводимое начальником этой кавалерии г. Косооговским, отлично говорящим по-персидски и имеющим личный доклад у нового шаха (Мозаффарэдина – О.Г.), вытеснило английское из армии и уронило престиж последнего»²⁴⁹⁰. «“Казачья” бригада, – писал наблюдавший её в середине 1898 г., русский путешественник, – подчинена непосредственно шаху и никакие военные власти, не исключая даже военного министра, не имеют права вмешиваться ни в дело командования, ни в её внутренние распорядки. Благодаря этому “казаки” получают своё жалование аккуратно, имеют превосходную пищу, охотно подчиняются довольно суровой дисциплине и безусловно преданы своему непосредственному начальнику»²⁴⁹¹. Следует заметить, что достижения В.А. Косооговского чуть не были перечёркнуты смертью шаха в 1896 г. и воцарением его сына Мозаффарэдина в силу слабовольности последнего и интриг против полковника персидских высших сановников. Тем не менее, благодаря инициативе русского Заведующего к концу его пребывания в Персии были заложены достаточно прочные основы для развития ПКБ. В.А. Косооговский, преодолев сложный период для ПКБ в 1897–1898 гг., когда бригада часто недофинансировалась, поднимался вопрос о её ликвидации, сумел не только сохранить её, но и сберечь жизнь Али Асгар-хана, которого после прихода к власти нового шаха его окружение пыталось не только отстранить от власти, но и физически уничтожить. После возвращения Амин ос-Солтане на пост садразама 30 июля 1898 г. В.А. Косооговский с его

²⁴⁸⁹ Думается, окончательное оформление ПКБ в своего рода гвардию произошло в ходе Иранской революции 1905–1911 гг. [Там же. С. 78], хотя начало этому процессу было положено событиями 1895 г. Поэтому утверждения многих историков, что ПКБ являлась личной гвардией шаха для последней четверти XIX в. является ошибочным.

²⁴⁹⁰ Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. С. 409–410. По свидетельству другого современника, В.А. Косооговский был «сущим бельмом» на глазу английского посланника как из-за своего влияния при дворе, так и из-за активного противодействия английским планам внедрения британских военных инструкторов в иранскую армию [Ломницкий, С. Персия и персы. Эскизы и очерки С.Ломницкого (Рэдждэп). 1898-1899-1900 гг. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1902. С. 150].

²⁴⁹¹ Там же. С. 151.

помощью развернул новый этап реформирования ПКБ. Он предполагал на её основе сформировать в Иране новую армию под российским контролем. Она должна была служить для укрепления центральной власти и подавления децентрализаторских тенденций местных феодалов. План предполагал пересмотр всей системы комплектования армии, её подготовки, вооружения, создания новых офицерского и унтер-офицерского корпусов и пр. После того, как в январе 1899 г. полковник изложил свой план первому министру²⁴⁹², предложения австрийцев, немцев и англичан о присылке своих инструкторов были отклонены. Как отмечал В.А. Косооговский, Персия была «неспособна к самостоятельной войне, но об охране внутреннего порядка она должна позаботиться»²⁴⁹³. Поэтому вместо старых никуда не годных войск русский офицер предложил шаху через садр-азама создать на основе ПКБ новые, дисциплинированные и «могущие быть послушным орудием в руках правительства – как для водворения порядка в стране, так и для поддержания своего правительства»²⁴⁹⁴. 1 марта 1899 г. шах дал великому везиру дестехат «о сформировании ещё 1 000 казаков (половина конных половина пеших), второй казачей батареи, второй казачьей музыки и о доведении казачьего бюджета 1899–1900 гг. (9 марта – 9 марта) до 260 000 туманов (больше полумиллиона рублей), из которых около 220 000 туманов (более 400 000 рублей) – постоянных, а около 40 000 туманов – единовременных, на постройку казарм, расширение и преобразование лагеря и проч.»²⁴⁹⁵. Таким образом, вместо прежних 500 конных «казаков», 1 батареи, 1 хора и бюджета в 98 500 туманов (около 190 000 рублей), отмечал В.А. Косооговский, «ныне число казаков доводится до 1 000 + 500 пеших + 2 батареи + 1 пеший и 1 конный хоры, считая же офицеров (около 200 человек), пенсионеров и прочих чинов, состоящих в ПКБ, под командованием Заведующего обучением персидской кавалерии будет до 2 000 человек при годовом бюджете в

²⁴⁹² РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1901. Д. 515. Л. 37–38, 57. Шах и садразам хотели сформировать новые войска из добровольцев в январе 1899 года австрийцы подали проект конницы вместо ПКБ, а затем свои проекты подали англичане и немцы. Но шах сказал, что «казаков он уже знает» и ими доволен «цена их заслуг много превосходит все те расходы, которые персидское правительство несёт на их содержание». Впрочем, англичанам удалось в 1899 г. «Год тому назад, – писал в 1900 г. П.А. Риттих, – в Тегеране был организован по инициативе англичан полк жандармов (250 человек), который должен был составить противовес бригаде Косооговского» [Риттих П.А. Отчёт о поездке в Персию и персидский Белуджистан в 1900 году. СПб.: Издание Военно-учёного комитета Главного штаба, 1901. Ч. 1. С. 87]. Это побудило В.А. Косооговского проявить инициативу с целью увеличить численность ПКБ, сделав из неё кадры для будущей новой иранской армии. Инициатива эта была поддержана Посланником.

²⁴⁹³ Ф. 401. Оп. 5. 1901. Д. 515. Л. 57.

²⁴⁹⁴ Там же.

²⁴⁹⁵ Там же. Л. 37.

260 000 туманов»²⁴⁹⁶. 5 апреля в ведение ПКБ были переданы казармы пехоты, находившиеся рядом с казармами ПКБ, «что отдало в наши руки целый отдельный квартал в самом центре столицы в нескольких шагах от Арка (цитадели)». «В этих казармах 40 комнат для нижних чинов, каждая вместимостью 10–15 человек. На самом деле “казаки” живут по домам и собираются в казармы лишь на занятия»²⁴⁹⁷. Для бригады было построено трехэтажное здание в центре Тегерана. Здание было окружено высокой каменной стеной, за которой находились 5 внутренних дворов, конюшни, магазины, артиллерийский арсенал и прочие необходимые службы²⁴⁹⁸. Таким образом, было выполнено условие, поставленное В.А. Косоховским при наборе новой тысячи «казаков». Под контролем бригады оказался центр Тегерана²⁴⁹⁹. Летний лагерь ПКБ находился в Шимране²⁵⁰⁰.

В 1899 г. в продолжение этой реформы ПКБ В.А. Косоховский получил с Кавказа для бригады 1 200 винтовок «Бердан № 2»²⁵⁰¹, новые орудия. Им была предпринята реорганизация структуры вверенной ему части. ПКБ была разделена на 4 полка, из которых 1 был гвардейским. В каждом полку было оставлено по 2 эскадрона. Штатное число чинов каждого полка должно было составлять 250 человек конных и 150 пеших²⁵⁰². Кроме того, имелось около 180 офицеров, 2 музыкантских хора (конный и пеший). Из 8 орудий²⁵⁰³ с прислугой В.А. Косоховский сформировал 2 конных батареи по 4 орудия²⁵⁰⁴. Предполагалось, что сокращённые полки составят кадры для формирования и обучения новых полков. Согласно рапорту английского военного атташе Генри Пико, по состоянию на конец 1899 г., ПКБ состояла из 1 700 «казаков», в том числе 200 офицеров. Из

²⁴⁹⁶ Ф. Там же.

²⁴⁹⁷ Риттих П.А. Отчёт о поездке в Персию и персидский Белуджистан в 1900 году. СПб.: Издание Военно-учёного комитета Главного штаба, 1901. Ч. 1. С. 86.

²⁴⁹⁸ Павлович М.П. Казачья бригада в Персии (из истории персидской контрреволюции) // Новый Восток. 1925. Кн. 8/9. С. 87. Несмотря на наличие казарм, в них располагалась лишь малая часть «казаков» бригады, тогда как большая её часть жила по частным квартирам в разных кварталах города [Персия в конце XIX века. (Дневник ген. Косоховского) // Новый Восток. 1923. Кн. 3. С. 461].

²⁴⁹⁹ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1901. Д. 515. Л. 37–38.

²⁵⁰⁰ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Восточная литература, 2012. С. 97–99.

²⁵⁰¹ К тому времени российская армия уже перешла на винтовку Мосина (с 1891 г.).

²⁵⁰² Риттих П.А. Отчёт о поездке в Персию и персидский Белуджистан в 1900 году. СПб.: Издание Военно-учёного комитета Главного штаба, 1901. Ч. 1. С. 86.

²⁵⁰³ Н.К. Тер-Оганов утверждал, что орудия были производства немецкой фирмы «Крупп», калибра 8,2 сантиметра [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Восточная литература, 2012. С. 98]. Вторая партия пушек, подаренная российским правительством в 1897 г., как и первая батарея состояла не из 82 мм, а из 3,42 дюймовых (87-мм) полевых лёгких пушек конструкции немецкой фирмы «Крупп» образца 1877 г. производства Обуховского завода. Запас снарядов для них был обновлён В.А. Косоховским только в 1899 г. В 1907 или 1908 гг. ПКБ была перевооружена орудиями французской системы.

²⁵⁰⁴ Там же.

рядового состава 1 000 человек составляли кавалерию и артиллерию, а 480 числились в пехоте²⁵⁰⁵. Однако в реальности состав бригады, по его сведениям, не превышал 1 500 человек. Кавалерия бригады, по сведениям британца, состояла из 666 рядовых конных «казаков», была подразделена на 4 кавалерийских полка, или фоджа, каждый из которых на самом деле составлял эскадрон, а имея подготовленные кадры, каждый из этих эскадронов впоследствии мог разрастись до размеров полного полка. В рядовом составе конной артиллерии находились по сведениям английского военного агента, 100 конных и 32 пеших артиллеристов, при 168 лошадях. Большая часть лошадей принадлежала самим артиллеристам (100, а по утверждению П.А. Риттиха, более достоверному – 80), а меньшая (68) являлась государственной собственностью. На самом деле, казённые лошади полагались лишь для конной артиллерии (80 лошадей), а также для музыкантов (39). Остальные чины были обязаны иметь своих лошадей, и лишь если лошадь пропадёт, то им выдавалась на её покупку сумма в 15 туманов²⁵⁰⁶. От казны же полагались «казакам» ружья и снаряжение, хранившиеся в цейхгаузе.

Наблюдавший ПКБ весной 1900 г., т.е. через год после начала реформирования, российский офицер отмечал, что она находится в переходном состоянии, поэтому в 4-х полках и батареях состояло по списку (т.е. в данном случае на лицо) 1 000 человек, но численность их предполагалось довести до 2 000²⁵⁰⁷. Комплектовалась бригада по вольному найму. В 1900 г. Заведующий поднял вопрос о создании для ПКБ постоянных округов комплектования, однако он так и не был решён положительно.

Был значительно увеличен бюджет ПКБ. Как уже отмечалось, на 1899–1900 гг. он составил 260 000 туманов (больше полумиллиона рублей), из которых около 220 000 туманов (более 400 000 рублей) – постоянных, а около 40 000 туманов –

²⁵⁰⁵ В отличие от своих предшественников, в частности, Д.Н. Кёрзона, Г. Пико имел достаточно точные сведения о ПКБ, хотя его цифры, как видно, были несколько округлены. Однако он ошибался, считая, что при благоприятных условиях могла превратиться в кавалерийскую часть, по этой причине её и приписали к кавалерийским эскадронам. Сначала действительно создание пехоты объяснялось недостатком лошадей. В пехотинцы зачисляли бедняков. Полковник собирался подготовить «казаков» и к пешему и к конному строю. Затем, по замыслу В.А. Косооговского, пехотинцы ПКБ должны были составить основу для формирования новых пехотных частей.

²⁵⁰⁶ Риттих П.А. Отчёт о поездке в Персию и персидский Белуджистан в 1900 году. СПб.: Издание Военно-учёного комитета Главного штаба, 1901. Ч. 1. С. 86.

²⁵⁰⁷ Там же.

единовременных²⁵⁰⁸. ПКБ в денежном отношении была вновь поставлена в лучшее отношение по сравнению с другими частями персидской армии. «Годовой бюджет бригады в 1900 году дошёл до 520 000 руб., – писал побывавший в Тегеране в 1900 г. П.А. Риттих, – из коих 80 000 руб. были ассигнованы на лагерные постройки под гор. Тегераном»²⁵⁰⁹. Содержание чинам ПКБ должно было выдаваться ежемесячно 20 числа. Составляло оно следующие цифры из расчёта на 1 человека в месяц:

Нижний чин	15 кран
Приказный (серджоук, серджоуга – О.Г.)	18 кран
урядник (векиль – О.Г.)	20–25 кран
вахмистр (векиль-баши – О.Г.)	32
Наибы 1–3 разрядов	3–6 туманов
султан	До 20 туманов
полковник	40 туманов
сартип	40–100 туманов

Кроме того «казаки», жившие вне казарм, должны были получать суточные по 15 кран в месяц²⁵¹⁰. Наконец, на «казачьих» лошадях отпускалось по 2 батмана (15 фунтов) самана (соломенной сечки с клевером) и 1 батман ячменя²⁵¹¹. Следует также отметить, что В.А. Косоговский активно лоббировал перед русским правительством идею предоставления Персии займа, а когда тот был предоставлен, иранские таможи были переданы в качестве гарантии оплаты русских ссуд и займов, выдававшимся российским правительством с 1898 г. Учётно-ссудный банк стал кассой для поступления таможенных доходов²⁵¹², большая часть бюджета ПКБ стала

²⁵⁰⁸ Согласно указанному рапорту английского военного атташе Генри Пико по состоянию на конец 1899 г. ПКБ имела бюджет в 219 000 туманов [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Восточная литература, 2012. С. 97]. Впрочем, следует помнить, что из-за нестабильности финансового положения страны, постоянных финансовых махинаций приближённых нового шаха к началу XX в. Кран, а соответственно и туман, существенно обесценились. Так, за туман уже в середине 1890-х гг давали не 3, а 2 рубля [Орановский. Военно-статистическое описание северо-восточной части Хоросана 1894 г. // СМА. 1896. Вып. 68. С. 96].

²⁵⁰⁹ Риттих П.А. Отчёт о поездке в Персию и персидский Белуджистан в 1900 году. СПб.: Издание Военно-учёного комитета Главного штаба, 1901. Ч. 1. С. 88.

²⁵¹⁰ Именно поэтому большинство из них предпочитало жить в самом Тегеране.

²⁵¹¹ Там же. С. 88–89.

²⁵¹² Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 153–155.

выплачиваться через него. Таким образом, была значительно укреплена финансовая стабильность бригады.

Увеличен был и состав русской военной миссии. Кроме возглавлявшего ПКБ полковника ГШ, в ПКБ были 3 обер-офицера и 7 урядников²⁵¹³. Один из офицеров являлся помощником Заведующего по обучению, а другие руководили обучением «казаков»-батарейцев. Урядники заведовали хозяйством и помогали офицерам в строевой подготовке²⁵¹⁴.

Кроме всего прочего, В.А. Косоговский предпринял важный политический шаг, включив в ПКБ в конце 1901 г. 300 магальных шахсевенов-багдади²⁵¹⁵. Начиная с 1830-х гг. представители этого племени играли важную роль в русско-иранских отношениях в западной части границы²⁵¹⁶, и В.А. Косоговский стремился повысить престиж России в глазах кочевников, приняв их представителей в состав бригады²⁵¹⁷. В том же году в ПКБ были набраны добровольцы их курдов и бахтиар²⁵¹⁸. Первые часто воевали с Россией и долго рассматривались, как опасные противники²⁵¹⁹. Вторые же проживали на территориях, где влияние России было

²⁵¹³ А не 9 офицеров и урядников, как сообщал Г. Пико [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 98].

²⁵¹⁴ Риттих П.А. Отчёт о поездке в Персию и персидский Белуджистан в 1900 году. СПб.: Издание Военно-учёного комитета Главного штаба, 1901. Ч. 1. С. 86–87.

²⁵¹⁵ Ward S.R. *Immortal: a military history of Iran and its armed forces*. Washington: Georgetown University Press, 2009. P. 83. Насколько важным с его точки зрения было это решение, свидетельствует то, что В.А. Косоговский пренебрёг своими же рекомендациями по набору добровольцев: не нанимать большими партиями по начальством племенных вождей, не допускать спланиваться одноплеменным элементам в одних и тех же эскадронах и полках (но делать это деликатно, под подходящими предложениями) и не допускать помещиков и их родственников в одни и те же полки с их крестьянами [РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1901. Д. 515. Л. 79–80]. Правда, вопреки утверждению С.Р. Варда, 2 эскадрона из них было сформировано не сразу. В результате протестов шахсевенов при следующем Заведующем, тот разделил их на 2 эскадрона, переводя в 1-й полк [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Восточная литература, 2012. С. 112].

²⁵¹⁶ Ибрагимов И.А. Из истории шахсевенских племён в иранском Азербайджане (вторая половина XIX в.) // Ближний и Средний Восток. История. Экономика (Сборник статей). М.: Наука, 1967. С. 38–43; Шукюров К. Миграция населения между Россией и Ираном в XIX – начале XX веков (политико-правовые вопросы) // Кавказ и глобализация. 2009. Т. 3. № 2/3. С. 210–219.

²⁵¹⁷ Следует заметить, что шахсевены в первое время составили привилегированную группу наподобие мухаджиров. Если В.А. Косоговскому удавалось справляться с ними и постепенно «приручать», то для его сменщика они стали настоящей головной болью. Сплочённость, слабая дисциплина (подчинение лидеру, а не чину) и финансовые долги перед шахсевенами, оставленные В.А. Косоговским, привели к серьёзным трениям между шахсевенами и его сменщиком [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Восточная литература, 2012. С. 112–113].

²⁵¹⁸ Ward S.R. *Immortal: a military history of Iran and its armed forces*. Washington: Georgetown University Press, 2009. P. 84.

²⁵¹⁹ Аверьянов П.И. Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Современное политическое положение турецких, персидских и русских курдов. Исторический очерк. Тифлис: Типография штаба Кавказского военного округа, 1900. XVIII+338+135 с.

незначительным²⁵²⁰. Однозначно можно согласиться с мнением С.Р. Варда, что сделано это было с целью увеличить русское влияние среди указанных племён.

Подводя итоги своей деятельности в 1899 г., В.А. Косооговский писал, что долги бригады уплачены уже 3 года назад, нижние чины и офицеры удовлетворены своим содержанием, цейхгаузы и материальная часть пополнены, необходимые здания построены или перестроены, лошади закуплены, разбит летний лагерь с рощей и постройками, правительством даны новые казармы, что позволит контролировать центр столицы, бюджет увеличен до 260 000 туманов, народ и духовенство единодушно стоят за «казаков», а «сами “казаки” высоко подняли голову и помимо возрастающей преданности нам, стали твёрдо верить в самих себя»²⁵²¹. Не смотря на склонность В.А. Косооговского к самовозвеличиванию, следует признать, что в данных выводах он был объективен.

После отъезда В.А. Косооговского в Россию процесс реформирования ПКБ замедлился. Сам офицер называл причиной этого неверную политику своего сменщика – полковника ГШ Фёдора Григорьевича Чернозубова²⁵²². Отчасти с этим утверждением можно согласиться. Ф.Г. Чернозубов не обладал ни политическими амбициями своего предшественника, ни его «таранными» способностями. Он проявил себя больше как военный агент, нежели командир воинской части, с некоторыми проблемами которой он так и не сумел справиться²⁵²³. Но были и

²⁵²⁰ Трубецкой В.В. Бахтиары (оседло-кочевые племена Ирана). М.: Наука, 1966. 220 с.

²⁵²¹ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1901. Д. 515. Л. 83–84.

²⁵²² Косооговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 401–402.

²⁵²³ Так, некоторые офицеры ПКБ коллективно несколько раз требовали от Ф.Г. Чернозубова учреждения бригадного совета, перед которым бригадный командир будет ответствен за расходование денежных сумм; установление правил, согласно которым совет будет весть чиновничеством, наградами и пенсиями; ограничение власти бригадного командира; требование прибавки содержания и пенсий; удовлетворение разных мелких «неудовольствий» [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Восточная литература, 2012. С. 131–132]. Если с точки зрения социалистических теорий эти требования и можно назвать справедливыми, то с позиций практической жизни, воинской организации и дисциплины они были абсурдными. Реализация этих требований привели бы к развалу дисциплины в ПКБ и ликвидации русской военной миссии вообще. Классическим примером последствий реализации таких требований может служить приказ № 1 Петроградского совета рабочих и крестьянских депутатов от 1 марта 1917 г., вызвавший дезорганизацию российской армии [Костяев Э.В. Российские социал-демократы и приказ № 1 Петроградского совета от 1 марта 1917 г. // Власть. 2014. № 4. С. 147–151]. По утверждению Н.К. Тер-Оганова, эти требования свидетельствовали о наличии определённых финансовых нарушений, а также нарушений по части чиновничества, порядка пожалования пенсий и наград со стороны командиров ПКБ [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Восточная литература, 2012. С. 131]. Действительно, эти нарушения, как видно из нашего исследования, имели место, но со стороны персидских правящих кругов, а точнее – военного министра и шаха, отчасти и садр-азама. Как уже отмечалось, в чиновничестве Заведующие исходили (если им не навязывали производство «казаков») из мер по упрочению дисциплины в ПКБ, а не из финансовых соображений. То же касалось и пожалования наград и пенсий – здесь полковники также приспособлялись к условиям страны, при этом стараясь

другие, не менее важные причины: русско-японская война, российская революция, отвлекшие российское правительство и ослабившие его возможности, революционно-протестное брожение в Иране, также окончившееся революционными событиями, антрусская агитация духовенства среди «казаков», и наконец, падение прорусски настроенного садр-азама Али Асгар-хана в сентябре 1903 г. Уже в середине 1905 г. на предложение русских реформировать иранскую армию по образцу ПКБ новый первый министр Айн од-доуле (Эйн од-Доуле) от имени шаха ответил отказом²⁵²⁴. В.А. Косооговский, оставшийся после русско-японской войны 1904–1905 гг. не у дел, желал привлечь к себе внимание Военного министерства и, в то же время не оставался равнодушным к делам вокруг Персии, составил в 1906 г. «Памятную записку», представлявшую собой анализ русских неудач в Персии и программу их исправления. Говоря об упадке ПКБ (а в 1906 г. в ней состоялись 2 выступления части иранских офицеров против Заведующего), В.А. Косооговский обвинял в этом некомпетентность Ф.Г. Чернозубова. Он определил 4 главных причины ухудшения состояния российского дела в Иране: отсутствие агентов с хорошим знанием страны; отсутствие системы и координации в действиях российских офицеров ПКБ; несогласованность и нечёткость требований глав российской Миссии в Тегеране, а также отсутствие преемственности – каждый новый посланник начинал с нуля и на собственном опыте узнавал то, что его

сохранять расположение «казаков» и поддерживать дисциплину среди них. Основным же источником нарушений в европейском их понимании было персидское правительство в лице высших сановников, от которых так или иначе зависела ПКБ. Сведения эти свидетельствуют скорее не о наличии нарушений со стороны Заведующих, а о том, что вокруг указанных вопросов постоянно муссировались слухи, распускавшиеся преимущественно недоброжелателями как непосредственно командиров ПКБ, так и русской военной миссии в целом. Источниками неверной информации были люди некомпетентные: либо не разбиравшиеся в сложностях управления делами ПКБ, либо в разной степени и по разным причинам завидовавшие русским инструкторам и миссии в целом, или же, на их взгляд, обиженные русским полковником. Относительно финансового вопроса, ни одного из Заведующих в XIX в. нельзя с уверенностью и доказуемостью обвинить в присвоении денежных средств бригады. Даже Н.Д. Кузьмин-Караваев, который вёл дела ПКБ скупно и экономно, за что косвенно обвинялся в финансовых махинациях, сдал ПКБ с бюджетным дефицитом, а его растраты (если таковые были) доказаны не были. Слухи во многом возникали из-за того, что хозяйственная часть и финансы ПКБ полностью находились в руках полковника. С точки зрения успеха дела это было правильно. Но, отталкиваясь от персидских (а отчасти и российских) реалий, собственной испорченности распространителей слухов и незнания реального положения дел, многие считали, что Заведующие кладут деньги себе в карман. Однако ни один из них не возвратился в Россию, составив себе капитал. В предыдущих главах мы показали, насколько сложными были финансовые дела для каждого из Заведующих, и сколько проблем в связи с ними приходилось им решать. Наиболее ярким примером является случай с В.К. Бельгардом. Даже старательного и изворотливого в хозяйственных делах офицера, старавшегося для ПКБ, его сменщик вполне законно (с его точки зрения) обвинил в денежных махинациях за счёт бригадного бюджета. На самом деле источником нечистых финансовых манипуляций были не столько командиры ПКБ, сколько высшие персидские сановники.

²⁵²⁴ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Восточная литература, 2012. С. 124.

предшественнику было уже известно; отсутствие секретной службы, точнее, агентурной разведки²⁵²⁵. Желая того, или нет, генерал-майор ГШ прямо или косвенно центром русской военной разведки в Иране, а заодно – влияния и укрепления престижа шахской власти предлагал сделать ПКБ. Фактически В.А. Косооговский этим проектом предлагал свои услуги как специалиста по Персии российскому правительству для созданию военной разведки в Иране и укрепления ПКБ в связи с разразившейся революцией. Однако он оказался невостребован, а его рекомендации – без последствий. А.Н. Куропаткина, покровительствовавшего В.А. Косооговскому, уже не было и поддержать отставного генерала было некому.

Тем не менее, уже после начала иранской революции и контрреволюционного переворота 1908 г., российское правительство поняло необходимость обратить внимание на ПКБ. Побывавший в 1908 г. в Иране русский офицер писал о ПКБ, что она состояла из 4-х 2-эскадронных конных полков с двумя конными батареями по 4 орудия в каждой, пластунского батальона «из спешенных “казаков”, временно остававшихся без коней, и получивший правильную 4-ротную организацию». Он не упоминал о 2-х музыкантских хорах, но отметил, что в 1908 г. ПКБ была перевооружена новыми французскими орудиями, получила на вооружение 4 пулемёта системы Максим, на основе которых была сформирована пулемётная выучная команда, а также из России были выписаны винтовки системы Мосина взамен устаревших берданок. Общий состав ПКБ, по его сведениям, составлял 8 эскадронов, 4 роты при 8-ми скорострельных орудиях и 4-х пулемётах; всего 1 500 нижних чинов и около 270 офицеров при 1 Заведующем, 3-х обер-офицерах, 1 военном враче и 6 урядниках из российской армии²⁵²⁶. Как отмечал тот же офицер, «нынешний шах высшей степени любезно относящийся к бригаде благодарный ей за “спасение пошатнувшегося моего трона” – *подлинные его слова, сказанные полковнику Ляхову*, нашёл возможным увеличить годовой бюджет бригады на сумму, позволяющую нанять лишних 250 волонтёров и выписать ещё одного русского офицера и двух урядников. Увеличение бюджета уже состоялось, так как в момент набрасывания мною этих строк шахский дестихат переводится и вносится в

²⁵²⁵ Babich P. A Russian officer in Persian Cossack Brigade: Vladimir Andreevich Kosagovskii. Budapest: CEU, 2014. P. 64–65.

²⁵²⁶ Мамонтов Н.П. Очерки современной Персии. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1909. С. 86–91. О 2-х хорах он не упоминал, однако они были.

актовую книгу нашей Миссии в Тегеране (август, 1908 г.); с финансовой точки зрения препятствий к увеличению бюджета (так как он гарантируется поступлениями таможен, состоящих под наблюдением России) не представляется, ибо в число упомянутых таможен включена недавно таможня в Керманшахе, одна из наиболее доходных ... с зачислением в списки бригады 250 человек явится возможность довести эскадроны и роты до нормального состава; теперь же полки похожи на эскадрон, а эскадроны равны русскому взводу»²⁵²⁷. Как видим, контрреволюционный переворот июня 1908 г., в котором ПКБ приняла активное участие, сыграл свою роль в увеличении бригады, её перевооружении и вообще дальнейшем развитии.

В дальнейшем развитие ПКБ шло по нарастающей. Не лишне будет привести выдержки из воспоминаний русского офицера, служившего в ПКБ с 1914 г. Хотя В.А. Косооговского к тому времени в Персии уже 10 лет не было, но, как показывают мемуары, основы, заложенные им, были не только сохранены, но и расширены. В первую очередь, это касалось власти Заведующего. «Власть начальника бригады в бригаде была безгранична, – сообщал Высоцкий, – он по своему усмотрению, вне всяких правил, мог производить в следующий чин, мог перескакивать через чины, лишать чина, разжаловать офицера в “казаки”, принимать офицеров на службу и увольнять их. В бригаде был он полновластным хозяином. Только в чин генерала производил шах, так как чин генерала был связан с пожалованием ордена Льва и Солнца определённой степени, с соответствующей лентой через плечо. И если начальник бригады имел право уволить генерала от службы в бригаде, он не мог лишить его генеральского чина, и такой генерал считался состоящим в запасе. Офицеров же, уволенных от службы, начальник бригады мог по своему усмотрению оставлять в запасе или совершенно лишать чина»²⁵²⁸. В результате, по мнению Высоцкого (вполне отвечавшему реалиям) «бригада была, конечно, единственной дисциплинированной частью в Персии, и это было всецело заслугой начальников бригады, державших в порядке вверенные им части войск. Начальники бригады распоряжались денежными суммами, отпускаемыми на содержание бригады, и сами

²⁵²⁷ Там же. С. 87–88.

²⁵²⁸ Высоцкий. Персидская казачья бригада // Военная быль. Париж. 1968. № 89. С. 13.

составляли бюджет. Персидское правительство в жизнь бригады не вмешивалось»²⁵²⁹.

Что касалось «мухаджирского вопроса», то с расширением ПКБ в 1899 г. до 1 500 человек, а затем до 1 750 постепенно роль мухаджиров стала падать и к началу Первой мировой войны снизилась существенно. «Набор “казаков” в бригаду производился по вольному найму, – вспоминал служивший в ней с 1914 г. офицер. – Брали преимущественно молодых, но иногда принимали и пожилых и, так как предельного возраста для поступления на службу установлено не было, то встречались иногда и довольно старые “казаки”. Их назначали, по возможности, на нестроевые должности, – служителями в кадетский корпус, сторожами и пр.»²⁵³⁰. Правда, оставались проблемы с чинопочитанием в связи со знатностью «казаков». Однако и здесь уже не наблюдалось той остроты, что в последней трети XIX в. «Иногда “казаки” небрежно отдавали честь своим офицерам, или вовсе не хотели этого делать, – вспоминал тот же инструктор. – Однажды я спросил у “казака”, не отдавшего честь офицеру персу, почему он так поступил. “Казак” ответил, что офицер этот из простой фамилии, а он, “казак”, происходит из старинного знатного рода и поэтому для него унижительно отдавать честь такому офицеру. Приходилось улаживать такие недоразумения, считаясь с обычаями персов»²⁵³¹.

Во многом был преодолён и «офицерский вопрос». Производство офицеров не было связано с наличием свободных вакансий, а зависело от командира ПКБ²⁵³². Переизбыток офицеров в ПКБ сохранялся. Но он имел уже несколько иное наполнение. Теперь чётко оформились 2 категории офицеров: получившие звания за науку и усердие, и получившие чины по знатности, протекции и пр. Первые преобладали. «В бригаде было несколько офицеров, окончивших военное училище или кадетский корпус в России или за границей, – отмечал Высоцкий. – Такие офицеры принимались в бригаду сразу капитанами и быстро делали карьеру. Как следствие этого, в бригаде получилось «перепроизводство» генералов и очень часто эскадронами командовали полковники или генералы, а полками полные генералы. Поэтому был, в конце концов, установлен известный срок выслуги для производства

²⁵²⁹ Там же. С. 14.

²⁵³⁰ Там же. С. 13.

²⁵³¹ Там же. С. 15.

²⁵³² Стрелянов П.Н. (Калабухов). Корпус генерала Баратова. М. 2002. С. 126.

в следующий чин, несколько упорядочивший продвижение таких лиц по службе»²⁵³³. На самом деле, речь шла не о сроках выслуги, а о том, что для производства в офицеры претенденты из сыновей офицеров или особо отличившихся «казаков» должны были пройти всю лестницу персидских званий от рядового²⁵³⁴. Раньше этого не было. При этом сохранялось производство и «вне правил» – за заслуги. В служебном и материальном положении изменений офицерский чин за собой чаще всего не влѣк, поскольку в ПКБ был переизбыток офицеров²⁵³⁵. Для персидских подданных чин был в первую очередь вопросом престижа²⁵³⁶. Это было характерно как для многих выходцев из низов, так и для представителей знати. На этом «играли» как первые Заведующие (в частности, тот же А.И. Домонтович), так и В.А. Косоговский и его сменщики. Добавление 1901 г. в ПКБ представителей курдов, шахсеев и бахтиар, привело к тому, что наиболее знатные из них получили офицерские чины вне очереди с целью привлечь их к бригадному делу, а, соответственно, укрепить дисциплину среди новонабранных «казаков» и косвенным образом повысить престиж России среди указанных племѣн²⁵³⁷. Н.П. Мамонтов, видевший ПКБ в 1908 г., писал, что «Военного образовали офицеры, собственно говоря, не получают; они довольствуются знаниями простого

²⁵³³ Здесь необходимо отметить, что Высоцкий смешал и предыдущее и настоящее время, характеризуя «офицерский вопрос». Преобразование генералов, о котором неоднократно говорилось нами выше, было обусловлено в основном причинами не служебными, а знатностью и протекционизмом, а отчасти и политикой Заведующих, искавших себе опору среди способных и выдвинутых ими офицеров. В начале XX в. ситуация стала меняться: старые кадры постепенно заменялись новыми. Всѣ больше офицеров получали свои чины за службу и в результате обучения в России, других странах и в созданном при бригаде кадетском корпусе. Именно они сформировали со временем офицерский костяк нового поколения, выученного по-европейски, заражённого европейскими идеями. Ярким представителем их стал Реза-хан Пехлеви, со временем возглавивший и ПКБ, и страну и армию, которую он преобразовал по европейским канонам на основе ПКБ.

²⁵³⁴ Стрелянов П.Н. (Калабухов). Корпус генерала Баратова. М. 2002. С. 126–127.

²⁵³⁵ Около 270 человек [Мамонтов Н.П. Очерки современной Персии. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1909. С. 91; Стрелянов П.Н. (Калабухов). Корпус генерала Баратова. М. 2002. С. 126]. В 1914 г. иранских офицеров было в тегеранском отряде 182 человека, а в Тебризском – 61 [Стрелянов П.Н. (Калабухов). Корпус генерала Баратова. М. 2002. С. 139]. Правда, теперь уже из примерно 3 000 «казаков» [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Восточная литература, 2012. С. 233]. Как отмечал Н.П. Мамонтов «Для строя требуется максимум по 12 офицеров на полк и батальон, 8 в артиллерию и 10 в штаб, что даёт возможность уволить в отставку целых 190 человек и увеличить вдвое оклады остальной трети офицерского состава» [Мамонтов Н.П. Очерки современной Персии. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1909. С. 93].

²⁵³⁶ Н.П. Мамонтов, наблюдавший ПКБ в 1908 г., отмечал: «Быстрое и бессистемное производство офицеров в следующе чины, не сообразованное с наличностью свободных вакансий, созданное специально для удовлетворения восточного самолюбия и тщеславия, приводит к ряду курьѣзов. Капельмейстер бригадного хора трубачей носит генерал-лейтенантские погоны; ротами и эскадронами командуют сартипы, т. е. генерал-майоры, а на каждом шагу встречаются генералы. В первое время я был шокирован таким злоупотреблением русской формой, но мало-помалу привык. Обыкновенно чины даются через год–два, потому что это не сопряжено ни с какими расходами; в таком же изобилии раздаются звѣзды Льва и Солнца, ибо самые ордена выдаются лишь иностранцам, а свои получают только фирманы» [Мамонтов Н.П. Очерки современной Персии. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1909. С. 93]. К началу Первой мировой мало что изменилось – статус был важнее всего для иранских офицеров. Но службе это уже так не мешало, как было в XIX в.

²⁵³⁷ Ward S.R. *Immortal: a military history of Iran and its armed forces*. Washington: Georgetown University Press, 2009. P. 84.

урядника, не окончившего учебной команды; в строевом и административном отношении они хороши, как исполнители, но к самостоятельной роли почти неспособны, и без руководства русских инструкторов, в отделе и других случаях, быстро теряются и легко опускаются до уровня обыкновенной персидской всеобъемлющей лени»²⁵³⁸. Однако, для решения «офицерского вопроса» и продвижения русского влияния в стране при ПКБ был создан кадетский корпус из 6-ти классов. Преподавателями здесь были русские и персы, обучение производилось на русском языке, кроме, персидской литературы и некоторых других персидских предметов, преподававшихся на персидском языке. «По окончании корпуса кадеты производились в офицеры. Они свободно говорили по-русски и были воспитаны в русском духе»²⁵³⁹.

Потерял свою остроту и финансовый вопрос, бывший долгое время бичом ПКБ. С обеспечением в начале XX в. бюджета бригады доходами с северных таможен Ирана, основная часть средств стала поступать фактически от русского правительства через Учётно-ссудный банк. Иранские таможи были переданы в качестве гарантии оплаты русских ссуд и займов, выдававшимся российским правительством с 1898 г., а банк был кассой для поступления таможенных доходов²⁵⁴⁰. Кроме того, «начальники бригады распоряжались денежными суммами, отпускаемыми на содержание бригады, и сами составляли бюджет. Персидское правительство в жизнь бригады не вмешивалось»²⁵⁴¹.

Как выглядела ПКБ к началу Первой мировой дают представление мемуары того же Высоцкого – одни из наиболее грамотных и информативно достоверных из всех, опубликованных в XX в., а также второго секретаря русской миссии в Тегеране К.К. Таубе К.К. «В 1914 году, писал Высоцкий, – состав бригады был следующим: начальник бригады и 6 русских офицеров-инструкторов (инструктора-офицеры командировались в бригаду на 2 года. Но командировку можно было продлить или повторить): 1 инструктор кавалерист, 1 – пехотинец, 1 – артиллерист и директор кадетского корпуса, все находившиеся в Тегеране; 1 инструктор в Тебризе и 1 – в Реште. Затем, человек около 15 русских вахмистров и урядников; русский

²⁵³⁸ Мамонтов Н.П. Очерки современной Персии. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1909. С. 94.

²⁵³⁹ Высоцкий. Персидская казачья бригада // Военная быль. Париж. 1968. № 89. С. 12.

²⁵⁴⁰ Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 153–155.

²⁵⁴¹ Высоцкий. Персидская казачья бригада // Военная быль. Париж. 1968. № 89. С. 14.

доктор, ветеринарный фельдшер, казначей и несколько преподавателей в кадетском корпусе, эти последние – по вольному найму начальника бригады. Кавалерия: 4 кавалерийских полка (вернее – дивизиона, так как каждый полк состоял из 2-х эскадронов). 1 полк – гвардейский и 3 номерных. Пехота: стрелковый батальон четырёхротного состава, пулемётная команда, которой командовал подполковник Реза-хан, будущий шах. Артиллерия состояла из 1 конной и 1 горной батарей. Эти части были расположены в Тегеране. В Тебризе, постоянной резиденции “валиата”, наследника, – 1 эскадрон кавалерии и 1 рота пехоты и в Реште – около роты пехоты ... 2-классная школа “казачьих” детей, куда принимались дети “казаков”. При очень хорошо оборудованном бригадном лазарете имелась фельдшерская школа, в которой обучали персов русский доктор и русский лекарский помощник. Были в бригаде также прекрасный духовой и струнный оркестры, которыми руководил персидский капельмейстер, окончивший московскую консерваторию. Канцелярий в бригаде было две, одна – с русским делопроизводителем, он же и казначей, и русскими писарями, другая – персидская, с начальником штаба бригады, двумя адъютантами и целым штатом своих писарей и канцеляристов. Вооружена бригада была 3-лн. винтовками образца 1891 г. и, главным образом, берданками. Было и некоторое количество австрийских винтовок системы Верндль, впоследствии заменённых берданками. Такое разнообразие в вооружении затрудняло, конечно, снабжение бригады ружейными патронами. Наличие австрийских ружей объясняется тем, что в персидской армии раньше были австрийские инструктора, оставившие и другой след в Персии: на “саляме шаха старшие персидские генералы появлялись иногда в белых австрийских мундирах. В кавалерии были, конечно, винтовки укороченного, кавалерийского образца. На вооружении артиллерии состояли орудия системы Шнейдера, пулеметы были “Максима”. Одеты были персидские “казаки” в казачью форму Кубанского казачьего войска. Гвардейский кавалерийский полк носил красные черкески и белые папахи. Русские офицеры-инструктора имели форму Терского казачьего войска, но сохраняли свою полковую форму, которую и могли носить вне службы, так же как и инструктора – нижние чины, сохранявшие форму своего войска. Штатские костюмы не допускались ... “Казак” получал жалованье в 5 туманов в месяц (в 1914 году

туман стоил 1 доллар, или немного менее 2-х рублей). Конные “казаки” должны были иметь своих лошадей, которые принимались комиссией под контролем инструкторов. Конский состав в кавалерии был очень хорош. Хорошая лошадь под казачье седло стоила тогда туманов 40–50. У многих офицеров были хорошие лошади, арабы или туркмены. Офицеры персы интересовались скачками и готовили к ним своих лошадей по-своему, кормя их яйцами, маслом и т. п. Скачки бывали и офицерские и джентльменские ... Кроме офицеров-инструкторов, как было сказано выше, было еще до 15 инструкторов – нижних чинов. Это были почти все отборные, выдающиеся унтер-офицеры и вахмистра. Они оказывали нам громадную помощь, так как фактически на них лежало обучение персидских “казаков” джигитовке, ружейным приёмам и строю. Мы получали инструкции от начальника бригады, представляли ему программы занятий, которые он утверждал или изменял, и потом следили за точным исполнением их инструкторами-нижними чинами ... Жалованье инструкторов было таково: начальник бригады получал 500 туманов в месяц, инструктора штаб-офицеры 350 туманов, обер-офицеры 223 тумана (не знаю, почему была установлена такая цифра), нижние чины – 70 туманов. В командировках получали суточные, штаб-офицеры 10 туманов, обер-офицеры 6 туманов. Кроме того, нам сохранялось наше русское жалованье, которое высылалось из полков. Инструктора были прекрасно обставлены, имея казённые квартиры, прислугу, повара, отопление, освещение и каждому – пара лошадей и экипаж. Все это – казённое. Работали мы много, за всем должны были следить, присутствовать на всех занятиях, проверять хозяйственную отчетность, присутствовать на всевозможных комиссиях, ездить с «казаками» в командировки для усмирения восставших племён, разоружая их, ловить разбойников в горах и т. д. Бригада несла главным образом караульную службу при шахе. У шаха было несколько летних дворцов, в которые он переезжал по мере того, как усиливался жара. При нём находился один эскадрон, большей частью от гвардейского кавалерийского полка. Несли также охрану всех иностранных миссий (посольство было тогда только одно, – турецкое), кроме русской Миссии и русского генерального консульства, которые имели для охраны русских казаков Кубанского войска, и английской миссии, при которой охранную службу несли сипаи. Все

губернаторы и министры имели охрану из «казаков» бригады, которые сопровождали их при всех выездах и, чем важнее был сановник, тем большим был и конвой. Но конвой в красных черкесках был только у шаха и у начальника бригады. Банки, министерства и другие важные учреждения также охранялись «казаками». Просили о «казачьей» охране и многие частные лица. Если просьбы эти удовлетворялись, то лица эти должны были кормить «казаков» или же выдавать деньги на их содержание ... За порядком, распределением и посылкой охраны и командировками «казаков» также следили инструктора. Как было уже сказано выше, казаков посылали и для усмирения восставших племён ... Инструктора обыкновенно имели при себе переводчиков из офицеров-персов, окончивших кадетский корпус и хорошо говоривших по-русски. Переводчики эти всюду нас сопровождали. При мне был переводчиком в течение нескольких лет такой офицер, окончивший кадетский корпус, Ахмед-хан Нахичеванский. Впоследствии он окончил школу лётчиков в Париже и первым из персидских офицеров прилетел из Европы на аэроплане. В Персии он стал начальником авиации, а при Реза-шахе был военным министром. У начальника бригады был начальник штаба, сардар Искандер-хан, армянин, окончивший Тифлиский кадетский корпус. Был он очень ловок, оборотист и умел угодить начальникам бригады, не забывая при этом и себя. Он служил посредником между начальником бригады и персидским правительством, посылался им всюду для устройства разных дел, представлял начальнику бригады переводы персидских бумаг и руководил персидской канцелярией бригады, в которой занимались персидские офицеры и мирзы-письмоводители. 2 персидских офицера, состоявшие при начальнике бригады адъютантами, также хорошо говорили по-русски. Один из них, – Гуссейн-хан Айром, был впоследствии начальником полиции и сыграл в Персии большую роль. Он был одним из самых важных лиц после Реза-шаха, но кончил тем, что бежал за границу. Другой адъютант, Али-хан, очень потом разбогател и был миллионером»²⁵⁴².

²⁵⁴² Там же. С. 12–15.

По сведениям К.К. Таубе²⁵⁴³, относящимся к 1914 г., «по родам войск бригада делилась на пехоту (батальон в 4 роты), кавалерию (4 полка, 2 эскадрона) и артиллерию (полная батарея и горная батарея), пулемётную команду. К началу XX века в бригаде расквартированной в Тегеране, числилось 1 750 казаков, но имелись и сверхштатные, так что в среднем её численность доходила до 2 000 человек. Иранских офицеров в бригаде было 182 человека, из них только 113 действительно служили, остальные лишь числились. В бригаде служили по вольному найму, делая из этого профессию на всю жизнь. Большая часть казаков жила не в казарме, а в городе со своими семьями. Казаки в основном были люди опытные, участвовавшие во многих военных экспедициях. По происхождению большая часть рядовых казаков были курды, шахсевены, турки, афганцы. В 1911 г. только 10 % личного состава бригады были этническими иранцами, в то время как 85 % составляли выходцы из различных тюркских и курдских племён, не считая нескольких армян²⁵⁴⁴. Служба в Казачьей бригаде считалась у иранцев почётной. В составе офицеров бригады были ближайшие родственники шаха, принцы, сыновья, братья, родственники наиболее видных иранских сановников, ханов. Русский штаб бригады состоял из 7 офицеров, 10 урядников, 1 доктора, 1 фельдшера, 1 оружейного мастера. Кроме Тегерана был учреждён отдел бригады в Тебризе при валиате. Там находилось 1 288 казаков при 61 офицере. Русский персонал: 5 офицеров, 8 урядников, 1 доктор, 1 фельдшер, 1 оружейный мастер, 1 писмоводитель ... Казачья бригада не отчитывалась в своих финансовых расходах перед иранским правительством, она действовала бесконтрольно, что вызывало неоднократные протесты с его стороны. Впервые отчёты бригады были представлены военному министру и главному казначейству в 1913 г., в которых давались отчёты начиная с 1909 г. В 1913 г. бюджет Казачьей бригады был увеличен до 501 557 туманов (около 1 млн. руб.). Бюджет бригады состоял из двух частей. Первая, примерно 2/3 бюджета, покрывалась из таможенных средств Северного Ирана, поступавших в Учетно-ссудный банк и передаваемых бригаде ежемесячно. Таможни Северного

²⁵⁴³ Записка второго секретаря русской миссии в Тегеране К.К. Таубе, «Персидская казачья бригада и желательность её реорганизации и развития», датированная 1914 г., была составлена в контексте борьбы против созданной в 1911 г. под руководством шведских офицеров жандармерии. Фактически две части стали исполнять одинаковые функции внутренней службы в стране [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 213–234].

²⁵⁴⁴ Ward S.R. *Immortal: a military history of Iran and its armed forces*. Washington: Georgetown University Press, 2009. P. 84.

Ирана находились фактически в руках России, под обеспечение российских займов и ссуд, предоставленных иранскому правительству. Остальная часть должна была уплачиваться персидским главным казначейством Ирана, но она поступала крайне неаккуратно, а в тяжёлые годы её вообще не платили, и Россия покрывала недостачу бюджета бригады из своих средств. 45 000 туманов уходило только на пенсии отслужившим иранским офицерам и казакам. Они получали жалованье в несколько раз меньше, чем русские инструктора, но по сравнению с бедственным состоянием иранской армии они находились в привилегированном положении и дорожили своей службой.

При бригаде существовали 2 школы по образцу кадетских корпусов. Одна для детей офицеров, другая – для “казачьих” детей. В 1903 г. была открыта школа для сыновей иранских офицеров бригады. Курс обучения был четырёхлетним, предметы проходились по русским программам средних учебных заведений. Первоначально преподавание велось на персидском языке в младших классах, с последующим переходом на русский в старших. В 1910 г. школа офицерских детей была реорганизована: был увеличен штат обучающихся, расширена программа, срок обучения увеличивался до 6 лет, а в 1913 г. до 8. По окончании школы молодые люди становились офицерами и распределялись в Казачью бригаду, некоторые уезжали продолжать образование в Россию. В школах преподавались закон Божий, Коран, мусульманские обычаи и обряды, персидский и арабский языки и литература, русский язык, французский язык, история Ирана, России, всеобщая история, география, алгебра, геометрия, физика, химия, строевая подготовка и другие военные предметы. Школа для “казачьих” детей выпускала унтер-офицеров, которые также должны были говорить на персидском и русском языках ... При бригаде также находился лазарет, который принимал также и местное население. В лазарете работали русский врач и фельдшер, иранский врач, 3 иранских фельдшера и 10 учеников. Лазарет бригады пользовался большим доверием населения. Сюда приходили жители Тегерана и его окрестностей, в среднем ежедневно бывало около 60 больных. Все они получали бесплатную медицинскую помощь и нужные лекарства. Были и стационарные больные»²⁵⁴⁵.

²⁵⁴⁵ Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 139–142.

В 1816–1818 гг. происходил процесс реорганизации бригады в дивизию, в результате чего к концу своего существования она насчитывала около 9 000 человек при 50 русских офицерах и 20 урядниках, и состояла из 9 отрядов: Тегеранского, Хамаданского, Исфганского, Рештского, Тебризского, Урмийского, Ардебильского, Мешедского, Астрабадского²⁵⁴⁶.

Таким образом, мероприятия относительно ПКБ в 1894–1895 гг. хотя и имели относительную последовательность и логику, но не носили статетегического характера. Скорее, они инициировались, с одной стороны, частью военных кругов, а с другой, – самими событиями вокруг ПКБ. Тем не менее, определённая линия всё же наметилась. Сводилась она к созданию из бригады крепкой воинской части под русским контролем и для русских интересов. Смена правителя, переориентация интересов империи на Восточную Азию, нерешительность (или незначительный интерес к ПКБ) П.С. Ванновского – эти факторы вплоть до конца 1890-х тормозили выработку чёткой стратегии среди русского руководства относительно того, чем должна быть, чему служить ПКБ и как этого добиться. Благодаря инициативе В.А. Косоговского ответы на все эти вопросы были сформированы и предложены. Воплощение их в жизнь началось отчасти со смещения В.К. Бельгарда. Но точнее сказать – с 1895 г., когда очередной виток кризиса вокруг ПКБ поставил её на грань существования. Но стратегией они стали с приходом на пост военного министра А.Н. Куропаткина. Он лично поддерживал все начинания В.А. Косоговского. Фактически, эти два человека во многом определили то положение, что заняла ПКБ с самого конца XIX в., которое английский дипломат Сесил Артур Спринг-Райс²⁵⁴⁷ в частном письме от 15 сентября 1899 г. характеризовал следующим образом. «Единственная дисциплинированная сила здесь – это 1 000 казаков²⁵⁴⁸, – писал он, – вооружённых и подчиняющихся русскими офицерам. Они могут взять Тебриз в один день, Мешед – в два, Тегеран – в шесть»²⁵⁴⁹.

²⁵⁴⁶ Клерже Г.И. Революция и гражданская война: личные воспоминания. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2012. С. 386; Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 90.

²⁵⁴⁷ Е.Ю. Сергеев именуется его британским посланником в Тегеране [Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. С. 207–208]. Но в 1899 г. посланником был Мортитмер Дюранд. С.А. Спринг-Райс с 1900 г. был поверенным в делах в Персии, а посланником был назначен в 1906 г. [Burton D.H. Cecil Spring Rice: A Diplomat's Life. Rutherford: Fairleigh Dickinson University Press, 1990. 232 p.].

²⁵⁴⁸ К 1899 г. численность ПКБ снова достигла 1 000, а в 1899 г. была увеличена до 1 500 человек.

²⁵⁴⁹ Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. С. 208.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце 1970-х годов в силу в Иран для обучения части персидской кавалерии по казачьему образцу была прислана из России военная миссия в составе подполковника ГШ А.И. Домонтовича, 3-х обер-офицеров и 5-ти казачьих урядников. В качестве «материала» шахское правительство предоставило им 400 человек кавалерии мухаджиров. Несмотря на плохую репутацию указанной социально-этнической группы, благодаря стараниям русских инструкторов и в особенности главы миссии, в течение месяца был сформирован первый полк. Решением шаха, довольного работой российских военных, осенью 1979 г. количество обучаемых было увеличено до 600 человек. Вследствие этого, а также из-за нежелания мухаджиров, не состоявших под начальством А.И. Домонтовича, вступить в организуемую часть, произошло разделение её на 2 полка. 2-й полк формировался из добровольцев. А в 1881 г. из лучших нижних чинов и офицеров был составлен гвардейский полуэскадрон. Таким образом была сформирована так называемая Персидская казачья бригада в составе 2-х полков и гвардейского полуэскадрона.

Соединение приходилось создавать в довольно жёстких условиях. Русские инструкторы и Заведующий обучением персидской кавалерии А.И. Домонтович вынуждены были приспособливаться к реалиям иранской жизни о которых они имели до этого слабое представление, к особенностям функционирования местной военной системы, к специфическому контингенту подчинённых в лице мухаджиров. С момента создания первого полка перед российскими военными встали несколько проблем, ставших знаковыми для всего существования ПКБ в XIX в.: «мухаджирский», «офицерский» и финансовый вопросы. Поддержка Насреддин-шаха и личные качества помогли первому Заведующему преодолеть указанные сложности. Однако избавиться от них полностью не удалось.

Не смотря на множество трудностей и интриги со стороны персидских сановников А.И. Домонтовичу в течение 3-х лет удалось создать из подчинённых

ему «казаков» вполне дисциплинированную и представительную воинскую часть, обеспеченную оружием, обмундированием, продовольствием, фуражом, помещениями и пр. Привилегированное положение ПКБ было лишь отчасти. Заключалось оно в том, что обучали «казаков» русские инструкторы, находилась бригада под патронажем российской дипмиссии и жалование в ней платили регулярно в сравнении с другими частями персидской армии. В остальном же ПКБ была составной частью иранских вооружённых сил, на которую распространялось большинство их правил и недостатков. Бригада являлась также частью тегеранского гарнизона. Вопреки расхожему убеждению, ПКБ не была ни личным конвоем, ни гвардией иранского правителя. Конвойные функции исполняли только «казаки» из гвардейского полуэскадрона (со временем – эскадрона), сопровождавшие шаха в поездках по стране.

Важной проблемой, главным образом для Заведующего, являлся недостаток руководящих указаний от военного начальства при ограниченных инструкциях дипломатического представителя в Тегеране. Для российской дипломатии ПКБ являлась политическим проектом, призванным не допустить англичан в вооружённые силы Каджарской империи. Военная составляющая их занимала мало. Не имея чётких инструкций относительно военной стороны своего дела и ограничено представляя себе политические его задачи, А.И. Домонтович вынужден был разрываться между требованиями русской Миссии и профессиональными обязательствами. В условиях внутренней неустойчивости в ПКБ, происков со стороны недоброжелательно настроенных сановников и при наличии у шаха желания поставить его во главе реформирования иранских вооружённых сил А.И. Домонтович испытывал постоянный недостаток в полномочиях и инструкциях со стороны российского начальства. В результате, возможно, сам того не желая он вступил в конфликт с русским посланником в Тегеране. Итогом этого стало возвращение А.И. Домонтовича в Россию по истечении срока его контракта.

Тем не менее, основа заложенная А.И. Домонтовичем, оказалась довольно прочной. Несмотря на множество трудностей не раз ставивших её на грань ликвидации, ПКБ просуществовала до начала 1920-х гг. и стала основой для новой иранской армии.

Создание ПКБ не являлось одномоментным актом, вызванным исключительно прихотью шаха. На основе приведённых материалов очевидно, что усиление российского влияния через персидские вооружённые силы было спланированной российскими Министерством иностранных дел и Военным министерством, и одобренной царём акцией, имевшей целью укрепить положение России в Персии в связи с обострением российско-британских противоречий в «Восточном вопросе». Персия стала заложником борьбы двух великих держав. Однако если бы не было той или другой из них, вряд ли Иран смог бы развиваться самостоятельно. В условиях крайне коррумпированного режима и слабости центральной власти при отсутствии англо-русской конфронтации он скорее всего превратился бы в колонию одной из ведущих держав мира. Логика международных отношений определяла и мышление русских военных и дипломатов относительно ПКБ: с уходом их из Тегерана место сразу было бы занято представителями другой великой европейской державы, либо Британии, либо третьей страны под покровительством британской Миссии. Называть, исходя из этого, рассуждения о ПКБ русских агрессивными и не соответствующими интересам Ирана можно лишь очень осторожно, а полностью приемлема такая оценка только с точки зрения национальной истории. С научной же точки зрения борьба между двумя крупными и сильными державами-«хищниками» по определению ставила менее слабые страны и народы, попадавшие в поле этой борьбы, в подчинённое положение. В этом случае их интересы учитывались только тогда, когда это было выгодно одному из противников.

Непосредственным идеологом и «двигателем» приглашения русских военных инструкторов в Тегеран выступал посланник России И.А. Зиновьев. Ему удалось убедить Петербург и кавказское начальство в необходимости присутствия в Иране российских военных. ПКБ, основанная в 1879 г. сначала в виде одного фоджа, должна была играть роль проводника русского влияния, а возглавлявшие её офицеры занимались, помимо всего прочего, ещё и военной разведкой. ПКБ была по удачному определению Н.К. Тер-Оганова, «гарантией влияния России в Иране»²⁵⁵⁰. В рассматриваемое время возобладал «дипломатический» подход к видению

²⁵⁵⁰ Тер-Оганов Н.К. Константин Николаевич Смирнов и русско-иранские отношения в начале XX века // Russian history. 2005. Vol. 32. № 1. P. 50.

будущего ПКБ. Согласно ему ПКБ не должна была представлять из себя реальной воинской силы (в этом с дипломатами солидаризировались и высшие военные чины империи). Задачей русских инструкторов было не допустить присутствия в Тегеране и иранской армии английских инструкторов. В соответствие с этим особое внимание необходимо было уделять внешней подготовке ПКБ для удовлетворения самолюбия шаха и поддержания внешним эффектом положительного образа России и русских военных как внутри Ирана, так и среди иностранцев. Ещё одной задачей было обеспечение с помощью ПКБ беспрепятственного перехода власти в Тегеране в случае смерти шаха в нужные России руки. Использование ПКБ в качестве внутренних войск, т. е. войск, для поддержания порядка в стране (для борьбы с феодальной вольницей, кочевыми племенами, революционными и прочими антишахскими движениями и пр.) предложил 5-й Заведующий В.А. Косооговский. Идея А.И. Домонтовича о создании на основе ПКБ кадров для новой иранской армии под русским контролем, не была поддержана ни на Кавказе, ни в Петербурге. Вновь она была выдвинута В.А. Косооговским, и в новых политических условиях со временем оказалась востребованной.

Однако, недостатки, вызванные некоторой поспешностью в создании ПКБ, со временем увеличились до угрожающих размеров, поставив под вопрос само существование данного военного подразделения. Можно полностью согласиться с мнением Павла Бабича, что на раннем этапе развития ПКБ, примерно до конца 1890-х гг., в Петербурге не понимали потенциал бригады в качестве инструмента внешней политики²⁵⁵¹. Не существовало и какого-либо перспективного плана развития ПКБ. Она мыслилась И.А. Зиновьевым только как форпост против проникновения английских военных в иранскую армию. Идея А.И. Домонтовича о сформировании на её основе кадров для новой иранской армии была обречена, поскольку не отвечала ни политическим видам российского правительства, ни военным интересам России. Не была ПКБ и под полным контролем российских представителей. По контракту Заведующий был подконтролен иранскому военному министру и контроль этот не был формальным. Большое значение имела также воля

²⁵⁵¹ Babich P. A Russian officer in Persian Cossack Brigade: Vladimir Andreevich Kosagovskii. Budapest: CEU, 2014. P. 32, 75.

шаха. Русские офицеры и урядники были обыкновенными инструкторами на иностранной службе, работавшими по контракту. Ситуация начинает постепенно меняться усилиями прежде всего В.А. Косоговского с конца 1890-х гг., однако только во время Персидской революции 1905–1911 гг. в Петербурге, видимо, осознали значение ПКБ как оплота шахской власти и русского влияния в стране (хотя идеи такие высказывались ещё с начала 1890-х гг.). Как убедительно доказал П. Бабич, и на что обращали внимание и мы в своей диссертации, заслуга в превращении ПКБ в действительное орудие российской политики принадлежала В.А. Косоговскому²⁵⁵². Но даже после его ухода понадобилась революция в Иране, чтобы в российском правительстве действительно осознали важность ПКБ для империи Романовых. Следует отметить то, что не было чётко оговорено финансирование бригады. Оно часто зависело от прихоти иранских военного министра и шаха, который легко поддавался чужому влиянию и мог в любой момент (как, например, в случае со Н.Я. Шнеуром) сократить выдаваемые суммы. Значительным недостатком являлась сама система комплектования личного состава бригады. В первую очередь это касалось основы ПКБ – мухаджиров – привилегированной группы иранского населения, которые первоначально к русским относились негативно. Проблемами были наличие большого количества «пенсионеров», т. е. лиц, числившихся в ПКБ, получавших жалование, но не служивших в силу преклонного возраста или иных причин; возрастная разнородность (достаточно вспомнить, что П.В. Чарковский сформировал из стариков целое подразделение), «офицерский» вопрос. Каждый из возглавлявших бригаду офицеров пытался решать имевшиеся недостатки по-своему. Однако, помимо неопределённости в финансировании, прихотей шаха, неудовлетворительного состояния вооружённых сил Персии в целом, на пути им часто вставали преграды, о которых официальные документы того времени как правило умалчивают. Это соперничество, интриги в самой Персии между российскими военными и дипломатами, между офицерами бригады, а также внутри военных и дипломатических кругов, как в России, так и в Иране относительно будущего ПКБ, и внутренних вопросов её существования. Именно их жертвами

²⁵⁵² Ibid. P. 39; Гоков О.А. Роль офицеров Генерального штаба в осуществлении внешней политики Российской империи на мусульманском Востоке во второй половине XIX в. Дисс. ... канд. ист. наук. Харьков, 2004. С. 163–164.

стали А.И. Домонтович, Е.А. Маковкин, Н.Д. Кузьмин-Караваев, Н.Я. Шнеур, а затем – ротмистр В.К. Бельгард, а также, возможно, П.В. Чарковский. Личные обиды, зависть, амбиции часто брали верх над государственными интересами, что отнюдь не улучшало образ России в глазах персидского правительства и шаха. А ведь помимо всего прочего приходилось бороться с интригами и со стороны противников империи при шахском дворе, посланников других государств (например, Великобритании, Австро-Венгрии и др.), желавших, чтобы российских инструкторов сменили офицеры их стран. Отсутствовало должное внимание со стороны Петербурга и Тифлиса к развитию самой военной миссии. В частности, не было разработано ни детальных планов её развития, ни документов, определявших функции и взаимоподчинённость российских инструкторов²⁵⁵³, права Заведующего как в отношении своих подчинённых, так и русских инструкторов. Во внутренние дела ПКБ начинали вникать только в периоды кризисных ситуаций, а в остальное время она была предоставлена на усмотрение Заведующего. Ещё одним фактором стало невнимание к интересам персидского монарха. Классическими примерами были ситуации с А.И. Домонтовичем, которого шах дважды просил вернуть в Иран, и В.К. Бельгардом, случай с которым чуть было вообще не поставил крест на русской военной миссии.

Однако, при всех недостатках в существовании ПКБ была и положительная сторона. Во-первых офицеры, возглавлявшие её, имели значительное влияние на шаха. Здесь, конечно, многое зависело от личных качеств того или иного Заведующего. Например, А.И. Домонтович, проявивший умение и активность в процессе формирования бригады, сумел произвести на Насреддин-шаха хорошее впечатление, заслужив гео благоволение, что сказалось на развитии ПКБ, а Н.Я. Шнеур – нет. Поскольку офицеры, возглавлявшие ПКБ, неформально всё же подчинялись непосредственно шаху, то от их веса в его глазах часто зависела степень влияния на решения персидского правителя. Во-вторых, российские офицеры ПКБ занимались обширной агентурной работой, включавшей сбор сведений о том, что касалось персидской армии, составлением карт отдельных районов страны и т. п. Это позволяло российскому Военному министерству

²⁵⁵³ Контракт определял лишь в общих чертах их задачи по отношению к персидскому правительству.

постоянно находиться в курсе состояния вооружённых сил Персии. В-третьих, ПКБ являлась своего рода заслоном британскому влиянию, хотя со временем, с проникновением в Персию Австро-Венгрии и Германии, этот заслон ослаб. Наконец, в-четвёртых, ПКБ оставалась самым организованным подразделением персидской армии и являлась гарантом стабильности шахской власти, серьёзным препятствием на пути государственных переворотов. Недаром мечтавший в будущем занять персидский престол принц Наиб ос-Солтане постоянно старался обескровить или вообще ликвидировать бригаду, видя в ней опасного противника в случае борьбы за освободившийся престол. Ведь от того, на чьей стороне выступит ПКБ во многом зависел исход этой борьбы. А Россия, как уже упоминалось выше, поддержала наследственные права Мозаффарэдина.

ПКБ рассматривалась российским правительством первоначально как орудие давления на Великобританию в вопросах внешней политики. До конца 1890-х гг. оно проявляло интерес к бригаде лишь тогда, когда этого требовали внешнеполитические обстоятельства, а в остальное время мало заботилось о её положении. В России совершенно не желали видеть в Иране боеспособные воинские части, пусть даже под русским руководством. Однако и в плохом качестве ПКБ ни на Кавказе, ни в Военном министерстве заинтересованы не были, поскольку это могло привести к падению престижа русских инструкторов и замене их при удобном случае англичанами. И тут в дело вступали уже причины внутрииранского характера. Такое отношение в Петербурге к важному фактору влияния, каковым являлась бригада, объясняется тем, что до середины 1890-х гг. Персия была на обочине российской внешней политики на Востоке. Кавказское начальство действовало в отношении неё несколько обособлено от Центра, но в то же время придерживаясь общеполитической линии. Бригада продолжала существовать «на всякий случай», причём престиж её и российских офицеров к середине 1890-х гг. заметно упал. Интриги в российском дипломатическом корпусе в Персии, интриги антироссийской партии при дворе, неопределенность положения бригады (с одной стороны, в России настаивали на необходимости её сохранения, а с другой – рекомендовали возглавлявшим её офицерам не слишком усердствовать в обучении)

– все эти факторы привели к кризису в ПКБ, был даже поставлен вопрос о её ликвидации.

Россия как бы «застолбила» этот «участок», но разрабатывать его не собиралась. Тем более, что в 1880-х – первой половине 1890-х гг. приоритетными направлениями политики империи были Европа (в частности, Балканы) и разграничение в Средней Азии. Бригада, в сущности, была предоставлена сама себе и возглавлявшим её офицерам. Из архивных документов видно, что российское правительство не было заинтересовано в укреплении мощи персидской армии, но и терять контроль над частью вооружённых сил страны не хотело. Соответственно, и российские инструкторы не особенно старались укрепить военную мощь бригады. Считалось, что ПКБ представляла наиболее боеспособную часть персидской армии. Однако до революции в реальных боевых действиях бригада участия не принимала. Поэтому, о её боеспособности можно судить только гадательно. Те же, кто это утверждал, делали свои выводы на основе внешних показателей. Основное внимание возглавлявшие её офицеры уделяли внешней стороне обучения, желая хорошей выправкой и джигитовкой заслужить расположение шаха. Хорошей характеристикой для их деятельности (да и для деятельности военных инструкторов европейских держав в государствах типа Китая, Персии и т.п.) в какой-то степени могут служить слова французского офицера-инструктора в китайских войсках, сказанные в 1869 г. российскому офицеру М.И. Венюкову, путешествовавшему по стране. В ответ на замечание последнего, что француз, по-видимому, намеренно кое-чему недоучивает китайцев, тот с усмешкой ответил: «Разумеется! Какое нам дело, что китайские солдаты не уважают своих офицеров, разговаривают с ними и между собой во фронте и т.п.? Нам лишь бы они знали ружейные приёмы, маршировку и эволюции – а там, чем скорее они разбегутся от первых европейских выстрелов, тем лучше»²⁵⁵⁴. Ни одна из европейских стран не была серьезно заинтересована в учреждении современной военной системы в Иране, поскольку при оказании военной помощи они руководствовались, в первую очередь, своими стратегическими и политическими интересами²⁵⁵⁵. Мероприятия относительно

²⁵⁵⁴ Венюков М.И. Путешествия по Приамурию, Китаю и Японии. Хабаровск: Дальгиз, 1952. С. 259.

²⁵⁵⁵ Тер-Оганов Н. Военные и внешнеполитические факторы создания регулярной армии в Иране в первой половине XIX века // Canadian-American Slavic Studies. 2012. Vol. 46. P. 1–39.

ПКБ в 1894–1895 гг. хотя и имели относительную последовательность и логику, но не носили стратегического характера. Скорее, они инициировались, с одной стороны, частью военных кругов, а с другой, – самими событиями вокруг ПКБ. Тем не менее, определённая линия всё же наметилась. Сводилась она к созданию из бригады крепкой воинской части под русским контролем и для русских интересов. Смена правителя, переориентация интересов империи на Восточную Азию, нерешительность (или незначительный интерес к ПКБ) П.С. Ванновского – эти факторы вплоть до конца 1890-х тормозили выработку чёткой стратегии среди русского руководства относительно того, чем должна быть, чему служить ПКБ и как этого добиться. Благодаря инициативе В.А. Косоговского ответы на все эти вопросы были сформированы и предложены. Воплощение их в жизнь началось отчасти со смещения В.К. Бельгарда. Но точнее сказать – с 1895 г., когда очередной виток кризиса вокруг ПКБ поставил её на грань существования. Но стратегией они стали с приходом на пост военного министра А.Н. Куропаткина. Он лично поддерживал все начинания В.А. Косоговского. Фактически, эти два человека во многом определили то положение, что заняла ПКБ с самого конца XIX в., которое английский дипломат Сесил Артур Спринг-Райс²⁵⁵⁶ в частном письме от 15 сентября 1899 г. характеризовал следующим образом. «Единственная дисциплинированная сила здесь – это 1 000 казаков²⁵⁵⁷, – писал он, – вооружённых и подчиняющихся русским офицерам. Они могут взять Тебриз в один день, Мешхед – в два, Тегеран – в шесть»²⁵⁵⁸.

Таким образом, в рассматриваемый период ПКБ пережила наиболее сложный момент своего существования. До второй половины 1890-х гг. она играла вторые, а то и третьи роли в российской внешней политике. О бригаде особенно не заботились, заботились только о её сохранении, чтобы не допустить замены российских военных инструкторов инструкторами из Великобритании или Германии. Бригада продолжала существовать «на всякий случай», причём престиж

²⁵⁵⁶ Е.Ю. Сергеев именует его британским посланником в Тегеране [Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. С. 207–208]. Но в 1899 г. посланником был Мортимер Дюранд. С.А. Спринг-Райс с 1900 г. был поверенным в делах в Персии, а посланником был назначен в 1906 г. [Burton D.H. Cecil Spring Rice: A Diplomat's Life. Rutherford: Fairleigh Dickinson University Press, 1990. 232 p.].

²⁵⁵⁷ К 1899 г. численность ПКБ снова достигла 1 000, а в 1899 г. была увеличена до 1 500 человек.

²⁵⁵⁸ Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. С. 208.

её и российских офицеров к середине 1890-х гг. заметно упал. Интриги в российском дипломатическом корпусе в Персии, интриги антироссийской партии при дворе, оплачивавшейся англичанами, неопределённость положения бригады (с одной стороны, в России настаивали на необходимости её сохранения, а с другой – рекомендовали возглавлявшим её офицерам не слишком усердствовать в обучении) – все эти факторы привели к серии кризисов финансового и личностного характеров в бригаде. Было поставлено под вопрос само её существование. Только тогда в Военном министерстве спохватились и занялись делами бригады. Большую роль в её становлении как мощного фактора российского влияния сыграл В.А. Косооговский, который, в сущности, своими решительными действиями восстановил благорасположение шаха и добился сохранения бригады исключительно под российским руководством. В дальнейшем, именно ему принадлежала идея реорганизации иранской армии на основе бригады, которая была реализована в начале XX в., когда бригада была преобразована в дивизию и состояла из разных родов войск. Но это, и осознание того, что имперской России необходимо наращивать влияние в Персии, стало возможным во многом благодаря именно той череде кризисов, которые поразили важный инструмент российского влияния здесь – казачью бригаду – в 1889–1895 гг.

В завершении следует резюмировать основные положительные и отрицательные моменты в существовании ПКБ рассматриваемого периода с точки зрения российской стороны. К положительным можно отнести:

- 1) контроль над столицей и, соответственно, над процессом смены власти;
- 2) успешное противодействие британскому влиянию на армию;
- 3) организация военно-агентурной работы;
- 4) защита российских интересов и реклама русской армии и империи в целом, распространение пророссийских настроений среди иранских военных, чиновников и, знати и простого населения;
- 5) удачное внедрение новых принципов организации армии в иранские вооружённые силы;

б) опора центральной власти в пику сепаратистки настроенным феодалам;

Ещё одним результатом деятельности русских военных инструкторов, правда, не слишком позитивным с точки зрения империи Романовых, стало неосознанное способствование распространению национализма и европеизации в особенности среди иранских офицеров ПКБ.

Что до отрицательных моментов в существовании ПКБ, то их намного больше. Это:

1) отсутствие стремления в среде российского руководства к преобразованиям вооружённых сил Персии и соответственно ПКБ в реальную военную силу. Ей отводилась долгое время «декоративная» роль;

2) отсутствие единой стратегии относительно развития ПКБ у военных и дипломатов, а также собственно у военного ведомства;

3) конфликты между российскими дипломатами в Иране и Заведующими, главным образом, на основе разного представления о месте ПКБ и Заведующего во внешней политике России относительно Персии;

4) нестабильное финансирование;

5) зависимость русских инструкторов и ПКБ от прихотей военного министра и шаха Ирана;

б) сложная подчинённость Заведующего. Он одновременно подчинялся посланнику²⁵⁵⁹, штабу Кавказского военного округа, Главному штабу (был подотчётен главе Военно-учёного комитета), персидскому военному министру и шаху;

7) конфликт новых и традиционных представлений об армии и обществе, а также идей с реальной жизнью среди новоприбывавших в Иран российских инструкторов;

8) плохая обеспеченность ПКБ боезапасами и, соответственно, слабая огневая подготовка;

²⁵⁵⁹ Что до зависимости Заведующего от русского посланника, то в этом не было ничего экстраординарного. Такая практика была характерна для большинства военных миссий европейских держав на Востоке.

Во внутреннем строительстве ПКБ Заведующие на протяжении всего рассматриваемого нами отрезка времени более или менее успешно вынуждены были преодолевать три вопроса-проблемы: «офицерский», «мухаджирский» и финансовый. Причём наиболее сложным был последний, решение которого зачастую ставило Заведующих в сложные ситуации, и даже чуть не привело в ликвидации ПКБ. Без сомнения, большую роль в развитии ПКБ играли личности возглавлявших её офицеров ГШ. Так, А.И. Домонтович был хороший организатором и уважаемый подчинёнными командир, П.В. Чарковский – активный устроитель и также авторитетный начальник; Н.Д. Кузьмин-Караваев – экономный хозяйственник, но незаинтересованный в своей работе, В.К. Бельгард – старательный офицер, но без должной харизмы, В.А. Косооговский – классический харизматический лидер, стремившийся к преобразованию ПКБ как внутренне, так и внешне. Символично, что история ПКБ 1879–1895 гг. началась и закончилась двумя высокопрофессиональными и амбициозными личностями. И А.И. Домонтович, и В.А. Косооговский стремились улучшить ПКБ и сделать её действительной силой в русских руках. Оба они вступили в конфликты с дипломатами, окончившийся плачевно для первого и стоивший много нервов и здоровья второму. Однако не смотря на внешнее сходство, между их деятельностью была и существенная разница. А.И. Домонтович, требуя себе больших полномочий, хотел определиться в новой для него среде с целью качественно выполнять возложенные на него функции главы военно-инструкторской миссии и военного агента. Он не стремился проводить свою линию политического характера в пику дипломатам Российской империи. В.А. Косооговский же, напротив, с самого начала своей деятельности в проект преобразования ПКБ включил дипломатическую составляющую и пытался подменить посланника в Тегеране, внедряя в жизнь и пропагандируя собственное видение внешней политики России в Иране.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1888. Т. 11. 1020 с.
2. Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Издательство Пушкинского Фонда, 2001. 418 с.
3. Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. 239 с.
4. Англо-русское соперничество в Персии в 1890–1906 гг. // Красный архив. 1933. Т. 1 (56). С. 33–64.
5. Андреев А.П. Туркменский аламан (Эскиз) // Исторический вестник. 1902. № 7. С. 109–141.
6. Андреевский Е.К. Из записок за сорок семь лет // Исторический вестник. 1912. Т. 130. № 10. С. 37–82; № 11. С. 495–564; № 12. С. 939–978; 1913. Т. 132. № 4. С. 82–119; № 5. С. 467–510; 1915. Т. 141. № 9. С. 804–833; 1916. Т. 144. № 4. С. 77–111; № 5. С. 366–398.
7. Армянский вопрос в Турции в материалах русского Генерального штаба. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2013. **10+637 с.**
8. Артамонов. Исследование, произведенное в 1891-92 годах Генерального Штаба Капитаном Артамоновым Астрабад-Шахруд-Бастамского района и Северного Хоросана // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии (далее – СМА). 1892. Вып. 51. С. 124–138.
9. Артамонов Л.К. Персия как наш противник в Закавказьи. Тифлис: Тип. Штаба Кав ВО, 1889. 193 с.
10. Артамонов Л.К. По Афганистану. Гератская провинция (Гератский театр). Опыт военно-статистического исследования. Асхабад: Тип. штаба Закасп. обл., 1895. 287 с.
11. Артамонов Л.К. Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хоросан: Военно-статистическое исследование. Тифлис: Типография канцелярии

Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1894. Ч. 1. 56+205 с.; Ч. 2. 1897. 4+206 с.

12. Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. 456 с.
13. Артамонов Л.К. Современное положение туркмен в Астрабадской и Бужнурдской провинциях Персии // Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хоросан: Военно-статистическое исследование. Тифлис: Типография канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1894. Ч. 1–2. С. 63–135.
14. Аслан-бек. Персидская казачья бригада // Часовой. 1980. № 623 (1). С. 11–12.
15. Астрономические и геодезические работы, произведённые окружными Военно-топографическими отделами. Кавказского военного округа // Записки Военно-топографического отдела Главного штаба. 1877. Ч. 35. Отд. 1. С. 10.
16. Астрономические определения в Персии, произведённые капитаном Леммом в 1838 и 1839 годах // Записки военно-топограф депо. 1861. Ч. 22. Отд. 1. С. 24. С. 23–39.
17. Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией. 1872–1885. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1886. 381 с.
18. Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование) // СМА. 1896. Вып. 63. 367 с.
19. Белозерский Н.Н. Письма из Персии: От Баку до Испагани. 1885–86 г. СПб.: Военная типография, 1886. 2+108 с.
20. Белозерский. Н.Н. Письма из Персии от Баку до Испагани // СМА. 1887. Вып. 25. С. 1–108.
21. Бельгард. Описания и маршруты путей Тегеран-Шерестанек-Валиабад-Баудэ-Саре-Чаулус; Саре-Чаулус-Саринкала-Махмудабад-Мешедессер; Энзели-Решт-Казвин и Казвин-Тегеран ротмистра Бельгарда // СМА. 1895. Вып. 62. С. 256–305.

22. Бендерев А.Ф. Астрабад-Бастамский район Персии: Поездки по р-ну в 1902 г. Ген. штаба полк. Бендерева. Асхабад: Тип. штаба 2-го Туркест. арм. корпуса, 1904. 10+ 260+178+60 с.
23. Берлинский трактат Берлин, 1/13 июля 1878 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/FOREIGN/berlin.htm>.
24. Биографический очерк генерал-адъютанта, генерал-лейтенанта Сергея Алексеевича Шереметева // Кавказский календарь на 1891 год. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. 1 Отдел. Приложения.
25. Богданович Е.В. Наср-Эддин шах и его выезд в Россию в 1873 году. СПб.: Тип. Майкова, 1873. 28 с.
26. «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. 358 с.
27. Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. 357 с.
28. Бларамберг И.Ф. Осада города Герата, предпринятая персидскою армиею под предводительством Магомед-шаха, в 1837 и 1838 годах // СМА. 1885. Вып. 16. С. 1–40.
29. Бларамберг И.Ф. Статистическое обозрение Персии, составленное подполковником И.Ф.Бларамбергом в 1841 г. // Записки Императорского Русского Географического Общества. 1853. Кн. 7. 359 с.
30. Блюмер. Дислокация персидской армии с 1 января 1891 г. // СМА 1891. Вып. 49. С. 33–38.
31. Блюмер. Дорога от города Тавриза в город Зенджан // СМА. 1893. Вып. 54. С. 1–30.
32. Блюмер. Описание дороги из города Казвин в Решт–Фюмен–Астару–Ардебиль–Зенджан и обратно в Казвин (рекогносцировка 1890 г.) // СМА. 1891. Вып. 49. С. 59–103.
33. Блюмер. Состояние Тавризского гарнизона в мае 1891 г. // СМА 1891. Вып. 49. С. 38–42.

34. Бобровников В. Русский Кавказ и французский Алжир: случайное сходство или обмен опытом колониального строительства? // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700-1917): Сб.ст.* М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 182–209.
35. «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. 358 с.
36. Булацель С. Воспоминания о службе в персидской казачьей Его Величества Шаха дивизии // // *Русская армия в изгнании.* М.: Центрполиграф, 2003. С. 369–374.
37. Бутурлин С.П. О военном значении железных дорог и особенной их важности для России: с проектом сети сих путей и картою, составленными в видах обороны Империи. М.: Унив. тип. (Катков и К^о), 1865. 96 с.
38. Вендрих А.А., фон. Военно-техническая рекогносцировка железных дорог, инженер-полковник А. фон-Вендрих. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1889. 38 с.
39. Венюков М.И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск: Дальгиз, 1952. 304 с.
40. Венюков М.И. Россия и Англия в Персии // *Русский вестник.* 1877. Т. 131. № 10. С. 447–471.
41. Витте С.Ю. Воспоминания. Детство. Царствование Александра II и Александра III (1849–1894). Т. 1. Л.: Изд-во Слово, 1923. 441 с.
42. Витте С.Ю. Воспоминания. Детство. Царствование Александра II и Александра III (1849–1894). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/w/witte_s_j/text_0010.shtml.
43. Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II Л.: Государственное издательство, 1924. Т. 1. 471 с.
44. Власов П.М. Извлечение из отчета П.М. Власова о поездке в 1892 г. по северным округам Хорасана: Серахскому, Келатскому, Дерегезскому, Кучанскому и Буджнурдскому // *СМА.* 1893. Вып. 52. С. 1–46.
45. Власов. Краткий очерк Хорасана: 1894 г. // *СМА.* 1894. Вып. 56. С. 176–190.
46. Власов П.М. Приложение к извлечению из отчета П.М. Власова о поездке 1892 г. по сев. округам Хорасана // *СМА.* 1893. Вып. 52. С. 229–250.

47. Власов. Статистические сведения о Дерезгезском, Кучанском, Буджнурском и Келатском округах Хорасана, 1894 г. // СМА. 1894. Вып. 56. С. 126–175.
48. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Центрполиграф, 2003. 414 с.
49. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в 3-х томах. М.: Изво АН СССР, 1953. Т. 3. Завершение борьбы украинского народа за воссоединение с Россией. Переяславская рада. (1651–1654 годы.). 646 с.
50. [Вревский А.Б.] Персия // Военно-статистический сборник. СПб.: Военная типография, 1868. Вып. 3. С. 1–32.
51. Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. 65 с.
52. Высоцкий. Персидская казачья бригада // Военная быль. Париж. 1968. № 89. С. 11–17.
53. Высочайший указ об образовании Кавказского, Оренбургского и Сибирского военных округов // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб.: Типография II Отделения собственно Е.И.В. канцелярии, 1867. Т. 40. 1865. Отд. 1. № 42368.
54. Гамазов М.А. Плавание по Тигру и Шатт-эль-Арабу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/persien.html>.
55. Глиноецкий Н. Заметки о полевых поездках офицеров Генерального штаба // Военный сборник. 1872. Т. 87. С. 249–268.
56. Даль В.И. Рассказ вышедших из Хивы русских пленников об осаде, в 1837 и 1838 годах, персиянами крепости Герата // Полное собрание сочинений Владимира Даля (Казака Луганского). СПб., М., 1898. Т. 7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus-turk.livejournal.com/199570.html>.
57. Джалил Дж. Восстание курдов 1880 года. М.: Наука, 1966. 131 с.
58. Диксон. Донесение консула Диксона о дорогах в Персии 30 августа 1882 г. Commercial Trade Reports // СМА. 1884. Вып. 11. С. 47–49.
59. Диксон. Донесение консула Диксона о дорогах в Персии от 17 сентября 1883 г. // СМА. 1884. Вып. 11. С. 50–52.
60. Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1922. Т. 2. С. 5–47.

61. Дневник Д.А. Милютина. 1873–1875. М.: Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В.И. Ленина, 1947. Т. 1. 255 с.
62. Дневник Д.А. Милютина. 1873–1875. М.: Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В.И. Ленина, 1949. Т. 2. 291 с.
63. Дневник Д.А. Милютина. 1878–1880. М.: Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В.И. Ленина, 1950. Т. 3. 324 с.
64. Дневник Д.А. Милютина. 1881–1882. М.: Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В.И. Ленина, 1950. Т. 4. 204 с.
65. Дневники императора Николая II. М.: ОРБИТА, 1991. 736 с.
66. Докладная записка о состоянии дел в казачьей бригаде 24 октября 1879 года // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 129–131.
67. Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова императору Николаю I. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krotov.info/acts/19/1830/1833119.html>
68. Документы по заключению франко-русского союза (1891–1893 гг.) // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Гос.изд-во полит.литературы, 1952 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/FOREIGN/francrus.htm>
69. Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 2. С. 331–340; Вып. 3. С. 575–583; Т. 134. Вып. 4. С. 211–216.
70. [Домонтович на аудиенции у шаха, где тот говорит о недостатках в армии и изъявляет желание реорганизовать её, 1 октября 1879 г.] // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 126–128.
71. Донесения Домонтовича // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 123–125.
72. Ермолов. Заметка о северозападной, так называемой «научной» границе Индии // СМА. 1891. Вып. 46. С. 267–282.

- 73.Ермолов. Очерк высшего гражданского и военного управления в Индии // СМА. 1891. Вып. 49. С. 145–168.
- 74.Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб.–М.: Издание т-ва М.О. Вольф, 1885. Т. 10. Русская Средняя Азия. 448+5 с.
- 75.Журнал мануфактур и торговли. 1843. № 8.
- 76.Записка о состоянии вооружённых сил Персии, 16 декабря 1863 – 30 января 1864 года // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 116–120.
- 77.Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. 1885. Т. 10. С. 745–752.
- 78.Зиновьев И.А. Россия и Англия в Персии. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1912. 176 с.
- 79.Золотарёв А.М. Военно-статистический очерк Персии. СПб.: Типолитография А.Е. Ландау, 1888. 205 с.
- 80.Из тегеранского дневника полковника В.А. Косоговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. 179 с.
- 81.Извлечение из отчёта генерал-майора Гордона о путешествии его из Тегерана на р. Карун и в г. Мохаммера через Кум, Султанабад, Буруджир, Хурешабад, Дизфуль и Ахвец // СМА. 1891. Вып. 49. С. 127–145.
- 82.Именной указ об образовании Кавказского, Оренбургского и Сибирских военных округов от 6 августа 1865 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 40. Отд-е 1-е. Кн. 2-я. СПб.: Типография II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1867. С. 851–874.
- 83.Император Александр III. Сборник материалов. СПб.: Тип. князя В.П. Мещерского, 1894 [1895]. 634 с.
- 84.Императорская Россия и мусульманский мир. Сборник статей. М., Наталис, 2006. 480 с.
- 85.Исторический вестник. 1893. Т. 50. № 10. С. 279–280.

86. К истории англо-русского соглашения 1907 г. // Красный архив. 1935. Т. 2/3 (69/70). С. 3–39.
87. К характеристике общественно-экономических отношений в Иране в конце 90-х гг. XIX века // Исторический журнал. 1941. № 12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/1880-1900/Kosogovskij_V_A/text1.phtml?id=7772.
88. Кавказский календарь на 1858 год. Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1857. 538 с.
89. Кавказский календарь на 1878 год. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского, 1877. 332+216+4 с.
90. Кавказский календарь на 1879 год. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского, 1878. 700 с.
91. Кавказский календарь на 1880 год. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского, 1879. 226+106+212+8 с.
92. Кавказский календарь на 1883 год. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского, 1882. [5]+253+204 с.
93. Кавказский календарь на 1889 год. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1888. 166+81+32+343 с.
94. Кавказский календарь на 1890 год. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1889. (143+48+76+21+360 с.).
95. Кавказский календарь на 1891 год. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. (261+35+82+14+416 с.)
96. Кавказский календарь на 1893 год. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, Грузинского издательского товарищества Либермана и Козловского, 1892. 692 с.
97. Кавказский календарь на 1895 год. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1894. 662 с.
98. Камсаракан К.П. Вторжение Шейха Обеид-Уллы в Персию в 1880 году // СМА. 1884. Вып. 11. С. 34–46.

99. Кёрзон Д.Н. Река Карун и коммерческая география юго-западной Персии / сообщено на вечернем заседании Кор. Геогр. Общ. 12 мая 1890 г. г. Кэрзон ; Перевел с английского л.-гв. Егерского полка подпоручик Грендаль // СМА. 1892. Вып. 50. С. 47–67.
100. Кияшко И.И. Военный обзор Закаспийской области. Асхабад: Тип. Штаба Закаспийской области, 1896. 12+600+221 с.
101. Коллюбакин. Введение к очерку вооруженных сил Персии в 1883 г. и населения, как источника комплектования Персидской армии // СМА. 1883. Вып. 4. С. 35–49.
102. Коллюбакин. Очерк вооруженных сил Персии в 1883 г. и населения как источник комплектования Персидской армий // СМА. 1884. Вып. 11. С. 1–33.
103. Коллюбакин. Очерк вооруженных сил Персии в 1883 г. и населения как источник комплектования Персидской армий. Состав населения Персии по племенам и провинциям // СМА. 1883. Вып. 4. С. 50–110.
104. Конвенция между Россией и Англией по делам Персии, Афганистана и Тибета С.-Петербург, 18/31 августа 1907 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Государственное изд-во политической лит-ры, 1951. С. 386–393.
105. Консульский устав // Свод законов Российской империи. Все 16 томов со всеми относящимися к ним продолжениями в одной книге / Под ред. Ф. Волкова и Ю.Д. Филипова. Изд 3-е. СПб.: Издание товарищества Общественная польза, 1900. Т. 11. Ч. 2. С. 725–748.
106. Корнилов Л.Г. Историческая справка по вопросу о границах Хорасана с владениями России и Афганистана // СМА. 1905. Вып. 78. С. 1–24.
107. Косооговский В.А. К характеристике общественно-экономических отношений в Иране в конце 90-х годов XIX века // Исторический журнал. 1941. № 12. С. 82–91.
108. Косооговский. Прибрежное пространство между таможеню Астара, городом Энзели и горами (персидская провинция Гилян) // СМА. 1891. Вып. 49. С. 42–59.
109. Косырев Е.М. Поход в Хиву в 1839 г. (Из записок участника) // Исторический вестник. 1898. № 8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1820-1840/Kosyrev/text.htm>.

110. Красноводский отряд в 1869–1870 годах // Военный сборник. 1872. № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://drevlit.ru/docs/central_asia/XIX/1860-1880/Krasnovod_otrjad/text1.php.
111. Кримський А.Ю. Перський театр. Звідки він узявся і як розвивавсь // Твори в п'яти томах. К.: Наукова думка, 1974. С. 229–334.
112. Кублицкий. Современная Персидская артиллерия (1883 г.) // СМА. 1884. Вып. 11. С. 53–81.
113. Кузьмин-Караваев. Российско-персидская граница между Закаспийскою областью и Хорасаном // СМА. 1889. Вып. 40. С. 1–134.
114. Кузьмин-Караваев. Записка генерального штаба полковника Кузьмина-Караваева о введении русского управления в Атеке // СМА. 1886. Вып. 21. С. 110–157.
115. Куропаткин А.Н. Задачи Русской армии. СПб.: Склад В.А. Березовского, 1910. Т. 1. III+565 с.; Т. 2. 526 с.; Т. 3. 435 с.
116. Куропаткин А.Н. Записки генерала Куропаткина о русско-японской войне. Итоги войны. Berlin: J. Ladyschnikow Verlag G. m. b. H., 1911. 557 с.
117. Кюрзон Г. Персия и персидский вопрос // СМА. 1893. Вып. 52. С. 47–228.
118. Ламсдорф В.Н. Дневник В. Н. Ламсдорфа (1886—1890). М.–Л.: Государственное издательство, 1926. XI, 396 с.
119. Ламсдорф В.Н. Дневник. 1891–1892. М.–Л.: Academia, 1934. XVI, 409, [2] с.
120. Ламсдорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М.: Международные отношения, 1991. 453 с.
121. Лессар П.М. Юго-Западная Туркмения (Земли сарыков и салоров) / Инженера П. М. Лессара (1884 г.) // СМА. 1884. Вып. 13. С. 1–138.
122. Лисицына Н.Н. Пендинское сражение 1885 года. Новые документы // Восточный архив. 2004. № 11/12. С. 66–73.
123. Ломницкий С. Персия и персы. Эскизы и очерки С. Ломницкого (Рэджэп). 1898-1899-1900 гг. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1902. 407 с.
124. МакГрегор Ч.М. Оборона Индии // СМА. 1891. Вып. 43. 264 с.; Вып. 44. 212 с.
125. Макгрегор Ч.М. Оборона Индии. М.: Изд-во В. Секачев, 2012. 496 с.

126. Мак-Грегор Ч.М. Хороссан: Путешествие по северо-восточным провинциям Персии. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1882. Ч. 1. 219 с.; 1886 Ч. 2. 164 с.
127. Максимович-Васильковский П. Отчёт о поездке по губернаторствам Западной Персии (Азербайджана и Персидского Курдистана) с приложением описания пройденных путей в зимний период 1900–1901 г.: В 2 ч. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1903. Ч. 1. 151 с.
128. Мамонтов Н.П. Очерки современной Персии. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1909. 205 с.
129. Маркозов В. Красноводский отряд. Его жизнь и служба со дня высадки на восточный берег Каспийского моря по 1873 г. включительно. СПб.: В.А. Березовский; типография Э. Арнгольда, 1898. 309 с.
130. Масальский Н.Ф. Письма русского из Персии. Ч.1–2. СПб.: Тип. штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1844. Ч. 1. [4]+4+317 с.; Ч. 2. [2]+5+335 с.
131. Материалы для описания Персии, Азиатской Турции и Закаспийского края. Тифлис: тип. Канцелярии главноначальствующего гражд. частью на Кавказе, 1887 (обл. 1888). [3]+147+64 с.
132. Материалы полевой поездки офицеров Генерального штаба Кавказского военного округа в 1890 году. Тифлис : Тип. штаба Кавк. воен. окр., 1891. 326 с.
133. Мельницкий Ю.Д. Маршрутные описания путей между Ашхабадом и Мешхедом, ГШ полковника Мельницкого // СМА 1886. Вып. 23. С. 152–170.
134. Милорадович Г.А. Список лиц Свиты Их Величеств с царствования императора Петра I по 1886 г. Киев: тип. С. П. Кульженко, 1886. 208 с.
135. Минорский В.Ф. Турецко-персидское разграничение // Известия Императорского русского географического общества. 1916. Т. 52. С. 351–392.
136. Минорский В.Ф. Турецко-персидское разграничение. Петроград: Тип. М.М. Стасюлевича, 1916. 42 с.
137. Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. 180 с.

138. Мухаммед Али-ал-Хусейни. Мервская битва // «Дженг-е-Мерв» как персидский источник по изучению истории Южного Туркменистана середины XIX в. Ашхабад: Ылым, 1990. С. 34–54 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/m.asien.htm>.
139. Наср-Эддин. Пребывание шаха Наср-Эддина в России во время первого путешествия его величества по Европе в 1873 году: (Извлеч. из собств. е. вел. дневника). СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1889. 53 с.
140. Наср-Эддин, шах персидский // Нива. 1873. № 19. С. 293–295.
141. Наср-эддин, шах персидский // Нива. 1896. № 19. С. 452, 454.
142. Немирович-Данченко В.И. Скобелев. М.: Воениздат, 1993. 287 с.
143. Недзвецкий В. Военные реформы в Китае // Военный сборник. 1886. № 12. С. 191–208.
144. Нива: Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни: Т. 1–49. в 100 т. Репринтное издание 1870–1918 гг. СПб.: Альфарет, 2012–2013. Т. 17: 1878. № 1–26. 484 с.
145. Никольский А.М. Поездка в северо-восточную Персию и Закаспийскую область // Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. 1886. Т. 15. № 7. С. 3–57.
146. Новая история Ирана. Хрестоматия. М.: Наука, 1988. 327 с.
147. Обзор Кавказско-персидского театра военных действий. Составлен при штабе Кавказского военного округа. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1899. 103 с.
148. Огородников П. На пути в Персию и Прикаспийские провинции её. СПб.: Тип. М.И. Попова, 1878. 4+331 с.
149. Огородников П.И. Очерки Персии. СПб.: Ред. журн. Всемирный путешественник, 1878. 4+2+396 с.
150. Огородников П.И. Страна солнца. Персия: Путевые очерки. СПб.: Тип. В. Демакова, 1881. 4+6+2+355 с.
151. Огранович, И. Поездка в Персию в 1863 году. СПб.: б. и., 1866. Оттиск из Военного сборника. 1866. Т. 52. Отд. 2. С. 149–184; 353–385.

152. Огранович И.А. Провинции Ардабильская и Серабская. Материалы для географии Персии. Тифлис: Тип. И. Чанцева и Ко. 1876г. 2+95 с.
153. Огранович Н.А. Провинции Персии Ардабильская и Серабская // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. 1876. Кн. 10. Вып. 1. С. 141–235.
154. Огранович И.А. Сведения о шахсевенах // Кавказский календарь на 1871. Тифлис: Типография главного управления наместника кавказского, 1870. Отд. 3. С. 68–84.
155. Озаровский И. Опыт военного обозрения Закавказья. СПб.: Изд. при содействии Воен.-учен. ком. гл. штаба, 1883. 2+4+189 с.
156. Орановский. Военно-статистическое описание северо-восточной части Хоросана 1894 г. // СМА. 1896. Вып. 68. 211 с.
157. Отчёт и материалы полевой поездки офицеров Генерального штаба Кавказского военного округа в 1889 году. Тифлис: Штаб Кавказского воен. окр., 1890. 101 с.
158. Отчёт и материалы полевой поездки офицеров Генерального штаба Кавказского военного округа в 1889 году. Тифлис : Тип. канц. главнонач. гр. ч. на Кавказе, 1890. 236 с.
159. Отчёт и материалы полевой поездки офицеров Генерального штаба Кавказского военного округа в 1892 году. Тифлис : Тип. канц. главнонач. гр. ч. на Кавказе, 1894. 1+2+96 с.
160. Отчёт и материалы полевой поездки офицеров Генерального штаба Кавказского военного округа в 1896 году: (Исследование Эриванского театра военных действий). Тифлис : Тип. канц. главнонач. гр. ч. на Кавказе, 1897. 5+42 с.
161. Отчёт и материалы полевой поездки офицеров Генерального штаба Кавказского военного округа в 1900 году 1901. 933 с.
162. Отчёт о состоянии войск Закаспийской области со времени окончания Ахал-Текинской экспедиции по 1895 год включительно. Ашхабад: Тип. Штаба Закаспийской области, 1897. 505 с.

163. Панафидин. Положение Англичан в Буширском консульстве г. Панафидина – 1891 г. // СМА. 1892. Вып. 51. С. 116–118.
164. Пашино П. И. Из воспоминаний драгомана // Колосья. 1884. № 7/8. С. 125–145.
165. Пашино П.И. Из воспоминаний секретаря посольства. (О тегеранской жизни) // Колосья. 1887. № 7/8. С. 94–114.
166. Персидская армия (Из Times 11 февраля 1890 г.) // СМА. 1890. Вып. 42. С. 81–94.
167. Персидская армия со слов компетентного русского офицера, 1891 г. // СМА. 1891. Вып. 49. С. 181–183.
168. Персия в конце XIX века. (Дневник ген. Косооговского) // Новый Восток. 1923. Кн. 3. С. 446–469.
169. Письма Н.П. Ломакина консулу Ф.А. Бакулину (о среднеазиатских делах). 1874–1878. С примечаниями В. А. Алексеева. СПб.: Тип. П. Усова, 1914. 26 с.
170. К.П. Победоносцев: pro et contra. Личность, общественно-политическая деятельность и мировоззрение Константина Победоносцева в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб.: Изд-во РХГИ, 1996. 576 с.
171. Поездка Сипехсаяри-Азама в Келат, 1881 г. // СМА. 1884. Вып. 13. С. 171–196.
172. Полевая поездка офицеров Генерального штаба Кавказского военного округа в 1890 году. Тифлис: Типография штаба Кавказского военного округа, 1891. 254 с.
173. Полевые поездки офицеров Генерального штаба в 1873 году // Военный сборник. 1874. Т. 95. № 5. С. 38–48.
174. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб.: Типография II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. Т. 15: С 1758 по 28 июня 1762. 1051 с.
175. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб.: Тип. II отделения собственно его императорского величества канцелярии, 1830. Т. 35. 674 с.
176. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. СПб.: Государственная типография, 1886. Т. 3. 1883 г. 998 с.

177. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. СПб.: Гос. Типография, 1895. Т. 10. Отд. 1, 1890. 1017 с.
178. Положение о Военном министерстве // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб.: Типография II Отделения собственно Е.И.В. канцелярии, 1873. Т. 44. Отд. 1. № 46611.
179. Положение о воинской повинности о содержании строевых частей Кубанского и Терского казачьих войск от 1 августа 1870 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб.: Типография II Отделения собственно Е.И.В. канцелярии, 1874. Т. 45. 1870. № 48607.
180. Положение относительно дипломатических агентов 7 (19) марта 1815 г. // Эйхельман О. Хрестоматия русского международного права: В 2 ч. Киев: Тип. В.И. Завадзского, 1889. Ч. 2. С. 91.
181. Портрет и биография генерал-адъютанта князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова // Кавказский календарь на 1883 год. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского, 1882. Отделение 2. Приложение. С. 1–38.
182. Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. Третье путешествие в Центральной Азии 1879–1880. М.: Географгиз, 1948. 408 с.
183. Присоединение Туркмении к России: Сборник архивных документов. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960. 823 с.
184. Протокол о месте министров-резидентов и о салютовании кораблей // Эйхельман О. Хрестоматия русского международного права: В 2 ч. Киев: Тип. В.И. Завадзского, 1889. Ч. 2. С. 104–105.
185. Путешествие поручика Вогана по Восточной Персии // СМА. 1891. Вып. 49. С. 103–127.
186. Решение Земского собора о воссоединении Украины с Россией // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. М.: Юридическая литература, 1985. Т. 3. Акты Земских соборов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Библиотека электронных ресурсов Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/1653.htm>.

187. Ржевуская Е.А. (Радзивилл Кольб-Данвин). Избранные документы из российских и американских архивов // Независимое литературное обозрение. 2009. № 96 // <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/96/r5.html>.
188. Риттих П.А. Отчёт о поездке в Персию и персидский Белуджистан в 1900 году. СПб.: Издание Военно-учёного комитета Главного штаба, 1901. Ч. 1. 6+6+1+321 с.; Ч. 2. 4+4+215 с.
189. Риттих П.А. Последние события в Персии // Русский вестник. 1896. Т. 244. № 5. С. 327–329.
190. Родзевич А.И. Очерк постройки Закаспийской военной железной дороги и её значение для русско-среднеазиатской промышленности и торговли. СПб.: Тип. Муллер и Богельман, 1891. 77с.
191. Российско-Императорскому Чрезвычайному посланнику и полномочному министру при дворе персидском [И.А. Зиновьеву от А.И. Домонтовича] // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 132–134.
192. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 76. Косаговский В.А. Д. 217. Дневник ген. В.А. Косоговского. 1899–1909 гг. 315 л.
193. РГВИА. Ф. 76. Косаговский В.А. Д. 315. Докладная записка В.А. Косоговского генералу Гриппенбергу о своей служебной деятельности. 1906 г. 30 л.
194. РГВИА. Ф. 76. Косаговский В.А. Д. 371. Статьи о Персии. 130 л.
195. РГВИА. Ф. 76. Косаговский В.А. Д. 378. Вооружённые силы Персии. 503 л.
196. РГВИА. Ф. 76. Косаговский В.А. Д. 591. Воспоминания. 128 л.
197. РГВИА. Ф. 400. Главный штаб. Азиатская часть. Оп. 1. Д. 831. Дело из Азиатской части Главного штаба об отпуске персидскому правительству безвозмездно 4 орудий конной артиллерии с принадлежностями. 31 декабря 1882 – 13 июня 1884 г. 40 л.
198. РГВИА. Ф. 400. Главный штаб. Азиатская часть. Оп. 9. Д. 18308.
199. РГВИА. Ф. 400. Главный штаб. Азиатская часть. Оп. 12. Т. 17. Д. 11237.
200. РГВИА. Ф. 400. Главный штаб. Азиатская часть. Оп. 12. Д. 19573.

201. РГВИА. Ф. 401. Военно-учёный комитет. Оп. 2. 1872. Св. 662. Д. 52. По рескрипту его высочества наместника кавказского о командировании чинов военного ведомства к консульствам нашим в Малой Азии для изучения края. 95 л.
202. РГВИА. Ф. 401. Военно-учёный комитет. Оп. 3. 1878 г. Св. 484. Д. 55. О командировании лиц в комиссии для проведения границы Европейской и Азиатской Турции. 503 л.
203. РГВИА. Ф. 401. Военно-учёный комитет. Оп. 4. 1885. Св. 1100. Д. 57. О назначении полковника ГШ Кузьмина-Караваева Заведующим обучением персидской кавалерии. 9 июля 1885 – 18 января 1887 г. 44 л.
204. РГВИА. Ф. 401. Военно-учёный комитет. Оп. 4. 1885. Св. 1099. Д. «О военных агентах и лицах, занимающих их должности». 211 л.
205. РГВИА. Ф. 401. Военно-учёный комитет. Оп. 4/928. 1885. Д. 12.
206. РГВИА. Ф. 401. Военно-учёный комитет. Оп. 5. 1893. Св. 1335. Д. 43. Канцелярия Военно-учёного комитета. О командировании ротмистра Бельгарда в Кавказский военный округ для назначения инструктором персидской кавалерии. 1893. 20 л.
207. РГВИА. Ф. 401. Военно-учёный комитет. Оп. 5. 1899. Д. 61/№173-259. О заключении Персией внешнего займа и о снабжении ПКБ оружием и огнестрельными припасами. 15 апреля 1899 – 19 марта 1900 г. 79 с.
208. РГВИА. Ф. 401. Военно-учёный комитет. Оп. 5. 1901. Д. 481. Донесения заведующего обучением персидской кавалерии ротмистра Бельгарда о состоянии персидской армии и военно-географические описания дорог в Персии. 28 декабря 1893 – 14 августа 1895 г. 144 л.
209. РГВИА. Ф. 401. Военно-учёный комитет. Оп. 5. 1901. Д. 482. О командировании офицеров в Персию для составления военно-географических и других описаний. 23 декабря 1893 – 26 мая 1895. 97 л.
210. РГВИА. Ф. 401. Военно-учёный комитет. Оп. 5. 1901. Д. 515. Донесения о ПКБ и персидской армии вообще. 1898–1901 г. 346 л.

211. РГВИА. Ф. 401. Военно-учёный комитет. Оп. 5. 1901. Д. 530. О командировании в Маньчжурию негласного военного агента ГШ полковника Скерского. 29 февраля 1899 г. – 5 октября 1902 г. 95 л.
212. РГВИА. Ф. 409. Послужные списки офицеров. Оп. 2. Д. 38611. Послужной список командира Первого армейского корпуса ГШ генерал-лейтенанта Артамонова. 28 марта 1911 г. 21 л.
213. РГВИА. Ф. 409. Послужные списки офицеров. Оп. 17. Д. 5670. О производстве, с увольнением от службы полковника Кузьмина-Короваева. 31 мая 1891 – 21 марта 1892 г. 54 л.
214. РГВИА. Ф. 446. Персия. Д. 35. Письмо русского посланника в Тегеране Лаговского директору Азиатского департамента Ковалевскому Е.П. о присылке в Персию русских военных агентов и об организации научной экспедиции в г. Герат, г. Кандагар и г. Кабул. 1 ноября 1857 г. 5 л.
215. РГВИА. Ф. 446. Персия. Д. 36. Донесение русского посланника в Тегеране Лаговского министру иностранных дел Горчакову А.М. о пребывании в Персии английских офицеров. 1857 г. 4 л.
216. РГВИА. Ф. 446. Персия. Д. 39. Записка о состоянии вооруженных сил Персии. 16 декабря 1863 г. – 30 января 1864 г. 14 л.
217. РГВИА. Ф. 446. Персия. Д. 40. Донесение генерала Бартоломея вице-канцлеру Горчакову о реорганизации персидской армии. 1863 г. 1 л.
218. РГВИА. Ф. 446. Персия. Д. 41. Проект инструкции Военно-ученого комитета военному агенту в Тегеране Франкини о доставлении им сведений о персидской армии; докладная записка Франкини о состоянии вооружённых сил Персии_ 31 марта - 8 октября 1877 г. 85 л.
219. РГВИА. Ф. 446. Персия. Д. 42. Записка генерал-лейтенанта Франкини шаху Назр Эдину о состоянии вооруженных сил Персии и о необходимости реорганизации персидской армии. 1877. 14 л.
220. РГВИА. Ф. 446. Персия. Д. 43. Донесения полковника Домантовича, находившегося в Персии в качестве инструктора персидской кавалерии, в Военное министерство о реорганизации персидской армии; донесения русского

посланника в Тегеране Зиновьева о службе Домантовича в персидской армии и о турецко-персидских отношениях. 17 января 1879 г. - 10 января 1880 г. 162 л.

221. РГВИА. Ф. 446. Персия. Д. 44. Переписка Военно-ученого комитета с Министерством иностранных дел о продлении срока пребывания в Персии в качестве инструктора персидской кавалерии полковника Домантовича 12 февраля - 11 декабря 1882 г. 60 л.

222. РГВИА. Ф. 446. Персия. Д. 45. Предписания военного министра командующему войсками Кавказского военного округа о назначении на основании русско-персидской конвенции 1881 г. специальных русских агентов в Персии и об их обязанностях. 1883 г. 6 л.

223. РГВИА. Ф. 446. Персия. Д. 46. Переписка Военного министерства с командующим войсками Кавказского военного округа об отозвании из Тегерана инструктора персидской кавалерии полковника Генштаба Кузьмина-Караваева и о назначении на его место полковника Генштаба Шнеура. 16 ноября 1889 г. - 28 июля 1893 г. 115 л.

224. РГВИА. Ф. 446. Персия. Д. 47. Переписка Главного штаба со штабом Кавказского военного округа о назначении полковника Генштаба Косаговского заведующим обучением персидской кавалерии и об отозвании с этой должности ротмистра Бельгарда. Послужные списки на поручика Дроновского. 17 января 1894 г. - 16 мая 1898 г. 189 л.

225. РГВИА. Ф. 446. Персия. Д. 48. Сведения, доставленные в Военное министерство заведующим обучением персидской кавалерии Косаговским о политическом, экономическом и военном положении Персии; донесения Косаговского о столкновениях между армянским населением и персидскими войсками в связи с насильственным переселением армян из Турции в Персию. 3 сентября 1897 г. - 18 июля 1898 г. 151 л.

226. РГВИА. Ф. 446. Персия. Д. 49. Донесения заведующего обучением персидской кавалерии полковника Косаговского военному министру Куропаткину А.Н. о намерении шаха Музафар эд Дина совершить путешествие по Европе и переписка Военного министерства с командующим войсками Кавказского военного округа о назначении почетного караула для сопровождения шаха;

маршрут путешествия шаха по России и по Европе; сведения о дислокации персидской армии. 30 декабря 1899 г. - 21 сентября 1900 г. 130 л.

227. РГВИА. Ф. 446. Персия. Д. 92. Описание турецко-персидской границы. 1857 г. 68 л.
228. РГВИА. Ф. 446. Персия. Д. 91. Карта юго-восточного побережья Каспийского моря (Персия). Сост. топографы Шинкевич и Емчинов. 1857. 1 л.
229. РГВИА. Ф. 446. Персия. Д. 124. План г. Астрабада. Съёмка топографов Жаринова и Петрова. 1858 г. 1 л.
230. РГВИА. Ф. 446. Персия. Д. 125. Карта окрестностей Астрабада. Середина XIX в. 1 л.
231. РГВИА. Ф. 446. Персия. Д. 135. План г. Иезда. Черт. топографы Жаринов и Петров. 1859 г. 1 л.
232. РГВИА. Ф. 446. Персия. Д. 138. План г. Кирмана. Черт. Жаринов. 1859 г. 1 л.
233. РГВИА. Ф. 446. Персия. Д. 142. План г. Мешхеда. Черт. топограф Жаринов. 1858 г. 1 л.
234. РГВИА. Ф. 446. Персия. Д. 363. Донесение (копия) вр. управляющего Тавризским генеральным консульством в Азиатский департамент о боевом состоянии войск в провинциях Азербайджана Персидского. 8 сентября 1854 г. 6 л.
235. РГВИА. Ф. 846. Военно-учёный архив. Оп. 4. Д. 10.
236. РГВИА. Ф. 2000. Главное управление Генерального штаба. Оп. 1. Д. 6949. .
237. Россия и Туркмения в XIX веке: К вхождению Туркмении в состав России: Сборник документов. Ашхабад: Туркменгосиздат, 1946, переплёт 1947. 328 с.
238. Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий: В 2 т. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1886. Т. 1. 608+11 с.; 1887. Т. 2. 918+44 с.
239. Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов и материалов. М.: Восточная литература, 1997. 374 с.
240. Рябиков П.Ф. Разведывательная служба в мирное и военное время // Антология истории спецслужб. Россия. 1905–1924. М.: Кучково поле, 2007. С. 111–290.

241. Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор. Сан-Стефано, 19 февраля/3 марта 1878 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/FOREIGN/stefano.htm>.
242. Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1884. 16+551 с.
243. Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1885. 4+12+584 с.
244. Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1887. 4+12+574 с.
245. Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1888. 4+12+570+60 с.
246. Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1890. 4+12+689 с.
247. Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1894. 4+12+821 с.
248. Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1895. 12+776 с.
249. Сборник статистических сведений о Кавказе. Т. 1. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского и Меликова и К, 1869. 93+32+123+99+97+173+19 с.
250. Сведения, составленные на основании рапортов и писем полковника Ляхова, 1907 // Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 150–156.
251. Семёнов А.А. Как живут персы // История Ирана: Сборник. К.–М.: Альтернатива–Евролинц, 2003. С. 254–283.
252. Симонич И.О. Воспоминания полномочного министра: 1832–1838 гг. М. Наука. 1967. 174 с.
253. Смирнов К.Н. Записки воспитателя персидского шаха. 1907–1914 гг. (с приложением). Тель-Авив: Иврус 2002. 335 с.
254. Смирнов К.Н. «Интеллидженс» Кавказского фронта в период 1878–1918 годов // Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–

- 1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 162–262.
255. Снесарев А.Е. Англо-русское соглашение 1907 года. Сообщение начальника среднеазиатского отдела Общества востоковедения Генерального штаба подполковника А.Е. Снесарева, читанное на общем собрании членов Общества ревнителей военных знаний 24 января 1908 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.a-e-snesarev.ru/anglo-rus_soglashenie.pdf.
256. Соловьёв Ю.Я. Воспоминания дипломата 1893–1922 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/solovyev_diplomat/solovyev_vosp_diplomata.html#madmos.
257. Список генералам по старшинству. Исправлен по 1-е июля 1878 г. СПб.: Военная типография, 1878. 996 с.
258. Список генералам по старшинству. Исправлен по 1-е сентября 1880 г. СПб.: Военная типография, 1880. 1151 с.
259. Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е января 1891 года. СПб.: Военная типография, 1891. 913 с.
260. Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1893 года. СПб.: Военная типография, 1893. 904 с.
261. Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1896 года. СПб.: Военная типография, 1896. 1011 с.
262. Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е мая 1899 года. СПб.: Военная типография, 1899. 1010 с.
263. Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1899 года. СПб.: Военная типография, 1899. 1000 с.
264. **Список генералам по старшинству.** Составлен по 1-е сентября 1900 г. СПб.: Военная типография, 1900. 26+1045 с.
265. Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1902 г. СПб.: Военная типография, 1902. 28+1248 с.

266. Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е января 1904 г. СПб.: Военная типография, 1904. 1352 с.
267. Список генералам по старшинству. Составлен по 1 мая 1904 г. СПб.: Военная типография, 1904. 1187 с.
268. Список генералам по старшинству. Составлен по 6 января 1906 года. СПб.: Военная типография, 1907. 1039 с.
269. Список генералам по старшинству. Составлен по 1 июля 1908 года. СПб.: Военная типография, 1908. 631 с.
270. Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е июля 1909 года. СПб.: Военная типография, 1909. 1085 с.
271. Список генералам по старшинству. Составлен по 1 января 1910 года. СПб.: Военная типография, 1910. Ч. 1. 1069 с.
272. Список генералам по старшинству. Составлен по 15-е апреля 1914 года. Петроград: Военная типография, 1914. 22+980 с.
273. Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е мая 1889 г. СПб.: Военная типография, 1889. 767 с.
274. Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1893 года. СПб.: Военная типография, 1893. 818 с.
275. Список полковникам по старшинству. Составлен по 1 ноября 1906. СПб.: Военная типография, 1906. 1344 с.
276. Список лиц Свиты Их Величеств с царствования императора Петра I по 1886 г. Киев: тип. С. П. Кульженко, 1886. 207 с.
277. Стебницкий. Отчёт начальника Военно-топографического отдела Кавказского военного округа ГШ генерал-майора Стебницкого об экспедиции для наблюдения прохождения Венеры перед диском Солнца 26 ноября (8 декабря) 1874 гогда в г. Тегеран // Военно-топографического отдела Главного штаба. 1878. Ч. 36. Отд. 3. С. 87–212.
278. Стрельбицкий. Записка о Восточном Хорасане: По рекогносцировке 1891 года // СМА. 1895. Вып. 62. С. 43–255.
279. Стрельбицкий. Краткий предварительный очерк поездки в Персию в 1891 году // СМА. 1892. Вып. 51. С. 139–165.

280. Стрельбицкий. Поездка ротмистра Стрельбицкого по восточному Хоросану в 1890 г. // СМА. 1891. Вып. 46. С. 135–266.
281. Тейфенштейн К. В Персии // Нива. 1885. № 16. С. 382–383.
282. Томилов П.А. Отчёт о поездке по Персии Генерального штаба капитана Томилова в 1900 г. Ч. 1-2. Тифлис: Тип. Штаба Кавк. воен. окр., 1902. Ч. 1. Общие сведения о районах пройденных путей. 2+4+187 с.; Ч. 2. Подробные маршрутные описания пройденных путей. 2+374+1 с.
283. Торговля в Персии за 1887 год / Перевёл Ген. Шт. Подполковник Дмитриев // СМА. 1893. Вып. 54. С. 141–142.
284. Торнау Ф.Ф. Воспоминания о кампании 1829 года в европейской Турции // Торнау Ф.Ф. Воспоминания русского офицера. М.: АИРО-XX, 2002. С. 11–128 .
285. Туманский. От Каспийского моря к Хормузскому проливу и обратно, 1894 г. // СМА. 1896. Вып. 65. С. 1–130.
286. Туркманчайский мирный договор между Россией и Ираном. 10 февраля 1828 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/FOREIGN/turkman.htm>.
287. Туркманчайский мирный договор между Россией и Ираном. 10 февраля 1828 г. // Под стягом России: Сборник архивных документов. М.: Русская книга, 1992. С. 314–324.
288. Уильс. Современная Персия. Картинки современной персидской жизни и характера. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1887. 279 с.
289. Уманец С. Персидский шах и его двор // Исторический вестник. 1891. Т. Т. 46. № 10. С. 223–239.// http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/1840-1860/Umanec/pers_sah.phtml?id=7716.
290. Устав Персидского страхового и транспортного общества. СПб.: Коммерческая скоропечатня Евгения Тиле, 1901. 18 с.
291. Устав Ссудного общества Персии. СПб.: Артистическое скоропечатное заведение В. Кене и Ко, 1890. 16 с.
292. Устав Товарищества для торговли и промышленности в Персии и Средней Азии. М.: Типолитография Ж. Шейбель, 1904. 36 с.

293. Ухтомский Э.Э. Из китайских писем. СПб.: Паровая скоропечатня ВОСТОК, 1901. 46 с.
294. Ухтомский Э. К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку. СПб.: Паровая скоропечатня ВОСТОК, 1900. 87 с.
295. Ухтомский Э. От Калмыцкой степи до Бухары. СПб.: Тип. Князя В.П. Мещерского, 1891. 212 с.
296. Ухтомский Э.Э. О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье. СПб.: Синодальная типография, 1892. 48 с.
297. Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891. СПб. Лейпциг: Ф.А. Брокгауз, 1893–1897. Т. 1. Ч. 1–2, 1893. 242+4+230+1 с.; Т. 2. Ч. 3–4. 1895. 228+247+2 с.; Т. 3. Ч. 5–6. 1897. 69+160+225+2 с.
298. Фадеев П. Персидская революция // Русская армия в изгнании. М.: Центрполиграф, 2003. С. 374–384.
299. Феоктистов Е.М. Воспоминания За кулисами политики и литературы 1848 – 1896. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/feoktistov/feoktistov_zh_kulisami_politiki_i_literatury.html.
300. Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 1–34.
301. Ханыков Н. Экспедиция в Хорасан. М.: Наука 1973. 216 с.
302. Ховен, фон дер. Путь от Тегерана к Персидскому заливу // СМА. 1893. Вып. 54. С. 143–153.
303. Хуршид-эфенди М. Сияхэт-Намэ-И-Худуд. Описание путешествия по Турецко-Персидской границе. Составил Хуршид-Эфенди, бывший секретарь турецкого комиссара по разграничению между Турцией и Персией. С приложением отчёта Персидского комиссара о том же путешествии. Пер. М.А. Гамазова. С-Пб. Тип. О.И. Бакста, 1877. 9+8+575 с.
304. Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны // Красный архив. № 4 (53). 1932. С. 3–37.
305. Чарыков Н.В. Вопрос о малоазиатских железных дорогах // СМА. 1891. Вып. 49. С. 1–32.

306. Чарыков Н.В. Описание поездки по берегам р. Теджена-Герируда Камер-юнкера Н.В. Чарыкова // СМА. 1884. Вып. 13. С. 138–170.
307. Чириков Е.И. Путевой журнал русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению 1849–1852 // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. 1875. Кн. 9. 101+803 с.
308. Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1954. Т. 1. 414 с.
309. Шавров Н.Н. Персидское побережье Каспийского моря, его производительность и торговля. Тифлис тип. К.П. Козловского 1913. 93 с.
310. Щеглов А.Н. Кровавая страница персидской истории // Исторический вестник, № 1. 1911. Т. 123. С. 246–261.
311. Энциклопедия военных и морских наук. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1891. Т. 5. 642 с.
312. Энциклопедия военных и морских наук. СПб.: Тип. В. Безобразова и К, 1893. Т. 6. 626 с.
313. Янчевецкий Д.Г. У стен недвижимого Китая. СПб. – Порт-Артур: Издание П.А. Артемьева, 1903. 618+5+12 с.
314. Lansdell H. Russian Central Asia : including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. London: Sampson Low, Marston, Searle and Rivington, 1885. Vol. 1. 738 p.; Vol. 2. 722 p.
315. Lansdell H. Through Central Asia; with a map and appendix on the diplomacy and delimitation of the Russo-Afghan frontier. London: S. Low, Marston, Searle, and Rivington, 1887. 704 p.
316. MacGregor C.M. A contribution towards the better knowledge of the topography, ethnology, resources, camp; history of Persia. Calcutta : Superintendent of Governement Printing, 1871. 816 p.
317. MacGregor C.M. The defence of India: a strategical study. Simla: Government central branch press, 1884. 375 p.
318. MacGregor C.M. Narrative of a journey through the province of Khorassan and on the n. w. frontier of Afghanistan in 1875. London: W.H. Allen & co, 1879. Vol. 1. 369 p.; Vol. 2. 355 p.

319. The Life and Opinions of Major-General Sir Charles Metcalfe MacGregor K.C.B., C.S.I., C.I.E., Quartermaster-General in India. Edited by Lady MacGregor. Edinburgh: William Blackwood & Sons, 1888. Vol. 1. 430 p.; Vol. 2. 465 p.
320. Feuvrier J.B. Trois ans à la cour de Perse. Paris: F. Juven, 1900. 492 p.
321. 1907. The Anglo-Russian Entente Great Britain, Parliamentary Papers, London, 1908, Vol. CXXV, Cmd. 3750. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wwi.lib.byu.edu/index.php/The_Anglo-Russian_Entente.

Литература

1. Абдуллаев Ю.Н. Астрабад и русско-иранские отношения (вторая половина XIX – начало XX в.). Ташкент: Фан, 1975. 132 с.
2. Абдуллаев Ю.Н. Промышленность и зарождение рабочего класса Ирана в конце XIX – начале XX вв. Баку: Изд-во АН АзССР, 1963. 266 с.
3. Аблова Н.Е. Политика России и Англии в Иране после Крымской войны. 1856–1881 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1982. 186 с.
4. Аблова Н.Е. Русско-иранские отношения в годы англо-иранской войны (1856–1857) // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1982. № 2. С. 43–52.
5. Абрамов А.Е. Русские концессии в Прикаспийском Иране в конце XIX века: к проблеме путей и методов проникновения российского капитала в Иран // Актуальные проблемы юриспруденции. Сборник научных трудов. Владимир: ВГПУ, 2002. Вып. 3. С. 164–170.
6. Абрамов А.Е. Энзелийский порт в концессионной политике России в конце XIX – начале XX вв. // Актуальные проблемы юриспруденции. Сборник научных трудов. Владимир: ВГПУ, 2003, Вып. 4. С. 181–190.
7. Аверьянов П.И. Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Современное политическое положение турецких, персидских и русских курдов. Исторический очерк. Тифлис: Типография штаба Кавказского военного округа, 1900. 18+338+135 с.

8. *Агоштон М.* Титул Правителя Московского государства (1474–1533 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2004. № 9. С. 6–15.
9. Айзенштат М.П., Гелла Т.Н. Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX веке. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1999. 217 с.
10. Айрапетов О. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М.: Европа, 2006. 672 с.
11. Айрапетов О. До и после Кушки. 1881–1885: контекст внешней политики России // Родина. 2015. № 2. С. 55–57.
12. Айрапетов О.Р. Забытая карьера «Русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб.: Алетейя, 1998. 320 с.
13. Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М., 2014. 495 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/na-puti-k-krahu-russko-yaponskaya-vojna-1904-1905-gg-voenno-politicheskaya-istoriya-read-399953-1.html>.
14. Айрапетов О.Р. От Афганистана до Египта. Из опыта противостояния Великих Держав XIX века // Родина. 2012. № 7. С. 100–103; 2012. № 8. С. 78–81.
15. Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки: До конца XIX века. М.: Наука, 1982. 288 с.
16. Алексеев А.И. Судьба Русской Америки. Магадан: Кн. изд-во, 1975. 328 с.
17. Алексеев М. Военная разведка в Российской империи. М.: Вече, 2010. 480 с.
18. Алексеев М.Н. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М., Евразия плюс, 1998. Т. 1. 432 с.
19. Алексеев А. Лексика русской разведки. М.: Международные отношения, 1996. 128 с.
20. Алиев А. Иран vs Ирак. История и современность. М.: Изд-во Московского ун-та, 2002. 768 с.
21. Алиев С.М. История Ирана. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. 648 с.
22. Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://islamicencyclopedia.narod.ru/articles/576.html>.

23. Аллворт Э. Россия: прорыв на Восток. Политические интересы в Средней Азии. М.: Центрполиграф, 2016. 383 с.
24. Альманах современных русских государственных деятелей. СПб: Тип. Исидора Гольдберга, 1897. 39+15+1250+4 с.
25. Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860–1914. Очерки истории частного предпринимательства. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1991. 200 с.
26. Ананьич Б.В. Англия и Россия в Персии накануне соглашения 1907 года. Л.: Б. и., 1961
27. Ананьич Б.В. Запад и Восток в экономической программе С.Ю. Витте // Россия во внешнеэкономических отношениях: уроки истории и современность. М.: Б. и., 1993. С. 18–28.
28. Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг: (По материалам Учётно-ссудного банка Персии). Л: Наука, 1975. 211 с.
29. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 32–52.
30. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 430 с.
31. Ананьич Б.В. Учётно-ссудный банк Персии в 1894–1907 гг. // Монополии и иностранный капитал в России. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 274–314.
32. Анаркулова Д.М. К вопросу о деятельности Амир-Кабира в современной иранской историографии // Иран. Экономика. История. Историография. Литература (Сборник статей). М.: Наука, 1976. С. 207–226.
33. Анаркулова Д.М. Общественно-политическая деятельность Малькольм-хана. Душанбе: Дониш, 1984. 148 с.
34. Анаркулова Д.М. Социально-политическая борьба в Иране в середине XIX века. М.: Наука, 1983. 159 с.
35. Андреев А. И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та; Нартанг, 2006. 464 с.
36. Аннанепесов М. Каджарская война 1860 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.turkmeniya.narod.ru/gajar-war.html>.

37. Арабаджян З.А. Иран: власть реформы, революции (XIX–XX вв.). Москва: Наука, 1991. 127 с.
38. Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство Надир-шаха Афшара. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. 282 с.
39. Асатрян Г.С. Этническая композиция Ирана: От «Арийского простора» до Азербайджанского мифа. Ереван: Кавказский центр иранистики. 2012. 130 с.
40. Асланов Р.Б. Ирано-турецкие отношения в 20–60-х годах XIX в. Дисс. ... канд. ист. наук. Баку: Б. м., 1983. 156 с.
41. Астрахань–Гилян в истории русско-иранских отношений. Астрахань: ИД Астраханский университет, 2004. 216 с.
42. Атаев Х.А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII – XIX вв. М.: Наука, 1991. 391 с.
43. Атрпет. Мамед-Али Шах. Народное движение в стране льва и солнца. Александрополь: Тип.-скоропечатня «Ширак», 1909. 146 с.
44. Ауст М. Россия и Великобритания: внешняя политика и образы империи от Крымской войны до первой мировой войны // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700-1917): Сб.ст.* М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 244–265.
45. Ахмеджанов Г. А. Английская экспансия на Среднем Востоке и Гератский вопрос в 40–50 гг. XIX в. // *Труды Среднеазиатского государственного университета им. В.И. Ленина.* 1960. Вып. 152. Кн. 33: Некоторые вопросы международных отношений на Востоке. С. 39–62.
46. Ахмеджанов Г.А. *Гератский вопрос в XIX в.* Ташкент: Фан, 1971. 131 с.
47. Б. [Рецензия] М.Л. Томара. Экономическое положение Персии. СПб., 1896 // *Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете.* 1896. Кн. 6. С. 34–36.
48. Бабаев К. Военная реформа шаха Аббаса I (1587–1629) // *Вестник Московского университета. Серия История.* 1973. № 1. С. 21–30.
49. Бабаходжаев М.А. Очерки социально-экономической и политической истории Афганистана (конец XIX в.). Ташкент: ФАН, 1975. 194 с.

- 50.Базиленко И.В. О беглом россиянине С. Я. Макинцеве (Самсон-хане) и его иранской службе (первая половина XIX в.) // Базиленко И.В. Историография, религиоведение и культурология Востока: учеб. пособие для студентов направлений «Зарубежное регионоведение», «Религиоведение», «Культурология». СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2011. С. 283–294.
- 51.Базиленко И.В. Православная Россия и шиитский Иран . По страницам истории отношений (XVI – нач. XX вв.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа:christian-reading.info/data/2011/02/2011-02-05.pdf.
- 52.Базиленко И.В. Российский дезертир С.Я. Макинцев (1780–1853) и его полувековая служба Ирану // Базиленко И. Россия–Иран. История отношений и эволюция религиозных идей (конец XVI в. – нач. XX в.). Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2012 С. 255–270.
- 53.Базиленко И.В. Российский беглец С.Я. Макинцев (1780–1853) и его полувековая служба Ирану [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://christian-reading.info/data/2012/02/2012-02-06.pdf>.
- 54.Бакоев Ф.М. Отношение Ирана с Афганистаном и Турцией (1870–1905 гг.). Автореферат дис. ... кандидата истор. Нау. М., 1991. 19 с.
- 55.Барг М. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987. 354 с.
- 56.Барковец О., Крылов-Толстикевич А. Неизвестный император Александр III. М.: Рипол Классик, 2003. 320 с.
- 57.Бартольд В.В. Историко-географический обзор Ирана // Работы по исторической географии и истории Ирана. М.: Восточная литература, 2003. С. 31–228.
- 58.Бартольд В.В. История Туркестана // Сочинения. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 109–168.
- 59.Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Сочинения. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 169–433.
- 60.Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана // Сочинения. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1964. Т. 2. Ч. 2. С. 97–236.
- 61.Бартольд В.В. Работы по исторической географии и истории Ирана. М.: Восточная литература, 2003. 661 с.

62. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. Т. 1. 761 с.
63. Басханов М.К., Колесников А.А. Накануне Первой мировой: русская военная разведка на турецком направлении. Документы, материалы, комментарии. Тула, Гриф и К., 2014. 338 с
64. Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. 294 с.
65. Батюк В.И. Лекции по истории международных отношений в новое время (1648 – 1918). М. 2003. 260 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dp5.ru/index.php/-2/74794-batyuk-v-i-lekcii-po-istorii-mezhdunarodnyx.html>.
66. Безотосный В. Наполеоновские планы Николая Петровича // Родина. 2008. № 7. С.45–51.
67. Безугольный А. Ю., Ковалевский Н.Ф., Ковалёв В.Е. История военно-окружной системы в России, 1862–1918. М.: Литрес, 2002. 298 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mreadz.com/read-249082>.
68. Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. Историко-географическое исследование. М.–СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 240 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vipbook.info/nauka-i-ucheba/istory/256661-prisoedinenie-centralnoy-azii-k-rossiyskoy-imperii-v-xviiiixix-vv.html>.
69. Белгородская Л. В. Образ Российской империи на страницах британских и американских справочно-энциклопедических изданий XX века. Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2009. 594 с.
70. Белоглазов А.В. Формирование каспийского направления российской геополитики // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2005. Т. 147. № 1. С. 123–143.
71. Белозерова О.А. Государственная и военная деятельность А.Н. Куропаткина накануне и в период русско-японской войны: 1903–1905 гг. Дис. ... кандидата исторических наук. СПб., 2015. 353 с.

- 72.Белоконь И.В. Политические идеи и военно-государственная деятельность А.Н. Куропаткина. Автореферат дис. ... кандидата ист. наук. Омск, 2012. 22 с.
- 73.Белокреницкий В.Я. Восток в мирополитических процессах. Азия и Африка в истории международных отношений и современной мировой политике. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2010. 321 с.
- 74.Белокреницкий В.Я. Восток на рубеже веков – некоторые итоги и перспективы развития // Восток. 2001. №5. С. 66–87.
- 75.Берже А.П. Самсон-хан Макинцев и русские беглецы в Персии 1806–1853 гг. // Русская старина. 1876. Т. 15. № 4 (апрель). С. 770–804.
- 76.Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М.: Наука, 1973. 615 с.
- 77.Бичехвост Н. Казаки в Африке. Дипломат Власов и негус Менелик // <http://www.proza.ru/2011/06/22/422>.
- 78.Блакитний М. Генерал від інфантерії Віталій Миколайович Троцький // Сіверянський літопис. 2012. № 1/2. С. 95–101.
- 79.Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. 357 с.
- 80.Бларамберг И.Ф. Статистическое обозрение Персии, составленное подполковником И.Ф.Бларамбергом в 1841 г. // Записки Императорского Русского Географического Общества. 1853. Кн. 7. 359 с.
- 81.Блок М. Феодалное общество. М.: Издательство имени Сабашниковых, 2003. 504 с.
- 82.Бобровников В.О. Мухаджирство в «демографических войнах» России и Турции // Восток. 2010. № 2. С. 67–78.
- 83.Бобровников В. Русский Кавказ и французский Алжир: случайное сходство или обмен опытом колониального строительства? // Imperium inter pages: Роль трансферов в истории Российской империи (1700-1917): Сб.ст. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 182–209.
- 84.Бобынин Н.Н. Персия, её экономическое положение и внешняя торговля 1901–1923. Тифлис: Типография Военного Комиссариата 1923. 3+558+6 с.

85. Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М.: Новое литературное обозрение, 2011. 1008 с.
86. Бовыкин В.И. К истории перехода французского капитала к новой стратегии инвестиций в России // Экономическая история: Исследования. Историография. Полемика. Сборник. М.: Наука, 1992. с. 108–129.
87. Бовыкин В.И. Французские банки в России в конце XIX – начале XX века. М.: РОССПЭН, 1999. 254 с.
88. Бовыкин В.И. Французское предпринимательство в России // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России Очерки. М.: РОССПЭН, 1997. С. 156–168.
89. Богатырёв В.С. Развитие русско-персидской торговли во второй половине XIX века // <http://ist-konkurs.ru/raboty/2009/1603-razvitie-russko-persidskoj-torgovli-vo-vtoroj-polovine-xix-veka>.
90. Богданов Л.Ф. Персия в географическом, религиозном, бытовом, торгово-промышленном и административном отношении. СПб.: Первая центр. Вост. электропеч. И. Бораганского, 1909. 2+2+4+146 с.
91. Боев Э.Б., Воронкова Г.В. Национальная политика шахского правительства Ирана в 1925–1979 годах // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12. Ч. 1. С. 25–31.
92. Болтунов М. Душа разведчика под фраком дипломата. М.: Вече, 2012. 352 с.
93. Болтунов М. Разведка «под крышей». Из истории спецслужбы. М.: Вече, 2015. 368 с.
94. Большая советская энциклопедия. М.: БСЭ, 1972. Т. 9: Евклид—Ибсен. 1972. 707 с.
95. Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1976. Т. 24. Кн. 1. 674 с.
96. Большая энциклопедия. Т. 17. Сальвадор – Статистика. СПб.: Книгоиздательское товарищество Просвещение, 1904. 794 с.

97. Большая энциклопедия. СПб.: Изд-кое Товарищество Просвещение, 1904. Т. 19. 794 с.
98. Бондаревская Л.Г. Россия и английская экспансия в Персии (русско-английские противоречия по вопросам железнодорожного строительства в конце XIX – нач. XX вв.). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. 28 с.
99. Бондаренко А.В. «Мягкая сила» и «управляемый хаос» – инструменты современной мировой политики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2014/10/20/1099151960/Тема%202%20Мягкая%20сила.Pdf>.
100. Бордюгов Г.А., Бухараев В.М. Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. М.: АИРО-XXI, 2011. 248 с.
101. Борисов Н. Иван III. М.: Молодая гвардия, 2006. 691 с
102. Боронин О.В. К вопросу о периодизации политики России в Средней Азии во второй половине 1860-х – первой половине 1880-х гг. XIX в. // izvestia.asu.ru/2005/4/hist/TheNewsOfASU-2005-4-hist-05.pdf.
103. Боташёва Б.З. Экономические связи Австро-Венгрии со странами Балканского полуострова и Ближнего Востока в 1867–1914 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2009. 224 с.
104. Боханов А.Н. Император Александр III. М. Русское слово. 1998. 512 с.
105. Боханов А.Н. Российская империя образ и смысл. М.: ФИВ, 2012. 592 с.
106. Брянцев М.В. Русское купечество: социокультурный аспект формирования предпринимательства в России в конце XVIII – начале XX в. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. 616 с.
107. Брянцев М.В. Русское купечество: социокультурный аспект формирования предпринимательства в России в конце XVIII – начале XX в.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук, 2001. 32 с.
108. Бугаева А.Г. Борьба за Герат 1837–1841 гг. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 15. № 39. 58–61.
109. Бугаева А.Г. Борьба за Герат 1837–1841 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ftp://lib.herzen.spb.ru/text/bugayeva_15_39_58_61.pdf.

110. Бугаева А.Г. Российско-иранские торговые и дипломатические отношения первой половины XIX века. Дисс. ... канд. ист. наук. Владимир, 2009. 229 с.
111. Бутенко И.В., Бутенко Д.А. Основные направления развития статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: orelgiet.ru/docs/pdf/94_10_12_12.pdf.
112. Бушев П.П. Герат и англо-иранская война 1856–1857 гг. М.: Издательство восточной литературы, 1959. 249 с.
113. Бушев П.П. Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг. М.: Главная редакция восточной литературы, 1978. 288 с.
114. Васильев А.Д. Знамя и меч от падишаха. Политические и акультурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI – начало XX вв.). М.: Ин-т востоковедения АРАН, ПРОБЕЛ-2000, 2014. 356 с.
115. Васильев Л.С. Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 96–114.
116. Васильев Л.С. Всеобщая история. В 6 т. Москва, 2007. Т. 2. 477 с.
117. Васильев Л.С. Всеобщая история: В. 6 т. М.: Высшая школа, 2010. Т. 4. Новое время (XIX в.). 653 с.
118. Васильев Л.С. История Востока. М.: Юрайт, 2011. Т. 1. 722 с.; Т. 2. 788 с.
119. Васильев Л.С. История религий Востока. М.: Книжный дом Университет, 1999. 432 с.
120. Васильев Л.С. Становление политической администрации (от локальной группы охотников и собирателей к протогосударству-чифдом) // Народы Азии и Африки. 1980. № 1. С. 172–186.
121. Васильев Л.С. Феномен феодализма (Новый взгляд на старую проблему) // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 148–161.
122. Васильева Д.О. Памятники иранского искусства в России: предметы текстиля из коллекции П.В. Чарковского в собрании государственного эрмитажа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gup.ru/uni/science/iran_conference/reports/25.pdf. .
123. «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 255 с.

124. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. [Электронный ресурс].
– Режим доступа:
https://chisineu.files.wordpress.com/2012/09/biblioteca_protestanskaya_etiketa_weber.pdf.
125. Венюков М.А. Россия и Англия в Персии // Русский вестник. 1877. Т. 131. № 10. С. 447–471.
126. Верт П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.
127. Веселовский С.Б. *Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии*. М.: Наука, 1974. 382 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arc.familyspace.ru/onom/Касаговский>.
128. Виноградов В.Н. Балканская эпопея князя А. М. Горчакова. М.: Наука, 2005. 302 с.
129. Виноградов В.Н. Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 182–209.
130. Виноградов К.Б., Бузынина Н.К. Лорд Керзон: рекорды тщеславия // Монархи, министры, дипломаты XIX – начала XX в. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. С. 258–290.
131. Виноградов К.Б. Фердинанд Лессепс и строительство Суэцкого канала // Вопросы истории. 1969. № 11. С. 45–52.
132. Винокуров В.И. История военной дипломатии. Военная дипломатия от Петра I до Первой мировой войны. М.: ООО НИЦ Инженер, 2009. Т. 1. 391 с.
133. Виттекер Ц.Х. Граф С.С.Уваров и его время. СПб.: Академический проект. 1999. 350 с.
134. Воевода Е.В. Офицерский курс при Учебном Отделении восточных языков МИД Российской империи // <http://mgimo.ru/library/publications/151032>.
135. Военная революция в Западной Европе в XV–XVII вв. и развитие вооруженных сил Российского государства, Речи Посполитой и Османской империи: сравнительный анализ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tochka.gerodot.ru/military>.

136. Военная энциклопедия. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1911. Т. 3. 326 с.
137. Военная энциклопедия. СПб.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1911. Т. 4. 399 с.
138. Военная энциклопедия. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1911. Т. 5. – 320 с.
139. Военная энциклопедия. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1912. Т. 9. – 322 с.
140. Военная энциклопедия. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1914. Т. 14. 349 с.
141. Военная энциклопедия. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1914. Т. 18. 358 с.
142. Военный лексикон кубанских казаков: словарь-справочник. Краснодар: Краснодарские известия, 2007. 192 с.
143. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Центрполиграф, 2003. 414 с.
144. Волков С.В. Русский офицерский корпус. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.genrogge.ru/rok>.
145. Володарский М. Дуэль двух дипломатий в Кабуле // Отечественная история. 2002. № 5. С. 49–61.
146. Воронихин А.Н. «Ум» и «характер» военного министерства (Н.Н. Обручев и П.С. Ванновский) // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. трудов. Саратов, 2003. Вып. 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.reenactor.ru/ARH/PDF/Voronixin.pdf.
147. Воронцов С.Л. М.Д. Скобелев и военные действия русской армии в Средней Азии во второй половине XIX века. Дис. ... канд. ист. Наук. Ярославль, 2001. 304 с.
148. Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // РОССИЯ / RUSSIA. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. М.: ОГИ, 1999. С. 233–244.
149. Вотяков Ю.М. Аламан. Социально-экономические аспекты института набега у туркмен (середина XIX – первая четверть XX веков). Автореферат дис. ... кандидата исторических наук. СПб., 1994. 21 с.
150. Вотяков Ю.М. Аламан: социально-экономические аспекты института набега у туркмен: середина XIX – первая половина XX века М.: МАЭ РАН, 2002. 191 с.
151. [Вревский А.Б.] Персия // Военно-статистический сборник. СПб.: Военная типография, 1868. Вып. 3. С. 1–32.

152. Всемирная история. В 6 томах. М.: Наука, 2012. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока. 929 с.
153. Всемирная история: В 6 т. Т. 5: Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. М.: Наука, 2014. 963 с.
154. Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках истории стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации // Проблемы национальной стратегии. 2010. № 3 (4). С. 162–185.
155. Выскочков Л. *Николай I*. М.: Молодая гвардия, 2006. 694 с.
156. Габиева З. Правовой статус Каспия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://observer.materik.ru/observer/N8_2004/8_12.HTM.
157. Гавров С. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М.: Едиториал УРСС, 2004. 352 с.
158. Газенкампф М. Устройство и служба русского Генерального штаба. СПб.: Типография штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1886. 44 с.
159. Галкина Е.С. Становление нации и пути национализма в Иране // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2011. № 32. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-natsii-i-puti-natsionalizma-v-irane>.
160. Гальский Д. Великие авантюры. История создания Суэцкого и Панамского каналов. М.: Прогресс, 1986. 440 с.
161. Гатагова Л. «И сыну грозно возопил...» Армяне как объект фобии в Кавказском наместничестве // Родина. 2012. № 8. С. 82–85.
162. Гафуров А. Имя и история: об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. М.: Наука, 1987. 221 с.
163. Генерал и его смерть [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://forum.svrt.ru/index.php?showtopic=1563&mode=threaded&pid=21633>.
164. Генерал-майор Н.Г. Столетов // Иллюстрированная хроника войны. Приложение к Всемирной иллюстрации. 1878. № 83. С. 263.
165. Гиппиус В. Осады и штурм Карса в 1877 г. Исторический очерк. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1885. 585 с.

166. Глеб М.В. Имперская идея в Великобритании (вторая половина XIX в.). Минск: Беларус. Наука, 2007. 192 с.
167. Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб.: Тип. штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1882. 7+385+205+101 с.
168. Глуходед В.С. Проблемы экономического развития Ирана (20–30-е годы). М.: Наука, 1968. 200 с.
169. Глушков В.В. История военной картографии в России (XVIII – нач. XX в.). М.: Б.и., 2007. 527 с.
170. Глушков В.В. Становление и развитие военной картографии в России (XVIII – начало XX в.)/ Дис. ... д-ра геогр. наук. М.:, 2003. 457 с.
171. Глущенко Е.А. Герои империи. Портреты российских колониальных деятелей. М.: XXI век – Согласие, 2001. 464 с. .
172. Глущенко Е.А. Строители империй. Портреты колониальных деятелей. М.: XXI век – Согласие, 2000. 380 с.
173. Гневушева Е.И. Путешествия П.И. Пашино по Персии и Индии // Очерки по истории русского востоковедения. М.: Издательство АН СССР, 1953. Вып. 2. С. 83–95.
174. Гневушева Е.И. Забытый путешественник. Жизнь и путешествия П.И. Пашино. М.: Географгиз, 1958. 112 с.
175. Гобсон Дж.А. Империализм. Л.: Рабочее Издательство Прибой, 1927. 287 с.
176. Гоков О.А. Антитабачные протесты в Иране и Персидская казачья бригада // Инновации в технологиях и образовании: сб. ст. участников Международной научно-практической конференции «Инновации в технологиях и образовании», 18–19 марта 2016 г. Белово: Изд-во филиала КузГТУ в г. Белово; Изд-во ун-та «Св. Кирилла и Св. Мефодия», Велико Тырново, Болгария, 2016. Ч. 3. С. 239–242.
177. Гоков О. Иранская армия и российское влияние (последняя треть (XIX – начало XX вв.): Критические замечания относительно нового исследования по истории российско-иранских отношений // *Ab imperio*. 2010. № 4. С. 579–594.
178. Гоков О.А. Историография истории Персидской казачьей бригады // *Russian History*. 2006. Vol. 33. № 1. P. 63–71.

179. Гоков О.А. К вопросу о личности третьего командира Персидской казачьей бригады // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. 2013. № 1 (260). Ч. 2. С. 83–92.
180. Гоков О.А. Качество подготовки личного состава и статус Персидской казачьей бригады в 1882–1885 гг. // Клио. 2014. № 9. С. 95–97.
181. Гоков О.А. Корреспонденты в российско-турецкой войне 1877–1878 гг на Балканском полуострове // Canadian American Slavic Studies. 2007. Vol. 41. № 2. P. 127–186.
182. Гоков О.А. Кризис в Персидской казачьей бригаде 1889–1895 гг. // Клио. 2008. № 2. С. 91–98.
183. Гоков О. Неизвестный эпизод из истории «Восточного вопроса»: российская военная миссия 1877 г. в Персию // Известия на института за исторически изследования. Сборник в чест на проф. д.и.н. Стефан Дойнов. София: Академично издателство Професор Марин Дринов 2014. Т. 31. С. 115–134.
184. Гоков О.А. Офицеры российского Генштаба в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Вопросы истории. 2006. № 7. С. 142–149.
185. Гоков О.А. Офицеры российского Генерального штаба в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове // Дриновський збірник/Дриновски сборник. 2007. Т. 1. С. 113–124.
186. Гоков О.А. Офицеры российского Генштаба в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Вопросы истории. 2006. № 7. С.
187. Гоков О.А. Подготовка офицеров в Академии Генерального штаба в России (1856–1914 гг.) // Canadian American Slavic Studies. 2005. Vol. 39. № 23. P. 137–157.
188. Гоков О.А. Персидская казачья бригада в 1882–1885 гг. // Восток. 2014. № 4. С. 48–60.
189. Гоков О.А. Персидская казачья бригада в воспоминаниях А.М. Алиханова-Аварского // Инновации в технологиях и образовании: сб. ст. участников VII Международной научно-практической конференции «Инновации в технологиях и образовании», 28–29 марта 2014 г. Филиал КузГТУ в г. Белово. Белово: Изд-во

- филиала КузГТУ в г. Белово, Россия; Изд-во ун-та «Св. Кирилла и Св. Мефодия», Велико Тырново, Болгария, 2014. Ч. 4. С. 93–96.
190. Гоков О.А. Персидская казачья бригада в публикациях Д.Н. Кёрзона // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. 2013. № 1087. Історія. Вип. 47. С. 171–181.
191. Гоков О.А. Причины создания Персидской казачьей бригады в историографии и источниках // Инновации в технологиях и образовании. Материалы V международной научной конференции: Сб. ст.: В 4 ч. Белово: Изд-во филиала КузГТУ в г. Белово, 2012. Ч. 3. С. 12–15.
192. Гоков О.А. Роль офицеров Генерального штаба в осуществлении внешней политики Российской империи на мусульманском Востоке во второй половине XIX в. Дисс. ... канд. ист. наук. Харьков, 2004. 221 с.
193. Гоков О.А. Российская военная миссия 1877 г. в Персию // Наука и образование: Материалы VI международной научной конференции. Белово, 2006. Ч. 3. С. 279–282.
194. Гоков О.А. Российская военная миссия в Иран в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Клио. 2014. № 2. С. 90–97.
195. Гоков О.А. Российские офицеры и персидская казачья бригада (1877–1894 гг.) // Canadian American Slavic Studies. 2003. Vol. 37. № 4. P. 395–414.
196. Гоков О.А. Россия, Иран и «Восточный вопрос» в 1850-х–1870-х гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ricolor.org/history/voen/form/18_03_2103/2/.
197. Гоков О.А. Русская военная миссия 1853–1854 гг. в Персию в контексте «Восточного вопроса» // Русский сборник. М.: Регнум, 2012. Вып. 13. С. 74–96.
198. Гоков О.А. Создание Персидской казачьей бригады // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць. Х.: НМЦ СД, 2003. С. 65–71.
199. Гоков О.А., Фалько С.А. Жизненный путь офицера Генерального штаба: Николай Яковлевич Шнеур на службе России (1848–1894) // Русский Сборник: Исследования по истории России. Т. 19. М.: Модест Колеров, 2016. С. 280–329.

200. Гоков О.А. Эволюция взглядов А.Н. Куропаткина на политику России относительно Персии (1890–1915 гг.) // Клио. 2015. № 5. С. 187–197.
201. Гончаренко А.В. Загострення британо-російських протиріч у Східному питанні в період російсько-турецької війни 1877–1878 рр. // Сумська старовина. 2009. № 28/29. С. 95–105/
202. Гончаренко Л.Л. Колоніальна концепція Отто фон Бісмарка // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Історичні науки. 2013. № 1(2). С. 20–27.
203. Горский А.А. О титуле «царь» в средневековой Руси (до середины XVI в.) // Одиссей. Человек в истории. 1996. С. 205–211.
204. Горский А.А. О «феодализме»: «русском» и не только // Средние века. 2008. Вып. 69 (4). С. 9–26.
205. Горшенина С. Теория «естественных границ» и завоевание Кульджи (1870–1871 гг.): Автопортрет российских военно-дипломатических элит Санкт-Петербурга и Туркестана // Ab Imperio. 2014. № 2. С. 102–165.
206. Горюнков С.В. Историзм: кризис понятия и пути его преодоления // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2010. № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Goriunkov/>.
207. Государственность народов Внутренней Азии (XX век). Прага: Vedecko vydavatelske centrum «Sociosfera-CZ», 2015. 220 с.
208. Греков И., Королюк В., Миллер И. Воссоединение Украины с Россией в 1654. М.: Госполитиздат, 1954. 112 с.
209. Григорьев Б.Н. Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке. М: Молодая гвардия, 2010. 521 с.
210. Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. – СПб.: Тип. В.С. Балашёва, 1883. Т. 1. 2+IV+282+158 с.; Т. 2. 2+4+336+59 с.; Т. 3. 2+4+296+55 с.; 1884. Т. 4. 382+116 с.
211. Гросул В.Я. Россия и формирование национальных регулярных армий Молдавии и Валахии // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 141–146.
212. Грушевский М. Історія України-Русі. Київ: Наукова думка, 1991. Т. 1. 736 с; 1992. Т. 2. 640 с; 1993. Т. 3. 592 с.; Т. 4. 544 с; 1994. Т. 5. 704 с; 1995. Т. 6. 680 с.;

- Т. 7. 628 с.; Т. 8. 856 с.; 1996. Т. 9. Кн. 1. 880 с.; 1997. Т. 9. Кн. 2. 776 с.; 1998. Т. 10. 408 с.; 2000. Т. 11: Показчик імен. 520 с.
213. Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917 гг. М.: Объединённая редакция МВД России, 2003. 480 с.
214. Гурко-Кряжин В. Краткая история Персии // История Ирана / Сост. С.А. Шумов, А.Р. Андреев. К. – М.: Альтернатива – Евролинц, 2003. С. 50–133.
215. Гурко-Кряжин В.А. Переворот в Персии // Новый Восток. 1926. № 12. С. XXII–LV.
216. Гусаров В.И. Генерал М.Д. Скобелев. Легендарная слава и несбывшиеся надежды. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 345 с.
217. Густерин П. Российская империя и Кавказ. Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 64 с.
218. Давлетов Д., Ильясов А. Присоединение Туркмении к России. Ашхабад: Ылым, 1972. 254 с.
219. Дадаян Х. Армяне и Баку (1850-ые гг. – 1920 г.). Ереван: НОФ «НОРАВАНК», 2007, 208 с.
220. Данков А.Г. Британская историография второй половины XIX в. об англо-русских противоречиях в Центральной Азии // Вестник Томского государственного университета. 2007. Вып. 300-1. С. 87–90.
221. Данков А.Г. Отечественная и британская историография о соперничестве России и Великобритании в Центральной Азии: XIX – начало XXI вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2009. 248 с.
222. Данков А.Г. Цели и задачи британской политики на северо-западных рубежах Индии в работах британских историков конца XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 372. С. 91–97.
223. Дацышен В.Г. Русско-китайская война 1900 г. Поход на Пекин. СПб.: Альманах Цитадель; Галея Принт, 1999. 157 с.
224. Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы 1700–1918 гг. М.: Росспен, 2004. 496 с.
225. Дегоев В.В. Кавказ и великие державы. 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: Издательский дом Рубежи-XXI, 2009. 551 с.
226. Дементьев И.А. Суэцкий канал. М.: Географгиз, 1954. 72 с.

227. Демури́н Д.М. Русско-английское соглашение 1907 года и противостояние России и Великобритании в Персии накануне Первой мировой войны // Русский сборник. М.: Модест Колеров, 2008. Т. 5. С. 93–124.
228. Джалил Дж. Восстание курдов 1880 года. М.: Наука 1966. 131с.
229. Джафарли Н. Азербайджанское государство Сефевидов. Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. 254 с.
230. Дмитриев М.В., Флоря Б.Н., Яковенко С.Г. Брестская уния 1596 г. и обществ.-полит. борьба на Украине и в Белоруссии в кон. XVI – нач. XVII в. М.: Индрик, 1996. Ч. 1. Брестская уния 1596 г. Исторические причины. 1999. Ч. 2. 199 с.; Брестская уния 1596 г. Исторические последствия события. 199 с.
231. Добычина Е.В. Внешняя разведка России на Дальнем Востоке, 1895-1904 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003. 213 с.
232. Добычина Е.В. Русская агентурная разведка на Дальнем Востоке в 1895–1897 годах // Отечественная история. 2000. № 4. С. 161–170.
233. Донгаров А.Г. Иностраный капитал в России и СССР. М.: Международные отношения, 1990. 170 с.
234. Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в современном Иране. М.: Наука, 1975. 171 с.
235. Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и 1978–1979 гг. М.: ИВ РАН, 1998. 240 с.
236. Дронова Н.В. Тезис о «русской угрозе» как фактор российско-британского имперского соперничества в 70-е годы XIX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://indonet.ru/Statya/Gde-nahoditsya-%E2%80%9Cklyuch-k-Indii>.
237. Дронов И.Е. Сильный, Державный...: Жизнь и царствование Императора Александра III. М.: Русский издательский центр, 2012. 752 с.
238. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: В 6 т. СПб.: Типография департамента уделов, 1871. Т. 1. Кн. 1. 656 с.
239. Дубровин Н.Ф. Николай Михайлович Пржевальский. Биографический очерк. СПб.: Военная типография, 1890. 686 с.
240. Евзеров Р.Я. Ленинская теория империализма: мифы и реалии // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 43–63.

241. Евстратов А. Русские богатыри на службе у шаха Персии // Современный Иран. 2011. № 3. С. 61–65.
242. Ерасов Б.С. Общие критерии дихотомного сопоставления социокультурных оснований Запада и Востока // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов вузов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Eras/39.php.
243. Ермаханова С.А. Теория модернизации: история и современность // Актуальные проблемы социально-экономического развития: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2005. Разд. 2. С. 233–247.
244. Ермаханова С.А. Теория модернизации: история и современность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: econom.nsc.ru/ieie/SMU/conference/articles/Ермаханова.doc.
245. Ерусалимский А.С. Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М.: Наука, 1968. 284 с.
246. Ерусалимский А.С. Внешняя политика и дипломатия Германского империализма в конце XIX века. М.: Академия Наук СССР, 1948. 433 с.
247. Ефремов П. Н. Внешняя политика России (1907–1914). М.: Издательство Института международных отношений, 1961. 304 с.
248. Жалсапова Ж.Б. Взаимоотношения России/СССР с Монголией/МНР в военной сфере: 1911–1939 гг. Автореферат дис. ... кандидата ист. наук. Хабаровск, 2009. 25 с.
249. Жалсапова Ж. Деятельность русских военных инструкторов в Монголии (1912–1916 гг.) // Власть. 2008. № 12. С. 120–123.
250. Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке (XIX – начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. М.: Наука, 1990. 166 с.
251. Жигалина О.И. Этносоциальная эволюция иранского общества. М.: Восточная литература, 1996. 264 с.
252. Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 гг. в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. 375 с.
253. Загородникова Т. «Индийский поход» Александра II и его последствия // Азия и Африка сегодня. 2005. № 11. С. 51–53.

254. Загородникова Т. «Индийский поход» русской армии и миссия генерала Н.Г. Столетова в Кабул // Восток. 2006. № 4. С. 21–36.
255. Зарин В.А. Запад и Восток в мировой истории. XIV–XIX вв. Западные концепции общественного развития и становление мирового рынка. М.: Наука, 1991. 264 с.
256. Зарубина Н.Н. Православный предприниматель в зеркале русской культуры // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 100–112.
257. Захаров В.А. Индийский поход Павла I // Старый Кирибей [П.Н. Шабельский-Борк]. Павловский гобелен: Сб. ст. М., 2011. С. 66–79, 95–104 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Zacharov_00.pdf.
258. Захаров И. Насер од-Дин-шах Каджар и проблемы раннего этапа модернизации в Иране (вторая половина XIX века) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.idmedina.ru/books/materials/?2346>.
259. Захаров И. Каджарский Иран: модернизация и шиитское духовенство // Караван. 2012. № 17. С. 55–65.
260. Зейналова С.М. Формирование европейских этнических общин на Кавказе (XIX – первая половина XX вв.). Баку: Мутарджим, 2010. 300 с.
261. Зока Я. Армия Ирана в каджарскую эпоху // Родина. 2001. № 5. С. 64–68.
262. Золотарёв А.М. Военно-статистический очерк Персии. СПб.: Типолитография А.Е. Ландау, 1888. 205 с.
263. Золотарёв В. А. Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. – апофеоз Восточного кризиса. М.: Animi fortitudo, 2005. 568 с.
264. Золтан А. К предыстории русского «государь» // Из истории русской культуры. Киевская и Московская Русь: Сб. статей. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 2. Кн. 1. С. 554–590.
265. Ибрагимбейли Х.М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. М.: Наука, 1971. 406 с.
266. Ибрагимов И.А. Из истории шахсевенских племён в Иранском Азербайджане (вторая половина XIX в.) // Ближний и Средний Восток. История. Экономика. (Сборник статей). М.: Наука, 1967. С. 38–43.

267. Иванин М.И. Описание Зимнего похода в Хиву в 1839–1840 году. СПб.: Тип. т-ва Общественная польза, 1874. 268 с.
268. Иванов А.В., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А., Шишин М.Ю. Евразийство: Ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2007. 243 с.
269. Иванов М.С. Бабидские восстания в Иране (1848–1952). М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 176 с.
270. Иванов М.С. Иранская революция 1905–1911 годов. М.: Издательство ИМО, 1957. 560 с.
271. Иванов М.С. Очерк истории Ирана. М.: Госполитиздат, 1952. 467 с.
272. Ивановский В. Государственное право // Известия и ученые записки Казанского университета. 1895. № 5. Раздел «Императорский титул» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.allpravo.ru/library/doc117p0/instrum2817/item2842.html>.
273. Игамбердыев М.А. Иран в международных отношениях первой трети XIX века. Самарканд: Самаркандский гос. ун-т им. А. Навои, 1961. 298 с.
274. Игнатъев А.В. С.Ю. Витте-дипломат. М.: Международные отношения, 1989. 334 с. <http://art-of-diplomacy.ru/books/item/f00/s00/z0000005/index.shtml>.
275. Игнатъев А.В. Последний царь и внешняя политика // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 3–23.
276. Иларионов Т.С. Немцы на государственной службе России: к истории вопроса на примере освоения Дальнего Востока. М.: Институт энергии знаний, 2009. 224 с.
277. Ильин С.В. Витте. М.: Молодая гвардия, 2006. 509 с.
278. Ильина Т.Н. Военные агенты Российской империи // Война и оружие: новые исследования и материалы. СПб.: ФГУКиИ «ВИМАИВиВС» МО РФ, 2010. Ч. 1. С. 311–336.
279. Ильхамов Д.А. Проникновение Германии на Ближний и Средний Восток и русско-германские противоречия. Дисс. ... магистра истории. Ташкент, 2014. 96 с.
280. Давлетов Д., Ильясов А. Присоединение Туркмении к России. Ашхабад: Ылым, 1972. 254 с.

281. Илюшечкин В.П. Теория стадийного развития общества. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. 406 с.
282. Имашева Марина Маратовна. Торговля России со странами Востока через Астрахань в первой половине XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2004. 260 с.
283. Инаят Х., Лофт М. Восстание обездоленных: бунт или революция? // Родина. 2001. № 5. С. 133–137.
284. Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов 1822–1872. СПб.: Военная типография, 1872. 616+151+8 с.
285. Исторический очерк деятельности корпуса военных топографов в первое 25-летие благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича. 1855–1880. СПб. Военная типография, 1880. 130 с.
286. История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. М.: Международные отношения, 1997. 674 с.
287. История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М.: Междунар. отношения, 1999. 384 с.
288. История Востока: В 6 т. М.: Восточная литература, 1995. Т. 4. Восток в новое время (конец XVIII – начало XX в.): Кн. 2. 2005. 574 с.
289. История дипломатии. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1963. Т. 2. Дипломатия в Новое время. 1871–1914. 820 с.
290. История дипломатии. М.: Изд-во политической литературы, 1965. Т. 3. 831 с.
291. История Ирана. М.: Изд-во Московского ун-та, 1977. 497 с.
292. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М.: Издательская фирма Восточная литература РАН, 1997. 536 с.
293. История Туркменской ССР. Ашхабад: Изд-во АН ТуркмССР, 1957. Т. 1. Кн. 2. С начала XIX в. до Великой октябрьской социалистической революции. 531 с.
294. Истягин Л.Г. Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне первой мировой войны. М.: Наука, 1979. 221 с.

295. Кадырбаев А.Ш. Институт гвардии и элитных войск на Востоке и Западе: история и современность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www.safarabdulloh.kz/img/books/iran-name/Iran-Name%20\(26\)2013.pdf](http://www.safarabdulloh.kz/img/books/iran-name/Iran-Name%20(26)2013.pdf).
296. Казаки родом из Персии 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.all-fishing.ru/last-articles/kazaki_rodod_iz_persii_2.htm.
297. Казанова Ю.В. Русская военно-инструкторская миссия в Македонии: формирование и начало работы (Из истории реализации Мюрцштегской программы) // Русский сборник. М. 2009. Т. 6. С. 91–111.
298. Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. 544 с.
299. Канева К. Рыцарь Балкан. Граф Н.П. Игнатъев. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 523 с.
300. Калинин С.Е. Тактика ведения боевых действий казачьих полков - Донское казачье войско в 1812–1814 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kazakdona.ru/index.php?nma=catalog&fla=stat&cat_id=8&nums=126.
301. Калугин С. Персидская казачья Его Величества Шаха Персии дивизия // Русская армия в изгнании. М.: Центрполиграф, 2003. С. 364–369.
302. Каменева М.С. Национальные традиции и языковая политика в Иране (20-е – начало 80-х гг. XX в.) // Зарубежный Восток: религиозные традиции и современность. М.: Наука, 1983. С. 140–145.
303. Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке традиции и модернизация. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 326 с.
304. Капеллер А. Россия – многонациональная империя. М.: Традиция–Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.
305. Капеллер А. Росія як поліетнічна імперія. Виникнення. Історія. Розпад. Львів: Видавництво українського католицького університету, 2005. 12+260 с.
306. Капитализм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Капитализм>.
307. Карнаухов Д.В. Исторический образ Московии в польской хронографии эпохи Возрождения // Вестник Российского государственного гуманитарного

- университета. Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология». 2008. № 10. С. 101–114.
308. Каспэ С. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика (Политология России). М.: РОССПЭН, 2001. 255 с.
309. Каширин В.Б. Дозорные на Балканах. Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М. Вилком-М, 2014. 632с.
310. Кибовский А. «Багадеран» — Русские дезертиры в персидской армии. 1802–1839 // Цейхгауз. № 5. 1996. С. 26–29.
311. Кибовский А. Багадеран // Родина. 2001. № 5. С. 81–87.
312. Кибовский А., Егоров В. Персидская регулярная армия первой половины XIX в. // Цейхгауз. 1997. № 5. С. 20–25; № 6. С. 28–31.
313. Ким Ен-Су. Корейский вопрос в политике России на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006 249 с.
314. Ким Ен-Су. Русские военные инструкторы в Корее и корейская армия // Русский сборник. М.: Модест Колеров, 2006. № 2. С. 218–244.
315. Киняпина Н.С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898 гг.). М.: МГУ, 1994. 208 с.
316. Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России, вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1984. 328 с.
317. Киняпина Н.С. Внешняя политика России второй половины XIX века. М.: Высшая школа, 1974. 280 с.
318. Киняпина Н.С. Средняя Азия во внешнеполитических планах царизма (50–80-е годы XIX в.) // Вопросы истории. 1974. № 2. С.36–51.
319. Кириченко О.Б. Є. К. Бюцов на службі у дипломатичних установах Російської імперії в Японії // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. 2012. № 6 (241). С. 37–48.
320. Клан Лианосян-Лианозовых // <http://www.armenianarthall.com/index2.php?newsid=139>.

321. Ключевский В.О. Курс русской истории // Сочинения в 9 т. М.: Мысль, 1987. Т. 1. 430 с.; Т. 2. 447 с.; 1988. Т. 3. 414 с.; 1989. Т. 4. 398 с.; Т. 5. 476 с.
322. Ковалёва Е.Г. Имперская проблематика в Британни в 80-е годы XIX века // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2009. № 1. Ч. 2. С. 88–90.
323. Ковзель В. Формирование образа России в Великобритании в эпоху средневековья и новое время Международные гуманитарные связи: материалы заочных сессий ежеквартальной студенческой научной конференции. СПб.: Оргкомитет ежеквартальной студенческой научной конференции «Международные гуманитарные связи», 2013. Т. 2. С. 26–36.
324. Козлов И.А. По следам «Турецкого гамбита» или русская «полупобеда» 1878 года. М.: Этерна, 2014. 1 090 с.
325. Колпакиди А., Север А. Спецслужбы Российской империи. Уникальная энциклопедия. М.: Яуза; Эксмо, 2010. 768 с.
326. Коллюбакин А.М. Введение к очерку вооружённых сил Персии в 1883 г. и населения, как источника комплектования персидской армии // История Ирана / Сост. С.А. Шумов, А.Р. Андреев. К.–М.: Альтернатива–Евролинц, 2003.
327. Коллюбакин. Введение к очерку вооруженных сил Персии в 1883 г. и населения, как источника комплектования Персидской армии // СМА. 1883. Вып. 4. С. 35–49.
328. Коллюбакин. Очерк вооруженных сил Персии в 1883 г. и населения как источник комплектования Персидской армий // СМА. 1884. Вып. 11. С. 1–33.
329. Коллюбакин. Очерк вооруженных сил Персии в 1883 г. и населения как источник комплектования Персидской армий. Состав населения Персии по племенам и провинциям // СМА. 1883. Вып. 4. С. 50–110.
- 330. Комиссарова Ж.Н. Экономические отношения Франции и России // Мировое и национальное хозяйство. 2001. № 2 (17) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mirec.ru/old/index.php%3Foption=com_content&task=view&id=197.html.**

331. Кондрашѐва А.С. Кавказское Наместничество и его деятельность на Северном Кавказе, вторая половина 40-х гг. XIX в. – начало XX в. Дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2003. 319 с.
332. Конюхевич Ю. «Мягкая сила» во внешней политике Соединенных Штатов Америки (в годы президентства Дж. Буша младшего) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mgimo.ru/upload/docs_3/konuhevich_USA-Bush.pdf.
333. Корнилов Л.Г. Историческая справка по вопросу о границах Хоросана с владениями России и Афганистана // СМА. 1905. Вып. 78. С. 1–24.
334. Королѐва С.Б. Миф о России в британской литературе (1790-е – 1920-е гг.). Дисс. ... доктора филологических наук. Нижний Новгород, 2014. 461 с.
335. Коротков Ю. Писарев. М.: Молодая гвардия, 1976. 368 с.
336. Косев К., Дойнов С. Освобождението (1877–1878). София: Академично издателство Марин Дринов, 2003. 231 с.
337. Косик В.И. Русская политика в Болгарии, 1879–1886. М. Б. и. 1991. 180 с.
338. Косик В.И. Русская политика в Болгарии, 1879–1886. М.: Российская Акад. Наук, Инст. Славяноведения и Балканистики, 1993. 100 с.
339. Косаговский Владимир Андреевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://regiment.ru/bio/К/343.htm>.
340. Косооговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 390–402.
341. Костин Б.А. Скобелев. М.: Патриот, 1990. 175 с.
342. Костяев Э.В. Российские социал-демократы и приказ № 1 Петроградского совета от 1 марта 1917 г. // Власть. 2014. № 4. С. 147–151.
343. Кочуков С.А. П. С. Ванновский военный министр России, 1881–1898 гг. Дисс. ... кандид. ист. наук. Саратов, 2003. 241 с.
344. Кошева С.В. Мусульманское право о природе власти. Дисс. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2001. 180 с.
345. Кошелева Н.В. «Ориентализм» Эдварда Саида // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Минск, 15–16 апр. 2004 г. Мн: БГУ, 2004. С. 78–80.

346. Красняк О.А. Русская военная миссия в Иране (1879–1917 гг.) как инструмент внешнеполитического влияния России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Krasniak.pdf.
347. Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. 160 с.
348. Кревельд М., ван. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. 544 с.
349. Кривоपालов А. Крестовый поход Неистового Орландо Figes O. Crimea. The last Crusade. L., 2011 // Русский Сборник: Исследования по истории России. М.: Модест Колеров, 2015. Т. 18. С. 234–296.
350. Кругов А., Нечитайлов М. Персидская армия в войнах с Россией. 1796–1828 гг. М.: Фонд Русские Витязи, 2016. 248 с.
351. Кругов А.И., Нечитайлов М.В. Русские дезертиры в иранской армии (1805–1829 гг.) // Tarix və onun problemləri. 2013. № 1. С. 45–58.
352. Кругов А.И., Нечитайлов М.В. Русские дезертиры в иранской армии (1805–1829 гг.) // История и ее проблемы. 2013. № 1. С. 48–53.
353. Кругов А.И., Нечитайлов М.В. Русские дезертиры в иранской армии (1805–1829 гг.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Kryglov_Nechitailov.pdf.
354. Кубанов К.Г. Походы в Индию в проектах российских военных и политических деятелей XVIII – начала XX вв. Автореф. ... канд. ист. наук. Нижневартонск, 2007. 27 с.
355. Кудрявцев О.Ф. Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М.: Русский мир, 1997. 408 с.
356. Кузнецова Н.А. Вопрос об уровне развития стран Востока к началу Нового времени в советской историографии // Проблемы истории Индии и стран Среднего Востока: Сб. статей памяти И.М. Рейснера. М.: Наука, 1972. С. 204–223.
357. Кузнецова Н.А. Иран в первой половине XIX века. М.: Наука, 1983. 265 с.
358. Кузнецова Т.Ф. Историзм и тезаурусный анализ культуры // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2008. № 9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/9/Kuznetsova>.

359. Кулагина Л.М. Английская концессия на судоходство по р. Карун (конец XIX в.) // Иран (Сборник статей). М.: Наука, 1971. С. 92–103.
360. Кулагина Л.М. Борьба народных масс Ирана против иностранных концессий и монополий (конец XIX в.) // Проблемы истории Индии и стран Среднего Востока: Сб. статей памяти И.М. Рейснера. М.: Наука, 1972. С. 192–203.
361. Кулагина Л.М., Дунаева Е.В. Граница России с Ираном (история формирования). М.: Ин-т востоковедения РАН, 1998. 116 с.
362. Кулагина Л.М. К истории русско-иранских отношений // Иран. История, экономика, культура. Памяти С.М. Алиева. М.: ИВ РАН, 2009. С. 105–118.
363. Кулагина Л.М. Попытки модернизации государственного управления Ирана во второй половине XIX века // Особенности модернизации на мусульманском Востоке. Опыт Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1997. С. 95–113.
364. Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. 271 с.
365. Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. 190 с.
366. Куропаткин А.Н. Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.): с очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. СПб.: Изд. В. Березовского, 1899. 4+4+224 с.
367. Куропаткин А.Н. Туркмения и туркмены. СПб.: Тип. В. А. Полетики, 1879. 57 с.
368. Курукшин А. Судьба князя Белозерского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.proza.ru/2016/02/12/192>.
369. Лакиер А.Б. История титула государей России // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1847. Т. 56, № 10/11. С. 81–156.
370. Ланщиков А. П. Н.Г. Чернышевский. М.: Современник, 1987. 384 с.
371. Ларин А.Б. Вчерашний враг, сегодняшний друг? Государство и армия Ирана Каджаров глазами российских военных и дипломатов до и после войны 1826–1828 годов // Война и оружие Новые исследования и материалы Труды Четвертой

- международной научно-практической конференции. СПб.: ВИМАИВи ВС, 2003. Ч. 3. С. 3–17.
372. Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. 283 с.
373. Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX в. Автореф. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. 20 с.
374. Ларин А.Б. Российско-иранское военное сотрудничество в 30-40-е годы XIX века // Вестник Самарского государственного университета. 2009. Вып. 73. С. 36–41.
375. Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politpros.com/library/13/235/>
376. Леонтьев М. Большая игра. М.: АСТ; Спб.: Астрель-СПб. 319 с.
377. Либерализм Запада. XVII – XX вв. М.: Изд-во ИВИ РАН, 1995. 228 с.
378. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007. 688 с.
379. де-Ливрон В. Исторический очерк деятельности корпуса военных топографов в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича 1855–1880 гг. СПб.: Военная типография, 1880. 138 с.
380. Лисицина Н.Н. Закаспийский край в англо-русских отношениях :1880-е – 1907 гг. Дисс. канд. ист. наук, М., 2006. 268 с.
381. Лиходедов В. Братья Поляковы // Банкаўскі веснік. 2009. № 10. С. 63–66.
382. Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга: В 2 т. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1895. Т. 1. 467 с.
383. Лопатников В.А. Пьедестал: время и служение канцлера Горчакова. М.: Молодая гвардия, 2003. 343 с.
384. Лукьянов А.И. Историко-географический фактор в политической эволюции Афганистана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.geogr.msu.ru/cafedra/segzs/nauchd/pubs/issue_19/12%20Lukyanov%202011.pdf.

385. Лунёва Ю. «...Из-за Герата мы не забудем Константинополя»: [о вооруж. столкновении между рус. и афган. войсками на р. Кушке 18 марта 1885 г., завершившемся победой рус. войск] // Родина. 2010. № 8. С. 62–64.
386. Лурье С. Империя как судьба. Пролог [Электронный ресурс]. – Режим доступа: svlourie.narod.ru.
387. Лурье С.В. На стыке двух империй. (Русские в Средней Азии и англичане в Индии) // <http://kungrad.com/history/biblio/lurie/>
388. Лурье С.В. От древнего Рима к России XX века: преемственность имперской традиции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/020/073/1218/013Luoe.pdf>.
389. Лурье С. Imperium. Империя – ценностный и этнопсихологический подход. М.: АИРО-XXI, 2012. 272 с.
390. Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов-жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 496 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://memory.pvost.org/>.
391. Ляшенко Л.М. Александр II, или История трёх одиночеств. М.: Молодая гвардия, 2003. 359 с.
392. Мак-Нил У. В погоне за мощью Технология, вооружённая сила и общество в XI–XX веках. М.: ИД Территория будущего, 2008. 457 с.
393. Мак Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. К.: Ника-центр; М.: Старклайт, 2004. 1 064 с.
394. Макутчев А.В. Река Карун в эпицентре борьбы России и Англии за влияние в Персии (Иране) во второй половине XIX в. // Актуальные вопросы современной науки»: Материалы VI международной научной конференции 30-31 мая 2013 года, г. Санкт-Петербург. СПб.: Изд-во «Айсинг», 2013. С. 98–106.
395. Макутчев А.В. Россия и Англия на персидских рынках в 1850–1870-х гг.: первый опыт концессионирования чев // Вопросы исторической науки: материалы II междунар. науч. конф. (г. Челябинск, май 2013 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2013. С. 14–16.

396. Малахов Д.А. Наместничество как фактор внутренней и внешней политики России на Северном Кавказе в XVIII – начале XX века. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2011. 30 с.
397. Малахов Д.А. Наместничество как фактор внутренней и внешней политики России на Северном Кавказе в XVIII – начале XX века. Дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2011. 220 с.
398. Малукало А.Н. Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг.: организация, система управления и функционирования. Краснодар: Изд-во Кубанькино, 2003. 216 с.
399. Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. 156 с.
400. Маннанов Б.С. Отношения Ирана со среднеазиатскими ханствами во второй половине XIX в. // Краткие сообщения института народов Азии. – Вып. 39. Иранский сборник. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 56–71.
401. Манфред А.З. Образование русско-французского союза. М.: Наука, 1975. 375 с.
402. Марисова Н.Д. Принципы музейной педагогики в презентационной деятельности по возрождению памяти о семье российских предпринимателей Лианозовых (Лианасян, Лианозовых, Lianozoff) // Каспийский регион: Экономика, политика, культура. 2014. № 2 (39). С. 291–300.
403. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. М.: Издательство политической литературы, 1964. Т. 33. 788 с.
404. Мартин В. Барымта: Обычай в глазах кочевников, преступление в глазах империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М.: Новое издательство, 2005. С. 360–391.
405. Маслов А.Н. Россия в Средней Азии (Исторический очерк наших новейших приобретений) // Исторический вестник. 1885. Т. 20. Вып. 5. С. 373–423.
406. Махдиян Мохаммад Хасан. История межгосударственных отношений Ирана и России (XIX – начало XX века). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук, М., 2013. 27 с.
407. Мегрелидзе Ш.В. Грузия в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Батуми: Госиздат Адж. АССР, 1955. 125 с.

408. Мегрелидзе Ш.В. Закавказье в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Тбилиси: Мецниереба, 1972. 303 с.
409. Медведев А.И. Персия : Военно-статистическое обозрение. СПб.: В. Березовский, 1909. 624+4 с.
410. Медведик И.С. Британские дипломаты в Тегеране: взгляд на англо-российский конфликт в Персии в конце XIX – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 6 (144). История. Вып. 30. С. 115–122.
411. Медведик И.С. Российские и персидские консульские службы в Астрахани и Гиляне в XIX в. (к истории становления российско–персидских консульских отношений) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.konf2011.afurji.ru/medvedik.html>.
412. Международные отношения в Центральной Азии. События и документы. М.: Агент-пресс, 2011. 549 с.
413. Меликов О.С. Персидская мемуарная литература XIX века как источник по истории Ирана // Иран и Турция: вопросы истории. Баку: Элм, 1986. С. 24 С. 5–60.
414. Мендельсон Л.А. Теория и история экономических кризисов и циклов. М.: Изд-во социально-экономической лит-ры, 1959. Т. 2. 768 с .
415. Меннинг Б.У. Пуля и штык. Армия Российской империи, 1861–1914. М.: Модест Колеров, 2016. 424 с.
416. Мерк В. Китайская армия во второй половине XIX – начале XX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: rubicon-club.narod.ru/kitay.doc.
417. Мехди Санаи. Политическая мысль в исламском обществе // Иран: ислам и власть. М.: Крафт+, 2002. С. 6–22.
418. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М.: НЛЮ, 2006. 248 с.
419. Миллер А.И. Формирование наций у восточных славян в XIX в. – проблема альтернативности и сравнительно-исторического контекста. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://lib.znate.ru/docs/index-109957.html?page=2>.
420. Милов Л.В., Цимбаев Н.И. История России XVIII–XIX веков. М.: Эксмо, 2006. 784 с.

421. Мирзоян М. и Г. Лианозовы. Короли серого и чёрного золота // <http://www.noev-kovcheg.ru/mag/2012-20/3536.html>.
422. Михайлов О.Н. Александр III. Забытый император СПб.: Армада, 1996. 457 с.
423. Михалёв А.В. «Новая Большая Игра» в Центральной Азии: фактор Монголии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 2. С. 35–41.
424. Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. Киев: Тип. Т-ва Г.Л. Фронцкевича и К, 1908. Т. 1. 6+519 с.
425. Моисеев С.В. Особое совещание по Кашгарскому вопросу (19 марта 1876 г.) // <http://new.hist.asu.ru/biblio/zalk/162-166.pdf>.
426. Моруа А. Жизнь Дизраэли. М.: Изд-во политической лит-ры, 1991. 254 с.
427. Морьер Д. Похождения Хаджи Бабы из Исфагана. М.: Художественная литература, 1970. 416 с.
428. Мультатули П.В. Внешняя политика императора Николая II (1894–1917). М.: ФИВ, 2013. 840 с.
429. Мусаева С.И. Англо-французское соперничество вокруг проекта Суэцкого канала // Военно-исторический журнал. 2011. № 7. С. 33–37.
430. Назаров О. Забытый странник // Вокруг света. 1995. №12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/1300/>.
431. Народы и религии мира: Энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. 928 с.
432. Настольный энциклопедический словарь. М.: Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, 1897. Т. 8. С. 4555–5358.
433. Науменко О.А. Роберт Солсбери и его время: Викторианская Англия в лицах. СПб.: Издательский дом Нева, 2004. 368 с.
434. Непомнин О.Е., Иванов Н.А. Типология азиатских обществ. М.: Восточная литература. 2010. 440 с.
435. Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин. XVII – начало XX века. М.: Восточная литература, 2005. 712 с.

436. Нерсесов Г.А. Дипломатическая история египетского кризиса 1881-1882 гг. (в свете русских архивных материалов). М.: Главная редакция восточной литературы, 1979. 318 с.
437. Нетесов А. Миротворческая миссия за Араксом Как русские войска нормализовали обстановку в Персии в начале XX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nvo.ng.ru/history/2009-07-03/12_persia.html.
438. Нефедов С. А. Теория военной революции: полвека спустя // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 134–141.
439. Низамутдинов И. «Сеиستانский вопрос»: Из истории вмешательства Англии в ирано-афганские дела. Ташкент: Б. и., 1958. 67 с.
440. Низамутдинов И. «Сеиستانский вопрос». Дис. ... канд. ист наук. М., 1954. 268 с.
441. Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. 92 с.
442. Никонов О.А. Развитие межгосударственных отношений в Азиатско-Каспийском субрегионе в XVIII–IX вв. Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2011. 621 с.
443. Ниязатов М. Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX вв. СПб.: Петербургское востоковедение, 2011. 496 с.
444. Ниязатов М. Россия на Востоке: противостояние великих держав (XIX век). СПб.: Петербургское востоковедение, 2015. 640 с.
445. Ниязатов М. Русофобия: стереотипы, иллюзии и реальность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article31624.htm>.
446. Нойманн И. Использование Другого: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
447. Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 848 с.
448. Овсянников В. И. Проблемы Востока и общественно-политическая мысль России (середина XIX в.). М.: МГЗПИ, 1989. 100 с.

449. Овсяный Н.Р. Болгарское ополчение и Земское войско. К истории гражданского управления и оккупации в Болгарии 1877-78-79 гг. СПб.: Изд. Воен.-Ист. Комиссии Главного Штаба, 1904. 175 с.
450. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 576 с.
451. Орановский Николай Алоизович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://regiment.ru/bio/O/46.htm>.
452. Орановский Николай Алоизиевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=72>.
453. Остальцева А.Ф. Англо-русское соглашение 1907 года: Влияние русско-японской войны и революции 1905–1907 годов на внешнюю политику царизма и на перегруппировку европейских держав. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1977. 275 с.
454. Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2002. Т. 3. 419 с.
455. Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной литературы, 1978. 203 с.
456. Павлович М., Иранский С. Персия в борьбе за независимость. М.: Научная ассоциация востоковедов при ЦИК СССР, 1925. 182 с.
457. Павлович М.П. Казачья бригада в Персии (из истории персидской контрреволюции) // Новый Восток. 1925. Кн. 8/9. С. 178–198.
458. Павловський І.Ф. Полтавці: Ієрархи, державні і громадські діячі і благодійники. [Электронный ресурс]. – URL: <http://histpol.pl.ua/pages/content.php?page=3888> (дата обращения: 14.01.2015).
459. Парфёнов И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века : Движущие силы, формы и методы. М.: Наука, 1991. 190 с.
460. Парфенов И.Д. Монополия и империя: Английские привилегированные компании и колониальная экспансия 80–90-х годов XIX в. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980. 193 с.
461. Пенской В. Великая огнестрельная революция. М.: Эксмо, Яуза, 2010. 448 с.

462. Пенской В.В. Военная революция в Европе XVI–XVII веков и её последствия // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 194–206.
463. Пенской В.В. Военная революция XVI–XVII веков и её изучение в зарубежной и российской историографии второй половины XX – начала XXI веков // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. 2008. №5. Вып. 7. С. 67–73.
464. Переяславська Рада 1654 року: (історіографія та дослідження): збірник. К.: Смолоскип, 2003. XX+890 с.
465. Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV вв. Курс лекций. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1966. 398 с.
466. Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX вв. Л.: Издательство ЛГУ, 1949. 182 с.
467. Петухов Л.А. Образ Великобритании в российском общественном мнении в период англо-бурской войны (1899–1902 гг.). Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. М., 2008. 31 с.
468. Пётр Михайлович Власов // <http://www.rusdiplomats.narod.ru/ambassadors/vlasov-pm.html>.
469. Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 240 с.
470. Полунов А. Ю. Константин Петрович Победоносцев: вехи политической биографии. М.: МАКС-Пресс, 2010. 177 с.
471. Попов А. Англо-русское соперничество на путях Ирана // Новый Восток. 1926. Кн. 12. С. 127–148.
472. Попов А. Страница из истории русской политики в Персии // Международная жизнь. 1924. № 4/5. С. 133–164.
473. Попов Е.А. Взгляды К. П. Победоносцева на государственное устройство России // Записки історичного факультету Одеського державного університету ім. І. І. Мечникова. Одеса, 1999. Вип. 10. С. 244–248.

474. Попов И. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М.: ООО Изд-во Астрель, ООО, изд-во АСТ, ЗАО НПП Ермак, 2004. 510 с.
475. Посадсков А.Л. Либеральный полковник из Осведверха: лабиринты судьбы Г.И. Клерже – офицера, журналиста и мемуариста // Клерже Г.И. Революция и гражданская война: личные воспоминания. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2012. С. 5–94.
476. Постников А.В. «Большая игра» в Азии против России: история и современность. Чита: ЗабГУ, 2015. 77 с.
477. Постников А.В. «Исторические права» соседних государств и география Памира как аргументы в «Большой игре» Британии и России (1869–1896) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/39358/1/ASI17_002.pdf.
478. Постников А.В. Схватка на «Крыше Мира»: Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке. МИН-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. М.: Памятники исторической мысли 2001. 415 с.
479. Потапов Г.В. Персидская империя. Иран с древнейших времён до наших дней. М.: Алгоритм, 2013. 352 с.
480. Потто В.А. Гибель отряда Рукина в 1870 году // Исторический вестник, № 7. 1900 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Potto/gibel_rukina.htm.
481. Прибалтика и Средняя Азия в составе Российской империи и СССР: мифы современных учебников постсоветских стран и реальность социально-экономических подсчётов. М.: Центр общественных технологий, 2009. 199 с.
482. Прошлое, настоящее и возможное будущее музея имени Фелицына [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://krasnodar.rfn.ru/rnews.html?id=39311>.
483. Раванди-Фадаи Л.М. Этнос, нация, национализм: иранский взгляд // Нации и национализм на мусульманском Востоке. М.: ИВ РАН, 2015. С. 193–206.

484. Ребель А.И. Евреи в России: самые влиятельные и богатые М.: Эксмо, 2011. 180 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.rulit.me/books/evrei-v-rossii-samy-e-vliyatelnye-i-bogatye-read-227915-1.html>.
485. Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география. Ч. 9: Передняя Азия, Афганистан, Белуджистан, Персия, Азиатская Турция и Аравия. СПб.: Издание картографического заведения А. Ильина, 1887. 782 с.
486. Ремнёв А. Как обустроить Россию. Геополитические прогнозы бывшего министра Куропаткина // Родина. 2004. № 9. С. 32–34.
487. Риза Ша'абани. Краткая история Ирана. СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. 384 с.
488. Риттих П.А. Наши сношения с Персией и её историческое положение в XIX-м столетии // Русский вестник. 1896. Т. 244. № 5. С. 1–26; № 6. С. 49–81.
489. Риттих П.А. Политико-статистический очерк Персии. СПб.: Типография Н. Финдейзена, 1896. V+293 с.
490. Рихсиева Н.Р. К истории иранских казачьих частей (по архивным материалам) // Научные труды Ташкентского государственного университета им. В.И. Ленина. Вып. 564. Востоковедение (литературоведение, история). Ташкент, 1978. С. 129–138.
491. Родионов М.А. Ислам классический. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 256 с.
492. Романчук А. Греко-католическая церковь в пределах Российской империи в первой трети XIX в.: проблемы и перспективы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zapadrus.su/zaprus/istbl/553-xix-94.html>, <http://zapadrus.su/zaprus/istbl/556--xix-.html> <http://zapadrus.su/zaprus/istbl/558--xix-.html>.
493. Российская дипломатия в портретах. М.: Международные отношения, 1992. 384 с.
494. Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Сб. ст. М.: Новое издательство, 2005. 696 с.
495. Российская империя в сравнительной перспективе, Сб. ст. М.: Новое изд-во, 2004. 384 с.

496. Российская империя от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М.: Русская панорама, 2011. 880 с.
497. Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть: 1150 лет российской государственности. М.: РОССПЭН, 2012. 462 с.
498. Ротштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIX века. М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 705 с.
499. Ру Ж.-П. История Ирана и иранцев. От истоков до наших дней. СПб.: Евразия, 2012. 432 с.
500. Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий: В 2 т. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1886. Т. 1. 608+11 с.
501. Русско-японская война. М.: Изд-во Эксмо, Изографус; СПб.: Terra Fantastica 2003. 672 с.
502. Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. 582 с.
503. Рыженков М.Р. Образ Индии в военно-политических кругах России в XVII–XIX вв. // Военно-исторический журнал. 2005. № 10. С. 41–45.
504. Рябиков П.Ф. Разведывательная служба в мирное и военное время // Антология истории спецслужб. Россия. 1905–1924. М.: Кучково поле, 2007. С. 111–410.
505. Савинов И. А. «British raj» в произведениях русских путешественников второй половины XIX – начала XX в. // IMAGINES MUNDI: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. № 7. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 4. С. 89–92.
506. Саид Э. Культура и империализм. СПб.: Владимир Даль, 2012. 734 с.
507. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006. 639 с.
508. Сайнаков Н.А. Методологические проблемы изучения империй в современной историографии // Методологические и историографические проблемы вопросы исторической науки. 2007. Вып. 28. Томск: Изд-во Томского ун-та. С. 288–296.

509. Салихова Д.Б. Российско-иранские отношения во второй четверти XIX века. Дисс. канд ист. наук. Махачкала, 2007. 184 с.
510. Санковский Андрей Степанович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Санковский,_Андрей_Степанович.
511. Сапарова Д.Ч. Влияние Закаспийской железной дороги на развитие русско-иранских торговых связей (90-е гг. XIX в.). Ашхабад: Ылым, 1991. 144 с.
512. Сапрыкин Р.В. А.Н. Куропаткин: Жизнь. Деятельность. Личность: дис. ... канд ист наук. М., 2003. 220 с.
513. Сапунов Д.А. Судьбою связанный с Востоком: И. Виткевич и русская разведка в Средней Азии // Вестник Челябинского государственного университета. 2004. Т. 10. Вып. 1. С. 114–121.
514. Сафронова Е.В. Историческое развитие консульской юрисдикции и организация консульских судов России на Востоке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.k-press.ru/bh/2002/3/safronova/safronova.asp>.
515. Сафронова Е.В. Становление и развитие консульской службы Российской империи в XVIII – начале XX вв. Дис. ... доктора юрид. наук. М., 2002. 372 с.
516. Сафронова Е.В. Становление и развитие консульской службы Российской Империи в XVIII – начале XX в. СПб. Юридический центр Пресс, 2002. 275 с.
517. Сахаров И.В. Материалы научной конференции «Выходцы из Франции и их Российские потомки» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nlr.ru/news/rnbinfo/2004/78-2.pdf>.
518. Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М.: Академический проект; Жуковский; Кучково поле, 2002. 864 с.
519. Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
520. Сеидов Р.А. Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX века (начальный этап формирования). М.: Наука, 1974. 246 с.
521. Семёнов А.А. Как живут персы // История Ирана: Сборник. К. – М.: Альтернатива Евролинц, 2003. С. 254–283.

522. Семёнов П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского Географического Общества. 1845–1895. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1896. Т. 1. 510 с.
523. Семёнов Л.С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-х годах XIX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. 142 с.
524. Сень Д.В. Императорский конвой и участие в нём казаков Кубани [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cossackweb.narod.ru/kazaki/r_konv04.htm#28.
525. Сергеев Е.Ю. Англо-русская Антанта 1907 года. Новые аспекты // Новая и новейшая история. 2007. № 5. С. 50–65 .
526. Сергеев Е.Ю. Англо-русская Антанта 1907 г.: мифы и реальность // Россия и Британия. М.: Наука, 2010. Вып. 5. На путях к взаимопониманию. С. 54–64.
527. Сергеев Е.Ю. «Большая игра» в российско-британских отношениях второй половины XIX – начала XX века: новый взгляд // Российская история. 2011. № 5. С. 3–15.
528. Сергеев Е.Ю. «Большая игра» России и Великобритании в Центральной и Восточной Азии (вторая половина XIX – начало XX века) // Новая и новейшая история. 2011. № 3. С. 82–91.
529. Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. 454 с.
530. Сергеев Е.Ю. Британский политик лорд Кёрзон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://istorja.ru/articles.html/england/curzon/>
531. Сергеев С.И., Долгов Е.И. Военные топографы русской армии. Можайск: ЗАО СиДиПресс, 2001. 591 с.
532. Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо...». Запад и военная элита России. 1900–1914 гг. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2001. 286 с.
533. Сергеев Е., Улунян А. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914. М.: Реалии-Пресс, 2003. 478 с.
534. Сергунин А.А. Суверенитет: эволюция концепта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/756/30/>

535. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
536. Силин А.С. Фон дер Гольц и его военная миссия в Турции // Германский империализм и милитаризм. Сборник статей. М.: Наука, 1965. С. 64–91.
537. Силин А.С. Экспансия Германии на Ближнем Востоке в конце XIX века. М.: Наука, 1971. 256 с.
538. Сихаджок З.Р. Правовой статус кавказского наместника в законодательстве Российской империи. Дисс. ... канд. юридич. наук. Ставрополь, 2011. 199 с.
539. Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. 564 с.
540. Сквозников А.Н. Македония в конце XIX – начале XX века – яблоко раздора на Балканах. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2010. 172 с. С. 85–91.
541. Скрицкий Н.В. Балканский гамбит. *Неизвестная война 1877–1878 гг.* М.: Вече, 2006. 432 с.
542. Скрынников Р.Г. Иван III. М.: АСТ, 2006. 290 с.
543. Словарь нумизмата. М.: Радио и связь, 1993. 406 с.
544. Смирнов К.Н. Персы. Очерк религии Персии. Тифлис Типография Штаба Кавказского Военного Округа 1916. 264+20 с.
545. Смирнов С.Р. Восстание махдистов в Судане // Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 6. М.–Л.: Наука, 1950. 103 с.
546. Смирнова Л. М. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в 70–90-е годы XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 238 с.
547. Снесарев А.Е. Афганистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.cawater-info.net/afghanistan/pdf/cnesarev.pdf.
548. Снесарев А.Е. Афганистан. М.: Русская панорама, 2002. 272 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cawater-info.net/afghanistan/pdf/cnesarev.pdf>.
549. Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект-Пресс, 2009. 592 с.
550. Спасский И. Г. Русская монетная система. Л.: Аврора, 1970. 256 с.
551. Справочник по психиатрии / Под ред. А.В. Снежневского. М.: Медицина, 1985. 416 с.

552. Спутник альпиниста. М.: Физкультура и спорт, 1970. 100 с.
553. Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 3. Отд. 6. Затворницкий Н.М. Военные министры и главноуправляющие военною частью в России с 1701 по 1910 год. СПб.: Тип. Поставщиков его императорского величества товарищества М.О. Вольф, 1911. 316 с.
554. Стрелянов (Калабухов) П.Н. Неизвестный поход: казаки в Персии в 1909–1914 гг. М.: Рейтгар, 2001. 72 с.
555. Стрелянов (Калабухов) П.Н. Казаки в Персии 1909–1918 гг. М.: Центрполиграф, 2007. 448 с.
556. Стрелянов (Калабухов) П.Н. Корпус генерала Баратова, 1915–1918 гг. М.: Б. и., 2002. 166 с.
557. Строева Л.В. Борьба иранского народа против английской табачной монополии в Иране в 1891–1892 гг. // Проблемы истории национально-освободительного движения в странах Азии. Материалы международной конференции при Ленинградском университете 25–27 января 1961 г. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. С. 160–183.
558. Сургуладзе В.Ш. Грани российского самосознания. Империя, национальное сознание, мессианизм и византизм России. М.: W. Vafing, 2010. 480 с.
559. Сухоруков А.Н. Развитие националистических идей в Иране в конце 19 в. и их связь с языковым пуризмом // «Слинкинские чтения»: материалы II Международной научно-практической конференции памяти профессора М. Ф. Слинкина, 14 февраля 2014 г. Симферополь, 2014. Т. 1. С. 50–52.
560. Сухоруков С.А. Англо-персидские отношения в середине XIX века. Дис. ... канд. ист. Наук. М., 2003. 227 с.
561. Сухоруков С.А. Иран: между Британией и Россией. *От политики до экономики*. СПб.: Алетейя, 2009. 182 с.
562. Суэцкому каналу 140 лет: история создания легенды XIX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/society/20091117/194118343.html>.
563. Схиммельпенник Ван дер Ойе Д. Д.А. Милютин и военная разведка России // Пётр Андреевич Зайончковский: сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М.: РОССПЭН, 2008. С. 691–701.

564. Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 424 с.
565. Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Несостоявшийся Кортес: имперские амбиции Николая Пржевальского // Родина. 2002. № 6. С.36-40.
566. Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Царь-миротворец: поворот к Востоку // Родина. 2015. № 2. С. 58–60.
567. Сыздыкова Е.С. Российские военные и Казахстан: Вопросы социально-политической и экономической истории Казахстана XVIII–XIX вв. в трудах офицеров Генерального штаба России. М.: Реклама-Матер, 2005. 246 с.
568. Тарле Е. Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.scepsis.ru/library/id_1703.html.
569. Тарновский Г.В. Торговля с Персией через Закаспийскую область // Оттиск из Вестника финансов, промышленности и торговли. 1896. № 91.
570. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.
571. Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: Тип. П.П. Меркульева, 1875. XIII+361 с.
572. Терентьев М. Хивинские походы русской армии. М.: Вече 2010. 448 с.
573. Тер-Оганов Н. Военные и внешнеполитические факторы создания регулярной армии в Иране в первой половине XIX века // Canadian-American Slavic Studies. 2012. Vol. 46. № 1. P.1–39.
574. Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. 308 с.
575. Тер-Оганов Н.К. К истории происхождения и эволюции персидских военных терминов «جا باز» и «سرپاز» // Сообщения Академии Наук Грузинской ССР. 1976. Т. 81. № 3. С. 749–752.

576. Тер-Оганов Н.К. *К истории формирования регулярной армии в Каджарском Иране // Проблемы востоковедения. 2014. № 4. С. 87–93.*
577. Тер-Оганов Н.К. Константин Николаевич Смирнов и русско-иранские отношения в начале XX века // *Russian history. 2005. Vol. 32. № 1. P. 47–82.*
578. Тер-Оганов Н.К. От военной модернизации к национализму и национальному государству в каджарском Иране // *History and Historians in the Context of the Time. 2015. Vol. 14. Is. 1. P. 39–50.*
579. Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. 352 с.
580. Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада: период трансформации (1894–1903 гг.) // *Восток. 2010. № 3. С. 69–79.*
581. Тер-Оганов Н. Письмо Н.Г. Гартвига К.Н. Смирнову как ценный источник для характеристики англо-русских отношений в Иране в начале XX века // *Russian history. 2005. Vol. 32. № 1. P. 119–129.*
582. Тер-Оганов Н. Поездка подполковника Генерального штаба В.П. Ляхова и штабс-капитана К.Н. Смирнова в Турцию в 1904 году // *Russian History. 2006. Vol. 33. № 1. P. 109–141.*
583. Тер-Оганов Н.К. Создание и развитие иранской регулярной армии и деятельность иностранных военных миссий в Иране в XIX в.: Автореф дисс. ... кандидата исторических наук. Тбилиси, 1984. 28 с.
584. Тимкин Ю.Н. Идеология неоахеменизма в государственно-политической модернизации Ирана периода династии Пехлеви // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 3(65). Ч. 1. С. 169–172.*
585. Тимошина Е. В. Политико-правовая идеология русского пореформенного консерватизма: К.П. Победоносцев. СПб: Изд-во СПбГУ, 2000. 204 с
586. Тихомиров М.Н. Присоединение Мерва к России. М.: Изд. Восточ. Лит., 1960. 239 с.
587. Толмачёв Е.П. Александр III и его время. М.: Терра – Книжный клуб, 2007. 720 с.

588. Толмачёв Е.П. Миротворец Александр III и его время. М.: Воениздат, 2008. 288 с.
589. Толстой С.Г. Отечественная историография Крымской войны, вторая половина XIX – первая половина XX в. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 2002. 272 с.
590. Томар М.Л. Экономическое положение Персии: Отчёт командированного в 1893–1894 гг. в Персию для исследования положения русско-персидской торговли. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1896. 172 с.
591. Томсинов В.А. Константин Петрович Победоносцев (1827–1907): человек, государственный деятель и правовед // Победоносцев К.П. Юридические произведения. М.: Зерцало, 2012. С. 7–216.
592. Трайнин И.П. Национальные противоречия в Австро-Венгрии и её распад. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 307 с.
593. Трепавлов В.В. Белый царь. Образ монарха и представление о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Восточная литература РАН, 2007. 255 с.
594. Троицкий Н. Россия в XIX веке: Курс лекций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scepsis.ru/library/id_1549.html.
595. Троицкий Н.А. «На земле стоит комок...». Александр III: время, правление, личность // Свободная мысль. 2000. № 5. С. 88–98
596. Троян С.С., Троян П.С. Отто фон Бісмарк і колоніальне питання в Німеччині (1840–1890 pp.). Рівне: РІС КСУ, 2011. 224 с.
597. Трубецкой В.В. Бахтиары (оседло-кочевые племена Ирана). М.: Наука, 1966. 220 с.
598. Трухановский В.Г. Бенджамин Дизраэли или История одной невероятной карьеры. М.: Наука, 1993. 368 с.
599. Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. М.: Директмедиа паблишинг, 2008. 479 с.
600. Туманова А.С. Модернизация Российской империи в XVIII – начале XX вв.: традиционные и новые подходы // Модернизация государства. Пенза: ИИЦ ПГУ, 2005. С. 19–39.

601. Туманович Н.Н. Европейские державы в Персидском заливе. В 16–19 вв. М.: Наука, 1982. 190 с.
602. Украинское национальное движение и проблема Переяславской Рады: взгляды и оценки (XIX – XX вв.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/135528>.
603. Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. М.: ОГИ (Объединенное Гуманитарное Издательство), 2004. 797 с.
604. Уткин А. И. Вызов Запада и ответ России. М.: Эксмо, 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/research/utkin_ai4.
605. Ушинский К. Д. Рецензия на книги «Статистическое обозрение Персии» И.Ф. Бларамберга и «Путешествие по Северной Персии И. Березина // Современник. 1852. № 10. Отд. III. С. 82.
606. Фадеева И.Л. Специфика процессов модернизации в исторической ретроспективе XIX – XX вв. // Особенности модернизации на мусульманском Востоке. Опыт Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана. М.: ИВ РАН, 1997. С. 7–20.
607. Фалько С.А. Военная разведка России в странах Дальнего Востока (вторая половина XIX – начало XX вв.). Дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 2012. 270 с.
608. Фалько С.В. Военно-инструкторская миссия под руководством полковника К.В. Церпицкого в Бухарский эмират (1884 г.) // Гілея. 2016. Вип. 109. С. 106–115.
609. Фалько С.А. Российская военно-дипломатическая служба в Китае в эпоху правления Александра III (1881–1894 гг.) // Клио. 2015. № 2 (98). С. 136–145.
610. Федорченко В.И. Двор российских императоров [Текст]: энцикл. биографий. Красноярск – М.: Издательские проекты: АСТ, 2004. 586 с.
611. Федорченко В.И. Императорский Дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий: В 2 т. Красноярск: БОНУС; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. Т. 1. 1307 с.; Т. 2. 638 с.

612. Федорченко В.И. Свита российских императоров: энциклопедия биографий: в 2 кн. Красноярск – М.: Издательские проекты: АСТ, 2005. Кн. 1: А – Л. 526 с.; Кн. 2: М – Я. 533 с.
613. Фёдорова Т.В. Духовно-нравственное и экономическое наследие российской династии Коншиных в формировании гражданского самосознания и патриотического чувства студентов техникума // *oktes.ru/internet-konf-2011*.
614. Федорченко В.И. Дворянские роды, прославившие Отечество. Энциклопедия дворянских родов. М: Олма-пресс, 2003. 464 с.
615. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Высшая школа, 1992. 351 с.
616. Филюшкин А.И. Термины «царь» и «царство» на Руси // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 144–148.
617. Фирсов С.Л. Николай II: Пленник самодержавия. М.: Молодая гвардия, 2010. 526 с.
618. Фокин С.В. Колониальная полтика Германии в 1871–1941 гг. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2004. 51 с.
619. Фомин М.М. Русское военно–дипломатическое представительство. Франции в 1870–1914 годах. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 315 с.
620. Фрай Р. Наследие Ирана. М.: Восточная литература, 2002. 464 с.
621. Франкини Виктор Антонович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://ru.wikipedia.org/wiki Франкини_Виктор_Антонович](http://ru.wikipedia.org/wiki/Франкини_Виктор_Антонович).
622. Франкини Виктор Антонович // Исторический вестник. 1893. Т. 50. № 10. С. 279–280.
623. Фрейман О.Р. фон. Пажи за 183 года (1711–1894). Биографии бывших пажей, с портретами. Фридрихсгамн: Народная типография, 1896. Вып. 17. 952 с.
624. Фролов Э.Д. Граф Сергей Семенович Уваров и академический классицизм. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/frolov/frol03f.htm>.

625. Фурсов К.А. Держава-купец: отношения английской Ост-индской компании с английским государством и индийскими патримониями. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. 364 с.
626. Фурсов К.А. Трансформация английской Ост-Индской Компании: от купца к державе-купцу // Восток.. 2007. № 1. С. 56–71.
627. Халфин Н.А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX века) // Труды Среднеазиатского государственного университета им. В.И. Ленина. Новая серия. Вып. 110. Исторические науки. Кн. 21. Ташкент: Издательство САГУ, 1957. 251с.
628. Халфин Н.А. Драма в номерах «Париж» // Вопросы истории. 1966. № 10. С. 216–220.
629. Халфин Н.А. Борьба за Курдистан: Курдский вопрос в международных отношениях XIX века. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. 171 с.
630. Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1857–1868). М.: Издательство восточной литературы, 1960. 272 с.
631. Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М.: Наука, 1965. 468 с.
632. Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф. Н.В. Ханыков – востоковед и дипломат. М.: Наука, 1977. 278 с.
633. Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М.: Наука, 1974. 406 с.
634. Халфин Н.А. Связи, контакты, сотрудничество // Азия и Африка сегодня. 1986. № 4.
635. Халфин Н. А. Три русские миссии. Из истории внешней политики России на Среднем Востоке во второй половине 50-х годов XIX века // Труды среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина. Новая серия. Вып. 78. Исторические науки. 1956. Кн. 13. 86 с.
636. Ханыков Н. Очерк служебной деятельности генерала Альбранда. Тифлис: тип. канцелярии Наместника Кавказского, 1850. 38 с.
637. Ханыков Н. Записки по этнографии Персии. М.: Глав. ред. вост. лит. 1977. 151 с.

638. Хевролина В.М. Власть и общество. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1878–1894 гг. М.: Институт российской истории РАН, 1999. 315 с.
639. Хевролина В.М. Николай Павлович Игнатьев. М.: Квадрига, 2009. 392 с.
640. Хидоятов Г.А. Британская экспансия в Средней Азии: (Пенде, март 1885 г.). Ташкент: ФАН, 1981. 213 с.
641. Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. 456 с.
642. Хмельницкий С.И. Пржевальский (1839–1888). Л.: Молодая гвардия, 1950. 420 с.
643. Хобсбаум Э. Век империи. 1875–1914. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 545 с.
644. Ходарковский М. В чём Россия «опережала» Европу или Россия как колониальная держава // Политическая концептология: Журнал меадисциплинарных исследований. 2013. № 2. С. 85–91.
645. Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. 640 с.
646. Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Horos.
647. Хорошкевич А.Л. Россия и Московия. Из истории политико-географической терминологии // Acta Baltico-slavica. 1976. Т. 10. С. 47–57.
648. Хохлов А.Н. Д.В. Путята и его план модернизации корейской армии (1896–1898) // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 15. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2013. С. 172–202.
649. Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.
650. Цыганков В.В. «Военная революция» и становление современной мир-экономики // Вестник НГУ. Серия: Педагогика. 2009. Т. 10. Вып. 1. С. 51–61.
651. Чарный И.С. Начало колониальной экспансии Германии в Африке (1879–1885). М.: Наука, 1970. 213 с.
652. Чернуха В. Г. Александр III // Вопросы истории. 1992. № 11/12. С. 46–63.

653. Чириков Е.И. Путевой журнал русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению 1849–1852 // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. 1875. Кн. 9. 101+803 с.
654. Чомак Ихсан. Турция и Россия на рубеже XIX–XX вв. и дипломатическая деятельность посла России в Константинополе И.А. Зиновьева. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 215 с.
655. Чорній В.П. Болгарія напередодні російсько-турецької війни 1877–1878 рр. // Харків – Софія : Акад. вид-во ім. М. Дринова, 2007. Т. 3. 2009 . С. 13–23.
656. Чулков Г.И.. Императоры: Психологические портреты / Вступ. ст. и коммент. В. Баскакова. М.: Худож. лит., 1993. 382 с.
657. Чумаков В. Его Высокопревосходительство господин персидский барон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sem40.ru/famous2/m1349.shtml/>
658. Чумаков В. Русский капитал. От Демидовых до Нобелей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.e-reading.org.ua/book.php?book=70497>.
659. Чунакова О.М. Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов. М.: Восточная литература, 2004. 286 с.
660. Шалашная В.М. Д.А. Милютин и военные реформы в России в 60–70-е гг. XIX в. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://izvestia.asu.ru/2009/4-4/hist/TheNewsOfASU-2009-4-4-hist-53.pdf>.
661. Шаповалов В.Ф. Восприятие России на Западе: мифы и реальность // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 51–67.
662. Шафеев А. Р. Политические взгляды К. П. Победоносцева на проблемы взаимоотношения между обществом и государством // Теория и практика общественного развития. 2011. № 2. С. 85–90.
663. Шахторин А.А. Подготовка казаков Кубанского казачьего войска во второй половине XIX – начале XX вв.: Историческое исследование. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2006. 25 с.
664. Шацилло К. Ф. Государство и монополии в военной промышленности России (конец XIX в. – 1914 г.). М.: Наука, 1992. 270 с.

665. Швецов Н. О чём поведал царский титул [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ufagen.ru/node/5707>.
666. Шевель А.А. Англо-русское сотрудничество и соперничество в Персии в 1905–1914 гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 190–195.
667. Шеманский А. Д. Бой на Кушке и его 25-летний юбилей 18/III 1885 г. – 18/III 1910 г. СПб., В. Березовский, 1910. 80 с.
668. Шеманский А. Русско-турецкая война 1877–78 гг. на Черноморском побережье Кавказа // Военно-исторический вестник. 1911 г. № 3–8, 11/12.
669. Шемякин Я.Г. Россия в западном восприятии (специфика образов «пограничных» цивилизаций) // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 133–144.
670. Шибанов Ф.А. И.И. Стебницкий – геодезист-картограф и географ, выдающийся деятель Географического общества (к 150-летию со дня рождения) // Известия Всесоюзного географического общества. 1982. Т. 114. Вып. 5. Л.: Наука, 1982. С. 416–424.
671. Шибанов Ф.А. Подготовка картографических кадров в России в XIX и начале XX вв. // Учёные записки Ленинградского государственного университета. 1958. № 226. Серия географических наук. Вып. 12. С. 75–93.
672. Широкоград А. Персия-Иран: империя на Востоке. М.: Вече, 2010. 402 с.
673. Широкоград А.Б. Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907. М: ООО Издательство АСТ, 2003. 512 с.
674. Ширяев М.В. Англо-російське протистояння у Середній Азії та Афганістані в 1907–1922 рр. Дис... канд. іст. наук. Луганськ, 2006. 202 с.
675. Шитов Г.В. Персия под властью последних кадджаров. Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1933. 230 с.
676. Шишов А.В. Витте. Финансовый гений последних Романовых. М.: Вече, 2004. 432 с.
677. Шишов А.В. Персидский фронт (1909–1918). Незаслуженно забытые победы. М.: Вече, 2010. 370 с.

678. Шкерин В. А. Ян Виткевич и оренбургский военный гуубернатор Василий Перовский // Уральский исторический вестник. 2012. №2. С. 131–137.
679. Шостакович С.В. Дипломатическая деятельность А.С. Грибоедова. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. 295 с.
680. Штейнберг Е.Л. История британской агрессии на Среднем Востоке. (От французской буржуазной революции до Второй мировой войны). М.: Воениздат, 1951. 212 с.
681. Шукюров К. Миграция населения между Россией и Ираном в XIX – начале XX веков (политико-правовые вопросы) // Кавказ & глобализация. 2009. № 2/3. С. 210–219.
682. Щербаков А.И. Политические взгляды Отто фон Бисмарка и их изменения в спектре колониального вопроса германской империи в конце XX в // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 2 (688). С. 222–232.
683. Эйхельман О. Хрестоматия русского международного права: В 2 ч. К.: Университетская типография, 1887. Ч. 1. 477 с.
684. Энгельгардт М.А. Александр Гумбольдт, его жизнь, путешествия и научная деятельность. Биогр. очерк. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1891 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/e/engelxgardt_m_a/text_0020.shtml.
685. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz/>
686. Энциклопедия военных и морских наук. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1885. Т. 2. 631 с.
687. Энциклопедия военных и морских наук. СПб.: Тип. В. Безобразова и К, 1883. Т. 1. 572+20 с.
688. Энциклопедия военных и морских наук. СПб.: Тип. В. Безобразова и Компании, 1891. Т. 5. 641 с.
689. Энциклопедия военных и морских наук. СПб.: Тип. В. Безобразова и К, 1893. Т. 6. 625 с.

690. Энциклопедия военных и морских наук. Санкт-Петербург: Тип. В. Безобразова и К, 1895. Т. 7. 629 с.
691. Эфендиев О. Азербайджанское государство Сефевидов в XVI в. Баку: Элм, 1981. 335 с.
692. Юдин Е. Е. Император Николай II в восприятии русской аристократии. 1894–1914 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://istorja.ru/articles.html/russia/nicholas-ii-in-perception-of-russian-aristocracy-1894-1914>.
693. Юлдашбаева Ф. *Из истории английской колониальной политики в Афганистане и Средней Азии 70–80-е годы XIX в.* Ташкент: Госиздат УзССР, 1963. 191 с.
694. Яблонских Е.К. История экономики России XIX века: Конспект лекций. М.: МГТУ Станкин, 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=28256>.
695. Яковлева Н.П. Владимир Андреевич Косаговский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://valdaytravel.narod.ru/Kosagovskii.htm>.
696. Afary J. *The Iranian Constitutional Revolution, 1906–1911.* New York: Columbia University Press. 1996. 448 p.
697. Ahrari M.E., Bealthe J. *New Great Game in Muslim Central Asia.* Washington, D.C.: Institute for National Security Studies, National Defense University, 1996. 94p.
698. Ahrari M.E. *The New Great Game in Muslim Central Asia.* Honolulu: T.H. University Press of the Pacific University Press of the Pacific, 2002. 91 p.
699. Algar H. *Mīrzā Malkum Khān: A Study in the History of Iranian Modernism.* University of California Press, 1973. 327 p.
700. Andreeva E. *Russia and Iran in the Great Game: Travelogues and Orientalism* London-New York: Routledge. 289 p.
701. Atkin M. *Cossack Brigade // Encyclopædia Iranica. Vol. VI. Fasc. 3. P. 329–333* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iranicaonline.org/articles/cossack-brigade>.
702. Atkin M. *Russia and Iran, 1780–1828.* Minneapolis: Minnesota Archive Editions, 1980. 232 p.

703. Axworthy M. A history of Iran : empire of the mind. New York: Basic Books, 2010. 368 p.
704. Axworthy M. The Army of Nader Shah // *Iranian Studies*. 2007. Vol. 40. № 5. P. 635–646.
705. Axworthy M. The Sword of Persia: Nader Shah, from Tribal Warrior to Conquering Tyrant. London/New York: I.B. Tauris, 2006. 348 p.
706. Babich P. A Russian officer in Persian Cossack Brigade: Vladimir Andreevich Kosagovskii. Budapest: CEU, 2014. 84 p.
707. Browne E.G. The Persian revolution of 1905–1909. Cambridge: University Press, 1910. 596 p.
708. Burton D.H. Cecil Spring Rice: A Diplomat's Life. Rutherford: Fairleigh Dickinson University Press, 1990. 232 p.
709. Byrnes R.F. Pobedonostsev. His life and Thought. Bloomington, London: Indiana University Press, 1968. 495 p.
710. Calmard J. Les Reformes Militaires sous les Qajars (1795–1925) // *Entre l'Iran et l'Occident*. Paris: ed. Y. Richard, 1989. P. 17–42 .
711. Chang Juinn Yih. Some remarks on the Pundit project British indian government [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nccur.lib.nccu.edu.tw/bitstream/140.119/9453/1/105%20unfiled.pdf>.
712. Cooley A. Great Game, Local Rules and the New Great Power Context in Central Asia. Oxford University Press, 2012. 272 p.
713. Cronin S. Armies of Qajar Iran [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kavehfarrokh.com/iranica/militaria/iranian-military-history-and-armies-post-islamic-era-to-1899/professor-stephanie-cronin-armies-of-qajar-iran>.
714. Cronin S. Building a new army: military reform in Qajar Iran // *War and Peace in Qajar Persia. Implications Past and Present*. Londres et New York, Routledge, 2008. P. 47–87.
715. Cronin S. Deserters, Converts, Cossacks and Revolutionaries: Russians in Iranian Military Service 1800–1920 // *Iranian-Russian Encounters: Empires and Revolutions since 1800*. Abingdon, UK and New York: Routledge, 2012. P. 143–187;

716. Cronin S. Deserters, Converts, Cossacks and Revolutionaries: Russians in Iranian Military Service 1800–1920 // *Middle Eastern Studies*. 2012. Vol. 48. Is. 2. P. 147–182.
717. Cronin S. Importing Modernity: European Military Missions to Qajar Iran // *Comparative Studies in Society and History*. 2008. Vol. 50. Is. 1. P. 197–226.
718. Cronin S. *The Army and Creation of the Pahlavi State in Iran, 1921–1926*. I.B.Tauris, 1997. 296 p.
719. Cronin S. *The Making of Modern Iran: State and Society under Riza Shah, 1921–1941*. Taylor & Francis, 2003. 312 p.
720. Curzon G.N. *Persia and the Persian Question*. London: Published by Frank Cass & Co. Ltd, 1966. 639 p.
721. D'Angelo G. A. *The Contemporary Role of the Military Attaché: And Problems Relating to the Attainment of a Quality Corps*. Texas Tech University, 1972. 240 p.
722. De Windt. H. *A ride to India across Persia and Baluchistan* London: Chapman and Hall, limited, 1891/ 390 p.
723. Deren S. *German ideas and expectations on expansion in the near east. A Dissertation ... doctor of philosophy*, 2004. 266 p.
724. Duckers P. *The British-Indian Army 1860–1914*. Princes Risborough: Shire Publications, 2003. 56 p.
725. Duka C. *World Geography*. Rex Bookstore Inc., 2007. 218 p.
726. Durrani A. *South Asia in the New Great Game* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wikileaks.org/>
727. Entner M.L. *Russo-Persian Commercial Relations, 1828–1914*. University of Florida Press, 1965. 80 p.
728. Fata D.P. *Arctic Security: The New Great Game?* // Rajan Menon *New Great game in Central Asia* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00396338.2003.9688581>.
729. *Central Asia: A New Great Game?* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdf/files/pub117.pdf.
730. Feuvrier J.B. *Trois ans à la cour de Perse*. Paris: F. Juven, 1900. 492 p.

731. Firoozeh Kashani-Sabet. *Frontier Fictions: Shaping the Iranian Nation, 1804–1946*. I.B.Tauris, 2000. 328 p.
732. Foran J. *The Strengths and Weaknesses of Iran's Populist Alliance: A Class Analysis of the Constitutional Revolution of 1905–1911 // Theory and Society*. 1991. Vol. 20. № 6. P. 795–823.
733. <http://regiment.ru/bio/D/120.htm/>
734. http://ru.wikipedia.org/wiki/Франкини_Виктор_Антонович.
735. <http://www.history-ryazan.ru/node/10847>.
736. <http://omop.su/ruwiki/1/7005.php>.
737. ru.wikipedia.org/wiki/Кузмины-Караваевы.
738. <http://www.regiment.ru/bio/B/301.htm>.
739. <http://regiment.ru/bio/D/120.htm>.
740. <http://regiment.ru/bio/K/343.htm>.
741. <http://regiment.ru/bio/K/392.htm>.
742. http://ru.wikipedia.org/wiki/Бельгард,_Владимир_Карлович.
743. http://ru.m.wikipedia.org/wiki/Кузмины-Караваевы#cite_note-9.
744. <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=28>.
745. Humā Nāṭīq. *Les commercants, la Banque imperiale et la Regie des Tabacs (D'apres l'archive d'Amin-oz-zarb)*. Paris: Edition Khavaran, 1992. 378 p.
746. Farrokh K. *Iran at War 1500–1988*. Oxford: Osprey, 2011. 488 p.
747. Illich N.S. *German Imperialism in the Ottoman Empire: A Comparative Study*. A Dissertation By... doctor of philosophy. Texas A&M University, 2007. 265 p.
748. *Iran Religion, Politics and Society Collected Essays*. London: Routledge, 1983. 248 p.
749. *Iranian-Russian Encounters: Empires and Revolutions since 1800*. Abingdon, UK and New York: Routledge, 2012. 411 p.
750. Jehuda W.L. *Anatomie einer Militärhilfe. Die Preußisch-deutschen Militärmissionen in der Türkei 1835–1919*. Düsseldorf: Droste Verlag, 1976. 284 s.
751. Kaveh Farrokh. *Iran at War. 1500–1988*. Oxford: Osprey, 2011 488 p.
752. Kasravi A. *History of the Iranian Constitutional Revolution: Tarikh-e Mashrute-ye Iran*. Costa Mesa: Mazda Publications, 2006. Volume 1. 347 p.

753. Kazemzadeh F. The Origin and Early Development of the Persian Cossack Brigade // *The American Slavic and East European Review*. – 1956. – Vol. 15. – P. 351–364.
754. Keddie N. Religion and Rebellion in Iran: The Tobacco Protest of 1891–92. London: London, Frank Cass, 1966. 163 p.
755. Kerst G., Heimburger F. Finding words for an unequal partnership – German soldiers and the Ottoman Empire 1835–1918 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.franziska.fr/dossier-heimburger.pdf.
756. Kerst G. Jacob Meckel, sein Leben, sein Wirken in Deutschland und Japan. Göttingen, Zürich, Frankfurt: Musterschmidt, 1970. 164 s.
757. Kleveman L. The New Great Game: Blood and Oil in Central Asia. New York: Grove Press, 2004 295 p.
758. Li-Chiao Chen British Policy on the Margins and Centre of Iran in the Context of Great Power Rivalry 1908–1914. Department of History, Royal Holloway, University of London, 2015. 294 p.
759. Lorentz J.H. Iran's Great Reformer of the Nineteenth Century: An Analysis of Amīr Kabīr's Reforms // *Iranian Studies*. 1971. Vol. 4. Is. 2/3. P. 85–103.
760. MacMunn G.F. The Armies of India. New Delhi: Lancer Publishers, 2010. 224 p.
761. Makni Dr. The New Great Game: Oil and Gas Politics in Central Eurasia. New York: Raider Publishing International, 2008. 312 p.
762. Mangol Bayat. Iran's First Revolution: Shi'ism and the Constitutional Revolution of 1905–1909. Oxford University Press, 1991. 336 p.
763. Marshall A. Russian General Staff and Asia, 1860–1917. London – New York: Routledge, 2006. 274 p.
764. Matthew E. The New Great Game and the new great gamers: disciples of Kipling and Mackinder // *Central Asian Survey*. 2003. Vol. 22(1). P. 83–103.
765. Menning B.W. Bayonets before Bullets. The Imperial Russian army 1861–1914. Indiana University Press, 1992. 354 p.
766. Mullerson R. Central Asia: A Chessboard and Player in the New Great Game. New York: Columbia University Press, 2007 400p.

767. Parker G. The military revolution. Military innovation and the rise of the West, 1500–1800. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 282 p.
768. Persson G. The Russian Army and foreign wars 1859–1871. PhD thesis. London: School of Economics and Political Science, 1999. 208 p.
769. Persson G. Russian Military Attaches and the Wars of the 1860s // Reforming the Tsar's Army: Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution. Cambridge University Press, 2004. P. 151–167.
770. Poulson S.C. Confronting the West: Social Movement Frames in 20th Century Iran. P. 107–129 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://scholar.lib.vt.edu/theses/available/etd-12092002-163510>.
771. Puddephatt A., Torreblanca J.I., Prislán Ni. The New Great Game [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ecfr.eu/page/-/The_New_Great_Game_ECFR.pdf.
772. Qamar F., Sumera Z. New Great Game: Players, Interests, Strategies and Central Asia // South Asian Studies A Research Journal of South Asian Studies. 2014. Vol. 29. No.2. P. 623–652.
773. Rabi U., Ter-Oganov N. The Russian Military Mission and the Birth of the Persian Cossack Brigade: 1879–1894 // Iranian Studies. 2009. Vol. 42. № 3. P. 445–463.
774. Rawlinson H.C. Memorandum on the Central Asian Question, dated July, 1868 // Rawlinson H.C. England and Russia in the East: A Series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia. London: John Murray, 1875. P. 263–292.
775. Rawlinson H.C. England and Russia in the East; a series of papers on the political and geographical condition of central Asia. London: J. Murray, 1875. 487 p.
776. Reforming the Tsar's Army: Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution. New York: Cambridge University Press and Washington: Woodrow Wilson Center Press, 2004. 361 p.
777. Reza Ra'iss Tousi. The Persian Army, 1880–1907 // Middle Eastern Studies. 1988. Vol. 24. № 2. P. 206–229.
778. Rich D.A. The Tsar's colonels: professionalism, strategy, and subversion in late Imperial Russia Harvard, 1998. 330 p.
779. Rivett-Carnac S. The Presidential Armies of India. New Delhi: Lancer Publishers, 2010. 477 p.

780. Rosenberg E., Gordon D., Maruyama E., Sullivan A. The New Great Game. Changing Global Energy Markets, The Re-Emergent Strategic Triangle, And U.S. Policy. Center for a New American Security. 2016. 67p.
781. Roy K. Military Transition in Early Modern Asia, 1400–1750: Cavalry, Guns, Government and Ships. Las Vegas: Published by Bloomsbury Academic, 2015. 288 p.
782. Sarkar O. Great Trigonometrical Survey: Histories of Mapping 1790–1850 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://indiansss.org/pdf/pdfset-8/issuaset-9/Art_018.pdf.
783. Shahnavaз S. Britain and South-West Persia 1880-1914: A Study in Imperialism and Economic Dependence. Routledge, 2005. 304 p.
784. Schimmelpenninck van der Oye D. Reforming military intelligence // Reforming the Tsar's Army: Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution. Cambridge University Press, 2004. P. 133–150.
785. Steinberg J.W. The education and training of the russian general staff: A history of the Imperial Nicholas military academy, 1832–1914. Ph. D. diss. Ohio State University, 1990. 379 p.
786. Stutte C.T. An Examination Of Central Asian Geopolitics. Through The Expected Utility Model: The New. Great Game. A dissertation ... Doctor of Philosophy. Florida Fall Term, 2009. 111 p.
787. The Cambridge History of Iran. From Nadir shah to the islamic republic. Cambridge University Press, 1991. Vol. 7. 1072 p.
788. Türk Fahri. Deutsche Militärmissionen und ihre Rolle beim deutsch-türkischen Waffenhandel im Osmanischen Reich 1871–1914 // Electronic Journal of Political Science Studies. 2010. June. Vol. 1. № 1. S. 88–102.
789. Vagts A. Military Attache. Princeton: University Press, 1967. 422 p.
790. Vargas J.R. El Veto al Tabaco. La primera insurreccion civil de Persia. 1890. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.iranologia.es/pdf-lector/8.pdf.
791. Waller D.J. The Pundits: British exploration of Tibet and Central Asia. Lexington: University Press of Kentucky, 1990. 327 p.
792. Ward M. The Survey of India and the Pundits The Secret Exploration of the Himalaya and Central Asia [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://www.alpinejournal.org.uk/Contents/Contents_1998_files/AJ%201998%2059-79%20Ward%20Pundits.pdf.

793. Ward S.R. *Immortal: a military history of Iran and its armed forces*. Washington: Georgetown University Press, 2009. 395 p.

794. Weitz R. *Averting a New Great Game in Central Asia* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.issuelab.org/resources/281/281.pdf>.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Основные события в истории ПКБ (1879–1895 гг.)

дата	событие
декабрь 1878 – январь 1879 гг.	первая поездка А.И. Домонтовича в Иран
7 февраля 1879 г.	контракт между российским и иранским правительствами о приглашении русской военной миссии
7 мая 1879 г.	прибытие в Тегеран первой российской военной миссии
1 июля 1879 г.	подписание русско-иранской конвенции на обучение части персидской кавалерии русскими инструкторами
9 июля 1879 г.	А.И. Домонтовичем разбит первый лагерь для обучения «казаков»
15 июля 1879 г.	официальная дата основания ПКБ
7 августа 1879 г.	первый смотр «казачьего» полка
сентябрь 1879 г.	решение шаха увеличить состав «казаков» до 600
октябрь 1879 г.	разделение части на 2 полка, создание собственно бригады
1881 г.	создан гвардейский полуэскадрон
5 июня 1882 г.	назначение новым Заведующим П.В. Чарковского
июль 1882 г.	окончание срока контракта

	А.И. Домонтовича
16 июля 1882 г.	заключение контракта на приглашение военной миссии под руководством П.В. Чарковского
1883 г.	включение 300 мухаджиров создание 3 полка создание эскадрона «Кадам» переформирование гвардейского полуэскадрона в эскадрон создание хора
1884 г.	создание 4-орудийной батареи
1885 г.	издание на иранском языке написанного П.В. Чарковским «Руководства для обучения персидской артиллерии»
июнь 1885 г.	конец контракта П.В. Чарковского, отбытие его в Россию; врио Заведующего – есаул Е.А. Маковкин
25 января 1886 г.	подписание контракта на приглашение в Иран русской военной миссии под руководством полковника ГШ Н.Д. Кузьмина-Караваева
1889 г.	ликвидация «Кадама»
1889 г.	продление контракта на руководство обучением персидской кавалерии Н.Д. Кузьминым-Караваевым
лето 1889 – январь 1890 гг.	первый кризис в ПКБ
январь 1890 г.	отозвание Н.Д. Кузьмина-Караваева в Россию
28 января 1890 г.	назначение на должность

	Заведующего полковника ГШ Н.Я. Шнеура
1892 г.	подписание контракта на обучение персидской кавалерии на Н.Я. Шнеура
сентябрь – декабрь 1892 г.	второй кризис вокруг ПКБ
начало 1893 г.	отозвание Н.Я. Шнеура в Россию
18 мая 1893 г.	исполняющим должность Заведующего назначен ротмистр В.К. Бельгард
1893 г.	перевод финансовой отчётности по ПКБ на русские образцы
7 марта 1894 г.	назначение на должность Заведующего полковника ГШ В.А. Косоговского
18 марта 1894 г.	В.А. Косоговский принял командование ПКБ
март – сентябрь 1894 г.	конфликт между В.А. Косоговским и В.К. Бельгардом
сентябрь 1894 г.	отозвание В.К. Бельгарда в Россию
март 1894 – май 1895 гг.	третий кризис вокруг ПКБ
апрель 1895 г.	окончание «дела Бельгарда»; российский военный министр потребовал ежемесячных отчётов по хозяйственной и финансовой деятельности ПКБ, приказал, чтобы инструкторов в Иран выбирали не из кавказских казачьих войск, а из кавалерийских офицеров с высшим военным образованием со знанием персидского и других иностранных

	ЯЗЫКОВ
май 1895 г.	право выбора офицеров возвращено кавказскому начальству
5 мая 1895 г.	бунт мухаджиров
9 мая 1895 г.	создание второй «ПКБ»
24 мая 1895 г.	ликвидация второй «ПКБ», подписание российским и иранским правительствами «Положение о ПКБ» и «Конвенции о приглашении русских военных инструкторов»

Приложение 2

Изменения в структуре и численном составе ПКБ (1879–1895 гг.)

год	изменения
1879	полк из 400 чел.
октябрь 1879	разделение на 2 полка
1881	создан гвардейский полуэскадрон
март 1882	610 кавалеристов и 40 – для вспомогательных работ
1883	включение 300 мухаджиров создание 3 полка создание эскадрона «Кадам» переформирование гвардейского полуэскадрона в эскадрон создание хора
1884	создание 4-орудийной батареи
1889	ликвидация «Кадама»
1880-е	численность ПКБ от 900 до 1 200 чел.
1892	численность ПКБ 1 210 чел.
1893	численность ПКБ 712 чел.
1894	численность ПКБ 872 чел.

Приложение 3**Изменения в бюджете ПКБ (1879–1895 гг.)**

год (с марта по март)	сумма в туманах
1879/1880	40 000
1882/1883	66 536
примерно 1888/1889 (по Л.К. Артамонову, год не указан, но книга издана в 1889 г.)	81 000
1889/1890	102 431
1892/1893	96 854
1893/1894	82 000 (впервые в сумму бюджета включены выдачи на 3-й полк)
1895/1896	98 500

Приложение 4

Командиры и инструкторы ПКБ (1879–1895 гг.)

годы	состав миссии
1879–1882	Заведующий обучением персидской кавалерии – полковник ГШ Алексей Иванович Домонтович обер-офицеры: есаул Иван Николаевич Братков сотник Дмитрий Алексеевич Вырубов хорунжий Кухаренко ²⁵⁶⁰ унтер-офицеры: урядники Водобшин, Кириллов, Евсеев, Рудь и Лактин.
1882–1885	Заведующий обучением персидской кавалерии – полковник ГШ Пётр Владимирович Чарковский обер-офицеры: есаулы Денисов, Меняев, Евпл Авксентьевич Маковкин унтер-офицеры: Кириллов, Водобшин, об остальных сведений нет.
1886–1889	Заведующий обучением персидской кавалерии – полковник ГШ Николай Дмитриевич Кузьмин-Караваев обер-офицеры: есаул Меняев (в 1889 г. сменён подьесаулом Михаилом

²⁵⁶⁰ Есаул Евпл Авксентьевич Маковкин сменил кого-то из обер-офицеров раньше 1882 г.

	<p>Андреевичем Ассиером), поручик Каспар Николаевич Блюмер (возвращён в Россию в 1893 г.), Е.А. Маковкин (возвращён в Россию в 1890 г.)</p> <p>унтер-офицеры: сведений нет.</p>
1890–1893	<p>Заведующий обучением персидской кавалерии – полковник ГШ Николай Яковлевич Шнеур</p> <p>обер-офицеры: поручик К.Н. Блюмер, есаулы Николай Засыпкин и Николай Сергеевич Ремизов</p> <p>унтер-офицеры: сведений нет.</p>
май 1893 – май 1894	<p>и.д. Заведующего – ротмистр Владимир Карлович Бельгард</p> <p>обер-офицеры: подьесаул Александр Фердинандович Рафалович</p> <p>унтер-офицеры: сведений нет.</p>
май 1894 – сентябрь 1894	<p>Заведующий обучением персидской кавалерии – полковник ГШ Владимир Андреевич Косоговский</p> <p>обер-офицеры: ротмистр В.К. Бельгард, подьесаул А.Ф. Рафалович</p> <p>унтер-офицеры: сведений нет.</p>
сентябрь 1894 – май 1895	<p>Заведующий обучением персидской кавалерии – полковник ГШ Владимир Андреевич Косоговский</p> <p>обер-офицеры: поручик Николай Алоизиевич Орановский, подьесаул А.Ф. Рафалович, о третьем офицере</p>

	сведений нет унтер-офицеры: сведений нет.
--	--

Приложение 5

Контракт на обучение части персидской кавалерии, заключённый на имя

Н.Д. Кузьмина-Караваева (25 января (6 февраля) в 1886 г.)

Le Gouvernement de Sa Magesté de Shah ayant exprimé le désir de voir continuer l`instruction d`une partie de sa cavalerie par des officiers cosaques russes, le soussignés ont conclu un arrangement á cet effet aux conditions suivantes.

Article I

Le Colonel d`Etat Major Kouzmine-Karavaiew, désigné par les autorités militaires du Caucase en remplacement du Colonel Tcharkovsky, restera pendant trois ans á la disposition du Gouvernement Persan. Il aura Gouvernement instruire et á exercer les troupes qui lui serant confiées á cet effet par le Ministère persan de la guerre et il sera tenu á ce conforme pour ce qui regarde l`instructions, aux réglemens et au statuts actuellement en vigueur pour l`armée Imperiale russe.

Article II

Le Colonel Kouzmine-Karavaiew sera tenu de se faire assister dans l`instructions des susdiles troupes par trois officiers cosaques et par cinq sous-officiers au plus, qui seront désigné á cet effet par l`administration militaire du Caucase. Aussitôt ses officiers et sous-officiers désigné, Le colonel Kouzmine-Karavaiew s`empressera d`en envoyer la liste á la Legation Imperial de Russie á Téhéran qui la transmettra au Gouvernement persan.

Article III

Le Gouvernement persan s`engage de son côté ei rétribuer les services rendus par le Colonel Kouzmine-Karavaiew de la manière suivante. Il paiera au susdit Colonel: a) un traitement annuel de deux mille quatre cent tumans, c`est- á-dire vingt quatre mille francs payables par trimestres par anticipation et d) les rations juournalières puor cinq chevaux. Les officiers qui aussisteront le Colonel Kouzmine-Karavaiew toucheront la même paie qui avait été allouée aux officiers qui avaient accompagné en Perse le Colonel Tcharkovsky.

Quant aux sous-officiers, chacun d'eux sera rétribué à raison de vingt toumans par mois, ou de deux cent quarante toumans par an.

Article IV

Le Gouvernement persan s'engage à faire payer en sus en au Colonel Kouzmine-Karavaïew pour les frais de voyage, une somme de cent demi-impériales, qui lui sera remise le jour de la signature du présent arrangement. Chacun des autres officiers nouvellement désignés en remplacement des anciens touchera au même titre une somme de soixante quinze demi-impériales et chacun des sous-officiers arrivant en Perse, vingt demi-impériales.

Article V

Le service du Colonel Kouzmine-Karavaïew comptera à partir du jour de la signature du présent arrangement et c'est aussi à partir de ce jour que cet officier aura droit à la paye qui lui est octroyée en vertu de l'article III. Il en sera de même des officiers mentionnés à l'article II du présent arrangement.

Article VI

Il sera également payé au Colonel Kouzmine-Karavaïew le jour de la signature du présent arrangement deux mois d'appointements, savoir quatre cents toumans (c'est-à-dire quatre mille francs) de sorte que, à l'expiration du premier trimestre de son service, il aura à toucher les appointements de quatre mois restant du trimestre écoulé et pour les trois mois suivants.

Article VII

Pour tout ce qui regarde les affaires de service, le Colonel Kouzmine-Karavaïew se conformera aux instructions du Ministère persan de la guerre, dont-il relèvera et qui sera chargé de lui faire toucher sa paie.

Article VIII

Les frais de voyage que le Colonel Kouzmine-Karavaïew serait appelé à faire pour affaires de service, à la suite d'ordres du Gouvernement persan, lui seront remboursés par ce dernier, à raison de la dépense effectuée.

Article IX

Le Colonel Kouzmine-Karavaïew ne pourra pas rompre de son propre gré les engagements résultant du présent arrangement, ni renoncer au service en Perse avant l'expiration de trois ans. Dans le cas toutefois où l'état de sa santé le mettrait dans l'impossibilité de continuer à remplir ses devoirs, le Gouvernement persan ne refusera pas de le libérer de tout service ultérieur avant l'expiration des trois années stipulées plus haut. Si des affaires urgentes ou des raisons de santé obligeaient le susdit Colonel à s'absenter provisoirement de la Perse, le Gouvernement persan ne lui refusera pas de lui accorder un congé dont la durée ne dépassera pas trois mois, pendant lesquels Monsieur Kouzmine-Karavaïew n'aura droit à aucun traitement.

Ses dispositions de présent article seront applicables à tous les officiers et sous-officiers russes compris dans le présent arrangement.

Article X

Après que les trois années pendant lesquelles le présent arrangement restera en vigueur auront expiré, le Gouvernement persan sera tenu de faire payer au Colonel Kouzmine-Karavaïew ainsi qu'à tous les autres officiers et sous-officiers russes, à titre de frais de retour, des sommes égales à celles qui leur sont accordées en vertu de l'article IV. Les mêmes sommes leur seront payées dans le cas où le présent arrangement viendrait à être résilié avec l'assentiment du Gouvernement persan, avant le terme ci-dessus exposé.

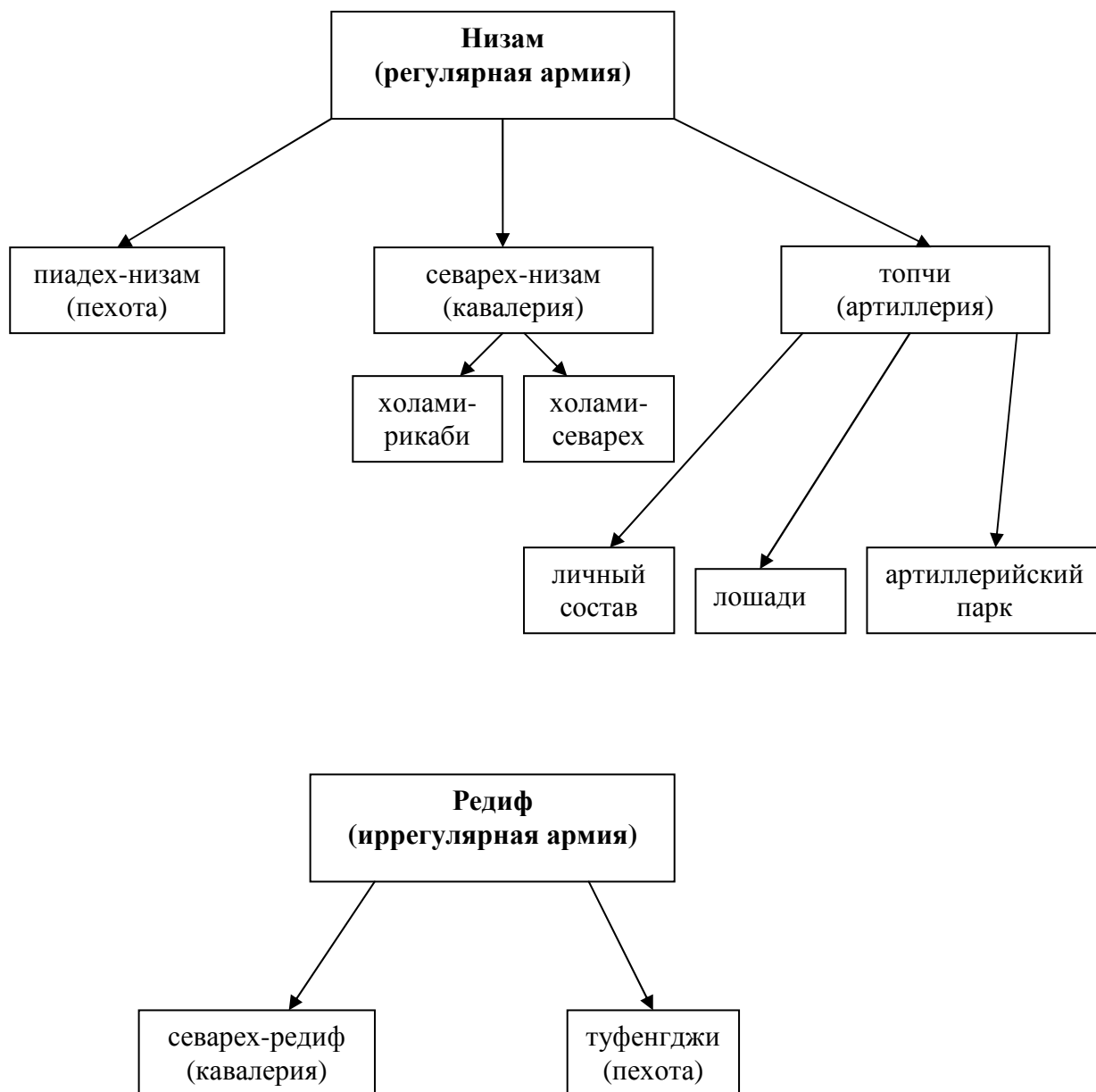
Article XI

Le Colonel Kouzmine-Karavaïew ainsi que les officiers et sous-officiers dont il est fait mention dans le présent arrangement sont tenus de se présenter à Téhéran dans un délai de deux mois et demi à partir du jour où les frais de voyage stipulés à l'article IV leur seront payés par l'entremise de la Légation Impériale de Russie à Téhéran.

Fait à Téhéran le 25 janvier (6 février) 1886.

Приложение 6

Схема иранских регулярных вооружённых сил второй половины XIX в.

Приложение 7

Чины и должности персидской регулярной армии (пехота и артиллерия) ²⁵⁶¹

<i>Чин и должность</i>	<i>Российский аналог</i>
сартип-аввель (эввель)	генерал-лейтенант
сартип-дуюм	генерал-майор
сартип-сеюм	бригадир
сарханг	полковник (командир фоуджа)
наиб-сарханг	подполковник
явер	майор (помощник командира фоуджа)
мирза-машреф	квартирмейстер
аджудан	адъютант
саррештедар	делопроизводитель
тахвильдар	казначей
султан	капитан
наиб-аввель (эввель)	поручик
наиб-дуюм	подпоручик
веиль-баши	фельдфебель
векиль	унтер-офицер
байрактар	знаменосец

²⁵⁶¹ В списке приводится список чинов и должностей по мере их убывания сверху вниз. В источниках зачастую даже чины называются должностями.

серджоуг	ефрейтор в пехоте (фейерверкер в артиллерии)
сарбаз в пехоте (топчи в артиллерии)	солдат

Приложение 8

Штатный состав персидского регулярного фоджа²⁵⁶²

Название должностей	Штат	
	8-сотенного фоджа	10-сотенного фоджа
штаб-и обер-офицеры		
сартип (генерал) или сарханг (полковник), командир батальона	1	1
наиб-сарханг (подполковник)	1	1
явер (майор)	2	2
аджудан (адъютант)	1	1
саррештедар (делопроизводитель)	1	1
султанов (капитанов)	8	10
наиб-эввель (поручиков)	8	10
наиб-дуюм (подпоручиков)	8	10
<i>Итого штаб- и обер-офицеров</i>	29	35
нижние чины		
векиль-баши (фельдфебелей)	8	10
байрактар (знаменщик)	1	1
векилей (унтер-офицеров)	33	41

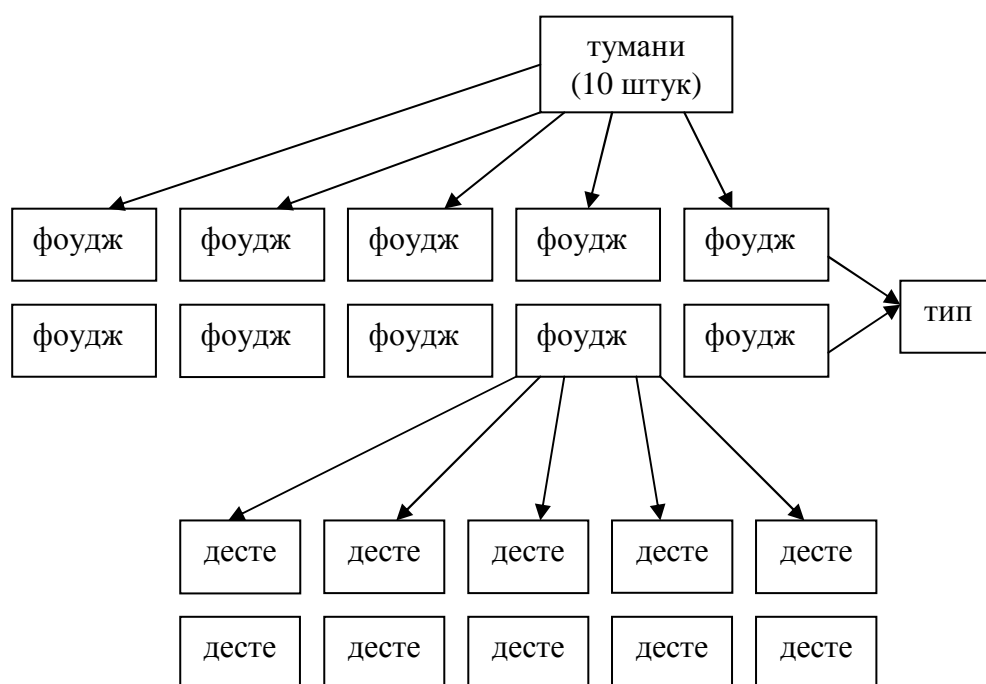
²⁵⁶² Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1894. С. 803.

сер-джуга (ефрейторов)	45	50
музыкантов, горнитов и барабанщиков	43	43
сарбазов (рядовых)	670	855
<i>Итого унтер-офицеров и нижних чинов</i>	800	1 000

В артиллерийском фюудже полагаелось по штату: 1 полковник, 1 майор, 4 капитан, 4 поручика, 1 подпоручик и 250 нижних чинов. Во всех частях, особенно в артиллерии, число сверхштатных офицеров очень велико.

Приложение 9

Условная схема подразделения персидской регулярной пехоты второй половины XIX в.

Приложение 10

Должности иранской регулярной армии второй половины XIX в.

Должность	Обязанности
эмир-низам	командующий регулярной пехотой
эмир-топхане	командующий артиллерией
эмир-тумани	командующий тумани
эмир-пендж	командующий пятью типами
мирза-машреф	квартирмейстер
аджудан	адъютант
тахвильдар	казначей

Приложение 11

Повседневная жизнь российских военных инструкторов вне службы

Мысль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 152–166, 171–173.

ОЧЕРК XV-й Любопытные окрестности столицы

Однажды летом, в 188* году, проживая в селении Зергенде, служащем летней резиденцией Русской Императорской миссии, а потому считающемся русской территорией и лежащем в 11 верстах от города Тегерана, мы, кучка знакомых, собрались сделать поездку на водопад Паскале, знаменитый по своей красоте и лежащий в горах верстах в двадцати от нашего селения. Компания собралась небольшая, но веселая, и сборы были короткие. Наняли ишаков (ослов) и верховых лошадей; я прихватил с собою мою любительскую фотографическую камеру да любимого дога Лёвушку – и всё было готово.

Выехали мы рано утром. Дорога сперва шла через засеянные поля, а затем из ущелья стала подыматься по страшно скалистой тропинке, вверх к водопаду. Кавалькада наша представляла довольно оригинальный вид, потому что некоторым мужчинам с длинными ногами приходилось ехать на низеньких осликах, которых понукают тыканьем острой палочкой под седло. Прежде чем добраться до водопада, еще на равнине, в одном селении (имя забыл), замечательном тем, что там находится сад с двумя мраморными гробницами знаменитых дервишей – богача и нищего негра, – мы сделали отдых ... Осмотрев сад, место упокоения двух чтимых дервишей, мы направились дальше на водопад, пробираясь по страшно крутой тропинке. Лошади поднимались с трудом, а наших ослов пришлось сильно понукать. Часть подъёма мне пришлось идти пешком, так как мой осел окончательно отказывался нести меня с моей камерой. Наконец мы достигли подножия водопада. Дальше я не полез, а предоставил всей компании подниматься на него по лежащей сбоку тропинке. Вся компания полезла туда уже пешком, а я расположился с моей камерой, чтобы снять водопад. Вода падает с Паскале,

действительно, с большой высоты, но количество её бывает разное, смотря по времени года, и когда мы были там, то было не особенно много. Местность вокруг красивая, дикая, но плодородной земли мало. Этот водопад берёт начало с вершины гор, откуда проложены до 80 подземных водопроводов, снабжающих город Тегеран водой.

Полюбовавшись его видом, закусивши и отдохнувши, мы стали спускаться обратно на равнину, но по другой тропе, лежащей по соседнему от неё ущелью, чтобы осмотреть ещё «каменный гриб», как называют персы один камень. После часового спуска по ущелью, мы остановились на берегу ручейка, у огромного камня, который действительно напоминает форму гриба. Это – громадный камень, лежащий на тонком основании. Нужно предполагать, что камень лежал раньше прямо на земле, но ручей, по берегу которого мы спускались и который прежде был, должно быть, горной речкой, подмыл его основание, вследствие чего камень остался как бы на воздухе, держась на подмытом водою тонком каменном основании (стержне). На вершине его растут даже кусты, так как камень покрыт слоем почвенного грунта.

Доехав до него, мы, конечно, сделали привал, достали свои закуски и вино и расположились в ожидании любителей, отправившихся к ручью ловить руками крабов (род паукообразных раков), которыми этот ручей изобилует. Крабы оказались превкусными и мы не жалели, что при ловле они некоторым покусали клещами руки. В отсутствие любителей ловли крабов, к нам подошли два дервиша в обыкновенной своей рваной одежде, сильно обнажающей тело, с сучковатыми палками и железными топориками в руках. Преподнеся нам два полевые цветочка, в знак уважения, они начали восхвалять, т. е. выкрикивать, имя Бога — «Я-хак!» («О Боже!»), «Я-Али!» – имя первого их пророка, «Али Мауджуди», т. е. «Али присутствует». Этими восклицаниями дервиши выпрашивают подаяние во имя Бога, которое, однако, они руками не принимают, а оно прямо кладется в чашку. Вообще, и в городах дервиши не выпрашивают подаяний, а, идя тихо по улице, взывают к Богу и Али; все спешат им подавать, они же никому не скажут спасибо. Давши им несколько монет и заметив, что они кидают жадные взоры на нашу закуску и чай, который очень распространён в Персии, мы по-фарсидски попросили их присесть и

отдохнуть с нами в тени от жаркого солнца. Они бесцеремонно уселись, поджавши под себя грязные босые ноги; выкурив сперва предложенную мною папиросу, стали с жадностью пить чай и есть холодную баранину. На предложенный мною вопрос, как же они решились есть с нами, «нечистыми» – «наджес», баранину, да еще в пост, когда правоверные не должны ничего есть до заката солнца, они ответили замечательно умно и остроумно: «Коран разрешает не держать поста находящимся в дороге (говорят, действительно это есть в Коране), а мы, дервиши, своего дома не имеем, всегда в дороге, значит – имеем право не поститься, а что же касается баранины, то в Коране сказано, что нам запрещено есть животное, зарезанное рукою «гяура» – нечистого, но не сказано, что мы раньше должны убедиться, кем зарезано животное, а потому и ели мы с уверенностью, что оно убито рукою правоверного. Если же мы и ошиблись, что свойственно всем людям, то Аллах милостив, простит нам нашу ошибку». Из этого остроумного ответа можно, кажется, убедиться, что дервиши не фанатики. Они фанатики только перед тёмным народом, при котором вряд ли бы приняли баранину, а не только стали бы её есть. Дервиши всюду встречаются в Персии, но их, повторяю, нельзя смешивать с «факирами» или «фагирами», о которых упомянуто в другом месте; теперь же только дополню, что дервиши грубы, дерзки и пользуются темнотою персидского народа ... В другую поездку мы осматривали развалины города Рей, собственно говоря, остатки развалин, так как тегеранские жители, перевозя оттуда материалы для построек, уничтожили его почти совсем. Рей лежит к югу от Тегерана по Шах-Абдул-Азимской дороге, верстах в шести-семи. Об этом городе персы рассказывают чудеса. Будто в нём было несколько миллионов домов, до ста кварталов, до десяти тысяч мельниц и столько же минаретов и т. п., и что он был будто бы расположен на нескольких квадратных милях. Теперь от его величия ничего не осталось, кроме одной разрушенной двадцатичетырёхугольной башни, без потолка, крыши и даже окон. В нее ведут два узенькие дверных отверстия. Башня эта из кирпича и имеет 20 с. в окружности, а толщина стен её около двух аршин; высота её теперь около десяти сажень, и наверху видны кое-где остатки куфических надписей. Я слышал, что теперь шах велел возобновить башню, чем испортят, конечно, всё её величие. Во все стороны от неё, на несколько верст, видны следы развалившихся валов и

водопроводных каналов; вообще видно, что город был большой, но, наверное, не настолько, как описывают персы: они вообще любят всё преувеличивать. В этой местности видна одна возвышенность, должно быть, мечети или цитадели, но так как эти здания, как видно, были выстроены из нежженого кирпича (сырца), то от времени как бы слились с землёю, по которой опасно было даже ходить, так как земля под ногами падала куда-то в преисподнюю, куда мы побоялись заглянуть, чтобы самим не провалиться. Вероятно, там оставалась пустота от исчезнувших комнат ... Я, вообще, не археолог, а любитель старины, и потому могу заключить, что, порывшись в развалинах Рея, можно бы много найти интересного.

Осмотрев эти развалины, мы из любопытства отправились на место, где гебры, т. е. огнепоклонники, хоронят своих единоверцев, а потому, кстати, скажу и об них самих немного, чтобы познакомить читателя с остатками огнепоклонников, что, в сущности, не безынтересно.

Гебры, т. е. огнепоклонники, – последователи Зароастрова учения уроженцы Персии. Гебров считают потомками древних жителей Персии. Они находятся и у нас в России около Баку, но главное их местопребывание – в Йезде (в Персии), которое они очень почитают, потому что у них там самый большой храм и живет их старшее духовное лицо. Я изучал немного гебров в Тегеране, где их около сотни человек и где у них тоже есть молельня, с вечным священным огнем. О их учении и религии трудно что-либо узнать; сами они объясняют неохотно; некоторые говорят, что это происходит из боязни насмешек или гонений на их учение; но мне кажется, что они сами все не сильны в своих верованиях, так как все их религиозные книги написаны на старинном зендском языке, а в этом наречии все гебры почти несведущи ... Вообще, это народ трудолюбивый, трезвый, сердобольный и честный. Празднуют они, как и мусульмане, «пятницы» и разные праздники в честь солнца и огня. Свои обряды при празднествах они совершают в храмах, куда посторонних не впускают. У них есть особенные лица, составляющие что-то вроде жрецов. Одного из них я хорошо знал в лицо: это был преумный старик, которого все уважали. Разъезжал он всюду одетый по-европейски и рассуждал обо всём очень умно; но лишь только вы заговорите об их учении, он замолкает и спешит удрать. Нет

сомнения, что такой хитрый, умный человек мог вертеть тёмными гебрами как ему угодно.

Некоторые обрядности гебров, как, например, похороны, – очень оригинальны. Они глубоко уважают своих покойников, но хоронят их не закапывая. Верстах в 6 к югу – левее от развалин Рея, куда мы и отправились, на склоне горы, вы можете увидеть белую башню, где гебры хоронят своих покойников ... Несомненно, что самое ядро огнепоклонников образовалось в Персии, что видно из названия одной части Персии, Азербиджан, что означает «Огненная земля», где и теперь можно видеть много развалин гебрских храмов. Верстах в трёх правее от развалин города Рея лежит селение Шах-Абдул-Азим со своим знаменитым персидским монастырём, получившим своё название от гробницы шиитского святого – Шах-Абдула, находящейся в нём же. В этом-то монастыре и был недавно, 19 мая 1896 года, злодейски убит гуманный, любимый множеством людей за свою простоту и доброту, шах Насреддин ... Говорят, что в этом монастыре или, вернее, в мечети, не был ни один христианин, в чем я позволяю себе сомневаться. В воротах, чрез которые протянута цепь, сидят два дервиша с чашками, куда и кидают деньги проходящие мимоходом. Мечеть большая и, можно сказать, богатая. Говорят, что купол её из чистого золота. Могила святого очень чтится персами, и потому на поклонение ей стремятся с невероятным фанатизмом. Монастырь Шах-Абдул-Азим замечателен ещё тем, что он служит бестом, т. е. местом убежища всех бродяг и преступников или в чём-нибудь провинившихся. Раз человек прошел чрез цепь в воротах монастыря, то его никто не может взять оттуда, ни полиция, ни сам шах, – могила святого служит ему защитой; будь это бедняк, сделавший преступление, или богатый хан, попавший в немилость шаха, – каждый из них до забвения гряды, т. е. гнева и кары, стремится в Шах-Абдул-Азим, и знает, что раз он за его оградой, никто его не тронет. Кормятся такие невольные заключённые подаянием богомольцев. Я сам знал ханов, которые там временно скрывались, пока за них ходатайствовали перед шахом, и затем опять безнаказанно возвращались в Тегеран, в свои семьи. Это место служит для паломничества по пятницам, джуме, празднуемых у персов так же, как у нас воскресенье.

Прежде, по пятницам утром, вы могли видеть массу караванов, тянувшихся по шоссе от Тегерана в Шах-Абдул-Азим. Шли караваны и на ишаках (ослах), и на лошадях, и даже на верблюдах. Все пространство в 11 верст кишело всадниками и пешими. Караваны эти приносили немалый доход сеидам, потомкам пророка (считающих себя отчасти святыми), которые держали и нанимали сами караваны для перевозки богомольцев. Теперь не то. В 1888 году была построена первая железная дорога в Персии, на протяжении одиннадцати верст от Тегерана до Шах-Абдул-Азима, и теперь богомольцы пользуются ею. Женщины, конечно, в отдельных закрытых занавесками от взоров мужчин вагонах. Сперва это не понравилось сеидам, и они нашли даже предлог сжечь целый поезд. Это было, кажется, в 1890 году, но поезда и до сих пор ходят, несмотря на их протесты. Я был при открытии дороги, на котором присутствовал и сам его шахское величество. Расскажу, как оно происходило.

В 1888 году, кажется, в сентябре, я ехал верхом по Тегерану, как вдруг увидел, что в золотой карете едет шах, окруженный конвоем. Я, конечно, остановился и отдал ему честь. Увидав меня, он поманил пальцем и через окно очень мило спросил по-фарсидски («фарси» – не простой персидский язык, а возвышенный, в него входит часть арабского и на нем говорят в Тегеране; персидский же язык есть азербеджанский, каким говорят в Тебризе): видал ли я уже их новую железную дорогу? Я ответил, что еще не видал, хотя, по правде сказать, я там был. Тогда он приказал мне ехать за его каретой на открытие. Скоро мы прибыли на окраину города, где выстроена, совсем по-европейски, одноэтажная каменная станция вновь открываемой железной дороги. Внутри она была украшена коврами, а снаружи флагами. Через нее шах вышел на платформу; сейчас же подошел локомотив, разукрашенный зеленью и флагами, с четырьмя вагонами, в которые шах и приказал сесть своей свите, сам же не решился, а остался на платформе. По его приказу поезд двинулся и, пройдя версты две, вернулся задним ходом. Тогда полицеймейстер граф М. и другие стали уверять шаха, что ехать вполне безопасно, и предлагали ему прокатиться. После короткого колебания, он сел в приготовленный ему вагон; я тоже уселся в поезде, но, к нашему удивлению, он полз со скоростью черепахи и мы доехали до Шах-Абдул-Азима, 11 вёрст, в полчаса. Говорят, что шах не позволял

ехать шибче; когда же мы ехали назад, то шах постоянно погонял машиниста, посылая несколько человек, и даже приказал полицеймейстеру быть около машиниста (должно быть, для безопасности), но 11 вёрст мы все-таки проехали в 22 минуты. Шибче, оказывалось, идти было опасно, шпалы не были хорошо уложены, грунт глиняный, а балласт из гравия настолько усердно навален, что колеса все время шли как будто не по рельсам, а по камням. Нужно сказать, что никто не думал, чтобы шах проехал все 11 вёрст, а потому станция в селении Шах-Абдул-Азим не была вовсе разукрашена для его приёма. Но он доехал до станции, вылез из вагона, затем через неё вышел на площадь селения и потребовал экипаж, чтобы его довели до святого места, находящегося в версте от станции; но, к несчастью, экипаж не был приготовлен, о чём ему и заявили. Тогда он приказал подать себе дроги из-под кирпича, которые он увидал у станции. Дроги живо были покрыты коврами и мутакой (круглой подушкой) и на них его шахское величество, окружённый пешею свитою, побывал на богомолье; мы же, европейцы, оставались на станции до его возвращения.

Описывая любопытные места в окрестностях столицы Персии, я должен сказать о загородных дворцах его шахского величества. О всех должно сказать одно – что все они запущены, содержатся неряшливо и нечисто. Начну с дворца «Таушан-Тепе» («Замок зайцев»). Это, кажется, один из любимейших шахом летних дворцов, куда он часто ездит. Этот дворец по отличному шоссе лежит верстах в шести от города, на Тегеранской равнине, на высокой отдельной горке. Вид оттуда на всю равнину и город бесподобный, сзади него сад, а дальше горы; в саду находится зверинец, в котором всегда можно видеть несколько львов, тигров и обезьян. Внутренность дворца ничего особенного не представляет, как и все персидские дворцы. Комнаты в них со стенами, размалёванными яркими красками и украшенными лепной работой и мелкими зеркалами. С этого дворца шах любит любоваться на манёвры своих победоносных войск.

К северо-западу, верстах в трёх с половиною от Тегерана, лежит «Эшрет-Абад», очень узкий в ширину дворец в четыре этажа, с вышкой, отличным садом и бассейном с фонтаном перед дворцом. Вокруг бассейна находятся маленькие домики, отдельные для каждой жены. Говорят, что его шахское величество иногда

развлекается, глядя с верхней террасы дворца, как его жемчужины гарема кувыркаются и охлаждают свои телеса в бассейне. На вышке террасы стоит большая подзорная труба и какая-то старинная астролябия. В этом дворце шах проводит один из летних месяцев. Дальше, по этому же направлению, в верстах 6—7 от города, лежит замечательно красиво расположенный дворец «Каср-е Каджар». Он находится на возвышенности, и его чудный сад спускается террасами, а с высшей террасы ко дворцу ведт широчайшая лестница из камня, ступеней в восемьдесят. План дворца представляет четырёхугольный двор с бассейном и фонтанами, окружённый с двух сторон маленькими одноэтажными комнатками – помещениями для жён, – а с двух противоположных сторон – двухэтажными постройками, в которых помещаются его величество шах и парадный зал. Постройки очень старые; комнатки для жён прямо беленые, ничем не отделанные. Сырость и разрушение коснулись уже всех построек дворца. Шах его не любит, по какому-то предрассудку, и никогда в нём не живёт.

Нужно к этому прибавить, что все эти дворцы, с садами, окружены высокими глиняными зубчатыми стенами с башнями. Лестницы во дворцах в верхнем этаже так круты, что надо удивляться, как его величество пользуется ими. В некоторых местах, как, например, во дворце «Эшрет-Абад», приходилось подниматься в верхний этаж просто на четвереньках. В каждом дворце вы найдете потускневшую всюду позолоту, зеркала и даже рояль (видел даже рояль с половиною струн), но мебели почти никакой.

ОЧЕРК XVI-й Обо всём, о чём не было сказано в предыдущих главах.

... Вот эти-то перечисленные инструкторы и составляли, со своими семьями, часть публики на балах и обедах в миссиях. При этом нужно сказать, что не только я, но и многие, одновременно бывшие со мною в Тегеране, вынесли самые хорошие впечатления о радушных приёмах во всех дипломатических миссиях. Днём или под вечер европейцы устраивали кавалькады или катанья в экипажах, пикники и даже разные спорты. Так, за моё время, бывали скачки на ишаках (ослах), а также бег наперегонку между чиновником-французом, немцем-

инструктором пешком и русским – на лошади. Богатые ханы также частенько приглашали нас на обеды и устраивали после обеда тамашу (род представления); но эти вечера у них хотя и были любопытны, но далеко не веселы. Во дворце балов не было, а лишь обеды, на которых заменял шаха его сын; сам же он с жёнами смотрел из окошечек, устроенных под потолком из особой комнаты, как едят европейцы, так, что его не видать, хотя если хорошенько взглядеться в эти окошечки, то можно заметить его в обществе жён; это, однако, считается неприличным и потому редко кто поднимает глаза от стола к потолку. На такой обед рассылаются сыном шаха Наиб ос-Солтане (он же военный министр) особые приглашения, с вензелем, на французском языке, гласящие, например, следующее (привожу подлинные слова): «A l'occasion de l'anniversaire de la naissance de Sa Majeste Imperiale de Schahinschah, son Altesse Impériale Monseigneur le Prince Naibus-Sultanèh, Emir Kebir, Ministre de la guerre, prie Monsieur (X) de lui faire le plaisir de venir diner chez Lui le lundi 12/24 Octobre 1887 á 71/1 heures. – En Uniforme R. S. V. P.». Как видите, совсем по-европейски и более чем любезно; но на этих обедах местничество держится так строго, что я знаю людей, которые до обеда посылали узнать у сына шаха, ниже кого они будут помещены и, если были недовольны, то прямо не являлись на званный обед, чем ставили сына шаха в неловкое положение, так как шах требовал от него, чтобы все приглашенные были за обедом. Обеды эти устраивались роскошно, масса блюд и вин. На таком обеде присутствовало до 200 человек; обыкновенно вместе с европейцами приглашались персидские министры и важные чины, до старшего евнуха-негра (генерала) включительно. Персы на этих обедах пьют только шербет и с завистью посматривают, как европейцам подливают вино. После таких обедов приглашённым показывается, обыкновенно из окон, прелестный фейерверк, на устройство которых персы большие мастера. Конечно, тосты всегда начинались со здравия шаха, и потом по старшинству, при чём говорились красноречивые речи.

В моё время в Персии выходили две газеты на персидском языке и даже одна на французском, «Eho de Perse»; в них, однако, могли прочитать только одни восхваления шаха и его мудрых правителей, да изредка телеграммы, но чего-нибудь

правдивого или умного – ничего. Между европейцами были также развиты игра в карты и персидское «нарде»; играют, от нечего делать, крупно и много ...

Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование) // СМА. 1896. Вып. 63. С. 350–353.

... Материальные условия жизни европейцев в Персии.

В заключении остаётся сказать несколько слов о материальных условиях жизни европейцев, обречённых в силу обстоятельств поселиться на продолжительное время в каком-либо из городов Персии.

Слово «обречённых» или «вынужденных» как нельзя более подходит к настоящему случаю, ибо пребывание в Персии справедливо может сравниться с изгнанием; случаев добровольного переселения (а тем более принятия мусульманства) почти нет, только в Кирмане пришлось видеть европейца (кажется австрийца), принявшего шиитизм и состоящего на службе шаха; это, если не ошибаюсь, один из членов семьи баронов Штаудах.

Гостиниц или постоялых дворов нет; в больших городах можно нанять в каком-либо каравансарае комнату, лишённую всякой мебелировки; всё нужное для домашнего обихода должно быть привезено с собою, а главным образом повара, кухонная посуда, слуги и постель. Иначе можно очутиться в очень незавидном положении.

Основанием к приведенному ниже описанию материальных условий и быта европейцев в Персии послужило моё знакомство с несколькими из них, проживающими в Йезде; здесь будет принято среднее семейство в 4–5 человек при средних денежных средствах.

Дома, выведенные из сырцового кирпича и глины, представляют в план сомкнутый квадрат с одним или двумя более или менее обширными внутренними дворами (хейят), снабжёнными бассейном; крыши плоские и смазываются толстым слоем глины, смешанной с рубленой соломой; каждый почти дом (редко

двухэтажный) снабжён подвальным этажом, где летом прохладно, а зимою теплее, нежели в остальных частях дома; под ним имеются погреба (зирг-земин, т. е. под землёю), служащие летом единственным убежищем от нестерпимого зноя; открытые (со стороны внутреннего двора) помещения называют айванг, ими пользуются днём как спальнями, ночью же спят на плоских крышах, огороженных с восточной стороны невысокою стенкой, защищающей от лучей восходящего солнца; в комнаты (утак) можно попасть только с внутреннего двора. В больших городах дома нанимают на срок до 3 лет и за дом в 7 – 8 комнат платят в год 80 – 120 тумановъ – 240 – 360 руб.; в дачных местах (яйлак) цены ещё ниже. Комнаты вышиною от 2 – 3 сажень и стены большею частью выбелены алебастром; пол устилается тростниковой или соломенной циновкой и коврами или паласами (гелим, пэляс); кухня находится в одном из углов дома и вообще строится так, чтобы жар плиты и запах не проникал во внутренний двор, служащий иногда гостиной; эту последнюю устраивают в доме с особым комфортом, тогда как остальные комнаты отличаются скромной, даже примитивной, мебелировкой, которая переходит из рук в руки по мере отъезда одних и приезда новых лиц; одна или две верховых лошади, а не то и экипаж составляет необходимую принадлежность (а не прихоть) в Персии, где нет извозчиков.

Пища европейцев обильная и вкусная; это необходимо для поддержания сил в организме, истощающемся упорными лихорадками и отсутствием аппетита; для возбуждения последнего блюда должно приправлять пряностями и разнообразить меню; в употреблении спиртных напитков соблюдается крайняя умеренность, – лёгкое красное вино со льдом или водою; здесь будет уместно дать несколько средних цен на продукты (Йезд).

1 мен = 87 ½ фунт.	баранины	45 – 60 к.
–	говядины	30 к.
–	печёного хлеба	8 ½ – 13 ½ к.
–	рису	27 – 33 – 43 к.
–	явского сахару	1 р. 30 к.
–	сахару	1 р. 45 к.

	рафинаду	
–	сахару песку	1 р. 15 к.
100 мен (21 п. 10 ф.)	дров	2 – 3 р.
–	ячменя	3 – 3 р. 20 к.
–	соломы	1 р. 40 к., 1 р. 80 к.
1 курица		14 – 23 к.
10 яиц		5 – 6 к.

Картофель очень редок, его привозят иногда из Шир-Куха. В Хорасане (сев.) цены примерно следующие:

1 халвар (22 п. 29 ф.)	пшеницы	28 – 30 кран
–	ячменя	16 – 20
–	соломы	7
100 пучков	клеверу	3 ½
1 халвар	дров	15
–	угля	50
1 мен (9,1 ф.)	баранины	17
–	масла (баранье)	6
–	сыру	3
–	кислого молоока	1
–	сушёного винограда	1
–	хлеба печёного	8 шай
–	муки	7
100	яиц	3 кран
1	баран	7
–	ягнёнок	4
–	курица	½ – ¾

–	цыплёнок	7 – 8 шай
---	----------	-----------

Итак, обильный и разнообразный стол, пряные приправы, умеренность в употреблении спиртных напитков, прогулка верхом и пешком (гимнастика, игра в мяч, крокет и проч.), вот средства поддержать и сохранить организм от губительных лихорадок и истощения, которые вызываются неблагоприятными климатическими условиями; особенно вредно влияет зной на северян.

Сон летом (дневной) почти не подкрепляет, а наоборот даже чаще расслабляет организм; ночью комары (москиты), вой шакалов и собак также мешает крепкому сну; от москитов защищаются кисейным пологом (пешебенд), но и это не

всегда успешно. Число прислуги в общем велико; так в доме наобходимыбходимы:

жалованья в один месяц			
1 повар	30 – 40	кран.	
1 дворецкий (гл. слуга)	30 – 40	„	
1 слуга для уборки	30 – 40	„	
1 „ „	сопровождения на улице	25 – 30	„
1 служанка (горничная) хозяйк. дома	30	„	
1 кучер	40 – 60	„	
1 конюх	20 – 30	„	
1 прачка	30	„	
1 водонос	10 – 15	„	
1 садовник	25 – 30	„	

Для людей одиноких весь этот штат можно сократить до 3 человек: 1 повар, 1 слуга и 1 конюх.

Все слуги состоят на своих харчах и не живут в доме, а уходят, по окончании работы, домой к своим семействам; для караула и услуг в доме остаётся ночевать лишь один, по-очереди; ко дню нового года (науруз) всем полагаются подарки, а кучеру ливрея; провизию закупает повар, а остальные необходимые в хозяйстве вещи, – главный слуга; с ними следует сводить счёты ежедневно, чтобы помешать злоупотреблениям вообще персы, при серьёзном и справедливом к ним отношении, хорошие, расторопные и усердные слуги, быстро перенимающие обычаи и порядки европейцев. Тяжёлые условия жизни, отдалённость цивилизованного мира, нездоровое влияние климата, отсутствие образованного общества делают почти невозможным долгое безвыездное пребывание в стране; поэтому следует принять как тахітум 3-хлетний срок, сменяя или увольняя должностных лиц на более продолжительные сроки. Знание языка есть одно из необходимейших условий пребывания европейцев в Персии; но должно сознаться, что даже многолетняя практика не даст возможности поддержать

какой-либо отвлечённый разговор или говорить бегло, если предварительно данное лицо не получило систематической, научной, теоретической подготовки.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ²⁵⁶³

1. аба – персидская верхняя одежда в виде плаща без рукавов, преимущественно из верблюжьей шерсти.
2. ага – глава рода, посёлка.
3. аджудан – адъютант.
4. аджудан-баши – начальник Главного штаба в Персии.
5. аламан – 1) набег туркменов с целью грабежа, захвата добычи и пленных; 2) разбойник.
6. аширет – 1) у арабов первоначально – кочевое племя, сохраняющее свою организацию; 2) у курдов (и у некоторых кочевых племён) – конфедерация племён во главе с беком или пашой.
7. анам – подарок.
8. арба – повозка.
9. архалук – верхняя распашная одежда, короткий мужской кафтан.
10. бадауи – «благородные» племена арабов у А.М. Колюбакина.
11. баккал – лавочник, торговец.
12. барат (берат) – свидетельство на получение жалования или провианта военными из доходов той или иной провинции.
13. батман – персидская мера веса.
14. баши – от тюркского «голова»; в данном случае обращение-приставка к военным чинам и званиям.
15. бест – право неприкосновенного убежища в мусульманских странах.
16. бониче – система набора войск в Персии, основанная на размерах вносимых селениями податей.
17. бурюме – шинель.
18. вали – генерал-губернатор.
19. валиахд (валиад, валияд) – наследник престола.

²⁵⁶³ Первым дан вариант написания, использованный нами в работе, в скобках указаны иные, встречающиеся в текстах российских авторов.

20. везири-лешкер – генерал-интендант.
21. векиль – унтер-офицер, вахмистр.
22. векиль од-доуле – личный титул, означавший «доверенный государства».
23. гулямы (голямы) – регулярная кавалерия в Персии, шахский конвой.
24. Дар-ол-Фонун (Дар-ел-Фонун, Дар-уль-Фонун) – военное училище в Персии.
25. десте (дэстэ, дасте) – рота в персидской армии.
26. джанбаз (джамбаз) – рядовой иррегулярной кавалерии.
27. джейзельчи (джезаерчи) – одно из названий иррегулярной пехоты в Персии.
28. джире – суточные.
29. замбурек (зембурек, вамбюрек) – вьючное орудие на верблюде.
30. Замбурекдже (Вамбурекдже, Вамбюрекдже) – армия на верблюдах.
31. игид – отважный молодой разбойник у туркмен.
32. ильхан (ильхани) – правитель племени.
33. иляты (илаты) – кочевые племена Персии.
34. кабиль – племя у курдов.
35. кади – духовное лицо в шиитских странах, выполняющее также судебные обязанности на основе толкований Корана и Сунны.
36. кази (кази-аскер) – то же, что и *кади*.
37. каля-беги – комендант.
38. кураул-хане – караульная вышка.
39. катер – мул.
40. кетхуд – сельский старшина.
41. кран (керан) – персидская серебряная монета
42. кулаз – туркменская лодка.
43. курур – денежная сумма Персии, в XIX в. он равнялся 500 000 туманов.
44. мадан-шауйе – название пастухов-арабов у А.М. Колубакина.
45. малиат – подушная и поземельная подати.

46. махзане – обмундировальный магазин.
47. мирза (мурза) – 1) титул члена правящей династии (если стоит в конце имени) (напр., Аббас-мирза); 2) писарь, чиновник, секретарь (в российской традиции; без собственного имени) (напр., мирза); 3) господин (Мирза Хусейн-хан).
48. мирза-машреф – квартирмейстер в персидской армии.
49. муин-низам – помощник начальника Военного министерства.
50. навруз (ноуруз) – праздник нового года у мусульман, отмечается в день весеннего равноденствия, 21 или 22 марта (в зависимости от страны), или 9 марта по юлианскому календарю (эта дата встречается у некоторых российских наблюдателей).
51. наиб-аввель – звание в персидской армии, соответствовавшее поручику.
52. наиб-дуом (наиб-дуим) – звание в персидской армии, соответствовавшее подпоручику.
53. низам – регулярная армия.
54. нукер – слуга.
55. пиадех-низам – регулярная пехота.
56. пишкеш – подарок, подношение, взятка.
57. редиф – иррегулярная армия.
58. садр-азам (садразам) – великий везирь, первый министр в Персии.
59. салман – резаная солома.
60. салям – торжественный приём у шаха.
61. сарбаз – рядовой регулярной пехоты в Персии.
62. сардар (сердар, сердарь) – титул главнокомандующего, а также высших офицеров, знати и глав племён; в разных вариантах давался шахом. В тюркских странах термин употреблялся также в значении наместника или главноуправляющего краем.

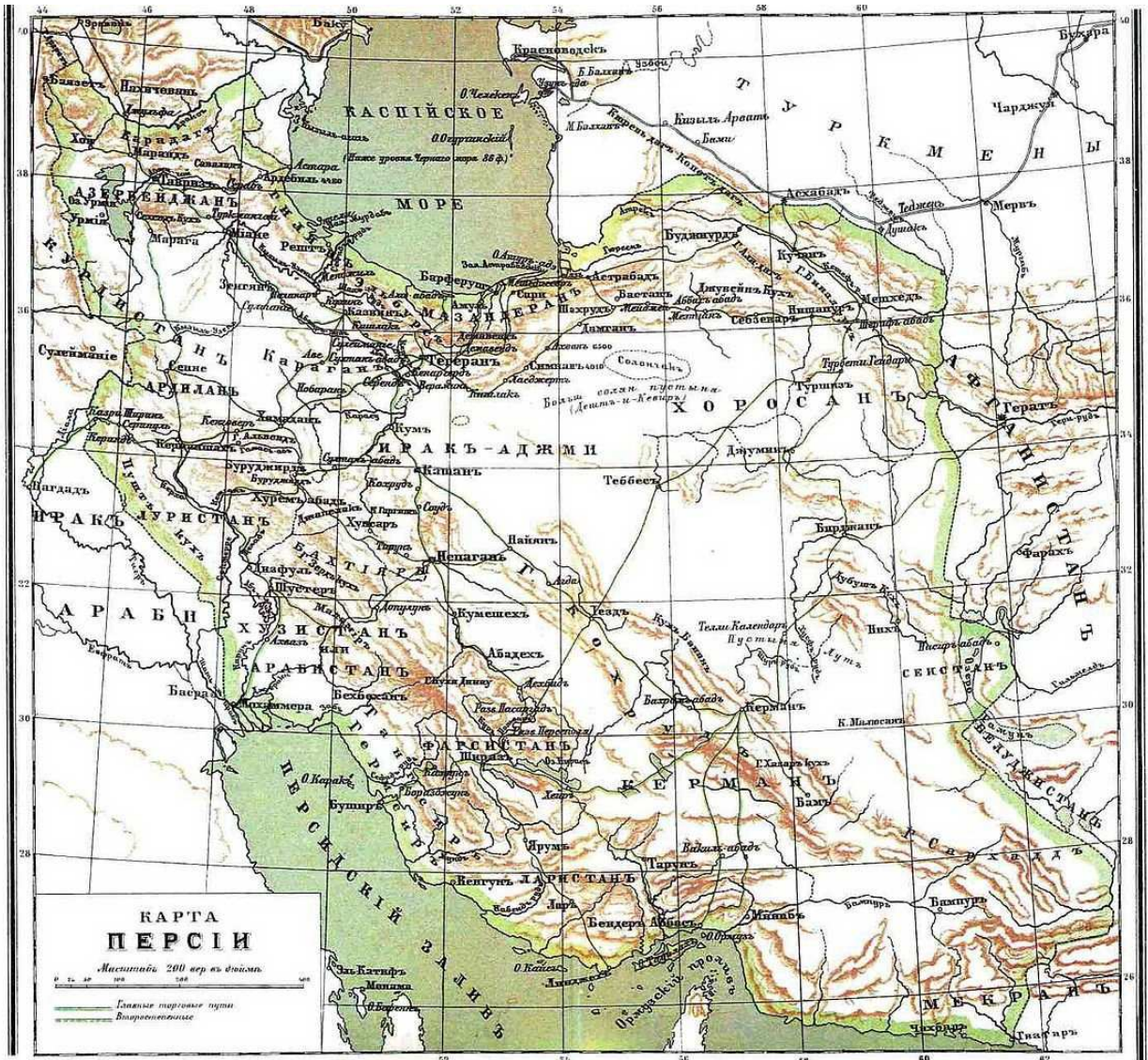
63. сардар-акрем – в переводе – «милостивейший»; титул, что давался старшему сардару, который командовал 10 самыми надёжными азербайджанскими фоджами.
64. сардар-афхам – «величайший»; один из вариантов титула сардара.
65. сардар-е колль – один из вариантов титула сардара.
66. сардари – персидская национальная одежда.
67. сартип (сартиб, сартт, сертип) – звание в персидской армии, соответствовавшее генеральскому.
68. сартип-аввель – звание в персидской армии, соответствовавшее генерал-лейтенанту.
69. сартип-дуюм (сартип-дуим) – звание в персидской армии, соответствовавшее генерал-майору.
70. сартип-сеюм (сартип-суннем) – звание в персидской армии, соответствовавшее бригадному генералу.
71. сарханг (серханг, серхенг, саренг) – звание в персидской армии, соответствовавшее полковнику.
72. севарех-низам – регулярная кавалерия.
73. севарех-редиф – иррегулярная кавалерия.
74. секев – наименование почётного ненаследственного титула, который шах жаловал лично тому или иному должностному или военному лицу.
75. серджоук – фейерверкер.
76. сипхесалар – главнокомандующий регулярными и иррегулярными силами в Персии.
77. султан – звание в персидской армии, соответствовавшее капитану.
78. тахвильдар – казначей.
79. тимсаль – портрет шаха, усыпанный бриллиантами.
80. топчи (тупчи) – 1) артиллерия; 2) рядовой артиллерист.
81. туман (томан) – персидская золотая или серебряная денежная единица.
82. тумани (туман, томан) – персидский аналог дивизии.

83. туфенгджи (тофангчи, туфенкджи, тафенгчи) – одно из названий иррегулярной пехоты в Персии.
84. фарраш – стражник.
85. фарраш-баши – начальник стражников.
86. феллах – арабский земледелец.
87. фоудж (фаудж) – подразделение персидской армии, называемое в разных источниках батальоном или полком; насчитывал примерно 1 000 человек в пехоте и 250 в артиллерии, хотя это не всегда соблюдалось.
88. хазаней-низам – военное казначейство.
89. хаким – губернатор.
90. хан – правитель племени, глава рода.
91. чарвардар – погонщик.
92. чурек – хлеб.
93. шах – сокращённое от «шаханшах».
94. шаханшах (шахиншах) – титул персидского монарха.
95. шахи (шаги) – самая мелкая персидская монета.
96. шейх – в данном случае, вождь арабского племени.
97. эльджар – одно из названий иррегулярной пехоты в Персии.
98. эмир-низам (амир-низам) – должность начальника регулярной пехоты.
99. эмир-пендж (мирпендж) – должность начальника бригады, реже – фоуджа.
100. эмир-тумани (амир-туман, эмир-туман, эмир-томан, эмир-томани) – должность начальника дивизии-тумани.
101. эмир-топхане (эмир-тупханэ, амир-топхане) – должность начальника артиллерии.
102. явер – звание в персидской армии, соответствовавшее майору.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Карта Ирана конца XIX – начала XX вв.

Карта Ирана конца XIX – начала XX вв.

Насреддин-шах

Насреддин-шах и Камран-мирза

Насреддин-шах

Мозаффарэдин-мирза

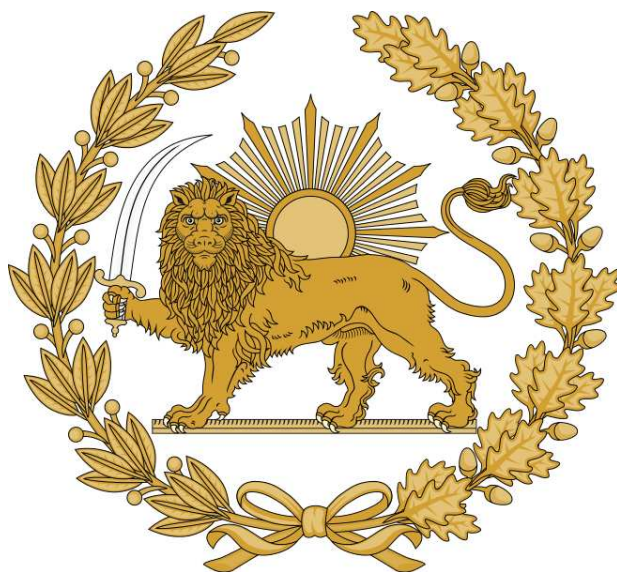
Масуд-мирза Зелл ос-Солтане

Камран-мирза Наиб ос-Солтане

Али Асгар-хан

Герб Каджарского Ирана и корона шахов Ирана

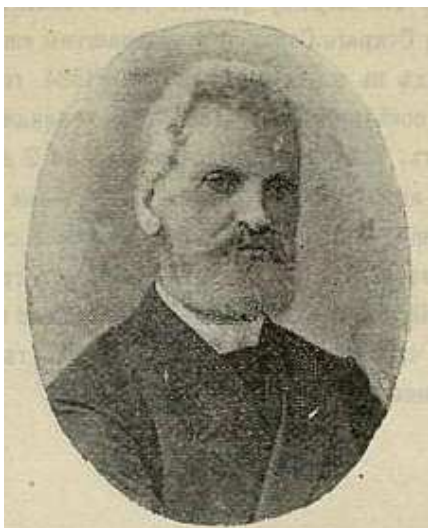
Орден Льва и Солнца

Н.К. Гурс

И.А. Зиновьев

А.А. Мельников

Е.К. Бюцов

Н.С. Долгоруков

А.Н. Шнейер

Великий князь Михаил Николаевич

А.Н. Куропаткин

П.С. Ванновский

Ф.А. Фельдман

С.М. Духовской

П.Т. Перлик

П.П. Павлов

Д.И. Святополк-Мирский

В.Н. Троцкий

А.М. Колубакин

Д.Н. Кёрзон

Л.К. Артамонов

Офицеры Персидской Казачьей Е. В. III бригады. В первом ряду (*слева направо*): второй — поручик Гвардейской конной артиллерии Блюмер, далее есаул Маковкин, полковник Кузьмин-Караваев, есаул Меняев, русские урядники и персидские штабные чины. 1887 г. КГИАМЗ. Имена офицеров в порядке, показанном на фотографии, установлены П.Н. Стреляновым (Калабуховым)

В Персидской Казачьей Е. В. III бригаде. *Слева направо*: телеграфист, поручик Блюмер, есаул Ассиер (стоит), есаул Маковкин, русский дипломат. Надпись на фотографии «Прощальная». Тегеран, 1890 г. КГИАМЗ. Имена офицеров в порядке, показанном на снимке, установлены П.Н. Стреляновым (Калабуховым)

Группа офицеров «Персидской казачьей Его Величества шаха бригады». Персия. 1890 г. В центре второго и третьего рядов – русские офицеры-инструкторы. Во втором ряду третий слева – есаул Ассиер, четвертый – есаул Маковкин; в третьем ряду второй слева – поручик Блюмер. Персидские казаки имели форму обмундирования и оружие по образцу кубанских казаков

Е.А. Маковкин (фото 1910–1912 гг.)

Н.Я. Шнеур

В.К. Бельгард

*Полковник В.К.Бельгард (стоит в центре) с делегацией Персии на коронации
Николая II. Москва, май 1896 г.*

В.А. Косоговский

Н.А. Орановский

ПКБ на учениях ²⁵⁶⁴

²⁵⁶⁴ Пехотинцы появились в ПКБ с 1899 г., но их форма оставалась такой же, как и у кавалеристов.

ПКБ на учениях

Персидские офицеры 1-го Казачьего Его Величества Шаха полка. 1890 г.
КГИАМЗ

Офицеры гвардейского эскадрона ПКВ

Музыкантский хор ПКБ

افسر بریگاد قزاق - دوران قاجاریه
Officier de la brigade des Cosaques. Epoque Kadjar
Officer of the Cossack Brigade, Qajar period

قزاق - دوران قاجاریه
Cosaque. Epoque Kadjar
Cossack soldier, Qajar period

قزاق - دوران قاجاریه
Cosaque. Epoque Kadjar
Cossack soldier, Qajar period

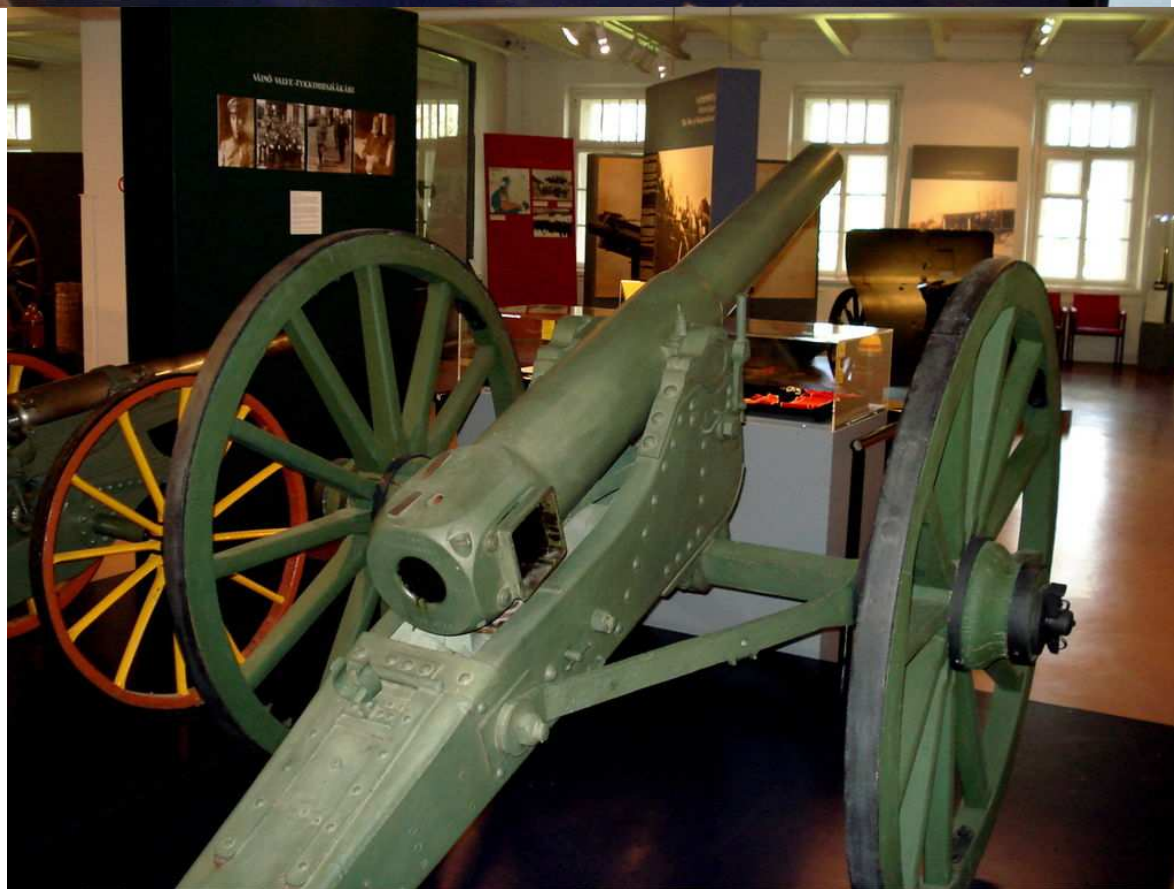

درفشدار قزاق - دوران قاجاریه
Cosaque, porte-drapeau. Epoque Kadjar
Cossack standard-bearer, Qajar period

Типы персидских «казаков» начала XX в.

Вооружение персидских «казаков»: винтовка, кинжалы «бебут» и «кама», нагайка, засапозный стилет, шашка

87-мм лёгкая полевая пушка образца 1877 г., которыми была вооружена «казачья» батарея